

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ САГА
О ЖЕСТОКОМ И ПРЕКРАСНОМ ДРЕВНЕМ МИРЕ

ДЖИНН М. АУЭЛ

Бестселлер высшего класса... Потрясающая работа воображения.

Daily Express

Простая, но захватывающая проза Ауэл дарит истинное удовольствие.

Sunday Mail

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

Annotation

Эта захватывающая сага о жестоком и прекрасном древнем мире принесла ее автору Джин Ауэл всемирную известность и стала одним из самых читаемых литературных произведений нашего времени. Книги, входящие в серию «Дети Земли», были изданы многомиллионными тиражами во многих странах мира. Эйла и Джондалар держат путь через Европу. Они попадают в земли охотников за мамонтами, и Эйла наконец встречает столь долго разыскиваемых ею Других. Ее принимают в племя, ведь молодая женщина обладает неценимыми достоинствами: она прекрасная охотница и целительница, а также умеет добывать огонь при помощи чудесных камней. Эйла находит здесь друзей и оставляет в прошлом мучительные воспоминания о жизни в клане. Один из ее новых родичей, темнокожий Ранек, не скрывает, что Эйла очень нравится ему, и она не отвергает его ухаживания. Ревность, вспыхнувшая в Джондаларе, пугает Эйлу. Не знакомая с обычаями Других, она приходит в смятение, ей кажется, что Джондалар разлюбил ее. А впереди их ждет долгая зима, в течение которой Эйла должна разобраться в своих чувствах и сделать выбор.

- [Джин М. Ауэл](#)
  -
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)

Джин М. Ауэл

Охотники на мамонтов

Посвящается Маршаллу, которым можно гордиться, Беверли, моей помощнице, а также Кристоферу, Брайану и Мелиссе с любовью

Jean M. Auel THE MAMMOTH HUNTERS
Copyright ©1985 by Jean M. Auel All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

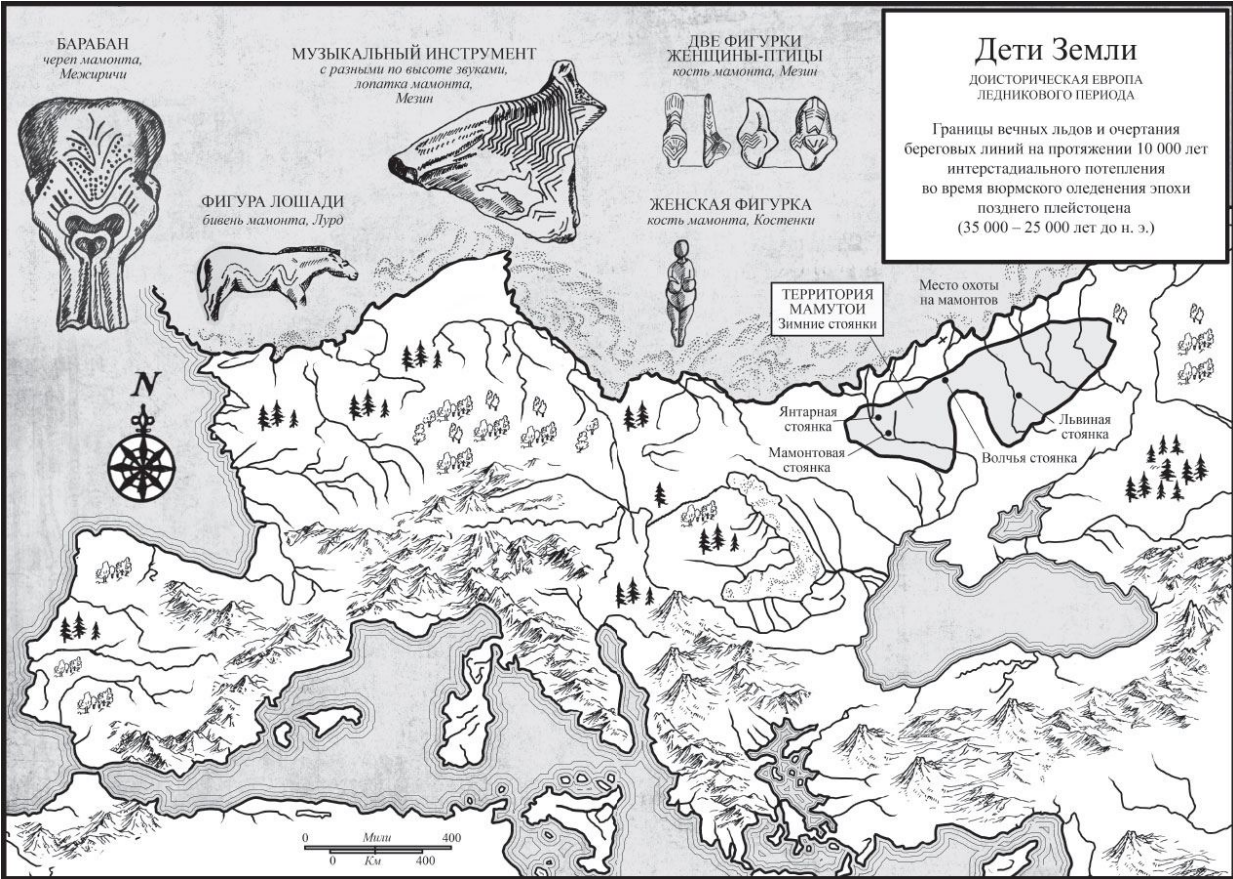
© М. Ю. Юркан, перевод, 1999

© В. И. Шубинский, перевод, 1999

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дети Земли
ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРОПА
ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Границы вечных льдов и очертания
береговых линий на протяжении 10 000 лет
интерстадиального потепления
во время вюрмского оледенения эпохи
позднего плейстоцена
(35 000 – 25 000 лет до н. э.)

Глава 1

Незнакомцы подходили все ближе, и Эйла, задрожав от страха, прижалась к высокому мужчине, стоявшему рядом. Джондалар покровительственно обнял ее, но страх молодой женщины ничуть не уменьшился.

«Какой же он здоровенный!» – подумала Эйла, изумленно глядя на возглавлявшего небольшой отряд мужчину с огненной шевелюрой и бородой. Эйла впервые видела такого высокого человека. По сравнению с ним даже обнимавший ее за плечи Джондалар казался маленьким, хотя он превосходил ростом многих людей. Рыжеволосый был не только самым высоким, он был огромным, как медведь. Его голова покоилась на могучей шее, объема грудной клетки с лихвой хватило бы на двух нормальных мужчин, а крепкие бицепсы могли сравниться по величине с мужским бедром.

Мельком взглянув на Джондалара, Эйла не заметила на его лице даже тени страха, разве что улыбка была несколько напряженной. Эти люди принадлежали к неизвестному племени, а за годы странствий он приучился настороженно относиться к незнакомцам.

– Не припомню, чтобы видел вас прежде, – без всяких предисловий заявил рыжебородый здоровяк. – С какой вы стоянки?

«Он говорит на языке мамутои», – сообразила Эйла, поскольку Джондалар научил ее не только своему родному языку.

– Наш дом далеко отсюда, – сказал Джондалар. – Мы не мамутои. – Он оставил Эйлу и, сделав шаг навстречу незнакомцу, протянул вперед обе руки ладонями вверх – этот традиционный жест дружелюбного приветствия одновременно показывал, что он не прячет никакого оружия. – Я – Джондалар из племени зеландонии.

Рыжебородый не спешил ответить на приветствие.

– Из племени зеландонии? Я не знаю... Постой-ка, однажды мне рассказывали о двух путешественниках, которые жили в западных краях, у речных людей. Похоже, я все-таки слышал о твоём племени.

– Да, мы с братом останавливались у них, – признал Джондалар.

Постояв немного в задумчивости, огненнородый вдруг стремительно шагнул вперед и обхватил высокого светловолосого

мужчину кольцом своих могучих рук; Джондалару показалось, что от этих медвежьих объятий у него сейчас хрустнут кости.

– Так, выходит, мы с тобой родственники! – продолжал мужчина густым басом, и лицо его осветилось широкой улыбкой. – Ведь Толи – дочь моей двоюродной сестры!

Слегка потрясенный Джондалар улыбнулся в ответ:

– Толи?! Женщина из племени мамутой по имени Толи была родственницей моего брата! Она научила меня вашему языку.

– Вот именно! Я же сказал, что мы родственники, – повторил здоровяк и, вспомнив, что поначалу отверг дружеское приветствие Джондалара, крепко сжал его руки, завершая ритуал знакомства. – Я – Талут, вождь Львиной стоянки.

«Все они умеют улыбаться», – заметила Эйла, ненавязчиво поглядывая на незнакомцев. Талут приветливо улыбнулся ей и, окинув молодую женщину оценивающим взглядом, явно одобряющим выбор Джондалара, сказал:

– А где же твой брат? Я вижу, что для этого путешествия ты выбрал себе новую спутницу.

Хотя Джондалар вновь обнял Эйлу за плечи, от ее внимательного взгляда не ускользнуло выражение боли, тенью промелькнувшее по его лицу.

– Ее зовут Эйла, – отогнав печальные мысли, ответил Джондалар.

– Какое странное имя. Она что, из речных людей?

Грубоватая прямота его вопроса в первый момент смутила Джондалара, но вдруг в его памяти всплыл образ Толи, и он улыбнулся при этом воспоминании. Та маленькая, коренастая женщина внешне мало походила на здоровенного бородача, стоявшего сейчас перед ним на берегу реки, и тем не менее они были похожи, как два отщепа, сколотые с одного кремня. Оба отличались открытым, общительным нравом, обоим было трудно смутить, и их прямота порой граничила с наивностью. Джондалар помедлил, не зная, как лучше ответить, а Эйла не собиралась облегчать ему эту задачу.

– Нет, она жила в долине, в нескольких днях пути отсюда, – наконец сказал он.

Талут с недоумением поднял брови:

– Я не слышал, чтобы в наших краях упоминали ее имя. Вы уверены, что она из племени мамутой?

– Нет, скорее, наоборот.

– Тогда из какого же она племени? В этих местах живем только мы, охотники на мамонтов.

– Мне неизвестно, из какого я племени, – вскинув голову, сказала Эйла с оттенком вызова.

Талут посмотрел на нее проницательным, испытующим взглядом. Женщина произнесла эти слова на его языке, но ее голос и издаваемые ею гортанные звуки были очень странными. Не неприятными, а скорее непривычными. Джондалар тоже говорил с акцентом, обусловленным особенностями его родного языка; но ее необычный говор включал в себя нечто большее, чем акцент. Интерес Талута к этой женщине заметно усилился.

– Что ж, все понятно, однако это не лучшее место для беседы, – подвел итог Талут. – Неззи обрушит на мою голову гнев Великой Матери, если я не приглашу вас к нашему очагу. Гости вносят приятное разнообразие в нашу жизнь, а к нам давненько никто не заглядывал. Львиная стоянка будет рада принять вас, Джондалар из зеландонии и Эйла из Неведомого племени. Так как же, вы принимаете мое приглашение?

– Что скажешь, Эйла? Ты не против погостить у них? – спросил Джондалар, перейдя на язык зеландонии, чтобы она могла ответить искренне, не боясь обидеть Талута отказом. – Не пора ли тебе поближе познакомиться с людьми? Вспомни, разве не об этом говорила тебе Иза? Ведь тебе нужно отыскать людей своего племени. – Ему не хотелось показаться слишком нетерпеливым, но он очень обрадовался приглашению Талута, поскольку за все лето не беседовал ни с кем, кроме Эйлы.

– Я не знаю, – нерешительно сказала она, хмуря брови. – Как они отнесутся ко мне? Он хотел узнать, из какого я племени. Но что я могу ответить? Ведь я и правда не знаю, кто я и откуда. Вдруг я им не понравлюсь?

– Ты понравишься им, Эйла, поверь мне. Я убежден, что все будет в порядке. Талут же пригласил тебя, разве ты не поняла? То есть ему не важно, что ты не помнишь своего племени. И, кроме того, нельзя упускать такой шанс. Как иначе ты сможешь узнать, примут ли они тебя?.. Понравишься ты им или нет? В сущности, ты ничем не отличаешься от этих людей и вполне могла бы родиться и вырасти в

этом племени. К тому же не обязательно задерживаться у них надолго. Мы сможем уйти в любое время.

– Мы сможем уйти в любое время? – задумчиво переспросила она.

– Конечно.

Опустив глаза в землю, Эйла старалась привести в порядок свои мысли и чувства. Ей хотелось принять приглашение; она испытывала симпатию к этим людям и с радостью познакомилась бы с ними поближе. Но в то же время она чувствовала страх, и этот страх, свернувшийся в тугой узел где-то внизу живота, терзал и мучил ее. Подняв голову, молодая женщина взглянула в сторону двух лохматых степных лошадей, пощипывающих сочную траву на речном лугу, и ее страх стал еще сильнее.

– А как же быть с Уинни?! Что будет с ней? Они могут обидеть или даже убить ее! Я не могу позволить этого.

Джондалар совершенно забыл о лошадях. «Что эти люди могут сделать с нашими животными?» – подумал он.

– Я не знаю, Эйла, как мамутой отнесутся к Уинни. Но думаю, что они не убьют ее, если мы объясним, что это особое животное, не предназначенное для еды. – Джондалар вспомнил, какое удивление и чувство благоговейного страха он испытал, впервые увидев власть Эйлы над этой лошастью. Интересно будет посмотреть на реакцию мамутой. – У меня появилась идея...

Талут не понимал, о чем разговаривают его новые знакомые, но видел, что женщина чего-то боится, а мужчина пытается уговорить ее. Он также заметил, что и на другом языке Эйла говорит с тем же необычным акцентом. «Этот язык для нее тоже чужой, – решил вождь, – наверняка они беседуют на родном языке Джондалара».

Он с явным удовольствием размышлял об этой загадочной женщине – его интересовало все новое и необычное; таинственное и необъяснимое всегда привлекало его. Но пока Талут не догадывался, сколь сложную загадку представляет собой его новая знакомая... Эйла вдруг громко и пронзительно свистнула. И, точно повинувшись этому свисту, к ней прискакали золотистая кобыла и жеребенок на редкость темной, почти гнедой масти. Животные спокойно стояли среди людей и позволяли Эйле гладить их! Рыжеволосый вождь подавил благоговейный трепет. Такого чуда он еще в жизни не видывал.

«Может, она наделена особыми сверхъестественными силами, как наш Мамут?» – с нарастающим волнением и страхом подумал рыжебородый. Обычно только избранным, только служителям Великой Матери были открыты магические знания, с помощью которых они узнавали, где скрываются животные, и направляли охотников. Но он никогда не видел, чтобы кто-то из них имел такую власть над животными. Лошади послушно явились на ее зов. Значит, она обладает поистине уникальным даром. Конечно, в этом есть нечто пугающее... Однако, подумать только, какую выгоду может принести племени такой дар. Ведь гораздо проще убить послушное животное!

Едва успев оправиться от первого потрясения, Талут вновь был повергнут в трепет. Ухватившись за жесткую золотистую гриву, молодая женщина взлетела на лошадиную спину. Открыв рот от изумления, рыжебородый великан с ужасом смотрел, как Эйла, сидя на лошади, стремительно скачет вдоль берега реки. Соплеменники в полной мере разделяли изумление и страх Талута, но особенно явно это сквозило в округлившись глазах двенадцатилетней девочки. Она робко подошла к вождю и прижалась к нему, ища поддержки.

– Талут, почему лошади слушаются ее? – спросила девочка тихим голосом, в котором помимо удивления и страха слышались нотки восхищения. – Этот маленький жеребенок, он был так близко... Мне тоже захотелось погладить его.

Выражение лица Талута несколько смягчилось.

– Не спеши, Лэти. У тебя будет возможность спросить об этом у Эйлы. Или, может быть, мы узнаем об этом прямо сейчас, – сказал он, вопросительно взглянув на Джондалара.

– Я не уверен, что смогу хорошо объяснить вам это чудо, – ответил он. – Эйла умеет общаться с животными. Она взяла Уинни в свою пещеру, когда та была маленьким жеребенком, и сама вырастила и выкормила ее.

– Уинни?

– Да, примерно так звучит имя, которое она дала кобыле. Оно напоминает конское ржание, и сама Эйла произносит его так, что можно подумать, будто это действительно лошадиное ржание. А жеребенка зовут Удалец. Я сам придумал ему имя по ее просьбе. Так мы, зеландонии, называем тех, кто быстро бегают и одерживают победу

в состязаниях. Впервые я увидел Эйлу в тот момент, когда она помогала появиться на свет этому жеребенку.

– Должно быть, зрелище было потрясающим. Вот уж не предполагал, что кобыла может подпустить к себе кого-то в такой момент, – заметил один из стоявших рядом с Талутом мужчин.

Демонстрация верховой езды возымела желаемый эффект, и Джондалар решил, что настал подходящий момент, для того чтобы высказать опасения Эйлы.

– Мне кажется, Талут, что Эйла с радостью приняла бы твое приглашение, если бы не опасалась за своих питомцев. Ведь вы привыкли охотиться на лошадей, и поскольку Уинни и Удалец не боятся людей, то их можно легко убить.

– Да, правда. Ты словно проник в мои мысли, но это же вполне естественно!

Талут наблюдал за Эйлой, появившейся из-за холма: казалось, навстречу ему скачет некое диковинное создание – получеловек-полулошадь. И он порадовался тому, что не встречал ее на лошади прежде, до их непосредственного знакомства. Такое чудовище могло лишиться мужества кого угодно. Талут вдруг подумал о том, какие ощущения может испытывать человек, сидящий на спине лошади. Очень возможно, что подобная поездка окажется не такой уж страшной. И затем он вдруг разразился громким смехом, мысленно представив себе, как сам усаживается на одну из довольно низкорослых, хотя и крепких степных лошадок.

– Пожалуй, мне легче будет скакать с лошадьёю на плечах, чем ей со мной! – воскликнул он.

Джондалар усмехнулся. Ход мыслей Талута был вполне понятен. На лицах мамутои заиграли улыбки, и Джондалар понял, что все они представили, как скачут на лошади. Ничего удивительного, ведь то же самое представилось и ему, когда он впервые увидел Эйлу, сидевшую на спине Уинни.

* * *

Эйла видела глубоко потрясенные лица мамутои, и если бы Джондалар не ждал ее возвращения, то она не колеблясь отправилась

бы напрямиком домой, в свою долину. Она вспомнила детские годы: сколько упреков и порицаний вызывали у окружающих ее поступки и действия. Но, прожив три года в одиночестве, она наконец почувствовала вкус свободы и не хотела, чтобы кто-то опять ругал ее только за то, что она следует наклонностям собственной натуры. Сейчас Эйла уже готова была сказать Джондалару, что если у него есть такое желание, то он может один погостить у этих людей; она же собирается ехать домой.

Однако, приблизившись к стоявшим на берегу людям, она увидела, что Талут все еще хохочет, воображая, как бедная лошадь сгибается под его тяжестью. И именно его смех побудил ее изменить принятое решение. Смех стал для нее драгоценным духовным приобретением. Когда она жила у людей клана, ей не разрешали даже улыбаться, а ее смешки вызывали у них страшное беспокойство и тревогу. Только оставаясь наедине с Дарком, она позволяла себе немного посмеяться. Потом Вэбхья и Уинни вновь научили ее радоваться жизни, с ними она жила свободно, не скрывая своих чувств. А Джондалар стал первым человеком, который открыто смеялся одновременно с ней.

Эйла невольно улыбнулась, видя, как заразительно смеется вместе с Талутом этот высокий красивый мужчина. Джондалар поднял голову и встретился с ней взглядом, его невероятно выразительные синие глаза, казалось, излучали магические лучи радости: проникнув в самую глубину ее существа, они разожгли там огонь, воспламенивший каждую клеточку ее тела; живительная, мощная волна любви захлестнула Эйлу, и она поняла, как сильно любит этого человека. Нет, она не сможет одна вернуться в свою долину. Даже сама мысль о том, что они могут расстаться, была настолько нестерпимой, что Эйла почувствовала, как к горлу подступил комок, и ей едва удалось сдержать жгучие слезы.

Возвращаясь со своей короткой верховой прогулки, она подумала, что Джондалар был почти одного роста с рыжебородым, хотя, конечно, не мог похвастать таким могучим телосложением, зато остальные трое мужчин из племени мамутои уступали ее другу. «Нет, один из них совсем мальчик, – поправила себя Эйла. – А за спиной Талута, похоже, прячется еще и девочка». Она поймала себя на том, что исподволь внимательно рассматривает и оценивает этих людей.

Привычным жестом молодая женщина приказала Уинни остановиться и, перекинув ногу через круп лошади, легко соскользнула

на землю. Талут направился в ее сторону, чем вызвал некоторое беспокойство животных, и Эйла, стоя между ними, успокаивающе погладила Уинни и обняла за шею пофыркивающего Удальца. Знакомое прикосновение успокоило лошадей, а их близость, в свою очередь, помогала Эйле обрести уверенность, и трудно сказать, кто из них троих сейчас больше нуждался в дружеской поддержке.

– Эйла из Неведомого племени, – начал Талут, не слишком уверенный в правильности своего обращения, хотя, впрочем, оно вполне могло подойти для женщины, наделенной таким необыкновенным даром, – Джондалар объяснил мне, что ты боишься, не обидят ли мои люди этих лошадей, пока вы будете нашими гостями. Я, Талут, говорю тебе, что никто не причинит вреда ни кобыле, ни ее приплоду. И будет так всегда, пока я, Талут, буду вождем Львиной стоянки. Я приглашаю тебя вместе с лошадьми погостить у нас. – Широкая улыбка осветила его лицо, и он, усмехнувшись, добавил: – Иначе никто не поверит нашему рассказу.

Слова вождя немного успокоили Эйлу, кроме того, она чувствовала, что Джондалару хочется принять приглашение. Никакой существенной причины для отказа у нее не было, к тому же ее сговорчивости в немалой степени способствовал дружелюбный смех этого огромного рыжеволосого бородача.

– Да, я согласна, – сказала Эйла.

Талут улыбнулся и удовлетворенно кивнул ей, в который раз удивляясь странности этой женщины, ее загадочному акценту, ее сверхъестественной власти над лошадьми. Кто же она, Эйла из Неведомого племени?

* * *

Переносная палатка Эйлы и Джондалара стояла на берегу стремительно бегущей реки, и сегодня утром, до встречи с обитателями Львиной стоянки, они хотели сложить ее и отправиться в обратный путь. Сейчас речной поток был слишком полноводным, чтобы они могли без трудностей переправиться через него. А поскольку вскоре им все равно предстояло повернуть назад и повторить весь пройденный путь, то такая переправа вообще имела мало смысла. Простирающаяся

на восток степная долина, в которой Эйла в одиночестве прожила целых три года, была вполне пригодна для жилья, и поскольку молодая женщина не слишком охотно покидала свою пещеру ради трудных и опасных походов в западные степи, то эти края оставались для нее практически неизведанными. И, отправляясь в нынешний поход, путешественники не имели определенной цели, сначала они направились на запад, потом на север и в итоге повернули к востоку, однако это было долгое странствие, не идущее ни в какое сравнение с кратковременными охотничьими вылазками Эйлы.

Джондалар убедил ее в необходимости такого пробного похода для приобретения опыта кочевой жизни. Ему хотелось вернуться домой вместе с Эйлой, но его племя жило очень далеко на западе. Однако перспектива жизни с незнакомыми людьми в незнакомом месте совсем не привлекала молодую женщину, она боялась покинуть свой маленький надежный мир. Джондалар путешествовал уже много лет, и, хотя ему не терпелось попасть в родные края, он смирился и решил провести зиму вместе с ней в этой восточной долине. Предстоящее путешествие будет очень долгим – вероятно, оно займет целый год, – и в любом случае лучше всего отправиться в дорогу поздней весной. К тому же он был уверен, что сможет уговорить свою подругу пойти вместе с ним, и даже думать не хотел ни о каких других вариантах.

Эйла нашла его, сильно покалеченного, почти полумертвого, в начале теплого сезона, последние дни которого уже заканчивались, и она знала, какое горе пришлось пережить Джондалару. Раны его заживали медленно, и, пока она ухаживала за ним, молодые люди успели полюбить друг друга, хотя их любовь преодолела множество препятствий, источником которых были существенные различия их прежних жизней и мировоззрений. И по сей день они еще продолжали взаимное познание, открывая друг в друге новые черты характера, особенности и привычки.

Эйла и Джондалар закончили разбирать палатку и, к немалому удивлению и интересу наблюдавших за ними людей, погрузили все свои припасы, пожитки и походное снаряжение на лошадь, хотя мамутой, конечно, ожидали, что их новые знакомые потащат тяжелые заплечные мешки и корзины на своем горбу. Уинни была выносливой и крепкой кобылой, так что порой Эйла и Джондалар ездили на ней вдвоем, но сейчас Эйла решила пойти пешком, чтобы животные видели

ее и не боялись присутствия чужих людей. Мамутои двигались впереди, Джондалар вел жеребенка, держа в руке веревку, привязанную к своеобразному подобию уздечки, которую он сам недавно придумал для Удальца, а Уинни послушно следовала за своей хозяйкой.

Вначале тропа шла вдоль реки по широкой долине, отлого поднимающейся к окрестным лугам. Богатые запасы будущего сена – высокие зрелые травы – клонили свои тяжелые семенные головки; сухой порывистый ветер, приносивший с обширных северных ледников массы морозного воздуха, вздымал золотистые волны этого степного моря. Деревья с трудом выживали в открытых степях, редкие рощицы искривленных шишковатых берез и сосен жались к речному руслу, где их корни находили живительную влагу, – только здесь они могли противостоятъ иссушающим ветрам. Речные берега прятались в зарослях все еще зеленых камышей и осоки, хотя сильные порывы ветра уже успели обломать их остроконечные листья.

Лэти всю дорогу шла, чуть отстав от группы своих соплеменников, и то и дело оглядывалась на лошадей и загадочную женщину. Но когда путники достигли речной излучины, то девочка, увидев сородичей, побежала вперед: ей хотелось первой сообщить о прибытии гостей. Услышав ее крики, мамутои оторвались от своих дел и изумленно воззрились на приближающихся незнакомцев.

Вскоре к наблюдавшим присоединились и остальные обитатели стоянки. Эйла заметила, что они появляются из большой дыры, черневшей на склоне речного берега. «Вероятно, там находится пещера», – подумала она, хотя таких странных пещер ей еще не доводилось видеть. Входное отверстие было обращено в сторону реки, но возвышение над ним совсем не походило на прихотливо выветренные формы скалистых или земляных берегов. Холмистая поверхность этой необычной пещеры поросла травой, но очертания входа были слишком правильными; вряд ли этот строго симметричный свод мог быть творением самой природы.

Вдруг Эйлу точно осенило – понимание пришло на каком-то глубинном интуитивном уровне: это была не пещера, ведь эти люди не принадлежали к клану! Они не походили на Изу, которую она считала своей единственной матерью, поскольку ничего не помнила о том, как жила до пятилетнего возраста. Они не похожи и на Креба и Брана – низкорослых, крепких мужчин с большими, глубоко посаженными

глазами, затененными тяжелыми надбровными дугами; у всех членов клана были покатые, скошенные назад лбы, срезанные подбородки и сильно выступающие вперед челюсти. А эти люди выглядели как она. Должно быть, они похожи на тех людей, у которых она родилась. И ее настоящая мать, вероятно, похожа на одну из этих женщин. Значит, судьба наконец привела ее к Другим! И они живут здесь, в этом удивительном жилище! Осознав важность происходящего, Эйла сквозь сильнейшее волнение почувствовала укол страха.

Оглушительная тишина встретила двух странных чужеземцев и их не менее странных лошадей, когда они приблизились к постоянному зимнему жилищу племени мамутой – Львиной стоянке. Но через мгновение начался настоящий галдеж, казалось, все мамутой вдруг заговорили разом:

– Талут! Кого ты привел на этот раз? Где ты раздобыл таких лошадей? Что ты собираешься делать с ними?.. Откуда они, Талут?..

Кто-то спросил у Эйлы:

– Почему они не убегают?..

Говорливые, общительные мамутой тесной толпой обступили вновь прибывших; всем хотелось получше разглядеть их, а стоявшим в первом ряду удалось даже потрогать странных чужаков и их лошадей. Эйла была потрясена и смущена. Она не привыкла к такому множеству людей, говорящих одновременно. Она вообще еще не привыкла к говорящим людям. Уинни, двигаясь бочком, пыталась отогнать самых любопытных и защитить своего испуганного жеребенка. Она выгибала шею, вскидывала голову и нервно поводила ушами.

Джондалар видел смущение Эйлы и взбудораженное состояние лошадей, но не знал, как объяснить Талуту и его людям, что гостям пока лучше побыть одним. Покрывшись испариной, золотистая кобыла приплясывала в тесном кругу, взмахивая длинным хвостом. Наконец она не выдержала и взвилась на дыбы. Молотя копытами воздух, Уинни громко и испуганно заржала, заставляя людей отступить на почтительное расстояние.

Отчаянная тревога Уинни привлекла внимание Эйлы и помогла ей прийти в себя. Она произнесла имя лошади, напомиравшее по звучанию успокаивающее ржание, и добавила к этому соответствующий жест, который использовала еще до того, как Джондалар научил ее говорить.

– Талут, – решил наконец Джондалар, – никто не должен трогать этих лошадей без разрешения Эйлы! Только она имеет власть над ними. У них добрый нрав, но кобыла может стать опасной, если ее вынудят к этому или если она почувствует, что ее детенышу что-то угрожает. Кто-нибудь может пострадать.

– Отойдите-ка подальше! Вы слышали его? – повелительно крикнул Талут, его рокочущий бас мгновенно утихомирил всех. Как только и люди, и животные успокоились, Талут продолжал уже более мирным тоном: – Эту женщину зовут Эйла. Я обещал ей, что никто не причинит вреда этим лошадям, пока она будет гостить у нас. Я обещал это как вождь Львиной стоянки. А этот мужчина – Джондалар из племени зеландонии – наш родственник, его брат стал мужем женщины из племени шарамудои, в котором живет теперь наша Толи. – Затем, самодовольно усмехнувшись, добавил: – Талут привел гостей!

Мамутои понимающе закивали, выражая одобрение. Они по-прежнему толпились вокруг, разглядывая гостей с нескрываемым любопытством, хотя и отступили чуть подальше, не желая попасть под удары лошадиных копыт. Даже если эти чужаки уйдут тотчас, они уже вызвали достаточно интереса, чтобы вспоминать о такой встрече долгие годы. На последнем Летнем сходе рассказывали о двух появившихся в этих местах чужаках, которые жили на юго-востоке, у речных людей. Мамутои и шарамудои издавна торговали друг с другом, но обитатели Львиной стоянки стали проявлять к этому племени гораздо больше интереса с тех пор, как Толи, их родственница, нашла себе мужа среди речных людей. Однако они даже не надеялись, что один из этих странников не только окажется среди них, но еще приведет с собой женщину, имеющую магическую власть над лошадьми.

– Все в порядке? – спросил Джондалар, обращаясь к Эйле.

– Они напугали Уинни, да и Удальца тоже. Неужели люди всегда говорят все разом, как сейчас? И почему они все так кричат? Как ты умудряешься определить, кто о чем спрашивает? Полная неразбериха! Может, нам лучше распрощаться с ними и отправиться в нашу долину? – Обняв лошадиную шею, Эйла прижалась к Уинни, успокаивая ее и в то же самое время восстанавливая собственное спокойствие.

Джондалар понимал, что Эйла была встревожена не меньше животных. Шумная людская толпа поразила ее до глубины души.

Возможно, им не следует задерживаться здесь надолго. Для начала лучше бы ограничиться общением с двумя-тремя людьми, ведь Эйле надо заново привыкать к людям такого вида, поскольку она всю жизнь прожила среди плоскоголовых. Ему вдруг подумалось о том, что он будет делать, если она не сможет привыкнуть к ним. «Хорошо еще, что она приняла приглашение Талута. Нечего попусту беспокоиться, – решил Джондалар, – поживем – увидим».

– Да, люди иногда кричат и говорят все разом, но обычно говорит кто-то один. И я считаю, Эйла, что они теперь поняли, как надо вести себя с лошадьми, – сказал Джондалар, когда она начала распаковывать висевшие на боках лошади корзины, стянутые вместе широкими кожаными ремнями.

Пока она выгружала их пожитки, Джондалар отвел Талута в сторонку и тихо сказал ему, что лошади да и сама Эйла еще немного нервничают и им нужно время, чтобы привыкнуть к новой обстановке и новым людям.

– Возможно, будет лучше, если ваши сородичи пока оставят их в покое.

Талут все понял и, подойдя к обитателям стоянки, переговорил с каждым, объясняя некоторую сложность положения. Люди понемногу разбрелись, вернувшись к своим обычным делам – приготовлению еды, выделке шкур и обработке кремня, – хотя при этом все продолжали тайком наблюдать за нежданными гостями, которые, кстати, тоже нарушили их душевный покой. Новые люди всегда возбуждали интерес, однако от женщины, обладающей столь уникальным даром, можно было ожидать чего угодно.

Только горстка детей по-прежнему с откровенным любопытством следила за тем, как мужчина и женщина разгружают корзины, но их присутствие не смущало Эйлу. Она давно не видела детей, с тех пор как покинула клан, и поэтому поглядывала на них с неменьшей заинтересованностью. Она сняла с кобылы нехитрую упряжь, погладила и приласкала Уинни и подошла к Удальцу, чтобы почесать его лохматую гриву. Ласково обняв жеребенка, она взглянула на Лэти, которая следила за ней восторженными глазами.

– Ты хочешь погладить жеребенка? – спросила Эйла.

– А можно?

– Подойди ко мне. Дай руку. Я должна познакомить тебя с ним.

Она взяла руку Лэти и приложила ее к мохнатой шкуре жеребенка. Удалец повернул голову и, пофыркивая, обнюхал девочку.

Лэти одарила Эйлу счастливой, благодарной улыбкой:

– Я ему понравилась!

– Он любит, когда ему чешут вот здесь. Смотри, – сказала Эйла, показывая девочке особо чувствительные места, которые сама обычно почесывала, лаская животное.

Удалец был в восторге от такого внимания и не скрывал этого, и Лэти тоже была вне себя от радости. Жеребенок понравился ей с первого взгляда. Эйла отвернулась от этой счастливой парочки, чтобы помочь Джондалару, и не заметила приближения еще одного малыша. Когда она вновь поглядела в их сторону, то едва не задохнулась от неожиданности, кровь мгновенно отхлынула от ее лица.

– А можно Ридаг тоже погладит лошадку? – спросила Лэти. – Он не умеет говорить, но я знаю, что он очень хочет.

Ридаг всегда вызывал у людей изумление. Лэти привыкла к этому.

– Джондалар! – срывающимся шепотом воскликнула Эйла. – Этот ребенок... Он мог бы быть моим сыном! Он так похож на Дарка!

Джондалар повернул голову и изумленно вытаращил глаза. Перед ним стоял ребенок, в котором смешались два духа.

По общепринятому мнению, плоскоголовые – те, которых Эйла называла членами клана, – были животными, и подавляющее большинство людей относилось к подобным детям как к отвратительным уродцам – полуживотным-полулюдям. Он сам пережил большое потрясение, когда впервые услышал от Эйлы, что она родила сына смешанных духов. Мать такого ребенка обычно считали парией и изгоняли из племени, боясь, что она, став вместилищем злосчастного животного духа, распространит его на других женщин и у них тоже будут рождаться такие уродцы. Некоторые люди считали недопустимым уже само их существование, а то, что один из них живет среди людей, казалось совсем невероятным. Это было страшное потрясение. Откуда мог появиться у них этот мальчик?

Эйла и малыш внимательно разглядывали друг друга, забыв обо всем на свете. «Он слишком хилый для ребенка смешанных тотемов, – подумала Эйла. – Они обычно бывают ширококостными крепышами. Даже Дарк был не таким хрупким. Скорее всего, его худоба связана с какой-то болезнью... – У Эйлы, с детства приобщенной к тайнам

врачевания, был наметанный глаз. – Вероятно, у него врожденный недуг той мышцы, что пульсирует и бьется в груди, заставляя кровь бежать по жилам». Но эти предположения она сделала машинально; сейчас все ее мысли занимала внешность мальчика, она пристально разглядывала его лицо, голову, ища сходство и различие между ним и ее собственным сыном.

Как и у Дарка, у него были большие и смысленные карие глаза и совсем не детский взгляд, исполненный знания некой древней мудрости. Эйлу вдруг охватила такая жуткая тоска, что ей стало трудно дышать, – в его взгляде таилось столько боли и страданий, в большей степени душевных, чем физических, от которых ей удалось уберечь Дарка. Волна жалости захлестнула молодую женщину. Внимательно рассмотрев лицо мальчика, она решила, что он не особенно похож на ее сына. Уже в трехлетнем возрасте – когда она последний раз видела Дарка – у него были гораздо более ярко выражены надбровные дуги, типичные для клана, но его лоб был таким же высоким и выпуклым, как у этого ребенка и у нее самой. А одной из особенностей людей клана являлся как раз скошенный, резко отступающий назад лоб.

Углубившись в воспоминания, Эйла подумала, что ее шестилетний сын уже достаточно взрослый, и, вероятно, мужчины клана теперь берут его с собой на охотничьи тренировки, чтобы он привыкал держать в руках оружие. Но охотиться его будет учить Бран, а не Бруд. При мысли о Бруде, наследнике очага Брана, она вспыхнула от гнева. Разве можно забыть, с какой ненавистью и злобой относился к ней этот человек?! Он вынашивал свои злобные замыслы до тех пор, пока ему не удалось наконец отнять у нее ребенка и изгнать из пещеры. Эйла зажмурила глаза; острые как нож воспоминания всколыхнули незаживающую душевную рану. Ей не хотелось верить, что она больше никогда не увидит своего сына.

Открыв глаза, она посмотрела на Ридага и глубоко вздохнула.

«Интересно, сколько лет этому мальчику? Конечно, ростом он не вышел, но по возрасту, должно быть, близок к Дарку, – размышляла Эйла, вновь начиная сравнивать их. – Ридага явно не назовешь смуглым, и его темно-русые волосы – светлее и мягче, чем жесткие каштановые, типичные для людей клана. А вот подбородок и шея, – решила Эйла, – пожалуй, более всего отличают этого малыша от Дарка». У ее сына была такая же, как у нее, длинная шея – он даже

давился иногда, проглатывая пищу, чего никогда не случалось с другими детьми в пещере, и, кроме того, у него был срезанный, но четко очерченный подбородок. Да, сходство этого ребенка с людьми клана больше всего выражалось в короткой шее и резко выступающей вперед нижней челюсти. И к тому же, вспомнила Эйла, Лэти сказала, что он не умеет разговаривать.

Неожиданно ход ее мыслей резко изменил свое направление, она осознала, насколько трудна, должно быть, жизнь этого малыша. Одно дело, когда пятилетняя девочка, потерявшаяся во время землетрясения, попадает в среду людей, неспособных к четкой артикуляции речи, и они учат ее языку жестов, который сами используют для общения. И совсем другое дело – жить с говорящими людьми и не иметь дара речи. Ей вспомнилось, как в детстве она огорчалась из-за того, что не могла общаться с приютившими ее людьми. Но встреча с Джондаларом принесла ей куда большее огорчение, ведь им было ужасно трудно понимать друг друга, прежде чем она вновь научилась говорить. А что бы она делала, если бы не смогла научиться?

Эйла сделала мальчику знак, означавший простое приветствие, – один из первых жестов, который ей показали много лет назад. В глазах Ридага отразилось волнение, он потрянул головой и озадаченно посмотрел на молодую женщину. «Никто еще не разговаривал с ним на молчаливом языке клана, – поняла она, – но он должен обладать врожденной памятью, присущей всему клану». Мальчик мгновенно воспринял ее жест, Эйла не сомневалась в этом.

– Можно Ридаг погладит маленькую лошадку? – вновь спросила Лэти.

– Да, – ответила Эйла, беря его за руку.

«Какой же он хрупкий и болезненный», – подумала она и тут же осознала все последствия такого состояния. Мальчик не мог бегать, как другие дети. Не мог участвовать в обычных детских играх и потасовках. Ему оставалось лишь наблюдать за ними глазами, полными неутоленного желания.

Джондалар и не предполагал прежде, что лицо Эйлы может быть таким нежным и ласковым, как сейчас, когда она подняла мальчика и посадила его на спину Уинни. Привычным жестом молодая женщина направила животное вперед, и вся троица медленно обошла вокруг стоянки. Гул разговоров мгновенно утих, все люди, затаив дыхание,

смотрели на восседавшего на лошади Ридага. Конечно, мамутой, встретившие незнакомцев у реки, уже успели рассказать о верховой езде загадочной женщины, но остальные никогда еще не видели столь диковинного зрелища. Никто даже и представить себе не мог подобную картину.

На пороге странного земляного жилища появилась высокая крупная женщина; она увидела сидевшего на лошади Ридага, и первым ее побуждением было броситься ему на помощь. Ведь всего несколько минут назад эта норовистая кобыла вставала на дыбы, молотя копытами воздух. Но, подойдя поближе, она осознала безмолвную значительность этого события.

Лицо ребенка было исполнено изумления и восторга. Как часто, с тоской следя за играми своих сверстников, он молча сидел в отдалении, переживая из-за собственной слабости или из-за того, что он так не похож на них. Как часто ему хотелось сделать нечто такое, что вызвало бы восхищение или зависть окружающих. И вот наконец это случилось: он ехал на лошади, а все дети стоянки и все взрослые следили за ним восхищенными глазами.

Вышедшая из дома женщина обратила внимание, с какой любовью и пониманием Эйла смотрит на Ридага. «Как могла эта незнакомка так быстро понять внутреннюю боль мальчика? И почему она приняла его с такой легкостью?»

Эйла заметила изучающий взгляд женщины и улыбнулась ей.

– Ты подарила Ридагу огромную радость, – подойдя ближе, с улыбкой сказала женщина и обняла мальчика, которого Эйла только что сняла с лошади.

– Это было так просто, – ответила Эйла.

Женщина кивнула.

– Мое имя – Неззи, – сказала она.

– А меня зовут Эйла.

Обе женщины внимательно и изучающе смотрели друг на друга, в их взглядах не было враждебности; напротив, похоже, они прощупывали почву для будущей дружбы.

В голове Эйлы теснилась масса вопросов, касавшихся Ридага, но она не осмеливалась задать их, боясь показаться невежливой. Была ли Неззи матерью этого мальчика? И если так, то как вышло, что она дала жизнь ребенку смешанных духов? Эйла вновь задалась вопросом,

который не давал ей покоя с тех пор, как родился Дарк. Каким образом зарождается новая жизнь? Ясно было только одно: определенные изменения женского тела говорят о том, что в нем растет ребенок. Но как он попадает внутрь женщины?

Креб и Иза полагали, что зарождение новой жизни происходит тогда, когда женщина проглатывает дух тотема мужчины. Джондалар считает, что Великая Мать соединяет вместе дух мужчины и дух женщины, и когда Она помещает такой соединенный дух внутрь женского тела, то женщина становится беременной. Однако у Эйлы сложилось свое особое мнение. Заметив, что помимо сходства с ней самой ее ребенок обладает чертами, присущими клану, она поняла, что новая жизнь зародилась в ней только после того, как Бруд силой овладел ею.

Эйла содрогнулась от мучительных воспоминаний, но именно испытанные мучения и боль не давали ей забыть об этом, и постепенно она пришла к выводу, что, возможно, зарождение жизни происходит в тот момент, когда мужской орган проникает в сокровенное место женщины, откуда потом и появляется на свет ребенок. Джондалару ее мысли показались очень странными, и он постарался убедить ее, что только по воле Великой Матери может произойти сотворение новой жизни. И сейчас молодая женщина с удивлением поняла, что не разделяет его мнения. Эйла выросла среди людей клана, она стала одной из них, несмотря на то что резко выделялась своей внешностью. И хотя она испытывала отвращение, когда Бруд овладел ею, но понимала, что он просто воспользовался своим правом, а она была обязана подчиниться ему. Однако совсем непонятно, как мог мужчина клана овладеть Неззи против ее воли?

Размышления Эйлы были прерваны волнением, вызванным прибытием еще одной группы охотников. Шедший впереди мужчина откинул назад капюшон, и Эйла с Джондаларом изумленно ахнули. Мужчина казался почти черным! Его кожа была насыщенного темно-коричневого цвета. Он был, возможно, чуть светлее Удальца, чья темно-гнедая масть тоже редко встречалась у степных лошадей. Никогда еще они не видели человека с такой кожей.

Его голову покрывала курчавая шапка жестких черных волос, напоминавших мех муфлона. Глаза его тоже были черными, и в них зажглись насмешливые огоньки, когда он широко улыбнулся, обнажив

сверкающие белые зубы, за которыми виднелся розовый язык; такое контрастное сочетание темной кожи и белоснежных зубов было на редкость необычным. Он знал, какое сильное впечатление всегда производит на незнакомцев его внешность, и даже наслаждался их изумлением.

Во всех остальных отношениях этот человек совершенно не отличался от нормального мужчины среднего телосложения. Он был почти одного роста с Эйлой, может быть, на два пальца выше. Однако от него исходила какая-то удивительная жизненная сила, и благодаря некоторой сдержанности движений и легкой самоуверенности он производил впечатление человека, который точно знает, чего хочет, и не тратя попусту времени, добивается своего. При виде Эйлы огоньки в его глазах вспыхнули ярче.

Джондалар оценил живую, магнетическую силу этого взгляда и сердито нахмурил брови. Но светловолосая женщина и темнокожий мужчина ничего не замечали. Ее настолько поразил цвет темной мужской кожи, что она взирала на него с беззастенчивым любопытством и удивлением ребенка. А его привлекли как простодушие и невинность реакции Эйлы, так и ее красота.

Вдруг, точно очнувшись и осознав, что она в упор разглядывает незнакомца мужчину, Эйла густо покраснела и опустила глаза в землю. Джондалар, конечно, объяснял ей, что женщины и мужчины могут сколько угодно разглядывать друг друга и что это вполне естественно, однако у людей клана это считалось проявлением невоспитанности и даже оскорблением, особенно со стороны женщины. Креб и Иза хотели, чтобы клан полностью признал Эйлу, и поэтому они неумолимо заставляли ее следовать своим обычаям; именно полученное в клане воспитание и стало причиной ее замешательства.

Однако ее явное смущение только подогрело интерес темнокожего мужчины. Он привык быть объектом особого женского внимания. Первоначально удивленные его внешностью женщины с удвоенным любопытством стремились узнать, какие еще особенности скрыты от их взоров. Его порой забавляло, что во время Летних сходов едва ли не каждая женщина страстно желала лично убедиться в том, что его мужские достоинства были такими же, как у других мужчин. В сущности, он спокойно воспринимал все это, но реакция Эйлы была не менее удивительной для него, чем для нее – его цвет. Ему редко

случалось видеть, чтобы поразительно красивая взрослая женщина вдруг залилась румянцем, как смущенная юная девушка.

– Ранек, ты уже познакомился с нашими гостями? – крикнул Талут, направляясь в их сторону.

– Нет пока, но я жду этого момента... с нетерпением.

Услышав звук его голоса, Эйла подняла голову и окунулась в блестящую черноту его глаз, полных желанием и едва уловимой насмешки. Его взгляд словно раздевал ее и, проникая в сокровенные глубины ее сущности, касался тех мест, которые прежде были доступны лишь Джондалару. Ее тело откликнулось с неожиданным трепетом, большие серо-голубые глаза потемнели от возбуждения, и с губ сорвался слабый вздох. Чуть подавшись вперед, мужчина сделал традиционный приветливый жест, но не успел назвать своего имени, поскольку высокий незнакомый мужчина, явно пребывавший в дурном расположении духа, решительно встрял между ними.

– Я – Джондалар из племени зеландонии, – быстро сказал он, протягивая вперед руки, – а женщину, с которой я путешествую, зовут Эйла.

«Что-то сильно расстроило Джондалара, – безошибочно поняла Эйла, – похоже, ему чем-то не понравился этот темнокожий мужчина». Она привыкла понимать людей без слов, по выражению лица, позам или жестам, и обычно внимательно следила за Джондаларом, ожидая молчаливой подсказки, которая могла бы помочь ей выбрать правильную линию поведения. Безмолвный язык клана был очень точен, каждый жест заключал в себе строго определенную информацию, однако мимика и жесты людей, чье общение строилось на языке слов, были гораздо менее содержательными, и Эйла пока не могла доверять собственному восприятию. Конечно, легко было выучить слова, но при таком общении возникало немало сложностей. Вот сейчас, например, совершенно непонятно, почему вдруг изменилось настроение Джондалара. Она видела, что он рассердился, но не знала почему.

– Приветствую тебя, друг, – сказал темнокожий, обмениваясь с Джондаларом крепким рукопожатием. – Меня зовут Ранек, мое имя известно среди мамутои. Говорят, если не врут конечно, что я лучший резчик Львиной стоянки, – заявил он с самоуничижительной улыбкой и

добавил: – Странствуя с такой прекрасной спутницей, ты должен ожидать, что она неизменно будет привлекать мужское внимание.

На сей раз уже Джондалар пришел в замешательство. Дружелюбие и чистосердечие Ранека показали ему, каким глупым было его поведение, и он с привычной болью вспомнил о брате. Как и этот резчик, Тонолан был таким же радушным и уверенным в себе, и когда они встречали во время путешествия новых людей, то именно он делал первый шаг к дружескому общению. Джондалар же вечно расстраивался из-за собственной глупости, зачастую начиная новое знакомство с враждебных выпадов. В лучшем случае это можно было отнести на счет его дурного характера или воспитания.

Однако сильная вспышка гнева была настолько удивительной, что застала его врасплох. Укол жгучей ревности поразил его новизной ощущений, вернее, неожиданно вызвал давно забытые воспоминания. Джондалар отчаянно пытался совладать с собой. Ведь, в сущности, этот высокий красивый мужчина, наделенный природным обаянием и горячим сердцем и обладавший большим опытом по части любовных игр, был более привычен к тому, что женщины ревновали его друг к другу.

«Почему же меня задело, что другой мужчина проявил внимание к Эйле? – подумал Джондалар. – Ранек прав, она действительно очень красива, и такое отношение вполне естественно. К тому же Эйла имеет право выбрать мужчину по собственному желанию...» Возможно, ее привязанность к нему объяснялась только тем, что он был первым нормальным мужчиной, которого она встретила, и это еще не значит, что она будет любить его вечно. Эйла видела, как Джондалар улыбнулся Ранеку, но, судя по напряженной спине, его раздражение не ослабло.

– Ранек всегда легкомысленно отзывается о своем мастерстве, хотя у него нет привычки приуменьшать другие свои достоинства, – сказал Талут, направляясь вместе с гостями к странной земляной пещере, возвышавшейся на речном берегу. – В этом смысле он и Уимез – одного поля ягоды, хотя среди мастеров такое встречается сплошь и рядом. Уимез принимает учеников в свою мастерскую так же неохотно, как Ранек, сын его очага, говорит о его таланте. А на самом деле Ранек – лучший резчик по кости среди всех мамутои.

– Значит, у вас есть искусный мастер по кремню? – с надеждой спросил Джондалар, тут же забыв о вспышке ревности и уже предвкушая встречу с опытным мастером, владеющим его ремеслом.

– Да, и он тоже лучший среди лучших. Львиная стоянка славится своими дарованиями. У нас лучший резчик по кости, лучший мастер по кремню и мудрейший и старейший Мамут, – гордо заявил вождь.

– И, кроме того, вождь столь внушительных размеров, что люди предпочитают не спорить с ним, вне зависимости от того, согласны они с его мнением или нет, – добавил Ранек с кривой усмешкой.

Талут молча ответил ему тем же, зная, что колкости Ранека обычно направлены на то, чтобы занижить оценку своего собственного таланта. Однако они не удерживали Талута от хвастовства. Он гордился своей стоянкой и с готовностью сообщал об этом всем и каждому.

Эйла внимательно следила за тонкостями словесной перепалки двух мужчин: старший – настоящий гигант с огненными волосами и светло-синими глазами, младший – темнокожий и узкокостный, – и поняла, что их объединяет глубокая привязанность и преданность, хотя трудно было представить себе двух более не похожих друг на друга людей. Оба они были охотниками на мамонтов, оба принадлежали к племени мамутои и преданно любили свою Львиную стоянку.

Талут вел их прямо к сводчатому проходу, который Эйла разглядела раньше. Похоже, это был вход в своеобразный холм или, возможно, гряде холмов, почти незаметных на склоне, спускавшемся к широкому речному руслу. Эйла видела, как люди входят и выходят оттуда. Понятно, что там было нечто вроде пещеры или жилого помещения, выкопанного в плотно утрамбованной земле. Нижнюю часть этой холмистой гряды окружал травяной пояс, а к вершине поднимались лишь отдельные островки растительности. Это земляное жилище так хорошо сочеталось с окружающей природой, что его можно было вообще не заметить – его выдавало только сводчатое входное отверстие.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что на округлой вершине этого холма хранится множество любопытных приспособлений и различных предметов. И вдруг Эйла увидела нечто такое, отчего у нее перехватило дыхание.

Прямо над входом был укреплен череп пещерного льва!

Глава 2

Спрятавшись в крошечной узкой расщелине почти отвесного скалистого склона, маленькая Эйла с ужасом следила за огромным пещерным львом, просунувшим внутрь свою лапу. Она закричала от боли и страха, когда эта когтистая лапища наконец коснулась ее голого бедра и оставила на нем четыре глубокие параллельные царапины. «Сам дух Великого Пещерного Льва избрал тебя и, оставив на твоём теле свои отметины, показал, что стал твоим тотемом», – объяснял когда-то Креб, удивляясь, что Эйла прошла это тяжелейшее испытание, которое даже мужчине трудно выдержать, а ведь она была всего лишь пятилетней девочкой. А потом началось землетрясение – ощущение содрогавшейся и уходящей из-под ног земли вызвало приступ тошнотворного страха...

Она тряхнула головой, пытаясь отогнать ожившие воспоминания.

– Что случилось, Эйла? – спросил Джондалар, заметив, как помрачнело ее лицо.

– Я увидела львиный череп, – ответила она, указывая на украшение, закрепленное над дверным проемом, – и вспомнила те времена, когда Пещерный Лев избрал меня и стал моим тотемом!

– Мы – члены Львиной стоянки, – с гордостью провозгласил Талут, хотя уже не раз упоминал об этом.

Он не понимал, о чем гости разговаривали на языке зеландонии, но видел, какой интерес они проявили к львиному талисману.

– Пещерный Лев имеет большое значение для Эйлы, – пояснил Джондалар. – Она говорит, что дух этой огромной кошки ведет и защищает ее.

– Тогда ты будешь чувствовать себя у нас как дома, – с довольным видом сказал Талут, широко улыбаясь Эйле.

Она заметила, что Неззи ведет Ридага, и вновь подумала о своем сыне.

– Наверное, так и будет, – сказала она.

Молодая женщина задержалась перед входом, чтобы выяснить, как он сделан, и улыбнулась, рассмотрев, из чего именно был сформирован такой ровный и симметричный свод. Все оказалось очень просто, хотя она не могла понять, как можно сделать нечто подобное. Два огромных

бивня, мамонта или другого животного таких же размеров, были вкопаны в плотно утрамбованную землю, а их верхние острые концы соединялись вместе, причем вершина свода закреплялась с помощью полой трубки, вероятно отколотой от кости ноги мамонта.

Тяжелая мамонтовая шкура плотно закрывала вход, такой высокий, что даже Талут, откинув занавес, мог пройти внутрь, не нагнув головы. В этом просторном помещении находился еще один завешенный шкурой дверной проем, расположенный прямо напротив первого. Эйла и Джондалар спустились в эту круглую прихожую, чьи толстые стены наклонно поднимались вверх, сливаясь с куполообразным потолком.

Медленно продвигаясь ко второму входу, Эйла рассматривала стены, представлявшие своеобразную мозаику из костей мамонта; на стенных крючках была развешана верхняя одежда обитателей стоянки, здесь же находились ряды полок с запасами топлива, разнообразной утвари и кремневых орудий. Подняв край занавеса, Талут шагнул в следующее помещение и отступил в сторону, пропуская гостей.

Миновав внутренний дверной проем, Эйла спустилась в помещение первого очага, кухни, и замерла в изумлении при виде огромного количества удивительных предметов, поражавших не только своими формами, но и яркостью расцветок. Назначение множества вещей было совершенно непостижимо, и она остановила взгляд на тех немногих, которым могла дать мало-мальски вразумительное объяснение.

В центральной части этого помещения горел большой костер, над которым, шипя и потрескивая, жарился здоровенный окорок, насаженный на вертел. По краям этого очага были вкопаны в землю две вертикально стоявшие бедренные кости мамонта, завершавшиеся коленными чашечками, на которых и покоились концы вертела. Вилка, сделанная из большого разветвленного оленьего рога, служила в качестве ручки: с ее помощью мальчик поворачивал тяжелый вертел. Узнав одного из детей, что недавно толпились на улице, разглядывая Уинни, Эйла улыбнулась ему. И мальчик тоже робко улыбнулся ей в ответ.

«Удивительно, насколько просторно это земляное жилище, – подумала Эйла, когда ее глаза по привычке к тусклому внутреннему свету, – оно выглядит таким опрятным и уютным». Кухонный очаг был всего лишь первым в череде очагов, протянувшихся по средней линии

этого большого дома. В общей сложности длина жилища составляла более восьмидесяти футов, а ширина – около двадцати футов.

«Семь костров», – медленно сосчитала Эйла про себя, незаметно прижимая пальцы к бедру и припоминая счетные слова, которым ее научил Джондалар.

Эйла отметила, что в доме довольно тепло. Очаги прогревали полуподземное жилище лучше, чем пещеры, которые стали привычным местом ее обитания. На самом деле здесь было даже жарко, решила она, заметив, что люди, суетившиеся у дальних очагов, очень легко одеты.

Весь дом освещался ровным, но неярким, тускловатым светом. Своды поднимались примерно на одну высоту – футов двенадцать или около того, – и над каждым очагом в потолке было оставлено отверстие для выхода дыма, через которое проникали лучи дневного света. На наклонных стенах, сооруженных из костей мамонта, были развешаны запасы трав и зерна, одежда и домашняя утварь, но центральная часть потолка была сделана из перекрещивающихся рогов северного оленя.

Вдруг Эйла почувствовала вкусный знакомый запах, от которого у нее едва не потекли слюнки. «Должно быть, готовят мясо мамонта!» – подумала она. Ей не доводилось пробовать жирного и нежного мамонтового мяса с тех пор, как она покинула пещеру клана. Помимо этого в воздухе витали и другие восхитительные ароматы, как знакомые, так и совершенно неизвестные, но в целом этот чудесный букет запахов напомнил ей, что она проголодалась.

Талут вел гостей по центральному, хорошо утоптанному проходу, тянувшемуся через все жилище; они миновали несколько очагов, и Эйла заметила, что вдоль стен располагаются широкие лежанки, укрытые меховыми шкурами. Сидевшие на них люди переговаривались друг с другом или просто отдыхали. Эйла медленно шла мимо них, чувствуя, что все провожают ее взглядами. В стенах виднелось еще несколько сводчатых дверных проемов, подпертых мамонтовыми бивнями. Эйла с интересом поглядывала на них, но не решалась спросить, что скрывается за тяжелыми занавесами.

«Это жилище напоминает пещеру, – думала она, – большую уютную пещеру. Однако все эти сводчатые входы и мощные длинные кости мамонтов, используемые в качестве стоек и опор для стен, очевидно, говорят о том, что это не просто природная пещера, случайно

обнаруженная в речном берегу. Удивительно, неужели мамутой сами выстроили такую махину!»

Первое кухонное помещение, в котором жарилось мясо, было больше остальных, за исключением четвертого очага, куда Талут и привел гостей. Вдоль стен располагались лежанки, очевидно никем не занятые, – на них не было меховых покрывал, что позволяло рассмотреть их конструкцию.

Углубив центральную часть, мамутой специально оставили по бокам широкие платформы земли, укреплявшие костяные стены. Кроме того, поверхность этих земляных платформ была выложена костями мамонтов, образовалось что-то вроде жесткой сетки, отверстия которой были заполнены травой; на этот каркас можно было спокойно класть объемистые кожаные тюфяки, набитые шерстью мамонта. Покрытая меховыми шкурами, платформа превращалась в теплую и удобную лежанку или кушетку.

«Странно, – подумал Джондалар, – неужели у этого очага никто не живет?» Обстановка помещения, в которое их привели, казалась достаточно скудной, но, несмотря на это, оно имело вполне жилой вид. В выложенном камнями очаге пылали угли, на некоторых лежанках были сложены меха и шкуры, а на крючках висели пучки высушенных лекарственных трав.

– Наши гости обычно живут здесь, у очага Мамонта, – объяснил Талут, – если Мамут не возражает. Я должен спросить его.

– Конечно, Талут, они могут располагаться здесь.

Голос донесся откуда-то сзади, где находилась одна из свободных скамей. Джондалар обернулся и, приглядевшись, заметил, что одна из меховых шкур зашевелилась. Затем обозначилось лицо с двумя горящими глазами – на верхнюю часть правой щеки была нанесена зигзагообразная татуировка, которая, словно дорожка, бегущая через овраги, спускалась вниз по глубоким морщинам, оставленным невероятно долгой жизнью. То, что Джондалар принял за зимний мех какого-то животного, оказалось большой белой бородой. Старец, сидевший на кушетке, скрестив ноги, изменил позу, и две его тощие и длинные нижние конечности опустились на земляной пол.

– Что так поразило тебя, мужчина из зеландонии? Ты не заметил меня? А твоя подруга знала, что я здесь, – сказал старец громким

выразительным голосом, который не слишком вязался с его почтенным возрастом.

– Ты правда знала, Эйла? – спросил Джондалар, но женщина, похоже, не слышала его.

Эйла и старец неотрывно смотрели в глаза друг другу; казалось, между ними возникла незримая связь, позволявшая проникнуть сквозь телесную оболочку и познать самую суть человеческой души. Затем молодая женщина опустилась на землю перед старым Мамутом. Не поднимая головы, она сидела перед ним, скрестив ноги.

Джондалар был явно смущен и озадачен. Она воспользовалась языком жестов, на котором – судя по ее рассказам – общались между собой люди клана. Женщине клана надлежало принять именно такую позу, выражавшую уважение и почтение, если она хотела получить разрешение для продолжения молчаливого разговора. Джондалар помнил тот единственный раз, когда она села в такую позу перед ним. Тогда ей хотелось сказать ему нечто важное, нечто такое, что она еще не могла выразить по-другому; в то время Эйла выучила слишком мало слов и не могла рассказать ему о своих чувствах. Ему было непонятно, каким образом язык, состоящий из поз, жестов и отдельных звуков, может быть более выразительным, чем язык слов, но самым невероятным казалось то, что эти люди вообще были способны общаться друг с другом.

Ему не понравилось, что она ведет себя здесь подобным образом. Джондалар даже покраснел, увидев, что она, никого не стесняясь, решила воспользоваться языком плоскоголовых, ему захотелось броситься к ней и поднять с земли, пока никто не понял ее действий. Эта поза вызывала у него чувство неловкости и тревоги; в его представлении такое почтительное благоговение можно было выразить лишь Дони, Великой Земной Матери. И, кроме того, он считал, что ее жизнь в клане должна остаться их тайной, в которую не стоило посвящать никого из племени мамутои. Конечно, наедине с ним Эйла могла вести себя свободно, но ведь эти люди пока ни о чем не догадываются, а ему хотелось, чтобы она произвела на них хорошее впечатление, чтобы они полюбили ее. И поэтому им вовсе не стоило рассказывать о ее прошлом.

Мамут стрельнул в него пронизательным взглядом и вновь внимательно и задумчиво посмотрел на Эйлу, затем он наклонился

вперед и положил руку ей на плечо.

Эйла подняла голову и увидела перед собой добрые мудрые глаза и лицо, изборожденное множеством мягких складочек и морщинок. Татуировка под его правым глазом вдруг напомнила ей о темной пустой глазнице, и она с бьющимся сердцем подумала, что перед ней стоит сам Креб. Но этого не могло быть, тот старый Мог-ур, который воспитывал ее вместе с Изой, был уже мертв, так же как и Иза. Кто же тогда этот странный человек, вызвавший у нее такую бурю чувств? Почему она вдруг вспомнила язык клана и села перед ним в эту почтительную позу? И откуда он узнал, что именно такого жеста она ждала в ответ?

– Поднимайся, дитя. Мы поговорим с тобой позже, – сказал Мамут. – Тебе надо отдохнуть и подкрепиться. Вот лежанки, на которых вы будете спать, – добавил он, показывая на пристенные скамьи, словно знал, что ей крайне важно получить подобное словесное разрешение. – У нас много свободных меховых шкур и тюфяков.

Эйла с благодарностью взглянула на него и встала на ноги. Ловкость ее движений свидетельствовала о многолетней привычке, что позволило наблюдательному старику еще немного продвинуться в постижении этой загадочной женщины. За время короткого разговора он успел узнать об Эйле и Джондаларе гораздо больше, чем любой другой человек на стоянке. И, кроме того, у него было еще одно преимущество. Лишь ему одному из всех мамутои удалось приоткрыть покров тайны, прятанной прошлую жизнь Эйлы.

* * *

Мамонтовое жаркое, обрамленное гарниром из корнеплодов, овощей и фруктов, было уложено на большое блюдо, сделанное из тазовой кости какого-то гигантского животного, после чего эту гору мяса вынесли на поляну, чтобы насладиться трапезой на свежем воздухе, пронизанном лучами позднего послеполуденного солнца. Мясо мамонта на вид было таким же сочным и нежным, как и то, что когда-то ела Эйла, однако она с легкой тревогой подумала о том, удастся ли ей попробовать его. Кто знает, какие правила этикета существуют в этом племени. В определенных, главным образом торжественных, случаях женщины клана питались отдельно от мужчин. Хотя обычно они

рассаживались семейными группами, но даже тогда мужчины приступали к еде первыми.

Эйла, естественно, не знала, что мамутой оказывают почтение гостям, предоставляя им право первыми выбрать лучшие куски мяса, и не знала также, что трапезу традиционно открывала именно женщина – в знак преклонения перед Великой Матерью. Поэтому, когда еду вынесли на поляну, Эйла робко отступила назад и, спрятавшись за спиной Джондалара, незаметно наблюдала за действиями окружающих. На лицах людей отразилось беспокойство, и все они почтительно расступились, ожидая, когда она начнет трапезу. Однако Эйла упорно пятилась назад, пытаясь скрыться в последних рядах.

Некоторые обитатели стоянки заметили ее упорное отступление и, обмениваясь улыбками, начали отпускать шуточки по этому поводу. Но Эйле было совсем не до смеха. Она поняла, что делает что-то не так, и вопросительно взглянула на Джондалара, надеясь на подсказку. А он просто отошел в сторону, пропуская ее вперед. Наконец Мамут пришел ей на помощь. Он взял ее за руку и подвел к костяному блюду с внушительными, аппетитными кусками мамонтового жаркого.

– Эйла, мы надеемся, что ты возьмешь первый кусок, – сказал он.

– Но ведь я – женщина! – запротестовала она.

– Именно тебе и полагается открывать трапезу. Мы должны воздать честь Великой Матери, и, согласно нашим обычаям, женщина должна выбрать первый и самый лучший кусок, не ради собственной выгоды, а как дань уважения к Мут, – объяснил старец.

Недоумение постепенно исчезло из глаз Эйлы, и она с благодарностью посмотрела на Мамута. Взяв слегка изогнутую тарелку из куска отполированного бивня, она с величайшей серьезностью и тщательностью выбрала лучший кусок жаркого. Джондалар улыбнулся ей, одобрительно кивнув. Теперь все остальные могли подойти к блюду и взять себе кусок по душе. Покончив с едой, мамутой сложили свои тарелки в кучу, Эйла решила последовать их примеру.

– Я уже было подумал, что ты показывала нам новый танец, – произнес веселый голос за ее спиной.

Обернувшись, Эйла встретила взглядом с черноглазым темнокожим мужчиной. Ей было неизвестно значение слова «танец», но, увидев широкую дружелюбную улыбку Ранека, она тоже заулыбалась в ответ.

– Говорил ли тебе кто-нибудь, как ты красива, когда улыбаешься? – спросил он.

– Красива? Я?.. – Она рассмеялась и недоверчиво встряхнула головой.

Джондалар как-то говорил ей почти то же самое, но Эйла вовсе не считала себя красавицей. Среди членов клана, вырастившего ее, не было таких высоких и худосочных людей, как она; Эйла переросла их всех задолго до зрелости. И лицом она тоже явно не вышла: ни у кого не было такого выпуклого лба и нелепой выступающей кости, которую Джондалар называл подбородком. Поэтому Эйла привыкла себя считать слишком большой и уродливой.

Ранек с интересом наблюдал за ней. Она рассмеялась с такой детской непосредственностью, как будто искренне думала, что он сказал что-то очень смешное. А он ожидал совсем другой реакции. Быть может, застенчивой усмешки или завлекательной, многообещающей улыбки, но серо-голубые глаза Эйлы казались совершенно бесхитростными, и в том, как она вскинула голову, отбросив непослушную прядь волос, не было даже намека на самоуверенность или застенчивость.

Более того, она двигалась с естественной грацией молодого животного – возможно, львицы или лошади. И от нее исходил ток удивительного обаяния, природу которого Ранек не мог до конца определить, но в него явно входили искренность, и чистосердечие, и еще нечто таинственное, нечто присущее только ей одной. Она выглядела совсем невинной, как дитя, радостно открывающее мир, и в то же время она была женщиной до мозга костей – высокой и, бесспорно, потрясающе красивой женщиной.

Он разглядывал ее с удвоенным любопытством. Ее густые, от природы волнистые волосы золотились под солнцем, как поля зрелых колосьев, по которым гнал волну свежий ветер; большие, широко расставленные глаза обрамляли длинные ресницы, более темного оттенка, чем волосы. Как талантливый ваятель, Ранек со знанием дела изучал изящные черты ее лица, исполненную силы грацию тела, и когда его глаза скользнули по ее налитой груди и соблазнительным бедрам, то в них появилось выражение, смутившее молодую женщину.

Она вспыхнула и отвела взгляд. Конечно, Джондалар говорил ей, что у людей принято открыто смотреть друг на друга, однако она не

была уверена, что ей нравится излишне пристальное разглядывание. Под таким взглядом она чувствовала себя беззащитной и уязвимой. Обернувшись в сторону Джондалара, она увидела, что он стоит к ней спиной, но его напряженная поза сказала ей больше, чем слова. Он был сердит. Почему он опять рассердился? Неужели она чем-то вызвала его гнев?

– Талут! Ранек! Барзек! Смотрите-ка, кто идет! – призывно крикнул чей-то голос.

Все заинтересованно оглянулись. На вершине холма появились несколько человек, они уже двигались вниз по склону. Неззи и Талут пошли вверх по тропе, молодой парень стремительно побежал к ним навстречу. Они встретились где-то на середине пути и обменялись сердечными объятиями. Ранек тоже поспешил к вновь прибывшим и обнял пожилого мужчину, его приветствие было более сдержанным, но все же радушным и теплым.

Эйла почувствовала странную опустошенность, видя, как обитатели стоянки покидают своих гостей, желая приветствовать друзей и родственников; они все вместе весело смеялись и шутили, спеша обменяться приветствиями и новостями. А она, Эйла, принадлежит к Неведомому племени. Ей некуда пойти, у нее нет дома, в который можно вернуться, нет семьи, где ее ждут с объятиями и поцелуями. Иза и Креб любили ее, но они умерли, а сама она была мертва для тех, кого любила. Уба, дочь Изы, любила ее, как родная сестра; они не были кровными родственниками, но их породнила любовь. И все-таки Уба уже не откроет для нее свое сердце и душу, если увидит Эйлу вновь; откажется верить собственным глазам; просто не увидит ее. Ведь Бруд проклял Эйлу, обрек ее на смерть. Теперь она мертва для клана.

И может быть, даже Дарк уже не вспоминает о ней? Эйле пришлось оставить его в семье Брана. Даже если бы ей удалось выкрасть сына, то все равно их было бы только двое. А если бы с ней вдруг что-то случилось, то он остался бы один. Лучше всего было оставить его в семье. Уба любит мальчика и позаботится о нем. Все любили его – кроме Бруда. Но Бран не даст его в обиду и научит охотиться. Да, ее сын вырастет сильным и смелым и будет метать камни из пращи так же метко, как она; будет быстро бегать и...

Внезапно Эйла обратила внимание, что один из обитателей стоянки все же остался внизу. Ридаг стоял у входа в земляной дом, опираясь на костяную раму свода, и во все глаза следил за толпой счастливых и смеющихся людей, медленно спускавшихся с холма. Тогда Эйла попыталась взглянуть на происходящее его глазами: все шли обнявшись, кто-то нес малышей на плечах, а остальные дети прыгали и скакали вокруг, напрашиваясь на такую же верховую прогулку. «Как он тяжело дышит, – подумала Эйла, – видимо, очень сильно взволнован».

Направляясь к мальчику, Эйла заметила, что Джондалар идет туда же.

– Я хочу отнести к ним Ридага, пусть покатается на моей спине, – сказал он. От его глаз тоже не укрылась печаль ребенка, и они оба подумали об одном и том же.

– Да, доставь ему эту маленькую радость, – сказала Эйла. – Уинни и Удалец могут снова забеспокоиться, увидев новых людей. Лучше мне остаться с ними.

Она смотрела, как Джондалар поднял темноволосого мальчика и, посадив его к себе на плечи, начал подниматься по тропе навстречу жителям Львиной стоянки. Высокий, почти под стать Джондалару, подросток, которого так сердечно приветствовали Талут и Неззи, протянул руки к мальчику, с искренней радостью приветствуя его, потом он поднял Ридага и пересадил к себе на плечи, так что обратно к дому малыш поехал уже на другой лошадке. «Его любят здесь», – порадовалась Эйла и вспомнила, что в клане ее тоже любили, несмотря на странную внешность.

Поймав взгляд Эйлы, Джондалар улыбнулся ей. От его внимания и чуткости на душе у Эйлы вдруг стало необыкновенно легко и радостно; она смущенно подумала о том, что всего несколько минут назад чувствовала себя ужасно несчастной. Нет, теперь она уже не одинока. У нее есть Джондалар. Ей нравилось, как звучит его имя... Она полностью погрузилась в воспоминания, все ее мысли и чувства занимал сейчас этот высокий молодой мужчина.

Джондалар... Можно сказать, что он был первым человеком из племени Других, которого она встретила, поскольку детские годы стерлись из ее памяти; первый человек, похожий на нее, с такими же

голубыми глазами, только более темного оттенка; его глаза были невероятно синими, и с трудом верилось, что такие вообще бывают.

Джондалар... Первый человек, оказавшийся выше ее ростом; первый человек, с которым она могла открыто смеяться, и первый, который плакал от горя, узнав о гибели брата.

Джондалар... Она не сомневалась, что он был послан ей в дар. Именно благодаря ее тотему, Пещерному Льву, нашла она этого мужчину в своей долине, когда уже потеряла надежду найти Других, найти людей, похожих на нее.

Джондалар... Человек, вновь научивший ее говорить, выражать мысли словами, и этот новый язык понравился ей куда больше, чем язык жестов, принятый в клане. Джондалар, чьи ловкие и чуткие руки могли делать красивые орудия, расчесывать жеребенка или посадить малыша к себе на плечи. Джондалар, открывший ей тайны ее собственного тела, только с ним она познала наслаждение, которое могут подарить друг другу мужчина и женщина. Он полюбил ее, и она всем сердцем полюбила его, совершенно потрясенная силой этого всеобъемлющего чувства.

Эйла шла по берегу к излучине реки, там она оставила Удальца, привязав его длинной веревкой к низкорослому деревцу. Тыльной стороной ладони она вытерла мокрые от слез глаза – переполнявшие ее чувства были столь непривычны и новы для нее. Она коснулась амулета – этот кожаный мешочек всегда был с ней; когда-то она привязала к нему тонкий ремешок и с тех пор постоянно носила на шее. Ощупав содержимое мешочка, она задумалась о своем тотеме.

«Дух Великого Пещерного Льва... Креб множество раз говорил, что с таким могущественным тотемом будет очень трудно жить. И он был прав. Испытания оказались действительно трудными, однако всегда очень ценными и важными для дальнейшей жизни. Избранная тобой женщина благодарит свой тотем за помощь и защиту, за все ниспосланные дары. Духовные дары, открывшие тайные знания, и живые дары, позволившие познать радость общения с Уинни, Удальцом и Вэбхья, а самое главное, с Джондаларом».

Когда Эйла подошла к жеребенку, Уинни тут же присоединилась к ним, приветствуя свою хозяйку радостным ржанием. Молодая женщина прильнула к шее кобылы, чувствуя себя усталой и опустошенной. Слишком много новых людей; она не привыкла к такому долговому

общению, и, кроме того, эти люди, говорившие на малопонятном языке, были слишком шумными. От головной боли у нее стучало в висках, ломило даже спину и шею. Уинни топталась, переминаясь с ноги на ногу и пододвигая Эйлу все ближе к Удальцу, пока она не почувствовала, что плотно зажата между их теплыми телами; морда лошади тяжело давила на ее плечо, усугубляя боль, но Эйла терпеливо сносила лошадиные ласки.

– Ну, довольно! – сказала она наконец, похлопав жеребенка по боку. – Ты, Удалец, уже слишком большой. Нечего так давить на меня. Посмотри-ка на себя! Видишь, как ты вырос. Ты уже почти догнал свою мать! – Эйла приласкала его, потом погладила Уинни и слегка обтерла ее, заметив, как потускнела от высохшего пота ее шкура. – Тебе тоже досталось, правда? Ничего, позже я хорошенько вычищу и расчешу тебя ворсянкой. Но сейчас на стоянку пришли новые люди, и, вероятно, они не обойдут тебя своим вниманием. Придется потерпеть. Они не будут такими навязчивыми, когда привыкнут к тебе.

Как-то незаметно для себя Эйла перешла на более близкий ей язык, сформировавшийся за годы уединенной жизни, когда она общалась только с животными. Он состоял частично из жестов и тех немногочисленных слов, которые могут произносить люди клана, но к ним добавились звукоподражание голосам животных и какие-то ласковые словечки, придуманные для разговоров с сыном. Несведущий человек, скорее всего, даже не придавал бы значения движению ее рук и считал бы ее бормотание чудным набором звуков и без конца повторяющихся слов, похожих на похрюкивание или ворчание. Никому бы даже в голову не пришло назвать это языком.

– А Джондалар, может быть, расчешет Удальца! – повернувшись к жеребенку, добавила Эйла и вдруг замерла, с безотчетной тревогой подумав о своем возлюбленном. Вновь коснувшись амулета, она пыталась понять, что именно так тревожит ее. – О Великий Пещерный Лев, Джондалар теперь тоже находится под твоим покровительством, ты избрал и отметил его. На его бедре остались следы твоих лап, так же как и на моем. – Она излагала свои мысли на древнем безмолвном языке, выражая их жестами; только на таком языке надлежало общаться с миром духов. – Дух Великого Пещерного Льва, избранный тобой мужчина ничего не знает о тотемах. Этот мужчина не ведает о предстоящих ему проверках, не ведает о тяжелых испытаниях, о дарах и

тайных знаниях, посылаемых могущественным тотемом. Взывающая к тебе женщина знает о своей избранности и уже поняла, насколько трудна ее судьба. Эта женщина обращается к духу Пещерного Льва... и просит защитить того мужчину... просит...

Эйла замерла, не вполне понимая, о чем хочет просить. Ей не хотелось просить покровителя о том, чтобы он уберег Джондалара от испытаний, не хотелось лишать его тех благ и преимуществ, которые обязательно получает человек, преодолевший трудности, не хотелось даже, чтобы дух облегчил его судьбу. Она пережила много тяжелых невзгод, благодаря которым приобрела удивительные знания, опыт и способность проникновения в сущность вещей, поэтому ей стало ясно: чем серьезнее испытание, тем значительнее получаемые преимущества. Собравшись с мыслями, Эйла продолжила общение со своим тотемом.

– О дух Великого Пещерного Льва, избранная тобой женщина просит тебя помочь избранному тобой мужчине познать ценность его могущественного тотема, понять необходимость и сокровенную суть испытаний, какими бы трудными они ни были... – закончила она и облегченно опустила руки.

– Эйла?

Обернувшись на зов, она увидела Лэти.

– Да?..

– Ты, кажется... занята... Я не хотела мешать тебе.

– Нет, я все закончила.

– Талут просит тебя прийти и привести лошадей. Он уже сказал всем, чтобы не подходили слишком близко, пока ты не разрешишь. Они не будут заставлять их нервничать. Мне кажется, что его внушения перепугали кое-кого из наших людей. Ты пойдешь?

– Я пойдешь, – сказала Эйла и, улыбнувшись, добавила: – Ты, наверное, хочешь прокатиться на спине лошади?

Лицо девочки осветилось радостной, широкой улыбкой.

– Можно? Правда?!

«Когда она вот так улыбается, то становится похожей на Талута», – подумала Эйла и, медленно вспоминая слова, сказала:

– Может быть, ваши гости не тревожиться, когда видеть тебя на... тебя на спине Уинни. Смотри, вот большой камень... помогать тебе забраться.

Девочка ехала верхом на лошади, рядом бежал резвый жеребенок, а впереди шла Эйла. Когда вся компания, обогнув излучину, оказалась в поле зрения мамутой, все разговоры мигом прекратились. Люди, уже видевшие такое зрелище, несмотря на то что сами еще испытывали трепетное волнение, с наслаждением наблюдали за выражением испуганного изумления, отразившегося на лицах вновь прибывших.

– Смотри, смотри, Тули, я же говорил тебе! – сказал Талут, обращаясь к темноволосой женщине, которая хотя и не обладала такой огненной шевелюрой, но своими внушительными размерами была под стать вождю. Она возвышалась над Барзеком, мужчиной из последнего очага, – тот стоял рядом с ней, обнимая ее за талию. Возле них топтались два мальчика – тринадцати и восьми лет, – тоже принадлежавшие к этому очагу, и их шестилетняя сестра, с которой Эйла успела познакомиться.

Подойдя к земляному дому, Эйла помогла Лэти сойти на землю, затем успокаивающе погладила Уинни, которая уже нервно расширяла ноздри, принюхиваясь к запахам незнакомых людей. Девочка подбежала к нескладному рыжеволосому парню, лет эдак четырнадцати, почти такому же высокому, как Талут, и если сбросить со счетов то, что подросток еще не достиг полного физического расцвета, то эти двое были похожи как две капли воды.

– Пойдем, познакомишься с Эйлой, – сказала Лэти и, взяв его за руку, потянула за собой в сторону женщины с лошадьми. Он последовал за девочкой, не оказывая видимого сопротивления. Джондалар выгуливал Удальца вдоль берега, чтобы дать тому немного успокоиться. – Это мой брат Дануг, – сообщила Лэти. – Он давно не был дома, но будет опять жить с нами. Теперь он знает все на свете об обработке кремня. Правда, Дануг?

– Я знаю далеко не все, Лэти, – немного смущенно ответил он.

Эйла улыбнулась.

– Я приветствую тебя, – сказала она, протягивая к нему руки.

Юноша смутился еще больше. Ведь он был сыном Львиного очага, и ему первому надлежало приветствовать гостью. Однако он был так потрясен видом красивой незнакомки и ее властью над животными, что ответил ей неловким рукопожатием и пробормотал слова приветствия. В этот самый момент, не раньше и не позже, Уинни возмущенно

фыркнула и взвилась на дыбы, и он быстро отдернул руку, чувствуя, что по каким-то причинам лошадь не одобряет его поведения.

– Уинни скорее привыкнет к тебе, если ты погладишь ее и позволишь ей обнюхать тебя, – сказал Джондалар, понимая замешательство подростка. У него сейчас трудный период – он вышел из детского возраста, но еще не стал мужчиной. Поэтому Джондалар, показывая, как лучше обращаться с лошадью, постарался вовлечь Дануга в разговор, чтобы уменьшить его замешательство. – Значит, ты учился искусству обработки кремня? – спросил он.

– Да, я давно работаю с кремнем. Уимез начал заниматься со мной с раннего детства, – с гордостью сказал парень. – Конечно, он и сам – искусный мастер, но ему хотелось, чтобы я познакомился с другими методами обработки и научился оценивать качество самого кремня. – С удовольствием поддержав разговор на излюбленную тему, Дануг почувствовал себя гораздо увереннее, и к нему вернулись и природная живость, и общительность.

В глазах Джондалара загорелся огонек заинтересованности.

– Я тоже учился обработке кремня у лучшего мастера нашего племени. Он отыскал богатое кремневое месторождение, мы прожили с ним там довольно долго, отбирая лучшие желваки. Я был тогда примерно в твоём возрасте. Знаешь, мне бы хотелось познакомиться с твоим учителем.

– Чего проще, давай я познакомлю тебя с ним, ведь я – сын его очага и главный, хотя и не единственный потребитель его орудий, – произнес кто-то за спиной Джондалара.

Обернувшись на голос Ранека, Джондалар увидел, что все обитатели стоянки столпились вокруг них. Рядом с темнокожим мужчиной стоял незнакомец, которого тот недавно так тепло приветствовал. Они были примерно одного роста, но, кроме этого, Джондалар не смог найти в их внешности ничего общего. У пожилого мужчины были обычные голубые глаза, прямые темно-русые волосы, в которых уже серебрилась седина, и черты лица не имели ни малейшего сходства с экзотическими чертами Ранека. «Должно быть, Великая Мать выбрала дух другого мужчины для этого ребенка его очага, – подумал Джондалар. – Но почему Она одарила его таким странным цветом кожи?»

– Уимез из очага Лисицы Львиной стоянки, лучший кремневый мастер племени мамутой, – произнес Ранек с подчеркнутой официальностью, – позволь познакомить тебя с нашими гостями: Джондаларом из зеландонии, который, по-видимому, тоже приобщен к твоему искусству... – (Джондалару послышалась какая-то скрытая насмешка или ирония в его словах, хотя он не мог понять, отчего у него возникло такое ощущение), – и его прекрасной спутницей, Эйлой, женщиной из Неведомого племени, на редкость обаятельной и... загадочной. – Широко ухмыльнувшись, Ранек бросил на Эйлу многозначительный взгляд, и она вновь поразилась агатовому блеску его черных глаз и белизне зубов, которая подчеркивалась темным цветом кожи.

– Приветствую вас, – просто сказал Уимез, его лаконичность была прямо противоположна красноречию Ранека. – Вы работаете с камнем?

– Да, обработка кремня стала моим ремеслом, – ответил Джондалар.

– Я принес с собой несколько прекрасных образцов. Недавно мы нашли новые выходы кремня и откололи несколько свежих желваков прямо из меловых отложений.

– А у меня в запасе есть отбойник и хорошая проколка, – сразу заинтересовавшись, сказал Джондалар. – А вы пользуетесь проколками?

Осознав, что разговор принял чисто профессиональное направление, Ранек со страдальческим видом взглянул на Эйлу.

– Я мог бы предугадать, что это случится, – заявил он. – Знаешь, какое ужасное бытие уготовано человеку, если он принадлежит к очагу гениального мастера по обработке кремня? И хуже всего не то, что тебе постоянно приходится вытряхивать осколки камня из одежды или постели, а то, что тебе прожужжат все уши этими каменными разговорами. А уж с тех пор, как Дануг проявил некоторый интерес к этому ремеслу... В общем, с тех пор я слышу только одну песню: камень, камень, камень... – Добрая усмешка Ранека противоречила его сетованиям, и, очевидно, все не раз слышали его шутливые жалобы, поскольку никто, кроме Дануга, не обратил на них никакого внимания.

– Я не знал, что это так раздражает тебя, – огорченно сказал юноша.

– Да не слушай ты его шуточки, – успокоил Уимез Дануга. – Неужели ты не видишь, что Ранек просто распушил хвост перед хорошенькой женщиной.

– Сказать по правде, Дануг, я очень благодарен тебе, – заявил Ранек, чтобы уменьшить огорчение Дануга. – Хорошо уже то, что ты пошел к нему в ученики, иначе он постоянно приставал бы ко мне, надеясь, что я пойду по его кремневым стопам.

– Ишь чего вспомнил. Это было давно, когда мы еще только вернулись из долгих странствий. А дома я быстро понял, что ты питаешь интерес лишь к тем орудиям, которыми можно резать бивни, – заметил Уимез и, хитро улыбнувшись, добавил: – И уж если ты жалуешься, что тебе колко спать на кремневых отщепах, то лучше давай поговорим о том, сколько костяной пыли оседает на нашу еду.

Два этих совершенно непохожих человека обменялись добрыми улыбками, и Эйла с облегчением поняла, что они шутят, поддразнивая друг друга лишь на словах. Она также отметила, что, несмотря на разный цвет их кожи и экзотические черты лица Ранека, у этих мужчин – одинаковые улыбки и сходная пластика движений.

Вдруг из земляного дома донеслись громкие крики:

– Лучше уж помолчи, старуха! Это касается только меня и Фрали...

Разъяренный голос принадлежал мужчине из шестого, предпоследнего очага. Эйла вспомнила, что уже познакомилась с ним.

– Не пойму я, почему она выбрала тебя, Фребек! Моя бы воля, так никогда бы вам не бывать вместе! – визгливо кричал ему в ответ женский голос.

Вдруг тяжелый входной занавес отлетел в сторону и из дома выбежала старуха, тащившая за собой плачущую молодую женщину. Следом появились два озадаченных мальчика: один – лет семи, а второму не было и двух лет, поскольку он еще даже не носил штанов и неуверенно ковылял за братом, посасывая палец.

– В том-то и беда. Она слишком долго слушалась тебя. И почему ты вечно суешь нос не в свои дела?!

Мамутой спокойно продолжали свои разговоры, как будто ничего не случилось, – они уже давно привыкли к их ссорам. Но Эйла изумленно взирала на Крози. Ни одна женщина клана не могла позволить себе вот так спорить с мужчиной.

– Фребек и Крози опять что-то не поделили, не обращай внимания, – сказала Трони.

Эйла вспомнила, что видела эту женщину, кормившую грудью ребенка, в пятом очаге. Этот Олений очаг располагался сразу за очагом Мамонта, где поселили их с Джондаларом.

Когда им показывали жилище, Эйла успела немного поговорить с этой симпатичной молодой женщиной, и ей захотелось познакомиться с ней поближе. Торнек, муж Трони, поднял трехлетнего малыша, прижимавшегося к матери; отец пока не испытывал особой любви к своему маленькому сыну, захватившему все права на материнскую грудь. Они были дружной и любящей молодой парой, и Эйла порадовалась, что именно они живут по соседству. Там же жил Манув, который завел с Эйлой разговор во время дневной трапезы и рассказал, что раньше он был хозяином пятого очага, пока Торнек еще не достиг зрелости, и что двоюродный брат Мамута был мужем его матери. Еще он порадовал ее, сказав, что проводит много времени у четвертого очага. Эйла всегда с особым трепетом относилась к пожилым людям.

Однако соседство с другой стороны – третий очаг – немного тревожило ее. Там, в Лисьем очаге, жил Ранек. Эйла не могла сказать, что он ей не понравился, но вот Джондалар относился к нему довольно странно. Правда, в этом помещении мужчин было всего двое. И поскольку они занимали мало места, то второй очаг, где жили Неззи, Талут и Ридаг, был совсем близко. Эйле понравились и другие дети Львиного очага: Лэти и Руги – младшая дочь Неззи, почти ровесница Ридага. А только что она познакомилась с Данугом, который тоже показался ей довольно симпатичным.

Талут подошел к Эйле вместе с высокой, крупной женщиной, за которой следовали Барзек и куча ребятишек, поэтому Эйла решила, что это одна семья.

– Эйла, я хочу представить тебе мою сестру Тули из очага Зубра, она является вождем Львиной стоянки, так же как и я.

– Я рада познакомиться с тобой, – сказала женщина, протягивая руки в традиционном жесте. – Именем Великой Матери я приветствую тебя на нашей земле.

Как вожди, брат и сестра были равны по статусу, и она с большим удовольствием исполняла свои обязанности.

– Я приветствую тебя, Тули, – ответила Эйла, пытаясь приглушить изумленный блеск своих глаз.

Когда Джондалар впервые поднялся с постели после болезни, она с удивлением обнаружила, что он выше ее ростом. Но сейчас Эйла была совершенно потрясена, увидев еще более высокую женщину. Живя в клане, она привыкла считать, что людей выше ее просто не существует. Однако помимо роста Тули отличалась могучим телосложением. Пожалуй, в этом плане с ней мог соперничать только ее родной брат. Ее гордый вид и величественная осанка отлично гармонировали с физическими данными и с неоспоримым достоинством женщины, матери и главы стоянки, вполне довольной собой и своей жизнью.

Тули поразила странному акценту гостя, но сейчас ее больше волновала другая проблема, и, со свойственной ее племени прямоотой, она не замедлила сообщить об этом:

– Я не знала, что очаг Мамонта будет занят, когда пригласила Бранага погостить у нас. Будущим летом они с Диги заключат союз. А пока он может остаться у нас всего на пару дней, и я знаю, что Диги была бы рада пожить с ним, удалившись на время от своей сестры и братьев. Конечно, вы – наши гости, и она не осмелится попросить вас, но мне-то известно, как ей хочется перебраться в очаг Мамонта на эти дни, если вы не будете возражать.

– Очаг большой. Места всем хватит. Я не возражать, – сказала Эйла, чувствуя себя неловко. Зачем ее спрашивают, ведь это их дом?

Гости и хозяйка еще продолжали разговаривать, когда из земляного жилища появилась молодая женщина в сопровождении молодого мужчины. Эйла внимательно посмотрела на эту пару. На вид эта женщина была ее ровесницей, только немного шире в кости и опять-таки выше ростом! У нее были темно-русые волосы и приветливое лицо, которое многие назвали бы миловидным, а шедший рядом с ней молодой человек явно считал ее настоящей красавицей. Ее внешность не слишком поразила Эйлу, но она с восхищением разглядывала женскую одежду.

Узкие, обтягивающие ноги штаны и туника почти совпадали по цвету с ее волосами. Богато украшенная темно-оранжевая длинная туника с разрезом впереди была подпоясана ремешком, подчеркивающим стройность фигуры. Красный цвет считался в клане священным. И у Эйлы была единственная вещица красного цвета –

мешочек Изы. В нем хранились корешки для изготовления особого ритуального напитка. Она по-прежнему берегла его и хранила в своей лекарственной сумке вместе с различными травами, которые использовала для приготовления чудодейственных настоев. Однако она и подумать не могла, что увидит целую тунику, покрашенную красной охрой.

– Какая красота! – устремив восхищенный взгляд на женщину, сказала Эйла, не дожидаясь, когда их представят друг другу.

– Тебе понравилось? Это облачение прислала мне в подарок мать Бранага для моего Брачного ритуала, ведь следующим летом мы с ним заключим союз. И мне так захотелось похвастаться, что я сразу же нарядилась в него.

– Я никогда не видела ничего более красивого! – сказала Эйла, широко раскрыв глаза.

Молодая женщина радостно улыбнулась.

– Тебя ведь зовут Эйла, правда? А меня зовут Диги, а его – Бранаг. Жаль только, что через несколько дней он должен отправиться домой, – сказала она с огорченным видом. – Но после будущего Летнего схода мы уже не расстанемся. Мы собираемся перебраться к моему брату Тарнегу. Пока он живет у очага своей жены, но хочет построить новое жилище и ждет меня, чтобы мы с ним на пару могли стать во главе этой новой стоянки.

Эйла, заметив, как Тули одобрительно улыбается дочери, вспомнила о ее просьбе.

– Диги, очаг Мамонта большой, много пустых лежанок. Ты и Бранаг можете жить в очаге Мамонта. Ведь он тоже гость... Если Мамут не возражать. Ты спросить Мамута.

– О, его первой женой была мать моей бабушки. Я не раз спала у его очага. Мамут ведь не будет возражать, правда? – сказала Диги, поглядывая на шамана.

– Конечно, Диги. Вы с Бранагом можете погостить у меня, – сказал старик. – Только помни, что тебе еще долго не удастся лечь спать. – (Диги улыбнулась в ожидании продолжения.) – У нас гости, Дануг вернулся после целого года странствий, прибыл твой будущий муж, и Уимез завершил удачную торговую сделку... Поэтому я полагаю, что есть прекрасный повод собраться сегодня вечером всем вместе у очага Мамонта да послушать разные истории.

Мамутои дружно заулыбались. Они ждали такого объявления, хотя оно ничуть не уменьшило их нетерпения. Каждый знал, что сбор у очага Мамонта обещает множество интересных рассказов, обсуждение новостей и, возможно, еще какие-то развлечения, и, конечно, все с радостью ожидали наступления вечера. Они с удовольствием слушали как новые рассказы о жизни других стоянок, так и старые, хорошо известные им байки. Им было интересно посмотреть, как отреагируют чужаки на события и приключения, случившиеся с обитателями их собственной стоянки, услышав истории, которыми мамутои захотят поделиться с ними.

Джондалар также понимал, что означает подобный сбор, и это тревожило его. Как много захочет рассказать им Эйла? Как воспримут ее рассказ на Львиной стоянке? Ему хотелось поговорить с ней наедине и предостеречь ее. Но, подумав, он решил, что его слова только рассердят и огорчат ее. Она во многом была похожа на мамутои – такая же прямая и честная в выражении своих чувств и мыслей. Да, в сущности, его вмешательство было бесполезно. Эйла все равно не умеет лгать. В лучшем случае она могла лишь удержаться от излишней откровенности.

Глава 3

Времени до вечера было еще много, и Эйла позаботилась об Уинни, хорошенько вычистив ее шкуру сначала куском мягкой кожи, а потом сухой ворсистой шишкой. Это привычное занятие подействовало успокаивающе не только на лошадь, но и на саму Эйлу.

Джондалар составил ей компанию, он прошелся ворсянкой по любимым местам Удальца, чтобы этот непоседа хоть немного постоял спокойно и позволил расчесать его лохматую зимнюю шкуру. Теплый и мягкий подшерсток жеребенка стал гораздо гуще, это напомнило Джондалару о приближении холодов. «Интересно, где мы проведем эту зиму», – подумал он. У него пока не было уверенности в том, уживется ли Эйла с мамутой, но, по крайней мере, и лошади, и обитатели стоянки уже не чурались друг друга.

Эйла тоже заметила, что все стало спокойнее, однако волновалась о том, как проведут ночь ее питомцы, пока она будет спать в этом земляном доме. Ведь они привыкли жить с ней в одной пещере. Джондалар заверил ее, что все будет в порядке, поскольку обычные дикие лошади всегда спят на свежем воздухе. В итоге она решила привязать Удальца поблизости от входа, зная, что Уинни не уйдет далеко без своего малыша и что кобыла обязательно разбудит ее своим ржанием в случае возникновения опасности.

С наступлением темноты ветер стал гораздо холоднее, и, когда Эйла и Джондалар направились к дому, в воздухе уже запахло снегом, однако у очага Мамонта, находившегося в середине этого полуподземного жилища, где собрались уже все обитатели стоянки, было тепло и уютно. Многие задержались, чтобы набрать немного еды – блюдо с остатками дневной трапезы теперь принесли в дом: там были маленькие белые и мучнистые на вкус земляные орехи, дикая морковь, брусника и куски мамонтового жаркого. Мамутой накладывали себе овощи и фрукты либо руками, либо с помощью пары палочек, используемых как щипцы, но Эйла заметила, что у каждого человека, кроме самых маленьких ребятишек, имеется специальный нож для еды. Забавно было наблюдать, как некоторые из едоков зажимают в зубах кусок мяса, а затем, взмахивая ножом, отсекают маленький кусочек, мудряясь при этом сохранить в целостности свой нос.

Водонепроницаемые коричневые бурдючки, сделанные из мочевых пузырей и желудков разных животных, ходили по кругу из рук в руки. Талут предложил выпить и Эйле. Напиток обладал кислым, не очень-то приятным запахом, но на вкус оказался сладковатым и сильно обжигающим. Сделав глоток, Эйла отклонила второе предложение. Бражка пришлась ей явно не по вкусу, хотя Джондалар, похоже, пил ее с наслаждением.

Переговариваясь и посмеиваясь, люди занимали места на лежанках вдоль стен или на меховых шкурах и соломенных циновках, раскинутых на земляном полу. Эйла вертела головой, прислушиваясь к разговорам, когда вдруг уровень шума значительно понизился. Оглянувшись, она увидела старого Мамута, спокойно стоявшего за очагом, в котором горел небольшой костерок. Наконец затихли последние разговоры, и шаман, завладев всеобщим вниманием, медленно поднял маленький факел и держал его над костром, пока тот не воспламенился. Люди, затаив дыхание, напряженно следили, как он с торжественным видом направился к темной нише, расположенной в стене, и разжег огонь в маленьком каменном светильнике. Сухой фитиль из лишайника зашипел в мамонтовом жиру и вспыхнул, осветив стоявшую за светильником небольшую женскую фигурку, вырезанную из бивня мамонта, пышные формы которой явно подчеркивали главное достоинство женщины – священный дар материнства.

«Эта фигурка... Почему она кажется мне такой знакомой? – вдруг тревожно подумала Эйла. – Ведь я никогда прежде не видела ничего подобного. Вероятно, это и есть одна из доний, о которых рассказывал Джондалар. Он считает, что доний хранят дух Великой Земной Матери. Или, возможно, его частицу. Разве может такая маленькая фигурка вместить весь дух? Хотя кто знает, каковы его истинные размеры».

Эйла углубилась в воспоминания, и перед ее мысленным взором возник другой ритуал: тогда ей вручили один из ее амулетов – темный камешек, который она носила в кожаном мешочке на шее. Этот маленький кристалл двуокиси марганца хранил частицу духа каждого члена клана, а не только ее семьи. Его вручили ей, когда посвящали в целительницы, а она отдала в обмен на него частицу своего собственного духа. Смысл ритуала состоял в том, что отныне если она спасет чью-то жизнь, то исцеленный человек, в свой черед, не будет

чувствовать себя обязанным отдать ей нечто столь же важное и ценное. Такую церемонию проводили с каждой целительницей.

Она немного тревожилась, вспоминая иногда, что у нее не забрали этот камень духов, когда она была проклята. Креб забрал его у Изы после смерти этой старой целительницы, чтобы духи живых людей не последовали за ней в мир духов, но никто не отобрал этот амулет у Эйлы. Значит, она до сих пор хранит частицы духа всех членов клана. А ведь теперь она мертва для них, неужели вместе с ней Бруд обрек на смерть и всех остальных?

«Но разве я мертва?» – мысленно спрашивала сама себя Эйла. Она уже не раз задавалась этим вопросом и пришла к выводу, что это не так. Она поняла, что сила этого смертельного проклятия заключается в священной вере, то есть, уверовав в него, дорогие тебе люди не признают больше твоего существования, когда тебя изгоняют из племени... В сущности, любой одинокий странник находится под угрозой смерти. Но она почему-то не умерла. Что помогло ей избежать такого конца? И самое главное, что может случиться с кланом, если она действительно умрет? Причинит ли ее смерть вред тем, кого она любит? Может быть, погибнет весь клан? Кожаный мешочек с амулетом показался вдруг ей очень тяжелым, словно вобрал в себя вес ответственности, напомнив Эйле, что у нее на шее сейчас – судьба целого клана.

Из состояния задумчивости Эйлу вывели странные ритмичные звуки. Мамут, держа в руке утолщенный с одного конца отросток оленьего рога, постукивал им по черепу мамонта, украшенному геометрическими символами и линиями. Эйле показалось, что до нее доносятся не только ритмичные удары, и она стала более внимательно смотреть и слушать. Внутренние полости черепа придавали звучанию богатую окраску, которая, однако, зависела не только от резонансных свойств этого своеобразного инструмента. Старый шаман ударял по разным точкам, отмеченным на костяном барабане, в соответствии с чем изменялись высота и качество звука. Но эти вариации были настолько изящными и сложными, что возникало ощущение, будто Мамут вытягивает из барабана слова, заставляя говорить этот старый мамонтовый череп.

Тихим и низким грудным голосом старец затянул грустный монотонный напев в строго определенной тональности. Вскоре звуки

барабана и голоса сплелись в причудливую мелодию, и постепенно к ним стали присоединяться другие голоса, доносившиеся из разных концов просторного помещения; многоголосый хор тихо подтягивал мелодию, привнося в нее новые вариации, но выдерживая единую тональность. Ритм главного барабана был подхвачен другими инструментами. Оглянувшись, Эйла увидела, что Диги играет на втором костяном барабане. А затем Торнек начал постукивать роговым молоточком по другому костяному инструменту, сделанному из мамонтовой лопатки, которая была покрыта рядами красных зигзагообразных линий. Низкие голоса черепных барабанов соединялись с более высоким голосом лопатки, порождая мощное резонирующее созвучие, и весь земляной дом наполнился звуками этой удивительно красивой ритмичной мелодии. Эйла невольно стала раскачиваться в такт музыке и заметила, что в это ритмическое движение вовлечены и остальные участники ритуального действия. Внезапно мелодия оборвалась, и все замерли.

Тишина была заполнена напряженным ожиданием, но это кратковременное безмолвие быстро закончилось. Ведь сегодня не предвиделось никакой официальной церемонии, просто обитатели стоянки собрались вместе, чтобы провести приятный вечер в общении друг с другом, посвятив его интересным разговорам – излюбленному человеческому занятию.

Тули начала с объявления о том, что согласие сторон достигнуто и Брачный ритуал Диги и Бранага будет совершен следующим летом. Несмотря на то что это известие не было неожиданностью, мамутой возбужденно загомонили, высказывая слова одобрения и поздравления. Молодая пара светилась от счастья. Затем Талут попросил Уимеза поведать собравшимся о своей торговой миссии, и они узнали, что ходовыми товарами будут соль, янтарь и кремень. Джондалар с интересом слушал многочисленные вопросы и комментарии, а Эйла ничего не могла понять и решила, что позже все выяснит у Джондалара. Далее Талут спросил об успехах Дануга, чем вызвал крайнее замешательство подростка.

– У него есть талант – чуткая рука и острый глаз. Еще несколько лет работы – и он станет отличным мастером. Его с сожалением отпустили домой. Дануг многому научился, этот год не прошел для него даром, – доложил Уимез.

И вновь собравшиеся одобрительно загудели, бурно высказывая похвалы в адрес юного мастера. Затем наступило относительное затишье, заполненное разговорами между собой вполголоса, но наконец Талут повернулся к Джондалару, и шелест голосов стал гораздо громче и возбужденнее.

– Поведай же нам, человек из племени зеландонии, каким ветром занесло тебя к очагу Львиной стоянки племени мамутой? – спросил он.

Джондалар, отхлебнув сладковатой браги из коричневого бурдючка, окинул взглядом затихших в ожидании людей и улыбнулся Эйле. «Ему уже приходилось рассказывать о своих странствиях!» – подумала она, с легким удивлением осознавая, что он решает, каким путем поведсти свой рассказ. Устроившись поудобнее, она тоже приготовилась слушать.

– Это долгая история, – начал он.

Люди одобрительно закивали. Именно такую историю им и хотелось послушать.

– Земли моего племени находятся очень далеко отсюда, далеко-далеко на западе, и даже если вы дойдете до истока реки Великой Матери, что несет свои воды в море Беран, то путь до моей земли все еще будет неблизким. Мы живем у реки, так же как и вы, но наша река течет к Великой Воде с запада. Племя зеландонии объединяет много людей. Подобно вам, мы – Дети Земли. Вы называете Ее Мут, мы называем Дони, но, так или иначе, Она есть Великая Земная Мать. Мы занимаемся охотой и торговлей, и порой наши люди отправляются в долгие путешествия. Мой брат и я решили отправиться в такое путешествие. – Джондалар на мгновение закрыл глаза и болезненно нахмурил брови. – Тонолан... мой брат... был очень веселым и любил приключения. Он стал любимцем Великой Матери.

Его боль явно была неподдельной. Каждый понял, что это не просто хитрый ход для привлечения внимания к своему рассказу. И хотя он еще ничего не объяснил, все догадались, что произошло с его братом. У них тоже обычно говорили в таких случаях, что Мать раньше забирает к себе тех, кого любит. Джондалару вовсе не хотелось выставлять свои чувства напоказ, горькие воспоминания навалились на него внезапно, и сейчас он испытывал легкое смущение. Однако такая утрата, как правило, встречает всеобщее понимание. Его непритворное горе вызвало у слушателей сочувствие, и они стали относиться к нему с

гораздо большей теплотой, выходявшей за рамки простой вежливости и любопытства, которые обычно проявляли мамутой к миролюбиво настроенным чужакам.

Глубоко вздохнув, Джондалар собрался с мыслями и продолжил прерванный рассказ:

– Это далекое путешествие задумал Тонолан, мне просто захотелось немного проводить его до стоянки, где жили несколько наших родственников, однако потом я передумал и отправился странствовать вместе с ним. Мы пересекли небольшой ледник, возвышающийся к югу от Донау – реки Великой Матери, и решили пройти по ней до самого моря. Никто не верил, что нам удастся осуществить задуманное, да я и сам, в общем-то, не был уверен в этом, но мы упорно продолжали путь, пересекая приток за притоком и встречаясь с множеством разных людей. Однажды – это случилось в первое лето – мы удачно поохотились и спокойно сидели у костра, заготавливая мясо впрок, как вдруг нас окружили воины незнакомого племени. Они стояли плотным кольцом, направив на нас свои копья...

Голос Джондалара вновь обрел уверенность, захватывающая история его приключений привлекла всеобщее внимание. Он был искусным рассказчиком и умел поддерживать неослабевающий интерес к своей истории. Сопереживание слушателей было достаточно очевидным, люди пораженно покачивали головами, издавали одобрительные возгласы, а зачастую и взволнованные восклицания. «Странно все-таки ведут себя эти говорящие на языке слов люди, они не могут молчать, даже когда слушают», – подумала Эйла.

Она, как и остальные, была захвачена рассказом Джондалара, но в какой-то момент поймала себя на том, что наблюдает за собравшимися у очага людьми. Маленькие дети устроились на коленях взрослых, а те, что постарше, сидели отдельной группой и не сводили горящих глаз с обаятельного странника. Больше других, похоже, увлекся Дануг. Он сидел не шелохнувшись и, подавшись вперед, с явным восхищением внимал рассказчику.

– ...Тонолан спустился в это глубокое ущелье, рассчитывая, что львица ушла и ему ничего не угрожает. Но вдруг раздался рев пещерного льва...

– И что случилось потом? – спросил Дануг.

– Остальное вам должна рассказать Эйла. Я мало что помню об этом.

Все глаза устремились на нее. Эйла потрясенно молчала. Она не ожидала этого; прежде ей никогда не приходилось говорить перед такой большой аудиторией. Джондалар ободряюще улыбнулся ей. Мысль предоставить ей слово не случайно пришла ему в голову – ведь ей надо привыкать общаться с людьми, а это можно сделать не иначе, как заставив ее говорить на их языке. Ее жизнь очень заинтересовала мамутои, и ей не раз еще придется рассказывать о своих приключениях. И сейчас, когда в памяти каждого еще свежи воспоминания о ее удивительной власти над лошадьми, история о пещерном льве будет выглядеть более правдоподобной. Джондалар понимал, что после этой потрясающей истории покров тайны, окутывающий Эйлу, станет еще плотнее, но надеялся, что они удовлетворятся этим рассказом, и тогда у нее не будет возможности поведать им о своем более отдаленном прошлом.

– Так что же случилось потом, Эйла? – опять спросил Дануг, мечтая скорее услышать продолжение.

Шестилетняя Руги с молчаливой робостью взирала на своего большого брата, который целый год не был дома, однако, вспомнив прежние времена, когда они, усаживаясь плотным кружком, рассказывали разные истории, она немедленно решила забраться к нему на колени. Обняв сестру, Дануг отрешенно улыбнулся ей, но его напряженный взгляд был по-прежнему устремлен на Эйлу.

Она оглянулась вокруг и, заметив, что все лица обращены в ее сторону, попыталась заговорить, но от волнения у нее пересохло в горле, хотя ладони были неприятно влажными.

– Да, так что же случилось? – повторила Лэти, которая сидела рядом с Данугом, держа на коленях Ридага.

Большие карие глаза мальчика были полны ожидания. Он приоткрыл рот и тоже произнес что-то, но никто не понял его просьбы, кроме Эйлы. Она знала значение подобных восклицаний, поскольку слышала их раньше и даже научилась произносить их. Люди клана не были полностью немыми, но у них были ограниченные способности артикуляции. Поэтому они и придумали для общения богатый и всеобъемлющий язык жестов, а слова использовались лишь для усиления их значения. Она поняла, что Ридаг просит ее продолжить

историю и его восклицание исполнено смысла. Эйла улыбнулась, глядя в глаза мальчика.

– Я была с Уинни, – сказала Эйла.

В сущности, кличка кобылы была просто звукоподражанием мягкому ржанию. И слушавшие не поняли, что она произнесла имя лошади. Вместо этого они сочли, что это было некое удивительное украшение начала истории. Они улыбнулись, выражая одобрение и побуждая ее продолжать в том же духе.

– Она скоро иметь маленькую лошадь. Очень большой живот... – сказала Эйла и вытянула вперед руки, показывая, что кобыла была в тягости. Мамутой ответили ей понимающими улыбками. – Уинни надо гулять, и мы ездили каждый день. Короткие прогулки... по знакомым местам. Однажды мы ехать на запад, а не на восток. Посмотреть новую долину, – продолжала Эйла, обращая свои слова к Ридагу.

Джондалар учил ее всем языкам, которые знал сам, в том числе и языку мамутой, но она говорила на них не так свободно и правильно, как на его родном языке, который узнала самым первым. У нее был удивительный выговор, а ее акцент казался очень странным и почти необъяснимым. К тому же она с трудом подыскивала слова и еще больше смущалась из-за этого. Но, подумав о мальчике, который вообще был не способен говорить, она решила все же пересилить свое смущение и продолжить рассказ. Ведь он просил ее об этом, и она не хотела обмануть его надежды.

– Я слышать лев...

Сама не сознавая почему, Эйла вдруг зарычала. Может быть, из-за горящего ожиданием взгляда Ридага или из-за того, что он едва не свернул голову, чтобы лучше видеть и слышать ее. Или, возможно, просто сработала пробуждающаяся интуиция хорошего рассказчика, и Эйла угрожающе зарычала, очень точно воспроизведя львиный рык. Она услышала сначала сдавленные испуганные вздохи, потом нервные смешки и возгласы одобрения благодарных слушателей. Ее способность подражать голосам животных была просто невероятной, что явно придавало неожиданно волнующий оттенок ее рассказу. Джондалар тоже одобрительно улыбнулся и кивнул ей.

– Я слышать, кричит человек. – Она взглянула на Джондалара, и ее глаза наполнились печалью. – Я остановиться... что делать? Уинни... большая... в животе малыш... – Изображая жеребенка, она издала

слабые повизгивающие звуки, за что была вознаграждена сияющей улыбкой Лэти. – Я беспокоиться за лошадь, но человек кричал, и я слышать лев снова. Я вдруг слушать внимательно... – Она умудрилась изобразить львиное рычание так, что в нем присутствовал какой-то игривый оттенок. – Я узнать Вэбхья и тогда спускаться в ущелье. Я понимать, что он не тронуть лошадь.

Эйла видела изумленные взгляды. Она произнесла незнакомое слово, хотя Ридаг мог бы знать его, если бы его судьба сложилась иначе. Эйла объясняла Джондалару, что «Вэбхья» означает «младенец» на языке клана.

– Вэбхья – это лев, – попыталась объяснить она. – Я знать маленький лев, Вэбхья был... как малыш. Я спускаться в ущелье. Заставить лев уйти. Но я найти один мужчина мертвый. Другой мужчина, Джондалар, искалечить очень плохо. Уинни везти его обратно в долину.

– М-да! – раздался чей-то насмешливый и недоверчивый голос. Эйла оглянулась и поняла, что это сказал Фребек, мужчина, который днем спорил со старухой. – Неужели ты хочешь убедить нас, что уговорила льва оставить в покое раненого человека?

– Это не обычный лев, а Вэбхья, – возразила Эйла.

– Что это значит? Объясни попонятнее.

– «Вэбхья» – слово клана. Означать «ребенок, малыш». Маленький лев жить со мной, и я дать ему это имя. Вэбхья – мой знакомый лев. Лошадь тоже знать его. Уинни не бояться этот лев.

Эйла расстроилась: что-то в ее объяснении было не так, но она не могла понять, что именно.

– Ты жила вместе со львом? Вот уж не поверю, – ухмыльнулся Фребек.

– Ты не веришь ей? – сердитым голосом спросил Джондалар.

Этот мужчина, в сущности, обвинил Эйлу во лжи, а Джондалар слишком хорошо знал, насколько правдива эта история.

– Эйла никогда не лжет, – сказал он, вставая, чтобы развязать пояс, стягивавший его кожаные штаны. Приспустив их сбоку, он обнажил пах и бедро, обезображенное ужасными багровыми шрамами. – Лев напал на меня, и Эйла не только спасла меня от его когтей. Она – искусная целительница. Если бы не она, то я отправился бы в мир иной вслед за моим братом. И я скажу тебе еще кое-что. Я видел, как она ездила на

спине этого льва точно так же, как ездит на лошади. Меня ты тоже назовешь лжецом?

– Никто никогда не называл лжецом гостя Львиной стоянки, – бросив на Фребека гневный взгляд, сказала Тули, пытаясь охладить слегка накалившуюся атмосферу. – Мне кажется очевидным, что ты был сильно покалечен. И все мы своими глазами видели, как эта женщина... Эйла... ездит на лошади. Я не нахожу никакой причины сомневаться в твоих или ее словах.

Повисла напряженная тишина. Эйла в недоумении поглядывала на настороженные лица людей. Она не знала, что означает слово «лжец», и не могла понять, почему Фребек сказал, что не верит ей. Эйла выросла среди людей, общавшихся посредством движений. Помимо жестов язык клана включал в себя мимику и многочисленные позы, передававшие тончайшие оттенки смысла. Очень трудно, практически невозможно было солгать на таком телесном языке. В лучшем случае человек мог отказаться упомянуть о чем-то, и даже тогда можно было понять, о чем он умалчивает, хотя никому не возбранялось хранить тайны. Эйла не умела лгать.

Однако она понимала напряженность ситуации. Она ясно видела молчаливое раздражение и враждебность на лицах людей. И также видела, что они пытаются скрыть свои истинные чувства. Талут поймал мимолетный взгляд Эйлы, обращенный в сторону темнокожего мужчины. Он задумчиво посмотрел на Ранека, и ему в голову пришла хорошая идея. Он понял, как можно снизить напряжение и вернуть разговор в нужное русло.

– Да, это была отличная история, Джондалар, – пророкотал Талут, тоже грозно глянув на Фребека. – Всегда интересно послушать о тех удивительных приключениях, что случаются во время долгих путешествий. А не хочешь ли ты послушать рассказ о другом великом путешествии?

– Конечно хочу, – ответил Джондалар.

Все собравшиеся наконец облегченно вздохнули и заулыбались. Эту историю и сами мамутой любили послушать, к тому же им редко случалось наблюдать за реакцией людей, которые еще не слышали ее.

– Это история Ранека... – начал Талут.

Эйла заинтересованно посмотрела на Ранека.

– Мне бы хотелось узнать, как человек с коричневой кожей появиться на Львиной стоянке, – медленно подбирая слова, сказала Эйла.

Ранек улыбнулся ей, но обратился к главе своего очага:

– Это, конечно, моя история, но рассказывать-то тебе, Уимез.

Джондалар вновь сел на свое место, не слишком уверенный, что ему нравится тема новой истории – или, возможно, повышенное внимание Эйлы к этому мужчине, – и все-таки это было лучше, чем почти явная враждебность. К тому же история действительно обещала быть интересной.

Кивнув Эйле, Уимез слегка откинулся назад и, с улыбкой глянув на Джондалара, начал свое повествование:

– Понимаете, молодой человек, нас с вами объединяет не только любовь к кремневым орудиям. В молодости я тоже совершил дальнее путешествие. Сначала я взял курс на юго-восток, миновал море Беран и направился дальше к берегам огромного моря, расположенного гораздо южнее. Это южное море имеет много названий, поскольку на его берегах живет множество разноязычных племен. Обогнув это море с востока, я направился на запад, чтобы познакомиться с южным побережьем. Земля там покрыта густыми лесами, солнце очень горячее, и дожди льют нещадно, не то что у нас. Конечно, в пути было множество приключений, но лучше приберечь их для следующего раза. А сейчас я расскажу вам историю Ранека. Странствуя на запад по южному берегу, я знакомился с разными племенами. Кое-где я останавливался и жил какое-то время, узнавая много нового и делаясь собственным опытом. Однако мне не сиделось на одном месте, и вскоре я вновь отправлялся в дорогу. Я хотел пройти на запад как можно дальше. Спустя несколько лет я оказался неподалеку от пролива, которым заканчивается южное море. Я думаю, Джондалар, что именно за этим проливом и начинается ваша Великая Вода. Там я познакомился с людьми с такой темной кожей, что они казались просто черными, и там же я встретил одну женщину... Женщину, которая завладела моими мыслями и чувствами. Может, поначалу меня привлекла ее необычная внешность... ее чужеземные одежды, цвет кожи, горящие черные глаза... Все в ней было удивительно: неотразимая улыбка... манера танцевать, ее плавные, изящные движения... Я никогда еще не встречал столь пленительной женщины.

Уимез говорил спокойным суховатым тоном, но сама история была настолько захватывающей, что не нуждалась в дополнительном приукрашивании. Однако когда этот коренастый, предельно сдержанный человек упомянул о темнокожей женщине, то его манера речи заметно изменилась.

– Когда она согласилась жить со мной, я решил навсегда остаться с людьми этого племени. С юных лет меня тянуло работать с камнем, и я научился у них делать наконечники копий. Они обрабатывали камень с двух сторон, понимаешь? – Его вопрос был обращен к Джондалару.

– Да, обе поверхности, как у рубила.

– Только их наконечники не такие большие и грубые. У них отработана хорошая техника. Я тоже показал им кое-какие вещи. В общем, я был вполне согласен жить по их обычаям, особенно после того, как Великая Мать благословила мою жену ребенком. Когда родился мальчик, она попросила меня дать ему имя – такой уж у них обычай. Я выбрал имя Ранек.

«Вот и объяснение, – подумала Эйла. – Его мать была темнокожей».

– Что же заставило вас вернуться домой? – спросил Джондалар.

– Сложности начались через несколько лет после рождения Ранека. Темнокожее племя, в котором я жил, перебралось в те места с юга, но некоторые племена издавна жили там. Стоянки никак не могли поделить охотничьи территории. Мне почти удалось убедить их встретиться и спокойно обсудить все. Однако в каждом племени нашлось несколько горячих голов, которые решили взяться за оружие. Одна смерть влекла за собой другую – кровь за кровь, – и в конце концов началась настоящая война, стоянка против стоянки. Мы построили оборонительные укрепления, но этого оказалось недостаточно. Врагов было гораздо больше. Война продолжалась, они устраивали засады, убивая нас поодиночке. Через какое-то время вид человека со светлой кожей начал внушать страх и ненависть. Несмотря на то что я уже давно был членом их племени, люди перестали доверять мне и даже Ранеку. Его кожа была более светлой, чем у остальных, и черты лица тоже выделялись на общем фоне. Я поговорил с матерью Ранека, и мы решили уйти из племени. Прощание было тягостным, здесь были их друзья и родные, но оставаться было опасно. Некоторые горячие головы даже не хотели отпускать нас, однако с помощью

верных друзей мы тайно покинули стоянку ночью. Путь наш лежал на север, к проливу. Я знал некоторые из живущих там племен, они умели делать легкие маленькие лодки, на которых иногда переправлялись на другой берег. Нас предостерегали, что мы выбрали плохой сезон для переправы. Даже при самых лучших условиях такое плавание было чревато массой опасностей. Но я стремился уехать как можно скорее и решил рискнуть. Конечно, это было неправильное решение, – сказал Уимез напряженным глухим голосом. – Наша лодка опрокинулась. До другого берега смогли добраться только мы с Ранеком и одна связка вещей.

Помедлив немного, он продолжил рассказ:

– Мы были еще очень далеко, и наш путь в родные края занял много времени, но в конце концов мы прибыли сюда во время Летнего схода.

– И сколько же всего лет ты странствовал? – спросил Джондалар.

– Десять лет, – сказал Уимез и улыбнулся. – Наше возвращение вызвало страшный переполох. Никто уже не ожидал вновь увидеть меня, а тем более с Ранеком. Неззи, моя младшая сестра, даже не узнала меня, правда, она была совсем ребенком, когда я ушел из дома. Тем летом она и Талут как раз прошли церемонию Брачного ритуала и основали эту Львиную стоянку вместе с Тули, ее двумя мужьями и детьми. Они пригласили меня присоединиться к ним. Неззи усыновила Ранека, хотя он по-прежнему считался сыном моего очага. Но она заботилась о нем как о собственном ребенке даже после рождения Дануга.

Уимез уже закончил свой рассказ, но все по-прежнему смотрели на него с молчаливым ожиданием, надеясь на продолжение. Большинство обитателей стоянки, конечно, много знали о его приключениях, однако казалось, запас их неисчерпаем – он всегда удивлял их либо совсем новой историей, либо рассказывал старую, отыскивая новые подробности.

– Да, мне кажется, Неззи могла бы стать всеобщей матерью, случись такая возможность, – заметила Тули, вспоминая времена возвращения Уимеза. – Моя Диги тогда была совсем крошкой, и Неззи никак не могла наиграться с ней.

– Ну мне-то она больше чем мать! – сказал Талут и с игривой улыбкой похлопал свою пышнотелую жену пониже спины.

Он дотянулся до очередного бурдючка с горячительным напитком и, сделав несколько хороших глотков, послал его по кругу.

– Отлично, Талут! Пожалуй, я тоже могу воспользоваться материнским правом! – подавляя усмешку, сказала Неззи, пытаясь придать своему голосу сердитый оттенок.

– Это что, обещание? – спросил Талут.

– Уж ты-то должен понимать, братец, что я имела в виду, – заметила Тули, не желая принимать игривый тон Талута. – Она не смогла отказаться даже от Ридага. Все равно он не жилец на этом свете. Он такой хворый, стоило ли за него бороться...

Эйла перевела взгляд на мальчика. Замечание Тули огорчило его. Тули говорила без злого умысла, вовсе не желая обидеть Ридага. Но Эйла поняла, что ему не нравится, когда о нем говорят как об отсутствующем. Но он ничего не мог поделать с этим. Ведь мальчик не мог высказать свои чувства, а Тули, недолго думая, решила, что раз Ридаг ничего не говорит, значит он ничего не понимает и не чувствует.

«Хорошо бы услышать историю этого ребенка», – подумала Эйла, но попросить не решилась, боясь показаться бесцеремонной. Однако Джондалар сделал это за нее, стремясь удовлетворить собственное любопытство.

– Неззи, ты не хочешь рассказать нам о Ридаге? Мне кажется, Эйле это было бы особенно интересно, да и мне тоже.

Собираясь с мыслями, Неззи наклонилась в сторону Лэти и, забрав у нее мальчика, посадила к себе на колени.

– Мы охотились на гигантских северных оленей с ветвистыми рогами, – задумчиво сказала наконец Неззи, – и как раз начали строить загон для них – это лучший способ охоты на таких большерогих оленей. И помню, я очень удивилась, заметив странное существо, прятавшееся неподалеку от нашего лагеря. Редко кто встречал в наших краях самок плоскоголовых, тем более бродивших в одиночку.

Эйла подсела поближе к Неззи и внимательно слушала, стараясь не упустить ни слова.

– Заметив, что я смотрю на нее, она даже не пыталась убежать, пока я не подошла поближе. И тут мне стало ясно, что она беременна. Я подумала, что она, может быть, голодает, и оставила немного еды возле того места, где она пряталась. Утром еда исчезла, и я решила, что буду подкармливать ее, пока мы не закончим охоту. По-моему, и на

следующий день я видела ее несколько раз, хотя точно не знаю. А вечером когда я сидела у костра, кормя Руги, то увидела ее снова. Она еле передвигалась и казалась совсем больной, и тогда я поняла, что она вот-вот родит. Я не знала, что делать. Мне хотелось помочь, но она попыталась спрятаться. А вокруг становилось все темнее. Я рассказала обо всем Талуту, и он, взяв с собой несколько человек, отправился искать ее.

– Да, та ночь выдалась особенной, – сказал Талут, вспомнив о своем участии в этой истории. – Я думал, нам предстоят долгие блуждания, прежде чем мы сможем окружить ее со всех сторон. Но стоило мне прикрикнуть на нее, как она тут же опустилась на землю, словно только этого и ждала. Похоже, она не слишком испугалась меня, и, когда я поманил ее, она встала и последовала за мной, точно понимала, что я не причиню ей вреда.

– Не представляю даже, как она добрела до лагеря, – продолжала Неззи, – схватки были очень сильными. Женщина быстро поняла, что мы хотим помочь ей, правда, я толком не знала, как это сделать. Трудно было даже сказать, удастся ли ей выдержать роды. Хотя она ни разу не вскрикнула. Ну, в общем, к утру она родила сына. Мы с удивлением увидели, что младенец был помесью духов. Отличия сразу бросались в глаза. Роженица была настолько слаба, что я решила показать ей сына. Это могло вдохнуть в нее новые силы, и мне почудилось, что она только этого и ждет. Однако, как я и подозревала, состояние ее было очень плохим, – должно быть, она потеряла слишком много крови. Положение было практически безнадежным. Она умерла еще до восхода солнца. Все твердили, чтобы я оставила умирать младенца рядом с матерью, но я подумала, что смогу выкормить его. Ведь все равно я кормила Руги, и молока у меня с лихвой хватило бы на двоих. Так что мне было совсем не трудно приложить его к своей груди. – Она нежно обняла сидевшего на коленях Ридага. – Я понимала, что он слабый ребенок. Возможно, мне и не следовало делать этого, но я полюбила Ридага как собственное дитя и совсем не жалею, что вырастила его.

Откинув назад голову, Ридаг посмотрел на Неззи своими большими сияющими карими глазами, затем обнял ее за шею худенькими ручками и прижался головой к ее груди. Неззи покрепче обняла его, слегка укачивая, как младенца.

– Кое-кто говорит, что он животное, потому что не умеет разговаривать, но я знаю, он все понимает, и он вовсе не «мерзкий уродец», – добавила она, бросив злобный взгляд на Фребека. – Только Великая Мать может знать, почему смешались сотворившие его духи.

Эйла с трудом сдерживала слезы. Она еще не знала, как эти люди относятся к слезам; ее «мокнущие» глаза всегда тревожили членов клана. Вид этой женщины с ребенком пробудил в ней печальные воспоминания. С одной стороны, ей было очень горько из-за того, что она не могла обнять своего сына. А с другой стороны, она вновь загрустила, вспомнив Изу, которая взяла ее в свою семью и заменила ей мать. Хотя Эйла была так же не похожа на членов клана, как Ридаг – на обитателей Львиной стоянки. Однако больше всего Эйле хотелось сейчас найти слова, чтобы высказать Неззи свои чувства, свою благодарность за ее любовь к Ридагу... Высказать, как это важно для нее самой. Непонятно почему, но Эйла вдруг почувствовала, что если она сможет как-то помочь Неззи, то это станет своеобразной данью памяти Изе.

– Неззи, он все понимает, – тихо сказала Эйла. – Он – не животное и не плоскоголовый. Он – ребенок клана и в то же время ребенок Других.

– Я знаю, Эйла, что он – не животное, – сказала Неззи, – но что значит «клан»?

– Мать Ридага принадлежала к клану. Вы говорите, что они плоскоголовые, а они называют себя кланом, – объяснила Эйла.

– Что ты имеешь в виду, говоря: «Они называют себя кланом»? Они же не могут говорить, – возразила Тули.

– Да, у них мало слов. Но они говорят. Они говорят руками.

– Откуда ты знаешь? – спросил Фребек. – С чего это ты так уверена в этом?

Джондалар глубоко вздохнул и задержал дыхание, со страхом ожидая ее ответа.

– Раньше я жила в клане. Я говорила на языке клана, пока Джондалар не научил меня говорить словами, – сказала Эйла. – Я считала клан своим племенем.

Когда смысл сказанного ею дошел до сознания слушателей, то над очагом повисла оглушительная тишина.

– Ты хочешь сказать, что жила с плоскоголовыми?! Ты жила с этими мерзкими животными! – с отвращением воскликнул Фребек, вскакивая и отбегая в сторону. – Неудивительно, что она так плохо говорит. Она ничем не лучше их, раз жила вместе с ними. Все они – просто грязные твари, включая и твоего выродка, Неззи.

Тут вся стоянка возмущенно зашумела. Даже если кто-то и разделял его мнение, все равно Фребек зашел слишком далеко. Мало того что преступил границы вежливости по отношению к гостям, так еще и оскорбил жену вождя. Правда, его давно раздражало, что он живет в стоянке, которая приютила у себя «мерзкого выродка». И к тому же он еще не пришел в себя от язвительных уколов матери Фрали, нанесенных ему в сегодняшней схватке, продолжившей давнишнюю войну. Поэтому Фребеку хотелось выплеснуть на кого-то свое раздражение.

Талут взревел, защищая Неззи и Эйлу. Тули, перекрикивая его, пыталась защитить честь стоянки. Крози, злобно усмехаясь, то поносила Фребека, то запугивала Фрали, и остальные тоже орали во весь голос, высказывая свои мнения. Эйла переводила растерянный взгляд с одного лица на другое, и ей жутко захотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этого безумного ора.

Неожиданно Талут громовым голосом потребовал тишины. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы утихомирить разбушевавшиеся страсти. Затем послышались звуки барабана Мамута, что завершило восстановление порядка, и все мамутой спокойно расселись по местам. Когда барабан затих, Талут сказал:

– Я полагаю, что прежде, чем высказывать какие-либо суждения, мы должны выслушать рассказ Эйлы.

Все мамутой с готовностью повернулись в ее сторону, с жадным интересом ожидая, что скажет эта таинственная женщина. Эйла молчала в нерешительности, ей не хотелось больше ничего рассказывать этим крикливым грубым людям, но она чувствовала, что у нее нет выбора. Тогда, гордо вздернув подбородок, она подумала: «Ладно, я расскажу им то, что они так жаждут услышать, но утром я распрощаюсь с ними».

– Я не знаю... Я совсем не помню своего детства, – начала Эйла. – Только землетрясение... и пещерного льва, который оставил

шрамы на моей ноге. Иза говорить, она найти меня у реки... Есть какое-то слово, Мамут?... Когда человек ничего не чувствует?..

– Без сознания.

– Да, Иза говорить, что я лежать без сознания. Мне было мало лет, меньше Ридага. Возможно, пять лет. Когти пещерного льва оставить кровавые следы на моя нога. Иза быть... целительница. Она лечить меня. Креб... Креб был Мог-ур... как Мамут... посвященный человек, он знать мир духов. Креб учил меня говорить язык клана... Они заботиться обо мне. Я не принадлежать клан, но они заботиться обо мне.

Она старательно вспоминала язык мамутой, все то, чему успел научить ее Джондалар. Замечание Фребека о том, что она плохо говорит, задело ее больше, чем остальные высказывания. Эйла взглянула на Джондалара. Лицо его выражало тревогу. Похоже, он хотел предостеречь ее от чего-то. Она не могла понять причину его беспокойства, но подумала, что, возможно, не стоит рассказывать все до конца.

– Я выросла в клане, но уйти... чтобы найти Других, похожих на меня... Тогда мне было... – она запнулась, вспоминая соответствующее счетное слово, – четырнадцать лет. Иза говорить мне, Другие жить на севере. Я долго ходить, не найти никого. Потом я найти хорошую долину и пещеру и остаться там, чтобы готовиться к зиме. Убить лошадь для зимнего запаса и увидеть маленькая лошадь, ее ребенок. Я скучать одна. Маленькая лошадь была как ребенок. Я заботиться о ней. Позже найти маленький лев, плохо искалеченный... Я взять лев тоже, вылечить, но он расти большой и уйти... найти львицу. Я жить в долине три года одна. Потом встретить Джондалара.

Эйла умолкла. Никто не проронил ни слова. Ее более чем незатейливый рассказ – простое перечисление основных событий ее жизни – мог быть только правдой, однако поверить в него было очень трудно. Он породил множество новых вопросов и почти не дал ответов. Неужели плоскоголовые действительно приютили и вырастили ее? Неужели они действительно умели говорить или, по крайней мере, общаться друг с другом? Неужели они действительно способны на человеческие чувства и тоже принадлежат к человеческому роду? И как относиться к ней? Можно ли считать человеком того, кого вырастили плоскоголовые?

В наступившей тишине Эйла задумчиво смотрела на Неззи и Ридага, и ей припомнился один давний случай из жизни клана, когда она была еще совсем маленькой. Креб учил ее ручному языку, но был один жест, который она поняла самостоятельно. Этот жест часто использовали, общаясь с детьми, и дети постоянно делали его, обращаясь к женщинам, которые растили их. Иза обрадовалась, когда Эйла впервые подала ей такой же знак.

Эйла склонилась вперед и обратилась к Ридагу:

– Я хочу показать тебе слово. Слово, которое ты сможешь сказать руками.

Он выпрямился, в глазах его вспыхнули огоньки жадного интереса. Он давно научился понимать человеческую речь и сейчас понял все, о чем говорилось. Однако рассказ о языке жестов вызвал у него смутное волнение. Чувствуя на себе пристальные взгляды всех обитателей стоянки, Эйла сделала некий жест – строго выверенное движение.

Озадаченно нахмурившись, мальчик неловко попытался скопировать его. И тогда вдруг из сокровенных глубин его существа к нему пришло древнее родовое знание, и лицо его озарилось светом понимания. Он быстро сделал совершенно правильный жест, и Эйла, улыбнувшись, кивнула ему. Потом мальчик повернулся к Неззи и повторил этот жест. Она взглянула на Эйлу.

– Он сказать тебе «мама», – пояснила Эйла.

– Мама? – потрясенно повторила Неззи, она на мгновение зажмурила глаза, пытаясь сдержать счастливые слезы, и нежно прижала к себе ребенка, которого полюбила с момента его появления на свет. – Талут! Ты видел? Ридаг только что сказал «мама». Я даже не мечтала, что доживу до того дня, когда Ридаг назовет меня мамой.

Глава 4

Настроение на стоянке было подавленное, все точно онемели, не зная, что сказать; умы и души находились в полном смятении. Кем же на самом деле были эти чужаки, так внезапно появившиеся в их краях? Мужчине, заявлявшему, что он пришел из далеких западных земель, было легче поверить, чем женщине, что она прожила три года в соседней долине. Но самым невероятным было то, что прежде она жила в стаде плоскоголовых. История этой женщины угрожала разрушить стройный и привычный мир их понятий и представлений, однако трудно было усомниться в ее правдивости.

Расчувствовавшись после первого молчаливого слова ребенка, Неззи со слезами на глазах понесла Ридага в кровать. Все остальные восприняли это как знак того, что вечер рассказов закончился, и начали разбредаться по своим очагам. Эйла воспользовалась этой возможностью, чтобы незаметно выскользнуть из земляного дома. Натянув свою парку – теплую меховую куртку с капюшоном, – она вышла на свежий воздух.

Уинни, узнав ее, тихо заржала. Неуверенно нащупывая путь в темноте, следуя на звук лошадиного фырканья, Эйла дошла до своих питомцев.

«Как дела, Уинни? Вам с Удальцом хорошо здесь? Наверное, не лучше, чем мне». Эйла мысленно обращалась к лошадям, используя также особый язык, на котором обычно общалась с ними. Вскинув голову, Уинни радостно погарцевала вокруг своей хозяйки и положила голову ей на плечо. Эйла обхватила руками лохматую шею и уткнулась лбом в теплую шкуру лошади, которая так долго была ее единственным другом. Удалец топтался возле них, и они постояли немного, прижавшись друг к другу, забыв на время о всех странных событиях этого дня.

Убедившись, что с лошадьми все в порядке, Эйла спустилась к самому берегу реки. Здесь, вдали от людей, от их шумного жилища, царило удивительное спокойствие. Она вздохнула полной грудью. Ночной воздух был сухим и прохладным. Когда Эйла откинула назад меховой капюшон, по ее волосам пробежали холодные синие искорки. Она подняла голову и задумчиво посмотрела на небо.

Новая луна, игнорируя бесчисленное космическое сообщество, повернула свой сияющий глаз к более далеким мирам, чьи движущиеся по кругу огоньки дразнили обещанием бесконечной свободы, но в реальности могли предложить лишь вселенскую пустоту. Высокая паутина облаков ослабляла звездный свет, однако именно благодаря этой вуали более явно обозначались мерцающие ореолы созвездий, а припорошенные светло-серой пылью черные небеса казались более близкими и успокаивающими.

Эйла испытывала смятение, ее раздирали противоречивые чувства. Там, в земляном доме, жили Другие, которых она так долго искала. Они принадлежали к тому виду людей, среди которых она родилась. Если бы землетрясение не распорядилось иначе, она могла бы вырасти в подобном племени, в теплом, уютном доме. Но вместо этого ее вырастил клан. Она узнала обычаи клана, и теперь жизнь похожих на нее людей казалась ей чуждой. Конечно, она смогла выжить только благодаря клану. Однако сейчас она уже не могла вернуться туда и в то же время вовсе не была уверена, что сможет стать членом племени Других.

Эти люди слишком шумны и неорганизованны. Иза сказала бы, что они просто невоспитанны. Тот же Фребек, к примеру, встречается в разговор, когда ему заблагорассудится, не спрашивая разрешения, а потом все вдруг начинают говорить одновременно, пытаясь переорать друг друга. Она подумала, что даже Талут вынужден кричать, чтобы добиться порядка, хотя он – вождь этого племени. Брану никогда не приходилось так кричать. Его крик можно было услышать в единственном случае – если он хотел предупредить кого-то о надвигавшейся опасности. Каждый член клановой семьи всегда четко осознавал присутствие вождя. И Брану достаточно было сделать одно легкое движение, чтобы завладеть вниманием любого человека.

Ей также не нравилось, как мамутой отзывались о членах клана, называя их плоскоголовыми или стадом животных.

«Почему так трудно понять, что они – тоже люди? – думала Эйла. – Возможно, немного иного склада, но такие же разумные существа. Неззи понимала это. Несмотря на суждения своих сородичей, она знала, что мать Ридага была женщиной и что дитя, которому она дала жизнь, – вполне нормальный младенец. Хотя, конечно, в нем смешались два духа, как в моем сыне и как в маленькой дочке Оды,

которую я видела на Сходбище клана. Интересно, почему у той умершей женщины родился ребенок смешанных духов?.. Духи! Неужели действительно духи делают детей? Клан считает, что младенец начинает расти в животе женщины после того, как дух мужского тотема побеждает духа женского тотема. А Джондалар и мамутой верят, что Великая Земная Мать выбирает и смешивает дух мужчины и женщины и этот смешанный дух проникает в женское тело. Так кто же из них прав? Неужели только мне одной кажется, что именно благодаря мужчине, а вовсе не духу младенец начинает расти в животе женщины? И эта новая жизнь зарождается с помощью полового органа... с помощью мужского копья, или чудесника, как называл его Джондалар. Зачем же иначе мужчина и женщина делят дары Радости, сливаясь в единое целое? Когда Иза рассказывала мне об одном снадобье, то говорила, что оно укрепляет ее тотем и что у нее уже много лет нет детей, потому что она принимает этот настой. Может, так оно и есть, но ведь я не принимала его, пока жила одна, и все равно у меня не появилось ни одного ребенка. Нет, похоже, что новая жизнь не может зародиться сама по себе. Только после прихода Джондалара я вновь подумала о том, что стоит поискать то растение с яркими желтыми цветами и накопать корней антилопьего шалфея. После того как Джондалар показал мне, что при совокуплении можно не чувствовать боли, после того, как он показал, какие чудесные ощущения могут испытывать одновременно мужчина и женщина... Интересно, что будет, если я перестану принимать тайное снадобье Изы? Возможно, тогда во мне зародится новая жизнь? Возможно, у меня родится ребенок от Джондалара... если он введет свой мужской орган туда, откуда появляются дети...»

От этой мысли ее щеки окрасились ярким румянцем, и она почувствовала сладостное покалывание в отвердевших сосках груди. «Сегодня уже не удастся ничего выяснить, – подумала она, – ведь я выпила этот настой утром. Однако что будет, если завтра я заварю самый обычный чай? Смогу ли я тогда зачать ребенка от Джондалара? Хотя вовсе не обязательно ждать до завтра. У нас впереди есть сегодняшняя ночь...»

Эйла усмехнулась, осознав, к чему привели ее размышления: «Ты хочешь, чтобы он скорее обнял тебя, прижался губами к твоим губам

и...» Она вздрогнула, предвкушая грядущие наслаждения, и, закрыв глаза, отдалась сладким чувственным воспоминаниям.

– Эйла! – вдруг крикнул чей-то беспокойный голос.

Она резко обернулась на этот звук. Погрузившись в мир внутренних ощущений, она не услышала приближения Джондалара, и тон его голоса совершенно не гармонировал с нахлынувшими на нее чувствами. Они мгновенно рассеялись, как волшебный сон. Джондалар явно чем-то обеспокоен, что-то тревожит его с самого начала, с тех пор как они прибыли на Львиную стоянку. Как же ей выяснить, в чем причина его тревоги?

– Да, это я, – сказала она.

– Что ты делаешь здесь? – раздраженно спросил он.

А что она могла делать?

– Я хотела почувствовать тишину, дышала свежим воздухом и думала о тебе, – ответила она, постаравшись дать как можно более исчерпывающий ответ.

Такое объяснение оказалось неожиданным для Джондалара, хотя он, в сущности, и сам толком не знал, какой ответ надеялся получить. Он никак не мог разрубить тугой узел гнева и тревоги, эти чувства будоражили все его существо с тех пор, как появился этот темнокожий мужчина. Эйла, похоже, нашла его очень привлекательным, и Ранек постоянно поглядывал на нее. Джондалар пытался подавить свой гнев и убедить себя в том, что его собственное поведение просто глупо. Ей нужны новые друзья. Ведь он был всего лишь первым мужчиной, которого она узнала, но это вовсе не означало, что он останется единственным.

Однако, когда Эйла проявила явный интерес к прошлому Ранека, Джондалар весь вспыхнул от горячей ярости и одновременно содрогнулся от ледящего душу страха. Зачем она хотела узнать побольше об этом странном человеке, который так упорно разглядывал ее? Наверняка ее пленила его чужеземная внешность. И в тот момент высокий светловолосый мужчина едва смог подавить желание немедленно увести Эйлу от этих людей, а чуть позже сам расстроился из-за того, что едва не поддался этому собственническому порыву. Она имеет право выбирать себе друзей, и между ней и Ранеком были пока всего лишь приятельские отношения. Они ведь только разговаривали да смотрели друг на друга.

Когда Эйла одна вышла из дома, Джондалар, заметив, как сверкнули ей вслед черные глаза Ранека, быстро натянул свою парку и отправился за ней. Он увидел, что Эйла стоит у реки, и, сам не зная почему, внушил себе, что она думает о Ранеке. Поэтому ее ответ сначала поразил его, но затем он почувствовал облегчение и улыбнулся.

– Мне следовало помнить, что на свой вопрос я получу совершенно полный и честный ответ. Значит, ночная тишина и свежий воздух... ты – удивительная женщина, Эйла.

Она тоже улыбнулась ему, хотя не вполне понимала, что удивительного она сделала, но поскольку на его губах заиграла улыбка и голос вновь стал спокойным и радостным, то бывшее ощущение сердечной теплоты вернулось, и Эйла порывисто шагнула навстречу Джондалару. Несмотря на почти полную темноту и тусклый звездный свет, который позволял увидеть лишь общие очертания, Джондалар почувствовал скрытый смысл ее порыва и не замедлил с ответом. В следующее мгновение Эйла была уже в его объятиях, их губы встретились, и все сомнения и тревоги окончательно улетучились из ее головы. Она готова пойти за ним хоть на край света, жить с любыми племенами, принять их странные обычаи и традиции, только бы Джондалар всегда оставался с ней.

Оторвавшись от его губ, Эйла, прищурившись, посмотрела на него:

– Помнишь, я спрашивала тебя о принятых у вас знаках? Что мне следует сказать, когда я хочу, чтобы ты обнял меня и пронзил своим мужским копьем?

– Да, помню, – криво усмехнувшись, ответил он.

– Ты сказал, достаточно поцелуя или просто просьбы. Я прошу тебя. Можешь ли ты поднять свое копье?

Она была на редкость серьезна и искренна и настолько соблазнительна в этот момент, что он склонил голову и нежно поцеловал ее; его лицо находилось так близко, что она почти видела яркую синеву его лучащихся любовью глаз.

– Эйла, моя смешная и прекрасная женщина, – сказал он. – Знаешь ли ты, как сильно я люблю тебя?

Но, обнимая ее, Джондалар вдруг почувствовал себя виноватым. Если он так любит ее, то почему его смущает ее прошлое? Когда Фребек, тот вздорный человек, с отвращением отшатнулся от нее,

Джондалару хотелось провалиться сквозь землю. Ему вдруг стало стыдно, что он привел ее и что ее могут принять за его подругу. Спустя мгновение он уже ненавидел себя за это. Ведь он любит ее. Как же можно стыдиться женщины, которую любишь?

Тот темнокожий мужчина, Ранек, совершенно не стыдился проявлять свои чувства. Как он смотрел на Эйлу, сияя белозубой улыбкой и поедая ее горящими черными глазами, в которых было столько веселого обаяния и откровенного желания. Видя, как Ранек смотрит на Эйлу, Джондалар с трудом сдерживал себя, чтобы не наброситься на него с кулаками. И всякий раз, вспоминая об этих взглядах, он вновь закипал от гнева. Он так сильно любил ее, что ему была невыносима даже мысль о том, что она может предпочесть какого-то другого мужчину, которого не будет смущать ее прошлое. Он даже не предполагал, что вообще способен на такую безумную любовь. Но почему же тогда он стыдится своей возлюбленной?

Джондалар с жаром поцеловал ее, до боли сжимая в своих объятиях, и с почти безумным пылом покрыл поцелуями ее лицо и шею.

– Знаешь ли ты, милая, что чувствует человек, познавший наконец любовь? Эйла, ты даже представить не можешь, как сильно я люблю тебя.

Он был настолько серьезен и пылок, что она испытала какой-то болезненный страх – не за себя, а за него. Она любила Джондалара даже больше, чем могла выразить словами, но любовь, которую испытывал он к ней, была несколько иной. Его чувство было ненамного сильнее, но гораздо более требовательным и бросающимся в глаза. Казалось, он боится потерять то, что считал своим собственным завоеванием. Тотемы, а в особенности могущественные тотемы, открывали путь к знанию и испытывали избранных ими людей именно таким страхом. Эйла попыталась найти способ, позволявший изменить направление изливания столь горячих чувств.

– Я смогу представить это, когда твое копьё будет готово к бою, – сказала она с легкой усмешкой.

Но надежды Эйлы не оправдались, он не ответил на ее игривый тон. Вместо этого он начал неистово целовать ее, все крепче прижимая к себе, пока наконец Эйле не показалось, что сейчас у нее хрустнут ребра. Затем, зарывшись головой в ее парку, он проник под рубашку и,

припав губами к ее груди, попытался развязать пояс, стягивавший ее кожаные штаны.

Никогда еще она не видела его таким неистовым и нетерпеливым, таким сгорающим от страсти. Обычно он бывал более нежным и внимательным к ее желаниям. Он знал ее тело лучше, чем она сама, и получал наслаждение от своих искусных любовных игр. Но на сей раз главным было его вождение. Понимая, что ему нужно, она покорно отдалась на волю этого мощного изъясления его любви. Сейчас их чувственная жажда была одинаково сильной. Эйла ловко развязала пояс, и ее одежда упала на землю, затем помогла раздеться и ему.

Сама не сознавая как, она оказалась лежащей на жестком речном берегу. Бросив мимолетный взгляд на туманную звездную россыпь, Эйла закрыла глаза. Джондалар опустился на нее, их губы слились в страстном поцелуе, и его требовательный язык так жадно исследовал изгибы ее рта, словно хотел найти там то, что с такой же требовательностью искал его горячий и напряженный половой член. Эйла вся раскрылась ему навстречу; разведя бедра, она помогала ему погрузиться в ее влажные от желания глубины. Когда он вошел в нее, Эйла судорожно вздохнула и услышала какой-то сдавленный стон, затем, почувствовав, как он погружается все глубже, она выгнулась вперед.

Даже в своем неистовстве он с восхищенным изумлением подумал об Эйле, о том, как они потрясающе подходят друг другу, ее глубины точно соответствовали его размерам. Ее жаркое лоно полностью поглотило его член, и почти в тот же момент Джондалар почувствовал приближение кульминации. Краткое мгновение он пытался бороться с собой, но у него ничего не вышло. Полностью подчинившись своей страсти, он погружался в нее вновь и вновь, овладевая ее лоном, и задрожал всем телом, ощущая близость неизъяснимого блаженства.

– О Эйла!.. – задыхаясь, воскликнул он. – О моя Эйла, моя милая Эйла! Я люблю тебя!

– Джондалар, Джондалар, Джондалар...

Наконец, освободившись от сокровенных соков, Джондалар со стоном зарылся лицом в ее волосы и опустошенно и обессиленно рухнул на нее, прижимая ее к земле. Эйла почувствовала, как острые камни впиваются в ее спину, но не обратила на это внимания.

Немного погодя он слегка приподнялся и с нежной озабоченностью взглянул на нее.

– Извини меня, – смущенно сказал он.

– Почему ты извиняешься?

– Все произошло слишком быстро, ты была еще не готова... Ты не смогла разделить со мной дар Радости.

– Я была готова, Джондалар. Я тоже обрела дар Радости. Ведь я сама попросила тебя. Моя Радость заключается в твоей Радости. Моя Радость в твоей любви, в твоём горячем чувстве ко мне...

– Но ты же не достигла наивысшей точки, не испытала всей полноты наслаждения, как я.

– Это не так уж важно. Я испытала другое чувство – чувство другой Радости. Разве я всегда должна достигать той наивысшей точки?

– Нет, наверное, нет, – задумчиво сказал он и добавил: – К тому же ночь еще только началась. Давай-ка поднимайся. Здесь довольно холодно. Пойдем лучше в дом, в нашу теплую постель. Диги и Бранэг наверняка уже лежат обнявшись за опущенным пологом. Ведь скоро им придется расстаться до будущего лета, и они явно жаждут остаться наедине друг с другом.

Эйла улыбнулась:

– Однако они не такие жадные, как ты. – Ей показалось, что он покраснел, хотя темнота и не позволяла видеть этого. – Я люблю тебя, Джондалар. Люблю всего тебя, все, что ты делаешь... Даже твою жадность... – Она отрицательно мотнула головой. – Нет, не так, это не то слово.

– Думаю, ты хочешь сказать слово «страстность».

– Я люблю даже твою страстность. Да, правильно. По крайней мере, твой язык я знаю лучше, чем язык мамутой. – Она помедлила. – Фребек сказал, что я неправильно говорю, Джондалар. Как ты считаешь, я смогу когда-нибудь научиться правильно говорить?

– Я тоже не совсем правильно произношу их слова. Ведь мой родной язык имеет свои особенности. А Фребек – просто вредный тип, от него одни неприятности, – сказал Джондалар, помогая ей встать. – И знаешь, что удивительно, в каждой пещере, на каждой стоянке, в любом племени обязательно есть подобный смутьян. Не обращай на него внимания, да и на других – тоже. Ты очень хорошо говоришь. Я

восхищаюсь тем, как быстро ты усваиваешь языки. Скоро ты будешь говорить на языке мамутой гораздо лучше меня.

– Я должна правильно научиться произносить слова. У меня нет другого выхода, – мягко сказала она. – Здесь никто не говорит на языке жестов, к которому меня приучили с детства, а для клана я умерла. – Она на мгновение закрыла глаза, испытывая чувство мрачной опустошенности.

Отгнав эти грустные мысли, Эйла начала одеваться, но вдруг остановилась.

– Подожди-ка, – сказала она, вновь снимая свой наряд. – Очень давно, когда я достигла женской зрелости, Иза рассказала мне все, что следует знать женщине клана об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, хотя она и сомневалась, что я когда-нибудь найду себе пару и что эти знания мне действительно понадобятся. Обычаи Других, конечно, могут быть совершенно иными, ведь даже свои чувства они проявляют иными способами, но это будет первая ночь, которую я проведу в жилище Других, и мне кажется, я должна совершить очистительный обряд после наших любовных развлечений.

– Что ты имеешь в виду?

– Я собираюсь искупаться в реке.

– Эйла, может, не стоит? Сейчас так холодно и темно. Это даже опасно.

– Я не буду заплывать далеко. Просто сполоснусь у берега, – сказала она, сбрасывая парку и снимая через голову нижнюю рубашку.

Река была уже по-осеннему холодной. Джондалар следил за Эйлой с берега, и ему достаточно было окунуть руку, чтобы понять, насколько там холодно. Ее желание совершить такое купание напомнило ему об очистительных обрядах, предшествующих ритуалу Первой Радости, и он решил, что легкое омовение ему тоже не повредит. Наконец продрогшая Эйла вышла из воды. Он принял ее в свои согревающие объятия, мохнатый бизоний мех его парки высушил ее тело, затем Джондалар помог ей надеть рубашку и парку.

Река вернула Эйле бодрость и свежесть, и, когда они вошли в земляное жилище, все ее тело приятно горело. Большинство людей уже улеглись спать. Красневшие в очагах угли были присыпаны золой, и голоса звучали приглушенно. Первый очаг оставался пустым, хотя на блюде еще лежали куски остывшего мамонтового жаркого. Когда они

тихонько проходили через помещение Львиного очага, Неззи поднялась со своего места и задержала их.

– Эйла, я просто хотела поблагодарить тебя, – сказала она, бросив взгляд на одну из возвышавшихся у стены лежанок. Проследив за ее взглядом, Эйла увидела на широкой кровати очертания трех маленьких раскинувшихся тел, укрытых меховым покрывалом. Лэти и Руги делили это ложе с Ридагом. Дануг вольготно устроился на второй лежанке, а на третьей, вытянувшись во всю длину, лежал Талут. Он приподнялся на локте в ожидании Неззи и с улыбкой смотрел на Эйлу. Она кивнула ему и тоже улыбнулась, не вполне уверенная, правильно ли она поступила.

Неззи залезла под бочок к рыжеволосому гиганту, а гости двинулись к следующему очагу, стараясь ступать как можно тише, чтобы никого не потревожить. Эйла почувствовала на себе чей-то взгляд и посмотрела в сторону пристенных лежанок. В темном провале между створками полога виднелись два горящих глаза и белозубая улыбка. Заметив, как напряглась спина Джондалара, молодая женщина быстро отвела взгляд. Ей показалось, что она услышала тихий смех, но потом поняла, что это был храп, доносившийся с лежанки, расположенной у противоположной стены.

В помещении большого четвертого очага одна из кроватей была завешена тяжелой кожаной полстью, отгораживавшей ее от узкого центрального прохода. Судя по доносившимся оттуда звукам и шорохам, эта лежанка была уже занята. Эйла заметила, что большинство спальных мест в этом длинном доме имели подобные занавесы, крепившиеся к мамонтовым костям сводчатой стены или к вертикальным кольям, вкопанным в землю. Однако не все занавесы использовались. Кровать Мамута, темневшая у противоположной стены, была открыта. Старик лежал под покрывалом, но Эйла знала, что он не спит.

Джондалар зажег лучину от горячих углей очага и, прикрывая ее рукой, понес к изголовью выделенной им лежанки. Там, в стенной нише, находился довольно плоский камень с выдолбленным посередине чашеобразным углублением, наполовину заполненным жиром. Джондалар зажег фитиль, напоминавший сплетенную из травы косичку, и огонь этого каменного светильника озарил стоявшую за ним фигурку Великой Матери. Затем он развязал ремни, стягивавшие два

створа кожаного полога, и, когда они развернулись, скрыв их лежанку, Джондалар поманил к себе Эйлу.

Приподняв край занавеса, она проскользнула внутрь и залезла на возвышение, покрытое множеством меховых шкур. Усевшись в центре широкой лежанки, освещенной тускловатым, мерцающим светом и отгороженной занавесом, Эйла вдруг осознала, как надежно и уютно их маленькое ночное пристанище. Здесь они могли уединиться, забыв о существовании всего остального мира. Она вспомнила, как в детстве набрела на маленькую пещеру, где часто укрывалась потём, когда ей хотелось побыть в одиночестве.

– Какие они умные, Джондалар. Я и представить себе не могла, что можно придумать нечто подобное.

Джондалар вытянулся на постели рядом с ней, радуясь ее восторгу.

– Значит, тебе понравился этот полог?

– О да. Это дает ощущение уединения, хотя ты и знаешь, что окружен людьми. Да, мне здесь нравится, – сказала она с сияющей улыбкой.

Приблизив Эйлу к себе, Джондалар нежно поцеловал ее и заметил:

– Эйла, ты так прекрасна, когда улыбаешься.

Она посмотрела на его лицо, озаренное внутренним светом любви: на его неотразимые ярко-синие глаза, которые в отблесках огня приобрели фиолетовый оттенок; на длинные белокурые волосы, разметавшиеся по меховому покрывалу; на волевой подбородок и высокий лоб, которые так сильно отличались от срезанных подбородков и покатых лбов членов клана.

– Почему ты обрезаешь бороду? – спросила она, дотрагиваясь пальцами до жесткой щетины на его подбородке.

– Не знаю. Наверное, просто привычка. Летом без нее прохладнее и щеки не так чешутся... А к зиме я обычно опять отпускаю ее. Она согревает лицо в мороз. А что, тебе не нравятся бороды?

Она недоуменно подняла брови:

– Но при чем тут я? Борода-то растет у мужчин, они и должны выбирать – брить ее или отпускать. Я спросила просто потому, что до встречи с тобой никогда не видела безбородых мужчин. А почему ты спросил, нравятся ли мне бороды?

– Потому что я хочу угодить тебе, чтобы ты была довольна. Если тебе нравится борода, то я ее отпущу.

– Это не имеет значения. Важна не твоя борода, а ты сам. Ты сам угождаешь мне... нет, не так. – Она расстроено покачала головой. – Ты даешь мне довольство... Радость... Ты сам удовлетворяешь меня... – сбивчиво говорила она, пытаясь подобрать более точное выражение.

Он усмехнулся ее неловким попыткам и невольной двусмысленности словесных оборотов.

– Мне бы хотелось пройти с тобой ритуал Первой Радости.

Он вновь обнял и поцеловал ее. Эйла уютно устроилась у него под боком, но Джондалар вдруг перевернулся на живот и, приподнявшись, заглянул ей в глаза.

– Я хочу повторить нашу первую ночь, – прошептал он. – Теперь для этого созданы все условия, и даже доний наблюдает за нами.

Он повернул голову в сторону ниши, где за каменным светильником стояло символическое изваяние женщины-матери, вырезанное из бивня мамонта.

– И это будет первая ночь... в племени Других, – закрыв глаза, пробормотала Эйла, осознавая важность этого момента и испытывая радостное волнение.

Обняв ладонями ее лицо и поцеловав сомкнутые веки, Джондалар посмотрел на Эйлу нежным любящим взглядом, думая, что в жизни не видел никого красивее этой женщины. Она немного отличалась от женщин зеландонии. У Эйлы были более высокие скулы и широко расставленные глаза, обрамленные пушистыми ресницами, хотя ее густые волосы золотились, как зрелые осенние травы. Четко очерченное лицо заканчивалось упрямым, немного заостренным подбородком.

На изгибе ее шеи, у самой ключицы, виднелся маленький прямой шрам. Слегка коснувшись его губами, Джондалар почувствовал, как она вздрогнула от неожиданного удовольствия. Вновь приподнявшись и взглянув на ее лицо, он поцеловал кончик ее узкого прямого носа и уголок полных губ, чуть изогнувшихся в обещании улыбки.

Он чувствовал ее внутреннее напряжение. словно маленькая колибри, она была неподвижна, но полна трепетного волнения, которое можно было только почувствовать; ее глаза были по-прежнему закрыты, и она заставляла себя лежать спокойно и ждать. Джондалар немного понаблюдал за ней, продлевая сладостное предвкушение, затем

поцеловал ее губы и, приоткрыв их, провел языком по изгибам ее рта, чувствуя, что это ей понравилось. На сей раз он был не напористым завоевателем, а нежным любовником, который вел ее в неизведанный мир наслаждений и побуждал к ответным ласкам.

Не отрывая от нее взгляда, Джондалар сел на постели, Эйла открыла глаза и улыбнулась ему. Он снял свою рубаху и помог ей освободиться от туники. Мягко опустившись вместе с ней на меховое ложе, он припал губами к ее отвердевшему соску и начал посасывать его. Она судорожно вздохнула, ощущая, как острые стрелы желания пронзили ее тело. Почувствовав теплую влагу, смочившую ее ноги, она с удивлением подумала, почему так происходит. Ведь Джондалар даже не коснулся ее лона, а только дотронулся до груди.

Он ласкал и слегка покусывал ее, пока Эйла наконец не прогнулась ему навстречу, тогда он перешел к более решительным действиям. Она постанывала от наслаждения. А Джондалар занялся другой грудью, проводя языком по ее пышной округлости и набухшему бутону соска. Дыхание Эйлы стало прерывистым и затрудненным. Он оставил в покое ее грудь и, покрыв поцелуями шею, стал покусывать мочку уха; его дыхание щекотало чувствительную кожу ушной раковины, а ладони поглаживали ее плечи и груди. Все ее тело уже трепетало от чувственного наслаждения.

Джондалар вновь запечатлел поцелуй на ее губах, и его влажный теплый язык скользнул вниз по подбородку, пробежал по шее, по ложбинке между грудей и остановился на маленьком углублении пупка. Его кудесник уже начал наполняться сокровенными соками и упрямо рвался на свободу из тесной одежды. Но Джондалар сначала развязал ее пояс и, стянув с нее кожаные штаны, вновь склонился к ее пупку, продолжая двигаться в том же направлении. Он лизнул ее мягкие лобковые волосы и спустился ниже. Коснувшись языком маленькой отвердевшей выпуклости, Джондалар почувствовал, как вздрогнуло все ее тело, и отклонился назад. Эйла слабо вскрикнула, испытывая легкое разочарование.

Развязав собственный пояс, Джондалар снял штаны, выпустив наконец из темницы свой рвущийся на волю член. Эйла взяла его в руку, и ее трепетные пальцы начали поглаживать восставшую и наполненную соками мужскую плоть, пробегая по всей ее длине и лаская мягкую кожу. Джондалару было приятно, что его размеры не

пугали ее, как это не раз случалось со многими женщинами, видевшими его в моменты возбуждения. Эйла склонилась к нему, и он почувствовал, как ее теплый рот вобрал в себя его отвердевший член. В этот момент Джондалар порадовался, что уже успел утолить свою безумную любовную жажду на берегу реки и теперь мог вполне контролировать себя.

– Эйла, сейчас мой черед подарить тебе Радость, – сказал он, мягко поднимая ее голову.

Она взглянула на него потемневшими от страсти, горящими глазами, потом понимающе кивнула и поцеловала его. Удерживая ее за плечи, Джондалар опустил Эйлу на меховое покрывало и вновь покрыв поцелуями ее губы, лицо и шею, усиливая ее восприимчивость к дарам Радости. Обхватив ладонями ее груди, он попеременно посасывал соски, затем его язык опять соскользнул в разделяющую их ложбинку и, направившись к пупку, начал двигаться вокруг него по расходящейся спирали, пока не достиг мягких волосков на легком всхолмлении.

Раздвинув ее бедра, Джондалар слегка развел руками мягкие складки и припал губами к сокровенной влаге. По ее телу пробежала дрожь сильнейшего наслаждения, и она закричала, прогибаясь ему навстречу. Джондалар ощутил, что скоро уже не сможет сдерживать нараставшее желание. Ему нравилось доставлять ей Радость, чувствовать, как ее тело откликается на его искусную любовную игру. Это любовное искусство было сродни его профессиональному мастерству. Работая с кремнем, он испытывал радость, откалывая тонкие ровные пластинки. И он был по-настоящему счастлив, сознавая, что с ним Эйла впервые познала истинную Радость. До этого ей приходилось испытывать лишь боль и насилие, и именно он пробудил в ней способность воспринимать дар Радости, которым Великая Земная Мать наделила Своих детей.

Джондалар нежно прикасался к ней, исследуя малейшие изгибы ее тела и выясняя наиболее чувствительные точки; он возбуждал в ней желание, щекоча ее влажным языком и проникая ловкими пальцами в сокровенные глубины. Когда, откинувшись на меховое ложе, Эйла начала двигаться ему навстречу, он понял, что она готова принять его. Она судорожно дышала, убыстряя движения, и Джондалар, обнаружив, что сам уже не в силах сдерживаться, задействовал наконец своего

восставшего кудесника. Его сокровенные соки уже жаждали выхода, когда она прикоснулась к нему рукой и воскликнула:

– Джондалар... О-о-о... Джондалар!..

Эйла уже не осознавала ничего, кроме него, кроме его восставшего мужского естества. Она хотела его, хотела ощутить в себе всю его полноту. Почти бессознательно она направила его, помогая найти верный путь, и наконец он вошел в нее, чувствуя приближение высшего наслаждения. Чуть отклонившись назад, он вновь и вновь погружался в нее, проникая все глубже и глубже; ее глубины полностью соответствовали его размерам.

Движения Джондалара были пока не слишком быстрыми, ему хотелось, чтобы она тоже приблизилась к этой высшей точке. Он намеренно продлевал эти мгновения, словно хотел, чтобы они никогда не кончались, однако он не в силах был больше ждать. Каждый новый толчок мог завершиться кульминацией. В слабо мерцающем свете их блестящие от пота тела слаженно двигались, инстинктивно выбирая новый ритм этого постепенно ускоряющегося животворного биения.

Тяжело дыша, они полностью отдались во власть всепоглощающего напряженного движения, объединив все свои силы и желания, мысли и чувства. Затем, почти неожиданно, эта напряженность резко возросла, и сладостная чувственная волна вдруг вознесла их обоих на вершину бесконечного блаженства. И в последнем напряжении сил они, казалось, пытались продлить ощущение этого полнейшего слияния, но вот их мышцы расслабились и тела замерли в блаженном покое.

Они неподвижно лежали, восстанавливая дыхание; потрескивающий, ослабевший огонек светильника внезапно вспыхнул последний раз и погас окончательно. Спустя некоторое время Джондалар приподнялся и лег рядом с ней, пребывая в каком-то блаженном туманном состоянии – между сном и бодрствованием. Но Эйла была еще вполне бодр, ее открытые глаза с легким волнением вглядывались в темноту; впервые за долгие годы она слышала в ночи звуки людских голосов.

Тихое воркование, видимо, принадлежало жениху и невесте, которые обосновались на соседней лежанке, а с противоположной стороны слышалось неглубокое, свистящее дыхание уснувшего шамана. Из помещения следующего очага доносился мужской храп, а

из первого очага – периодические восклицания и стоны Талута и Неззи, явно обменивавшихся дарами Радости. В другой стороне заплакал ребенок. Затем раздался чей-то успокаивающий голос, и плач внезапно прекратился. Эйла улыбнулась: можно было не сомневаться, что младенца приложили к материнской груди. Чуть дальше определенно шел какой-то спор, гневные голоса взвились в последнем приглушенном крике негодования и тоже затихли. А из последнего очага доносилось лишь частое сухое покашливание.

Самым ужасным временем ее одинокой жизни в долине были именно ночи. Днем она всегда могла найти себе какое-то приятное или полезное занятие, но по ночам застывшая пустота пещеры действовала ужасно угнетающе. Поначалу, слыша только звук собственного дыхания, Эйла даже боялась уснуть, и сны ее были очень тревожными. В пещере клана было всегда многолюдно, и худшими из возможных наказаний считались изгнание и смертное проклятие, когда человека обрекали на одиночество и полные опасностей скитания.

Эйла на собственной шкуре убедилась, что это было действительно ужасное наказание. И в данный момент она понимала это лучше, чем когда-либо. Сегодня Эйла впервые встретила с людьми, которых в клане называли Другими, и сейчас, лежа в темноте, слыша звуки окружавшей ее жизни и тихое дыхание Джондалара, она наконец почувствовала себя дома.

– Джондалар? – тихо позвала она.

– Хм...

– Ты уже спишь?

– Нет, не совсем еще, – пробормотал он.

– Они очень приятные люди. Ты был прав. Мне действительно нужно было прийти сюда и познакомиться с ними.

Его затуманенное сознание мгновенно прояснилось. Он всем сердцем надеялся, что, встретившись с похожими на нее людьми и познакомившись немного с их жизнью, она перестанет так сильно бояться их и поймет, что они совсем не страшные. Джондалар странствовал уже много лет. Путешествие в родные края обещало быть долгим и трудным, и ему хотелось, чтобы она сама решила уйти туда вместе с ним. Но пока родным домом для нее была ее долина. Там имелось все необходимое для выживания, ей удалось даже создать свой маленький мир, отсутствие людей в котором заменялось

дружелюбными животными. Эйле не хотелось покидать этот мир; более того, ей хотелось уговорить Джондалара остаться.

– Я знал, Эйла, что они понравятся тебе, – убедительно произнес он, – когда ты узнаешь их получше.

– Неззи напоминает мне Изу. Как ты считаешь, почему такой ребенок, как Ридаг, мог родиться у той женщины из клана?

– Кто может знать, почему Великая Мать дала ей ребенка смешанных духов. Пути Великой Матери неисповедимы.

Эйла немного помолчала.

– Не думаю, что она забеременела оттого, что Великая Мать соединила духов разных людей. Мне кажется, в этом был замешан мужчина из племени Других.

Джондалар нахмурился:

– Я знаю, ты считаешь, что мужчины каким-то образом способствуют зарождению новой жизни, но как могла самка плоскоголовых познать мужчину?

– Да, это непонятно, ведь женщины клана никогда не ходят поодиночке и сторонятся Других. И, кроме того, мужчины клана всегда оберегают своих женщин. По их представлениям, дети зарождаются с помощью духа мужского тотема, и они не хотят, чтобы дух мужчины из племени Других оказался слишком близко. Да и сами женщины опасаются этого. На Сходбищах клана всегда рассказывали новые истории о том, какие несчастья случились по вине Других, особенно с женщинами.

– Но ведь мать Ридага не боялась Других, – продолжала Эйла. – Неззи говорила, что она следовала за ними два дня, а потом послушно отправилась в лагерь вслед за Талутом. Любая другая женщина клана просто убежала бы от него. Должно быть, она раньше знала кого-то из Других, и он обошелся с ней хорошо или, по крайней мере, не причинил ей вреда, раз она не испугалась Талута. Конечно, ей была необходима помощь, но почему она решила искать ее у Других?

– Может, она просто увидела, что Неззи кормит младенца? – предположил Джондалар.

– Может быть. Но это не объясняет, почему она бродила в одиночестве. И я могу придумать единственное тому объяснение. Она была проклята и изгнана из своей семьи. Женщин клана проклинаят крайне редко. Им вообще не свойственно применять такое наказание к

своим соплеменникам. Скорее всего, в этой истории замешан мужчина Других...

Эйла помедлила немного и задумчиво добавила:

– Наверное, мать Ридага очень хотела, чтобы ее ребенок появился на свет. Надо было набраться большой смелости, чтобы приблизиться к Другим, даже если она знала кого-то из них раньше. И это случилось после того, как она поняла, что у нее будет ребенок и что этот ребенок будет отличаться от людей клана. Они, так же как и вы, не любят детей смешанных духов.

– Как ты можешь быть так уверена, что она знала какого-то мужчину, не принадлежавшего к клану?

– Она пришла к Другим, чтобы родить ребенка, а это означает, что в клане отказались помочь ей и она по каким-то причинам надеялась получить помощь от Талута и Неззи. Не знаю, когда именно все это произошло, но я уверена, что у нее был мужчина из племени Других, который разделил с ней дары Радости... или, может быть, просто взял ее силой. Да, Джондалар, она знала, что вынашивает и родит от него ребенка.

– Но почему ты думаешь, что именно благодаря мужчине зарождается новая жизнь?

– Ты сам поймешь это, Джондалар, если хорошенько подумаешь. Вспомни того подростка, что вернулся сегодня домой, Дануга. Он выглядит в точности как Талут, только гораздо моложе. И я считаю, что именно Талут положил начало его жизни, когда они с Неззи делили дары Радости.

– Если все обстоит так, как ты говоришь, то скоро у них появится еще один ребенок, поскольку они с Талутом опять делили дары Радости. Однако я не уверен в этом, – сказал Джондалар. – Мужчины и женщины часто делят дары Радости. Они ниспосланы нам Великой Земной Матерью, и чем чаще ты пользуешься ими, тем больше почитаешь Ее. Однако женщины получают Ее дары часто, а рожают редко. Нет, Эйла, если мужчина ценит дары Великой Матери, почитает Ее, то Она может выбрать его дух и смешать его с духом его жены. Тогда, если будет избран именно его дух, ребенок окажется похожим на него, как Дануг похож на Талута, но решает все только Великая Мать.

Эйла нахмурилась в темноте, мучительно размышляя над вопросом, на который пока не могла найти ответа.

– Не знаю, почему женщина рождает детей так редко. Может, для зарождения новой жизни надо несколько раз разделить дары Радости, а возможно, для этого надо выбрать определенное время. Может быть, нужно, чтобы дух мужского тотема обрел особое могущество, чтобы победить духа женского тотема, или, может быть, выбор остается за Великой Матерью, но все же Она выбирает определенного мужчину и придает его кудеснику животворную силу. Ты же не можешь с уверенностью сказать, каким образом Она осуществляет свой выбор. Разве ты знаешь, каким образом смешиваются духи? Возможно, они смешиваются внутри женщины, когда она делит дары Радости с мужчиной.

– Никогда не слышал ничего подобного, – сказал Джондалар, – но я думаю, это вполне возможно. – Теперь он, задумчиво нахмутив брови, уставился в темноту. Джондалар молчал так долго, что Эйла уже подумала, не заснул ли он, но наконец услышала его голос: – Эйла, если то, что ты говоришь, правда, то ты вскоре можешь зачать ребенка, ведь мы часто делим с тобой дары Великой Матери.

– Да, я думаю, так оно и будет, – сказала Эйла, с восторгом воспринимая эту мысль.

– Тогда нам нельзя больше делить Ее дары! – резко приподнимаясь, воскликнул Джондалар.

– Но почему? Я хочу зачать от тебя ребенка, Джондалар. – Голос Эйлы звучал явно расстроено.

Джондалар перевернулся на живот и обнял ее.

– И я хочу того же, только сейчас – неподходящее время. Нам предстоит долгое путешествие. Пройдет год, а то и больше, прежде чем мы доберемся до моего дома. И этот путь будет вдвойне опасен, если в тебе начнет расти ребенок.

– А разве мы не можем просто вернуться на время в мою долину? – предложила она.

Такое предложение встревожило Джондалара. Он подумал, что если они вернутся в ее долину, чтобы она могла спокойно родить ребенка, то уже не уйдут оттуда никогда.

– Нет, Эйла, мне кажется, что это неразумно. Там нас будет всего двое. И я не смогу помочь тебе. Нужно, чтобы рядом были женщины. Порой роды проходят трудно, и женщина может даже умереть, – сказал

он искаженным от боли голосом. Не так давно он был свидетелем такого случая.

Эйла понимала, что он прав. Она сама едва не умерла, рожая сына. Если бы не Иза, возможно, она и не выжила бы. Похоже, действительно сейчас не время заводить детей, даже от Джондалара.

– Видимо, ты прав, – сказала Эйла, испытывая горькое разочарование. – Возможны разные осложнения... Я... мне хотелось бы, чтобы рядом были женщины, – согласилась она.

Джондалар вновь надолго умолк.

– Эйла, тогда, может быть... – начал он нерешительно, срывающимся от напряжения голосом, – может быть, нам не следует спать с тобой в одной постели... ведь мы... Хотя, с другой стороны, деля дары Радости, мы воздаем честь Великой Матери, – с тяжелым вздохом пробурчал он.

Эйла не могла объяснить ему, почему они могут и дальше делить с ним дары Радости. Иза велела ей никому не рассказывать о тайном снадобье, и в особенности мужчинам.

– Мне кажется, тебе не надо беспокоиться об этом, – сказала она. – Ведь я не уверена, что именно мужчина помогает зачать ребенка, а если выбор остается за Великой Матерью, то Она может сделать его в любое время, разве не так?

– Да, именно это и тревожит меня. Однако, если мы будем пренебрегать Ее дарами, Она может разгневаться. Мы должны всячески почитать Ее.

– Джондалар, раз уж наша судьба в Ее руках, то пусть Она и решает ее. Мы найдем какой-нибудь выход, если Она остановит свой выбор на нас. Я не хочу обижать Ее, отказываясь от даров Радости.

– Действительно, ты права, Эйла, – с некоторым облегчением произнес Джондалар.

С глубоким сожалением Эйла решила, что ей придется продолжить прием снадобья, предотвращающего зачатие, однако этой ночью ей снилось, что у нее родилось много детей: одни – светловолосые и голубоглазые, а другие – похожие на Ридага и Дарка. И только под утро ее сон вдруг стал совершенно иным, зловещим и исполненным какого-то таинственного духовного смысла.

Она увидела во сне двух своих сыновей, двух братьев, которые даже не подозревали о том, что они братья. Один был высокий и

белокурый, как Джондалар, а в другом она узнала Дарка, хотя его лица ей не удалось разглядеть. Два брата шли навстречу друг другу по бескрайней, голой и продуваемой ветрами степи. Она почувствовала безотчетную тревогу, должно было случиться нечто ужасное, нечто такое, чего она не могла предотвратить. Затем она с ужасом поняла, что один из ее сыновей может убить другого. Видя, что они сошлись совсем близко, она попыталась добежать до них, но вдруг на пути ее выросла густая и вязкая стена. Там, за туманной пеленой, они уже стояли друг против друга, угрожающе поднимая руки. Эйла отчаянно закричала...

– Эйла! Эйла! Что с тобой? – спрашивал Джондалар, трясая ее за плечи.

Внезапно рядом с ними появился Мамут.

– Проснись, дитя! Просыпайся! – воскликнул он. – Это всего лишь знак... Некое послание свыше. Проснись, Эйла!

– Но один из них умрет! – в отчаянии кричала она, продолжая пребывать под впечатлением сна.

– Значение твоего сна может быть совсем другим, Эйла, – успокаивающе сказал Мамут. – Совсем не обязательно, что... один из братьев будет убит. Ты должна научиться понимать истинный смысл своих снов. У тебя есть священный дар. Он очень велик, но тебе недостает знаний.

Сознание Эйлы прояснилось, и она увидела двух высоких мужчин, склонившихся над ней, два озабоченных лица: одно – молодое и красивое, а второе – старое и мудрое. Джондалар держал разожженный факел, полагая, что свет скорее вернет ее в реальный мир. Она приподнялась на локтях и попыталась улыбнуться.

– Ну что, все в порядке? – спросил Мамут.

– Да, да... Мне жаль, что я разбудила вас, – произнесла Эйла на языке зеландонии, забыв, что шаман не сможет понять ее.

– Не волнуйся, мы поговорим обо всем позже, – с мягкой улыбкой сказал Мамут и направился к своей лежанке.

Джондалар предложил ей тоже еще немного поспать, и, забираясь под покрывало, Эйла успела заметить, что приоткрывшиеся было пологи у других лежанок вновь плотно закрыты. Испытывая смущение оттого, что стала причиной ночного переполоха, она прижалась к боку Джондалара, положив голову на его предплечье. «Как хорошо, что он так любит меня, что он здесь, рядом со мной», – успокоенно думала

Эйла, вновь погружаясь в сон, как вдруг глаза ее удивленно раскрылись.

– Джондалар, – прошептала она, – как Мамут узнал, что мне снилось, будто мои сыновья встретились и один из них может убить другого?..

Но Джондалар уже крепко спал.

Глава 5

Внезапно что-то разбудило Эйлу; продолжая неподвижно лежать под покрывалом, она напряженно прислушивалась к тишине. И вдруг отчетливо услышала чьи-то громкие стенания. Казалось, кто-то стонет от невыносимой боли. Обеспокоенная, она приподняла край занавеса и взглянула в ту сторону, откуда доносились стоны. В проходе шестого очага с воздетыми вверх руками стояла Крози, всем своим видом показывая, как она несчастна, и явно рассчитывая вызвать сочувствие.

– Он разобьет мое сердце! Он убьет меня! Этот негодяй настраивает против меня мою собственную дочь! – прижимая руки к сердцу, вопила Крози, точно она уже умирала. Несколько человек обернулись и посмотрели на нее. – О-о-о! Я отдала ему свою собственную плоть... Мою плоть и кровь...

– Отдала!.. Да ты пока еще ничего не дала мне! – орал Фребек. – А вот я отдал тебе Брачный выкуп за Фрали.

– Хорошенький выкуп! Да там и посмотреть-то не на что. Я могла бы получить за нее гораздо больше, – огрызнулась Крози; ее сетования были не более искренними, чем стенания. – Она пришла к тебе с двумя детьми. Разве это не доказательство благосклонности к ней Великой Матери? Ты унизил ее достоинство своими жалкими подарками. И, мало того, ты унизил и ее детей. Взгляни на нее! Великая Мать вновь благословила ее ребенком! Конечно, я отдала ее, бедняжку, за тебя, потому что душа у меня добрая да жалостливая...

– И потому, что никто не хотел брать Крози в придачу к ее дважды благословенной дочери, – добавил чей-то голос, прерывая ее монолог.

Эйла обернулась, чтобы выяснить, кто это сказал. На нее с улыбкой смотрела молодая женщина, та, что примеряла вчера красивое праздничное платье.

– Если у тебя есть желание еще поспать, то ты можешь спокойно забыть о них, – сказала Диги. – Что-то они сегодня начали браниться спозаранку.

– Нет, пора вставать, – сказала Эйла. Ее взгляд скользнул по проходу между очагами. Лежанки уже опустели, и, кроме Крози и Диги, она больше никого не заметила. – И Джондалар уже вставать, –

добавила она, взяв свои одежды и начиная одеваться. – Я просыпаться от сна, подумать, что женщина больна.

– О нет, она вполне здорова. По крайней мере – на вид. А вот кого и правда стоит пожалеть, так это Фрали, – сказала Диги. – Она, бедняжка, мечется между двух огней.

Эйла понимающе покачала головой:

– Почему они кричат?

– Не знаю почему, только ругаются они постоянно. Я думаю, каждый из них старается перетянуть Фрали на свою сторону. Крози уже стара и боится, что Фребек может подорвать ее влияние, а Фребек упорно добивается поддержки Фрали. Раньше он имел очень низкий статус, но теперь не хочет терять завоеванного положения. Фрали повысила его статус, хотя Брачный выкуп за нее был довольно низок.

Гостья слушала с явной заинтересованностью, и Диги, сама воодушевленная темой разговора, присела на лежанку, поджидая, пока Эйла оденется.

– Честно говоря, я не думаю, что она прогонит его. Мне даже кажется, она любит его, несмотря на то что он порой может быть таким противным. Не так-то легко найти другого мужчину – такого, кто захочет принять ее мать. Все знают, чем кончилось дело в первый раз, и больше никто не пожелает связываться с Крози. Эта старуха может вытянуть все жилы, угрожая, что уведет свою дочь. Именно по ее вине Фрали считают незавидной невестой. Я бы очень не хотела оказаться в подобной ситуации. Но мне повезло. Даже если мы не станем строить новое жилище на пару с моим братом, а поселимся на обжитой стоянке, то моей матери, Тули, везде будут рады.

– Значит, твоя мать идти с тобой? – озадаченно спросила Эйла. Она привыкла к тому, что жена переходит жить в семью мужа, но впервые слышала, что мать должна перейти вместе с дочерью.

– Мне бы очень этого хотелось, но я думаю, что она не согласится. Скорее, она предпочтет остаться здесь. Я не могу винить ее. Конечно, лучше быть главой на собственной стоянке, чем просто жить в семье дочери где-то в другом месте. Хотя я наверняка буду скучать без нее.

Эйла слушала как зачарованная. Она не поняла половину из того, что наговорила Диги, и была совсем не уверена, что правильно усвоила остальное.

– Да, грустно покидать мать и своих сородичей, – сказала Эйла, – но ведь ты скоро будешь иметь мужа.

– О да. Следующим летом, на Летнем сходе, мы пройдем Брачный ритуал. Моя мать окончательно договорилась обо всем. Разумеется, она установила ужасно высокий Брачный выкуп, и я боялась, что они никогда не согласятся. Но все закончилось хорошо. Хотя знаешь, как трудно дожидаться лета. Вот если бы Бранаг мог пожить у нас подольше. Но его ждут дома. Он обещал вернуться как можно скорее и...

Две молодые женщины, увлеченные беседой, медленно шли к выходу из длинного земляного дома, правда, болтала в основном Диги, а Эйла с жадностью ловила ее слова.

В помещении Входного очага было довольно холодно, но, когда распахнули занавес сводчатого дверного проема, Эйлу встретил поток еще более холодного воздуха, и она поняла, как резко изменилась погода. Морозный ветер, отбросив назад ее волосы, ворвался с новой неожиданной силой, взметнув тяжелую мамонтовую шкуру. За ночь земля покрылась легкой снежной пылью. Своенравные вихревые потоки воздуха, играя легкими снежными крупинками, то собирали их в складках и впадинах почвы, то вычерпывали их обратно и переносили на новые места. Лицо Эйлы мгновенно запылало, обожженное острыми ледяными укусами.

Однако в земляном жилище было очень тепло, гораздо теплее, чем в любой пещере. Она надела меховую парку только перед выходом; за этими толстыми стенами верхняя одежда ей вряд ли понадобилась бы. Эйла услышала беспокойное ржание Уинни. Лошадь и жеребенок, по-прежнему привязанные к чахламу деревцу, старались держаться как можно дальше от людей, занятых утренними делами. Она направилась к ним, затем обернулась и с улыбкой посмотрела на Диги. Молодая женщина понимающе улыбнулась ей в ответ и отправилась искать Бранага.

Почувствовав приближение хозяйки, кобыла, похоже, сразу успокоилась и приветливо заржала, взмахивая головой. Эйла сняла с Удальца недоуздок, и они все втроем пошли вдоль по берегу в сторону речной излучины. Когда стоянка скрылась из виду, Уинни и Удалец окончательно успокоились, и после привычного обмена ласками Эйла оставила их на поляне, где лошади могли подкрепить свои силы подмерзшей сухой травой.

Прежде чем пойти назад к стоянке, Эйла задержалась возле кустов и развязала пояс, чтобы снять узкие штаны и справить нужду; пока еще она не могла толком сообразить, как лучше сделать это, не замочив одежду. Эта проблема возникла совсем недавно, когда она облачилась в новые одеяния, которые сшила по образцу одежды Джондалара, починив его растерзанные львиными когтями кожаные штаны и рубашку. Однако надела она эти вещи всего несколько дней назад, перед отправлением в их пробное путешествие. Джондалар очень обрадовался, увидев ее в новом наряде, и она решила навсегда отказаться от своей удобной кожаной накидки – традиционной одежды, которую носили женщины клана. Вот тогда-то и возникли некоторые сложности. Она пока никак не могла понять, как легче справиться свои естественные потребности, но не хотела спрашивать об этом Джондалара. Он ведь – мужчина, откуда ему знать, что в данном случае должна делать женщина.

Не видя иного выхода, она сначала сняла кожаные чулки – высокие мокасины, охватывающие нижние концы узких брюк, – а уж потом и сами брюки. После чего Эйла расставила ноги и облегчилась, встав в привычную ей позу. Балансируя на одной ноге, она начала было вновь одеваться, однако, глянув на волнистую речную гладь, изменила свои намерения. Стянув через голову парку и рубашку и сняв висевший на шее амулет, молодая женщина спустилась к воде, решив, что следует завершить очистительный ритуал. Кроме того, ей всегда нравились утренние купания.

Она хотела также прополоскать рот и вымыть лицо и руки в речной воде. К сожалению, ей было неизвестно, какие средства используют мамутои для умывания. Конечно, Эйла могла обходиться и без купания в те времена, когда кучи плавника были занесены снегом и топливо приходилось экономить, а вода превращалась в лед и нужно было откалывать от него куски, чтобы согреть чаю. Но все же ей гораздо больше нравилось быть чистой. К тому же в уголке ее сознания еще таилась мысль о надлежащем ритуале – очистительном омовении, которое следовало совершить как после первой ночи в пещере, так и после ночи в земляном жилище Других.

Эйла окинула взглядом широкую реку. Глубоководный поток двигался быстро и свободно, но спокойное мелководье уже застилала прозрачная ледяная поверхность, обрамленная снежной коркой.

Изгибающаяся береговая полоса, покрытая редкими пучками заиндевевшей сухой травы, узкой отмелью вдавалась в реку, образуя тихую заводь. На этой илистой отмели росла единственная карликовая береза, скорее напоминающая куст, чем дерево.

Подойдя к этой илистой косе, Эйла шагнула в воду, разбив вдребезги тончайший прозрачный слой льда. Вода была обжигающе холодной, и Эйла, задрожав всем телом, судорожно вздохнула и схватилась за скелетоподобную ветку чахлой березки, чтобы почувствовать себя более уверенно на этом скользком дне. От резкого порыва морозного ветра ее голое тело покрылось гусиной кожей, длинные пряди волос с силой хлестнули по лицу. Сжав стучавшие от холода зубы, она пошла на глубину. Войдя в реку по пояс, Эйла плеснула себе в лицо ледяной водой, затем, с очередным судорожным вздохом, она быстро шагнула вперед и погрузилась в воду по шею.

Несмотря на все эти невольные вздохи и содрогания, Эйла привыкла к холодной воде и сейчас с грустью думала о том, что довольно скоро придется распрощаться с речными купаниями до следующего лета. Выйдя на берег, она смахнула с себя остатки влаги и быстро оделась. Когда она поднималась по речному склону, холодное оцепенение уже сменилось приятным теплом, давая удивительное ощущение бодрости и новизны жизни, и молодая женщина радостно улыбнулась тусклому солнышку, выглянувшему на мгновение из-за плотного слоя облаков.

Эйла подошла к стоянке и остановилась на краю утоптанной жилой площадки, примыкавшей к длинному холмообразному жилищу, и с интересом наблюдала за несколькими группами людей, которые занимались своими повседневными делами.

Джондалар разговаривал с Уимезом и Данугом, и можно было не сомневаться, что предметом разговора этой троицы является обработка кремня. Неподалеку от них четыре человека отвязывали веревки от выдубленной оленьей шкуры – сейчас уже мягкой, эластичной и почти белой кожи, – растянутой на прямоугольной раме из мамонтовых ребер, скрепленных ремнями. Рядом с ними стояла Диги, которая изо всех сил колошматила гладкой затупленной реберной костью по другой шкуре, закрепленной на подобной раме. Эйла умела выделывать из высушенных жестких шкур мягкую кожу, но впервые видела, как кожу

растягивают на рамах из костей мамонта. Поэтому она с интересом присматривалась, стараясь понять все тонкости этого метода.

По всему контуру кожи животного был нанесен ряд маленьких дырочек, затем через эти отверстия пропускались веревки, которые крепко привязывались к раме так, чтобы кожа была туго натянута. Таковую раму приставляли к стене земляного дома, чтобы кожаное полотнище можно было обработать с двух сторон. Направив затупленную кость прямо на натянутую шкуру, Диги наваливалась на нее всем своим весом, точно хотела проткнуть ее насквозь, однако эластичный материал не рвался, а послушно растягивался.

Еще несколько человек занимались чем-то совсем непонятным для Эйлы, а остальные мамутой укладывали остатки мамонтового скелета в выкопанные ими ямы. Повсюду были разбросаны кости и бивни. Услышав чей-то призывный голос, она подняла голову и увидела Талута и Тули, которые подходили к стоянке, неся на плечах огромный изогнутый бивень мамонта вместе с черепом. Великое множество костей на этой жилой площадке вовсе не означало, что мамутой убили и съели такое же множество дичи. Здесь были кости, случайно найденные в степи, но основная масса костей скапливалась на крутых излучинах реки, куда стремительно несущийся водяной поток доставлял останки животных.

Оглянувшись вокруг, Эйла заметила еще одного маленького наблюдателя, следившего за жизнью стоянки. Улыбаясь Ридагу, она направилась было к нему, но тут же застыла на месте, заметив, что он тоже улыбается ей. Люди клана никогда не улыбались. Если они и скалили зубы, то их лица при этом становились злыми и враждебными; кроме того, подобным образом они обычно выражали большую тревогу или страх. На первый взгляд эта полуулыбка-полуоскал мальчика показалась Эйле неуместной. Однако она тут же поняла, что ему известно лишь дружелюбное значение такого выражения лица, поскольку этот ребенок воспитывался не в клане.

– Доброе утро, Ридаг, – сказала она, одновременно делая один из приветственных жестов, который члены клана использовали в тех случаях, когда обращались к ребенку.

И вновь Эйла заметила проблеск понимания в его глазах. «Он все вспомнит! – подумала она. – Он обладает наследственной памятью, я

уверена в этом. Он сразу узнает все эти знаки, надо только напомнить ему их. А я ничего не знала. Мне пришлось просто выучить этот язык».

Она вспомнила, как испугались Креб и Иза, обнаружив, что ей очень трудно дается язык, который с легкостью воспринимали все дети клана. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы выучить и запомнить все жесты, в то время как любой ребенок клана запоминал их с первого раза. Многие уже начали терять терпение, сочтя ее на редкость глупой, но постепенно она стала запоминать все гораздо быстрее и в итоге отлично освоила знаковый язык.

А Джондалар был поражен ее даром. Для обычных людей такая натренированная память была чудом и значительно убистряла процесс обучения. Он изумлялся тому, с какой легкостью Эйла запоминает новые слова, – казалось, это не составляет для нее никакого труда. Конечно, развить такую способность было нелегко, и хотя она действительно научилась схватывать все на лету, однако так и не поняла, какой памятью обладают члены клана. Никому из Других это не было присуще; именно такая особая память является главным отличием между этими двумя ветвями человеческого рода.

Люди клана представляли более древнюю ветвь, но их головной мозг был даже больше, чем у их потомков, и, в сущности, мыслительные способности клана были ненамного меньше, скорее это было мышление другого вида. Клан черпал свои знания из памяти, которую отчасти можно было назвать инстинктом, но только более осознанным инстинктом; эти люди с рождения имели в своей мозговой копилке все, что знали их предки. Им не надо было вновь познавать этот мир и учиться навыкам, потребным для жизни, – они все понимали. Дети нуждались только в том, чтобы им напомнили то, что они уже знали, и они с ходу привыкали к такому процессу. А взрослые знали, как следует открывать эту копилку наследственных знаний.

Они легко вспоминали, однако новые знания усваивали с огромным трудом. И если уж они выучили нечто новое – поняли новую идею или приняли новый обычай, – то уже никогда не забывали этого знания, передавая его из поколения в поколение. Правда, копилка их памяти наполнялась крайне медленно. Иза уловила отличие памяти Эйлы и, возможно, даже догадалась, в чем оно заключается, когда учила девочку лекарственному искусству. Этот странный ребенок

вспоминать не так быстро, как дети клана, но зато гораздо быстрее воспринимал все новое.

Ридаг сказал слово. В первый момент Эйла не поняла его, но затем узнала: это было ее имя! Он произнес ее имя на том молчаливом языке, который стал ей почти родным, на языке людей клана.

Подобно им, этот ребенок был не способен к четкой артикуляции речи; он мог издавать отдельные звуки, но в этом наборе не хватало некоторых важных составляющих, и из-за этого он не мог научиться произносить слова людей, с которыми жил. Эйла и сама до сих пор испытывала трудности в произношении слов, поскольку отвыкла пользоваться всем набором звуков, назначенных ей от природы. Именно ограниченные возможности речевого аппарата людей клана и их предков стали причиной возникновения и развития богатого и всеобъемлющего знакового языка – языка мимики, жестов и поз, позволявшего выразить все нюансы богатой и всеобъемлющей культуры клана. Ридаг понимал Других, понимал выросших его людей; ему была понятна сама идея языка. Он только не умел пока объяснить им этого.

Затем мальчик сделал жест, который вчера вечером изобразил Неззи; он обратился к Эйле как к матери. Эйла почувствовала, что сердце ее учащенно забилось. Последним, кто называл ее так, был ее сын, и Ридаг внешне так напоминал Дарка, что на мгновение ей даже показалось, что перед ней ее родной сын. Как бы ей хотелось, чтобы он действительно оказался Дарком, она жаждала обнять сына, прижать его к груди, произнести его имя. Зажмурив глаза, Эйла с трудом подавила дрожь, вызванную этими мечтами, и вернулась в мир реальности.

Открыв глаза, она увидела, что Ридаг смотрит на нее пронизательным, не по-детски мудрым, сочувственным взглядом, казалось, он полностью понимал ее и знал, что она так же понимает его. Но как бы ей этого ни хотелось, Ридаг не мог стать Дарком. Он был похож на Дарка не больше, чем она – на Диги; он был Ридаг, и никто другой. Окончательно овладев своими чувствами, Эйла глубоко вздохнула.

– Ридаг, ты хочешь узнать новые слова? Новые ручные знаки? – спросила она.

Он усиленно закивал.

– Ты ведь уже запомнил слово «мать» прошлым вечером...

Он ответил ей, молча повторив тот знак, который так растрогал Неззи... да и саму Эйлу.

– А вот такой знак ты узнаешь? – спросила она, совершая приветственный жест, и заметила, что он старается вспомнить что-то, словно мысленно пробирается сквозь туман, скрывающий его знания. – Это знак приветствия, он означает «доброе утро» или «привет». А сейчас смотри, – она показала почти такой же, но более привычный для нее жест, – так здороваются старшие с младшими.

Ребенок сосредоточенно нахмурил брови и, изобразив похожий жест, радостно взглянул на нее, оскалив зубы в своей пугающей улыбке. Затем повторил оба жеста, подумал немного и, сделав третий, вопросительно посмотрел на нее, не уверенный в собственных знаниях.

– Да-да, все правильно, Ридаг! Я – женщина, как и твоя мать, и именно так приветствуют взрослых женщин. Ты вспомнил!

Неззи заметила, что Эйла и Ридаг сидят рядышком. Бывало, Ридаг, забыв о своем хрупком здоровье, увлекался какой-то игрой и пытался сделать то, что было ему не под силу; конечно, Неззи очень беспокоилась за него и поэтому всегда держала мальчика в поле зрения, чтобы вовремя помочь ему в случае необходимости. Направившись к этой жестикулирующей парочке, она старалась понять, чем занимаются ее мальчик и эта молодая женщина. Эйла подняла глаза и, заметив выражение недоумения и любопытства на лице Неззи, решила приобщить ее к учебе.

– Я показываю Ридагу язык клана, его родной язык, – объяснила Эйла, – он сможет говорить с помощью рук, как вчера вечером.

Ридаг широко улыбнулся, обнажив свои необычно большие для ребенка зубы, и обратился к Неззи, сделав знак рукой.

– Что это означает? – спросила она, переведя взгляд на Эйлу.

– Ридаг говорит: «Доброе утро, мама», – перевела молодая женщина.

– «Доброе утро, мама»? – Неззи сделала движение, отдаленно напоминавшее точный и обдуманый жест Ридага. – И вот это означает: «Доброе утро, мама»?

– Нет. Садись с нами, и я все покажу тебе. – Эйла сделала правильный знак. – Такой жест означает «Доброе утро», а вот такой, – она слегка изменила движение, – означает «Доброе утро, мама». Он может точно так же обратиться ко мне, подразумевая, что я – взрослая

женщина. А ты должна обратиться к нему по-другому, вот так, – Эйла немного изменила движение руки, – и тогда ты скажешь ему: «Доброе утро, малыш!» А вот так, – сказала она, показав очередной вариант, – ты скажешь: «Доброе утро, сынок». Поняла?

Эйла повторила все вариации приветственного жеста, а Неззи, внимательно понаблюдав за ней, сделала еще одну неловкую попытку. Конечно, движения ее рук еще были неуверенными и не очень точными, однако и Эйла, и Ридаг догадались, что она пыталась сделать жест, означавший «Доброе утро, сынок».

Мальчик шагнул к сидевшей на земле матери и порывисто обнял ее за шею. Неззи прижала его к себе и зажмурила глаза, стараясь сдержать подступившие слезы. Эйла с удивлением отметила, что глаза Ридага тоже увлажнились.

Никто из членов клана Брана, кроме нее, не умел плакать, не мог выразить слезами свои чувства, которые тем не менее были столь же сильными. И ее маленький сын в полной мере унаследовал от нее лишь речевые способности; у Эйлы по-прежнему болезненно сжималось сердце, когда она вспоминала, как он кричал при расставании с ней... Но Дарк не мог облегчить свое горе слезами. И Ридаг, подобно своей родной матери, не мог говорить, однако сейчас мальчика переполняло чувство любви к Неззи, и в его глазах блестели слезы.

– Как жаль, что прежде я не умела говорить с ним, – сказала Неззи, – хотя я точно знала, что он все понимает.

– Ты хочешь узнать новые ручные знаки? – мягко спросила Эйла.

Все еще прижимая мальчика к груди, женщина просто кивнула; в данный момент она не доверяла своему голосу, боясь, что с трудом сдерживаемые чувства прорвутся наружу. Эйла показала другой набор знаков и их варианты, а Неззи и Ридаг сосредоточенно смотрели на нее, пытаясь уловить все нюансы. Обучение шло полным ходом. Лэти и Руги, дочери Неззи, а с ними и младшие дети Тули – Бринан и его маленькая сестра Тузи, которая была примерно одного возраста с Руги и Ридагом, – подошли выяснить, что происходит. Чуть погодя к ним присоединился семилетний сын Фрали, Кризавек. И вскоре вся компания уже была увлечена изучением этого странного языка, казавшегося новой чудесной игрой под названием «Говорящие руки».

Большинство игр, в которые играли дети мамутой, были недоступны Ридагу, однако в этой игре он превзошел всех. Эйла просто

не успевала за ним. Как только она показывала ему один знак, он тут же вносил в него собственные изменения, придававшие этому знаку новые оттенки смысла. У Эйлы возникло ощущение, что все эти жесты действительно хранились в темной кладовке его памяти и поджидали лишь оживляющего луча света, чтобы Ридаг смог разглядеть богатые запасы собственных знаний.

И самое главное, что его сверстники тоже осваивали язык жестов. Впервые в своей жизни Ридаг мог полностью выразить свои мысли, и ему хотелось, чтобы эта игра никогда не кончалась. Дети, с которыми он вырос, с радостью восприняли его выдающиеся способности к ручному разговору с помощью знаков. Они и раньше умели общаться с ним и понимали, что у него есть свои особенности, из-за которых он не может нормально говорить. Однако дети не могли согласиться с предубеждением взрослых, считавших, что Ридагу просто не хватает ума. И Лэти, как это зачастую бывает со старшими сестрами, уже много лет «переводила его тарабарщину» на язык, понятный взрослым обитателям стоянки.

Процесс обучения шел полным ходом, постепенно дети поняли, что новая игра достаточно сложна, и увлеклись ею еще больше. Эйла заметила, что Ридаг уже исправляет их жесты, а они выясняют у него правильное значение ручных знаков и жестов. Наконец-то он мог занять достойное место в компании своих сверстников.

По-прежнему сидя рядом с Неззи, Эйла наблюдала за детьми, общавшимися на языке знаков. Она улыбнулась, представив, что бы подумала Иза о детях Других, которые говорили на языке клана и одновременно смеялись, выкрикивая непонятные слова. «Наверное, – решила Эйла, – мудрая целительница смогла бы разобраться в такой путанице».

– Да, должно быть, ты права. Это его родной язык, – сказала Неззи. – Просто удивительно, как быстро он все воспринимает. Я и не подозревала, что у плоско... как ты называешь их?

– Клан. Они говорят: «Мы – члены клана». Это означает... семья... люди... разумные существа. Например, клан Пещерного Медведя, то есть племя, которое почитает Великого Пещерного Медведя. А вы говорите: «Мамутои, охотники на мамонтов, которые почитают Великую Мать», – ответила Эйла.

– Клан... Я не знала, что они могут так говорить, даже не представляла, что можно так много сказать с помощью ручных знаков... И мне еще не приходилось видеть Ридага таким счастливым... – Женщина нерешительно умолкла, и Эйла почувствовала, что та хочет сказать еще что-то важное, но не знает, как лучше выразиться. Она молча ждала, давая Неззи возможность собраться с мыслями. – Я удивилась, что ты так быстро приняла его, – продолжала Неззи. – Некоторые люди вообще отказываются признавать его за человека, а большинство просто чувствуют себя неловко рядом с ним. А ты отнеслась к нему так, словно давно знаешь его.

Изучающе глядя на старшую женщину, Эйла медлила с ответной репликой, не уверенная в том, стоит ли рассказывать сейчас о своем прошлом. Наконец, приняв решение, она сказала:

– Когда-то я знала ребенка, похожего на него... моего сына. Моего сына Дарка.

– Твоего сына! – Неззи была потрясена, но Эйла не заметила в ее голосе и тени того отвращения, которое было столь очевидным в голосе Фребека, когда он прошлым вечером высказывался о плоскоголовых и о Ридаге. – У тебя был смешанный сын? Где же он? Что с ним случилось?

Лицо Эйлы помрачнело, в глазах вспыхнула затаенная боль. Живя одна в своей долине, она старалась как можно реже думать о сыне, глубоко запрятав эти воспоминания на самое дно своей памяти, но вид Ридага разбередил ее душу. А вопросы Неззи застали ее врасплох и вытолкнули эти горькие воспоминания и чувства на поверхность, и сейчас Эйла была вынуждена противостоять им.

Неззи, как все мамутой, отличалась прямоотой и откровенностью и не могла удержаться от вопросов, если что-то вдруг искренне заинтересовало ее. Однако при этом она не была лишена чуткости.

– Извини меня, Эйла. Мне следовало подумать, прежде чем...

– Не волнуйся, Неззи, – сказала Эйла, стараясь сдержать слезы. – Я понимаю, что у тебя будут вопросы, когда сказать о сыне. Это... очень больно... вспоминать о Дарке.

– Может быть, ты не хочешь говорить о нем?

– Когда-нибудь надо рассказать об этом. – Эйла помолчала и начала свою историю: – Дарк живет в клане. У меня была мать Иза, как ты для Ридага. Когда она умирать, то говорить мне, чтобы я шла на север искать мое племя. Уйти из клана и найти Других. Тогда Дарк был

еще младенец. Я не ушла. Потом, когда Дарку быть три года, Бруд заставил меня уйти. Я не знаю, где жить Другие. Я не знаю, куда мне идти, и я не могла взять Дарка. Я отдала его Убе... моей сестре. Она любит Дарка и заботится о нем. Теперь он – ее сын.

Эйла умолкла, Неззи тоже молчала, не зная, что сказать. В голове ее крутилось множество вопросов, но она видела, с какой болью эта молодая женщина говорит о любимом сыне, которого ей пришлось покинуть, и не хотела усугублять ее страдания. Однако Эйла продолжила рассказ по собственному почину.

– Уже три года я не вижу Дарка. Он растет большой... Ему сейчас уже шесть лет. Может быть, как Ридагу...

Неззи кивнула:

– Да, Ридагу еще не исполнилось семи лет.

Эйла помолчала, казалось погрузившись в раздумья. Затем сказала:

– Ридаг напомнить мне Дарка, но они разные. Глаза у Дарка – такие же, как у членов клана, а рот – как у меня... – Она усмехнулась. – Нет, надо сказать по-другому. Дарк умеет произносить слова, может разговаривать, а люди клана – не могут. Лучше бы Ридаг говорить, а он не может. И Дарк – сильный, здоровый. – Взгляд Эйлы стал отсутствующим. – Он бегает быстро. Он станет лучшим бегун... Будет Удалец, как говорит Джондалар. – Когда она вновь осмысленно посмотрела на Неззи, глаза ее были полны печали. – Ридаг – слабый с рождения... У него слабое?.. – Она прижала руку к груди, не зная нужного слова.

– Да, иногда у него болезненное дыхание, – сказала Неззи.

– Нет, болезнь – не дыхание. Болезнь – кровь... нет... не сама кровь... бум-бум-бум... – сказала она, постукивая кулаком по левой части груди. Эйла вновь расстроено умолкла, не зная слова.

– Ты хочешь сказать «сердце», – поняла наконец Неззи. – Так и Мамут говорит. У мальчика слабое сердце. Но как ты узнала?..

– Иза знала болезни, она была целительницей. Самой лучшей целительницей клана. Она учила меня как дочь. Я стану целительницей.

«Джондалар говорил, что Эйла – целительница», – вспомнила Неззи. Она тогда еще удивилась, что плоскоголовые думают о лечении болезней, она также не представляла, что они могут говорить. Но, с детства зная Ридага, Неззи понимала, что он – не глупое животное, как считало большинство людей, хотя и не может внятно говорить, как все

дети. «Эйла, конечно, не Мамут, – подумала Неззи, – но, может быть, не обязательно быть шаманом, чтобы разбираться в болезнях?»

На землю перед ними легла чья-то тень, и обе женщины удивленно подняли глаза. Увлеченные разговором, женщины не заметили приближения подростка.

– Эйла, Мамут велел мне спросить, не хочешь ли ты прийти побеседовать с ним, – сказал Дануг. – Ридагу страшно понравилась новая ручная игра, которую ты показала ему. Лэти все рассказала мне. Ридаг хочет, чтобы я попросил тебя научить и меня тоже каким-нибудь знакам.

– Да-да, я научить и тебя. Я научить любого.

– Я тоже хочу узнать много твоих знаков, – сказала Неззи, когда обе женщины поднялись с земли.

– Утром? – спросила Эйла.

– Да, завтра утром. Но послушай, ведь ты, наверное, еще ничего не ела. Надо сначала немного подкрепиться, – сказала Неззи. – Пойдем со мной, я знаю, чем угостить тебя, и Мамута тоже.

– Я проголодалась, – откликнулась Эйла.

– И я тоже, – добавил Дануг.

– А когда ты бываешь сыт? Я думаю, вы с Талутом сможете съесть на двоих целого мамонта и все равно останетесь голодными, – шутливо заметила Неззи, с гордостью поглядывая на своего рослого и здорового старшего сына.

Когда Эйла и Неззи во главе с Данугом направились в сторону земляного жилища, то их уход был воспринят как сигнал того, что пора отложить все дела и немного подкрепиться; поэтому остальные мамутой тотчас потянулись следом за ними. Все снимали верхние одежды и вешали их на стенные крючки в прихожей. Наступило время обычной ежедневной утренней трапезы, которую можно было готовить либо у своих семейных очагов, либо разводить огонь в просторном помещении общей кухни, где вокруг центрального очага темнели углубления нескольких маленьких очажков. Одни довольствовались холодными остатками вчерашнего мамонтового жаркого, а другие подкрепляли свои силы похлебкой, приготовленной из мяса и рыбы, в которую для аромата добавлялись коренья и овощи, а для густоты – горсти зерен, вышелушенных из колосьев диких степных злаков. Но даже если процесс приготовления еды проходил у семейных очагов, в

конце концов большинство людей собиралось у общего очага, чтобы попить горячего чаю и обсудить какие-то вопросы перед очередным выходом из дома.

Эйла сидела рядом с Мамутом и с большим интересом наблюдала за действиями окружающих. Шум от громких разговоров и смеха вновь поразил ее, однако она уже немного привыкла к нему. Гораздо больше ее поражало то, что женщины на равных общаются с мужчинами. Казалось, у этих людей не существует никакой жесткой иерархии, никаких четких правил общежития, касавшихся приготовления и потребления пищи. Каждый самостоятельно накладывал себе еду, за исключением тех женщин и мужчин, которые помогали маленьким детям.

Джондалар, подойдя к Эйле, медленно опустился на циновку рядом с ней, проделав это с особой осторожностью, так как обе его руки были заняты не слишком удобной чашкой с горячим мятным чаем. Этот не пропускающий воду сосуд был сделан из медвежьей травы, его зигзагообразное узорное плетение подчеркивалось контрастным сочетанием цветов, однако этой чашке без ручки явно не хватало жесткости формы.

– Ты встал сегодня совсем рано, – сказала Эйла.

– Мне не хотелось тебя будить, ты так сладко спала.

– Я проснулась от стонов и криков и подумала, что кто-то заболел. Но Диги сказать мне, что эта старуха... Крози... всегда разговаривает с Фребеком на повышенных тонах.

– Да, это был горячий спор, я слышал его даже снаружи, – сказал Джондалар. – Может быть, Фребек и смутьян, но я не спешил бы обвинять его. Эта неугомонная старуха верещит, как сойка. Не знаю, как с ней можно ужиться?

– Я подумала, что кто-то заболел, – задумчиво повторила Эйла.

Джондалар недоуменно взглянул на нее, не понимая, зачем она повторяет свое ошибочное предположение о болезни.

– Ты права, Эйла, – вставил свое слово Мамут, – старые раны иногда долго болят.

– Диги жалеет Фрали. – Эйла повернулась к Мамуту, почувствовав, что наступил удобный момент для начала разговора; у нее накопилось много вопросов, но она не хотела выдавать свое полное невежество. –

Что такое Брачный выкуп? Диги говорила, что Тули запросила высокий Брачный выкуп за нее.

Мамут не спешил с ответом, тщательно обдумывая, с чего начать, поскольку хотел, чтобы его поняли. Эйла выжидающе смотрела на седовласого старца.

– Я мог бы обойтись простым и кратким ответом, Эйла, однако это понятие включает в себя гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Долгие годы я размышлял над смыслом этой традиции. Ее не так-то легко понять и объяснить самому себе и своим людям, даже если ты – шаман и все приходят к тебе за ответами. – Прикрыв глаза, Мамут сосредоточенно сдвинул брови и начал с вопроса: – Ты понимаешь, что такое статус или положение человека в своем племени?

– Да, – ответила Эйла. – Статус вождя в клане выше, чем у главного охотника и его подопечных. Мог-ур тоже имеет высокий статус, только совсем иного рода. Он... ведает духовным миром.

– А женщины?

– Все женщины имеют статус жены, но у целительницы – особый статус.

Ответ Эйлы удивил Джондалара. Она рассказывала о плоскоголовых много удивительных вещей, но ему с трудом верилось, что они могут строить свою жизнь на основе сложных понятий иерархии.

– Все понятно, – сказал Мамут и продолжил познавательную беседу: – Мы почитаем Великую Мать, создательницу и покровительницу всего живого: людей, животных и растений, рек, морей и скал, лугов, лесов и всех земных угодий. Она прародительница всей жизни, создавшая наш мир. Когда, испрашивая позволения на охоту, мы взываем к духу мамонта, к духу оленя или бизона, мы сознаем, что именно дух Великой Матери даровал им жизнь. Ее дух сотворит и нового мамонта, оленя или бизона вместо тех, что Она отдаст нам в пищу.

– А мы говорим, что это – дар Жизни Великой Матери, – понимающе заметил Джондалар. Он с интересом слушал Мамута, сравнивая верования мамутой и зеландонии.

– Мут, Великая Мать, наделила женщин особым даром, чтобы показать нам, каким образом Она обретает силу духа для сотворения новой жизни взамен той, которую Она забирает обратно к Себе, –

продолжал старый шаман. – Когда подрастают наши дети, они узнают об этом из легенд, сказаний и песен, но я не буду пока рассказывать их, Эйла. Конечно, все мы любим послушать эти легенды даже в преклонном возрасте, но тебе сейчас необходимо понять их происхождение и скрытый смысл, чтобы постичь истоки многих наших традиций. У нас женщина-мать имеет высокий статус, а Брачный выкуп показывает, как высоко мы ценим ее.

Эйла слегка кивнула, она сидела точно заворуженная и с напряженным вниманием слушала шамана. Джондалар пытался как-то рассказывать ей о Великой Матери, однако логичные объяснения Мамута были гораздо легче для понимания.

– Когда женщина и мужчина решают соединить свои жизни, то жених и его стоянка присылают многочисленные подарки матери его избранницы и ее стоянке. Ценность этих подарков устанавливает сама мать или вожди – словом, решается вопрос: как много требуется подарков для выкупа невесты? Случается, что выкуп назначает сама невеста, но для этого должны быть особые причины, а не просто ее прихоть. Любая женщина хочет, чтобы ее оценили как можно выше, однако выкуп не должен быть слишком большим, иначе избранный ею мужчина и его стоянка просто не смогут или не пожелают заплатить его.

– Но почему женщину надо выкупать? – спросил Джондалар. – Разве она может служить предметом торговли, как соль, кремь или янтарь?

– Ценность женщины совсем иного свойства. Принося Брачный выкуп, мужчина получает привилегию жить с женщиной. И богатый Брачный выкуп взаимовыгоден. Чем он богаче, тем выше статус женщины: по нему судят о том, как высоко ценит женщину, во-первых, ее будущий муж, а во-вторых – ее собственная стоянка. Кроме того, стоянка жениха может снискать всеобщую известность и завоевать уважение, если ценность их даров будет достаточно велика. С другой стороны, стоянка жениха оказывает почет и уважение стоянке невесты, и Брачный выкуп служит своего рода компенсацией на тот случай, если молодая женщина покидает родные места. Ведь она может уйти к очагу мужа или их семья может основать новую стоянку. Однако важнее всего то, что богатые дары со стороны стоянки жениха показывают, как велико богатство и благополучие его племени. Когда в семье рождаются

дети, то они наследуют статус матери, поэтому высокий Брачный выкуп выгоден и для них. К тому же Брачный выкуп состоит из богатых подарков, и часть их будет отдана молодой паре, чтобы у них было с чего начинать совместную жизнь. И все же главное в том, что он определяет статус, ту высокую оценку, которую дает молодой женщине ее родная и все прочие стоянки племени мамутой, и этот статус распространяется на ее мужа и детей.

Эйла выглядела озадаченной, а Джондалар согласно кивал, быстро воспринимая объяснения Мамута. Некоторые детали и тонкости, конечно, не совпадали, но, в сущности, родственные отношения в племени зеландонии строились на тех же основах.

– А каким образом вы оцениваете ценность женщины при назначении Брачного выкупа?

– Величина Брачного выкупа зависит от многих обстоятельств. Мужчина, естественно учитывая собственные возможности, стремится найти женщину с наиболее высоким статусом, поскольку он покидает семью матери и его новое положение будет определяться статусом будущей жены, которая, возможно, уже стала или станет матерью. Женщина, уже подтвердившая свои способности к деторождению, имеет более высокую ценность, поэтому невеста с детьми – предпочтительнее. Мужчины, преследуя собственную выгоду, зачастую стремятся увеличить ценность будущей невесты; два жениха, претендующие на женщину высокого статуса, могут объединить свои усилия, если все трое придут к соглашению, – и при этом Брачный выкуп за нее становится еще выше. Иногда один мужчина может соединиться с двумя женщинами, обычно такое случается, если две сестры не хотят расстаться друг с другом. Тогда их семья получит новый статус, соответствующий положению более уважаемой сестры, и это взаимовыгодно, так как и сам мужчина получает дополнительное преимущество. Вступая в такой двойной брак, он показывает, что способен обеспечить двух женщин и их будущих детей. Рождение девочек-двойняшек считается особым даром Великой Матери, поэтому такие девушки редко расстаются друг с другом.

– Когда мой брат нашел себе невесту в племени шарамудои, он стал родственником женщины по имени Толи из племени мамутой. Однажды она рассказывала мне, что ее как бы «украли» из родного племени, правда с ее собственного согласия.

– Да, мы торгуем с этим племенем, но у нас разные традиции. Толи была женщиной высокого статуса. Отдавая ее в чужое племя, мы лишались не только высокочтимой женщины – хотя они и заплатили богатый Брачный выкуп, но одновременно лишались и того статуса, который она унаследовала от матери и должна была передать своему мужу и детям, поскольку у шарамудои все эти понятия имеют иное значение. Такую потерю невозможно возместить шикарными подарками. В сущности, ее статус действительно украли у нас. Однако Толи полюбила того молодого человека из племени шарамудои и решила стать его женой, поэтому нам пришлось согласиться на то, чтобы ее «украли».

– Почему Диги говорит, что мать Фрали понижает ценность Брачного выкупа? – спросила Эйла.

Старец задумчиво посмотрел на нее и поудобнее устроился на своей циновке. Он понимал, к чему ведет ее вопрос, и ответить на него было не так-то легко. Большинство людей воспринимали их обычаи чисто интуитивно и не могли объяснить их так же четко и ясно, как Мамут. Многие на его месте с неохотой пустились бы в объяснения, касавшиеся их верований, суть которых порой была затемнена неверными толкованиями. Они даже боялись, что излишне откровенный и подробный рассказ о культурных традициях может принизить таинственное могущество высших сил. И сам шаман неохотно говорил об этом, однако он уже составил определенное мнение об Эйле и хотел, чтобы она как можно быстрее усвоила первопричины и поняла историю их традиций.

– Мать может перейти жить в очаг любого из своих детей, – сказал он. – Обычно такое случается, когда женщина становится старой, и чаще всего старые женщины предпочитают жить на одной стоянке со своей дочерью. Ее муж также живет с ней, однако он вправе уйти на стоянку своей матери или жить с сестрой, если захочет. Мужчина зачастую тесно связан с детьми своей жены, детьми своего очага, так как он долго живет с ними и воспитывает их, но его наследниками являются дети его сестры, и они должны позаботиться о его старости. Как правило, к старикам относятся с большим уважением, но, к сожалению, такое бывает не всегда. Фрали – единственный ребенок Крози, остальные уже умерли, и поэтому теперь где будет жить ее дочь, там будет жить и она. Жизнь Крози была нелегкой, и старость

отрицательно сказала на ее характере. Она властная и упрямая, и мало кто хочет делить с ней очаг. Ей пришлось понизить цену Брачного выкупа своей дочери после того, как первый муж Фрали умер, и это обострило ее недовольство и мучения.

Эйла понимающе кивнула и сосредоточенно нахмурилась.

– Иза рассказывала мне о старой женщине, которая жила в очаге Брана до моего появления. Она перешла к ним из другого очага. Ее статус был самым низким, но ее приняли в очаг Брана, и она до конца жизни имела кров, пищу и место у огня. Если бы у Крози не было Фрали, куда бы она пошла?

Мамут немного подумал, прежде чем ответить. Ему хотелось дать Эйле совершенно честный ответ.

– Положение Крози оказалось бы довольно сложным, Эйла. Если человек совсем не имеет родственников, то обычно его принимает какой-нибудь очаг, но Крози так неуживчива, что мало кто согласится принять ее. Вероятно, она нашла бы поначалу кров и пищу на любой стоянке, но спустя некоторое время племя могло бы отказаться от нее, как сделали там, где они жили до смерти первого мужа Фрали... Да и сам Фребек не слишком приятен в общении, – с неодобрением продолжал старец. – У его матери был низкий статус, достоинств у нее было очень мало, если не считать таковым склонность устраивать скандалы, а с таким наследством ему трудно было начинать жизнь. Его родная стоянка не захочет принять Крози, там не особенно расстроились из-за его ухода. Они вообще отказались платить. Вот почему Брачный выкуп за Фрали был таким низким. И здесь они живут только благодаря Неззи. Она убедила Талута выступить в их защиту, и им разрешили остаться на нашей стоянке. Хотя многие вовсе не рады общению с ними.

Эйла кивнула, осознав сказанное. Объяснения шамана немного прояснили положение.

– Мамут, а какое...

– Нуви! Нуви! О Великая Мать! Она задыхается! – раздался вдруг женский крик.

Несколько человек окружили трехлетнюю девочку, которая сдавленно кашляла и захлебывалась слюной, пытаясь нормально вдохнуть. Кто-то похлопал ребенка по спине, но это не помогло.

Остальные просто стояли, обступив девочку, и давали разные советы, однако все жутко перепугались, видя, что ей становится все хуже.

Глава 6

Быстро пробежав по проходу, Эйла протиснулась сквозь толпу и, увидев, что девочка уже теряет сознание, подняла ее и, положив к себе на колено, запустила палец ей в рот, чтобы выяснить, чем забито горло. Но такое исследование не принесло результата, поэтому, поднявшись на ноги и обхватив Нуви одной рукой за талию, Эйла перевернула ее вниз головой, так что маленькие ручки бессильно повисли вниз, а затем сильно ударила девочку ладонью по спине между лопаток. Затем Эйла обхватила обмякшее тельце ребенка и сильно встряхнула.

Все стояли чуть поодаль и затаив дыхание следили за молодой женщиной, которая, похоже, знала, что надо сделать, чтобы устранить пробку, забившую горло девочки, и отчаянно боролась за ее жизнь. Та уже не дышала, хотя сердце еще слабо билось. Эйла положила малышку на спину и опустила рядом с ней на колени.

Заметив поблизости сброшенную детскую парку, Эйла подложила ее под шею девочки, при этом голова ребенка слегка откинулась назад и рот приоткрылся. Затем, зажав пальцами носик, женщина прижалась губами ко рту ребенка и сделала очень глубокий и долгий вдох, создавая мощное отсасывающее воздействие. Она продолжала втягивать воздух, хотя сама едва не задыхалась.

И вдруг с приглушенным отрывистым звуком какой-то предмет влетел в рот женщине, едва не застряв в ее собственном горле. Эйла подняла голову и выплюнула большой мясной хрящ. Набрав в грудь побольше воздуха, Эйла откинула назад падавшие на лицо волосы и вновь прижалась губами к посиневшему рту девочки, вдыхая в ее неподвижные легкие оживляющий воздух. Маленькая грудь слегка приподнялась. Эйла повторила эту процедуру несколько раз.

Наконец девочка вновь закашлялась, разбрызгивая слюну, и затем сделала самостоятельно глубокий свистящий вдох.

Когда дыхание Нуви окончательно восстановилось, Эйла помогла ей сесть и только тогда заметила, что рядом с ними облегченно всхлипывает Трони, уже не чаявшая увидеть свою дочку живой.

Эйла натянула через голову свою парку и, отбросив назад капюшон, окинула взглядом длинный земляной дом. В помещении очага Зубра, завершавшем ряд, возле костра стояла Диги; зачесав назад густые каштановые волосы, молодая женщина скручивала их в пучок и одновременно разговаривала с кем-то, кто сидел на лежанке за ее спиной. За последние несколько дней Эйла и Диги успели подружиться и обычно по утрам вместе выходили из дома. Воткнув костяную шпильку – длинную, гладко отполированную иглу, выточенную из бивня мамонта, – в скрученные на затылке волосы, Диги обернулась к Эйле и крикнула:

– Подожди меня, я уже иду.

Трони сидела в помещении пятого очага, соседствующего с очагом Мамонта, и кормила Хартала. Она улыбнулась, когда Эйла направилась в ее сторону. Войдя в этот Олений очаг, Эйла присела возле молодой матери и, склонившись, ласково пощекотала малыша. Ребенок заливисто рассмеялся, взбрыкнув ножками, а затем вновь озабоченно припал к материнской груди.

– Он уже узнает тебя, Эйла, – заметила Трони.

– Хартал – веселый и здоровый ребенок. Он вырастет сильным и крепким. А где Нуви?

– Манув рано ушел вместе с ней. Он такой хороший помощник. Я рада, что он живет с нами. Конечно, с сестрой мог бы побыть и Торнек. Старшие и младшие дети обычно играют вместе, но Манув почти не отпускает от себя эту малышку и во всем потакает ей. Особенно теперь, после того как мы едва не потеряли ее. – Молодая мать положила младенца на плечо и, похлопывая его по спинке, вновь взглянула на Эйлу. – У меня с тех пор не было возможности поговорить с тобой с глазу на глаз. Мне хотелось еще раз поблагодарить тебя. Мы все очень благодарны... Я ужасно боялась, что она... Даже выговорить страшно... Мне до сих пор снятся кошмары. Я совсем растерялась и не знала, что делать. Не представляю, что бы мы делали, если бы тебя не оказалось поблизости. – Она судорожно вздохнула, смахнув набежавшие на глаза слезы.

– Трони, не надо говорить... Не надо благодарить меня... Это мое... Я не знаю слова... Но я иметь знание... Мне назначено лечить...

Диги проходила через Журавлиный очаг; Эйла, посмотрев в ее сторону, встретила взглядом с Фрали. Ее глаза были обведены

глубокой тенью, и она выглядела усталой и измученной. Последние дни Эйла приглядывалась к этой женщине, ей казалось, что, поскольку та давно носит ребенка, утренняя тошнота уже не должна бы мучить ее. Однако приступы тошноты продолжались, и не только по утрам. Эйла сказала, что может выяснить причину такого болезненного состояния, осмотрев Фрали. Но Фребек поднял страшный шум, едва она заговорила об этом. Он заявил, что если она и вытащила кому-то кость из горла, то это еще не значит, что ей известны тайны целительства. Слова Эйлы не убедили его, и он не желал, чтобы чужая женщина давала Фрали дурные советы. Крози тут же уцепилась за возможность поспорить с ним. И в итоге, чтобы остановить их перебранку, Фрали сказала, что чувствует себя прекрасно и вообще не нуждается в помощи.

Ободряюще улыбнувшись этой несчастной женщине, Эйла, захватив по пути пустой бурдюк для воды, направилась вместе с Диги к выходу. Пройдя очаг Мамонта, они вошли в очаг Лисицы, где жил Ранек; темнокожий мужчина мгновенно поднял голову и посмотрел на женщин. Они проследовали дальше через Львиный очаг и просторное помещение первого кухонного очага, и все это время Эйлу не покидало ощущение, что он провожает их взглядом до самого выхода, и она с трудом сдерживала желание обернуться.

Откинув край занавеса, женщины покинули дом, и Эйла зажмурила глаза от неожиданно яркого света. Голубое небо было совершенно чистым, и потоки солнечных лучей щедро заливали землю. Наконец-то выдался один из тех чудесных теплых осенних дней, которые воспринимаются как драгоценный подарок и оставляют приятные воспоминания на весь грядущий зимний сезон с его яростными ветрами и обжигающим холодом. Эйла радостно улыбнулась, приветствуя ласковое солнце, и вдруг ей вспомнилось – хотя она очень редко думала о тех далеких годах, – что Уба родилась именно в такой чудесный день, первый теплый осенний день, выдавшийся после того, как клан Брана нашел ее.

Земляной дом и жилая площадка перед ними располагались на пологом склоне обращенного к востоку высокого речного берега, примерно на полпути к реке. С этого места открывался отличный вид на окрестности, и Эйла остановилась ненадолго, чтобы оглядеться. Яркие солнечные лучи играли на сверкающей водной глади, и быстрый

говорливый поток, вступая в игру солнца и воды, напевал свою веселую песню, уносившуюся в туманную дымку противоположного берега. Широкий стремительный водоток, проложивший себе путь в этих обширных степных землях, ограничивался валами выветренных глинистых берегов.

Вся речная долина от верхнего уровня, где начиналась степная равнина, до кромки воды была изрезана глубокими оврагами, на обрывистых склонах которых можно было видеть красновато-желтые лессовые отложения, уходящие в толщу земли; год за годом во времена весеннего половодья обильные дожди, тающие снега и мощные потоки воды, стекавшие с огромных северных ледников, трудились над созданием этой причудливой береговой линии. Редкие одинокие лиственницы и сосны гордо вздымали свои зеленые головы, возвышаясь над чахлыми зарослями сбросившего листву кустарника в пойме. Вдоль самой кромки воды вниз по течению тянулась узкая полоса камыша, перемежавшегося с острыми пиками рогоза и тростника. Верховья реки были скрыты за поворотом, однако этот ограниченный пустынный пейзаж украшали Уинни и Удалец, которые мирно паслись на поляне, пощипывая пожухлую траву.

Вдруг на ноги Эйлы брызнула густая глинистая грязь. Вздогнув от неожиданности, она подняла голову и увидела Джондалара, одарившего ее блеском своих удивительно ярких синих глаз. Рядом с ним, широко ухмыляясь, стоял Талут. Она удивилась, увидев целую группу людей, которые забрались на крышу земляного дома.

– Поднимайся к нам, Эйла. Я подам тебе руку, – сказал Джондалар.

– Нет, попозже. Я только что вышла. А зачем вы залезли туда?

– Мы укладываем челноки на дымовые отверстия, – объяснил Талут.

– Что?..

– Пойдем скорее, – сказала Диги, – терпеть больше нет сил. Потом я тебе все объясню.

Молодые женщины направились вместе в ближайшую балку. Грубо сделанные земляные ступени вели к отхожему месту, располагавшемуся в нижней части этого крутого склона почти на дне сухого оврага; своеобразные туалеты были оборудованы с помощью нескольких плоских мамонтовых лопаток с проделанными посередине отверстиями. Ступив на одну из этих лопаток, Эйла развязала пояс и,

спустив брюки, присела на корточки над отверстием, вновь удивляясь тому, как она сама не догадалась, что можно так легко справиться нужду, не замочив при этом одежду. Все стало понятно, когда она однажды заметила, как это делает Диги. В этот же овраг сбрасывали мусор, а также и содержимое ночных сосудов – отбросы смывались в реку очистительными весенними водами.

Выбравшись из балки, они пошли вниз к реке. Тропа тянулась вдоль оврага, посередине которого бежала мелкая речушка; ее истоки находились далеко на севере, и она всегда замерзала на зиму. Но с приходом теплого сезона этот хилый ручеек превращался в стремительный широкий поток. На берегу лежало несколько перевернутых мамонтовых черепов, точнее, лобные части, напоминавшие огромные чаши или корыта, и большие черепа с длинными ручками, сделанные из необработанных берцовых костей.

Зачерпнув воды из речки, женщины наполнили эти мамонтовые корыта. Затем Эйла достала из кожаного мешочка пару пригоршней бледно-голубых лепестков синюхи – лекарственного растения, богатого сапонином. Растерев смоченные водой лепестки, из которых получилась мыльная, слегка скрипучая каша, женщины тщательно умылись этим цветочным мылом, которое хорошо очищало кожу и придавало ей приятный свежий запах. В довершение утреннего туалета Эйла пожевала кончик маленькой палочки и почистила им зубы – эту привычку она переняла у Джондалара.

– Так что же такое челнок? – спросила Эйла, когда они отправились обратно к дому, неся тяжелый бурдюк из бизоньего желудка, наполненный свежей водой.

– На челноках мы переправляемся через реку, когда она ведет себя поспокойнее. Для начала делается костяной каркас, а ствол дерева выдалбливается в виде удлиненной чаши, в которой могут уместиться два-три человека. Для обтяжки такой основы используется пропитанная жиром толстая шкура, вывернутая мехом наружу, – обычно для этого берутся шерстистые шкуры бизона. А из рогов гигантского северного оленя получают отличные весла... С их помощью челнок передвигается по воде, – пояснила Диги.

– А зачем челноки затащили на крышу дома?

– Они всегда лежат там, когда ими не пользуются, но к зиме мы прикрываем челноками дымовые отверстия, чтобы в них не попадали

дождь и снег. А чтобы их не сбросил ветер, они закрепляются с помощью длинных ремней, которые спускаются в дымоходы и привязываются к специальным крючкам на потолке. Конечно, это крепление не жесткое, и мы можем в случае необходимости стряхнуть снег, чтобы обеспечить выход дыма.

Женщины не спеша двинулись к дому, и Эйла подумала о том, как ей повезло, что она подружилась с Диги. Когда-то у нее была любимая сестра Уба, родная дочь Изы, но Уба была намного младше Эйлы, поэтому их интересы почти не совпадали. А среди ровесников у Эйлы никогда не было душевных подруг, с которыми можно было бы поделиться своими мыслями и чувствами. Опустив на землю тяжелый бурдюк, молодые женщины остановились немного передохнуть.

– Эйла, покажи мне, как сказать знаками: «Я люблю тебя». Мне хочется порадовать Бранага, когда я опять увижу его, – сказала Диги.

– В клане нет такого понятия, – ответила Эйла.

– Как, разве они не любят друг друга? Судя по твоим рассказам, они такие же люди, как мы, и я думала, что они тоже любят друг друга.

– Конечно, они любят, но их любовь очень тихая... или скрытная... Нет, это неподходящее слово.

– Может быть, лучше сказать: ненавязчивая или чуткая? – предположила Диги.

– Может быть... в общем, они не показывают открыто своих чувств. Например, мать может сказать ребенку: «Ты наполняешь мое сердце счастьем», – сказала Эйла, показывая Диги соответствующий жест. – Однако женщине не следует столь же явно или – как это? – откровенно, да?... – вопросительно произнесла она, не зная, какое слово выбрать, и, дождавшись одобрительного кивка Диги, продолжила: – Откровенно выражать свои чувства мужчине.

Диги пребывала в недоумении.

– А как же они проявляют свои чувства? Например, когда во время Летнего схода мне стало ясно, что у нас с Браногом появился взаимный интерес друг к другу, то я сразу же поведала ему о том, какие чувства испытываю к нему. Но если бы мне нельзя было высказаться, то даже не знаю, как бы мы выяснили наши отношения.

– Женщина клана не говорит о любви, она обозначает ее по-другому. Все ее мысли направлены на то, чтобы угодить любимому мужчине: она готовит его любимую еду, заваривает вкусный чай по

утрам и приносит ему в постель. Старательно выдѣлывает для него шкуры, чтобы мездра была мягкой и эластичной, а меховые чулки – теплыми и удобными. Еще лучше, если женщина умеет угадать... вернее, предугадывать его желания. То есть она старается изучить все его привычки и склонности, живет его тревогами и заботами.

– Да, это отличный способ доказать свою любовь, – согласилась Диги. – Хорошо, когда между людьми возникают такие взаимоотношения, когда они стараются сделать приятное друг другу. Но как женщина узнает о том, что мужчина любит ее? Что он делает для этого?

– Как-то к пещере подкрался снежный барс и страшно напугал Овру. А Гув выстрелил и убил его, хотя знал, насколько коварен и опасен этот хищник. Шкуру он отдал Кребу, и Иза сделала для меня меховую накидку, но все равно Овра поняла, что он сделал это для нее, – объяснила Эйла.

– Странное проявление любви. Я вряд ли догадалась бы, что это сделано ради меня, – со смехом заметила Диги. – А ты как узнала, что он сделал это для нее?

– Овра сама сказала мне позже. Сначала я не знала. Тогда я была маленькой. И мне еще многое предстояло узнать об их жизни. Жесты составляют только часть языка клана. Гораздо больше можно узнать по выражению лица или глаз, а кроме того, существует множество поз. Особая походка, поворот головы или напряжение спинных мускулов могут сказать сведущему человеку гораздо больше, чем слова. Требуется много времени, чтобы хорошо выучить язык клана.

– А знаешь, Эйла, я просто поражена тем, как быстро ты осваиваешь язык мамутой! С каждым днем ты говоришь все лучше и лучше. Хотелось бы и мне иметь такие способности к языкам.

– Нет, пока я еще не могу говорить быстро и свободно, как вы. Я не знаю многих слов, но стараюсь запоминать ваши слова, используя возможности языка клана. Я слушаю, как звучат ваши слова. И одновременно наблюдаю за выражением лиц, за вашими жестами... стараюсь запомнить все вместе... Я учусь даже тогда, когда показываю Ридагу и всем остальным ручные знаки. Мне хочется как можно лучше узнать ваш язык. Я обязательно должна научиться, Диги! – добавила Эйла с таким пылом, что можно было не сомневаться в серьезности ее намерений.

– Значит, для тебя это не просто развлечение? А мы все воспринимаем знаковый язык как игру. Мне уже сейчас становится смешно, когда я думаю о будущем Летнем сходе. Ведь мы сможем молча разговаривать друг с другом, а все остальные будут наблюдать за нами, ничего не понимая.

– Я рада, что благодаря игре вы сможете узнать много новых слов и выражений на языке клана. Я рада за Ридага. Конечно, пока он просто забавляется вместе со всеми, но для него это больше чем игра.

– Да, наверное, ты права. – Они вновь взялись за бурдюк, но вскоре Диги замедлила шаги и задумчиво посмотрела на Эйлу. – Знаешь, поначалу я не понимала, почему Неззи решила вырастить его. Но со временем я привыкла к мальчику и даже полюбила его. Сейчас он уже стал полноправным членом нашей стоянки, и я огорчилась бы, если бы он вдруг покинул нас. Но раньше мне не приходило в голову, что ему тоже хочется говорить. Я даже подумать не могла, что у него может появиться подобное желание.

Джондалар стоял у входа в земляной дом, наблюдая за приближением двух молодых женщин, увлеченных каким-то интересным разговором. Он порадовался, что Эйлу так хорошо приняли. Задумываясь об этой случайной встрече с мамутой, он больше всего удивлялся тому, что они оказались именно на той стоянке, которая приютила у себя ребенка смешанных духов. Вероятно, именно поэтому, несмотря на все его опасения, Эйлу приняли так охотно. Однако такой ребенок – большая редкость, и если бы они попали на обычную стоянку, то неизвестно, как бы все повернулось. Но в одном он все-таки не ошибся: Эйла без колебаний рассказала о своем прошлом.

«Хорошо еще, что она не поведала им о своем сыне, – думал он. – Люди могут понять человека, который, подобно Неззи, полюбил и вырастил сироту, но вряд ли они охотно примут женщину, чей дух смешался с духом плоскоголовых. Женщину, давшую жизнь мерзкому уродцу. Источником такой неприязни является страх, люди боятся женщин, которые были заражены духом плоскоголовых, считая, что эта зараза может распространиться и на других женщин племени».

Вдруг этот высокий красивый мужчина покраснел, как ребенок, которого застали за неблаговидным занятием. «Эйла вовсе не считает своего сына мерзким уродцем», – устыдившись, подумал он. Когда она впервые рассказала об этом Джондалару, он содрогнулся от

отвращения, и она страшно рассердилась на него. Никогда еще он не видел ее такой разгневанной, как в тот раз, и это можно было понять. Ведь речь шла о ее родном сыне, которого она, естественно, несколько не стыдилась. «Да, Эйла права, – продолжал размышлять Джондалар. – Дони говорила мне об этом во сне. Плоскоголовые... люди клана... они тоже дети Великой Матери. Взять хотя бы Ридага. Я и не представлял, что смешанные дети могут быть настолько умными и смышленными. Конечно, Ридаг немного отличается от обычных детей, но он очень симпатичный и явно принадлежит к человеческому роду».

Джондалар проводил с этим мальчиком довольно много времени и обнаружил, что тот умен и сообразителен, как вполне взрослый человек; порой даже казалось, что он понимает слишком много для шестилетнего ребенка, особенно когда говорили о его слабом здоровье или о том, что он сильно отличается от других детей. Джондалар замечал, с каким неизменным восхищением Ридаг смотрит на Эйлу. Она рассказала ему, что мальчики клана в его возрасте считаются уже почти зрелыми мужчинами, то есть примерно такими, как Дануг. Правда, пока Ридаг оставался хилым и болезненным, и никто не знал, когда он достигнет зрелости.

«Да, она права. Я понял, что они такие же люди, как и мы. Но все-таки лучше бы она не рассказывала о клане. Тогда все было бы намного проще. Никто даже не подумал бы, что она жила с ними... Но ведь Эйла считала клан своим родным племенем, – упрекнул себя Джондалар, сердито отгоняя собственные мысли и чувствуя, как щеки вновь запылали. – Что бы я сам почувствовал, если бы меня попросили не рассказывать о людях, которые вырастили и воспитали меня? Если она не стесняется говорить о них, то почему я стыжусь, слыша ее рассказы? Что тут плохого? В любом случае Фребек все равно нашел бы, к чему придраться, ему бы только поскандалить. Однако Эйла еще не знает, как изменчивы бывают люди в своих привязанностях и оценках... А может, и лучше, что она не знает этого. Может, все будет хорошо. Ведь она уже успела обучить почти всех обитателей стоянки, включая и меня, говорить на языке плоскоголовых».

Заметив, с каким интересом почти все мамутои начали изучать язык знаков, Джондалар тоже стал участвовать в импровизированных уроках, которые возникали всякий раз, как только кто-то просил показать новое слово или выражение. Он, как и все, увлекся этой

веселой игрой, дававшей возможность передавать молчаливые сигналы на расстоянии и отпускать безмолвные шуточки за чьей-то спиной. Кроме того, его удивила глубина и широта понятий, которые можно было выразить с помощью такого языка.

– Джондалар, что это ты покраснелся? О чем задумался? – поддразнивающим тоном поинтересовалась Диги, подходя к дому вместе с Эйлой.

Вопросы застали Джондалара врасплох, напомнив о его постыдных мыслях, и он смутился и покраснел еще сильнее.

– Должно быть, я стоял слишком близко к костру, – отворачиваясь, пробормотал он.

«Почему Джондалар говорит то, во что сам не верит? – удивилась Эйла, заметив, как он озабоченно нахмурился и как беспокойно блеснули его яркие синие глаза, прежде чем он успел отвести взгляд в сторону. – Он покраснел не от жара костра. Покраснеть его заставило какое-то тайное чувство... Ну почему всякий раз, как я начинаю думать, что уже хорошо знаю его, он опять делает нечто такое, чего я не могу понять. Я все время наблюдаю за ним, стараюсь быть внимательной к его желаниям... Казалось бы, все идет прекрасно, как вдруг он ни с того ни с сего начинает сердиться. Это напоминает странную игру, когда словами говорят одно, а знаками показывают совсем другое. Так, например, он может говорить приятные слова Ранеку, но его тело говорит, что он сердится на него. Интересно, чем Ранек может так раздражать его? Вот и сейчас что-то беспокоит его, а он говорит, что покраснелся от костра. Может быть, я делаю что-то не так, как надо? Почему я не понимаю его? Даже не знаю, смогу ли я научиться этому».

Все вместе они подошли к сводчатому входу и едва не столкнулись с Талутом.

– О, я как раз ищу тебя, Джондалар, – сказал вождь. – Не хочется попусту тратить такой роскошный день. Вернулся Уимез и рассказал, что они случайно напали на след небольшого стада бизонов, пришедшего в наши края на зимовку. Мы собираемся сейчас перекусить и отправиться на охоту. Ты не желаешь присоединиться к нам?

– Конечно, с удовольствием! – воодушевленно сказал Джондалар, радостно улыбнувшись.

– Я попросил Мамута провести обряд Поиска и заодно выяснить, какая ожидается погода. Он сказал, что все сложится хорошо и что стадо не уйдет далеко. Потом он произнес странную фразу, которую я не понял. Короче, Мамут сказал: «Найдете вход, найдете и выход». По моему, бессмыслица какая-то.

– Да, странно, но так обычно и бывает. Те, Кто Служит Великой Матери, зачастую тоже говорят слова, которых я не понимаю, – усмехнулся Джондалар. – Они выражаются иносказательным языком, и смысл их речей очень трудно уловить.

– Ты прав, – заметил Талут. – И знаешь, я порой спрашиваю себя, понимают ли они сами, о чем говорят.

– Раз уж мы собираемся устроить охотничью вылазку, я хочу показать тебе одно оружие, – сказал Джондалар, – оно может нам очень пригодиться.

Вся компания прошла в очаг Мамонта, где на пристенной скамье за изголовьем лежанки хранились вещи Эйлы и Джондалара, и он показал несколько легких копий и странное приспособление, назначение которого было непонятно ни Талуту, ни Диги.

– Я придумал это устройство для Эйлы, пока мы жили в ее долине, и с тех пор мы все время охотимся с его помощью.

Эйла стояла позади мужчин и с нарастающим напряжением прислушивалась к их разговору. Ей отчаянно хотелось участвовать в охоте, но она не знала, разрешается ли женщинам мамутой охотиться. В прошлом страсть к охоте причинила ей немало страданий. Женщинам клана было запрещено не то что охотиться, а даже прикасаться к охотничьему оружию. Однако, несмотря на запрет, Эйла тайно научилась пользоваться пращей и была сурово наказана, когда в клане узнали об этом. Но зато потом ей все-таки разрешили определенные виды охоты, чтобы умилостивить могущественный тотем, под защитой которого она находилась. Правда, ее охотничьи склонности дали Броду еще один повод для ненависти и в конечном счете способствовали ее изгнанию.

Но когда она жила одна в долине, то поняла, какие преимущества дает ей умение пользоваться пращей, что побудило ее к дальнейшему совершенствованию. Эйла выжила благодаря тем навыкам, которые переняла у женщин клана, а ее собственный ум и смелость помогли ей обеспечить себя всем необходимым. Конечно, охотничьи навыки

позволили Эйле постоять за себя и обеспечить нормальные условия бытия, но главным итогом своей одинокой жизни она считала обретение свободы и независимости. И сейчас ей, естественно, не хотелось отказываться от столь ценных преимуществ.

– Эйла, почему бы тебе тоже не достать свою копьеметалку? – сказал Джондалар и добавил, вновь обращаясь к Талуту: – В моем броске силы явно побольше, но в точности попадания мне не сравниться с Эйлой, и она покажет вам преимущества этого приспособления. А если вы хотите увидеть уникальную меткость, то вам надо посмотреть, как она управляется с пращей. У этого оружия есть свои сильные стороны, и она владеет им в совершенстве.

Джондалар продолжал рассказывать о чем-то Талуту, но Эйла, уже не слушая его, облегченно вздохнула – сама того не сознавая, она простояла все это время затаив дыхание – и пошла доставать дротики и копьеметалку. Просто удивительно, с какой легкостью этот мужчина из племени Других воспринял то, что она охотится, и с каким естественным спокойствием он оценивал ее мастерство. Похоже, Джондалар был уверен, что Талут и вся Львиная стоянка точно так же воспримут ее желание участвовать в Охоте. Эйла взглянула на Диги, интересуясь, как отнесется к этому женщина.

– Талут, если ты собираешься использовать новое оружие, тебе следует спросить позволения у Великой Матери. Мут должна увидеть его до начала охоты, – сказала Диги. – А мне, пожалуй, тоже пора достать копья и заплечную сумку. Да и палатка, наверное, понадобится, ведь, скорее всего, мы заночуем в степи.

После утренней трапезы Талут подозвал Уимеза, и они присели на корточки возле одного из боковых очажков большого кухонного помещения; там находился участок мягкой земли, хорошо освещенный дневным светом, проникавшим через дымоход. Рядом с ними в землю было воткнуто острое орудие, вырезанное из кости ноги оленя. По форме оно напоминало нож или заостренный кинжал, притупленное лезвие которого заканчивалось гладким коленным суставом, служившим рукояткой. Взявшись за нее, Талут плоским краем ножа разровнял землю перед собой и затем, перехватив нож поудобнее, начал чертить на этой ровной поверхности какие-то знаки и линии. Постепенно вокруг собралось еще несколько охотников.

– Уимез сказал, что он видел бизонов на северо-востоке, неподалеку от тех трех скалистых склонов, где чуть выше по течению находится речная развилка, – говорил вождь, рисуя ножом весьма условную карту того района.

Карта Талута была скорее схематическим рисунком, чем наглядным отображением местности. И в сущности, никто не нуждался в более точном изображении. Обитатели Львиной стоянки отлично знали тот район, и рисунок просто напомнил им, где находятся хорошо известные всем места. Подобная условная схема обычно состояла из четких и понятных знаков и линий, соответствовавших определенным природным объектам или отражавших какие-то охотничьи идеи.

Карта Талута не показывала всех поворотов, которые река делала на своем пути, и, естественно, не напоминала картину, что можно было бы увидеть с высоты птичьего полета. На его рисунке основное русло реки было похоже на изломанный рыбий костяк, от которого отходили две прямые линии, обозначающие развилку. Живя на открытых степных просторах, мамутои представляли себе реки как обширные водоемы, иногда соединявшиеся друг с другом.

Они знали, откуда и куда текут эти реки, но также знали, что речное русло бывает изменчивым и непостоянным, а скалистые берега менее подвержены изменениям. Ландшафт этой местности менялся очень значительно, и виной тому были сезонные воздействия близких ледников и обширных районов вечной мерзлоты, где земля практически не оттаивала даже летом. Исключение составляли лишь самые крупные реки, а многочисленные притоки и рукава во время таяния ледников могли изменяться с той же легкостью, с какой высокие ледяные горы превращались летом в заболоченные низины. Охотники на мамонтов представляли себе окружающий мир как некий взаимосвязанный организм, и реки были всего лишь его составной частью.

Талут также не считал нужным наносить на свою карту отметки, соответствующие длине реки. Мамутои придавали мало значения линейным мерам. Оценивая расстояние, они учитывали прежде всего то, как долго им придется добираться туда. На условных схемах гораздо легче было начертить несколько линий, обозначающих дни, или указать любые другие отметки временного деления. Конечно, скорость передвижения зависела от состава охотничьего отряда, а одна и та же местность могла сильно изменяться от сезона к сезону, и,

соответственно, путь до нее мог занять гораздо больше времени. Когда в поход отправлялись всей стоянкой, то время пути оценивалось по скорости передвижения самых слабых ходоков. Схема Талута была вполне понятна всем членам стоянки, но Эйла сидела точно замороженная, не сводя озадаченного взгляда с этих таинственных знаков.

– Уимез, покажи, где именно ты видел их, – сказал Талут.

– Вот здесь, на южной стороне притока, – ответил Уимез и, взяв костяной нож, добавил на карту несколько дополнительных линий. – Скалистые стены там круто поднимаются вверх, но речная долина довольно широка.

– А что, если стадо направится вверх по течению? Ведь на той стороне не так много пастбищ, – заметила Тули.

– Мамут, что ты об этом думаешь? – спросил Талут. – Ты говорил, что они не уйдут далеко.

Старый шаман взял рисовальный нож, немного помедлил, закрыв глаза.

– Между второй и третьей скалами течет небольшая речка, – наконец сказал он, отметив ее на схеме. – Бизоны, скорее всего, пойдут этим путем, рассчитывая выйти к хорошим пастбищам.

– Я знаю это место! – воскликнул Талут. – Если идти вверх по течению, то долина реки постепенно сужается и вскоре превращается в узкое ущелье с отвесными, уходящими в воду скалами. Там отличное место для охоты. А большое ли было стадо, Уимез?

Уимез начертил несколько линий костяным ножом, затем подумал немного и добавил еще одну.

– Я могу сказать только о тех бизонах, которых видел сам. Но кто знает, сколько их в действительности. – Задумчиво помолчав, он воткнул рисовальное орудие в землю.

Тули, в свою очередь, взяв костяной нож, добавила еще три черточки:

– Я видела, что в отдалении бродят еще трое, и мне показалось, что среди них был один детеныш или, возможно, просто слабое животное.

Дануг тоже добавил одну линию и сказал:

– Мне кажется, это была двойня. Я заметил еще одного малыша. Ты видела их, Диги?

– Не помню что-то.

– Она смотрела только на своего Бранага, – сказал Уимез с добродушной усмешкой.

– До этих мест полдня пути, ведь так? – спросил Талут.

Уимез кивнул:

– Полдня хорошим шагом.

– Тогда нам следует поторапливаться. – Вождь задумчиво помолчал. – Давненько я не был в тех краях. Хотелось бы знать, что там изменилось и где лучше переправиться... Возможно...

– Возможно, кто-то захочет быстренько сбежать туда и все выяснить, – подхватила Тули, прочитав мысли брата.

– Хорошо бы, да только уж больно долго бежать... – сказал Талут и взглянул на Дануга. Высокий нескладный подросток уже хотел было ответить, но Эйла опередила его.

– Можно добраться туда на лошади. Лошадь бежит очень быстро. Я могла бы поехать на Уинни, – сказала она. – Только я не знаю, где это место.

Талут сначала удивленно посмотрел на нее, а затем широко улыбнулся.

– Пустяки, я дам тебе карту! Таковую же, как эта, – сказал он, указывая на рисунок, изображенный на земле. Глянув на кучу костей, приготовленных для костра, он вытащил оттуда небольшой плоский кусок бивня и достал острый кремневый нож. – Смотри, ты поедешь на север, пока не достигнешь большой воды. – Он начал прорезать на костяной поверхности зигзагообразную линию, обозначающую русло основной реки. – Но сначала ты перейдешь небольшую речку. Помоему, ты с легкостью переправишься через нее.

Эйла огорченно посмотрела на него.

– Я не понимаю твоей карты, – сказала она. – Раньше мне не приходилось видеть таких рисунков.

Явно разочарованный, Талут бросил кусок бивня обратно в кучу.

– Может быть, отправить кого-то вместе с ней? – предложил Джондалар. – Эта лошадь вполне выдержит дополнительную нагрузку. Иногда мы с Эйлой ездили на ней вдвоем.

Талут вновь просиял радостной улыбкой:

– Отличная идея! Кто хочет отправиться на разведку?

– Я могу! Я знаю дорогу... – мгновенно раздались несколько голосов.

– Я знаю дорогу. Мы только что пришли оттуда! – одновременно закричали Лэти и Дануг, опередив еще несколько человек, на лицах которых отразилось страстное желание сопровождать Эйлу.

Талут обвел желающих оценивающим взглядом и, пожав плечами, сделал успокаивающий жест. Затем он повернулся к Эйле и сказал:

– Выбор за тобой.

Эйла взглянула на юного рыжеволосого двойника Талута, на подбородке которого уже пробивался светлый пушок; этот юноша был почти одного роста с Джондаларом. Затем перевела взгляд на высокую худощавую девочку-подростка с темно-русыми волосами, она еще не достигла женской зрелости, но была близка к этому. Темно-русую шевелюру Лэти унаследовала от матери, хотя у Неззи волосы были немного темнее. Брат и сестра с горячей надеждой смотрели на Эйлу. А она не знала, кого выбрать. Дануг был почти взрослым мужчиной, и, возможно, именно его лучше было бы взять с собой, однако Лэти отчасти напонила Эйле саму себя в двенадцатилетнем возрасте. И к тому же девочка с первого взгляда полюбила лошадей.

– Я думаю, Уинни доберется туда быстрее, если вес седоков будет не слишком велик. А ты, Дануг, уже настоящий мужчина, – сказала Эйла, с теплой улыбкой взглянув на юношу. – Поэтому, наверное, на этот раз мне лучше взять с собой Лэти.

На лице Дануга отразилось смятение, он понимающе кивнул и отвернулся, пытаясь совладать с неожиданно нахлынувшими на него противоречивыми чувствами. Ему было обидно, что выбор пал на Лэти, но Эйла назвала его настоящим мужчиной, и ее ослепительная улыбка воспламенила кровь юноши, щеки его запылали, сердце отчаянно забилось, и он почувствовал странное стеснение в паху.

Лэти бросилась переодеваться. Она натянула теплую, но легкую оленью парку, которую обычно надевала в охотничьи походы, затем быстро уложила в заплечный мешок приготовленную для нее Неззи еду и бурдючок с питьем и выбежала из дома, полностью готовая в дорогу, намного опередив Эйлу. Она внимательно смотрела, как Джондалар и Эйла закрепляют на боках лошади большие корзины, используя особую упряжь из широких ремней, специально придуманную Эйлой для того, чтобы Уинни было удобнее тащить груз. Положив в одну из корзин поверх своих вещей дорожную еду и питье, которые вручила ей Неззи, Эйла взяла заплечный мешок Лэти и сунула его во вторую корзину.

Затем, держась за жесткую гриву, она легко вскочила на спину Уинни, а Джондалар помог забраться девочке. Сидя впереди Эйлы на спине желтовато-серой кобылы, Лэти сияющими от счастья глазами посмотрела на обитателей Львиной стоянки.

Немного смущенный, Дануг подошел к ним и протянул Лэти небольшой, почти плоский кусок бивня.

– Вот, возьми, я закончил карту, что начал Талут. С ней вы легко отыщете то место, – сказал он.

– О Дануг, спасибо тебе! – воскликнула Лэти и обняла брата, обхватив за шею.

– Да, большое спасибо, Дануг, – сказала Эйла, улыбнувшись ему своей чудесной, волнующей сердце улыбкой.

Лицо юноши мгновенно зарделось, соперничая цветом с его огненной шевелюрой. Когда лошадь начала подниматься по склону, всадницы оглянулись, и Дануг взмахнул рукой, показывая жестом, чтобы они скорее возвращались.

Обняв одной рукой изогнутую шею жеребенка, который напряженно следил за удаляющейся кобылой, вскидывая голову и раздувая ноздри, Джондалар положил другую руку на плечо юноши.

– Ты поступил как настоящий мужчина, – заметил он. – Я понимаю, что тебе самому очень хотелось поехать. Но не расстраивайся, я уверен, что тебе вскоре представится случай покататься на этой лошади.

Дануг просто кивнул. В этот момент он меньше всего думал о верховой езде.

Выехав в степь, Эйла привычным легким движением приказала Уинни идти быстрее, и кобыла, набирая скорость, поскакала в северном направлении. Комья земли разлетались из-под резвых копыт, и Лэти с трудом верилось, что она стремительно мчится на спине лошади. Радостная улыбка прочно обосновалась на ее губах, и время от времени, закрывая глаза и напряженно подаваясь вперед, Лэти подставляла лицо теплему ветру. Ее охватило чувство неопишуемого восторга; девочка даже не мечтала, что когда-нибудь сможет испытать столь потрясающее ощущение.

Спустя некоторое время вслед за ними вышел отряд охотников. Все жители стоянки, имевшие желание и силы, отправились в этот поход. Первая тройка представляла Львиный очаг. Лэти совсем недавно разрешили присоединиться к Талуту и Данугу. В молодые годы Неззи тоже любила поохотиться и явно передала эту любовь дочери. Правда, теперь Неззи обычно не уходила далеко от дома, а оставалась на стоянке, чтобы заботиться о Руги и Ридаге и помогать молодым женщинам управляться с остальными детьми. С тех пор как появился Ридаг, она редко ходила на охоту.

Очаг Лисицы был чисто мужским, и, конечно, Уимез и Ранек были заядлыми охотниками, но из очага Мамонта в поход отправились только гости – Эйла и Джондалар. Мамут был слишком стар.

Манув тоже уже достиг преклонного возраста и остался дома, чтобы не замедлять движение отряда, хотя ему хотелось бы поохотиться. Трони была обременена заботами о Нуви и Хартале. Она также редко покидала жилище, за исключением тех кратковременных вылазок, в которых могли участвовать и дети. Таким образом, Торнек был единственным охотником Оленьего очага, так же как Фребек был единственным охотником очага Журавля, поскольку Фрали и Крози оставались на стоянке вместе с Кризавеком и Ташером.

Наиболее полно был представлен очаг Зубра. Тули всегда умудрялась присоединиться к охотничьему отряду, даже когда у нее были грудные дети. Кроме того, в поход пошли Барзек, Диги и Друвец. Бринан всячески пытался убедить мать взять его с собой, но Тули оставила мальчика вместе с его младшей сестрой Тузи на попечение Неззи, а в утешение сказала Бринану, что очень скоро он станет совсем большим и будет всегда ходить на охоту.

Когда охотники достигли вершины берегового склона, Талут, взяв хороший темп, повел отряд на север по травянистой степной равнине.

* * *

– Мне тоже кажется, что в такой чудный денек не стоит сидеть дома. Надо с толком провести его, – решительно поставив чашку на землю, сказала Неззи, обращаясь к группе оставшихся обитателей стоянки, которые после ухода охотников собрались на свежем воздухе

вокруг кухонного очага, чтобы закончить завтрак и выпить чаю. – Зерна уже созрели и подсохли, и мы вполне можем пособирать их, а заодно и погреться на солнышке в эти последние теплые деньки. Если останется время, можно сходить еще в сосновую рощицу за ручьем и натрясти семян из сосновых шишек. Ну как, у кого есть желание составить мне компанию?

– Я не уверена, что Фрали пойдет на пользу такая дальняя прогулка, – заметила Крози.

– О нет, мама, – сказала Фрали, – это совсем недалеко, и мне как раз полезно пройтись. Когда наступят холода, мы будем все время сидеть дома. А погода должна испортиться со дня на день. Мне так хочется пойти с вами, Неззи.

– Хорошо, тогда, пожалуй, мне тоже придется пойти, чтобы помочь вам управиться с детьми, – сказала Крози таким тоном, будто она шла на великую жертву, хотя на самом деле мысль о дневной прогулке пришлась ей по душе.

Трони была более откровенна в своих высказываниях:

– Тебе пришла в голову отличная идея, Неззи! Я уверена, что смогу донести туда Хартала в заплечной корзине, а если Нуви устанет в дороге, то возьму ее на руки. Погода сегодня просто чудесная, а я уж и не мечтала, что в этом году нам еще удастся провести целый день на свежем воздухе.

– Да, наверное, я тоже присоединюсь к вам, Неззи, – сказал Мамут. – Может, Ридаг будет не против поболтать со стариком да заодно подучит меня новым ручным знакам Эйлы. Ведь он так отлично усваивает их.

– Но, Мамут, ты и сам очень хорошо говоришь на знаковом языке, – возразил Ридаг, делая соответствующие жесты. – Ты быстро запоминаешь знаки. Может быть, это ты подучишь меня?

– Может быть, мы сможем поучиться друг у друга, – так же молча ответил ему Мамут.

Неззи улыбнулась. Старый шаман ровно относился ко всем детям стоянки, не выделяя Ридага – ребенка смешанных духов. Пожалуй, этому мальчику Мамут уделял даже больше внимания, следил за его здоровьем и часто помогал ухаживать за ним. Похоже, они стали близкими друзьями, и Неззи подозревала, что Мамут собирается идти с ними только ради того, чтобы мальчик не скучал, пока остальные будут

работать. И, кроме того, если Мамут отправится с ними, то никто даже случайно не упрекнет Ридага в том, что тот идет слишком медленно. Она знала, что старик специально замедлит шаги, сославшись на свой преклонный возраст, если заметит, что мальчику надо передохнуть. Так уже не раз бывало прежде.

Приготовив пустые емкости для сбора зерна и загрузив заплечные сумки и корзины едой для дневной трапезы и кожаными бурдюками с питьем, все вышли из дома, и тогда Мамут вынес женскую фигурку, вырезанную из бивня мамонта, и поставил ее на землю перед входом в жилище. Он произнес несколько понятных только ему слов, сопровождая их ритуальными жестами, обращенными к миру духов. Поскольку все люди покидали Львиную стоянку и жилище оставалось пустым, то он просил дух Мут, Великой Матери, защитить и оберегать этот дом в отсутствие его обитателей.

Эта символическая фигурка Великой Матери, поставленная перед входом, означала, что дом закрыт. Только находясь под угрозой смерти, чужой человек мог осмелиться нарушить этот запрет, сознавая, к чему может привести подобный проступок. Конечно, бывали случаи крайней необходимости: например, если странник нуждался в укрытии, потому что был ранен или застигнут в пути метелью, – но даже тогда, войдя в пустой дом, он должен был немедленно провести особый ритуал, чтобы умиротворить возможный гнев мстительного покровителя жилища. Кроме того, этот человек, его семья или стоянка должны были как можно быстрее заплатить за это вторжение, принеся богатые дары членам очага Мамонта, и успокоить дух Великой Матери страстными мольбами и покаянием, обещая в будущем совершить множество благих дел и принести ценные жертвования. Ритуал, проведенный Мамутом, охранял дом надежнее любого запора.

Когда Мамут закончил общаться с духами, Неззи закинула на спину дорожную корзину, а ее плетеную ручку опустила на лоб, затем подняла Ридага и усадила его на свой объемистый бок, чтобы донести до ровной степной дороги. Послав Руги, Тузи и Бринана вперед, жена вождя тоже начала подниматься по склону. За ними потянулись все остальные, и вскоре жители стоянки начали свой трудовой день, приступив к сбору семян и зерен на обширных лугах и полях, засеянных для них самой Великой Земной Матерью. СобираТЕЛЬСкая деятельность считалась не менее важной, чем охотничья; оба этих

занятия обеспечивали стоянку необходимыми продуктами питания. К тому же в такой работе обычно принимало участие много народу, и никто не считал ее скучной и трудной, поскольку все могли переговариваться или петь песни.

* * *

Уинни с легкостью преодолела первую мелкую речку, но когда впереди показался следующий, более глубокий проток, Эйла замедлила ход лошади.

– Нужно искать переправу здесь? – спросила Эйла.

– По-моему, нет, – сказала Лэти, сверяясь с отметками, сделанными на куске бивня. – Точно не здесь. Вот смотри, эта линия обозначает ту речушку, через которую мы уже переправились. Теперь мы должны пересечь эту реку, а затем идти вдоль другого берега вверх по течению до очередного разветвления.

– Похоже, в этом месте не слишком глубоко. Может быть, пора переправиться?

Лэти окинула взглядом ленту реки:

– Чуть выше по течению есть место получше. Там нам придется только снять обувь и закатать штаны.

Они проехали еще немного вперед, но, когда достигли желанной переправы, где широкий мелкий поток, пенясь, огибал выступающие из воды камни, Эйла не стала останавливать лошадь. Она повернула Уинни к реке и позволила ей самой выбрать удобный путь на другую сторону. Выйдя на противоположный берег, кобыла сразу понеслась резвым галопом, и на лице Лэти вновь появилась восторженная улыбка.

– Мы даже не замочили ног! – сказала она. – На меня попало всего несколько капель.

Доехав до следующей речной развилки, они повернули на восток; Эйла сбавила скорость, чтобы дать Уинни отдохнуть, однако медленный шаг лошади был гораздо быстрее походки человека, не говоря уже о беге, поэтому они продвигались вперед довольно быстро. Вскоре местность заметно изменилась, на пути стали попадаться овраги, а потом дорога постепенно начала подниматься в гору. Остановив лошадь, Эйла махнула рукой в сторону текущего поодаль

притока, тот сливался с рекой, вдоль которой они ехали, образуя широкую развилку. Лэти очень удивилась, не ожидая так скоро обнаружить этот приток, но Эйла давно заметила ускорение течения и предвидела это слияние. Высокие гранитные скалы были уже отлично видны; два скалистых склона находились чуть в стороне, выше по течению, а на другом берегу речного потока высилась стена третьей изломанной крутой скалы.

Продолжая двигаться вдоль берега, они заметили, что вскоре река повернула к скалам, а когда подъехали поближе, то обнаружили, что верховья этой пока еще довольно широкой речной долины обрамлены скалистыми берегами. Уинни послушно шла в том же направлении мимо гранитных склонов, и вскоре Эйла увидела несколько темных мохнатых бизонов, которые паслись в зарослях тростника и осоки у самой воды.

– Смотри, вон они, только говори тихо, – прошептала Эйла на ухо Лэти, указывая рукой в сторону бизонов.

– Да, точно, это они! – полушепотом воскликнула девочка, стараясь сдержать охватившее ее волнение.

Эйла оглянулась вокруг, затем пощупала палец и подняла его вверх, чтобы выяснить направление ветра.

– Ветер дует в нашу сторону. Это хорошо. Не стоит тревожить животных, пока мы не готовы к охоте. А лошадей бизоны не боятся. На Уинни мы могли бы подобраться к ним довольно близко, хотя, наверное, лучше не рисковать.

Им предстояло выяснить, как ведет себя река выше по течению, и из осторожности Эйла решила обойти бизонов стороной; закончив разведку, они поехали обратно тем же путем. Большая старая корова подняла голову с обломанным рогом и посмотрела в их направлении, не переставая жевать свою жвачку. Молодая женщина придержала подуставшую лошадь, предоставив ей возможность идти обычным неспешным шагом, да и седокам пора было перевести дух. На прибрежном лугу Уинни ненадолго остановилась и сорвала несколько пучков травы. Обычно лошади не задерживаются пощипывать травку, если нервничают, поэтому ее действия окончательно успокоили бизонов. Уинни медленно шла мимо них, пощипывая суховатые стебли. Затаив дыхание, Лэти и Эйла сидели на спине лошади, пока она обходила это маленькое стадо, а затем молодая женщина, слегка

подавшись вперед, пустила Уинни галопом. Теперь они скакали вниз по течению и, доехав до уже знакомой развилки, повернули на юг. Когда они пересекли следующую реку, Эйла остановила лошадь, чтобы та смогла напиться воды, да и седокам не мешало промочить горло. Утолив жажду, они поехали дальше в южном направлении.

* * *

Охотничий отряд только что перешел через первую речушку, и Джондалар, заметив, что Удалец натянул повод и рвется вперед, окликнул Талута и показал ему облачко пыли, появившееся на степной дороге. Вождь посмотрел туда и увидел, что им навстречу резвым галопом скачет Уинни, неся на спине Лэти и Эйлу. Ожидание было недолгим, уже через несколько минут лошадь со своими наездницами долетела до охотников и резко остановилась, встав на дыбы. Талут помог Лэти спуститься; на губах девочки блуждала восторженная улыбка, глаза ее сияли, а щеки разгорелись как маков цвет. Мамутой молча стояли вокруг, поглядывая на разгоряченную лошадь; и Эйла, перекинув ногу, привычным движением соскочила на землю.

– Вы что, не смогли найти то место? – спросил Талут, высказав вопрос, который крутился на языке у каждого. Кто-то одновременно с Талутом сказал о том же, только совсем другим тоном.

– Конечно, они ничего не нашли. Я не сомневался, что ваша поездка окажется бесполезной, – насмешливо бросил Фребек.

Настроение Лэти немного изменилось, и она сердито ответила Фребеку:

– Что значит «ничего не нашли»? Мы доехали до трех скал и даже видели бизонов!

– Уж не хочешь ли ты убедить нас в том, что вы успели съездить туда и обратно? – с подозрением сказал он, недоверчиво покачивая головой.

– Где вы видели бизонов? – спросил Уимез дочь своей сестры, оставив без внимания вопрос Фребека и тем самым сведя на нет его ехидное замечание.

Лэти быстро подошла к корзине, висевшей на левом боку Уинни, и достала кусок бивня, на котором была нарисована незамысловатая

схема. Вытащив кремневый нож из ножен, привязанных к поясу парки, девочка опустилась на землю и начала вырезать на карте дополнительные значки и линии.

– Южный приток проходит между скалами, вот здесь, – сказала она. Согласно кивнув, Уимез и Талут присели рядом с ней, а остальные охотники и Эйла стояли вокруг, также наблюдая за действиями Лэти. – Стадо паслось в прибрежных зарослях тростника на другом берегу, возле скалистого обрыва. Я заметила четырех детенышей... – сказала она, прорезав на кости четыре короткие параллельные линии.

– По-моему, их было пять, – поправила ее Эйла.

Лэти взглянула на нее и, кивнув, добавила еще одну короткую линию.

– Ты был прав, Дануг, насчет двойни. Там была парочка молодых бычков и вроде бы... семь коров... – Она опять вопросительно посмотрела на Эйлу, ожидая подтверждения. Молодая женщина согласно кивнула, и Лэти прорезала семь параллельных линий, более длинных, чем первые. – Правда, мне показалось, что только у четырех из них были детеныши. – Она задумчиво помолчала. – А вдалеке паслось еще несколько животных.

– Пять молодых бычков, – добавила Эйла. – И два или три – взрослых. Точно не знаю. Может, их там было больше, да мы не заметили.

Лэти сделала новый ряд из пяти длинных линий, чуть отступив от первых двух групп, а затем добавила три короткие линии между этими двумя рядами. В итоге у нее получилась особая отметка в виде галочки или развилки, которая означала, что она закончила счетный рисунок. Прорезая новые знаки, девочка перечеркнула несколько линий, нанесенных раньше, но это было уже не важно. Карта сослужила свою службу. Талут взял у Лэти кусок разрисованного бивня и внимательно изучил его. Затем обратился к Эйле:

– Ты, случайно, не поняла, в какую сторону они направлялись?

– По-моему, вверх по течению. Мы обошли стадо стороной, чтобы не потревожить животных. Дальше по берегу не было никаких следов и трава была не примята, – сказала Эйла.

Талут просто кивнул, обдумывая ее слова.

– Ты говоришь, вы обошли их. Значит, вы проехали к верховьям?

– Да.

– Насколько я знаю, река там сужается и отвесные скалы, уходя в воду, отрезают путь. Так и есть?

– В общем, да. Но возможно, есть выход.

– Выход?

– Чуть ниже по течению, сразу за терновыми зарослями, есть пересохшее русло. Оно проходит между отвесными скалами, подъем там довольно крутой, но по нему можно пройти. Мне кажется, это и есть выход, – сказала Эйла.

Сосредоточенно нахмурившись, Талут посмотрел на Уимеза и Тули, а затем громко расхохотался:

– Найдете вход, найдется и выход! Так вот что означали слова Мамута.

Уимез озадаченно посмотрел на вождя, но вдруг все понял и усмехнулся. Тули в недоумении поглядывала на мужчин, а затем в ее глазах тоже блеснула искра понимания.

– Конечно! Мы можем пройти туда кружным путем, соорудить там загон, затем опять обойти бизонов с другой стороны и загнать их в ловушку, – сказала Тули, объясняя всем остальным план предстоящей охоты. – Надо оставить несколько человек следить за стадом. Мы должны быть уверены в том, что бизоны не почуяли нас. Иначе они могут уйти вниз по течению.

– Мне кажется, Дануг и Лэти отлично справятся с этой задачей, – сказал Талут.

– А Друвец поможет им, – добавил Барзек, – да и я могу остаться с ними, если они не откажутся взять меня в свою компанию.

– Отлично! – сказал Талут. – Наверное, Барзек, тебе действительно стоит помочь им. Ваша группа пойдет прямо вдоль реки вверх по течению. А я знаю более короткий путь, ведущий к самым верховьям. Сейчас мы пойдем другой дорогой. А вы отправляйтесь следить за стадом. Как только мы закончим строить загон, то вернемся к вам и поможем загнать бизонов в ловушку.

Глава 7

Узкое пересохшее русло, о котором говорила Эйла, действительно напоминало крутую горную тропу, покрытую слоем сухого ила и обломками скал; она двигалась вдоль крутого склона, поросшего колючим кустарником, и вела к водоему, образовавшемуся на относительно плоском участке этого узкого ущелья. Эту неглубокую гранитную ванну подпитывал бегущий сверху говорливый ручеек, который, преодолев небольшой порожек, падал вниз каскадом маленьких водопадов. Спуск был довольно трудным, и Эйла шла впереди лошадей, предоставив им возможность самим выбирать дорогу. Уинни и Удалец привыкли к крутой тропе, ведущей в ее пещеру, поэтому сейчас они вполне уверенно спускались по ущелью.

Когда отряд добрался до места, Эйла сняла со спины Уинни дорожные корзины, чтобы кобыла могла свободно бродить по ущелью в поисках корма. Но Джондалар решил не снимать недоуздок с Удальца: только эта привязь давала ему и Эйле уверенность в том, что жеребенок никуда не сбежит, ведь Удалец был уже довольно взрослым и своенравным животным. Поскольку длинный повод позволял жеребенку нормально пастись, Эйла согласилась с таким решением, хотя предпочла бы предоставить ему полную свободу. Конечно, Удалец оставался более диким, чем его мать. Уинни всегда свободно гуляла по долине и по собственной воле возвращалась в пещеру Эйлы; но в те времена Эйла почти все время проводила с лошадью, поскольку та была ее единственным другом. Удалец обычно всегда крутился возле Уинни и гораздо меньше общался с Эйлой. Она подумала, что, возможно, ей и Джондалару следует подольше бывать с жеребенком и заняться его воспитанием.

Оставив лошадей, Эйла вернулась к охотникам и обнаружила, что строительство загона уже идет полным ходом. Изгородь сооружалась из любых подручных материалов: булыжников, костей, деревьев и ветвей, которые нагромождались друг на друга и связывались вместе. Богатая и разнообразная фауна этих холодных равнин постоянно обновлялась; воспроизведя себе подобных, животные умирали или погибали, и их разбросанные по земле останки зачастую сносились изменчивыми водными потоками к речным излучинам. Пройдя по берегу и

обнаружив чуть ниже по течению внушительную кучу костей, охотники перетащили все большие берцовые кости и грудные клетки к тому узкому месту на дне пересохшего русла, которое они решили перегородить. Перегородки надо было сделать достаточно крепкими, чтобы они смогли сдержать натиск стада бизонов, однако это была временная конструкция. Обычно загон использовался только один раз; в лучшем случае он мог простоять зиму, а потом всесокрушающее весеннее половодье сметало его с лица земли.

Эйла заметила, что Талут, как бы играючи, размахивает здоровенным каменным топором. Его рубаха уже была отброшена в сторону, и спина блестела от пота, однако он продолжал рубить под корень высокие молодые деревца, умудряясь повалить их за два-три удара. Торнек и Фребек едва успевали оттаскивать длинные стволы, размещением которых ведала Тули. У нее в руках тоже был топор, почти такой же, как у брата, и она с легкостью управлялась с этим тяжелым орудием, разрубая длинные стволы пополам или откалывая куски костей, если того требовали нужды строительства. Мало мужчин могли бы похвастаться такой же силой, как эта женщина, управлявшая наравне с братом жизнью Львиной стоянки.

– Талут! – крикнула Диги. Она тащила передний острый конец изогнутого мамонтового бивня, имевшего более пятнадцати футов в длину, а Уимез и Ранек держали соответственно середину и конец этого гигантского зуба. – Мы нашли несколько мамонтовых костей. Ты сможешь разрубить этот бивень?

Рыжеволосый гигант усмехнулся.

– Это старое чудище, должно быть, прожило долгую жизнь! – сказал он, оседлав положенный на землю бивень.

Поигрывая могучими мускулами, Талут поднял увесистое рубило, и воздух задрожал от его ударов, а костяные осколки полетели во все стороны. Эйла как зачарованная следила за тем, с какой сноровкой и легкостью этот силач орудует тяжелым топором. Но пожалуй, больше всего эта мастерская рубка удивила Джондалара, впервые наблюдавшего подобное зрелище. Эйла привыкла видеть мужчин, которые умело пользовались исключительной силой своих мускулов. Мужчины клана уступали ей в росте, но были на редкость крепкими, широкоплечими здоровяками и обладали мощной, хорошо развитой мускулатурой. Даже женщины клана обладали недюжинной силой, и

поскольку Эйла с детства воспитывалась у них, то жизнь потребовала от нее исполнения всех женских обязанностей, в итоге, несмотря на более хрупкое строение тела, она накачала необычайно сильные мускулы.

Талут положил топор на землю, вскинул нижнюю половину бивня на плечо и направился к строящемуся заграждению. Эйла приподняла его тяжелый топор и поняла, что не смогла бы управиться с ним. Даже Джондалар подумал, что не смог бы с таким мастерством работать с каменным рубилом Талута. Это уникальное орудие было сделано специально для большого вождя Львиной стоянки. Двое охотников подняли вторую половину бивня и последовали за Талутом.

Джондалар и Уимез задержались возле загона, чтобы помочь закрепить валунами громоздкие куски бивня; такая баррикада должна была выдержать атаку любого разъяренного бизона. Эйла присоединилась к Диги и Ранеку, которые вновь отправились за строительным материалом. Обернувшийся Джондалар с трудом сдержал приступ гнева, увидев, как весело смеется Эйла в ответ на очередную шутку темнокожего резчика. Талут и Уимез, заметив, как запылало лицо их молодого красивого гостя, обменялись понимающими взглядами, но ничего не сказали.

Загон был почти закончен, оставалось сделать только ворота, закрывающие входной проем между стенами изгороди. Для этого с одной стороны проема выкопали глубокую яму. В нее установили крепкое молодое дерево, предварительно обрубив с него все ветви, яму вокруг ствола плотно утрамбовали камнями. Кроме того, для лучшей устойчивости этот столб обвязали кожаными ремнями, концы которых закрепили на тяжелом мамонтовом бивне. Основа ворот представляла собой крестовину из стволов молодых деревьев, укрепленную берцовыми костями, мамонтовыми ребрами и большими ветками. Когда половина ворот была готова, ее привязали к верейному столбу таким образом, чтобы она могла свободно открываться и закрываться на прочных кожаных петлях. С другой стороны проема высилась груда валунов и больших обломков скал, чтобы завалить ими ворота, когда стадо попадет в ловушку.

После полудня, когда солнце еще стояло высоко, строительные работы были полностью закончены. Объединенными усилиями охотники построили этот загон удивительно быстро. Затем, вытащив

захваченные из дома съестные припасы, весь отряд собрался вокруг Талута, чтобы перекусить и обсудить дальнейшие планы.

– Самое главное – направить их в ворота, – сказал Талут. – Если нам удастся загнать туда вожака стада, то остальные, скорее всего, последуют за ним. В ином случае они станут метаться по этому узкому ущелью и помчатся к реке. Течение здесь очень быстрое, вряд ли они совладают с ним, хотя нам это вовсе не выгодно. Мы упустим добычу. В лучшем случае мы сможем подобрать туши утонувших животных ниже по течению.

– Значит, нам надо отрезать им путь к реке, – сказала Тули. – Мы должны обязательно загнать их в ловушку.

– Но как? – спросила Диги.

– Может, построить еще одну изгородь? – предложил Фребек.

– А разве вторая изгородь помешает бизонам повернуть к воде? – спросила Эйла.

Фребек снисходительно глянул на нее, но Талут опередил его с ответом.

– Это хороший вопрос, Эйла. И, кроме всего прочего, у нас под рукой слишком мало материала для строительства новой изгороди, – заметил Талут.

Лицо Фребека потемнело от злости. Ему показалось, что Эйла специально задала этот вопрос, чтобы выставить его дураком.

– Как бы то ни было, мы действительно должны отрезать им путь назад, и лучше, если кто-то будет сидеть в засаде, чтобы заставить вожака повернуть к загону. Пожалуй, это будет наиболее опасная позиция.

– Я могу занять ее. Для такого случая отлично подойдет копье-металка, о которой я говорил тебе, – сказал Джондалар, доставая свое необычное приспособление. – Эти дротики летят гораздо дальше, но главное – бьют сильнее, чем простое ручное копье. Точный выстрел с близкого расстояния убивает быка наповал.

– Неужели правда? – спросил Талут, с живым интересом посмотрев на Джондалара. – Надо будет лучше разобраться в твоём устройстве. Жаль, что сейчас нет времени. Конечно, ты можешь сесть в засаду, если хочешь. Да и я, пожалуй, присоединюсь к тебе.

– И я тоже, – сказал Ранек.

Джондалар хмуро глянул на улыбающегося темнокожего мужчину. Ему явно не очень-то хотелось сидеть в засаде с этим остряком, проявлявшим повышенный интерес к Эйле.

– Я тоже помогу вам, – заявила Тули. – Но вместо строительства новой изгороди, по-моему, нам стоит заняться сбором камней, чтобы сделать заграждения в тех местах, где мы будем прятаться.

– Ты полагаешь, это спасет нас? – насмешливо сказал Ранек. – Такая преграда не удержит бизонов от преследования.

– А с чего это вы заговорили о преследовании, ведь мы уже решили, как заставить их свернуть в загон, – заметил Талут, поглядывая на положение небесного светила. – Нам еще надо добраться до стада кружным путем и пригнать его сюда. Остается совсем мало времени.

Эйла затаив дыхание прислушивалась к разговору. Ей вспомнились те времена, когда мужчины клана обсуждали охотничьи планы, а она, научившись пользоваться пращей, мечтала, что ее возьмут на охоту. И вот наконец сегодня ей представился случай участвовать в большой охоте. Поскольку Талут с вниманием отнесся к ее предыдущему замечанию насчет новой изгороди, а утром с готовностью принял идею о предварительной разведке на лошади, то Эйла осмелилась высказать очередное предложение.

– Уинни – отличный преследователь, – сказала она. – Мне не раз приходилось гнать стада верхом на Уинни. Я могу поехать к речной развилке, найти группу Барзека и быстро пригнать сюда бизонов. А вы подождете здесь, чтобы направить их в ловушку.

Задумчиво глянув на молодую женщину, Талут окинул взглядом остальных охотников и вновь посмотрел на Эйлу:

– А ты уверена, что справишься с этим делом?

– Да, уверена.

– А удастся ли тебе незаметно обойти стадо? – спросила Тули. – Бизоны уже, вероятно, учуяли, что мы здесь, и если они не ушли пока вниз по течению, то только потому, что об этом заботятся наши ребята во главе с Барзеком. Кто знает, долго ли они еще смогут удерживать их? Вдруг стадо испугается тебя и уйдет в другую сторону?

– Не думаю. Бизон не боится лошади, но, если хотите, я могу поехать в обход. В любом случае такая поездка не займет много времени, – сказала Эйла.

– Она права! Никто не станет отрицать это. Эйла сможет добраться до развилки значительно скорее нас, – заметил Талут и немного помолчал, сосредоточенно сдвинув брови. – Мне кажется, Тули, нам следует принять ее предложение. Эта охота подвернулась нам чисто случайно. Конечно, нам не помешает лишний запас, ведь зима порой бывает очень затяжной и суровой. Но у нас впереди еще будут возможности для охотничьих вылазок. И мы не особенно пострадаем, если эта затея закончится провалом.

– Ты прав, но ведь мы уже построили такой крепкий загон.

– Ничего страшного, что сделано, то сделано. К тому же нам не впервой возвращаться с пустыми руками. – Талут опять сделал паузу и добавил: – В худшем случае мы потеряем стадо, а если ее предложение сработает, то мы отпразднуем победу еще до захода солнца и уже утром сможем отправиться в обратный путь.

Тули согласно кивнула:

– Хорошо, Талут. Я поддерживаю твоё предложение.

– Ты хотела сказать – предложение Эйлы. Отлично! Значит, отправляйся в путь, Эйла. Посмотрим, сможешь ли ты пригнать к нам стадо бизонов.

Эйла улыбнулась и свистнула Уинни. Кобыла откликнулась тихим ржанием и прискакала к ней вместе с Удальцом.

– Джондалар, привяжи Удальца в безопасном месте, – сказала она, быстро подходя к лошади.

– Не забудь свою копьеметалку, – отозвался он.

Эйла, задержавшись на мгновение, вытасила несколько копий и копьеметалку из боковой сумки, а затем с привычной легкостью взлетела на спину Уинни и отправилась в путь.

Молодому жеребцу отчаянно хотелось поскакать вслед за своей родительницей, и, чтобы удержать его, Джондалару пришлось приложить немало усилий. Однако благодаря этому занятию он не заметил того влюбленного взгляда, которым Ранек проводил Эйлу.

Сидя на неоседланной лошади, молодая женщина стремительно скакала по узкой кромке берега мимо бурливого пенного потока, который струился по извилистому коридору с крутобокими холмистыми стенами. Голые ветви низкорослого кустарника почти скрывались за сухотравным высоким степным ковром, что покрывал склоны и пригибался к земле на продуваемых ветрами гребнях, смягчая

вид изломанной земной поверхности. Однако под этими выветренными сухими лессовыми почвами, заполнявшими все расселины, таилось каменное сердце. Скалистые выступы коренной подстилающей породы, которыми изобиловали эти склоны, открывали каменную сущность этой местности, где господствовали обширные, но невысокие холмы, почтительно поднимавшиеся к голым вершинам скалистых террас.

Подъехав к этому месту, где утром они с Лэти видели бизонов, Эйла замедлила ход лошади, однако стада нигде не было видно. Вероятно, животные учуяли запах людей или услышали шум строительства и изменили направление движения. Вскоре, заехав в тень, отбрасываемую крутым гранитным склоном, она наконец увидела маленькое стадо, а чуть подалее, возле странных каменных пирамид, стоял Барзек.

Трава, зеленевшая у самой воды меж голых чахлах деревьев, заманила бизонов в эту узкую речную долину. Однако, зайдя за эти отвесные скалы, вздымавшиеся по обеим сторонам потока, животные обнаружили, что обратного пути у них уже нет. Барзек и юные охотники видели, что стадо вереницей бредет по берегу, по-прежнему то и дело останавливаясь, чтобы подкрепиться очередной порцией зеленого корма, но теперь медленно и верно оно уже двигалось вниз по течению. Мамутой пытались удержать животных и загнать их обратно, но отпугивающие маневры лишь на время приостановили движение и заставили встревоженных бизонов собраться вместе, а их следующая попытка выбраться из узкой долины явно должна была оказаться более решительной. В итоге могло начаться просто паническое бегство.

Четверка охотников могла сдерживать медленное передвижение животных, но им ни за что не удалось бы остановить мчащееся стадо и заставить его повернуть вспять. Это была непосильная задача для такой маленькой группы людей, – кроме того, опытный Барзек пока не хотел вынуждать животных к паническому бегству вверх по течению, поскольку ждал известия об окончании строительства загона. Груда камней, возле которой стоял Барзек, когда Эйла увидела его, была насыпана вокруг здоровенной ветви, и на ней была развешана одежда, которая развевалась на ветру. Затем Эйла заметила целый ряд подобных насыпей, расположенных поблизости друг от друга и тянувшихся от воды до отвесного скалистого склона. Из каждой кучи вертикально торчала ветвь или кость, также украшенная одеждой, меховой шкурой

или походной палаткой. Даже на некоторых деревьях и кустах висели легкие, раскачивающиеся на ветру вещи.

Не зная, насколько опасными могут быть эти странные существа, бизоны тревожно поглядывали в их сторону. Они побаивались возвращаться туда, откуда пришли, однако им также не хотелось идти дальше вперед. Время от времени одно из животных пыталось приблизиться к чудному пугалу, но при первом же порыве ветра испуганно отбегало назад. В результате они топтались на небольшом пятачке берега, который выбрал для них Барзек. Эйла по достоинству оценила умелые действия маленькой группы охотников.

Стараясь не нарушить и без того сомнительное спокойствие животных, Эйла медленно обходила их, держась как можно ближе к скалистому обрыву. Старая однорогая корова потрусилась вперед: похоже, ей надоело топтаться на месте и она собиралась прорваться на свободу.

Заметив Эйлу, Барзек оглянулся на своих подопечных юных охотников и опять хмуро посмотрел в ее сторону. Ведь она могла напугать стадо и спровоцировать его бегство вниз по течению, и тогда все их усилия пропадут даром. Лэти подошла к нему, и они перекинулись парой слов, но Барзек по-прежнему с тревогой следил за лошадью и всадницей, пока те наконец не подъехали совсем близко.

– Где остальные? – приглушенно спросил Барзек.

– Они готовы и ждут, – сказала Эйла.

– Чего же они ждут? Мы не можем вечно удерживать стадо!

– Они ждут, что мы пригоним бизонов.

– Но это невозможно. Нас слишком мало! Они и так уже готовы броситься врассыпную. Даже не знаю, долго ли они еще будут топтаться на месте. Боюсь, нам не удастся заставить их повернуть обратно и стадо умчится вниз по течению.

– Уинни погонит их, – сказала Эйла.

– Твоя лошадь сможет сделать это? – удивленно спросил он.

– Она не раз помогала мне, но лучше, если мы будем действовать все вместе.

Дануг и Друвец бродили по берегу, наблюдая за стадом и изредка бросая камни в сторону наиболее любопытных животных, осмелившихся приблизиться к раскачивающимся на ветру стражам. Однако сейчас юноши оставили на время свое занятие и приблизились,

чтобы послушать, о чем говорит Эйла, и также изрядно удивились ее словам. Однако бизоны тут же воспользовались ослаблением бдительности охотников, поэтому все разговоры пришлось прекратить.

Краем глаза Эйла заметила, что здоровенный молодой бык пустился бежать, увлекая за собой несколько коров. Момент был очень опасным, все стадо могло последовать за ними и вырваться на свободу, а это означало полный провал. Эйла отбросила в сторону копыя и копьеметалку и, развернув Уинни, поскакала навстречу первому быку, сорвав по дороге развевавшуюся на ветке рубаху.

Лошадь мчалась прямо на бизона, а всадница размахивала над головой кожаной рубахой. Бизон отклонился в сторону, намереваясь обойти странное существо. Уинни также слегка изменила направление, а Эйла упорно размахивала большим полотнищем кожи перед мордой испуганного животного. В итоге бык повернул обратно, в сторону сужавшейся речной долины, и остальные бизоны последовали за своим вожаком, а Эйла и Уинни продолжали подгонять их.

Еще один бизон попытался выйти за ограждения, но Эйле также удалось задержать его. Уинни, казалось, сама предугадывала действия бизонов. Однако во многом этому способствовали молчаливые и незаметные приказы всадницы. Поначалу, воспитывая Уинни, Эйла делала это совершенно неосознанно. Когда-то, поддавшись внезапному порыву, она в первый раз села на спину лошади, однако ей и в голову не приходило, что она может направлять или контролировать ее движения. Но постепенно женщина и лошадь стали хорошо понимать друг друга, и Эйла обнаружила, что может управлять Уинни, легко сжимая ее бока ногами или меняя положение своего тела. Впоследствии она стала целенаправленно использовать эти движения, хотя во взаимоотношениях лошади и всадницы всегда присутствовал некий добавочный элемент, благодаря которому они зачастую действовали как единый организм, словно в их головах рождались одни и те же мысли.

Как только Эйла начала преследование, остальные охотники тут же бросились помогать ей. Прежде Эйле приходилось загонять животных в ловушки, но вряд ли ей удалось бы в одиночку развернуть целое стадо. Эти здоровенные горбатые бизоны были очень своенравными, и молодая охотница поняла, что справиться с ними будет труднее, чем она предполагала. К тому же стадо явно хотело уйти вниз по течению, а охотникам надо было заставить их двинуться назад. Похоже, животные

интуитивно чувствовали опасность, которая подстерегала их в верховьях реки.

Бросившись на помощь Эйле, Дануг отогнал назад тех животных, что первыми попытались прорваться мимо сооруженных охотниками пугал, но женщина была так увлечена преследованием молодого быка, что поначалу не заметила активных действий юноши. Лэти, увидев двух убегающих телят, выхватила ветвь из каменного основания и, размахивая ею, бросилась им наперерез. Получив пару ударов по носу, один теленок, а следом и другой спешно повернули обратно. Барзек и Друвец, вооружившись камнями и меховыми шкурами, преследовали взрослую корову. Все эти решительные действия заставили стадо вновь вернуться за ограждения. Правда, старая корова со сломанным рогом и еще несколько бычков все-таки умудрились вырваться на свободу, однако большинство бизонов побежало вдоль берега шумного потока, направляясь вверх по течению.

Охотники вздохнули с некоторым облегчением, когда маленькое стадо оказалось за гранитными скалами, впрочем радоваться было рано, и они продолжали упорно гнать бизонов вперед. Эйла задержалась лишь на мгновение, она соскользнула на землю и, подняв копье-металку с дротиками, вновь взлетела на спину лошади.

* * *

Напившись чаю, Талут отложил бурдюк, и тут ему показалось, что он слышит отдаленный шум, напоминающий низкие раскаты грома. Повернув голову в сторону сбегавшего вниз потока, вождь напряженно прислушался. Он не ожидал услышать подобные звуки так скоро, да и, честно говоря, почти не надеялся, что вообще услышит их. Опустившись на колени, он приложил ухо к земле.

– Они приближаются! – вскричал он, резко поднимаясь на ноги.

Охотники быстро достали копья и заняли заранее распределенные позиции. Фребек, Уимез, Торнек и Диги рассредоточились по одну сторону крутого склона, готовые к тому, чтобы мгновенно закрыть ворота, как только стадо окажется в ловушке. Тули заняла позицию на другой стороне, чтобы завалить ворота камнями.

В промежутке между загоном и ревушим потоком в нескольких шагах от Тули стоял Ранек, за ним примерно на таком же расстоянии ближе к реке расположился Джондалар. Талут выбрал место чуть ниже по течению и стоял на влажном берегу у самой воды. В руках у каждого были куски кожи или какие-то вещи, с помощью которых они надеялись заставить животных повернуть в сторону загона, к тому же все они поигрывали копьями, прикидывая силу и дальность удара; в конце концов охотники, за исключением Джондалара, крепко обхватив рукой древко, взяли копьа на изготовку.

Джондалар в правой руке держал узкую деревянную дощечку с пазом, прорезанным вдоль центральной линии, длина этого приспособления примерно соответствовала длине его руки от локтя до кончиков пальцев. На одном конце этой доски имелся специальный спусковой крючок типа собачки для удерживания копья, а также две кожаные петли по бокам для пальцев на переднем конце. Расположив копьеметалку горизонтально, Джондалар вставил туда легкое копье с хорошо заостренным длинным костяным наконечником, так что оперенный тупой конец древка уперся в спусковой крючок. Продетые в кожаные петли указательный и большой пальцы помогали Джондалару не выпустить копье из руки. Затем, засунув за пояс кусок кожи, приготовленный для отпугивания бизонов, он достал левой рукой второе копье и положил его рядом с собой, чтобы быстро вставить его после первого броска.

Наконец все замерли в ожидании. Никто не разговаривал, и в этом напряженном безмолвии даже тихие звуки казались оглушительно громкими. Пели и щебетали птицы, перекликаясь друг с другом. Ветер шуршал сухой листвой. Говорливо журчали по камням потоки воды. Жужжали и гудели многочисленные насекомые. И все громче и громче становился приближающийся топот копыт.

Затем сквозь этот грохот прорвался испуганный рев животных и стали слышны угрожающие крики людей. Все напряженно смотрели в сторону излучины, ожидая появления первого бизона и вовсе не предполагая, что животные появятся практически одновременно. Однако именно так и случилось. Скученное стадо огромных мохнатых темно-коричневых бизонов с длинными и очень опасными черными рогами, внезапно вылетев из-за поворота, понеслось прямо на расположившийся в засаде отряд.

Каждый охотник мгновенно прицелился, ожидая начала атаки. Первым мчался тот здоровый молодой бык, который едва не убежал на свободу, положив начало этому долгому преследованию. Увидев впереди стену загона, он резко развернулся обратно к реке, однако сидевшие в засаде охотники уже преградили ему путь.

Эйла скакала прямо за этим маленьким стадом, воинственно размахивая незаряженной копьеметалкой, но, когда они приблизились к последнему повороту, она на всякий случай вставила дротик в свое оружие. Она увидела, что первый бык бросился в сторону реки... и несется прямо на Джондалара, увлекая за собой остальных бизонов.

Размахивая рубахой, Талут бросился наперерез вожаку, но большеголовый зверь уже не обращал никакого внимания на эту развевающуюся на ветру тряпку и продолжал свой стремительный бег. Ни секунды не раздумывая, Эйла подалась вперед и пустила Уинни во весь опор. Обойдя бизонов сбоку, она устремилась к разъяренному быку и метнула дротик в тот самый момент, когда Джондалар выпустил свой. Одновременно с ними кто-то бросил тяжелое ручное копьё.

Кобыла по инерции промчалась мимо охотников, обдав Талута фонтаном брызг. Эйла быстро остановила лошадь и повернула обратно. К этому времени все было кончено. Поверженный вожак стада лежал на земле, бизоны, мчавшиеся следом за ним, приостановились, а слегка отставшие животные поняли, что путь спасения только один – в сторону загона. Когда первые животные вбежали в загон, то остальные, подгоняемые охотниками, потянулись за ними. Наконец Тули загнала туда последнего бычка и быстро захлопнула ворота, а Торнек и Диги тут же подкатали к ним огромный валун. Уимез и Фребек закрепляли веревками створы ворот на притворном столбе, пока Тули подтаскивала очередной булыжник.

Не успев опомниться от недавнего потрясения, Эйла спрыгнула со спины Уинни. Джондалар вместе с Талутом и Ранеком опустились на колени возле поверженного бизона.

– Видите, копьё Джондалара попало в шею и прошло через глотку. Думаю, оно-то и повалило этого быка. Однако твое копьё, Эйла, тоже вполне могло убить его. Надо же, я даже не заметил тебя. Ты пролетела как ветер да еще умудрилась сделать такой точный бросок, – с оттенком восхищения сказал Талут, пораженный ее мастерством. – Твое копьё вошло прямо под ребра.

– Но зачем ты так рисковала, Эйла? Этот разъяренный бык вполне мог покалечить тебя, – сердито вмешался Джондалар, однако его раздражение объяснялось страхом за ее жизнь. Затем он взглянул на Талута и показал на третье копьё. – А это чье? Хорошее прямое попадание в грудь, похоже, наконечник дошел до сердца, так что этот удар тоже мог быть смертельным.

– Это копьё Ранека, – сказал Талут.

Джондалар оглянулся на темнокожего мужчину, и они обменялись оценивающими взглядами. Между ними имелись разногласия, и соперничество вполне могло довести их до ссоры, однако прежде всего они были разумными существами, людьми, живущими в этом прекрасном, но жестоком первозданном мире, и они понимали, что смогут выжить в нем только благодаря взаимной помощи.

– Я должен поблагодарить тебя, – сказал Джондалар. – Ты мог бы спасти мою жизнь, если бы я промахнулся.

– Да, и если бы Эйла промахнулась тоже. Этот бизон был сегодня убит трижды. У него не осталось ни малейшей возможности атаковать тебя. Похоже, Джондалар, тебе суждена долгая жизнь. Да, приятель, ты просто счастливчик. Великая Мать благоволит к тебе. И всегда тебе так везет? – спросил Ранек и посмотрел на Эйлу полными восхищения глазами.

В отличие от Талута Ранек видел ее приближение. Она словно слилась с лошадей и, явно не думая о смертельно опасных длинных рогах, летела наперерез быку, ее золотистые волосы развевались на ветру, а глаза были полны ужаса и гнева. В этот момент Эйла была подобна какому-то карающему духу или разъяренной матери, стремящейся защитить свое дитя. Не имело значения, что и лошади, и всаднице вполне мог достаться удар острых бизоньих рогов. Казалось, в Эйлу вселился дух Великой Матери, который помогал ей с одинаковой легкостью управлять и бизонами, и лошадей. Ранек впервые видел такую потрясающую женщину. В ней сочетались все те качества, которые он мечтал найти в женщине, хранительнице очага: красота, сила, бесстрашие, чуткость и надежность. Она была женщиной исключительной во всех отношениях.

Джондалар заметил, как Ранек взглянул на Эйлу, и его сердце болезненно сжалось. Разве может она оставить без внимания этот влюбленный взгляд? Разве сможет она устоять перед столь явно

выраженным чувством этого обаятельного темнокожего мужчины? Боясь потерять Эйлу, Джондалар не знал, как поступить в данной ситуации. На лице его отразились гнев и отчаяние. Он скрипнул зубами и отвернулся, пытаясь скрыть свои чувства.

Ему не приходилось прежде попадать в такое положение, но он часто видел мужчин и женщин, проявлявших ревность, и относился к ним с жалостью и даже отчасти с презрением. Это было похоже на поведение ребенка, неопытного ребенка, которому не хватает знаний и мудрости, чтобы понять главные основы жизни. Джондалар считал себя умнее. Ранек старался спасти его жизнь, и он был мужчиной. Можно ли обвинять его в том, что он проявлял повышенное внимание к Эйле? Разве она не вправе сделать выбор? Он ненавидел себя за свое же собственное поведение и, однако, ничего не мог с собой поделать. Вытащив копьё из горла бизона, он отошел в сторону.

Забой уже начался. Защищенные крепкой стеной охотники метали копьё в мычащих и ревущих животных, которые в панике металась по огороженному участку ущелья. Выбрав подходящее место, Эйла забралась на кучу камней, подпиравших стену, она заметила, каким сильным и точным движением Ранек метнул копьё. Здоровенная самка бизона пошатнулась и упала на колени. Животное быстро добила двумя ударами, второе копьё послал Друвец; кто нанес третий удар, Эйла не успела заметить. Горбатая махина рухнула как подкошенная, и ее лохматая, низко опущенная голова уткнулась в землю. Эйла поняла, что копьёметалка в данном случае не дает никаких преимуществ. Охоту вполне можно было завершить с помощью обычных копий.

Внезапно один из быков стремительно помчался вперед, обрушившись на ворота всей массой своего громадного тела. Дерево затрещало, кожаные ремни порвались, и опорный столб покосился. Эйла почувствовала, как качается загон, и прыгнула на землю. Однако загон продолжал раскачиваться. Рога бизона застряли в хитросплетениях стены! Он сотрясал всю изгородь, пытаясь вырваться на свободу. Эйла подумала, что разъяренное животное сейчас развалит все сооружение.

Талут взобрался на раскачивающиеся ворота и одним ударом своего огромного топора проломил череп могучему зверю. В лицо ему брызнул фонтан крови, и мозги бизона вывалились наружу. Бык

повалился на бок, но застрявшие в стволе дерева рога потянули за собой ворота вместе с Талутом.

Когда падающая изгородь достигла земли, вождь с завидной ловкостью соскочил вперед и, сделав пару больших прыжков, нанес еще один сокрушительный удар последнему оставшемуся в живых бизону. Ворота уже сослужили свою службу.

– Ох и работка нам предстоит! – покачав головой, сказала Диги, окидывая взглядом пространство внутри покосившейся изгороди.

Разбросанные повсюду туши убитых животных напоминали темно-коричневые лохматые холмы. Диги подошла к ближайшему быку, вытащила из ножен свой острый как бритва кремневый нож и, оседлав бычью голову, погрузила лезвие в поросшее густой шерстью горло. Алый фонтан брызнул из яремной вены, затем его напор ослаб и соединился с темно-красной кровью, появившейся из ноздрей и рта животного. Кровь медленно впитывалась в почву, оставляя на поверхности прародительницы-земли расширяющееся темное пятно.

– Талут! – окликнула вождя Диги, подойдя к следующей горе лохматой шерсти. Длинное древко копья, пронзившего бок животного, еще подрагивало. – Избавь его от страданий, но постарайся на этот раз не повредить мозги. Они потом пригодятся.

Талут одним точным ударом прикончил раненое животное. Началась долгая работа, надо было освежевать, выпотрошить и разделать все туши. Эйла присоединилась к Диги, чтобы помочь ей перевернуть большую корову, поскольку разделку туши обычно начинали с брюха животного, где шкура гораздо тоньше и мягче. Джондалар направился было к ним, но Ранек стоял ближе и первым пришел на помощь женщинам. Джондалар посмотрел в их сторону, прикидывая, нужна ли им дополнительная помощь, или он будет только мешать.

Они распоролы брюхо от заднего прохода к горлу, вырезав наполненное молоком вымя. Эйла взялась за одну половину шкуры, а Ранек – за другую, чтобы растянуть ее и обнажить грудную клетку. Затем они развели треснувшие ребра, и Диги почти по плечи погрузила руки в эту еще теплую тушу, добираясь до внутренних органов. Они извлекли желудок, кишечник, сердце и печень. Все делалось очень быстро, чтобы кишечные газы, которые раздувают труп, не успели испортить мясо. После этого женщины принялись за шкуру.

Расстроенный Джондалар понял, что здесь его помощь явно не требуется, и направился к Лэти и Данугу, которые пыхтели над грудной клеткой теленка. Слегка оттолкнув Лэти локтем, Джондалар одним мощным и яростным ударом разрубил ребра и развел их в разные стороны. Однако разделка туш была очень тяжелой работой, и к тому времени, когда они начали снимать шкуру, гнев Джондалара успел развеяться.

Эйле приходилось заниматься подобным делом; она множество раз самостоятельно свеживала туши. Снять шкуру было нетрудно, гораздо труднее было очистить ее. Сначала обрезали шкуру вокруг ног, а затем она довольно легко отделялась от мускулов; можно было просто снять ее, но внутренняя сторона получалась более чистой, если это делалось руками. Связки, конечно, проще было отрезать, и для этой цели использовался разделочный нож с костяной ручкой и обоюдоострым лезвием, конец которого был скругленным и притупленным, чтобы не повредить кожу. Эйла привыкла пользоваться более простыми ножами и орудиями без рукояток, поэтому не слишком ловко управлялась с этими новыми лезвиями, вставленными в костяные ручки, хотя она уже поняла, что такие ножи гораздо надежнее и удобнее. Необходимо было тщательно отделить ножные и спинные сухожилия; жилы требовались везде – от шитья одежды до изготовления охотничьих силков и ловушек. Шкура бизона шла на кожаные или меховые изделия. Из длинной шерсти можно было сплести веревки или снасти различных размеров, рыболовные сети и силки для птиц или мелких животных; каждое из этих приспособлений использовалось в соответствующий охотничий сезон. Мозги, а также часть копыт сохранялись, их вываривали вместе с костями и обрывками шкуры для получения клея. Из черепа выламывали мощные изогнутые рога, достигавшие в длину до шести футов. Твердые сплошные части рогов, составлявшие примерно треть от общей длины, могли быть использованы для изготовления рукояток, колышков, пробойников, клиньев или кинжалов. Из полых частей рогов с отрезанными верхними концами делались конические трубки для раздувания огня или воронки для заполнения кожаных емкостей жидкостью, разными сыпучими веществами или зерном. Из центральной части, в которой оставался участок твердой сплошной основы, изготавливали чаши для питья. Кроме

того, из рога делали пряжки, застежки и браслеты, распиливая его поперек на узкие кольца.

Ноздри и языки бизонов отделялись с особой тщательностью, эти части считались деликатесом наряду с печенью. Затем тушу делили на семь больших кусков: по две задние, срединные и передние части, а седьмой была шея. Кишки, желудки и мочевые пузыри промывались водой и заворачивались в шкуры. Позже их надуют воздухом, чтобы они не съежились, и будут использовать на кухне для хранения жиров и жидкостей или в качестве поплавков для рыболовных сетей. Любая часть туши могла найти практическое применение, однако использовали только самое лучшее и наиболее полезное. Сейчас надо было взять ровно столько, сколько охотники смогут унести.

Чтобы Удалец не путался под ногами и не подвергал себя опасности, Джондалар еще перед началом охоты отвел его вверх по крутой тропе и надежно привязал к дереву, чем сильно расстроил резвого жеребенка. Уинни быстро отыскала его, как только бизоны оказались в загоне и Эйла отпустила ее. Закончив помогать Данугу и Лэти разделывать первого бизона, Джондалар привел было Удальца обратно, однако ему пришлось пожалеть о своем поступке, поскольку жеребец был страшно напуган видом такого количества мертвых животных. Уинни также немного нервничала по этому поводу, но для нее такое зрелище было более привычным. Эйла заметила, как заартачился Удалец, но ее внимание привлекли Барзек и Друвец, которые направились берегом реки вниз по течению; она догадалась, что охотники пошли за своими сумками, – гоняясь за стадом и стараясь направить его в сторону загона, они, конечно, и думать забыли о своих вещах.

– Постой, Барзек, – крикнула Эйла, догоняя их. – Вы собрались за своими сумками?

Он улыбнулся ей:

– Да, и за запасной одеждой, мы побросали все там в спешке... Но я совсем не жалею об этом. Если бы ты вовремя не развернула первого быка, то мы потеряли бы все стадо. На этой лошади ты творишь настоящие чудеса. Я едва поверил собственным глазам. А сейчас нам пора сходить за вещами. На запах мертвых бизонов скоро начнут собираться хищники. Я видел следы волков, пока мы сторожили стадо, они явно бродят где-то поблизости. Волки с удовольствием пожуют

нашу кожаную одежду, если найдут. Хотя волки просто поиграют с одеждой, а вот росوماхи еще и изгадят.

– Но я могу съездить туда на лошади, – предложила Эйла.

– И правда, я как-то не подумал об этом! Конечно, после таких трудов стоило бы сначала подкрепиться, однако будет очень жалко, если часть наших вещей пропадет.

– Мы же спрятали наши сумки, помнишь? – сказал Дривец. – Ей ни за что не найти их.

– А ведь точно, – вспомнил Барзек. – Жаль, значит, нам придется идти самим.

– А Дривец знает, где они спрятаны? – спросила Эйла.

Подросток взглянул на Эйлу и кивнул.

Эйла усмехнулась:

– Ты хочешь проехать на лошади?

– А можно? – Лицо юноши расплылось в широкой улыбке.

Она оглянулась и, встретившись взглядом с Джондаларом, призывно махнула ему рукой. Он быстро подошел к ней с лошадьми.

– Я хочу съездить вместе с Дривцом за вещами и сумками, которые мы в спешке забыли на берегу. Тогда мы думали только о том, как бы не упустить бизонов, – сказала Эйла, переходя на язык зеландонии. – Пожалуй, стоит взять с собой и Удальца. Хорошая пробежка успокоит его. Лошади не любят запаха крови. Уинни долго не могла привыкнуть к нему. Ты хорошо сделал, что привязал этого сорванца, но нам пора подумать и о его воспитании, чтобы он стал вести себя, как Уинни.

Джондалар улыбнулся:

– Отличная мысль, но как ты собираешься воспитывать его?

– Сама толком не знаю. – Эйла задумчиво нахмурила брови. – Уинни всегда слушалась меня по собственной воле, мы с ней с самого начала стали хорошими друзьями, но я не уверена, захочет ли этого Удалец. Он больше любит тебя, Джондалар. Может, ему захочется исполнять твои команды. По-моему, нам надо вместе попытаться воспитывать его.

– С удовольствием, – согласился он. – Мне так хочется когда-нибудь прокатиться на его спине так же, как ты ездешь на Уинни.

– Мне тоже этого хочется, Джондалар, – сказала она, вспоминая о том, как в ее сердце зародилась любовь к этому светловолосому

мужчине из племени Других. Когда-то она надеялась, что если Джондалар полюбит детеныша Уинни, то это может побудить его навсегда остаться жить с ней в ее долине. Потому-то Эйла и попросила его дать имя жеребенку.

Барзек с легким нетерпением ожидал, пока гости закончат разговор на непонятном ему языке. Наконец он не выдержал:

– Ну, раз уж вы решили съездить за вещами, то я пойду помогать разделывать туши.

– Подожди меня, – остановил его Джондалар. – Я только помогу Друвецу сесть на лошадь и пойду с тобой.

Они вдвоем помогли юноше взобраться на спину Уинни и проводили взглядами удаляющуюся компанию.

* * *

Когда Эйла и Друвец вернулись со своей прогулки, тени стали заметно длиннее, и оба они поспешили заняться общими делами. Немного погодя, расположившись на берегу реки и промывая в воде длинные трубочки кишечника, Эйла вспомнила, как разделывали и свеживали животных женщины клана. Вдруг она поняла, что сегодня впервые в жизни ее признали равноправным членом охотничьего отряда.

Эйле с детства хотелось пойти на охоту вместе с мужчинами, хотя она знала, что женщинам запрещено охотиться. Но к охотничьим подвигам мужчин все относились с таким уважением и их охотничьи истории были настолько захватывающими, что Эйла стала грезить охотой и в мечтах часто представляла себя отважной охотницей, особенно когда ей хотелось забыть о какой-то неприятной или трудной ситуации. И это невинное начало привело к таким осложнениям, которых она вовсе не могла предвидеть. После того как ей разрешили охотиться с пращой, оставив под запретом все остальные виды оружия, она стала тайно подслушивать, как мужчины обсуждают свои охотничьи планы. Охота была практически единственным занятием мужчин клана, если считать, что к ней относятся составление охотничьих планов, изготовление оружия, тренировки и ритуалы. А женщины клана разделывали и свеживали туши убитых животных,

обрабатывали шкуры для одежды и спальных покрывал, сушили и готовили мясо и вдобавок ко всему этому изготавливали сосуды для воды, различные снасти, циновки и прочую домашнюю утварь, собирали овощи, лечебные травы и другие дары земли.

Количество людей в клане Брана было примерно таким же, как на Львиной стоянке, но мужчины клана редко убивали за одну вылазку больше одного или двух животных. В результате им приходилось охотиться довольно часто, а в преддверии зимнего сезона они почти каждый день уходили на поиски дичи, чтобы сделать как можно больше запасов. Эйле казалось странным, почему никто на Львиной стоянке не беспокоится о зимних запасах; сегодня впервые мамутой решили поохотиться. Прервав на мгновение свое занятие, Эйла оглянулась и посмотрела на мужчин, продолжавших разделять это маленькое стадо. Над каждой тушей трудились два или три человека, и дело продвигалось так быстро, что Эйле оставалось только удивляться. Это заставило молодую женщину задуматься о различиях, существующих между этим племенем и кланом.

«Женщины мамутой ходят на охоту, – размышляла Эйла, – то есть у них больше охотников. Правда, этот отряд состоит из девяти мужчин и всего лишь четырех женщин... Женщины с детьми, видимо, редко участвуют в охоте, но все же это ощутимая разница. При таком количестве народа гораздо больше шансов на удачную охоту, и разделка добычи идет значительно быстрее, поскольку все охотники без исключения занимаются этим делом. Это довольно мудро», – решила Эйла, однако где-то на уровне подсознания она чувствовала, что такой обычай подразумевает нечто большее, некое очень существенное или даже основополагающее отличие, которое она никак не могла уловить. Кроме того, мамутой вели иной образ жизни и имели более свободный склад мышления. У них не было таких строгих и суровых правил, которым надо было неукоснительно следовать все время и вести себя строго определенным образом. Так могла возникнуть некая путаница, поскольку поведение мужчин и женщин ничем существенным не отличалось. Похоже, поведение человека этого племени зависело от личных склонностей, и это помогало лучше понять его и выявить скрытые возможности.

Джондалар рассказывал ей, что в его племени никому не запрещается участвовать в охоте, это было исключительно

добровольным делом, хотя охотничий промысел считался очень важным занятием и большинство людей ходили на охоту, пока были силы и здоровье. Очевидно, мамутой имели сходные обычаи. Ссылаясь на себя в качестве примера, он объяснял ей, что люди наделены разными способностями и могут овладеть другим, не менее ценным, чем охота, мастерством. После того как Джондалар научился обрабатывать камень и приобрел репутацию отличного мастера, он мог обменивать свои орудия и копья на любые необходимые ему вещи. Поэтому ему совсем не обязательно было охотиться, если он не хотел этого.

Однако Эйле еще далеко не все было ясно. «Если охота – дело добровольное, то как же они определяют, достиг ли юноша зрелости? Существует ли у них определенный ритуал на этот случай? Мужчины клана явно расстроились бы, если бы кто-то попытался убедить их, что, вообще-то, можно и не охотиться. Ведь мальчик не может стать мужчиной, пока не убьет на охоте большое животное...» Затем Эйла подумала о Кребе. Он никогда не ходил на охоту. Просто не мог из-за своего поврежденного глаза и покалеченной руки, кроме того, он еще и хромотал. Он был мудрейшим Мог-уром, мудрейшим из посвященных шаманов клана, но за свою жизнь он так никого и не убил, не прошел обряд зрелости. По его собственному мнению, он так и не стал мужчиной. Но Эйла понимала, что во всем остальном, кроме охоты, он явно был мужчиной.

Когда с разделкой туш бизонов было покончено, сумерки уже сгустились, однако все охотники без колебаний направились к реке, снимая свои испачканные кровью одежды. Женщины, отделившись от мужчин, ушли мыться выше по течению, но все находились в пределах видимости друг друга. Скатанные рулоны шкур и большие куски разрубленных туш были сложены в одном месте, а вокруг разожгли несколько костров, чтобы отпугнуть хищников и прочих любителей падали. Поблизости была навалена огромная куча топлива – плавника, валежника, а также свежесрубленных деревьев, которые использовались для постройки загона. Чуть дальше располагался ряд низких палаток, а на одном из костров жарилась насаженная на вертел часть бизоньей туши.

С наступлением темноты резко похолодало. Тули и Диги одолжили Эйле запасную сухую одежду, и она с благодарностью приняла ее, хотя

этот наряд был ей явно не по размеру. Свои забрызганные кровью вещи она выстирала, и сейчас они сохли вместе с одеждой других охотников. Проведя некоторое время с лошадьми, Эйла убедилась, что они уже спокойно отдыхают, забыв о дневных тревожениях. Уинни расположилась на границе освещенной кострами территории, выбрав наиболее удобное место, равно удаленное как от запаса мяса, предназначенного для транспортировки на стоянку, так и от груды остатков, сваленных за охраняемой огнем границей, откуда порой доносились тихое рычание и тьяканье.

Охотники вволю поели бизоньего мяса, покрывшегося вкусной хрустящей корочкой; верхний слой его отлично прожарился, но у костей оно было еще совсем сырым. После этого, подкинув дров в костер, все расположились вокруг огня, чтобы поболтать, потягивая душистый настой травяного чая.

– Честно говоря, Эйла очень ловко управилась с этим стадом, – говорил Барзек. – Не знаю, долго ли еще мы смогли бы удерживать бизонов на том пятачке. Они становились все более нервными, и я был уверен, что мы потеряем их, когда тот здоровенный бык помчался вниз по течению.

– Да, думаю, успехом сегодняшней охоты мы обязаны Эйле, и нам всем надо поблагодарить ее, – сказал Талут.

Непривычная к похвалам, Эйла смущенно вспыхнула, однако к ее смущению примешивалось и другое чувство. Высокая оценка ее охотничьего мастерства, подразумеваемая этой похвалой, согрела душу молодой женщины. Она мечтала о таком признании всю свою жизнь.

– Представляю, как удивятся наши соплеменники, когда мы расскажем об этой охоте на Летнем сходе! – с громогласным смехом добавил вождь.

Разговор на время затих. Талут поднял здоровенную сухую ветвь, она так долго пролежала на земле, что кора уже свободно свисала с нее, как старая высохшая кожа. Разломив ее о колено на две части, он бросил их в огонь. Взметнувшийся сноп искр осветил лица людей, расположившихся вокруг костра.

– Конечно, охотничьи вылазки не всегда бывают такими удачными. А помните, как мы почти загнали белого бизона? – спросила Тули. – Какая жалость, что ему все же удалось уйти.

– Должно быть, его оберегала Мут. Я был уверен, что он уже у нас в руках. А ты видел когда-нибудь белых бизонов? – спросил Барзек, обращаясь к Джондалару.

– Нет, только слышал о них. Но я видел белую бизонью шкуру, – ответил Джондалар. – Мы, зеландонии, считаем всех белых животных священными.

– Даже лис и зайцев? – удивленно спросила Диги.

– Да, хотя их статус гораздо ниже. Даже белые куропатки священны. По нашим поверьям, эта белизна – признак особой избранности. Этих животных отметила Дони, и наиболее почитаемы те из них, которые рождаются белыми и остаются такими на протяжении всей жизни, – пояснил Джондалар.

– Для нас они тоже имеют особое значение. Именно поэтому очаг Журавля обладает таким высоким статусом... в большинстве случаев, – помедлив, добавила Тули, с оттенком презрения взглянув на Фребека. – У большого белого журавля белое оперение, и, кроме того, мы считаем, что все птицы являются посланниками Великой Мут. И конечно, белые мамонты также наделены особым могуществом.

– Я никогда не забуду, как мы охотились на белого мамонта, – мечтательно сказал Талут, он продолжил рассказ, заметив одобрительные и заинтересованные взгляды. – Мы ужасно обрадовались, когда отряд разведчиков рассказал, что обнаружил неподалеку это огромное животное. Все мамутои вознесли благодарственные молитвы Великой Матери, ибо Она оказала нам великую честь, послав эту белую мамонтиху. Летний сход еще только начался, и все понимали, что если первая охота окажется успешной, то удача будет сопутствовать нам во всех делах, – пояснил Талут гостям. – Все мамутои, изъявившие желание участвовать в этой охоте, должны были пройти особый обряд очищения и поста, чтобы добиться благословения Мут. А кроме этого, надо было соблюсти дополнительные ограничения, наложенные очагом Мамонта, но мы выдержали все эти испытания, поскольку очень хотели быть избранными в этот отряд. В то время я был немногим старше Дануга, однако так же здоров и крепок, как он сейчас. Возможно, поэтому меня и выбрали, и мне даже удалось вонзить копье в эту белую громадину. Конечно, неизвестно, чье именно копье убило ту мамонтиху, так же как сегодня мы не смогли определить, чей удар свалил бизона, который

помчался на тебя, Джондалар. Мне кажется, Великая Мать не захотела предоставить такую высокую честь одному человеку или даже членам одной стоянки. В итоге все вышло очень хорошо: никакой зависти или обиды.

– А я слышал, что далеко на севере живут белые медведи, – заявил Фребек, явно недовольный тем, что ему никак не удается вставить слово в разговор.

Никто из мамутой не мог похвастаться тем, что лично убил белого мамонта, но все же та знаменитая охота вызывала у людей завистливые чувства. Каждому хотелось бы принять участие в подобной охоте, а особенно Фребеку, поскольку это могло бы значительно повысить низкий статус, унаследованный им от матери.

– Я тоже слышал о них, – сказал Дануг. – Когда мы жили возле кремневого месторождения, то к нам пришли люди из племени сангайи, чтобы договориться о кремневом обмене. Среди них была одна удивительная сказительница, она знала множество сказаний и легенд и рассказывала нам о Матери Мира, и о грибном народе, который сопровождает солнце по ночам, и еще о разных диковинных животных. Тогда-то я и услышал впервые о белых медведях. Из ее рассказа мы поняли, что они живут во льдах и питаются только той живностью, что обитает в море. Но говорят, эти звери довольно кротки, как и огромные пещерные медведи, которые вообще не едят мяса. Они совсем не похожи на своих злобных бурых сородичей. – Дануг не заметил, с каким раздражением смотрел на него Фребек. Юноша случайно перебил его, просто ему захотелось внести свою лепту в разговор.

– Однажды, вернувшись с охоты, мужчины клана сказали, что видели белого носорога, – сказала Эйла. Все еще пребывая в раздражении, Фребек метнул на нее злой взгляд.

– Да, белые твари встречаются довольно редко, – согласился Ранек, – но и черные тоже наделены особыми качествами. – Он сидел чуть дальше от огня, и лица его почти не было видно, однако все заметили его белозубую улыбку и озорной блеск глаз.

– Ну конечно же, ты у нас – большая редкость и всегда рад предоставить любой женщине на Летнем сходе узнать, какие именно редкие качества отличают тебя от обычных мужчин, – насмешливо заметила Диги.

Ранек рассмеялся:

– Но, Диги, что же я могу поделывать, если дары Великой Матери вызывают огромный интерес у женщин. Или тебе хотелось бы, чтобы я расстроил отказом одну из них? Правда, надо сказать, я говорил вовсе не о себе, а имел в виду черных кошек.

– Черных кошек? – удивленно спросила Диги.

– Уимез, я смутно помню, что видел в детстве огромную черную кошку, – сказал он, поворачиваясь к мужчине, с которым делил очаг. – Ты знаешь что-нибудь об этих животных?

– Должно быть, она произвела на тебя сильное впечатление. Ведь ты был тогда совсем маленьким. Я даже не предполагал, что у тебя могут сохраниться эти воспоминания, – сказал Уимез. – Этот случай произошел, когда ты едва научился ходить и отправился впервые обследовать окрестности. Твоя мать пошла за тобой, и я услышал ее пронзительный крик. Оказывается, ее охватил ужас, когда она увидела, что ты ползаешь под деревом, на котором сидит эта большая черная кошка. Если бы не цвет, то ее можно было бы назвать снежным барсом. Видимо, твоя мать решила, что эта хищница собирается съесть тебя, однако, похоже, у кошки не было дурных намерений или ее испугал женский визг... Короче, все закончилось благополучно, но после этого случая твоя мать долго не выпускала тебя из поля зрения.

– Там, где вы жили, обитает много таких черных хищников? – спросил Талут.

– Нет, не очень много, но они похаживали вокруг жилья. Эти кошки живут в лесах и охотятся по ночам, поэтому мы редко видели их.

– Может быть, там черные животные такая же редкость, как здесь – белые? – задумчиво предположил Ранек. – Бизоны, а порой и мамонты в наших краях достаточно темные, хотя их нельзя назвать черными. Все-таки черный цвет, скорее всего, тоже особенный. Много ли существует черных животных?

– Сегодня, когда мы с Друвцом ездили за вещами, то видели черного волка, – сказала Эйла. – Прежде мне не приходилось встречать черных волков.

– Но он был действительно черным? Или просто темно-серым? – уточнил Ранек, проявляя горячий интерес.

– Да, именно черный. Разве что только живот был чуть посветлее. Думаю, это был одинокий волк, – добавила Эйла. – Других волчьих

следов я не заметила. Возможно, в стае у него был... низкий статус, и он отправился на поиски одинокой волчицы, чтобы создать новую стаю.

– Низкий статус? Откуда ты знаешь так много о волках? – с оттенком иронии спросил Фребек. Похоже, ему не хотелось верить ей, но в целом тон его голоса выдавал явную заинтересованность.

– Когда я училась охотиться, то выслеживала только хищников. Моим оружием была праща. Долгое время я внимательно наблюдала за одной стаей, изучала повадки волков. Однажды я заметила в этой стае одну белую волчицу, остальные волки враждебно относились к ней, и она ушла от них. По-моему, им не нравилось, что волчица отличается от них по цвету.

– Точно, я тоже видел черного волка, – с горячностью подтвердил Друвец, которому после сегодняшней замечательной прогулки на лошади особенно хотелось поддержать Эйлу. – Сначала я даже не поверил своим глазам, но это был именно волк, черный волк. И мне тоже показалось, что он одинокий.

– Кстати, о волках: наверное, нам следует установить ночное дежурство. Раз уж вокруг бродят черные волки, то это вдвойне необходимо, – сказал Талут. – Мы можем сменять друг друга, но кто-то должен постоянно бодрствовать и охранять нас всю ночь.

– Пожалуй, и правда пора немного отдохнуть, – вставая, сказала Тули. – Завтра нас ждет трудный поход.

– Я могу начать дежурство, – предложил Джондалар, – а когда устану, разбужу еще кого-нибудь.

– Можешь растолкать меня, – предложил Талут.

Джондалар кивнул.

– Я тоже останусь с тобой дежурить, Джондалар, – сказала Эйла.

– Отличная мысль, в компании время пролетит незаметно. К тому же больше шансов, что вы не уснете, разговаривая друг с другом.

Глава 8

– Однако холодная была ночка. Даже мясо слегка подмерзло, – сказала Диги, привязывая нижнюю часть туши к заплечному мешку.

– Это как раз хорошо, – заметила Тули. – Жаль только, что нам не унести всю эту гору. Большую часть явно придется оставить здесь.

– Может быть, стоит завалить остатки камнями? Мы быстро натаскаем их из загона, – предложила Лэти.

– Может быть и скорее всего, мы так и сделаем, Лэти. Это хорошая мысль, – одобрила Тули, заканчивая увязывать свой дорожный тюк, который был таким огромным, что Эйла засомневалась, удастся ли Тули при всем своем могучем телосложении дотащить его до дома. – Правда, если погода переменится, мы не сможем вернуться за ним до будущей весны. Было бы лучше, если бы нам удалось перетащить его поближе к дому. Звери опасаются подходить близко к стоянке, и мы всегда сможем проверить его сохранность. А здесь совершенно дикие места, и если пещерный лев или даже оголодавшая росомаха действительно захочет полакомиться мясом, то никакие камни ее не остановят.

– Можно еще полить камни водой, чтобы они превратились в ледяную гору, – сказала Диги. – Возможно, это спасет мясо от хищников. Довольно трудно развалить замороженную пирамиду даже с помощью кайла или кирки.

– Конечно, это уберезет мясо от животных, но есть еще солнце, Диги. Ведь лед может растаять, – возразил Торнек. – Никто не знает, когда окончательно установятся морозы. Ведь зимний сезон еще не начался.

Прислушиваясь к разговору, Эйла посмотрела на мясную кучу, заметно уменьшившуюся после того, как каждый взял оттуда часть добычи. Она не привыкла к излишкам мяса, располагая лишь тем, что могла дотащить самостоятельно, поэтому выбирала обычно только самые лучшие куски. Когда Эйла жила в клане, то еды там было всегда много и более чем достаточно шкур для одежды, покрывал и прочих изделий. Ей было неизвестно, сколько мяса мамутой обычно забирают с собой, однако куча отбросов была слишком большой. И Эйла расстроено подумала, что ее придется изрядно пополнить, кроме того, она поняла, что все охотники тоже сожалеют об этом.

Дануг взял большой топор Тули и, взмахнув им с такой же легкостью, как она, разрубил деревянный чурбан надвое и подбросил его в последний догорающий костер. Заметив, как ловко он орудует топором, Эйла подошла к юноше.

– Дануг, – тихо сказала она, – ты можешь помочь мне?

– Что?.. Гм... Ну да, – смущенно запинаясь, пробормотал он, чувствуя, что краснеет.

Ее голос был довольно низким и звучным, а выговор на редкость странным. Она застала его врасплох; юноша не заметил ее приближения и сейчас робко топтался рядом с этой удивительно красивой женщиной, которая вызывала у него совершенно необъяснимые чувства.

– Мне нужны... две длинные жерди, – сказала Эйла, показывая два пальца. – Чуть ниже по течению растут молодые деревца. Ты срежешь их для меня?

– Что?.. А, да, конечно. Я могу срубить пару деревьев для тебя.

Когда они приблизились к повороту узкой реки, Дануг успел немного успокоиться, но по-прежнему не сводил взгляда с этой светловолосой женщины, которая шла рядом, всего на полшага впереди него. Эйла выбрала две прямоствольные молодые ольхи примерно одной толщины и, после того как Дануг повалил их, попросила обрубить ветви и верхушки, чтобы жерди получились равной длины. К тому времени робость этого рослого и плечистого молодого парня заметно поубавилась.

– Что ты собираешься делать с ними? – спросил Дануг.

– Сейчас увидишь, – сказала она и громким призывным свистом позвала Уинни.

Кобыла тут же прискакала к ней. Готовясь к отправлению, Эйла уже нагрузила животное обычными вьючными корзинами. По мнению Дануга, лошадь выглядела довольно нелепо; на ее спине лежала кожаная попона с ремнями, на которых держались две большие корзины. Однако он заметил, что это не беспокоит кобылу и даже не замедляет ее хода.

– Как ты приучила ее к этому? – спросил Дануг.

– Приучила к чему?

– Ну, почему она идет на твой свист?

Эйла задумалась.

– Понимаешь, Дануг, я и сама толком не знаю. Пока я не подобрала Вэбхья, мы с Уинни жили одни в долине. Она была моим единственным другом. Она росла на моих глазах, и мы учили... учились друг у друга.

– А правда, что ты умеешь разговаривать с ней?

– Мы учились друг у друга, Дануг. Уинни не могла говорить, как люди. Я учила... ее привычки... ее знаки. Она учила мои.

– Ты имеешь в виду ручной язык, которым говорит Ридаг?

– Отчасти. И животные, и люди – все имеют свои знаки. Даже ты, Дануг, ты произносишь слова, но знаками можешь сказать больше. Ну... то есть ты говоришь, даже когда не говоришь.

Дануг озадаченно нахмурился. Ему не особенно понравилось странное направление, которое принял их разговор.

– Я ничего не понял, – сказал он, отводя глаза.

– Ну, понимаешь, – продолжала Эйла, – словами не передашь того, что можно передать знаками... Ты ведь хочешь сесть на лошадь, верно?

– Гм... да, конечно. Я хотел бы.

– Хорошо... Сейчас ты поедешь на ней.

– Ты не шутишь? Я действительно смогу прокатиться на ней, как Лэти и Друвец?

Эйла улыбнулась:

– Пойдем, надо найти большой камень, это поможет тебе сесть на лошадь первый раз.

Поглаживая и почесывая кобылу, Эйла разговаривала с ней на том особом языке, который совершенно естественным образом выработался у нее за время общения с животными; этот язык включал в себя знаки и слова клана, какие-то странные звукосочетания, которые Эйла когда-то сама придумала для своего маленького сына, а также звуки, издаваемые животными, которым она научилась отлично подражать. Она сообщила Уинни, что Дануг хочет проехаться верхом и что эта поездка должна быть волнующей, но не опасной. Юноша узнал несколько ручных сигналов, которым Эйла научила Ридага и остальных обитателей стоянки. Он очень удивился, осознав, что немного понимает, о чем Эйла говорит с лошадью, однако это нагнало на него еще больше страха. Она разговаривала с лошадью, но, подобно Мамуту, общавшемуся с миром духов, использовала при этом и какой-то магический язык, известный только посвященным.

Трудно сказать, понятен ли был этот язык лошади, но по действиям своей хозяйки, помогавшей высокому молодому парню сесть верхом, она поняла, что ее ждет нечто особенное. Уинни уже воспринимала Дануга как знакомого и заслуживающего доверия человека. Его длинные ноги почти доставали до земли, и пока он не давал кобыле никаких ощутимых указаний относительно предстоявшей поездки.

– Держись за гриву, – инструктировала Дануга Эйла. – Для того чтобы тронуться с места, чуть наклонись вперед. Если хочешь замедлить ход или остановиться, то сядь прямо.

– А разве ты не собираешься ехать со мной? – слегка дрогнувшим голосом спросил Дануг.

– В этом нет необходимости, – сказала она и послала Уинни вперед, шлепнув ее по боку.

Кобыла тронулась с места и неожиданно понеслась резвым галопом. Дануга слегка отбросило назад, и он, перепугавшись, схватился за жесткую гриву, подался вперед и обхватил руками изогнутую шею. Обычно, когда Эйла наклонялась вперед, это было для Уинни сигналом ехать быстрее. Крепкая лошадка, привыкшая бегать по холодным степным просторам, уже успела изучить этот берег и поэтому послушно помчалась вниз по течению, ловко перепрыгивая через кусты и валежники и огибая острые выступающие скалы и группы деревьев.

Поначалу Дануг просто оцепенел от страха и сидел, плотно припав к шее лошади и крепко зажмурившись. Потом, осознав, что он все еще не свалился на землю, а по-прежнему подпрыгивает на спине скачущей лошади, юноша начал ощущать под собой мощные мускулы животного и даже осмелился приоткрыть глаза. Сердце его отчаянно забилося, когда он увидел пронесившиеся мимо него размытые очертания деревьев и кустов и мелькавшую под ногами землю. Крепко держась за шею Уинни, он приподнял голову и огляделся повнимательнее.

С трудом веря собственным глазам, Дануг обнаружил, что они долетели уже почти до самой развилки. Впереди маячили гранитные скалы, вздымавшиеся по обеим сторонам речной долины! Ему вдруг послышался чей-то далекий свист, и он заметил мгновенную перемену в беге лошади. Выскочив за гранитные скалы, Уинни слегка замедлила шаг и, описав широкую дугу, побежала обратно, вверх по течению. Страх юноши уже заметно поубавился, но он по-прежнему крепко

держался за лохматую гриву. Решив посмотреть, где они будут проезжать, он слегка отклонился назад, и лошадь восприняла это как сигнал уменьшения скорости.

Вскоре лошадь приблизилась к месту временной стоянки охотников, и Эйла, заметив улыбку на лице Дануга, подумала о Талуте: именно так улыбался рыжебородый вождь, когда бывал доволен собой. В юном Дануге она видела черты этого мужчины. Уинни резко остановилась возле своей хозяйки, Эйла подвела ее к валуну, чтобы Дануг мог спуститься на землю. Он был так потрясен, что не сумел вымолвить ни слова, однако улыбка не сходила с его лица. Он никогда не задумывался над тем, как быстро скачут лошади, – просто не мог себе этого представить, – и поездка на спине Уинни превзошла все его самые невероятные ожидания. Впечатление от этой первой скачки останется у него на всю жизнь.

Поглядывая время от времени на его улыбающееся лицо, Эйла сама не могла сдержать улыбку. Она успела уже привязать жерди к упряжи лошади, потом они все вместе вернулись к охотничьему лагерю, а Дануг все еще улыбался.

– Что с тобой? – спросила Лэти. – Почему ты так странно улыбаешься?

– Я ездил на лошади, – тихо ответил Дануг.

Лэти усмехнулась и понимающе кивнула.

Почти все, что можно было унести с собой к Львиной стоянке, охотники уже привязали к своим заплечным мешкам или сложили на шкуры, закрепленные на двух крепких жердях, соорудив нечто напомилавшее носилки, которые должны были нести на плечах два человека. В центре походной стоянки еще оставались рулоны шкур и несколько задних частей бизоньих туш, однако Эйла думала, что остатков будет значительно больше. В этой охоте и разделке добычи участвовал весь отряд, и точно так же сейчас каждый взял себе посильную ношу, чтобы доставить на зимнюю стоянку запасы мяса и шкур.

Некоторые охотники заметили, что Эйла не позаботилась о том, чтобы соорудить для себя дорожную поклажу, а вместо этого ушла куда-то с Данугом. Один лишь Джондалар понял, что она задумала, увидев, как Уинни тащит за собой длинные жерди. Она расположила эти жерди так, что толстые концы доходили до лошадиного загривка,

средние части прошли под свисавшими на боках корзинами и были закреплены ремнями, а тонкие нижние концы жердей просто лежали на земле. Затем, взяв несколько дополнительных веток, Эйла привязала к нижним концам жердей полсть палатки, соорудив свою обычную волокушу. Мамутой побросали все дела и внимательно следили за действиями молодой женщины, но догадались они о назначении этого странного сооружения только тогда, когда она начала перетаскивать оставшееся мясо на эту волокушу. Доверху заполнив волокушу и выючные корзины Уинни, Эйла привязала последнюю часть туши к своему заплечному мешку. Когда она закончила свои сборы, охотники с изумлением обнаружили, что от мясной кучи ровным счетом ничего не осталось.

Вид лошади с волокушей и корзинами произвел сильное впечатление на Тули, и она сказала, взглянув на Эйлу:

– Надо же, мне не приходило в голову, что лошадь можно использовать для перевозки больших грузов. По правде говоря, раньше мы считали, что эти животные пригодны только для еды.

Талут засыпал влажной землей тлеющие угли костра; разбросав их, он убедился, что все огоньки погасли. Затем, закинув свою тяжеленную ношу за спину и продев левую руку в петлю заплечного мешка, он взял в правую руку копье и двинулся в сторону дома. Остальные охотники потянулись вслед за ним. Общаясь уже довольно долго с мамутой, Джондалар пока не мог понять, почему они носят свои кожаные мешки на одном плече. Но сейчас, пытаясь поудобнее устроить на спине громоздкий и тяжелый груз, он внезапно обо всем догадался. Такой способ переноски позволял охотникам тащить значительно более объемистые и неудобные грузы. «Видимо, им часто приходится переносить большие тяжести», – подумал он.

Уинни следовала за Эйлой, почти касаясь своей мордой плеча женщины. Джондалар шел рядом, ведя на поводке Удальца. Пропустив вперед несколько человек, Талут пристроился перед ними и подбодрил их парой веселых замечаний. Охотники с трудом переставляли ноги, сгибаясь под тяжелой ношей, однако Эйла заметила, что они порой оглядываются, чтобы посмотреть на нее и Уинни.

Немного погодя Талут тихо запел в такт своему шагу и вскоре обогатил мелодию странно звучащими словами, которые, похоже, просто определяли размер куплета:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!
Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

Остальные мамутой быстро начали подпевать ему, повторяя эти непонятные слова и мелодию. Потом, вдруг озорно улыбнувшись, Талут глянул на Диги и, сохраняя ритм и мелодию припева, пропел шуточный куплет:

Милой Диги сон приснился —
Бранаг ночью к ней явился.
Но лишь глазки открывает,
Милый сразу исчезает.

Все понимающе посмеивались, а Диги смущенно улыбнулась. Талут повторил первую строчку, а отряд подхватил вторую, и точно так же, закончив вторую часть куплета, они хором пропели припев:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

За несколько повторов Талут успел придумать очередной стишок:

Как проводит зиму Уимез?
Колет кремень он в тоске.
Как проводит лето Уимез?
В жарких ласках и гульбе!

На сей раз засмеялись все, исключая Ранека. Он издал негодующий возглас. Когда этот добродушный поддразнивающий куплет повторил весь отряд, обычно невозмутимый Уимез покраснел как вареный рак. Всем было хорошо известно, что, стосковавшись по женской ласке за

время своей холостяцкой зимней жизни, Уимез старается наверстать упущенное, используя все преимущества Летних сходов.

Джондалар вместе с остальными пел эти веселые шуточные куплеты. Люди его племени тоже любили развлекаться подобным образом. Но Эйла сначала не совсем поняла, в чем суть такого занятия. Тем более что она заметила смущение Диги. Однако чуть погодя, оценив добродушные улыбки и веселый смех, она осознала, что все охотно воспринимают эти насмешки и никто не обижается. Видя, как заразительно смеются эти люди, Эйла начала постигать суть словесного юмора и тоже улыбнулась четверостишию, касавшемуся походов Уимеза.

Когда все угомонились, Талут вновь забубнил припев, и остальные весело подпевали ему в ожидании следующей шутки:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

Взглянув на Эйлу, Талут самодовольно ухмыльнулся и запел очередной куплет:

Эйла в плен взяла сердца,
Как ей выбрать молодца?
Белый, да и черный тоже —
Оба редкостно пригожи.

Эйле было приятно, что Талут не обошел ее своим вниманием, и на лице ее вспыхнула счастливая улыбка, хотя она и не до конца поняла смысл куплета. Припомнив разговоры вчерашнего вечера, она догадалась, что пригожими молодцами являются, соответственно, черный Ранек и белый Джондалар. Восторженный хохот Ранека подтвердил ее догадку, а натянутая улыбка Джондалара обеспокоила молодую женщину. Последняя шутка определенно ему не понравилась.

После припева Барзек подхватил и развил эту тему, и даже неискушенное ухо Эйлы отметило, какой у него богатый и красивый голос. Барзек тоже улыбнулся Эйле, показывая тем самым, о ком сейчас пойдет речь.

Трудно Эйле выбрать цвет.
Белый – редкость, черный – тоже.
Может, лучше взять обоих,
Чтобы ночью грели ложе?

Пока охотники повторяли куплет, Барзек взглянул на Тули, и она подарила ему взгляд, полный нежности и любви. Однако Джондалар совсем скис, он уже не мог притворяться, что его радует тематика последних шуточных стишков. Ему явно пришлась не по душе идея Барзека, он не хотел делить любовь Эйлы ни с кем, а особенно с этим обаятельным резчиком.

Дальше инициативу взял на себя Ранек, а остальные с готовностью поддержали его, подхватив, как обычно, мелодию припева:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

Намеренно усиливая томительное ожидание, он до последнего момента не поднимал глаз. Затем вдруг лицо его расплылось в широкой белозубой улыбке, и он стрельнул озорным взглядом в Талута, инициатора этих поддразнивающих куплетов, а люди заранее рассмеялись, ожидая, когда Ранек вонзит свое словесное копьё в того, кто первым заставил других смущенно краснеть и поеживаться.

Крепок и могуч, как дуб,
Наш мудрейший вождь Талут.
У него копьё большое
И всегда готово к бою.

Рыжебородый вождь встретил этот намек возмущенным восклицанием и, когда охотники громко пропели куплет второй раз, быстро начал новый стишок, меняя тему. Всю дорогу до Львиной стоянки отряд распевал разные веселые куплеты, ритмичная песня помогала им бодрее шагать, а смех облегчал тяжесть добычи, которую они тащили домой с охоты.

Неzzi вышла из длинного холмообразного строения, и тяжелый занавес опустился за ней, плотно закрыв сводчатый вход. Она бросила пристальный взгляд на реку. Низкое солнце уже готово было спрятаться за высокой облачной грядой, розовевшей на западе. Затем, сама не зная толком зачем, она рассеянно посмотрела на тропу, поднимающуюся по склону. По ее расчетам, сегодня охотники вряд ли должны были вернуться; они ушли со стоянки только вчера утром и в лучшем случае появятся только завтра к вечеру... Однако что-то вдруг заставило ее повнимательнее приглядеться к вершине холма. Неужели по той степной тропе действительно кто-то идет?

– Да это же Талут! – воскликнула она, узнав очертания знакомой фигуры, темневшей на фоне закатного неба. Приподняв край входного занавеса, она заглянула в дом и крикнула: – Скорее выходите! Они возвращаются! – и бросилась бежать вверх по склону к ним навстречу.

Мамутой высыпали из земляного жилища, чтобы приветствовать вернувшихся сородичей и помочь им снять заплечные мешки. Все понимали, что охотники очень устали, ведь после удачной охоты им пришлось еще и нести эту богатую добычу домой. Однако самое большое впечатление на встречающих произвел вид лошади, тащившей за собой такую поклажу, которую не подняли бы даже трое здоровых мужчин. Люди обступили Эйлу, разгружавшую корзины, тоже заполненные охотничьими трофеями. Рулоны шкур, рога и прочие части бизоньих туш передавались из рук в руки по цепочке; их быстро уносили в дом и закладывали на хранение в подземную кладовую.

Вскоре разгрузка закончилась, и все мамутой скрылись в доме. Немного задержавшись, Эйла сняла упряжь с Уинни и Удальца и отвела лошадей в удобное для ночлега место. Каждый вечер, уходя спать в теплое жилище, она тревожилась из-за того, что питомцам приходится ночевать под открытым небом. Конечно, сейчас, пока погода стоит сухая и не слишком холодная, в таких ночевках нет ничего страшного. И не холод больше всего беспокоил Эйлу, а то, что начинался сезон непредсказуемых изменений. Что, если ночью поднимется ураганный ветер или начнется буря? Где тогда смогут спрятаться несчастные животные?

Она в тревоге посмотрела на небо. Сквозь легкую дымку высоких, быстро летящих облаков просвечивала темная сумеречная синева. Солнце только что село, оставив за собой великолепный ореол яркого света. Эйла заметила, как быстро тускнеют живые краски освещенной синевы, сменяясь темно-серой палитрой надвигающейся ночи.

Войдя в прихожую, Эйла невольно прислушалась к громким голосам, доносившимся из-за внутреннего занавеса, закрывавшего вход в кухонный очаг, – там явно шло обсуждение ее охотничьих подвигов, совершенных с помощью лошади. Сидя вокруг костров за вечерней трапезой, люди отдыхали и делились впечатлениями, однако, увидев вошедшую Эйлу, они тут же умолкли. Чувствуя, что все взоры направлены на нее, молодая женщина смущенно остановилась. Когда Неззи, поднявшись с циновки, протянула Эйле костяную тарелку и пригласила к костру, прерванные разговоры возобновились. Приступив к еде, Эйла внимательно огляделась вокруг. Куда же подевались бизоньи туши, которые мамутой только что занесли в дом? В кухонном помещении не было даже следа их охотничьих трофеев. Она поняла, что все эти запасы куда-то спрятаны. Но куда?..

* * *

Откинув тяжелую мамонтовую шкуру, Эйла вышла из дома и первым делом отправилась навестить лошадей. Убедившись, что с ними все в порядке, она поискала глазами Диги и с улыбкой пошла навстречу своей новой подруге. Диги обещала показать ей, как мамутой дубят и выделывают свежие бизоньи шкуры. Кроме того, Эйла часто вспоминала праздничную красную тунику Диги и очень хотела узнать, как они красят кожу. Джондалар говорил, что зеландонии считают священным белый цвет, а красный был священным для Эйлы, поскольку так считали члены клана. Красная кожа использовалась только в исключительных случаях, например во время именных ритуалов. Ее окрашивали настоем, в состав которого входили красная охра и жир, причем клан Брана предпочитал брать жир пещерного медведя. Когда выяснялось, каким тотемом избран человек, ему вручали мешочек с амулетом – кусочком красной охры. Все важные этапы жизни клана отмечались ритуалами, в которых использовалась

охрана, включая последний погребальный обряд. Единственной красной вещицей, имевшейся у Эйлы, был кожаный мешочек, где хранились корешки для изготовления священного напитка, и она считала его почти таким же ценным, как амулет.

Выйдя из дома с большим куском потемневшей от употребления кожи, Неззи огляделась и, заметив Эйлу и Диги, направилась прямо к ним.

– О Диги! Ты не могла бы помочь мне? – сказала она. – Я задумала приготовить тушеное мясо. Бизонья охота была настолько успешной, что Талут решил устроить большой праздник. Может, ты отложишь свои дела и поможешь мне с готовкой? Я уже запасла горячих углей в яме большого очага и подготовила место. Нужно притащить мешок сушеного мамонтового навоза, чтобы высыпать его на угли. А Дануга и Лэти я послала за водой.

– Не волнуйся, Неззи, я охотно помогу тебе в этом деле.

– Может, я тоже смогу помочь? – спросила Эйла.

– И я, – добавил Джондалар. Он только что подошел, чтобы поговорить с Эйлой, и услышал конец разговора.

– Для начала вы можете помочь мне вытащить мясо, – сказала Неззи, направляясь к дому.

Они последовали за ней к одному из боковых сводчатых проемов внутри жилища – так же как и входные, они были ограничены мамонтовыми бивнями. Неззи приподняла край довольно жесткого и тяжелого кожаного занавеса, покрытого густой мамонтовой шерстью. Изнутри дома этот занавес казался обычной, гладко выделанной кожей, но на другой стороне сохранился двойной меховой слой, состоявший из длинного волосяного покрова и более мягкого и пушистого подшерстка. Сразу за этой шкурой висел второй толстый занавес, а за ним оказалось очень холодное, тускло освещенное помещение. Земляные стены уходили вглубь более чем на три фута, и все это подполье было почти доверху заполнено замороженной дичью, среди которой находилась большая часть вчерашних охотничьих трофеев.

– Отличное хранилище! – воскликнул Джондалар, поддерживая тяжелый занавес при входе, чтобы Неззи удобнее было спуститься вниз. – Мы тоже замораживаем мясо на зиму, только у нас такие кладовые находятся за пределами дома. Наши жилища обычно расположены под нависающими утесами или в передней части

больших пещер, но там трудно сохранить мясо в замороженном виде, поэтому мы копаем ямы довольно далеко от жилья.

– Клан тоже замораживает мясо на зимний сезон, а сверху его заваливают большим слоем камней, – сказала Эйла.

Наконец-то она удовлетворила свое любопытство, узнав, куда делись принесенные с охоты бизоньи туши.

Неззи и Джондалар с удивлением посмотрели на нее. Их по-прежнему поражали ее рассказы о мудрых и разумных действиях людей клана. Ведь до встречи с ней им и в голову не приходило, что плоскоголовые могут делать зимние запасы. А Эйлу, в свою очередь, удивили слова Джондалара, упомянувшего о том, где живут зеландонии. Она уже было решила, что все племена Других строят себе земляные жилища, и не догадывалась, что дом мамутой оказался необычным не только ей, но и Джондалару.

– В нашей округе не так много камней для такого способа хранения, – густым басом пророкотал Талут, появляясь на пороге хранилища. Все трое оглянулись на рыжеволосого гиганта. Он перехватил у Джондалара тяжелый полог и сказал, обращаясь к Неззи: – Диги сообщила мне, что ты решила приготовить тушеное мясо. – На лице его блуждала одобрительная улыбка. – И я подумал, что моя помощь будет не лишней.

– Знаю, знаю, ты чуешь запах еды до того, как ее начали готовить! – со смехом заметила Неззи; она по-прежнему стояла в подполье, выбирая нужные куски дичи.

Джондалар не совсем разобрался, как устроено это хранилище.

– Почему мясо в яме остается замороженным? Ведь рядом такой теплый дом, – сказал Джондалар.

– Зимой земля здесь промерзает и становится твердой как скала, но летом она немного оттаивает и в ней можно выкопать такую яму. Строя это жилище, мы планировали сделать такое хранилище, поэтому докопались до слоя земли, который всегда остается мерзлым. Даже летом в нем очень холодно, и наши запасы хорошо сохраняются, хотя и не всегда остаются замороженными. Осенью, как только начинает холодать, земля постепенно промерзает. И когда мясо в подвале застывает, мы начинаем делать запасы на зиму. Эти мамонтовые шкуры помогают сохранить тепло внутри и холод снаружи, – пояснил Талут. –

Точно так же они раньше служили самому мамонту, – с усмешкой добавил он.

– Вот, Талут, прими-ка этот кусочек, – сказала Неззи, поднимая сильно замороженный красновато-коричневый мясной кусок с толстым слоем желтоватого жира на боку.

– Давай я возьму, – предложила Эйла, протягивая руки.

Талут нагнулся к Неззи, и, хотя ее отнюдь нельзя было назвать миниатюрной женщиной, этот редкостный силач вытащил ее из ямы с такой легкостью, словно она была ребенком.

– Ты замерзла, дорогая. Я быстро согрею тебя, – сказал он и, подняв ее на руки, прижал к своей могучей груди и уткнулся носом в ее шею.

– Перестань, Талут. Отпусти же меня! – ворчливо отбивалась она, хотя лицо ее светилось радостью. – Сейчас у меня полно дел. Неподходящий момент ты выбрал для...

– А вот скажи мне, когда наступит подходящий момент, тогда я и отпущу тебя.

– У нас же гости... – запротестовала она, но все-таки обвила его шею руками и прошептала что-то на ухо.

– Это обнадеживает! – воскликнул Талут. Поставив Неззи на землю, он продолжал игриво поглаживать ее объемистые ягодицы, пока покрасневшая от волнения женщина оправляла свои одежды, пытаясь восстановить собственное достоинство.

Джондалар усмехнулся и обнял Эйлу за талию.

«Опять они начали свои игры, – подумала Эйла, – их слова выражают одно, а действия – совсем другое». Правда, на сей раз она сумела сообразить, что к чему, и поняла, насколько сильна взаимная любовь Талута и Неззи. Вдруг ей пришло в голову, что мамутой, подобно женщинам клана, не слишком явно выражают свою любовь, поскольку говорят одно, а подразумевают нечто другое. Эйла обрадовалась своему открытию: теперь многие вопросы, которые прежде беспокоили ее, разъяснились вполне естественным образом, и это помогло ей лучше оценить веселый нрав и шутки этих людей.

– Довольно, Талут! – сказала Неззи, пытаясь придать голосу суровый оттенок, которому, однако, противоречила довольная улыбка. – Если тебе больше нечем заняться, то лучше уж помоги нам достать коренья, – предложила она и добавила, оборачиваясь к молодой

женщине: – Пойдем с нами, Эйла, посмотришь, где мы храним их. Великая Мут была на редкость щедрой в этом году, лето простояло жаркое, и мы смогли накопать множество разных корнеплодов.

Обойдя одну из лежанок, они подошли к следующему занавешенному сводчатому проему.

– Съедобные коренья, плоды и ягоды мы храним не так глубоко, – сказал Талут гостям, поднимая очередной кожаный занавес и пропуская их в кладовую, где стояли корзины, заполненные шишковатыми, мучнистыми на вкус земляными орехами, покрытыми коричневой кожей; в этой кладовой хранились также запасы бледно-желтой дикой моркови, мясистые нижние части стеблей рогоза и тростника и прочие дары земли, корзины с которыми стояли на земле вокруг глубокой ямы. – Они могут долго храниться здесь, на холоде, но если подмерзнут, то станут мягкими. В таких ямах мы держим также шкуры, пока кто-нибудь не возьмется за их выделку, а также кости для изготовления орудий и куски бивней для Ранека. Он говорит, что на морозе они лучше сохраняются и потом с ними легче работать. Излишки бивней и костей для топки очагов хранятся во входном помещении и в ямах, выкопанных вокруг жилой площадки.

– Да, кстати, о костях. Я вспомнила, что хотела добавить в наше варево голяшку мамонта, она придает соусу особый вкус и запах, – сказала Неззи, наполняя большую корзину различными овощами. – Вот незадача, никак не найду, куда я положила сушеные побеги лука...

– Мне всегда казалось, что от зимних ветров и бурь могут защитить только скалистые стены, – сказал Джондалар с оттенком восхищения в голосе. – Потому-то мы и устанавливаем наши жилища в пещерах, но в ваших краях нет больших пещер. Здесь нет даже лесов, чтобы построить крепкие деревянные укрытия. Но вы нашли отличный выход из положения, используя кости мамонтов!

– Да, именно поэтому мы так почитаем очаг Мамонта. Мамутой охотятся на разных животных, но наша жизнь зависит от этих гигантов, – сказал Талут.

– Как-то мне довелось побывать у Бреси на Ивовой стоянке, что расположена к югу отсюда. Но я не видел там подобных сооружений.

– Значит, ты знаком с Бреси? – прервал его Талут.

– Да, Бреси и несколько людей с ее стоянки вызволили нас с братом из зыбучих песков.

– Надо же, Бреси и моя сестра – давние подруги, – сказал Талут. – Они даже породнились благодаря первому избраннику Тули. Мы выросли вместе. Их летнее жильё действительно называется Ивовой стоянкой, но остальную часть года они живут на Лосиной стоянке. Летние жилища обычно более легкие, не такие, как наше. Львиная стоянка – постоянный зимний дом. В летний период Бреси со своими людьми, как правило, обосновываются у моря Беран, чтобы наловить рыбы, улиток и прочих морских тварей. А кроме того, они добывают соль, чтобы торговать с другими племенами. Как же вы оказались в тех краях?

– Мы с Тоноланом блуждали в дельте реки Великой Матери. Бреси спасла нам жизнь...

– Ладно, потом ты расскажешь нам об этом подробнее. Всем нам интересно будет послушать историю, связанную с Бреси.

Так уж случилось, что Тонолан участвовал в большинстве приключений Джондалара. Волей-неволей ему приходилось упоминать о брате. Это вызывало горькие воспоминания, но надо было привыкать, ведь ему еще не раз придется рассказывать об их путешествии.

Поднявшись из кладовой, они вошли в просторное помещение очага Мамонта, сводчатые стены которого ограничивались мамонтовыми костями, а спальные места закрывались кожаными пологам, как в остальных жилых помещениях. Взгляд Талута упал на копьеметалку Джондалара.

– Кстати, вы оба прекрасно продемонстрировали возможности этого приспособления, – сказал Талут. – Огромный бизон свалился как подкошенный.

– Ты мог оценить далеко не все преимущества этого оружия, – возразил Джондалар. – С помощью копьеметалки можно бросить копье гораздо сильнее и дальше.

– Правда? Может, ты докажешь это на деле? – предложил Талут.

– С удовольствием, только для этого лучше подняться в степь, там легче оценить расстояние. Думаю, ты будешь очень удивлен, – сказал Джондалар и повернулся к Эйле: – Может быть, ты тоже продемонстрируешь свое искусство?

Когда они вышли из дома, Талут заметил Тули, и поскольку они как брат и сестра были равноправными вождями Львиной стоянки, то он решил, что ей тоже не помешает присутствовать на столь важной

демонстрации нового оружия. Тули шла к реке, но Талут окликнул ее и пригласил присоединиться к ним, чтобы оценить изобретение Джондалара. Все вчетвером они начали подниматься по склону, и когда вышли в открытую степь, то к ним уже присоединилось большинство обитателей стоянки.

Вскоре они расчистили подходящее место, и Джондалар спросил:

– Талут, как далеко ты можешь бросить копье? Можешь ты показать мне свой самый дальний бросок?

– Конечно, а зачем?

– Затем что я хочу доказать тебе, что смогу бросить свое копье дальше! – решительно заявил Джондалар.

Общий хохот послужил ответом на его заявление.

– Ты, конечно, здоровый мужчина, Джондалар, и наверняка сильный, но никто еще не мог бросить копье дальше Талута. Лучше бы тебе выбрать другого соперника, – посоветовал Барзек. – Талут, почему бы тебе для начала просто не показать ему, на что ты способен. Надо дать ему возможность увидеть, кому он бросает вызов. Тогда, возможно, правильно оценив свои силы, он выберет другого соперника. Я мог бы участвовать в таком состязании, да и Дануг, вероятно, тоже.

– Нет, – сказал Джондалар, сверкнув глазами. Похоже, ему понравилась идея такого состязания. – Если Талут бросает копье дальше всех вас, то я выбираю именно Талута. И я готов биться об заклад, что брошу свое копье еще дальше... Правда, мне нечего предложить в качестве заклада. В сущности, я готов поспорить, что даже Эйла с помощью этого приспособления, – Джондалар поднял вверх плоскую дощечку, – сможет бросить копье дальше, сильнее и значительно точнее Талута.

Утверждение Джондалара обитатели стоянки встретили удивленным и насмешливым гулом. Тули оценивающе посмотрела на Эйлу и Джондалара. Оба они выглядели слишком спокойными, вполне уверенными в собственных силах. Ей казалось очевидным, что они не смогут победить ее брата. Она была почти уверена, что и сама вышла бы победительницей в таком состязании. Тули была почти одного роста с этим светловолосым гостем и, возможно, даже сильнее его, хотя размах рук Джондалара был немного больше и это могло дать ему определенное преимущество.

– Я готова заключить с тобой пари, – сказала она. – Если ты выиграешь, то я предоставлю тебе право просить, чего пожелаешь. И я исполню твое требование, если оно будет в пределах моих возможностей.

– А если я проиграю?

– То ты исполнишь мое желание.

– Тули, ты уверена, что хочешь спорить на неизвестное желание? – спросил Барзек свою жену, обеспокоенно нахмутив брови. Такие неопределенные условия считались высокой ставкой и вполне могли стать причиной малоприятной неожиданности. Не столько потому, что победитель мог предъявить слишком высокое требование – хотя и такое случалось, – а потому, что проигравший не мог быть уверен в том, что сможет сразу исполнить требование победителя и что расплата не затянется на долгие годы. Кто знает, что может попросить этот чужеземец?

– Да, я спорю именно на неизвестное желание, – решительно ответила Тули.

Она не стала объяснять, что ее выигрыш в любом случае будет очень высок. Поскольку если Джондалар действительно бросит копье дальше, если он выиграет пари, то мамутой получают новое ценное оружие. А если же он проиграет, то уж она-то знает, о чем попросить его.

– Итак, что скажешь, Джондалар?

Практичная Тули хитро посмотрела на Джондалара, однако он спокойно улыбнулся ей в ответ. Ему уже приходилось держать пари на таких условиях; неизвестная ставка придавала состязанию особую остроту и повышала заинтересованность зрителей. Кроме того, ему хотелось поделиться секретом своего изобретения. Хотелось посмотреть, как оно будет принято и как будет действовать в случае большой загонной охоты. Это следующий логичный шаг в испытании нового охотничьего оружия. Немного попрактиковавшись, любой человек сможет сделать такую копьеметалку. Именно это и привлекало изобретателя. Естественно, чтобы овладеть этим новым оружием, понадобятся время и терпение, а для этого необходимо разжечь интерес охотников. И в этом ему поможет такое пари... Он знает, о чем стоит попросить Тули. Сомнений на этот счет у него не было.

– Согласен! – ответил Джондалар.

Эйла внимательно следила за этими переговорами. Она поняла, что ей придется участвовать в состязании, и почувствовала, что каждая из договаривающихся сторон имеет в этом деле свой интерес, хотя условия пари остались для нее не совсем ясными.

– Тогда давайте установим заметные мишени и хорошенько обозначим поле, – сказал Барзек, беря на себя заботу о проведении состязаний. – Друвец, принеси с Данугом несколько длинных костей для установки мишеней.

Подростки тут же помчались по тропе к дому. Он с улыбкой посмотрел вслед. Дануг, во всем походивший на Талута, сильно обогнал ростом второго юношу, хотя был всего лишь на год старше его. Однако тринадцатилетний Дануг уже стал крепким и мускулистым парнем, и его телосложение было таким же, как у Барзека.

Барзек точно знал, что этот парень и малышка Тузи были потомством его духа, точно так же как дух Дарнева, скорее всего, был избран для того, чтобы дать жизнь Диги и Тарнегу. Относительно Бринана у него пока не было такой уверенности. Младший мальчик родился восемь лет тому назад, но пока было непонятно, на кого он похож. В очаге Зубра раньше жили двое взрослых мужчин, с которыми Тули делила дары Радости, однако Великая Мут, должно быть, избрала для Бринана дух какого-то незнакомца. Мальчик имел своеобразную внешность, хотя немного походил на Тули и волосы у него были рыжими, как у ее брата. Барзек вдруг остро осознал отсутствие Дарнева, и к его горлу подступил комок. «Как хорошо нам жилось всем вместе», – печально подумал Барзек. Уже два года они с Тули горевали о Дарневе.

Вскоре была определена максимально возможная дальность броска и установлены мишени, которые представляли собой перевернутые корзины, сплетенные из выкрашенных в разные цвета трав. Когда эти мишени, украшенные рыжими лисьими хвостами, были насажены на шести из берцовых костей мамонта, то в воздухе уже витало ощущение праздника. От этих мишеней тянулась широкая полоса игрового поля, а его границы определял ряд связанных пучков травы, которая еще росла на этой степной равнине. Дети, приминая высокую траву, носились взад и вперед по этому незатейливому стрельбищу, и в результате игровое поле стало хорошо видно. Взрослые отправились за своими копьями, потом кому-то взбрела в голову идея набить травой и сухим

мамонтовым навозом старый тюфяк и, нарисовав на нем очертания какого-нибудь зверя, использовать в качестве движущейся мишени.

Пока шли все эти приготовления, которые по не зависящим, казалось бы, от людей причинам становились все более сложными и трудоемкими, Эйла отправилась выяснить, не осталось ли какой-нибудь еды, чтобы позавтракать вместе с Джондаларом и Мамутом. Вскоре к их утренней трапезе подключился весь Львиный очаг, и Неззи занялась разделкой мяса для вечерней трапезы. Талут сказал, что ради такого события он достанет к ужину хмельной бузы, что также усилило ощущение праздника, поскольку он доставал свой напиток только по случаю приема гостей или по праздникам. Затем Ранек объявил, что собирается приготовить особое блюдо, чем очень удивил Эйлу, не подозревавшую, что он умеет готовить, и порадовал всех остальных. Торнек и Диги сказали, что раз уж затевается такое торжество, то они также приготовят нечто... Дальше было произнесено слово, которого Эйла не знала, но все восприняли это с таким воодушевлением, что кулинарные планы Ранека отступили на второй план.

После окончания утренней трапезы и мытья посуды земляное жилище быстро опустело. Эйла покидала его последней. Занавес сводчатого проема еще слабо покачивался за ее спиной; постояв немного перед домом, она вдохнула свежий полдневный воздух и посмотрела в сторону лошадей, которые уже не боялись подходить вплотную к стоянке. Заметив появление своей хозяйки, Уинни подняла голову, приветливо пофыркивая. Копья остались в степи на игровом поле, а пращу Эйла принесла обратно и сейчас держала ее в руках вместе с мешочком округлых галек, собранных на каменистом берегу у излучины реки. Если бы тяжелая парка была подпоясана, то Эйла могла бы засунуть пращу за ремень, однако и рубаха, и парка – свободная одежда, которая теперь была на ней, – не имели удобных складок или карманов, в которых можно было бы носить эти маленькие метательные снаряды.

Мамутой, собравшись на поле, с нетерпением ожидали начала соревнований. Эйла направилась в ту же сторону и вскоре увидела Ридага, терпеливо поджидавшего, когда кто-нибудь заметит его и донесет наверх. Однако те, кто обычно делал это, – Талут, Дануг или Джондалар – были уже в степи.

Улыбнувшись мальчику, Эйла подошла и взяла его на руки, и тут у нее созрел план. Обернувшись назад, она свистом подозвала Уинни. Кобыла и жеребенок быстро прискакали к ней, – казалось, они очень обрадовались этому зову. Эйла вдруг поняла, что последнее время она практически целыми днями общалась с людьми и уделяла животным слишком мало внимания. И она решила, что впредь будет каждое утро совершать верховые прогулки, по крайней мере пока погода окончательно не испортится. Затем она посадила Ридага на спину лошади, и вся компания стала подниматься по крутой тропе.

– Держись за гриву, чтобы не упасть, – предупредила мальчика Эйла.

Он понимающе кивнул, ухватившись за щетку густых темных волос, торчком стоявших на изогнутой шее золотистой лошади, и издал глубокий счастливый вздох.

Когда Эйла подошла к степному стрельбищу, сам воздух, казалось, уже звенел от напряжения, и ей стало понятно, что, несмотря на праздничное веселое настроение, подобное соревнование было очень серьезным делом. Это пари заключали не только ради простой демонстрации силы и меткости. Ридаг остался сидеть на спине Уинни, откуда он мог хорошо видеть все, что происходило на поле, а Эйла стояла рядом с лошадьми, чтобы они не нервничали, присутствуя на таком шумном сборище. Конечно, животные уже попривыкли к этим людям, но Эйла знала, что кобыла ощущает это витающее в воздухе напряжение, а Удальцу всегда передаются ощущения его родительницы.

Люди толпились на поле; кто-то уже, не выдержав, метал копья, выйдя на хорошо утоптанную полосу, приготовленную для состязаний, время начала которых никто не оговаривал заранее. Однако внезапно все разговоры утихли, словно кто-то дал тайный сигнал, и люди, осознав, что настал решающий момент, расступились, давая дорогу основным участникам. Талут и Джондалар стояли между двумя столбиками, отмечавшими исходную линию броска, и пристально поглядывали на далекие мишени. Рядом с ними была и Тули. Хотя утром Джондалар готов был спорить, что даже Эйла может метнуть копьё дальше Талута, это замечание показалось всем настолько невероятным, что на него никто не обратил внимания, и поэтому она с жадным интересом наблюдала за ними со стороны.

Копье Талута было более массивным и длинным, чем у всех остальных обитателей стоянки, словно его могучие мускулы требовали, чтобы этот метательный снаряд был как можно весомее и массивнее. Но Эйла вспомнила, что у мужчин клана копья были еще тяжелее и толще, хотя, возможно, немного покороче. Правда, имелись и другие отличия. Клан использовал копья для нанесения непосредственного удара, а мамутой, так же как и Джондалар, метали их на дальнейшее расстояние, и, кроме того, на конце древка обязательно имелось оперение; мамутой явно предпочитали оснащать тупой конец копья тремя перьями, а Джондалар обычно использовал только два. Когда Эйла жила одна в долине, то сама изготовляла копья, подобные тем, что видела в клане, закаляя их острые концы на огне. Джондалар всегда вырезал острый наконечник из кости и вставлял его в древко, а охотники на мамонтов отдавали предпочтение кремневым наконечникам.

Поглощенная сравнением копий, которые принесли с собой почти все обитатели стоянки, Эйла едва не пропустила первый бросок Талута. Вождь отступил немного от намеченной линии и, сделав несколько стремительных шагов, размахнулся и метнул копье. Оно со свистом пронеслось мимо наблюдателей и, описав дугу, приземлилось с глухим стуком, так что его наконечник почти полностью ушел в землю, а древко продолжало вибрировать от этого удара. Восхищение, написанное на лицах людей, не позволяло сомневаться в том, что они думают о мастерстве и силе рыжебородого вождя. Поражен был даже Джондалар. Он подозревал, что бросок Талута будет достаточно мощным, однако сила этого богатыря далеко превзошла все его ожидания. Понятно, почему мамутой не верили, что Джондалар выиграет пари.

Но он измерил шагами всю дистанцию, чтобы прикинуть силу этого броска, затем вернулся на исходную позицию. Держа копьеметалку горизонтально, он вложил копье в паз; на тупом конце древка имелось маленькое отверстие, которое насаживалось на штырек, находившийся в дальнем конце этой узкой метательной дощечки. От переднего конца тянулись две кожаные петли, позволявшие удерживать и копье, и копьеметалку в нужном положении. Прodeв в эти петли большой и указательный пальцы, Джондалар приготовился к броску.

Он последний раз глянул на то место, где приземлилось копьё Талута, затем отступил на шаг назад и метнул копьё.

Положение, занимаемое копьём в момент броска, фактически увеличивало длину руки Джондалара на добрых пару футов, и благодаря этому появлялся дополнительный выигрыш в силе и дальности полета. Его копьё просвистело мимо зрителей и, ко всеобщему удивлению, пролетело гораздо дальше торчавшего в земле копья, брошенного вождем. Плавно снизившись, легкое копьё Джондалара наконец воткнулось в землю. Это приспособление, в сущности, позволило Джондалару удвоить обычную дальность его броска, и поскольку он был уверен, что Талут не настолько силен, чтобы метнуть копьё в два раза дальше, чем раньше метал он сам, то, как и следовало ожидать, его легкое копьё улетело значительно дальше.

Пораженные мамутой стояли затаив дыхание, никто пока даже не тронулся с места, чтобы заметить разницу между этими бросками; как вдруг в воздухе зазвенело третье копьё. Удивленная Тули быстро оглянулась назад и, увидев Эйлу, стоящую с копьёметалкой на исходной позиции, вновь повернула голову, чтобы не пропустить момента приземления третьего копья. Хотя молодая женщина не могла соперничать с Джондаларом в дальности броска, но все-таки ей тоже удалось победить могучего Талута, и на лице Тули вновь появилось выражение, явно говорившее о том, что она не в силах поверить собственным глазам.

Глава 9

– Итак, Джондалар, ты выиграл пари, и мне придется выполнить твоё требование, – объявила Тули. – Я допускала, что, на худой конец, ты можешь победить Талута, но никогда бы не поверила, что это сможет сделать женщина. Мне хотелось бы получше рассмотреть твоё... ну... Как ты там называешь это оружие?

– Копьеметалка. Мне не удалось придумать другого названия. Как-то раз я наблюдал, как Эйла орудует своей пращей, и мне пришла в голову одна мысль. Я подумал, хорошо было бы, если бы я смог метать копье так же далеко и сильно, как она бросает камни с помощью пращи. И тогда я начал размышлять, как это можно сделать, – сказал Джондалар.

– Да, ты уже говорил о её мастерстве. Неужели она действительно так замечательно бросает камни? – спросила Тули.

Джондалар усмехнулся:

– Эйла, может быть, ты возьмешь пращу и метнешь пару камней, чтобы у Тули не осталось никаких сомнений?

Эйла нахмурилась. Для неё были непривычны такие публичные демонстрации. Она совершенствовала своё мастерство втайне от всех, и после того, как ей с большим скрипом разрешили охотиться, она всегда делала это в одиночку. Члены клана испытывали смутную тревогу, видя её с охотничьим оружием, да и сама она чувствовала определенную неловкость. Джондалар был первым человеком, который стал охотиться вместе с ней, и первым, кто оценил те прекрасные результаты, которых она достигла упорным самосовершенствованием. Эйла задумчиво посмотрела на улыбающееся лицо Джондалара. Он был таким спокойным и уверенным. Она надеялась увидеть на его лице хотя бы тень беспокойства, которое позволило бы ей отказаться, но не заметила ничего подобного.

Кивнув, Эйла пошла за пращей и мешочком с камнями, которые вручила Ридагу, когда решила бросить копье. Мальчик, сидевший на спине лошади, улыбнулся Эйле, чувствуя особое волнение от того, что та стала центром всеобщего внимания.

Она оглянулась вокруг в поисках подходящей мишени. Для первых бросков она выбрала заборчик из ребер мамонта. Громкий, почти

мелодичный звук, с которым камни ударяли по костям, не оставлял сомнений в том, что она попала в эти узкие кольца. Но это было совсем не сложно. Она опять оглянулась, пытаясь найти какую-нибудь более трудную цель. Обычно она не бросала камни в неподвижные мишени, поскольку охотилась на птиц или маленьких зверюшек.

Джондалар знал, что попасть в костяные кольца для нее сущий пустяк; он вдруг вспомнил об одном эпизоде минувшего лета, и улыбка на его лице сменилась озорной усмешкой. Пройдя в конец игрового поля, он нагнулся и, взяв пару комьев глинистой земли, окликнул Эйлу.

Оглянувшись, она посмотрела в его сторону. Джондалар стоял, широко расставив ноги, а на плечах его лежали два кома земли. Эйла недовольно нахмурилась. Он уже делал недавно нечто подобное с двумя булыжниками, однако ей не нравилось, что он с такой легкостью подвергает себя опасности. Удар пращи мог быть смертельным. Но, поразмыслив, она подумала, что эта опасность – кажущаяся, а не реальная. Для нее не составляло труда попасть в два неподвижных предмета. Подобных промахов у нее уже не было долгие годы. Почему же сейчас она должна промахнуться? Надо просто отбросить мысль о том, что эти предметы лежат на плечах любимого мужчины.

На мгновение закрыв глаза, она сделала глубокий вдох и махнула рукой Джондалару, показывая, что согласна. Достав из лежавшего у ее ног мешочка два гольща, она соединила вместе ремни пращи и вложила один снаряд в специальный карман, находившийся посередине, а второй камень держала наготове. Затем Эйла посмотрела вперед, оценивая расстояние.

Зрители стояли вокруг нее в тревожной неподвижности ожидания. Люди боялись даже дышать. Казалось, еще немного, и сам степной воздух зазвонит от этой напряженной тишины.

Эйла сосредоточила свое внимание на комьях земли, покоившихся на плечах мужчины. Когда она слегка пошевелилась, все обитатели стоянки слегка подались вперед. Большой опыт охоты приучил ее действовать быстро и как можно менее заметно, ее движения отличались особой гибкостью и стремительностью. Молодая женщина резко взмахнула рукой и выпустила первый снаряд.

Затем, прежде чем первый камень достиг цели, она уже вложила в пращу второй снаряд. Твердый ком земли на правом плече Джондалара разлетелся от удара попавшего в него камня. Никто даже ахнуть не

успел, как Эйла выпустила из пращи второй снаряд, разбивший в пыль ком светло-коричневой лессовой почвы, лежавший на левом плече добровольной живой мишени. Все это произошло так быстро, что у зрителей возникло ощущение, что они пропустили нечто самое главное или что это был своего рода ловкий трюк.

И это действительно был трюк, мастерский трюк, который мало кто смог бы повторить. Никто не учил Эйлу пользоваться пращой. Она тайно наблюдала, как это делают мужчины из клана Брана, и постепенно, методом проб и ошибок, в совершенстве овладела этим оружием. Такой стремительный двойной удар она начала осваивать для самозащиты, после того как однажды промахнулась и едва спаслась от нападения разъяренной рыси. Ей и в голову не приходило, что большинство людей сочли бы, что такой дуплет невозможен; она долго жила в одиночестве, и некому было убеждать ее в бесполезности подобных тренировок.

Эйла не сознавала того, что вряд ли ей удастся встретить когда-нибудь человека, который владел бы пращой столь же искусно, хотя это обстоятельство едва ли взволновало бы ей душу. Ее совершенно не интересовало, сможет ли кто-нибудь метнуть камень точнее, чем она. Она привыкла соревноваться только сама с собой, и ее единственным желанием было оттачивание собственного мастерства. Эйла знала свои возможности и, придумывая новые охотничьи приемы, такие как двойной бросок или охота на лошади, сначала делала несколько пробных попыток; если ей казалось, что задуманное вполне осуществимо, то она упорно тренировалась до тех пор, пока не осваивала новый способ в совершенстве.

Любая человеческая деятельность предполагает существование тех немногих людей, которые благодаря своему упорству, опыту и огромному желанию достичь высот мастерства становятся лучшими из лучших в своей области. И Эйла действительно мастерски владела пращой.

Притихшие мамутои облегченно вздохнули, а затем изумленный гул голосов разорвал тишину. Ранек вдруг начал хлопать себя по бедрам, и вскоре вся стоянка уже вторила такими же хлопками. Не совсем понимая, что бы это могло значить, Эйла глянула на подошедшего Джондалара. Его лицо сияло от восторга, и она догадалась, что этими жестами мамутои выражают восхищение.

Тули тоже рукоплескала, хотя немного более сдержанно, чем остальные, не желая показать, какое сильное впечатление произвело на нее мастерство гостыи, хотя Джондалар был уверен, что она поражена до глубины души.

– Если вы думаете, что это был какой-то обман, то посмотрите на это! – воскликнул Джондалар, поднимая с земли еще два тяжелых глинистых кома.

Он видел, что Эйла уже заготовила два гольща. Размахнувшись, он одновременно подбросил в воздух оба кома. Эйла мгновенно сбила один, а следом и другой ком, так что на землю осели лишь два облачка пыли.

Глаза Талута заблестели от восхищения.

– Потрясающе! – воскликнул он.

– Давай теперь ты тоже возьми пару комьев, – предложил Джондалар, – и мы запустим в небо четырех птичек.

Перехватив взгляд Эйлы, он подобрал с земли новые комья и, подняв руки, показал их своей подруге. Она достала из мешочка четыре камня – по два в каждую руку. Нужна была исключительная точность и быстрота движений, чтобы последовательно заложить в пращу четыре камня и успеть бросить их, пока комья земли будут лететь по воздуху. Вот это, похоже, действительно будет проверкой ее мастерства. Джондалар услышал, как Барзек и Манув заключили пари; Манув безоговорочно верил в успех Эйлы: после того как она спасла жизнь маленькой Нуви, он не сомневался, что эта молодая женщина способна сделать все, что угодно.

Решив, что сейчас надо забросить комья повыше и подальше, Джондалар с силой послал их в небо один за другим, и Талут тоже подбросил свои комья как можно выше.

Первые две цели – одна Джондалара, а другая Талута – были сбиты почти одновременно. Дождь пыли летел к земле, однако теперь Эйле надо было перезарядить пращу. Вторая мишень, брошенная Джондаларом, уже начала падать, а ком Талута почти достиг наивысшей точки полета, когда Эйла наконец вставила новый снаряд. Прицелившись в нижнюю мишень и определив скорость полета, она выпустила камень. Она проследила за его полетом, даже несколько промедлив со следующим броском, хотя ей следовало поторопиться.

Плавным движением Эйла положила в пращу последний снаряд и молниеносно метнула его в цель, разбив вдребезги четвертую мишень прежде, чем та коснулась земли. Скорость полета последнего заряда была так велика, что зрители с трудом поверили собственным глазам.

Все мамутой оживленно зашумели, слышались громкие возгласы одобрения и восхищения, сопровождаемые, как и раньше, хлопками по бедрам.

– Да, это было потрясающее представление, – признала Тули потеплевшим голосом. – Я не ожидала, что увижу нечто подобное. Поздравляю, твое мастерство просто великолепно.

– Спасибо, – ответила Эйла, вспыхнув от удовольствия; она обрадовалась как признанию своего мастерства, так и искренней теплоте, проявившейся в голосе этой гордой и властной женщины.

Все мамутой обступили Эйлу, продолжая высказывать ей комплименты и поздравления. Смущенно улыбаясь, она поискала глазами Джондалара, испытывая неловкость от всеобщего внимания. С ним беседовали Уимез и Талут, на плечах которого сидела Руги, а рядом стояла Лэти. Он заметил смущенный взгляд Эйлы и ободряюще улыбнулся ей, не прерывая беседы.

– Эйла, как тебе удалось научиться так здорово метать камни из пращи? – спросила Диги.

– И где? Кто научил тебя? – поинтересовалась Крози.

– Мне тоже хочется научиться этому, – робко добавил Дануг.

Высокий юноша, стоявший позади остальных, смотрел на Эйлу глазами, полными обожания. Она была первой женщиной, пробудившей его юношеские чувства. Эйла понравилась ему с первого взгляда. Впервые приметив ее, Дануг подумал, что никогда не видел такой красивой женщины и что Джондалару, которым он тоже восхищался, очень повезло. Но после того, как он самостоятельно проехал на лошади, и теперь, после демонстрации ее мастерства, бутон его полудетской влюбленности вдруг расцвел полным цветом.

Эйла одарила его обнадеживающей улыбкой.

– Может быть, ты дашь нам несколько уроков после того, как вы с Джондаларом покажете, как действует копьеметалка, – предложила Тули.

– Да, хорошо бы, – добавил Торнек. – Мне и в голову не приходило, что пращу можно использовать подобным образом, но

копьеметалка – это нечто совсем новое. Просто чудесное оружие, если, конечно, оно бьет без промаха.

Эйла отступила назад. Расспросы, люди, толпившиеся возле нее, – все это заставило ее нервничать.

– Копьеметалка бьет без промаха... если рука точная, – сказала она, вспомнив, как усердно тренировались они с Джондаларом, осваивая это новое приспособление. – Ни одно оружие не может быть точным само по себе.

– Да, Эйла, ты подтвердила общеизвестную истину: рука и глаз создают мастера, – сказал Ранек, беря ее за руку и глядя ей прямо в глаза. – Ты не представляешь, какое это было замечательное зрелище! Как ты была прекрасна и грациозна! Ты настоящий мастер!

Она не могла не заметить, какое тепло излучают его темные, устремленные на нее глаза; его чувственный взгляд проникал в самую сущность женской природы, порождая ответное, древнее, как сама жизнь, желание. Но ее сердце дало предостерегающий толчок: это был не тот мужчина. Не тот мужчина, которого она полюбила всей душой. Ранек, бесспорно, пробудил в ней некое чувство, только оно было иной природы.

Она заставила себя отвести глаза, в отчаянии оглянувшись вокруг в поисках Джондалара... и нашла его. Он пристально смотрел в их сторону, его яркие синие глаза, исполненные затаенной боли, полыхали холодным ледяным огнем.

Эйла вырвала руку у Ранека и, резко отвернувшись, пошла прочь. Нервы ее не выдержали подобного напряжения. Все эти беспокойные вопросы, шум толпы и неуправляемые чувства переполнили чашу ее терпения. Мышцы ее живота судорожно сжались, сердце бешено стучало, пересохшее горло саднило и болело; ей необходимо было успокоиться и прийти в себя. Она увидела Ридага, по-прежнему сидевшего на лошади, и, не раздумывая, подхватила мешочек с камнями и побежала к ним.

Взлетев на спину Уинни, Эйла крепко обхватила мальчика и резко подалась вперед. Этот сигнал был хорошо знаком лошади, но их общение шло и на более тонком, необъяснимом уровне, и сейчас Уинни, почувствовав, что всадница отчаянно хочет сбежать от этой толпы народа, взбрыкнула передними ногами и, резко сорвавшись с

места, умчалась в степную даль. Удалец с веселым ржанием последовал за ними, попросту радуясь возможности поразмяться.

Обитатели Львиной стоянки пораженно смотрели им вслед. Большинство из них совершенно не понимали, почему вдруг Эйла побежала к лошади, они впервые видели такую стремительную скачку. Молодая женщина с развевающимися за спиной длинными золотистыми волосами, казалось, слилась в единое целое с лошастью, летевшей бешеным галопом, – зрелище было поистине потрясающим, оно порождало благоговейный страх. Однако среди наблюдавших явно нашлись бы охотники, готовые поменяться местами с Ридагом. Неззи сначала с тревогой наблюдала за этой скачкой, но быстро успокоилась, решив, что Эйла знает, что делает, и ее мальчику ничего не грозит.

Ридаг не понимал, за что ему привалило такое счастье, но глаза его восторженно сияли. Чувствуя уверенную руку Эйлы, он не испытывал страха, только сердце его колотилось от волнения, и он изумленно хватал ртом воздух, летя навстречу ветру.

Бегство от шумной толпы, от непонятной ярости Джондалара, а также приятное ощущение, вызванное быстрой ездой, ослабили напряжение Эйлы. Немного успокоившись, она почувствовала, как странно, слабо и неравномерно бьется под ее рукой сердце Ридага, и встревоженно подумала о том, что поступила глупо, взяв мальчика с собой. Однако чуть позже Эйла поняла, что эта скачка не повредила мальчику и сердцебиение его почти нормальное.

Замедлив бег лошади и сделав широкий круг по степи, она повернула назад. Когда они подъезжали к месту состязаний, то потревожили пару прятавшихся в высокой траве куропаток, их крапчатое летнее оперение еще не полностью сменилось белым зимним нарядом. Стук лошадиных копыт спугнул их. И когда птицы поднялись в небо, Эйла по привычке схватилась за пращу. Опустив глаза, она заметила, что Ридаг, державший ее мешочек, уже достал для нее пару камней. Она взяла их и, слегка сжав ногами бока Уинни, метким двойным броском сбила сначала одну жирную, отъевшуюся за лето птицу, а затем и другую – ту, что летела повыше.

Эйла остановила Уинни и соскользнула с ее спины, держа на руках Ридага. Поставив мальчика на землю, она отыскивала в траве упавших птиц, свернула им шеи и перетянула их оперенные лапки волокнистыми стеблями травы. Куропатки не улетали на юг с наступлением холодного

сезона, хотя при желании могли совершать большие перелеты. К зиме у них отрастало густое белое оперение, защищавшее от холода их тела, а на лапках появлялись пушистые белоснежные чулочки; эти птицы спокойно переносили суровый сезон, питаясь семенами и маленькими веточками, а когда начинались метели, выкапывали в снегу маленькие пещерки и жили в них в ожидании лучших дней.

Эйла вновь посадила Ридага на Уинни.

– Ты поддержишь куропаток? – спросила она мальчика, переходя на язык клана.

– Если ты доверишь их мне, – жестами ответил Ридаг, но его сияющее, довольное лицо сказало больше, чем ручные знаки.

Ему не суждено было узнать радость быстрого бега, но сегодня впервые испытал он нечто подобное. Он никогда не участвовал в охоте и не мог понять тех сложных чувств, которые рождаются от тренировок охотничьих способностей и от осознания того, что ты добываешь пищу для себя и своего племени. А сейчас он соприкоснулся с этим почти вплотную; у Ридага было такое ощущение, словно он сам принял участие в охоте на этих куропаток.

Эйла с улыбкой положила птиц на спину лошади перед Ридагом и, повернувшись, медленно пошла к месту состязания. Уинни последовала за ней. Эйла намеренно не спешила с возвращением, она все еще огорченно вспоминала гневный взгляд Джондалара. Что могло так рассердить его? Ведь сначала, когда она стояла, окруженная людьми, он ободряюще улыбался ей и выглядел таким довольным... Но потом Ранек... Она вспыхнула, вспомнив темные глаза, мягкий, ласкающий голос. «Да, они – Другие! – подумала Эйла и резко встряхнула головой, точно хотела привести в порядок свои мысли. – Похоже, я никогда не пойму этих Других!»

Ветер подгонял Эйлу в спину, он взметнул ее золотистые волосы и уронил несколько волнистых прядей на лицо. Она раздраженно откинула их рукой. Уже не раз Эйла жалела о том, что теперь ей приходится ходить с распущенными волосами, потому что это нравилось Джондалару. Раньше, живя одна в долине, она заплетала косы, и это было гораздо удобнее. Потом с оттенком досады Эйла заметила, что все еще держит в руках пращу, потому что на этой новой одежде не было удобного пояса, за который можно было бы засунуть оружие. А ведь все эти вещи она надевала тоже ради Джондалара,

отказавшись даже от возможности носить с собой свою лекарскую сумку, которая прежде висела на ремне, стягивавшем ее незатейливую кожаную накидку.

Подняв руку, она вновь отвела упавшие на глаза волосы и, прищурившись, посмотрела на длинную пращу. Затем она остановилась и, отбросив назад волосы, обвязала голову гибкими ремнями пращи. Спрятав свободные концы под массой волос, Эйла улыбнулась, вполне довольная собой. Отличная идея. Волосы по-прежнему свободно рассыпались по спине, но благодаря кожаному ободку не лезли в глаза, и, более того, теперь ей не придется вечно таскать пращу в руках.

Мамутой подумали, что эта быстрая скачка, завершившаяся удачной охотой, была продолжением демонстрации мастерства Эйлы. И она не стала разубеждать их, однако избегала взглядов Джондалара и Ранека.

Когда Эйла вдруг неожиданно убежала к лошадям, Джондалар понял, что она расстроилась, и не сомневался, что в этом виноват именно он. Он сожалел о случившемся, мысленно ругая себя, но ему было трудно совладать с незнакомыми чувствами, тревожившими его душу, и он не знал, как объяснить ей все это. Ранек не догадывался, как сильно расстроилась Эйла. Он понял только, что вызвал у нее некое ответное чувство, и подозревал, что мог стать причиной ее смущения и бегства, однако такое поведение он объяснил очаровательным простодушием ее натуры. Эта молодая женщина все больше нравилась ему, и он задавал себе лишь один мучительный вопрос: насколько сильны ее чувства к светловолосому гостю?

Вновь оказавшись среди обитателей Львиной стоянки, Эйла обратила внимание на детей, которые, играя, носились взад и вперед по длинному утоптанному полю. Неззи подошла к Ридагу и сняла его со спины Уинни, при этом куропаток он с гордостью держал в руках. Эйла отпустила лошадей, и они, отойдя на некоторое расстояние, начали жевать суховатую осеннюю траву. Затем лицо Эйлы стало вдруг задумчивым, она окинула отстраненным взглядом собравшихся в степи людей, размышляя о дружелюбном споре, породившем эти состязания, а они, в свою очередь, стали причиной необычных действий, которые были выше ее понимания. Эти взрослые люди играли как дети. Эйла сознавала, что соперничество или состязание необходимо для проверки

мастерства, для проверки человеческих возможностей и способностей, – естественно, можно было проверить быстроту бега или дальность полета копья, однако она с удивлением видела, что сейчас они прыгают и резвятся просто ради удовольствия. Хотя при этом, возможно, тоже проверяются и развиваются определенные физические способности.

Кто-то принес из дома несколько обручей, размер которых примерно соответствовал окружности бедра. Они были сделаны из специальных узких полосок влажной сыромятной кожи, которые после сушки становятся жесткими, и тогда их туго обматывают медвежьей травой. Кроме обручей в игре были задействованы легкие оперенные копья или легкие дротики, которые не имели ни костяных, ни кремневых наконечников.

Обручи катали по земле, а в них бросали дротики. Когда дротик одного из игравших попадал в дырку катившегося обруча и он падал на землю, зрители дружно выражали одобрение, хлопая себя по бедрам. Эта игра также сопровождалась счетными словами и заключением пари, что усиливало заинтересованность и волнение как состязавшейся пары, так и болельщиков. Эйла как зачарованная наблюдала за этим странным занятием. Играли и мужчины, и женщины, они по очереди катали обручи и бросали дротики, как будто соперничая друг с другом.

В итоге, дождавшись определенного результата игры, несколько человек направились в сторону дома. Среди них была и Диги, вся покрасневшая от возбуждения. И Эйла поспешила за ней.

– Похоже, день превращается в чудесный праздник, – заметила Диги. – Состязания, игры... все это создает такое впечатление, будто у нас сегодня действительно большое торжество. И Неззи готовит свое замечательное тушеное мясо. Талут обещал бражку, Ранек – сладости. А ты собираешься делать что-нибудь со своими куропатками?

– Вообще-то, я умею готовить их особым способом. Ты думаешь, стоит заняться ими?

– А почему бы и нет? Пусть у нас на праздничном ужине будет еще одно особое блюдо.

То, что подготовка к празднику идет полным ходом, ощущалось уже у входа в жилище: в воздухе носились восхитительные ароматы готовящейся пищи, дразнившие обоняние соблазнительными обещаниями. Главным виновником этого было тушившееся мясо. Оно

тихо булькало в большом кожаном котле под присмотром Лэти и Бринана. А в общем, приготовление праздничных блюд шло полным ходом, и в него был вовлечен едва ли не каждый. Эйла внимательно и заинтересованно следила за действиями Неззи и Диги.

В земле возле очага была выкопана котловина, дно которой покрывали горячие угли и пепел, сохранившие хороший жар. На эти угли был положен слой сухого мамонтового навоза, а на него установлен кожаный котел, вставленный в костяной каркас. Тлеющие под навозом угли подогревали жидкость, но к тому времени, когда навоз загорался, нижний слой углей уже прогорал, и вся масса топлива несколько проседала, а кожаный котел оставался на прежней высоте. Кипящая жидкость медленно просачивалась сквозь кожаное дно, гася случайные языки пламени. Когда все угли под этой кожаной посудиною прогорали, в нее начинали добавлять речные камни, докрасна раскаленные в очаге, что позволяло поддерживать варево в состоянии кипения, – такой подсобной работой обычно занимались дети.

Ощипав куропаток, Эйла выпотрошила их специальным ножиком. Он был сделан целиком из кремня, о притупленную зазубринами рукоятку нельзя было порезаться, а лезвие отделялось от ручки двумя зарубками. Эти зарубки позволяли фиксировать положение большого и указательного пальца, поэтому манипулировать таким орудием было довольно легко. Правда, его использовали не для грубых работ, а только для разрезания мяса или кожи. Эйла уже успела оценить достоинство такого ножа, хотя впервые взяла его в руки, когда они прибыли на Львиную стоянку.

Обычно Эйла готовила куропаток в яме, выложенной камнями, на которых разводился костер; когда дрова прогорали, дичь укладывалась на раскаленные камни и плотно укрывалась. Однако в этих краях трудно было найти подходящие камни, поэтому она решила воспользоваться уже имевшейся ямкой с углями, над которой тушилось мясо. К сожалению, в это время года уже не было молодой зелени – мать-и-мачехи, крапивы и амаранта, в листьях которых она любила запекать дичь вместе с яйцами куропаток. Правда, в лекарской сумке Эйлы имелся небольшой запас трав, которые можно было использовать как для лечебных целей, так и в качестве приправы к пище. Кроме того, пучок сухих трав, в которые она решила завернуть птиц, также должен был придать мясу особый тонкий аромат. Возможно, получится не

совсем то блюдо, которое так любил Креб, но тем не менее оно тоже будет довольно вкусным.

Закончив ощипывать птиц, Эйла зашла в дом и увидела Неззи, разводившую огонь в центральном кухонном очаге.

– Я бы хотела приготовить куропаток в ямке, там, где ты готовила мясо. Можно мне взять еще углей? – спросила Эйла.

– Конечно. Может быть, тебе еще что-нибудь нужно?

– У меня есть немного сушеных приправ. Хотя я люблю готовить птиц со свежей зеленью. Но сейчас неподходящее время.

– Ты можешь заглянуть в кладовую. Вдруг тебе пригодятся кое-какие овощи. А еще у нас есть соль, – сказала Неззи.

– Соль... – Эйла подумала, что ей пришлось обходиться без соли, с тех пор как она покинула клан. – Да, пожалуй, я возьму немного соли и овощей. Надо посмотреть. А где можно взять угли?

– Я дам их тебе, как только огонь прогорит.

Эйла поначалу не обратила внимания на то, как Неззи разводит костер, но потом заинтересовалась. Она знала, что в этих местах мало деревьев, хотя не задумывалась о том, какие это может иметь последствия. Мамутой использовали в качестве топлива кости, а они разгорались довольно трудно. Неззи взяла немного тлеющих углей из соседнего очага и, добавив сухой травы для растопки, положила на нее слой высушенного навоза, который давал жар и сильный пламя. Затем она бросила в костер мелкие осколки костей, однако кость воспламенялась далеко не сразу.

Чтобы раздуть пламя, Неззи отодвинула маленькую рукоятку, которую Эйла раньше не замечала. Она вдруг услышала тихий свист ветра и заметила, как взметнулся пепел и ярко разгорелся костер. Объятые языками пламени кости сначала стали обугливаться по краям и затем наконец загорелись. И Эйла вдруг поняла, с чем было для нее связано то непонятное раздражение, которое она испытывала с тех самых пор, как они прибыли на Львиную стоянку, – странное, едва осознанное беспокойство вызывал непривычный запах дыма.

Ей приходилось жечь сухой навоз, и она знала сильный и резкий запах этого дыма, однако в основном Эйла использовала топливо растительного происхождения и больше привыкла к запаху древесного дыма. Мамутой использовали топливо животного происхождения. Запах горящих костей был совсем другим – так обычно пахнет горелое

жаркое, которое забыли на огне. А в сочетании с сушеным навозом, который добавляли в большом количестве, костяной дым приобретал особо едкий специфический запах, распространявшийся по всей стоянке. Не то чтобы он был очень неприятным, скорее просто незнакомым, и именно это слегка беспокоило Эйлу. А сейчас, когда она поняла происхождение этого запаха, бывшее безотчетное напряжение сразу исчезло.

Эйла с удивленной улыбкой наблюдала, как Неззи добавила в костер очередную порцию костей и опять пошевелила рукоятку, благодаря которой ярче разгорался огонь.

– Как тебе удается так ловко усиливать огонь? – спросила Эйла.

– Огонь тоже должен дышать, а дыхание огня – это ветер. Великая Мут научила нас этому, поскольку Она назначила женщинам быть хранительницами очага... Ты сама можешь легко убедиться в этом. Если дунуть на костер, то огонь разгорится сильнее. От ямы очага мы прокопали траншею, она заканчивается за стеной дома, по ней может поступать свежий воздух. По дну этой траншеи проложен длинный кишечник какого-то животного, который надули воздухом, чтобы он не съежился. Сверху этот кишечник закрыли перевернутым костяным желобом, а потом засыпали землей. Траншея из этого очага уходит вон под те циновки. Видишь?

Взглянув, куда указывала Неззи, Эйла понимающе кивнула.

– А начинается траншея вот здесь, – продолжала женщина, показывая на кусок полого бизоньего рога, конец которого торчал в стенке очажной ямы ниже уровня пола. – Но поступление воздуха обычно надо регулировать. Необходимо учитывать и силу ветра, и силу огня, который ты хочешь получить. С помощью этого приспособления можно открывать и закрывать поддувало, – пояснила Неззи, показывая на рукоятку, присоединенную к заслонке, сделанной из лопаточной кости.

В сущности, все оказалось достаточно просто, и все же это было хитроумное приспособление, настоящее техническое изобретение, необходимое для выживания. Без него, при всем изобилии дичи, охотники на мамонтов в этих субарктических степях смогли бы выжить разве что в нескольких изолированных районах. В лучшем случае они могли бы наведываться сюда в теплые сезоны. В этих краях почти не было деревьев, а близость ледников способствовала суровым долгим

зимам. Специально устроенные очаги являлись насущной необходимостью, поскольку в них можно было сжигать кости – единственное топливо, которого было достаточно для постоянного проживания.

Посмотрев, как Неззи разводит костер, Эйла отправилась в кладовую поискать приправ для своих куропаток. Можно было использовать дикую морковь или горох из молочных стручков вики, но, подумав немного, Эйла решила, что обойдется без них. Затем ее взгляд остановился на плотном плетеном сосуде с остатками каши с овощами, которую она сварила сегодня утром с помощью раскаленных камней. Эта размазня была убрана до поры до времени и уже изрядно загустела в ожидании того момента, когда найдутся желающие утолить чувство голода. Эйла попробовала это застывшее кушанье. Когда недоставало соли, люди обычно использовали больше ароматных приправ и кореньев, поэтому и она сдобрила сегодня эту ячменно-ржаную размазную шалфеем и мятой, хреном, луком и морковью.

«Надо взять немного соли, – думала она, – семян подсолнуха, что хранятся во входном помещении, и еще немного сушеной смородины... Возможно, еще стоит добавить плоды шиповника и листья мать-и-мачехи из моей лекарской сумки. Если начинить куропаток такой смесью, то вкус у них потом будет весьма необычный». Эйла приготовила и начинила птиц, завернула в свежесрезанную траву и положила в ямку на угли, а сверху засыпала все слоем золы. После этого она направилась посмотреть, чем занимаются другие.

Самым оживленным местом оказалась жилая площадка перед входом в дом, там собралось большинство обитателей стоянки. Подойдя поближе, Эйла увидела снопы колосьев, лежавшие на земле. Часть людей молотила, топтала и била связанные пучки колосьев, чтобы отделить зерно от мякины. Другие убирали отходы, оставшиеся после молочения зерна, подбрасывая его на плоском решете, сплетенном из ивовых прутьев. Ранек заложил зерно в ступу, сделанную из полый ножной кости мамонта, завершавшейся ступней. Взяв кусок обрезанного мамонтового бивня и используя его как пест, Ранек начал толочь зерно в ступе.

Вскоре Барзек, скинув верхнюю парку, пришел на подмогу Ранеку, и они стали поочередно наносить удары этим массивным пестом.

Торнек начал хлопать в ладоши в ритме их ударов, и Манув поддержал его, затянув ритмичный монотонный припев:

Ай да сила, йо-хо-хо! Ранек наш толчет зерно!
Хорошо толчет зерно, ай да сила, йо-хо-хо!

Затем с очередным ударом вступила Диги, в том же ритме пропев похвалу Барзеку:

Барзек тоже разошелся не на шутку, йо-хо-хо!
Ай да Барзек, как легко толчет зерно!

Через некоторое время уже все мамутои хлопали себя по бедрам и напевали незамысловатые слова припева, причем мужские голоса поддерживали Манува, а женские – Диги. Увлеченная этим четким ритмом Эйла тоже начала подпевать; ей понравился этот припев, правда, она была не уверена в своих певческих способностях.

Немного погодя Уимез, также сбросивший парку, подошел к Ранеку и быстро сменил его у ступы, вовремя перехватив пест, отпущенный Барзеком. Манув мгновенно отреагировал на эту замену и с очередным ударом начал новый припев:

Уимез взялся за дробилку, бум-ба-ку, бум-ба-ку!

Когда Барзек начал заметно уставать, его сменил Друвец, и Диги тоже пропела новую строчку, затем настал черед Фребека. Наконец дробильщики остановились, чтобы проверить результаты работы; они ссыпали дробленое зерно и просеяли его через сито, сплетенное из листьев рогоза. Затем в костяную ступу засыпали новую порцию зерна, но на сей раз к ней встали Тули и Диги, и Мануву пришлось придумывать куплеты за двоих, но женскую партию он пропевал фальцетом, вызывая взрывы смеха у слушателей. Неззи перехватила пест у Тули, а Диги, улыбнувшись, кивнула Эйле, которая порывисто шагнула к ней.

Сделав последний удар, Диги быстро отступила, и, пока Неззи поднимала пест, Эйла заняла место подруги. Когда костяная дробилка опустилась вниз, послышался возглас: «Ай да раз!» – и Эйла схватилась за этот толстый, чуть изогнутый кусок мамонтового бивня. Пест показался ей неожиданно тяжелым, но она подняла его под новый запев Манува:

Ай да раз, ай да два, рады Эйле мы всегда!

Эйла, не ожидавшая такого искреннего проявления дружелюбия, едва не выронила бивень, и, когда на следующий удар вся стоянка, и мужчины и женщины, подхватила приветствие Манува, она совсем растрогалась и заморгала глазами, пытаясь сдержать подступившие слезы. Это были не просто дружелюбные или вежливые слова, это было подлинное признание. Она нашла Других, и они с радостью приняли ее.

Трони заняла место Неззи, и немного погодя Фрали сделала шаг в сторону Эйлы, но та отрицательно мотнула головой, и беременная женщина, с готовностью согласившись, отступила в сторону. Эйла обрадовалась такому послушанию, однако оно лишний раз подтвердило ее подозрение, что Фрали чувствует себя неважно. Процесс дробления шел своим чередом, потом Неззи остановила женщин и, ссыпав дробленое зерно в сито, вновь наполнила ступу.

Теперь за эту нудную и тяжелую работу взялся Джондалар. Трудно было дробить зерно таким способом, и дело лучше спорилось, когда люди, объединив усилия, сопровождали этот процесс веселыми шутками. Однако, заметив, что с другой стороны к ступе встал Ранек, Джондалар нахмурился. Натянутые отношения, сложившиеся между темнокожим резчиком и светловолосым гостем, невольно омрачили дружескую атмосферу еле уловимым ощущением враждебности.

Все окружающие почувствовали это, когда дробильщики начали обмениваться массивным бивнем, постепенно ускоряя темп. Скорость ударов неуклонно продолжала нарастать, и ритмичная песня умолкла, однако часть наблюдавших за ними зрителей начала топтать ногами, и этот поддерживающий ритм ударов топот становился все громче и быстрее. Вскоре Джондалар и Ранек начали увеличивать и силу ударов; и в итоге вместо дружеской совместной работы у них получилось нечто

вроде состязания в силе и упрямстве. Один упрямец опускал пест с такой ожесточенностью, что он ударялся о дно ступы и подскакивал вверх, а другой, на лету подхватывая бивень, с еще большей силой всаживал его в костяную ступу.

Мужчины уже изрядно вспотели. Пот заливал им глаза, пропитывал рубахи, но они продолжали свое состязание, неуклонно убыстряя темп и утяжеляя удары. Казалось, еще немного, и ступа расколется пополам, – похоже, каждый из них решил биться до конца, не желая смирить свой норв. Их дыхание стало тяжелым и отрывистым; соперники явно перенапряглись и устали, но никто не хотел сдаваться. Никто из этих двоих не желал оказаться побежденным; соперничество шло не на жизнь, а на смерть.

Эйла была вне себя. Мужчины уже достигли предела своих возможностей. Она с отчаянием и мольбой в глазах посмотрела на Талута. Он кивнул Данугу, и они вдвоем встали рядом с этими упрямыми, решившими уморить друг друга.

– Не пора ли уступить нам место! – пророкотал Талут своим густым басом, оттесняя Джондалара в сторону и перехватывая тяжелый бивень.

После отскока его подхватил Дануг, сменивший Ранека.

Судорожно глотая воздух и пошатываясь, Джондалар и Ранек разошлись в разные стороны, похоже не осознавая, что их соперничество уже закончилось. Эйла хотела было броситься им на помощь, да так и не решилась. Догадываясь, что причиной этой борьбы была она сама, Эйла понимала, что если она подойдет к одному из них, то второй будет считаться проигравшим. Мамутой тоже были обеспокоены их состоянием, но не спешили предлагать помощь. Они боялись проявить повышенное внимание к этим упрямым, поскольку это означало бы, что за их состязанием скрывается нечто большее, нежели игра. Однако никто из мамутой не был готов всерьез отнестись к их соперничеству.

Когда Джондалар и Ранек немного пришли в себя, внимание людей уже переключилось на Талута и Дануга, продолжавших толочь зерно. Похоже, они заразились духом соревнования. Дружеского соревнования, которое, однако, было не менее напряженным. С усмешкой поглядывая на свою молодую копию, Талут резко опускал

бивень в костяную ступу. А Дануг без тени улыбки подхватывал отскочивший пест и с мрачной решимостью всаживал его обратно.

– Молодец, Дануг, так держать! – воскликнул Торнек.

– У него нет шансов, – возразил Барзек.

– Ну почему это? Дануг ведь моложе, – сказала Диги. – Талут выдохнется первым.

– Но у него нет выносливости Талута, – заметил Фребек.

– Конечно, сил у него пока поменьше, чем у Талута, но выносливости ему не занимать, – сказал Ранек. Он уже успел окончательно восстановить дыхание и присоединился к этим зрительским комментариям. Его перенапряженные мускулы еще болели, однако это не мешало ему понять, что новое состязание затеяно с целью понизить значение предыдущего. Слишком уж суровая и серьезная схватка завязалась у них с Джондаларом.

– Давай, Дануг, не отступай! – кричал Друвец.

– Ты сможешь выстоять! – с воодушевлением добавила Лэти, хотя сама толком не знала, к кому обращены ее слова, к Данугу или к Талуту.

И вдруг после очередного удара Дануга костяная ступа треснула.

– Ну вот, доигрались! – сердито воскликнула Неззи. – Ваши медвежьи удары все-таки раскололи ступу. Теперь нам придется делать новую. И мне кажется, что этим следует заняться тебе, Талут.

– Да, видимо, ты права! – сказал Талут, счастливо улыбаясь. – Это был отличный поединок. Мой мальчик, – заметил он, обращаясь к Данугу, – год странствий явно пошел тебе на пользу. Ты стал гораздо сильнее. Как тебе твой малыш, а, Неззи?

– Посмотри-ка лучше сюда! – сказала Неззи, вытряхивая из ступы содержимое. – У вас получилась настоящая мука. А мне надо было, чтобы вы сделали обычную дробленку. Я собиралась немного подсушить ее и убрать на хранение. А такую муку уже не подсушишь.

– Мне кажется, в племени моей матери делали что-то из такой зерновой муки, но надо уточнить у Уимеза, – сказал Ранек. – Я могу взять немного этой муки, если никто больше не желает. Какое это было зерно, Неззи?

– Это была смесь, в основном пшеница, но к ней добавлено немного ржи и овса. Тули уже сделала запас такой муки для маленьких булочек, которые все так любят. По-моему, она даже успела испечь их к сегодняшнему вечеру. Еще Талут хотел взять немного зерна и смешать

его с крахмалистыми корнями рогоза, из которого он делает свою бражку. Но если хочешь, можешь забирать себе все. Ты ведь сам дробил это зерно.

– Талут тоже принимал участие. И если ему надо, пусть забирает часть муки, – сказал Ранек.

– Да бери ты сколько надо, Ранек, а я возьму то, что останется, – великодушно предложил Талут. – Я уже залил водой корни рогоза, и они начали бродить. Даже не знаю, что получится, если я добавлю туда эту муку. Но стоит попробовать, – возможно, выйдет неплохой напиток.

Эйла посматривала то на Джондалара, то на Ранека, пока не убедилась, что с ними все в порядке. Джондалар снял пропитанную влагой рубаху и, протерев блестящее от пота тело, ушел в земляное жилище. Эйла поняла, что это состязание не причинило ему никакого вреда, и подумала, что с ее стороны было очень глупо так беспокоиться за него. В конце концов, он сильный и здоровый мужчина, и небольшое перенапряжение, естественно, не может повредить ему, да и Ранеку тоже. Однако Эйла избегала разговаривать с ними. Их действия привели ее в замешательство, и ей необходимо было время, чтобы успокоиться.

Занавес сводчатого входа приподнялся, и из дома вышла измученная Трони. Одной рукой она придерживала Хартала, а другой – неглубокое костяное блюдо с корзинками и разной хозяйственной утварью. Эйла поспешила ей навстречу.

– Давай помогу. Хочешь, я подержу Хартала? – предложила она.

– О, пожалуйста, если ты не занята, – ответила молодая женщина, протягивая ребенка Эйле. – Сегодня все готовят что-то вкусное, и я тоже хотела сделать праздничное лакомство, но меня постоянно отвлекают от дела. А тут еще Хартал проснулся. Я его покормила, но он так разгулялся, что сейчас явно не будет спать.

Трони пристроилась возле большого центрального очага. Держа на коленях малыша, Эйла наблюдала, как Трони взяла одну корзинку и высыпала в неглубокую чашу очищенные семечки подсолнуха. Небольшим пестиком – Эйле показалось, что он напоминает часть голяшки шерстистого носорога, – Трони растирала эти семена в кашу. Когда она растерла достаточное количество семечек, то наполнила водой другой сосуд. Затем взяла две прямые костяные лопаточки, вырезанные таким образом, чтобы ими было удобно

доставать разогретые в костре камни. Привычными ловкими движениями она поднимала раскаленные камни и опускала их в сосуд с холодной водой. Облако пара поднялось над поверхностью зашипевшей воды. Трони быстро заменяла остывшие камни на раскаленные, пока вода не закипела. Тогда она добавила туда кашицу из семечек подсолнуха. Эйла была заинтригована.

Выделившееся из семечек масло поднялось на поверхность воды, Трони снимала его большой ложкой и сливала в туесок, сделанный из березовой коры. Сняв довольно много масла, она добавила в воду разные дробленые зерна: черные семена амаранта, душистые приправы – и вновь довела всю эту смесь до кипения с помощью раскаленных камней. Березовый туесок был отставлен в сторону для охлаждения, и вскоре подсолнечное масло застыло. Трони дала Эйле попробовать его на кончике ложки, и гостья сказала, что получилось очень вкусно.

– Лучше всего намазывать его на булочки, которые делает Тули, – пояснила Трони. – Поэтому мне и хотелось сделать его. Но раз уж я вскипятила воду, то решила, что можно приготовить еду на утро. После сегодняшнего празднества завтра найдется не много желающих готовить, но дети уж точно захотят позавтракать. Большое спасибо, Эйла, что ты помогла мне с Харталом.

– Не стоит благодарности. Мне это только в радость. Я так давно не возилась с малышами, – сказала Эйла, действительно испытывая радостное волнение.

Она поймала себя на том, что пристально разглядывает Хартала, мысленно сравнивая его с малышами клана. У Хартала не было сильно развитых надбровных дуг, но у младенцев клана они тоже были еще мало заметны. Его лоб был более высоким, а голова – более круглой формы. «Да, в таком раннем возрасте все эти отличия почти незаметны, – подумала она, – если не считать того, что Хартал смеется, гукает и аукает, а младенцы клана издают очень мало звуков».

Ребенок слегка забеспокоился, увидев, что его мать ушла мыть посуду. Эйла покачала его, посадив на колени, а потом развернула малыша лицом к себе и начала разговаривать с ним. На его лице отразилась явная заинтересованность. Это отвлекло его, но ненадолго. Видя, что Хартал опять готов заплакать, Эйла слабо свистнула. Этот звук удивил его; малыш раздумал плакать и напряг слух. Она опять засвистела, на этот раз подражая птичьей трели.

Живя в своей долине, Эйла порой целыми днями слушала голоса птиц и пыталась подражать им. В конце концов она стала так ловко насвистывать песенки своих пернатых друзей, что они даже прилетали на ее свист, а в речной долине, где жили мамутой, водились те же виды птиц.

Пока она развлекала малыша свистом, поблизости приземлилось несколько маленьких пташек, которые тут же начали поклевывать зерна и семечки, высыпавшиеся из корзинок Трони. Эйла заметила их, посвистела и протянула к ним руку. Поосторожничав для начала, один храбрый зяблик перелетел на ее палец. Не торопя события, Эйла продолжала тихо посвистывать, чтобы успокоить и заинтересовать это маленькое крылатое создание. Потом она согнула руку и поднесла птицу к малышу, чтобы он мог хорошо разглядеть ее. Ребенок залился счастливым смехом и, протянув к зяблику пухлый кулачок, спугнул его.

И тут, к своему удивлению, Эйла услышала одобрительные возгласы и рукоплескания. Эти звуки заставили ее поднять голову, и она увидела вокруг улыбающиеся лица обитателей Львиной стоянки.

– Как тебе это удается, Эйла? Я знаю людей, которые научились подражать голосам птиц и животных, но ты делаешь это так хорошо, что можешь обмануть их. Надо же, этот зяблик с готовностью пришел на твой зов! – сказала Трони. – Я никогда не встречала человека, который имел бы такую власть над животными.

Эйла смущенно вспыхнула, как будто ее застали за каким-то занятием... не совсем подходящим, что ли?.. Ведь это занятие отличало ее от обычных людей. Несмотря на все улыбки и похвалы, она испытывала странную неловкость. Эйла не знала, что ответить на вопрос Трони. Не знала, как объяснить, что пока она жила в полном одиночестве, то часто развлекалась, пытаясь подражать птичьему пению. Когда человеку не с кем общаться, то он готов искать друзей среди лошадей или даже среди львов. Когда ты не знаешь, есть ли еще в этом мире люди, похожие на тебя, то ищешь общения с теми живыми существами, которые находятся рядом.

Глава 10

После полудня на Львиной стоянке наступило некоторое затишье. Обычно дневная трапеза мамутой была самой обильной, но сегодня большинство людей пропустили ее, а самые голодные лишь слегка подкрепились остатками утренней еды, поскольку все берегли животы для чудесных блюд, приготовленных для вечерних посиделок; этот незапланированный праздник обещал быть замечательным во всех отношениях. Пока люди спокойно отдыхали: одни просто дремали, другие слонялись туда-сюда, снимая пробу с различных блюд, а третьи тихо беседовали, – но в воздухе витало предпраздничное настроение, и все с нетерпением ждали этого особого вечера.

Эйла и Трони сидели возле одного из очагов в земляном жилище и слушали Диги, рассказывавшую им подробности своего визита на стоянку Бранага и о том, какие приготовления делались к их Брачному ритуалу. Сначала Эйла слушала с интересом, но, когда разговор перешел на обсуждение поведения незнакомых ей людей, сородичей этих молодых женщин, она встала и, сославшись на то, что ей надо проверить, как запекаются куропатки, направилась к выходу из дома. Рассказ Диги о том, что они с Бранагом вскоре пройдут Брачный ритуал, заставил Эйлу задуматься о будущем, которое ждет ее саму и Джондалара. Он говорил, что любит ее, но никогда не упоминал о том, что они создадут свой очаг или пройдут Брачный ритуал, и это вдруг обеспокоило ее.

Подойдя к ямке, где готовились птицы, она убедилась, что жар от углей еще достаточно силен; затем, оглянувшись вокруг, заметила Джондалара, Уимеза и Дануга. Мужчины сидели в стороне от протоптанной тропинки, там они обычно работали с кремнем. Она знала, о чем может идти их разговор, а если бы и не знала, то догадаться было несложно. Возле этих трех мастеров лежало несколько крупных желваков кремня, а вся земля вокруг них была усыпана осколками и острыми отщепами этого поделочного камня. Эйла часто удивлялась тому, что они могли часами разговаривать о своих кремневых делах. О чем можно было так долго говорить? Казалось, они уже давно должны были исчерпать все возможные вопросы.

До встречи с Джондаларом Эйла сама изготавливала каменные орудия, которые вполне устраивали ее, хотя она и не считала себя мастером этого дела. Живя в клане, она часто следила за оружейным мастером Друком и, копируя его движения, постепенно сама научилась раскалывать кремень. Но, увидев, как это делает Джондалар, Эйла сразу поняла, что он значительно превосходит ее мастерством. Изготовленные им орудия были гораздо лучше, чем у Друка, хотя отношение их обоих к этому ремеслу, а возможно даже, и способности были почти одинаковыми. Эйла заинтересовалась тем, как Уимез раскалывает кремень, и хотела при случае попросить разрешения понаблюдать за его работой. А сейчас, похоже, случай был вполне подходящий.

Джондалар заметил ее, как только она вышла из дома, но виду не подал. Он был уверен, что Эйла избегает его с тех пор, как закончилось испытание с пращой. Считая, что она все еще сердится на него, он не хотел докучать ей своим вниманием. Когда Эйла направилась в их сторону, Джондалар весь сжался от внутреннего напряжения, боясь, что она может изменить свое намерение или, возможно, просто пройдет мимо них.

– Я не помешаю, если понаблюдаю за вашей работой? – спросила Эйла.

– Конечно нет. Присаживайся, – приветливо улыбнувшись, ответил Уимез.

Джондалар вздохнул с облегчением; его нахмуренный лоб разгладился и напряженно сжатые челюсти разомкнулись. Дануг хотел сказать что-то, когда Эйла села рядом с ним, но ее присутствие опять на время лишило его дара речи. Перехватив его восхищенный взгляд, Джондалар подавил снисходительную улыбку. Он испытывал к этому парню искреннюю симпатию и знал, что нечего бояться этого пылкого юношеского увлечения. Поэтому в данном случае Джондалар мог позволить себе выступить в роли покровительствующего старшего брата.

– А ты раскалываешь кремень обычным способом? – спросил Уимез, очевидно продолжая разговор, прерванный появлением Эйлы.

– В общем-то, да. Большинство наших мастеров, сделав заготовку, отделяют от нее ножевидные пластины, которые идут на изготовление стамесок, резцов, скребков или наконечников для маленьких копий.

– А большие наконечники вы делаете? Ваше племя охотится на мамонтов?

– Редко, – сказал Джондалар. – Зеландонии в отличие от вас предпочитают охотиться на других животных. А наконечники для больших копий у нас обычно изготавливают из кости. По-моему, лучше всего подходит для этого кость передней ноги оленя. Стамеской делается черновая форма, намечаются желобки – в общем, снимается все лишнее. А потом эта заготовка обрабатывается более тщательно с помощью скребка, сделанного на кремневой пластине. Такие копыя, отшлифованные влажным песчаником, можно сделать очень острыми.

Как-то раз Эйла помогала ему делать такие костяные наконечники для копий и успела убедиться, насколько они хороши на охоте. Копье с этим длинным смертоносным наконечником глубоко входило в тело животного, конечно, если бросок был достаточно сильный, а лучше всего, если оно было пущено из копьеметалки. Прежде Эйла пользовалась более тяжелыми копьями, подобными тем, которые изготавливали охотники клана, но легкие копыя Джондалара предназначались не для непосредственного колющего удара, а для метания.

– Ты прав, костяные наконечники проникают глубоко, – заметил Уимез. – Если попасть в жизненно важное место, то удар может быть смертельным, однако это довольно трудно, когда ты имеешь дело с мамонтом или носорогом. У них густая шерсть и толстая шкура. Хорошо, если удар придется между ребрами, но ведь есть еще толстый слой жира и мышцы, которые надо пробить. Конечно, лучше всего целиться в глаз, да только в такую маленькую движущуюся точку очень трудно попасть. Еще мамонта можно свалить, пронзив копьем его горло, но это опасно, поскольку для этого нужно подойти очень близко. Но наш кремневый наконечник имеет острые края. Он легче пронзает толстую шкуру, и истекающее кровью животное постепенно слабеет и теряет силы. Если хочешь пустить ему кровь, то надо целиться в живот или мочевой пузырь. Конечно, смерть наступит далеко не сразу, но такой способ гораздо безопаснее.

Эйла слушала затаив дыхание. Изготовление орудий, безусловно, было интересным делом, но разговор об охоте на мамонтов был куда интереснее, поскольку ей никогда не приходилось охотиться на этих гигантов.

– Это я понимаю, – сказал Джондалар, – но удастся ли тебе сделать прямым такой большой кремневый наконечник? Каким бы способом ты ни откалывал пластины, они всегда будут немного изогнутыми. Таковы природные свойства этого камня. Бросая копье с изогнутым наконечником, ты проигрываешь в меткости и в глубине проникновения. Мне кажется, сила удара уменьшается примерно вдвое. Вот почему хороши только маленькие кремневые наконечники. Даже если взять самую длинную и массивную пластину, то из нее может получиться только короткое острие.

Уимез, усмехаясь, согласно кивнул:

– Все верно, Джондалар, но позволь, я покажу тебе кое-что.

Пожилой мастер достал тяжелый кожаный сверток и развернул его. Там оказался здоровенный кремневый топор, или ручное рубило, размером с настоящую кувалду, которое было изготовлено из целого желвака. Нижний конец его был округлым и толстым, и это мощное орудие довольно резко сходилось к заостренному верхнему концу.

– Я не сомневаюсь, что тебе случалось видеть нечто подобное.

Джондалар улыбнулся:

– Да, я изготавливал топоры, но не такие огромные. Этот подойдет разве что Талуту.

– Да-да, именно для Талута я и сделал его, осталось только подобрать длинную костяную рукоятку... Думаю, этим сможет заняться Дануг, – сказал Уимез, улыбнувшись своему молодому подмастерью. – Таким орудием обычно разбивают кости мамонта или раскалывают бивни. Для этого требуется недюжинная сила и сноровка. А Талут с легкостью орудует таким рубилом. Вероятно, и Дануг теперь сможет овладеть им.

– Точно сможет. Он срубал деревья для волокуши, – сказала Эйла, одобрительно глянув на Дануга, который тут же вспыхнул и смущенно улыбнулся. Ей тоже приходилось делать и использовать подобные ручные рубила, но, конечно, не таких больших размеров.

– А скажи, как бы ты стал делать такой топор? – продолжал Уимез, обращаясь к Джондалару.

– Ну, обычно я начинаю с того, что делаю отбойником массивный скол, а потом обтачиваю его с двух сторон, придавая соответствующую форму.

– Племя атерианов, к которому принадлежала мать Ранека, делает наконечники копий, применяя двухстороннюю ретушь.

– Двухстороннюю ретушь? То есть оббивая с двух сторон, как рубило? Но ведь чтобы он получился прямым, нужно взять массивную, а не тонкую пластину. А если в результате наконечник выйдет слишком громоздким?

– Возможно, такой наконечник будет несколько толще и тяжелее обычного, но определенно изящнее и меньше любого рубила. И он отлично подходит для тех животных, на которых охотятся те племена. Однако верно и то, что для мамонта или носорога необходим прямой и тонкий наконечник, и, кроме того, он должен быть очень длинным и острым. Как бы ты стал делать его? – спросил Уимез.

– Да, наверное, тоже двухсторонней обработкой. Это единственный метод. Взял бы массивный кремневый скол и постепенно обработал его с обеих сторон, – задумчиво сказал Джондалар, пытаясь представить себе процесс изготовления такого орудия. – Но это очень сложная и точная работа, трудно угадать, как поведет себя кремень.

– Верно. Тут нужен кремень самого лучшего качества, и опытный глаз, и рука мастера.

– Да, желвак лучше откалывать прямо перед обработкой. Даланар, тот мастер, что учил меня, живет возле известковых скал, в которых достаточно много кремня. Возможно, там следовало бы подыскать кремень, подходящий для такого наконечника. Но все равно такое орудие очень сложно сделать. У нас с ним получались отличные рубила, однако не уверен, удастся ли таким же способом изготовить приличный наконечник.

Уимез достал второй сверток из мягкой кожи и, развернув его, показал Джондалару несколько кремневых наконечников.

Изумленно распахнув глаза, Джондалар взглянул сначала на Уимеза, а потом на сияющее лицо Дануга, который явно гордился своим наставником. Немного придя в себя, Джондалар осторожно взял в руки один из наконечников и тщательно рассмотрел его, почти с нежностью поглаживая прекрасно обработанные поверхности камня.

Орудие было гладким на ощупь и поблескивало, как будто было смазано маслом; многочисленные грани сияли, отражая солнечный свет. Это изделие, по форме напоминавшее лист ивы, было почти идеально симметричным во всех направлениях. Длина его точно

соответствовала длине ладони Джондалара от основания до кончиков пальцев, оба конца были острыми и постепенно расширились к середине, где похожее на лист ивы острие достигало примерно ширины четырех сложенных вместе пальцев. Посмотрев на острие в профиль, Джондалар заметил, что у этого изделия совершенно отсутствует изгиб, характерный для орудий, изготовленных на пластинах. Оно было идеально прямым и ровным, и максимальная толщина в поперечнике была не больше толщины мизинца.

Джондалар со знанием дела потрогал острую кромку. Она была очень острой и лишь слегка притупленной мелкой ретушью. Его чуткие пальцы пробежали по поверхности изделия, ощущая все те крошечные всхолмления и впадины, которые получились в результате последовательного удаления кремневых чешуек, что позволило придать этому острию столь прекрасную симметричную форму.

– Оно слишком красиво, чтобы использовать его в качестве оружия, – с восхищенным вздохом сказал Джондалар. – Настоящее произведение искусства!

– Да, пожалуй, этот экземпляр я не отдам охотникам, – сказал Уимез, обрадованный высокой оценкой собрата по ремеслу. – Я сделал его как образец для демонстрации нового способа обработки.

Эйла, вытянув шею, разглядывала искусно сделанные орудия, покоившиеся на земле в мягких складках кожи, и не смела даже дотронуться до них. Она никогда еще не видела таких красивых и изящных наконечников и такого разнообразия форм и размеров. Кроме иволистного острия там были еще асимметричные орудия с выемкой: с одной стороны у них была острая режущая кромка, а с другой – узкий ровный выступ, который можно было, вероятно, вставить в рукоятку, чтобы использовать это орудие в качестве ножа. Еще несколько изделий напоминали наконечники для копий или особого вида ножи – это были более симметричные, постепенно сужающиеся к концу орудия с плоскими обоюдоострыми лезвиями.

– Если хочешь, можешь взять и рассмотреть их получше, – сказал Уимез, заметив интерес Эйлы.

Восхищенно сверкнув глазами, она начала перебирать эти изящные орудия, словно они были сокровищами. Хотя, возможно, именно таковыми они и являлись.

– Кремень... такой гладкий... словно живой, – сказала Эйла. – Я даже не представляла, что бывает такой замечательный кремень.

Уимез улыбнулся.

– Ты почти угадала секрет, Эйла, – сказал он. – Именно такие качества позволяют изготовить подобные остря.

– Вы нашли такой кремень где-то поблизости? – недоверчиво спросил Джондалар. – Я тоже никогда не видел таких камней.

– Нет, боюсь, такого кремня в месторождениях просто не бывает. Но конечно, мы знаем, где можно раздобыть достаточное количество кремня отличного качества. К северу от нас есть одна большая стоянка, она расположена рядом с кремневым месторождением. Мы с Данугом как раз недавно вернулись оттуда. Однако для этих орудий мы специально обработали кремень... в огне.

– В огне?! – воскликнул Джондалар.

– Да-да, в огне. При прокаливании камень изменяется. Именно поэтому он и становится таким гладким на ощупь... – Уимез взглянул на Эйлу, – таким живым... Короче, после прокаливании он приобретает особые свойства. – Чтобы его объяснения были более понятными, он показал им кремневый желвак, явно побывавший в очаге. Камень был покрыт сажей и слегка обожжен, и когда Уимез ударом отбойника отколол от него кусок, то оказалось, что внешняя известковая корка тоже стала более темного цвета. – Мы случайно сделали это открытие. Просто как-то раз я случайно уронил кусок кремня в очаг, где был разожжен хороший жаркий костер. Ну, вы и сами знаете, какой жар дают горящие кости.

Эйла понимающе кивнула. Джондалар пожал плечами, он не обратил на это особого внимания, но поскольку Эйла согласилась с Уимезом, то он тоже не стал возражать.

– Я было собрался выкатить камень обратно, – продолжал Уимез, – но Неззи решила, что раз уж этот камень попал туда, то ему суждено стать подставкой для чаши, в которую стекал сок с ее жаркого. Упав в очаг, мой камень разбил костяную чашу, и я подвинул его так, чтобы хоть как-то исправить последствия этого случайного падения, оказавшегося в итоге подарком судьбы. Правда, тогда я считал, что этот кремень уже вряд ли на что-то сгодится. Он был изрядно обгоревшим, таким же как этот, и я не использовал его до тех пор, пока у меня был другой материал. И даже когда я первый раз ударил по нему, сняв кусок

корки, то решил, что работать с ним нельзя. Взгляните сюда, и вы сами поймете, почему я так подумал, – сказал Уимез, протягивая им два кремневых отщепа.

– Да, кремень изменился, он стал каким-то темным... – заметил Джондалар, – и непривычно гладким на ощупь.

– Так уж вышло, что я как раз начинал тогда делать атерианские наконечники, пытаюсь усовершенствовать свои методы обработки. И поскольку я еще только проверял свои новые идеи, то решил, что для таких экспериментов сойдет и этот обгоревший желвак. Но как только я начал обрабатывать его, то сразу заметил разницу. Все это произошло вскоре после моего возвращения из путешествия, Ранек тогда был еще совсем ребенком. И с тех пор я постоянно работаю с обожженным кремнем, стараясь понять все тонкости этого процесса.

– А какую разницу ты заметил? – поинтересовался Джондалар.

– Сам попробуй, Джондалар, и ты все поймешь.

Джондалар достал отбойник, узкий овальный камень, зазубренный и выщербленный от употребления, который удобно было держать в руке, и начал сбивать с желвака внешнюю известковую корку, чтобы подготовить кремень для дальнейшей обработки.

– Если сначала хорошо прокалить кремневый желвак, – продолжал Уимез, наблюдая за действиями Джондалара, – то потом его гораздо легче обрабатывать. Используя отжимник, можно удалять с поверхности кремня мельчайшие чешуйки и пластинки. Благодаря такой отжимной плоской ретуши можно придать изделию практически любую форму.

Обмотав левую руку куском кожи, чтобы защититься от порезов, Уимез вложил в нее кусок кремня, только что отколотый от обожженного желвака. В правую руку он взял короткий костяной ретушер, приложил его заостренный конец к краю кремневого отщепа и с изрядным усилием провел им взад и вперед вдоль острой кромки камня, отделив от него маленькие удлиненные чешуйки. Уимез собрал их и показал Джондалару, затем тот сам попробовал так же обработать другой кремневый отщеп, и всем стало ясно, что он потрясен и очень доволен результатом этого эксперимента.

– Я должен обязательно показать это Даланару! – воскликнул он. – Просто невероятно! Он тоже пытался усовершенствовать свои методы обработки. Даланар чувствует кремень точно так же, как ты, Уимез. Но

ты сделал настоящее открытие, ведь теперь можно снимать с камня тончайшую стружку. И все это благодаря прокаливанию?

Уимез кивнул:

– Конечно, я бы не сказал, что это тончайшая стружка. Все-таки мы имеем дело с камнем, а не с костью, которой гораздо легче придать желаемую форму. Но если умеешь работать с кремнем, то обжигание поможет сделать обработку более тонкой.

– А что, если применить не прямой удар... Ведь можно взять заостренную кость или конец оленьего рога и ударить по нему отбойником... Ты не пробовал такой способ? Наверное, тогда можно будет получить более длинные и тонкие лезвия.

Эйла подумала, что Джондалар тоже наделен отличными способностями для работы с камнем. Но его воодушевление и искреннее желание поделиться этим чудесным открытием с Даланаром показали ей, как сильно он стосковался по родному дому.

Когда они жили вдвоем в ее пещере, Эйла со страхом думала о встрече с неизвестным племенем Других, она считала, что Джондалар стремится покинуть ее долину, потому что просто не хочет жить в таком уединении. До сих пор она не понимала, как велико его желание вернуться домой. А сейчас на нее будто снизошло озарение, некое глубокое внутреннее осознание: она поняла, что ни в каком другом месте он не будет по-настоящему счастлив.

Хотя сама Эйла отчаянно тосковала по своему сыну и по некоторым людям клана, о которых она всегда вспоминала с любовью, она не испытывала такой щемящей тоски по дому, как Джондалар, который только и мечтал поскорее вернуться в родные края, где его ждали родственники, друзья, где придерживались знакомых с детства обычаев и традиций. Покидая клан, Эйла знала, что уходит навсегда. Для них она умерла. Если кто-то из членов клана случайно увидит ее, то подумает, что перед ним зловещий дух. Правда, теперь, после знакомства с Другими, она поняла, что не вернется в клан, даже если ей представится такая возможность. Прожив в клане Брана много лет, она никогда не чувствовала себя там так спокойно и уверенно, как на Львиной стоянке. Иза была права, Эйла не принадлежала к клану; ей надо было искать сородичей среди Других.

Погрузившись в размышления, Эйла пропустила дальнейшее обсуждение особенностей работы с кремнем и вернулась в реальный

мир, лишь услышав, что Джондалар упомянул ее имя.

– ...И я думаю, Эйла гораздо лучше меня знает их методы обработки. Ведь она училась у них. Мне приходилось раньше видеть их орудия, но она первая показала мне сам процесс изготовления. Вероятно, их мастера тоже достаточно искусны, но им еще далеко до нас. Мне кажется, они не знают, что можно предварительно обработать желвак отбойником, чтобы получилась хорошая заготовка. Поэтому орудия у них массивнее и грубее, чем у нас.

Уимез улыбнулся и понимающе кивнул:

– Ладно, допустим, мы знаем, как можно сделать прямой и тонкий нож. Не важно, каким способом мы изготовили его, но все же после обработки лезвие ножа уже не будет идеально ровным.

– Я тоже думал об этом, – сказал Дануг, вступая в разговор. – А что, если сделать углубление в кости или оленьем роге и вклеить туда кремневый ножичек? Ведь короткое лезвие можно сделать практически прямым.

Немного поразмыслив над его словами, Джондалар спросил:

– И как же ты собираешься сделать это?

– Ну, для начала, может быть, стоит использовать небольшую заготовку, – не слишком уверенно предложил юноша.

– Возможно, ты и прав, Дануг, – сказал Уимез, – но с ней будет трудно работать. Мне думается, что лучше отколоть большую пластину и, выбрав наиболее ровный участок, сделать на нем короткое лезвие...

Эйла поняла, что разговор по-прежнему крутится вокруг деталей работы с кремнем. Похоже, они готовы были обсуждать их с утра до вечера, с неизменным интересом выясняя особенности и возможные способы обработки этого материала. И чем больше они узнают, тем сильнее становится их интерес. Она могла понять ценность кремневых орудий и считала, что показанные Уимезом наконечники превосходны во всех отношениях, как по красоте, так и по функциональным качествам. Но ей еще не приходилось слышать, чтобы какое-нибудь ремесло обсуждалось до таких мельчайших подробностей. Но вдруг Эйле вспомнилось, с каким горячим интересом она сама изучала все, что было связано с лекарственными травами и тайнами целительства. Когда-то целительница Иза учила ее и Убу своему искусству, и эта учеба стала для Эйлы одним из самых счастливых воспоминаний.

Из земляного дома торопливо вышла Неззи и окинула жилую площадку озабоченным ищущим взглядом. «Похоже, она нуждается в помощи», – подумала Эйла и направилась к ней навстречу, не заметив понимающих улыбок трех мастеров и решив, что они даже не обратят внимания на ее уход.

Однако это было не совсем так. Конечно, никто из этих мужчин не стал высказываться по поводу ее ухода, но разговор их прервался, и они дружно посмотрели ей вслед.

«На редкость красивая молодая женщина, – думал Уимез. – К тому же она умница, обладает большим запасом знаний и с интересом относится ко многим вещам. Если бы она принадлежала к племени мамутои, то принесла бы своей стоянке огромный Брачный выкуп. А ее муж и дети получили бы очень высокий статус».

Мысли Дануга текли приблизительно в том же направлении, но ему не хватало ясности и точности определений его учителя. В голове юноши крутились сумбурные идеи о Брачном выкупе и Брачном ритуале. Он даже на мгновение представил себя избранником Эйлы, хотя и понимал, что она вряд ли удостоит его своим вниманием. Но это и не важно. Ему достаточно просто видеть ее, и он был бы счастлив, если бы Эйла осталась жить с ними на Львиной стоянке.

А Джондалар не мог удовольствоваться такой малостью. На самом деле, если бы сейчас ему удалось придумать какой-нибудь убедительный предлог, то он немедленно последовал бы за ней. Однако ему не хотелось показаться слишком навязчивым. Ему не раз вспоминалось, как он сам относился к женщинам, которые слишком навязчиво добивались его любви. А добивались они в итоге только того, что он начинал избегать их и испытывал к ним только жалость, а никак не любовь. Ему не нужна была жалость Эйлы. Ему нужна была ее любовь.

Он едва не задохнулся от злости, заметив, что темнокожий мужчина, вышедший из дома вслед за Неззи, улыбаясь, подошел к Эйле. Джондалар попытался подавить приступ гнева и раздражения. Он никогда еще не испытывал такой жгучей ревности и ругал себя за то, что не может совладать с собственными чувствами. И он был убежден, что Эйла возненавидит или – что еще хуже – начнет жалеть его, узнав об этой глупой ревности. Он выбрал здоровенный кусок кремня, покрытого светлой коркой, и в сердцах ударил по нему отбойником.

Камень оказался плохим, хрупкое известковое включение проходило через весь желвак, однако Джондалар продолжал обрабатывать его со всех сторон, с ожесточенностью откалывая новые, более мелкие и тонкие пластинки.

* * *

Ранек увидел Эйлу, покинувшую небольшую мастерскую, устроенную на окраине жилой площадки. Эта женщина, несомненно, вызывала в нем восхищение, и он с волнением чувствовал, как постепенно это восхищение перерастает в нечто более глубокое и значительное. С первого взгляда она покорила его своим физическим совершенством; однако помимо красоты форм ей была присуща неведомая таинственная грация движений. На такие детали глаз у него был наметан, и он сразу обратил внимание, что ее пластика на редкость естественна. Она вела себя со сдержанным и спокойным достоинством, которое казалось совершенно натуральным, и у Ранека возникало ощущение, что это врожденное свойство ее натуры и что именно в нем скрываются истоки некоей таинственной притягательности, для которой он пока не мог подобрать определения.

Он встретил Эйлу широкой обаятельной улыбкой, которая была настолько заразительна, что молодая женщина невольно ответила ему тем же.

– Ну как, ты уже наслушалась наших мудрых кремнелюбов? – спросил Ранек, на ходу придумывая новое название для этих мастеров, благодаря чему его фраза приобрела слегка пренебрежительный оттенок.

Отметив этот нюанс, Эйла, однако, не была уверена, что правильно поняла смысл сказанного, хотя ей показалось, что это было всего лишь дружеское подшучивание.

– Да, они говорят о кремне. Об изготовлении орудий. О ножах и наконечниках. Уимез делает такие красивые наконечники.

– А-а... Значит, он показал вам свои сокровища. Ты права, они действительно потрясающе красивы. Уимез не просто ремесленник, хотя порой мне кажется, что он недооценивает собственные способности. Он в самом деле настоящий мастер.

Лоб Эйлы прорезала задумчивая складка. Она вспомнила, что он называл так ее саму, когда говорил о том, как она владеет пращой, но сущность этого определения была ей не совсем понятна.

– А ты настоящий мастер?

Он криво усмехнулся. Ее вопрос затронул крайне важную для него тему, которая не давала покоя его душе.

Его племя верило, что Великая Мать сначала создала некий мир духов и что дух любого будущего творения являлся совершенным. Затем эти духи превратились в реальные воплощения, и таким образом произошло сотворение зримого вещественного мира. То есть дух был той незримой моделью, тем образцом, который породил все сущее, но никакая копия не может быть столь же совершенной, как оригинал; даже сами духи не могут создать совершенные копии, и именно поэтому живые воплощения одного вида так отличаются друг от друга.

Люди принадлежат к особому виду, в духовном смысле они ближе всех к Великой Матери, которая породила некое подобие себя самой и назвала его женским духом; по Ее замыслу, мужской дух должен был зародиться в материнском чреве, поэтому именно женщина дает жизнь мужчине. Затем Великая Мать смешала дух совершенной женщины с духом совершенного мужчины, и в результате этого смешения получилось множество различных детских духов. Но, решив передать какой-либо женщине Свою животворную силу и ниспослав ей беременность, Она сначала сама выбирает, дух какого мужчины должен будет смешаться с духом этой женщины. Однако лишь немногих из Своих детей, женщин и мужчин, Великая Мать наделяет особыми дарами.

Ранек считал себя резчиком, поскольку вырезал из кости фигурки, являвшиеся копиями творений реального или духовного мира. Эти фигурки имели важное значение. Они были воплощением живых духов, делая их зримыми и вещественными, и являлись неотъемлемой частью многочисленных ритуалов и обрядов, которые проводили мамутой. Люди, умевшие создавать такие воплощения, пользовались огромным уважением; они считались духовно одаренными мастерами, избранными Великой Матерью.

Большинство людей полагали, что все резчики – то есть все люди, которых научили вырезать и раскрашивать определенные костяные изделия, отличавшиеся от обычных бытовых вещей, – были

настоящими мастерами, но, по мнению Ранека, не все мастера были равно одаренными или, возможно, не все они с одинаковой любовью и серьезностью относились к своему ремеслу. Фигурки животных и людей зачастую были грубыми и неказистыми, и он чувствовал, что такие воплощения являлись неким оскорблением самих духов и Великой Матери, создавшей их.

С точки зрения Ранека, любая особо изысканная и совершенная форма изделия была прекрасной, а все прекрасное содержало в себе самый изысканный и совершенный образец духа; именно в этом заключались для него истоки всех начал. Это была его вера. Помимо того, в глубине его тонкой художественной натуры жило чувственное восприятие и понимание самой красоты, которая имела главную изначальную ценность, и он верил, что любое творение зримого мира наделено некими потенциальными возможностями для достижения этой подлинной красоты. Даже если определенные действия или предметы были чисто житейскими, ему все равно казалось, что если человек благодаря упорному труду смог приблизиться к вершине совершенства, то его можно назвать настоящим мастером и итоги его труда содержат исходную сущность самой красоты. Однако мастерство – это не только особая деятельность, но и ее итог. Работа мастера является не просто законченной вещью, но содержит в себе мысль и действие, то есть творческий процесс, который и привел к ее сотворению.

Ранек во всем стремился найти красоту – этот поиск был для него почти что священнодействием, – и он пытался воплотить ее в жизнь своими искусными руками, однако в своих суждениях он опирался на внутреннее чувственное восприятие. Красота была нужна ему как воздух, он пытался создать свой собственный прекрасный мир, поэтому, глядя на Эйлу, он видел в ней некое мастерское произведение, самое изысканное и совершенное воплощение женщины, которое он только мог себе вообразить. И он видел в ней не только внешне красивую женщину. В его понимании, красота была не статичным мертвым изображением, а живой сутью, живым духом, содержащимся в человеке. Она выражалась в движениях, поведении, в его достоинствах и способностях. Истинно красивая женщина должна быть прекрасной во всех своих проявлениях. Конечно, Ранек не смог бы объяснить словами все свои мысли, но смутно понимал, что судьба послала ему

Эйлу для того, чтобы он смог увидеть воплощение истинного Женского духа. Она обладала подлинной женской сущностью – сущностью самой красоты.

Этот темнокожий мужчина со смеющимися глазами и изрядным запасом иронии – которую он научился использовать как маску, чтобы скрывать свои сокровенные помыслы и желания, – мечтал достичь совершенства и красоты в своих работах. И, видя плоды его трудов, мамутой признали его как лучшего резчика своего племени, подлинно одаренного мастера, но сам он, как большинство взыскательных и стремящихся к совершенству людей, никогда не был вполне удовлетворен своими собственными творениями. И поэтому он не мог считать себя настоящим мастером.

– Я просто резчик по кости, – ответил он наконец на вопрос Эйлы и, увидев ее недоумение, добавил: – Люди обычно называют мастером любого резчика... – Он задумчиво помолчал, размышляя, сможет ли она оценить его работы, и затем сказал: – Может, ты хочешь посмотреть некоторые из моих изделий?

– Да, – сказала она.

Непосредственная простота ее ответа в первый момент слегка смутила его, но это чувство быстро прошло, и он рассмеялся, откинув голову назад. Конечно, что же еще она могла ответить? Восхищенно сверкнув глазами, он предложил ей последовать за ним в земляной дом.

* * *

Джондалар видел, как они скрылись за занавесом сводчатого входа, и плечи его поникли, точно придавленные тяжелым бременем. Он впал в уныние и, закрыв глаза, низко опустил голову.

Этот статный и красивый мужчина никогда не страдал от недостатка женского внимания, но, поскольку ему явно не хватало понимания собственной привлекательности, был очень неуверен в себе. Он был простым ремесленником, который чувствовал себя более уютно в мире физических, а не метафизических понятий; его острый ум был настроен на постижение технических проблем обработки или раскалывания гомогенного кристаллического кварца, а попросту

говоря, кремня. Он постигал окружающий мир в реальном физическом измерении.

Он привык к физическому самовыражению, и его руки были значительно искуснее языка. Конечно, он обладал даром речи, но был не особенно щедр на слова и, научившись довольно хорошо рассказывать разные истории, не умел бойко и остроумно реагировать на шутки. Этот серьезный и достаточно скрытный человек не любил говорить о себе, хотя был понимающим и чутким слушателем, располагавшим собеседника к откровенности и доверию. Родное племя считало Джондалара искусным ремесленником, но его руки, умевшие так ловко превращать грубый камень в изящные орудия, были так же искусны и в обращении с женским телом. Это было вторым достоинством его физической природы, и оно считалось не менее ценным, чем первое, хотя и признавалось не столь открыто. Женщины обычно не давали ему прохода, и люди часто подшучивали над его «вторым даром».

Этот «второй дар» развился у него сам по себе, когда Джондалар учился обрабатывать кремень. Зная все чувствительные точки, он тонко ощущал ответную реакцию и получал наслаждение, щедро делаясь с женщиной дарами Радости. Его руки, глаза, само его тело было более красноречивым, чем самые красивые слова, которые он когда-либо произносил в своей жизни. Если бы Ранек был женщиной, то назвал бы его настоящим мастером в этом деле.

За свою жизнь Джондалар испытывал искреннюю привязанность и нежность к нескольким женщинам и любил делить с ними дары Радости, но Эйла стала его первой настоящей любовью. Однако он не был уверен в том, что она так же любит его. Откуда ей знать, что такое любовь? Ведь у нее нет никакого опыта для сравнения собственных чувств. Он был единственным нормальным мужчиной, которого она знала до прихода на Львиную стоянку. И он признавал, что этот резчик по кости является удивительно обаятельным мужчиной, и видел, что его увлечение Эйлой становится все более сильным. Наверное, именно такой человек, как Ранек, мог завоевать любовь Эйлы. Джондалар обошел едва ли не полмира, прежде чем смог найти свою любовь. Так неужели он потеряет ее теперь, когда в конце концов познал это чувство?!

Но возможно, это будет заслуженная потеря? Сможет ли он взять ее с собой в родные края, зная, как его племя относится к таким женщинам? При всей своей ревности он начал задаваться вопросом: достоин ли он ее любви? Он говорил себе, что ему необходимо быть откровенным и честным с ней, но, кроме всего прочего, в глубине его души жило сомнение, что он вынесет тот позор, который может навлечь на него любовь к этой женщине, имевшей ребенка смешанных духов.

Заметив передвижения Джондалара, Дануг обеспокоенно посмотрел на Уимеза. Но Уимез только понимающе покачал головой. Он тоже когда-то любил женщину исключительной красоты и понимал как Джондалара, так и Ранека, который был сыном его очага и которому давно пора было найти женщину для создания собственной семьи.

* * *

Ранек привел Эйлу в очаг Лисицы. Проходя через него по несколько раз в день, она тем не менее старалась не бросать любопытных взглядов на это частное жилое помещение; пожалуй, это был единственный обычай клана, применимый на Львиной стоянке. В этом длинном земляном жилище, где очаги непосредственно соседствовали друг с другом и не разделялись стенами и дверями, частная жизнь строилась на взаимном уважении и терпимости.

– Присаживайся, – сказал Ранек, подталкивая ее к лежанке, застланной роскошным мехом.

Сочтя, что в данном случае проявление любопытства вполне уместно, она с интересом огляделась вокруг. Очаг Лисицы был представлен только двумя мужчинами, но их жилые места, расположенные по разные стороны от центрального прохода, были на редкость индивидуальными.

За очажным кругом, где обитал Уимез, на всем лежал отпечаток незатейливой простоты. У стены располагалась лежанка с тюфяком и меховым покрывалом, а закрепленный над ней кожаный полог, похоже, не опускался годами. Кое-где на стенных крючках висела одежда, но в основном она была свалена на скамье за изголовьем широкой кровати.

Большую часть помещения занимало рабочее место, где вокруг ножной кости мамонта, используемой как в качестве табурета, так и в

качестве рабочего места, были разбросаны куски желваков, кремневые отщепы и осколки. Изрядное количество резных каменных и костяных отбойников и ретушеров располагалось на продолжении лежанки в ногах кровати – на этой части пристенной скамьи, видимо, хранились все его инструменты и заготовки. Единственными украшениями были фигурка Великой Матери, вырезанная из бивня мамонта, и яркая, сплетенная из крашеной травы юбка с красивым поясом, висевшая на стенных крючках. Без вопросов Эйла поняла, что эта вещь принадлежала матери Ранека.

Но изысканное и затейливое убранство противоположной стороны, где жил резчик по кости, заметно отличалось от места обитания мастера по кремню. Ранек был своего рода коллекционером, но коллекционером с очень тонким вкусом. Все изделия были тщательно подобраны и расположены так, чтобы их лучшие качества сразу бросались в глаза, а кроме того, на всем лежала печать богатства и великолепия. Меха так и хотелось погладить, и на ощупь они были исключительно мягкими и приятными. Бархатистый полог из оленьей кожи, ровными складками свисавший по обеим сторонам кровати, имел насыщенный желтовато-коричневый оттенок, он хранил слабый, но приятный запах соснового дымка, благодаря которому и приобрел свой цвет. Земляной пол был застлан узорного плетения циновками из душистой травы.

На пристенной скамье за спальным местом стояли корзинки различных размеров и форм; в тех, что побольше, хранилась одежда, сложенная таким образом, чтобы ее нарядная отделка из бус, перьев или меха была хорошо видна. В других корзинах и на стенных крючках располагались вырезанные из бивня кольца, браслеты и ожерелья, материалом для которых служили клыки животных, раковины пресноводных и морских моллюсков и цилиндрические известняковые трубочки, а также разноцветные бусины и подвески из бивня мамонта, среди которых встречались и бусины натурального цвета, но главным украшением этих изделий, безусловно, был янтарь. На стене был укреплен большой кусок мамонтового бивня с гравировкой в виде необычного геометрического орнамента. Даже охотничье оружие и верхняя одежда, висевшие на крючках, вполне соответствовали общему изысканному великолепию.

Чем дольше Эйла смотрела, тем больше интересного она замечала, но, похоже, главными объектами ее внимания стали незаконченные резные изделия, лежавшие возле рабочего места, и фигурка Великой Матери, стоявшая в стенной нише.

Ранек следил за взглядом молодой женщины, стараясь уловить в ее глазах оценку того, что она видит. Наконец она взглянула на его улыбающееся лицо. Он сидел перед своим рабочим столом из ножной кости мамонта, вкопанной в земляной пол так, что его поверхность – плоский, слегка вогнутый коленный сустав – располагалась примерно на уровне груди резчика, сидевшего на циновке. На этом столике среди множества кремневых резцов и стамесок, которые он использовал в своей работе, лежала незаконченная фигурка птицы.

– Над ней я сейчас работаю, – сказал Ранек, протягивая фигурку Эйле и следя за выражением ее лица.

Осторожно взяв маленькое изваяние, она окинула его взглядом и повертела в руках, рассматривая детали. Казалось, что-то смущало Эйлу, и она озадаченно поглядывала на фигурку то в фас, то в профиль.

– Если смотреть с этой стороны, – удивленно сказала она Ранеку, – то я вижу птицу, но когда поворачиваю ее вот так, то мне кажется, что я вижу женщину!

– Замечательно! Ты все правильно видишь. Именно этого я и добивался. Мне хотелось показать превращение Великой Матери, ее духовное состояние. Она превращается в птицу, чтобы лететь отсюда в мир духов, но при этом все же сохраняет свою женскую сущность. Хочу соединить эти два ее состояния в едином образе!

Темные глаза Ранека возбужденно сияли, даже его голос слегка дрожал. Эйла улыбнулась, видя такое воодушевление. Она пока не знала этой стороны его натуры. Обычно он казался ей куда более равнодушным, даже когда подшучивал над кем-то из своих сородичей. Ранек вдруг напомнил ей Джондалара, так же вдохновенно рассказывавшего ей об идее создания копьеметалки. Она чуть нахмурилась, вспомнив об этом. Казалось, те чудесные летние дни, которые они прожили вдвоем в долине, уже никогда не вернуться. Последнее время Джондалар очень редко улыбался, и даже если это случалось, то его веселье быстро сменялось раздражением. Неожиданно она подумала, что Джондалару, наверное, не понравилось бы то, что она сидит сейчас здесь, разговаривая с Ранеком, и слушает

его увлекательный рассказ об этой чудной птичьей фигурке. И эта случайно промелькнувшая мысль опечалила и немного рассердила молодую женщину.

Глава 11

– Эйла, вот ты где, – сказала Диги, входя в очаг Лисицы. – Мы решили начать вечер с музыки. Присоединяйся к нам. И ты, Ранек, тоже.

Пройдя по дому, Диги созвала почти всех обитателей Львиной стоянки. Эйла заметила, что к выходу несут уже знакомые ей костяные инструменты, раскрашенные красными геометрическими символами и зигзагообразными линиями. Диги, повторяя неизвестное Эйле слово, тащила череп мамонта, а Торнек – лопаточную кость. Эйла и Ранек последовали за ними.

Легкие клочковатые облака быстро плыли по потемневшему небу к северу, резко усилившийся ветер срывал капюшоны и развевал полы меховых парок, но, похоже, никто из собравшихся в круг людей не замечал этих плохих предзнаменований. Невысокая насыпь из земли и камней защищала внешний очаг от преобладавших в этих местах северных ветров, и когда в него подбросили новых костей и немного хвороста, то огонь очень быстро разгорелся, хотя пламя пока казалось почти бесцветным на фоне сияющего великолепия солнечного заката.

Вокруг очага лежало несколько больших костей, вроде бы случайно забытых, но оказалось, что они были оставлены там специально, поскольку Диги и Торнек, присоединившись к Мамуту, расселись на них со своими ударными инструментами. Раскрашенный барабан Диги поставила на две большие кости, так чтобы этот инструмент был приподнят над землей. Удерживая костяную лопатку в вертикальном положении, Торнек постукивал по ней костяным молоточком, слегка меняя положение своего инструмента.

Эйла поразились, услышав, что эти барабаны звучат на свежем воздухе совсем не так, как в доме. Это были уже не просто ритмичные удары, они порождали своеобразную мелодию, которая показалась Эйле удивительно знакомой, хотя она никогда не слышала ее прежде. Эти изменчивые звуки напоминали человеческий голос; она и сама порой тихонько напевала нечто подобное, только не так выразительно и отчетливо. Может быть, именно это и называется музыкой?

Вдруг послышался чей-то голос. Эйла оглянулась и увидела, что это Барзек, откинув назад голову, издал громкий и протяжный

завывающий звук, прорезавший вечерний воздух. Звук сменился низким вибрато, от которого в горле у Эйлы появилось ощущение странной сдавленности, а затем вновь поднялся на пронзительную высоту и умолк; эта внезапно оборвавшаяся музыкальная фраза, казалось, послужила началом для музыкального диалога, поскольку трое музыкантов начали быстро постукивать по своим инструментам, и Эйла вдруг поняла, что каким-то совершенно непостижимым образом им удалось повторить мелодию, пропетую Барзекком.

Вскоре к этому бессловесному пению присоединились и другие мамутои, подтягивая мелодию, исполняемую на костяных барабанах. Постепенно характер музыки изменился. Она стала более медленной и задумчивой, и в ней появились какие-то печальные оттенки. Высоким приятным голосом Фрали запела песню. В ней рассказывалось о женщине, потерявшей своего возлюбленного и похоронившей ребенка. Слова песни, навеявшие воспоминания о Дарке, глубоко тронули сердце Эйлы, и глаза ее наполнились слезами... Оглянувшись, она обнаружила, что не одинока в своих чувствах, и еще больше растрогалась, заметив реакцию Крози. Старая женщина сидела, устремив вдаль застывший, отрешенный взгляд, ее морщинистое лицо ничего не выражало, но по щекам стекали ручейки слез.

Когда Фрали начала повторять заключительные строчки куплета, к ней присоединилась Трони, а чуть позже и Лэти. После очередного повторения начался новый куплет, и к этим трем высоким голосам добавились еще два – красивые звучные контральто, принадлежавшие Неззи и Тули. Характер мелодии вновь изменился, в хор вступили и другие голоса, явно начиная новую песню. Это было музыкальное сказание о Великой Матери – старинная баллада, повествующая о мире духов и происхождении людей. Когда женский хор дошел до места, где говорилось о зарождении Мужского духа, то мужчины наконец тоже подали голос. Теперь женщины и мужчины пели поочередно, и между ними, похоже, началось своеобразное музыкальное состязание.

Ритм мелодии становился все более быстрым. В порыве безудержного веселья Талут сбросил свою парку и, выйдя в центр круга, начал пританцовывать, пощелкивая пальцами. Тут же послышались возгласы одобрения и оживленный смех, мамутои с радостью поддержали его, притопывая на месте и хлопая себя ладонями по бедрам. Воодушевленный этой поддержкой Талут перешел

к более активным действиям, он двигался в ритме музыки, вскидывая ноги и совершая высокие прыжки. Вскоре, не желая оставаться в стороне, к этому своеобразному атлетическому танцу присоединился Барзек, а когда они слегка утомились, в круг вышел Ранек. Его танец отличался быстротой и сложностью движений, что вызвало новые крики восторга и рукоплескания. Заканчивая, он позвал в круг Уимеза, который сначала было отмахнулся от него, но потом, ободренный сородичами, исполнил какой-то оригинальный танец, состоявший из причудливых и необычных телодвижений.

Эйла смеялась и одобрительно вскрикивала вместе с остальными, наслаждаясь музыкой, пением и танцами, а главное – атмосферой безудержного веселья, наполнившего восторгом ее душу. Друвец показывал какие-то изящные акробатические этюды, затем Бринан стал подражать ему. Конечно, младшему брату не хватало еще ловкости движений старшего, но, видя его старания, все одобрительно захопала в ладоши, и тогда к нему осмелился присоединиться Кризавек, старший сын Фрали. Следом за ним в круг вышла малышка Тузи, решив поучаствовать в общем веселье. Барзек, с обожанием взглянув на девочку и взяв ее на руки, начал кружиться с ней. Талуту явно понравилась эта идея. И он вывел в круг Неззи. Джондалар попытался уговорить Эйлу присоединиться к ним, но она колебалась и, глянув на Лэти, которая сияющими глазами наблюдала за танцорами, посоветовала ему пригласить ее.

– Лэти, – сказал Джондалар, – может быть, ты поучишь меня танцевать?

Одарив этого высокого мужчину благодарной улыбкой – улыбкой Талута, вновь отметила про себя Эйла, – Лэти взяла его за руку, и они присоединились к танцующим. Для своих двенадцати лет она была, возможно, излишне худенькой и высокой, но зато ее движения отличались изяществом и легкостью. Как сторонний наблюдатель, сравнивая эту юную девушку с остальными женщинами, Эйла подумала, что вскоре та превратится в очень привлекательную молодую женщину.

Еще несколько женщин присоединились к этому танцу, мелодия вновь изменилась, но все почти сразу уловили это, и характер их движений соответственно стал другим. Взявшись за руки, люди образовали большой круг и начали петь, и Эйла невольно была

вовлечена в общее действо. С одной стороны от нее находился Талут, а с другой – Джондалар, и она, двигаясь вместе с ними по кругу то в одном, то в другом направлении, танцевала и напевала общую мелодию, которая становилась все быстрее и быстрее.

Наконец прозвучали последние завершающие слова, и музыка умолкла. Как музыканты, так и танцоры возбужденно смеялись и шутили, переводя дух.

– Неззи! Неужели мясо все еще не готово? Его запах дразнит меня целый день. Ох, как же я изголодался! – воскликнул Талут.

– Вы только посмотрите на него, – сказала Неззи, поглаживая могучий торс рыжебородого гиганта. – Разве он выглядит изголодавшимся? – (Мамутой, ухмыляясь, взглянули на вождя.) – Конечно, еда уже готова, мы просто ждали, когда у всех разыграется аппетит, чтобы приступить к праздничной трапезе.

– Ну, я-то уже давно готов, – заявил Талут.

Часть людей отправилась за приготовленными яствами, остальные пошли в дом за посудой. У всех были свои личные тарелки и чашки. В качестве тарелок обычно использовались тазовые или лопаточные кости бизонов и оленей, а посуда для питья изготавливалась иногда из чашеобразных лобных костей оленя, у которых спиливались рога, а иногда это были маленькие, туго сплетенные из трав чашки. Племена, что жили неподалеку от моря или устраивали там временные стоянки, чтобы заняться морским промыслом, торговали как солью, так и раковинами двухстворчатых и других моллюсков, которых мамутой использовали в качестве маленьких блюдец, черпаков, а самые маленькие раковинки – в качестве ложек.

Тазовые кости мамонтов служили подносами и блюдами. Еду накладывали большими черпаками, вырезанными из костей, бивней или рогов различных животных, или прямыми костяными палочками, используемыми как щипцы. У каждого человека имелись такие маленькие щипцы и кремневые ножички, предназначенные для разных блюд. Соль, которая в этих далеких от моря краях являлась редкостью, была насыпана отдельно в красивую и не менее редкую раковину.

Тушеное мясо, сделанное Неззи, оказалось таким же замечательно вкусным, как и распространявшийся от него запах. К тому же оно было приправлено хлебными шариками Тули, сваренными прямо в кипящем мясном бульоне. Безусловно, двумя запеченными птицами нельзя было

накормить изрядно проголодавшихся обитателей стоянки, но тем не менее каждому удалось отведать куропаток Эйлы. Приготовленные в земляной печи, они были такими нежными и мягкими, что сами так и распадались на части. Ее набор приправ – непривычный, на вкус мамутой, – был одобрен, о чем явно свидетельствовала быстрота исчезновения этого блюда. А Эйле понравились хлебные шарики, сваренные в мясном бульоне.

Ближе к концу трапезы Ранек предъявил свое угощение, удивив им всех без исключения, поскольку это было нечто совсем новое. На широком блюде, которым Ранек обнес собравшихся, лежали маленькие, очень аппетитные на вид лепешки. Эйла попробовала одну и тут же потянулась за другой.

– Как вкусно! – сказала она и поинтересовалась: – А из чего они сделаны?

– Вряд ли мне удалось бы сделать их, если бы мы сегодня не устроили наше дробильное соревнование. Размолотое зерно я смешал с растопленным мамонтовым жиром и в это тесто добавил немного черники и меда, который мне удалось выпросить у Неззи. Все размешав, я сделал лепешки и испек их на раскаленных камнях. Уимез говорил, что в племени моей матери готовили нечто подобное с кабаньим салом, но он не смог ничего толком объяснить мне. В общем, я решил попробовать сделать тесто с мамонтовым салом.

– Эти растопленные жиры на вкус почти одинаковые, – сказала Эйла. – И лепешки твои получились на редкость вкусными. Они просто тают во рту. – Затем она задумчиво взглянула на этого темнокожего мужчину с черными глазами и сильно курчавой шевелюрой, который, несмотря на свою необычную внешность, был настоящим мамутой, как любой другой обитатель Львиной стоянки. – Но почему ты вдруг стал готовить еду?

Он рассмеялся:

– А что, разве нельзя? Очаг Лисицы представлен только двумя мужчинами, и мне приятно иногда порадовать остальных чем-нибудь вкусненьким. Хотя обычно я с удовольствием ем то, что готовит Неззи. Но почему ты спросила об этом?

– Мужчины клана не готовят еду.

– Большинство наших мужчин тоже предпочитают не заниматься этим делом, если позволяют обстоятельства.

– Нет, ты не понимаешь. Мужчины клана не умеют готовить. Не знают, как это делается. А точнее, не помнят.

Эйла была не слишком уверена, что Ранек понял ее объяснения, но в этот момент разговор прервался: к ним подошел Талут, чтобы налить своей знаменитой бражки. Эйла заметила, что Джондалар поглядывает на нее, стараясь казаться веселым и спокойным. Протянув костяной кубок Талуту, она наблюдала, как он наполняется темноватой жидкостью. В прошлый раз этот напиток не особенно понравился Эйле, но все остальные с таким наслаждением пили его, что она решила попробовать еще раз.

Когда чаши всех желающих были наполнены, Талут взял свою тарелку и направился за третьей добавкой тушеного мяса.

– Талут! Сколько раз мне еще придется наполнять твою тарелку? – спросила Неззи притворно-сердитым тоном. Эйла улыбнулась: она уже понимала, что именно так Неззи говорит, когда вполне довольна своим рыжеволосым мужем.

– Но я никогда еще не ел такой замечательной тушенки. Ты сегодня превзошла саму себя.

– Ладно уж, не преувеличивай. Ты говоришь так только для того, чтобы я не назвала тебя обжорой-росомахой.

– Послушай, Неззи, – сказал Талут, отставляя свою тарелку. Окружающие обменялись улыбками и понимающими взглядами. – Если уж я говорю, что ты сегодня превзошла саму себя, то, значит, так оно и есть. – Он подхватил Неззи на руки и уткнулся носом в ее шею.

– Талут! Ты настоящий медведь. Немедленно отпусти меня.

Сделав вид, что подчиняется ее приказу, он поставил свою спутницу на землю, но продолжал ласкать ее грудь и покусывать мочку уха.

– Мне кажется, ты совершенно права. Не надо мне никакого мяса! Пожалуй, вместо добавки я сейчас съем тебя. Помнишь, что ты обещала мне сегодня утром? – спросил он с наигранным простодушием.

– Ох, Талут, ты несносен, как зубр в период течки!

– Отлично, значит, во-первых, я – прожорливая росомаха, во-вторых – медведь, а в-третьих – еще и зубр! – воскликнул он, раздражаясь громким смехом. – Но тогда ты – моя львица. И сейчас мы

пойдем с тобой в наше львиное гнездышко, – добавил он, всем своим видом показывая, что собирается немедленно увести ее в земляной дом.

Тут Неззи не выдержала и расхохоталась:

– Ах, Талут! Что бы я делала без твоих шуточек! Наверное, засохла бы от тоски!

Талут усмехнулся, и они обменялись любящими взглядами, исполненными понимания и сердечной теплоты. Заметив сияние их глаз, Эйла смутно почувствовала, что эта душевная близость возникла между ними потому, что, прожив вместе долгие годы, они научились принимать друг друга такими, как они есть.

Однако их согласие вызвало у Эйлы тревожные мысли. Доведется ли ей встретить такое же понимание? Сможет ли она когда-нибудь научиться так же хорошо понимать людей? Размышляя над этими вопросами, Эйла молча сидела и смотрела за реку. Да и все остальные вдруг приумолкли, глядя на этот обширный пустынный пейзаж, внушающий благоговейный страх.

К тому времени, когда праздничный ужин приблизился к концу, бесконечная вереница облаков с севера уже далеко продвинулась на запад и быстро заходящее солнце озарило их своими огненными лучами. Зрелище было поистине завораживающим. Завоевав небесные просторы, воздушные странники гордо шествовали по небу, нарядившись в честь этой великой победы в роскошные красные одежды, расшитые золотыми нитями, и совершенно не думали о том темном союзнике, который шел на смену уставшему светлому дню. Торжество этого яркого и красочного великолепия было кратковременным. Неотвратимо приближавшаяся ночь незаметно ослабляла изменчивый блеск красок, покрывая праздничные тона темноватой пеленой сердоликового и пунцового оттенков. Розовато-красная палитра, постепенно смешиваясь с лиловым перламутром, уступила место пепельно-фиолетовой, но и она вскоре будет окончательно побеждена густой сажной чернотой.

С приходом ночи холодный ветер резко усилился, и земляное жилище уже манило своим уютом и теплом. Сумеречный свет освещал лица людей, которые чистили песком свои тарелки и ополаскивали их в речной воде. Остатки тушеного мяса переложили в небольшой сосуд, а опустевший кожаный котел был так же тщательно вычищен и повешен

сушиться. Вскоре верхние одежды уже заняли место на крючках в прихожей, и в домашних очагах затеплился огонь.

Трони накормила своего малыша, и довольный и сытый Хартал быстро уснул, но трехлетняя Нуви упорно таращила слипающиеся глазенки, надеясь, что ей удастся посидеть еще вместе со взрослыми, которые уже начали собираться у очага Мамонта. Подхватив на руки усталую девочку, Эйла быстро убаюкала ее и отнесла обратно к Трони до того, как молодая мать успела закончить свои вечерние дела.

В очаге Журавля детей тоже укладывали спать, и Эйла заметила, что двухгодовалый сын Фрали припал к материнской груди, хотя и ел вместе со всеми во время праздничной трапезы. Однако вскоре он огорченно захныкал, и Эйла поняла, что грудное молоко у Фрали уже закончилось. Мальчик почти заснул, но его разбудила внезапно разгоревшаяся ссора между Крози и Фребеком. От усталости Фрали даже не могла рассердиться и просто взяла малыша на руки, но ее семилетний сын Кризавек сердито смотрел на спорщиков.

Он с радостью присоединился к проходившим мимо Бринану и Тузи. Они зашли за Руги и Ридагом, и все пятеро детей, которые были примерно одного возраста, устроившись в помещении очага Мамонта, тут же начали игру, хихикая и разговаривая между собой на языке жестов. Они заняли свободную лежанку по соседству с той, где спали Эйла и Джондалар.

Друвец и Дануг увлеченно разговаривали о чем-то в очаге Лисицы, поблизости стояла Лэти, но то ли они не замечали ее, то ли просто не хотели принимать ее в свою компанию. Эйла заметила, что девочка наконец отвернулась от секретничающих подростков и, огорченно опустив голову, направилась в сторону младших детей. Через год-другой Лэти станет красивой молодой женщиной, но сейчас, в этот подростковый период, она очень нуждается в общении со своими сверстниками. К сожалению, на Львиной стоянке не было девочек ее возраста, а мальчики уже не желали принимать ее в свою компанию.

– Лэти, иди посиди со мной, – окликнула девочку Эйла.

Лэти вспыхнула от радости и села рядом с ней.

Вскоре опустел и очаг Зубра, его обитатели уже шли по центральному проходу длинного дома. Тули и Барзек присоединились к Талуту, который совещался о чем-то со старым шаманом. А Диги, приветливо улыбаясь, села на лежанку с другой стороны от Лэти.

– А где Друвец? – спросила она девочку. – Я была уверена, что вы с ним неразлучны – куда ты, туда и он.

– Да вон он, разговаривает с Данугом, – обиженно сказала Лэти. – Теперь у них вечно какие-то свои дела. Я была так рада возвращению брата и надеялась, что мы будем дружить втроем. Но они, похоже, не хотят посвящать меня в свои секреты.

Диги и Эйла обменялись понимающими взглядами. В жизни каждого человека наступает такой момент, когда необходимо по-новому взглянуть на детскую дружбу; приобщаясь к миру взрослых, подросток должен привыкнуть к новым отношениям, к отношениям между мужчинами и женщинами, однако в этот период все дети испытывают чувство беспокойства и одиночества. Большую часть своей сознательной жизни Эйла провела с чужими людьми, которые так или иначе старались избегать общения с ней. Она понимала, что значит быть одинокой, даже если ты окружен любящими тебя людьми. Позднее, живя в своей долине, она нашла способ, который позволил ей скрашивать одинокое существование, и сейчас она вдруг вспомнила, каким радостным светом озарялось лицо Лэти всякий раз, когда та подходила к лошадям.

Посмотрев на Диги, Эйла перевела взгляд на Лэти, как бы приглашая их обеих участвовать в разговоре.

– Сегодня был такой насыщенный день. И вообще, дни летят так быстро, что я ничего не успеваю сделать. Кстати, Лэти, ты не могла бы помочь мне в одном деле? – спросила Эйла.

– Помочь тебе? Конечно. А какое дело ты хочешь мне поручить?

– Раньше я каждый день расчесывала лошадей и выезжала с ними на прогулку. А сейчас мне просто не хватает времени, но им все-таки нужен нормальный уход. Ты сможешь помочь мне в этом? Я покажу, как надо ухаживать за ними.

Лэти в изумлении распахнула глаза.

– Ты хочешь, чтобы я помогала тебе ухаживать за лошадьми? – спросила она недоверчивым шепотом. – О Эйла, неужели это правда?

– Конечно правда. Ты сможешь помогать мне все время, пока я живу у вас, – ответила Эйла.

Все мамутои уже собрались в очаге Мамонта. Талут, Тули и еще несколько человек обсуждали с Мамутом события последней охотничьей вылазки. Вчера шаман проводил обряд Поиска, и сейчас

охотники решали, не стоит ли ему вновь побеседовать с миром духов. Воодушевленные результатами этой охоты на бизонов, мамутои жаждали узнать, скоро ли смогут предпринять очередную вылазку, и в итоге шаман сказал, что попробует удовлетворить их любопытство.

Пока Мамут готовился к проведению обряда Поиска, Талут вновь принес свою хмельную бузу, изготовленную из мучнистых корней рогоза, и наполнил чашу Эйлы. Она выпила почти всю бражку, которую ей налили во время праздничной трапезы, но чувствовала себя немного виноватой, поскольку незаметно выплеснула остатки на землю. Поэтому на сей раз, понюхав напиток и пригубив пару раз, она сделала глубокий вдох и осушила чашу до дна. Улыбнувшись, Талут вновь налил ей бражки. Ответив ему вялой улыбкой, Эйла выпила и вторую чашку. Чуть позже, проходя мимо, он обнаружил, что ее чашка опять пуста, и вновь наполнил ее шипучим напитком. Эйла закрыла глаза и залпом выпила едкую жидкость. Ее вкус стал уже более привычным, но Эйла пока не могла понять, почему все с таким удовольствием поглощают этот странный напиток.

Наблюдая за окружающими, Эйла воспринимала все как будто в тумане, голова ее кружилась, и в ушах появился странный шум. Она не заметила, что Торнек начал выстукивать ритмичную мелодию на лопатке мамонта; ей казалось, что эти звуки рождаются где-то внутри нее. Встряхнув головой, Эйла попыталась сосредоточиться. Она сконцентрировала свое внимание на Мамуте и, увидев, что он глотает какую-то жидкость, смутно почувствовала, что это может быть вредно для него. Ей захотелось остановить его, но она осталась сидеть на месте. Ведь он – Мамут, он сам знает, что ему следует делать.

Высокий и худой старец с белой бородой и длинными белыми волосами, скрестив ноги, сидел возле другого костяного барабана. Он поднял роговой молоточек и, прислушавшись к ритмичной мелодии Торнека, начал подыгрывать ему, затем затянул какую-то монотонную песню. Этот напев тут же подхватили остальные, и вскоре почти все мамутои, вовлеченные в некое ритуальное песнопение, как зачарованные бубнили повторяющиеся музыкальные фразы, переменный ритм которых совпадал с аритмичным барабанным боем, имевшим в данном случае больше тональных вариаций, чем человеческие голоса. Зазвучал еще один барабан, сделанный из черепа, и только тогда Эйла заметила, что Диги уже нет рядом с ней.

Этот дробный бой, исторгаемый из костяных инструментов, полностью соответствовал неровной пульсации в голове Эйлы. Затем ей показалось, что она слышит не только это пение и удары барабанов. Монотонный напев, странные модуляции ритма, изменение высоты и громкости барабанного боя начали складываться в голоса, и эти голоса говорили о чем-то очень понятном, и Эйле не хватало какой-то малости, чтобы до конца уловить смысл этих возникавших в голове фраз. Она попыталась сосредоточиться, но ум ее был затуманен, и чем больше она старалась, тем хуже воспринимала голоса, порожденные ритуальной музыкой. В конце концов она отказалась от своих попыток, подчиняясь странному усиливающемуся кружению, происходившему в ее голове.

Потом она на мгновение услышала четкий стук барабанов и неожиданно почувствовала, что погружается в какие-то темные бессознательные глубины.

* * *

Она шла довольно быстро по унылой, холодной равнине. Расстилавшиеся перед ней пустынные земли имели на редкость размытые очертания, практически неразличимые за снежной пеленой. Постепенно она начала осознавать, что у нее есть попутчик, который видит ту же самую картину и каким-то таинственным образом определяет и управляет скоростью и направлением их движения.

Затем ей стало понятно, что в этой туманной дали есть какой-то скрытый источник звука, и она смутно слышала пение голосов и разговор барабанов. В момент прояснения сознания она вдруг разобрала слова, отрывисто произносимые жутким, дрожащим голосом, который по высоте и тембру очень напоминал голос человека.

– Бли-и-и-жжже-е... – И затем опять: – Бли-и-и-жжже-е, сю-у-у-да-а-а.

Она почувствовала, что скорость их движения замедлилась, и, взглянув вниз, увидела нескольких бизонов, сгрудившихся у подножия обрывистого высокого берега реки, который защищал их от ветра. Огромные животные со стоическим смирением переживали эту сильную метель, снег облепил их шерстистые шкуры, головы были опущены вниз, словно бремя массивных черных рогов пригибало их к

земле. И только пар, выходявший из ноздрей, черневших на их тупых мордах, говорил о том, что это были живые создания, а не снежные сугробы.

Эйла поняла, что приближается к ним; она оказалась так близко, что смогла рассмотреть приметы каждого животного. Молодой бычок, сделав пару шагов, прижался к боку взрослой коровы; старая корова, у которой был отломан кончик левого рога, тряхнула головой и фыркнула; здоровенный бык бил копытами, разгребая слой снега, а затем еще ниже опустил голову и сорвал с обнажившейся почвы пучок сухой травы. Издалека доносился чей-то вой, возможно вой ветра.

Обзор вновь стал более широким; они двигались в обратном направлении, и Эйла мельком у видела очертания каких-то безмолвных четвероногих тварей, крадущихся к некоей только им ведомой цели. Река здесь текла меж скалистых берегов, а выше по течению, где нашли укрытие бизоны, русло было совсем стиснуто высокими скалами, и водный поток, сбегавший по крутому ущелью, обрушивался вниз каскадом маленьких водопадов. Единственным выходом оттуда могла служить крутая каменистая теснина: во время весенних паводков она заполнялась водой, но сейчас по ней можно было подняться в степь.

– До-о-мо-о-ой...

Удлиненные гласные этого слова звучали в ушах Эйлы, создавая сильную вибрацию, и затем какая-то неведомая сила вновь подхватила ее и стремительно понесла через равнину.

* * *

– Эйла! Очнись! Что с тобой? – спросил Джондалар.

Судорожная дрожь пробежала по телу молодой женщины, она подняла веки и увидела потрясающие синие глаза, с беспокойством смотревшие на нее.

– Мм... да. Мне кажется, со мной все в порядке.

– Что с тобой случилось? Лэти сказала, что ты вдруг упала на кровать, словно потеряла сознание, потом немного подергалась и погрузилась в такой глубокий сон, что никто не мог разбудить тебя.

– Я не понимаю...

– Очевидно, ты сопровождала меня, Эйла.

Услышав голос Мамута, Эйла и Джондалар удивленно повернули головы.

– Я сопровождала тебя? Куда? – спросила Эйла.

Старец посмотрел на нее задумчивым оценивающим взглядом. «Она напугана, – думал он, – и неудивительно, она ведь не ожидала этого. Никто не подготовил ее к Поиску, а в первый раз такое путешествие действительно может показаться ужасным. Но я же не знал, что ее следует предупредить. Кто мог подозревать, что ее природные способности окажутся столь значительными. Ведь она даже не выпила сомути. Да, ее дар, несомненно, очень велик. Позже ей необходимо все объяснить для ее же собственной безопасности, но как много я должен рассказать ей сейчас? Мне не хочется, чтобы она восприняла свой дар как тяжкое бремя, которое ей придется нести до конца дней. Лучше, если она осознает, что это своеобразный подарок судьбы, хотя он и накладывает на человека определенную ответственность... Но Мут обычно не посылает Свои дары тем, кто не способен принять их. Великая Мать, должно быть, уготовила этой молодой женщине особую судьбу».

– Как ты думаешь, Эйла, где мы были? – спросил старый шаман.

– Не знаю. Где-то в степи... Там была метель, и я видела бизона... со сломанным рогом... у реки.

– Все правильно. Я был удивлен, почувствовав, что ты находишься рядом со мной. Но мне следовало предвидеть, что такое может произойти. Ведь я знал, что у тебя есть скрытые возможности... Ты обладаешь особым даром, Эйла. Но тебе не хватает воспитания, ты должна приобщиться к духовному учению.

– Каким даром? – переспросила Эйла, приподнимаясь на кровати. Она почувствовала странный холодок и легкий укол страха. Ей не нужны были никакие дары. Она хотела просто обзавестись семьей и детьми, как Диги, как любая обычная женщина. – О каком даре ты говоришь, Мамут?

Джондалар заметил, как побледнело ее лицо. «Она выглядит такой испуганной, такой уязвленной и незащищенной», – подумал он, обнимая ее за плечи. Ему хотелось просто поддержать ее, защитить от возможной опасности, окружить ее своей любовью и заботой. Эйла прижалась к его теплому боку, и ее тревога немного поубавилась. Заметив это тонкое духовное взаимодействие, Мамут добавил его к

своему представлению об этой таинственной женщине, так внезапно вошедшей в их жизнь. «Почему же все-таки именно она появилась здесь, среди нас?..» – размышлял он.

Он не верил, что чистая случайность привела Эйлу на Львиную стоянку. Легче всего объяснять все случайностью или стечением обстоятельств, но такое объяснение не укладывалось в его понимание мира. Мамут был убежден, что все в этом мире имеет свое назначение, некое предопределение, некую причину бытия, которая, возможно, понятна далеко не каждому, и он не сомневался, что Великая Мать направила к ним эту женщину с особой целью. Теперь ему было многое известно о прошлом Эйлы, и его прежние догадки вполне подтвердились, поэтому он задавал себе вопрос: не к нему ли послана эта женщина? Это действительно могло быть одной из причин появления Эйлы. Ведь он, как никто другой, мог понять и оценить ее.

– Я не могу знать, Эйла, каким именно даром ты обладаешь. Дары, ниспосылаемые Матерью, многочисленны и разнообразны. Во-первых, очевидно, ты наделена даром целительницы. И, кроме того, твое общение с животными также является следствием особого дара.

Эйла улыбнулась. Если даром считается та целительная магия, которой она научилась у Изы, то это не страшно. И если Уинни, Удалец и Вэбхья были ниспосланы ей Великой Матерью, то таким подаркам можно только радоваться. Вообще-то, она была вполне убеждена, что это дух Великого Пещерного Льва послал ей животных. Но возможно, в какой-то мере этому способствовала и Великая Мать.

– И, исходя из того, что я узнал сегодня, могу сказать, что ты имеешь дар общения с миром духов, ты можешь проводить обряд Поиска. Великая Мать щедро одарила тебя, – сказал в заключение Мамут.

Джондалар обеспокоенно нахмурил лоб. Не всегда приятно, когда Дони проявляет к человеку слишком много внимания. Ему довольно часто говорили, что он щедро одарен Великой Матерью, но это не принесло ему большой радости. Внезапно Джондалару вспомнились слова старого седовласого целителя, который был служителем Великой Матери в племени шарамудои. Этот целитель сказал ему однажды, что у него есть особый дар: Мать одарила его так щедро, что ни одна женщина не сможет отказать ему, даже сама Великая Мать, и добавил, что обладатель такого дара должен быть очень осторожным. Дары

Великой Матери всегда налагают на человека определенные обязательства, он как бы становится Ее должником. Выходит, что Эйла теперь в долгу у Нее?..

Эйла не испытала особой радости, узнав о последнем даре.

– Я совсем мало знаю о Великой Матери и Ее дарах. Я думала, что Уинни послал мне Пещерный Лев, мой тотем.

Мамут выглядел удивленным.

– Твой тотем Пещерный Лев?

Эйла заметила его удивление и вспомнила, с каким трудом поверили люди клана, что женщину может оберегать такой могущественный мужской тотем.

– Да, Мог-ур сказал мне об этом. Пещерный Лев избрал меня, на мне есть его отметины. Сейчас покажу, – сказала Эйла. Развязав пояс кожаных штанов, она обнажила левое бедро, на котором виднелись четыре параллельных шрама, оставленные когтистой лапой, – свидетельство встречи со львом.

Мамут понял, что эти отметины появились очень давно. Должно быть, она тогда была совсем ребенком. Неужели маленькая девочка смогла убежать от пещерного льва?

– Как у тебя появились эти отметины? – спросил он.

– Не помню... Правда, я видела сон...

– Какой сон? – с явно заинтересованным видом спросил Мамут.

– Он снится мне время от времени. Я лежу в каком-то темном месте, очень узком. Свет проникает сквозь маленькое отверстие. Потом... – она закрыла глаза и судорожно вздохнула, – что-то заслоняет свет. Я испуганно вздрагиваю. Большая львиная лапа с острыми когтями касается моей ноги. Я кричу и просыпаюсь...

– Недавно мне тоже приснились пещерные львы, потому-то я так и заинтересовался твоим сном, – пояснил Мамут. – Мне приснилось целое львиное семейство, которое нежилось под степным солнышком жарким летним днем. Там были два детеныша. Один из них, маленькая львица, играя, приставала к самцу, взрослому льву с рыжей гривой. Подняв лапу, она слегка ударяла его по морде. Похоже, ей просто хотелось растормошить его. Лев отпихнул ее в сторону, а потом, прижав к земле своей большой лапой, начал вылизывать ее своим длинным шершавым языком.

Эйла и Джондалар слушали как замороженные.

– Затем вдруг, – продолжал Мамут, – происходит нечто ужасное. Прямо на них откуда ни возьмись несется стадо северных оленей. Сначала я подумал, что это нападение. Сны часто имеют скрытый смысл, который не сразу поймешь. Но эти олени просто спасались бегством от какой-то опасности и, увидев львиный прайд, бросились врассыпную. Однако львенок, братец той игривой львицы, был раздавлен копытами. В общем, когда волнение улеглось, взрослая львица попыталась поднять своего детеныша, но он лежал как мертвый. В конце концов она оставила его и ушла вместе со вторым детенышем вслед за прайдом.

На лице Эйлы отразилось сильнейшее волнение, она была совершенно потрясена.

– Что с тобой, Эйла? – спросил Мамут.

– Вэбхья!.. Этим львенком был мой Вэбхья. Я охотилась, преследовала северного оленя. Потом нашла этого искалеченного детеныша. Притащила его в пещеру. Я вылечила и вырастила его. Сейчас он уже стал взрослым львом.

На сей раз потрясение испытал Мамут.

– Значит, пещерный лев, которого ты вырастила, был раздавлен копытами оленей? – взволнованно спросил он.

Это не могло быть простым совпадением. Во всем этом есть очень важный смысл. Он чувствовал, что сон о пещерных львах должен иметь символическое значение, но оно было выше его понимания. Обряд Поиска не осветил бы вопрос, выходящий за рамки обычного общения с миром духов. Ему надо будет серьезно подумать об этом, но сейчас он чувствовал, что необходимо уточнить некоторые подробности.

– Эйла, может быть, ты ответишь...

Их разговор был прерван громкой перебранкой.

– Ты даже не в состоянии позаботиться о Фрали! Не говоря уже о том, что мы получили от тебя ничтожный Брачный выкуп, – визгливо кричала Крози.

– А ты только и думаешь что о своем высоком статусе! Мне надоело слушать твои бесконечные стенания по поводу низкого Брачного выкупа. Предложений у вас больше не было, и я заплатил то, что просили.

– Как это – не было предложений? Ты умолял меня отдать ее за тебя. Обещал позаботиться о ней и о детях. Говорил, что ваш очаг с

радостью примет меня и...

– А что, разве я не исполняю обещаний? Разве я не делаю этого? – прервал ее Фребек.

– Да уж, на редкость своеобразно ты выражаешь свою радость! Не припомню, чтобы ты оказывал мне уважение. Разве ты не обязан почитать меня как мать?

– А ты сама разве оказываешь мне уважение? Что бы я ни сказал, тебе все не так.

– Если бы хоть раз сказал что-то умное, никто не стал бы возражать. Моя Фрали заслуживает лучшей участи. Посмотри на нее. Великая Мать опять благословила ее ребенком...

– Мама, Фребек, пожалуйста, перестаньте ссориться, – вмешалась Фрали. – Мне так хотелось спокойно отдохнуть...

Эйла с тревогой посмотрела на ее усталое, бледное лицо. Как целительница, она понимала, что беременной женщине лучше не нервничать, а страсти, похоже, разбушевались не на шутку. Она встала и направилась в сторону очага Журавля.

– Разве вы не видите, как огорчена Фрали? – обращаясь к Крози и Фребеку, сказала Эйла, улучив момент между их гневными выкриками. – Ей нужна ваша помощь, а вы только вредите ей своими спорами. Беременной женщине нельзя волноваться. Она может потерять ребенка.

Оба спорщика, опешив, изумленно смотрели на нее, но Крози опомнилась быстрее:

– Видишь, разве я не говорила тебе? Ты совершенно не думаешь о Фрали. Ты даже не хочешь поговорить с этой женщиной, которая знает, как можно помочь беременным. Если Фрали потеряет ребенка, то это будет твоя вина!

– Что может она знать об этом! – фыркнул Фребек. – Воспитанная кучкой грязных плоскоголовых, что может она знать о целительстве? Недаром она умеет общаться с лошадьми. Ее место именно среди животных. Ты права, Крози. Я не собираюсь подпускать к Фрали эту тварь. Кто знает, может, она принесла злых духов в наше жилище? Если Фрали потеряет ребенка, то это будет именно ее вина! Ее и ее проклятых Великой Матерью плоскоголовых!

Эйла резко отшатнулась назад, точно ее ударили. От этой оскорбительной и злобной атаки у нее перехватило дыхание, и

остальные обитатели жилища на время лишились дара речи. В ошеломленной тишине Эйла судорожно перевела дух и, подавив рыдания, развернулась и побежала к выходу из дома. Джондалар схватил ее и свою парку и пустился за ней.

Отбросив тяжелый занавес сводчатого дверного проема, Эйла выбежала из дома и оказалась в ледящих объятиях завывающего ветра. Зловещие предвестники ненастья, весь день сулившие перемену погоды, не принесли ни дождя, ни снега, только ураганный ветер со страшной силой бушевал за толстыми стенами земляного жилища. Дикие порывистые ветры, не встречая преграды, с огромной скоростью проносились по открытым степным просторам; эти ураганы возникали вследствие разницы атмосферного давления между здешними равнинными землями и величественными стенами студеного ледника, высившегося на севере.

Эйла свистнула Уинни и тотчас услышала тихое приветливое ржание. С подветренной стороны длинного строения показались темные тени кобылы и жеребенка.

– Эйла, я надеюсь, ты не собираешься прокатиться в эту ураганную ночь? – сказал Джондалар, выходя следом за ней. – Вот, возьми, я принес тебе парку. Сейчас так холодно. Должно быть, ты уже замерзла.

– О, Джондалар, я не могу больше оставаться здесь.

– Одевайся скорей, Эйла, – настаивал он, помогая ей натянуть через голову теплую меховую парку. Затем он обнял ее, пытаясь успокоить. В сущности, он давно ждал скандала, подобного тому, что сейчас устроил Фребек. Он знал, что это неминуемо должно было произойти, поскольку она так открыто рассказала о своем прошлом. – Ты не можешь уйти отсюда сейчас. Погода ужасная. Куда ты вообще собралась?

– Не знаю. Мне все равно, – всхлипнула она. – Подальше отсюда.

– А как же Уинни? Удалец? В такую погоду им лучше оставаться здесь.

Ничего не ответив, Эйла прижалась к Джондалару, но почти подсознательно она отметила, что лошади нашли себе укрытие за стенами этого дома. Ее по-прежнему беспокоило, что здесь нет привычной пещеры, в которой они могли бы укрыться во время зимней

непогоды. Но Джондалар был прав. Она не может отправиться в путь в такую ночь.

– Я не хочу оставаться здесь, Джондалар. Как только ветер немного утихнет, я хочу вернуться в свою долину.

– Как скажешь, милая. Мы отправимся, как только наладится погода. А сейчас давай пойдем в дом.

Глава 12

– Посмотри, как обледенели их шкуры, – сказала Эйла, стараясь снять рукой многочисленные сосульки, повисшие на густой шерсти Уинни.

Кобыла пофыркивала, выпуская в холодный утренний воздух клубы теплого пара, который быстро уносился резким порывистым ветром. Ураган ослабел, однако облака в небе по-прежнему казались зловещими.

– Но ведь обычные лошади как-то переносят зиму. Они не привыкли жить в пещерах, Эйла, – пытаюсь рассуждать здраво, заметил Джондалар.

– Да, и поэтому зимой погибает так много лошадей, хотя они и переживают непогоду в защищенных от ветра местах. Уинни и Удалец всегда могли укрыться в теплом сухом месте в случае необходимости. Они не привыкли скитаться по заснеженным степям вместе со стадом. И здесь им будет плохо... Да и мне тоже. Ты говорил, что мы сможем уйти в любое время. Я хочу вернуться в свою долину.

– Эйла, но разве нас здесь плохо приняли? Ведь большинство людей были добры и великодушны.

– Ты прав, к нам отнеслись хорошо. Мамутои стараются быть великодушными к своим гостям, но мы остановились у них только на время, и сейчас настала пора двигаться в обратный путь.

Озабоченно нахмурившись и опустив глаза, Джондалар переминался с ноги на ногу. Ему хотелось сказать кое-что, но он не знал, как лучше выразиться.

– Эйла... Ну... Я же говорил тебе, что нечто неприятное может случиться, если ты... если ты начнешь рассказывать о... ну... о людях, с которыми жила раньше. Большинство людей не привыкли относиться к ним... так, как ты. – Он взглянул на нее. – Если бы ты ничего не рассказывала...

– Но, Джондалар, если бы не клан, то я могла бы умереть! И ты говоришь мне, что я должна стыдиться людей, которые спасли и вырастили меня? Ты думаешь, что у Изы меньше человеческих качеств, чем у Неззи? – запальчиво воскликнула Эйла.

– Нет-нет. Конечно, я так не думаю, Эйла. Я и не говорил, что тебе надо стыдиться, я просто говорил... Я имею в виду, что... тебе лучше не рассказывать о клане тем людям, которые не понимают, что...

– Я не уверена, что даже ты понимаешь. О ком, ты считаешь, мне следует говорить, когда меня спрашивают, кто я? Из какого я племени? Где я родилась? Я больше не принадлежу к клану... Бруд проклял меня, и для них я мертва. Но мне же надо как-то жить дальше! По крайней мере, клан в конце концов признал меня целительницей, там мне разрешали лечить больных. А здесь живет женщина, которая нуждается в моей помощи. Знаешь, как ужасно видеть ее страдания и быть не в состоянии помочь ей из-за этого глупого упряма? Я же целительница, Джондалар! – в беспомощном отчаянии воскликнула она и сердито отвернулась к лошади.

Из земляного дома появилась Лэти и, увидев, что Эйла занимается с лошадьми, поспешила к ней.

– Я могу помочь тебе? – широко улыбаясь, спросила девочка.

Вспомнив, что вчера вечером она сама попросила Лэти о помощи, Эйла постаралась успокоиться.

– Не думаю, что теперь мне понадобится помощь. Мы недолго останемся здесь, скоро отправимся в путь, – сказала она, переходя на язык мамутои.

Лэти расстроено потупилась.

– О... ну... тогда я не буду вам мешать, – сказала она, отступая назад к дому.

Эйла увидела ее разочарование.

– Но правда, лошадей еще нужно расчесать. И к тому же они совсем обледенели. Может быть, сегодня ты сможешь помочь мне?

– О, конечно, – вновь улыбнувшись, сказала Лэти. – Что мне надо делать?

– Видишь, там, на земле у стены, лежат сухие стебли?

– Ты имеешь в виду ворсянку? – спросила Лэти, поднимая подмерзший засохший стебель с сухой колючей шишечкой.

– Да, я нарвала их на берегу. Из этой шишечки получается хорошая щетка. Сломай вот так. Удобнее держать ее в кусочке кожи, – пояснила Эйла. Затем она подвела Лэти к Удальцу и показала, как правильно держать шишку ворсянки, чтобы расчесать мохнатую зимнюю шерсть лошади. Джондалар стоял рядом, успокаивающе похлопывая

жеребенка, чтобы тот не испугался непривычных прикосновений незнакомого человека, а Эйла, вернувшись к своему занятию, продолжала снимать с Уинни сосульки и расчесывать ее спутанную шерсть.

Присутствие Лэти временно прервало их разговор об отъезде, и Джондалар был даже рад этому. Он чувствовал, что наговорил больше, чем следовало, и вообще неудачно выразился, поэтому пребывал сейчас в полной растерянности. Ему не хотелось, чтобы Эйла покинула стоянку в таком настроении. Если она уйдет прямо сейчас, то, возможно, уже никогда не захочет покинуть свою долину. И как ни сильна была его любовь к ней, Джондалар не знал, сможет ли провести всю оставшуюся жизнь вдаль от людей. И, кроме того, он считал, что Эйле тоже не следует уединяться. «Ее так хорошо приняли, – думал он, – и, в сущности, ее признает любое племя, даже зеландонии. Если только она не будет рассказывать о... Но она права. Что еще она может сказать, если кто-то спросит, из какого она племени?» Джондалар понимал: приведи он ее в родное племя, там любой может спросить об этом.

– Эйла, а ты всегда снимаешь льдинки с их шкур? – спросила Лэти.

– Нет, не всегда. Когда в долине плохая погода, лошади живут со мной в пещере. Здесь у вас нет для них места, – сказала Эйла. – Скоро я отправлюсь в путь, к себе домой. Когда погода наладится.

Неззи, направляясь к выходу из жилища, проходила через помещение кухонного очага, но остановилась возле самого выхода, прислушиваясь к доносившемуся снаружи разговору. Она боялась, что после событий вчерашней ночи Эйла вполне может решить покинуть их, а это означало, что не будет больше уроков языка жестов ни для Ридага, ни для кого другого. Неззи уже заметила, как изменилось отношение людей к ее мальчику, когда они научились говорить с ним. Конечно, Фребек не в счет. «И зачем я только уговорила Талута пригласить эту семейку жить на нашей стоянке... – с сожалением подумала она. – Хотя куда бы пошла Фрали, если бы я этого не сделала? Она неважно себя чувствует. Эта беременность проходит у нее тяжело».

– Может быть, тебе не стоит уходить, Эйла? – спросила Лэти. – Может, нам удастся построить для них укрытие.

– А ведь верно, – поддержал девочку Джондалар. – Совсем нетрудно поставить для них палатку или соорудить навес где-нибудь недалеко от входа, такое укрытие защитит их от ветров и снегопадов.

– Не думаю, что Фребек согласится жить по соседству с животными, – язвительно сказала Эйла.

– Но Фребек – единственный, у кого могут возникнуть возражения, – сказал Джондалар.

– Да, но Фребек принадлежит к племени мамутои, а я – нет.

Никто не стал спорить с этим утверждением, но Лэти вспыхнула от стыда за свою стоянку.

Неззи, так и не выйдя из дома, поспешила назад к Львиному очагу. Только что проснувшийся Талут откинул меховое покрывало и сидел на лежанке, спустив на пол свои длинные ноги. Почесав бороду, он потянулся, широко раскинув руки, не менее широко зевнул и, болезненно поморщившись, обхватил голову ладонями. Открыв глаза, он увидел Неззи и сконфуженно улыбнулся.

– Вчера вечером я явно перебрал бузы, – покаянно заявил он.

Поднявшись с лежанки, он снял с крючка рубаху и натянул ее на голое тело.

– Талут, Эйла собирается уходить, как только погода наладится, – сказала Неззи.

Вождь помрачнел:

– Я боялся, что она решит покинуть нас. Это очень плохо. Я надеялся, что они проведут всю зиму с нами.

– Неужели мы ничего не можем сделать? Они собираются уйти от нас только из-за дурного нрава этого злосчастного Фребека, но ведь остальные хотят, чтобы они остались.

– Даже не знаю, что тут можно поделывать. Ты еще не говорила с ней, Неззи?

– Нет, я подслушала их разговор. Эйла говорила Лэти, что здесь нет укрытия для лошадей, а они привыкли жить во время холодов в ее пещере. Лэти сказала, что мы могли бы соорудить для них укрытие, и Джондалар предложил поставить палатку или навес поблизости от входа. Потом Эйла сказала, что Фребек вряд ли согласится жить по соседству с животными, но я поняла, что она имела в виду вовсе не лошадей.

Талут направился к выходу, и Неззи последовала за ним.

– Мы, скорее всего, сможем сделать что-то для лошадей, – сказал он. – Но если она захочет уйти, мы не в силах заставить ее остаться. Она же не принадлежит к мамутой, да и Джондалар – из зел... зенла... Вылетело, как называется его племя...

Неzzi перебила его:

– А не можем мы принять ее в племя мамутой? Она говорит, что не знает своего родного племени. Можно удочерить ее, вы с Тули проведете обряд, тогда она станет полноправным членом Львиной стоянки.

Талут помолчал, погрузившись в размышления.

– Я не уверен, что это получится, Неzzi. Нельзя заставить человека стать мамутой. Необходимо его согласие, да и мы должны иметь веские причины для такого приема, чтобы объяснить все Совету на Летнем сходе. Кроме того, ты сказала, что она собирается уходить, – добавил Талут и, отбросив тяжелый входной занавес, вышел из жилища и поспешил в овраг.

Оставшись возле дома, Неzzi посмотрела вслед Талуту, затем перевела взгляд на высокую светловолосую женщину, которая расчесывала густую шерсть золотисто-соломенной лошади. Пристально вглядываясь в черты лица Эйлы, Неzzi размышляла, к какому племени в действительности принадлежала эта женщина. Если Эйла потерялась где-то на том южном полуострове, то ее семья могла принадлежать и к племени мамутой. Несколько их стоянок проводили лето у моря Беран, и этот полуостров не так уж далеко, но все-таки у Неzzi оставались определенные сомнения. Мамутой знали, где жили плоскоголовые, и, как правило, держались подальше от этих мест, а кроме того, внешне Эйла немного отличалась от мамутой. Может быть, ее сородичами были шарамудои, племя тех западных речных людей, у которых гостил Джондалар? Или, может быть, она из племени сангайи, что живет далеко на севере? Однако вряд ли сангайи могли дойти до Южного моря. Возможно, ее племя забрело в эти места совсем из других краев. Вариантов ее происхождения может быть много, но одно было несомненно: Эйла не была плоскоголовой... и тем не менее они приняли ее к себе.

Следом за Барзеком и Торнеком из дома вышли Дануг и Друвец. Они поприветствовали Неzzi на том молчаливом языке, которому научила их Эйла; Неzzi с радостью поддержала такое общение, и это

становилось обычным явлением на Львиной стоянке. Следующим из дома показался Ридаг, он тоже с улыбкой приветствовал ее. Сделав ответный жест, она улыбнулась мальчику, но когда подошла обнять его, то ее улыбка сменилась несколько озабоченным выражением. Вид у Ридага был неважный, мальчик был болен, тяжело дышал и казался необычно усталым. Вероятно, он заболел.

– Джондалар! Вот ты где, – сказал Барзек. – Я сделал на пробу одну копьеметалку по образцу твоих. Мы собираемся подняться в степь, чтобы испытать ее. Я посоветовал Торнеку заняться физическими упражнениями на свежем воздухе. Это поможет ему избавиться от головной боли. Он, бедняга, слишком много выпил вчера вечером. Ты не хочешь пойти с нами?

Джондалар глянул на Эйлу. Похоже, сегодня утром никаких особенных событий не предвиделось, и Удалец вполне спокойно воспринимал Лэти, старательно расчесывавшую его шкуру.

– Конечно! Я только захвачу свою копьеметалку, – сказал Джондалар.

Мужчины остановились в ожидании, и Эйла заметила, что Дануг и Друвец, похоже, специально стараются не обращать внимания на то, чем занимается Лэти, хотя долговязый рыжеволосый подросток смущенно улыбался самой Эйле. Лэти огорченным взглядом посмотрела вслед подросткам, уходившим вверх по тропе вместе с мужчинами.

– Могли бы и меня позвать с собой, – пробурчала она и, решительно отвернувшись, продолжила свое занятие.

– Ты хочешь научиться стрелять из копьеметалки? Да, Лэти? – спросила Эйла, припомнив свои былые годы, когда она с тоской смотрела вслед уходившим охотникам, мечтая участвовать в их тренировках.

– Они могли бы позвать меня. Я всегда выигрываю у Друвца в «Обручи и дротики». А они даже не взглянули в мою сторону, – обиженно сказала Лэти.

– Не огорчайся. Я могу научить тебя, если захочешь. Вот только закончим с лошадьми, – сказала Эйла.

Лэти подняла глаза на молодую женщину. Она вспомнила то потрясающее представление, которое устроила им вчера Эйла с копьеметалкой и пращей, и, кроме того, заметила, как Дануг улыбался

ей. Вдруг девочке пришла в голову одна мысль. Эйла никогда не пытается привлечь к себе внимание, она просто делает то, что хочется ей самой, но делает это так хорошо, что люди невольно обращают на нее внимание.

– Да, Эйла, мне очень хочется, чтобы ты научила меня, – сказала она, затем помолчала немного и спросила: – Как тебе удалось так здорово овладеть копьеметалкой и пращой?

Эйла задумалась ненадолго и ответила:

– Мне очень хотелось этого, и я... очень много тренировалась.

Талут, медленно поднимаясь по склону, шел от реки; глаза его были полужакрыты, а волосы и борода потемнели от речной воды.

– О-о-ох, моя голова, – сказал он с преувеличенным вздохом.

– Талут, зачем ты намочил голову? В такую-то погоду. Недолго и заболеть, – сказала Неззи.

– Я и так болею. Вот думал, что если подержу голову в холодной воде, то боль немного поутихнет. О-хо-хо!

– Никто не заставлял тебя пить так много бузы. Иди в дом, тебе надо обсохнуть.

Эйла с тревогой посмотрела на него, немного удивленная тем, что Неззи проявляет к нему так мало сочувствия. У самой Эйлы тоже болела голова, и, проснувшись, она почувствовала себя не вполне здоровой. Неужели причина этого во вчерашнем напитке? В той хмельной бузе, которую все пили с таким удовольствием?

Уинни подняла голову и, заржав, ткнулась мордой в плечо Эйлы. Льдинки, повисшие на густой лохматой шкуре, не беспокоили лошадей, хотя порой такое покрытие было тяжеловато, а они любили, когда их расчесывают и поглаживают, а сейчас кобыла решила напомнить о себе, заметив, что Эйла вдруг остановилась, погрузившись в свои мысли.

– Уинни, перестань. Ты думаешь, я забыла о тебе, да? – сказала она, используя своеобразный язык, на котором обычно общалась с лошадьёю.

Хотя Лэти уже не раз слышала такие разговоры, но по-прежнему удивлялась тому, как точно Эйла воспроизводит конское ржание. Кроме того, по привыкнов к знаковому языку, девочка обратила внимание на несколько знакомых жестов, обращенных к лошади, хотя и не была уверена, что правильно поняла их.

– Ты умеешь разговаривать с лошадьми! – воскликнула она.

– Мы с Уинни – друзья, – сказала Эйла, произнося кличку лошади так, как это делал Джондалар, считавший, что обитателям Львиной стоянки будет удобнее воспринимать это имя как слово, а не как ржание. – Долгое время она была моим единственным другом, – добавила Эйла, поглаживая кобылу, затем окинула взглядом шкуру гнедого жеребца и погладила его. – Думаю, пора заканчивать. Теперь мы можем взять копьеметалку и начать тренировку.

Войдя в земляной дом, они направились к четвертому очагу, миновав по пути Талута, который выглядел совсем несчастным. Эйла достала копьеметалку и дротики, на обратном пути она вспомнила об остатках целебного чая, который заварила себе от головной боли. Возле реки, где росла ворсянка, нашлись и подсохшие зонтики соцветий тысячелистника, да и ива еще не сбросила свои узкие листочки. Настой из свежего тысячелистника получался горьковатым и ароматным. Тот тысячелистник, что рос у реки, слишком долго простоял под дождем и солнцем и, конечно, уже утратил большую часть своих целебных свойств, но, увидев его, Эйла вспомнила о своих лекарственных запасах. И поскольку кроме головной боли у нее еще было расстройство желудка, то она решила заварить целебный чай из тысячелистника и ивовой коры.

«Возможно, это поможет Талуту, – подумала она, – хотя, судя по его стонам, ему лучше было бы выпить особый настой, помогающий от сильной головной боли. Правда, то лекарство уж очень сильнодействующее».

– Талут, выпей этот настой, он от головной боли, – сказала Эйла, проходя к выходу.

Он вяло усмехнулся, взял чашку и одним глотком осушил ее, не особо рассчитывая на положительный результат. Но он был благодарен Эйле за сочувствие, которое, похоже, никто больше не собирался проявлять к нему.

Светловолосая женщина и девочка вместе поднимались по склону, направляясь к утоптанной площадке, где вчера проводились состязания. Выйдя в степь, они заметили четырех мужчин, которые уже увлеченно бросали копья в дальнем конце поля; вновь прибывшие прошли к противоположному краю площадки. Уинни и Удалец следовали за ними, чуть поотстав. Лэти с улыбкой оглянулась на темно-коричневого жеребенка, и он приветливо заржал, повернув голову в ее сторону.

Затем жеребенок и кобыла остались пастись на степном лугу, а Эйла начала объяснять Лэти, как пользоваться копьеметалкой.

– Бери ее вот так, параллельно земле, – сказала Эйла, показывая, как надо держать узкое деревянное приспособление, длина которого составляла около двух футов.

Затем она вставила большой и указательный пальцы правой руки в кожаные петли.

– Теперь мы вставляем сюда копье, – продолжила она, помещая древко шестифутового копья в паз, прорезанный по всей длине дощечки.

Она вставила маленький крючок в отверстие на толстом конце древка, стараясь не задеть оперение. Затем, крепко удерживая копье, Эйла отступила назад и, размахнувшись, метнула его. Свободный конец копьеметалки резко поднялся вверх, добавляя ее руке длину и силу этого рычага, благодаря чему копье летело быстрее и дальше. Эйла передала метательную дощечку Лэти.

– Я правильно держу ее? – спросила Лэти, взяв копьеметалку, как показывала Эйла. – Так, копье вставляем в паз и продеваем пальцы в эти петли, чтобы удержать его, а конец древка подгоняем сюда.

– Все верно, теперь бросай.

Копье, брошенное Лэти, взвилось высоко в небо и пролетело большое расстояние.

– О, это не так уж сложно, – сказала она, довольная сама собой.

– Конечно, метнуть копье несложно, – согласилась Эйла. – Сложно попасть туда, куда наметила.

– Ты имеешь в виду, что нужно тренироваться в меткости? Да, мы тоже иногда тренируемся, играя в «Обручи и дротики».

Эйла улыбнулась:

– Да, ты права. Нужно потренироваться, чтобы попасть обруч... попасть в обруч дротиком.

Она заметила Фребека, поднявшегося посмотреть, чем занимаются мужчины, и это вдруг напомнило ей, что она должна следить за своей речью. Эйла еще не всегда говорила правильно и старалась выразить свои мысли простыми словами. «В этом деле тоже нужна практика, – подумала она. – Хотя к чему мне теперь все это? Ведь мы скоро уедем отсюда».

Лэти продолжала осваивать копьеметалку под руководством Эйлы, и обе они так увлеклись этим занятием, что не заметили, как подошли мужчины, чтобы понаблюдать за их тренировкой.

– У тебя отлично получается, Лэти! – воскликнул Джондалар, когда девочка попала в намеченную цель. – Ты можешь достичь превосходных результатов! Мне кажется, ты вполне можешь превзойти в меткости Дануга и Друвеца. Они как-то слишком быстро устали от тренировок и вместо этого захотели посмотреть на твои успехи.

Дануг и Друвец выглядели смущенными. В поддразнивании Джондалара была изрядная доля правды, но Лэти улыбнулась им сияющей, счастливой улыбкой и сказала:

– Возможно, я и стану лучшим стрелком. По крайней мере, я собираюсь тренироваться, пока не добьюсь этого.

Решив, что на сегодня, пожалуй, можно закончить тренировки, они все вместе побрели вниз к земляному жилищу. Когда они подходили к сводчатому входному проему, из него вылетел Талут.

– Эйла! Наконец-то ты пришла! Что за чудодейственный настой ты дала мне? – вскричал он, стремительно подходя к ней.

Она чуть подалась назад:

– Тысячелистник с люцерной... и добавила немного листьев малины и...

– Неззи! Ты слышала? Выясни хорошенько, как она делает такое зелье. Мою головную боль как рукой сняло. Я чувствую себя новым человеком! – Он повернулся кругом. – Неззи!

– Она пошла вниз к реке с Ридагом, – сказала Тули. – Сегодня утром он выглядел усталым, и Неззи побоялась уводить его так далеко от дома. Но он сказал, что хочет пойти с ней... или, может, ему просто хотелось побыть с ней... Я не особенно поняла, о чем он говорил на своем языке знаков. В общем, я сказала Неззи, что спущусь за ними и помогу принести обратно бурдюк с водой или Ридага. Я как раз туда и направляюсь.

Слова Тули по нескольким причинам привлекли внимание Эйлы. Ее обеспокоило здоровье ребенка, но важнее было то, что отношение Тули к мальчику заметно изменилось. Раньше она не называла его по имени, а теперь говорила, что Ридаг что-то сказал... То есть теперь она воспринимала его как нормального человека.

– Ну что ж... – Талут задумался, на мгновение удивившись тому, что Неззи не оказалось под рукой в нужный момент, затем, упрекнув себя в излишней требовательности, усмехнулся и сказал: – Тогда, Эйла, может, ты расскажешь мне, как делается твое лекарство?

– С удовольствием, – ответила она.

Он обрадовался:

– Поскольку я не собираюсь отказываться от употребления бражки, то мне следует знать, как вылечиться на следующее утро.

Эйла улыбнулась. Несмотря на гигантские размеры этого рыжебородого вождя, в нем было что-то по-детски милое и привлекательное. Она не сомневалась, что он может быть страшен в гневе. При всей своей богатырской силе он был подвижным, быстрым и определенно не страдал недостатком ума, но, помимо этого, его натуре были присущи мягкость и доброта. Он умел подавлять свое раздражение, и хотя не упускал случая подшутить над окружающими, однако так же охотно смеялся над собственными недостатками и слабостями. Талут относился к человеческим проблемам с искренним пониманием, и его сострадание распространялось не только на собственную стоянку.

Вдруг всеобщее внимание привлек пронзительный крик, донесшийся со стороны реки. Мгновенно развернувшись, Эйла побежала вниз по склону; несколько человек последовали за ней. Неззи, опустившись на колени, склонилась над маленькой фигуркой и горестно стонала. Тули в растерянности стояла рядом, не зная, чем помочь. Подбежав к ним, Эйла увидела, что Ридаг лежит неподвижно, без сознания.

– Неззи? – воскликнула Эйла, в ее встревоженных глазах читался немой вопрос: «Что случилось?»

– Мы поднимались по тропе, – стала объяснять она, – и он вдруг начал задыхаться. Тогда я решила, что лучше понесу его, но не успела даже пристроить бурдюк с водой, как услышала, что он закричал от боли. А взглянув наверх, увидела, что он лежит на тропе.

Эйла склонилась и тщательно обследовала мальчика, приложив ухо к его груди и пощупав венку на шее. Затем она встревоженно посмотрела на Неззи и обратилась к Тули:

– Тули, отнеси Ридага в дом, в очаг Мамонта. Скорее!

Сама Эйла, опережая их, бросилась вверх по склону и, быстро миновав входное помещение, побежала по проходу, спеша к их с Джондаларом лежанке, за которой на пристенной скамье были сложены ее вещи. Порывшись в заплечном мешке, она вытащила сумку, сделанную из шкуры выдры. Вытряхнув ее содержимое на кровать, Эйла перебирала многочисленные свертки и мешочки, различавшиеся по типу и цвету кожаных ремешков, которыми они были перевязаны, а также по количеству и чередованию узелков на этих ремешках.

Ее ум работал четко и быстро: «Конечно, это сердце. Я знаю, что его болезнь связана с сердцем. Оно явно плохо работает. Но что надо сделать? Я не слишком много знаю о сердечных болезнях. В клане Брана никто никогда не жаловался на сердце. Мне необходимо вспомнить все наставления Изы. И те советы, что давала мне одна целительница на Сходбище клана, она рассказывала, что в их семье двое страдали сердечными болезнями. „Во-первых, подумай, – говаривала Иза, – чем именно болен человек“. Мальчик бледный, опухший. Он задыхался и почувствовал боль. Пульс был очень слабым и замедленным. Его сердце должно работать быстрее и четче. Что же мне лучше использовать? Может быть, дурман? Нет, вряд ли. А что еще может подойти... Морозник? Белладонна? Белена? Или наперстянка? Наперстянка... Листья наперстянки. Настой из них очень сильнодействующий, это может убить его. Но сейчас ему как раз и нужно сильнодействующее средство, только оно вновь может заставить биться сердце мальчика, иначе он все равно умрет. Но какую дозу необходимо ему дать? И как лучше – вскипятить воду или просто настоять траву? О, как бы мне хотелось вспомнить, как именно делала это Иза. Куда же запропастился пакетик с наперстянкой? Неужели у меня нет ее?» Подняв глаза, она увидела, что рядом стоит Мамут.

– Эйла, что случилось?

– Ридаг... сердце... Они сейчас принесут его. Я ищу... одно растение. Высокий стебель... головки цветов свешиваются вниз... они фиолетовые в красную крапинку изнутри. С такими большими листьями, с нижней стороны будто покрытые мехом. Оно помогает сердцу... биться. Ты понимаешь, о чем я говорю? – Эйла огорчилась, что ей не хватало запаса слов, но она сказала более чем достаточно, чтобы Мамут понял ее.

– Конечно, все понятно, ты имеешь в виду багрянку, ее еще называют наперстянкой. Из нее готовят сильнодействующее лекарство...

Мамут наблюдал за Эйлой, которая закрыла на мгновение глаза и тяжело вздохнула.

– Да, сейчас оно необходимо Ридагу. Надо только решить, какая нужна доза... А вот же он, этот мешочек! Иза говорила, всегда надо иметь запас...

Как раз в этот момент появилась Тули с мальчиком на руках. Эйла стянула меховое покрывало со своей лежанки и, расстелив его на земляном полу возле очага, велела женщине положить Ридага на эту подстилку. Неззи выглядывала из-за спины Тули, и все обитатели длинного жилища уже толпились в очаге Мамонта.

– Неззи, сними с него парку. Развяжи все завязки на одежде. Талут, здесь слишком много народу. Нужно освободить это помещение, – руководила Эйла, даже не сознавая, что дает четкие и ясные команды.

Она развязала кожаный мешочек и, понюхав его содержимое, озабоченно взглянула на старого шамана. Затем взгляд ее скользнул по лежавшему без сознания ребенку, и лицо целительницы приняло решительное выражение.

– Мамут, нужен очень хороший огонь. Лэти, принеси кухонные камни, бурдюк с водой и чашку для питья.

Пока Неззи раздевала мальчика, Эйла приподняла его голову и положила под нее свернутый кусок меха. Талут велел встревоженным мамутой выйти из очага Мамонта: Ридагу требуется как можно больше свежего воздуха, а Эйле – простор для лечебных процедур. Расстроенная Лэти то и дело подбрасывала топливо в костер, разведенный Мамутом, стараясь, чтобы камни скорее раскалились.

Эйла проверила пульс Ридага – он едва прощупывался. Она приложила ухо к груди мальчика. Его дыхание было неглубоким и хрипловатым. Ему срочно нужна была помощь. Эйла опустила его голову чуть ниже, чтобы улучшить доступ воздуха, и, припав ртом ко рту мальчика, вдохнула воздух в его легкие, как она это делала раньше с Нуви.

Мамут немного понаблюдал за ее действиями. Ему казалось, что Эйла слишком молода, чтобы быть опытной целительницей, и он заметил, что поначалу она слегка растерялась, но потом ее

растерянность полностью исчезла. Сейчас она была совершенно спокойна, сосредоточена на больном ребенке и отдавала распоряжения с глубокой убежденностью в своей правоте.

Он удовлетворенно кивнул сам себе, затем отошел в сторону и, сев за свой барабан из мамонтового черепа, начал отбивать медленный ритм, сопровождая свою игру тихим монотонным пением, которое оказало на Эйлу совершенно удивительное воздействие: она вдруг почувствовала, как ее внутреннее напряжение значительно ослабло. Этот целительный напев был быстро подхвачен остальными обитателями стоянки; они тоже стали немного спокойнее, сознавая, что участвуют в некоем ритуальном исцеляющем действе. Торнек и Диги взяли за свои инструменты, затем появился Ранек со связкой колец, вырезанных из бивня мамонта, которая напоминала детскую погремушку. Ритм барабанов, монотонное пение и треск погремушки были тихими и ненавязчивыми, они создавали атмосферу сосредоточенного спокойствия.

Наконец вода согрелась, и Эйла, отмерив нужное количество сухих листьев наперстянки, бросила их в закипающую воду. Пока лекарство настаивалось, она выжидала, стараясь сохранять спокойствие. Затем, интуитивно почувствовав, что настой приобрел нужную крепость, она отлила немного жидкости в чашку. Эйла села возле мальчика и, положив его голову себе на колени, на мгновение закрыла глаза. Этим лекарством надо было пользоваться с особой осторожностью. Большая доза может убить Ридага, а кроме того, целительное действие листьев каждого растения наперстянки имело различную силу.

Открыв глаза, она поискала взглядом Джондалара и увидела, что его живые синие глаза взирают на нее с любовью и тревогой. Эйла ответила Джондалару едва заметной благодарной улыбкой. Затем она поднесла чашку ко рту, окунула язык в настой, определяя его крепость. Приподняв голову мальчика, Эйла дала ему выпить этого горьковатого напитка.

Сделав первый глоток, Ридаг закашлялся, но это привело его в чувство. Узнав Эйлу, он попытался улыбнуться, но вместо этого у него получилась болезненная гримаса. Эйла дала ему выпить еще несколько глотков, внимательно наблюдая за изменениями в его состоянии; ее интересовали и температура тела, и цвет лица, а также движения глаз и глубина дыхания. Лица обитателей жилища также были исполнены

тревожного ожидания. Они не сознавали, как много значит для них этот ребенок, пока его жизнь вдруг не подверглась опасности. Он вырос на их глазах, он стал членом их племени, а недавно они начали понимать, что мальчик не так уж сильно отличается от них.

Эйла даже не заметила, что монотонное пение и бой барабанов уже прекратились, но когда Ридаг наконец сделал глубокий вдох, то этот тихий звук прозвучал как крик победы в той полнейшей напряженной тишине, что стояла в земляном доме.

Когда мальчик сделал второй глубокий вдох, лицо его немного порозовело, и Эйла почувствовала, что ее тревога начинает уменьшаться. Вновь зазвучали барабаны, но ритм боя был уже другим, в соседнем очаге заплакал малыш и послышались тихие успокаивающие голоса. Поставив чашку с настоем около очага, Эйла проверила пульс на шее мальчика и приложила руку к его груди. Дыхание Ридага стало более спокойным и менее болезненным. Подняв глаза, Эйла увидела, что Неззи улыбается ей сквозь слезы, и испытала теплое родственное чувство к этой женщине.

Эйла поудобнее устроила мальчика и, убедившись, что он спокойно отдыхает, продолжала поддерживать его просто ради собственного удовольствия. Стоило ей прикрыть глаза, как все обитатели Львиной стоянки мгновенно исчезли из ее сознания. Ей уже казалось, что этот мальчик, так напомилавший ее сына, был действительно ребенком, которому она дала жизнь. Слезы, бежавшие по ее щекам, были вызваны смешанными чувствами: она радовалась, что этот ребенок пошел на поправку, и тосковала по своему потерянному сыну.

В конце концов Ридаг уснул. Это испытание отняло много сил как у больного, так и у целительницы. Талут осторожно поднял мальчика и отнес его на лежанку. Джондалар помог встать Эйле. Он привлек ее к себе, и она обессиленно припала к нему, благодарная за эту поддержку.

Слезы облегчения заблестели на глазах многих мамутой; однако им трудно было выразить те чувства, что переполняли их. Они не знали, что сказать этой молодой женщине, которая спасла жизнь малыша. Все радостно улыбались ей, выражая сердечную признательность, одобрительно кивая и делая какие-то односложные замечания, скорее даже просто счастливые восклицания. Но Эйле этого

было более чем достаточно. Напротив, она почувствовала бы себя неловко, услышав многочисленные слова благодарности и похвалы.

Убедившись, что Ридаг спокойно спит, Неззи вернулась, чтобы поговорить с Эйлой.

– Мне показалось, мы теряем его. Я не могу поверить, что он просто спит, – сказала она. – Это лекарство так хорошо помогло ему.

Эйла кивнула:

– Да, это сильнодействующее лекарство. И все-таки ему надо принимать его понемножку каждый день... Я сделаю для него особый сбор трав, и ты будешь каждый день заваривать лекарство. Его надо настоять как чай, только сначала немного покипятить. Я покажу, как это делается. Пусть он пьет одну чашку утром, а другую – перед сном. Правда, он будет мочиться по ночам, пока не пройдет отечность.

– Это лекарство поможет ему стать совсем здоровым? – с надеждой в голосе спросила Неззи.

Эйла мягко коснулась ее руки и посмотрела прямо в озабоченные материнские глаза.

– Нет, Неззи. Никакое лекарство не сделает его совсем здоровым, – твердым голосом ответила она.

Неззи склонила голову, неохотно признавая печальную правду. Она знала это, но лекарство Эйлы оказало такое чудесное действие, что у нее невольно зародилась надежда.

– Этот настой поддержит его сердце. Ридаг будет чувствовать себя лучше. Настой поможет облегчить боль, – продолжала Эйла. – Хотя у меня не много трав с собой. Основные запасы остались в моей пещере. Я не думала, что мы задержимся так надолго. Но Мамут знает о наперстянке, возможно, у него тоже есть такая трава.

Мамут подключился к разговору:

– У меня есть дар Поиска, Эйла. Но я не слишком одаренный целитель. А вот на Волчьей стоянке действительно есть очень опытная целительница. Когда погода установится, мы сможем послать к ней кого-нибудь. Возможно, у нее есть эти травы. Хотя путь туда займет несколько дней.

Для настоя, стимулирующего работу сердца, нужны листья наперстянки, и Эйла надеялась, что имевшегося у нее запаса хватит на некоторое время, пока не вернуться посыльные с Волчьей стоянки. Но еще больше ей хотелось бы иметь сейчас все свои запасы этой травы.

Она всегда с особой тщательностью заготавливала эти большие ворсистые листья; процесс сушки был длительным, травы надо было держать не на солнце, а в прохладном темном месте, чтобы в них сохранилось как можно больше активных элементов. В сущности, ей хотелось бы иметь сейчас весь набор тщательно заготовленных ею трав, но он хранился далеко отсюда, в ее маленькой пещере.

Как и Иза, Эйла всегда брала с собой сумку целительницы из шкуры выдры, в которой лежали размельченные корни и кора, листья, цветы, плоды и семена. Но там было всего понемножку на случай первой помощи. А дома, в пещере, лежало множество пакетов с разнообразными целебными растениями, хотя она жила одна и, в общем-то, такие большие запасы были ей ни к чему. Просто, воспитываясь с детства в семье целительницы, она привыкла собирать и сушить лечебные травы, когда наступало время их сбора. Эйла делала это почти машинально во время прогулок и охотничьих вылазок. Безусловно, у растений была обширная сфера применения, их можно было не только употреблять в пищу, но также использовать для плетения разной хозяйственной утвари, и Эйла знала о всех этих ценных качествах, но больше всего ее интересовали целебные свойства. Она с трудом могла пройти мимо какого-нибудь цветка, не сорвав его, если знала, что он обладает целительными свойствами, а таких растений ей было известно великое множество.

Растительный мир был хорошо знаком этой молодой женщине, и она всегда с интересом присматривалась к новым, неизвестным ей травам. Она сравнивала их с уже известными ей и умела отличать виды и даже подвиды растений, родственные типы и семейства. Но в то же время она отлично понимала, что сходные внешние признаки совсем не обязательно говорят о сходстве целебных свойств. Поэтому, встретив неизвестное растение, она старалась изучить его свойства, делая настои и выясняя на себе, какое действие оно может оказать на организм человека.

С особой тщательностью Эйла относилась к способам приготовления и дозам лекарственных настоев. Во-первых, листья, цветы или ягоды обычно заливались кипятком и настаивались; такой способ позволял сохранить ароматические, эфирные целебные вещества. Во-вторых, из коры и корней или кожистых листьев и семян обычно делались отвары, поскольку при кипячении удавалось извлечь

из них смолистые и горькие вещества. В-третьих, Эйла знала, как выделить эфирные масла и смолы из травы, как приготовить успокаивающие боль припарки, тонизирующие и укрепляющие напитки и сиропы, мази и бальзамы, сделанные на основе жиров или других загущающих веществ. Она знала, как смешивать травы и как усилить или ослабить их воздействие в случае необходимости.

Естественно, метод сравнения был применим для изучения не только растительного, но и животного мира, для выяснения сходства и различия между животными. И познания Эйлы, касавшиеся строения человеческого тела и его функциональной деятельности, были результатом размышлений и умозаключений. Это был долгий путь познания, путь проб и ошибок, и хорошим подспорьем на этом пути были охотничьи трофеи, поскольку, разделывая туши, можно было получить обширные знания по анатомии и строению организма животных. Их родство с человеческими существами становилось очевидным, когда в результате несчастного случая люди получали травмы и раны.

В сущности, Эйла была ботаником, фармацевтом и терапевтом; ее целительная магия включала в себя те лекарские знания, к которым приобщались лишь посвященные и которые проверялись и накапливались из поколения в поколение собирателями и охотниками в течение сотен, тысяч, а возможно, и миллионов лет, ибо само их существование зависело от того, насколько глубоки и обширны их познания об этом земном мире.

Именно из этого бездонного источника неписаной истории и получила Эйла все медицинские сведения и навыки благодаря обучению, пройденному у Изы. Но поскольку эта молодая целительница обладала некоторыми врожденными аналитическими способностями и интуитивным восприятием, то она самостоятельно научилась определять и лечить многие заболевания и травмы. С помощью острых как бритва кремневых ножей она порой даже делала несложные хирургические операции, но основой ее целительского искусства оставались сложные активные вещества, содержащиеся в целебных растениях. Она являлась сведущим гомеопатом, и ее лечение было достаточно эффективным, однако ей была не под силу сложная хирургия, исправляющая врожденные пороки сердца.

Глядя на уснувшего мальчика, который был так похож на ее родного сына, Эйла испытала глубокое облегчение и благодарность судьбе за то, что Дарк родился крепким и здоровым. Но это не уменьшило огорчения, связанного с тем, что ей пришлось сказать Неззи горькую правду о неизлечимой болезни Ридага. Эйла не знала, как помочь ему стать сильным и здоровым.

После полудня Эйла занялась разборкой своих дорожных запасов, чтобы приготовить сбор трав, обещанный Неззи. Мамут молча наблюдал за ее действиями. Сейчас уже почти никто не сомневался в ее целительском мастерстве, включая Фребека, хотя он не собирался открыто признавать это, или Тули, которая, конечно, была не так криклива, но старику был хорошо известен скептический склад ее ума. Эйла производила впечатление обычной молодой женщины – очень привлекательной, даже на взгляд старого шамана, но он точно знал, что под этой красивой телесной оболочкой скрывается нечто куда более важное и значительное; правда, Мамут был далеко не уверен, что она сама в полной мере осознает свои возможности и способности.

«Какое трудное и исполненное таинственного смысла предназначение ведет по жизни эту женщину, – продолжал размышлять Мамут. – Она выглядит такой молодой, но редкий человек и к концу жизни обретет те знания и опыт, которые уже присущи ей. Интересно, как долго она прожила с теми людьми? Как она смогла постичь все тайны их целительной магии? Просто удивительно!» Старик знал, что такие знания передаются только избранным, а она была для клана чужеродной, настолько чужеродной, что большинство тех людей даже не могли постичь глубину пропасти, отделявшей ее от них. Кроме того, у нее был дар Поиска, дар Общения с миром духов. Какие еще неиспользованные дарования могут скрываться в ее натуре? Какие священные знания еще не востребованы? Какие тайны не раскрыты?

Ее сила проявилась в критической ситуации; он вспомнил, как уверенно Эйла отдавала распоряжения Тули, да и Талуту. «Она командовала даже мной, – с улыбкой подумал Мамут. – И что удивительно, никто не возражал. Ее руководство казалось совершенно естественным. Какие превратности судьбы довелось испытать ей, чтобы обрести такую могучую духовную силу в столь молодом возрасте? Великая Мать имеет на нее определенные виды, я уверен в этом, только непонятно, почему Она свела ее с Джондаларом? Конечно,

он также наделен особым даром, но это не делает его исключительной личностью. Какую же роль отвела ему Великая Мать?»

Эйла уже начала убирать остатки трав, когда Мамут вдруг заинтересованно взглянул на ее лекарскую сумку, сделанную из шкуры выдры. Эта вещь показалась ему странно знакомой. Закрыв глаза, он погрузился в воспоминания, и перед его мысленным взором вдруг возникла почти такая же сумка.

– Эйла, можно я посмотрю твой мешок? – спросил он, желая получше рассмотреть эту вещь.

– Что? Мою лекарскую сумку? – уточнила она.

– Я часто задавал себе вопрос, как она сделана.

Эйла протянула ему эту необычную меховую сумку, машинально отметив подагрические шишки на суставах его тощих старческих пальцев.

Старый шаман тщательно осмотрел ее. Сумка выглядела сильно изношенной – ею явно пользовались в течение долгого времени. Она была изготовлена не из отдельных кусков, а из цельной шкуры одного зверька. При разделке тушки обычно вспарывали брюшко, но в данном случае единственный надрез был у горла, и даже голова осталась висеть на узкой полоске шкуры, соединявшей ее со спиной. Все кости и внутренности, видимо, вытащили через это отверстие на шее; так же была удалена и черепная коробка, так что осталось лишь уплощенное подобие головы выдры. Затем эту шкуру высушили и каменным шилом проделали маленькие дырочки вокруг шейного отверстия, чтобы прoderнуть в них кожаный ремешок, служивший завязкой. В итоге получилась мягкая водонепроницаемая сумка из цельной шкуры выдры, у которой сохранились даже хвост и лапки, а голова служила в качестве откидной крышки.

Мамут вернул Эйле эту оригинальную вещь:

– Ты сама сделала ее?

– Нет, эту сумку делала Иза... Она была целительницей в клане Брана, моей... матерью. С детства она учила меня, где и как надо собирать растения, как готовить из них лекарства и применять их. Она заболела, не могла идти на Сходбище клана. Брану нужна была новая целительница. Уба была слишком мала, и только я смогла к тому времени усвоить ее знания.

Мамут понимающе кивнул, затем вдруг пристально глянул на нее:

– Какое имя ты только что назвала?

– Моей матери? Изы?

– Нет, другое.

Эйла на мгновение задумалась:

– Уба?

– Да, кто такая Уба?

– Уба – моя... сестра. Не родная сестра, но я привыкла считать ее сестрой. Она – дочь Изы. Теперь она тоже стала целительницей... и матерью...

– Это имя выбрано случайно? – прервал ее Мамут, голос его был крайне взволнованным.

– Нет... не думаю... Креб выбрал имя для Убы. Такое же имя носила мать Изы. Креб и Иза были детьми одной матери.

– Креб? Скажи мне, Эйла, у этого Кребя была повреждена рука и он немного хромал?

– Да, все верно, – изумленно ответила Эйла.

Откуда Мамут мог узнать это?

– И у него еще был брат? Младший, но сильный и здоровый?

Настойчивые и взволнованные вопросы Мамута привели ее в полное недоумение. Она задумчиво свела брови и сказала:

– Да, Бран, он был вождем.

– Великая Мать! Я не могу поверить. Теперь я наконец все понял...

– А я ничего не понимаю, – заметила Эйла.

– Эйла, пойдем присядем. Я хочу рассказать тебе одну историю.

Она послушно последовала за ним. Старый шаман присел на край своей лежанки, а Эйла устроилась на циновке, лежавшей на земляном полу, и выжидающе посмотрела на Мамута.

– Однажды, очень давно, много лет тому назад, в пору моей юности, я попал в ужасную переделку, которая изменила всю мою жизнь, – начал Мамут.

Эйла неожиданно почувствовала смутный страх, какое-то легкое покалывание в голове, и ей показалось, что она почти знает, о чем он собирается рассказать ей.

– Мы с Манувом жили на одной стоянке. Мужчина, деливший очаг с его матерью, был моим двоюродным братом. Мы вместе росли и, как все юноши, мечтали отправиться в путешествие. Но в то лето, когда мы собрались в путь, он неожиданно заболел. Очень серьезно. И к

сожалению, пришлось отложить начало нашего похода; мы так долго вынашивали планы нашего путешествия, что я еще надеялся, что он быстро выздоровеет и все будет в порядке, но болезнь затянулась. И вот в конце лета я решил, что отправлюсь в путешествие один. Все отговаривали меня, но я никого не слушал. Мы планировали исследовать побережье моря Беран и, обогнув его с востока, направиться к большому Южному морю, примерно тем же путем, каким потом проследовал Уимез. Но поскольку теплый сезон был на исходе, я, решив сократить путь, пошел к тем восточным горам напрямик через полуостров.

Эйла кивнула. Клан Брана обычно ходил этим путем на Сходбище клана.

– Я не стал никого посвящать в мои планы. Это была территория плоскоголовых, и я понимал, что сородичи попытаются отговорить меня. А мне казалось, что если я буду очень осторожен, то смогу избежать столкновения с ними, однако я не предполагал, какие случайности подстерегают меня на этом пути. До сих пор я не знаю толком, как все это произошло. Я пробирался вперед по тропе, проходившей по краю высокого скалистого, почти отвесного берега, и вдруг оступился и полетел вниз. Должно быть, на некоторое время я потерял сознание и очнулся только ближе к вечеру. Из раны на голове сочилась кровь, и вообще я как-то плохо соображал, но больше всего досталось моей руке. Она была вывихнута, и сломана, и ужасно болела. Пошатываясь, я побрел вдоль реки, не сознавая, куда и зачем иду. Мешок мой потерялся, а я даже и не подумал поискать его. Не знаю, как долго я шел, но, когда в конце концов заметил огонь, было уже почти темно. Я совсем забыл о том, что нахожусь на полуострове, и, увидев сидящих у костра людей, направился прямо к ним. Могу только представить, как они были поражены, увидев, кто приковылял к ним, поскольку сам я был в полубредовом состоянии и почти не осознавал окружающую действительность. Мне еще предстояло испытать сильные потрясения. Я проснулся в неизвестном месте, совершенно не понимая, как я оказался там. Затем обнаружил, что на мои раны наложены повязки с целебными примочками, и только тогда вспомнил о своем падении со скалы и подумал, что мне посчастливилось найти стоянку, где живет опытный целитель. А затем появилась эта женщина.

Возможно, только ты, Эйла, можешь представить себе, как я был потрясен, обнаружив, что нахожусь на стоянке клана.

Эйла и вправду была потрясена.

– Ты? Неужели ты был тем человеком со сломанной рукой? И ты знаешь Креба и Брана?

Эйла говорила неуверенно, точно боясь поверить собственным словам. Она была взволнована до глубины души, и тихие слезы одна за другой скатывались из ее глаз. Эта история была словно весточкой из прошлого.

– Ты слышала обо мне?

– Да, Иза рассказывала мне, что еще до ее появления на свет мать ее матери лечила человека со сломанной рукой. Мужчину из племени Других. И Креб тоже рассказывал. Он уговорил Брана позволить мне жить с ними потому, что благодаря тому мужчине... благодаря тебе, Мамут, он понял, что Другие – тоже люди. – Эйла помедлила, вглядываясь в морщинистое старое лицо, обрамленное белыми волосами, в лицо глубокого старца... – Иза уже отправилась в мир духов. А когда ты был у них, она еще не родилась... И Креб... Он же был тогда совсем юным, его еще не избрал Великий Пещерный Медведь. Креб умер, дожив до глубокой старости... Выходит, ты гораздо старше его. Тебе отпущена удивительно долгая жизнь.

– Я и сам удивлялся, почему Великая Мать решила даровать мне такую долгую жизнь. Но теперь думаю, что отчасти постиг Ее замысел.

Глава 13

– Талут, а Талут, ты спишь? – прошептала Неззи на ухо мужу, тряся его за плечо.

– Гм... Что случилось? – спросил он.

– Тише... А то перебудуешь всех. Талут, мы не можем теперь позволить Эйле так просто уйти. Кто поможет Ридагу в следующий раз? Я думаю, следует принять ее в наше племя, пусть она станет членом нашей семьи, членом племени мамутои.

Приглядевшись, Талут заметил, как блестят ее глаза, отражая свет раскаленных углей, собранных в центре очага.

– Я понимаю, что ты беспокоишься о мальчике, Неззи. И я тоже. Но разве твоя любовь к нему является причиной для того, чтобы принять чужого человека в племя мамутои? Что скажет Совет Старейшин?

– Но я хочу этого не только из-за Ридага. Она – целительница, искусная целительница. Разве у мамутои так много целительниц, что мы можем позволить ей спокойно покинуть нас? Подумай, что случилось только за последние несколько дней. Благодаря ей Нуви не умерла от удушья... Я знаю, Тули говорит, что в ее действиях не было ничего особенного, но твоя сестра не скажет этого про случай с Ридагом. Эйла отлично знала, что надо делать. Она дала ему лекарственный настой. И она права относительно Фрали. Даже мне понятно, что эта беременность проходит у нее очень тяжело, и все их семейные ссоры и разборки, конечно, не улучшают ее состояния. К тому же вспомни о своей больной голове, разве ее лекарство не помогло тебе?

Талут усмехнулся:

– Это было поистине чудесное исцеление. Ее настойка сотворила настоящее чудо!

– Ш-ш-ш!.. Ты разбудишь весь дом. Эйла не только целительница. Мамут говорит, у нее есть дар Поиска, только ей не хватает обучения. А ты забыл о ее власти над животными? Я не удивлюсь, если у нее окажется еще и дар Зова. Представляешь, сколько выгод получит стоянка, если выяснится, что Эйла может не только определить, где находятся животные, но и привести их в нужное место.

– Мы не знаем этого наверняка, Неззи. Это всего лишь твои предположения.

– Ладно, но зато я убеждена в ее мастерском владении оружием. Ты же понимаешь, Талут, что если бы она была мамутой, то за нее назначили бы высокий Брачный выкуп. И, учитывая ее дарования, скажи мне, неужели ты думаешь, что она не достойна быть дочерью твоего очага?

– Гм... Если бы она была мамутой и дочерью Львиного очага... Но, Неззи, почему ты думаешь, что она захочет стать мамутой? К тому же с ней еще этот молодой мужчина, Джондалар. Они испытывают друг к другу сильные чувства. Это очевидно.

Неззи, поразмыслив немного над его словами, решительно сказала:

– А мы примем и его тоже.

– Принять обоих?! – взорвался Талут, садясь на постели.

– Да тише ты! Говори шепотом!

– Но он же рассказывал нам о своем племени. Он из зел... зенл...

Не помню, как оно называется...

– Зеландонии, – прошептала Неззи. – Но его родичи живут очень далеко отсюда. Может, ему не захочется возвращаться назад к ним, если он найдет свой дом у нас? Ведь это долгий и опасный путь. В любом случае, Талут, ты можешь спросить его об этом. А довод в пользу его приема – изобретенное им оружие. Это вполне удовлетворит Совет. И кроме того, Уимез говорит, что он – опытный мастер по изготовлению орудий. Если мой брат замолвит за него слово перед Советом, то они явно не откажут ему.

– Что верно, то верно... Но, Неззи, – сказал Талут, вновь укладываясь, – откуда ты знаешь, что они захотят остаться с нами?

– Я не знаю, но ведь ты можешь спросить их об этом.

* * *

Ближе к полудню, выйдя из длинного холмоподобного жилища, Талут заметил, что Эйла и Джондалар удаляются куда-то вместе с лошадьми. Снега за ночь не напало, но ранний утренний иней еще не растаял, и кое-где виднелись белоснежные пятна. День выдался сухим, холодным, но безветренным, и поэтому вокруг человеческих и

лошадиных голов клубились облака выдыхаемого пара. Мужчина и женщина были тепло одеты, они даже плотно завязали капюшоны своих меховых парок. А кроме того, на них были меховые штаны, заправленные в толстые меховые мокасины, которые также были хорошо закреплены.

– Джондалар! Эйла! Вы что, уходите? – крикнул Талут; спеша перехватить их.

Эйла утвердительно кивнула, и ее ответ мгновенно стер улыбку с лица Талута, но Джондалар пояснил:

– Мы просто решили дать возможность лошадям прогуляться. Наверное, мы вернемся после полудня.

Он предпочел не упоминать, что, кроме того, они хотели уединиться на время, чтобы спокойно и без помех обсудить, стоит ли им ехать обратно в долину Эйлы. Джондалар надеялся, что ему удастся отговорить Эйлу от этой затеи.

– Все понятно. Знаешь, надо бы организовать несколько учебных занятий с вашими копьеметалками, когда погода наладится. Мне очень хотелось бы посмотреть их в деле, да и самому попрактиковаться.

– О, полагаю, ты удивишься, узнав, как они хороши в деле, – с улыбкой ответил Джондалар.

– Да, сами по себе они хороши. И я убедился, что вы отлично владеете ими, но нам еще надо приобрести определенные навыки, а зимой будет мало возможностей для практических занятий... – Талут помедлил, явно пребывая в нерешительности.

Эйла выжидающе смотрела на вождя, держа руку чуть ниже лошадиной холки, там, где заканчивается гребень жесткой гривы. Из рукава парки торчал кожаный ремешок, на котором болталась пушистая меховая варежка. Он был пропущен через оба рукава, и на другом его конце висела вторая варежка. Это было очень удобно, поскольку если вдруг появилась необходимость сделать что-то голыми руками, то можно было быстро сбросить варежки, не боясь потерять их. В этих краях, где долго стояли трескучие морозы и дули сильные ветры, потеря варежки могла означать потерю руки. Пофыркивая и пританцовывая на месте от возбуждения, молодой жеребенок нетерпеливо тыкался мордой в плечо Джондалару. Талут понимал, что они хотят поскорее уйти и только из вежливости выжидают, когда он

закончит разговор. Но он решил, что не отпустит их, пока не выскажет все, что задумал.

– Как раз об этом сегодня ночью мы говорили с Неззи, а утром я успел переговорить еще с несколькими людьми... Нам повезло, что вы сможете научить нас обращаться с новым охотничьим оружием.

– Ваше гостеприимство было более чем щедрым. И ты знаешь, я буду рад показать, как пользоваться копьеметалкой, всем желающим. Так я хоть немного смогу отблагодарить вас за все, что вы сделали для нас, – сказал Джондалар.

Талут понимающе кивнул и продолжил:

– Уимез сказал мне, что ты отлично обрабатываешь кремень, Джондалар. Мамутои всегда с уважением относились к мастерам, которые могут изготавливать качественные орудия. И Эйла обладает такими ценными способностями, которые могут принести много пользы любой стоянке. Ты был прав, она не только мастерски владеет копьеметалкой и пращой, – сказал он, переводя взгляд с Джондалара на Эйлу, – но и является искусной целительницей. Нам хотелось бы, чтобы вы остались с нами.

– Я тоже надеялся, что мы сможем прожить у вас зиму, Талут. Спасибо за твое предложение, но я не знаю, что думает по этому поводу Эйла, – с улыбкой ответил Джондалар, радуясь, что Талут так удачно выбрал время для своего предложения.

Вряд ли Эйла сможет отказать вождю. Естественно, радушное приглашение Талута перевесит неприязнь Фребека.

Талут продолжал, обращаясь к молодой женщине:

– Эйла, ты не знаешь своего племени, а родные края Джондалара находятся очень далеко отсюда. Возможно, даже он не захочет возвращаться туда, если найдет здесь свой новый дом. Мы бы хотели предложить вам обоим остаться у нас не только на зиму, но навсегда. Я предлагаю вам стать членами нашего племени и говорю это не только от своего имени. Тули и Барзек с удовольствием примут тебя, Джондалар, в очаг Зубра, а мы с Неззи хотим, чтобы ты, Эйла, стала дочерью Львиного очага. Поскольку мы с Тули являемся вождями стоянки, то вы оба займете высокое положение среди мамутои.

– Вы действительно хотите принять нас? Хотите, чтобы мы стали членами племени мамутои? – сверкнув глазами, воскликнул Джондалар, и на лице его отразилось искреннее изумление.

– Вы хотите, чтобы я... Вы хотите принять меня?.. – переспросила Эйла. Сосредоточенно нахмурившись, она внимательно выслушала Талута и не могла поверить тому, что услышала. – Вы хотите, чтобы Эйла из Неведомого племени стала Эйлой из племени мамутой?

Рыжебородый великан широко улыбнулся:

– Да.

Джондалар так растерялся, что не находил слов. Радужное отношение к гостям могло быть делом чести или традиций, но лишь в исключительных случаях, обстоятельно взвесив все за и против, люди могли предложить чужакам стать членами их племени, их семьи.

– М-да... – задумчиво произнес Джондалар. – Даже не знаю... что и сказать. Я просто потрясен. Такое великодушное предложение – большая честь для меня.

– Естественно, вам нужно время, чтобы обдумать его, – сказал Талут. – Я бы удивился, если бы вы сразу дали мне ответ. Мы пока не обсуждали этот вопрос открыто, и, конечно, все должны дать свое согласие, но я полагаю, что с этим проблем не будет, учитывая ваши достоинства и заслуги и то, что мы с Тули будем на вашей стороне. Но мне хотелось сначала узнать ваше решение. Если вы примете предложение, то я созову собрание.

Талут развернулся и пошел в сторону земляного жилища, а потрясенные гости молча смотрели ему вслед. Они собрались на эту прогулку, чтобы спокойно поговорить друг с другом, и каждый надеялся разрешить кое-какие проблемы, которые начали возникать между ними. Неожиданное предложение Талута дало новую пищу для размышлений, теперь им предстояло принять жизненно важное решение. Ни слова не говоря, молодая женщина взлетела на лошадь, Джондалар, как обычно, сел сзади Эйлы. Уинни начала подниматься по склону, а Удалец немедленно последовал за ней, и вскоре погруженные в глубокое размышление наездники уже выехали в открытую степь.

Никакие слова не могли передать того душевного волнения, которое испытала Эйла, услышав предложение Талута. Живя в клане, она довольно часто чувствовала себя чужой среди этих людей, но это было ничто по сравнению с той ужасной опустошенностью, с тем отчаянным одиночеством, которое ей довелось узнать позднее. Джондалара она встретила только в начале этого теплого сезона, а до тех пор, после изгнания из клана, жила одна. У нее не осталось никаких

связей на этом свете, не было ни дома, ни семьи. Она осталась в полнейшем одиночестве и знала, что никогда не сможет вернуться в клан. После первого землетрясения она осиротела, и клан приютил ее. Но в день второго землетрясения, когда Бруд проклял ее смертным проклятием, она оказалась в полном одиночестве, и это состояние действительно было похоже на смерть.

В основе ее ощущений лежал жуткий, непреодолимый страх, смесь первобытного ужаса, вызванного вздыманием земли, и горестное потрясение маленькой девочки, потерявшей все, даже память о своей прошлой жизни. Ничто на свете не пугало Эйлу больше, чем содрогания земной толщи. Они стали для нее символом изменений ее жизни, столь же неожиданных и ужасных, как изменения потрясенной земной поверхности. Сама земля, казалось, предупреждала ее... или содрогалась от сострадания.

Однако в первый раз, когда она потеряла даже память, клан принял ее. Сейчас если она согласится, то может вновь обрести семью. Она может стать Эйлой из племени мамутои; сможет жить вместе с ними.

Но захочет ли этого Джондалар? Она должна учитывать его желания. Вряд ли он согласится остаться у мамутои. Эйла была уверена, что он по-прежнему намерен вернуться в свои родные края. Хотя он и боится, что те, Другие отнесутся к ней, как Фребек. Кроме того, ему не нравится, когда она рассказывает о клане. Что будет, если она уйдет вместе с ним, а его племя не примет ее? Может, все его сородичи подобны Фребеку. Однако Эйла не собиралась скрывать свое прошлое, она любила Изу, Креба, Брана и своего сына и не стыдилась их.

Что же ей делать? Если она пойдет с ним, то возможно, что к ней там отнесутся как к животному. Если же она останется здесь, то станет желанным членом семьи. Ведь Львиная стоянка приняла даже ребенка смешанных духов, такого же как ее сын... Внезапно ей в голову пришла потрясающая идея. Если они приняли одного, то почему бы им не принять и другого? Ведь ее сын крепкий и здоровый, и он даже может научиться говорить. Земли, занимаемые племенем мамутои, простираются до самого моря Беран. Разве Талут не говорил, что там находится Ивовая стоянка? Полуостров, где обитают люди клана, ненамного дальше. Если она станет мамутои, то, возможно, когда-нибудь сможет... Да, но все-таки нужно обсудить все это с

Джондаларом. Вдруг он захочет уйти? От этой мысли Эйла почувствовала ноющую боль внизу живота. «Смогу ли я жить без Джондалара?» – подумала она, раздираемая противоречивыми чувствами.

Джондалар тоже боролся с нахлынувшими чувствами и мыслями. С одной стороны, он не мог принять сделанного ему предложения и думал только о том, как повежливее отказаться от него, чтобы не обидеть Талута и остальных мамутой. Он принадлежал к племени зеландонии, и его брат был прав, когда говорил, что он никогда не сможет жить в другом месте. Джондалар тосковал по дому, но эта тоска не выражалась в безудержном желании немедленно отправиться в путь, а стала просто тупой ноющей болью. Он вынужден был смириться с существующим положением, ведь его дом находится так далеко, что путь туда займет по меньшей мере целый год.

Причиной его умственного смятения была Эйла. Он никогда не испытывал недостатка внимания со стороны женщин, и большинство из них были бы счастливы заключить с ним более длительный союз, но никогда прежде Джондалар не встречал такой желанной женщины, как Эйла. Он видел, какие сильные чувства может проявлять мужчина к женщине, но до встречи с Эйлой ни разу не испытывал их сам, хотя ему нравились многие женщины из его родного племени и из других племен, с которыми он встречался во время странствий. Он и не представлял, что способен так сильно полюбить кого-то. Она была для него воплощением идеальной женщины, более того, она стала неотъемлемой частью его жизни. Даже мысль о том, что они могут расстаться, причиняла ему невыносимые страдания.

Однако он также понимал, что значит навлечь на себя позор и бесчестье. И те самые качества, что так привлекали его в Эйле, – наивность и мудрость, честность и таинственность, уверенность в себе и уязвимость – могли, естественно, привести к ужасной ситуации... Он боялся, что ему вновь придется пережить весь ужас и позор изгнания.

Эйла была воспитана кланом, людьми, которые по совершенно необъяснимым причинам были скорее похожи на животных. И большинство известных ему людей действительно считали, что те существа, которых Эйла называла членами клана, не принадлежат к человеческому роду. Они были животными, но, правда, отличались от других животных, созданных Великой Матерью специально для нужд

людей. Хотя это и не признавалось, члены клана явно имели сходство с людьми, что, однако, не способствовало зарождению симпатии и дружеских чувств. Напротив, в этом сходстве видели некую опасность и всячески подчеркивали малейшие отличия. Люди, подобные Джондалару, считали членов клана бессловесными грязными тварями, которых Великая Мать Земля даже не включила в пантеон творений, точно они были порождением некоего грозного порочного начала.

Однако – если не на словах, то на деле – сходство этих человеческих видов все же признавалось. Лишь несколько поколений тому назад племя Джондалара побывало в тех краях, где обитал клан. Странствуя по полуострову, зеландонии захватывали порой благоустроенные стоянки, окруженные плодородными землями и изобиловавшие разнообразной дичью, и вынуждали клан уходить с обжитых мест. Но ведь волчьи стаи, к примеру, делят между собой территорию обитания, защищая ее именно друг от друга, а не от других зверей, травоядных или хищников, так же и в данном случае: признание существования чужой территории являлось молчаливым признанием того, что живущие там существа тоже принадлежат к людскому роду.

Когда Джондалар осознал, как сильны его чувства к Эйле, он пришел к пониманию того, что все живые творения являются созданиями Великой Земной Матери, включая и плоскоголовых. И хотя сам он любил и уважал ее, но был убежден, что люди его племени не примут Эйлу. Она станет парией не потому, что жила в клане. Они сочтут, что Великая Мать прокляла ее, поскольку она дала жизнь ребенку смешанных духов, получеловеку-полуживотному, а значит, и сама она уже заражена отвратительным духом плоскоголовых.

Такие женщины были обречены на изгнание. Во время путешествия Джондалар узнал много разных племен, верования которых на этот счет были по сути своей едиными, хотя традиционное наказание могло быть более или менее суровым. Одни считали недопустимым даже само существование подобных незаконнорожденных отпрысков, другие относились к данной ситуации как к мерзкой шутке зловредного духа. Вот почему Джондалар испытал сильнейшее потрясение, обнаружив Ридага на Львиной стоянке, и он был уверен, что, усыновив его, Неззи столкнулась с серьезными трудностями. А ей и в действительности пришлось выдержать множество резких нападков, порожденных страхом и преубеждением.

Только такой человек, как она, несокрушимо уверенный в себе и собственном положении, мог осмелиться пойти против традиционных представлений, и в итоге подлинное сострадание и человечность одержали победу. Однако даже Неззи, пытаясь убедить остальных принять Эйлу в мамутой, не упомянула о том, что у плоскоголовых живет ее сын.

Эйла не подозревала, какие мучения испытывал Джондалар, слыша, как Фребек высмеивает ее, хотя он и ожидал, что нечто подобное может произойти. Однако его мучения были вызваны не только сочувствием к ее переживаниям. Вся эта гневная отповедь напоминала ему о давнем событии, когда он сам, поддавшись чувствам, оказался в роли отверженного, и эти воспоминания разбередили старые раны. Но хуже всего было то, что он испытал неожиданный страх за самого себя. Джондалар еще и сейчас сокрушался об этом, со стыдом вспоминая, как он испугался того, что гневные проклятия Фребека в какой-то мере коснутся и его, поскольку сам он связался с Эйлой. Невероятно, как он мог любить женщину и одновременно стыдиться ее?

После ужасной ошибки, совершенной им в юности, Джондалар научился сдерживать себя, но сейчас его вновь обуревали сильнейшие противоречивые чувства и желания. Он хотел привести Эйлу в родное племя. Хотел, чтобы она познакомилась с Даланаром, с людьми его пещеры, с его матерью Мартоной, со старшим братом и младшей сестрой, со всеми его родственниками и с зеландонии. Он мечтал, что зеландонии признают ее и они с Эйлой смогут основать собственный очаг, где она родит детей, которые, возможно, будут детьми его духа. Она стала для него единственной женщиной на земле, и в то же время душа его сжималась от страха, когда он думал о тех проклятиях, которые могут обрушиться на него, если он приведет домой такую женщину, и, естественно, ему не хотелось подвергать ее такому унижению.

Конечно, всего этого можно было бы избежать. Если Эйла не будет рассказывать о клане, то никто ничего не узнает. Однако что она сможет ответить, когда ее спросят, откуда она родом? Где живет ее племя? Ведь она помнит только тех людей, что вырастили ее... Хотя она ведь может принять предложение Талута. Тогда она станет Эйлой из мамутой, и не важно, что на самом деле она родилась где-то в другом месте. А то, что

она необычно выговаривает некоторые слова, можно будет объяснить просто акцентом. «Кто знает, – думал он, – может, она и правда мамутой? Может, ее родители принадлежали к этому племени? Ведь она же не знает, кем они были.

Но что, если она, став мамутой, решит остаться здесь, с ними! Что, если именно так и будет? Смогу ли я тоже остаться здесь навсегда? Смогу ли полюбить этих людей как своих родственников? Тонолан смог... А разве я люблю Эйлу меньше, чем он любил Джетамио? Но ведь шарамудои были ее настоящими сородичами. Она родилась и выросла среди них. А мамутой, в сущности, не являются сородичами ни для Эйлы, ни для меня. Если она сможет быть счастлива здесь, то сможет быть счастлива и с зеландонии. Но если она станет дочерью Львиного очага, то, возможно, не захочет уйти со мной. Она с легкостью сможет найти здесь кого-то, создать семью... Я уверен, что Ранек окажется в числе первых претендентов».

Эйла почувствовала, что кольцо его рук тесно сжалось вокруг ее талии, словно он испугался, что она вдруг может исчезнуть куда-то, но ей было непонятно, с чем связан его испуг. Она заметила впереди низкорослый кустарник и, подумав, что там, вероятно, протекает маленькая речка, направила туда Уинни. Лошади уже почуяли воду и охотно поскакали в заданном направлении. Когда они достигли берега, Эйла и Джондалар спешили, чтобы поискать удобное место для привала.

Ледяная корка, уже покрывшая кромку воды, напоминала о приближении зимнего сезона. Они знали, что граница льда будет постепенно, фут за футом продвигаться к центру, где пока бежал темный говорливый поток. Но вскоре зима войдет в силу, вся речка окажется скованной толстым слоем льда. А к весне морозы ослабнут, и когда ледяной панцирь начнет таять, то река, словно проснувшись от долгого сна и вырвавшись на свободу, с новой силой устремится вдаль по своему извилистому руслу.

Эйла открыла небольшую сумку, сделанную из жесткой сыромятной кожи, в которой лежали их съестные припасы: сверток с сушеным мясом – по всей видимости, это было мясо зубра – и туесок с сушеными ягодами черники и кислыми сливами. Она вытащила кусок пирита, светло-желтого с металлическим блеском минерала, и кусок кремня, чтобы развести костер и вскипятить воду для чая. Джондалар

вновь с восхищением отметил, как легко разжигать костер с помощью этого огненного камня. Это было похоже на настоящее чудо, вызванное колдовскими силами. До встречи с Эйлой он не видел ничего подобного.

Кристаллы железного колчедана – огненные камни – были в изобилии разбросаны по каменистому речному берегу в долине, где обосновалась Эйла. Она совершенно случайно обнаружила, что, ударив этим огненным камнем по кремню, можно высечь искру, способную воспламенить сухие ветки, и сразу оценила преимущества такого способа. Огонь в ее очаге не раз угасал, и она знала, насколько труден процесс добывания огня, которым обычно пользовались все люди, как долго надо крутить в руках деревянную палочку, упирающуюся в деревянную дощечку, чтобы в итоге благодаря трению в месте их соприкосновения появился слабый дымок, способный воспламенить сухую траву или мох. Поэтому она сразу по достоинству оценила этот новый способ, когда по ошибке вместо кремневого отбойника взяла в руки кусок железного колчедана и высекла первую искру.

Джондалар узнал об этом огненном камне от Эйлы. Прежде, работая с кремнем, он высекал порой маленькие искры и считал, что так проявляется живой дух камня, высвобождаемый в процессе обработки. Ему не приходило в голову попытаться разжечь от этих искр костер. И, кроме того, ему не приходилось долго жить одному в долине и бороться за собственное выживание: обычно он всегда жил среди людей, которые постоянно поддерживали огонь в очагах. В любом случае те искры, которые возникали от ударов кремня о кремень, были недостаточно сильными, чтобы разжечь огонь. Джондалар сразу понял огромную ценность этого огненного камня, с помощью которого в любой момент можно было быстро и легко развести костер.

Когда вода закипела, они сели перекусить и со смехом наблюдали за ужимками и прыжками Удальца, пытавшегося втянуть свою мать в игру «А ну-ка, догони», потом обе лошади, взбрыкивая ногами в воздухе, начали кататься на спине по песчаному берегу, защищенному от ветра и прогретому солнцем. И Джондалар, и Эйла старательно избегали упоминания о том, что тревожило их сейчас. Они беззаботно смеялись, забыв на время обо всех проблемах; это спокойное уединение напомнило им о чудесных днях их затворнической жизни в долине

Эйлы. Но когда дело дошло до ароматного горячего чая, они уже были готовы затронуть более серьезные темы.

– Жаль, что Лэти не видит, как играют Удалец и Уинни. Думаю, ей понравилось бы, – заметил Джондалар.

– Да, по-моему, ей очень полюбились эти лошади. Ты тоже заметил?

– Ей полюбилась и ты, Эйла. Она стала твоей истинной поклонницей. – Джондалар нерешительно помолчал и добавил: – Большинство мамутой любят тебя и восхищаются твоими способностями. В действительности тебе, наверное, совсем не хочется возвращаться в свою уединенную пещеру. Разве не так?

Эйла в задумчивости смотрела на остатки дымящегося чая, покачивая в руках чашку, и, когда прилипшие к стенкам листья опустились на дно, сделала маленький глоток.

– Конечно, в уединении есть свои прелести, вдвоем жить гораздо спокойнее в определенном смысле. Я только сейчас поняла, как хорошо оказаться вдали от всех этих людей... А кроме того, в моей пещере осталось много вещей, которые нужно забрать оттуда. Но ты прав, сейчас, когда я познакомилась с Другими, я уже не хочу жить в одиночестве. Я полюбила Лэти и Диги, Талута и Неззи – в общем-то, всех... кроме Фребека...

Джондалар с облегчением вздохнул. Первое и самое трудное препятствие было устранено.

– Фребек – это исключение. Нельзя, чтобы один человек испортил впечатление о всех остальных. Талут... и Тули... не пригласили бы нас остаться с ними, если бы ты не понравилась им. К тому же они понимают, что ты обладаешь многими ценными качествами.

– Это ты обладаешь многими ценными качествами, Джондалар. А ты хочешь стать мамутой и остаться жить с ними?

– Они были очень добры к нам, и их гостеприимство выходит за рамки обычной вежливости. Да, можно было бы, конечно, остаться здесь на зиму... или даже дольше. Я был бы рад поделиться с ними своими знаниями, помочь им всем, чем смогу. Но как кремневый мастер я им совсем не нужен. Уимез гораздо искуснее меня, и Дануг вскоре освоит все тонкости этого ремесла. А копьёметалку я им уже показал. Как она делается, они тоже поняли и, потренировавшись,

смогут пользоваться этим оружием. Было бы желание. Но я принадлежу к племени зеландонии...

Джондалар умолк и посмотрел вдаль отстраненным и сосредоточенным взглядом, словно там, за бесконечными степными просторами, ему вдруг привиделись родные края. Вернувшись из этого мысленного путешествия, он задумчиво нахмурился, стараясь придумать вескую причину для возвращения домой.

– Я должен обязательно вернуться... Хотя бы для того, чтобы рассказать о потере... о смерти брата... Тогда Зеландони, возможно, найдет его дух и укажет ему путь в другой мир. Я не могу стать Джондаларом из племени мамутой, зная, что не исполнил свой долг...

Эйла проникательно посмотрела на него. Она поняла, что он не хочет остаться. И это не было связано с его долгом, хотя, возможно, он и чувствовал определенную ответственность. Он просто хотел домой.

– А ты что думаешь по этому поводу? – довольно спокойным тоном спросил Джондалар, стараясь не выдать своего волнения. – Тебе хочется остаться и стать Эйлой из мамутой?

Прикрыв глаза, она подыскивала слова, чтобы выразить собственные мысли и чувства, и поняла, что ей не хватает запаса слов, а вернее, ей казалось, что известные ей слова не могут точно выразить смысл ее раздумий.

– Понимаешь, Джондалар, с тех пор как Бруд проклял меня, я была обречена на одиночество. Я постоянно ощущала какую-то пустоту... внутреннюю пустоту. Мне понравились мамутой, я с уважением отношусь к их обычаям и традициям. Среди них я вновь почувствовала себя дома. Львиная стоянка, она... как клан Брана... много добрых и хороших людей. Не знаю, к какому племени я принадлежала до того, как попала в клан, и не уверена, что мне вообще суждено узнать об этом, но иногда по ночам я думаю... Знаешь, мне хотелось бы, чтобы я действительно родилась на одной из стоянок мамутой.

Она не отрываясь смотрела на Джондалара, на его прямые белокурые волосы, видневшиеся из-под темного меха капюшона, на его лицо, которое она считала прекрасным, хотя он и говорил ей, что о мужчинах так не говорят; на его синие глаза, необычайно серьезные и тревожные.

– Но я узнала тебя до того, как встретила с мамутой. Ты дал мне новую жизнь, и мое сердце наполнилось любовью. Я хочу быть с тобой,

Джондалар.

Тревога исчезла из его глаз, и в них появилось выражение сердечной теплоты, к которому Эйла успела привыкнуть за то время, что они прожили вдвоем в ее пещере, а затем его взгляд вдруг исполнился той неотразимой притягательной силы, которая приводила в трепет каждую клеточку ее тела. Неосознанный порыв привел их в объятия друг друга, и губы слились в долгом поцелуе.

– Эйла, моя милая Эйла, как же я люблю тебя! – воскликнул он со сдавленным судорожным вздохом, в котором смешались боль и облегчение.

Они сидели, обнявшись, на земле, и Джондалар нежно, но очень крепко прижимал Эйлу к груди, словно не хотел выпускать ее из своих объятий, но боялся, что она задохнется. Он чуть отстранился от нее и, приподняв ее склоненную голову, покрыл поцелуями ее лицо, нежно касаясь лба, прикрытых веками глаз, кончика носа, и наконец вновь припал к ее губам, почувствовав при этом, как нарастает его желание. Здесь, на речном берегу, было холодно, а теплый дом был так далеко, но он хотел обладать ею именно сейчас.

Развязав завязки ее капюшона, он коснулся губами ее шеи, а его руки, проникнув под парку и рубаху, ощутили теплоту ее кожи и полные груди с твердыми возбужденными сосками. Издав тихий стон, Джондалар начал ласкать их, крепко сдавливая и поглаживая упругую плоть своими большими ладонями. Он развязал пояс на ее штанах, и рука опустилась к всхолмлению лобка, скрытого под покровом шелковистых волос. Эйла подалась к нему навстречу, когда он коснулся ее теплой увлажненной промежности, и почувствовала, как горячая волна чувственного желания прокатилась по ее телу.

Она нащупала и развязала пояс его штанов под паркой и туникой и, выпустив на свободу твердый пульсирующий член, начала поглаживать это готовое к бою копьё. Громкий вздох удовлетворения сорвался с губ Джондалара, когда она, склонившись, взяла в рот его возбужденную плоть. Эйла щекотала языком мягкую кожу, то отпуская, то втягивая в себя его кудесника, насколько это позволяла глубина ее рта, и продолжая ласкать его трепетными ладонями.

Эйла услышала его стон, готовый перерасти в крик, но затем Джондалар глубоко вздохнул и мягко отстранил ее.

– Подожди, Эйла, я хочу тебя... – сказал он.

– Тогда мне надо снять мокасины и штаны, – заметила она.

– Не обязательно, сейчас слишком холодно. Повернись ко мне спиной, мы попробуем сделать это по-другому, понимаешь?

– Как Уинни и ее жеребец, – прошептала Эйла.

Она повернулась и опустилась на колени. На мгновение эта поза вдруг напомнила ей не Уинни и ее страстного жеребца, а Бруда, когда тот, прижав Эйлу к земле, насильно овладел ею. Но нежные прикосновения Джондалара рассеяли это воспоминание. Она приспустила штаны, обнажив теплые упругие ягодицы и сокровенный вход, который манил его, как цветок пчелу своими мягкими лепестками и глубиной розового зева. Искушение было слишком сильным. Джондалар почувствовал, что его животворные соки уже жаждут выхода. Постаравшись укротить на время свое страстное желание, он тесно прижался к Эйле, чтобы сохранить тепло ее тела, а его нежные искусные пальцы ласкали ее округлые формы и исследовали желанные складочки, холмики и углубления теплого увлажненного лона, но наконец ее страстный крик и новый приток животворных соков Радости сказали ему, что она готова принять его.

Слегка раздвинув упругие ягодицы, он направил своего исполненного желания кудесника в глубокое лоно; оба они уже чувствовали приближение кульминации, и голоса их слились в крике наслаждения. Он чуть отстранился, почти полностью выйдя из ее жаркой глубины, и вновь погрузился в нее, наслаждаясь пылкостью ее объятий. Скорость его движений постепенно нарастала, и наконец с завершающим биением пришло чудесное освобождение, вознесшее их на вершину неземной Радости.

Сделав несколько последних движений, чтобы продлить момент полного слияния, Джондалар, не покидая ее теплых глубин, обнял Эйлу и, опустившись на землю, увлек ее за собой. Он укрыл ее своей паркой, и они, лежа на боку, расслабленно отдыхали, прижавшись друг к другу.

Немного погодя их сплетенные тела разъединились, и Джондалар поднялся с земли. Он с опаской посмотрел на собирающиеся на горизонте тучи; ветер заметно усилился, и резко похолодало.

– Мне надо сполоснуться, – вставая, сказала Эйла, – не хочется пачкать эти новые штаны, их мне одолжила Диги.

– Когда мы вернемся на стоянку, ты вывесишь их на ночь на мороз, а утром почистишь.

– Но вода еще не совсем замерзла...

– Она же ледяная, Эйла!

– Ничего, я быстренько.

Осторожно пройдя по льду, она присела на корточки и подмылась, зачерпывая воду рукой. Когда Эйла вернулась на берег, Джондалар подошел к ней сзади и высушил ее влажное тело мехом своей парки.

– Я не позволю тебе замерзнуть, – с широкой улыбкой сказал он, вытирая остатки влаги меховой полстью и одновременно лаская Эйлу.

– Мне кажется, твой пыл может растопить даже лед, – заметила она с улыбкой, завязывая штаны и запахивая парку.

Именно такого Джондалара она любила. Мужчину, который мог воспламенить ее чувства одним взглядом своих глаз или прикосновением рук; мужчину, который знал ее тело лучше, чем она сама, и чьи ласкающие трепетные прикосновения могли доставить ей совершенно неожиданные наслаждения; мужчину, который помог ей забыть боль насилия, совершенного Брудом, и открыл путь в мир Радости, научив пользоваться дарами Великой Матери. Джондалар, которого она полюбила, был веселым, ласковым и любящим. Таким он был в ее пещере, и таким же он был сейчас, когда они остались наедине. Почему же он становится другим в окружении обитателей Львиной стоянки?

– О женщина, зачем ты запомнила так много слов! Что называется, научил на свою голову. Похоже, мне скоро придется серьезно остерегаться твоего языка. – Он обнял Эйлу за талию и взглянул на нее глазами, полными любви и гордости. – Ты действительно отлично освоила язык зеландонии, Эйла. Просто невероятно, как быстро ты все запоминаешь! Как тебе это удастся?

– Стараюсь изо всех сил. Ведь я вступаю в новый мир. Старые связи порваны. Для клана я умерла, и мне нет пути назад.

– И ты можешь обрести новые связи. Ты можешь стать Эйлой из племени мамутой. Было бы желание. Так ведь?

– Я хочу быть с тобой.

– Но ты сможешь по-прежнему быть со мной. То, что тебя примут в племя мамутой, не означает, что ты никогда уже не покинешь его... Мы можем пожить здесь... некоторое время. А если что-то случится со мной – ведь все может быть, ты же понимаешь, – то тебе совсем не

помешает это новое родство. Ты сможешь остаться с близкими тебе людьми.

– Ты имеешь в виду, что твои намерения могут измениться?

– Намерения? Нет, они не изменятся, если ты не захочешь этого.

Эйле показалось, что он произнес эти слова с оттенком легкого колебания, но, похоже, говорил искренне.

– Джондалар, пока я только Эйла из Неведомого племени. Если мамутой примут меня, то я уже буду связана с ними. Я стану Эйлой из племени мамутой. – Она отошла от Джондалара на пару шагов и добавила: – Мне нужно подумать об этом.

Развернувшись, она побрела в сторону костра, где лежал ее заплечный мешок. «Если я собираюсь скоро покинуть их вместе с Джондаларом, то, наверное, мне не следует соглашаться, – размышляла она. – Это будет нечестно. Но он говорит, что хотел бы остаться здесь. На время. Может, пожив подольше, он изменит свое намерение и захочет навсегда остаться на Львиной стоянке». Раздумывая над всем этим, она явно пыталась найти некое оправдание своему желанию принять предложение Талута.

Засунув руку под парку, Эйла коснулась амулета и мысленно обратилась к своему тотему: «Пещерный Лев, может быть, ты дашь мне какой-то знак, укажешь верный путь? Я люблю Джондалара, но мне также необходимо обрести семью. Талут и Неззи хотят удочерить меня, они хотят сделать меня дочерью Львиного, да, именно Львиного очага. И Львиной стоянки! О Великий Пещерный Лев, неужели ты специально привел меня к ним, а я просто до сих пор не обращала на это внимания?»

Она повернулась. Джондалар спокойно стоял там, где она оставила его, молча наблюдая за ней.

– Я решила. Я соглашусь! Я стану дочерью Львиного очага, стану Эйлой из племени мамутой.

Она заметила легкую тень, омрачившую на мгновение его лицо, но потом он улыбнулся:

– Хорошо, Эйла. Я рад за тебя.

– О Джондалар, правильно я решила? Вдруг вся эта затея приведет к печальному концу?

– Никто не может ответить на этот вопрос. Кто знает?.. – сказал он, направляясь к ней и одним глазом поглядывая на потемневшее небо. –

Я надеюсь... все закончится хорошо для нас обоих.

Они на мгновение прижались друг к другу.

– Думаю, нам пора возвращаться.

Эйла потянулась за жесткой сыромятной сумкой, чтобы упаковать ее, но вдруг что-то отвлекло ее внимание. Она опустилась на колени и подняла с земли яркий золотистый камень. Очистив его от грязи, Эйла внимательно рассмотрела свою находку. Внутри, в самой сердцевине этого прозрачного камня, который уже начал отогреваться в ее руках, находилось прекрасно сохранившееся маленькое крылатое насекомое.

– Джондалар! Ты только посмотри! Ты видел когда-нибудь нечто подобное?

Взяв у нее камень и окинув его прищуренным взглядом, он посмотрел на Эйлу с оттенком благоговейного страха:

– Это кусок янтаря. У моей матери есть почти такой же. Она считает его очень ценным. А твой, по-моему, даже лучше. – Он заметил, что Эйла смотрит на него каким-то застывшим взглядом. Она выглядела потрясенной. Ему казалось, что он не сказал ничего особенного. – Что с тобой, Эйла?

– Знак... Это знак, посланный мне моим тотемом, Джондалар. Дух Великого Пещерного Льва говорит мне, что я приняла верное решение. Значит, он хочет, чтобы я стала Эйлой из племени мамутои!

Эйла и Джондалар тронулись в обратный путь; ветер все усиливался, и, хотя солнце еще стояло высоко, свет его был затуманен облаками сухой лессовой пыли, вздымавшейся с подмерзшей земли. Вскоре порывы ветра стали такими неистовыми, что путники уже с трудом различали дорогу сквозь эту пылевую завесу. Стрелы молний пронзили сухой морозный воздух, слышались глухие раскаты грома. Когда неподалеку от них вспыхнула очередная молния и прогремел гром, Удалец испуганно шарахнулся в сторону и встал на дыбы, а Уинни тревожно заржала. Седоки спешили, чтобы успокоить перепуганного жеребенка, и отправились дальше пешком, ведя за собой лошадей.

К тому времени, когда они подошли к стоянке, колючий холодный ветер изрядно обжег их лица, небо потемнело и началась настоящая пыльная буря. Находясь всего в нескольких шагах от земляного дома, они с трудом разглядели сквозь эту сумрачную завесу фигурку

человека, удерживавшего в руках нечто такое, что сопротивлялось и вырывалось, точно живое существо.

– А, вот и вы! – прокричал Талут, перекрикивая завывания ветра и удары грома. – Я уже начал беспокоиться.

– Что ты делаешь? Могу я чем-то помочь? – спросил Джондалар.

– Мы начали делать навес для лошадей Эйлы, когда заметили, что надвигается гроза. Но я не предполагал, что разыграется пыльная буря. Этот ураганный ветер сорвал все наши укрепления. Думаю, сейчас лучше завести лошадей в дом. Они могут переждать непогоду во входном помещении, – сказал Талут.

– А что, Талут, такие бури у вас не редкость? – спросил Джондалар, удерживая край тяжелой шкуры, которую едва не унесло очередным порывом ветра.

– Нет. Последние несколько лет их и вовсе не было. Погода наладится, как только снег основательно покроет землю, – сказал Талут. – Тогда мы будем сражаться только с метелями и буранами! – со смехом заметил он и, нырнув в земляной дом, придержал тяжелый занавес, чтобы Эйле и Джондалару было удобнее провести лошадей внутрь.

Оказавшись в странном месте, полном незнакомых запахов, лошади занервничали, однако завывание бури страшило их еще сильнее, и, кроме того, они доверяли Эйле. Как только они поняли, что ветер уже не досаждаст им, то их тревога сразу поубавилась, а вскоре они совсем успокоились. Эйла была благодарна Талуту за заботу о лошадях, хотя его поведение немного удивило ее. Войдя в следующий кухонный очаг, Эйла поняла, как сильно замерзла. На этом сильном морозном ветру она промерзла до костей, но не заметила этого раньше из-за обжигающей, летевшей в лицо пыли.

* * *

Ветер по-прежнему неистовствовал за стенами длинного теплого дома, постукивая крышками дымоходов и вздымая полсти тяжелых занавесей. Неожиданный порыв ветра взметнул немного пыли, и огонь в кухонном очаге вдруг вспыхнул с новой силой. Люди, случайными группами рассеявшиеся в помещении первого очага, заканчивали

вечернюю трапезу, попивая ароматный чай из смеси разных трав и ожидая объявления Талута.

Наконец он встал и широким решительным шагом направился к Львиному очагу. Вскоре он вернулся, принеся с собой посох из мамонтового бивня, его утолщенный нижний конец постепенно заострялся, а высота посоха превосходила рост самого Талута. Примерно на уровне одной трети высоты от вершины к посоху было подвешено украшение, напоминающее колесо со спицами. В его верхнюю половину были вставлены белые журавлиные перья, развернутые веером, а к спицам нижней половины были привязаны кожаные шнурочки, на которых покачивались загадочные мешочки, фигурки из бивня мамонта и кусочки меха. При ближайшем рассмотрении Эйла поняла, что этот посох сделан из цельного куска бивня, который был выпрямлен каким-то совершенно необъяснимым способом. «Какой же великан, – в недоумении размышляла Эйла, – смог разогнуть бивень мамонта?»

Умолкнув, все внимательно смотрели на вождя. Он вопросительно глянул на Тули, та молча кивнула ему в ответ. Тогда он четырежды стукнул толстым концом посоха о землю.

– Я хочу предложить на обсуждение Львиной стоянки одно очень важное и серьезное дело, – начал Талут. – Поскольку оно касается всех нас, я взял Говорящий Жезл, чтобы каждый смог высказать свое мнение спокойно, а остальные внимательно слушали и не прерывали говорящего. Каждому, кто пожелает высказаться по этому делу, будет передан Говорящий Жезл. Итак, Эйла и Джондалар не так давно появились на стоянке. Подсчитав дни, которые они прожили у нас, я был удивлен, обнаружив, как мало прошло времени. Я уже воспринимаю их как своих друзей, принадлежащих к нашему племени. Мне думается, что большинство из вас согласится с моим мнением. Поэтому, испытывая теплые и дружеские чувства к нашему родственнику Джондалару и его подруге Эйле, я надеялся, что они погостят у нас подольше, и собирался просить их остаться на всю зиму. Но за короткое время, прожитое здесь, они проявили к нам чувства, выходящие за рамки простого дружелюбия. Оба они, обладая ценными знаниями и опытом, с радостью поделились ими, без всяких оговорок, как поступили бы члены нашего племени. Уимез считает Джондалара хорошим мастером по изготовлению кремневых орудий. И он открыто

поделился с Данугом и Уимезом всеми известными ему тайнами этого ремесла. Более того, он познакомил нас с изобретенным им охотничьим оружием, копьеметалкой, которая увеличивает силу и дальность полета копья.

Мамутой, согласно кивая головами, бурно выразили одобрение, и Эйла в очередной раз заметила, что они редко сидят тихо, а чаще всего сразу высказывают свое мнение, активно включаясь в разговор.

– Эйла – на редкость одаренная женщина, – продолжал Талут. – Она метко стреляет из копьеметалки и мастерски владеет пращей. Мамут говорит, она обладает даром Поиска, и она сможет общаться с миром духов после соответствующего обучения. А Неззи считает, что у нее есть и дар Зова и она сможет приводить животных на наши охотничьи тропы. Может, это и не так, однако все мы видим, что лошади подчиняются ей и доставляют ее, куда она захочет. Кроме того, она научила нас разговаривать на языке жестов, что помогло нам по-новому взглянуть на Ридага, который быстро освоил этот язык. Но возможно, самое важное то, что она – целительница. Она уже спасла жизнь двум нашим детям... и у нее есть чудодейственное лекарство от головной боли!

Последняя фраза вызвала взрыв смеха.

– Многочисленные дарования наших гостей могут принести так много пользы Львиной стоянке, что мне совсем не хочется расставаться с ними. Поэтому я попросил их остаться с нами не только на зимний сезон, а навсегда. Во имя Мут, Великой Матери всего сущего, – Талут с силой ударил жезлом по земле, – я прошу их присоединиться к нам и прошу вас признать их членами племени мамутой.

Талут кивнул Эйле и Джондалару. Они поднялись со своих мест и приблизились к нему для исполнения предварительного ритуала. Тули, до сих пор стоявшая в стороне, тоже поднялась и встала рядом со своим братом.

– Я прошу слова, – заявила она.

Талут передал ей Говорящий Жезл.

– Как вождь Львиной стоянки, я выражаю согласие с тем, что сказал Талут. Джондалар и Эйла обладают множеством ценных достоинств и могут повысить статус Львиной стоянки и племени мамутой. – Она повернулась к высокому светловолосому гостю. – Джондалар, – сказала она, трижды ударив Жезлом по земле, – Тули и

Барзек просят тебя стать сыном очага Зубра. Мы высказали наше предложение. Теперь слово за тобой, Джондалар.

Он приблизился к ней и, взяв в руки Говорящий Жезл, трижды ударил им о землю.

– Я, Джондалар из Девятой пещеры зеландонии, сын Мартоны, которая была главой Девятой пещеры, родился в очаге Даланара, главы племени ланзадонии, – торжественно начал он.

Учитывая значительность сегодняшнего собрания, Джондалар решил представиться более обстоятельно, обозначив свои исходные родственные связи, что вызвало улыбки и одобрительные возгласы окружающих. Все эти чужеземные имена придавали этому ритуалу особый оттенок, подчеркивая важность происходящего.

– Вы оказали мне великую честь вашим предложением, но я должен честно признаться вам, что на мне лежит обязанность исполнить очень важное обязательство. Рано или поздно я должен буду вернуться в родное племя. Я должен рассказать моей матери о смерти брата и сообщить все подробности его гибели Зеландони – так у нас называют Мамута, – чтобы можно было провести обряд Поиска и проводить дух Тонолана в мир духов. Я ценю наше родство и так тронут вашим дружеским расположением, что с грустью думаю о предстоящем расставании. Но мне хотелось бы как можно дольше прожить здесь, с вами, моими друзьями и родственниками, – закончил Джондалар, передавая Говорящий Жезл обратно Тули.

– Мы опечалены известием о том, что ты не можешь стать сыном нашего очага, Джондалар, но понимаем, что ты не властен распоряжаться собой. Твой долг заслуживает уважения. И поскольку мы с тобой и так породнились благодаря связи твоего брата с Толи, то ты можешь жить с нами, сколько пожелаешь, – сказала Тули и передала Жезл Талуту.

– Эйла, – сказал Талут, трижды ударив Жезлом по земле, – Неззи и я просим тебя стать дочерью Львиного очага. Мы высказали наше предложение. Теперь слово за тобой.

Взяв Жезл, Эйла также трижды ударила им о землю.

– Я Эйла из Неведомого племени. Вы предложили мне стать членом вашей семьи. Это большая честь и радость для меня. И я была бы счастлива стать Эйлой из племени мамутои, – медленно произнесла она свою заранее заготовленную речь.

Талут забрал у нее Говорящий Жезл и, четыре раза ударив им о землю, сказал:

– Если нет возражений, то я закрою наше собрание...

– Нет, я прошу дать мне Говорящий Жезл, – раздался вдруг чей-то голос.

Все удивленно оглянулись и увидели, что к Талуту направляется Фребек.

Он взял у вождя Жезл и трижды ударил им по земле.

– Я не согласен. Я не хочу, чтобы Эйла стала членом нашей стоянки, – заявил он.

Глава 14

Мамутой ошеломленно молчали. Затем послышались удивленные, негодующие возгласы. Вожди и основатели Львиной стоянки в полном согласии друг с другом высказали желание принять Эйлу в племя мамутой. И хотя все знали, какие чувства испытывает Фребек к Эйле, остальные, по всей видимости, не разделяли их. А главное, Фребек, да и вообще очаг Журавля едва ли имели право возражать. Их самих приняли совсем недавно благодаря тому, что за них просили Талут и Неззи, пожалевшие несчастную семью, от которой отказались почти все остальные стоянки. Когда-то очаг Журавля имел высокий статус, и на других стоянках были люди, предлагавшие принять это семейство, но были и возражавшие, а необходимо было достичь всеобщего согласия. Фребек, похоже, слишком быстро забыл о поддержке вождя; никто не ожидал возражений с его стороны, а менее всего сам Талут.

Волнение среди собравшихся быстро улеглось, когда Талут взял у Фребека жезл и, потрясая им, призвал людей к тишине.

– Фребек взял Говорящий Жезл. Дайте же ему сказать, – решительно произнес Талут, передавая обратно ритуальный костяной Жезл.

Фребек, вновь трижды ударив по земле, продолжил свою речь:

– Я выступаю против приема Эйлы, поскольку считаю, что она не обладает никакими особыми достоинствами и не может предложить нам ничего ценного, поэтому она недостойна стать мамутой.

Его возражение было встречено тихим неодобрительным гулом, тем более что все только что выслушали, как высоко ценит Эйлу Талут, однако пока никто не посмел прервать оратора.

– Неужели мы будем принимать в мамутой любого чужеземца, остановившегося погостить у нас?

Как ни велика была власть Говорящего Жезла, однако даже она не могла заставить обитателей стоянки долго сдерживать эмоции.

– С чего ты взял, что ей нечего предложить нам? Вспомни, к примеру, ее охотничье мастерство! – воскликнула Диги, исполненная праведного гнева.

Ее мать тоже не сразу оценила достоинства Эйлы. Но даже она, вождь стоянки, согласилась с Талутом. Какие же возражения могут

быть у Фребека?

– А что особенного в том, что она умеет охотиться? Разве мы принимаем к себе всех охотников? – сказал Фребек. – Это не серьезная причина. К тому же она все равно не сможет нормально охотиться после того, как заведет детей!

– Дети – это гораздо более ценный дар! Они придадут ей более высокий статус! – сердито крикнула Диги.

– Не думаешь ли ты, что я не понимаю этого? Однако мы даже не знаем, способна ли она иметь детей. Может, она бесплодна, и тогда вообще все ее достоинства теряют смысл. Но мы говорим пока не о детях, а об охоте. О том, что ее охотничье мастерство не является серьезным поводом для приема в мамутой, – заметил Фребек.

– А как насчет копьеметалки? Ты же не станешь отрицать, что это ценное оружие и она отлично владеет им и уже показала нам, как правильно пользоваться этим приспособлением.

– Это не ее заслуга. Копьеметалку сделал Джондалар, а он не может остаться с нами.

– Но у нее есть дар Поиска, а возможно, и Зова, – вставил свое слово Дануг. – Она обладает властью над лошадьми и даже ездит на одной из них.

– Лошади – это наша еда. Великая Мать создала их для нас. И мы должны на них охотиться, а не жить с ними. Я даже не уверен, хорошо ли то, что она ездит на них. И вообще, никто толком о ней ничего не знает. Возможно, она сможет общаться с миром духов, возможно, у нее есть дар Поиска. Возможно, она сама Великая Мать, а может, и нет. Так неужели, основываясь только на шатких предположениях, мы можем принять человека в наше племя?

На сей раз никто не смог ему возразить. Фребек уже начал гордиться собой, сознавая, что стал наконец центром всеобщего внимания.

Мамут с некоторым удивлением смотрел на Фребека. Шаман был совершенно не согласен с ним, но признал, что его аргументы довольно разумны. Плохо только, что он преследовал неверную цель.

– Эйла научила Ридага говорить, хотя никто не знал, что он способен на это, – присоединяясь к спору, возразила Неззи.

– Говорить! – фыркнул Фребек. – Ты можешь, если желаешь, называть разговором это дурацкое размахивание руками, но я не могу. Я

не могу согласиться с тем, что мы должны использовать эти глупые жесты плоскоголовых. И естественно, это не может быть причиной для ее приема. Скорее уж, это может служить причиной для отказа.

– И, несмотря на все очевидные доказательства, я полагаю, ты также не веришь, что она целительница, – язвительно заметил Ранек. – Но надеюсь, ты понимаешь, что если она уйдет от нас из-за тебя, то ты же первый и пожалеешь об этом, когда Фрали придет время рожать.

Фребек испытывал странные чувства по отношению к Ранеку, он с трудом воспринимал этого темнокожего человека и всегда чувствовал себя неловко в его присутствии, хотя и признавал высокий статус и известность этого искусного резчика по кости. Фребеку всегда казалось, что Ранек постоянно стремится унижить или высмеять его, особенно когда в его тоне сквозила язвительная и тонкая ирония. Конечно, это раздражало Фребека, и, кроме того, он просто опасался человека с такой темной кожей.

– Да, ты прав, Ранек, – громким голосом ответил упрямый спорщик. – Я не считаю ее целительницей. Как мог человек, выросший среди бессловесных животных, стать целителем? И, кроме того, Фрали уже рожала детей, почему же на этот раз у нее должны быть какие-то трудности? Если и случится несчастье, то его, скорее всего, принесет эта женщина, воспитанная в зверином стаде. Статус нашей стоянки и так уже понизился из-за этого плоскоголового мальчишки. Неужели вы не понимаете этого? И что подумают люди, заехав к нам в гости и обнаружив, что в нашем доме живут лошади? Нет-нет, я не хочу, чтобы эта ненормальная женщина, которая жила с плоскоголовыми, стала членом Львиной стоянки.

Замечание Фребека по поводу статуса Львиной стоянки вызвало большое волнение у собравшихся, но вдруг властный и зычный голос Тули возвысился над общим гулом:

– На каком таком основании ты заявляешь, что статус нашей стоянки понизился? Ридаг ничуть не повлиял на наше положение. Я по-прежнему занимаю почетное место в Совете Сестер. И Талут тоже не утратил своего положения.

– Может, и так, но только почему-то все теперь с презрением говорят: «Ах, это та стоянка, что приютила плоскоголового!» Да мне даже стыдно признаться, что я тоже являюсь ее членом! – запальчиво крикнул Фребек.

Тули, которая едва ли не на голову превосходила ростом этого довольно тщедушного мужчину, смерила его холодным взглядом.

– Ты можешь покинуть нас в любое время, никто не станет задерживать тебя здесь, – сказала она совершенно невозмутимым тоном.

– Ну вот, посмотри, что ты наделал своими глупыми речами, – запричитала Крози. – Фрали ждет ребенка, а ты добился того, что нам придется уйти. И куда же нам идти-то, ведь зима уже на носу? Зачем только я согласилась отдать свою дочь за тебя? Как я могла доверить ее тому, кто не смог даже заплатить приличный Брачный выкуп? Конечно, ты даже не можешь позаботиться о ней! Ах, моя бедная дочь, моя бедная Фрали...

Стоны и причитания старухи вызвали всеобщее негодование, в котором слышались аргументы в защиту Фребека. Эйла медленно развернулась и пошла в сторону очага Мамонта. Но, проходя через Львиный очаг, она заметила, что большими печальными глазами Ридаг наблюдает за ходом собрания, и присела рядом с ним на лежанке. Послушав, как бьется сердце мальчика, она убедилась, что с ним все в порядке. Затем, не пытаясь вовлечь его в разговор, поскольку не знала, что и сказать, она усадила Ридага к себе на колени и начала покачивать его, напевая тихую монотонную мелодию; когда-то эту мелодию она напевала своему маленькому сыну, а позже, живя одна в пещере, убаюкивала ею саму себя.

– Сколько раз вам надо напоминать о силе Говорящего Жезла? – мощным басом пророкотал Талут, мгновенно утихомирив встревоженных людей.

Глаза его гневно сверкали. Он был ужасно рассержен. Эйла еще никогда не видела его в таком гневе, но она восхитилась его самообладанием, когда он продолжил свою речь:

– Крози, мы не собираемся выгонять Фрали на мороз, и ты обидела меня и всех обитателей стоянки, предположив, что такое возможно.

Разинув рот от неожиданности, старуха взглянула на рыжебородого вождя. На самом деле у нее и в мыслях не было, что Фрали могут выгнать на мороз. Просто ей хотелось в очередной раз обругать Фребека, и она не подумала, что ее слова могут быть обидными не только для него. Крози даже покраснела от смущения, чем удивила многих собравшихся, однако избранная ею линия поведения

была вполне обдуманной. В конце концов, именно от нее Фрали получила свой высокий статус, и Крози могла гордиться собственным высоким положением, по крайней мере в прошлом; но жизненные потери были очень велики, и в итоге несчастной стала не только она, но и ее родные. Однако старуха могла еще претендовать на почтительное отношение, хотя бы благодаря своим былым заслугам.

– Я могу понять, Фребек, что тебе не нравится быть членом Львиной стоянки, – сказал Талут. – Но если она и утратила отчасти высокий статус, так только потому, что мы были единственными, кто согласился принять вашу семью. Как верно сказала Тули, никто не станет удерживать тебя. Ты волен уйти в любое время, но мы не вынуждаем тебя к этому, учитывая, что Фрали должна разродиться этой зимой. Возможно, до сих пор тебе не доводилось тесно общаться с беременными женщинами и ты не особенно сведущ в этом вопросе, но беременность Фрали действительно протекает довольно трудно. Даже я отлично вижу это. Однако мы собрались здесь совсем по другой причине. Сейчас не важно, каково твое мнение о нас и что мы думаем о тебе. Пока ты все же остаешься членом стоянки. Я предложил Эйле стать мамутой и заявил о своем желании принять ее в Львиный очаг. Однако все должны выразить согласие, поэтому мы рассматриваем, основательны ли твои возражения.

На сей раз Фребек смущенно поежился. Не успел он насладиться сознанием собственной значимости, видя, с каким вниманием люди слушали его возражения и замечания, как вождь тут же напомнил ему о том унижении и отчаянии, которые он пережил, безуспешно пытаясь найти стоянку, чтобы основать собственный очаг со своей новой избранницей, которая была более чем желанна, поскольку сам он никогда не смог бы занять столь высокое положение в племени, которое появилось у него теперь благодаря высокому статусу Фрали.

Мамут пристально наблюдал за ним. Фребек никогда не пользовался особым уважением. В наследство от матери он получил низкий статус, не обладал никакими достоинствами, которые могли бы возвысить его в глазах соплеменников, то есть не имел никаких заслуг или ярких способностей и дарований. Нельзя сказать, что люди ненавидели его, но и особой любовью он также не пользовался. В общем-то, это был заурядный человек очень средних способностей. Однако только что Фребек доказал, что он – искусный спорщик. Все его

аргументы были логичны, хотя исходная точка зрения была ошибочной. Оказывается, он гораздо умнее, чем кажется на первый взгляд, и, похоже, имеет большие амбиции. Союз с Фрали был огромной удачей для Фребека. Пожалуй, этот человек заслуживает более пристального внимания.

Даже для того, чтобы сделать предложение женщине такого высокого статуса, надо было обладать определенной отвагой и дерзостью. Брачный выкуп считался у мамутой основной статьей дохода, а невесты в определенном смысле были драгоценным обменным товаром. Положение мужчины в племени, во-первых, зависело от того, какой статус передала ему мать, а во-вторых – от статуса женщины или женщин, которые согласились создать с ним очаг, оценив его собственный статус, охотничьи заслуги или мастерство, определенные дарования или мужские достоинства. Найти женщину с высоким статусом, которая согласилась бы пройти Брачный ритуал, было все равно что найти сокровище, и Фребек явно не собирался отказываться от него.

«Но почему она приняла его предложение? – продолжал размышлять Мамут. – Несомненно, ее благосклонности добивались многие мужчины, а Фребек только усложнял ей жизнь. Он мало что мог предложить ей, и недовольство Крози можно понять, ведь стоянка Фрали отказалась принять их семью, впрочем, как и стоянка самого Фребека. Они обошли множество других стоянок мамутой, но везде получали отказ, несмотря на то что Фрали уже ждала ребенка и это обстоятельство значительно повышало ее статус. Крози была в полнейшей панике из-за неопределенности их будущего и всякий раз, отчаянно ругая Фребека, только усугубляла положение, поскольку после такой ругани отношение к их семейству становилось еще менее доброжелательным».

Фребек был благодарен обитателям Львиной стоянки, согласившимся принять их семью, но он пришел к ним только тогда, когда получил отказ почти на всех остальных стоянках. Безусловно, Львиная стоянка имела высокий статус, однако, по мнению Фребека, среди ее членов были очень странные личности. Талут обладал способностью воспринимать необычное, ценил своеобразие человеческой природы, хотя другим оно могло казаться чуждым и странным. От матери к нему перешел высокий статус, и поэтому,

принимая людей, он стремился найти в них нечто большее, чем высокое наследственное положение, и нашел это в необычных проявлениях человеческой натуры. Ему нравились люди, наделенные исключительными качествами, и он старался привлечь их к себе. Сам Талут отличался огромными размерами не только среди мамутой, но и среди соседних племен. Тули также была самой сильной и высокой среди женщин. Мамут считался старейшим среди мамутой. Уимез был лучшим мастером обработки кремня. Ранек – лучшим резчиком по кости, а кроме того, выделялся необычайным цветом кожи и внешностью. И Ридаг был единственным ребенком плоскоголовых, живущим среди мамутой. Талут с радостью принял бы Эйлу, которая помимо необычной власти над лошадьми обладала множеством дарований, и не имел ничего против приема Джондалара, пришедшего из таких дальних краев.

Фребек не был необычным, тем более что единственной его особенностью мог считаться только низкий статус. Ему хотелось добиться определенного положения в племени самым обычным путем. К тому же он был настоящим мамутой, то есть выше по положению, чем люди из иных племен, лучше, чем инородцы. Ранек с его черной кожей – и кусающимся остроумием – не был полноправным мамутой. Он и родился-то неизвестно где, а Фребек родился среди мамутой и, уж естественно, был лучше, чем эти бессловесные животные, эти мерзкие плоскоголовые. Мальчишка, которого так любит Неззи, вообще не имеет никакого статуса, поскольку он рожден от самки плоскоголовых.

И Эйла, пришедшая сюда со своими лошадьми, и этот высокий чужеземец уже оценили блестящий ум этого темнокожего резчика, который, несмотря на свою более чем странную внешность, а может быть, именно благодаря ей, привлекал внимание всех женщин. Эйла даже не смотрела в сторону Фребека, точно заранее знала, что он не достоин ее внимания. Пусть она красива, одарена и сведуща в целительной магии, но все равно Фребек лучше ее, поскольку она не мамутой. А самое ужасное то, что она жила у этих плоскоголовых. Почему же Талут хочет удочерить ее?

Фребек понимал, что стал виновником этой неприятной сцены, вызвавшей взрыв негодования. Ему удалось доказать собственную значимость, поскольку после его выступления обитатели стоянки задумались о том, стоит ли принимать Эйлу в племя мамутой, но

одновременно он ужасно разозлил могучего вождя. Фребек впервые видел Талута в таком гневе и немного испугался этого здорового бородача, обладавшего медвежьей хваткой. Талут мог с легкостью поднять его и разорвать пополам. По меньшей мере, Талут мог просто выгнать его, и неизвестно, захочет ли уйти с ним Фрали, то есть он может потерять эту женщину, подарившую ему столь высокий статус.

Однако Талут все-таки сдерживал свой гнев. Фребеку было непривычно, что к его аргументам отнеслись с уважением, а не назвали их бессмысленным вздором.

– Возможно, в твоих словах есть доля истины, – холодно сказал Талут, – но это не столь важно. Я все-таки считаю, что Эйла обладает многими необычными способностями, которые могут принести нам пользу. Ты не согласен с этим и считаешь, что она не может предложить нам ничего ценного. Но в сущности, наши оценки чисто субъективны, и ценность любого дара при желании может быть оспорена.

– Талут, – сказал Джондалар, – извини, что я прерываю тебя, пока ты держишь Говорящий Жезл, но мне кажется, я знаю такой дар, который никто не сможет оспорить.

– Правда?

– Да, по-моему, знаю. Мы можем поговорить с тобой наедине?

– Тули, ты возьмешь Жезл? – сказал Талут, обращаясь к сестре, и вышел вместе с Джондаларом в помещение Львиного очага.

Их уход сопровождался тихим заинтересованным гулом голосов.

Подойдя к Эйле, Джондалар перемолвился с ней парой слов. Она согласно кивнула и, сняв Ридага с колен, быстро направилась в очаг Мамонта.

– Талут, не можем ли мы погасить все костры? – спросил Джондалар.

Талут недоуменно нахмурился:

– Все костры? Сейчас слишком холодно и ветрено. Дом быстро выстудится.

– Я понимаю, но поверь мне, дело стоит того. Все будет в порядке. Сейчас Эйла покажет нечто такое, что произведет наилучшее впечатление в полной темноте. Мы не успеем замерзнуть.

Эйла вернулась, принеся с собой несколько камней. Талут озадаченно поглядывал то на нее, то на Джондалара. Наконец он кивнул в знак согласия. Огонь всегда можно зажечь снова, даже если это

потребуется определенных затрат времени и сил. Все втроем они двинулись в помещение кухонного очага, и Талут, отозвав Тули в сторонку, что-то тихо сказал ей. Они еще немного посоветовались вместе с Мамутом, а затем Тули подозвала Барзека и дала ему поручение. Взяв в компанию Друвеца и Дануга, Барзек направился к выходу. Они надели парки, взяли корзины и вышли из дома.

Мамутой возбужденно галдели. Должно было произойти нечто необычное, и всю стоянку охватило то нетерпеливое ожидание, которое бывает перед праздником или священным ритуалом. Никто не ожидал сегодня никаких тайных совещаний и загадочных демонстраций.

Вскоре Барзек и подростки вернулись, притащив корзины с жидкой грязью. Пройдя в дальний конец дома, к очагу Зубра, они начали последовательно тушить небольшие костерки, горевшие в каждом очаге, разгребая угли и заливая отдельные языки пламени жидкой грязью. Осознав, что происходит, мамутой забеспокоились.

Когда все огни погасли, в доме стало совсем темно, разговоры прекратились и все люди замерли в молчаливом ожидании. Завывания ветра за стенами жилища, казалось, стали более громкими, а из труб, подводивших воздух к очагам, потянуло холодом, который в данной ситуации вызывал более глубокое и зловещее ощущение холодного страха. Огонь оценивали и воспринимали как нечто само собой разумеющееся, но сейчас, увидев, что погашены все костры, люди вспомнили, что именно от огня зависит их жизнь.

В результате непотушенным остался только центральный кухонный очаг. Эйла устроилась возле одного из боковых очагов, заготовив кучку хвороста, и затем по молчаливой команде Тули Барзек, осознавая всю драматичность момента, медленно вылил остатки влажного ила на костер центрального очага, чем вызвал испуганные вздохи соплеменников.

Жилище мгновенно погрузилось во тьму. Это был не просто полумрак или недостаток света, а настоящая кромешная тьма. Жуткая, удушающая и неотвратимая чернота проникла во все уголки длинного дома. Здесь не было ни звезд, ни небесного светила, ни перламутрово-дымчатых подсвеченных облаков. Нельзя было увидеть даже поднесенную к глазам руку. В этом мраке растворились все объемы и размеры, исчезли тени, исчезли все очертания черного на черном. Чувство зрения полностью утратило свой смысл.

Заплакал ребенок, но мягкий материнский голос быстро успокоил его. Затем стали различимы тихие звуки дыхания, слабый шорох движений и сдавленные покашливания. Послышался чей-то спокойный голос, и ему ответил второй, более низкого тона. Запах обугленных костей в потухших кострах стал более сильным, но к нему примешивалось множество других самых разнообразных ароматов: выделанной кожи, плетеных циновок, сухих трав и пищи, которая еще готовилась на очагах или хранилась в кухонном помещении. Более отчетливыми стали запахи, исходившие от человеческих тел и ног, запахи теплого дыхания.

Вся стоянка, погружившись во мрак, пребывала в смущенном напряженном ожидании. Общее настроение выражалось скорее легкой тревогой, чем страхом или испугом. Казалось, прошло довольно много времени, прежде чем люди начали выражать свое беспокойство. Их терпение подходило к концу, они не понимали, с чем связана эта затянувшаяся пауза.

В этом был повинен Мамут. Старый шаман питал слабость к созданию драматических эффектов – это была его вторая натура, – он почти интуитивно угадывал, в какой момент надо начать действие. Вдруг Эйла почувствовала руку Мамута на своем плече. Это был сигнал к началу представления. В одной руке она держала кусок пирита, а в другой – кремь, на земле перед ней лежала кучка сухого хвороста. В крошечной темноте земляного дома Эйла на мгновение закрыла глаза и, глубоко вздохнув, ударила пиритом по кремню.

Вспыхнула яркая искра, и этот огненный лучик на краткий миг осветил стоящую на коленях молодую женщину, вызвав пораженные вздохи и благоговейные восклицания обитателей стоянки. Когда темнота вновь скрыла Эйлу, она второй раз ударила камнем о камень, но теперь непосредственно над кучкой заготовленного хвороста. Искра упала на этот легковоспламеняющийся материал. Наклонившись, Эйла подула на задымившиеся стружки – пламя мгновенно охватило хворост. И она услышала изумленные возгласы, потрясенные «ахи» и «охи».

Подбросив в костерок еще немного сухой травы из заготовленного запаса топлива, Эйла подождала, пока она схватится огнем, и положила сверху более крупные ветки и сучья. Убедившись, что костер хорошо горит, Эйла поднялась на ноги и посмотрела на Неззи, которая уже разгребала грязь и пепел в центральном кухонном очаге, чтобы

перенести туда горящие ветки. Кроме того, она приоткрыла заслонку дымохода, чтобы поток свежего воздуха раздул пламя, и вскоре обугленные кости вновь загорелись. Внимание людей было сосредоточено на этом процессе, но, когда в очаге весело затрещал огонь, они вдруг поняли, как мало на это ушло времени. Это было похоже на настоящее чудо! Как же Эйла умудрилась так быстро сотворить огонь?

Талут потряс Говорящим Жезлом и трижды ударил о землю его толстым концом.

– Итак, будет ли теперь кто-то возражать против того, чтобы Эйла стала членом племени мамутой и дочерью Львиной стоянки? – спросил он.

– А согласится ли она научить нас этому магическому способу? – спросил Фребек.

– Она не только согласна открыть нам этот секрет, но и обещала подарить по огненному камню каждому очагу Львиной стоянки, – ответил Талут.

– Ладно, тогда у меня нет возражений, – сказал Фребек.

* * *

Разобрав дорожные сумки и мешки, Эйла и Джондалар сложили вместе имевшиеся у них куски железного колчедана и выбрали из них шесть лучших для подарков. Прошлым вечером Эйла разожгла огонь в каждом очаге, показав всем, как это делается, но она слишком устала – да и время было позднее, – поэтому решила отложить все остальное до утра.

Шесть светло-желтых камней, отливающих металлическим блеском, лежали на меховом покрывале маленькой неприметной кучкой, и, однако, вопрос о приеме Эйлы в племя мамутой благополучно разрешился именно благодаря этим камешкам. Глядя на них, никто бы не догадался, какой магической силой обладают эти обломки.

Взяв в руку горстку огненных камней, Эйла задумчиво взглянула на Джондалара.

– Только один человек возражал против моего приема. Почему же почти все остальные готовы были согласиться с его мнением? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Джондалар. – Вероятно, это объясняется тем, что на таких стоянках люди очень тесно связаны друг с другом. Если один человек неприязненно относится к другому, то в результате может возникнуть опасная ситуация, особенно в зимний сезон, когда морозы практически не позволяют людям покидать жилище. Разногласия могут привести к ссоре и разделить людей на два лагеря. Дело может дойти до драки и членовредительства. А бывает, что вражда становится настолько сильной, что люди начинают мстить друг другу. Порой стоянка даже распадается на два враждующих лагеря, и люди решают разойтись, чтобы избежать дальнейших конфликтов. А бывает, что зачинщику ссоры предлагают покинуть стоянку, откупившись от него ценными подарками.

Нахмутив лоб и закрыв на мгновение глаза, Джондалар болезненно поморщился, словно вспомнил о чем-то, и Эйла с удивлением подумала о том, что могло вызвать у него такие тяжкие воспоминания.

– Но ведь Фребек и Крози постоянно ссорятся, и остальным это не нравится, – сказала она.

– На стоянке знали об этом или, по крайней мере, догадывались, когда принимали эту семью. Тут уж винить некого, поскольку у каждого была возможность выступить против их приема. Но если уж ты выразил свое согласие, то, значит, рассчитывал, что сможешь выдержать все их перепалки хотя бы в течение зимнего сезона. А если со временем назреет необходимость изменить ситуацию, то это легко сделать весной или летом.

Эйла кивнула. У нее еще оставались сомнения в том, хотел ли Джондалар, чтобы она стала членом племени мамутой, и все же именно ему пришло в голову показать силу огненных камней, и в итоге его идея сработала.

Эйла и Джондалар отправились к Львиному очагу, чтобы отдать камни. Талут и Тули увлеченно разговаривали, а Неззи и Мамут порой тоже вставляли слово, хотя они больше слушали, чем говорили.

– Вот огненные камни, которые я обещала, – сказала Эйла, когда они заметили ее приближение. – Вы можете раздать их людям прямо сейчас.

– О нет, – сказала Тули, – сейчас не время. Сохрани их до дня ритуала. Мы как раз говорили об этом. Огненные камни будут частью твоих даров. Мы должны установить их ценность и выяснить, что еще может понадобиться для твоего вклада. Конечно, они будут очень ценными не только для нас, но и для будущей торговли или обмена, и, кроме того, благодаря им ты получишь более высокий статус.

– О каких дарах ты говоришь? – спросила Эйла.

– У нас есть такой обычай, – пояснил Мамут. – Принимая людей в члены нашего племени, мы обмениваемся с ними дарами. Человек, которого мы принимаем, получает подарки от каждого из нас, а принимающий очаг распределяет дары между всеми остальными очагами. Эти взаимные подарки могут быть достаточно скромными, чисто символическими или, напротив, очень ценными. Все зависит от обстоятельств.

– Я думаю, огненные камни имеют большую ценность, и каждый очаг с благодарностью примет такой подарок, – заметил Талут.

– Не спеши, Талут, – сказала Тули. – Я согласилась бы с тобой, если бы Эйла уже принадлежала к племени мамутой и обладала определенным статусом. Но в данном случае нам необходимо установить величину ее Брачного выкупа. Наша стоянка только выиграет, если мы сможем назначить для нее высокую цену. И поскольку Джондалар не согласен стать членом нашего племени, по крайней мере пока... – Тули улыбнулась Джондалару, показывая, что она не питает к нему никакой враждебности, более того, ее улыбку можно было назвать почти игривой и далеко не скромной; это была улыбка женщины, убежденной в том, что она желанна и привлекательна для любого мужчины, – то я буду рада предложить некоторые подарки для будущего распределения.

– Но какие подарки ты имеешь в виду? – спросила Эйла.

– О, это могут быть самые разные вещи и изделия, – сказала Тули, – например, хороший мех или одежда... верхняя или нижняя, мокасины или выделанная кожа для обуви. Кстати, Диги знает отличный способ окраски кожи. Кроме того, можно дарить янтарь и ракушки, костяные бусины для ожерелий или украшения для одежды. Достаточно ценными считаются клыки волков и других хищников или разные фигурки. Кремень, соль... можно подарить даже что-то съестное, особенно если оно может долго храниться. А также искусно

сработанные изделия, например циновки, корзины, ремни или ножи... В общем, я считаю, что чем больше подарков, тем лучше. Их можно будет показать на Летнем сходе, и тогда все поймут, что у тебя много ценных вещей для подтверждения статуса. И в сущности, не имеет значения, что большинство этих вещей будет подарено Талуту и Неззи для тебя.

– Тебе, Талуту и Неззи не придется давать мне подарки. У меня есть много разных вещей, – сказала Эйла.

– Да, конечно, у тебя есть огненные камни. И они исключительно ценные, но на первый взгляд в них нет ничего особенного. Позже люди поймут их ценность, но главное – произвести первое впечатление.

– Тули права, – сказала Неззи. – Обычно молодая женщина с детских лет подкапливает богатые и красивые вещи, предназначенные для подарков во время Брачного ритуала или ритуала Удочерения.

– А часто мамутой принимают к себе новых людей? – спросил Джондалар.

– Нет, мы редко принимаем чужеземцев, – ответила Неззи. – Чаще бывает, что одна стоянка мамутой удочеряет или усыновляет человека с другой стоянки. Каждая стоянка должна иметь двух вождей – сестру и брата, – но не каждому мужчине выпадает счастье иметь такую сестру, как Тули. Например, если у человека нет брата или сестры или если молодой мужчина и молодая женщина хотят основать новую стоянку, то они могут стать братом и сестрой благодаря такому ритуалу. Да ты не волнуйся, Эйла, у меня есть много вещей, которые ты сможешь представить в качестве подарков, и даже Лэти с радостью поделится с тобой своими запасами.

– Но у меня в пещере есть запас хороших вещей, Неззи. Мне только надо привезти их сюда из долины, – предложила Эйла. – Я жила там довольно долго и накопила много красивых изделий.

– Совсем не обязательно сейчас ехать за ними... – сказала Тули.

Про себя она подумала, что все вещи Эйлы, скорее всего, окажутся грубыми и примитивными, учитывая то, что она жила среди плоскоголовых. Но не могла же Тули открыто заявить молодой женщине, что ее подарки, вероятно, будут неподходящими! Это было бы по меньшей мере невежливо.

– Но я хочу привезти все, – настаивала Эйла. – Мне нужно забрать из моей пещеры все ценные вещи. Запасы целебных трав, пищи и корма

для лошадей. – Она повернулась к Джондалару. – Я хочу съездить в пещеру.

– Что ж, наверное, мы сможем обернуться до холодов. Если мы быстро соберемся и в пути нас ничто не задержит, то все будет в порядке... Правда, погода еще не наладилась.

– Как правило, после первого похолодания на некоторое время устанавливается чудесная погода, – заметил Талут, – хотя, конечно, это непредсказуемо. В любой момент может начаться настоящая зима.

– Ладно, в общем, как только поутихнет северный ветер, мы попробуем добраться до твоей долины, – сказал Джондалар и был вознагражден за эти слова одной из самых неотразимых улыбок Эйлы.

Джондалару и самому хотелось совершить это небольшое путешествие. Огненные камни произвели должное впечатление, а скалистый берег в долине Эйлы был просто усыпан ими. Когда-нибудь, надеялся Джондалар, он все-таки доберется до соплеменников и поделится с ними всеми находками и открытиями, в том числе и огненными камнями, и копьеметалкой, а Даланару расскажет о том, как Уимез прокаливает кремень перед обработкой. Когда-нибудь...

* * *

– Возвращайтесь скорей! – крикнула Неззи, помахав на прощание рукой.

Эйла и Джондалар помахали ей в ответ. Вдвоем устроившись на спине Уинни, они в последний раз оглянулись на земляные холмы жилища. Джондалар держал длинный поводок Удальца, который топтался чуть в стороне. Обитатели Львиной стоянки вышли из дома, чтобы проводить гостей в это путешествие. Конечно, Эйла всей душой стремилась попасть в свою долину, которая в течение трех лет была ее домом, однако эти люди уже стали для нее почти родными, и сейчас, расставаясь с ними, она почувствовала щемящую боль разлуки.

Ридаг и Руги стояли, прижавшись к матери, и тоже помахивали руками на прощание. Эйла невольно отметила, как мало сходства между этими детьми. Девочка была маленькой копией Неззи, а мальчик явно походил на детей клана, но, несмотря на это, оба ребенка выросли вместе как брат и сестра. И вдруг перед внутренним взором Эйлы

возникла другая картина, и она с тоской осознала, что ее Дарк тоже воспитывается вместе с Гревом, родным сыном Оды, и они вырастут как молочные братья. Грев был полноправным членом клана, а Дарк – всего лишь полукровкой и уже в детстве сильно отличался от своего брата.

Слегка сжав ногами бока Уинни, Эйла подалась вперед, она сделала это машинально, почти не думая о том, что эти действия побуждают кобылу тронуться в путь. Уинни послушно повернулась и начала подниматься по склону.

Это путешествие было совсем не похоже на то неспешное разведывательное странствие, которое они совершали недавно, покинув долину Эйлы. Сейчас они целенаправленно шли обратно по проторенному пути, не сворачивая в сторону, чтобы обследовать местность или поохотиться; они шли целый день, не останавливаясь, даже чтобы отдохнуть или разделить дары Радости. Во время своего разведывательного путешествия, зная, что им придется возвращаться, они запомнили много дорожных примет: скалистые террасы, возвышенности и речные долины, – однако новый сезон уже успел внести перемены в окрестный пейзаж.

Во-первых, явные изменения произошли в растительном мире. Уютные, защищенные от ветра долины, в которых так приятно было остановиться на отдых, стали почти неузнаваемыми в своем новом обличье, и это немного обеспокоило Эйлу и Джондалара. Северные березы и ивы скинули все листья, и их оголенные, дрожащие на ветру тощие ветки казались высохшими и безжизненными. Хвойные деревья – сосны, лиственницы и пинии, – напротив, выглядели на редкость свежими и бодрыми, они словно гордились своими пушистыми игольчатыми нарядами, даже их искривленные карликовые собратья, в одиночку противостоящие степным ветрам, значительно выигрывали при сравнении с оголенными лиственными деревьями. Но наиболее впечатляющими в этой суровой околледниковой зоне были изменения земной поверхности, вызванные вечной мерзлотой.

Вечная мерзлота, или постоянный мерзлотный слой, который уходил от поверхности в толщу земли и не оттаивал даже летом, образовалась в этих краях, расположенных гораздо южнее полярных областей, в давние времена. Глубина этого замороженного слоя, захватившего огромные территории, могла достигать в некоторых

местах нескольких миль. Сложное взаимодействие климата, рельефа и процессов, происходивших на поверхности и в недрах земли, привело к формированию этой постоянной мерзлотной зоны. Определенную роль играли солнечный свет и тепло, а также стоячая вода, растительность, плотность почвы, ветер и снег.

Среднегодовые температуры были всего лишь на несколько градусов ниже тех, что установятся много позже, после окончания этой ледниковой эпохи, однако такой разницы было достаточно для того, чтобы огромные ледники захватили обширную территорию, и для того, чтобы в этих южных землях образовались зоны вечной мерзлоты. Зимы были долгими и холодными; случайные циклоны приносили обильные снегопады и сильные метели, но общее количество осадков в этот сезон было относительно небольшим, поэтому часто стояли ясные и солнечные дни. Летние сезоны были короткими, и лишь несколько действительно жарких дней порой заставляли забыть о близости обширных ледников, но в основном летом преобладала облачная и прохладная погода с редкими морозящими дождями.

Районы вечной мерзлоты также изменяли свой облик в течение года, хотя определенный нижний слой почвы всегда оставался промерзшим. В середине зимы, когда вся земля покрывалась слоем снега и льда, этот край казался застывшим, суровым и неплодородным, но это было обманчивое впечатление. С наступлением теплого сезона верхний слой таял; в отдельных местах, где была особенно твердая или скалистая порода, или в темных ущельях, куда почти не проникал свет солнца, земля оттаивала всего на несколько дюймов, но прогретые песчаные склоны, хорошо пропускающие солнечные лучи, оттаивали на глубину нескольких футов.

Конечно, этот плодородный слой также производил обманчивое впечатление, поскольку под ним по-прежнему правила суровая и холодная зима. Там, в глубине, властвовала непроницаемая толща льда, и благодаря летнему потеплению и силе тяжести эти насыщенные влагой почвы вместе со скалами и деревьями сползали, скользили и стекали по поверхности этого мощного ледяного щита, закрывающего земные недра. На прогретых солнцем склонах порой возникали оползни и осыпи, а там, где летнее таяние не находило выхода, появлялись топи, болота и озера.

Когда теплый сезон заканчивался, то верхний слой земли опять замерзал, но ее холодное ледяное спокойствие скрывало беспокойную, мятущуюся сущность. Сильнейшие давления и сжатия вызывали подъем, деформацию и дробление земной поверхности. Замерзшая земля трескалась и раскалывалась, а затем заполнялась льдом, который, препятствуя сжатию, вбивал свои ледяные клинья. Под давлением впадины заполнялись землей, и плодородный ил поднимался и вспучивался в грязевых водоворотах и ледяных пузырях. Когда эта замерзшая вода расширялась, то на болотистых низинах вдруг вырастали горы и холмы илистого льда, и высота их достигала порой двухсот футов, а диаметр у основания мог быть значительно больше.

Следуя обратно по пройденному маршруту, Эйла и Джондалар обнаружили, что рельеф местности изменился, и они порой не находили своих дорожных ориентиров. Исчезли какие-то речки, через которые они недавно переправлялись: их верховья сковал лед, а русло ниже по течению совсем высохло. Среди топей и низин появились ледяные холмы, которых раньше не было; в тех местах, где глубинные слои почвы оказались менее плотными, возвышались скалы. Стайки деревьев росли на таликах – островках незамерзшей земли, окруженных вечной мерзлотой; иногда это так напоминало небольшую долину, что Эйла и Джондалар долго не могли понять, почему они не заметили такой долины раньше, когда проходили здесь в первый раз.

Джондалар не особенно хорошо знал здешние места, и несколько раз их выручала отличная память Эйлы. Если же и она подводила, то Эйла полагалась на чутье Уинни, позволяя лошади самой выбирать дорогу. Уинни уже не раз случалось безошибочно выводить заплутавшую Эйлу к дому. Путь был неблизким, и путешественники иногда шли своим ходом, давая кобыле отдохнуть, а иногда ехали на ней вдвоем или поодиночке, меняясь время от времени. Наконец они решили, что пора сделать остановку на ночь. Быстро разбив небольшую стоянку, они развели костер и, поставив палатку, постелили на землю меховые шкуры. Затем они приготовили из дробленого подсушенного зерна горячую кашу, и Эйла заварила душистый напиток из трав.

Утром они выпили только немного горячего чая, чтобы разогреться, и, быстро собравшись, отправились дальше, а уже в дороге подкрепились строганиной из вяленого мяса и маленькими лепешками, сделанными из смеси сушеных ягод и жира. Охота не входила в их

планы, и Эйла только один раз воспользовалась своей пращей, чтобы подстрелить зайца, которого они случайно спугнули, проезжая по степи. Неззи собрала им в дорогу изрядный запас еды, однако, останавливаясь на отдых, они иногда собирали шишки пиний и бросали их в костер, а когда шишки с треском раскрывались, путники с удовольствием съедали эти маслянистые питательные семена.

Местность, по которой они ехали, постепенно изменилась, появились скалистые каньоны и ущелья с обрывистыми крутыми склонами. Эйла с нарастающим волнением вглядывалась в окрестный пейзаж, который очень напоминал места, располагавшиеся к юго-западу от ее долины. И наконец сердце Эйлы отчаянно забилося при виде крутого склона, который она сразу узнала по особой окраске пластов залегающих горных пород.

– Джондалар! Смотри! Ты узнаешь это место?! – воскликнула она, махнув рукой в сторону обрыва. – Мы почти приехали.

Даже Уинни, похоже, разволновалась и по собственной инициативе увеличила шаг. Теперь Эйла отыскивала еще один приметный знак – скалу, форма которой напоминала лежащую на земле львицу. Заметив эту скалу, путники повернули на север и доехали до крутого обрывистого склона, покрытого галечником и крупными обломками скальной породы. По каменистому дну этого ущелья с запада на восток, журча, бежала неглубокая речка, ее воды с шумом и брызгами разбивались о скалы, ярко поблескивая на солнце. Седоки спешили и осторожно спустились вниз. Лошади направились вброд через реку, затем остановились посредине, чтобы напиться чистой речной воды. Эйла нашла место своей обычной переправы, – это был ряд выступающих из воды камней, которые располагались так удобно, что, перепрыгивая с одного на другой, можно было достичь противоположного берега. Когда все они успешно переправились, Эйла тоже зачерпнула рукой воду и утолила жажду.

– Какая здесь вкусная вода! Ты только посмотри, какая чистая! – воскликнула Эйла. – На дне совсем нет ила, поэтому она такая прозрачная. Ой, Джондалар, взгляни, кто это там... По-моему, лошади!

Джондалар понимающе улыбнулся, слушая ее восторженные восклицания, он и сам немного разволновался при виде этой хорошо знакомой продолговатой долины, в которой находилась пещера Эйлы. Это место было отлично защищено от сильных зимних ветров, и даже

сейчас, осенью, было очевидно, насколько богата здешняя растительность. Крутой берег, с которого они только что спустились, резко поднимался вверх, переходя в отвесные скалистые стены, что тянулись вдоль располагавшейся слева долины. Широкая полоса кустарника и деревьев окаймляла противоположный берег потока, резво бегущего по каменному руслу; затем эта полоса сужалась, уступая место поблескивающему под послеполуденным солнцем золотистому лугу, по которому ветерок гнал легкие волны. Это ровное поле высокой травы полого поднималось к раскинувшейся справа степи; однако к концу долины береговые откосы становились круче, а за полем высились скалистые стены узкого ущелья.

На лугу паслось несколько степных лошадей, которые подняли головы и настороженно поглядывали в сторону проходивших мимо путников. Один из жеребцов заржал, и Уинни, вскинув голову, ответила на его приветствие. Маленький табун внимательно следил за приближением странной группы, и как только дикие лошади почувствовали человеческий запах, то все, точно по команде, развернулись и стремительным галопом унеслись в степь, помахивая хвостами и оглашая окрестности тревожным ржанием и глухим перестуком копыт. Два человека, сидевшие на спине лошади, остановились и посмотрели им вслед, так же как и жеребенок, которого вели в поводу.

Удалец, изогнув шею и настороженно подняв уши, рванулся было за стадом, но поскольку веревка не позволила ему убежать далеко, то он вскоре остановился и, раздувая ноздри, тянул шею вслед ускакавшим собратьям. Продолжая идти вдоль реки, Уинни окликнула Удальца мягким ржанием, и он послушно последовал за ней.

Быстро продвигаясь вверх по течению к сужающемуся концу ущелья, путешественники уже видели справа крутой поворот, где бурливая речка ударялась о выступающую скалу и каменистый берег. За этим выступом высилась большая куча, состоявшая помимо камней и пльвуна в основном из разнообразных костей, рогов и бивней. Часть костей могла попасть сюда из окрестных степей, а другая часть останков принадлежала животным, которые были захвачены случавшимися после обильных дождей внезапными наводнениями; стремительный поток быстро сносил трупы вниз по течению и выбрасывал на эту излучину.

Эйла больше не могла терпеть. Она соскользнула со спины Уинни и, пробежав мимо костяной кучи, устремилась вверх по крутой узкой тропе, проходившей по каменистому выступу, который вел прямо ко входу в ее пещеру, что находилась в верхней части этого изломанного скалистого склона. Она едва не вбежала внутрь, но вовремя остановилась. Три года, прожитые в одиночестве в этой маленькой пещере, приучили ее к осторожности. Она выжила только благодаря тому, что ни на минуту не забывала об опасностях, которые могли подстеречь ее в этом суровом мире. Пещеры зачастую служили убежищем не только людям. Осторожно продвигаясь вдоль скалы, она развязала ремень пращи, поддерживавший ее волосы, потом наклонилась и взяла в руку несколько камней.

Эйла напряженно всматривалась во тьму пещеры. Она ничего не увидела, но почувствовала слабый запах древесного угля, исходивший от очага, которым явно давно не пользовались, а также более свежий мускусный запах россомахи. Но похоже, это животное тоже давно покинуло пещеру. Эйла шагнула внутрь и, когда глаза ее попривыкли к темноте, огляделась вокруг.

Она безуспешно пыталась сдержать слезы, которые обжигали ее глаза и тихо скатывались по щекам. Это была ее пещера. Наконец-то она вернулась в свой дом. Все здесь было таким родным и знакомым, однако теперь это пристанище, где она так долго прожила, выглядело необитаемым и заброшенным. Свет, проникавший сквозь отверстие над входом, показал Эйле, что обоняние не обмануло ее. Окинув взглядом небольшое помещение, она печально вздохнула. Казалось, в пещере произошло настоящее побоище. Все было перевернуто вверх дном: вероятно, здесь побывало несколько животных. Эйла пока не могла оценить, какой ущерб они нанесли ее запасам.

Затем у входа появился Джондалар, он вошел внутрь, ведя за собой Уинни и Удальца. Кобыла выросла в этой пещере, а для Удальца, который здесь родился, это место было единственным домом, до тех пор пока они не заехали погостить на Львиную стоянку.

– Похоже, у нас побывали непрощенные гости, – сказал он, приглядевшись к значительным разрушениям. – Ну и беспорядок!

Эйла тяжело вздохнула и смахнула слезы:

– Пожалуй, надо развести костер и зажечь факел, чтобы мы могли оценить наши потери. Хотя нет, сначала я разгружу Уинни, ей пора

отдохнуть и подкрепиться.

– Ты считаешь, что мы можем позволить им свободно пастись? Мне показалось, что Удалец готов был удрать от нас вместе с тем табуном. Может, лучше привязать их? – с явным беспокойством предложил Джондалар.

– Уинни всегда свободно гуляла по окрестностям, – сказала Эйла, испытывая легкое смущение. – Я не могу привязывать ее. Она мой друг и живет со мной потому, что ей самой этого хочется. Знаешь, однажды она даже уходила жить в табун, когда ей приглянулся гнедой жеребец, и я очень скучала без нее. Хорошо еще, что тогда со мной оставался Вэбхья. Но потом она вернулась. Уинни будет жить со мной сколько захочет, и Удалец останется при ней, по крайней мере пока не вырастет. Вэбхья ушел от меня, и Удалец тоже со временем может уйти. Дети также покидают материнский очаг, когда вырастают. Хотя трудно сравнивать поведение лошадей и львов, но мне кажется, что если мы с Удальцом подружимся, то он останется с нами, как Уинни.

Джондалар кивнул:

– Ладно, тебе видней, ты знаешь их куда лучше, чем я.

В конце концов, Эйла была единственным знатоком в этом деле, и кому, как не ей, решать, как лучше поступить с лошадьми.

– Тогда, может, пока ты разгружаешь лошадей, я разожгу костер?

Даже не осознавая, насколько он успел привыкнуть к этой пещере за то короткое лето, что они прожили здесь с Эйлой, Джондалар машинально направился к тому месту, где обычно хранились запасы дров и хвороста для растопки. Мысли его были заняты другими вопросами. Он размышлял, как бы ему подружиться с Удальцом. Для него до сих пор оставалось загадкой, как Эйла общается с Уинни и почему кобыла послушно возит ее и никуда не убегает, несмотря на предоставленную ей полную свободу. Возможно, ему не удастся добиться таких же результатов, но попытаться определенно стоит. Однако пока все-таки лучше привязывать Удальца, по крайней мере во время путешествий, где им могут встретиться другие лошади.

Обследование пещеры и ее содержимого дало свои результаты. Росомаха и гиена – Эйла не знала точно, кто именно, поскольку эти хищники побывали в пещере в разное время и их следы перепутались, – добрались до одного из тайников с вяленным мясом и опустошили его. Одна корзина с собранным для Уинни и Удальца

зерном, которую они оставили на виду, была изрядно потрепана и прорвана в нескольких местах. Судя по следам, множество маленьких грызунов – полевок, пищух, сусликов, тушканчиков и хомяков – попирило здесь на славу, поскольку в корзине не осталось ни зернышка. Рядом под стожком сена Эйла и Джондалар обнаружили мышьиные гнезда, набитые награбленным добром. Но большая часть корзин с зерном, корнеплодами и сушеными фруктами была спрятана в ямы, выкопанные в земляном полу пещеры, или завалена камнями и пострадала значительно меньше.

Эйла порадовалась, что они догадались сложить мягкую кожу и меха, которые она заготовила за все эти годы, в плотную корзину и спрятать ее под каменной пирамидой. Такая большая груда камней оказалась не по зубам диким расхитителям домашнего скарба, однако не убранный в спешке предмет, что Эйла сшила для себя и Джондалара, была разодрана в клочья. Другая каменная пирамида стала объектом более упорных атак – под ней наряду с прочими вещами находился жесткий короб из сыромятной кожи, в котором, словно маленькие колбаски, лежали оленьи кишки, наполненные перетопленным жиром. В итоге, пустив в дело когти и зубы, хищники продрали один угол этого короба и даже прокусили одну из колбасок, но в целом пирамида выстояла.

Вдобавок к урону, нанесенному запасам пищи, животные тщательно обследовали всю пещеру и опрокинули полки с искусно сделанными сосудами и чашами из полированного дерева, разбросали многочисленные корзины и красиво сплетенные циновки, да еще и нагадили в нескольких местах – в общем, испортили все, что смогли найти. Хотя результат ущерба оказался значительно меньше, чем выглядело на первый взгляд, и, к счастью, незваные гости практически не притронулись к зеленой аптеке Эйлы, в которой хранилось большое количество лекарственных трав и снадобий.

К вечеру Эйла почувствовала себя гораздо лучше. За день они успели навести полный порядок в пещере и поняли, что потери совсем невелики, затем приготовили на скорую руку какую-то еду и, подкрепившись, обследовали окрестности, чтобы выяснить, какие изменения произошли в долине за время их отсутствия. Огонь в очаге весело потрескивал, в небольшом углублении, где обычно спала Эйла, на чистом сене лежали меховые шкуры, а Уинни и Удалец уютно

устроились на своих привычных местах с другой стороны от входа. Наконец-то Эйла действительно ощутила, что она дома.

– Даже не верится, что мы вернулись сюда, – сказала она, сидя на циновке возле очага рядом с Джондаларом. – Мне кажется, я не была здесь целую вечность, а, в сущности, мы отсутствовали совсем недолго.

– Да, совсем недолго.

– За это время я так много узнала... Может, поэтому мне и показалось, что прошла целая жизнь. Хорошо, что ты, Джондалар, убедил меня отправиться в этот поход. И я рада, что мы встретили Талута и мамутой. Ты даже не представляешь, как я боялась встречи с Другими...

– Я понимал, что это тревожит тебя, но был убежден, что когда ты лучше узнаешь людей, толюбишь их.

– Но это было не просто знакомство с новыми людьми. Это была встреча с Другими. Так их называли в клане, и хотя мне всю жизнь твердили, что я тоже из племени Других, но сама я все-таки считала себя членом клана. Когда меня прокляли и я осознала, что не смогу вернуться в клан, мне было страшно даже подумать о встрече с какими-то племенами Других. После того как мы с Уинни подружились, мне стало еще страшнее. Я не знала, что делать, и боялась, что Другие не позволят мне жить вместе с лошадьё – убьют или съедят ее. Я боялась, что они не позволят мне охотиться. Мне не хотелось жить с людьми, которые стали бы запрещать мне ходить на охоту. И я думала также, что они будут заставлять меня делать то, чего мне вовсе не хочется, – сказала Эйла.

Воспоминания о собственных страхах и тревогах неожиданно привели Эйлу в состояние странного нервного возбуждения. Она вскочила и направилась к выходу из пещеры, затем отбросила в сторону тяжелый защитный занавес и, выйдя на широкий каменный карниз, поднялась по нему к вершине этой высокой скалистой стены. Стояла холодная ночь. Звезды, пронзительно ярко блестящие в бездонной черноте неба, казались такими же ледяными, как обжигающий ветер. Слегка съежившись, она обхватила себя за плечи и, растирая их ладонями, дошла до конца выступа.

Эйла уже начала дрожать крупной дрожью, когда почувствовала, что мягкий теплый мех опустился на ее плечи. Повернув голову, она

увидела Джондалара. Он обнял ее, и она тесно прижалась спиной к его теплой груди.

Джондалар, наклонив голову, поцеловал Эйлу и сказал:

– Здесь такой холод. Давай вернемся к нашему теплому очагу.

Эйла позволила ему увести себя, но, войдя в пещеру, задержалась у входа, завешенного тяжелой шкурой, которая защищала ее от холодных ветров со времен первой зимы, проведенной в этом каменном убежище.

– Когда-то эта шкура была моей палаткой... Хотя нет, это была палатка Креба, – поправила она саму себя. – Только он никогда не пользовался ею. А я стала пользоваться, когда мужчины включили меня в число женщин, сопровождавших их во время охотничьих вылазок. Они охотились, а мы разделявали туши и оттаскивали их в пещеру. Но я не считала, что это моя личная палатка. Она принадлежала Кребу. И, уходя из клана, я взяла ее с собой, подумав, что Креб не стал бы возражать против этого. Я не могла спросить у него разрешения. К тому времени он уже умер, но если бы даже был жив, то не смог бы поговорить со мной. Меня проклинали... – Слезы текли по ее щекам, но она словно не замечала этого. – Я была мертва. Только Дарк еще воспринимал меня как живое существо, он был слишком мал и не понимал, что ему запрещается даже видеть меня. Ох, Джондалар, как мне не хотелось оставлять его там, – всхлипывая, сказала Эйла. – Но я не могла взять его с собой. Ведь я действительно легко могла умереть. Кто знал, что могло случиться со мной...

Джондалар растерялся; не зная, что сказать ей, как лучше утешить, он обнял Эйлу и просто дал ей выплакаться.

– Мне так хочется вновь увидеть его. Каждый раз, глядя на Ридага, я вспоминаю Дарка. Если бы он мог быть сейчас со мной... Возможно, тогда нас обоих приняли бы в племя мамутои.

– Постарайся не думать сейчас об этом, Эйла. Ты очень устала. Давай-ка ложиться спать, – сказал Джондалар, подводя ее к меховому ложу, но на душе у него тоже было беспокойно. Ему не хотелось поддерживать разговор на эту тему, слишком уж нереальны были ее желания.

Эйла послушно подошла к лежанке. Не говоря ни слова, Джондалар помог ей раздеться и, уложив в постель, закрыл ее меховым покрывалом. Подбросив дров в костер, он сгреб угли в кучку, чтобы они

дольше держали тепло, а затем и сам быстро разделся и лег рядом с Эйлой. Обняв ее, он нежно, едва касаясь, поцеловал ее в губы.

Легкое, дразнящее прикосновение вызвало желаемую реакцию, он почувствовал, как ее тело откликнулось на его ласку. Такими легкими, щекочущими поцелуями он начал покрывать ее лицо – соленые от слез щеки, закрытые глаза – и вновь вернулся к мягким полным губам. Приподняв ее подбородок, Джондалар продолжал ласкать губами ее шею. Эйла старалась лежать спокойно; его легкие, щекочущие поцелуи привели к тому, что по ее телу прокатилась горячая волна желания, которая тотчас смыла печальное настроение.

Кончики его пальцев, пробежав по изгибу ее плеча, спустились вниз по руке. Затем медленно и мягко его ладони вдруг начали подниматься вверх, касаясь внутренней стороны ее рук. Эйла судорожно вздохнула, почувствовав трепетную дрожь, которая наполнила каждую клеточку ее тела томительным ожиданием. Искусная рука Джондалара, скользнувшая по изящному изгибу ее талии, уже поглаживала мягкие холмики ее груди. Эйла задрожала от чувственного наслаждения, и он заметил, как набух и отвердел сосок под его пальцами.

Не выдержав, он склонился, припал губами к этому розовому бутону и начал посасывать, тянуть и покусывать его сладостную плоть. Эйла невольно прогнулась ему навстречу, чувствуя, как стрелы любви пронзили ее тело и бедра смочила сокровенная теплая влага. Вдыхая приятный аромат женской кожи, Джондалар понял, что она готова принять его. Он не мог припомнить случая, чтобы когда-нибудь она отказалась от его ласк. И не важно, когда и где ему хотелось разделить с ней дары Радости – на теплой лежанке или на холодной, каменистой земле, – Эйла всегда принимала его ласки, и это было не просто равнодушное согласие, она мгновенно загоралась таким же сильным чувственным желанием. Пожалуй, только во время ее лунных циклов она была немного сдержанна, словно испытывала смущение, и Джондалар, уважая ее настроение, спокойно ждал окончания этих дней.

Его руки поглаживали ее бедра, и она с радостью раскрылась ему навстречу, но ему захотелось продлить это томительное и сладостное ожидание, и он поборол сильное искушение мгновенно слиться с ней воедино. Сегодня у них был теплый сухой дом, где они могли наслаждаться друг другом в полном уединении, – вероятно, этой зимой

у них больше не будет такой возможности. В общем-то, Джондалар, не смущаясь, делил с ней дары Радости в длинном земляном доме Львиной стоянки, однако в таком уединении они могли совершенно свободно выражать свои чувства, достигая особой остроты и полноты наслаждения. Его рука поглаживала ее влажную промежность, его пальцы теребили возбужденный маленький бугорок. Эйла судорожно вздохнула и вскрикнула. А когда его пальцы спустились чуть ниже и погрузились в ее теплые глубины, она прогнулась и застонала от наслаждения. О, как он хотел войти в нее, однако ему казалось, что нужный момент еще не настал.

Джондалар, оторвавшись наконец от груди Эйлы, нашел ее приоткрытые губы. Они слились в долгом страстном поцелуе, и ее чувственный язык медленно ласкал его небо, доставляя Джондалару неизъяснимое удовольствие. Слегка отстранившись, чтобы перевести дух и немного прийти в себя, перед тем как дать выход давно сдерживаемой страсти, он окинул любящим взглядом эту прекрасную и желанную женщину. Джондалар смотрел на нее до тех пор, пока она наконец не открыла глаза.

При дневном свете ее глаза были серо-голубыми, под цвет хорошего кремня, но сейчас они казались совсем черными, и взгляд был исполнен такой любви и желания, что у Джондалара вдруг болезненно сжалось горло от щемящего чувства, зародившегося в сокровенных глубинах его существа. Указательным пальцем он провел по ее подбородку, слегка коснулся губ. Он никак не мог наглядеться на нее, не мог оторвать взгляда от ее прекрасного лица, точно хотел навсегда запечатлеть в памяти ее облик. Она вновь посмотрела на него; его ярко-синие глаза в отблесках костра стали темно-фиолетовыми, они казались глубочайшими озерами, излучающими такую любовь и нежность, что она готова была раствориться в их бездонном сиянии. Даже если бы Эйла захотела, то ни за что не смогла бы отвергнуть его ласки, но у нее никогда не возникало такого желания.

Вновь поцеловав ее, Джондалар пробежал теплым языком по ее шее и спустился к ложбинке, разделяющей груди. Обнимая ладонями их упругие округлости, он припал ртом к соску и вновь начал посасывать его. Эйла обняла его и, импульсивно сжимая руками его спину, тихо постанывала в сладостном томлении.

Его губы нашли углубление ее пупка, и влажный язык, обследовав эту маленькую ямку, спустился ниже, к мягкому коврику лобка. Эйла закричала и прогнулась навстречу этому властному и нежному языку, щекочущему и ласкающему возбужденный бугорок Радости.

Эйла вдруг приподнялась и, изогнувшись на меховом покрывале, взяла в руки его отвердевшее копьё и вобрала в себя, насколько позволяла глубина ее рта. Ее ладони массировали его мягкие мешочки, и, когда он невольно расслабился, Эйла ощутила на языке струйку теплой влаги.

Джондалар почувствовал, как нарастает напряжение в его чреслах, его член наполнился пульсирующими соками животворной радости. А он, наслаждаясь вкусом женских сосков, в который раз открывал для себя складочки и холмики ее удивительно глубокого лона. Ему казалось, что он никогда не сможет вдоволь насладиться ее красотой. Джондалару хотелось вновь и вновь исследовать ее тело, проникая в самые сокровенные уголки и вдыхая сладостные ароматы; он чувствовал исходивший от нее жаркий ток страстной чувственности, когда ее трепетные и сильные пальцы пробегали вверх и вниз по его длинному и твердому копьё. Джондалару мучительно захотелось войти в нее.

Разрываясь между собственными желаниями, он с трудом заставил себя на мгновение отдалиться от ее лона; его искусные пальцы вновь погрузились в глубины ее женского естества. Склонившись над Эйлой, он продолжал свои горячие ласки, пока она не закричала, задыхаясь от страсти, и он почувствовал нарастающее напряжение, предшествующее моменту невыразимого наслаждения. Эйла была уже не в силах владеть собой, она потянулась к Джондалару, выкрикивая его имя, и тогда он приподнялся над ее бедрами, его напряженное копьё нашло сокровенный вход и начало медленно погружаться в ее желанные глубины, раскрывшиеся ему навстречу.

Он так долго сдерживал себя, что теперь его кудесник не сразу смог войти в ее лоно, но в итоге это ему удалось, и он вновь с наслаждением познал ее удивительную глубину, которая полностью вмещала его возбужденный пенис. Его тело ритмически двигалось, в сладостном отрешении приближаясь к чувственному пику дара Радости, и Эйла, прогнувшись, почти бессознательно отвечала на каждое его движение. Наконец Джондалар понял, что настал момент

для полного слияния, и его животворные соки хлынули в ее лоно; в неистовом финальном биении он и она словно соединились в единое целое, одновременно достигнув вершины сладостного освобождения.

Они были не в состоянии двигаться и лежали в полном изнеможении чувств и сил. Расслабившись, Джондалар придавил ее своей тяжестью, но она любила эти моменты, Эйле нравилось ощущать на себе усталую тяжесть его тела. Она вдыхала слабый аромат собственной плоти, оставшийся на его разгоряченной коже, обожала этот смешанный аромат, который всегда напоминал ей о том, какой неистовой была их любовь и почему она чувствует сейчас эту неизъяснимую сладостную истому и слабость. Разделяя с ним дары Радости, она по-прежнему испытывала полнейшее и искреннее удивление. Каждый раз она с неизменным потрясением открывала, какие радостные и тонкие чувства он способен пробудить в ее теле. Живя в клане, она знала только насилие и унижение, смешанное с ненавистью и презрением. До встречи с Джондаларом она и не подозревала о существовании дара Радости.

Собравшись с силами, Джондалар наконец оторвался от нее и, поднимаясь, пробежал легкими поцелуями по ее груди и животу. Она тоже поднялась вслед за ним и, подойдя к очагу, положила несколько камней в огонь, чтобы они хорошенько прокалились.

– Джондалар, ты не нальешь немного воды в эту посудину, по моему, бурдюк почти полон? – сказала она, проходя в дальний угол пещеры; обычно в этом месте она справляла нужду, когда погода была слишком холодной.

Вернувшись, Эйла вынула раскаленные камни из огня – этот способ она переняла у мамутой – и опустила их в плотно сплетенную корзину, которая отлично удерживала воду. От зашипевших камней повалил пар; они отдавали свое тепло воде, нагревая ее. Затем Эйла выловила их и опять сунула в костер, а в воду опустила следующую пару раскаленных камней.

Когда вода закипела, Эйла зачерпнула несколько чашек, переливая кипяток в деревянную чашу; затем добавила туда несколько горстей сухих лиловатых лепестков синюхи из своих лекарственных запасов, и воздух вдруг наполнился приятным пряным ароматом. Погрузив кусочек мягкой кожи в настой этого богатого сапонином растения, Эйла взбила легкую мыльную пену, которую не надо было смывать; после

такого умывания кожа становилась мягкой и приятно пахла. Стоя у костра, Эйла протирали лицо, шею, все тело этим ароматным настоем, а Джондалар упивался ее красотой, наблюдая за ее плавными движениями, и мечтал о том времени, когда вновь сможет разделить с ней дары Радости.

Протянув Джондалару кусочек мягко выделанной заячьей кожи, она передала ему чашу с мыльным настоем. Такие очистительные процедуры Эйла начала делать регулярно с тех пор, как появился Джондалар, и он постепенно перенял у нее этот обычай. Пока Джондалар мылся, Эйла вновь просмотрела запасы трав, радуясь, что все они остались в целости и сохранности. Выбрав нужные пакетики, она решила заварить две чашки чая со специальным сбором трав для себя и для Джондалара. Для себя она, как обычно, хотела сделать настой из золототысячника и корня антилопьего шалфея, в очередной раз подумав о том, что, наверное, ребенок начал бы расти в ее чреве, если бы она перестала принимать это средство. Несмотря на объяснения Джондалара, Эйла все-таки считала, что не дух, а именно мужчина способствует зарождению новой жизни. Однако в любом случае тайное снадобье Изы действовало хорошо, и дни женского проклятия или, скорее, ее лунные дни – как называл их Джондалар – по-прежнему приходили в положенное время. «Как было бы чудесно, если бы у меня родился ребенок, похожий на Джондалара, – думала она, – но, возможно, действительно сейчас не слишком подходящее время для беременности. Вот если бы он тоже решил стать мамутой, тогда, может, я и перестала бы принимать это лекарство».

Эйла взглянула на пучок чертополоха, листья которого можно было добавлять в чай для улучшения работы сердца и дыхания, а также для увеличения количества грудного молока, однако вместо этого растения она выбрала дамиану, которая способствовала нормальному течению женских циклов. Затем взяла еще немного клевера и плодов розового шиповника, которые придавали настою приятный вкус и оказывали на организм укрепляющее действие. В чай для Джондалара Эйла положила женьшень для укрепления мужской силы и выносливости, добавила желтого ревеня, который действовал как тонизирующее и очищающее средство, и еще немного сухого сладковатого корня лакричника, поскольку заметила, что Джондалар стал часто хмуриться, а это обычно означало, что он чем-то недоволен или обеспокоен. Эйла

также положила в настой немного цветов ромашки, которая хорошо успокаивала.

Пока травы настаивались, она встряхнула и расправила меховое покрывало, а затем дала Джондалару его любимую деревянную чашку, сделанную ею когда-то.

Слегка замерзнув, они вернулись в постель и допивали чай, уже уютно устроившись под теплыми покрывалами.

– Ты так чудесно пахнешь, точно цветы на лугу, – сказал Джондалар, щекоча Эйлу своим дыханием и покусывая мочку ее уха.

– И ты тоже.

Он нежно и медленно целовал ее, стараясь продлить приятные ощущения.

– Чай получился очень вкусным. Что ты добавила в него? – спросил он, целуя ее в шею.

– Немного ромашки и других растений, которые полезны для здоровья и укрепляют силу и выносливость. Я не знаю, как вы называете эти целебные травы.

Его поцелуи стали более жаркими и чувственными, и она с удовольствием откликнулась на них. Джондалар приподнялся на локте и взглянул на нее:

– Эйла, ты явно не догадываешься, какая ты потрясающая женщина.

Она улыbnулась и покачала головой.

– Каждый раз, когда мне хочется разделить с тобой дары Радости, ты с готовностью отвечаешь на мои ласки. Ты никогда не пыталась охладить мою страсть, никогда не отказываешь мне, и, несмотря на это, чем чаще мы делим с тобой дары Радости, тем больше мне этого хочется.

– Что же тут удивительного? Я хочу тебя так же часто, как ты меня. Но по-моему, Джондалар, ты знаешь мое тело гораздо лучше, чем я сама. Ты неизменно даришь мне наслаждение, пробуждая чувства и ощущения, о которых я раньше не подозревала. Так почему наши желания не должны быть взаимными?

– Ну, просто женщины часто бывают не в настроении или считают, что мы выбираем не слишком подходящие места для любовных игр. Конечно, удобнее делить дары Радости в теплой постели, а не в

холодной степи или на мокром речном берегу. Но ты никогда не отказываешь мне. Никогда не просишь меня подождать...

Эйла в задумчивости прикрыла глаза, а потом взглянула на него с легкой озабоченностью.

– Наверное, я могу объяснить тебе это, Джондалар. Мое поведение определяется воспитанием. Женщина клана никогда не отказывает мужчине. Каким бы делом она ни занималась в данный момент, она должна отложить его по первому же знаку мужчины и удовлетворить его желание. Даже если она ненавидит его, как я ненавидела Бруда. А ты даришь мне только чудесные ощущения, только наслаждение. Мне приятно, когда ты хочешь меня, какое бы место или время ты ни выбрал. Я готова разделить с тобой дары Радости, когда бы ты ни захотел этого. Я всегда хочу тебя, Джондалар. Я люблю тебя.

Неожиданно он привлек Эйлу к себе и так жарко обнял, что у нее перехватило дыхание.

– О Эйла, моя Эйла! – воскликнул он хрипловатым шепотом, уткнувшись носом в ее шею. – Я думал, что никогда не встречу свою любовь. Каждый мужчина находит женщину, с которой он может основать новый очаг, новую семью. А я просто год за годом делил с женщинами дары Радости, не испытывая желания связывать себя. Даже Тонолан нашел себе подругу во время путешествия. Именно поэтому мы и остались жить в племени шарамудои. Я знал много женщин. Мне нравились многие женщины, но у каждой из них я находил определенные недостатки. Я уже думал, что такова моя судьба. Думал, что Великая Мать не хочет, чтобы я нашел свою любовь. Мне казалось, что это мое наказание.

– Наказание? За что? – спросила Эйла.

– За... то, что произошло много лет тому назад.

Она не настаивала на ответе. Это тоже было частью ее воспитания.

Глава 15

Чей-то голос окликнул его, голос его матери, доносившийся издалека и приглушенный порывистым ветром. Джондалар понял, что он находится около своего дома, но место показалось ему очень странным: знакомым и в то же время незнакомым. Джондалар подошел поближе. Вокруг не было ни души! В панике он бросился вперед и тут же проснулся...

Оглядевшись кругом, Джондалар узнал пещеру Эйлы. Тяжелая шкура, закрывавшая вход в пещеру, свободно раскачивалась, вздымаемая ветром. Морозный воздух гулял по маленькой пещере, яркие солнечные лучи проникали через входное отверстие и дыру над ним. Джондалар быстро натянул штаны и рубашу и вдруг заметил возле очага чашку дымящегося чая, рядом с которым лежала свежеччищенная от коры палочка для зубов.

Он улыбнулся. «Как она умудряется так тихо все приготовить? – недоумевая, размышлял он. – Как умудряется приготовить горячий чай к моменту моего пробуждения? По крайней мере, здесь, в своей пещере, она всегда успевает его приготовить». На Львиной стоянке все было немного иначе, и в трапезах обычно участвовало много людей. Иногда они пили утренний чай в помещении Мамонта или Львиного очага, а иногда у общего кухонного очага, и тогда кто-нибудь обязательно присоединялся к ним. Поэтому Джондалар не обращал внимания на то, что, когда бы он ни проснулся, его всегда ждал горячий чай, но сейчас ему стало ясно, что об этом заботилась Эйла, хотя она никогда не ставила это себе в заслугу. Просто чай всегда был готов, как и многие другие вещи, которые она делала незаметно для него, не дожидаясь просьбы с его стороны.

Взяв чашку, Джондалар отпил пару глотков. В настой определенно была добавлена мята – Эйла знала, что он любит мятный вкус, – а также ромашка и еще какая-то трава, которую он не мог сразу распознать. Чай имел красноватый оттенок – может, благодаря плодам шиповника?

«Как легко это вошло в привычку», – подумал он. Каждое утро начиналось со своеобразной игры – он пытался отгадать, какие травы она добавила в чай. Направляясь к выходу, Джондалар захватил зубную

палочку и, пожевав ее кончик, почистил зубы этим расщепленным концом. Полоща рот чаем, он прошел к дальнему концу выступа, чтобы справить нужду. Там он выбросил использованную палочку и, выплюнув чай, облегчился, рассеянно наблюдая, как устремляется вниз дуга его дымящейся струи.

Ветер был не особенно сильным, и утро казалось теплым, поскольку солнечные лучи уже успели прогреть светлую поверхность скалы. Джондалар прошел по каменистому карнизу к выступающему краю скалы и глянул вниз на узкую ленту реки. Края ее покрывала ледяная корка, но водный поток по-прежнему быстро уносился вдаль, огибая излучину и делая поворот на восток, однако через несколько миль река вновь поворачивала и текла дальше на юг, выдерживая свое основное направление. Слева вдоль речного берега тянулась широкая уютная долина, и Джондалар заметил пасущихся неподалеку Уинни и Удальца. А справа, если смотреть вверх по течению, вид местности был совершенно иным. За кучей костей, высившейся на скалистом берегу, поднимались крутые каменные стены, которые подступали к реке, образуя тесное глубокое ущелье. Джондалар вспомнил, как однажды он плывал вверх по течению и смог добраться только до подножия бурного водопада.

Заметив Эйлу, поднимающуюся по крутой тропе, Джондалар улыбнулся ей:

– Где ты была?

Она сделала еще несколько шагов по тропе, и тогда Джондалар без дополнительных объяснений с ее стороны получил ответ на свой вопрос. Эйла несла две жирные, почти белоснежные куропатки, сжимая в руках их оперенные лапки.

– Я стояла примерно там же, где сейчас стоишь ты, и увидела их на лугу, – сказала Эйла, поднимая вверх добычу и указывая в соответствующем направлении. – Мне подумалось, что для разнообразия неплохо было бы отведать свежего мяса. Я уже развела костер в ямке очага на берегу. Когда мы закончим завтрак, я ощиплю и приготовлю их. Да, посмотри-ка, я нашла еще один хороший огненный камень.

– А много их еще на берегу? – поинтересовался Джондалар.

– По-моему, раньше было больше. Мне удалось найти только один.

– Понятно, попозже я прогуляюсь по берегу, может, найду еще несколько штук про запас.

Эйла вошла в пещеру, собираясь закончить приготовление завтрака. К зерновой похлебке было добавлено немного брусники, которую Эйле удалось найти на маленьких кустиках, уже сбросивших последние листики. Основная часть урожая, конечно, была уже съедена птицами, и Эйле пришлось изрядно потрудиться, чтобы набрать несколько горстей этих красных ягод, но она была вполне довольна результатом.

– Так вот что это было! – воскликнул Джондалар, допивая вторую чашку чая. – Ты добавила в этот чай брусники! Мята, ромашки и брусники.

Улыбнувшись, Эйла согласно кивнула, и Джондалар обрадовался, разрешив для себя эту маленькую загадку.

Покончив с завтраком, они оба спустились к реке, и, пока Эйла подготавливала птиц для запекания в небольшом, выложенном камнем очаге, Джондалар пошел искать обломки пирита, которые были разбросаны по берегу. Он все еще продолжал свои поиски, когда Эйла направилась обратно в пещеру. Обнаружив несколько хороших кремневых желваков, он также отложил их в сторонку. Этим утром Джондалару удалось найти довольно много огненных камней, и ему изрядно поднадоело вглядываться в каменистый берег. Обойдя скалу и увидев на пологом лугу кобылу и жеребенка, Джондалар направился к ним.

Когда он подошел поближе, то заметил, что обе лошади повернули головы в сторону степи. Там, на вершине склона, паслись лошади. Удалец сделал несколько шагов в направлении этого степного табуна, он стоял, выгнув дугой шею и раздувая ноздри. Джондалар не раздумывая бросился вперед.

– Эгей! Пошли прочь отсюда! – кричал он на бегу, размахивая руками.

Испуганные лошади заржали и, пофыркивая, ускакали в степь. Последний, золотисто-пегий жеребец слегка задержался и угрожающе встал на дыбы, словно пытаясь напугать человека, но потом резко развернулся и галопом унесся догонять своих собратьев.

Джондалар посмотрел им вслед и побрел назад, к Уинни и Удальцу. Обе лошади явно нервничали. Они тоже были испуганы, им передался

страх ускакавшего табуна. Джондалар успокаивающе похлопал Уинни по спине и обнял Удальца за шею.

– Все в порядке, парень, – сказал он, обращаясь к Удальцу, – я не собирался пугать тебя, мне просто не хотелось, чтобы они раньше времени соблазнили тебя своей привольной жизнью. Я намерен подружиться с тобой, Удалец. – Джондалар ласково поглаживал и почесывал жеребенка. – Представляешь, как было бы здорово прокатиться на такой здоровой и сильной лошади, как тот золотистый жеребец, – продолжал размышлять вслух Джондалар. – Конечно, его трудно объездить, но ведь он не позволяет мне ласкать его, а ты позволяешь, правда? Что мне надо сделать для того, чтобы ты позволил мне сесть на твою спину и послушно повез меня туда, куда я тебя направлю? Как же лучше подступиться к тебе? Может, попробовать сесть на тебя прямо сейчас или пока подождать? Пожалуй, ты еще немного маловат, но скоро станешь совсем большим и сильным. Надо спросить у Эйлы. Ей виднее. Уинни, похоже, всегда понимает ее. А ты, Удалец? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Когда Джондалар направился в сторону пещеры, Удалец последовал за ним, игриво кружа вокруг и тыкаясь мордой в его руку, чем очень порадовал Джондалара. Этот жеребенок, кажется, совсем не прочь стать его другом. Удалец шел за ним всю дорогу до самого входа в пещеру.

– Эйла, у тебя нет чего-нибудь вкусенького, чтобы побаловать Удальца? Может, немного зерна или орехов? – спросил он, как только вошел в пещеру.

Эйла сидела около лежанки, а вокруг нее было разбросано множество разных вещей.

– Попробуй угостить его маленькими яблочками из той корзинки. Я перебрала наши запасы и отложила подгнившие, – сказала она.

Взяв пригоршню маленьких кислых фруктов, Джондалар скормил их Удальцу и, погладив напоследок животное, направился к Эйле, однако жеребенок, как привязанный, двинулся следом за ним.

– Джондалар, уведи отсюда Удальца! Он может раздавить что-нибудь копытами!

Джондалар обернулся и решительно отвел его в другую сторону от входа в пещеру, туда, где было спальное место, отведенное кобыле и жеребенку.

– Оставайся здесь, Удалец, и не ходи за мной, – сказал мужчина, но, когда он пошел обратно к Эйле, жеребенок вновь последовал за ним. Джондалар опять отвел его на место, но результат оказался тем же. – Эйла, я не знаю, что делать. Он так дружелюбно настроен, что мне не хочется ругать его.

С улыбкой взглянув на эту комичную парочку, Эйла сказала:

– Попробуй налить ему немного воды или насыпать зерна в его кормушку.

Джондалар сделал и то и другое и, когда жеребенок наконец увлекся новым занятием, тихонько вернулся к Эйле и, оглянувшись, убедился, что Удалец остался на своем месте.

– А что это ты делаешь? – спросил он.

– Пытаюсь определить, что надо взять с собой, а что можно оставить здесь, – объяснила она. – Как ты думаешь, какие подарки я должна отдать Тули перед ритуалом Удочерения? Надо отобрать самые красивые.

Джондалар оценивающе посмотрел на множество разнообразных вещей, сделанных Эйлой за время долгих зимних сезонов и одиноких вечеров, которые она провела в своей пещере. Качество ее изделий хвалили и раньше, когда она жила в клане, а за годы жизни в этой долине ее мастерство значительно возросло. Здесь ее никто не подгонял, и она могла тщательно продумывать и отделять каждую вещь. Результаты были впечатляющими.

Он взял в руки одну чашу. На первый взгляд она выглядела простой. Эта вещь, сделанная из цельного куска дерева, была почти совершенной круглой формы. И качество отделки было очень высоким, изделие казалось на редкость гладким, словно отполированным. Эйла как-то рассказывала ему, как она изготавливает такие сосуды. В общем-то, процесс был знаком Джондалару; отличие состояло в тщательности обработки мелких деталей. Сначала она делала грубую заготовку с помощью каменного долота, затем подправляла форму кремневым ножом и, полируя чашу круглым камнем и песком с обеих сторон, сглаживала малейшие шероховатости и заканчивала отделку с помощью конского папоротника.

Ее корзины как редкого, так и плотного, водонепроницаемого плетения также отличались кажущейся простотой и искусной выделкой. Они не были выкрашены яркими красками, но благодаря

разным способам плетения и использованию разноцветного природного материала эти изделия выглядели очень красивыми. Циновки были сделаны таким же образом. Мотки ремней и веревок, сплетенных из сухожилий и кожи, вне зависимости от размера были одинаково ровными и гладкими, словно вырезанными по спирали из единого куска шкуры.

А кожа, которую Эйла выдělывала из шкур, была эластичной и мягкой, но больше всего Джондалара поразила выделка мехов. Обычно шкуру выскребали с двух сторон, после этого кожу довольно легко можно было сделать эластичной и мягкой, но выделанные меховые шкуры, как правило, были значительно жестче. Выделка Эйлы отличалась не только роскошным и блестящим мехом, но внутренняя сторона кож была также на редкость бархатистой и мягкой.

– Что ты собираешься взять для Неззи? – спросил он.

– Разные припасы вроде этих яблок и еще корзины для хранения продуктов.

– Это хорошо. А что ты хочешь подарить Тули?

– Не знаю, она так гордится кожей, которую выдělывает Диги, что, думаю, мне не следует дарить ей что-нибудь из таких изделий, да и дары природы ее тоже вряд ли заинтересуют. Она все-таки вождь. Жаль, что у меня нет, например, янтаря или раковин, ведь ей надо подарить что-то особенное.

– Да, ты права, и у тебя есть что подарить ей! – заметил Джондалар.

– Я, конечно, подумала о том янтаре, что нашла недавно. Но это знак моего тотема. Я не могу отдать его в чужие руки.

– Но я не имел в виду твой янтарь. Скорее всего, у Тули много янтаря. Подари ей лучше мех. Вспомни, она назвала меха одними из первых, перечисляя возможные дары.

– Но у нее и мехов, должно быть, много.

– Только не все меха так прекрасно выделаны, как твои, Эйла. Лишь раз в жизни я видел нечто подобное. А она, мне кажется, вообще никогда не видела. Тот мех, о котором я говорю, был сделан плоско... женщиной клана.

К вечеру Эйла наконец справилась с трудной проблемой выбора и разложила свои многочисленные пожитки на две кучи. Ту, что побольше, придется навсегда оставить здесь, в пещере; Эйла сомневалась, что сможет еще раз вернуться в эту долину. А ту, что поменьше, она собиралась забрать с собой... конечно, вместе с собственными воспоминаниями. Процесс отбора был мучительным, и под конец Эйла совсем расстроилась. Ее настроение передалось Джондалару, который неожиданно для себя погрузился в воспоминания о доме, о своей прошлой жизни, что делал крайне редко в течение этого долгого путешествия. Его мысли вновь и вновь возвращались к тем печальным событиям, о которых ему хотелось бы забыть навсегда, словно ничего не было. Слегка нахмурившись, Джондалар в недоумении пытался объяснить себе, почему вдруг эти воспоминания нахлынули на него именно сейчас.

Вечерняя трапеза прошла спокойно. Они перебрасывались отдельными замечаниями, но большей частью молчали, погруженные в собственные мысли.

– Тебе, как всегда, на славу удались эти куропатки, – заметил Джондалар.

– Креб тоже любил, когда я готовила их таким способом.

Эйла уже говорила об этом раньше. И все-таки порой трудно было поверить, как много она узнала от плоскоголовых за то время, что прожила с ними. Однако, поразмыслив над этим, Джондалар решил, что нет ничего странного в том, что эти люди умеют хорошо готовить.

– Моя мать тоже вкусно готовит, – сказал он. – Ей, наверное, понравилась бы твоя стряпня.

«Последнее время Джондалар часто вспоминает свою мать, – подумала Эйла. – Он говорил, что она приснилась ему сегодня под утро».

– Когда я был еще подростком, она иногда готовила очень вкусное блюдо... когда была не занята делами пещеры.

– Делами пещеры?

– Она была главой Девятой пещеры.

– Да, ты говорил мне об этом, но я не поняла. Ты имеешь в виду, что она была как Тули? Вождем?

– Да, что-то вроде этого, только на Львиной стоянке два вождя – Тули и Талут. А моя мать была единственным вождем, и Девятая

пещера намного обширнее. Там живет гораздо больше людей. – Он умолк и сосредоточенно прищурил глаза. – Наверное, у нас было столько людей, сколько на четырех Львиных стоянках, вместе взятых.

Эйла попыталась прикинуть, сколько же людей жило в Девятой пещере, но не смогла и решила, что вычислит это попозже, с помощью черточек на земле. Однако она удивилась тому, что так много людей постоянно живут вместе. Похоже, примерно такое количество собирается обычно на Сходбище клана.

– А в клане не бывает женщин-вождей, – сказала она.

– Мартона стала вождем после Джоконана. Зеландони говорила мне, что моя мать руководила жизнью пещеры вместе с ним, и поэтому после его смерти все решили, что вождем будет она. Мой брат Джохарран был сыном его очага. Потом он стал вождем, но Мартона по-прежнему остается его советницей... По крайней мере, так было, когда я отправился в путешествие.

Эйла задумчиво нахмурилась. Он говорил об этом раньше, но ей были не совсем понятны эти родственные связи.

– Твоя мать была женой... как ты его назвал?

– Джоконана?

– Да.

– Но ты всегда рассказывал только о Даланаре.

– Я был сыном его очага.

– Значит, твоя мать была также женой Даланара?

– Да. Когда они стали жить вместе, она уже была вождем. Они были очень близки друг другу, люди до сих пор рассказывают истории о Мартоне и Даланаре и поют печальные песни об их любви. Зеландони рассказывала мне, что у них были очень сложные отношения. Даланар не хотел делить Мартону с пещерой. Ему не нравилось, что она так много времени тратит на общие дела племени, но она была вождем и не могла поступать иначе. В конце концов они разрубили этот узел, решив расстаться. Потом Мартона основала новый очаг с Вилломаром и родила Тонолана и Фолару. Даланар отправился на северо-восток, нашел там кремневое месторождение и встретил Джерику. Тогда он и основал там Первую пещеру ланзадони.

Джондалар задумчиво умолк, словно вспоминая какие-то давние события. Похоже, ему надо было выговориться, и Эйла внимательно слушала, хотя уже знала историю о Даланаре. Она встала, разлила

остатки чая по чашкам, подбросила немного дров в огонь и, присев на меховое покрывало, сложенное на краю лежанки, посмотрела на Джондалара. Отблески костра накладывали печальные живые тени на его лицо.

– А что значит «ланзадонии»? – спросила она.

Джондалар улыбнулся:

– Просто так называются люди... дети Дони. А вернее, дети Великой Земной Матери, которые живут на северо-востоке.

– Ведь и ты тоже жил там? Вместе с Даланаром?

Он прикрыл глаза и скрипнул зубами, его челюсти сурово сжались, а на лбу появилась печальная складка. Эйла уже знала, что такое выражение его лица означало, что он чем-то сильно расстроен, но пока не понимала, с чем это связано. Однажды летом он рассказывал ей немного об этом периоде его жизни, но эти воспоминания явно не радовали его, и он старался как можно меньше говорить о том времени. Эйла почувствовала какую-то гнетущую напряженность в воздухе, центром которой был Джондалар; казалось, он мучительно страдает от затаенной боли, которая готова вылиться наружу, подобно источнику, прорывающемуся на поверхность земли из глубоких недр.

– Да, я жил там, – наконец отрывисто сказал он, – целых три года. – Он вдруг вскочил и, опрокинув свой чай, большими шагами направился к дальнему концу пещеры. – О Великая Мать! Это было ужасно!

Джондалар постоял там в темноте, облокотившись на каменную стену; постепенно ему удалось овладеть собой, и он медленно вернулся к очагу. Увидев на плотно утрамбованной земле влажное пятно, оставшееся от пролитого чая, он опустил на колени, чтобы поднять чашку. Вертя ее в руках, Джондалар пристально смотрел на огонь.

– Неужели тебе так плохо жилось с Даланаром? – в конце концов решила спросить Эйла.

– Плохо жилось с Даланаром? – рассеянно повторил он ее слова и удивленно возразил: – Нет, совсем нет! Мне было плохо по другой причине. А он был очень рад встрече со мной. Он принял меня в свой очаг и учил меня своему мастерству вместе с Джоплайей. Он разговаривал со мной на равных, как со взрослым мужчиной, и никогда не упоминал ни слова об этом.

– Ни слова о чем?

Джондалар глубоко вздохнул.

– О той причине, по которой я был отослан туда, – сказал он, не поднимая взгляда от чашки, которую вертел в руках.

Пауза затянулась, и безмолвие пещеры заполнилось дыханием лошадей и громкими, отражавшимися от стен звуками потрескивающего костра. Джондалар поставил чашку на пол и поднялся на ноги.

– Я всегда выглядел старше своего возраста, казался взрослее моих лет, – начал он, меряя большими шагами пространство вокруг очага. – Я быстро почувствовал себя вполне зрелым юношей. Мне было всего одиннадцать лет, когда Дони впервые пришла ко мне во сне... и у нее было лицо Золены.

Вот он и произнес вновь ее имя. Имя женщины, которая так много значила для него. Он уже говорил о ней, но только очень коротко и с очевидным страданием. Эйла не понимала, что причиняет ему такие мучения.

– Все юноши хотели, чтобы она стала их доний, их женщиной-наставницей. Все они хотели, чтобы именно она учила их искусству любви. Считалось нормальным, что они хотят быть с ней или с любой другой доний. – Он развернулся и посмотрел в лицо Эйлы. – Но им нельзя было любить ее! Ты понимаешь, что это значит?

Эйла отрицательно покачала головой.

– Доний должна показать юноше, как надо делить дары Радости, чтобы потом, когда наступит его черед, он был готов провести с девушкой ритуал Первой Радости. Всем взрослым женщинам, достигшим определенного возраста, полагается хотя бы раз в жизни исполнить роль доний-наставницы, точно так же, как всем мужчинам полагается по крайней мере один раз в жизни провести с юной девушкой ритуал Первой Радости. Это священный долг, связанный с почитанием Дони. – Он продолжал говорить, устремив глаза в землю: – А доний представляют саму Великую Мать; юноша не должен любить ее и желать, чтобы она стала его женой. – Он вновь взглянул на Эйлу. – Ты понимаешь, о чем я говорю? Это запрещено, такая любовь запретна, как если бы мужчина захотел жениться на собственной матери или влюбился в родную сестру. Прости, Эйла... Но это почти так же ужасно, как влюбиться в женщину из плоскоголовых!

Джондалар отвернулся и, сделав пару стремительных больших шагов, оказался у выхода. Он откинул в сторону край занавеса, затем его плечи тяжело опустились и он, передумав, вернулся опять к очагу. Присев рядом с Эйлой, он, казалось, полностью погрузился в мир воспоминаний:

– Мне было двенадцать лет, когда Золеня стала моей доний, она нравилась мне. И я нравился ей. Поначалу все шло как обычно, просто она на удивление точно знала, как доставить мне удовольствие. Но потом мы лучше узнали друг друга. Я мог свободно разговаривать с ней о любых вещах; нам нравилось быть вместе. Она учила меня, как надо обходиться с женщинами, как доставлять им удовольствие, и я хорошо учился. Она нравилась мне, и я с радостью доставлял ей удовольствие. Мы сами не заметили, как между нами зародилась любовь, и первое время даже боялись говорить об этом друг с другом. Потом мы попытались сохранить нашу любовь в тайне. Но я хотел, чтобы она стала моей женой. Я хотел открыто жить с ней. Хотел, чтобы ее дети стали детьми моего очага.

Он прищурился, и Эйла заметила, что в уголках его устремленных на огонь глаз что-то влажно поблескивает.

– Золеня все время говорила, что я слишком молод и не должен пока думать об этом. Большинство мужчин начинают выбирать себе пару не раньше пятнадцати лет. Конечно, я ощущал себя вполне зрелым мужчиной. Но никакой возраст не мог оправдать моих желаний. Я не должен был любить ее. Она была моей доний, моим учителем и наставницей, и ей также нельзя было позволять мне любить ее. Ее вину сочли даже больше моей, и это было ужасно. Как можно было обвинять ее за то, что я оказался таким глупым?! – распалившись, воскликнул Джондалар. – Многие мужчины, как и я, искали ее любви. Наверное, все. Хотела она того или нет. Один постоянно надоедал ей, его звали Ладроман. Несколько лет назад она также была его доний. Я считал, что не могу обвинять его в том, что он любит ее, но в любом случае она уже не питала к нему никаких чувств. Ладроман начал преследовать нас, следить за нами. Как-то раз ему удалось подловить нас. И он угрожал ей, говоря, что если она не согласится жить с ним, то он всем расскажет о наших отношениях. Она пыталась высмеять его и говорила, что он может поступать, как сочтет нужным; ему не в чем было обвинить нас, она просто была моей доний. Мне следовало бы

сделать то же самое, но, когда он начал насмехаться над нами, повторяя слова, которые мы говорили друг другу наедине, я разозлился. Нет... я не просто разозлился, я был так взбешен, что потерял контроль над собой и, обезумев от злости, ударил его.

Джондалар опустил кулак и продолжал рассказ, нанося по земле тяжелые удары:

– Я уже не мог остановиться и нещадно избивал его. Золену пыталась остановить меня. В конце концов ей как-то удалось оттащить меня в сторону. И она хорошо сделала, иначе я, наверное, убил бы его.

Джондалар встал с лежанки и вновь начал мерить шагами пещеру.

– Тогда-то все и вышло наружу. Все грязные подробности... Ладроман публично рассказывал всем и каждому о наших отношениях. Я был потрясен, осознав, как долго он, оказывается, следил за нами и как много ему удалось подслушать. Мы с Золеной должны были ответить за эти отношения, – Джондалар вспыхнул уже при одном воспоминании, – и в итоге нас признали виновными... Но я был очень расстроен из-за того, что они возложили всю ответственность на нее. А самое ужасное было в том, что я был сыном такой матери, как Мартона. Ведь она являлась вождем Девятой пещеры, а я опозорил ее. Вся пещера пришла в смятение.

– И что же сделала твоя мать? – спросила Эйла.

– Она сделала то, что должна была сделать. Ладроман сильно пострадал от моих побоев. Я выбил ему несколько зубов. Теперь он не мог нормально пережевывать пищу, а кроме того, женщины не любят беззубых мужчин. Матери пришлось заплатить большой выкуп, чтобы возместить ущерб. И поскольку мать Ладромана настаивала, Мартона была вынуждена выгнать меня из пещеры.

Закрыв глаза, он помолчал, вспоминая те далекие события, и болезненно поморщился.

– Я проплакал всю ночь... – Джондалару явно нелегко далось это признание. – Вскоре мне предстояло покинуть пещеру и отправиться куда глаза глядят. Эта неизвестность страшила меня. Я не знал, что мать послала гонца к Даланару с просьбой принять меня.

Он перевел дух и продолжал:

– Золену ушла раньше меня. Ее всегда тянуло к Зеландони, и она решила присоединиться к Тем, Кто Служит Великой Матери. Я тоже подумывал о Служении... Например, я мог бы стать резчиком, но мне

казалось, что у меня слишком мало способностей для такого ремесла. Потом пришло известие от Даланара, и я узнал, что Вилломар согласился принять меня в племя ланзадонии. По сути дела, я не знал Даланара. Он покинул пещеру, когда я был совсем ребенком, и мне приходилось видеть его лишь на Летних сходах. Поэтому я не представлял, что меня ждет, но Мартона сделала хороший выбор.

Джондалар умолк и вновь опустился на колени возле очага. Выбрав несколько сухих веток, он подбросил их в костер.

– Пока я оставался в пещере, люди избегали общаться со мной и всячески оскорбляли и ругали меня, – продолжал он. – Некоторые даже уводили своих детей при моем появлении, чтобы я не оказывал на них дурного влияния, словно один мой вид мог совратить их с пути истинного. Я понимал, что заслужил это. То, что мы сделали, считалось ужасным преступлением, и мне хотелось умереть...

Эйла молча ждала продолжения, наблюдая за Джондаларом. Она не вполне поняла все тонкости обычаев его племени, о которых он говорил, но глубоко сочувствовала ему, поскольку ей самой довелось пережить подобные страдания. Ей тоже приходилось нарушать табу и нести суровые наказания, но зато она приобрела много полезных знаний. Сначала ее считали чужой, и она, не стесняясь, спрашивала, почему клан считает, что она поступила очень плохо. В результате ей стало понятно, что, в сущности, нет ничего плохого в том, что она охотится с пращой, копьем или любым другим оружием. Просто, по обычаям клана, женщинам нельзя было участвовать в охоте. И Эйла не жалела о том, что в нарушение всех традиций высказала все Бруду.

Джондалар сидел, печально повесив голову, и вспоминал свое унижение и бурные объяснения с соплеменниками; Эйла переживала за него и пыталась по-своему помочь ему разобраться в этой ситуации.

– Джондалар, ты поступил ужасно, когда так сильно избил того мужчину. Но что плохого в том, что происходило между тобой и Золеной? – спросила Эйла.

Он недоуменно посмотрел на нее, удивляясь ее вопросу. Он ожидал презрения, насмешек или укора, поскольку и сам считал, что его чувства и действия были отвратительными.

– Разве ты не поняла? Золена была моей доний, моей наставницей. Мы оскорбили Великую Мать. Нанесли Ей обиду. Это считается позорным проступком.

– А что в этом позорного? Я по-прежнему не понимаю, что плохого было в ваших отношениях.

– Эйла, когда женщина исполняет роль Великой Матери, чтобы научить юношу, она берет на себя огромную ответственность. Она готовит юношу к зрелости, чтобы он смог потом сделать девушку женщиной. Дони возложила эту обязанность на мужчин, именно они должны открывать женщину, готовить ее к приему мужских духов, которых ниспосылает Великая Земная Мать, чтобы женщина смогла родить детей. Это священный долг. И такая подготовка является особенной, она отличается от обычного общения между мужчиной и женщиной, и к ней относятся очень серьезно, – пояснил Джондалар.

– А ты относился несерьезно?

– Нет, конечно нет!

– Тогда что же ты сделал плохого?

– Я осквернил священный ритуал. Я полюбил...

– Ты полюбил. И Золеня полюбила тебя. Что в этом плохого? Разве ваши чувства не были искренними и добрыми? Ведь любовь нельзя запланировать. Она рождается неожиданно. Разве не естественно, что ты полюбил женщину?

– Она была не просто женщиной, она была моей доний, – возразил Джондалар. – Ты не понимаешь.

– Да, ты прав. Я не понимаю. Бруд изнасиловал меня. Его действия основывались на жестокости и ненависти; причинив мне боль, он испытал радость. Потом ты научил меня получать дары Радости, и это оказалось совсем не больно, а очень приятно. Ты также пробудил во мне искренние и добрые чувства. И я поняла, что именно они определяют любовь, но сейчас ты говоришь мне, что любовь может быть плохой, что она может стать причиной огромных страданий.

Джондалар взял еще немного хвороста и подбросил в костер. Как же еще он может объяснить ей эту ситуацию? Можно любить свою мать, но нельзя сделать ее своей женой, и так же нельзя сделать своей женой доний и принять ее детей в свой очаг. Джондалар не знал, что сказать, но молчание было явно напряженным.

– Почему ты покинул Даланара и вернулся обратно? – немного помедлив, спросила Эйла.

– Моя мать послала за мной... Хотя, по правде говоря, причина была в другом. Я сам хотел вернуться. Конечно, Даланар был добр ко

мне, и я полюбил Джерику и мою кузину, Джоплайю, но все-таки я не чувствовал себя дома. Я не знал, смогу ли когда-нибудь вернуться в свой родной дом. Мне было страшно возвращаться туда, но я хотел этого. Я поклялся, что никогда больше не позволю своим чувствам выйти из-под контроля.

– И ты был счастлив, вернувшись домой?

– Сложно сказать. Но, прожив дома несколько дней, я понял, что все не так страшно, как мне представлялось. Семья Ладромана покинула Девятую пещеру, и поскольку он не маячил перед глазами, напоминая о моем проступке, то все быстро забыли об этом. Не знаю, что было бы со мной, если бы он по-прежнему жил в Девятой пещере. Но во время Летних сходов мне приходилось несладко. Я вспоминал о своем позоре каждый раз, когда встречал Ладромана. Потом было много разговоров, когда вернулась Золен. Это произошло немного позже. Я боялся встречаться с ней и в то же время мечтал об этой встрече. Я ничего не мог с собой поделаться, Эйла. Даже пройдя через все эти унижения, я продолжал, как мне казалось, любить ее. – Его взгляд молил о понимании.

Джондалар опять вскочил с места и начал вышагивать от стены к стене.

– Она очень изменилась. Она уже достигла высокого положения среди зеландонии и стала одной из почитаемых служительниц Великой Земной Матери. Я поначалу не поверил этому. Мне хотелось понять, действительно ли она так сильно изменилась. Хотелось узнать, остались ли у нее какие-нибудь чувства ко мне. Для этого надо было встретиться с ней наедине, и я придумал, когда смогу осуществить свое желание. Вскоре должен был состояться праздник Почитания Великой Матери. Сначала она старалась избегать меня, но потом перестала. Мы встретились, и на следующий день кое-кто начал возмущаться, несмотря на то что считалось совершенно естественным делить дары Радости со служительницей Великой Матери на таком празднике. – Он насмешливо фыркнул. – Им не стоило беспокоиться. Золен сказала, что она по-прежнему любит меня и желает мне только добра, но ее чувства все-таки изменились. В действительности она больше не хотела быть со мной. По правде говоря, – заметил он с горькой иронией, – я думаю, что ее отношение ко мне осталось очень теплым. Мы стали добрыми друзьями, но Золен знала, чего хочет... и она добилась этого.

Теперь Золены больше нет. Прежде чем я отправился в путешествие, она стала главной служительницей Великой Матери. Наверное, из-за этого я и решил уйти вместе с Тоноланом.

Остановившись возле выхода из пещеры, Джондалар глядел в темноту ночи поверх залатанного занавеса. Эйла встала и присоединилась к нему. Она стояла с закрытыми глазами, чувствуя, как холодный ветер обдувает ее лицо, слушая ровное дыхание Уинни и чуть беспокойное сопение Удальца. Джондалар тяжело вздохнул, потом вернулся к очагу и вновь опустился на циновку. Похоже, ложиться спать он пока не собирался. Эйла последовала за ним, сунула несколько камней в костер, чтобы они разогрелись, затем, наклонив бурдюк, налила немного воды в почерневшую от дыма водонепроницаемую корзину. Эти воспоминания так взбудоражили Джондалара, что он забыл про сон.

– По возвращении домой самым радостным для меня событием стала встреча с Тоноланом, – сказал он, продолжая прерванный рассказ. – За время моего отсутствия он подрос, и, когда я вернулся, мы стали добрыми друзьями. У нас оказалось много общих интересов, и мы были практически неразлучны...

Джондалар помрачнел и умолк, огорченно вздохнув. Эйла понимала, как тяжело он переживал смерть брата. Джондалар, сгорбившись, сидел рядом с ней, его плечи поникли, точно придавленные тяжелой ношей; вид у него был совершенно измученный, и Эйла поняла, что этот разговор о прошлом явился для него тяжким испытанием. Ей было неизвестно, что вызвало вдруг эти воспоминания, но она видела, что какие-то мысли все больше тревожат его.

– Эйла, а мы не сможем на обратном пути найти... то место, где Тонолан... был убит? – прерывающимся голосом сказал он, поворачиваясь к ней.

В глазах его блеснули слезы.

– Я не уверена, но мы попытаемся. – Она добавила еще несколько камней в воду и достала успокаивающий сбор целебных трав.

Вдруг ей вспомнилось, как она тревожилась и боялась за него в ту первую ночь в пещере, не зная, умрет он или выживет. Тогда Джондалар метался в жару и бредил, зовя брата. И хотя ей были непонятны его слова, но ей стало ясно, что он зовет того мужчину, которого она похоронила. Когда Эйла наконец научилась понимать его,

он смог поделиться с ней своим горем, и она осознала, как он страдает из-за этой невозполнимой потери.

– Ты знаешь, что в ту первую ночь, что я провел в твоей пещере, я плакал впервые за долгие годы, – сказал он, и Эйла вздрогнула, подумав, что он словно прочитал ее мысли, но Джондалар просто продолжал говорить о Тонолане. – Да, я не плакал очень давно, с тех самых пор, когда моя мать сказала мне об изгнании. Эйла, ну почему он должен был умереть? – с отчаянной мольбой в голосе произнес Джондалар. – Тонолан был младше меня! Он не должен был умереть таким молодым. Мне было невыносимо сознавать, что его больше нет на этом свете. И, думая об этом, я был не в состоянии сдерживать свои чувства. Не знаю, что бы я делал, Эйла, если бы тебя не было рядом. Я никогда не говорил тебе этого прежде. Думаю, мне было просто стыдно... Ведь я опять потерял контроль над собой.

– При чем тут стыд, Джондалар, если человек так безумно страдает, горюет... или любит?

Он отвернулся от нее.

– Значит, ты считаешь, что в этом нет ничего стыдного? – В его голосе явно слышались нотки презрения к самому себе. – Даже если человек использует это в собственных целях и причиняет боль другому человеку?

Эйла озадаченно нахмурилась.

Он, вновь прищурившись, взглянул на маленькие язычки пламени, вспыхивающие в очаге.

– В первое лето после моего возвращения из изгнания на Летнем сходе меня выбрали для проведения ритуала Первой Радости. Я очень беспокоился, как и большинство мужчин в таких случаях. Это беспокойство было связано с тем, что нельзя причинять боль девушке, а я отнюдь не маленький. Этот ритуал всегда проводится в присутствии свидетелей, которые должны подтвердить, что девушка стала женщиной, а также, что она не испытала боли. Кроме того, мужчину беспокоит, сможет ли он доказать собственную зрелость. Потому что если он не сможет, то будет опозорен и его в последний момент заменят другим мужчиной. Да много разных случайностей может произойти. Я должен благодарить зеландонии, – произнес он с язвительной усмешкой, – она вела себя так, как полагалось вести себя доний. Ее поддержка мне очень помогла... и я оказался на высоте. Но тем вечером

я думал о Золене, а не о зеландонии. Потом я увидел испуганную девушку, которая должна была пройти со мной этот ритуал, и понял, что она волнуется гораздо больше меня. Она действительно выглядела ужасно напуганной, когда увидела размеры моего копья; многие женщины страшатся его в первый раз. Но я вспомнил то, чему меня научила Золене, вспомнил, как надо подготовить женщину, как сдерживать и контролировать себя и как доставить удовольствие ей. Я был потрясен, осознав, что неуверенная и испуганная девушка превращается в зрелую и чувственную женщину. Она оказалась такой отзывчивой и такой нежной... В ту ночь мне показалось, что я полюбил ее.

Эйла заметила, что лицо его уже в который раз за этот вечер исказила гримаса мучительной боли. Джондалар опустил глаза, потом вскочил и начал опять нервно ходить по пещере.

– Я никогда не научусь сдерживать свои чувства! Уже на следующий день я понял, что на самом деле вовсе не люблю ее, но она полюбила меня! Ей так же не полагалось влюбляться в меня, как мне не полагалось любить мою доний. Я должен был сделать ее женщиной, научить ее принимать дары Радости, но не давать ей повода полюбить меня. Я старался не обидеть ее, но видел, как она была огорчена, когда я объяснил ей все это.

Джондалар вдруг стремительно подошел к очагу и, остановившись перед Эйлой, сказал, почти срываясь на крик:

– Понимаешь, Эйла, это был мой долг, моя священная обязанность... Это священный ритуал превращения девушки в женщину... И я вновь осквернил его! – Он опять принялся ходить по кругу. – И это еще не все. Помню, тогда я сказал себе, что никогда не повторю больше подобной ошибки, но на следующий раз произошло все то же самое. Я говорил себе, что больше не соглашусь исполнять эту священную обязанность, что я не достоин этого. Но в очередной раз, когда они выбрали меня, я не смог отказаться. Я хотел участвовать в этом ритуале. Меня часто выбирали, и я стал с нетерпением ждать этого, этих ночей, исполненных любви и нежности, несмотря на то что наутро я раскаивался и ненавидел себя за то, что использую этих юных девушек и священный ритуал в собственных целях.

Облокотившись на стойку с целебными травами, Джондалар смотрел на сидевшую возле очага Эйлу.

– Но через пару лет я понял, что мне чего-то не хватает. Я догадался, что Великая Мать наказывает меня... Мужчины моего возраста давно нашли себе женщин, создали семьи и гордились детьми своего очага. Но я был не способен полюбить женщину настолько, чтобы связать с ней свою жизнь. Я узнал многих женщин, мне нравилось общаться с ними и делить с ними дары Радости, но чувство любви я испытывал только тогда, когда мне нельзя было испытывать его. Во время ритуала Первой Радости... и его хватало только на одну ночь. – Он сокрушенно опустил голову.

Услышав тихий смех Эйлы, он вздрогнул и с недоумением посмотрел на нее.

– Ох, Джондалар. Но ведь ты же нашел свою любовь. Ты ведь любишь меня, правда? Неужели ты не понимаешь? Ты не был наказан. Тебе было назначено ждать меня. Я говорила тебе, что мой тотем привел тебя ко мне, а может быть, это сделала Великая Мать. Но конечно, тебе пришлось пройти долгий путь. Тебе пришлось очень долго ждать. Если бы ты отыскал свою любовь раньше, то никто не явился бы сюда. И мы бы с тобой никогда не встретились.

«А что, если это правда?» – размышлял он. Ему очень хотелось верить этому. Впервые за долгие годы тяжкий груз, лежавший у него на душе, стал легче, и свет надежды на мгновение зажегся в его глазах.

– Но остается еще Золен. Ведь я испытывал запретную любовь к моей доний.

– Я не вижу ничего плохого в том, что ты любил ее. Но даже если ты нарушил ваши традиции, то уже искупил свою вину. Ты был наказан, Джондалар, был изгнан из пещеры. И все это осталось в прошлом. Ты не должен терзать себя, постоянно вспоминая об этом.

– Но ведь были еще те юные девушки, ритуалы Первой Радости, во время которых я...

Лицо Эйлы посуровело.

– Джондалар, ты не знаешь, что испытывает девушка, когда ее берут силой. Ты не знаешь, как это ужасно – терпеть мужчину, который ненавидит тебя, и испытывать вместо радости лишь боль и отвращение. Возможно, тебе не полагалось любить тех девушек, но они, должно быть, испытывали поистине удивительные ощущения, когда ты нежно пробуждал их чувства. По-моему, девушке очень важно чувствовать себя желанной и любимой во время первой ночи с мужчиной, и твои

искусные ласки лучше всего могли дать ей ощутить, насколько прекрасны дары Радости. Если ты дарил девушкам хоть немного тех наслаждений, которые даришь мне, то у них должны были остаться чудесные воспоминания, которые будут дороги им всю жизнь. О Джондалар, ты не мог обидеть их своей любовью. Ты все делал именно так, как следовало. Неужели ты не задумывался, почему тебя выбирали так часто?

Тяжкая ноша стыда и презрения к себе, которую он носил все эти годы, пряча ее в тайниках своего сердца, стала заметно легче. Ему подумалось, что, возможно, его взаимоотношения с женщинами имели право на существование, что мучительные испытания его юности имели некую цель. Благодаря этой очистительной исповеди он понял, что его действия, вероятно, не были такими уж отвратительными, какими он привык считать их, и что, возможно, он был достойным человеком...

Однако груз душевных переживаний, который так долго тяготел над ним, было трудно сбросить за один раз. Конечно, в конце концов он нашел женщину, которая пробудила его любовь. Эйла действительно была истинным воплощением женщины, о которой он мечтал всю жизнь. Но что будет, когда он приведет ее домой и она расскажет, что ее вырастили плоскоголовые... или – что еще хуже – что у нее родился ребенок смешанных духов? Отвратительный уродец... Неужели ему вновь придется пройти через позор и унижение вместе с ней из-за того, что он привел в племя такую женщину? Он смущенно покраснел от собственных мыслей.

«Разве это справедливо по отношению к ней? Но что будет, если они откажутся признать Эйлу, осыпав ее оскорблениями? Смогу ли я защитить ее? Или позволю им сделать это? – Джондалар передернул плечами. – Нет, – думал он, – я не позволю обидеть ее. Я люблю Эйлу. Но все-таки что будет, если они не примут ее?»

Почему ему было суждено полюбить Эйлу? Ее объяснения казались слишком простыми. Джондалару было совсем не легко отказаться от своей убежденности в том, что Великая Мать наказала его за осквернение Ее ритуала. А может быть, Эйла права? Может быть, Дони вела его к ней... А не является ли наказанием, что его любовь к этой прекрасной женщине будет расценена его племенем точно так же, как его любовь к Золене? Возможно, Великая Мать решила посмеяться

над ним, пробудив в нем любовь к женщине, которая была парией и дала жизнь отвратительному уродцу?

«Но мамутой, придерживаясь подобных верований, все же признали ее. Львиная стоянка даже решила удочерить Эйлу, зная, что она была воспитана плоскоголовыми. Они даже приняли ребенка смешанных духов. Стоит ли мне вести ее в свои родные края? Возможно, здесь ей будет гораздо лучше. Может, и мне тоже надо остаться здесь и согласиться, чтобы Тули усыновила меня? Тогда я стану членом племени мамутой». Джондалар нахмурился, он не хотел быть мамутой. Он принадлежал к племени зеландонии. Конечно, мамутой оказались хорошими людьми и их образ жизни был сходен с тем, к которому он привык с детства. Но у него было свое родное племя. И что он сможет предложить здесь Эйле? Среди этих людей у него нет родственников. Его истоки, его семья и родственники принадлежат к племени зеландонии. Однако что он сможет предложить ей, приведя в родные края?

Размышляя над множеством этих вопросов, Джондалар вдруг почувствовал, что не в силах больше думать ни о чем. Эйла заметила, что его взгляд стал рассеянным и плечи устало опустились.

– Сейчас уже слишком поздно, Джондалар. Выпей немного этого чая и давай ложиться спать, – сказала она, протягивая ему чашку.

Он кивнул и, выпив теплый настой, быстро разделся и залез под меховое покрывало. Эйла лежала рядом с ним и вскоре заметила, что печальные складки на его лбу разгладились, лицо приняло спокойное выражение и дыхание наконец стало глубоким и ровным. А самой ей почему-то не спалось. Страдания Джондалара растревожили ее душу. Она была рада, что он рассказал ей о своих переживаниях и о своей юности. Эйла давно заметила, что на душе у него лежит какая-то тяжесть, что-то явно причиняло ему большие страдания. И сейчас, когда он поделился с ней этим, возможно, ему стало немного легче. Но все же что-то еще по-прежнему беспокоит его. Он рассказал ей не все. Еще какие-то сомнения терзают его, и именно это сейчас тревожило Эйлу.

Она лежала спокойно и даже не шевелилась, чтобы случайно не разбудить Джондалара, и мысленно призывала к себе сон, но он все не шел. Как много бессонных ночей провела она в одиночестве в этой пещере! Вдруг Эйла вспомнила о своем плаще. Тихонько выскользнув

из постели, она порылась в корзине с вещами и, вытащив мягкий, потрепанный кусок кожи, прижалась к нему щекой. Это была одна из немногих вещей, которые она захватила с собой из каменной пещеры клана, прежде чем навсегда покинуть ее. В этом плаще она носила Дарка, когда он был младенцем, а когда он начал ходить, то держался за подол этого плаща. Эйла не знала, зачем взяла его с собой: этот плащ не был предметом первой необходимости, однако за годы одинокой жизни именно он не раз помогал ей успокоиться и навевал желанный сон. А потом появился Джондалар, и она забыла об этом старом плаще.

Скомкав мягкий кусок этой старой шкуры, Эйла приложила к животу этот шар и свернулась калачиком вокруг него. Ей стало немного спокойнее, она закрыла глаза и вскоре погрузилась в сон.

* * *

– Все равно вещей слишком много, даже если мы используем волокушу и вьючные корзины. Чтобы увезти все это, нужны по меньшей мере две лошади! – воскликнула Эйла, глядя на огромную кучу свертков и туго перевязанных вещей, которую она хотела забрать с собой. – Наверное, надо выложить что-то еще, но я уже несколько раз все просмотрела и оставила только самое необходимое. – Она в растерянности оглянулась вокруг, пытаясь найти нечто такое, что помогло бы ей решить эту проблему.

Пещера казалась пустынной. Все полезные вещи, которые они не могли увезти с собой, были спрятаны в ямы и погребены под каменными пирамидами на тот случай, если им когда-то доведется вернуться сюда, хотя оба они не верили в такую возможность. На виду осталась лишь кучка ненужных вещей. Даже полки, на которых Эйла хранила запасы трав, были пустыми.

– Но у тебя же есть две лошади. Очень жаль, что ты не можешь использовать Удальца, – сказал Джондалар, поглядывая на Удальца и Уинни, которые стояли на своем привычном месте у входа, пожевывая сено.

Эйла оценивающе посмотрела на животных. Замечание Джондалара заставило ее задуматься.

– Я привыкла считать его малышом Уинни, а на самом деле Удалец уже почти догнал ее по росту. Может, он и сумеет помочь нам довести часть вещей.

Джондалар сразу оживился:

– Я давно размышлял о том, когда же ты сочтешь его достаточно взрослым. Интересно, как ты будешь приучать его к тому, что так хорошо делает Уинни? А ты помнишь, когда впервые прокатилась на Уинни? А главное, как тебе вообще пришла в голову идея забраться на ее спину?

Эйла улыбнулась:

– Просто как-то раз мы с ней играли в степи, и я пожалела, что не могу бегать так же быстро, как она. Тогда мне и пришла в голову эта идея. Уинни сначала немного испугалась и сорвалась с места. Но она хорошо знала меня и, возможно, решила, что это продолжение игры. Потом она устала носиться по степи и остановилась, уже, похоже, привыкнув к тому, что я обосновалась на ее спине. Ах, как это было чудесно! Она мчалась как ветер!

Джондалар наблюдал за Эйлой, пока она вспоминала свою первую поездку; глаза ее заблестели, и дыхание стало прерывистым от возбуждения, вызванного этими воспоминаниями. Он чувствовал примерно то же самое, когда Эйла в первый раз позволила ему прокатиться на Уинни, и сейчас так же разволновался. Вдруг волна чувственного желания пробежала по его телу. Он не переставал удивляться тому, как легко и неожиданно эта женщина пробуждает в нем желание. Но сейчас ее мысли были заняты Удальцом.

– Не знаю, сколько понадобится времени, чтобы он привык носить на спине какой-то груз. Уинни начала таскать корзины после того, как я стала ездить на ней, поэтому с этим делом она освоилась довольно быстро. Возможно, даже лучше, если Удалец для начала привыкнет к небольшим нагрузкам, тогда потом его будет легче приучить носить седока. Надо подумать, как мы сможем практически осуществить эту идею.

Эйла перебирала кучу отложенных вещей, вытаскивая оттуда куски кожи, пару корзин, специальные камни, которые она использовала для шлифования чаш, а также обломки кремневых орудий и связку палочек, с помощью которых она раньше отмечала дни, прожитые в этой долине.

Задумавшись о чем-то, Эйла держала одну из палочек, приложив пальцы руки к первым пяти зарубкам. Такому способу счета ее когда-то давно научил Креб. Она грустно вздохнула, вспомнив о Кребе. Благодаря этим зарубкам Джондалар вычислил, как долго она прожила здесь, и помог ей освоить счетные слова, чтобы выяснить, сколько лет она прожила на этом свете. В начале лета они определили, что ей уже исполнилось семнадцать лет; то есть в конце зимы или весной надо будет прибавить еще один год. Джондалар говорил, что ему уже двадцать лет, и, смеясь, называл себя стариком. В путешествие он отправился три года назад, примерно в то же время, когда она покинула клан.

Сложив все отобранные вещи, она вышла из пещеры, свистнув Уинни и Удальца, которые послушно последовали за ней. Выйдя в поле, Эйла и Джондалар сначала почистили и расчесали жеребенка. Затем Эйла взяла кожаную шкуру и, позволив Удальцу обнюхать и пожевать ее, хорошенько протерла этим куском шерсть животного. После этого она накрыла шкурой его спину. Удалец немедленно схватил свисающий конец зубами и, стащив шкуру, принес ее Эйле для продолжения игры, и она опять уложила шкуру на его спину. Реакция Удальца была той же, и на сей раз уже Джондалар водворил шкуру на место, поскольку Эйла, чтобы чем-то занять себя, начала разматывать длинный моток кожаной веревки. Еще несколько раз они набрасывали на спину Удальца шкуру, которую он неизменно стягивал зубами. Уинни заржала, заинтересованно наблюдая за их действиями и требуя, чтобы ей тоже уделили внимание.

В очередной раз накрыв жеребенка шкурой, Эйла перебросила через его спину длинный кожаный ремень и, протянув его под животом Удальца, связала вместе концы, чтобы закрепить шкуру. Жеребенок опять повернул голову и попытался стащить шкуру зубами, но у него ничего не получилось. Это ему явно не понравилось, и он попытался сбросить ее со спины, прыгая и взбрыкивая ногами, но потом, обнаружив-таки свободный конец, схватил его зубами и рывками постепенно вытащил всю шкуру из-под ремня. Потом он занялся самим ремнем и, найдя узел, в конце концов развязал его. Освободившись, Удалец поднял упавшую на землю шкуру, принес ее к ногам Эйлы, а потом вернулся за ремнем. Эйла и Джондалар не могли удержаться от

смеха, наблюдая за Удальцом, который гарцевал по степи, гордо вскидывая голову.

Жеребенок позволил Джондалару опять закрепить шкуру на своей спине и побегал немного вместе с ней, прежде чем вновь принялся стаскивать ее, вспомнив о новой игре. Похоже, он начал терять интерес к этому занятию. Когда они снова привязали шкуру, Удалец спокойно стоял на месте, пока Эйла, почесывая его гриву, разговаривала с ним. Затем она взяла только что сделанное тренировочное приспособление – пару корзин, связанных вместе таким образом, чтобы они свисали по бокам лошади. В корзинах для увеличения веса лежали камни, а кроме того, к ним были прикреплены палки, концы которых торчали вперед, как жерди волокуши.

Эйла водрузила эту конструкцию на спину Удальца. Он пугливо опустил уши и, повернув голову, окинул себя взглядом. Ему было непривычно ощущать груз на спине, хотя некоторое дополнительное давление было ему знакомо, поскольку его с детства ласкали и чистили заботливые человеческие руки. Это ощущение тяжести на спине не было для него чем-то совсем неожиданным, но, самое главное, он доверял этой женщине так же, как и его мать. Вьючные корзины оставались на его спине, пока Эйла разговаривала с ним, гладила и почесывала его шею. Затем все эти приспособления были сняты с жеребенка, и он, вновь обнюхав их, начал спокойно щипать траву.

– Возможно, нам придется задержаться на денек, чтобы он привык к этим корзинам. Вечером надо будет повторить обучение с самого начала, но мне кажется, он быстро освоится, – удовлетворенно улыбаясь, сказала Эйла, когда они направились обратно к пещере. – Возможно, пока не стоит заставлять его тащить еще и волокушу, как Уинни. Но по-моему, Удалец вполне сможет нести корзины.

– Остается только надеяться, что погода продержится еще несколько дней, – сказал Джондалар.

* * *

– Раз уж мы не собираемся ехать верхом, то почему не привязать немного сена на то место, где мы обычно сидим. Слышишь, Джондалар? Может, я привяжу эту охапку на спину Уинни? – крикнула

Эйла Джондалару, который напоследок бродил по берегу в поисках огненных камней. Лошади тоже были на берегу. Уинни спокойно стояла, нагруженная выючными корзинами и волокушей, кроме того, к ее крупу был привязан тюк с вещами. Удалец слегка нервничал из-за корзин, висевших у него на боках, и небольшого тюка, закрепленного на спине. Он еще не привык таскать грузы, но эта степная лошадка принадлежала к особой породе коренастых, крепких и исключительно сильных лошадей, которые вполне приспособились к жизни в этих суровых степях около ледников.

– Я думал, ты взяла достаточно зерна для них. Зачем же нам тащить еще и сено? На полях пока так много травы, что они явно не останутся голодными.

– А вдруг пойдет снег или – что еще хуже – все покроется ледяной коркой, тогда им будет трудно добраться до травы, а от большого количества зерна у них вздуются животы. Разве плохо иметь с собой запас сена на несколько дней? Ты знаешь, зимой лошади иногда умирают от голода.

– Но разве ты сама, Эйла, не сможешь сломать лед и нарезать травы, чтобы бедняги не оголодали? – со смехом спросил Джондалар. – Но если честно, то мне все равно, поедем мы или пойдем пешком. – Его улыбка почти растаяла, когда он взглянул в ясное голубое небо. – Пожалуй, обратная дорога займет у нас достаточно много времени. Ведь мы быстро добрались до пещеры, потому что лошади шли налегке.

Держа в руках еще три неказистых огненных камня, Джондалар начал подниматься по крутой тропе к пещере. Подойдя ко входу, он заметил там Эйлу, которая стояла, вглядываясь в темноту блестящими от слез глазами. Положив камни в дорожную сумку, лежавшую возле заплечного мешка, он встал рядом с ней.

– Это был мой дом, – охваченная чувством утраты, сказала Эйла, осознав неотвратимость скорого ухода. – Эта пещера была моим собственным пристанищем. Его указал мне мой тотем, он подал мне знак. – Она коснулась кожаного мешочка, висевшего у нее на шее. – Пусть я была одинока, но зато здесь я делала только то, что хотела... то, что мне надо было делать. А сейчас дух Пещерного Льва хочет, чтобы я покинула это место. – Эйла подняла глаза на стоявшего рядом с ней мужчину. – Как ты думаешь, вернемся мы сюда когда-нибудь?

– Нет, – сказал он. Его голос прозвучал как-то отстраненно и глухо. Он глядел в эту маленькую пещеру, но видел совершенно иное место и время. – В любом случае, возвращаясь в родные места после долгой разлуки, человек обнаруживает, что они стали совсем другими.

– Тогда почему ты так хочешь вернуться к себе домой, Джондалар? Почему бы нам не остаться здесь с мамутой? – спросила она.

– Я не могу остаться... Это трудно объяснить. Я знаю, что обнаружу дома много нового, но зеландонии – мои сородичи, мое родное племя. Мне хочется показать им огненные камни. Хочется научить их охотиться с копьеметалкой. Мне хочется, чтобы они узнали, какие орудия можно сделать из прокаленного кремня. Все это очень важные и ценные вещи, они могут принести им большую пользу. Поэтому я хочу все показать моему племени, – сказал он и, опустив глаза в землю, добавил тихим голосом: – Мне хочется, чтобы они взглянули на меня другими глазами и признали, что я достоин уважения.

Она заглянула в его выразительные глаза и пожалела, что не может развеять страдания и боль, которые сквозят в них.

– Для тебя так важно их признание? Разве не важно то, как ты сам оцениваешь себя? – спросила она.

Затем Эйла вспомнила, что Пещерный Лев был также и его тотемом; Джондалар, как и она, был избран этим могущественным хищником. Она знала, как нелегко жить с таким сильным тотемом, он посылал нелегкие испытания, но зато дары и знания, которые человек обретал во время этих испытаний, были очень ценными. Креб когда-то говорил ей, что Великий Пещерный Лев никогда не выберет недостойного человека.

В конце концов им удалось запихнуть жесткую сумку, которую мамутой носили на одном плече, в объемистый и тяжелый короб, каким обычно пользовался Джондалар. К этому коробу была привязана пара круговых ремней, чтобы его можно было нести на спине. Затем путешественники убедились, что капюшоны их парок не зажаты грузом. Эйла добавила еще пару ремней, которые можно было накинуть на голову для дополнительной поддержки, хотя обычно она обходилась без них благодаря праще, обвязанной вокруг головы. Все запасы пищи, сухого хвороста, палатки и спальные меховые шкуры были надежно упакованы.

Джондалар также захватил два здоровых желвака кремня, тщательно отобранных из кучи этого поделочного материала на берегу, и сумку, набитую огненными камнями. На боках у путников болтались специальные длинные сумки с копьёметалками и копьями. Эйла несла также мешочек с гольшами для пращи, а под паркой на ремне, стягивающем рубаху, висела сумка из шкуры выдры, наполненная свертками с целебными травами.

Сено, увязанное в большой тюк, было закреплено на спине кобылы. Эйла провела тщательный осмотр лошадей, проверив, в каком состоянии их ноги, хорошо ли закреплена поклажа, и убедилась, что они не перегружены. Бросив прощальный взгляд на крутую тропинку, ведущую к пещере, путешественники начали спускаться по речному берегу в узкую долину. Уинни следовала за Эйлой, а Джондалар вел в поводу Удальца. Дойдя до переправы, они перебрались на противоположный берег, перепрыгивая с камня на камень. Эйла размышляла, не снять ли часть груза со спины Уинни, чтобы той легче было подняться по крутому галечному склону, но крепкая кобыла одолела подъем довольно легко.

Как только они достигли раскинувшейся к западу степи, Эйла свернула с дороги, по которой они прибыли сюда. Немного поплутав по степи, она наконец нашла то, что искала. Они пришли к глухому каньону, крутые каменные склоны которого были усыпаны массивными остроугольными глыбами, выломанными из этих кристаллических гранитных стен могучими усилиями мороза, жары и времени. Заметив, что Уинни начала проявлять признаки нервозности – в этом каньоне жило когда-то семейство пещерных львов, – путники начали продвигаться к дальнему концу, где находился более пологий галечный склон.

Тогда, весной, когда Эйла обнаружила их, Тонолан был уже мертв, а Джондалар серьезно покалечен. У нее не было времени на похоронный обряд. Она смогла лишь обратиться с просьбой к духу Великого Пещерного Льва, чтобы тот проводил этого мужчину в другой мир. Однако нельзя было оставлять труп на съедение хищникам, поэтому Эйла оттащила его на этот галечный склон и, используя в качестве рычага тяжелое копье, сделанное по образцу тех, которыми обычно пользовались охотники клана, спихнула вниз большой обломок скалы, который удерживал груды более мелких камней. С грустью

смотрела Эйла, как галечник засыпает безжизненное окровавленное тело мужчины, которого она никогда не знала и теперь уже не узнает; она впервые видела человека, который был похож на нее, человека из племени Других.

Джондалар стоял у подножия склона, стараясь найти хоть какую-нибудь приметку, которая подсказала бы ему, в каком месте находится могила брата. Может быть, Дони уже встретила его в другом мире, раз уж Она призвала его к себе так скоро? Он знал, что Зеландони попытается найти место последнего успокоения духа Тонолана, чтобы провести его в мир духов, если, конечно, сможет сделать это. Но как он сможет объяснить ей, где находится это место? Ведь он сам пока не может отыскать его.

– Джондалар! – сказала Эйла.

Он посмотрел на нее и заметил, что она держит в руке кожаный мешочек.

– Ты говорил мне, что его дух должен вернуться к Дони. Я не знаю мира Великой Земной Матери, я знаю только мир духов, в котором живут тотемы клана, и я просила моего Пещерного Льва провести его туда. Может быть, это то же самое место, или, возможно, ваша Великая Мать знает об этом месте, но Пещерный Лев – это очень могущественный тотем, и твой брат не останется беззащитным в том мире.

– Спасибо, Эйла, я знаю, что ты сделала все, что смогла.

– Может быть, ты не понимаешь этого, как я не понимаю Дони, но Пещерный Лев теперь также стал твоим тотемом. Он выбрал тебя так же, как он выбрал меня. У нас с тобой есть его отметины.

– Да, ты уже говорила мне об этом. Но я не совсем понимаю, что это значит.

– Он должен был отметить тебя, если решил привести тебя ко мне. Только мужчина с тотемом Пещерного Льва может противостоять женщине с тотемом Пещерного Льва, но ты должен узнать еще кое-что. Креб говорил мне, что с таким могущественным тотемом трудно жить. Он будет испытывать тебя, чтобы узнать, чего ты стоишь. Эти испытания могут оказаться очень трудными, но чем они труднее, тем более ценные дары и знания ты получишь, пройдя через них. – Она подняла маленький мешочек. – Я сделала этот амулетный мешочек для тебя. Тебе необязательно носить его на шее, как это делаю я, но ты

должен хранить его при себе. Я положила в него кусочек красной охры, то есть теперь там содержится частица твоего духа и частица твоего тотема, но мне кажется, что этот амулет должен содержать еще одну вещь.

Джондалар нахмурился. Ему не хотелось обижать Эйлу, но он был вовсе не уверен, что ему хочется носить этот амулет тотема клана.

– Я думаю, ты должен взять камешек с могилы твоего брата. В этом камешке останется часть его духа, и ты сможешь принести его к себе домой и отдать своим родственникам.

Джондалар еще больше нахмурился, размышляя над ее словами, затем лицо его просветлело. Конечно! Это же может помочь Зеландони найти это место во время духовного транса. Может быть, он действительно не совсем понимает силу тотемов клана? В конце концов, разве не Дони создала духов этих животных?

– Эйла, почему ты всегда точно знаешь, что надо делать? Неужели ты обрела все эти знания в клане? Да, ты права, я сохраню твой мешочек и положу в него камешек с могилы Тонолана.

Он окинул взглядом склон, усыпанный обломками камней, оказавшихся здесь по воле тех же сил, которые выворотили гранитные глыбы из отвесных стен этого каньона. Внезапно маленький камешек, случайно сдвинутый космической силой тяжести, скатился по каменистому склону и остановился у ног Джондалара. Он взял его в руки. На первый взгляд камень ничем не отличался от других невзрачных маленьких обломков гранитных и осадочных пород. Но, повернув камешек, Джондалар был потрясен, увидев на месте слома чудесный опаловый блеск. Огненно-красный цвет мерцал сквозь молочно-белую гладкую поверхность; неровные голубые и зеленые линии изгибались и блестели на солнце, когда Джондалар поворачивал обломок в разные стороны.

– Эйла, ты только взгляни на эту красоту, – сказал он, показывая ей маленький кусок опала. – Ты ни за что не догадалась бы, что за этой серой коркой скрывается чудесный опал. С одной стороны это самый обычный камень, но на сломе – настоящий опал. Посмотри, какие цвета проступают сквозь эту молочную белизну. Видишь, как он играет на солнце? Почти как живой.

– Может, и так, а может быть, это частица духа твоего брата, – ответила она.

Глава 16

Вихревой поток холодного воздуха взметнул край низенькой палатки; лежащая на меховом покрывале рука мгновенно юркнула в теплое укрытие. Ледяной ветер со свистом проникал сквозь полсть, закрывавшую входное отверстие; по лицу спящего человека пробежала тревожная тень. Сильный порыв ветра с громким треском разорвал завязки, и освобожденный полог откинулся в сторону, пропустив в палатку ревущую стихию, которая мгновенно развеяла сны Эйлы и Джондалара. Джондалар закрепил оторванный конец веревки, однако оставшаяся часть ночи прошла беспокойно; постоянно усиливающийся ветер с завываниями и стонами обрушивался на их маленькое кожаное укрытие, то и дело вырывая спящих из объятий сна.

Поднявшись на рассвете, путники начали быстро собираться в дорогу. Степной ветер разыгрался не на шутку, и им вдвоем с трудом удалось сложить палаточные шкуры. Решив не тратить время на разведение костра, они выпили холодной воды из речки, берега которой уже сковал лед, и слегка перекусили, достав дорожные запасы пищи. Ближе к полудню ветер немного поутих, но это затишье было обманчивым. Что-то подсказывало путникам, что худшее еще впереди. После полудня ветер вновь усилился, и Эйла ощутила новый, почти металлический привкус воздуха, который, казалось, утратил все степные ароматы. Окинув взглядом окрестности, она вдохнула этот свежий воздух, проверяя и оценивая свои ощущения.

– Этот ветер несет снег! – громко воскликнула Эйла, стараясь перекрыть рев ветра. – Чутье меня никогда не обманывает.

– Что ты сказала? – переспросил Джондалар, но ветер унес его слова.

Эйла ничего не услышала, но поняла смысл сказанного по движению его губ. Остановившись, она подождала, когда Джондалар поравняется с ней.

– Я чувствую, что приближается снежная буря. Мы должны как можно скорее найти укрытие, – сказала Эйла, окидывая тревожным взглядом широкие ровные просторы. – Но пока я не вижу поблизости ничего подходящего.

Джондалар таким же тревожным взглядом обвел степную равнину. Потом он вспомнил, что прошлой ночью они останавливались на берегу почти замерзшей извилистой речки. Они не стали переправляться через нее, и она по-прежнему должна была петлять где-то слева от них. Прищуриив глаза, он напряженно смотрел вдаль, стараясь проникнуть взглядом сквозь пылевую завесу, но так ничего и не увидел.

– Давай попытаемся найти эту речушку, – сказал он. – Там будут деревья и кусты, а возможно, и высокий берег, под которым мы найдем укрытие.

Эйла кивнула и последовала за ним, Уинни тоже не возражала.

Особое качество воздуха, замеченное Эйлой, оказалось точным предзнаменованием; в воздухе действительно пахло снегом. И ждать его пришлось недолго; вскоре с неба посыпалась легкая снежная крупа, и вихревой ветер отрывистыми белыми мазками начал рисовать в воздухе свои причудливые картины. А чуть позже снег повалил крупными мокрыми хлопьями, сквозь которые уже трудно было что-либо разглядеть.

Джондалару показалось, что он видит впереди какие-то смутные очертания, и он остановился, напряженно всматриваясь в снежную мглу. Однако Уинни продолжала идти вперед, и путники решили довериться ее чутью. Клонившиеся к земле деревца и заросли оголенных кустов отмечали речной берег. Они могли бы служить неплохой защитой для спрятавшихся за ними людей, но лошадь упорно продолжала идти вниз по течению, пока не привела их к излучине; в этом месте вода хорошо подмыла берег, обнажив участок твердой земной породы. Здесь, под этим обрывистым берегом, ветер был значительно слабее, и Уинни, подтолкнув Удальца поближе к отвесному склону, встала рядом с ним, чтобы защитить жеребенка с внешней стороны.

Эйла и Джондалар быстро разгрузили лошадей и, установив свою маленькую палатку почти под их копытами, забрались внутрь, чтобы переждать этот буран.

Несмотря на то что крутой откос берега защищал их от прямых ударов ветра, буря по-прежнему угрожала их легкому укрытию. Ревущие вихревые потоки, кружа вокруг палатки, постоянно меняли направление, словно вознамерившись во что бы то ни стало проникнуть

внутри. И им это удавалось довольно часто. Струи ледяного воздуха, приносившие снежную пыль, то и дело находили лазейку, вползая в щели по краям входного полога и закрытого дымового отверстия. Мужчина и женщина тихо переговаривались под меховыми покрывалами, чтобы не растерять тепло. Они вспоминали случаи, происходившие с ними в детстве, разные истории, легенды и традиции, рассказывали о людях, которых знали, и делились своими мыслями, мечтами и надеждами; казалось, что темы для разговоров они черпают в некоем бездонном источнике. Ночь подкралась незаметно, и, разделив дары Радости, они быстро уснули. Около полуночи ветер прекратил атаковать их палатку.

* * *

Эйла проснулась и лежала с открытыми глазами, приглядываясь к темному интерьеру палатки и пытаясь подавить нарастающий страх. Ей было как-то не по себе, сильно болела голова, и она с трудом вдыхала спертый, застоявшийся воздух. Там, за стенами палатки, явно произошло нечто странное, но она не могла понять, что именно. У нее возникло смутное предчувствие или воспоминание, говорившее о том, что она уже была некогда в подобной ситуации. Это было очень похоже на ощущение скрытой опасности, которую необходимо немедленно устранить. Но для начала надо было выяснить источник опасности. Вдруг Эйла начала задыхаться и, резко приподнявшись с лежанки, отбросила в сторону теплое покрывало.

– Джондалар! Джондалар! – кричала она, тряся его за плечо, хотя в этом не было необходимости: он проснулся мгновенно, едва она отбросила покрывало.

– Эйла?! Что с тобой?

– Я не знаю. Случилось что-то страшное!

– Не понимаю, вроде бы все в порядке, – сказал он, действительно пока ничего не понимая.

Но ведь что-то встревожило Эйлу. Ему было непривычно видеть ее такой испуганной. Она всегда была очень спокойной и отлично владела собой даже в моменты надвигающейся опасности. Никакой

четвероногий хищник не мог бы вызвать этот малодушный страх в ее глазах. Что могло случиться? Почему она так напугана?

– Я видела сон. Там было темно, темнее, чем ночью, и я начала задыхаться, Джондалар. Я не могла дышать!

Его лицо приняло озабоченное выражение, и он внимательным взглядом еще раз окинул палатку. Не зря же Эйла так перепугана; возможно, и в самом деле что-то случилось. Вокруг было темно, но все-таки в этом мраке можно было разглядеть очертания кожаных стенок. Снаружи пробивался слабый рассеянный свет. Все вроде было на местах, ветру не удалось справиться с завязками полога и крышки дымового отверстия. В сущности, вокруг было на редкость тихо и спокойно. Былой ураган, похоже, сменился полным безветрием... Полной неподвижностью.

Джондалар отбросил меховое покрывало и подполз ко входу. Развязав край полога, он обнаружил за ним белую стену, часть которой немедленно обрушилась в палатку, не причинив особого вреда этой снежной толще.

В округлившись глазах Эйлы застыл ужас.

– Мы погребены, Джондалар! Мы погребены под снегом! – воскликнула она срывающимся от напряжения голосом, изо всех сил стараясь сохранять самообладание.

Присев рядом с ней, Джондалар успокаивающе обнял Эйлу за плечи.

– Все будет в порядке, Эйла. Все будет хорошо, – тихо говорил он, не слишком уверенный в собственной правоте.

– Здесь такой мрак, и я не могу дышать!

Ее голос звучал как-то странно глухо, как будто он доносился издалека, и вдруг она обмякла и привалилась к его плечу. Осторожно опуская ее на лежанку, Джондалар заметил, что глаза Эйлы закрыты, но ее глухой, проникнутый паническим ужасом голос был еще слышен, и она как в бреду повторяла, что не может дышать в этом мраке. Джондалар растерялся и встревожился за нее, испугавшись ее состояния. С ней происходило что-то странное, – казалось, причина ее ужаса была связана с чем-то более значительным, чем это снежное заточение.

Окинув взглядом палатку, Джондалар заметил лежавший у входа дорожный мешок, слегка запорошенный снегом. Он растерянно

смотрел в ту сторону какое-то время, потом вдруг быстро подполз к мешку и, разбросав снег, вытащил узкую кожаную сумку, в которой хранились копыя. Встав на колени, он развязал шнурки, удерживающие крышку дымового отверстия, что находилось примерно в центре палатки. Затем, взяв копые, Джондалар пробил снеговой потолок толстым концом дровяка. На меховом покрывале образовался маленький сугроб рыхлого снега, но одновременно с этим в палатку проникли солнечный свет и поток свежего воздуха.

Состояние Эйлы мгновенно изменилось к лучшему. Она заметно расслабилась и вскоре открыла глаза.

– Что ты сделал? – тихо спросила она.

– Пробил копыем слой снега над дымовым отверстием. Нам надо прокопать коридор к выходу, но на самом деле снега не так много, как кажется. – Он посмотрел на нее с искренней озабоченностью. – Что с тобой случилось, Эйла? Ты меня даже напугала. Все твердила, что не можешь дышать. Я уж думал, что ты теряешь сознание.

– Я не знаю. Может, мне просто не хватало свежего воздуха.

– Но воздух в палатке был не так уж плох. Я дышал вполне нормально. Но ты чего-то жутко боялась. Я даже не предполагал, что когда-нибудь увижу тебя такой испуганной.

Эйле стало неловко от его замечаний. Она пребывала в странном состоянии: сквозь какой-то отупляющий легкий туман в голове проступали смутные очертания неприятных видений, но она не могла объяснить их.

– Я помню один случай, он произошел со мной после того, как я покинула клан Брана. Тогда тоже шел снег, и он завалил вход в маленькую пещеру, где я остановилась на ночлег. Потом я проснулась в полной темноте, начала задыхаться от духоты и, должно быть, жутко перепугалась...

– Да, тогда понятно, почему тебя охватил такой панический страх, когда это случилось снова, – сказал Джондалар, не уверенный, однако, что это правильное объяснение.

* * *

Рыжебородый мужчина могучего телосложения все еще работал возле земляного жилища, хотя густые сумерки грозили вскоре смениться полной темнотой. Он первым увидел странную процессию, появившуюся на вершине холма, которая начала медленно спускаться по склону. Впереди шла женщина, с трудом пробираясь по глубокому снегу, за ней маячила устало поникшая голова лошади, которая из последних сил тащила тяжелые корзины и волокушу. Следом шел мужчина, ведя в поводу жеребенка, который тоже тащил корзины и объемистый тюк на спине. Джондалару, конечно, было легче идти, ведь снег был уже утоптан теми, кто шагал впереди; но Эйла не долго прокладывала путь, поскольку они делали это по очереди, давая друг другу передохнуть.

– Неззи! Они вернулись! – заорал Талут, бросаясь навстречу Эйле и утрамбовывая снег, чтобы облегчить путешественникам остаток пути.

Талут повел их не к знакомому сводчатому входу, а примерно к середине стены длинного жилища. Эйла и Джондалар с удивлением увидели, что за время их отсутствия к дому была пристроена новая полукруглая конструкция. Внутри она напоминала входное помещение, хотя здесь было немного просторнее, а внутренний сводчатый проход вел прямо в очаг Мамонта.

– Эйла, это пристройка для лошадей, – провозгласил Талут, как только они вошли внутрь; он с самодовольной усмешкой поглядывал на изумленно-недоверчивое выражение ее лица. – Последний ураган показал, что простого навеса будет явно недостаточно. Раз уж вы вместе с вашими лошадьми собираетесь жить с нами, то мы решили выстроить нечто более существенное. Думаю, мы назовем это место «очаг Лошадей»!

Глаза Эйлы наполнились слезами. Усталая до изнеможения и счастливая от того, что они наконец завершили это путешествие, она была совершенно растеряна и потрясена. Никто никогда не проявлял столько заботы и внимания, желая доставить ей удовольствие. Живя в клане, Эйла никогда не чувствовала себя полностью признанной, всегда ощущала себя немного чужой. Она была уверена, что обитатели клана ни за что не позволили бы ей оставить лошадей, не говоря уж о том, чтобы построить для них жилище.

– Ах, Талут, – срывающимся от волнения голосом произнесла она, затем поднялась на носки и, обняв его за шею, прижалась своей

холодной щекой к его бородатому лицу.

Эйла всегда вела себя очень сдержанно по отношению к нему, и ее порывистое проявление привязанности объяснялось восторженным изумлением. Талут обнял ее и мягко похлопал по спине, радостно улыбаясь и пребывая в состоянии исключительного самодовольства.

Большинство обитателей столпились вокруг них в этой новой пристройке, приветствуя двух путешественников так, словно оба они были полноправными членами племени мамутои.

– Мы очень беспокоились за вас, – сказала Диги, – особенно после того, как повалил снег.

– Мы вернулись бы гораздо раньше, если бы Эйла не набрала с собой такую уйму вещей, – ответил Джондалар. – Последние два дня я даже стал сомневаться, что мы сможем дойти сюда.

Эйла принялась в последний раз разгружать лошадей, и Джондалар направился к ней, чтобы помочь снять тяжелые корзины и многочисленные тюки и свертки, вызывающие всеобщее любопытство.

– А ты привезла что-нибудь мне? – не выдержав, спросила Руги, с детской непосредственностью задав вопрос, который вертелся на языке у каждого.

Эйла улыбнулась девочке.

– Да, я привезла кое-что для тебя. Я привезла подарки каждому из вас, – ответила она, дав обитателям жилища почву для размышлений.

Заинтересованно поглядывая на бесчисленные свертки, люди гадали, какие именно подарки ждут их.

– А это для кого? – спросила Тузи, когда Эйла начала разрезать веревки самого большого тюка.

Эйла переглянулась с Диги, и обе они украдкой улыбнулись, стараясь, чтобы младшая сестренка Диги не заметила этих снисходительных улыбок, вызванных тем, что малышка Тузи невольно копировала повелительную интонацию своей матери Тули.

– Я также привезла кое-что для лошадей, – ответила Эйла девочке, разрезая последнюю веревку на объемистом тюке и вынимая охапку сена. – Видишь, это еда для Уинни и Удальца.

Наделив лошадей кормом, она начала снимать тюки, лежавшие на волокуше.

– Все эти вещи надо отнести в дом.

– Давай лучше повременим с этим, – сказала Неззи, – ты ведь еще даже не разделась. Пойдем в дом, вам надо перекусить с дороги. А вещи пока спокойно могут полежать здесь.

– Неззи права, – вставила Тули. Не менее, чем остальных, ее снедало любопытство, что же привезла Эйла, но всему свое время. – Вам обоим надо немного отдохнуть и подкрепиться. Вы выглядите очень усталыми.

Джондалар с благодарностью улыбнулся Тули, входя вслед за Эйлой в очаг Мамонта.

* * *

Утром следующего дня у Эйлы нашлось много помощников, вызвавшихся перетащить тюки и свертки в дом, но Мамут тихонько посоветовал ей отложить раздачу подарков до ритуальной церемонии, которая должна была состояться нынешним вечером. Эйла с улыбкой приняла его совет, ей нетрудно было понять, что старый шаман хочет усилить общий интерес к вечернему событию и придать ему оттенок таинственности. Поэтому, когда Тули намекнула, что неплохо бы посмотреть, что она привезла, Эйла отделалась уклончивыми ответами, чем вызвала раздражение у этой властной женщины, хотя та и постаралась скрыть его.

После того как все пакеты и свертки были сложены на свободную лежанку, Эйла забралась на нее и плотно закрыла за собой кожаный полог. Затем она разожгла огонь в трех каменных светильниках и, расставив их так, чтобы они хорошо освещали это укромное место, начала развязывать свертки и раскладывать вещи, привезенные в качестве подарков. Внося незначительные изменения в свои предварительные планы, Эйла добавляла какие-то предметы или изменяла их набор, раскладывая подарки отдельными кучками. И в конце концов, когда она, погасив светильники, вылезла из своего укрытия и закрыла за собой шторы полога, взгляд у нее был вполне удовлетворенный.

Направившись к новому выходу, сделанному в том месте, где располагалась одна из неиспользуемых лежанок, Эйла поднялась по трем широким пологим ступеням в очаг Лошадей. Пол в новой

пристройке был дюймов на пятнадцать выше, чем в самом земляном доме, и эти ступени сделали просто для удобства выхода. Она задержалась там, чтобы повнимательнее осмотреть новое помещение. Лошади были на прогулке. Уинни еще в пещере привыкла самостоятельно отодвигать носом в сторону защитную шкуру, и Эйла просто напомнила ей, как это делается. И Удальца тоже не пришлось долго обучать этому делу, поскольку он всегда копировал действия кобылы. Подчиняясь невольному порыву, Эйла решила проверить, все ли в порядке с ее питомцами, – в сущности, она относилась к ним с почти материнской заботой, – и прошла к выходу из пристройки. Откинув тяжелый занавес выходного свода, подпертого мамонтовыми бивнями, Эйла выглянула наружу.

Мир утратил все былые формы и очертания; ровный цвет был лишен какого-либо разнообразия оттенков, поскольку для создания этого пейзажа природе понадобились лишь две краски: голубая – пронзительно-яркая, вибрирующая, небесная голубизна, на которой не было ни единого облачного мазка; и белая – ослепительно-белый снег, поблескивающий под лучами полдневного солнца. Эйла, прищурившись, смотрела на эту сверкающую белизну – единственное очевидное свидетельство снежной бури, бушевавшей в течение нескольких дней. Детали проступали постепенно, когда глаза Эйлы начали привыкать к яркому свету и к ней вернулась способность восприятия глубины и обширности этого знакомого пейзажа. Посредине река еще не замерзла, и водный поток, уносившийся вниз по течению, сверкал гораздо ярче, чем снег, мягко поблескивавший на речных берегах, которые по мере приближения к кромке темневшей воды незаметно переходили в изломанную ледяную поверхность, слегка сглаженную снежным покрывалом. Длинный земляной дом, над которым струились легкие дымки, и жилая площадка казались таинственными белыми холмами.

Эйла немного прошла вдоль берега в сторону излучины, где на небольшой поляне обычно паслись лошади. Солнце хорошо пригревало, и блестящий белый покров уже начал слегка оседать и подтаивать. Разгребая копытами слой рыхлого снега, лошади добирались до пожухлой травы. Увидев вдали своих питомцев, Эйла хотела было свистнуть, но передумала, поскольку Уинни уже подняла голову и смотрела в ее сторону. Кобыла приветливо заржала, и Удалец,

появившись из-за ближайших кустов, присоединился к ней. Подражая их голосам, Эйла ответила на это приветствие.

Повернувшись в сторону дома, она заметила необычное, почти благоговейное выражение на лице Талута, внимательно наблюдавшего за этой сценой.

– Как эта кобыла узнала, что ты направляешься к ней? – спросил он.

– Я думаю, это не связано со знанием, просто у лошадей отличный нюх, и Уинни издали учуяла мой запах. Кроме того, у них чуткие уши, и она могла услышать мои шаги. Наверное, Уинни заметила какое-то движение.

Вождь понимающе кивнул. Ее объяснения казались такими простыми и логичными, и все же... Он улыбнулся, радуясь, что она наконец вернулась, и мысленно представил себе предстоящий ритуал Удочерения Эйлы. Она будет достойным членом Львиной стоянки. А ее красота и способности помогут ей обрести высокий статус среди женщин племени мамутои.

Они вдвоем вернулись в новую пристройку и увидели там Джондалара, как раз выходящего из очага Мамонта.

– Насколько я понял, ты уже разложила все подарки, – с доброй усмешкой сказал он, широким шагом подходя к Эйле и Талуту.

Ему нравилось наблюдать, с каким нетерпением и любопытством ожидают мамутои ее таинственных даров. Он случайно подслушал высказывания Тули по поводу сомнительного качества вещей Эйлы, однако у самого Джондалара сомнений на этот счет не было. Конечно, изделия Эйлы покажутся мамутои необычными, но мастерство всегда остается мастерством, и поэтому ее подарки, несомненно, получат заслуженное признание.

– Да, Эйла, всем страшно любопытно, что вы привезли с собой, – заметил Талут.

Он, возможно, больше, чем кто-либо, любил это состояние предпраздничного ожидания.

– Не знаю, достаточно ли будет моих подарков, – сказала Эйла.

– Конечно, их будет достаточно. Не стоит беспокоиться по этому поводу. Что бы ты ни привезла, все будет хорошо. Было бы довольно даже одних огненных камней. А на самом деле и камни-то не нужны, ты сама как подарок, – сказал Талут и добавил с усмешкой: – В

сущности, прекрасно уже то, что у нас есть причина для такого большого праздника!

– Но ведь мы должны обмениваться подарками, Талут, – возразила Эйла. – Когда клан обменивался подарками, то обычно это были изделия определенного вида и соответствующей ценности. Я не знаю, какие подарки могут иметь ценность, равную этой пристройке. Что я должна подарить каждому строителю этого чудесного очага лошадей? – сказала Эйла, обводя взглядом пристройку. – Это помещение напоминает пещеру, но вы сами сделали ее. Даже не представляю, как люди умудряются строить такие пещеры?..

– Да и я поражен вашим мастерством, – подхватил Джондалар. – Мне довелось видеть много разных жилищ: легкие временные постройки на летних стоянках, жилища, устроенные внутри пещер или под нависающими скалами, – но должен признаться, я никогда не видел ничего подобного этому земляному дому. Ваше жилище кажется крепким как скала.

Талут рассмеялся:

– Таким оно и должно быть, иначе здесь не выживешь, особенно зимой. Только такой дом способен противостоять ударам ураганного ветра. Менее крепкая постройка не простояла бы даже до весны... – Улыбка постепенно исчезла с его губ, и глаза озарились каким-то теплым, родственным любви светом. – Земли мамутой очень богаты. Богаты дичью, рыбой и разнообразными степными плодами. Это красивый и суровый край. И я не променял бы его ни на какое другое место... – Улыбка вернулась на его лицо. – Но чтобы жить здесь, нужны крепкие и надежные жилища, а пещер в этих краях, прямо скажем, маловато.

– И как же вы делаете свои пещеры, Талут? Как вы построили такой дом? – спросила Эйла, припоминая, как долго Бран занимался поисками хорошей пещеры для своей семьи и какой беспомощной она сама чувствовала себя, пока не нашла долину с подходящей для жизни пещерой.

– Ладно, я расскажу вам об этом, раз уж вы так заинтересовались. Тут нет большого секрета! – сказал Талут, самодовольно усмехаясь. Ему льстило их искреннее восхищение. – Все основное жилище построено примерно так же, как эта пристройка, только место для очага Лошадей мы выбрали возле внешней стены очага Мамонта. Определив

примерные размеры помещения, мы втыкаем в центре палку для обозначения будущего очага – на тот случай, если понадобится развести огонь. Затем, измерив веревкой расстояние от стены, закрепляем один конец веревки на центральном столбике и, растянув ее, намечаем на земле круг, по границе которого должны будут проходить стены.

Свои объяснения Талут сопровождал действиями, расхаживая по пристройке и привязывая воображаемую веревку к несуществующему столбику.

– Затем мы снимаем дерн и аккуратно складываем его за границей круга, стараясь не повредить пласты, а после этого копаем дальше, углубляя земляной пол примерно на длину моей ступни. – Для наглядности Талут оттянул вверх носок своей невероятно длинной и на удивление узкой ступни; хорошо подогнанная мягкая кожаная обувь подчеркивала красивую форму его ног. – Затем мы намечаем ширину скамей или платформ, которые могут использоваться как лежанки или полки для хранения разных вещей или запасов, скамьи как бы продолжают стену. Ограничив таким образом внутренний круг, мы углубляем эту часть еще на две или три мои ступни, формируя земляной пол помещения. Вся вынутая земля равномерно раскладывается в круговой вал за границей жилища – он будет служить дополнительной поддержкой для стен.

– Много же приходится вам копать, – заметил Джондалар, окидывая взглядом помещение. – Ведь расстояние между стенами этой пристройки, по-моему, не меньше тридцати твоих ступней, Талут.

Вождь изумленно вытаращил глаза:

– Надо же, ты прав! Именно столько я и намерил. Но как ты узнал?

Джондалар пожал плечами:

– Я просто догадался.

Однако это было нечто большее, чем догадка, это было еще одно проявление его интуитивного понимания физического мира. Джондалар мог точно определить расстояние на глаз, и критерием ему служили размеры его собственного тела. Он знал длину своего шага, ширину ладони, длину и размах рук; он мог оценить как малые величины, соизмеряя их с толщиной своего пальца, так и большие – например, высоту дерева по протяженности отбрасываемой им тени. Никто не учил его подобным измерениям – это была врожденная способность,

развившаяся благодаря постоянному упражнению, и эта способность никогда его не подводила.

Эйла тоже смогла оценить трудоемкость земляных работ. Ей приходилось копать ловчие ямы, и она понимала, сколько времени и сил отнимает такая работа.

– Талут, как же вы умудрились выкопать такую огромную яму? – с любопытством спросила она.

– Что значит «умудрились»? Просто копали, как это делают все люди. Мы пользуемся мотыгами, чтобы разрыхлить суглинок, а потом совками выбрасываем его из ямы. Но вначале аккуратно снимаем дерн, вырезая его с помощью заостренной кромки плоской кости.

Недоуменный взгляд Эйлы красноречиво сказал, что она ничего не поняла. «Наверное, ей неизвестны названия этих орудий на языке мамутой», – подумал Талут и, ненадолго выйдя из пристройки, вернулся с несколькими инструментами. Все они были снабжены длинными рукоятками. На конце одной из них была закреплена часть мамонтового ребра с заостренной нижней кромкой. Этот инструмент напоминал тяпку с длинным изогнутым лезвием. Эйла внимательно осмотрела орудие.

– Мне кажется, оно похоже на палку-копалку, – нерешительно сказала она, вопросительно взглянув на Талута.

Он улыбнулся:

– В общем, да, это мотыга. Иногда, конечно, мы пользуемся и заостренными палками-копалками. Ими можно быстрее выкопать яму, но мотыгой это сделать гораздо удобнее.

Затем он показал Эйле совок, изготовленный из широкой части огромного рога, принадлежавшего мегацеросу, разрезанного вдоль по ноздреватой сердцевине; нижний край рога был выровнен и заострен. Обычно для таких совковых лопаток использовались рога молодых животных; рога взрослого мегацероса могли достигать одиннадцати футов в длину и были слишком большими. Рукоятка крепилась с помощью крепкой кожаной веревки, продетой через три пары просверленных в центре отверстий. Рабочей была внутренняя ноздревая сторона совка, который использовался не для копания, а для сбора и откидывания суглинистой почвы, разрыхленной мотыгой, или при случае – для расчистки земли от снега. Талут также принес еще

один совок более глубокой формы, сделанный из распиленного вдоль куска мамонтового бивня.

– Вот такие инструменты мы называем совками, – пояснил Талут специально для Эйлы.

Она понимающе кивнула, поскольку сама пыталась использовать подобным образом рога оленей. Только ее орудия были без рукояток.

– Нам просто повезло, что погода после вашего отъезда стояла довольно теплая, – продолжал вождь. – Но поскольку потепление было явно кратковременным, мы решили не копать на обычную глубину. Нижний слой земли сейчас уже очень твердый. В следующем году мы сможем углубиться в почву и сделаем несколько ям для хранения пищевых запасов, а может, даже соорудим еще одну баню, когда вернемся с Летнего схода.

– Но ведь вы вроде бы ждали теплой погоды, чтобы организовать очередную охотничью вылазку, – сказал Джондалар.

– Последняя охота на бизонов была очень успешной, а предсказания Мамута пока не сулили нам ничего хорошего. Проведя обряд Поиска, он смог обнаружить только нескольких бизонов, которых мы упустили, и нам не имело смысла тратить на них время и силы. Вместо этого мы решили сделать эту пристройку, чтобы обеспечить укрытие для лошадей Эйлы, которые, кстати, оказали нам большую помощь во время последней охоты.

– Мотыга и совок, конечно, очень удобны, Талут, но ведь вам пришлось выкопать так много земли... Как же вы успели проделать такую огромную работу? – удивленно воскликнула Эйла.

– Наша стоянка достаточно многолюдна, Эйла. Почти все с радостью согласились помочь мне в этом деле... Мы хотели сделать приятный сюрприз к твоему возвращению.

Чувство огромной благодарности захлестнуло молодую женщину, и она опустила голову, стараясь сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы. Заметив ее состояние, Джондалар и Талут вежливо отвернулись в сторону, чтобы не усиливать смущение Эйлы.

Джондалара по-прежнему интересовала сама конструкция дома, и он внимательно присматривался к стенам.

– Похоже, вы также делаете углубление за этими скамьями, – заметил он.

– Да, для основных опор, – сказал Талут.

Он указал на шесть гигантских мамонтовых бивней, каждый из которых был установлен в специальную яму, плотно забитую по окружности мелкими заостренными костями, напоминавшими клинья. Для этой цели обычно использовали расколотые фаланги или позвонки. Эти опорные бивни равномерно располагались по обе стороны от сводчатых проходов, также образованных мамонтовыми бивнями. Эти длинные и мощные изогнутые бивни были главным элементом несущей конструкции будущего жилища.

Талут продолжал объяснять, как обычно строят свои углубленные в землю жилища охотники на мамонтов, а Эйла и Джондалар слушали с нарастающим вниманием и удивлением. Оба они примерно представляли себе процесс такого строительства, но на самом деле все оказалось гораздо сложнее. Посредине, между опорами и центром жилища, стояли шесть деревянных столбиков – заостренный нижний конец этих очищенных от коры стволов забивался в землю, а верхний завершался развилкой. С внутренней стороны к земляному валу, окружавшему пристройку, примыкал ряд костей, здесь располагались мамонтовые черепа, укрепленные с помощью плечевых, бедренных и спинных костей крупных животных, а в некоторых местах проходили длинные ножные или реберные кости, дополнительно укрепляющие конструкцию. Верхняя часть стены состояла в основном из лопаток, бедренных костей и небольших кусков бивней – из них формировалась крыша, которая поддерживалась деревянными балками, проходившими от внешнего каркаса к внутреннему кругу деревянных столбов. Тщательно отобранные и слегка обработанные кости образовывали мозаичное переплетение, напоминавшее хитроумную костяную головоломку, и все они были закреплены или привязаны к основным опорным бивням, создавая в итоге сводчатую форму жилища.

В речной долине можно было срубить деревья для столбов, но для такого строительства требовался изрядный запас костей мамонта, который не могла обеспечить охота на этих животных. Большая часть строительного материала набиралась из костяных куч на излучинах реки. В окрестных степях тоже порой находили крупные, обглоданные хищниками костяки. Но в основном на этих открытых просторах попадались разнообразные мелкие кости.

Мамутой год за годом старательно собирали рога, которые каждый год сбрасывали мигрирующие стада северных оленей, чтобы отрастить

новые к будущему сезону. Центральная часть куполообразной крыши была сплетена из ветвистых оленьих рогов и образовывала прочный, хорошо скрепленный каркас, в центре которого оставалось отверстие для выхода дыма. Из длинных ивовых прутьев, срезанных в речной долине, были сплетены плотные сетки, которые привязывались к роговому каркасу и спускались вниз по костяной стене, служа внешним покрытием жилища. На эти ивовые сетки укладывался толстый слой соломы, которая препятствовала попаданию в дом воды, а поверх соломы укладывался слой плотного дерна. При этом использовался материал, полученный при расчистке участка земли для этой постройки, а недостающую часть дерна обычно срезали где-нибудь поблизости.

Толщина стен такого жилища составляла примерно от двух до трех футов. Однако дерновое покрытие было не последним, и сегодня обитателям стоянки предстояло покрыть пристройку завершающим слоем.

Выйдя из дома, Талут заканчивал свое подробное объяснение конструкции этого сооружения, а все восхищенные слушатели рассматривали внешнюю сторону земляного жилища.

– Я надеялся, что сегодняшняя погода нас не подведет, – сказал он, вздымая руки к ясному голубому небу. – Нам надо еще закончить строительство. Если не провести заключительных работ, то постройка будет менее прочной и долговечной.

– А как долго сохраняются такие жилища? – спросил Джондалар.

– Человек может прожить в таком доме всю жизнь, но порой он стоит и дольше. Эти земляные жилища являются зимними домами. В конце весны мы обычно покидаем их, отправляясь на Летний сход, Большую охоту на мамонтов и в другие путешествия. Во время летнего кочевья мы собираем травы и плоды, охотимся, рыбачим, торгуем и навещаем родственников. Уходя, мы оставляем здесь часть наших вещей, потому что к осени обязательно возвращаемся назад. Львиная стоянка – наше постоянное жилище, наш дом.

– Если мы хотим, чтобы эта пристройка долго служила укрытием для лошадей Эйлы, то нам надо бы закончить ее, пока погода дает нам такую возможность, – вмешалась в разговор Неззи.

Они с Диги только что подошли к дому и опустили на землю тяжелый бурдюк с водой, которую они начерпали из уже подмерзшей

реки.

Затем появился Ранек с копательным инструментом, он тащил за собой большую корзину, наполненную влажной почвой.

– Мне до сих пор не приходилось слышать, чтобы кто-то строил жилище или хотя бы пристройку такой поздней осенью, – сказал он.

Барзек следовал за ним.

– Это будет интересный опыт, – заметил он, опуская на землю вторую корзину глинистой почвы, которую они накопили в особом месте на речном берегу. Вскоре подошли Дануг и Друвец с очередными корзинами, наполненными такой же сырой почвой.

– Трони уже развела костер, – сообщила Тули, забирая у Неззи и Диги тяжелый бурдюк с водой. – Торнек нашел себе помощников, и они нагребли большой сугроб снега. Мы растопим его, как только согреется эта вода.

– Мне хотелось бы помочь вам, – сказала Эйла, размышляя, много ли проку будет от ее помощи. Похоже, все четко знали, что делать, а у нее не было ни малейшего представления насчет того, что они затеяли, и уж тем более какую помощь она может оказать.

– Да, можем мы чем-то помочь вам? – поддержал ее Джондалар.

– Конечно, мы же собираемся закончить лошадиную пристройку, – объяснила Диги. – Но для начала, Эйла, пойдем, я выдам тебе какую-нибудь старую одежду. Нам предстоит грязная работа. А у Талута и Дануга наверняка найдется что-нибудь подходящее для Джондалара.

– Я сейчас подыщу ему что-нибудь, – сказала Неззи.

– Если вам придется по душе эта работка, то вы потом сможете помочь нам с Тарнегом построить земляной дом. Ведь мы собираемся основать новую стоянку... конечно, после того, как мы с Бранагом пройдем Брачный ритуал.

– А кто-нибудь развел костры в наших банях? – спросил Талут. – После этой работы всем надо будет помыться, особенно учитывая то, что сегодня вечером у нас большое празднество.

– Уимез и Фребек топят там с самого утра. Осталось только наносить побольше воды, – сказала Неззи. – Крози и Манув пошли вместе с Лэти и другими детьми нарвать свежих сосновых лап, поэтому у нашей воды будет чудесный хвойный запах. Фрали тоже хотела пойти с ними, но я решила, что прогулка по холмам не пойдет ей на пользу, и поэтому попросила присмотреть за Ридагом. И Хартал тоже под ее

присмотром. А Мамут готовит что-то для вечерней церемонии. У меня такое чувство, что нас ждет какой-то сюрприз.

– Кстати, Талут... Когда я выходил из дома, Мамут просил передать тебе при встрече, что через несколько дней ожидается добрая охота. Он хотел узнать, хочешь ли ты, чтобы он провел обряд Поиска? – сообщил Барзек.

– Добрая охота? – задумчиво переспросил вождь. – По такому-то снегу? Он же рыхлый и уже начал подтаивать. Вот если хорошенько подморозит и образуется ледяная корка, то животным будет труднее убежать от нас. Но возможно, и вправду стоит провести Поиск.

Основная масса людей направилась к очагу, где на перекладине, покоившейся на двух опорах, висел кожаный котел с ледяной речной водой. Вода уже согрелась, и теперь добавляемый в нее снег быстрее таял. Когда процесс таяния завершился, теплую воду начали черпать плотно сплетенными корзинками и переливать в другой, вместительный, перепачканный глиной кожаный котел, установленный в небольшой котловине, выкопанной в земле. В эту воду добавляли специальную почву, принесенную с прибрежного склона, и тщательно перемешивали до образования густого строительного раствора.

Несколько человек с плотно сплетенными корзинами, наполненными раствором, уже забрались на вершину пристройки и, зачерпывая блестящую текучую массу, начали поливать покрытые дерном стены этого куполообразного сооружения. Эйла и Джондалар, немного понаблюдав за действиями строителей, вскоре тоже взялись за корзины и черпаки. Люди, работавшие внизу, равномерным толстым слоем размазывали раствор по наклонной поверхности стен, чтобы получилось сплошное покрытие.

Плотная липкая глина, чисто промытая речным потоком, не будет пропускать влагу. Этот слой непроницаем для воды – ни дождь, ни мокрый или тающий снег не смогут проникнуть в жилище. Даже в таком влажном состоянии глина не пропустит воду. Когда этот слой высохнет и уплотнится, то поверхность этих наклонных стен станет совершенно твердой – как правило, это удобное место для временного хранения различных вещей или приспособлений. В хорошую погоду на завалинке обычно присаживаются, чтобы пообщаться с гостями, потолковать на разные насущные темы или просто отдохнуть и посидеть в спокойной задумчивости. Когда стоянка принимала гостей,

то дети, чтобы не затеряться в толпе, залезали на сводчатую крышу дома и оттуда наблюдали за происходящими событиями. Кроме того, это место использовалось для выступлений перед публикой или в качестве смотровой площадки.

Набрав в корзину очередную порцию хорошо перемешанной жидкой глины, Эйла карабкалась вверх по наклонной стене дома, выплескивая на себя часть красноватого раствора. Но она даже не замечала этого, поскольку ее одежда, как и одежда всех остальных строителей, давно была перепачкана глиной. Диги говорила правду. Это была грязная работа. Закончив с нижней частью стен, они приступили к покрытию купола, стараясь сохранять равновесие на этой предательски скользкой поверхности.

Эйла вылила последний черпак из своей корзины и с интересом наблюдала, как раствор медленно стекает вниз. Затем, повернувшись, она рассеянно начала спускаться и вдруг, поскользнувшись, плюхнулась на скользкую поверхность глины, только что вылитой ею на склон стены. Не успев осознать, что происходит, она, испуганно вскрикнув, стремительно соскользнула по наклонной поверхности и, перескочив через вал, шлепнулась на землю под стенами пристройки.

Но как только она коснулась земли, ее сразу же подхватили чьи-то сильные руки, и Эйла испуганно вздрогнула, увидев прямо перед собой перепачканное глиной смеющееся лицо Ранека.

– Ага, наверное, это один из новых способов размазывания глины по стенам, – весело сказал он, поддерживая Эйлу и давая ей прийти в себя. Затем, по-прежнему держа ее за руку, добавил: – Может, ты хочешь повторить этот стремительный спуск? Тогда я подожду тебя здесь.

Ощувив тепло его пальцев на своей холодной руке, Эйла наконец пришла в себя и почувствовала, что их тела тесно соприкасаются. Его черные глаза, блестящие и глубокие, были исполнены чувственного желания, которое невольно нашло отклик в глубине ее женского естества. Она слегка вздрогнула и, отступив на шаг в сторону, опустила глаза, чувствуя, как краска смущения заливает ее щеки.

Эйла взглянула на Джондалара, чтобы убедиться в правильности своих подозрений. Действительно, его лицо было очень сердитым, кулаки сжаты, а на виске пульсировала жилка, выдавая сильное внутреннее напряжение. Эйла быстро отвела взгляд в сторону. Теперь

она понимала его немного лучше, осознавая, что так проявляется его страх – страх потери, страх быть отвергнутым, – но тем не менее она восприняла это с оттенком раздражения. Ведь, в сущности, не произошло ничего особенного, каждый мог поскользнуться и упасть, и она была благодарна Ранеку за то, что он так удачно подхватил ее. Эйла вновь покраснела, вспомнив чувственное прикосновение и взгляд темнокожего резчика, и подумала, что ее отклик тоже был вполне естественным. Не могла же она запретить себе чувствовать?!

– Пойдем со мной, Эйла, – крикнула Диги. – Талут сказал, что можно заканчивать, а в бане уже жарко. Пора смыть с себя эту глину и готовиться к празднику. Скоро начнется ритуал твоего Удочерения.

Две молодые женщины вошли в дом через новую пристройку. Когда они уже были в очаге Мамонта, Эйла вдруг обернулась к подруге и спросила:

– Диги, что такое «баня»?

– Ты никогда не была в бане?

– Нет. – Эйла отрицательно качнула головой.

– О, я думаю, тебе там понравится! Грязную одежду лучше снять прямо в очаге Зубра. Мы, женщины, обычно пользуемся дальней баней. А мужчины моются вот в этой, – объяснила Диги, показывая на низкий занавешенный проход возле лежанки Манува, где они как раз оказались в этот момент, двигаясь через Олений очаг в направлении очага Журавля.

– Разве за этим занавесом не обычное хранилище?

– А ты, значит, решила, что все боковые помещения предназначены для хранения запасов? Мне и в голову не приходило, что ты еще не знаешь о наших банях. Ты уже стала нам совсем как родная, и я забыла, что на самом деле вы живете здесь совсем недолго. – Диги остановилась и, повернувшись, взглянула на Эйлу. – Я очень рада, что ты станешь мамутой, мне кажется, что это твоя судьба.

Эйла смущенно улыбнулась:

– Я тоже очень рада, и я рада, что встретила здесь тебя, Диги. Я давно мечтала познакомиться с женщиной... примерно моего возраста... мечтала о подруге.

Диги улыбнулась ей в ответ:

– Я понимаю тебя. Мне только жаль, что ты не пришла к нам раньше. Ведь в конце будущего лета я собираюсь покинуть эту стоянку.

Даже не знаю теперь, хочется ли мне этого. Я хотела стать вождем собственной стоянки, как моя мать, но мне грустно оттого, что придется расстаться с ней и с тобой и со всеми обитателями Львиной стоянки.

– А далеко вы собираетесь идти?

– Не знаю, мы пока не решили, – сказала Диги.

– Но зачем обязательно уходить далеко? Почему бы не построить новое жилище по соседству? – спросила Эйла.

– Не знаю. Вообще-то, это не принято, но я думаю, мы можем попробовать. Мне не приходила в голову такая мысль, – с удивленным и недоумевающим видом заметила Диги.

Когда подруги вошли в помещение последнего очага длинного дома, Диги сказала:

– Ну вот, теперь мы можем раздеться, грязные вещи оставим прямо здесь, на земле.

Диги и Эйла быстро стащили с себя перепачканные глиной одежды. Эйла почувствовала теплый ток воздуха, идущий из-за красного кожаного занавеса, закрывавшего довольно низкий сводчатый проход, ограниченный бивнями мамонта, который вел в какое-то помещение, находившееся за стенами последнего из очагов.

– Скорее заходи и опусти занавес! Ты же пускаешь холод!

Голос доносился из глубины тускло освещенного и слегка дымного помещения, заполненного густым паром.

Эйла быстро шагнула внутрь, опустив за собой край занавеса; здесь было не холодно, а скорее даже жарко. Диги провела ее по грубым ступеням, выложенным мамонтовыми костями, слегка вдавленными в землю, ступени уходили вниз примерно на глубину трех футов. Эйла почувствовала, что стоит на какой-то мягкой шкуре с довольно густым мехом. Вскоре ее глаза привыкли к тусклому свету, и она обвела взглядом туманное пространство. Общие размеры этого подпольного помещения составляли около шести футов в ширину и десяти футов в длину. Баня состояла из двух соединявшихся между собой и круглых в плане комнат с низкими сводчатыми потолками, до которых она могла достать рукой, поскольку они были на три или четыре дюйма выше ее роста.

На полу второй, более просторной парной комнаты были разбросаны раскаленные докрасна костяные угли. Две молодые женщины прошли через первую маленькую мыльную комнату и

присоединились к остальным. Эйла заметила, что стены бани покрыты кожей, а внизу проложены дорожки из мамонтовых костей, по ним можно было ходить, не опасаясь наступить на раскаленные угли. Кроме того, стоя на этих костяных дорожках, можно было мыться или поддать пару, плеснув водой на угли, при этом ноги оставались чистыми, потому что вода быстро впитывалась в нижний земляной пол.

Основная часть углей находилась в центральном очаге. Он служил как для поддержки жара, так и для освещения, поскольку лучи дневного света почти не проникали внутрь бани сквозь закрытое дымовое отверстие. Голые женщины сидели вокруг очага на гладких лавках, сделанных из плоских мамонтовых костей, в качестве опор для них использовались кости того же животного. У стены располагались разные емкости с водой. В больших, туго сплетенных корзинах была холодная вода, а чуть дальше на каркасах из оленьих рогов были установлены кожаные котлы из желудков гигантских животных, и пар, поднимающийся над ними, свидетельствовал о том, что в них находился кипяток. Кто-то из женщин взял костяными щипцами раскаленный камень из очага и опустил его в один из этих кожаных котлов. Облако ароматного хвойного пара окутало помещение.

– Вы можете сесть здесь, между Тули и мной, – предложила пышнотелая Неззи, подвигаясь в сторону, чтобы освободить место на лавке.

Тули подвинулась в другую сторону. Она тоже была довольно крупной женщиной, но ее тело было исключительно мускулистым и подтянутым, хотя округлые формы выразительно свидетельствовали о ее половой принадлежности.

– Пожалуй, надо сначала смыть с себя первую грязь, – сказала Диги. – Наверное, тебе, Эйла, это тоже не помешает. Вы видели, как она скатилась с крыши? – спросила она, обращаясь к остальным женщинам.

– Нет, не видели. Надеюсь, ты удачно приземлилась? – озабоченно спросила Фрали, которая выглядела немного смущенной из-за своей беременности, поскольку ее живот стал уже довольно большим.

Диги рассмеялась и ответила, опередив Эйлу:

– Ранек успел подхватить ее в свои объятия и, по-моему, был совершенно счастлив, что ему представился такой случай.

Женщины понимающе улыбнулись.

Набирая в корыто, сделанное из мамонтового черепа, холодной и горячей воды, Диги случайно выловила из чана с кипятком хвойную ветку. Затем она взяла что-то мягкое из объемистой рыхлой горки и разделила это между собой и Эйлой.

– Что это? – спросила Эйла, чувствуя шелковистую мягкость и упругость этого странного материала.

– Это мочалка из шерсти мамонта, – сказала Диги, – к зиме они отрачивают густой подшерсток, а весной сбрасывают лишнюю шерсть, оставляя ее на кустах и деревьях. Иногда мы находим ее прямо на земле. Намочи мочалку в воде и смывай ею грязь.

– Волосы у меня тоже в глине, – сказала Эйла, – может, их тоже вымыть?

– Пока не стоит, сначала мы немного попаримся, а потом уже вымоемся хорошенько.

Окатившись чистой водой, они вынырнули из клубов пара, и Эйла села на лавку между Диги и Неззи. Диги слегка откинулась назад и, удовлетворенно вздохнув, закрыла глаза. Эйла недоумевающе поглядывала на женщин, размышляя, зачем они так долго сидят и исходят пóтом в этом жарком подполье. Она взглянула на Лэти, сидевшую рядом с Тули, и они обменялись улыбками.

Кто-то вошел в баню, и Эйла, почувствовав приятный холодок, поняла, как сильно она распарилась. Все обернулись, чтобы посмотреть на вновь прибывших. У низкого входа стояли Руги и Тузи, а вслед за ними появилась Трони, держа на руках Нуви.

– Мне пришлось задержаться с Харталом, – сообщила Трони. – Торнек решил взять его с собой попариться, и я не хотела, чтобы малыш раскричался.

– Неужели мужчинам не разрешается входить в эту баню, даже маленьким мальчиком? – с удивлением спросила Эйла.

– Трони, ты не знаешь, взял ли кто-то Ридага? Может, мне надо привести его сюда? – сказала Неззи.

– Дануг взял его с собой. По-моему, наши мужчины решили на этот раз собрать всех без исключения мужчин в своей бане, – заметила Трони, – даже малышей.

– Это точно, даже Фребек взял с собой Ташера и Кризавека, – вспомнила Тузи.

– Да уж, пора ему наконец научиться заботиться о наших мальчиках, – проворчала Крози. – Мне кажется, только ради этого ты и согласилась стать его женой. Так ведь, Фрали?

– Нет, не так, мама, не только ради этого.

Эйла удивилась. До сих пор ей не приходилось слышать, чтобы Фрали возражала своей матери, даже в мягкой манере. Но все остальные не обратили на это никакого внимания. Возможно, поскольку здесь находились одни женщины, Фрали не стала скрывать своих мыслей и вступилась за мужа. Крози сидела чуть подальше своей дочери, закрыв глаза; просто удивительно, до чего были похожи эти две женщины. В общем-то, только благодаря выпирающему из-за беременности животу можно было отличить дочь от матери. Фрали сильно исхудала и выглядела почти такой же старой, как ее мать. Эйла также отметила, что у Фрали отекали ноги, а это был недобрый знак. Ей захотелось осмотреть эту беременную женщину, и она вдруг поняла, что, возможно, именно в бане ей будет легче сделать это.

– Фрали, у тебя сильно отекают ноги? – немного нерешительно спросила Эйла.

Женщины насторожились, ожидая ответа Фрали, как будто все они понимали, какая мысль пришла в голову Эйле. Даже Крози не сказала ни слова, а просто поглядывала на дочь.

В легкой задумчивости Фрали посмотрела на свои ноги, словно оценивая, насколько сильно опухли ее лодыжки. Затем она подняла глаза и сказала:

– Да, в последнее время они стали часто опухать.

Неззи вздохнула с явным облегчением, которое передалось и остальным.

– Тебя все еще тошнит по утрам? – спросила Эйла, подавшись немного вперед.

– Да, а во время первых двух беременностей меня никогда так долго не тошнило.

– Фрали, может быть, ты согласишься... чтобы я осмотрела тебя?

Фрали окинула взглядом женщин. Никто не проронил ни слова. Неззи улыбнулась и кивнула ей, молчаливо побуждая ее к согласию.

– Хорошо, – сказала Фрали.

Эйла быстро приступила к делу, внимательно осмотрела ее глаза, проверила дыхание, пощупала лоб. Конечно, в таком полумраке трудно

было провести нормальный осмотр, тем более правильно оценить, нет ли у Фрали жара.

– Ты можешь прилечь на лавку? – попросила Эйла.

Все быстро переместились, освобождая место, чтобы Фрали могла вытянуться в полный рост. Эйла с явным знанием дела тщательно обследовала беременную женщину, а остальные с интересом наблюдали за ее действиями.

– По-моему, тошнота у тебя бывает не только по утрам, – заметила Эйла, заканчивая осмотр. – Я могу помочь тебе. Но ты должна будешь есть то, что я приготовлю. Тогда ты сразу почувствуешь себя лучше. И ноги перестанут отекать. Ты согласна?

– Не знаю, – нерешительно сказала Фрали. – Фребек проверяет все, что я ем. Думаю, он начнет беспокоиться и не позволит мне сделать этого. Он вечно спрашивает, кто готовит то, что я ем.

Крози сидела, плотно сжав зубы, и явно изо всех сил старалась, чтобы неосторожное слово не сорвалось с ее языка. Крози боялась, что если она сейчас опять начнет ругать Фребека, то Фрали встанет на его защиту и откажется от помощи Эйлы. Неззи и Тули обменялись выразительными взглядами. Крози проявила просто потрясающую сдержанность.

Эйла понимающе кивнула.

– Мне кажется, я знаю, как это можно устроить, – сказала она.

Диги удовлетворенно вздохнула и заявила:

– Не знаю, как вы, но я уже достаточно попарилась и собираюсь мыться да выходить. Как ты считаешь, Эйла, не пора ли нам пробежаться по снежку?

– Отличная мысль. Я уже изнываю от жары.

Глава 17

Лежанка, на которой обычно спали Эйла и Джондалар, была занавешена. Джондалар приподнял край полога и улыбнулся. Эйла, скрестив ноги, сидела на меховом покрывале и расчесывала мокрые волосы; ее розовое тело влажно поблескивало.

– Какое чудесное ощущение, – сказала она, тоже улыбнувшись ему. – Диги была права, сказав, что мне это понравится. А тебе понравилась баня?

Он забрался на кровать и сел рядом с ней, опустив полог. Его кожа тоже была розовой и распаренной, но он уже полностью оделся, а его расчесанные волосы были приглажены и стянуты шнурком на затылке. После парилки он почувствовал себя помолодевшим и даже подумывал, не сбрить ли бороду, но ограничился тем, что слегка подровнял ее.

– Я всегда любил попариться, – сказал он.

Не в силах сдерживать свое желание, он привлек Эйлу к себе и, поцеловав ее, начал ласкать ее теплое тело.

Она с готовностью откликнулась на его ласки, подавшись ему навстречу, и тихо застонала, когда Джондалар припал губами к ее груди.

– О Великая Мать, как соблазнительна эта женщина! – воскликнул он, откидываясь назад. – Ты представляешь, что скажут люди, собравшись на церемонию твоего Удочерения к очагу Мамонта и обнаружив, что мы с тобой делим дары Радости и совсем не готовы к празднику?

– Мы можем сказать им, чтобы пришли попозже, – с улыбкой ответила она.

Джондалар от души расхохотался:

– Да, я думаю, ты вполне способна на такое!

– А почему бы и нет, ведь ты подал мне знак, разве не так? – сказала она с озорной усмешкой.

– Подал знак?

– Ну помнишь, ты объяснял мне, какой знак подает мужчина женщине, когда желает разделить с ней дары Радости? Ты говорил, что я всегда смогу догадаться о твоём желании, если ты начнешь целовать и ласкать меня. А сейчас ты именно это и сделал. А как ты знаешь, женщины клана не могут отказать мужчине.

– Неужели они действительно никогда не отказывают? – спросил он, усомнившись в такой покладистости женского пола.

– Так их воспитывают, Джондалар. Именно так ведет себя воспитанная женщина клана, – ответила Эйла исключительно серьезным тоном.

– Гм... То есть ты имеешь в виду, что выбор за мной? Если я сейчас скажу, что мы останемся здесь и разделим дары Радости, то ты заставишь всех мамутой подождать, пока мы не закончим?

Джондалар старался говорить серьезно, но в глазах его горели веселые огоньки, он явно наслаждался этой милой интимной игрой.

– Конечно, только если ты подашь мне знак, – ответила она в той же манере.

Он обнял и вновь поцеловал Эйлу, наслаждаясь нежностью ее теплой кожи и чувствуя, как по ее телу пробегает волна ответного желания. Джондалар уже хотел было уточнить, пошутила она насчет задержки ритуала или говорила вполне серьезно, но потом с большой неохотой решил все-таки подождать до ночи и выпустил Эйлу из своих объятий.

– Придется мне пока укротить свои желания, – сказал он. – Но тебе лучше поскорее одеться, чтобы не соблазнять меня. Да и народ скоро начнет собираться. Ты выбрала себе наряд?

– В общем-то, выбирать особенно не из чего. У меня нет праздничной одежды. Среди моих вещей есть только несколько накидок, что я носила в клане, да та одежда, что я сшила по образцу твоей. Правда, есть еще пара узких кожаных штанов... Конечно, мне хотелось бы надеть что-то понаряднее. Диги показывала мне, что она собирается надеть. У нее такой красивый наряд, я никогда не видела ничего подобного. Кстати, она дала мне одну из своих... расчесок, увидев, что я начала расчесывать волосы ворсянкой, – сказала Эйла, показывая Джондалару довольно массивную, сходящуюся в конус расческу, вырезанную из бивня мамонта, узкий конец которой был обмотан ремешком из сыромятной кожи и служил в качестве ручки. – Диги также дала мне несколько украшений из костяных бусин и маленьких раковин. Она обычно украшает ими волосы, и я, наверное, сделаю точно так же.

– Пожалуй, я пойду, не буду мешать тебе одеваться, – сказал Джондалар, подняв край полога.

Перед уходом он склонился и опять поцеловал Эйлу. Кожаный занавес вновь опустился, и Джондалар постоял возле него, обводя рассеянным взглядом помещение очага Мамонта, затем на лице его появилось выражение хмурой сосредоточенности. Как бы ему хотелось оказаться сейчас наедине с Эйлой и ни о ком больше не думать. Если бы они остались жить в ее долине, то могли бы полностью распорядиться собой. И ей не пришлось бы готовиться к вступлению в племя мамутой, которое живет так далеко от его родного дома. Что, если она захочет навсегда остаться здесь? У него возникло тревожное предчувствие, говорившее ему, что сегодняшней вечер перевернет всю их жизнь.

Он собрался было выйти из дома, но Мамут, перехватив его тревожный взгляд, поманил Джондалара к себе. Высокий молодой мужчина медленно подошел к не менее рослому старому шаману.

– Если ты не занят, то я попросил бы тебя кое-что сделать, – сказал Мамут.

– С удовольствием. Чем я могу помочь? – спросил Джондалар.

Мамут показал ему четыре длинных кола, лежавших у стены на скамье, где хранились вещи шамана. При ближайшем рассмотрении Джондалар понял, что они были сделаны не из дерева, а из бивня; изогнутые бивни обработали таким образом, что они стали ровными и прямыми. Затем старик взялся за рукоятку массивной каменной кувалды и передал ее Джондалару, который с удивлением разглядывал этот увесистый инструмент, показавшийся ему на редкость необычным. Во-первых, это орудие было полностью покрыто кожей. Повертев в руках каменную насадку, Джондалар заметил, что всю ее поверхность прорезал спиральный желобок, по которому был проложен гибкий ивовый прут, оплетавший также и костяную рукоятку. Весь инструмент был обмотан влажной грубой кожей, которую предварительно просто чисто выскоблили. После высыхания эта сыромятная кожа сжалась и теперь туго обхватывала как каменную головку, так и рукоять, надежно соединив их в единое целое.

Шаман подвел его к очажному кругу и, откинув циновку, показал на отверстие, имевшее примерно шесть футов в диаметре, которое было заполнено камешками и костными обломками. Очистив это неглубокое отверстие, Мамут велел Джондалару принести один из костяных кольев, и они опустили его конец в дырку. Мамут держал кол, следя,

чтобы он стоял вертикально, а Джондалар каменной кувалдой забивал вокруг кости и камни. Укрепив таким образом первый кол, они установили и остальные, выстроив дугообразную линию, отклонявшуюся от очажного круга.

Затем старец принес какой-то длинный сверток и, осторожно, почти с благоговением развязав его, вынул оттуда аккуратно скрученный рулон тонкого полупрозрачного материала, по качеству сходного с пергаментом. Когда материал был раскатан, то Джондалар увидел, что на нем изображены несколько фигурок животных, среди которых он заметил мамонта, разных птиц и пещерного льва, а кроме того, многочисленные геометрические символы. Мамут показал Джондалару, как надо укрепить этот материал на костяных кольях, и в итоге за очагом была установлена полупрозрачная разрисованная ширма. Джондалар отступил на пару шагов, чтобы оценить общий эффект, а затем с любопытством пригляделся к качеству самого материала. Такими же полупрозрачными обычно становились кишки животных после того, как их очищали и высушивали, но эта ширма была несколько иного качества. Ему показалось, что он догадался, из чего она сделана, но уверенности не было.

– Ведь эта ширма сделана не из кишок, правда? Чтобы получить такое большое полотно, их пришлось бы сшивать, а она сделана из цельного куска.

Мамут согласно кивнул.

– Тогда это может быть тонкий нижний слой шкуры, который вам удалось снять цельным куском. Должно быть, это было огромное животное.

Старик улыбнулся.

– Мамонт, – сказал он. – Это была огромная белая самка мамонта.

Глаза Джондалара изумленно расширились, и он вновь с благоговением взглянул на полупрозрачную ширму.

– Каждая стоянка мамутой получила часть добычи, поскольку белая мамонтиха испустила дух во время главной охоты Летнего схода. Большинство стоянок хотели получить что-нибудь белое. А я попросил этот внутренний слой шкуры. Ее очевидное могущество открывается далеко не каждому, но я полагаю, что именно благодаря своей полупрозрачности она обрела особую силу. Отдельные кусочки

меховой шкуры не могут иметь такой силы, а это тонкое кожаное полотно содержит внутреннюю сущность целого.

Бринан и Кризавек, гонявшиеся друг за другом по центральному проходу между очагами Зубра и Журавля, вдруг влетели в помещение очага Мамонта. В пылу игры они уже сцепились в клубок и едва не врезались в эту тонкую ширму, но Бринан вовремя заметил худощавую ногу, преградившую им путь, и мальчишки замерли. Подняв голову и увидев разрисованную мамонтовую шкуру, оба они испуганно ахнули и поглядели на Мамута. Джондалару показалось, что лицо шамана осталось совершенно невозмутимым, но мальчишки, одному из которых было семь, другому восемь лет, возможно, оценили его иначе. Опустив глаза, они быстро поднялись на ноги и, осторожно обойдя ширму, удалились в сторону первого очага с таким виноватым видом, словно только что получили большой нагоняй.

– Они выглядят такими виноватыми, почти испуганными, а ведь ты не сказал ни слова. Странно, раньше я не замечал, что они боятся тебя, – сказал Джондалар.

– Они увидели ширму. Иногда, вглядываясь в сущность могущественного духа, человек видит свое собственное сердце.

Джондалар улыбнулся и кивнул, хотя не совсем понял, что имел в виду старый шаман. «Он говорит как зеландонии, – подумал молодой человек, – полунамеками, полузагадками, как обычно говорят все шаманы, обладающие даром общения с миром духов». Поэтому, не вникая в таинственный смысл сказанного, Джондалар решил, что ему не особенно хочется увидеть собственное сердце.

Проходя через очаг Лисицы, мальчишки приветливо кивнули резчику, и он слегка улыбнулся им в ответ. Но когда Ранек повернулся в сторону очага Мамонта, на лице его появилась широкая сияющая улыбка; некоторое время он неотрывно смотрел на Эйлу, которая только что вышла из-за полога и стояла, одергивая и расправляя свою рубаху. Его щеки вспыхнули от одного взгляда на нее, хотя темная кожа скрывала этот яркий румянец. Сердце Ранека учащенно забилося, и он почувствовал, как напряглись его чресла.

Чем дальше он смотрел на Эйлу, тем больше открывал в ней новых прекрасных качеств. Солнце, заглядывавшее в дом через дымовое отверстие, казалось, нарочно направило на нее свои длинные сверкающие лучи, окружив Эйлу золотисто-туманным ореолом. Ранеку

хотелось навсегда запомнить это мгновение, запечатлеть в памяти эту картину. Его пылкое воображение многократно преувеличивало достоинства молодой женщины. Густые пышные волосы, мягкими волнами обрамлявшие ее лицо, были подобны золотому облаку, игравшему с солнечными лучами; ее естественным движениям была присуща истинная грациозность. Никто не догадывался, как страдал Ранек, когда Эйла отправилась в свою долину, и как он был счастлив, что она станет членом их племени. Ранек помрачнел, заметив, что Джондалар тоже увидел Эйлу и, подойдя к ней, с собственническим видом обнял ее за талию. Резчик с досадой отвел глаза, поскольку широкая спина Джондалара загородила от него Эйлу.

Обнявшись, они двинулись в сторону Ранека, направляясь к первому очагу. Эйла вдруг остановилась и с явным благоговением и восхищением посмотрела на ширму. Джондалар шел за ней следом, когда они проходили через очаг Лисицы. Ранек успел заметить, что Эйла бросила на него мягкий сияющий взгляд, хотя она быстро отвела глаза в сторону. А в глазах высокого мужчины, следовавшего за ней, тоже вспыхнул огонек, который свидетельствовал о том, что он не испытывает никакого удовольствия при виде Ранека. Оба мужчины пытались заставить друг друга опустить глаза: взгляд Джондалара пылал гневом и ревностью, а Ранек отвечал ему самоуверенным и ироничным взглядом. Когда Джондалар прошел мимо, Ранек, еще хранивший презрительное выражение, невольно поймал пристальный взгляд человека, шедшего следом, человека, который был духовной сущностью Львиной стоянки, и темнокожему резчику пришлось смущенно потупить взгляд.

Миновав кухонный очаг и пройдя через прихожую, Эйла начала понимать, почему она не заметила на кухне праздничной суеты. Неззи наконец решила, что пора убрать слой увядших листьев и пропаренных трав, закрывавший земляную печь, в которой запекалось мясо. Запах, поднимавшийся от земляного котла, был настолько вкусным, что у стоявших вокруг людей потекли слюнки. Приготовления к празднику были сделаны заранее, до того как начали таскать глину из карьера, и, пока пристройку поливали красноватым раствором, жаркое медленно доходило в печи. Поэтому сейчас изрядно проголодавшимся обитателям Львиной стоянки оставалось только приступить к вечерней трапезе.

Первыми на блюде появились разные округлые и плотные крахмалистые корнеплоды, успевшие хорошо развариться. Рядом стояли корзины с разной смесью: наряду с костным мозгом там были ягоды черники и дробленые и перемолотые семена амаранта, различных зерен и маслянистых сосновых семян. После многочасовой готовки наваристый бульон превратился в густую желеобразную массу, которая сохраняла форму корзины после того, как ее перевалили на блюда. Этот своеобразный пудинг был удивительно ароматным и вкусным, но не сладким, хотя черника придала ему легкий фруктовый привкус. На следующем блюде возвышалось огромное бедро мамонта, которое запекалось с раннего утра, пропитываясь собственным жиром; готовое мясо было настолько нежным и мягким, что при первом же прикосновении отделялось от костей.

Солнце уже клонилось к закату, подул сильный ветер, и люди поспешили вернуться в дом, захватив с собой блюда с едой. На сей раз, когда Эйле предложили начать трапезу, она уже не выглядела такой смущенной. Этот праздник устроили в ее честь, и она была счастлива, хотя и испытывала определенную неловкость. Ей было еще непривычно находиться в центре всеобщего внимания.

Диги подошла и села рядом с Эйлой, которая вдруг поняла, что не может отвести восхищенного взгляда от празднично одетой и причесанной подруги. Густые каштановые волосы она зачесала наверх и уложила туго скрученные пряди в виде пирамидки. Нить круглых, вручную выточенных и просверленных бусин из бивня мамонта была вплетена в одну из прядей и эффектно подчеркивала спиральную линию прически и цвет волос. Затем Эйла перевела взгляд на одеяние подруги, которое мысленно назвала длинной рубашкой. На самом деле Диги надела длинное, подпоясанное кушаком платье из тонкой эластичной кожи, спадавшее мягкими складками. Этот материал был окрашен в темно-коричневый цвет и блестел, как отполированное дерево. Платье было широким в плечах, поэтому создавалось впечатление коротких рукавов. Красновато-коричневый длинный воротник из мамонтового меха был накинут на плечи и соединялся на груди, образуя треугольный вырез, а концы воротника спускались ниже талии.

По глубокому треугольному вырезу платья были нашиты три ряда костяных бусин, а на шее молодой женщины поблескивало маленькое

ожерелье из маленьких конических раковин попеременно с известковыми трубочками и кусочками янтаря. Правую руку, чуть ниже короткого рукава, охватывал широкий браслет из бивня с выгравированным зигзагообразным орнаментом. Тот же орнамент повторялся в линиях – оранжевой, желтой и коричневой – трехцветного кушака, сделанного из длинной шерсти какого-то животного, причем одна из прядей была натурального цвета. К кушаку были подвешены ножны из сыромятной кожи с кремневым ножом, вставленным в костяную рукоятку, а рядом с ними на другой кожаной петле висел питьевой рог; эта своеобразная чаша, выточенная из нижней части черного рога зубра, была талисманом очага Зубра.

По бокам юбка опускалась почти до колен, а посередине удлинялась, поскольку подол и сзади и спереди был срезан по диагонали; линию подола подчеркивали три ряда отполированных костяных бус и узкая полоса кроличьего меха; вторая полоса была набрана из кусочков меха, вырезанных из спинок сусликов. Подол также был украшен бахромой из длинной и густой шерсти мамонта, которая доходила примерно до середины икры. Сегодня Диги не надела кожаных штанов, поэтому сквозь бахрому просвечивали голые ноги и мягкие темно-коричневые сапожки типа мокасин, сделанные из водонепроницаемой и блестящей кожи.

Эйла с удивлением размышляла о том, как у них могла получиться такая гладкая и блестящая кожа. Все выделанные ею шкуры и ремни имели эластичность и мягкость натуральной оленьей кожи, но не блестели. Однако вопросы выделки сейчас не слишком волновали Эйлу, она взирала на Диги, думая, что еще не встречала такой красивой женщины.

– Диги, какой у тебя красивый наряд! Это рубашка?

– Ну, в общем-то, можно было бы назвать ее длинной рубашкой, но мы называем это летним платьем. Я сшила его в прошлом году, когда на Летнем сходе Бранаг впервые предложил мне стать его женой. Я не собиралась надевать сегодня это платье, но потом передумала. Ведь праздник будет проходить в доме, и я не замерзну в этом летнем наряде.

Джондалар тоже счел, что Диги весьма привлекательна. Он подошел к подругам и улыбнулся Диги с присущим ему обаянием, которое делало его неотразимым и придавало обманчивую весомость и выразительность чувствам. Благодаря этому он неизменно находил

отклик в женских сердцах, и, естественно, этот высокий обаятельный мужчина добился того, что на губах Диги заиграла нежная и соблазнительная улыбка.

Вскоре к ним присоединился Талут с тарелкой, едва вмещавшей внушительный кусок мамонтового бедра. Эйла потрясенно ахнула. На голове вождя красовалось неимоверно высокое и странное сооружение, верхний конец которого слегка задевал потолок. Этот своеобразный головной убор был сшит из разноцветных кусков кожи и нескольких видов меха, а сзади к нему был приделан пушистый беличий хвост, спускавшийся на спину. Конструкцию этой шапки поддерживали и украшали два относительно небольших бивня мамонта, которые сходились вместе, образуя остроконечный свод. На Талуте была также спускавшаяся до колен туника насыщенного темно-бордового цвета, — по крайней мере, та часть, что можно было разглядеть, была темно-бордовой. Перед туники был расшит таким плотным и затейливым узором из костяных бус, клыков хищников и разнообразных раковин, что определить цвет основы было довольно трудно.

Шею Талута обрамляло тяжелое ожерелье из когтей пещерного льва и клыков, между которыми посверкивали кусочки янтаря, а на грудь спускалась подвеска в виде диска из бивня мамонта, испещренная загадочными символами. Широкий черный кожаный пояс, охватывая талию, соединялся впереди, и его длинные свободные концы завершались кисточками. С помощью петель к поясу были прикреплены различные предметы: кинжал, сделанный из заостренной верхушки мамонтового бивня, на рукоятке которого были прорезаны насечки для более надежного захвата; ножны из сыромятной кожи с кремневым ножом, вставленным в костяную ручку, а также круглое, разделенное на секторы кольцо с подвесками, среди которых были клыки животных, кожаный мешочек, а главное, пушистая кисточка хвоста пещерного льва. К подолу туники была пришита длинная бахрома из мамонтовой шерсти, доходившая почти до пола; когда Талут двигался, сквозь эту бахрому проглядывали узкие кожаные штаны, украшенные таким же орнаментом, как и туника.

На редкость интересной была черная блестящая обувь вождя, хотя на ней как раз украшения отсутствовали. Самое удивительное, что на ней не было видно ни одного шва, — казалось, эти обтягивающие сапожки сделаны из цельных кусков мягкой кожи. Именно эта часть его

праздничного наряда больше всего поразила Эйлу; ей хотелось получить ответ на очередную загадку, дождавшись более подходящего случая.

– Джондалар! Я вижу, ты решил разделить трапезу с двумя самыми очаровательными женщинами нашей стоянки! – сказал Талут.

– Ты прав, – улыбаясь, ответил Джондалар.

– Я без колебаний готов держать пари, что эти две красавицы займут первое место в любой компании, – продолжал рыжебородый великан. – Хотя, конечно, ты много повидал за время странствий и, возможно, придерживаешься иного мнения.

– Нет, пожалуй, я не буду спорить с тобой. Мне, безусловно, доводилось встречать более или менее красивых женщин, но здесь передо мной – настоящие красавицы, – сказал Джондалар, в упор глянув на Эйлу, а затем, игриво улыбаясь, перевел взгляд на Диги.

Диги весело рассмеялась. Ей нравилось это заигрывание, хотя она не сомневалась, кому принадлежит сердце Джондалара. Да и Талут порадовал ее, он, как обычно, начал расточать своей племяннице щедрые комплименты; она была его признанной наследницей, его отпрыском, дочерью его сестры, которая была дочерью его матери. Он любил детей своего очага и всегда заботился о них, но они все-таки считались детьми Неззи и наследниками Уимеза, ее брата. Неззи также усыновила Ранека после смерти его родной матери, поэтому сын очага Уимеза также являлся его признанным отпрыском и наследником, хотя, конечно, это было исключением из правил.

Все обитатели Львиной стоянки были рады случаю показать свои лучшие одеяния и украшения, и Эйла, стараясь быть не слишком навязчивой, поглядывала то на один, то на другой наряд. Платья отличались по длине и фасону – с рукавами, без рукавов, с индивидуальным подбором расцветок и орнаментов. Мужские туники в основном были короче женских и более пышно украшены, и, кроме того, на головах большинства мужчин красовались своеобразные головные уборы. Женщины большей частью предпочитали треугольный вырез, хотя у Тули он был таким глубоким, что ее наряд, скорее, напоминал юбку, надетую поверх узких кожаных штанов. И эту юбку покрывал на редкость причудливый и изысканный узор из бусин, раковин, клыков животных, изогнутых бивней, но главной ценностью этой композиции, несомненно, были крупные капли янтаря. Головной

убор отсутствовал, но за него вполне можно было принять прическу Тули, которая была необычайно затейливой и пышно украшенной.

Однако самым необычным казалось платье Крози. На нем не было треугольного выреза, а вместо этого верхняя часть платья была срезана по диагонали от плеча до талии, на левом боку срез закруглялся и опять поднимался к плечу, переходя на спину. На правом боку было также вырезано широкое овальное отверстие. Но больше всего поражал не фасон, а цвет кожи. Белый, но не сероватый или желтоватый, а белоснежный. И среди многочисленных украшений главными, конечно, являлись белые перья большого северного журавля.

Даже дети сегодня принарядились. Лэти скромно стояла чуть в стороне от компании, которая окружала Эйлу и Диги. Заметив девочку, Эйла попросила ее подойти и показать свой наряд, в сущности предложив ей присоединиться к ним. Лэти понравилось то, как необычно Эйла воспользовалась головными нитями из бусин и раковин, которые дала ей Диги, и девочка сказала, что она попробует потом точно так же украсить волосы. Эйла усмехнулась. Она толком не знала, как их надо использовать, и поэтому просто, приложив бусы ко лбу, обвязала ими голову так, как обычно завязывала пращу. Лэти быстро подключилась к общему разговору, сопровождавшемуся дружескими шутками, и застенчиво улыбнулась, когда Уимез сказал ей, что она хорошо выглядит, – эти слова в устах молчуна Уимеза прозвучали как более чем щедрый комплимент. Вслед за Лэти к компании присоединился Ридаг. Эйла взяла его на колени. Его наряд был фактически уменьшенной копией наряда Талута, но только не так пышно украшенной. Ему было рановато носить на себе такую тяжесть. Церемониальный наряд вождя весил в несколько раз больше, чем сам Ридаг. Далеко не каждый человек смог бы выдержать тяжесть даже одного его головного убора.

Единственным, кто пока отсутствовал, был Ранек. Несколько раз Эйла обводила взглядом собравшихся, но не находила его. Однако когда она наконец увидела резчика, то ахнула от изумления. Все обитатели стоянки с радостью показывали Эйле свои лучшие наряды, просто чтобы посмотреть на ее реакцию, насколько искренне и непосредственно она выражала свое восхищение. Понаблюдав за Эйлой, Ранек захотел произвести на нее неизгладимое впечатление, и его отсутствие объяснялось тем, что он ходил в очаг Лисицы, чтобы

переодеться. Потом, понаблюдав за ней из Львиного очага, он незаметно выскользнул, когда Эйла была увлечена беседой. Наконец она повернула голову и внезапно увидела его в непосредственной близости; по ее изумленному взгляду Ранек понял, что добился желаемого результата.

Фасон и стиль его одежды были совсем необычными; сходящаяся на конус основа и сильно расширившиеся книзу рукава придавали ей исключительно необычный вид и выдавали чужеземное происхождение. Таких платьев мамутой не носили. Ранек приобрел его в результате одной торговой сделки и заплатил очень дорого, но он с первого взгляда понял, что эта вещь должна принадлежать ему. Несколько лет назад одна из северных стоянок мамутой отправилась в торговую экспедицию к западным племенам, с которыми имелись родственные связи; там вождю мамутой подарили это платье в знак родства и будущих дружеских отношений. Нелегко было уговорить его отказаться от этого подарка, но Ранек был так настойчив и так щедр, что в конце концов вождь не устоял и отдал ему платье.

Обитатели Львиной стоянки явно отдавали предпочтение оттенкам коричневого, темно-красного и темно-желтого цветов, и, кроме того, их наряды обычно были весьма щедро украшены светлыми костяными бусами, клыками животных, морскими раковинами, янтарем и разнообразными мехами и перьями. Платье Ранека отличалось светлым, почти белым цветом с легким оттенком желтизны; по сути, это был цвет мамонтового бивня, и резчик понимал, что светлая одежда в сочетании с темным цветом его кожи произведет потрясающее впечатление, но еще более потрясающей была отделка. Как перед, так и спинка платья служили основой для удивительных картин, созданных из игл дикобраза и тонких кожаных шнурков, окрашенных во все цвета радуги, при этом каждый цвет был очень насыщенным и ярким.

Перед платья украшало абстрактное или символическое изображение сидящей женщины, тело которой обозначалось с помощью концентрических окружностей чистых оттенков красного, оранжевого, синего, черного и коричневого; одна группа окружностей обозначала живот, а две другие – груди. Изгибы вписанных друг в друга полуovalов изображали бедра, плечи и руки. Голова представляла собой треугольник, прямое основание которого ограничивало верхнюю часть головы, а острая, устремленная вниз вершина – подбородок, черты лица

заменял узор зигзагообразных линий и символов. В центре груди и живота, очевидно представляя соски и пупок, посверкивали ярко-красные гранаты, а венец из разноцветных камней – зеленых и розовых турмалинов, красных гранатов и аквамаринов – украшал верхнюю часть треугольной головы. На спинке платья подобным образом была изображена та же самая женщина, только это уже был вид сзади; концентрическими окружностями и полуокружностями обозначались ягодичы и очертания спины и плеч. Низ расширяющихся рукавов был украшен так же ярко, что и основа платья.

Эйла, казалось потеряв дар речи, в полнейшем изумлении рассматривала наряд Ранека. Даже Джондалар выглядел совершенно потрясенным. За время многолетних странствий он повидал много племен, повседневная и праздничная одежда которых отличалась большим разнообразием. Ему приходилось видеть вышивки, сделанные из игл дикобразов, как-то раз он даже с восхищением наблюдал за самим процессом окраски и вышивки, но никогда прежде не видел такого впечатляющего и красивого наряда.

– Эйла, – сказала Неззи, забирая у нее пустую тарелку, – Мамут хочет поговорить с тобой наедине.

Молодая женщина направилась к очагу Мамонта, а остальные начали убирать остатки вечерней трапезы, мыть тарелки и готовиться к началу торжественной церемонии. Долгий зимний сезон, во время которого деятельность мамутой была несколько ограничена, скрашивали многочисленные праздники и торжества: праздник Братьев и Сестер, Встреча Самой Долгой Ночи, праздник Смеха и несколько торжеств, устраиваемых в честь Великой Матери. Однако удочерение Эйлы и ее прием в племя мамутой были совершенно незапланированными, а потому вдвойне радостными событиями.

Люди начали подтягиваться к очагу Мамонта; Эйла по совету Мамута заготовила растопку для костра и уже сидела в ожидании начала ритуала, неожиданно она осознала, что внутри у нее все дрожит от сильного нервного возбуждения. Воспитанная в клане, она не знала толком обычаев мамутой, хотя ей в общих чертах объяснили, что она должна делать и как будет проходить церемония. Обитатели Львиной стоянки с детства усвоили правила и знали, как следует вести себя во время подобных ритуалов, а для нее все это было странным и новым, и хотя Мамут, казалось, понял ее состояние и постарался успокоить

страхи Эйлы, но все-таки она боялась, что может сделать что-нибудь неподобающее случаю.

Сидя на циновке возле очага, Эйла наблюдала за собиравшимися людьми. Уголкем глаза она заметила, что Мамут одним глотком выпил какой-то напиток, потом взглянула на Джондалара, в одиночестве сидевшего на их лежанке; он выглядел встревоженным и не слишком радостным, и Эйла с беспокойством подумала о том, правильно ли она сделала, решив войти в племя мамутой. Закрыв глаза, она послала молчаливый вопрос своему тотему. Если дух Пещерного Льва не хочет этого, то, возможно, он даст ей знак?

Эйла поняла, что ритуал Удочерения начался, когда Талут и Тули подошли к ней, а Мамут засыпал холодным пеплом последний огонек, горевший в жилище. Такое начало было уже известно обитателям стоянки, и они знали, что за этим последует, однако все невольно занервничали, ожидая в полной темноте, когда огонь разгорится вновь. Рука Мамута коснулась плеча Эйлы, и она сразу же высекла искру и запалила кучку сухого хвороста, вызвав нестройный хор облегченных вздохов и восклицаний.

Когда пламя хорошо разгорелось, она поднялась с циновки. Талут и Тули, держа в руках длинные жезлы из бивня мамонта, одновременно выступили вперед и расположились по обе стороны от Эйлы, а Мамут встал за ее спиной.

– Во имя Мут, Великой Земной Матери, мы, мамутой, рады приветствовать Эйлу на нашей Львиной стоянке, – торжественным гоном начала Тули. – Но это приветствие не просто дань вежливости и дружелюбия. Эта женщина пришла сюда как гостя, но мы хотим, чтобы она стала одной из нас, стала Эйлой из племени мамутой.

Талут продолжил:

– Мы – охотники на великого шерстистого мамонта, которого создала для нас Великая Мать. Мамонт дает нам пищу, одежду и кров. И поскольку мы почитаем Мут, то Она неизменно возрождает дух Мамонта и посылает его на наши охотничьи тропы. Если мы забудем о величии Земной Матери или проявим неуважение к Ее дару, к духу Великого Мамонта, то мамонты уйдут и никогда не вернуться к нам. Так было сказано. Львиная стоянка подобна Великому Пещерному Льву, все ее обитатели смелы и отважны. Эйла также смела и отважна. Я, Талут

из Львиного очага, вождь Львиной стоянки, предлагаю Эйле стать членом Львиной стоянки и племени мамутои.

– Ей оказана великая честь. Чем она подтвердит, что достойна ее? – спросил кто-то из сидевших вокруг мамутои. Узнав голос Фребека, Эйла порадовалась, что ее предупредили о том, какие замечания и вопросы являются частью ритуала.

– Этим быстрым огнем Эйла доказала свое достоинство. Она открыла тайну быстрого огня, заключенного в камне. Она поделилась с нами своим открытием и научила пользоваться огненным камнем, – ответил Талут.

– Эйла обладает многочисленными ценными качествами, знаниями и дарами Великой Матери, – добавил Талут, подключаясь к перечислению ее достоинств. – Спасая жизнь наших детей, она доказала, что является искусной целительницей. Охотясь на бизонов и куропаток, она доказала свои охотничьи способности, мастерски пользуясь пращей и новым оружием, копьеметалкой, о котором мы ничего не знали до ее появления. Лошади, живущие в нашей пристройке, подтверждают, что Эйла имеет особую власть над животными, они послушно выполняют ее приказания. Эйла принесет славу любому очагу и повысит статус Львиной стоянки. Эйла достойна быть мамутои.

– Кто готов принять эту женщину? Кто возьмет на себя ответственность за нее? Какой очаг готов удочерить Эйлу? – громко и выразительно вопрошала Тули, поглядывая на брата.

Однако ответить Талуту не удалось, поскольку его опередил другой голос.

– Мамут готов принять Эйлу! Мамут берет на себя ответственность за нее! Эйла является дочерью очага Мамонта! – торжественно сказал вдруг старый шаман.

Эйла даже не предполагала, что его голос может быть таким внушительным, мощным и властным.

Из тускло освещенного полукружия очага Мамонта послышались удивительные восклицания и приглушенный гул голосов. Все мамутои думали, что она станет дочерью Львиного очага. Заявление Мамута прозвучало так неожиданно... Или все же кто-то знал о его намерении? Эйла никогда не упоминала, что хотела бы стать шаманом; она вела себя как обычный человек, не приобщенный к миру неведомых и

непостижимых духов; никто не учил ее использовать особые силы. Хотя, конечно, она является ценительницей и имеет особую власть над лошадьми, а возможно, и над другими животными. Может, у нее действительно есть дар Поиска и даже дар Зова?.. Однако в очаге Мамонта заключалась духовная сущность тех детей Великой Земной Матери, которые называли себя охотниками на мамонтов. А ведь Эйла пока даже не освоила толком язык мамутои, почти не знала их обычаев и традиций и не ведала о мире Великой Мут. Так как же она сможет передавать им требования и желания Великой Матери?

– Но ведь Талут хотел удочерить ее, Мамут, – сказала Тули. – Почему она должна стать дочерью очага Мамонта? Она не собиралась посвящать свою жизнь служению Великой Мут, и у нее нет надлежащего воспитания.

– А я и не говорил, что у нее есть надлежащее воспитание или что она собирается стать Служительницей Великой Матери, хотя Эйла наделена удивительными способностями, о которых вы не догадываетесь. По-моему, ей просто необходимо получить такое воспитание. Я не говорил также, что она должна стать дочерью очага Мамонта. А сказал, что она уже является дочерью очага Мамонта. Она была рождена для этого, отмечена самой Великой Матерью. Возможно, она решит стать моей ученицей, а возможно, и нет. Это не имеет ни малейшего значения. Эйла не может распоряжаться своей судьбой, она уже предначертана. Не важно, получит она воспитание или не получит, поскольку сама ее жизнь является служением Великой Матери. Если Эйла захочет, то я готов дать ей воспитание. Но я хочу принять ее просто как дочь моего очага.

Слушая старого шамана, Эйла вдруг ощутила холодок страха. Ей совсем не понравились слова Мамута о том, что ее судьба была predetermined за нее, predetermined при рождении. «Что он имел в виду, говоря, что я отмечена Великой Матерью, что моя жизнь является служением Великой Матери? – размышляла Эйла. – Неужели Великая Мать тоже избрала меня? Когда-то, рассказывая о тотемах, Креб говорил мне, что существует некая причина, по которой дух Великого Пещерного Льва избрал меня. Он говорил также, что мне понадобится могущественный покровитель. Но что значит быть избранной Великой Матерью? Может, Она тоже будет защищать меня? А может, когда я стану мамутои, то Пещерный Лев не будет больше моим тотемом? Не

будет больше защищать меня?» Эти вопросы тревожили ее душу. Ей не хотелось терять свой тотем. Эйла встряхнула головой, словно пыталась отогнать дурные предчувствия.

Удочерение Эйлы не особенно радовало Джондалара, но этот внезапный поворот событий совсем расстроил его. Он слышал, как мамутой шепотом обсуждали слова Мамута, и с тревогой думал о том, действительно ли Эйле было суждено стать членом Львиной стоянки. Возможно, в детстве, до того как потеряться, она принадлежала к племени мамутой, раз уж Мамут сказал, что она рождена для очага Мамонта.

Ранек был вне себя от счастья. Он хотел, чтобы Эйла стала членом их племени, но если бы ее удочерил Львиный очаг, то она считалась бы его сестрой. А он испытывал к ней далеко не братские чувства. Ему хотелось, чтобы Эйла стала его женой, но это было бы невозможно, если бы они считались братом и сестрой. Раньше, обдумывая эту ситуацию, он решил, что сможет осуществить это желание, поскольку они оба являются приемными детьми и, очевидно, не рождены одной матерью, только ему придется найти другой очаг, который усыновил бы его, хотя ему очень не хотелось расставаться с Неззи и Талутом. Однако если Эйла станет дочерью очага Мамонта, то он вполне может остаться сыном Львиного очага. Особенно он обрадовался, когда понял, что, став дочерью Мамута, она не должна будет посвящать себя служению Великой Матери, хотя, в сущности, последнее обстоятельство не могло бы отпугнуть Ранека.

Неzzi была немного огорчена; она уже испытывала к Эйле почти материнские чувства. Но самым главным для Неззи было то, что Эйла останется с ними; и возможно, даже лучше, что ее удочерит Мамут, поскольку его слово является более весомым и Совет Старейшин на Летнем сходе с радостью признает Эйлу членом племени мамутой. Талут вопросительно взглянул на жену и, когда она кивнула ему, решил уступить Мамуту. Тули тоже не возражала. Все вчетвером они быстро посоветались, и Эйла также дала свое согласие. По какой-то для нее самой непонятной причине ей было приятно стать дочерью Мамута.

Когда в тускло освещенном помещении очага Мамонта восстановилась полная тишина, Мамут поднял вверх руку, обратив ее ладонью к Эйле, и сказал:

– Подойди ко мне, женщина из Неведомого племени!

На ватных ногах Эйла приблизилась к Мамуту, чувствуя, как от страха у нее засосало под ложечкой.

– Хочешь ли ты стать Эйлой из племени мамутой? – спросил он.

– Да, хочу, – тихо сказала она срывающимся голосом.

– Будешь ли ты почитать Мут, Великую Мать и всех Ее духов, а главное – никогда не обижать дух Мамонта? Будешь ли ты стремиться стать достойной женщиной племени мамутой, чтобы принести честь и славу Львиной стоянке? Будешь ли ты всегда с уважением относиться к Мамуту и к священному очагу Мамонта?

– Да, – едва слышно вымолвила Эйла.

Конечно, она постарается выполнить все сказанное Мамутом, хотя было непонятно, что надо для этого делать.

– Согласна ли стоянка принять эту женщину? – обратился Мамут к собравшимся.

– Да, мы принимаем ее, – дружным хором ответили мамутой.

– Может быть, кто-то имеет возражение против ее приема?

Последовала томительная пауза, и Эйла с тревогой ждала, что Фребек опять может высказать свои возражения, однако все молчали.

– Талут, вождь Львиной стоянки, готов ли ты начертать знак? – нараспев произнес Мамут.

Сердце Эйлы учащенно забилося, когда она увидела, что Талут вытащил из ножен кремневый нож. Это было неожиданностью. Она не знала, что он собирается делать с этим ножом, но была уверена, что ей это не понравится. Глянув на нее с высоты своего роста, вождь взял Эйлу за руку и, задрвав рукав, поудобнее перехватил кремневый ножик и быстро сделал короткий прямой надрез на ее предплечье. Из ранки мгновенно выступила кровь, но Эйла, не дрогнув, вытерпела эту боль. Мамут поддерживал диск из бивня мамонта, висевший на шее вождя, пока Талут смоченным в крови Эйлы ножом прорезал на этом диске неглубокую красную выемку. Затем шаман произнес несколько слов, Эйла не смогла их разобрать. Она и не догадывалась, что никто из мамутой также не понял, что сказал Мамут.

– С этого момента Эйла считается полноправным членом Львиной стоянки. Мы, охотники на мамонтов, приняли ее в свое племя, – объявил Талут. – Отныне и навеки эта женщина будет Эйлой из мамутой.

Мамут взял маленькую чашку и пролил несколько капель обжигающей жидкости на ранку, сделанную на предплечье Эйлы. Она поняла, что это был какой-то обеззараживающий настой. Затем шаман повернул ее лицом к собравшимся в очаге Мамонта людям и сказал:

– Мы приветствуем тебя, Эйла из племени мамутои, дочь очага Мамонта и Львиной стоянки. – Мамут помолчал немного и добавил: – Избранную духом Великого Пещерного Льва.

Все мамутои хором повторили его слова, и Эйла осознала, что уже второй раз в своей жизни она становится членом нового племени, второй раз ее принимают люди, обычаи которых ей совсем неизвестны. Закрыв глаза, она мысленно повторяла слова приветствия, и вдруг до нее дошло, что Мамут не забыл упомянуть ее тотем. Значит, несмотря на то что клан проклял ее, Пещерный Лев по-прежнему остается ее тотемом. И более того, теперь она не является Эйлой из Неведомого племени. Она стала Эйлой из племени мамутои!

Глава 18

– Теперь, Эйла, куда бы ни занесла тебя судьба, ты всегда найдешь убежище в очаге Мамонта. Пожалуйста, прими этот символический знак, дочь моего очага.

Говоря это, Мамут снял со своей руки браслет из бивня мамонта, на внешней стороне которого были выгравированы зигзагообразные линии, и соединил его заостренные концы на руке Эйлы, чуть ниже сделанного Талутом надреза. Затем старый шаман сердечно обнял Эйлу.

Со слезами на глазах она направилась к лежанке, где были спрятаны ее подарки. Решительно смахнув слезы, Эйла приподняла занавес и взяла в руки деревянную чашу. Этот округлый сосуд был очень прочным, хотя его стенки отличались удивительной тонкостью. На отполированной поверхности чаши не было ни красочных узоров, ни резного орнамента, но зато был отлично виден красивый симметричный рисунок самого дерева.

– Пожалуйста, Мамут, прими в дар от дочери твоего очага эту чашу для целебных настоев, – сказала Эйла. – Если ты позволишь, то дочь твоего очага будет каждый день наполнять ее особым настоем, который поможет уменьшить боль в суставах рук и ног.

– О, я с радостью принимаю твой дар и надеюсь, что благодаря тебе этой зимой я буду меньше страдать от болей, – с улыбкой ответил он, принимая чашу и передавая ее Талуту, который внимательно рассмотрел ее и, удовлетворенно кивнув, передал Тули.

Тули привыкла к тому, что деревянные сосуды обычно украшаются затейливой резьбой или красочными рисунками, поэтому она критически взглянула на странную чашу, которая на первый взгляд показалась ей слишком простой. Но, приглядевшись повнимательнее и пробежав кончиками пальцев по удивительно гладкой полировке, Тули отметила совершенство формы, устойчивость и изящный рисунок самого дерева. В итоге она пришла к выводу, что эта работа выполнена хорошим мастером, и решила, что такой тонкой отделки она, пожалуй, еще никогда не видела. Эта передаваемая из рук в руки чаша значительно повысила интерес к следующим подаркам Эйлы.

Разглядывая отполированный до блеска округлый сосуд, каждый думал, подарит ли ему Эйла что-нибудь столь же необычное и красивое.

Следующим к Эйле подошел Талут. Он заключил ее в свои медвежьи объятия и подарил кремневый нож, вложенный в красные ножны из жесткой сыромятной кожи; на его костяной рукоятке был вырезан красивый узор, подобный тому, что был на ноже, который висел на поясе Диги. Эйла вынула нож из ножен и сразу предположила, что лезвие, скорее всего, было сделано Уимезом, а рукоятку вырезал Ранек.

В качестве ответного дара Эйла преподнесла Талуту объемистый и тяжелый сверток темного меха. Развернув эту меховую накидку, сделанную из цельной шкуры бизона, Талут широко улыбнулся и набросил ее на плечи. Густой и длинный мех на загривке шкуры бизона превратил и без того не маленького вождя в настоящего великана, и он, сознавая это, с гордым видом прошелся перед соплеменниками. Затем, заметив, как можно закрепить шкуру на плечах, он отпустил полы, упавшие мягкими складками, и внимательно рассмотрел на редкость тонкую и мягкую выделку внутренней стороны.

– Неззи, ты только взгляни! – воскликнул он. – Думаю, тебе еще не приходилось видеть такой мягкой бизоньей шкуры! А как в ней тепло! По-моему, ее даже не надо переделывать на парку. Я собираюсь носить эту шкуру как плащ.

Эйла улыбнулась, видя его восхищение и радуясь, что ее подарок пришелся ему по душе. Джондалар стоял чуть поодаль, также с удовольствием наблюдая за сияющим от восторга Талутом поверх голов обступивших вождя людей.

Неззи сердечно обняла Эйлу и подарила ей красивое ожерелье, сделанное из тщательно отобранных по размеру спиралевидных ракушек, разделенных полыми цилиндриками из обработанной кости северной лисицы; в центре ожерелья на кожаной петле висел большой клык пещерного льва. Эйла поддерживала это довольно тяжелое украшение, пока Трони завязывала его сзади на ее шее. Наконец Трони закончила, и Эйла, с восхищением взглянув вниз, осторожно потрогала белый клык пещерного льва, раздумывая, как им удалось проделать в нем отверстие.

Отодвинув в сторону полог лежанки, Эйла взяла большую закрытую корзину и поставила ее к ногам Неззи. И опять на первый

взгляд это изделие показалось совсем незатейливым. Травы, из которых была сплетена корзина, имели природный цвет, а боковые поверхности и крышку не украшали ни яркие узоры плетения, ни стилизованные изображения птиц или животных. Но при ближайшем рассмотрении Неззи оценила, насколько мастерски сделана эта корзина, и заметила, что узор красив и изящен, а плетение достаточно плотное, чтобы не пропускать воду во время приготовления пищи.

Подняв крышку, Неззи заглянула внутрь, и все удивленно ахнули. Корзина, разделенная на множество секций гибкой березовой корой, была до краев заполнена разнообразными дарами земли. Там были и маленькие крепкие яблочки, и сладкая ароматная морковь, и очищенные шишковатые корни крахмалистых земляных орехов, и сушеная вишня с уже вынутыми косточками, и зеленые бутоны красоднева, и круглая молочно-зеленая вика в стручках, а также сухие грибы, стебли зеленого лука и несколько видов неизвестных сухих трав и кореньев. Исследуя содержимое корзины, Неззи с довольной улыбкой поглядывала на Эйлу. Это был превосходный подарок.

Настала очередь Тули. Ее приветственное объятие было более сдержанным, хотя и не лишенным сердечности. С многозначительным и важным видом она объявила Эйле, что приготовила для нее роскошный сюрприз. Оказалось, что это маленькая, затейливо отделанная деревянная шкатулка со скругленными углами. Ее поверхность была украшена наклеенными кусочками перламутровых раковин и резными красочными изображениями рыб. В целом картина на шкатулке изображала водоем с рыбами и подводными растениями. Сняв крышечку, Эйла обнаружила, для чего предназначался такой роскошный сосуд. Он был наполнен морской солью.

Эйла уже понимала, насколько ценной является морская соль. Раньше она считала ее обычным продуктом, поскольку выросла в клане на берегу моря Беран. Соль легко добывали из морской воды и даже использовали для заготовки рыбы на зиму. Но когда, покинув побережье, Эйла оказалась в своей долине, то ей понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть жить без соли. А ведь Львиная стоянка находилась еще дальше от моря по сравнению с ее долиной. Понятно, что в эти материковые земли соль, так же как и морские раковины, приносили с далеких морских берегов, и все-таки Тули

отдала ей эту красивую солонку. Эйла понимала, что это действительно дорогой подарок.

Трепеща от страха, Эйла преподнесла свой дар второму вождю Львиной стоянки; молодая женщина надеялась, что предположение Джондалара окажется правильным и Тули по достоинству оценит ее дар. Выбранный для нее мех был шкурой снежного леопарда, который как-то зимой, когда они с Вэбхья учились охотиться, попытался стащить их добычу. Сначала Эйла хотела просто отпугнуть хищника, но молодой пещерный лев собирался поохотиться. Увидев, что он готов броситься на матерую, хотя и относительно небольшую кошку, Эйла оглушила ее выпущенным из пращи камнем и затем окончательно добила вторым метким попаданием.

Подарок Эйлы, очевидно, был для Тули полной неожиданностью, глаза ее засверкали от удовольствия, правда только после того, как она, поддавшись искушению, накинула этот роскошный и густой зимний мех на плечи и заметила исключительное качество его выделки. На это обратил внимание и Талут. С внутренней стороны шкура была невероятно мягкой и приятной на ощупь. Тули считала, что так хорошо выделать можно только кожу, а меховую шкуру удастся только немного растянуть и сделать помягче, обрабатывая скребком лишь с одной стороны. Кроме того, мамутой обычно пропитывали шкуры жиром – этим способом они пользовались, чтобы сохранить меха, – и в результате те становились гораздо более жесткими и грубыми, чем у Эйлы. Тули решила, что надо будет выяснить у Эйлы, каким образом она достигает такого высокого качества.

Подарок Уимеза был завернут в кусочек мягкой кожи, Эйла развернула его и в восхищении затаила дыхание. Внутри свертка лежал великолепный наконечник копья, подобный тем замечательным образцам, которые Уимез недавно показывал ей. Орудие посверкивало в отблесках костра, как ограненный драгоценный камень, но ценность его была, несомненно, выше. Эйла вручила кремневому мастеру жесткую и толстую циновку, чтобы ему было удобно сидеть во время работы. Изготавливая корзины и циновки, Эйла в большинстве случаев не окрашивала материал, но прошлой зимой она впервые попробовала плести узоры, используя природное разнообразие оттенков. И вот на обычной однотонной циновке появился неброский, но хорошо заметный звездный узор. Эйла была очень довольна своей работой и,

выбирая этот подарок, подумала, что остроконечные лучи звездочек напоминают прекрасные острия и наконечники, которые мастерит Уимез, а выпуклое плотное плетение подобно маленьким пластинкам, которые он скальвает с кремня. Эйле было интересно, заметит ли он это сходство.

Рассмотрев циновку, неулыбчивый Уимез на сей раз не смог сдержать улыбку.

– Эйла, какая замечательная циновка! Она напоминает мне изделия матери Ранека. А уж она, как никто другой, знала толк в травах и узорах плетения. Наверное, правильнее было бы сохранить твой подарок, повесив его на стенку, но мне хочется пользоваться им. Пожалуй, я буду сидеть на этой красивой циновке, она поможет мне сосредоточиться во время работы.

Радушное объятие Уимеза не имело ничего общего с его обычно сдержанной манерой разговора. Эйла поняла, что за внешней суровостью и неприветливостью Уимеза скрывается добрая и чувствительная натура.

В сущности, процесс вручения подарков не был строго упорядоченным ритуалом, и следующим дарителем, который терпеливо дождался, пока Эйла обратит на него внимание, был Ридаг. Подняв мальчика на руки, она крепко обняла его, и он ответил ей не менее пылким объятием. Затем Ридаг разжал кулачок и протянул ей длинную трубочку – это была полая птичья косточка с проделанными в ней дырочками. Эйла взяла трубочку с ладони мальчика и повертела в руках, не зная, как ее применить. Забрав трубочку обратно, Ридаг поднес ее ко рту и дунул. Трубочка издала громкий пронзительный свист. Эйла тоже дунула в свисток и удовлетворенно улыбнулась. Затем она подарила Ридагу теплый, не пропускающий влагу капюшон из шкуры росوماхи – такие капюшоны обычно делали женщины клана. Ридаг немедленно водрузил его себе на голову, и Эйла вдруг почувствовала болезненный укол, вновь заметив, как сильно похож этот ребенок на Дарка.

– Я дала ему похожий свисток, чтобы он мог позвать меня в случае необходимости, – пояснила Неззи. – Иногда он начинает задыхаться и не может громко крикнуть, но зато может легко свистнуть в него. Но этот свисток он сделал сам – специально для тебя, Эйла.

Диги потрясла свою подругу, вручив ей наряд, который продемонстрировала после бани, сказав, что собирается надеть его сегодня вечером. Но Эйла с таким восхищением смотрела на эту праздничную одежду, что Диги решила преподнести именно ее в качестве подарка. И сейчас Эйла, казалось, онемела от восторга и молча смотрела на этот чудесный наряд, пока глаза ее не наполнились слезами. Наконец, немного придя в себя, она сказала:

– О Диги, у меня никогда не было такой удивительно красивой одежды.

Эйла, в свою очередь, подарила Диги набор корзин и несколько до блеска отполированных деревянных чаш разных размеров; в сущности, это был набор разнообразной кухонной утвари, и Эйла решила, что такой подарок будет вполне кстати, поскольку Диги и Бранэг вскоре собирались основывать новую стоянку. В степи деревья встречаются редко, поэтому чаши и тарелки делались в основном из рогов или бивней, а деревянная посуда считалась предметом роскоши. Обе женщины были в восторге от полученных подарков и обнялись с сердечностью двух любящих сестер.

Демонстрируя, что и он не поспешил на дорогой подарок, Фребек с важным видом вручил Эйле пару высоких – до колена – меховых мокасин с красивым узором из перьев по верху голенища. И Эйла порадовалась, что выбрала для него несколько прекрасно выделанных летних оленьих шкур. Благодаря естественной воздушной прослойке эти короткошерстные шкуры отлично держали тепло. Они были не только теплыми, но и очень легкими; оленьи шкуры ценились выше любого другого меха, поскольку из них выходила практичная и удобная одежда, которую можно было носить даже в холодную погоду. Из шкур вполне могло получиться полное охотничье облачение, включающее рубаху и штаны. В такой одежде, если накинуть сверху легкую парку, будет тепло даже в самый лютый мороз. Фребек, так же как и другие, оценил мягкость этих тонко выделанных шкур, но не стал высказываться по этому поводу, а его приветственное объятие было более чем сдержанным.

Фрали подарила Эйле меховые рукавицы, которые отлично дополнили мокасины, поскольку были сделаны в том же стиле. Эйла подарила беременной женщине красивую деревянную чашу для заваривания чая и мешочек, наполненный смесью лекарственных трав.

– Надеюсь, Фрали, тебе придется по вкусу этот чай, – сказала Эйла, подчеркнув значение своих слов выразительным взглядом. – Лучше всего пить его по утрам, как только проснешься, и, может быть, еще одну чашечку перед сном. Если тебе понравится этот аромат, то я дам тебе еще заварки, когда эта закончится.

Обнимая Эйлу, Фрали понимающе кивнула. Фребек подозрительно поглядывал на них, но ничего не сказал. Не мог же он открыто выразить свое недовольство подарком, который был преподнесен его жене новым членом Львиной стоянки. Однако Эйла чувствовала себя немного смущенной, она предпочла бы честно и прямо сказать Фрали о том, что это поможет ей справиться с недомоганием.

Затем вперед вышла Крози, она одобрительно кивнула Эйле и подарила ей аккуратно сшитый через край кожаный мешочек, завязывающийся с помощью продернутого по верху шнурка. Этот изящный красный мешочек был украшен костяными бусинами и белыми вышитыми треугольниками, а по круглому донцу шла белая опушка из мелких журавлиных перьев. Эйла восхищенно разглядывала его, не делая попыток заглянуть внутрь, и тогда Диги посоветовала ей развязать мешочек. Внутри оказались шнурки и нитки для шитья и вышивания, сделанные из длинной шерсти мамонта и жил различных животных, а также кусочки меха и специальные растительные волокна – все это было тщательно свернуто в клубочки или намотано на своеобразные катушки, в качестве которых использовались трубчатые кости мелких зверьков. В мешочке также находились острые ножевидные пластинки и шильца для разрезания и прокалывания кожи. Эйла была в восторге. Ей очень хотелось научиться шить такие же красивые одежды, какие получались у женщин мамутой.

Достав со своей лежанки деревянный горшочек с плотно притертой крышкой, Эйла отдала его старой женщине. Крози открыла его и с явным недоумением посмотрела на Эйлу. Горшочек был наполнен каким-то густым белым веществом с мраморным отливом. По виду оно напоминало перетопленный в кипящей воде животный жир, лишенный вкуса, цвета и запаха. Понюхав содержимое горшочка, Крози улыбнулась, однако недоуменное выражение не исчезло с ее лица.

– Я сделала розовую воду из лепестков... смешала с... другими растениями... – начала объяснять Эйла.

– А-а-а... Наверное, поэтому от него так приятно пахнет. Но что это такое? – спросила Крози.

– Эту мазь ты можешь втирать в лицо, руки и ноги. Хорошее питание... Кожа будет гладкой, – сказала Эйла и, взяв пальцем небольшое количество мази, нанесла ее на потрескавшуюся старческую кожу.

Когда мазь впиталась, Крози коснулась пальцем собственной руки и, зажмурившись, медленно ощутила заметно разгладившуюся кожу. Когда эта старая, вечно брюзжащая женщина вновь открыла глаза, то они подозрительно блестели, хотя слез видно не было. Однако Эйла заметила, как судорожно дышит Крози, явно глубоко тронутая таким вниманием к своей персоне.

Процесс обмена подарками шел своим чередом, и Эйла решила, что делать подарки так же приятно, как и получать. Обитателям стоянки нравились необычные дары Эйлы, а она, в свою очередь, восхищалась их удивительно красивыми изделиями. В общем, вечер сюрпризов вполне удался и все были веселы и довольны. Эйла испытывала совсем особенное чувство, впервые встретив такое дружеское и искреннее расположение. Она старалась не задумываться об этом, боясь расплакаться от счастья.

Ранек стоял в сторонке, ожидая, пока все остальные мамутой поздравят Эйлу. Ему хотелось, чтобы его подарок был завершающим и не затерялся среди других. Конечно, она получила сегодня много исключительно ценных и красивых вещей, но ему хотелось, чтобы его подарок оказался самым запоминающимся. Эйла складывала свои обновки на лежанку, которая сейчас была так же полна, как и в начале обмена, и вдруг с удивлением заметила, что остался еще один сверток, приготовленный для Ранека. Взяв предназначенный Ранеку сверток, Эйла обернулась, ища его глазами, и едва не столкнулась с ним, поскольку ухмыляющийся Ранек стоял прямо за ее спиной.

– Неужели ты совсем забыла о бедном резчике? – сказал он притворно обиженным тоном.

Ранек стоял так близко, что Эйла впервые смогла разглядеть его черные зрачки, окруженные темно-коричневой радужной оболочкой, в которой поблескивали золотистые искорки; она впервые поняла, как глубоки и неотразимы его подернутые влагой карие глаза. А

исходивший от него ток чувственного желания привел молодую женщину в замешательство.

– О нет... совсем не забыла... вот, – ответила Эйла, вспомнив, что держит подарок в руках, и протянула его Ранеку.

Он посмотрел вниз, и глаза его засияли от удовольствия при виде густого и пышного меха белой полярной лисицы. Эта короткая пауза дала Эйле возможность прийти в себя, и, когда Ранек вновь взглянул на нее, на ее лице уже играла поддразнивающая улыбка.

– По-моему, это ты совсем забыл обо мне.

Он усмехнулся тому, как быстро она подхватила его шутливый тон, и порадовался ее ответу, который позволял ему сделать соответствующее замечание перед вручением своего подарка.

– Нет. Я тоже не забыл, вот, – сказал он, протягивая ей предмет, который до этого прятал за спиной.

Эйла, не веря своим глазам, разглядывала маленькую статуэтку, вырезанную из бивня мамонта. Ранек взял у нее белоснежный мех, но она, казалось, боялась коснуться его подарка. Наконец Эйла подняла на резчика изумленные глаза.

– Ранек... – прошептала она, нерешительно протягивая вперед руку.

Тогда он сам раскрыл ее ладонь и поставил на нее свой подарок. Эйла все еще с недоверием смотрела на фигурку, казавшуюся ей магическим видением, которое может вот-вот исчезнуть.

– Но ведь это же Уинни! Ты как будто взял и превратил Уинни в эту маленькую лошадку?! – воскликнула она, поворачивая в разные стороны изящную костяную фигурку лошади, уместившуюся на половине ее ладони.

Цветовая гамма этой статуэтки от хвоста до жесткой гривы в точности совпадала с окраской Уинни; часть ног была окрашена углем в землисто-черный цвет, а общий тон был сделан желтой охрой.

– Надо же, эти крошечные ушки прямо как настоящие. И копыта, и хвост... даже масть такая же, как у нее. О Ранек, как тебе удалось сотворить такое чудо?!

Заклучив Эйлу в свои объятия, Ранек выглядел совершенно счастливым. Он мечтал потрясти ее воображение, и реакция Эйлы оправдала его самые смелые надежды. Ранек с такой откровенной любовью и обожанием смотрел на Эйлу, что на глазах у наблюдавшей

за ним Неззи выступили слезы. Она незаметно посмотрела на Джондалара и поняла, что он тоже видел этот страстный взгляд. Мучительная боль исказила черты его красивого лица. Неззи понимающе покачала головой.

Обмен подарками закончился, и Диги пошла вместе с Эйлой в очаг Зубра, чтобы помочь ей переодеться. Чужеземное платье Ранека в свое время произвело на Диги большое впечатление, и, окрашивая кожу, она попыталась добиться такого же цвета. В конце концов ей это почти удалось, и она сшила из светло-желтой кожи нарядные узкие штаны и тунику с короткими рукавами, треугольным вырезом и таким же диагональным срезом по подолу; пояс, сплетенный из разноцветных узких кожаных полосок, совпадал по гамме с вышивкой, украшавшей платье. Густой летний загар еще не успел смыться с кожи Эйлы, а ее пышные золотистые волосы почти сливались с основным тоном одежды. Этот праздничный наряд оказался ей совсем впору, как будто был сшит специально для нее.

Диги помогла Эйле вновь надеть костяной браслет Мамута и ожерелье Неззи и привязала к поясу красные ножны Талута, из которых выглядывала резная костяная рукоятка кремневого ножа. Мамутой не носили амулетов, поэтому Диги, ничего не зная о назначении потрепанного кожаного мешочка, висевшего на шее Эйлы, принялась уговаривать подругу снять его, однако Эйла решительно воспротивилась.

– Это мой амулет, Диги. Он охраняет меня... хранит... частицы духа Пещерного Льва, клана и моего духа... Совсем маленькие кусочки... Меньше той фигурки, в которую Ранек заключил дух Уинни. Креб говорил, что, если я потеряю амулет, тотем не сможет найти меня и я умру... – с трудом подбирая слова, пыталась объяснить Эйла.

Диги задумчиво смотрела на подругу. Неопрятный вид этого кожаного мешочка, несомненно, портил общее впечатление. Даже шнурок, на котором он висел, был сильно потрепан.

– Эйла, а что ты будешь делать, когда шнурок разорвется? По моему, это произойдет очень скоро, – заметила Диги.

– Я сделаю новый шнурок и новый мешочек.

– То есть главное не мешочек, а то, что внутри его, правильно?

– Да...

Диги окинула внимательным взглядом подарки и вдруг заметила мешочек Крози. Аккуратно выложив его содержимое на меховое покрывало, она протянула его подруге:

– Почему бы тебе не использовать этот красный мешочек? Нитка волос вполне может заменить кожаный шнурок. И ты точно так же будешь носить его на шее.

Взяв из рук Диги красивую расшитую вещицу, Эйла задумчиво посмотрела на нее, а потом сжала в ладони свой старый мешочек, словно хотела вновь ощутить то чувство уверенности, которое придавал ей этот клановый амулет. Но она больше не принадлежала к клану, хотя и не рассталась со своим тотемом... Дух Пещерного Льва по-прежнему защищает ее, и его знаки все так же важны. Однако теперь она принадлежит к племени мамутои...

Когда Эйла вернулась в очаг Мамонта, то ее вид полностью соответствовал облику молодой женщины мамутои, прекрасной, нарядно одетой, имеющей высокий статус и несомненные достоинства. Обитатели Львиной стоянки встретили ее одобрительными взглядами. Но две пары глаз выражали более сильные чувства. Любовь и желание излучали черные смеющиеся глаза, полные пылкой надежды, а большие, удивительно яркие синие глаза не смеялись, а были глубоко несчастными, хотя в них отражались столь же пылкие чувства.

Нуви сидела на коленях у Манува, который сердечно улыбнулся Эйле, когда она прошла мимо него, чтобы положить снятую одежду на скамью со своими вещами. Старик видел, какой лучистой улыбкой ответила ему молодая женщина; Эйла даже не представляла, что может быть так счастлива, все ее существо было исполнено какой-то ликующей, бьющей через край радости, которая проявлялась в каждом ее жесте, в каждом вздохе. Она стала Эйлой из племени мамутои и собиралась сделать все возможное, чтобы как можно скорее приобщиться к их обычаям и традициям. Джондалар стоял к ней спиной и беседовал с Данугом, но почему-то при взгляде на его спину ее сияние сразу померкло. Возможно, нечто необычное было в его позе или напряженно расправленных плечах. Почувствовав его настроение, Эйла пришла в замешательство. Видимо, Джондалар расстроился из-за того, что ее приняли в племя мамутои. Но с этим уже ничего не поделаешь.

Отбросив беспокойные мысли, Эйла достала мешочек с огненными камнями. Мамут сказал ей, что их она должна будет раздать в последнюю очередь. Существовал особый ритуал передачи, который должен был придать этим дарам соответствующее значение и подчеркнуть их высокую ценность. Взяв горсть небольших желтовато-серых с металлическим блеском желваков железного колчедана, Эйла направилась к очажному кругу. Проходя мимо Тули, разговаривавшей с Неззи и Уимезом, она невольно услышала:

– ...Но я и подумать не могла, что у нее так много ценных вещей. Одни эти меха чего стоят. Плащ из бизона, белый мех лисицы, уж я не говорю о шкуре снежного леопарда... В наших краях это большая редкость и...

Эйла улыбнулась, почувствовав новый прилив радости. Значит, даже Тули, которую она считала самым строгим критиком, высоко оценила ее дары.

Старый колдун не терял времени. Пока Эйла переодевалась, Мамут также изменил свой облик. Его лицо теперь было раскрашено зигзагообразными линиями, которые подчеркивали и оттеняли его татуировку, кроме того, он накинул себе на плечи шкуру пещерного льва, того самого льва, хвост которого украшал церемониальный наряд Талута. На шее Мамута висело ожерелье из толстых колец, вырезанных из бивня мамонта, между которыми располагались клыки различных животных.

– Талут собирается устроить охоту, поэтому я должен провести обряд Поиска, – сообщил ей старый шаман. – Если у тебя есть желание, ты, наверное, сможешь присоединиться ко мне. В любом случае будь готова.

Эйла почувствовала невольный укол страха, но согласно кивнула.

Подойдя к очагу, Тули улыбнулась Эйле.

– Я не предполагала, что Диги решит подарить тебе этот наряд, – сказала она. – Даже не знаю, одобрила бы я ее решение, если бы она заранее посоветовалась со мной. Ведь ей пришлось так долго трудиться над узором. Но должна признать, Эйла, что он очень идет тебе.

Эйла просто улыбнулась, не зная, что ответить.

– Именно поэтому, мама, я и подарила его Эйле, – сказала Диги, приближаясь к ним со своим барабаном, сделанным из черепа. – Конечно, у меня далеко не сразу получился этот красивый цвет, но

теперь я знаю, как добиться такого оттенка, и всегда смогу сшить себе подобную одежду.

– Я готов, – объявил Торнек, подходя к Мамуту со своим ударным инструментом, сделанным из лопатки мамонта.

– Отлично. Вы можете приступить, как только Эйла начнет раздавать огненные камни, – сказал шаман. – А где Талут?

– Он разливает свою бражку, и, по-моему, в доме скоро не останется ни одной свободной емкости даже для воды... – улыбаясь, заметил Торнек. – Он говорит, что сегодня особый праздник и его надо отметить подобающим образом.

– Да-да, так оно и будет, – пророкотал рыжебородый вождь. – Вот, Эйла, я принес тебе первый кубок. В конце концов, ведь именно ты – виновница этого торжества!

Эйла пригубила напиток, по-прежнему считая, что у него не слишком приятный кисловатый вкус, но остальным мамутой он, похоже, очень нравился. А ей очень хотелось стать настоящей мамутой, делать все то, что делают они, и любить то, что им нравится. Она осушила кубок до дна, и Талут вновь наполнил его.

– Эйла, Талут подскажет тебе, когда настанет момент раздачи огненных камней. Каждый раз ты будешь ударять огненным камнем по кремню, высекая искру, и после этого вручать его главе очага, понятно? – спросил Мамут.

Эйла кивнула и затем, выпив ядреный напиток, встряхнула головой, пытаясь прогнать неприятное ощущение послевкусия. Поставив пустую чашу на циновку, Эйла взяла свои камни.

– Итак, Эйла уже стала членом Львиной стоянки, – провозгласил Талут, как только все расселись по местам. – Но у нее есть для нас еще один подарок. С этого дня в каждом из наших очагов будет камень для разведения костра. Неззи – хранительница Львиного очага, и Эйла отдаст ей огненный камень, чтобы она хранила его.

Эйла подошла к Неззи и, ударив огненным камнем по кремню, высекла яркую искру, а затем отдала ей кусок железного колчедана.

– Кто хранитель очага Лисицы? – продолжал Талут под негромкий барабанный бой, который начали издавать костяные инструменты Диги и Торнека.

– Я, Ранек, хранитель очага Лисицы.

Эйла подошла к нему и также высекла искру. Но когда она вручала ему огненный камень, Ранек задержал ее руку в своей и сказал тихим и нежным голосом:

– Ты подарила мне удивительный мех. По-моему, не существует на этом свете ничего мягче и красивее этих белых лисьих шкур. Я положу их на свою постель и буду думать о тебе каждую ночь, ощущая, как их шелковистый мех ласкает мое обнаженное тело.

Он лишь слегка дотронулся до ее щеки тыльной стороной ладони, но ей показалось, что это легкое прикосновение разожгло в ее крови настоящий пожар. В замешательстве она отошла от Ранека, а Талут уже вызвал хранительницу очага Оленя, и Эйле пришлось дважды ударить по кремню, прежде чем ей удалось высечь искру для Трони. Затем она подарила огненные камни Фрали для очага Журавля и Тули для очага Зубра, но к этому времени у нее уже сильно кружилась голова. И, вручая камень шаману для очага Мамонта, Эйла испытывала не сильное желание, а скорее необходимость сесть на свое место у костра.

Барабаны уже завладели всеобщим вниманием. Эти тихие ритмичные звуки обладали какой-то неотразимой завораживающей силой. В помещении было почти темно: слабые отблески единственного маленького костра просвечивали сквозь полупрозрачную ширму. Эйла сидела совсем близко, так что слышала прерывистое дыхание и даже видела, от кого оно исходит. Возле костра, припав к земле, лежал человек... или лев? Дыхание превратилось в тихое рычание, очень напоминающее предостерегающий рык пещерного льва, хотя чуткое ухо Эйлы уловило легкое несоответствие в этой имитации. Барабаны заиграли быстрее, звуки обрели силу и глубину.

Вдруг с грозным рычанием эта напоминавшая крадущегося хищника фигура сделала прыжок, и силуэт льва промелькнул на полупрозрачной ширме. Однако, странно дернувшись, силуэт вдруг замер, похоже испугавшись ответного рыка, непроизвольно вырвавшегося у Эйлы. Она угрожала этому теневому льву таким грозным и таким натуральным львиным рычанием, что все зрители потрясенно ахнули. Силуэт на ширме ответил ей мягким недовольным ворчанием отступающего зверя. Эйла сымитировала громкий победный рык, а затем издала серию менее злобных и постепенно затихающих ворчливых звуков, изображая гордо удаляющегося зверя.

Мамут улыбнулся собственным мыслям. «Ее рычание настолько натурально, что могло бы одурачить настоящего льва», – подумал он, радуясь, что она невольно присоединилась к его действию. Эйла сама не знала, почему она сделала это; наверное, после первого импровизированного ответа она увлеклась игрой Мамута и решила поговорить с ним на львином языке. Она не издавала подобных звуков с тех пор, как Вэбхья покинул ее долину. Убыстряющийся барабанный бой отметил начало новой сцены, и сейчас на ширме был виден другой извивающийся силуэт. Эйла сидела очень близко и видела, что эти движения делает Мамут, но даже ее захватило магическое воздействие его танца. Она не понимала только одного: как этот страдающий от подагры старец может двигаться с такой легкостью, ведь обычно ему бывало даже трудно нагнуться? Потом, вспомнив, что она видела, как он пил какую-то темноватую жидкость, Эйла решила, что, вероятно, это было сильное обезболивающее. Но тогда завтра ему придется расплачиваться за эти перегрузки.

Неожиданно Мамут вылетел из-за ширмы и припал к большому барабану. После короткой и звучной дроби его барабан так же внезапно умолк. Шаман взял кубок, которого Эйла прежде не замечала, немного отпил из него, а затем протянул его Эйле. Ни о чем не думая, чисто машинально, она сделала один глоток, затем другой, хотя вкус этого зелья был горьковато-терпким. Ритмичный разговор барабанов вкупе с шаманским зельем вскоре сделали свое дело.

Пляшущее пламя костра отбрасывало на ширму причудливые отблески, и нарисованные на ней животные, казалось, начали двигаться. Завороженная Эйла смотрела на них, сосредоточив все свое внимание на этих движениях. Совсем слабо, точно издалека, до нее стали доноситься голоса обитателей стоянки, которые начали монотонно подпевать барабанам. Раздался детский плач, но ей почудилось, что он доносится из какого-то другого мира, настолько она была поглощена этим странным звериным танцем. Животные на ширме словно вдруг ожили, а ее затуманенное сознание превратило музыку барабанов в топот копыт бегущих бизонов и тяжелую поступь мамонтов.

Затем Эйла почувствовала, что быстро проваливается в какую-то темноту. Но вскоре тьма рассеялась. Подернутое дымкой солнце освещало заснеженную долину. Метель кружила вокруг небольшого

стада сбившихся в кучу овцебыков. Высота ее полета понизилась, и Эйла поняла, что она не одна, – Мамут находился где-то рядом. Картина изменилась. Метель улеглась, однако снежные вихри, вздымаемые ветром, еще носились по степи, точно призрачные видения. Она вместе с Мамутом удалялась из этой белой пустыни. Затем Эйла заметила несколько бизонов, сгрудившихся возле подветренного склона узкой долины. Животные стоически переживали этот дикий ветер. Эйла стремительно пронеслась вдоль речного русла, прорезавшего глубокое ущелье. Один из речных рукавов, сужаясь, уходил в теснину каньона с крутыми отвесными скалами, и Эйла увидела знакомую тропу, поднимающуюся вверх по пересохшему руслу весенней речки.

Затем она вдруг внезапно влетела в темноту и где-то далеко внизу увидела слабый огонек и людей, собравшихся вокруг ширмы. Услышала монотонный гул голосов, вторящий ритмичной музыке барабанов. Приоткрыв глаза, Эйла разглядела туманные очертания лиц, увидела Неззи, Талута и Джондалара, с тревогой наблюдавшего за ней.

– С тобой все в порядке? – спросил Джондалар на языке зеландонии.

– Да-да. Все хорошо, Джондалар. А что произошло? Где я была?

– По-моему, это ты должна рассказать нам об этом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Неззи. – После обряда Поиска Мамут обычно любит глотнуть горячего чая.

– Не волнуйтесь, со мной все в порядке. – Сказав это, она села на циновке и взяла у Неззи чашку. На самом деле ей было немного не по себе. Она испытывала легкую усталость и головокружение, но в целом все было не так уж плохо.

– Мне кажется, Эйла, что на сей раз ты совсем не испугалась, – заметил Мамут.

Эйла улыбнулась:

– Да, не испугалась, но что мы там делали?

– Мы искали. Я знал, что ты обладаешь даром Поиска. Именно поэтому ты и являешься дочерью очага Мамонта, – сказал он. – Ты обладаешь и другими врожденными дарами, Эйла, но тебе не хватает знаний. – Мамут заметил, что она нахмурилась. – Не стоит заранее беспокоиться по этому поводу. У тебя еще будет время обо всем подумать.

Подливая всем желающим своей бражки, Талут наполнил и чашу Эйлы, пока Мамут сообщал им о результатах Поиска, рассказывая, где они были и что видели. Залпом выпив хмельной напиток – на сей раз он показался ей менее противным, – Эйла прислушалась к словам Мамута, но что-то явно отвлекало ее. Рассеянно окинув взглядом помещение, она заметила, что Диги и Торнек все еще играют на своих костяных инструментах. Правда, теперь они выбивали такой затейливый и веселый ритм, что Эйле невольно захотелось двигаться в такт. Она вспомнила, как танцевали женщины клана, и, увлекшись этими воспоминаниями, уже почти не слушала, о чем говорит Мамут.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Эйла обернулась и заметила Ранека, который стоял возле очага Лисицы. Они обменялись улыбками. В этот момент Талут вновь наполнил чашу Эйлы, и Ранек тоже подошел к нему с опустевшим кубком. Наделив и его очередной порцией бузы, Талут вновь подсел к шаману и подключился к обсуждению возможной охоты.

– По-моему, тебе малоинтересен этот разговор, правда? Может, пойдем лучше поближе к Диги и Торнеку, они так чудесно играют, – тихо сказал Ранек на ухо Эйле.

– Нет, наверное, надо послушать. Они ведь говорят о будущей охоте, – сказала Эйла, пытаясь вновь сосредоточиться, но поскольку уже многое пропустила, то с трудом понимала, о чем идет речь. Однако ей показалось, что никого не волнует, слушает она их разговор или нет.

– Да не беспокойся, ты потом во всем разберешься. Они обо всем нам расскажут. Лучше послушай, как звучат барабаны, – сказал Ранек и умолк, давая ей возможность оценить веселую ритмичную мелодию, доносившуюся с другой стороны очага. – Ты когда-нибудь наблюдала, как Торнек играет? Он действительно отличный барабанщик.

Прислушавшись к мелодии, Эйла отметила красивый и четкий ритм. Она мельком взглянула на группу людей, обсуждавших план охоты, затем подняла глаза на Ранека и широко улыбнулась.

– Ладно, пожалуй, я и правда посмотрю на Торнека, – сказала она, очень довольная собственным решением.

Они уже направились к барабанщикам, когда Ранек вдруг остановился и, взяв Эйлу за руку, произнес очень серьезным и даже суровым тоном:

– Сейчас же перестань улыбаться, Эйла.

Улыбка мгновенно исчезла с ее лица.

– Но почему? – в полном недоумении спросила она, не понимая, что сделала плохого.

– Потому что улыбка делает тебя такой очаровательной, что у меня перехватывает дыхание, – выразительно произнес Ранек, как бы взвешивая каждое слово, а затем весело добавил: – Ну не могу же я постоянно находиться в бездыханном состоянии, так и умереть недолго!

Эйла молча улыбнулась, оценив его комплимент; затем, представив себе, как он задыхается от удушья, она заразительно рассмеялась. «Разумеется, он просто пошутил, – думала она, – хотя, наверное, в каждой шутке есть доля правды».

Джондалар наблюдал за ними. Дожидаясь, пока Эйла подойдет к нему, он с удовольствием слушал ритмичный барабанный перестук, однако его хорошее настроение тут же улетучилось, когда он заметил, что Эйла идет вместе с Ранekom. Жгучая ревность на мгновение затуманила его сознание, и у него вдруг возникло почти неукротимое желание избить этого наглеца, осмелившегося заигрывать с его любимой женщиной. Однако Ранек, несмотря на его чужеземную внешность, был мамутой и принадлежал к Львиной стоянке. А Джондалар был здесь всего лишь гостем. Он не мог в одиночку противостоять всем мамутой. С трудом овладев собой, он постарался трезво оценить ситуацию. В сущности, Ранек и Эйла просто подошли вместе послушать музыку. Почему же это так разозлило его?

Размышляя о ритуале приема Эйлы, Джондалар по-прежнему испытывал двойственные чувства. Ему хотелось, чтобы ее приняли в какое-нибудь нормальное племя, поскольку она так этого хотела, да и сам он считал, что после этого его племя легче признает ее. Он видел, как Эйла была счастлива, обмениваясь подарками, и радовался за нее, однако при этом чувствовал и странную отстраненность от этого праздника, и усиливающуюся тревогу из-за того, что она может остаться здесь навсегда. Он даже начал подумывать, что зря отказался вступить в племя мамутой.

В самом начале вечера Джондалар ощущал свою сопричастность к ритуальному празднику, но сейчас ему показалось, что он стал чужим для всех, даже для Эйлы. Теперь она стала членом этой стоянки. Это был вечер, устроенный в ее честь, общий праздник. А он не подарил ей

сегодня никакого подарка, и она тоже ничего не приготовила для него. Раньше Джондалару это как-то не приходило в голову, но сейчас он понял, что и ему хотелось бы поучаствовать в этом обмене дарами. Правда, у него не было подарков ни для нее, ни для кого другого. Он путешествовал налегке, не имея запаса ценных вещей. Конечно, за время странствий он многому научился и приобрел важные знания, но пока у него не было случая применить их на деле. Его действительно ценным приобретением была Эйла.

С мрачным видом Джондалар наблюдал, как она смеется, беседуя с Ранеком, и чувствовал себя незванным гостем на этом веселом торжестве.

Глава 19

Когда обсуждение охотничьих планов подошло к концу, Талут вновь подлил всем желающим своего хмельного напитка, сделанного из мучнистых корней рогоза и множества других ингредиентов, набор которых постоянно менялся, поскольку Талут любил поэкспериментировать. Мамутой сосредоточились вокруг Диги и Торнека. Смех и шутки стали более оживленными. Музыканты играли, а остальные подпевали им хором, но иногда кто-то солировал. Несколько человек танцевали, но это были не те энергичные танцы, напоминавшие акробатическое представление, которые Эйла уже видела на предыдущем празднике, когда у костра перед домом отмечалась удачная охота. Сейчас танцующие просто топтались на месте, делая плавные ритмичные телодвижения под аккомпанемент барабанов, а временами и под собственное пение.

Джондалар почему-то стоял в стороне от общей компании. Эйла часто поглядывала на него. Несколько раз она порывалась подойти к нему, но на ее пути постоянно возникали какие-то препятствия. Вокруг было слишком много людей, которые сегодня, точно сговорившись, наперебой оказывали ей всевозможные знаки внимания. Кроме того, брага Талута слегка затуманила ее голову, и Эйла с легкостью увлекалась предложенной темой разговора, мгновенно забывая о собственных намерениях. Потом Диги уступила ей место за барабаном-черепом, и Эйла, поддерживаемая одобрительными возгласами, вспомнила некоторые музыкальные ритмы клана. Эта довольно сложная и четкая музыка заинтересовала обитателей Львиной стоянки, и они с удивлением прислушивались к необычному звучанию. Если у Мамута и оставались какие-то сомнения относительно прошлой жизни Эйлы, то воспоминания, вызванные ее игрой, окончательно рассеяли их.

Затем в круг танцующих вышел Ранек и, двигаясь в такт музыке, пропел посвященный Эйле веселый куплет о дарах Радости, изобиловавший игривыми и двусмысленными намеками. Подтекст его песни был достаточно очевиден, чтобы вызвать широкие ухмылки и понимающие взгляды окружающих, а также краску смущения на лице Эйлы. Диги подсказала ей танцевальные движения и примерные слова

ответного шуточного куплета, но Эйла умолкла, не допев последнюю строчку, скрытый смысл которой должен был свидетельствовать об одобрении или неодобрении желаний, высказанных Ранеком. Не совсем понимая тонкости этой игры, она не знала, что именно должна ответить; у нее не было желания поощрять его ухаживания, но в то же время она считала его достаточно привлекательным, и ей не хотелось обижать его отказом. Ранек добродушно усмехнулся. Игривый шуточный стиль таких песенных диалогов служил благопристойным прикрытием для высказывания взаимного интереса. В данном случае даже прямой отказ был бы воспринят как шутка; поэтому незавершенный куплет являлся гораздо более обнадеживающим для Ранека.

От обилия хмельной бражки, смеха, шуток и внимания у Эйлы кружилась голова. Со всех сторон на нее сыпались добрые пожелания и комплименты, каждому хотелось побеседовать с ней, пригласить на танец или заключить в дружеские объятия. Она не могла припомнить другого такого радостного и веселого праздника, на котором к ней проявляли бы столь сердечное, теплое и дружеское отношение. Впервые она чувствовала себя любимой и желанной дочерью большой семьи. И всякий раз, обводя взглядом окружающих, она замечала обращенные на нее сияющие черные глаза и восхищенную белозубую улыбку.

Праздничный вечер подходил к концу, люди начали расходиться по своим очагам. Детей быстро разнесли по лежанкам. Фрали, по предложению Эйлы, пораньше ушла спать, и вскоре за ней последовало все семейство Журавлиного очага. У Трони разболелась голова – она весь вечер неважно себя чувствовала, – и, отойдя на время, покормить Хартала, она сама не заметила, как уснула. Затем молча удалился Джондалар. Он растянулся на лежанке, ожидая Эйлу и наблюдая за ней из-за приспущенного полога.

Уимез после нескольких кубков Талутовой бузы стал на редкость словоохотливым и, рассказывая о своих приключениях, откровенно заигрывал сначала с Эйлой, потом с Диги, а потом и со всеми остальными женщинами. Его игривые замечания неожиданно возбудили интерес Тули, и она начала подыгрывать ему, отвечая в той же шутливой манере. В итоге она пригласила Уимеза провести ночь в

очаге Зубра вместе с ней и Барзеком. С тех пор как умер Дарнев, у нее еще не было случая разделить дары Радости с двумя мужчинами.

Уимез рассудил, что сегодня ночью Ранек предпочел бы иметь очаг Лисицы в полном своем распоряжении, и решил, что, возможно, имеет смысл показать Эйле, что женщина может делить дары Радости с двумя мужчинами одновременно. Он отлично видел, какая складывается ситуация, хотя и сомневался, что Ранек и Джондалар смогут прийти к какому бы то ни было согласию в отношении Эйлы. Кроме того, высокая и статная Тули выглядела сегодня особенно соблазнительной и к тому же имела массу достоинств и как вождь, и как женщина. Несомненно, она могла значительно повысить статус приглянувшегося ей мужчины. Кто знает, сможет ли он остаться в очаге Лисицы, если Ранек захочет привести туда свою избранницу?

Вскоре после того, как эта тройца удалилась в помещение последнего очага, Талут, нежно обняв Неззи, увел ее в Львиный очаг. Диги и Торнек, забыв обо всем на свете, увлеченно импровизировали на своих инструментах, и Эйле показалось, что они уже играют одну из мелодий клана. Затем она вдруг осознала, что они с Ранеком беседуют в полном одиночестве, и невольно смутилась.

– Похоже, все ушли спать, – сказала она немного невнятно.

Эйла захмелела от бражки Талута и не слишком твердо стояла на ногах, покачиваясь взад и вперед. Большинство светильников уже было погашено, и огонь в очаге едва теплился.

– Может, и нам тоже пора... – улыбаясь, сказал Ранек.

В его поблескивающих глазах Эйла увидела молчаливое приглашение и сочла его довольно соблазнительным, но не знала, как ей вести себя в данном случае.

– Да, я устала, – сказала она, нерешительно поворачиваясь в сторону своей лежанки.

Но Ранек удержал ее, взяв за руку.

– Не уходи, Эйла, – сказал он вдруг умоляюще.

Она обернулась, и в тот же момент он жарко обнял и поцеловал ее. Ее губы податливо раскрылись под его страстными поцелуями, и он, почувствовав ее отклик, немедленно перешел к более решительным действиям и начал покрывать поцелуями ее лицо и шею, спускаясь к ложбинке между грудей. Он жадно сжимал руками упругую округлость ее бедер, баюкал в ладонях ее полные груди; его движения были столь

стремительны и неистовы, словно он хотел одновременно наслаждаться всем ее телом, не зная, чему отдать предпочтение. Неожиданно ее захлестнула волна такого же страстного желания. Горячая влага смочила ее лоно, когда она почувствовала, как прижимается к ней его восставшее мужское копьё.

– Эйла, я хочу тебя. Пойдем на мою лежанку, – прошептал он с жаркой, повелительной настойчивостью, увлекая ее к своему очагу, и она с неожиданной легкостью последовала за ним.

* * *

Весь вечер Джондалар с тоской наблюдал, как его возлюбленная веселится, поет и танцует в компании своих новых родственников. И чем дольше он смотрел на это веселье, тем сильнее чувствовал свою отчужденность. Но конечно, больше всего его раздражало поведение темнокожего резчика. Ему хотелось дать выход своему раздражению, решительно взять Эйлу за руку и увести подальше от этого шумного сборища; но теперь здесь был ее родной дом, и этот вечер был устроен в честь ее удочерения. Он не имел никакого права вмешиваться и портить им такой чудесный праздник. Поэтому его лицо благодаря постоянному самоконтролю хранило если не счастливое, то вполне благожелательное выражение; но при этом Джондалар чувствовал себя глубоко несчастным и быстро залег на свою лежанку, призывая спасительный сон, который, однако, никак не шел к нему.

Из темноты своей полузавешенной лежанки Джондалар видел, как Ранек обнял Эйлу и повел ее к своему очагу. Провожая их отчаянным взглядом, он, казалось, не мог поверить собственным глазам. Как могла она согласиться провести ночь с другим мужчиной, зная, что он ждет ее? Ни одна женщина прежде не могла устоять перед обаянием Джондалара, а сейчас его любимая Эйла с легкостью приняла предложение другого мужчины. Он уже рванул было за ними, чтобы вернуть ее и одним ударом кулака стереть улыбку с этой счастливой темнокожей физиономии.

Затем, представив себе сломанные зубы и кровавые последствия этого удара, Джондалар вспомнил о своем былом позоре и мучительном изгнании. А здесь он был всего лишь гостем, и его вполне могли просто

выгнать в открытую степь, несмотря на приближение суровой зимы. Сейчас идти ему было решительно некуда. И, кроме того, он не представлял себе жизни без Эйлы.

Но она предпочла ему другого. Она выбрала Ранека, у нее было право выбрать любого мужчину по собственному желанию. То, что Джондалар ждал ее прихода, вовсе не означало, что она должна обязательно прийти к нему. Но почему же она все-таки не пришла? Вполне понятно, что ей захотелось выбрать мужчину из своего нового племени, мужчину мамутой, который весь вечер пел, танцевал и заигрывал с ней, с которым ей было легко и приятно. Мог ли Джондалар обвинять ее за это? Сколько раз сам он отдавал предпочтение тем женщинам, с которыми было легко.

Но как Эйла могла так поступить с ним? Ведь он всем сердцем полюбил эту женщину! Как же она могла предпочесть другого, если он, Джондалар, любит ее? Испытывая тяжкие страдания, Джондалар в безысходном отчаянии сжимал кулаки. Он был бессилён изменить что-либо. Ему оставалось лишь подавить приступ жгучей ревности и молча следить за тем, как его женщину уводит другой мужчина.

* * *

Эйла не слишком четко осознавала собственные действия и побуждения. Талутова бражка затуманила ей голову, и она совершенно не задумывалась о том, чем, собственно, привлекал ее Ранек и стоит ли ей идти с ним. Все это не имело значения. Эйла была воспитана в клане; ее с детства приучили подчиняться желанию любого мужчины, если тот показывал соответствующим знаком, что хочет совокупиться с ней.

По традициям клана женщина должна была удовлетворять сексуальные потребности любого мужчины, и эта обязанность входила в круг ее обычных домашних дел, таких как приготовление еды или выделка шкур. Хотя считалось вежливым, если муж просит свою жену исполнить эту обязанность или так же поступает мужчина, с которым женщина обычно совокупляется, но это было совсем не обязательно, поскольку такое желание являлось вполне естественным. Мужчина имеет право приказывать утолить его надобность как своей жене, так и

любой другой женщине клана. Традиционный союз между мужчиной и женщиной был взаимовыгодным и приятным, и зачастую по прошествии определенного времени они начинали испытывать друг к другу чувства нежной привязанности, однако проявление ревности или любых других сильных чувств считалось немислимым. Если женщина исполняет женские обязанности, следуя желаниям другого мужчины, а не только своего мужа, то он ни в коем случае не может считать себя ущемленным и будет с одинаковой любовью относиться ко всем детям своей жены. Он несет за них определенную ответственность и обязан лично заботиться об их воспитании, а охота и собирательство – это общие дела, поскольку запасы еды принадлежат всему клану, живущему одной большой семьей.

Эйла восприняла слова и действия Ранека как соответствующий знак племени Других, как приказ удовлетворить его сексуальные потребности. И естественно, что, как любой благовоспитанной женщине клана, ей и в голову не могло прийти отказать мужчине. Она рассеянно взглянула в сторону своей лежанки, но не заметила, с какой мучительной болью смотрят на нее из темноты синие глаза Джондалара. И она была бы очень удивлена, узнав, что он страдает.

Любовный пыл темнокожего мужчины ничуть не охладел, когда они вошли в помещение очага Лисицы, но теперь Ранек стал более сдержанным, поскольку Эйла приняла его предложение, хотя он все еще не мог до конца поверить в это. Они сели на его лежанку. Эйла заметила, что он уже застелил постель подаренным ему белым мехом. Затем она начала развязывать пояс, но Ранек остановил ее.

– Не спеши, Эйла. Можно я сам раздену тебя? Я давно мечтал об этом, и мне хочется, чтобы все произошло именно так, как я представлял себе, – сказал Ранек.

Пожав плечами, она предоставила ему свободу действий. Ей было любопытно, как он поведет себя, поскольку она уже успела заметить определенные различия между ласками Ранека и Джондалара. Конечно, ей и в голову не приходило судить, кто из них лучше.

Ранек молча смотрел на нее долгим восхищенным взглядом.

– Ты так красива, – сказал он наконец, склоняясь, чтобы поцеловать ее.

Поцелуй его мягких губ был легким и нежным, хотя недавно был очень требовательным, когда он целовал ее со всей силой страсти. Эйла

заметила очертание темной ладони, лежавшей на белоснежном лисьем меху, и нежно погладила его руку. На ощупь эта темная кожа ничем не отличалась от любой другой человеческой кожи. Сначала он снял нитку бус из ракушек и костяных шариков, поддерживающую ее волосы, и, погрузив в эти пышные шелковистые пряди лицо и руки, вдохнул их сладостный аромат.

– Прекрасна, как ты прекрасна, – бормотал он, целуя ее шею.

Затем Ранек снял с нее ожерелье и новый амулетный мешочек и аккуратно положил их на скамью за изголовьем лежанки. Поднявшись на ноги, он развязал ее пояс и привлек Эйлу к себе. Вдруг, охваченный страстным желанием, он вновь начал неистово покрывать поцелуями ее лицо, шею, а его руки, проникнув под платье, жадно ласкали ее тело, словно он был не в силах больше ждать. Эйла почувствовала, как нарастает его возбуждение. Кончиками пальцев он сжимал соски ее груди, пробуждая в ней огонь желания, и она теснее прижалась к его мускулистому телу.

С глубоким вздохом оторвавшись от Эйлы, Ранек снял с нее платье и, аккуратно свернув его, положил рядом с другими вещами. Затем он какое-то время смотрел на нее, точно пытался запомнить каждый изгиб ее тела. Мягко поворачивая ее то в одну, то в другую сторону, он пожирал ее глазами, словно они нуждались в утолении некоего зрительного голода.

– Ты совершенство, настоящее совершенство! Как они полны и какая великолепная форма... – говорил он, пробегая кончиками пальцев по ее упругим грудям.

Закрыв глаза, Эйла вздрогнула от этих легких прикосновений. Вдруг он припал теплым ртом к ее соску и начал посасывать его, и она почувствовала сладкую боль в глубине ее женского естества.

– Совершенна, как ты совершенна... – бормотал он, овладевая другой грудью.

Поцеловав ложбинку между ними, он свел вместе ее полные груди и начал посасывать оба соска одновременно, издавая приглушенные стоны удовольствия. Откинув назад голову, Эйла теснее прижалась к нему, испытывая удвоенное чувственное наслаждение, затем она коснулась его головы и, с радостным удивлением ощутив необычную жесткую курчавость его волос, погрузила в них свои пальцы.

Они по-прежнему стояли возле лежанки, когда Ранек вдруг отклонился назад и, с улыбкой глядя на Эйлу, развязал пояс, стягивавший ее талию, и приспустил на бедра узкие кожаные штаны. Не удержавшись, Ранек провел рукой по шелковистому холмику светлых волос, и его скользнувшие вниз пальцы ощутили теплую влагу, смочившую ее промежность. Мягко посадив Эйлу на лежанку, он быстро разделся, затем, опустившись перед ней на колени, Ранек медленно снял один из ее домашних сапожков, похожих на мокасины.

– Ты боишься щекотки? – спросил он.

– Немного.

– Тебе приятно, когда я так делаю? – спросил он, мягкими, но уверенными движениями поглаживая ее ступни и более сильно сжимая их на подъеме.

– Да, мне приятно.

Он поцеловал подъем ее ноги.

– Очень приятно, – с улыбкой повторила Эйла.

Улыбнувшись в ответ, он освободил ее от второго сапожка, так же помассировал ее вторую ступню. Взяв Эйлу за руки, он потянул ее к себе. И когда она встала, снова стал внимательно разглядывать ее обнаженное тело, освещаемое последними отблесками костра, огонь которого еще слабо теплился в помещении очага Мамонта. Вновь и вновь он поворачивал Эйлу, разглядывая ее со всех сторон и упиваясь этим прекрасным зрелищем.

– О Великая Мать! Какая красота и совершенство! Именно таким я и представлял себе твое тело... – тихо и проникновенно говорил он, скорее просто выражая вслух свои мысли, чем желая сделать ей очередной комплимент.

– Ранек, но я совсем некрасива, – с мягким упреком сказала она.

– Нет, Эйла, если бы ты могла видеть себя, то никогда не сказала бы этого.

– Мне приятны твои слова, и я рада, что ты так считаешь, но на самом деле я некрасива, – настаивала Эйла.

– Ты очаровательнее всех женщин, которых мне доводилось видеть.

Она пожала плечами, покорно склонив голову. Что ж, вряд ли стоит разубеждать его, если ему хочется так думать.

Вдоволь наглядевшись, темнокожий резчик перешел к более подробному изучению ее тела, слегка касаясь его изгибов кончиками своих пальцев. Внезапно Ранек сорвал с себя остатки одежды и, небрежно бросив их на лежанку, обнял Эйлу и тесно прижался к ней, чтобы ощутить ее тело во всей его полноте. Она почувствовала жар его плотного мускулистого тела, почувствовала, как напряженно пульсирует его поднявшееся и отвердевшее мужское копьё, и вдохнула приятный мужской запах, исходивший от его кожи. Он покрывал легкими поцелуями ее лицо, рот и шею и, заставляя ее трепетать от сладкого томления, нежно покусывал плечи, издавая время от времени еле слышные восхищенные восклицания.

– Ты просто чудо, Эйла! Ты само совершенство. Ярываюсь между собственными желаниями. Мне хочется смотреть на тебя, лаская твоё тело, и одновременно обладать всеми твоими совершенствами. О Великая Мать, как ты прекрасна!

Его ладони вновь сжали ее груди, он щекотал языком ее отвердевшие соски, то слегка покусывая каждый из них, то посасывая их оба вместе и тихо постанывая от удовольствия. Затем он вновь начал поочередно ласкать ротом ее упругие груди, казалось пытаясь вобрать в себя всю их податливую полноту. Опустившись на колени, Ранек обхватил руками ее бедра и пробежал языком по ямке ее пупка, его пальцы мягко сжимали ее ягодицы, исследуя тесную, убегающую вниз расщелину между ними. Целуя мягкие волосы ее лобка, он спустился ниже, и его теплый язык пощекотал ее возбужденный бугорок. Эйла застонала, и он почувствовал, как затрепетало ее тело, охваченное ответным желанием.

Тогда он встал и медленно опустил ее на лежанку, на этот роскошный и удивительно шелковистый, ласкающий белый мех. Забравшись следом, он лег рядом с ней и, опустив голову, начал покрывать поцелуями ее груди, нежно покусывая их одними губами, а его чуткие пальцы настойчиво исследовали влажные глубины ее женского естества. Она судорожно вздохнула, чувствуя, как все ее тело загорелось под его ласками.

Взяв ее руку, он положил ее на свою отвердевшую и исполненную животворных соков мужскую плоть. С восхищенным удивлением Ранек увидел, что Эйла села и, склонившись, потерлась щекой о его восставшее копьё. В тусклом свете она заметила, как четко выделяется

ее светлая рука на фоне его темной мужской плоти, оказавшейся очень нежной и гладкой. Его запах был каким-то особенным, хотя и знакомым, но особенным, и дорожка жестких курчавых волос, покрывавшая его тело, была на редкость густой и упругой. Ранек закричал от восторга, почувствовав, как ее влажный рот вобрал в себя его восставшее копые, и его тело содрогнулось от страстного томления. Он даже не представлял себе, что может испытать нечто подобное, не осмеливался даже мечтать о таком наслаждении. Ранек боялся, что не сможет контролировать себя, когда она начала ласкать его, используя недавно освоенные ею приемы; слегка щекоча его языком и пробегая губами по нежной коже, она с силой массировала верхнюю часть его копыя.

– О Эйла, Эйла! Ты сама женственность! Я всегда знал это. Ты подарила мне величайшее наслаждение.

Внезапно Ранек приподнялся на постели.

– Я хочу тебя и не в силах больше ждать, – сказал он хриплым напряженным шепотом. – Пожалуйста, позволь мне войти в тебя.

Откинувшись на меховое ложе, Эйла открылась ему. Нависая над ее телом, Ранек вошел в ее сокровенные глубины, издав протяжный и прерывистый крик. Затем, чуть отклонившись назад, он начал ритмично двигаться, все громче вскрикивая с каждым новым толчком. Эйла прогнулась ему навстречу, пытаясь попасть в такт его движениям.

– О Эйла, я не могу больше сдерживаться. Эйла! – воскликнул он и, на мгновение застыв в напряжении, застонал и издал облегченный вздох.

Сделав несколько завершающих движений, он расслабленно накрыл ее своим телом. Все произошло гораздо быстрее, чем ожидала Эйла, и ей не удалось достичь такого же пика наслаждения.

Немного погодя Ранек приподнялся и, перекатившись на бок, лег рядом с ней. Удобно подперев голову рукой, он с нежностью смотрел на Эйлу:

– Боюсь, я не смог доставить тебе наслаждение, достойное твоего совершенства.

Она озадаченно нахмурилась:

– Я не понимаю тебя, Ранек. Что значит «совершенство»?

– Ну, просто я имею в виду, что все произошло слишком быстро. Ты была настолько удивительна и совершенна во всех своих

проявлениях, что я потерял контроль над собой. Я был не в силах больше сдерживать себя и слишком быстро овладел тобой. Мне кажется, я не смог доставить тебе то высшее наслаждение, которое испытал сам.

– Ранек, ты говоришь о даре Радости, да?

– Да, это одно из его названий.

– Значит, ты думаешь, что я не чувствовала Радости? Нет, я испытала большую Радость.

– Я понимаю, но ты не достигла высшей точки Радости. Если ты немного подождешь, то я смогу исправить свою оплошность.

– Но это совсем не обязательно.

– Возможно, не обязательно, но мне очень хочется этого, Эйла, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. – Я уже почти готов, – добавил он, лаская ее груди, живот и мягкий холмик лобка. Она вздрагивала от его прикосновений, охваченная новой чувственной волной. – Прости, что все так вышло... Ты была уже почти готова. Как жаль, что я не смог больше сдерживаться.

Эйла ничего не ответила. Он опять начал целовать ее груди, и вскоре она почувствовала, что опять готова принять его. Раздвинув бедра, она резко прогнулась, громко вскрикивая от наслаждения. Неожиданно вместе с очередным толчком и вскриком пришло освобождение, и он почувствовал влагу сокровенных соков.

– На сей раз, по-моему, это была высшая Радость, – улыбаясь, сказала она.

– Не совсем, но думаю, в следующий раз все будет прекрасно. Я надеюсь, Эйла, что у нас впереди много чудесных ночей... – ответил он, ложась на бок рядом с ней и поглаживая рукой ее живот.

Она сосредоточенно свела брови, испытывая легкое смущение. Ей казалось, что она явно чего-то недопонимает. Каменный светильник еще отбрасывал слабые отблески, и Ранек с улыбкой смотрел, как темнеет его рука на ее светлой коже. Все женщины, с которыми он делил дары Радости, имели светлую кожу, и ему всегда нравилось это контрастное сочетание белого и черного. Это вызывало у женщин совершенно особое ощущение, которого им не мог дать ни один другой мужчина. И они говорили, что никогда не забудут его. Ранек был счастлив, что Великая Мать наградила его такой темной кожей. Благодаря этому он был особенным, необыкновенным мужчиной. Ему

нравилось также ощущать, как вздымается живот Эйлы под его спокойной рукой, но более всего он наслаждался сознанием того, что она лежала здесь, рядом с ним, в его постели. Исполнились все его надежды, мечты и желания, но даже сейчас, ощущая ее близость, он, казалось, с трудом верил, что все это происходит на самом деле.

Спустя какое-то время Ранек потянулся к ее груди и, слегка сжимая пальцами ее сосок, почувствовал его твердую выпуклость. Испытывавшая легкую головную боль и усталость, Эйла уже начинала засыпать, когда он опять пробежал влажным, дразнящим языком по ее шее и накрыл поцелуями ее полуоткрытый рот. Она поняла, что он подает ей знак, вновь желая разделить дары Радости, и вдруг почувствовала мимолетное раздражение и невольное желание отказать ему. Это настолько удивило и потрясло ее, что остатки сна мгновенно улетучились. Ранек ласкал ее шею, поглаживал плечи и руки, сжимал в ладонях упругие холмики ее полных груди. К тому моменту, когда он вновь начал посасывать ее соски, раздражение Эйлы уже рассеялось. Волны приятных ощущений достигали сокровенных глубин ее естества, вознося ее к наслаждениям высшей Радости. Поочередно припадая губами к ее грудям, он ласкал их то вместе, то по отдельности, возбужденно дыша и глухо постанывая от удовольствия.

– Эйла, моя прекрасная Эйла, – пробормотал Ранек. – О Великая Мать! Я не могу поверить, что ты здесь, со мной, такая очаровательная. На сей раз все будет замечательно, Эйла, я уверен в этом.

* * *

Сжав челюсти, Джондалар неподвижно лежал в своей постели и судорожно стискивал кулаки, с трудом удерживаясь от желания вскочить и поколотить темнокожего резчика. «Как Эйла могла так поступить со мной? – думал он. – Ведь она посмотрела прямо на меня, а потом отвернулась и пошла вслед за Ранеком». Каждый раз, закрывая глаза, он видел, как она поворачивается и смотрит на него, а потом уходит в сторону соседнего очага.

«Она предпочла другого мужчину! Но это ее право, – повторял он себе снова и снова. – Она говорила, что любит меня, но откуда она могла знать, что такое любовь? Конечно, я ей нравился, и, может быть,

она даже любила меня, пока мы жили одни в ее долине и пока она не узнала, что существуют и другие... Я был просто первым человеком, которого она встретила в своей жизни. Но сейчас она познакомилась с другими мужчинами и, возможно, по-настоящему полюбит одного из них...» Джондалар пытался убедить себя, что ничего страшного не произошло. Она имеет полное право выбрать себе другого мужчину, однако мысль о том, что она проводит ночь с другим, постоянно терзала его.

Прожив несколько лет в изгнании в пещере Даланара, Джондалар вырос и вернулся в родную пещеру высоким, сильным и на редкость красивым мужчиной, который мог претендовать на любовь любой женщины. Достаточно было одного взгляда его неотразимых сияющих глаз, чтобы пробудить в любой женщине ответное желание. В сущности, сами женщины усиленно предлагали ему себя. Они преследовали его, жаждали его любви и надеялись, что он разделит с ними дары Радости. И зачастую он оправдывал их надежды, но ни одна из этих женщин не могла заглушить воспоминания о его первой любви, не могла помочь ему избавиться от сознания собственной вины, терзавшего его душу. И вот он наконец нашел в этом огромном мире ту единственную и неповторимую женщину... Так почему же сейчас его любимая лежит в постели другого мужчины?

Одна мысль о том, что ее выбор пал на другого, причиняла ему страдание, но, услышав ее томные вздохи, явно свидетельствующие, что она делит дары Радости с Ранеком, Джондалар издал приглушенный стон и, с силой ударив кулаком по лежанке, скорчился, как от дикой мучительной боли. Ему показалось, что в животе у него полыхают раскаленные угли, жуткая тяжесть сдавила его грудь, а горло обожгло такой болью, что он едва мог дышать, словно весь дом вдруг наполнился едким удушливым дымом. Из всех сил зажмурив глаза, Джондалар старался подавить горькие слезы, но они все-таки прорвались наружу.

Наконец в очаге Лисицы наступила тишина, и Джондалар смог немного расслабиться. Но через некоторое время все началось сначала, и он понял, что не выдержит этого мучительного испытания. Вскочив с лежанки, он немного помедлил, а затем решительно вышел в пристройку. Уинни мгновенно наострила уши и повернула голову в его сторону, но он, промчавшись мимо, выбежал наружу.

Сильный ветер отбросил Джондалара к стене дома. Ночь была неожиданно холодной, и он, задыхаясь, ловил ртом морозный воздух, осознав вдруг весь ужас своего положения. Его блуждающий взгляд скользнул по замерзшей реке и поднялся к разорванным дорожкам облаков, проплывающих по телу бледной луны. Он отошел от жилища на несколько шагов. Ножи ледяного ветра мгновенно прорвались под рубаху и, казалось, даже под кожу и мускулы, пробирая до самых костей. Поеживаясь, он двинулся обратно в пристройку и медленно, словно ноги отказывались его слушаться, прошел мимо лошадей ко входу в очаг Мамонта. Войдя внутрь, он помедлил, напряженно прислушиваясь, и поначалу ничего не услышал. Но затем из очага Лисицы опять донеслись звуки сдавленного дыхания, страстных стонов и удовлетворенного сопения. Он с тоской взглянул на свою лежанку и вновь повернулся к пристройке, не зная, как поступить.

Уинни, пофыркивая, вскинула голову, и Удалец, лежавший на подстилке, тоже приподнял голову и тихо, приветливо заржал. Джондалар подошел к животным, расстелил меховые покрывала на земле возле Удальца и хорошенько укутался в них. В пристройке было не так холодно, как снаружи. Сюда не проникал ледяной ветер. Из очага Мамонта просачивалось немного тепла, да и лошади согревали помещение своим дыханием, которое, кроме того, заглушало другие, так раздражавшие Джондалара звуки. Но даже в этой спокойной обстановке он не спал почти всю ночь, вспоминая томные вздохи и стоны и вновь и вновь мысленно представляя себе все возможные и невозможные картины любовной страсти.

* * *

Эйла проснулась с первыми лучами света, проникшими в жилище сквозь щели вокруг крышки дымохода. Потянувшись, она повернулась к Джондалару и была несколько смущена, обнаружив рядом с собой Ранека. Прежде чем пришло понимание случившегося, она почувствовала сильную головную боль, напомнившую ей о праздничной ночи и количестве выпитой Талутовой бузы. Эйла тихо соскользнула с лежанки, взяла свою одежду, так аккуратно сложенную Ранеком, и поспешно вернулась к себе. Но Джондалара там тоже не

было. Ее взгляд пробежал по другим лежанкам очага Мамонта. Заметив на одной из них Диги и Торнека, она подумала, что они, наверное, случайно заснули здесь, разделив дары Радости. Затем Эйла припомнила, что Уимеза пригласили в очаг Зубра, Трони вчера неважно себя чувствовала. Может быть, Диги и Торнек просто сочли, что здесь им удастся лучше выспаться. В конце концов, это не так важно, но ее беспокоило, куда пропал Джондалар.

Восстановив в памяти события вчерашнего праздника, она поняла, что не видела его примерно с середины вечера. Кто-то сказал, что он лег спать, но тогда где же он сейчас? Ее мысль вновь вернулась к Диги и Торнеку, и она подумала, что, возможно, он тоже спит в каком-то другом очаге. Ей захотелось пойти поискать его, но, похоже, все еще спали, и Эйла решила, что не стоит будить людей раньше времени. Испытывая легкое беспокойство, она натянула на себя меховое покрывало и вскоре вновь погрузилась в сон.

Когда она проснулась в следующий раз, крышка дымового отверстия была уже сдвинута в сторону и в дом проникал яркий дневной свет. Эйла резко села на постели, но тотчас легла обратно и закрыла глаза, почувствовав ужасную пульсирующую головную боль. «То ли я заболела, то ли это последствия Талутовой бузы... – размышляла она. – Почему люди пьют ее, если от нее так болит голова?» Эйла задумалась о том, как прошел вчерашний праздник. Она припомнила, что играла на барабанах, танцевала и пела, хотя смутно осознавала, как все это происходило. Она много смеялась, иногда даже над собой, обнаружив, как слабо и неуверенно звучит ее голос во время пения, но совсем не смущалась, хотя постоянно находилась в центре всеобщего внимания. Все это было как-то не похоже на нее. Обычно она предпочитала оставаться в тени, со стороны наблюдая за происходящими событиями, а уж если осваивала какое-то новое занятие, то делала это в уединенном месте. Неужели под влиянием этой бражки изменились ее привычки и склонности и она стала менее осмотрительной? Менее сдержанной и более развязной? Может быть, поэтому люди и пьют ее?

Эйла вновь открыла глаза и, поддерживая голову руками, очень медленно поднялась с лежанки. Она облегчилась – стоявшая около сводчатого дверного проема специальная, туго сплетенная корзина примерно наполовину была заполнена сухим измельченным навозом,

который хорошо впитывал жидкость и закрывал фекалии. Умывшись холодной водой, Эйла развела костер и положила в него кипяtilьные камни. Натягивая рубаху и штаны, которые она сшила еще в своей пещере, Эйла думала, что теперь это будет ее повседневная одежда, хотя еще не так давно этот наряд казался ей очень необычным и сложным.

Стараясь не делать резких движений, она достала несколько мешочков с травами из своей лекарской сумки и сделала целебный сбор, смешав в определенных пропорциях ивовую кору, тысячелистник, шалфей и ромашку. Эйла налила воды в корзину, в которой обычно заваривала чай, и, опуская в нее раскаленные камни, довела воду до кипения, а затем бросила в нее приготовленный сбор трав. Присев на корточки возле очага, она терпеливо ждала, пока настоится этот целебный напиток. Но вдруг Эйла резко поднялась и, не обращая внимания на усилившуюся головную боль, вновь быстро достала лекарскую сумку.

«Надо же, едва не забыла... – думала она, выуживая оттуда пакет с тайными травами Изы. – Возможно, они помогают моему тотему побеждать дух мужского тотема, как считала Иза, но мне кажется, что они как-то снижают животворную силу мужского органа». В любом случае пока лучше было исключить любую возможность зачатия ребенка. Положение Эйлы еще было не слишком определенным. Ей очень хотелось зачать ребенка от Джондалара, но не сейчас; ожидая, пока настоятся травы, Эйла размышляла, какой ребенок может появиться, если ее дух смешается с духом Ранека: «Возможно, малыш будет похож на него? Или на меня? Или на нас обоих? Скорей всего, на нас обоих, как Дарк... и Ридаг. Ведь они тоже дети смешанных духов. Темнокожий ребенок Ранека будет тоже резко отличаться от остальных мамутои, но при этом, – с оттенком горечи подумала Эйла, – никто не будет называть его отвратительным уродцем или считать, что он животное. Он сможет говорить, и смеяться, и плакать, как любой человек из племени Других».

Помня о том, как высоко оценил Талут ее средство от головной боли, выпив его после предыдущих возлияний, Эйла слила этот целебный настой в большую чашу, решив, что этого количества вполне хватит для исцеления нескольких человек. Затем, выпив свой чай, она отправилась на поиски Джондалара. Выход в пристройку, проделанный

в стене очага Мамонта, оказался очень удобным; по какой-то непонятной причине Эйла обрадовалась, что ей не надо сейчас проходить через очаг Лисицы. Лошади уже паслись на свежем воздухе. Эйла с удивлением заметила, что у стены лежат свернутые дорожные покрывала Джондалара, и задумалась о том, зачем он вынес их сюда.

Подняв край тяжелого полога, она вышла из дома и увидела Талута, Уимеза и Мамута, разговаривавших с Джондаларом, который стоял к ней спиной.

– Как твоя голова, Талут? – спросила она, приближаясь к мужчинам.

– Неужели ты хочешь предложить мне свою волшебную настойку от похмелья? – с надеждой спросил он.

– Да, у меня тоже болит голова, поэтому я заварила это лекарство. Чаша с настоем стоит в очаге Мамонта, – сказала Эйла и повернулась к Джондалару; лицо ее озарилось счастливой улыбкой, она обрадовалась, что наконец нашла его.

В первый момент он невольно улыбнулся ей в ответ. Затем лицо его вновь стало мрачным и хмурым, а в глазах появилось незнакомое выражение. Настроение Эйлы тоже мгновенно испортилось.

– Наверное, ты тоже хочешь целебного чая, Джондалар? – смущенно спросила она.

– С чего ты решила, что у меня болит голова? Вчера вечером я выпил не так уж много, хотя ты вряд ли заметила это, – ответил он таким холодным и отстраненным голосом, что она с трудом узнала его.

– Где ты спал? Я искала тебя утром, но тебя не было на нашей лежанке.

– Так же как и тебя, – ответил Джондалар. – Мне кажется, тебя мало волнует, где я ночевал, – добавил он и, резко отвернувшись от нее, пошел к реке.

Эйла внимательно посмотрела на оставшихся трех мужчин и заметила смущение на лице Талута. Уимез явно испытывал какое-то беспокойство, но был не слишком огорчен. А взгляд Мамута показался ей очень странным, но она не могла понять, что он означает.

– М-да... Пожалуй, я пойду выпью твоей настойки, – объявил Талут и быстро нырнул в дом.

– Наверное, мне тоже стоит подлечиться, – сказал Уимез и последовал за ним.

«Похоже, я сделала что-то не так», – озабоченно подумала Эйла, чувствуя болезненный укол страха внизу живота.

Мамут изучающе посмотрел на нее:

– По-моему, нам с тобой надо поговорить, Эйла. Попозже, когда мы сможем остаться наедине. Сейчас у нашего очага соберется народ, чтобы попробовать твою настойку. А ты, кстати, не хочешь немного перекусить?

– Я не голодна, – сказала Эйла, с отвращением думая о еде.

Она очень огорчилась, ей совсем не хотелось начинать новую жизнь в этом племени с какого-то неблагоприятного поступка, и, кроме того, ее беспокоило, почему Джондалар так сердито говорил с ней.

Мамут понял ее состояние и успокаивающе похлопал ее по плечу:

– Все-таки тебе надо съесть что-нибудь горяченькое. От вчерашнего праздника осталось много мамонтового жаркого. Я думаю, Неззи приберегла для тебя лакомый кусочек.

Эйла покорно кивнула. Расстроенная и огорченная, она пошла к центральному входу в жилище, по привычке поискав взглядом лошадей, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Когда она заметила Джондалара, стоявшего рядом с Удальцом, то ее тревога немного уменьшилась. Зачастую, испытывая беспокойство, она находила успокоение рядом с этими животными, и сейчас с какой-то смутной надеждой она подумала, что Уинни и Удалец тоже помогут Джондалару улучшить настроение.

Эйла вошла в кухонный очаг. Ридаг и Руги сидели вместе с Неззи на циновке и завтракали. Несмотря на свои объемистые габариты, Неззи была подвижной и грациозной и, вероятно, очень сильной. Во всяком случае, так казалось Эйле.

– Возьми себе мяса, я отложила для тебя хороший кусочек, пока все не растащили, – сказала Неззи. – А там стоит горячий чай, если хочешь. Я заварила его из огнецвета и мяты.

Эйла села рядом с Неззи и оторвала по кусочку мяса Ридагу и Руги, но сама едва притронулась к еде.

– Что-то случилось, Эйла? – мягко спросила Неззи. Она видела, что Эйла расстроена, и догадывалась, чем это вызвано.

Эйла посмотрела на нее тревожным взглядом:

– Неззи, я была воспитана в клане и не знаю, как должны вести себя мамутой. Мне так хочется научиться... Я хочу стать достойной

женщиной мамутой, но, похоже, у меня ничего не получается. Мне кажется, вчера я плохо себя вела.

– С чего ты взяла?

– Когда я вышла из дома, Джондалар очень рассердился. И мне показалось, что Талут расстроен, да и Уимез тоже. Они ушли, даже не поговорив со мной. Ах, Неззи, скажи, в чем моя вина?

– Успокойся, Эйла, ты ни в чем не виновата. Просто так случилось, что тебя любят двое мужчин. Испытывая к женщине сильные чувства, некоторые мужчины хотят, чтобы она принадлежала только им, и не желают делить ее с другими мужчинами. Джондалар, видимо, считает, что имеет определенные права на тебя, и он чувствует себя обиженным и сердится из-за того, что ты поделила дары Радости с Ранеком. И Джондалар далеко не единственный в своем роде. Я думаю, Ранек относится к тому же типу мужчин, и он тоже стал бы проявлять недовольство, если бы имел на это хоть какое-то право. Мне кажется, что Джондалар пытается скрывать свою ревность, но у него это плохо получается. Вероятно, Талута и Уимеза расстроило именно то, что Джондалар не смог сдержать свой гнев, и они быстро удалились, чтобы скрыть смущение. Иногда мы излишне крикливы и любим подшутить друг над другом. В сущности, мы очень дружелюбны, и наше племя гордится своим гостеприимством. Но у мамутой не принято выставлять напоказ свои чувства, какими бы сильными они ни были. От этого одни неприятности, поэтому мы стараемся избегать споров и не провоцировать возникновения конфликтных ситуаций. Совет Сестер с большим неодобрением относится к набегам наших молодых мужчин на другие племена и пытается запретить их. Так было, например, в случае с сангайи. Сестры считают, что такие набеги порождают вражду между племенами и могут привести к смерти многих людей. Они говорят, что лучше торговать, чем воевать. Хотя Совет Братьев имеет несколько иное мнение по этому вопросу. Многие из них в молодости участвовали в таких набегах и считают, что это просто легкое развлечение и хорошая тренировка молодых мускулов.

Вторую половину рассказа Эйла пропустила мимо ушей. Объяснения Неззи не помогли ей понять ситуацию, а скорее еще больше озадачили молодую женщину. Неужели Джондалар сердится из-за того, что она удовлетворила желание другого мужчины? Ведь она просто исполнила свою обязанность. Разве это повод для огорчения?

Никто из мужчин клана не выразил бы своего недовольствия в данном случае. Бруд был единственным мужчиной, который проявлял к ней хоть какой-то интерес и то только потому, что знал, что ей это не понравится. Но большинство мужчин удивлялись, зачем он спаривается с такой уродливой женщиной. Размышляя об этом, Эйла поняла, что повышенное внимание к ней Ранека с самого начала не давало покоя Джондалару.

В сводчатом проеме, ведущем из входного проема, появился Мамут и, с трудом переставляя ноги, направился к Эйле.

– Извини, Неззи, я обещала сделать Мамуту настойку от подагры, – сказала Эйла.

Поднявшись с циновки, она хотела помочь ему дойти до очага Мамонта, но он отклонил ее помощь:

– Ступай вперед, я скоро приду. Просто этот путь займет у меня немного больше времени.

Миновав Львиный очаг, она быстро проскользнула через очаг Лисицы, с облегчением отметив, что в нем никого нет. Разбирая пакеты с травами, она вспомнила, как часто ей приходилось накладывать специальные примочки и компрессы на больные суставы Креба и делать настои, облегчающие боль. Она отлично знала, какие травы помогают от старческой подагры.

Удобно устроившись на лежанке, Мамут потягивал теплый настой; припарки значительно уменьшили ломоту и ноющие боли, которые были особенно мучительными после вчерашнего. Эйла не спешила задавать старику вопросы; процесс лечения принес некоторое облегчение не только больному, но и самой целительнице; ей было приятно, что ее искусство, знания и опыт можно наконец применить на практике. Занимаясь любимым делом, она немного успокоилась и пришла в себя. Однако когда, взяв чашку чая, Эйла села напротив Мамута, то поняла, что не знает, с чего начать разговор.

– Мамут, ты долго жил в клане? – наконец спросила она.

– Да, поначалу моя рука долго заживала, а потом мне захотелось поближе познакомиться с их жизнью. И поэтому я гостил у них до тех пор, пока они не отправились на Сходбище клана.

– Значит, тебе известны обычаи клана?

– Ну да, отчасти.

– Но ты знаешь, какие знаки они используют?

– Да, Эйла, я знаю, какой знак подает мужчина женщине, если хочет обладать ею.

Он помолчал немного, словно размышляя о чем-то, и затем продолжил:

– Я расскажу тебе одну историю, которую никому не рассказывал. В клане жила одна женщина, которая помогала заботиться обо мне, пока заживала моя рука, а после того, как меня посвятили в охотники и я начал охотиться наравне с другими мужчинами, мне сообщили, что она будет удовлетворять все мои нужды и желания. Я понял, какой знак должен подавать ей и что он означает. И я использовал этот знак, хотя поначалу испытывал некоторое смущение. Все-таки она принадлежала к плоскоголовым и казалась мне не слишком привлекательной, особенно если учесть, какие истории я слышал о них в детстве. Но я был молод и здоров, и от меня ожидали, что я буду себя вести как мужчина клана. Чем дольше я жил в их пещере, тем больше привязывался к этой женщине, и она стала казаться мне очень милой и привлекательной. Ты не представляешь, Эйла, какие трогательные чувства может пробудить человек, который старается удовлетворить любые твои желания и потребности. И мое отношение к ней совсем не изменилось, когда я узнал, что у нее был муж. Она считалась неполноценной женщиной, ее первый муж умер, и один из охотников взял ее к своему очагу, хотя сделал это не слишком охотно, поскольку она не имела детей. Когда я собрался уходить, мне захотелось взять ее с собой, но я чувствовал, что в моем племени она будет менее счастлива, чем в клане. Кроме того, у меня не было никакой уверенности в том, как меня примут, если я вернусь с плоскоголовой женщиной. Я часто вспоминаю о ней. Интересно, как сложилась ее жизнь?

Закрыв глаза, Эйла погрузилась в поток воспоминаний. Ей казалось невероятным, что этот мужчина, которого она встретила совсем недавно, рассказывает о событиях, которые произошли в клане много лет назад. Связав вместе рассказ Мамута и свои знания об истории очага Брана, Эйла наконец сказала:

– У нее никогда не было детей, ее считали неполноценной женщиной, но она всегда жила в клане. Она умерла во время землетрясения, до того как нашли меня.

Мамут кивнул. Он тоже был рад получить весточку из прошлого и узнать о судьбе дорогого ему человека.

– Мамут, Неззи сказала мне, что Джондалар рассердился из-за того, что Ранек подал мне знак...

– Откуда Ранек мог узнать этот знак клана? – удивленно спросил Мамут.

– Нет, он подал другой знак. Знак племени Других. Когда Джондалар оказался в моей долине и рассказал мне о ритуале Первой Радости и дарах Радости, которые посылает своим детям Дони, Великая Земная Мать, то я спросила его, как мужчина дает понять женщине, что хочет обладать ею? Он поцеловал меня в губы и обнял меня. Он сказал, по этим знакам я всегда могу понять, что он хочет разделить со мной дар Радости. То есть он показал мне этот знак. Вчера вечером Ранек тоже подал мне такой знак. Потом он сказал: «Я хочу разделить с тобой дар Радости, пойдем на мою лежанку». Ранек подал мне знак. Я должна была подчиниться.

Мамут закатил глаза к потолку и сказал:

– О Великая Мать! – Затем он снова взглянул на смущенную молодую женщину. – Эйла, ты не понимаешь... Ранек, конечно, может подать тебе знак, что хочет разделить с тобой ложе, но ты не обязана ему подчиняться.

В полнейшем изумлении Эйла смотрела на Мамута:

– Я не понимаю...

– Никто не может распоряжаться тобой, Эйла. Твое тело принадлежит тебе, и ты имеешь право выбора. Только ты можешь решать, что ты хочешь делать и с кем ты хочешь быть. Ты можешь разделить ложе с любым понравившимся тебе мужчиной, разумеется, если у него есть такое желание. По-моему, такое поведение вполне естественно. Но ты вовсе не обязана делить дары Радости с мужчиной, если тебе этого не хочется.

Эйла молча обдумывала его слова.

– Что я должна делать, если Ранек вновь позовет меня на свою лежанку? Он говорил, что надеется провести со мной много ночей.

– Не сомневаюсь, что у него есть такое желание, но он не может командовать тобой. Никто не может распоряжаться тобой, Эйла, и принуждать тебя против твоей воли.

– Даже мужчина, который станет моим спутником? Никогда?

– Не думаю, что в таком случае ваш союз будет долговечным. Но ты права, даже он не может принуждать тебя. Решение всегда остается

за тобой.

– Значит, когда Ранек подал мне знак, Мамут, я не обязана была подчиняться ему?

– Правильно. – Он озабоченно посмотрел на нее. – Ты сожалеешь, что поделила с ним ложе?

– Сожалею? – Она отрицательно мотнула головой. – Нет, не сожалею. Ранек... ласковый... Не грубый... как Бруд. Ранек... хотел сделать мне приятное... доставить высшую Радость. Нет. Я не сожалею о Ранеке... Я сожалею о Джондаларе. Сожалею, что Джондалар сердится. Мне приятно было разделить дары Радости с Ранеком. Но Ранек... не Джондалар.

Глава 20

Наклоняясь вперед, Эйла с трудом двигалась навстречу ревущему ветру, отвернув лицо в сторону и пытаясь защитить его от стремительно летящих хлопьев сырого и колкого снега. Она с трудом переставляла ноги, точно ее движения сковывала какая-то неведомая сила, видимая только как кружащаяся масса холодных белых снежинок. Метель разыгралась не на шутку. Остановившись, Эйла заслонила лицо рукой, пытаясь спрятать его от обжигающих ледяных укусов, и, приоткрыв на мгновение замуренные глаза, вновь склонила голову и сделала еще несколько шагов вперед. Стараясь противостоять этому шквальному ветру, она вновь взглянула вперед, где уже маячила округлая форма заснеженного земляного дома. Наконец она с облегчением вздохнула, коснувшись рукой спасительного входного свода.

– Эйла, куда тебя понесло в такую метель?! Это же очень опасно, – сказала Диги. – В такую погоду можно заблудиться в нескольких шагах от дома.

– Но метель свирепствует уже много дней, а Уинни с Удальцом куда-то запропастились. Я решила узнать, где они бродят.

– Ну и как, нашла их?

– Да, они пасутся на своем любимом месте, у излучины. Там ветер послабее и слой снега над травой не слишком высок. Ветры чаще дуют с другой стороны. У меня есть запас зерна, а травы почти не осталось. Хотя лошади сами знают, где найти траву даже в такую метель. Надо будет налить воды в кормушки к их возвращению, – сказала Эйла, сбивая снег с мокасин и встряхивая только что снятую парку.

Повесив ее на крючок у входа в очаг Мамонта, Эйла вошла в теплое сумрачное помещение.

– Нет, вы не поверите! Она выходила из дома. В такую ужасную погоду! – заявила Диги, обращаясь к большой компании, собравшейся возле четвертого очага.

– Но зачем? – удивленно спросил Торнек.

– Лошадям нужен корм, и я... – начала было объяснять Эйла.

– Мне показалось, ты очень долго отсутствовала, – перебил ее Ранек. – Я спрашивал Мамута, и он сказал, что последний раз видел

тебя, когда ты выходила в очаг Лошадей. Я заглянул туда, но, видимо, ты уже ушла.

– Тебя давно все ищут, Эйла, – сказала Трони.

– Хорошо, что Джондалар заметил, что исчезла твоя парка и лошадей тоже нет. Он сказал, что ты могла уйти вместе с ними, – заметила Диги. – Поэтому мы решили поискать тебя в степи. Я как раз выглянула, чтобы выяснить, не кончился ли буран, и увидела, что ты уже близко.

– Эйла, если ты собираешься выйти из дома в плохую погоду, то надо обязательно предупредить кого-то, – с мягким укором сказал Мамут.

– Неужели ты не понимаешь, что мы волновались? Ведь в метель недолго и заблудиться! – сердитым тоном поддержал его Джондалар.

Эйла пыталась вставить слово, но все говорили одновременно, и ее, похоже, никто не слушал.

Видя обращенные к ней взволнованные лица, она поняла, как все тревожились за нее, и смущенно покраснела.

– Мне очень жаль. Я не хотела причинять вам беспокойство. Обо мне так долго никто не беспокоился, пока я жила одна. Я привыкла к своей одинокой жизни. Никто не волновался обо мне, и я делала что хотела, – говорила она, глядя на Джондалара, а потом обвела взглядом всех остальных.

Мамут заметил, как огорченно вздохнула Эйла, сведя брови у переносицы, когда светловолосый мужчина резко отвернулся от нее.

Джондалар в смущении отошел в сторону, оставив Эйлу в кругу обеспокоенных соплеменников. Ее слова были справедливыми: ей так долго пришлось жить одной и она научилась прекрасно обходиться без чьей-либо помощи. Какое он имел право требовать у нее отчета или ругать за то, что она никому не сообщила о своем уходе? Но он очень испугался, обнаружив, что ее нет в доме, ведь в степи бушует снежная стихия. Джондалар знал, как легко заблудиться в непогоду, – зимы в его родных краях были холодными и суровыми, но такие снегопады он видел впервые. Зимний сезон уже близился к середине, а буран, казалось, не собирался прекращаться. Джондалар больше всех тревожился за нее, но ему не хотелось показывать, как сильны его переживания. С того памятного вечера, когда Эйлу приняли в племя мамутой, он с трудом мог разговаривать с ней. Сначала он долго

страдал от обиды, считая, что она предпочла ему другого мужчину, но постепенно замкнулся в себе, раздираемый противоречивыми чувствами. При всей дикой ревности Джондалар сомневался, действительно ли он любит Эйлу, ведь было время, когда он стыдился, что привел ее сюда.

Эйла больше не делила дары Радости с Ранеком, но каждый вечер Джондалар боялся, что это может произойти. Эти мысли не давали покоя его душе, и он старался держаться подальше от очага Мамонта до тех пор, пока она не ляжет спать. Только после этого он осторожно ложился рядом с ней, стараясь случайно не коснуться ее тела; он боялся, что может потерять контроль над собой, боялся, что, не сдержавшись, будет молить ее о любви.

Однако Эйла не понимала, почему он избегает ее. Когда она пыталась поговорить с ним, то он неохотно бурчал что-то в ответ или отмалчивался, притворяясь спящим; если она обнимала его, он лежал точно каменный. Не ведая о его чувствах, она подумала, что, судя по всему, он разлюбил ее; в последнее время он даже стал спать, заворачиваясь в отдельное покрывало, боясь, что потеряет голову от обжигающих прикосновений ее тела. Даже днем Джондалар старался держаться подальше от Эйлы. Вместе с Уимезом и Данугом он организовал рабочее место в помещении кухонного очага и проводил там все дневные часы за изготовлением кремневых орудий. Джондалар не мог работать вместе с Уимезом в очаге Лисицы, постоянно видя перед глазами ненавистную лежанку, на которой Эйла провела ночь с Ранеком.

Эйла расстраивалась и переживала из-за того, что все ее дружелюбные попытки пренебрежительно отклонялись, но спустя какое-то время оставила его в покое. Только тогда он в конце концов начал понимать, что сам виноват в том, что они все больше отдаляются друг от друга, но не знал, как исправить положение. У него был большой опыт общения с женщинами, однако сейчас, когда он встретил свою любовь, эти знания, похоже, только мешали ему. Он понял, что не может поделиться с ней своими чувствами, с раздражением вспоминая тех молодых женщин, которые преследовали его, рассказывая о том, как безумно они любят его. Не желая уподобляться им, Джондалар предпочитал отмалчиваться.

Ранек знал, что они давно не делят дары Радости. Он мучительно осознавал каждое движение Эйлы, хотя старался, чтобы никто этого не заметил. Он знал, когда она ложится спать и когда просыпается, что она ест и с кем разговаривает. Ранек старался как можно больше времени проводить в очаге Мамонта. Собиравшаяся там компания часто раздражалась взрывами громкого смеха, причиной которого были остроумные замечания Ранека, подшучивавшего то над одним, то над другим обитателем Львиной стоянки. Однако он был исключительно осторожен и никогда не высмеивал Джондалара, вне зависимости от того, могла услышать его Эйла или нет. Джондалар обладал чувством юмора, но никогда не блистал остроумием, и ему было трудно тягаться с Ранеком, которого природа щедро наградила этой способностью. Рядом с ладно скроенным, узкокостным Ранеком, постоянно пребывающим в состоянии беспечной самоуверенности, этот высокий и широкоплечий, волнующе красивый мужчина казался неуклюжим и неотесанным увальнем.

Зима не спеша двигалась навстречу весне, а Джондалар и Эйла все больше отдалялись друг от друга. Джондалар уже начал побаиваться, что может навсегда потерять ее и она останется здесь, с этим темнокожим обаятельным мужчиной, которого Великая Мать наделила такой странной внешностью. Он упорно старался убедить себя в том, что она имеет право выбора, а у него нет никаких прав требовать ее любви. Но его отстраненность и замкнутость объяснялись тем, что он не хотел раньше времени ставить ее перед выбором, боясь, что она отвергнет именно его.

* * *

Лютующие в степи морозы, казалось, совсем не тревожили мамутои. Запасов пищи у них было достаточно, и люди племени почти безвылазно сидели в доме, занимались обычными зимними делами и развлекались на досуге, чувствуя себя в полной безопасности в этом уютном и просторном земляном жилище. Пожилые обитатели стоянки в свободное от домашних дел время любили собираться у кухонного очага; здесь, потягивая горячий чай, они делились воспоминаниями, сплетничали, рассказывали разные истории и играли в азартные игры,

используя специальные игральные бабки или отполированные кусочки бивня. Молодые обычно собирались в очаге Мамонта, где они упражнялись в игре на музыкальных инструментах, пели песни, смеялись и шутили; правда, часто компании были смешанными по возрасту, и детей, разумеется, с радостью принимали везде. Это был сезон отдыха, сезон изготовления и починки орудий и охотничьего оружия, посуды и украшений; сезон плетения корзин и циновок, обработки кости, бивней и рогов, ремней, веревок, шнуров и рыболовных снастей; сезон шитья и украшения одежды.

Эйлу интересовало, как мамутой выделывают кожу, а особенно, как они красят ее. Ей также хотелось научиться украшать одежду цветной вышивкой, перьями и бусами. В общем-то, она совсем недавно узнала о существовании такого вида одежды, поэтому процесс шитья представлялся ей очень сложным.

– Ты обещала показать мне, как выкрасить кожу в красный цвет, после того как я закончу выделку шкуры. Мне кажется, одна бизонья кожа уже практически готова.

– Да-да, я не забыла о своем обещании, – сказала Диги. – Давай посмотрим, что у тебя получилось.

Подойдя к скамье, где хранились ее вещи, Эйла развернула готовую кожу, которая оказалась невероятно мягкой на ощупь, эластичной и почти белой. Диги окинула кожу оценивающим взглядом. Пока Эйла обрабатывала эту шкуру, Диги с большим интересом следила за ее действиями, поначалу не делая никаких замечаний.

Срезав острым ножом густой шерстистый покров, Эйла приступила к более тонкой обработке: используя в качестве рабочего столика большую гладкую часть ножной кости мамонта, она тщательно выскребла шкуру с обеих сторон слегка притупленным краем кремневой пластины. С внутренней стороны надо было убрать весь оставшийся жир и кровеносные сосуды, а верхнюю обработать против шерсти, соскребая также тонкий верхний слой кожи. Диги предпочла бы свернуть шкуру и оставить ее на пару дней у очага, чтобы та начала подгнивать, поскольку после этого было легче удалить густую шерсть; после такой обработки верхний слой кожи полностью сохранялся, а чтобы бизонья шкура стала мягкой, такой же как у Эйлы, Диги натягивала ее на раму и соскребала остатки волосяного покрова и верхний слой кожи.

На следующем этапе обработки Диги все-таки внесла свое предложение. После отмачивания и мытья Эйла хотела было, как обычно, втереть в кожу перетопленный жир, чтобы смягчить ее. Однако Диги показала Эйле, как сделать жидкую кашицу из разлагающихся мозгов животного, которую мамутои использовали для пропитки при выделке шкур. Результат удивил и обрадовал Эйлу. Качество шкуры менялось прямо на глазах: пока Эйла наносила мозговую смесь, кожа становилась более мягкой и эластичной. Правда, перед этой операцией со шкурой пришлось еще основательно поработать, поскольку, пока она сохла, ее надо было растягивать во всех направлениях, и качество кожи зависело в основном от того, насколько хорошо была сделана обработка на этой стадии.

– Похоже, ты набила руку на выделке шкур, Эйла. Трудно превратить бизонью шкуру в такую мягкую и приятную на ощупь кожу. Ты уже решила, что сошьешь из нее?

– Нет пока, – покачав головой, ответила Эйла, – но я хочу выкрасить ее в красный цвет, а потом уж что-нибудь придумаю. Может быть, обувь?.. Как ты считаешь?

– В общем-то, она достаточно толстая для этого, но и достаточно мягкая, чтобы можно было сшить платье. Ладно, давай для начала покрасим ее, а уж потом ты решишь, что делать дальше, – сказала Диги, и молодые женщины вместе отправились в сторону последнего очага. – А как бы ты поступила сейчас с этой кожей, если бы не собиралась красить ее?

– Я бы повесила ее над очень дымным костром, чтобы она снова не стала жесткой. Тогда ей будет не страшен дождь, и даже после речной воды кожа останется мягкой, – ответила Эйла.

Диги кивнула:

– Да, я тоже так делаю. Но сейчас мы с тобой проведем такую обработку, после которой кожа не будет промокать под дождем.

Проходя через очаг Журавля, Эйла заметила Крози и вспомнила о том, что еще она хотела выяснить.

– Диги, а ты умеешь делать шкуру белой? Как то платье, что надевала Крози. Мне нравится красный цвет, но белый тоже очень красив. Я бы хотела узнать, как достичь такой белизны. По-моему, я знаю, кому очень подойдет наряд из белой кожи.

– Белый цвет получить трудно, я имею в виду снежно-белый. Мне кажется, тебе лучше спросить об этом Крози. По-моему, для этого нужен известняк. У Уимеза наверняка есть кое-какие запасы. Кремень всегда соседствует с известняковой породой, поэтому желваки, которые он принес с северного месторождения, покрыты меловой коркой, – сказала Диги.

Вскоре подруги вернулись в очаг Мамонта, принеся с собой маленькие ступки и пестики, а также несколько кусков красной охры разных оттенков для окрашивания материала. Пока растапливался жир, чашу с которым Диги подвесила над костром, она разложила перед Эйлой красящие вещества. Кроме коричневой, темно-бордовой, красной и желтой охры в свертке оказались черный древесный уголь, темно-синий пирозолит и ярко-желтый пирит. В качестве ступок обычно использовались чашевидные кости животных, например лобная кость оленя, но иногда материалом для них служили гранит или базальт, которые также использовались для изготовления светильников. Все лежавшие возле очага пестики были сделаны из твердых частей бивня или рога, за исключением одного – удлиненного камня очень удачной формы, которую создала сама природа.

– Эйла, а какой оттенок красного цвета ты предпочитаешь? Мы можем получить самые разные оттенки. Например, темно-красный или алый, как кровь, пепельно-красный или оранжевый, каким бывает солнце на закате.

Эйла не предполагала, что существует такое разнообразие оттенков.

– Даже не знаю... Может быть, красно-красный?.. – ответила она.

Диги оценивающе посмотрела на запас красящих материалов.

– Понятно. Тогда, я думаю, нам понадобится вот эта охра, – улыбнувшись, сказала она, выбирая темно-бордовый кусок. – А к ней мы добавим немного желтизны. И в итоге, наверное, получим твой красно-красный цвет.

Положив в ступку небольшой кусочек красной охры, она вручила Эйле пестик и велела растереть этот материал в порошок. А себе она взяла другую ступку, чтобы получить желтый порошок. Затем, смешивая порошки в третьей чаше, Диги добила желаемого оттенка. После этого она добавила растопленный жир, и Эйла улыбнулась, заметив, какой яркой стала красная краска после этой операции.

– Именно такой... оттенок мне и нравится, – сказала она, – чудесный красно-красный цвет.

Диги взяла длинное, расщепленное вдоль оленье ребро, которое мамутой использовали для окраски и полировки кожи. Рабочая поверхность этого лощила была выпуклой и ноздреватой. Держа в руке кожу, Диги начала с силой втирать в нее охлажденную красную смесь, одновременно полируя поверхность ноздреватым костяным лощилом. Постепенно краска проникла в поры материала, а кожа стала гладкой и блестящей. Немного понаблюдав за процессом окраски, Эйла взяла второе костяное лощило и начала помогать Диги. Поглядывая за работой подруги, Диги по ходу дела корректировала ее действия. Закончив полировку с одного конца, Диги предложила Эйле немного передохнуть.

Приподняв окрашенный край кожи, она брызнула на него водой и сказала:

– Вот, посмотри. Вода не впитывается в такую кожу, видишь?

Действительно, капли воды быстро скатились вниз, не оставив на этой гладкой поверхности никакого следа.

* * *

– Значит, ты до сих пор не решила, что собираешься сшить из этой красной кожи? – спросила Неззи.

– Нет, – ответила Эйла, в очередной раз с восхищением взглянув на большую бизонью кожу, которую она раскинула на лежанке, чтобы показать Ридагу. Этот замечательный красный материал теперь принадлежал ей, поскольку она сама выделявала и обрабатывала шкуру; никогда еще у Эйлы не было так много чудесной красной кожи на редкость яркого и сочного оттенка. – Красный цвет считался в клане священным. Мне бы хотелось подарить ее Кребу... но это невозможно.

– У тебя получился удивительно яркий оттенок, я такого еще не видела. Мне кажется, кому-то очень повезет, так как наряд из такой кожи будет очень долго носиться, сохраняя цвет.

– И она такая мягкая, – сообщил знаками Ридаг, поглаживая материал рукой.

Он нередко заходил в очаг Мамонта навестить Эйлу, и она была всегда рада мальчику.

– Диги показала мне, что можно использовать бизоньи мозги для смягчения кожи, – улыбнувшись своему маленькому приятелю, заметила Эйла. – Прежде я втирала в шкуру жир, но это значительно труднее, и иногда остаются пятна. И правда, этот способ лучше. – Она помедлила, задумавшись о чем-то, и спросила: – Диги, вы обрабатываете так любые шкуры?

Диги кивнула.

– А сколько этой мозговой кашицы надо втирать? Например, если я захочу обработать шкуру оленя или кролика?

– Безгранична мудрость Мут, Великой Матери, – с хитрой усмешкой ответил Ранек, опережая Диги, – ибо Она наделила каждое живое существо именно таким количеством мозгов, которое потребно для сохранения собственной шкуры.

Гортанный смешок Ридага в первый момент озадачил Эйлу, но потом она тоже усмехнулась:

– А у некоторых достаточно мозгов, чтобы не попасть в ловушку!

Ранек рассмеялся, и Эйла присоединилась к нему, радуясь, что поняла скрытый смысл его шутки. За зиму она довольно хорошо успела освоить язык мамутой.

Как раз в этот момент в очаг Мамонта вошел Джондалар и, увидев, как весело смеются вместе Эйла и Ранек, почувствовал очередной укол ревности. Он закрыл глаза, стараясь скрыть свои мучения, и Мамут, заметив это, переглянулся с Неззи и сокрушенно покачал головой.

Мастер-кремнедел остановился и низко опустил светловолосую голову, схватившись рукой за деревянную опору, и Дануг, шедший следом за ним, сразу догадался, в чем дело. Чувства, которые Джондалар и Ранек испытывали к Эйле, и возникшие из-за этого осложнения были очевидны для всех, хотя многие обитатели стоянки делали вид, что ничего особенного не происходит. Они предпочитали не вмешиваться, надеясь, что в конце концов эта троица самостоятельно разберется в своих отношениях. Дануг при всем желании не знал, как можно помочь в такой ситуации, и, кроме того, его обуревали противоречивые чувства. Усыновленный Неззи Ранек считался его братом, но и Джондалар тоже нравился юноше, и он переживал, видя его страдания. Вдобавок сам Дануг испытывал сильные, хотя и

неопределенные чувства к этой красивой молодой женщине, недавно ставшей членом Львиной стоянки. Помимо необъяснимого смущения и странного трепета, которые охватывали его в присутствии Эйлы, он понимал, что она в чем-то похожа на него. Казалось, она смущена и не знает, как поступить в этой ситуации, а сам Дануг очень часто терялся, сталкиваясь с жизненными трудностями и переменами.

Джондалар глубоко вздохнул и выпрямился. Эйла проводила его взглядом, когда он прошел мимо нее к Мамуту и вручил ему что-то. Они перекинулись парой слов, а затем Джондалар молча обогнул ее и удалился в сторону кухонного очага. Эйла уже потеряла нить продолжавшегося в их компании разговора и, как только Джондалар вышел из очага Мамонта, поспешила к Мамуту, не услышав вопроса, заданного ей Ранеком, и не заметив огорчения, на мгновение омрачившего его улыбочивое лицо. Чтобы скрыть свое смятение, Ранек отпустил еще пару шуток, которых Эйла также не услышала. Но Неззи, понимавшая тончайшие оттенки его настроения, заметила страдание в его глазах и видела, как он стиснул зубы и гордо расправил плечи.

Ей очень хотелось дать ему мудрый совет и поделиться своим опытом, но она только вздохнула, так ничего и не сказав. «Пусть сами разбираются в своих чувствах», – решила она.

Поскольку мамутой подолгу жили в замкнутом мире этого общего жилища, то они научились быть терпимыми и снисходительными друг к другу. Все тайное в этом доме очень скоро становилось явным, и исключение составляли только собственные мысли каждого человека; поэтому обитатели Львиной стоянки с особым уважением относились к потаенным думам и намерениям друг друга. Они избегали задавать нескромные, личные вопросы, навязывать свою помощь или советы и вмешиваться в семейные перебранки, пока их не просили об этом или пока эти перебранки не превращались в серьезную ссору, угрожающую нормальной жизни всей стоянки. Вместо этого, заметив, что у человека складывается сложная ситуация, они спокойно пытались вникнуть в суть проблемы и терпеливо и ненавязчиво ждали, пока он сам не захочет поделиться своими сомнениями, страхами или тревогами. Мамутой не спешили осуждать или критиковать действия своего соплеменника и, в сущности, накладывали очень мало ограничений на поведение любого человека, если оно не создавало серьезных проблем и не наносило ущерба жизни остальных. Предоставляя людям

возможность самим решать свои проблемы, они полагались на их мудрость и здравый смысл, а главное – они очень чутко относились к душевным переживаниям друг друга.

– Мамут... – начала было Эйла, понимая, что не знает толком, что сказать. – А ты... Мне кажется, что сейчас самое время немного подлечить твои суставы.

– Что ж, я не против, – улыбаясь, сказал старик. – Много лет я не чувствовал себя так хорошо, особенно зимой. Твои снадобья приносят мне большое облегчение, но я рад видеть тебя, Эйла, не только по этой причине. Подожди немного, мне только надо положить на место этот чудесный нож, который я выиграл у Джондалара. А потом я предоставлю себя в твое полное распоряжение.

– Ты выиграл у Джондалара нож?

– Да, мы с Крози играли в бабки, а он с интересом наблюдал за нами, поэтому я предложил ему сыграть. Он сказал, что был бы рад попробовать, но ему нечего поставить на кон. Но на это я ответил ему, что человеку, у которого в руках такое ремесло, как у него, не стоит волноваться по этому поводу. И мы договорились, что в случае проигрыша он сделает нож по моему заказу. Разумеется, он проиграл. Играя с Теми, Кто Служит Великой Матери, надо быть очень осторожным, – с самодовольным смешком заметил Мамут. – Вот он, мой новый ножичек!

Эйла кивнула.

Мамут и Ридаг внимательно следили, как она разворачивает свои пакеты, отмеряет определенное количество измельченных трав и доводит воду до кипения.

– Что ты используешь для этих припарок? – спросил Мамут.

– Я не знаю, как вы называете эти растения.

– Попробуй описать их мне. Возможно, я смогу сказать тебе, как они называются. Мне известны некоторые травы, из которых делают настои. Жизнь заставила меня выучить их.

– Одно растение довольно высокое, вырастает выше колен, – объясняла Эйла, сосредоточенно припоминая вид этого растения. – У него большие листья, не ярко-зеленые, а как будто присыпанные пылью. Листья растут прямо от стебля, вырастают большими и заостренными к концу. Нижняя сторона листа как будто покрыта

густым мехом. Из его листьев и корней готовятся разные снадобья, особенно если болят кости и старые раны.

– Окопник! Должно быть, это окопник. А какую еще траву ты используешь для припарок? – спросил Мамут, явно заинтересовавшись ее рассказом.

– Другое растение поменьше, ниже колен. Листья напоминают узкие наконечники копий, которые делает Уимез. Цвет у них темно-зеленый даже зимой. Стебель растет прямо из листьев, а на нем появляются светлые цветы с красными крапинками на внутренней стороне лепестков. Его применяют также от отеков и сыпи, – сказала Эйла.

Мамут в недоумении покачал головой:

– Ты говоришь, листья остаются зелеными даже зимой... и цветы в крапинку... Нет, пожалуй, такого растения я не знаю. Может быть, мы просто назовем его крапчатой зимолюбкой?

Эйла кивнула.

– Ты хочешь узнать о третьем растении? – спросила она.

– Да-да, опиши мне его.

– Очень большое растение, больше, чем Талут, почти дерево. Растет в низких местах по берегам рек. Темно-фиолетовые ягоды остаются на этом кустарнике даже зимой. Молодые листья полезно употреблять в пищу, но старые – опасно, можно отравиться. Из высушенных корней делают припарки, они снимают отеки, воспаления и боль. В тот настой, что ты пьешь от подагры, я добавляю эти ягоды. Ты узнал это растение?

– Нет, мне оно неизвестно, но я рад уже тому, что его знаешь ты, – сказал Мамут. – Твои средства мне очень помогают. Видимо, ты отлично разбираешься в старческих недугах.

– Креб был очень стар. У него была повреждена нога и болели суставы. Иза рассказала мне, как помочь ему. Постепенно я больше узнала о разных болезнях и начала лечить остальных членов клана. – Эйла умолкла, оторвавшись на мгновение от приготовления припарки. – Мне кажется, у Крози тоже болят суставы. Надо бы помочь ей. Как ты думаешь, Мамут, она не будет возражать?

– Да, годы берут свое, но она не любит признаваться в своих слабостях. В молодости она славилась красотой и здоровьем. Но по моему, ты права, стоит спросить ее. Только надо придумать, как лучше

это сделать, чтобы не задеть ее гордость. Ведь это единственное, что у нее осталось.

Эйла понимающе кивнула. Когда все было готово, Мамут разделся и лег на лежанку.

– Пока ты будешь держать эти припарки, – сказала Эйла, – я сделаю порошок из корней другого растения и положу его на горячие угли. Вдыхая его запах, ты пропотеешь и почувствуешь, как отступает боль. А потом, перед сном, я еще приготовлю настой, чтобы смазать больные места. Яблочный сок и жгучий корень...

– Ты имеешь в виду хрен? Тот корень, что Неззи использует как приправу?

– Да, наверное, хрен, но смешанный с яблочным соком и бражкой Талута. Этот настой хорошо прогревает не только кожу, но и то, что внутри.

Мамут усмехнулся:

– И ты думаешь, что Талут разрешит тебе использовать его драгоценный напиток для наружного, а не для внутреннего употребления?

Эйла улыбнулась.

– Он любит принимать мое чудодейственное похмельное зелье, поэтому, надеюсь, он не откажет мне, если я пообещаю исцелять его голову после праздников, – сказала Эйла, начиная накладывать густую липкую массу на припухшие суставы старика. Расслабившись, он лег на спину и закрыл глаза.

– Эта рука выглядит уже значительно лучше, – заметила Эйла, прикладывая компресс к руке Мамута, покалеченной в молодости. – Наверное, рана была очень серьезной.

– Да, это был сложный перелом, – сказал Мамут, открывая глаза.

Он глянул на Ридага, который тихо сидел у его ног и слушал разговор. Никому, кроме Эйлы, Мамут не рассказывал об этой давней истории, случившейся в его жизни. После недолгого молчания он вдруг резко мотнул головой и решительно произнес:

– Пожалуй, Ридаг, пора рассказать тебе об этом. В молодости, путешествуя к морю Беран, я упал со скалы и сломал руку. В полубессознательном состоянии я брел куда глаза глядят и в итоге попал на стоянку плоскоголовых, к людям клана. Я гостил у них довольно долго и многое узнал об их жизни.

– Вот почему ты так быстро освоил язык знаков! – улыбнулся Ридаг. – А я-то думал, что ты просто очень умный.

– Разумеется, я очень умный, мой юный друг, – усмехнувшись в ответ, сказал Мамут. – Но конечно, кое-что я быстро вспомнил из времен юности благодаря напоминанию Эйлы.

Улыбка Ридага стала еще шире. Он любил этих двух людей больше всех на свете, не считая Неззи и остальных членов Львиного очага, и осознавал, что благодаря появлению Эйлы в его жизни начался совершенно новый, удивительно радостный период. Он наконец заговорил, то есть мог выразить свои мысли и чувства, мог шутить и вызывать улыбки; люди начали понимать его. Мальчик следил, как Эйла ухаживает за Мамутом, и даже он мог оценить глубину и обширность ее знаний.

– Эйла – хорошая целительница, – сказал Ридаг на языке знаков, когда Мамут бросил взгляд в его сторону.

– Целительницы клана очень искусны; она училась у них. Никто из наших целительниц не смог бы так хорошо вылечить мою руку. Кожа была разорвана, в рану попала грязь, и сломанные кости торчали наружу. Моя бедная рука выглядела как безжизненный кусок мяса. Женщина клана, Уба, промыла рану и соединила кости; не было ни гноя, ни воспаления. А когда рана зажила и кости срослись, я смог, как прежде, владеть рукой, и только к старости старые раны начали напоминать о себе, немного побаливая время от времени. Эйлу учила внучка той женщины, которая исцелила мою руку. Мне говорили, что она считалась лучшей из лучших, – поведал Мамут, наблюдая за реакцией Ридага. В недоумении мальчик посматривал то на Эйлу, то на шамана, удивляясь тому, что у них в клане были общие знакомые.

– Да, Иза была лучшей из лучших, так же как ее мать и бабушка, – добавила Эйла, осознав только последнюю фразу молчаливого разговора между Мамутом и Ридагом. – Она знала все, что знала ее мать, то есть в ее памяти хранились знания ее матери и бабушки.

Эйла принесла к лежанке Мамута несколько камней от очага, достала костяными щипцами из костра несколько раскаленных углей и положила их на камни, а сверху на угли насыпала порошок корня нектарника. Затем, взяв меховое покрывало, она тщательно укрыла Мамута, чтобы сохранить тепло, а он тем временем лежал, облокотившись на руку, и задумчиво смотрел на Эйлу.

– Многим непонятно, чем отличаются от нас люди клана. И дело не в том, что они не разговаривают или общаются на языке знаков. Непонятен их образ мышления. Если Уба, вылечившая меня женщина, была бабушкой твоей Изы, которая черпала свои знания из наследственной памяти, вмещавшей знания ее матери и бабушки, то как же ты, Эйла, смогла научиться у нее? Ведь ты не обладаешь наследственной памятью клана. – Мамут заметил смущенный взгляд и судорожный вздох Эйлы, прежде чем она опустила глаза. – Или ты тоже обрела это качество?

Стрельнув в Мамута взглядом, Эйла вновь опустила глаза:

– Нет, я не обладаю памятью клана.

– Но все-таки?..

Эйла опять посмотрела на него.

– Не понимаю, что тебя удивляет... – сказала она. Выражение ее лица было беспокойным, и она старалась не смотреть в глаза шаману.

– Ты не обладаешь памятью клана. Но все-таки... тебе открылись какие-то тайны, правда? Ты обрела некое тайное знание?

Эйла стояла не поднимая головы. Откуда он мог узнать? Она никому не рассказывала об этом, даже Джондалару. Ей было трудно признаться в этом даже самой себе, хотя она чувствовала, что тот давний случай действительно обогатил ее какой-то новой способностью. С тех пор она стала другой, и возврат к прежней Эйле был невозможен.

– Именно благодаря этому ты стала столь искусной целительницей? – спросил Мамут.

Поглядев на него, Эйла отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала она, а ее отчаянный взгляд молил о доверии. – Иза учила меня, когда я была совсем юной. По-моему, когда она начала обучение, я была моложе Ридага. Иза понимала, что я не обладаю памятью клана, но она заставляла меня запоминать все, что она делала, заставляла меня снова и снова повторять все, что я узнавала, и в конце концов эти знания отложились в моей голове. Она была очень терпеливой. Ей говорили, что глупо учить меня, раз я ничего не помню... Говорили, что я глупа. Но она возражала, пытаясь объяснить, что моя голова просто по-другому устроена. Я не хотела, чтобы меня считали глупой, и старалась все запоминать. В свободное время я постоянно повторяла то, чему Иза учила меня. Мне удалось придумать

собственный способ запоминания, и постепенно я стала усваивать все очень быстро, доказав им, что я не так уж глупа.

Ридаг смотрел на нее во все глаза. Как никому другому, ему были понятны чувства, испытанные ею в детстве, но он не представлял себе, что у кого-то могут быть такие проблемы, как у него. А то, что они возникли у Эйлы, было и вовсе невероятно.

Взгляд Мамута выражал глубочайшее удивление.

– То есть ты запомнила все наследственные знания, хранившиеся в памяти Изы. Это просто потрясающе! Ведь они хранят знания многих поколений предков!

– Да, это правда, – сказала Эйла, – но я не смогла перенять все ее знания, Иза передала мне только часть их. Она говорила, что сама не знает о том, как много она знает. Но она учила меня, как можно пополнить знания. Как выбирать растения, определять и проверять их свойства и как выявлять болезни. Потом, когда я стала старше, она сказала, что я – ее настоящая дочь, то есть что я принадлежу к ее роду, роду целительниц. Я спросила, как же я могу принадлежать к ее роду? Ведь я была всего лишь приемной дочерью. Я даже не имела крови клана, не обладала наследственной памятью. Тогда она сказала, что у меня есть особый дар, такой же хороший, как и память, а может быть, даже лучше. Иза считала, что я родилась в роду целительниц племени Других, что я, так же как и она, принадлежу к самому искусному роду. Вот почему клан признал меня как наследницу ее дара. Она сказала, что когда-нибудь я стану лучшей из лучших.

– А ты поняла, что она имела в виду? О каком особом даре она говорила? – спросил Мамут.

– Да, по-моему, поняла. Если человек нездоров, то я могу определить, чем он болен. Это можно узнать, например, по глазам, цвету лица, запаху изо рта, дыханию... Оценив все эти признаки, я могу либо задать человеку дополнительные вопросы, чтобы уточнить причину недомогания, либо сразу определить болезнь. А потом готовлю целебные снадобья. Они не всегда одинаковы, иногда я сама придумываю новые. Сегодня я впервые попробовала добавить в обезболивающий настой бражку Талута.

– Должно быть, твоя Иза была права. Именно лучшие целительницы обладают таким даром, – медленно сказал Мамут, обдумывая одну мысль, только что пришедшую ему в голову. – Знаешь,

Эйла, я понял, что отличает тебя от всех известных мне целителей. Ты используешь целебные травы и некоторые другие методы лечения, но целители мамутой, кроме того, используют помощь мира духов.

– Но я не знаю мира духов. В клане только Мог-ур обладает таким знанием. Когда Изе требовалась помощь мира духов, она обращалась к Кребу.

Мамут пристально взглянул в глаза молодой женщины:

– Эйла, хочешь ли ты обрести помощь мира духов?

– Да, но за этой помощью я могу обратиться только к Мог-уру.

– Тебе совсем не обязательно ждать посторонней помощи. Ты можешь сама стать Мог-уром.

– Я?! Мог-уром?.. Но ведь я – женщина. Только мужчина может быть Мог-уром клана, – сказала Эйла, потрясенная его утверждением.

– Но ведь ты уже не принадлежишь к клану. Ты – Эйла из племени мамутой. Дочь очага Мамонта. Лучшим целителям мамутой известны пути духов. Ты хорошая целительница, Эйла, но ты не сможешь стать самой лучшей, пока не научишься общаться с миром духов.

Эйла почувствовала сильную тревогу, поднимающуюся из сокровенных глубин ее существа. Она была целительницей, хорошей, опытной целительницей, и Иза говорила, что когда-нибудь она станет лучшей из лучших. И вдруг Мамут говорит, что она не сможет стать лучшей без помощи духов, и, должно быть, он прав. Ведь Иза всегда обращалась за помощью к Кребу...

– Но я не знаю никакого мира духов, Мамут, – сказала Эйла, испытывая почти панический ужас.

Почувствовав, что настал подходящий момент, старый шаман наклонился к Эйле.

– Нет, ты знаешь, – произнес он повелительным и одновременно проникновенным голосом, черпая из некоего внутреннего источника великий дар убеждения. – Разве я ошибаюсь, Эйла?

Ее глаза расширились от страха.

– Нет, я не знаю пути духов! – воскликнула она.

– Ты просто боишься этого мира, потому что не понимаешь его. Я могу помочь тебе обрести это понимание. Я могу научить тебя общаться с этим миром. Ты дочь очага Мамонта, и тебе открыты таинства Великой Матери вне зависимости от того, в каком племени ты родилась и куда занесла тебя судьба. С этим ничего не поделаешь, это

твое предназначение, и мир духов обязательно найдет тебя. Ты не в силах избежать этого, но, обретя знание и понимание, ты научишься владеть своим даром. Ты сможешь уверенно следовать по тайным путям мира духов. Эйла, тебе не обмануть свою судьбу. Твое назначение – служить Великой Матери.

– Я только целительница! И это мое пред... назначение.

– Да, тебе суждено было стать целительницей, но это один из видов служения Великой Матери. Однако пока ты не полностью используешь свой дар. Тебе необходимо подготовиться к иному служению. Разве ты не хочешь стать лучшей из лучших, Эйла? Даже сейчас ты понимаешь, что существуют болезни, от которых нельзя избавиться обычными снадобьями и припарками. Сможешь ли ты исцелить того, кто не хочет больше жить? Какая настойка вернет тяжелобольному волю к жизни? Если человек умрет, как ты сможешь облегчить страдания его родных?

Склонив голову, Эйла с грустью размышляла над его словами. Если бы кто-то подсказал ей, что делать, когда умерла Иза, то, возможно, у нее не пропало бы молоко и ей не пришлось бы отдавать своего сына на вскармливание другой женщине. Как она сможет помочь, если подобное случится с женщиной, которую ей придется лечить? Найдет ли она ответ на этот вопрос в мире духов?

Ридаг, затаив дыхание, наблюдал за их напряженными лицами, чувствуя, что о нем на время просто забыли. Он боялся даже пошевелиться, боясь разрушить нечто очень важное, хотя не вполне понимал, что именно.

– Эйла, чего ты боишься? Какое событие твоей прошлой жизни породило этот страх? Расскажи мне об этом, – мягким, но повелительным голосом сказал мудрый шаман.

Эйла вдруг порывисто встала и начала поправлять теплые меховые шкуры, проверяя, хорошо ли укрыт Мамут.

– Надо хорошенько накрыться и лежать в тепле, – сказала она, явно смущенная и расстроенная.

Мамут без возражений откинулся назад, позволяя завершить лечение и понимая, что ей нужно время, чтобы собраться с мыслями. В нервном возбуждении она отошла к очагу, взгляд ее стал рассеянным и отстраненным, словно перед ее мысленным взором проходили какие-то

давно забытые картины. Наконец она повернулась и взглянула на Мамута.

– Все это произошло случайно! – воскликнула она.

– Что произошло случайно? – спросил Мамут.

– Я случайно оказалась в пещере... вместе с мог-урами.

– Когда же ты была в их пещере, Эйла?

Мамут знал, что женщинам клана запрещается участвовать в священных ритуалах. «Должно быть, она нарушила табу, совершив серьезный проступок», – подумал он.

– На Сходбище клана.

– Ты присутствовала на Сходбище клана? Они ведь устраивают его раз в семь лет, как мне помнится?

Эйла кивнула.

– И как давно это было?

Она задумалась, сосредоточенно подсчитав годы, и это помогло ей немного прийти в себя.

– Будущей весной Дарку исполнится семь лет, – рассуждала Эйла. – А тем летом, когда устраивали Сходбище, он был еще младенцем, он родился весной. Тогда на Сходбище клана обсуждали вопрос о Дарке и Уре, и было решено, что они могут стать парой... Мой сын скоро станет мужчиной!

– Неужели это правда? Он станет мужчиной, достигнув семи лет? Неужели твой сын станет зрелым мужчиной в таком раннем возрасте? – потрясенно спросил Мамут.

– Нет, пока он еще маловат, ему еще надо подрасти года три-четыре. Сейчас он... как Друвец. Уже не мальчик, но еще не мужчина. Я помню, что мать Уры просила меня, она хотела, чтобы Дарк и Ура стали парой. Ура тоже была ребенком смешанных духов. Ура должна была жить с Браном и Эброй. Когда Дарк и Ура достигнут зрелости, то смогут жить вместе.

Ридаг, не веря своим ушам, изумленно смотрел на Эйлу. Он не совсем понял, о чем она говорила, но одна вещь казалась очевидной. «Значит, у нее есть сын смешанных духов, такой же, как я. И он живет в клане!» – думал мальчик.

– И все-таки, Эйла, что случилось семь лет назад на Сходбище клана? – спросил шаман, упорно преследуя свою цель.

Он чувствовал, что сейчас, как никогда, близок к тому, чтобы получить от Эйлы согласие начать ее обучение. Поэтому он не стал останавливаться на некоторых интересных моментах ее рассказа. Мамут был уверен, что обязан передать Эйле эти важные и, более того, жизненно необходимые ей знания, хотя она пока не понимала, что он хочет сделать это ради ее же собственной безопасности.

Прикрыв глаза, Эйла болезненно поморщилась:

– Иза была уже тяжело больна. Она сказала Брану, что я должна заменить ее как целительница, Бран провел обряд посвящения. Она сказала мне, как надо пережевывать корни, чтобы приготовить напиток мог-уров. Только сказала... она не могла показать мне, это сокровенное знание... его нельзя показывать. Мог-уры на Сходбище возражали против моего участия, я ведь была принята в клан, а не рождена в нем. Но только род Изы обладал этим знанием. В конце концов они согласились. Иза велела мне не глотать сок этих корней, а просто разжевывать их и всю кашу выплевывать в чашу, но я не смогла. Один раз я глотнула. Что было дальше, я помню как в тумане: отблески огня, мог-уров... Они не видели меня, но Креб знал, что я была там.

Она внезапно разволновалась и начала нервно ходить взад-вперед.

– Я проваливалась в какую-то бездонную черную пропасть... – Ссутулившись, Эйла обхватила себя за плечи и начала растирать ладонями руки, точно вдруг очень замерзла. – Потом появился Креб, как ты, Мамут, но его явление было более значительным, он... он... подхватил меня и увлек за собой.

Она молча ходила, меряя шагами небольшое пространство между очагом и лежанкой шамана, наконец остановилась и вновь заговорила:

– Потом Креб очень сердился и расстраивался. А я почувствовала в себе нечто новое... Я никогда не признавалась в этом даже себе, но мне иногда кажется, что мне придется вернуться туда, и я... очень боюсь.

Мамут не спешил реагировать на ее откровения, давая ей возможность полностью выговориться. Он примерно представлял себе, через что ей пришлось пройти. Ему однажды разрешили участвовать в ритуальном священнодействии клана. Они использовали растение, приготовляемое особым способом, и он испытал нечто совершенно необъяснимое. Позже, как он ни старался, ему не удавалось достичь подобного состояния даже после того, как он стал Мамутом. Он уже

собрался поделиться с ней своими воспоминаниями, но Эйла вдруг вновь заговорила:

– Порой мне хотелось выбросить этот корень, но Иза говорила мне, что он священный...

Потрясающий смысл ее слов не сразу дошел до Мамута, но, осознав его, он едва не вскочил с постели.

– Эйла, ты говоришь, что у тебя есть с собой этот корень?! – спросил он, с трудом сдерживая охватившее его сильное волнение.

– Когда я покинула клан, то взяла лекарскую сумку. Корень лежит в ней в специальном красном мешочке.

– Но он, наверное, уже испортился. Ты говорила, что странствуешь уже больше трех лет. Может, он уже потерял свою силу за это время?

– Нет, его заготавливают особым способом. Когда корень высыхает, его можно хранить долго... Много лет.

– Эйла, – начал Мамут, стараясь очень тщательно выбирать слова, – возможно, очень хорошо, что ты сохранила священный корень. Ты ведь знаешь, как лучше всего преодолеть страх. Тебя страшит неведомое, но, встретившись с ним лицом к лицу, ты, скорее всего, избавишься от страха. Ты сможешь вновь приготовить этот корень? Только для нас с тобой?

Эйла вздрогнула при одной мысли об этом.

– Я не знаю, Мамут. Я не хочу... мне страшно...

– Я не прошу тебя сделать это прямо сейчас, – сказал он. – Для начала тебе необходимо приобрести некоторые знания, пройти подготовку. Мы должны провести особый обряд, исполненный глубокого смысла и значения. Может быть, надо дождаться праздника Весны, посвященного началу новой жизни. – Он заметил, что она опять вздрогнула. – Мне понятно, что тебе трудно решиться на это сейчас. Пока я прошу тебя лишь позволить мне начать обучать тебя, подготовить к общению с миром духов. Окончательное решение может быть принято весной, и я не стану принуждать тебя, если ты сочтешь, что не готова к этому испытанию.

– Чему ты собираешься учить меня? – спросила Эйла.

– Во-первых, тебе необходимо узнать некоторые песни и напевы, научиться пользоваться мамонтовым барабаном. Кроме того, мне надо объяснить тебе значение определенных символов и знаков.

Обеспокоенно взглянув на Мамута, Эйла с трудом проглотила подступивший к горлу комок и согласно кивнула:

– Хорошо, Мамут, я попытаюсь преодолеть страх перед миром духов, если ты поможешь мне.

Глава 21

– Ха-ха-ха! Еще три! – заливаясь пронзительным смехом, воскликнула Крози и пересчитала диски, удачно пойманные плоской плетеной чашей.

– Опять тебе бросать, – сказала Неззи. Женщины сидели на циновке возле овальной ямы с плотно утрамбованной рыжеватой лессовой почвой, на поверхности которой Талут обычно рисовал карту, готовясь к охотничьим походам. – Тебе осталось набрать семь очков. Я увеличиваю ставку на два. – Она добавила две черточки на гладкую рисовальную поверхность.

Крози вновь взяла и встряхнула сплетенную из прутьев чашу, на дне которой лежало семь маленьких дисков, вырезанных из мамонтового бивня. Невьирышная сторона этих слегка выпуклых дисков, легко скользивших и переворачивавшихся на ровной поверхности игрового поля, была гладкой и пустой, а другая, окрашенная, сторона была прорезана линиями. Держа игральную чашу близко к земле, Крози подбросила кости в воздух. Затем, быстро переместив чашу по циновке, на которой красной полосой было обозначено игровое поле, старуха поймала костяные диски обратно в чашу. На сей раз четыре диска перевернулись резной стороной кверху и только три оказались пустышками.

– Посмотри-ка! Четыре! Мне остается набрать только три очка. Я увеличиваю ставку до пяти.

Сидя рядом с ними на циновке, Эйла потягивала чай из деревянной чашки и наблюдала за действиями старухи, которая вновь встряхнула кости в игровой корзине. Опять подбросив их в воздух, она ловко поймала их. Теперь пять дисков перевернулись выигрышной стороной.

– Я выиграла! Ну что, Неззи, еще сыграем?

– Ладно, попробуем еще один кон, – сказала Неззи, в свою очередь беря корзинку и встряхивая ее. Подбросив диски в воздух, она поймала их плоской чашей.

– О-о! Ты заработала черный глаз! – заверещала Крози, указывая на диск, повернувшийся черной стороной. – Все, ты проиграла! Все твои очки прогорели! Давай начнем новую игру.

– Нет уж, тебе сегодня что-то слишком везет, – вставая, сказала Неззи.

– А ты, Эйла? – спросила Крози. – Не хочешь сыграть со мной?

– Я плохо играю в эту игру, – сказала Эйла. – Мне даже не удается поймать все диски.

В этот долгий холодный сезон мамутои часто играли в разные азартные игры, и Эйла любила понаблюдать за ними, но сама играла мало, да и то только чтобы попрактиковаться. Эйла знала, что Крози была опытным игроком и ее раздражало, когда кто-то играл плохо и неумело.

– Тогда, может, сыграем в кулачки? В эту игру может играть любой, даже новичок.

– Можно, но только я не знаю, что поставить на кон, – сказала Эйла.

– Мы с Неззи играем на очки, видишь эти отметки, а каким будет выигрыш, решаем потом.

– Сейчас или потом, я все равно не знаю, что предложить в качестве выигрыша.

– Ну, наверняка у тебя есть что-нибудь ценное, – поспешно заметила Крози, которой не терпелось начать игру.

– И ты тоже поставишь на кон равноценную вещь?

Старуха с готовностью кивнула.

Эйла озадаченно потерла лоб:

– Может быть... меховую шкуру, или кожу, или какое-то изделие. Подожди-ка! Я, кажется, придумала кое-что. Джондалар, играя с Мамутом, поставил на кон свое ремесло и потом, проиграв, сделал по его заказу новый ножичек. Я могу поставить на кон мое мастерство, Крози?

– Почему бы и нет? – сказала она. – Я отмечу это вот здесь, – добавила Крози, стирая плоской стороной ножа старые отметки с утрамбованной поверхности. Затем старуха взяла две небольшие игральные кости, лежавшие рядом с ней на земле; положив по одной на каждую ладонь, вытянула руки вперед и показала их Эйле. – Играть будем до трех очков. Если ты угадаешь верно, то получишь очко, если нет, то очко получаю я. Кто первый наберет три очка, тот и выигрывает кон.

Эйла разглядывала две игральные бабки, сделанные из надкопытных костей овцебыка: одна была раскрашена красными и черными полосками, а другая – пустышка.

– Я должна угадать, в какой руке пустышка, правильно? – уточнила она.

– Правильно, – подтвердила Крози, хитро прищулив глаза. – Ну, ты готова?

Сложив коробочкой ладони, она начала встряхивать спрятанные внутри бабки, но вдруг оглянулась на Джондалара, работавшего вместе с Данугом у бокового очага, где они устроили мастерскую по изготовлению орудий.

– Говорят, он действительно хороший мастер. Это правда? – спросила Крози, мотнув головой в его сторону.

Эйла взглянула на мужчину, светловолосая голова которого почти соприкасалась с рыжеватой шевелюрой подростка. Когда она вновь посмотрела на Крози, руки той были уже спрятаны за спиной.

– Да, Джондалар – хороший мастер, – сказала она.

«Похоже, Крози намеренно пыталась отвлечь мое внимание от игры», – подумала Эйла. Она внимательно посмотрела на старуху, оценивая легкий наклон плеч, головы и выражение лица.

Крози быстро вытянула вперед плотно сжатые кулаки, в каждом из которых была спрятана бабка. Эйла окинула изучающим взглядом морщинистое лицо, которое вдруг стало совершенно непроницаемым и невыразительным, затем перевела взгляд на старческие руки с утолщениями суставов. Ей показалось, что одну руку старуха держит чуть ближе к себе, и Эйла решила выбрать другую.

– Проиграла, проиграла! – торжествующе заверещала Крози, разжимая кулак с красно-черной бабкой. Прочертив ножом короткую линию на поверхности рисовальной ямы, она сказала: – Опять тебе угадывать, ты готова?

– Да, – ответила Эйла.

На сей раз, встряхивая спрятанные в ладонях бабки, Крози мурлыкала какую-то мелодию, закрыв глаза. Затем она вдруг посмотрела на сводчатый потолок и с крайне заинтересованным видом стала разглядывать какую-то деталь возле дымового отверстия. Эйла невольно взглянула в том же направлении, чтобы выяснить, что так заинтересовало старуху. Потом, вспомнив обманную уловку Крози,

пытавшейся отвлечь ее внимание в предыдущей игре, она быстро перевела взгляд обратно и успела заметить, что хитрая старуха, перед тем как спрятать руки за спину, исподтишка заглянула в щель между ладонями. На морщинистом лице мелькнула легкая уважительная улыбка. Судя по движениям плеч и рук, Крози поменяла за спиной спрятанные в ладонях игральные кости.

«Возможно, заметив, как легли кости, Крози решила поменять их местами, – размышляла Эйла. – Но может быть, она просто хочет, чтобы у меня возникла такая мысль? А эта игра интереснее, чем кажется на первый взгляд. В нее гораздо интересней играть самой, чем наблюдать, как играют другие».

Крози вновь выставила вперед сжатые костлявые кулачки. Стараясь не показывать своей заинтересованности, Эйла украдкой посматривала на старуху. С одной стороны, просто невежливо в упор разглядывать человека, а с другой, учитывая тонкости игры, – ей не хотелось, чтобы Крози поняла, по каким признакам она оценивает ситуацию. Конечно, Крози была опытным игроком, и Эйла пока просто выясняла ее приемы; на сей раз Крози напряженно приподняла одно плечо и явно сильнее сжимала другой кулак. Прикинув, что Крози намеренно предлагает ей выбрать этот кулак, Эйла выбрала другую руку.

– Ха-ха-ха! Ты опять проиграла, – ликуя, воскликнула Крози и быстро добавила: – Ты готова?

Не дожидаясь ответа, Крози спрятала руки за спину и почти мгновенно выставила кулачки перед Эйлой, слегка подавшись вперед. Подавив раздражение, Эйла улыбнулась. Хитрая старуха, похоже, была совершенно непредсказуема, постоянно меняя тактику своей игры. Эйла выбрала ту руку, которая показалась ей более напряженной, и была вознаграждена за это отметкой на рисовальной яме. В следующий раз Крози вновь слегка изменила позу, опустив руки вниз, и Эйла проиграла.

– Все, у меня уже три очка! Этот кон я выиграла. Хотя по одной игре трудно судить, кому сегодня везет. Давай сыграем еще разок, – предложила Крози.

– Давай сыграем, я не против, – ответила Эйла.

Крози довольно улыбнулась, но, когда в следующей игре Эйла выбрала пустышку два раза подряд, ее настроение немного

ухудшилось. Озабоченно нахмурившись, старуха тщательно трясла бабки в третий раз.

– Ой, смотри! Что это там? – задрал подбородок, сказала Крози, делая откровенную попытку отвлечь внимание молодой женщины.

Эйла отвела взгляд от сложенных ладоней, а когда вновь посмотрела на них, Крози, удовлетворенно улыбаясь, выставила вперед сжатые кулачки. Молодой женщине уже не составило труда определить, в какой руке пряталась выигрышная кость, но она намеренно тянула время, делая вид, что теряется в догадках. Эйле не хотелось слишком огорчать Крози, показывая ей, как быстро можно раскусить ее игровые приемы. Оценив позу и напряжение мышц, Эйла сразу поняла, где спрятана пустышка, словно Крози сама подсказала ей это.

Крози не обрадовалась бы, узнав, что ее обманные маневры так легко вычислить, а кроме того, у Эйлы было особое преимущество. Она с детства привыкла подмечать и оценивать малейшие детали телодвижений и мимики, поэтому делала это почти бессознательно. В знаковом языке клана немаловажную роль играли нюансы и оттенки смысла, которые передавались именно мимикой, незначительным изменением позы или напряжением мускулов. Она заметила, что люди, общавшиеся между собой с помощью разговорного языка, также сопровождают свою речь определенными жестами, которые лишь уточняют или подчеркивают смысл сказанного.

Раньше, упорно осваивая язык мамутои, она не могла уделять особого внимания их неосознанному языку жестов. И сейчас она порой неверно использовала некоторые слова, но за зиму научилась говорить довольно бегло, поэтому теперь, общаясь с людьми, она начала вникать в их своеобразный бессловесный язык, на который обычно никто не обращал внимания, хотя он чем-то напоминал язык клана. Играя с Крози, Эйла вдруг поняла, как много она может узнать об этих людях, применив знания и способности, приобретенные в клане. Одна из особенностей людей клана состояла в том, что они никогда не лгали, поскольку это невозможно было сделать на языке знаков; но Эйла обнаружила, что очень легко уличить во лжи людей из племени Других или выведать их секреты. Они даже не догадывались, чем выдают себя. Разумеется, Эйле пока не удавалось истолковать все скрытые значения языка движений племени Других, однако... она ведь только начала изучать его.

Наконец Эйла выбрала руку, в которой была спрятана пустая бычья кость, и Крози, поморщившись от досады, добавила третью отметку к очкам Эйлы.

– Теперь тебе повезло, – сказала она. – Но раз я выиграла первый кон, а ты – второй, то счет сравнялся и мы можем забыть о наших ставках.

– Нет, – ответила Эйла, – мы ставили на кон наше мастерство. Ты выиграла. А мое мастерство – лечение болезней. И я сделаю для тебя какое-нибудь снадобье. А ты должна поделиться со мной твоим мастерством.

– Каким таким мастерством? – удивленно спросила Крози. – Ты хочешь сказать, что я мастерски играю в азартные игры? Да, пожалуй, это я действительно делаю лучше других. Но ведь ты уже победила меня, чего же ты еще хочешь?

– Нет, я говорю не об играх. Я хочу научиться делать белую кожу, – сказала Эйла.

Крози удивленно ахнула:

– Белую кожу?

– Да, белого цвета, как у того платья, что ты надевала на праздник моего Удочерения.

– Вот оно что... Давненько я не выделявала белых кож, – сказала Крози.

– Но ведь ты умеешь? – спросила Эйла.

– Да, умею... – Взгляд Крози стал более мягким и немного рассеянным. – Моя мать научила меня, когда я была еще девочкой. Было время, когда белая кожа считалась священной в очаге Журавля, по крайней мере об этом рассказывают легенды. Никому из посторонних не разрешалось носить ее... – Лицо старухи вдруг посуровело. – Но теперь очаг Журавля потерял свой высокий статус, мы не смогли получить даже приличный Брачный выкуп. – Она настороженно взглянула на молодую женщину и спросила: – А зачем тебе белая кожа?

– Просто она очень красивая, – с восхищением сказала Эйла, и выражение лица Крози вновь смягчилось. – Некоторые люди считают белый цвет священным, – закончила Эйла, потупив взгляд. – Мне хочется сшить праздничный наряд для одного человека, который очень любит этот цвет. Красивое праздничное платье.

Эйла не заметила, что Крози мельком взглянула в сторону Джондалара, который как раз в этот момент тоже посмотрел на них. Он быстро отвернулся, похоже немного смутившись. Старуха понимающе покачала головой, видя перед собой склоненную голову молодой женщины.

– Ладно, но что я получу за это?

– Значит, ты согласна научить меня?! – с улыбкой воскликнула Эйла, поднимая глаза. Она заметила жадный блеск в старческих глазах, но за ним скрывалось нечто большее, какая-то задумчивая мечтательность. – Я сделаю тебе обезболивающее средство, – сказала она, – как Мамуту, чтобы не болели суставы.

– С чего ты взяла, что я в этом нуждаюсь?! – раздраженно проворчала Крози. – Я еще не такая старая, как он.

– Конечно, ты не старая, Крози, но у тебя же болят суставы. Хотя ты ничего не говоришь о своей болезни и не жалуешься, но я знаю об этом, ведь я – целительница. Исцелить больные кости нельзя, но можно уменьшить болезненные ощущения. После припарок ты почувствуешь, что тебе стало легче ходить и сгибаться, а специальные настои снимут боль: один надо пить по утрам, а другой – в течение дня, – сказала Эйла. Затем, понимая, что женщине трудно смириться со своей старостью, добавила: – Мне придется сделать лекарство для тебя, ведь должна же я выполнить условия игры.

– Хорошо, видимо, мне придется принять это в качестве выигрыша, – сказала Крози. – Но я хочу кое-что еще.

– Скажи что, и я постараюсь сделать это.

– Мне хочется, чтобы ты сделала мне еще один горшочек той мягкой белой мази, от которой сухая кожа становится такой гладкой... и молодой, – тихо сказала она, склонившись к Эйле, а затем выпрямилась и раздраженно добавила: – Просто моя кожа зимой всегда трескается от холодной воды.

Эйла улыбнулась:

– Договорились. А сейчас скажи мне, какую шкуру лучше всего выбрать для белой кожи, и я спрошу у Неззи, есть ли такая среди шкур, хранящихся в подполье.

– Тебе нужно выделат оленью шкуру. Конечно, северный олень очень хорош, хотя его шкуру лучше использовать для теплой меховой одежды. В общем-то, пойдет кожа любого оленя: марала, гигантского

оленья или лося. Правда, до того, как ты займешься шкурой, тебе понадобится еще кое-что.

– Что же?

– Тебе надо будет собрать некоторое количество твоей жидкости.

– Моей жидкости?

– Ну да, твоей мочи. Можно использовать и чужую, но лучше все-таки свою собственную. Начинать собирать прямо сегодня, еще до того, как ты вытащишь из ледника оленью шкуру, – сказала Крози.

– А зачем нужна эта моча?

Подавшись вперед, старуха схватила руку Эйлы:

– Ты узнаешь секрет белой кожи, когда отмочишь ее в своей моче. Это может показаться странным, но это правда. Выдержав мочу в теплом месте некоторое время, ты заметишь, что она изменилась. Отмоченная в такой жидкости шкура очищается от остатков жира и грязи. Потом ты сможешь легко удалить подшерсток, и, кроме того, такая кожа уже не будет гнить и останется мягкой даже без окуривания дымом, из-за которого кожа обычно приобретает рыжий или коричневый оттенок. В сущности, в этом и заключается секрет отбеливания кожи, хотя после этого она будет еще не совсем белой, а сероватой. В общем, после отмачивания шкуру надо тщательно вымыть и почистить несколько раз, а после просушки и выделки кожа будет готова для заключительной окраски в белый цвет.

Если бы у Крози спросили, то она не смогла бы объяснить, что мочевины, которая является главным химическим компонентом мочи, отстоявшись в теплом месте, разлагается, выделяя аммиак. Она знала только то, что моча должна отстояться, чтобы изменить свои качества. Эта отстоянная жидкость растворяла жир и отбеливала кожу и одновременно помогала предотвратить процесс бактериального гниения. Крози, разумеется, было неизвестно, что это вещество назовут аммиаком, она знала только результат его воздействия.

– Известняк... а есть ли у нас известняк? – спросила Крози.

– Да, есть, у Уимеза. Он говорил, что последний раз они добывали кремль из известняковой скалы и у него осталось еще несколько желваков, покрытых меловой коркой, – сказала Эйла.

– А зачем ты спрашивала Уимеза насчет мела? Откуда ты знала, соглашусь ли я поделиться с тобой своим секретом? – подозрительно спросила Крози.

– Конечно, я не знала. Просто я давно хотела сделать белое платье. Если бы ты не показала мне, как это делается, я попыталась бы сама. Но я же не знала, что надо предварительно отмачивать шкуру, даже представить не могла. Я так рада, что ты согласилась научить меня твоему мастерству, – сказала Эйла.

Крози пробурчала что-то нечленораздельное, не желая показать, что ее удовлетворило объяснение Эйлы.

– Но не забудь, что ты обещала мне горшочек белой мази, – добавила она. – И перетопи также еще немного жира, он явно понадобится, когда дело дойдет до окраски кожи.

* * *

Эйла подняла края занавеса и выглянула из дома. Завывания послеполуденного ветра напоминали грустную погребальную песнь – вполне подходящее музыкальное сопровождение к этому унылому, безотрадному пейзажу и серому облачному небу. Эйла так надеялась, что сегодня будет немного потеплее, но суровая зима, казалось, хотела навечно заточить людей в этом земляном жилище. Уинни мягко заржала. Эйла обернулась и, увидев вошедшего в очаг лошадей Мамута, улыбнулась ему.

Едва познакомившись с ним, Эйла почувствовала глубокое уважение к старому шаману, но с тех пор, как он начал обучать ее, это уважение переросло в любовь. Отчасти это произошло потому, что она обнаружила огромное внутреннее сходство между этим высоким, сухопарым и невероятно древним шаманом и низкорослым, хромым и одноглазым колдуном клана; хотя внешне они были совершенно разными, ей порой казалось, что она вновь разговаривает с Кребом или, по крайней мере, с его двойником. Оба они с глубоким уважением и пониманием относились к миру духов, и не важно, что почитаемые ими духи имели разные имена; оба обладали огромной, внушающей благоговейный страх внутренней силой, хотя физически были немощными и слабыми, и оба были мудрыми и проницательными шаманами. Но возможно, главное состояло в том, что эта любовь была взаимной; Мамут, так же как и Креб, относился к Эйле с большой симпатией, помогал ей понять мир и признал ее дочерью своего очага.

– Я искал тебя, Эйла, и, видимо, не ошибся, подумав, что ты решила провести лошадей, – сказал Мамут.

– Я вышла посмотреть, не ослаб ли мороз. Так хочется, чтобы скорее наступила весна, – проговорила Эйла.

– Да, к этому времени многие начинают тосковать по теплему солнышку, ожидая перемен, новых впечатлений и ощущений. Эта тоскливая спячка изрядно поднадоела людям. Я думаю, именно поэтому в конце зимнего сезона у нас так много веселых и радостных праздников. Скоро будет Праздник Смеха и шутовские состязания. Многие их очень любят.

– Праздник Смеха? Что это за праздник?

– Он устраивается просто для того, чтобы люди могли вдоволь посмеяться. В этот день все стараются рассмешить друг друга. Можно одеться в нелепые шутовские наряды или вывернуть одежду наизнанку, раскрашивать лица, делая смешные маски; можно дурачиться, подшучивать друг над другом или устраивать веселые розыгрыши. И чем больше сердится тот, кого разыграли, тем веселее становится остальным. Почти все мы с нетерпением ждем этого праздника, но главным торжеством все-таки остается Праздник Весны. В сущности, именно поэтому я и искал тебя, – сказал Мамут. – Мне надо подготовить тебя к этому празднику.

– А почему Праздник Весны считается главным? – спросила Эйла, испытывая легкую тревогу.

– По многим причинам, я полагаю. Это наш самый торжественный, самый любимый и радостный праздник. В этот день мы прощаемся с зимой и встречаем весну. Тепло побеждает холод. Говорят, чтобы понять смысл жизни, надо постичь сущность годовичного цикла. Большинство людей делят год на три сезона. Весна – это сезон рождения. Великая Мать Земля порождает новую жизнь, посылая плодородные ливни и пробуждая ото сна реки. Лето – сезон тепла, период роста и созревания. А зимний холод подобен смерти. Но весной опять начинается новая жизнь, возрождение. Вполне достаточно осознать связь и сущность этих трех сезонов, но очаг Мамонта делит годовой цикл на пять периодов. Это священное число Великой Матери.

Обучение, на котором настаивал Мамут, вылилось в удивительно интересные знания, и прежнее предубеждение Эйлы быстро прошло. Она узнала так много нового; усвоила множество новых идей, училась

по-новому мыслить и рассуждать. Оказалось, что в этом мире существует много поразительных понятий и сущностей, и осознание собственной причастности к этому миру заполнило ту пустоту, которая возникла в душе Эйлы, пока она жила в клане, где для женщин существовали многочисленные табу и ограничения. Только мужчины клана участвовали в священных ритуалах, им были известны некоторые тайны мира духов, им открывались тайны чисел и охотничьего ремесла. Однако мог-уры открывали им далеко не все знания, которые они передавали только своим ученикам. Женщины не допускались на собрания, где обсуждались понятия духов или чисел. Охота также была запретной для женщин, но им разрешали присутствовать на охотничьих собраниях, считая, что они все равно не способны понять, о чем там говорится.

– Я думаю, что нам нужно отложить на время повторение ритуальных песнопений. Настала пора открыть тебе еще одну особую область знания. Символы. Мне кажется, ты сочтешь их очень интересными. Некоторые из них связаны с целительной магией.

– Целительные символы? – переспросила Эйла.

Разумеется, это очень интересно для нее. Продолжая разговор, они вошли в очаг Мамонта.

– Ты надумала все-таки, что сделаешь из этой белой кожи? – поинтересовался Мамут, кладя циновки у небольшого очажка возле своей лежанки. – Или собираешься просто хранить ее, как и красную?

– Я еще не решила, как поступлю с красной, но из белой, наверное, сошью нарядное платье. Пока я учусь шить и вышивать, но у меня плохо выходит. Кожа получилась такой красивой, что я боюсь испортить ее, поэтому мне надо попрактиковаться. Диги учит меня, и Фрали иногда дает советы, когда Фребека нет поблизости.

Расколов несколько костей, Эйла подбросила их в костерок, а Мамут принес к очагу довольно тонкий овальный кусок бивня мамонта, большая и гладкая поверхность которого была слегка изогнута. Чтобы сделать такой ровный овал, его контуры сначала намечались на бивне с помощью каменного долота, а по этой линии вырезали глубокий узкий желобок. Затем сильным и точным ударом эта форма отделялась от бивня. Мамут достал из очага несколько угольков, а Эйла притащила мамонтовый барабан и молоточек из оленьего рога,

предназначавшийся для игры на этом ударном инструменте. Поставив барабан возле циновки, она села рядом с Мамутом.

– Барабан нам пока не нужен, – сказал Мамут, приступая к занятию. – Вначале я хочу показать тебе некоторые символы, которые помогают нам запоминать разные понятия и сущности. Например, мы можем символически изобразить песни, легенды, поговорки; изобразить реки и горы, периоды жизни и имена – то есть все, что нам хотелось бы запомнить. Вот ты, к примеру, научила нас языку знаков и жестов, и я знаю, что ты также заметила определенные жесты, которыми пользуемся мы, хотя у нас их гораздо меньше, чем в клане. Мы машем рукой в знак прощания или можем позвать человека жестом, если хотим, чтобы он подошел к нам, – все это естественно и понятно. Определенные жесты используются и тогда, когда мы описываем что-то, рассказываем истории или когда Служитель Великой Матери проводит священные обряды. Значение этих жестов очень легко понять, они подобны значению жестов клана.

Мамут поднял руку и, обратив ладонь в сторону Эйлы, сделал круговое движение.

– Этот знак заменяет слово «всё», то есть мы показываем, что смысл сказанного относится ко всем людям, предметам или понятиям, – пояснил он и взял остывший уголек. – А сейчас смотри, я изобразю это же движение углем на костяной поверхности, – сказал шаман, рисуя черный круг. – Итак, этот символ означает «всё», и, когда ты увидишь такой знак, даже если его изобразит другой Мамут, ты будешь знать, что он означает «всё».

Старому шаману нравилось учить Эйлу. Она была способной и очень сообразительной, а главное – было очевидно, что эта учеба доставляет ей большое удовольствие. Мамут видел, как она живо реагирует на его объяснения, на лице ее всегда отражались любопытство и заинтересованность или искреннее удивление, когда она вдруг постигала смысл того или другого понятия.

– Мне никогда не приходило в голову, что можно изображать слова! Неужели каждый может узнать смысл этих знаков? – спросила она.

– Некоторые знания считаются священными и передаются только посвященным ученикам очага Мамонта, но основная часть знаний доступна любому человеку, который проявляет интерес к учебе. Чаще

всего случается так, что те, кто проявляет такой интерес, рано или поздно посвящают свою жизнь очагу Мамонта. Священные знания зачастую скрываются за обычными знаками, они открывают второй и даже третий уровень значимости. Большинство людей понимают, что это, – он нарисовал другой черный круг на костяной поверхности, – означает слово «всё», но данный знак имеет и второе значение. Существует много символов, связанных с Великой Матерью, и это один из них. Он означает «Мут, Создательница Всего Живого». Множество других рисунков имеет свое значение, – продолжал он, рисуя зигзагообразную линию. – Вот этот, например, означает «вода».

– Да, такой символ был на карте Талута, когда мы охотились на бизонов, – сказала Эйла. – Я думала, что он обозначает реку.

– Верно, этим знаком можно обозначить и реку. Смысл его может изменяться в зависимости от того, где и в каком сочетании он будет нарисован. Если я, например, нарисую вот такой знак, – сказал он, проводя вторую зигзагообразную линию с несколькими добавочными черточками, – то он будет означать, что эту воду пить нельзя. И точно так же, как круг, этот символ имеет второе значение. Это знак страсти, любви, а иногда и ненависти. Кроме того, он является памяткой для одной нашей поговорки: чем тише река, тем глубже вода.

Эйла сосредоточенно свела брови, стараясь осознать смысл этой поговорки.

– Многие целители пользуются символическими обозначениями, которые помогают им запомнить те или иные понятия, так же как мы – памятками для поговорок, только их поговорки связаны с лекарствами и болезнями и обычно никто, кроме самих целителей, их не понимает, – сказал Мамут. – Мне известна лишь часть таких памяток. На Летнем сходе ты встретишься с другими целителями, и они смогут рассказать тебе гораздо больше.

Глаза Эйлы загорелись интересом. Ей вспомнилась встреча целительниц на Сходбище клана, тогда она многому научилась от них. Они делились друг с другом своими способами лечения и снадобьями и даже научили ее новым ритмам, но важнее всего была сама встреча с другими людьми, с которыми можно было поделиться опытом.

– Мне хочется узнать как можно больше, – сказала Эйла, – ведь я общалась только с целительницами клана.

– Мне кажется, Эйла, что ты сама не осознаешь, сколько знаний в тебе заложено. И большинство наших целителей даже не могут предположить, что ты столь опытная целительница. Некоторым явно придется поучиться у тебя. И я надеюсь, ты понимаешь, что должно пройти какое-то время, прежде чем они полностью признают тебя.

Старик заметил, как омрачилось ее лицо; ему хотелось придумать какой-нибудь хитрый ход, который позволил бы облегчить этот момент. Существовало много причин, из-за которых может осложниться ее встреча с другими мамутой, особенно если учесть, что на Летнем сходе собираются все стоянки. «Однако пока рано об этом думать», – решил он и сменил тему разговора:

– Я хотел задать тебе один вопрос, касающийся целительной магии клана. Ты просто хранишь в памяти все целебные травы или у тебя тоже есть способы, облегчающие запоминание?

– Все хранится в моей памяти, я помню, как выглядят растения, какие у них семена, ростки и плоды; в каких местах они обычно растут и от каких болезней помогают. Помню, как смешивают травы, заготавливают и используют их. И остальные виды лечения я тоже запомнила. Иногда я придумываю какие-то новые средства или способы лечения, но, конечно, все эти нововведения основаны на моих исходных знаниях.

– Значит, ты не пользуешься ни символами, ни памятками?

Задумавшись на мгновение, Эйла вдруг улыбнулась, поднялась с циновки и принесла свою лекарскую сумку. Вытряхнув ее содержимое, она аккуратно разложила перед собой множество разных пакетиков и мешочков, тщательно перевязанных веревочками или шнурками. Затем она выбрала два пакета.

– В этом пакете хранится мята, – сказала она, показывая его Мамуту, – а в этом – плоды шиповника.

– Откуда ты это узнала? Ведь ты же не раскрыла и даже не понюхала их.

– Я знаю, потому что эта веревка сплетена из волокон коры одного кустарника, а на конце ее завязаны два узелка. Завязка на пакете с шиповником сделана из волос лошадиного хвоста, и на ее конце завязан ряд из трех узелков, – пояснила Эйла. – Я могла бы различить их по запаху, конечно, если бы не было завязок, но некоторые сильнодействующие и даже опасные растения очень слабо пахнут, и

иногда их можно даже перепутать с другими, безопасными травами. Надо быть очень осторожным. Поэтому я использую разные веревки и разное количество узелков и делаю отдельные пакеты для опасных растений и растений с разными запахами. Может быть, это тоже памятки?

– Да, умно... очень умно! – сказал Мамут. – Правильно, это и есть памятки. Но тебе нужно было запоминать все эти веревочки и узелки, ведь так? И все-таки это хороший способ, чтобы избежать путаницы.

* * *

Глаза Эйлы были открыты, но она лежала тихо и не двигалась. Вокруг было темно, если не считать тусклого ночного света, идущего от кучки раскаленных углей в очаге. Джондалар только что забрался на лежанку и как можно осторожнее перелез через Эйлу, чтобы лечь на свое место к стене. Как-то раз она подумала, что может спать и у стенки, но решила, что в этом случае Джондалар сможет ложиться и вставать совсем незаметно, а этого ей как раз и не хотелось. Он завернулся в меховое покрывало и лег на бок, повернувшись лицом к стене. Эйла знала, что он не мог заснуть так быстро, хотя он лежал неподвижно, и ей очень хотелось погладить и приласкать его. Однако он столько раз отвергал ее ласки, что Эйла боялась получить очередной отказ. Она чувствовала себя обиженной, когда он говорил, что устал, или притворялся спящим.

Джондалар не спал, дожидаясь, пока уснет она; и наконец ее ровное дыхание подсказало ему, что Эйла заснула. Тогда, осторожно перевернувшись на другой бок, он облокотился и посмотрел на Эйлу долгим тоскующим взглядом. Ее спутанные золотистые волосы разметались по темному меху. Исходившие от нее тепло и приятный женский запах пробудили в нем трепетное желание, ему хотелось обнять и приласкать ее, но он боялся, что она проснется и совсем не обрадуется, что ее разбудили. Джондалару казалось, что она неприязненно относится к нему с тех пор, как он обидел ее своей возмущенной и гневной реакцией на ту единственную ночь, которую Эйла провела с Ранеком. В последнее время каждый раз, когда они случайно касались друг друга, она вздрагивала и отступала. Джондалар

уже подумывал, не перебраться ли ему на другую лежанку или даже в другой очаг. С одной стороны, он испытывал мучение, засыпая рядом с ней, но понимал, что еще мучительнее будет спать вдали от нее.

Легкая прядь волос, упавшая на лицо Эйлы, приподнималась от его дыхания. Джондалар протянул руку и легким движением убрал эту прядку в сторону, а затем тихонько лег на спину и позволил себе расслабиться. Он закрыл глаза и вскоре уснул под звуки ее размеренного дыхания.

* * *

Эйла проснулась с ощущением того, что кто-то смотрит на нее. Костер в очаге уже вновь горел ярким пламенем, и дневной свет прорывался сквозь приоткрытое дымовое отверстие. Повернув голову, она увидела черные горящие глаза Ранека, который наблюдал за ней из очага Лисицы. Лицо его озарилось широкой радостной улыбкой, когда Эйла сонно улыбнулась ему. Она была уверена, что место рядом с ней уже опустело, но решила все же убедиться в этом и похлопала рукой по складкам меховой шкуры. Затем, откинув свое покрывало, она начала одеваться. Она знала, что, только когда она выйдет к очагу, Ранек зайдет поздороваться с ней.

Поначалу Эйла смущалась, постоянно чувствуя на себе его взгляд. В известном смысле это ей даже льстило, и, кроме того, она знала, что такое внимание порождено отнюдь не злобными чувствами. Однако, по обычаям клана, где люди жили в одной пещере и семейные очаги разграничивались лишь низкими каменными перегородками, считалось крайне неприличным подсматривать за своими соседями. В земляном жилище мамутой, как и в пещере клана, уединение было чисто условным, но такое навязчивое внимание Ранека являлось посягательством на ее личную жизнь и усиливало внутреннее напряжение, которое и без того постоянно ощущала Эйла. Кто-то из обитателей стоянки практически всегда находился рядом с ней. В общем-то, ситуация в пещере клана была примерно такой же, но на Львиную стоянку она попала недавно, и обычаи этих людей отличались от тех, к которым она привыкла с детства. Различия были в основном незначительными, но в замкнутом мире земляного дома их значение

возрастало, или Эйла просто острее осознавала их. Порой ей хотелось уйти, чтобы никого не видеть. Три года она в одиночестве прожила в своей пещере и не могла даже представить себе, что настанет время, когда она будет мечтать остаться одна. Но сейчас время от времени она тосковала по той свободной и уединенной жизни.

Быстро закончив обычный утренний туалет, Эйла слегка подкрепилась остатками вечерней трапезы. Открытые дымоходы, как правило, свидетельствовали о хорошей погоде, и поэтому Эйла решила пойти прогуляться вместе с лошадьми. Подняв край занавеса, она вышла в пристройку и нерешительно остановилась, увидев, что Джондалар и Дануг о чем-то беседуют возле лошадей.

Зимой лошади редко гуляли, но уход за ними даже в помещении очага Лошадей давал Эйле возможность отдохнуть от людей и остаться наедине со своими мыслями. Однако Джондалар, похоже, также полюбил проводить с ними время. Раньше Эйла всегда присоединялась к нему, если случайно замечала, что он занимается с Удальцом, но теперь предпочитала уйти, поскольку с недавних пор Джондалар, заметив ее приближение, удалялся сам, говоря, что не хочет мешать ее общению с лошадьми. Эйла радовалась, что он уделяет внимание животным, которые в определенном смысле являлись связующим звеном между ними, и, кроме того, так как они оба ухаживали за лошадьми, им поневоле приходилось общаться на эту тему, хотя и немного. В последнее время Джондалар почему-то очень часто выходил в пристройку, и Эйла подумала, что, возможно, он гораздо больше, чем она, нуждается сейчас в таком уединенном общении с животными.

Медленно проходя по очагу Лошадей, Эйла надеялась, что присутствие Дануга не позволит Джондалару сбежать слишком быстро. Когда она приблизилась к ним, Джондалар уже готов был ретироваться, но она мгновенно придумала вопрос, чтобы его задержать.

– Джондалар, ты еще не думал пока, как будешь обучать Удальца? – спросила Эйла, приветливо улыбнувшись Данугу.

– А чему я могу научить его? – спросил Джондалар, немного смущенный ее вопросом.

– Ну, ты же хочешь ездить на нем, поэтому он должен слушать твои команды.

Конечно, он думал об этом. В сущности, он только что говорил об этом Данугу, стараясь придать своим словам небрежный оттенок. Ему

не хотелось показывать, как велико его желание покататься на этом жеребце. Иногда ему казалось, что он больше не вынесет очевидной симпатии Эйлы к Ранеку, в подобные минуты отчаяния он воображал, что гнедой жеребец резвым галопом несет его по степи, воображал, что он счастлив и свободен как ветер. Однако его уверенность в том, что это вообще когда-нибудь может случиться, изрядно поубавилась. Может быть, теперь Эйла захочет, чтобы на Удальце ездил Ранек?

– Да, я думал об этом, но не знал, могу ли... не знал, как взяться за это дело, – сказал Джондалар.

– По-моему, тебе надо начать с легких грузов. Помнишь, как мы в долине приучали Удальца к вьючным корзинам? Надо дать ему возможность привыкнуть к тому, что на его спину что-то давит. Пусть он немного повозит тючок с вещами. А вот как научить его понимать, в каком направлении ты хочешь ехать, я сама пока толком не знаю. Он привык следовать за тобой на поводке, но за кем же он будет следовать, если ты будешь сидеть на его спине? – тараторила Эйла, мгновенно выдвигая множество предложений и стараясь вовлечь в разговор Джондалара.

Дануг взволнованно поглядывал то на нее, то на Джондалара, мечтая помочь им наладить отношения, он надеялся подыскать какие-то важные или умные слова, благодаря которым сразу исчезнет их взаимная отчужденность и вся стоянка вздохнет свободно.

Когда Эйла умолкла, возникла неловкая пауза, и Дануг решил, что настал его черед.

– Может быть, надо как-то иначе привязать повод, и тогда Джондалар сможет держать его в руках, сидя на спине Удальца, – предложил юноша.

И вдруг, словно искра, выбитая кремнем из огненного камня, перед мысленным взором Джондалара мгновенно возникла четкая картина описанной Данугом ситуации. Он мгновенно забыл о том, что при первой же возможности собирался улизнуть, сославшись на неотложные дела. Прикрыв глаза и сосредоточенно нахмурив брови, Джондалар погрузился в размышления.

– А ты знаешь, Дануг, твое предложение может оказаться очень ценным! – воскликнул он. Увлеченный одной идеей, которая, возможно, разрешит эту тревожившую его проблему, он забыл на время о неопределенности своего будущего. – Может быть, я смогу закрепить

ремень так, чтобы его конец был на спине. Видимо, понадобится крепкая веревка... или узкий кожаный ремень. А может быть, даже пара ремней.

– У меня есть несколько узких ремней, – сказала Эйла, заметив, что он стал менее напряженным. Она обрадовалась, что его по-прежнему интересует обучение молодого жеребца, и, кроме того, ей было интересно, что он придумал. – Сейчас я схожу за ними.

Джондалар проследовал за ней через внутренний сводчатый проход в очаг Мамонта, однако, оказавшись в помещении, сразу остановился, и она одна прошла к скамье с их вещами. Ранек, разговаривавший с Диги и Трони, повернулся и послал Эйле самоуверенную улыбочку, сверкнув своими белыми зубами. Почувствовав очередной укол ревности, Джондалар закрыл глаза и скрипнул зубами. Он уже собрался уйти в очаг Лошадей, когда Эйла вернулась и вручила ему моток гибких кожаных ремней.

– Они очень крепкие, – сказала Эйла, – я сделала их прошлой зимой. – Она взглянула в синие глаза, исполненные боли, смущения и неопределенной тоски, терзавшей его душу. – Незадолго до того, как ты появился в моей пещере, Джондалар. До того, как дух Великого Пещерного Льва избрал тебя и устроил нашу встречу.

Он взял моток и поспешно вышел, чувствуя, что не в состоянии больше находиться в этом помещении. Джондалар всегда торопился покинуть очаг Мамонта, если в него заходил темнокожий резчик. Последнее время Эйла и Ранек довольно часто бывали здесь вместе, и, чтобы не видеть этого, Джондалар предпочитал удаляться. Он издали поглядывал на компанию молодых людей, которые собирались в просторном помещении ритуального очага, чтобы поработать, делаясь своими мыслями и мастерством. Иногда он слышал, как они играют на барабанах и поют, слышал, как они шутят и смеются, и вздрагивал каждый раз, различив веселый смех Эйлы, вторивший смеху Ранека.

Положив моток на землю возле молодого жеребца, Джондалар снял свою парку с крючка и направился к выходу, по пути уныло улыбнувшись Данугу. Надев парку через голову, он туго затянул под подбородком завязки капюшона, надел варежки, свисавшие из рукавов, и начал подниматься по тропе, ведущей в открытую степь.

Сильный ветер, гнавший по небу бесконечную череду серых облаков, был обычным для этого холодного сезона; солнечные лучи,

временами прорывавшиеся сквозь эти высокие разорванные облака, лишь слегка согревали воздух; погода по-прежнему стояла еще очень морозная и суровая, а снежный покров был довольно скудным. От сухого и трескучего морозного воздуха перехватывало дыхание, и с каждым выдохом Джондалар выпускал из себя легкое облачко пара. Прогулка явно будет недолгой, но мороз подействовал на него успокаивающе, заставив выкинуть из головы все тревожные мысли и выдвинув на первый план задачу выживания. Джондалар не мог понять, почему он так болезненно реагирует на Ранека. Отчасти, несомненно, причиной тому был страх потерять Эйлу, а отчасти потому, что он нередко мысленно представлял себе эту смеющуюся парочку. Однако, помимо этого, он чувствовал себя виноватым; Джондалар корил себя за собственные колебания, не позволявшие ему полностью и безоговорочно признать Эйлу, забыв о ее необычном прошлом. Он даже подумывал иногда, что не заслуживает ее любви и она будет права, если отдаст предпочтение Ранеку. Однако теперь одно по крайней мере стало ясно: Эйла хотела, чтобы именно он, а не Ранек научился ездить на Удальце.

Проводив взглядом Джондалара, поднимавшегося по склону холма, Дануг опустил края тяжелого мехового занавеса и медленно побрел обратно к очагу Мамонта. Удалец приветливо заржал, повернув голову, и Дануг с ласковой улыбкой посмотрел на подросшего жеребенка. Почти все обитатели стоянки уже успели полюбить этих животных и, поглаживая их блестящую шерсть, с удовольствием разговаривали с ними, хотя, конечно, не так свободно и раскованно, как Эйла. Всем уже казалось совершенно естественным, что в пристройке их земляного дома живет пара лошадей. Дануг подумал о том, с какой легкостью он забыл о благоговейном страхе и изумлении, которые охватили его, когда он впервые увидел Уинни и Удальца. Юноша прошел через внутренний сводчатый проход в очаг Мамонта и увидел Эйлу, стоящую возле своей лежанки.

– Джондалар ушел в степь, – сказал он Эйле. – В такой холод и ветер опасно выходить из дома в одиночку. Погода сейчас, конечно, не подарок, но бывает и хуже.

– Ты хочешь сказать, Дануг, что с Джондаларом все будет в порядке? – улыбнувшись, уточнила Эйла.

Юноша вдруг понял, что сморозил явную глупость. Разумеется, с Джондаларом все будет в порядке. Такой опытный путешественник вполне мог позаботиться о собственной безопасности.

– Спасибо за твое участие и за желание помочь, – сказала она, касаясь руки юноши.

Ее пальцы были холодными, но прикосновение мягким и сердечным; общаясь с Эйлой, Дануг всегда испытывал особое волнение и трепет, но сейчас в глубине его сознания зародилась мысль, что это не простой знак внимания, она предлагала ему нечто большее – свою дружбу.

– Да не за что, – сказал он и добавил: – Пожалуй, я тоже пойду прогуляюсь да проверю свои силки.

* * *

– Смотри внимательно, Эйла, я еще раз покажу, как это делается, – сказала Диги.

Она быстро проделала аккуратную дырочку на краю кожаного материала с помощью маленькой острой кости – эта твердая ножная косточка северной лисицы имела естественную заостренную форму, поэтому, чтобы получить хорошее шило, ее оставалось лишь слегка заточить песчаником. Затем Диги приложила к этому отверстию тонкую жильную нить и протолкнула ее в дырочку острием этого швейного шильца. Кончик нити показался с другой стороны кожи, и молодая женщина ловко схватила его пальцами и вытянула небольшой отрезок нити. На другом куске кожи, который она собиралась пришить к первому, она также проделала отверстие и протащила сквозь него нить.

Эйла взяла обратно свои пробные швейные образцы. Используя квадратик толстой мамонтовой кожи в качестве наперстка, она надавила острым костяным шилом на кожу и проделала маленькую сквозную дырочку. Затем, приложив сверху нить, она попыталась протолкнуть ее в отверстие, но у нее опять ничего не получилось, и Эйла огорченно подумала, что ей никогда не овладеть этой операцией.

– Ох, Диги, мне кажется, я никогда не сделаю этого! – жалобно сказала она.

– Не расстраивайся, Эйла, тебе просто нужно немного попрактиковаться. Ты ведь еще только начинаешь учиться шить, а я занимаюсь этим с самого детства. Конечно, у меня огромный опыт, но у тебя тоже все получится, надо только набраться терпения. В сущности, ты уже отлично справилась с этой операцией, когда шила повседневную одежду, только там ты делала маленькие разрезы кремневым острием и проталкивала через них узкие кожаные веревки.

– Но ведь эти отверстия совсем крошечные и нить такая тонкая... Мои пальцы, видно, не приспособлены для такой изящной работы! Даже не представляю, как Трони умудряется нашивать украшения из бусинок и перьев, – сказала Эйла, поглядывая на Фрали, которая шлифовала удлиненную цилиндрическую бусину из бивня мамонта в неглубоком желобке, проделанном в плитке песчаника. – Я надеялась, что она научит меня украшать одежду, после того как я освою шитье, но теперь я вообще не уверена, смогу ли осуществить эту затею.

– Сможешь, сможешь, Эйла. Мне кажется, ты сможешь освоить все, что угодно. Было бы желание, – сказала Трони.

– Кроме пения! – с улыбкой заметила Диги.

Вес рассмеялись, включая и Эйлу. Хотя тембр ее низкого выразительного голоса был довольно приятным, но певческий талант явно не относился к числу ее дарований. Ей удавалось воспроизвести незамысловатую мелодию ритуальной песни, и музыкальный слух у нее определенно был, поскольку она чувствовала, когда начинала фальшивить, и могла правильно насвистеть мелодию. Однако голос не слушался ее, когда она хотела пропеть более сложную музыкальную фразу. Виртуозное исполнение самых замысловатых мелодий, которые с легкостью пел Уимез, вызывало ее искреннее изумление. Она могла бы слушать его целый день, если бы он согласился петь так долго. У Фрали тоже был прекрасный высокий и чистый голос, который Эйла слушала с большим удовольствием. В общем-то, почти все члены Львиной стоянки хорошо пели, но только не Эйла.

Шуточки, отпускаявшиеся по поводу ее пения и голоса, включали и замечания, связанные с ее странным акцентом, хотя скорее это была просто необычная манера произношения звуков, чем акцент. Эйла посмеивалась над собой так же весело, как остальные. Она не умела петь и прекрасно осознавала это. Однако, подшучивая над ее голосом, многие нахваливали ее способности к языкам. Мамутой искренне

удивлялись тому, как быстро она запомнила их язык, по достоинству оценивали ее беглую и почти правильную речь, и Эйла чувствовала, что если бы они не считали ее своей, то не стали бы подшучивать над ее певческими способностями.

Практически у каждого обитателя Львиной стоянки имелись специфические особенности или черты, которые были излюбленным предметом для шуток, – к примеру, гигантские размеры Талута, цвет кожи Ранека и недюжинная сила Тули. И обижался на шутки, пожалуй, один только Фребек, поэтому над ним посмеивались за его спиной на языке знаков. Мамутой, сами того не сознавая, довольно быстро освоили эту своеобразную версию языка клана, и в результате не только Эйла заслужила искреннее признание окружающих, но и Ридаг. Теперь и он мог участвовать в общем веселье, и над ним тоже подшучивали.

Эйла взглянула на мальчика. Сидя на циновке, он держал на коленях Хартала, развлекая его незатейливой погремушкой, набранной из оленьих позвончиков, чтобы шустрый малыш не ползал за матерью и не разбрасывал бусины, которые она помогала делать Фрали. Ридаг умел заниматься с малышами. Он был очень терпеливым и мог без усталости придумывать для них новые игры.

Ридаг улыбнулся и просигналил Эйле на языке знаков:

– Не только ты не умеешь петь, Эйла.

Она понимающе улыбнулась ему в ответ. «И правда, – подумала она, – не только я не умею петь. Ридаг тоже не умеет. И кроме того, он не может разговаривать или бегать, играя в обычные детские игры. Не может жить полной жизнью». В данном случае ее целительная магия была бессильна, она даже не знала, как долго он сможет прожить. Стараясь окружить его вниманием и заботой, она просто надеялась на лучшее и радовалась каждому новому дню его жизни.

– Хартал тоже не может петь! – добавил Ридаг и рассмеялся своим странным смехом.

Эйла усмехнулась и одобрительно покачала головой, радуясь остроумию мальчика. Казалось, он отчасти прочел ее мысли и решил свести все к веселой шутке. Неззи стояла возле очага, следя за этим молчаливым диалогом. «Хотя ты и не поешь, Ридаг, – мысленно сказала она, – но теперь ты можешь разговаривать». Через отверстия в позвонках Ридаг протернул узкую кожаную веревку и теперь гремел этой странной погремушкой вместе с малышом. Прежде никто не

доверил бы Ридагу нянчиться с ребенком даже под присмотром матери, но теперь благодаря знаковому языку все оценили его ум и сообразительность, и Ридаг самостоятельно играл с Харталом, чтобы его мать, Трони, могла поработать. С приходом Эйлы в жизни Ридага произошли значительные перемены. Этой зимой уже никто не задавался вопросом, принадлежит ли он к разумному человеческому роду, разве только Фребек еще немного сомневался, да и то скорее из упрямства.

Эйла продолжала бороться с непослушной жильной нитью и шильцем. Ей никак не удавалось просунуть конец этой нити в дырочку, чтобы вытянуть его с другой стороны. Она делала все точно так же, как ей показывала Диги, но сноровка той была результатом многолетнего опыта, а Эйла впервые пробовала освоить этот способ шитья. Измученная непосильной задачей, Эйла начала смотреть, как женщины делают бусы.

Точным ударом по мамонтовому бивню, нанесенным под определенным углом, отбивалась довольно узкая, слегка изогнутая секция. Затем гравировальным резцом на поверхности этой костяной полосы намечались разделительные линии, которые постепенно углублялись посредством многократного повторения данной операции, затем эта длинная полоса раскалывалась на такие же длинные, почти прямые узкие куски, толщина которых была сходна с шириной. Скребок и ножами с них снимали тонкие завивающиеся стружки, придавая грубую цилиндрическую форму, а затем обрабатывали эти цилиндрики на плитке песчаника, время от времени смачивая его водой для улучшения шлифовальных свойств. Острые кремневые пластины с зубчатым, как у пилы, краем и длинной рукояткой использовались для распиливания этих костяных цилиндриков на маленькие бочоночки и диски, края которых потом также отшлифовывались.

На заключительном этапе в центре бусины проделывали отверстие, чтобы ее можно было нанизать на кожаный шнурок и прикрепить к одежде в качестве украшения. Для этой операции использовались специальные орудия, которые могли изготовить только искусные мастера. Узкой кремневой пластине придавалась форма остренькой провертки, после чего ее притупленный конец вставлялся в совершенно гладкий и прямой стержень. Острие этого ручного сверла помещалось в центр маленькой бусины, а затем, как при добывании огня, рукоятку

сверла вращали в разные стороны, зажав между ладонями и слегка надавливая на поверхность бусины, пока не получали сквозное отверстие.

Трони быстро вращала этот стержень между ладонями, полностью сосредоточившись на этой трудоемкой операции. Рассеянно наблюдая за ней, Эйла вдруг подумала, что мамутой часто делают, казалось бы, совершенно бесполезную работу. Изготовление бус не являлось жизненно необходимым делом, как, например, заготовка и приготовление пищи, а нашитые на одежду бусины не делали ее более удобной и теплой. Однако молодая женщина уже начала понимать, почему эти бусы считаются такими ценными. Если бы у обитателей Львиной стоянки не было такого теплого и уютного жилища и достаточного запаса продуктов, то зимой они не могли бы тратить столько времени на изготовление подобных безделушек. Только хорошо организованная группа людей, объединив свои усилия, способна сделать все необходимые заготовки, чтобы в долгий зимний сезон посвятить свой досуг изготовлению бус. Поэтому изобилие костяных украшений показывало, каким желанным местом для жизни является Львиная стоянка. Чем больше костяных украшений носили мамутой, тем более уважаемой и престижной считалась их стоянка.

Эйла взяла в руки костяное шильце и проколола очередную дырочку в своем учебном образце, стараясь сделать ее чуть больше, чем предыдущую; затем с помощью того же шила она попыталась просунуть конец нити в это отверстие. На сей раз ей удалось сделать это довольно быстро, однако она видела, что ее стежки выглядят далеко не так аккуратно, как у Диги. Расстроенная этой неудачей, она вновь рассеянно подняла глаза и увидела, как Ридаг опять нанизывает на веревку рассыпавшиеся позвонки, в центре которых имелось естественное отверстие, через которое когда-то проходил спинной мозг. Мальчик взял очередной позвонок и просунул в отверстие жесткий конец кожаной веревки.

Тяжело вздохнув, Эйла принялась за работу. «Не так уж трудно протолкнуть это шильце в отверстие, – размышляла она, подергав конец острия, показавшийся с другой стороны кожаного образца. – Вот если бы удалось привязать к другому концу нитку, то было бы гораздо легче...»

Она критически оглядела узкое костяное шильце. Затем опять взглянула на Ридага, который уже связал вместе концы веревки и развлекал погремушкой Хартала. Эйла задумчиво посмотрела на Трони, вертевшую ручное сверло между ладонями, потом перевела взгляд на Фрали, шлифовавшую очередную заготовку цилиндрической формы на плитке песчаника. Закрыв глаза, она сосредоточенно начала вспоминать, как прошлым летом, когда они жили в ее долине, Джондалар делал костяное острие...

Наконец Эйла вновь посмотрела на свое шильце.

– Диги! – воскликнула она.

– Что случилось? – вздрогнув, спросила молодая женщина.

– Мне кажется, я придумала, как можно делать это.

– Что ты имеешь в виду?

– Как легче продернуть нитку... Почему бы не сделать маленькое отверстие в тупом конце заостренной узкой косточки и не продеть в него нить? Ведь тогда ее гораздо легче будет протащить в дырочку, сделанную в коже. Ты заметила, как Ридаг нанизывал на веревку позвонки? Точно так же и мы, сшивая кожу, сможем протаскивать нитку во все отверстия. По-моему, неплохая идея... Как тебе кажется? – спросила Эйла.

Диги прищурила глаза, затем взяла у Эйлы шильце и оценивающе посмотрела на него:

– Но это должно быть очень маленькое отверстие.

– Отверстия, которые просверливает в бусах Трони, достаточно маленькие. Разве оно должно быть еще меньше?

– Это костяное шильце сделано из очень твердой кости. В нем будет трудно просверлить дырку, и, кроме того, я не вижу, в каком месте ее можно было бы сделать.

– А почему бы нам не сделать шильце из бивня или другой кости? Я помню, как Джондалар изготавливал очень узкие острия из костей и шлифовал их так же, как Фрали, с помощью песчаника. Разве мы не сможем сделать какое-нибудь узкое острие, а потом просверлить дырку в тупом конце? – напряженным от волнения голосом спросила Эйла.

Диги вновь погрузилась в размышления:

– Мы можем попросить Уимеза или Джондалара сделать очень тоненькую провертку, но... Да, пожалуй, можно попробовать. Мне кажется, Эйла, это отличная идея!

Почти все обитатели стоянки собрались в очаге Мамонта. Они лениво переговаривались, разделившись на компании по три-четыре человека, но лица их были напряжены, а в глазах затаилось ожидание. По земляному дому быстро распространилась весть о том, что Эйла собирается испытывать новое приспособление для протягивания нити. В его изготовлении приняли участие несколько человек, но поскольку идея родилась у Эйлы, то ей и предстояло опробовать его. Уимез вместе с Джондаларом долго мудрили, придумывая, как сделать такое сверлышко для просверливания крошечного отверстия. Ранек выбрал подходящий кусок бивня и, используя свои специальные орудия, вырезал несколько узких и длинных цилиндров. Эйла заострила и отшлифовала их, а сами отверстия доверили сверлить Трони.

Эйла ощущала общую атмосферу взволнованного ожидания. Когда она наконец достала жильную нить и кожаные образцы, люди подтянулись к ней, всем своим видом показывая, что они совершенно случайно зашли навестить ее. Твердое высушенное оленье сухожилие – примерно в палец толщиной – имело коричневый цвет старой кожи и по виду напоминало деревянную палку. Под ударами камня сухожилие распадалось на длинные пряди светлых коллагеновых волокон, которые затем легко разделялись на нити любой толщины, их выбор зависел от будущего применения. Сознательно усиливая остроту момента, Эйла медленно и старательно ощупывала прядь волокон и наконец отделила от нее тонкую нить. Послунив кончик, она слегка заострила его, покрутив между пальцами, и взяла в другую руку новый костяной проталкиватель, напоминавший по форме укороченную иглу дикобраза. Направив заостренную нить в маленькое отверстие, она облегченно вздохнула, обнаружив, что кончик легко пролез в него, и вытянула нить. Затем она подняла костяной проталкиватель, чтобы уравнять свисавшие концы нити.

В кожаных образцах, над которыми мучилась Эйла, уже было сделано много дырочек. Но на сей раз она вставила в дырку свой проталкиватель и улыбнулась, увидев, как легко он прошел сквозь кожу, протянув за собой нить. Показав окружающим результат своих действий, Эйла услышала одобрительные и удивленные возгласы. Продолжая демонстрацию, она взяла второй образец, чтобы сшить его с

первым, и повторила предыдущую операцию, хотя в данном случае ей пришлось воспользоваться кусочком мамонтовой кожи в качестве наперстка, поскольку второй материал был более грубым и толстым. Соединив оба кожаных куска вместе, Эйла сделала пару стежков и показала всем результат своего опыта.

– Отлично получается! – победоносно улыбаясь, сказала Эйла.

Она отдала образец и иголку Диги, которая выполнила еще несколько стежков.

– Да, просто потрясающе! Смотри, мама. Ты можешь сама попробовать, – сказала Диги, передавая Тули иглу и кожу.

Тули тоже сделала несколько стежков и, одобритительно кивнув, передала материал Неззи для проверки нового приспособления; затем настала очередь Трони, а она протянула образец Ранеку, который попытался просунуть иглу сразу через оба куска кожи, но обнаружил, что при данной толщине это довольно трудно.

– По-моему, если ты сделаешь тонкое кремневое шильце, – заметил он, передавая образец Уимезу, – то можно будет заранее наделать отверстий в толстой коже, и тогда иглу будет легче протаскивать. Как ты думаешь?

Уимез опробовал приспособление и согласно кивнул:

– Да, пожалуй. Но эта костяная игла – остроумное изобретение.

Все члены Львиной стоянки испытали новое приспособление и согласились с мнением Уимеза. Процесс шитья шел гораздо быстрее, поскольку теперь нитка легко проходила в отверстие и ее не надо было каждый раз проталкивать с помощью шила.

Восхищенно покачав головой, Талут пристально разглядывал изящную костяную иглу, лежавшую на его широкой ладони. Длинное тонкое острие чуть утолщалось к тому концу, на котором была просверлена маленькая дырочка. Вождь мгновенно понял, как велика ценность этого изобретения, удивившись при этом, почему никто из них раньше не додумался сделать такое орудие. Достаточно было одного взгляда на эту костяную иглу, чтобы понять, как проста исходная идея. И однако, это несложное приспособление значительно облегчало и ускоряло процесс шитья.

Глава 22

Четыре пары копыт в унисон стучали по каменистому грунту. Эйла низко пригнулась к холке своей кобылицы, поеживаясь от порывов бьющего в лицо холодного ветра. Скакала она легко; ее бедра и колени тонко чувствовали каждое движение мощных, напряженных мускулов мчавшейся галопом кобылы. Она заметила, что копыта второй лошади стучат не так, как несколькими минутами раньше, и поглядела на Удальца. Он вырвался было вперед, но теперь, судя по всему, подустал и начал отставать. Она пустила Уинни шагом, и молодой жеребчик тоже пошел потише. Лошади тяжело ступали, повесив головы; они тонули в облаках пара, вырывавшегося из их ноздрей. Устали, бедняги. Но славная была скачка!

Распрямив спину, легко покачиваясь в такт движению лошади, Эйла повернула назад к реке. Она ехала не торопясь, радуясь возможности наконец-то побыть наедине с собой. Было холодно, но красиво: ослепительные солнечные лучи казались еще ярче от искрящегося льда и нанесенного во время недавней метели снега.

Едва выйдя утром из земляного жилища, Эйла решила взять коней и отправиться на долгую прогулку. Сам воздух звал ее. Казалось, он стал легче, словно исчезло давившее весь мир тяжкое бремя. Она подумала, что мороз, должно быть, ослабел, хотя на вид ничего не изменилось. Лед не таял, ветер все так же носил легкие снежные хлопья.

Она улыбнулась, глядя, как гарцует жеребенок, гордо изогнув шею и подняв хвост. Она все еще думала об Удальце как о младенце, чьи роды она принимала, – а он давно уже не младенец. Еще не вошел в полный рост, а уже крупнее своей матери. И он – настоящий Удалец. Ему нравился бег, и бегал он быстро; а все же он не походил в этом на Уинни. В скачках на короткие расстояния Удалец был, без сомнения, сильнее, вначале он легко обгонял свою мать. Но Уинни была повыносливее. Она могла скакать во весь опор дольше, и, если путь был дальний, она всегда одерживала верх над Удальцом.

Эйла спешила, но помешкала, прежде чем отдернуть полог и войти. Она часто пользовалась уходом за лошадьми как предлогом, чтобы хоть ненадолго выйти из своего жилища, и этим утром

почувствовала некоторое облегчение: погода позволяла погулять подольше. Конечно, она была донельзя рада, что опять обрела свой народ, что люди приняли ее к себе, что она живет общей со всеми жизнью. И все же иногда ей нужно было остаться одной. Особенно в те часы, когда ее одолевали сомнения и нерешительность.

Фрали проводила большую часть времени у очага Мамонта с молодежью, ко все большей досаде Фребека. Эйле приходилось слышать споры у очага Журавля – скорее даже не споры, а разглагольствования и жалобы Фребека в отсутствие Фрали. Она знала: ему не нравится, что Фрали слишком близко сошлась с ней... Беременной женщине подобает оставаться в стороне от дел и споров, избегать тревог. Все это тревожило Эйлу, особенно с тех пор, как Фрали призналась ей, что у нее были кровотечения. Она пыталась убедить свою подругу, что та может потерять ребенка, если не будет отдыхать как должно, обещала ей кое-какие снадобья, но теперь, под неодобрительными взорами Фребека, влиять на Фрали куда труднее.

А еще все больше беспокойства доставляли ей Джондалар и Ранек. Несколько дней назад Мамут пригласил Джондалара для разговора о новом оружии, придуманном им, но шаман весь день был занят, и только вечером, когда молодежь собралась у очага Мамонта, он нашел время обсудить новую затею. Хотя они скромно сидели в сторонке, смех и обычные шуточки молодых соплеменников доносились и до них.

Ранек был внимательнее, чем когда бы то ни было; в последнее время он, вроде бы шутя и поддразнивая, вновь стал заманивать ее к себе в постель. Ей непросто было отказать ему наотрез: слишком глубоко в ней укоренилось повиновение мужчине. Она улыбалась его шуткам – она все лучше понимала юмор, улавливала даже серьезную мысль, которая временами за ними таилась, – но изобретательно уклонялась от его недвусмысленных приглашений; и это вызывало всеобщий хохот насчет Ранека. Сам он смеялся вместе со всеми, радуясь ее уму и ловкости, и его милое, необременительное дружелюбие привлекало ее. С ним было легко.

Мамут, заметив, что Джондалар улыбается, одобрительно кивнул. Мастер по обработке кремня обычно избегал шумных сборищ молодежи, только дружелюбно смотрел на них издалека, и смех, скорее, возбуждал его ревность. Он не знал, что зачастую молодые люди

смеялись над тем, как Эйла отшивает Ранека; но Мамуту-то это было известно.

На следующий день Джондалар улыбнулся ей – впервые за долгое время, подумала Эйла, почувствовав, как у нее сбилось дыхание, как заколотилось сердце. Несколько следующих дней он приходил к очагу пораньше, не всегда дожидаясь, пока она уснет. Хотя она не желала вновь дать при нем волю чувствам, а он, кажется, не решался сам подойти к ней, у нее зародилась надежда, что он справится с тем, что так его беспокоило. Она надеялась – и сама боялась своей надежды.

Эйла глубоко вздохнула, потом приподняла тяжелый полог и пропустила в пристройку лошадей. Отряхнув парку и повесив ее на колышек, она вошла внутрь жилища. На сей раз очаг Мамонта был почти пуст. Здесь был только Джондалар; он о чем-то говорил с Мамутом. Встреча с ним была для нее радостью – но и неожиданностью, и тут она поняла, как мало они виделись в последнее время. Она улыбнулась и поспешила к ним, но увидела кислую гримасу Джондалара – и уголки ее рта смущенно опустились. Он, похоже, не слишком рад был видеть ее.

– Ты целое утро болталась где-то! – вырвалось у него. – Разве ты не знаешь, как опасно уходить из лагеря одной? Ты всех заставила тревожиться. Еще немного – и кому-то пришлось бы идти искать тебя.

Он не сказал, что именно его напугало ее отсутствие и что именно он отправился бы на поиски.

Эйла даже отпрянула от его напора.

– Я была не одна. Со мной были Уинни и Удалец. Я дала им немного размяться. Им это нужно.

– Хорошо. Но ты не должна уходить так надолго в такой холод. Опасно разгуливать одной.

Он говорил уже не так уверенно, поглядывая на Мамута, ища у него поддержки.

– Говорю же, я была не одна. Со мной были Уинни и Удалец. И сегодня неплохая погода, солнечно и не так уж холодно. – Она была смущена и раздосадована его гневом; до нее не доходило, что за этим таится страх за нее – страх почти невыносимый. – Мне уже приходилось оставаться одной зимой, Джондалар. Как ты думаешь, кто был рядом со мной, когда я жила в той долине?

«Она права, – подумал он. – Она умеет о себе позаботиться. Не мне учить ее, куда и когда ходить. Мамут-то не особо и беспокоился, когда спросил, куда ушла Эйла, а ведь она дочь его очага. Надо побольше оглядываться на старого шамана», – решил Джондалар, чувствуя себя в дураках, словно он устроил сцену из-за сущего пустяка.

– Ну... ладно... пойду проведу лошадей... – пробормотал он и, повернувшись, направился в пристройку.

Эйла удивленно посмотрела ему вслед: неужто он думает, что она не позаботилась о лошадях сама. Она чувствовала себя смущенной и расстроенной. Его вовсе невозможно понять!

Мамут в упор поглядел на нее. Ее боль и подавленность бросались в глаза. Почему это людям так трудно разобраться в собственных делах? Ему хотелось бы поговорить с ними откровенно и заставить их наконец увидеть то, что очевидно было каждому со стороны, но он раздумал. Он уже и так сделал все, что мог. Он чувствовал любое подспудное душевное движение у зеландонии и сейчас понимал, что дело обстоит не так просто, как кажется. Пусть уж разбираются сами! Всё поймут на опыте и примут решение... Но надо как-нибудь вызвать Эйлу на разговор или, по крайней мере, помочь ей сделать выбор, разобраться в своих желаниях и возможностях.

– Так говоришь, сегодня не так уж и холодно, Эйла? – спросил Мамут.

Она была так погружена в свои мысли, что не сразу расслышала его вопрос.

– Что? О... да. Думаю, да. Не то чтобы потеплело, но холод не так чувствуется.

– Я все думал: когда же Она переломит хребет зиме? – ответил Мамут. – Я чувствовал, что уже скоро.

– Переломит хребет? Не понимаю.

– Сейчас объясню, Эйла. Садись. Я расскажу тебе историю о Великой Милостивой Земной Матери, которая создала все живое, – сказал старик, улыбаясь.

Эйла села рядом с ним на подстилку у огня.

– В тяжелой борьбе Великая Мать исторгла жизненную силу из Хаоса, который есть холодная и недвижная пустота, подобная смерти. И из силы этой Она сотворила жизнь и тепло. Но Ей приходится вечно бороться за жизнь, которую Она создала. Когда приходят холода, мы

знаем: началась битва между Великой Матерью Земли, которая желает возрождения жизни, и холодной смертью, которую несет Хаос. Но прежде всего Она должна позаботиться о своих детях.

История согрела сердце Эйлы, и лицо ее осветила улыбка.

– И как же Она заботится о своих детях?

– Некоторых Она укладывает спать, других одевает теплым мехом, чтобы им легче было переносить холода, третьим помогает находить пищу и одежду. А когда становится все холоднее и кажется, что смерть одержала победу, Великая Мать отступает все дальше и дальше. И в самые холодные дни, когда она увязает в битве жизни и смерти и уже не в силах позаботиться о нас, ничто не движется, ничто не изменяется и кажется, что все умерло. У нас не остается теплого места, где мы могли бы укрыться, не остается запасов пищи, и смерть, казалось бы, одерживает победу. Бывает, она и впрямь побеждает – если битва продолжается дольше обычного. В эти дни никто подолгу не выходит наружу. Люди мастерят снасти, или рассказывают истории, или беседуют, но не выходят надолго на свет и все больше спят. Потому-то зиму и называют малой смертью. Наконец, когда холод отгоняет Ее так далеко, как только может, Она дает отпор. Она теснит и теснит зиму и потом переламывает ее хребет. Это знак, что весна придет, но это еще не сама весна. У Нее позади долгая борьба, и Ей надо отдохнуть, прежде чем Она сможет возродить жизнь. Но ты знаешь: Она уже победила. Ты чувствуешь это по запаху, это уже висит в воздухе.

– Я чувствовала! Я чувствовала это, Мамут! Потому-то я и взяла лошадей и отправилась на прогулку. Великая Мать переломила хребет зиме! – воскликнула Эйла.

Эта история сразу же прояснила все, что она ощутила сегодня.

– Да, похоже. Это стоит отпраздновать?

– О да! Я так считаю!

– Может быть, сможешь мне устроить праздник? – Он дождался ее кивка и сразу же продолжил: – Никто еще не ощущал Ее победы, но скоро почувствуют все. Мы с тобой вместе будем наблюдать приметы и решим, когда настанет время.

– Какие приметы?

– Когда жизнь возрождается, каждый чувствует это по-своему. У некоторых просто радостно на сердце и хочется на свежий воздух, но еще слишком холодно, чтобы разгуливать подолгу, и потому они

чувствуют раздражение. Им не терпится убедиться, что жизнь пробудилась, но впереди еще много бурь. Зима знает, что все потеряно, и тут-то начинается злейшее время года, и люди чувствуют это и тоже злятся. Я рад, что ты согласилась помогать мне. До наступления весны люди будут особенно беспомощны. Думаю, ты заметишь это сама, Эйла. Потому-то и нужен праздник. Надо, чтобы чувства людей выразались в радости, а не в злобе.

«Наверное, ей уже ведомо это, – подумал Мамут, увидев, как нахмурилась молодая женщина. – У меня едва зародилось предчувствие перемен, а она сразу распознала, что что-то не так. Я всегда знал, что у нее есть дар, но ее способности по-прежнему восхищают меня, и я уверен, что это еще не все. Кто знает, может, у нее в запасе побольше сил, чем у меня самого? Что она сказала про тот таинственный корень и ритуал мог-уров? Хорошо бы поручить ей подготовить... охотничий ритуал клана! Помнится, меня это здорово изменило, удивительно сильно подействовало! Это до сих пор со мной. У нее тоже есть кое-какой опыт... подействовал ли он на нее? Интересно... Весеннее празднество, не слишком ли это рано, чтобы использовать корень? Может, стоит подождать...»

* * *

Диги протиснулась через проход, ведущий к очагу Мамонта, таща ворох теплой одежды.

– Я надеялась, что разыщу тебя, Эйла. Я хотела проверить силки... Я тут надумала изловить белую лису, чтобы обновить парку Бранага. Пойдешь со мной?

Эйла, вскочив, поглядела на полузакрытый дымный лаз:

– Это здорово! Дай-ка я оденусь.

Опустив полог, она потянулась и зевнула, а потом двинулась к занавешенному шкурами закутку рядом с помещением для лошадей. Она миновала лежанку, где спали дети, вповалку, как маленькие волчата. Дети были на особом положении. Они могли играть и спать где хотели. У взрослых были твердые правила – какое помещение земляного дома предназначено для еды, какое для сна, какое для беседы; но дети редко следовали этим правилам, все жилище было в их

распоряжении. Они могли без спросу теребить старших обитателей стоянки и находили в этом особое удовольствие; никто на них за это слишком не сердился, никто не старался укрыться от назойливой малышни. Когда дело касалось детей, любой из взрослых соплеменников всегда готов был прийти на помощь, рассказать, объяснить. Хотели дети сшить вместе несколько шкур – им давали иголку, и обрезки кожи, и тонкие жилки-нитки. Хотели смастерить из камня какое-нибудь орудие – им давали несколько кусочков песчаника и резец, каменный или костяной.

Они возились, бегали, заводили игры, подражая делам и заботам взрослых. Они строили собственные маленькие очаги и учились разводить огонь. Они играли в охоту, похищая крохотные кусочки мяса из кладовой и готовя их. Когда, играя в «разговоры у очага», они изображали совокупляющихся взрослых, те только снисходительно улыбались. Для детей не было ни скрытых, ни запретных сторон жизни – иначе как им повзрослеть? Только одно строжайше запрещалось – жестокость и злоба без нужды.

Живя бок о бок, они твердо усвоили: ничто так не нарушает спокойствия на стоянке, как взаимные обиды, особенно когда долгими холодными зимами люди безвыходно заперты в земляном доме. Что бы ни случилось, все обычаи, все правила клонились к одному – свести к минимуму взаимное озлобление. Допускались любые варианты поведения – лишь бы они не вели к ссорам и озлоблению, а, напротив, давали сильным чувствам безопасный выход. С детства воспитывалось учение жить своим умом, поощрялась терпимость, осмеивались ревность и зависть. Всякое соперничество (в том числе и споры, когда до них доходило дело) было подчинено определенному ритуалу, жестко контролировалось, удерживалось в определенных рамках. Дети быстро усваивали эти основополагающие правила. Кричать – можно, драться – нельзя.

Отыскав большой бурдюк для воды, Эйла еще раз улыбнулась спящим детям – вчера они засиделись допоздна. Ей радостно было опять видеть вокруг себя детей.

– Надо бы прихватить снега, – сказала она. – Воды осталось мало, а снег давно не шел, здесь поблизости чистого снега не отыскать.

– Не трать времени зря, – ответила Диги. – У нашего очага вода есть, и у Неззи тоже. На обратном пути возьмем. – Она накинула на

себя теплый плащ и подождала, пока Эйла оденется. – У меня есть и сосуд с водой, и немного еды... Если ты не голодна, можно отправиться.

– С едой можно подождать, а вот горячего чаю я бы выпила, – ответила Эйла. Диги заражала ее своей жадностью к жизни. Они приступили к сборам, и делать это именно вместе с Диги было особенно приятно.

– Думаю, у Неззи осталось немного чая, и она не будет возражать, если мы выпьем чашечку.

– С утра она заваривает мяту... Я кое-что туда добавлю. Есть одна травка, которую я люблю пить с утра. Я, пожалуй, возьму еще мою пращу.

Неззи настояла, чтобы молодые женщины поели горячих поджаренных зерен, и дала им несколько кусков мяса со своей жаровни, оставшихся с вечера. Талут осведомился, каким путем они пойдут и где расположены капканы Диги. Когда они вышли из главного входа, солнце уже поднялось над клубящимися на горизонте облаками и начало свое шествие по синей небесной глади. Эйла заметила, что лошади находятся снаружи, хотя она их не отвязывала.

Диги показала Эйле, как быстрый поворот ступни превращает кожаную петлю, привязанную ивовыми ветками к продолговатой изогнутой раме, в крепление снегохода. Эйла быстро освоила это искусство и вскоре уже ловко перебиралась через снежные завалы вслед за Диги.

Джондалар смотрел им вслед из дверей пристройки для скота. Нахмурившись, он поглядел на небо и собрался было пойти вслед за ними, но потом передумал. Есть несколько облачков, но опасности ничто не предвещает. Почему он всегда так беспокоится об Эйле, стоит ей ненадолго уйти из лагеря? Это же смешно с его стороны – так бегать за ней. Она не одна, с ней Диги, и обе молодые женщины вполне в силах позаботиться о себе... даже если пойдет снег... или случится что-нибудь похуже. Они быстро заметили бы, что он последовал за ними, а им хочется побыть наедине. Он опустил полог и пошел обратно, внутрь земляного дома. Но он никак не мог справиться с мучительным ощущением, что Эйла в опасности.

* * *

– Ой, гляди, Эйла! – воскликнула Диги, опустившись на колени и разглядывая замерзшую тушу какого-то покрытого белым мехом животного; с его шеи свисала петля. – Я расставила еще несколько капканов. Давай-ка осмотрим их.

Эйле хотелось задержаться, чтобы понять, как устроен капкан, но она послушно двинулась вслед за Диги.

– Что ты собираешься с ними делать? – спросила она, нагнав подругу.

– Смотря сколько будет добычи. Я хочу сделать опушку для парки Бранага, но я еще шью ему рубаху, красную – не такую яркую, как у тебя, двойную, с длинными рукавами, и я сначала попробую обработать первую шкуру. Хорошо бы украсить ее мехом и клыками белой лисы. Как ты думаешь?

– Думаю, это будет прекрасно.

Они некоторое время молча скользили по снегу, а потом Эйла спросила:

– А как ты думаешь, что лучше подойдет для украшения белой рубахи?

– Смотря для какой. Ты хочешь покрасить ее в другой цвет – или чтобы оставалась белой?

– Думаю, пусть будет белой, хотя я не уверена.

– Мех белой лисы – это славно.

– Я думала об этом, но... Мне кажется, это будет не совсем хорошо, – сказала Эйла. На самом-то деле ее беспокоил вовсе не цвет. Она помнила, как выбрала белый цвет для Ранека во время церемонии ее приема в племя, и сейчас ей вовсе не хотелось вспоминать об этом.

Вторая ловушка тоже сработала, но оказалась пуста. Кожаная петля была прорвана, и из нее вел волчий след. В третью опять же попала лиса, и она мгновенно замерзла в капкане, но тушку почти полностью съел какой-то другой зверь, и мех был испорчен. Эйла вновь заметила волчьи следы.

– Кажется, мы ловим лисиц для волков, – хмыкнула Диги.

– Похоже, что тут только один волк, Диги, – сказала Эйла.

Диги начинала уже бояться, что не достанется хорошего меха, даже если в четвертую ловушку что-то попадет. Они торопились посмотреть, что там.

– Это должно быть здесь, у этих кустов, – сказала Диги, – но что-то я не вижу...

– Вот же она, Диги! – закричала Эйла, ускоряя шаг. – Судя по виду, добыча хорошая. А посмотри на этот хвост!

– Великолепно! – с облегчением вздохнула Диги. – Я так и рассчитывала – по меньшей мере две. – Она вынула тушу лисицы из петли, связала ее вместе с первой и повесила их на ветку ближайшего дерева. – Что-то я проголодалась. Почему бы нам не сделать здесь привал и не перекусить?

– Я-то давно хочу есть, хорошо, что и тебе это пришло в голову.

Они находились сейчас среди редких зарослей – скорее кустарника, чем деревьев, – в лощине, рассекавшей толстый слой слежавшегося леса. Вся маленькая долина, казалось, была проникнута под конец этой суровой зимы чувством мучительного истощения, страшной усталости. Все здесь было черным, белым или сумрачно-серым – унылое место! На плотном снежном покрове, сквозь который кое-где пробивался чахлый подлесок, отпечатались многочисленные следы животных. Этот снег лежал здесь уже давно, он весь потемнел от времени. Ветки кустов были во многих местах сломаны – следы ветра, снега или хищных животных. Ивы и ольха клонились к земле, суровый климат превратил их в стелющийся низкий кустарник. Несколько тощих березок одиноко тянулись вверх, их голые ветви в один голос шелестели на ветру, словно моля о живительном прикосновении весны. Даже хвоя обесцветилась. Скрюченные сосенки с корой, подернутой серыми пятнами лишайника, увядали на глазах, высокие лиственницы потемнели и согнулись под снежной ношей.

Один из склонов лощины был увенчан сугробом, из которого торчали стебли с заостренными шипами – сухие, одеревеневшие усики земляники, огородившие в прошлом году новую, завоеванную этим растением территорию. Эйла отметила их для себя – не как непроходимые заросли колючек, а просто как место, где можно будет, когда придет пора, набрать ягод. За унылой картиной она видела проблеск надежды; если приглядеться, даже в этой уставшей от зимы природе таилось обещание, особенно когда в небе сияло солнце.

Две молодые женщины разгребли снег и очистили себе место, чтобы сесть, – там, где в летнее время был, вероятно, берег небольшого ручья. Диги развязала узел и достала припасенную еду и – что было

еще важнее – воду. Распахнув сверток из березовой коры, она протянула Эйле небольшой с виду, но питательный путевой запас – спрессованную смесь сушеных плодов, мяса и придающего сил топленого жира.

– Мать вчера вечером настряпала на парú этих своих лепешек с кедровыми орешками и дала мне, – сказала Диги, открыв другой сверток и протягивая Эйле кусочек. Это было ее любимое блюдо.

– Надо спросить у Тули, как их делают, – заметила Эйла, попробовав лепешку; потом она достала ломтик мяса, который ей дала Неззи, и на каждый положила по кусочку ореховой лепешки. – Настоящий пир у нас! Только вот не хватает весенней зелени.

– Это было бы здорово. Когда же настанет Праздник Весны? Ждать уже не вмоготу! – ответила Диги.

Эйле приятно было болтать наедине с Диги: она даже согрелась здесь, в лощине, защищенной от порывов ветра. Она развязала тесемки на шее и опустила капюшон, поправила кожаную ленту, скреплявшую волосы. Закрыв глаза, она повернулась лицом к солнцу. Сквозь красную изнанку закрытого века она видела мигающий в небе светящийся шар и чувствовала, как приходит к ней тепло. А когда она снова открыла глаза, все вокруг, казалось, стало более четким.

– На Празднике Весны всегда борются? – спросила Эйла. – Я никогда еще не видела, чтобы кто-то боролся по доброй воле.

– Да, это почетно.

– Смотри, Диги! Это весна, – перебила ее Эйла, сделав резкий прыжок и рванувшись вперед сквозь заросли ивы.

Когда Диги последовала за ней, она указала ей на почки, набухшие на тонкой веточке; одна из них, проросшая слишком рано, пустила яркий зеленый и, конечно, обреченный росток. Женщины восхищенно улыбнулись друг другу вне себя от открытия, словно они самолично встретили приход весны.

Сделанная из сухожилий петля ловушки лежала на снегу неподалеку от них. Эйла подняла ее:

– Похоже, это очень удобный способ охотиться. Не нужно искать зверя. Ставишь ловушку и ждешь. Но как ты их делаешь и откуда знаешь, что попадет лиса?

– Это нетрудно. Ты же видела: сухожилие затвердевает, если смочить его, а потом высушить, – так же как невыделанная кожа.

Эйла кивнула.

– На конце делаешь маленькую петлю, – сказала Диги, показав ей. – Потом берешь другой конец и готовишь там вторую петлю – побольше, такую, чтобы лисья голова могла туда пролезть. Потом смачиваешь и сушишь – только так, чтобы петля оставалась открытой. Потом надо пойти туда, где водятся лисы. Мне такие места показала мать. Обычно они здесь появляются каждый год, – это по следам видно. Когда они рядом с норой, они часто ходят одними и теми же тропами. Находишь лисий след и там, где он проходит сквозь заросли кустарника или возле деревьев, ставишь петлю прямо на тропу, на высоте лисьей головы, и закрепляешь вот здесь и здесь.

Диги показала, где именно. Эйла слушала и смотрела, напряженно наморщив лоб.

– А когда лиса идет по тропе, то попадает головой в петлю; она пробует убежать – и тут-то петля затягивается. Чем больше лиса рвется, тем туже затягивается петля. Важно подобрать лису, пока ее не нашел кто-то другой. Дануг рассказывал мне, что те бродяги с севера тоже стали ставить ловушки. Он говорит – они делают петлю из молодых побегов и затягивают ее так, что, когда зверь попадет в ловушку, она расширяется; потом ветка дерева распрямится и петля приподнимет лисью тушу над землей. Так она и висит, пока ты не придешь, и никакой волк до нее не дотянется.

– Мне кажется, это славная мысль, – заметила Эйла, возвращаясь к месту привала. Затем она, к удивлению Диги, внезапно сняла с головы кожаную ленту и стала искать что-то на земле. – Где камень? – шептала она.

Движением настолько быстрым, что Диги практически не уловила его, Эйла схватила камень, вложила в пращу и, стремительно развернув ее в воздухе, швырнула в какую-то цель. Диги слышала, как упал камень, но, только когда они вернулись к узелкам с едой, увидела, куда метила Эйла. Это был белый горноста́й, длиной всего в четырнадцать дюймов, но с пятидюймовым белым хвостом в черную крапинку. Летом это животное носило богатую бурую шубу, белую в подбрюшье, но зимой его гибкое продолговатое тельце становилось безупречно белым, не считая черного носа, острых глазок и кончика хвоста.

– Он стянул наше мясо! – сказала Эйла.

– Я его и не разглядела на этом снегу. Зоркий у тебя глаз, – похвалила Диги. – Коли ты так здорово метает камни, что тебе беспокоиться о каких-то там ловушках?

– Метать камни стоит, когда видишь добычу, а ловушки могут охотиться за тебя, когда сама ты далеко. И то и другое нужно, – ответила Эйла, приняв вопрос всерьез.

Они сели и продолжили свою трапезу. Эйла не переставала поглаживать мягкую шерсть убитого горноста.

– У этого зверя – самый лучший мех, – заметила она.

– У всех этих зверьков – у горностаев, ласок, куниц – хороший мех, – ответила Диги. – И у норки, и у соболя, и даже у росомахи. Не такой мягкий, но для капюшона – то, что надо, если не хочешь обморозить лицо. Но ловить их трудно, и капкан здесь не поможет. Они проворные и злобные. Кажется, твоя праща – хорошая штука, но я все же не понимаю, как у тебя это выходит.

– Я научилась владеть пращей, охотясь на таких вот зверьков. Сначала я охотилась только на хищников и в первую очередь изучила их повадки.

– Почему? – спросила Диги.

– Я вообще не собиралась охотиться, поэтому я не убивала зверей, которых употребляют в пищу. Только тех, что воруют пищу у нас. – Она криво улыбнулась. – Я думала, что это поможет.

– А почему ты не хотела охотиться?

– Женщинам в клане это было запрещено... но в конце концов мне разрешили пользоваться моей пращей. – Эйла на мгновение запнулась, припоминая. – Знаешь, ведь я убила росомаху задолго до того, как впервые добыла кролика. – Она иронически улыбнулась.

Диги удивленно покачала головой. «Ну и странное же детство было у этой Эйлы», – подумала она.

Они стали собираться домой, и, пока Диги ходила за лисьими тушами, Эйла, подняв мягкое белое тельце горноста, все поглаживала его с головы до кончика хвоста.

– Вот что мне нужно! – внезапно воскликнула она. – Горноста!

– Как раз он у тебя и есть, – заметила Диги.

– Нет. Я имею в виду – для белой рубашки. Я хочу отделать ее белым горностаевым мехом, чтобы и хвост тоже использовать. Знаешь, я люблю эти хвостики в черную крапинку.

– Где же ты найдешь столько горностаев, чтобы отделать рубашку? – спросила Диги. – Весна на носу, они скоро начнут линять.

– Много добыть не удастся, но где есть один, наверняка водятся и другие. Я поохочусь на них. Прямо сейчас, – ответила Эйла. – Надо только набрать хороших камней. – Она стала разгребать снег, выискивая камни на берегу замерзшего ручья.

– Сейчас? – переспросила Диги.

Эйла остановилась и огляделась. Она чуть не забыла о присутствии Диги. Пожалуй, при ней выслеживать зверьков будет труднее.

– Можешь не дожидаться меня, Диги, – сказала она. – Иди. Я сама найду дорогу домой.

– Уйти? Нет уж, я не откажусь понаблюдать за этим.

– У тебя хватит терпения?

Диги улыбнулась:

– Я не в первый раз на охоте, Эйла.

Эйла смутилась, почувствовав, что сказала что-то не то:

– Я не имела в виду...

– Знаю, что не имела, – ответила Диги и улыбнулась. – Мне бы хотелось кое-чему поучиться у человека, который убил росомаху прежде, чем кролика. Росомахи злее, бесстрашнее и смысленнее всех прочих тварей, считая даже гиен. Я видела, как они отгоняли леопардов от их добычи, они даже сражаются с пещерными львами. Я постараюсь не мешать тебе. Если ты боишься, что я спугну горностаю, скажи мне, и я подожду здесь. Но не проси меня возвращаться на стоянку одной.

Эйла облегченно улыбнулась и подумала: как хорошо иметь друга, который понимает с полуслова.

– Горностаи такие же вредные, как росомахи. Они просто поменьше, Диги.

– Могу я чем-нибудь тебе помочь?

– У нас еще осталось мясо... Оно может пригодиться, но сначала надо отыскать следы... а я пока запасусь хорошими камнями.

Набрав пригоршню острых камней и сложив их в узелок, привязанный к поясу, Эйла подняла свой дорожный мешок и повесила на левое плечо. Затем она остановилась и окинула взглядом окрестности в поисках лучшего места, чтобы начать охоту. Диги,

стоявшая рядом с ней, отступила в сторону, ожидая, когда Эйла подаст знак. Эйла тихо обратилась к ней – почти что думая вслух:

– Горностаи не строят себе жилья. Они селятся где придется – даже в кроличьих норах. Я иногда думаю, может, им жилья и не нужно, если у них нет детенышей. Они все время на ходу: то охотятся, бегают, крадутся, то вдруг остановятся и оглядятся. И они все время кого-нибудь убивают, день и ночь, и даже от еды могут оторваться, чтобы накинуться на жертву. Едят они все: ящериц, кроликов, птиц, яйца, насекомых, даже мертвечину и тухлое мясо. Но чаще всего они убивают жертву и едят свеженькой. Если их напугать, они издадут мускусный запах, и хотя не выпускают струю, как скунсы, но воняют не лучше. Порой они издадут вот такой звук... – Эйла изобразила полукрик-полухрюканье. – А когда у них период спаривания, они свистят.

Диги была поражена. Она узнала о горностаих больше, чем за всю предшествующую жизнь.

– Они чадолюбивы, и у них много детенышей, две руки... – Эйла запнулась, припоминая числительное. – Десять, бывает и больше. А бывает совсем мало. И они остаются с матерью, пока не подрастут. – Она вновь остановилась и критически окинула взглядом окружающий пейзаж. – В это время года детеныши должны быть с матерями. Поищем следы... Думаю, там, в кустах... – Она поглядела на сугробы, которые окружал туго переплетенный, разросшийся за много лет кустарник. – Ищи маленькие следы с пятью коготками, иногда видно только четыре. Из всех хищников у них самые маленькие следы, и задние лапки попадают в те же отпечатки, что оставляют передние.

Диги наклонилась и стала искать, стараясь не затоптать еле заметный след зверька. Эйла медленно и осторожно шаг за шагом высматривала каждый участок запорошенной снегом земли, каждое поваленное дерево, каждую ветку каждого куста, каждый голый березовый ствол и обвислые, покрытые черными иголками сосновые лапы. Внезапно Эйла застыла; затаив дыхание, она вынула из дорожного мешка большой кусок турьего мяса и положила его на землю перед собой. Потом она тихонько отошла в сторону и потянулась к узелку с камнями.

Диги не шевелясь следила за Эйлой, пытаясь высмотреть то, что видела она. Наконец она заметила какое-то движение, а потом

различила маленькие белые фигурки, опрометью мчащиеся в их сторону. Они двигались с неожиданной скоростью, хотя им приходилось пробираться через лисьи капканы, сквозь склоненные к земле ветви, густые кусты, маленькие ямки и рытвины, и при этом пожирала все, что встречали на пути. Диги никогда прежде не давала себе труда как следует приглядеться к этим крошечным прожорливым хищникам, и сейчас она смотрела на них в немом восхищении. Они внезапно остановились; их черные глазки настороженно блестели, стоящие торчком ушки вслушивались в каждый шорох. Запах жертвы они распознавали мгновенно.

Не пропуская ни одного гнезда полевок, ни одной жабы или тритона, прячущихся под корнями, ни одной птицы, неспособной подняться в воздух от холода и истощения, бешеная стая из восьми или десяти белых горностаев приближалась. Их головы двигались туда-сюда, черные глазные бусины блестели, их головы, загривки, шейные мышцы двигались с редкой слаженностью. Они убивали врага без всяких угрызений совести, таких умелых и кровожадных убийц среди животных больше не было, и Диги от души порадовалась, что они так малы. Казалось, весь этот напор продиктован только одним – страстью к убийству... Но, кроме того, им постоянно нужно было горючее для того подвижного образа жизни, который им был предназначен природой.

Горностаи кинулись к разбросанным по снегу кусочкам мяса – и тут началось. В прожорливых горностаев внезапно полетели камни, некоторые падали на землю, другие безошибочно поражали цель. Пошла свалка; в воздухе повис знакомый мускусный запах. Диги поняла, что, заглядевшись на зверьков, она упустила тщательные приготовления Эйлы и ее стремительный бросок. А потом, словно из ниоткуда, среди белых горностаев мелькнул большой черный зверь, и Эйла застыла, услышав грозный вой. Это волк пришел на запах турьего мяса, но схватить кусок мешали два стойких и бесстрашных горностаев. Отступив лишь на шаг, черный хищник поджидал, пока горностаев не поразят камни, тут он их и ухватит...

Но Эйла не собиралась отдавать свою добычу волку – слишком больших усилий она ей стоила. Это она убила горностаев, и они нужны ей, чтобы оторочить рубашку. Когда волк метнулся прочь с белым горностаем в зубах, Эйла устремилась за ним. Волки тоже плотоядные

животные. Она изучила их повадки так же хорошо, как повадки горностаев, когда училась владеть пращой. Она их так же хорошо понимала. Бросаясь в погоню, она успела поднять упавшую на землю ветку. Перед лицом неизбежной угрозы волк, по всем правилам, должен был сдаться и выпустить горностаю.

Если бы это была стая или по крайней мере пара волков, так действовать было бы опасно. Но сейчас волк был один, и выпускать добычу из пасти он явно не собирался, поэтому Эйла бросилась на него с палкой, размахивая, чтобы нанести солидный удар. Палкой как оружием она владела не слишком хорошо, но сейчас она хотела только отогнать волка и заставить его выпустить пушного зверька. Но Эйла начала поединок, а что будет дальше, она не предвидела. Волк и впрямь выплюнул горностаю – и с негромким угрожающим воем бросился прямо на нее.

Первой ее реакцией было швырнуть в волка палкой; страх вызвал у нее прилив энергии, и действовала она проворно. Но поскольку дело происходило в зарослях, размахнувшись, она ненароком задела ствол дерева и сломала о него палку. В руках у нее остался только сгнивший сучок, но зато обломок палки угодил прямо в морду зверю. Этого хватило, чтобы отогнать его. Застигнутый врасплох, волк уже не так рвался в бой. Остановившись на мгновение и подобрав тушу горностаю, он нырнул в заросли кустарника.

Эйла была вне себя – она испытывала смешанные чувства: испуг, гнев, удивление от неожиданности. Никто прежде у нее не уносил добычу прямо из-под носа. Она вновь бросилась вдогонку за волком.

– Да пусть он себе идет, – кричала Диги. – Тебе хватит того, что осталось. Пусть волк уносит, что взял...

Но Эйла не слышала: она не обратила внимания на слова Диги. Волк бежал сейчас по открытому участку, и она нагоняла его. Потянувшись за очередным камнем и увидев, что осталось всего два, она ринулась в погоню за волком. Понимая, что крупный хищник вскоре будет безнадежно далеко, она решила сделать еще одну попытку. Вложив камень в пращу, она швырнула его в убегающего зверя. Второй камень, выпущенный вслед за первым, довершил дело. Оба попали в цель.

Когда волк упал, она ощутила удовлетворение. Этому зверю будет неповадно отбивать у нее добычу! Подбежав, чтобы взять горностаю,

она решила было снять шкуру и с волка. Но когда Диги отыскала ее, Эйла, застыв, сидела рядом с тушами черной волчицы и белого горноста. Выражение ее лица озаботило Диги.

– Что-то не так, Эйла?

– Я должна была отдать ей этого зверька. Я должна была сообразить: если уж она пошла на запах мяса, хотя на это мясо позарились горноста, значит у нее были на то причины. Волки знают, как свирепы горноста, и одинокий волк обычно не нападает первым в незнакомом месте. Надо было отдать ей горноста.

– Не понимаю. Ты вернула своего горноста да еще заполучила черную волчью шкуру. Почему ты думаешь, что должна была отдать свою добычу волку?

– Смотри, – сказала Эйла, указав на брюхо волчицы. – У нее щенята. Видишь, соски набухли.

– Не рано ли? – спросила Диги.

– Да. Это неподходящее время года. И она одна. Потому-то ей было так трудно отыскать себе пропитание. Поэтому она пришла за нашим мясом и так не хотела отдавать горноста. Детеньши высасывают из нее все соки. Смотри – шкура да кости. Если волчица живет в стае, ей помогают выкармливать детеньшей, но если бы она жила в стае, у нее вообще не было бы детеньшей. Обычно рожают только главная самка в стае, а у этой волчицы совсем не такой окрас. Для волков характерна определенная масть. А эта – как тот белый волк, которого я часто видела, когда изучала их повадки. Она не похожа на других. Она заискивала перед главным самцом и главной самкой, но они не хотели видеть ее рядом с собой. Когда стало невозможно, она ушла. Может быть, ей надоело, что рядом нет никого, похожего на нее. – Эйла бросила взгляд на черную волчицу. – Никого. Может, ей и щенят-то захотелось завести, потому что было одиноко. Но нельзя было рожать их так рано. Думаю, это та самая черная волчица, которую я видела, когда мы охотились на тура, Диги. Должно быть, бросила стаю и пошла искать одинокого самца, чтобы основать собственную стаю, стаю таких вот, черных. Но одиноким всегда трудно. Волки охотятся сообща, и у них заведено заботиться друг о друге. Вожак всегда помогает главной самке выкормить щенят. Поглядела бы ты, как они играют со своими детеньшами! Но где ее самец? Она его встретила случайно... И где же он – умер?

Диги с удивлением заметила, что Эйла с трудом сдерживает слезы – и над кем? Над мертвой волчицей?

– Все умрут, Эйла, – сказала она. – Все мы вернемся к Великой Матери.

– Знаю, Диги, но прежде эта волчица была не такой, как другие, а потом она и вовсе осталась одна. Если б она осталась жива, она еще могла бы кого-то найти – самца, новую стаю, наконец, завести детенышей.

Диги показалось, что она начинает понимать, почему Эйла так близко к сердцу приняла судьбу исхудавшей черной волчицы.

– У нее были детеныши, Эйла.

– А теперь они тоже обречены на смерть. У них никогда не будет своей стаи. Даже самца-вожака. Без матери они умрут. – Внезапно Эйла вскочила на ноги. – Я не хочу, чтобы они умерли!

– Что ты надумала?

– Я должна отыскать их. Я по следам разыщу ее логово.

– Это опасно. Вдруг здесь водятся другие волки, откуда ты знаешь?

– Знаю, Диги. Ты только взгляни на нее!

– Ну, если тебя не переубедить – делай как знаешь. Я только одну вещь хочу сказать тебе, Эйла.

– Что?

– Если ты хочешь, чтобы я с тобой рыскала по волчьим следам, – тащи своих горностаев сама, – сказала Диги, извлекая из своей сумки пять белых тушек. – С меня хватит моих лисичек! – И Диги не без удовольствия улыбнулась.

– Ох, Диги! – воскликнула Эйла, улыбаясь в ответ. – Ты взяла их!

Две молодые женщины от полноты чувств улыбнулись.

– Что бы ни стряслось – а ты все та же, Эйла. С тобой не соскучишься! – Диги помогла Эйле переложить горностаев в ее сумку. – Что ты собираешься делать с этой волчьей тушей? Если ее не возьмем мы – возьмут другие. А черный волчий мех – штука редкая.

– Возьмем, отчего же нет? Только сперва надо разыскать ее волчат.

– Отлично, тогда я потащу ее, – ответила Диги, закидывая обвисшую тушу на плечо. – Потом, если будет время, я ее освежую. – Она хотела спросить еще кое-что, но потом передумала. Нетрудно было догадаться, что сделает Эйла, если разыщет волчат.

Они пустились в обратный путь по долине, ища нужный след. Волчица хорошо умела прятать свои следы – одинокая жизнь приучила ее к осторожности. Несколько раз Диги казалось, что след утерян, – а она была хорошим следопытом; но Эйла настаивала на продолжении поисков. Когда они наконец добрались до места, где, по предположению Эйлы, находилось логово, солнце уже стояло в зените.

– Откровенно говоря, Эйла, я не вижу признаков жизни.

– Если, кроме волчат, здесь никого нет, признаков жизни и не должно быть. Будь они – это значило бы, что что-то здесь не так.

– Правда твоя, но если волчата здесь, как ты их выманишь наружу?

– Я полезу к ним внутрь логова. А как еще?

– Не делай этого, Эйла! Одно дело – смотреть на волков издалека, другое – залезать в их логово. А если там не только детеныши? Вдруг там есть еще один взрослый волк?

– Ты что, видела след еще одного взрослого волка, кроме той, черной?

– Нет, но мне все равно не нравится, что ты собираешься лезть в логово.

– Что же теперь, возвращаться ни с чем, после того как мы их так долго искали? Нет другого выхода.

Эйла сняла со спины дорожный мешок и заглянула в небольшое черное отверстие в земле. Оно вело в старое логово, давно заброшенное, – но это единственное, что смогла отыскать черная волчица, когда ее спутник, одинокий старый самец, предмет ее неурочной страсти, погиб в схватке. Эйла легла на живот и полезла в нору.

– Эйла, погоди! – крикнула вслед ей Диги. – Вот возьми мой нож.

Эйла кивнула и, зажав нож в зубах, нырнула в дыру. Сначала путь вел вниз, лаз был очень узким. Внезапно она поняла, что вот-вот застрянет. Пришлось вернуться.

– Пойдем-ка лучше, Эйла. Поздно уже становится. Что поделаешь – не можешь пролезть, значит не можешь.

– Нет, – ответила Эйла, стягивая парку через голову. – Я должна попасть туда.

Дрожь от холода, она вновь полезла в нору; вслед за небольшим расширением дальше лаз уходил вниз и в конце снова расширялся. Но нора казалась пустой. Ее собственное тело заслоняло свет; сколько она

ни вглядывалась в темноту, разобрать ничего не удавалось, и, лишь собравшись ползти обратно, она расслышала какой-то звук.

– Волк, маленький волк, где ты? – спросила она.

Вспомнив о тех волках, которых ей доводилось видеть или слышать, Эйла тихонько завывала. Потом она прислушалась. Из темной глубины логова донесся тихий звук, и Эйла ощутила прилив радости. Она поползла на этот звук и завывала снова. Теперь скулили ближе, и она увидела два блестящих глаза, но, когда она потянулась к волчонку, тот отскочил, зарычал и вонзил ей в руку острый как игла клык.

– О! С тобой придется побороться, – сказала Эйла и улыбнулась, – силенки-то у тебя еще остались. Иди сюда, маленький волк. Иди сюда.

Она снова потянулась к волчонку, издавая свой призывный вой, и наконец ощутила под пальцами пушистый меховой шарик. Схватив покрепче сопротивляющегося звереныша, она поползла обратно, прочь из норы.

– Смотри, что я нашла, Диги!

Эйла с торжествующей улыбкой выбралась на свет, держа в руках пушистый серый комочек – маленького волчонка.

Глава 23

Джондалар вышел из земляного жилища и расхаживал взад-вперед между главным входом и конским загоном. Даже в теплой парке – это была старая парка Талута – он почувствовал, как сразу же похолодало, как только солнце скрылось за горизонтом. Несколько раз он уже взбирался на бугор и высматривал, не идут ли Эйла и Диги. Сейчас он снова собирался посмотреть.

Он пытался подавить тревогу с того самого момента, когда две молодые женщины утром ушли из стоянки, и, когда он в середине дня начал нервно расхаживать, другие снисходительно поглядывали на него; но теперь он был уже не одинок в своем беспокойстве. Тули сама несколько раз поднималась на пригорок, а Талут уже поговаривал о том, чтобы послать на поиски несколько человек с факелами. Даже Уинни и Удалец, похоже, нервничали.

На западе сквозь скопление нависших над землей облаков проступили очертания заходящего солнца – резко очерченный светящийся багровый круг, словно принадлежащий к каким-то иным мирам, лишенный глубины и объема, слишком совершенный и симметричный для природного явления. Но отсвет от этого красного шара ложился на облака и придавал своеобразный румянец бледному ущербному лику другого небесного обитателя, взошедшего над восточным горизонтом.

Как раз когда Джондалар собрался снова вскарабкаться на бугор и поглядеть, не идут ли женщины, на вершине появились две фигуры. Они резко выделялись на густо-лавандовом фоне заката, контрастировавшем с сумрачным темно-синим небом на востоке. Над головой зажглась первая звезда. Он глубоко вздохнул и прислонился к изогнутым бивням у входа в дом. Они живы. Эйла жива.

Но что они делали там так долго? Разве они не знали, что все будут беспокоиться? Что так задержало их? Может быть, что-то случилось? Он должен был пойти за ними следом, нельзя было отпускать их одних.

– Вот они! Вот они! – закричала Лэти.

Люди, кто в чем был, выскочили из земляного дома. Те, что были одеты, побежали навстречу Диги и Эйле вверх по склону.

– Отчего вы так задержались? Уже почти стемнело. Где вы были? – накинулся Джондалар на Эйлу, едва она поравнялась с ним.

Она удивленно взглянула на него.

– Дай им сначала в дом-то войти, – оборвала его Тули.

Диги знала, что ее мать недовольна ими, но ведь они целый день проходили, устали, и к тому же холодало на глазах. Потом она, конечно, скажет им все, что думает по этому поводу, – но не прежде, чем убедится, что они в порядке. Толкаясь, все устремились в прихожую, а оттуда к очагу, где готовилась пища.

Диги с облегчением опустила на подстилку тушу черной волчицы, на которой округлыми вмятинами отпечатались ее плечи. Раздались удивленные крики. Джондалар побледнел: он чувствовал – что-то случилось!

– Это волк! – воскликнул Друвец, восхищенно глядя на свою сестру. – Где это вы взяли волка?

– Подождите! Посмотрите сначала, что принесла Эйла, – ответила Диги, вынимая из сумки тушки белых лисиц.

Эйла, осторожно придерживая меховой ворот своей рубахи, одной рукой стала выгружать из сумки замерзшие тушки горностаев.

– Что же, славные горностаи, – сказал Друвец.

Черный волк явно произвел на него большее впечатление, но он не хотел разочаровывать Эйлу и Диги.

Эйла улыбнулась мальчику и, распустив пояс, стягивавший ее парку, достала серый меховой шарик. Все не спускали с нее глаз. Внезапно меховой шарик зашевелился.

Волчонок уютно прикорнул на груди Эйлы под ее теплой паркой, но свет, шум и непривычные запахи разбудили и испугали его. Волчонок заскулил и прижался к груди женщины, чей запах и тепло уже стали знакомыми. Она опустила маленькое пушистое существо в углубление очага; волчонок поднялся, проковылял несколько шагов, потом вдруг присел и сделал лужицу, которая быстро высохла на мягком сухом глинистом грунте.

– Это же волк! – воскликнул Дануг.

– Маленький волчонок, – прибавила Лэти.

Глаза ее светились от удовольствия.

Эйла заметила, что Ридаг протиснулся поближе, чтобы посмотреть на зверька. Он протянул руку, и волчонок понюхал ее, а потом лизнул.

Ридаг лучился от радости.

– Где же ты взяла волчонка, Эйла? – знаками спросил мальчик.

– Это долгая история, – так же ответила она. – Потом расскажу.

Она быстро стянула парку. Неззи подхватила ее и протянула Эйле чашку горячего чая. Эйла благодарно улыбнулась и сделала несколько глотков.

– Не важно, где взяла. А вот что ты собираешься с ним делать? – вмешался Фребек.

Эйла знала, что он понимает язык знаков, хотя и клянется, что нет. Очевидно, он понял Ридага. Она обернулась и посмотрела на него.

– Буду заботиться о нем, Фребек, – сказала Эйла; глаза ее презрительно блеснули. – Я убила его мать, – она указала на черную волчицу, – и теперь я должна позаботиться об этом малыше.

– Это не малыш. Это волк! Зверь, который может причинить вред человеку, – ответил он.

Эйла редко вступала в конфликт с ним и с кем бы то ни было, и он знал, что в мелочах она всегда предпочтет, столкнувшись с его грубым напором, уступить – только бы избежать конфликта. Он и сам не рвался ссориться с ней, да и вообще не любил ссор, особенно если чувствовал, что все равно выйдет не по его.

Манув поглядел на волчонка, потом на Фребека, и его лицо перекосила кривая усмешка.

– Боишься, что этот страшный зверь причинит тебе вред, Фребек?

Всеобщий хохот заставил Фребека побагроветь от гнева.

– Я не то имел в виду. Волки могут причинить вред человеку. Все это знают... Сначала лошади, теперь волк. Что дальше? Я не животное, и я не хочу жить среди животных, – сказал он и пошел прочь.

Он не собирался ждать, кого выберут остальные обитатели стоянки – его или Эйлу с ее лошадьми и волком, – если их поставят перед выбором.

– У тебя осталось еще турье мясо, Неззи?

– А, проголодалась! Сейчас дам тебе пообедать.

– Не мне. Для волчонка, – ответила Эйла.

Неззи принесла Эйле кусок турьего мяса, не понимая, как такое крохотное существо может съесть его. Но Эйла помнила давно усвоенный урок: дети едят то же, что их матери, только еда должна быть мягче, должна легче жеваться и глотаться. В своей долине она

вырастила маленького пещерного львенка, кормя мясом и бульоном вместо молока. А волки тоже плотоядные звери. Она вспомнила, что не раз, изучая волчьи повадки, видела такую картину: взрослые разжевывают пищу и выплевывают ее, чтобы скормить в логове детенышам. Но ей даже не надо разжевывать это мясо, у нее есть руки и острый нож, чтобы как следует измельчить его.

Накрошив мясо, Эйла положила его в миску и залила водой, теплой, как волчье молоко. Волчонок обнюхивал края ямы, но боялся сунуться за ее пределы. Эйла присела на подстилку, протянула руку и тихонько позвала волчонка. Она взяла маленького зверя, которому было холодно и одиноко, и перенесла его в тепло и уют – и теперь ее голос прочно связался для него с чувством безопасности. Пушистый меховой шарик покатился к ней.

Прежде всего она как следует разглядела его. При ближайшем рассмотрении он оказался самцом, очень юным – с его рождения прошло не больше одного оборота луны. Интересно, были ли у него братья и сестры, а если были, то когда они умерли? Она не обнаружила у него никаких телесных повреждений, и он был не таким уж тощим – в отличие от своей матери. Эйла подумала о том, каких страданий стоило черной волчице сохранить в живых своего последнего детеныша; это напомнило ей об испытаниях, которые пришлось вынести ей самой, и укрепило ее решимость. Она должна сделать все возможное, чтобы этот волчонок выжил, чего бы ей это ни стоило, и пусть Фребек и все остальные даже не пытаются остановить ее.

Не выпуская волчонка, Эйла опустила палец в чашку и сунула его под нос маленькому зверю. Волчонок был голоден; он понюхал палец Эйлы, лизнул его, а потом облизал дочиста. Она снова окунула палец в навар – и он снова жадно облизал его. Она держала волчонка на руках и продолжала кормить его, чувствуя, как постепенно округляется его животик. Решив, что он насытился, она дала ему немного воды, но он только чуть-чуть отхлебнул ее. Потом она отнесла волчонка к очагу Мамонта.

– Думаю, сейчас ты возьмешь на той полке какую-нибудь старую корзину, – сказал Мамут, идя следом за ней.

Эйла улыбнулась. Он точно знал, что у нее на уме. Она огляделась и наконец обнаружила большую плетеную корзину для приготовления пищи, прохуdivшуюся с одного бока, и поставила ее у изголовья своей

постели. Но когда она положила в нее волчонка, тот заскулил, просясь прочь оттуда. Она взяла его на руки и снова огляделась, не зная, как быть. Можно было бы взять звереныша к себе в постель, но она уже испытала это с маленькими жеребятами и львенком: трудно отучать их от этой привычки, когда они подрастают. И потом, едва ли Джондалар захочет делить ложе с волком...

– Не нравится ему в корзине. Хочет, чтобы рядом с ним спала мать и другие волчата, – вздохнула Эйла.

– Дай ему что-нибудь из своих вещей, Эйла, – посоветовал Мамут. – Что-нибудь мягкое, удобное, знакомое... Теперь ты его мать.

Она кивнула и окинула взглядом свой немногочисленный гардероб. Прекрасный подарок от Диги, та одежда, что она носила еще в долине, да несколько мелочей, которые она выменяла в племени, – вот и все. А сколько у нее было запасных накидок и кусков выделанной кожи – и во время жизни в клане, и даже потом, в долине...

Она заметила корзину с вещами, которую принесла с собой из долины; она стояла в дальнем углу площадки, где хранились запасы. Порывшись там, Эйла обнаружила накидку, в которую она завертывала Дарка, но, подержав минуту, сложила ее и засунула обратно. Ей было тяжело прикоснуться к ней. Потом она отыскала унесенную когда-то из клана большую мягкую старую шкуру. Она использовала ее прежде как плащ, связывая края длинной тесемкой, – носила, сколько помнила себя, до того дня, когда впервые ушла из долины с Джондаларом. Кажется, уже так давно это было... Она застелила шкурой корзину и положила туда волчонка. Тот принюхался, а потом быстро свернулся калачиком и уснул.

Внезапно Эйла почувствовала, как она устала и проголодалась. Одежда ее все еще была влажной от снега. Она стянула промокшие сапоги и поддевку из валяной мамонтовой шерсти и надела сухую домашнюю одежду и домашние чуваки, которые Талут научил ее шить. Ее заинтересовала обувь, которую он носил на церемонии ее приема в племя, и она уговорила его рассказать, как он их мастерит.

За образец Талут взял природу – устройство копыта лосей или оленей. Кожа, которая должна обхватывать щиколотку с боков и сзади, прикрепляется к ремню, остальная часть надрезается, а потом соединяется с основной сухожилиями, принимая форму, а верхний край

несколькими ремешками закрепляется над лодыжкой. Получались высокие чупаки – легкие, теплые, удобные.

Переодевшись, Эйла зашла в пристройку – посмотреть на лошадей, но, погладив кобылу, она заметила в ней какое-то беспокойство.

– Учужала волчий запах, Уинни? Придется привыкать. И тебе тоже, Удалец. Теперь волк будет жить с нами – до поры до времени, конечно.

Она протянула руки и дала лошадям обнюхать их. Удалец отскочил, фыркнул и встряхнул головой. Уинни уткнулась мордой в руки Эйле, но ее уши были прижаты – признак тревоги, – а тело беспокойно дергалось.

– Ты привыкла к Вэбхья, Уинни, значит привыкнешь и к... волку. Я сегодня принесу его к тебе – как только он проснется. Когда ты увидишь, какой он маленький, ты поймешь – вреда он тебе не причинит.

Когда Эйла вернулась, она заметила, что Джондалар стоит рядом с ее постелью и смотрит на волчонка. Лицо его было непроницаемо, но ей показалось, что она заметила в его глазах любопытство и что-то вроде нежности. Подняв глаза, он увидел ее и привычно наморщил лоб.

– Эйла, где ты была так долго? – спросил он. – Все уже собирались искать тебя.

– Мы не думали, что задержимся... Но когда я увидела, что волчица, которую я убила, кормила детенышей, то решила, что должна отыскать их.

– Ну и какое тебе дело до этого? Волки все время умирают, Эйла! – Он начал выговаривать ей, но сквозь назидательный тон пробивалась тревога за нее. – Это глупо – ходить по волчьему следу ради такого вот щенка... А если бы набрела на волчью стаю? Они бы тебя убили...

Джондалар был вне себя от тревоги, а теперь вместе с чувством облегчения пришла неуверенность – и в то же время вырвалось наружу подавленное раздражение.

– Мне есть дело, Джондалар! – вспыхнула она, бросаясь на защиту волчонка. – И я не глупая. Я, если хочешь знать, стала охотиться на хищников прежде, чем на кого бы то ни было. И я знаю волков. Будь хоть какое-то опасение, что их там целая стая, я никогда бы не пошла по следу. Стая уж позаботилась бы о волчатах.

– Ну и что. Пусть даже это был одинокий волк, но как можно целый день рыскать за каким-то волчонком?

Джондалар повысил голос. Он сбрасывал накопившееся напряжение и в то же время хотел убедить ее больше не предпринимать ничего подобного.

Эйла тоже повысила голос:

– Кроме этого волчонка, у его матери никого не было. Я не могла обречь его на голодную смерть – ведь это я убила его мать. Если бы обо мне в детстве никто не заботился, я бы погибла. Потому и я должна заботиться – даже о волчонке.

– Это разные вещи. Волк – это животное. Ты что, совсем ничего не понимаешь? Можно ли рисковать собственной жизнью ради какого-то волчонка?! – воскликнул Джондалар. Он, кажется, не в силах был ни в чем убедить ее. – Не такая сейчас погода, чтобы целый день разгуливать.

– Все я понимаю, Джондалар, – ответила Эйла. В глазах ее вспыхнул настоящий гнев. – Я-то вчера уже выходила из дому... Думаешь, я не знаю, какая нынче погода? Думаешь, я не чувствую, когда моей жизни угрожает опасность? Пока мы с тобой не встретились, я сама заботилась о себе и сталкивалась с вещами куда более страшными. Я даже о тебе заботилась, если помнишь. И я не нуждаюсь в твоих нравоучениях – что, дескать, я глупая и ничего не понимаю.

Люди, столпившиеся у очага Мамонта, по-своему реагировали на разгоревшийся спор: они беспокойно улыбались и явно хотели как-то сгладить ссору. Оглядевшись, Джондалар увидел несколько человек, улыбающихся и болтающих друг с другом; и лишь один – темноволосый мужчина с горящими глазами – стоял поодаль от остальных. Не было ли в его широкой улыбке оттенка снисходительности?

– Ты права, Эйла. Ты во мне не нуждаешься, правда? Ни для чего... – бросил Джондалар и, увидев приближающегося Талута, добавил: – Не будешь возражать, если я перейду в кухонный очаг? Попытаюсь никому не мешать...

– Нет, конечно, я не буду возражать, но...

– Отлично. Спасибо, – отрезал он, забирая свои вещи и одежду с лежанки, которую он делил с Эйлой.

Эйла была поражена. Неужели Джондалар и впрямь собирается спать теперь отдельно от нее? Она готова была умолять его остаться, но гордость сковала ей язык. Они разделяли ложе, но не разделяли даров Радости с тех пор, как она убедилась, что Джондалар ее разлюбил. А если он ее не любит, она не должна удерживать его, хотя бы у нее все внутренности выворачивало от горя и страха.

– Возьми уж и свою долю пищи, – сказала она, глядя, как он скатывает и взваливает на спину свои вещи. И, пытаясь все же смягчить разрыв, она прибавила: – Хотя я не знаю, кто будет теперь тебе готовить. Это ведь не настоящий очаг.

– А кто, ты думаешь, готовил мне, пока я был в путешествии? Дони? Я как-нибудь сам, без женщины, могу о себе позаботиться. Сам себе приготовлю!

С меховыми шкурами он прошел через очаг Лисицы и Львиный очаг и опустил свою постель рядом с мастерской, где изготовлялось оружие. Эйла глядела ему вслед, не желая верить собственным глазам.

Слух об их расставании мгновенно распространился на стоянке. Диги, едва услышав новость, показавшуюся ей неправдоподобной, поспешила вниз по переходу. Пока Эйла кормила волчонка, они с матерью негромко беседовали в очаге Зубра. Диги, которая тоже переделалась в сухое платье, выглядела слегка виноватой и в то же время уверенной в своей правоте. Да, им не стоило уходить так надолго: во-первых, это опасно, во-вторых, о них беспокоилась вся стоянка. Но иначе нельзя было. Тули хотела поговорить и с Эйлой тоже, но сочла это неуместным – особенно после беседы с Диги. Эйла ведь предлагала Диги самой вернуться на стоянку, перед тем как пуститься на безрассудные поиски волчьего логова, да и потом обе они – взрослые женщины, вполне способные за себя постоять. А все же Тули в жизни так не беспокоилась о дочери.

Неzzi поторопила Трони, и они вдвоем быстренько наполнили тарелки горячей снедью и принесли их к очагу Мамонта – для Эйлы и Диги. Может, когда они наедятся и смогут рассказать толком, что там с ними приключилось, все объяснится.

В ожидании, когда молодые женщины насытятся и согреются, все старались не задавать вопросов. Хотя Эйла и проголодалась, съесть кусок мяса стоило ей немалых усилий. Она не отрываясь смотрела в сторону, куда ушел Джондалар. Все остальные тем временем

устремилась в очаг Мамонта, предвкушая историю о редкостных, необыкновенных приключениях, которую после можно будет по многу раз рассказывать и пересказывать. Какая бы тяжесть ни лежала у нее на душе, всем им не терпелось узнать, как это так случилось, что она вернулась на стоянку с волчонком.

Диги начала с белых лис, попавших в капкан и унесенных или объединенных каким-то зверем. Она теперь не сомневалась, что тут поработала та самая черная волчица, слабая и голодная, неспособная охотиться на лошадей, оленей или туров. Эйла заметила, что, должно быть, волчица шла по следам Диги от ловушки к ловушке. Диги прибавила, что Эйла хотела раздобыть подходящий мех, чтобы оторочить рубашку, предназначенную кому-то в подарок, но не из белого лисьего меха, и поэтому стала выслеживать горностаев.

Джондалар, появившийся, когда Эйла уже начала свой рассказ, старался тихонько, не обращая на себя внимания, сидеть у дальней стенки. Чувствуя раскаяние, он уже начал было упрекать себя за то, что ушел так поспешно; но, услышав последнее замечание Диги, ощутил, как кровь отхлынула от его лица. Если Эйла задумала смастерить для кого-то одежду из белого меха, и притом не из лисьего, – это, должно быть, потому, что она уже дарила этому человеку одежду из лисьего меха. А он знал, кому она сделала такой подарок на церемонии приема в племя. Джондалар закрыл глаза и сжал кулаки. Ему не хотелось даже думать об этом.

Ранек тоже задавался вопросом, кому предназначался этот подарок. Он подозревал, что Джондалару, но Ранеку хотелось, чтобы это был кто-то другой... Может быть, даже он. Но в любом случае она подала ему хорошую мысль. Для кого бы ни задумала она свой подарок – для него или для кого-то другого, – он сам вправе сделать подарок ей. Он помнил, как понравилась ей лошадка, которую он ей подарил, и мысль о том, чтобы вырезать для нее еще какую-нибудь фигурку, согревала его сердце.

Волчонок заснул во сне, и Эйла, сидевшая на краю лежанки, потянулась к нему и успокаивающе погладила. За всю недолгую жизнь ему бывало так тепло и спокойно, только когда он был под боком у своей матери; а она часто оставляла его одного в темном и холодном логове. Но Эйла взяла его из этого безрадостного места, где ему было так страшно, где он был так одинок, и дала ему тепло, пищу, чувство

защищенности. От ее успокаивающего прикосновения он сразу же затих, даже не успев проснуться.

Эйла не мешала Диги расписывать их приключения, лишь изредка вставляя замечание или разъяснение. У нее не было сейчас настроения рассказывать что-то, и ее даже забавляло, что повествование ее подруги сильно отличалось от того, что поведала бы она сама. Не то чтобы Диги искажала историю, просто она воспринимала все с несколько другой точки зрения, и некоторые ее впечатления поразили Эйлу. Ей самой положение вовсе не казалось таким опасным. Диги испугалась волка гораздо сильнее; кажется, она не понимала этих зверей по-настоящему.

Из плотоядных тварей волки числятся среди самых кротких. Если ты хорошо знаешь их повадки и внимательно следишь за их поведением – они вполне предсказуемы. Горностаи, скажем, куда кровожаднее, а от медведей скорее стоит ждать непредвиденных действий. Волки же нападают на людей редко.

Но Диги с такой стороны их не знала. Судя по ее описанию, свирепая волчица яростно набросилась на Эйлу, и та испугалась. И в самом деле, опасность была, но даже если бы Эйле не удалось отбиться – все равно волчица только защищалась. Она могла бы поранить Эйлу, но, скорее всего, не убила бы ее; отбив желанную тушку горностая, она убежала бы в свое логово. А когда Диги стала рассказывать о том, как Эйла полезла в волчье логово, все восхищенно уставились на нее. Она не то невероятно храбра, не то вовсе безрассудна... Сама Эйла не думала о себе ни того ни другого. Она просто знала, что вокруг нет взрослых волков: ведь следов-то не было. Черная волчица – единственная в округе, а теперь погибла и она.

В одном из слушателей красочные описания Диги вызвали не просто восхищение и удивление. Рассказ все больше и больше захватывал Джондалара. В своем воображении он еще дополнял рассказ Диги: он представлял себе Эйлу не просто в страшной опасности – ему казалось, что на нее напали волки, что она кричит от боли, истекает кровью, а может, и хуже... Он не мог вынести этой мысли, и прежнее беспокойство вернулось к нему с удвоенной силой. И другие ощущали что-то похожее.

– Ты не должна была подвергать себя такой опасности, – сказала предводительница племени.

Эйла посмотрела на Тули, потом оглянулась на Джондалара. Она заметила, как тот вернулся к очагу Мамонта. Он тоже был голоден.

– Не так уж было опасно, – возразила она.

– Ты что, считаешь, что лезть в волчье логово – это не опасно? – спросила Тули.

– Нет. Это было логово одинокой волчицы, и она была мертва.

– Может, и так, но как можно было разгуливать так долго, выслеживая волка? Когда вы вернулись, уже стемнело!

То же самое сказал и Джондалар.

– Но я увидела, что черная волчица – молодая и у нее были детеныши. Без матери они могли погибнуть, – объясняла Эйла, хотя прежде она уже говорила это и никто ее не понял.

– И ты подвергала опасности свою жизнь, – (и жизнь Диги, подумала она, хотя и не сказала вслух), – ради волчат? Да когда эта черная волчица напала на тебя, не стоило и бороться с ней ради одного горноста. Пусть себе унесла бы его...

– Я не согласен, Тули, – возразил ей Талут. Все обернулись к вождю. – Это была голодная волчица, жившая по соседству с нами. Она уже выслеживала Диги, когда та расставляла ловушки. Кто поручится, что она не напала бы на нее исподтишка? К тому же теплеет, дети все больше играют на воздухе. Если эта волчица изголодалась, она вполне способна была бы напасть на кого-нибудь из них – а мы ничего не смогли бы поделать. Теперь мы знаем, что волчица мертва. Так лучше.

Люди закивали, соглашаясь с Талутом, но Тули не хотела так легко уступать:

– Может, и хорошо, что волчица убита, но вот столько ходить, разыскивая ее детенышей, было ни к чему. Ну вот нашла она волчонка, а что мы будем с ним делать?

– Думаю, Эйла права была, когда помчалась за волчицей и убила ее, но убивать кормящую мать – позор. Каждая мать вправе выкормить своих детей, даже волчица. Но и помимо этого, то, что Эйла и Диги пошли по следу и нашли волчье логово, бесполезно, Тули. Им не удалось обнаружить других волчьих следов, а это значит, что других голодных волков в округе нет. А если Эйла, во имя Великой Матери, пожалела этого волчонка – не вижу в том большой беды. Такое крохотное беззащитное создание...

– Сейчас-то оно крохотное и беззащитное, да только не навсегда оно останется таким. Что мы будем делать со взрослым волком? Откуда мы знаем, что он тогда не нападет на детей? – спросил Фребек. – Скоро у нас родится еще один маленький...

– Судя по тому, как Эйла управляется с животными, думаю, она знает, как удержать волка, чтобы он никому не причинил вреда. Ну а кроме того, я скажу как вождь Львиной стоянки. Если так случится, что этот волк причинит кому-то вред, – Талут в упор поглядел на Эйлу, – я убью его. Согласна, Эйла?

Все взгляды обратились на нее. Сначала она вспыхнула и осеклась, потом высказала то, что было у нее на душе.

– Я не могу сказать наверняка, что этот волк, когда подрастет, никому не причинит вреда. Я даже не могу сказать, останется ли он с нами. Я вырастила кобылу с самого младенчества. Она ушла искать себе жеребца и на время прибилась к табуну, но потом вернулась. Еще я растила львенка – пока он не повзрослел. Уинни была этому львенку, Вэбхья, как мать, пока он был маленьким. Они стали друзьями. Пещерные львы охотятся на лошадей, и, конечно, он легко мог убить или ранить меня. Но он никогда не сделал ничего плохого – ни мне, ни Уинни. Он был все равно что мой ребенок. А когда Вэбхья ушел, чтобы найти себе подругу, он часто возвращался к нам, не насовсем, но приходил в гости, и иногда мы встречали его в степи. Он никогда не угрожал Уинни, или Удальцу, или мне, даже когда завел себе подругу и положил начало собственной стае. Вэбхья напал на двоих мужчин, которые вошли в его логово, и убил одного, но, когда я приказала ему уйти прочь и оставить Джондалара и его брата в покое, он послушался. Пещерный лев и волк – оба хищники. Я жила вместе с пещерным львом, и я много насмотрелась на волков. Я не думаю, что волк, который вырос на стоянке, среди людей, может причинить им вред, но я говорю: если он хоть раз причинит зло хоть одному ребенку, хоть одному человеку... – Она несколько раз тяжело сглотнула и наконец произнесла: – Я, Эйла из очага Мамонта, убью его своей рукой.

* * *

Эйла решила показать волчонка Уинни и Удальцу на следующее утро, чтобы они наконец привыкли к его запаху и стали поспокойнее. Покормив маленького зверя, она взяла его на руки и отнесла в конский загон – на свидание с лошадьми. Несколько любопытных исподтишка увязались за ней.

Однако, прежде чем представить юного волка лошадям, она взяла сухой ошметок конского навоза, измельчила его, смешала с хорошо впитывающей запахи пылью и осыпала волчонка. Эйла надеялась, что степные лошади подружатся с маленьким хищником так же, как с пещерным львенком, но она помнила, что Уинни легче признала Вэбхья своим после того, как тот покатался в ее навозе.

Когда она протянула комочек серого пушистого меха Уинни, кобылица в первое мгновение отпрянула, но затем природное любопытство взяло верх над страхом. Она осторожно потянулась к непонятному существу и различила знакомый успокаивающий лошадиный запах, пробивающийся сквозь куда менее приятный волчий. Удалец был так же любопытен и притом менее осторожен. Разумеется, и у него был природный страх перед волками, но он никогда не жил в диком табуне, и ему не приходилось убегать от волчьих стай. Он подошел к теплому и живому, интересному, хотя чем-то неуловимо пугающему пушистому существу, которое держала на руках Эйла, и потянулся вперед, чтобы изучить его получше.

Когда обе лошади достаточно для первого знакомства обнюхали волчонка, Эйла опустила его на землю перед двумя большими травоядными животными – и тут она услышала дыхание за спиной. Обернувшись, она увидела у входа приподнявшую полог Лэти, а за спиной у нее толпились Талут, Джондалар и еще несколько человек. Они не хотели мешать ей – но их тоже одолевало любопытство, и они не могли упустить случая поглядеть на первую встречу волчонка с лошадьми. Каким бы маленьким он ни был, а все же это хищник, а лошади – его естественная добыча. Но копыта и зубы – страшное оружие. Лошадям под силу ранить или убить взрослого волка, напавшего на них, а уж справиться с таким крохотным хищником им не составит никакого труда.

Лошади почуяли, что от этого маленького «охотника» не исходит никакой опасности, и их первоначальная настороженность быстро прошла. Люди улыбались, глядя, как дрожащий маленький волчонок,

размером не больше конского копыта, смотрел снизу на массивные ножищи этих великанов. Уинни опустила голову и потянулась носом вперед; отпрянула, затем снова уткнулась в волчонка. Удалец подобрался к странному малышу с другой стороны. Волчонок съежился, видя две склонившиеся над ним огромные головы. Но с его точки зрения, весь мир был населен великанами. Люди, даже женщина, которая приютила и накормила его, тоже были гигантами.

В теплом дыхании, вырывавшемся из широких ноздрей, он не ощущал угрозы. Для чуткого волчьего носа запах этих лошадей был каким-то знакомым. Он напоминал одежду и вещи Эйлы, да и саму эту женщину. Волчонок решил, что эти четвероногие великаны – тоже часть его стаи, и, жадный на ласки, как все дети, потянулся носиком к мягкому теплому носу кобылицы.

– Они трутся носами! – донесся до Эйлы громкий шепот Лэти.

Когда волчонок стал облизывать морду лошади – ведь для маленького зверька естественно так вести себя с членами своей стаи, – Уинни быстро подняла голову. Но она была слишком заинтригована, чтобы не посмотреть еще разок на маленькое животное, – и вскоре уже без всякого беспокойства позволила юному хищнику ласково облизывать себя.

После нескольких минут безмолвного знакомства Эйла подняла волчонка, чтобы нести его обратно к очагу. Начало было вполне успешным, но она решила, что главное – не перестараться. В следующий раз она возьмет его на конную прогулку.

Эйла заметила особую нежность, промелькнувшую в глазах Джондалара, когда животные встретились. Это выражение было ей знакомо и наполняло ее сердце безотчетной радостью. Может быть, если он захочет вернуться назад, сейчас самое время подумать об этом. Но когда, выходя из конского загона она улыбнулась ему своей широкой прекрасной улыбкой – он отвернулся, отвел глаза и быстро пошел вслед за Талутом к кухонному очагу. Эйла опустила голову, вся ее радость испарилась – вместо нее остались лишь боль и мучительная тяжесть. Она убедилась, что Джондалару больше нет до нее дела.

Это было весьма далеко от истины. Он стыдился своего несолидного, мальчишеского поведения и был уверен, что после такого ухода его не позовут обратно. Он думал, что ее улыбка на самом деле предназначена не ему. Ему казалось, что Эйла просто довольна тем, как

славно удалось познакомить животных, но один вид ее наполнил его такой смертельной любовью и тоской, что он больше не мог находиться рядом с ней.

Ранек заметил, как смотрит Эйла в спину уходящему Джондалару. Он задумался о том, сколько продлится их размолвка и к чему это может привести. Хотя он боялся надеяться на что-то, ему трудно было избежать мысли, что в отсутствие Джондалара ему скорее может улыбнуться удача. Он подозревал, что является одной из причин их ссоры, но внутренний голос говорил ему, что истоки разлада в отношениях Эйлы и Джондалара на самом деле глубже. Ранек не скрывал своего интереса к Эйле – и ни она, ни Джондалар не давали ему понять, что интерес этот неуместен. Джондалар никогда не протестовал напрямую, не говорил о своем намерении вступить с Эйлой в исключительный союз; он лишь держался сурово и замкнуто, и в его поведении сквозил подавленный гнев. А она если не поощряла Ранека прямо, то и не отшивала его.

Общество Ранека и вправду нравилось Эйле. Она не была уверена, что именно из-за этого так сердится Джондалар, но она чувствовала, что поступает неправильно. Неотступное, навязчивое присутствие Ранека заставляло ее задуматься: не поощряет ли она его своим поведением?

Лэти стояла рядом с Эйлой, и в глазах ее блестел живой интерес к волчонку, которого та держала на руках. Ранек присоединился к ним.

– Никогда не забуду этого зрелища, Эйла, – сказал он. – Такое крохотное существо и огромная лошадь трутся носами. Храбрый волчонок!

Она подняла на него глаза и улыбнулась. Ей понравилось, что Ранек похвалил волчонка так, словно это был ее собственный ребенок.

– Сначала волк испугался. Они такие большие, а он совсем крошка... Но я рада, что они так быстро подружились.

– Как же ты собираешься звать его? – спросила Лэти. – Просто Волк?

– Я об этом еще не думала. Хотя это подходящее имя.

– Лучшего не придумаешь, – согласился Ранек.

– Как ты думаешь, Волк? – спросила Эйла, беря волчонка на руки и глядя на него.

Звереныш прижался к ней и лизнул ее лицо. Все улыбнулись.

– Похоже, ему понравилось, – заметила Лэти.

– Ты хорошо знаешь зверей, Эйла, – произнес Ранек и с вопросительной интонацией добавил: – Я хочу тебя спросить... Откуда ты все же знала, что лошади не сделают ему дурного? Волчьи стаи охотятся на лошадей, и я сам видел, как лошади убивали волков. Они же смертельные враги.

Эйла задумалась:

– Трудно сказать. Знаю – и все. Может, благодаря Вэбхья. Ведь пещерные львы тоже нападают на лошадей, но видел бы ты, как Уинни заботилась о нем, когда он был маленьким. Прямо родная мать, по меньшей мере – тетушка. Уинни знала, что волчонок не причинит ей вреда, и Удалец тоже. Думаю, если воспитывать их вместе с детства, многие звери стали бы друзьями. И друзьями людей – тоже.

– Потому-то Уинни и Удалец – твои друзья? – спросила Лэти.

– Наверное, да. Нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу.

– А как ты думаешь, ко мне он тоже привыкнет? – спросила Лэти, и такое страстное желание было в ее голосе, что Эйла даже улыбнулась.

– Вот, – ответила она, протягивая волчонка девочке, – поддержи его.

Лэти приблизила к себе теплое извивающееся существо, прижалась щекой к мягкому пушистому меху. Волк лизнул ее в лицо, принимая и Лэти в свою стаю.

– Кажется, я ему нравлюсь! – воскликнула Лэти. – Он сейчас поцеловал меня.

Эйла улыбнулась, видя, как довольна девочка. Она-то знала, что такое дружелюбие естественно для волчат. На людей оно действует так же безотказно, как и на взрослых волков. Только взрослея, волки становятся пугливыми, подозрительными к чужакам, всегда готовыми дать отпор.

Пока Лэти держала волчонка на руках, молодая женщина с любопытством рассматривала его. Его шерсть, как у всех очень молодых волков, была ровного темно-серого цвета. Позднее проявятся темные и светлые полосы – характерная окраска взрослых волков... Если проявятся. Мать-то его была совершенно черной, еще темнее, чем сам юный волчонок. Интересно, каким он будет, когда вырастет?

Внезапно все обернулись, услышав пронзительный визг Крози:

– Твои слова ничего не стоят! Ты обещал, что меня будут уважать! Говорил: что бы я ни сделала, все воспримут это с восторгом!

– Знаю, что я обещал. Не напоминай мне! – кричал в ответ Фребек.

В ссорах в такую пору нет ничего неожиданного. Долгими зимами всех-то занятий – мастерить и чинить одежду, вырезать по камню и кости, плести сети, рассказывать истории, петь песни, играть в разные игры или на музыкальных инструментах; в такое время все снисходительнее относятся к увлечениям и забавам друг друга. Но когда долгая зима клонится к концу, старые обиды обычно обостряются. Отношения между Фребеком и Крози давно уже были так натянуты, что большинство людей считали, что крупная ссора неизбежна.

– А теперь ты говоришь, что хочешь меня бросить. Я – мать, и мне некуда идти, а ты хочешь меня бросить. Так ты держишь слово?

Словесная перепалка, продолжавшаяся, пока они шли по проходу, вовсю разгорелась у очага Мамонта. Волчонок, испуганный переполохом, соскочил с рук Лэти, и Эйла еле отыскала его.

– Обещания свои я держу, – отвечал Фребек. – Ты меня не слушаешь. Я имел в виду только...

Да, он обещал ей, но тогда он не знал, что это такое – жить вместе со старой каргой. «Была бы только Фрала – без своей мамы», – думал он, озираясь в поисках какого-то выхода из закутка, в который Крози загнала его.

– Я имел в виду только... – Он заметил Эйлу и в упор поглядел на нее. – Нам нужно больше места. Журавлиный очаг для нас мал. А что мы будем делать, когда родится ребенок? А в этом очаге, кажется, места предостаточно, даже для животных!

– Не для животных. Очаг Мамонта всегда был таким большим, еще до прихода Эйлы, – возразил Ранек, становясь на ее защиту. – Здесь собирается вся стоянка, потому он и должен быть больше других. Он и так все время переполнен. Вам такой большой очаг не нужен.

– Да разве я прошу такой большой? Я только говорю, что наш маловат. Почему на Львиной стоянке находится место для животных, а людям не хватает?

Спор привлек многих.

– Ты не можешь отнимать место у очага Мамонта, – говорила Диги, расчищая дорогу для старого шамана. – Скажи ему, Мамут!

– Волчонку места не надо. Он спит в корзине у ее изголовья, – рассудительным тоном заметил старейшина. – Ты говоришь так, словно

Эйла занимает весь очаг, но ведь лично у нее совсем немного места. Народ толпится здесь постоянно, проводятся ритуалы или нет, особенно дети. Они здесь все время вертятся... И Фрали, и ее дети – они ведь тоже иногда здесь бывают.

– Я говорил Фрали: мне не нравится, что она проводит здесь столько времени, но она отвечает: у нее нет места, чтобы работать. Будь у нее место возле нашего очага, ей не было бы нужды таскаться сюда...

Фрали вспыхнула и ушла обратно к Журавлиному очагу. Да, она говорила так Фребеку, но это было не до конца правдой. Ей нравилось бывать в помещении этого очага: здесь собиралась хорошая компания и Эйла помогала ей во время ее тяжелой беременности. Теперь Фрали чувствовала, что ей стоило держаться подальше отсюда...

– Ну а про волка я и не говорил, – продолжал Фребек, – хотя что-то никто не спросил меня, хочу ли я жить под одним кровом с этим зверем. Мало ли кто захочет привести сюда животное – я-то почему должен с ними жить? Я – не животное, и рос я не среди животных, а здесь животные значат больше, чем люди. Всей стоянкой строим отдельное помещение для лошадей, а мы ютимся у самого маленького очага!

Начался страшный шум – все загалдели одновременно, пытаюсь перекричать друг друга.

– Что ты имеешь в виду под «самым маленьким очагом»? – спросил Торнек. – У нас места не больше, а народу столько же.

– Это правда, – сказала Трони.

Манув оживленно кивнул в знак согласия.

– Ни у кого нет большого помещения, – отозвался Ранек.

– Он прав! – опять согласилась Трони, еще более страстно. – Думаю, даже Львиный очаг меньше, чем твой, Фребек, а людей у них побольше, чем у тебя, и собой они покрупнее. Им-то и в самом деле тесно. Может, стоит отделить им кусочек земли от кухонного очага. Если кто-то и заслуживает этого, так это они.

– Но Львиный очаг не требует прибавить им места, – попыталась вставить Неззи.

Эйла переводила взгляд с одного спорящего на другого, не понимая, с чего это все так разволновались, но ощущая, что каким-то образом это связано с ней.

Вдруг в самой гуще толпы раздался громкий рев, заглушивший все споры. Все разом умолкли. Посередине, перед очагом, стоял Талут. Вид у него был суровый. Широко расставив ноги, в правой руке он грозно сжимал длинный, украшенный изысканной резьбой посох из мамонтовой кости. Тули присоединилась к нему, чтобы поддержать его своим авторитетом. Эйла почувствовала что-то вроде испуга перед этой властной парой.

– Я объявляю собрание, – сказал Талут, поднимая посох и ударяя им о землю. – Мы будем обсуждать этот вопрос мирно и разрешим его по справедливости.

– Во имя Великой Матери, да никто не осквернит Говорящий Жезл, – прибавила Тули. – Кто будет говорить первым?

– Думаю, Фребек, – ответил Ранек. – Он ведь это все начал.

Эйла стала пробираться к выходу, стремясь выбраться из галдящей толпы. Она заметила, что Фребек чувствует себя неуютно, видя неодобрение окружающих. Ранек прямо указывал на него как на виновника смятения. Эйла, стоя рядом с Данугом, может быть, в первый раз разглядывала Фребека вблизи.

Он был среднего роста, даже чуть пониже. Сейчас она впервые заметила, что немного выше его, но она превосходила ростом и Барзeka и прочих, кроме разве что Уимеза. Она уже так привыкла, что она выше всех, что перестала обращать на это внимание. Русые волосы Фребека начинали редеть, глаза у него были с голубым отливом, черты лица правильные, четкие, без какого-либо изъяна. Обычный с виду человек, ничто в его внешности не предвещало столь воинственного, вызывающего поведения. В детстве Эйле хотелось быть столь же похожей на своих собратьев по клану, как Фребеку – на своих соплеменников.

Когда Фребек выступил вперед и принял у Талута Говорящий Жезл, Эйла заметила краем глаза злорадную усмешку Крози. Конечно, старуха отчасти порицала действия Фребека, но только ли в этом дело? Здесь кроется что-то еще. Эйла поискала Фрали, но не увидела ее среди людей, столпившихся у очага. Потом она разглядела беременную женщину, наблюдавшую за происходящим с порога Журавлиного очага.

Фребек некоторое время прочищал горло, затем, твердо сжав посох из мамонтовой кости, начал:

– Да, у меня есть вопрос. – Он беспокойно огляделся, потом нахмурился и приосанился. – Я имею в виду, что у нас есть вопросы, у Журавлиного очага. Не хватает места. Негде работать, это же самый маленький очаг в доме...

– Не самый! Он больше нашего! – перебила его Трони, не в силах сдержать себя.

Тули пронзила ее взглядом:

– Ты сможешь сказать все, что захочешь, Трони, когда Фребек закончит.

Трони покраснела и пробормотала извинения. Ее смущение обнадежило Фребека. Он продолжил в более агрессивном тоне:

– Нам не хватает места, Фрали негде работать... и Крози тоже нужно больше места. А скоро у нас будет пополнение. Думаю, нам нужно еще место. – Фребек отдал посох Талуту и отступил.

– Трони, теперь ты можешь высказаться, – сказал Талут.

– Я не думаю... я просто... ладно, скажу, – ответила она, выходя вперед. – Наш очаг вовсе не просторнее, чем Журавлиный, а народу не меньше. – Затем она прибавила, ища поддержки Талута: – Я думаю, что Львиный очаг меньше...

– Это не важно, Трони, – возразил Талут. – Львиный очаг не просит себе добавочного места. И мы слишком далеко от Журавлиного очага, так что нас требования Фребека не затрагивают. Скорее, могут высказаться обитатели Оленьего очага, ведь если Журавлиному очагу прибавить места, это скажется на вас. Что-то еще хочешь добавить?

– Нет, едва ли, – ответила Трони, качая головой и возвращая ему жезл.

– Еще кто-нибудь?

Джондалар хотел бы как-то повлиять на происходящее, но он не любил высовываться без нужды и чувствовал, что сейчас ему не следует вмешиваться. Ему хотелось помочь Эйле, и сейчас он испытывал особенный стыд за то, что покинул их лежанку. Он почти обрадовался, когда Ранек вышел вперед и взял Жезл. Кто-то должен за нее заступиться.

– Все это не так уж важно, Фребек преувеличивает. Не знаю, нужно ли ему добавочное место, но Журавлиный очаг – не самый маленький в жилище. Эта часть принадлежит очагу Лисицы. Но нас всего двое, и нам хватает.

Все зашептались. Фребек поглядел на резчика. Между этими двумя людьми не было взаимопонимания. Ранек всегда чувствовал, что между ними не много общего, и старался держаться от Фребека подальше. Фребек принимал это за презрение, и в этом была доля правды. Ранек находил его малопривлекательным – особенно с тех пор, как тот стал позволять себе оскорбительные выпады в адрес Эйлы.

Талут, желая избежать дальнейших споров, возвысил голос, обращаясь к Фребеку:

– Как ты думаешь, должны мы перераспределить место, чтобы прибавить его тебе?

– Я никогда не говорил, что хочу отнять место у Оленьего очага, но мне кажется, что если кое у кого хватает места для животных, значит, у него места в избытке. Мы сделали специальную пристройку для лошадей, а никто не подумал, что у нас скоро родится еще один ребенок. Может, это можно... изменить, – неуверенно закончил Фребек, которому очень не понравилось, что к жезлу потянулся Мамут.

– Ты что, считаешь, Олений очаг должен отнять место у очага Мамонта, чтобы увеличить твой? Это доставит им большие неудобства. Фрали ходит сюда работать – что же, ты собираешься запереть ее в Журавлином очаге? Это нездорово, и потом, она окажется в одиночестве, а здесь у нее есть компания. Здесь у нее есть с кем обсуждать свои задумки. У этого очага можно выполнять такую работу, для которой у любого другого тесно. Очаг принадлежит всем – и сейчас, когда здесь все собрались, он даже маловат.

Когда Мамут вернул Талуту Жезл, Фребек выглядел виновато, но, когда Жезл снова оказался в руках Ранека, сурово ошетинился и встал в защитную позу.

– Что до конского загона, то от него нам всем есть польза, особенно с тех пор, как там выкопали подземную кладовую. Уже сейчас ею пользуются многие. Я заметил, что многие хранят там наружную одежду и ходят через тот ход чаще, чем через главный, – сказал Ранек. – И потом, дети ведь маленькие. Места им много не нужно. Не думаю, что твой очаг нужно расширять...

– Тебе-то откуда знать? – перебила его Крози. – У твоего очага никогда никто не рождался. Детям нужно места побольше, чем ты думаешь.

Только высказав это, Крози поняла, что впервые в жизни она оказалась по одну сторону с Фребеком. Она нахмурилась, но потом решила, что он прав. Может, им и впрямь нужно больше места. Что у очага Мамонта собираются все – это правда, но Эйле за что такая честь – жить у самого большого очага? Пока Мамут жил здесь один, все считали этот очаг общим; а сейчас, кроме случаев, когда все собираются тут на какую-нибудь церемонию, подразумевается, что он принадлежит Эйле. Чем больше места отведут Журавлиному очагу, тем выше будет положение их семьи.

Все увидели во вмешательстве Крози знак, что теперь можно свободно высказываться, и Талут и Тули, не сговариваясь, пустили разговор на самотек. Иногда людям надо высказать свои мысли. Тули поймала взгляд Барзека; когда свободный обмен мнениями закончился и все затихли, тот вышел вперед и потребовал Жезл. Тули утвердительно кивнула, как если бы знала, что он хочет сказать, хотя они вообще не говорили об этом друг с другом.

– Крози права, – начал он, кивнув ей, и она приосанилась, когда до нее дошло, что ее поддержали; ее мнение о Барзекке сильно изменилось к лучшему. – Детям нужно место, и куда больше, чем можно подумать, судя по их размерам. Может быть, настало время кое-что поменять... Хотя я не думаю, что очаг Мамонта может нам что-то уделить. Журавлиному очагу надо расширяться, но Турий очаг не нуждается в таком большом пространстве. Тарнег ушел жить к своей женщине, и вскоре они вместе с Диги положат начало новой стоянке. Тогда и она уйдет. Поэтому Турий очаг, снисходя к нуждам растущего семейства, может уступить часть места Журавлиному очагу.

– Тебя это устроит, Фребек? – спросил Талут.

– Да, – ответил тот, не зная, как реагировать на этот неожиданный поворот событий.

– Тогда я предлагаю вам самим сообща рассмотреть, сколько места может уделить Турий очаг. Но я думаю, что, по справедливости, нельзя ничего менять, пока Фрали не родит. Согласны?

Фребек кивнул, по-прежнему ошеломленный; на своей прежней стоянке он и мечтать не мог о добавочном месте. Заговори он о чем-то таком, его засмеяли бы. У него не было никаких преимуществ, никакого особого положения, чтобы выдвигать подобные требования. До спора с Крози он и не думал ни о чем эдаком. Ему просто надо было как-то

отбиться от ее жестоких, хотя и справедливых попреков. Сейчас он убеждал себя, что спор возник как раз из-за недостатка места. И хоть раз в жизни она была на его стороне! От чувства торжества у него дрожали поджилки. Он выиграл битву! Две битвы: одну – со стоянкой, другую – с Крози. Когда народ разошелся, он заметил Барзека, толкующего с Тули, и это напомнило ему, что стоит поблагодарить их.

– Я ценю понимание, которое вы проявили, – учтиво произнес он, обращаясь к главе племени и представителю Турьего очага.

Барзек, по обычаю, ответил, что, мол, не стоит благодарности; но им не понравилось бы, не оцени Фребек по достоинству оказанную ему любезность. Они знали, что истинная цель его выступления была не в прибавке места. Для Журавлиного очага большой честью было то, что ему выделяется место за счет очага главы племени. Хотя честь была оказана Крози и Фрали. Именно их имели в виду Тули и Барзек, когда загодя обдумывали возможность изменения граничной черты. Они уже предвидели, что нужды двух семейств могут измениться. Барзек и раньше хотел поставить этот вопрос, но Тули рассудила, что надо дождаться подходящего случая; может, стоит принести это добавочное место в подарок новорожденному ребенку.

Оба они поняли, что случай настал. Им достаточно было обменяться несколькими взглядами и кивками, чтобы понять друг друга. И хотя Фребек вроде бы победил в споре, Журавлиный очаг вынужден будет теперь соблюдать учтивость при определении границы с соседями. Барзек с гордостью заметил, как мудра Тули, когда Фребек подошел к ним со своими благодарностями. А сам Фребек по пути в Журавлиный очаг все смаковал случившееся, перебирая в уме свои приобретения, – словно это была одна из тех игр, которые так любили мамутой, и он выиграл ее.

В этом ощущении была доля правды: это и в самом деле была игра, очень тонкая и совершенно серьезная игра, в которую играют все общественные животные. Ставка в этой игре – положение особей по отношению друг к другу. Это метод, который позволяет всем им – лошадям в стаде, волкам в стае, людям в обществе – лишний раз убедиться, что они могут жить сообща. В этой игре сталкиваются две противоположные силы, одинаково необходимые, чтобы выжить: индивидуальная автономия и общие интересы. Цель – достижение динамического равновесия.

Временами, при определенных условиях, личности могут быть почти независимы друг от друга. Особь может жить одна и не думать о своем положении, но вид в целом не в состоянии выжить без взаимодействия между личностями. Цена в конечном итоге больше, чем просто чья-то смерть. Речь идет о вымирании вида. С другой стороны, жесткая субординация внутри группы не менее губительна. Жизнь не может быть статичной или неизменной. Без индивидуального самовыражения сообщество не может измениться, не может приспособливаться к обстоятельствам; и в постоянно меняющемся мире такие сообщества также обречены.

Человеческое сообщество, каким бы оно ни было по форме и количеству членов – совсем маленьким или величиной с целый мир, – всегда имеет иерархическую структуру. Общепринятая вежливость, освященные традицией обычаи помогают смягчить конфликты и облегчить то напряжение, которое неизбежно сопутствует построению внутри системы разумного баланса сил. В одних ситуациях большинству личностей нет нужды приносить свою независимость в жертву общему благу. В других – нужды общества требуют от человека жертв – иногда без этого не выжить. Нельзя сказать, что один из этих двух путей правильнее другого, – это зависит от обстоятельств; экстремальные ситуации не могут продолжаться слишком долго, и, с другой стороны, никакое общество не может выжить, если один из его членов самоутверждается за счет своих собратьев.

Эйла часто сравнивала законы клана и племени мамутои, суть различий начинала доходить до нее, когда она думала о том, как руководили своими народами Бран и вожди Львиной стоянки. Она видела, как Талут возвращает Говорящий Жезл на обычное место, и вспомнила, что, когда впервые пришла на стоянку мамутои, ей казалось, что Бран – вождь лучше, чем Талут. Бран просто принимал решение – и все ему повиновались, хотелось им этого или нет. Немногие из них отваживались задуматься, нравятся ли им распоряжения вождя. Короткий взгляд, отрывистая команда – и ему мгновенно повиновались. Ей казалось, что Талут не умеет держать во власти свой шумный, обожающий споры народ и что они не уважают его.

Сейчас она уже не так была в этом уверена. Управлять народом, в котором все, мужчины и женщины, свято убеждены в своем праве

высказаться и быть услышанными, куда труднее. Она по-прежнему полагала, что Бран – хороший вождь для своего общества, но она не знала, смог бы он так же хорошо управляться с этими, такими свободомыслящими людьми. Когда у каждого есть собственные взгляды и он не колеблясь высказывает их вслух, начинается странная неразбериха, но Талут умел держать своих подданных в определенных рамках. Он был достаточно силен, чтобы навязать свою волю, но предпочитал добиваться взаимопонимания. Ему хватало авторитета, чтобы его речи слушали, и у него были свои способы привлечь к себе внимание. Но убеждать – это не командовать: для этого нужна совсем другая сила.

Подойдя к кучке людей, столпившихся у жаровни, Эйла стала шарить глазами по очагу в поисках волчонка. Стремление найти его было подсознательным; не увидев волчонка, она поняла, что он забился куда-то во время разгоревшегося спора.

– Фребек, конечно, получил свое, – говорил Торнек, – благодаря Тули и Барзеку.

– Я рада за Фрали, – прибавила Трони, радуясь, что ее Олений очаг не пострадает от передела территории. – Надеюсь, что Фребек на время успокоится. Он и впрямь затеял сегодня большую свару.

– Не люблю я таких больших свар, – бросила Эйла, вспомнив, что все началось с жалоб на ее животных, якобы занимающих больше места, чем Фребек.

– Не беспокойся из-за этого, – ответил Ранек. – Зима была долгая. В такую пору каждый год что-нибудь происходит. Достаточно маленького недоразумения, чтобы все переругались.

– Но ему вовсе не нужно было затевать такой переполох, чтобы получить добавочное место, – вмешалась Диги. – Я слышала, как мать и Барзек обсуждали это. Они хотели уделить ему место от Журавлиного очага в подарок к рождению ребенка. Фребеку достаточно было попросить.

– Вот поэтому Тули такой хороший вождь, – ответила Трони. – Она всегда подумает о вещах вроде этой.

– Да, она на своем месте, и Талут тоже, – согласилась Эйла.

– Правда, и он тоже, – улыбнулась Диги. – Потому-то он до сих пор и вождь. Никто не остается так долго вождем, если не пользуется

всеобщим уважением. Думаю, из Бранага мог бы выйти не хуже. Надо, чтобы Талут научил его.

Взаимная приязнь между Диги и братом ее матери была глубже, чем обычно бывает между родственниками; именно добрым отношениям с Бранагом, а также авторитету и влиянию своей матери молодая женщина обязана была своим высоким положением среди мамутой.

– Но кто мог бы стать вождем вместо Талута, если бы он утратил доверие? – спросила Эйла. – И как?

– Ну... тогда... – начала Диги.

Но тут молодежь обернулась к Мамуту, ожидая от него ответа на вопрос Эйлы.

– Если старый вождь склонен передать власть младшему брату или сестре – племя выбирает обычно из числа родичей вождя, – тогда начинается его обучение. Потом – церемония передачи власти, а старый вождь остается советником, – объяснил шаман и учитель.

– Да. Так было с Браном. Когда он был юношей, он почитал старого Зуга и прислушивался к его советам, а когда состарился, он передал власть Бруду, сыну своей спутницы. Но что происходит, если стоянка отказывает своему вождю в уважении? Еще молодому вождю? – спросила Эйла; этот вопрос очень интересовал ее.

– Поначалу ничего не случается, – объяснил Мамут, – но если народ через некоторое время не изменит отношения к нему, тогда следует обратиться к другому человеку – к тому, который лучше охотится или лучше разрешает сложные вопросы. Бывают споры из-за власти, бывает, что стоянка разбивается на две части: тех, кто идет за новым вождем, и тех, кто держится старого. Но вожди никогда не отдают власть просто так, поэтому неизбежны споры, даже борьба. Тогда все решает Совет. Тот, кто делил власть с вождем, которого хотят сместить, или просто занимал высокое положение и привык распоряжаться, редко способен положить начало новой стоянке. Хотя это, может быть, и не ее... – Мамут помедлил, и Эйла обратила внимание, что его взгляд остановился на старухе из Журавлиного очага, разговаривавшей с Неззи, – не этого человека вина. Людям нужен вождь, на которого они могут положиться, и они отказывают в доверии тем, у кого есть свои сложности... или трагедии.

Глава 24

Четвероногие создания Великой Матери всегда служили на Львиной стоянке пищей, давали мех и шкуры и воплощали собой духов. Мамутой знали животных в их естественной среде, хорошо изучили их сезонные миграции, их обычаи и повадки, умели на них охотиться. Но пока не пришла Эйла с кобылой и юным жеребцом, они никогда не имели дела с конкретными животными.

Тесная связь лошадей с Эйлой, а по прошествии времени – и с другими людьми служила источником постоянного удивления. Никто прежде не знал, что эти животные могут общаться с людьми, что их можно научить прибегать на свист, что на них можно ездить верхом. Но и лошади, какой бы интерес ни проявляли к ним люди, как бы ни манили к себе, не могли заглушить восхищение, которое вызывал волчонок. Мамутой уважали волков как охотников, а при случае – и как добычу. На волков иногда охотились зимней порой, бывали случаи, правда редкие, когда человек становился жертвой волчьей стаи; но чаще всего люди и волки почтительно избегали друг друга.

Но к самым маленьким обычно относились по-особому, иначе бы им не выжить. Дети – в том числе и маленькие звери – всегда затрагивали какие-то душевные струны; но у Волка – так его все звали – было особое обаяние. С того самого дня, когда пушистый темно-серый волчонок сделал первые неуклюжие шаги по полу земляного жилища, он стал частью человеческого сообщества. Его очарование заставило всех покориться, и вскоре он стал любимцем всей стоянки.

Способствовало такому отношению – хотя люди и не понимали этого – то, что повадки людей и волков не так уж сильно отличаются друг от друга. И те и другие – разумные стадные животные, чьи взаимоотношения основаны на сложном и изменчивом родстве; и те и другие действуют сообща, но признают индивидуальные результаты. Из-за схожести организации сообщества и некоторых других черт, независимо развившихся у людей и у семейства псовых, оказалось возможным возникновение уникальной близости.

Жизнь Волка началась при необычных и трудных обстоятельствах. Единственный выживший детеныш из выводка, принесенного одинокой, потерявшей своего самца волчицей, он никогда не знал

безопасной жизни в стае. Он не помнил братьев и сестричек, у него не было заботливых сородичей, дежуривших рядом с новорожденными щенками, если матери пришлось отлучиться; зато он рано испытал необычное для волчонка чувство одиночества. Единственным волком, которого он видел в своей жизни, была его мать, и память о ней стала затухать, когда Эйла заняла ее место.

Но Эйла сделалась для него чем-то еще большим. Решив спасти и вырастить волчонка, она как будто подписала, от имени человеческого рода, договор между людьми и псовыми, двумя совершенно разными родами, – договор, который мог бы иметь важные и долговременные последствия.

Даже находишь рядом с ним другие волки, Волк был слишком молод, когда его нашли, чтобы успеть установить с ними прочные связи. В возрасте месяца или около того он мог бы впервые выбраться из своего логова и поближе познакомиться со своими родичами, волками, с которыми он идентифицировал бы себя до конца жизни. Вместо этого в его сознании запечатлелись люди и лошади – обитатели Львиной стоянки.

Это случилось в первый, но не в последний раз. Случайно или намеренно, по мере распространения идеи это происходило снова и снова, многократно, во многих местах. Предки всех современных домашних собак – волки, и поначалу у них сохранялись волчьи черты. Но с течением времени новые поколения волков, выросших в человеческом окружении, стали отличаться от своих диких предков.

Животные, у которых от рождения проявлялись естественные генетические отклонения в цвете, размерах, очертаниях – слишком темная шерсть, белые пятна, закругленный хвост – и которых из-за этого унижали, а то и вовсе выгоняли из стай, часто находили прибежище у людей. Даже карлики или ширококостные великаны, которые на воле не смогли бы выжить, благодаря людям оставались в живых и оставляли потомство. Необычные, причудливые существа из семейства псовых специально разводились, чтобы сохранить и распространить их редкие, полезные для людей свойства, – пока разные породы собак не утратили окончательно сходство с предком-волком. И все же некоторые волчьи свойства – ум, умение защищаться, верность, игривость – сохранялись.

Волк быстро усвоил тонкости взаимоотношений на стоянке – как если бы это была волчья стая, – хотя понимал эти взаимоотношения по-своему. Для Волка Тули была старшей самкой, а Эйла – рядовой. В стае мать выводка главенствует над всеми и редко позволяет другим самкам вносить детеныша.

Никто не знал доподлинно, что животные думают или чувствуют и даже есть ли у них чувства и мысли, доступные пониманию людей, но это не имело значения. Народ на стоянке судил о животных по поведению, а действия Волка неопровержимо доказывали, что он любит Эйлу и безмерно ее почитает. Где бы она ни появлялась, он всегда радостно приветствовал ее, и достаточно было свиста, щелчка пальцев, призывающего жеста, даже кивка – и он ложился к ее ногам, благоговейно глядя ей в глаза и жадно ловя ее малейшее желание. Его преданность была совершенно безотчетной и всепрощающей. Он заходился в жалком вое, когда она была им недовольна, и визжал от восторга, когда она поощряла его. Он жил ради ее благорасположения. Радостнее всего было ему, когда она играла или возилась с ним, но слова и легкого хлопка других людей достаточно было, чтобы он начал обычными способами восторженно выражать свою радость.

Но ни с кем больше Волк не был так пылок. По отношению к большей части людей он вел себя доброжелательно: к одним относился по-дружески, других просто признавал «своими», и всех удивляло, что животное может выражать такие сложные оттенки чувств. Его отношение к Эйле укрепляло всех в мысли, что она обладает сверхъестественной властью над животными.

Определить, кто именно главный самец стаи, юному Волку было чуть труднее. В волчьей стае отношение к вожаку – самое что ни на есть подчиненное. Его лидерство обычно подчеркивается торжественной церемонией, во время которой вся стая облизывает самца-вождя, обнюхивает его мех, толпится поодаль, и все часто кончается совместным ритуальным воем. Но в человеческой стае такого почитания никому не оказывали.

Волк, однако, заметил, что два огромных четвероногих члена стаи оказывают высокому блондину больше почтения, чем остальным, за исключением Эйлы. К тому же его запах смутно присутствовал на лежанке Эйлы и на всем пространстве вокруг корзины волчонка. В отсутствие других признаков Волк склонялся к тому, чтобы считать

вождем стаи Джондалара. Это его мнение укрепилось, когда он увидел, что Джондалар лаской отвечает на его дружеские заигрывания и охотно возится с ним.

Полдюжины неразлучных людей были его братишками и сестренками, и часто можно было видеть, как Волк играет с ними. С тех пор как они научились с должным уважением относиться к его клыкам и не провоцировать его на защитную реакцию, волчонок стал покладистым, ласковым и приветливым. Он терпел, если ему непреднамеренно причиняли боль, и, казалось, умел отличать, когда Нуви, держа его на руках, чуть сильнее стиснет его, а когда Бриан нарочно дернет его за хвост, чтобы послушать, как он визжит. Первое он мог вынести, в ответ на второе способен был цапнуть за руку. Он любил играть, любил быть в центре толпы, и дети скоро выяснили, что он любит подбирать оброненные вещи. Когда все они, устав от игр, засыпали вповалку где попало, волчонок часто спал вместе с ними.

С первого же вечера, когда Эйла пообещала, что волчонок никогда не причинит никому вреда, она решила целенаправленно и обдуманно обучать его. Уроки, которые она давала Уинни, были поначалу случайными. В первый раз она вскарабкалась на спину кобыле под воздействием импульса и еще не знала, что со временем, езда верхом, будет хорошо управлять лошадью. Хоть она и не была сейчас до конца уверена в сигналах, которые придумала и сознательно подавала лошади, интуиция ее не обманывала, и Эйла чувствовала, что лошадь повинуется ей, потому что хочет повиноваться.

Обучение львенка было уже более целенаправленным. К тому времени, когда она нашла израненного детеныша львицы, она уже знала, что зверей можно научить повиноваться по доброй воле. Ее первой целью было направлять и сдерживать хищные инстинкты львенка. Она учила его любовью и лаской, так, как воспитывали детей в клане. Она горячо поощряла его учтивое поведение и либо сурово отстраняла его от себя, либо просто бросала его и уходила, когда львенок забывался и выпускал свои коготки или начинал действовать слишком грубо. Бывало, львенок в порыве возбуждения кидался на нее с чрезмерным энтузиазмом, но она постепенно приучила его останавливаться, стоило ей поднять руку и твердым голосом сказать: «Стой!» Урок был усвоен так хорошо, что, даже став взрослым, пещерный лев, ростом почти с Уинни, но куда тяжелее ее, продолжал

останавливаться по приказу Эйлы. Они часто тискались, терлись друг о друга, бывало, и катались в обнимку по земле. А когда подрос, он научился многим полезным вещам, даже охотился вместе с ней.

Вскоре дети стали использовать в своих играх волчьи кличи и знаки, но никто не применял их лучше, чем ребенок, чей собственный язык состоял по большей части из знаков. Между этим мальчиком и волчонок сложились необычные отношения, поражавшие всех обитателей стоянки; Неззи только удивленно качала головой. Ридаг не только использовал волчьи знаки, но, кажется, он пошел дальше. Люди не верили своим глазам: казалось, мальчик и волчонок разговаривают друг с другом, и молодой зверь, похоже, понимал, что этот мальчик требует особой заботы и внимания.

С самого начала Волк был с Ридагом менее раздражителен, более мягок и по-своему опекал его. Ничье больше общество, кроме Эйлы, он так не любил. Если Эйла была занята, он искал Ридага, и часто можно было видеть, как волчонок спит рядом с мальчиком. Эйла и сама до конца не знала, как это волчонок и Ридаг научились так хорошо понимать друг друга. Необычное чутье, с которым Ридаг распознавал малейшие знаки, подаваемые Волком, еще можно было понять, но откуда волчонок так хорошо знал, что нужно слабенькому человеческому детенышу?

Эйла соединяла волчьи знаки с другими командами и применяла их для тренировки волчонка. Прежде всего она научила его пользоваться корзинкой с пеплом и навозом для того же, для чего использовали ее люди, или выходить для этой цели из дома. Это оказалось неожиданно легко; Волк, похоже, был смущен распоряжениями Эйлы, но, когда она накричала на него, подчинился. Следующий урок был потруднее.

Волк любил жевать кожу, особенно сапоги и туфли, и отучить его от этой привычки стоило труда. Когда она ловила его за этим и журила, он каялся и скулил, прося прощения, но, стоило ей отвернуться, упрямо принимался за прежнее. Обувь каждого была в опасности, но особенно любимые сапоги Эйлы из тонкой кожи. Волк никак не оставлял их в покое. Надо было ставить их куда-нибудь повыше, чтобы он не смог дотянуться, не то, не ровен час, изорвет в клочки. Но всякий раз, отнимая у него свои вещи, Эйла чувствовала: будет гораздо хуже, если Волк испортит чужое имущество. Ведь это она принесла его на стоянку,

она несет за него ответственность, и если он что-то сделает не так – это ее вина.

* * *

Эйла как раз заканчивала отделявать бисером белую рубаху, когда до нее донесся голос из Лисьего очага.

– Эй, ты! Отдай! – кричал Ранек.

Эйла поняла, что Волк опять схватил чью-то вещь. Она пошла посмотреть, что стряслось, и увидела, что Ранек и Волк борются из-за поношенного сапога.

– Волк! Брось! – приказала она, резко щелкнув пальцами под самым его носом.

Волчонок немедленно отскочил и сел, опустив уши, поджав хвост и жалобно скуля. Ранек поставил сапог на подставку.

– Надеюсь, он не испортил твою обувь, – сказала Эйла.

– Не важно... Все равно сапоги старые, – с улыбкой ответил Ранек и восхищенно прибавил: – Ты знаешь волков, Эйла. Как он тебя слушается!

– Но только когда я здесь и смотрю на него, – сказала она. – Стоит мне отвернуться, он затеет что-то новое, – что-то, чего от него никто не ожидает. Стоит мне подойти – он бросит то, что схватил. Но я никак не могу научить его не трогать чужие вещи.

– Может быть, ему нужно что-то его собственное, – ответил Ранек. Он мягко посмотрел на нее. – Или что-то из твоих вещей...

Волчонок ластился к ней, повизгивая, пытаясь привлечь ее внимание. Наконец он несколько раз нетерпеливо тявкнул.

– Лежать! Тихо! – приказала она, наклонившись к нему. Он отскочил и лег на лапы, совершенно подавленный.

Ранек поглядел на Эйлу и сказал:

– Волк не в силах вынести твое недовольство. Ему постоянно надо знать, что ты его любишь.

Он приблизился к ней – и его темные глаза наполнились теплотой и желанием, которые прежде так волновали ее. Она вздрогнула и отстранилась. Затем, желая скрыть свое замешательство, она нагнулась

к волчонку и стала гладить его. Волк восторженно лизал ее лицо, вздрагивая от удовольствия.

– Он просто счастлив, видя, что ты хорошо к нему относишься, – заметил Ранек. – Если бы ты так же относилась ко мне, я тоже был бы счастлив.

– Ну... конечно же, я хорошо к тебе отношусь, Ранек, – пробормотала Эйла, чувствуя неловкость.

Он широко улыбнулся, и в его глазах засиял озорной блеск – и нечто более глубокое.

– Я так рад был бы доказать тебе, какое это счастье – знать, что ты хорошо ко мне относишься, – произнес он, обнимая ее за шею и придвигаясь ближе.

Не в первый раз он пробовал за ней ухаживать. Обычно он прибегал к словам и жестам, позволявшим ему выказать свои чувства, но оставлявшим ей возможность отклонить их – так, что оба они не теряли лица. Эйла собралась уже уйти, предчувствуя столкновение и желая избежать его. Она понимала, что он будет просить ее прийти к нему, и не знала, сможет ли отказать. Она понимала, что это ее право, но привычка уступать въелась в нее так глубоко, что Эйла боялась: у нее не хватит сил.

– Почему нет, Эйла? – спросил он, отступая на шаг. – Почему ты не даешь мне показать тебе свою любовь?.. Ты сейчас спишь одна. Ты не должна спать одна.

При мысли, что она спит в одиночестве, Эйла испытала чувство раскаяния, но постаралась не показать этого.

– Я сплю не одна, – возразила она, беря на руки волчонка. – Со мной спит Волк, в корзине у моего изголовья.

– Это не то же самое, – возразил Ранек. Говорил он серьезным тоном и, казалось, был готов подтолкнуть развязку. Потом он вдруг замолчал и улыбнулся. Ему не хотелось огорчать ее. Он чувствовал, что его слова могут ее расстроить. Прошло совсем немного времени со дня ее разрыва с Джондаларом. Он постарался разрядить напряжение. – Он слишком мал, чтобы согреть тебя... Но должен признаться, он привлекателен.

Ранек энергично потрепал Волка за холку.

Эйла улыбнулась и опустила волчонка в корзину. Он немедленно выпрыгнул оттуда на пол, сел, почесался, потом побежал к своей

кормушке. Эйла начала складывать белую рубашку, готовясь убрать ее. Она погладила белую кожу и белый горностаевый мех, расправила маленькие хвостики с черными точками, чувствуя, как сводит все внутри, как подкатывает комок к горлу. На глазах ее появились слезы, которые она не в силах была сдержать. Да уж, не то же самое! Как это может быть тем же самым!

– Эйла, ты знаешь, как я хочу тебя, как ты дорога мне, – сказал Ранек, становясь рядом с ней. – Знаешь ведь?

– Думаю, да, – ответила она, не отворачиваясь, но закрывая глаза.

– Я люблю тебя, Эйла. Я знаю, что ты сейчас расстроена, но я хочу, чтобы ты знала... Я люблю тебя с того момента, когда я тебя увидел впервые. Обещай, что ты подумаешь о том... о том, чтобы позволить мне сделать тебя счастливой. Как? Подумаешь?

Эйла бросила взгляд на белую рубашку, которую она держала в руках, и в голове ее все помутилось. «Почему Джондалар не хочет больше спать со мной? Почему он не касался меня, даже когда мы спали вместе? Все изменилось с тех пор, как я стала мамутой. Может быть, он не хотел, чтобы меня приняли в племя? А если не хотел, почему не сказал об этом? Может быть, все же хотел; он говорил об этом. Думаю, он любил меня. Может, он изменил свое отношение? Может, он больше меня не любит... Он никогда не просил меня быть с ним. Как мне быть, если Джондалар уйдет отсюда – без меня? – Комок у нее в горле стал тяжким, как камень. – Ранеку я дорога, и он хотел бы стать близким мне человеком. Он приятный и заботливый и часто смешит меня... и он меня любит. Но я не люблю его. Хотела бы я полюбить его... может, попытаться?»

– Хорошо, Ранек, я подумаю, – тихо сказала она, но при этих словах горло ее свела судорога; ей больно было произносить это.

* * *

Джондалар видел, как Ранек выходил из очага Мамонта. Теперь он выбрал роль соглядатая, хотя это было и непросто для него. И в этом племени, и там, откуда он был родом, считалось недостойным взрослого человека подглядывать за другими людьми, а Джондалар всегда был особенно чувствителен к общепринятым условностям.

Столь неподобающее поведение беспокоило его, но он ничего не мог с собой поделать. Исподтишка он неотступно следил за Эйлой и за всем происходящим в очаге Мамонта.

Стремительная походка резчика, возвращавшегося к себе в очаг Лисицы, и его радостная улыбка наполнили сердце Джондалара страхом. Он понимал, что Эйла сделала или сказала что-то такое, что так обрадовало Ранека, и он, со своим богатым воображением, приготовился к худшему.

Джондалар знал, что с тех пор, как он покинул очаг Мамонта, Ранек стал там постоянным гостем, и ругал себя за то, что дал ему такую возможность. Если бы взять обратно свои слова и всю эту глупую свару! Но ему казалось, что слишком поздно заглаживать вину. Он чувствовал себя беспомощным, но в некотором роде это было облегчением – держаться на некотором расстоянии от Эйлы.

Хотя он не признавался сам себе, его действия были мотивированы не просто желанием позволить ей выбрать, кого из мужчин она предпочитает. Ему было так больно, что захотелось нанести ответный удар. Если она смогла отвергнуть его, он сможет отвергнуть ее. Но еще ему хотелось дать себе право выбора, посмотреть, сумеет ли он преодолеть свою любовь к ней. Не будет ли лучше для нее оставаться здесь, где ее приняли и полюбили, чем возвращаться с ним к его народу? И он боялся, какова будет его собственная реакция, если его народ отвергнет ее. Захочет ли он разделить с ней жизнь изгнанника? Захочет ли уйти, вновь оставить свой народ, особенно после такого длительного пути к возвращению? И не откажется ли он от нее?

Если бы она любила кого-то другого, тогда он вынужден был бы оставить ее и ему не надо было бы принимать такое решение. Но мысль о том, что она любит кого-то еще, приносила такую невыносимую боль, что его тошнило, ему было трудно дышать, горло перехватывало. Он не знал, выживет ли и вообще хочет ли он выжить. Чем больше он боролся с собой, чтобы не показывать свою любовь, тем больше становился собственником и ревнивцем и тем больше ненавидел себя за это.

Судорожные попытки разобраться в своих чувствах отнимали все его силы. Он не мог есть и спать и выглядел изможденным и истощенным. Одежда болталась на исхудавшем теле. Он ни на чем не мог сосредоточиться – даже на великолепном новом куске кремня. Временами он спрашивал себя: уж не лишился ли он рассудка, не попал

ли под власть какого-нибудь зловредного ночного духа? Любовь к Эйле, печаль о том, что он покинул ее, и страх перед тем, что может случиться, если он не отпустит ее с миром, так истерзали его, что он не мог находиться рядом с ней. Он боялся, что потеряет власть над собой и сделает что-то, о чем потом будет жалеть. Но и не видеть ее он тоже не мог.

Львиная стоянка снисходительно относилась к странному поведению своего нового обитателя. Любовь Джондалара к Эйле была для всех очевидна, как он ни пытался скрыть ее. Со стороны решение казалось простым и очевидным. Эйла и Джондалар дороги друг другу, это всякому понятно; почему бы им не сказать о своих чувствах друг другу, а потом пригласить Ранека стать третьим в их союзе? Но Неззи понимала, что все не так просто. Материнское чутье подсказывало ей, что любовь Джондалара к Эйле слишком сильна и не разрушится только из-за того, что им не хватает слов высказать ее. Что-то более глубокое встало между ними. И она больше, чем кто-нибудь, понимала глубину любви Ранека к Эйле. Это не тот случай, когда можно любить втроем. Эйла должна сделать выбор.

* * *

Эта мысль завладела Эйлой. С тех пор как Ранек напомнил ей горькую правду, что теперь она спит одна, и предложил перейти в его очаг, она не могла больше думать ни о чем другом. Она цеплялась за надежду, что Джондалар предаст забвению их взаимные резкости и вернется; в этой вере ее укрепляло то, что, стоило ей поглядеть в сторону кухонного очага, она ловила его быстрый ответный взгляд. Она невольно думала, что, стало быть, ему хочется смотреть в ее сторону. Но каждая одинокая ночь разрушала ее надежду.

«Подумай об этом...» Слова Ранека звучали в ее ушах, и, заваривая травы для Мамута, она думала о высоком темноликом мужчине и о том, смогла бы она полюбить его. Но мысль о жизни без Джондалара наполняла ее тело странной пустотой. Она добавила к измельченным сухим листьям свежей весенней зелени, залила все это горячей водой и понесла старику.

Она улыбнулась, услышав его приветствие, но все равно выглядела озабоченной и усталой. Мамут знал, что она опечалена с тех пор, как Джондалар оставил ее, и он рад был бы помочь ей, будь это в его силах. Он заметил, как Ранек говорил с ней, и собирался расспросить ее об этом. Мамут верил, что в жизни Эйлы все подчиняется какой-то высшей цели. Он был убежден, что Великая Мать по каким-то своим причинам испытывает ее, и потому не торопился вмешиваться.

Эйла прикрыла свет, прошла к своей лежанке, разделась и приготовилась ко сну. Тяжелое это было испытание – встречать ночь, зная, что Джондалара не будет рядом с ней. Она старалась занять себя мелкими делами, сидя среди сброшенных на ночь шкур, только бы протянуть время – иначе, она знала, она может проснуться среди ночи. Наконец она взяла на руки волчонка и села на край постели, баюкая теплого ласкового маленького зверя, глядя его, разговаривая с ним – пока он не уснул у нее на руках. Потом она положила его в корзину и снова ласкала его, пока тот опять не затих. В отсутствие Джондалара Эйла расходовала свою любовь на Волка.

* * *

Мамут проснулся и открыл глаза. Он едва различал в темноте неясные силуэты. Ночь была тихая, наполненная легкими шорохами, шумным дыханием, приглушенным гулом сна. Он медленно повернул голову к слабому красному свечению угольков в очаге, пытаясь понять, что вывело его из глубокого сна к полному бодрствованию. Услышав поблизости прерывистое дыхание и приглушенные всхлипывания, Мамут откинул одеяло и тихо спросил:

– Эйла? Эйла, у тебя что-то болит?

Она почувствовала теплую ладонь на своей руке и отвернулась к стене.

– Нет. – Голос у нее был хриплый от напряжения.

– Ты плачешь.

– Извини, что разбудила тебя. Я должна была вести себя потише.

– Ты вела себя тихо. Это не ты меня разбудила. Меня разбудила твоя беда. Мать направила меня к тебе. Ты в беде. У тебя болит внутри, да?

Эйла глубоко вздохнула, пытаясь подавить рвущееся рыдание:

– Да.

Она повернулась к Мамуту, и в тусклом свете блеснули слезы.

– Тогда поплачь, Эйла. Ты не должна сдерживать слезы. Тебе больно, и ты имеешь право поплакать, – сказал Мамут.

– О Мамут! – воскликнула молодая женщина приглушенным голосом.

Получив его разрешение, она тихо заплакала, чувствуя, как со слезами уходят ее горе и боль.

– Не сдерживайся, Эйла. Тебе полезно поплакать, – сказал он, сидя на краю ее лежанки и нежно похлопывая ее. – Все образуется, как и должно быть. Все хорошо, Эйла.

Наконец, успокоившись, она нашла кусок мягкой кожи, вытерла лицо, нос и села рядом со стариком.

– Теперь мне стало лучше, – сказала она.

– Не сдерживай слезы, если чувствуешь, что тебе необходимо поплакать. Но это еще не конец, Эйла.

– Я знаю, – кивнула она. Потом повернулась к нему и спросила: – Но почему?

– Когда-нибудь ты узнаешь почему. Я верю, что твоей жизнью управляют могучие силы. Тебе предназначена особая судьба. Ты несешь нелегкий груз. Посмотри, через что ты уже успела пройти. Но в твоей жизни будет не только печаль, будут и большие радости. Ты любима, Эйла. Ты притягиваешь любовь. Она дана тебе, чтобы ты смогла нести этот груз. В твоей жизни всегда будет любовь... может быть, слишком много...

– Я думала, Джондалар любит меня...

– А почему ты решила, что он тебя не любит? Тебя любят очень много людей, включая и меня, старика, – улыбаясь, сказал Мамут, и Эйла улыбнулась в ответ. – Даже волк и лошади тебя любят. Разве мало было людей, которые любили тебя?

– Ты прав. Иза любила меня. Она была мне матерью. Не имеет значения, что не она меня родила. Умирая, она сказала, что очень любит меня... Креб любил меня, хотя я и разочаровала его, причинила ему боль.

Эйла немного помолчала.

– Уба любила меня... и Дарк... – Она вновь замолчала. – Мамут, ты думаешь, я увижу когда-нибудь снова моего сына?

Шаман подумал, прежде чем ответить:

– Сколько времени прошло с тех пор, как ты последний раз видела его?

– Три... нет, четыре года. Он родился ранней весной. Ему было три года, когда я ушла. По годам он близок к Ридагу.

Вдруг Эйла посмотрела на старого шамана и возбужденно продолжила:

– Мамут, Ридаг – смешанный ребенок, как и мой сын. Если Ридаг может жить здесь, почему не может Дарк? Ты уходил на полуостров и возвратился, почему я не могу пойти и привести сюда Дарка? Это же не очень далеко.

Мамут нахмурился, думая, что ответить.

– Я не могу дать тебе ответа, Эйла. Только ты сама можешь. Но ты должна очень серьезно подумать, прежде чем решить, что будет лучше не только для тебя, но и для твоего сына. Ты – мамутой. Ты выучила наш язык, приняла многие наши обычаи, но тебе еще многое предстоит узнать о нашей жизни.

Эйла не слушала слов, тщательно подбираемых шаманом. Ум ее был занят другим.

– Если Неззи взяла ребенка, который даже не мог говорить, почему нельзя привести ребенка, который умеет говорить? Дарк мог бы выучить язык, мог бы подружиться с Ридагом. Дарк мог бы помогать ему, приносить вещи для него. Дарк хорошо бегают.

Мамут не прерывал восторженное перечисление Эйлой достоинств Дарка, пока она сама не остановилась. Затем он спросил ее:

– Когда ты хочешь отправиться за ним, Эйла?

– Как только смогу. Этой весной... Нет, весной очень трудно странствовать, много воды. Нужно подождать до лета. – Эйла помолчала. – Или нет. Этим летом будет Сходбище клана. Если я не попаду туда до их ухода, придется ждать их возвращения. Но к тому времени Ура будет с ними...

– Девочка, которая была обещана твоему сыну? – спросил Мамут.

– Да, через несколько лет они соединятся. Дети клана созревают быстрее Других... быстрее меня. Иза думала, что я никогда не стану женщиной. Я созревала так медленно по сравнению с девочками

клана... Наверное, Ура уже стала женщиной, готовой иметь мужчину и собственный очаг. – Эйла нахмурилась. – Она была ребенком, когда я видела ее, а Дарк... Последний раз, когда я видела Дарка, он был маленьким мальчиком. Скоро он будет мужчиной, готовым соединиться с женщиной, которая может иметь детей. А у меня даже нет мужчины. Женщина моего сына заведет ребенка прежде меня.

– Ты знаешь, сколько тебе лет, Эйла?

– Точно не знаю. Я всегда считаю мои года в конце зимы, сама не знаю почему. – Она опять нахмурилась. – Думаю, пора добавить еще год. Это значит, мне уже... – Она закрыла глаза, сосредоточенно подсчитывая. – Мне уже восемнадцать лет, Мамут. Я старею!

– Тебе было одиннадцать, когда ты родила сына? – удивился Мамут. – Я знал девочек, которые стали женщинами в девять или десять лет, но это очень рано. Лэти еще не женщина, а ей уже двенадцать.

– Скоро она ею станет, – сказала Эйла.

– Думаю, ты права. Но ты не такая уж старая, Эйла. Диги семнадцать лет, но она не познает мужчину до этого лета, когда будет Летний сход.

– Правильно, и я обещала, что приму участие в ее Брачном ритуале. Не могу же я быть сразу и на Летнем сходе, и на Сходбище клана. – Она побледнела. – Во всяком случае, на Сходбище клана меня не будет. Я даже не уверена, смогу ли вернуться в клан. Я проклята. Я мертва. Даже Дарк может подумать, что я – дух, и испугается меня. О Мамут, что мне делать?

– Ты должна очень серьезно обдумать все, прежде чем решать, что лучше, – ответил он. Эйла выглядела расстроенной, и он решил сменить тему. – Но у тебя есть время. Еще не весна, хотя Праздник Весны наступит прежде, чем мы осознаем это. Ты подумала о священном корне и о церемонии, о которой рассказывала? Ты очень хочешь включить эту церемонию в Праздник Весны?

Эйла похолодела. Эта идея пугала ее, но Мамут будет там и поможет ей.

– Хорошо, Мамут. Да, я сделаю это.

Джондалар тотчас понял, что взаимоотношения между Эйлой и Ранеком изменились, хотя ему и не хотелось это признать. Он наблюдал за ними несколько дней, пока в конце концов не был вынужден согласиться с фактами: Ранек разве что не переселился в очаг Мамонта, и Эйла с радостью и гостеприимством встречала его. Сколько бы он ни уговаривал себя, что все к лучшему и что следует предоставить события их естественному ходу, он никак не мог преодолеть боль утраты, заглушить обиду и ревность. Казалось бы, ведь это он сам, по своей воле, оставил Эйлу, отказался делить с ней постель и очаг. Но теперь он ощущал себя покинутым, брошенным ею.

«Не много же им потребовалось времени, – думал Джондалар. – Он уже на следующий день оказался здесь, стал за ней увиваться, а она еле дождалась, пока я уйду от нее, чтобы начать привечать его. Словно заранее поджидали, пока я сделаю это. Я должен был это предвидеть... В чем ты ее обвиняешь, Джондалар? – сказал он себе. – Ты ведь сам ушел, она тебя не гнала. После того первого раза она не ушла к нему. Она была здесь, рядом, хотела снова стать твоей, и ты знал это. Ну а теперь она готова принадлежать ему. А ему не терпится. Можешь ли ты его осудить? Может, все это к лучшему. Они хотят, чтобы Эйла осталась здесь, они больше похожи на плоскоголовых... на людей из клана. И ее здесь любят. Да, ее любят. Разве не этого ты хотел для нее? Быть принятой за свою, быть любимой кем-то... Но я люблю ее! О Великая Мать! Как могу я помешать этому? Это единственная женщина, которую я так любил! Я не хочу, чтобы ей было плохо, я не хочу, чтобы она покинула меня... Почему она? О Дони, почему это должна быть именно она? Может быть, мне надо уйти отсюда? Так и есть, я должен уйти», – думал он, на мгновение потеряв способность ясно рассуждать.

Джондалар прошел к Львиному очагу и, перебив разговор вождя стоянки и Мамута, воскликнул:

– Я ухожу. Что я могу взять с собой? – В глазах его сквозило безумное нетерпение.

Вождь и шаман понимающе переглянулись.

– Джондалар, друг мой, – сказал Талут, похлопывая его по плечу, – мы будем рады дать тебе с собой все, что нужно, но уйти сейчас ты не можешь. Весна приближается, но посмотри вокруг: видишь, какая метель, а поздние метели – самые опасные.

Джондалар притих, поняв: уйти немедленно никак не получится. Никто в здравом уме не отправится сейчас в дальний путь.

Талут заметил, что напряженные мышцы Джондалара расслабились, и продолжил:

– Весной начнутся паводки, а по пути встретится немало рек. Но потом, ты не вправе так просто покинуть нас – разве можно провести зиму с мамутой и не поохотиться с нами на мамонтов! Тебе больше не представится такого случая. Первая охота будет в начале лета, вскоре после того, как мы все отправимся на Летний сход. Как раз тогда придет лучшее время для охоты. Ты окажешь мне большую честь, если останешься здесь по крайней мере до первой охоты. Я был бы рад, если бы ты показал нам свое искусство метания копья.

– Да, конечно, я думал об этом, – сказал Джондалар. Потом он поглядел высокому рыжеволосому вождю в глаза. – И все еще думаю, Талут. Ты прав. Я остаюсь.

* * *

Мамут сидел, скрестив ноги, на том месте, где он чаще всего любил предаваться медитации, – рядом со своей постелью, на помосте, где хранились запасные олени шкуры. На сей раз он не столько медитировал, сколько просто думал о том о сем. С той ночи, когда его разбудили рыдания Эйлы, он все больше убеждался: уход Джондалара привел Эйлу в отчаяние. Ее муки глубоко тронули его. Хотя она и пыталась скрыть свои чувства от большинства людей, ему бросились в глаза кое-какие подробности ее поведения, которые прежде он пропустил бы. Она искренне рада была обществу Ранека и смеялась его шуткам – но в глубине души она была подавлена, и забота и внимание, проявляемые ею к Волку и лошадям, тоже были признаком ее отчаянной тоски.

Мамут обратил внимание и на своего сегодняшнего гостя – в поведении Джондалара сквозила такая же тоска. Видно было, что в душе его царит полный хаос, хотя он и старается скрыть это. После его отчаянной попытки покинуть лагерь в разгар бури старый шаман стал не на шутку опасаться, что здравый смысл покидает Джондалара при мысли о разрыве с Эйлой. В глазах старика, который привык тесно

общаться с духовным миром Мут и провидел Ее суд, – это означало нечто более глубокое, чем просто проявление юношеской страсти. Быть может, у Великой Матери и на его счет есть какие-то планы, – планы, в которые как-то вовлечена и Эйла.

Хотя Мамут и боялся размышлять об этом, он не мог отделаться от вопроса: зачем Она показала ему, что таится за безмолвными чувствами этой пары? Он, конечно, не сомневался, что Ей все подвластно, – но, может быть, зачем-то Ей в этом случае понадобилась его помощь?

А пока он обдумывал, стоит ли распознавать веления Великой Матери и как это сделать, в очаге Мамонта показался Ранек, как обычно в поисках Эйлы. Мамут знал, что, взяв волчонка, она отправилась на прогулку верхом на Уинни и скоро вернется. Ранек огляделся, заметил старика и поздоровался с ним.

– Знаешь ли ты, где Эйла, Мамут? – спросил он.

– Да. Она вышла пройтись со своими животными.

– То-то ее не видно.

– Ты достаточно с ней видишься, Ранек.

Ранек хмыкнул:

– Хотелось бы побольше.

– Она ведь не одна пришла сюда, Ранек. Разве у Джондалара нет кое-каких преимущественных прав?

– Может, и были, но он же сам от них отказался. Он покинул этот очаг. – Мамут заметил, что Ранек пытается защищаться.

– Думаю, их все еще связывает сильное чувство. И они могли бы воссоединиться, будь у них случай восстановить свою прежнюю глубокую близость, Ранек...

– Если ты хочешь, чтобы я отступил, Мамут, – извини, но слишком поздно. Я тоже испытываю глубокое чувство к Эйле. – Голос Ранека дрогнул от волнения. – Мамут, я люблю ее, я хочу соединиться с ней, разделить с ней очаг. Мне пора завести себе женщину, и я хочу, чтобы ее дети играли в моем очаге. Я никогда не встречал женщины, подобной ей. Она – та, о которой я мечтал всю жизнь. Если бы я только мог уговорить ее – я хочу, чтобы мы объявили о нашем союзе во время Праздника Весны и поженились этим летом.

– Ты уверен, что хочешь именно этого, Ранек? – спросил Мамут. Он хорошо относился к Ранеку и знал: Уимез был бы рад, если бы темнокожий мальчик, с которым он когда-то вернулся из путешествия,

нашел себе женщину и осел здесь. – Немало женщин мамутой были бы рады соединиться с тобой. Как насчет той хорошенькой рыжеволосой женщины, с которой ты уже был почти помолвлен? Как ее имя? Треси? – Мамут был уверен: если бы в душе Ранека что-то зашевелилось, он покраснел бы при упоминании этого имени.

– Я скажу... Я скажу: извини. Ничего не могу поделать. Никто мне не нужен, кроме Эйлы. Она сейчас принадлежит к племени мамутой. Она может соединиться с мамутой. Я хочу, чтобы это был я.

– Если это предопределено, Ранек, – ответил Мамут, – это случится, но запомни вот что: Эйла избрана Великой Матерью для некоей цели и ей дано много даров. Что бы она ни решила и что бы ты ни решил, Мут избрала ее первой. Любой мужчина, который соединит с ней свою жизнь, свяжет себя и с ее Предназначением.

Глава 25

Когда древняя земля повернула свой северный лик к великой сияющей звезде, вокруг которой она вращается, даже пространства, лежавшие близ ледников, почувствовали прикосновение нежного тепла и стали медленно освобождаться от спячки, охватившей их в самую глубокую и холодную зимнюю пору. Сначала весна вступала в свои права неуверенно, но затем, словно предчувствуя, что ей отведен краткий срок, стала с яростью и упорством крушить ледяной покров. Потоки талой воды увлажняли и оживляли землю.

Капли, падавшие с ветвей и сводов земляного жилища в первые безморозные полдни, ночами замерзали и превращались в сосульки. Дни становились все теплее – и сосульки разрастались в конусообразные ледяные колонны, а потом, подтаяв, пробивали сугробы, превращая их в горки грязи, в конце концов изливавшиеся глинистой жижей. Ручейки талой воды собирались в бурные потоки, которые уносили с холмов всю накопившуюся за месяцы стужи влагу. Потоки устремлялись в старые трещины и ущелья или пробивали себе новые русла в мягком лессе.

На еще скованных льдом реках стоял рев и треск – это вода рвалась из зимнего плена, стоило чуть подтаять ледяному покрову. А потом, без предупреждения, эти звуки сменил резкий удар и затем бурный грохот – знак того, что лед больше не сдерживает весеннее половодье. Комья земли и льдины, качаясь на волнах, ныряя и всплывая, неслись в стремительном, мощном течении, означая приход нового времени года.

Паводок как будто смысл зимний холод, и обитатели стоянки, которые, как и река, были скованы холодом, вышли на свежий воздух из своего убежища. Хотя потеплело только относительно, возродившаяся рядом жизнь придавала силы и тем, кто жил в земляном доме. Каждый выход наружу приносил радость и весеннее очищение.

Народ Львиной стоянки был чистоплотным – по их собственным меркам. Талой воды хватало с избытком, но, чтобы добыть чистую воду, разводили огонь, не жалея запасов топлива. Более того, воду, которую добывали, растапливая снег, они использовали не только для питья и приготовления пищи, но и для мытья; время от времени они совершали

и полные омовения. Все личные вещи находились в полном порядке, оружие и все необходимые инструменты хранились бережно, ту немногочисленную одежду, которую носили в помещении, чистили, чинили и время от времени стирали. Но к концу зимы вонь в земляном жилище стояла страшная.

Дурной запах источали запасы продовольствия: подгнившее вареное и сырое мясо, горящее масло, часто прогорклое, корзины, в которые испражнялись и которые не всегда сразу же выносились, и люди. Да, они время от времени смывали с себя пот и грязь (это, между прочим, спасало их от кожных болезней), но заглушить естественный запах тела это не могло. Впрочем, они к тому и не стремились. Запах, на их взгляд, был неотъемлемой частью индивидуальности каждого человека.

Мамутой привыкли к насыщенным и острым естественным запахам каждодневной жизни. Их обоняние было так же изоощренно, как зрение и слух, и так же необходимо для ориентации в окружающем мире. Запахи животных не казались им отталкивающими – они тоже были естественными, природными. Но с началом весны даже их привычные ко всему носы замечали, что воздух в закрытом помещении, где долго жили бок о бок двадцать семь человек, стал тяжеловат. Весной занавеси у входа в дом отворачивались – землянка проветривалась, и все накопившиеся за зиму нечистоты выносились вон.

Эйле, помимо прочего, надлежало очистить конский загон от навоза. Лошади хорошо пережили зиму. Это радовало Эйлу, но не удивляло. Степные лошади – большие, сильные животные, привычные к суровым зимам. Хотя им самим приходилось изыскивать себе пропитание, Уинни и Удалец свободны были уходить и возвращаться туда, где их ожидали защита и ночлег, – их дикие собратья и надеяться на это не могли. К тому же для них всегда были запасы воды и даже немного пищи. На воле лошади быстро развивались – в нормальных обстоятельствах это необходимо для выживания, и Удалец, как и другие жеребята, рожденные одновременно с ним, сильно вырос. Хотя ему суждено было подрасти еще немного в ближайшие несколько лет, он уже был крупным молодым жеребцом, побольше своей матери.

Весна – это скудное время. Запасы пищи иссякают, особенно излюбленные обитателями стоянки растительные продукты, а новых

еще мало. Все были рады, что осенью удалось выбраться на последнюю бизонью охоту. Если бы не это, сейчас было бы трудно с мясом. Но хотя мяса еще было вдоволь, этого было мало. Эйла, вспомнив о том, как Иза готовила весенний бодрящий напиток для клана Брана, решила помочь стоянке. Ее отвар из сушеных трав и ягод – включая богатый железом желтый щавель и розовый шиповник, помогающий от цинги, – отчасти восполнял недостаток витаминов. Но все же все изголодались по свеженькой зелени. Впрочем, познания Эйлы пригодились не только для приготовления бодрящих отваров.

Очаги, масляные лампы и тепло, выделявшееся человеческими телами, хорошо согревали полуподземное жилище. Даже когда снаружи стояли отчаянные холода, в доме носили мало одежды. Зимой, перед тем как выйти наружу, все тщательно одевались; но когда снег стал таять, эти предосторожности были отброшены. Хотя солнце только начало пригревать землю, тепло так опьянило многих, что они оставляли жилище, не надевая на себя почти ничего сверх обычной домашней одежды. Весной часто шли дожди, стояла непролазная грязь от талого снега, и люди нередко возвращались промокшими и замерзшими – и простужались.

Эйле приходилось лечить их от кашля, насморка и боли в горле. Весной, когда потеплело, это случалось даже чаще, чем в самые холодные дни зимы. Эпидемия весенних простуд захватила всех. Даже сама Эйла на несколько дней слегла в постель с легкой лихорадкой и грудным кашлем. Уже к середине весны ей пришлось хотя бы по разу полечить каждого обитателя стоянки.

Неzzi сказала ей, что весенние простуды – дело обычное, но, когда вслед за ней слег Мамут, Эйла забыла о своей болезни и стала ухаживать за ним. Он был глубоким стариком, и его состояние беспокоило ее. Сильная простуда могла оказаться роковой. Шаман, однако, несмотря на свои преклонные лета, был наделен завидным запасом сил и поправился даже быстрее прочих. Ее заботы трогали его, и все же он убеждал Эйлу обратить внимание на других, которые, может быть, больше нуждаются в ее помощи, а главное – побереечь себя.

Потом заболела Фрали, которую измучил глубокий, сотрясающий все тело кашель. Но как бы Эйла ни стремилась помочь подруге – это было не в ее силах. Фребек отказывался пускать Эйлу в свой очаг. Крози яростно спорила с ним, и все были на ее стороне, но он

оставался непреклонен. Крози даже убеждала Фрали пренебречь запретом Фребека, но бесполезно. Больная только качала головой и заходила в кашле.

– Но почему? – спрашивала Эйла у Мамута, посасывающего горячий травяной настой.

Из соседнего очага доносился мучительный кашель Фрали. Трони взяла Ташера, который по возрасту был как раз между Нуви и Харталом, в свой очаг. Кризавек спал вместе с Бринаном в очаге Зубра, так что больную беременную женщину ничто не должно было тревожить, но каждый раз, слыша ее кашель, Эйла испытывала страдания.

– Почему он не разрешает мне помочь ей? Он же видит, что другим от моей помощи полегчало, а ей сейчас помощь нужна сильнее, чем кому-либо. Такой кашель ей трудно вынести, особенно сейчас.

– Не так уж трудно догадаться, Эйла. Тому, кто считает людей клана за животных, трудно поверить, что они могут разбираться в целительстве. А коли ты выросла с ними, как ты можешь что-то знать об этом?

– Но они не животные! Их целительницы очень умелы.

– Знаю, Эйла. Я лучше, чем кто-либо, знаю искусство целительниц клана. Думаю, все здесь уже знают его, даже Фребек. По крайней мере, они признают, что у тебя это получается... Но Фребек не хочет отступить. Он боится потерять лицо.

– Что важнее? Его лицо или ребенок Фрали?

– Должно быть, для Фрали лицо Фребека важнее.

– Фрали не виновата. Фребек и Крози заставляют ее выбирать между ними, а она не может сделать выбор.

– Ей решать...

– В том-то и дело. Она не хочет принимать решение. Она избегает этого выбора.

Мамут покачал головой:

– Нет, она все равно делает выбор, понимает она или нет. Но это не выбор между Фребек и Крози. Скоро у нее роды? – спросил он. – На вид – вроде бы пора.

– Я не уверена, но вроде бы еще не пора. Ее живот кажется таким большим, потому что сама она худенькая, но плод еще не созрел. Это меня и беспокоит. Слишком рано...

– С этим ты ничего не поделаешь, Эйла.

– Но если Фребек и Крози никак не могут не спорить обо всем на свете...

– Это совсем другое... Это между Фребеком и Крози, Фрали это не касается... Она не позволяет им втягивать себя в их споры. Она могла решить все сама, и, в сущности, она решила. Решила ничего не делать. Или, скорее... если ты этого боишься... – а я думаю, что именно этого, – она решает, рожать ли ей, сейчас или позже, ребенка. Она, может быть, выбирает между жизнью и смертью своего ребенка... и себя тоже подвергает опасности. Но раз это ее выбор – за этим, может быть, что-то кроется, чего мы не знаем.

Слова Мамута прочно запечатлелись в ее памяти, и, ложась в постель, она все обдумывала их. Конечно, он был прав. Как бы ни спорили между собой Фребек и мать Фрали, сама она тут была ни при чем. Эйла обдумывала, как уговорить Фрали, но она уже не раз пробовала сделать это, а теперь Фребек не подпускает ее к своему очагу, и у нее нет возможности еще раз поговорить с Фрали. Когда она засыпала, разговор этот по-прежнему звучал в ее ушах.

Она проснулась среди ночи и лежала на спине, прислушиваясь. Она не знала точно, что ее разбудило, но подумала, что, может быть, это до нее донесся стон Фрали. В темном земляном жилище сейчас было тихо, и она решила, что, может быть, ей послышалось. Волк стал скулить, и она попыталась успокоить его. Может быть, он тоже увидел дурной сон, это ее и разбудило... Но, потянувшись к волчонку, она остановилась на полпути: до нее снова донесся звук, напоминавший сдавленный стон.

Эйла отбросила покрывало и встала. Осторожно она откинула полог и подошла к корзине, чтобы облегчиться, затем натянула через голову рубаху и двинулась к очагу. Она услышала покашливание, потом – отчаянный, спазматический кашель, затем опять стон. Эйла разожгла угли, добавила немного щепок и обломков костей, пока огонь не разгорелся, потом положила в него нагреваться несколько плоских камешков и потянулась за мехом с водой.

– Можешь заварить и мне чаю, – заметил Мамут из полутьмы, сбрасывая покрывало и садясь на лежанке. – Думаю, скоро всем нам придется вставать.

Эйла кивнула и добавила в посудину для приготовления пищи еще воды. Опять донесся кашель, потом – какое-то движение и приглушенные голоса из Журавлиного очага.

– Нужно, чтобы кто-то успокоил ее кашель и облегчил родовые муки... если еще не поздно. Думаю, надо приготовить мои снадобья, – сказала Эйла, опустив чашку, и, помедлив, добавила: – На случай, если меня позовут.

Она подняла головню и пошла к себе; Мамут видел, как она перерывает корешки и сушеные травы, которые принесла с собой из долины. «Как интересно наблюдать за ее целительским искусством, – подумал Мамут. – Хотя она слишком молода для этого ремесла. На месте Фребека я больше беспокоился бы из-за ее молодости, неопытности, чем из-за происхождения. Я знаю, ее обучали лучшие целительницы, но откуда она, в ее возрасте, столько знает? Должно быть, она рождена с этим, и эта их знахарка, Иза, с самого начала почуяла ее дар». Его размышления прервал отчаянный приступ кашля, донесшийся из Журавлиного очага.

* * *

– На, Фрали, выпей воды, – нетерпеливо сказал Фребек.

Фрали покачала головой. Она не в состоянии была говорить, из последних сил пытаюсь сдержать кашель. Она лежала на боку, опершись на локоть, прикрывая рот кожаным лоскутом. Глаза ее блестели от жара, лицо покраснело от напряжения. Она поглядела на свою мать; Крози, сидевшая на лежанке рядом с проходом, не сводила с нее глаз.

Ужас и отчаяние Крози были очевидны. Она приложила все силы, чтобы убедить свою дочь попросить о помощи; она убеждала, спорила, настаивала – все без толку. Она даже взяла у Эйлы снадобье против ее простуды, но Фрали была настолько глупа, что отказалась даже от этой доступной помощи. А все этот тупой мужик, этот Фребек, но об этом и говорить не стоит. Крози решила, что больше не проронит ни слова.

Кашель Фрали утих, и она в изнеможении опустилась на постель. Может, другая боль, в которой она не хотела себе признаться, сейчас тоже отступит. Фрали лежала затаив дыхание, в тревожном ожидании,

словно боясь спугнуть кого-то. Боль началась в нижней части спины. Она закрыла глаза и вздохнула, пытаясь отогнать боль. Она приложила руку к низу своего набухшего живота, почувствовала, как сжались мускулы, – и страх охватил ее. «Слишком рано, – подумала она. – Время родиться ребенку придет не раньше следующей луны».

– Фрали... С тобой все в порядке? – спросил Фребек, все еще стоявший со своей водой.

Она попыталась улыбнуться, видя его страх, но силы покинули ее.

– Это кашель, – сказала она. – Весной все болеют.

Никто его не понимает, думала она, и меньше всех – ее мать. Он так старается показать всем, что он чего-то стоит. Потому-то он и не уступал ей, так часто спорил, так легко принимал вызов. Он стеснял Крози. До него никак не доходило, что истинную цену человека – число и меру его дарований, степень его влияния – выказывает то, сколько он берет от своего рода и сколько отдает взамен, а это всем и так сразу видно, без всяких слов. Ее мать пыталась показать ему это, предоставив ему права на Журавлиный очаг – не просто как на место, куда его привела она, Фрали, после того как они соединились; нет, он был вправе считать этот очаг своим родным домом.

Более того, Крози любезно, хотя и нехотя, шла навстречу требованиям своей дочери, давая Фребеку понять, что, хотя Журавлиный очаг считается ее владением – притом что у нее есть кое-что еще, – по праву он принадлежит ему. Но взамен она требовала слишком многого. Крози столько потеряла в своей жизни, что ей было тяжело уступать, а особенно человеку, который изначально имел так мало. Крози боялась, что он не оценит ее жертвы, и ее приходилось постоянно убеждать в обратном. Если бы Фрали стала объяснять это Фребеку, она бы унизила его. Все это – тонкие вещи, их постепенно понимаешь... если когда-то чем-то владел. Но у Фребека никогда не было ничего своего.

Фрали опять почувствовала боль в спине. Если бы она лежала неподвижно, это могло бы пройти само собой... Если бы она могла не кашлять. Она начала раскаиваться, что не обратилась к Эйле хотя бы за средством от кашля... Но нельзя, чтобы Фребек подумал, что она принимает сторону матери. Вступать в долгие объяснения? Но у нее так болит горло, а Фребек начнет защищаться... Как раз в то мгновение,

когда она окончательно усомнилась в принятом решении, кашель возобновился. Она с трудом сдержала крик боли...

– Фрали... Это не просто кашель? – спросил Фребек, тревожно глядя на нее. Нет, от кашля она не стала бы так стонать.

Она помолчала.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ребенок... Ты ведь уже дважды рожала, ты знаешь, как это бывает?

Фрали в последний раз резко откашлялась, сделав вид, что не расслышала вопроса.

* * *

Свет стал пробиваться сквозь завешенное дымовое отверстие, когда Эйла вернулась к своей постели, чтобы взять верхнюю одежду. Большая часть обитателей стоянки поднялась среди ночи. Сначала их разбудил кашель Фрали, потом они поняли, что она мучается не только от простуды. Трони пришлось повозиться с Ташером, который просился назад к своей матери. Вместо этого она подняла его и отнесла в очаг Мамонта. Он продолжал плакать, и Эйла взяла его на руки и обогнула большой очаг, показывая ему разные вещицы, чтобы отвлечь его. Волчонок увязался за ними. Она шла с Ташером через очаг Лисицы, Львиный очаг и дальше – в кухонный очаг.

Джондалар смотрел, как она входит в его нынешнее жилище, укачивая ребенка, и сердце его забилося чаще. В глубине души он хотел, чтобы она подошла поближе, но в то же время он чувствовал беспокойство и смущение. Они почти не разговаривали, с тех пор как он ушел от нее, и он не знал, с чего начать. Он искал какую-нибудь вещицу, которая могла бы занять ребенка, и нашел маленькую кость, оставшуюся от вчерашней трапезы.

– Может, он хочет пососать ее, – сказал Джондалар, протягивая ей кость.

Она взяла кость и протянула ребенку:

– Вот, Ташер, смотри, нравится тебе?

На кости не было мяса, но она еще сохраняла мясной привкус. Ташер засунул расширенный конец себе в рот, пососал, решил, что это

ему понравилось, и затих.

– Хорошая мысль, Джондалар, – заметила Эйла. Она стояла, держа на руках трехлетнего мальчика, совсем рядом со своим бывшим спутником и смотрела на него.

– Так делала моя мать, когда сестренка плакала, – ответил он.

Они глядели друг на друга – и не могли наглядеться. Они не говорили ни слова, но замечали каждую морщинку, каждую тень, мельчайшие изменения со времени их разлуки. «Он похудел», – подумала Эйла. «Как она беспокоится о Фрали, хочет помочь ей, – думал Джондалар. – О Дони, как она прекрасна!»

Ташер уронил кость, и волчонок начал грызть ее.

– Брось! – приказала Эйла, и он послушно бросил кость, но встал возле нее на страже.

– Зачем, пусть грызет... Думаю, Фребеку не понравилось бы, если бы ты дала Ташеру кость, после того как она побывала в зубах у Волка.

– Не хочу, чтобы он брал то, что ему не принадлежит.

– Он и не берет. Ташер уронил кость. Волк, должно быть, подумал, что кость бросили ему, – рассудительно сказал Джондалар.

– Может быть, ты прав... Ладно, беды не будет – пусть себе грызет.

Она подала знак, и волчонок опять вгрызся в кость, а потом направился прямо к постели, которую Джондалар расстелил на полу, рядом с тем местом, где он оборудовал свою мастерскую. Волк улегся в изголовье и начал невозмутимо мусолить свою кость.

– Волк, прочь отсюда! – воскликнула Эйла, устремляясь за ним.

– Все в порядке, Эйла... если только ты не против. Он часто сюда приходит. С ним так уютно, я чувствую себя как дома. Он... он мне нравится.

– Да нет, я не против, – ответила она. – Ты и с Удальцом всегда хорошо ладил. Думаю, ты нравишься животным.

– Но не так, как ты. Тебя они любят. Я... – Внезапно он остановился, нахмурил лоб и зажмурился. Открыв через мгновение глаза, он резко выпрямился, отступил на шаг и более сдержанным, холодным тоном добавил: – Великая Мать богато одарила тебя.

Она внезапно почувствовала, как горячие слезы наполнили ее глаза, как боль обожгла ее глотку. Она опустила глаза и тоже отступила на шаг.

– Судя по всему, у Ташера скоро родится братик или сестренка, – сказал Джондалар, меняя тему.

– Боюсь, что да, – ответила Эйла.

– Почему? Ты боишься, что она не сможет разрешиться? – удивленно спросил Джондалар.

– Конечно сможет, но не сейчас. Слишком рано.

– Ты уверена в этом?

– Нет, не уверена. Меня ведь к ней не пускали, – сказала Эйла.

– Фребек?

Эйла кивнула:

– Не знаю, что делать.

– Не понимаю, почему он не может поверить в твое искусство?

– Мамут говорит: он не может допустить мысли, что плоскоголовые знают что-то о врачевании, а значит, и я не могла от них научиться ничему дельному. Думаю, Фрали в самом деле нужна моя помощь, но Мамут говорит: она сама должна об этом попросить.

– Мамут, должно быть, прав, но если она действительно рожает – она позовет тебя.

– Надеюсь, что позовет, – ответила Эйла, – только как бы не было слишком поздно, чтобы остановить схватки. – Она двинулась назад, и Волк побежал следом за ней. Она поглядела на животное, потом на Джондалара, помедлила, а потом спросила: – Если меня позовут, Джондалар, ты поддержишь пока Волка у себя? Я не хочу, чтобы он увязался за мной и узнал дорогу в Журавлиный очаг.

– Конечно, – ответил Джондалар, – только прибежит ли он сюда?

– Волк, назад! – приказала она.

Звереныш, тихо скуля, вопросительно посмотрел на нее.

– Назад, на постель Джондалара. – Она подняла руку и показала, куда именно. – На постель Джондалара.

Волк пригнулся, поджал хвост и затрусил в указанном направлении. Он сел в изголовье и посмотрел на свою хозяйку.

– Сидеть здесь! – приказала она.

Волчонок опустил голову на лапы и долго смотрел ей вслед, когда она покидала кухонный очаг.

Крози сидела на постели и смотрела, как кричит и содрогается от боли ее дочь. Наконец боль утихла, и Фрали глубоко вздохнула. Но сразу же начался приступ кашля, и Крози показалось, что в глазах ее дочери мелькнуло отчаяние. Она тоже была в отчаянии. Кто-то должен что-то сделать. Схватки шли полным ходом, а кашель лишал Фрали последних сил. У ребенка надежды почти не было: он появлялся на свет слишком рано, а недоношенные дети в племени обычно не выживали. Но Фрали нуждалась в помощи: необходимо облегчить ее кашель и боль, а когда все будет кончено – ее горе. Убедить в чем-то Фрали не удалось, и этого тупого мужика – тоже. Да неужели он не видит, что происходит?

– Фребек, – окликнула его Крози. – Я хочу поговорить с тобой.

Тот был удивлен. Крози редко называла его по имени – и вообще редко обращалась к нему. Обычно она просто кричала на него.

– Что тебе надо?

– Фрали в таком положении, что ничего не слышит. Ты, я думаю, уже и сам понимаешь: она рождает.

Очередной приступ кашля, охвативший Фрали, прервал их разговор.

– Фрали, скажи правду, – обратился к ней Фребек, когда кашель прошел. – У тебя роды?

– Думаю... да, – ответила она.

Он улыбнулся:

– Почему же ты мне не сказала?

– Я... не хотела верить.

– Но почему? – спросил он, обескураженный ее ответом. – Разве ты не хочешь ребенка?

– Слишком рано. Недоношенные дети не выживают, – ответила за нее Крози.

– Не выживают? Фрали, что-то случилось? Это правда, что наш ребенок не выживет? – воскликнул Фребек, до глубины души пораженный страхом. Он с самого утра сегодня чувствовал: что-то не так, – но боялся себе в этом признаться, и он не думал, что все может быть настолько плохо. – Это первый ребенок в моем очаге, Фрали. Твой ребенок, рожденный в моем очаге. – Он стал перед ней на колени и взял ее за руку. – Этот ребенок должен жить. Скажи мне, что он будет жить.

– Я не знаю... – напряженным, хриплым голосом ответила она.

– Я думал, ты знаешь такие вещи, Фрали. Ты же мать. У тебя уже есть двое детей.

– Роды не похожи друг на друга. С каждым ребенком все по-своему, – ответила она. – В этот раз с самого начала было очень трудно. Я боялась выкидыша. Так мне было... не по себе... не знаю... Думаю, слишком рано.

– Почему ты не сказала мне, Фрали?

– Ну и что бы ты сделал? – ответила ему Крози мрачным, почти безнадежным голосом. – Что ты можешь сделать? Что ты знаешь о беременности, о родах? О кашле? О боли? Она ничего тебе не говорила, потому что ты ничем не мог помочь... А того, кто мог помочь, не пускал к ней. А теперь ребенок погибнет, и я не знаю, выживет ли Фрали.

Фребек повернулся к Крози:

– Фрали? С ней ничего не случится! Что может с ней быть? Женщины все время рожают.

– Не знаю, Фребек. Погляди на нее – и посуди сам.

Фрали, не удержавшись, вновь закашлялась, и боль в спине началась снова. Она закрыла глаза, кожа у нее на лбу натянулась, волосы встали дыбом, на лице выступили пятна пота. Фребек вскочил и бросился прочь из очага.

– Куда ты, Фребек? – спросила Фрали.

– Пойду позову Эйлу.

– Эйлу? Но я думала...

– Она с самого начала говорила, что у тебя будут тяжелые роды. Она была права. Если она знала это, значит она и впрямь – целительница. Пока все идет, как она сказала. Я не знаю, во всем ли она права, но что-то делать надо... Если, конечно, ты не возражаешь.

– Зови Эйлу, – прошептала Фрали.

Все видели, как Фребек прошел в очаг Мамонта, – и застыли в напряженном ожидании.

– Эйла, Фрали... – смущенно начал он, слишком нервничая и из последних сил пытаясь сохранить лицо.

– Знаю. Пошли кого-нибудь за Неззи, чтобы она помогла мне, и возьми вот эту чашу. Осторожно, она горячая. Это полоскание для ее горла, – говорила Эйла, направляясь к Журавлиному очагу.

Увидев Эйлу, Фрали сразу почувствовала огромное облегчение.

– Прежде всего – расправь постель и ляг поудобнее, – сказала Эйла, разбирая покрывала и подкладывая Фрали под голову подушки и сложенные шкуры.

Фрали улыбнулась и вдруг невесть отчего заметила, что Эйла по-прежнему говорит с каким-то чудным выговором. Не то чтобы даже с чудным выговором, подумала она, просто ей трудно даются некоторые звуки. Странно, как быстро к этому привыкаешь. Над ее постелью появилась Крози. Она протянула Фрали кусок сложенной кожи.

– Это ее накидка, чтобы принимать роды, – пояснила она, подкладывая кожу ей под спину, в то время как Эйла приподняла Фрали. – Хорошо, что тебя позвали, но схватки уже не остановить. Ой как плохо: я чувую, что это была бы девочка. Какой позор, что она погибнет.

– Не говори раньше времени, Крози, – оборвала ее Эйла.

– Рановато. Ты знаешь.

– Но не приговаривай этого ребенка пока что. Кое-что можно сделать, если срок не слишком уж ранний и если... – она взглянула на Фрали, – если роды пройдут хорошо. Смотри и жди.

– Эйла, ты думаешь, есть надежда? – спросила Фрали с сияющими глазами.

– Всегда есть надежда. Вот, выпей это. Это поможет от кашля, и ты почувствуешь себя лучше. Посмотрим сейчас, как далеко зашло дело...

– Что это за снадобье? – вмешалась Крози.

Эйла посмотрела на пожилую женщину. Голос ее звучал резко и требовательно, но Эйла расслышала в ее вопросе заботу и интерес. Конечно, она говорит тоном, которым не беседуют, а требуют, – привыкла командовать. Но должно быть, она не понимает, как это нелепо и вызывающе, когда тот, у кого нет никакой власти, говорит таким тоном.

– Нижний слой коры дикой черной вишни – он успокоит ее кашель и облегчит родовые муки, – объяснила Эйла, – смешивается с сухими корнями петрушки и измельчается в порошок, чтобы усилить работу мышц и ускорить исход. Роды уже не остановить.

– Хм... – произнесла Крози, понимающе кивнув.

Она знала точный состав, и этого было достаточно. Не то чтобы ей было так уж важно, какие именно травы использует Эйла, – но она

убедилась, что молодая женщина знает свое дело. Крози не разбиралась в лечебных снадобьях, но она поняла, что Эйла в них разбирается.

* * *

В течение дня все подходили на несколько минут, чтобы оказать моральную поддержку, но в одобрительных улыбках сквозила печаль. Они знали, что Фрала предстоит тяжкое испытание и что очень мало надежды на счастливый исход. Для Фребека время тянулось медленно. Он не знал, чего ждать, и чувствовал себя потерянным. Он несколько раз был свидетелем родов, но не помнил, чтобы это занимало так много времени и чтобы рождение ребенка представляло такую трудность для других женщин. Неужели все они мечутся, тужатся и орут?

Для него не осталось места в его очаге – слишком много женщин там набилось. В его помощи не нуждались, никто даже не замечал его. Наконец Фребек поднялся с лежанки Кризавека и вышел. Он решил, что голоден, и направился к кухонному очагу в надежде найти оставленный кусок жареного мяса или еще что-нибудь. Подсознательно он подумал, что надо найти Талута. Ему нужно было с кем-то поговорить, поделиться пережитым с тем, кто мог бы понять его. Возле очага Мамонта Ранек, Дануг и Торнек разговаривали с Мамутом у кострища, частично перекрывая проход. Фребек остановился в нерешительности, не желая прерывать их беседу. Но не мог же он стоять вечно, поэтому он пошел к ним через центральное пространство очага Мамонта.

– Фребек, как она? – спросил Торнек.

– Если бы я знал, – ответил Фребек, немного удивленный его дружеским тоном.

– Я знаю, что ты чувствуешь, – сказал Торнек, криво улыбнувшись. – Я никогда не чувствую себя более бесполезным, чем когда рожает Трони. Не могу видеть, как она страдает, хочу чем-нибудь помочь ей, но... Это должна сделать сама женщина. Такова ее судьба. Меня всегда удивляет, как быстро она забывает боль и муки, увидев ребенка. – Он замолчал, понимая, что сказал слишком много. – Извини, Фребек. Я не имел в виду...

Фребек нахмурился и повернулся к Мамуту.

– Фрали сказала, что ребенку еще не пора родиться. А Крози говорила, что дети, родившиеся прежде времени, не живут. Это правда? Ребенок умрет?

– Я не могу ответить тебе, Фребек. Это в руках Мут, – ответил старик. – Но я точно знаю, что Эйла не сдастся. Это зависит от того, насколько он недоношен. Обычно такие дети очень малы и слабы, поэтому и умирают. Но это происходит не всегда, особенно если срок близок к нормальному. Чем дольше они живут в матери, тем больше шансов. Я не знаю, чем тут помочь, но если кто-нибудь и может сделать что-то, то это Эйла. У нее сильный дар, и я уверяю тебя, ни один целитель не имел лучшей практики. Я знаю из личного опыта, как искусны женщины-целители клана. Одна из них вылечила меня.

– Тебя? Тебя вылечила плоскоголовая женщина? – удивился Фребек. – Я не понимаю. Как? Когда?

– Когда я был молодым, во время моего странствования, – сказал Мамут.

Молодые люди ждали, что он продолжит свой рассказ, но быстро поняли, что больше ничего не услышат.

– Старик, – сказал Ранек, широко улыбаясь, – интересно, сколько историй и тайн спрятаны в тебе за долгие годы жизни?

– Я забыл больше, чем хранит вся твоя жизнь, молодой человек, и я помню очень многое. Я был уже стар, когда ты родился.

– Сколько тебе лет? – спросил Дануг. – Ты знаешь?

– Было время, когда каждую весну я отмечал на изнанке шкур важное событие, случившееся за прошедший год. На это ушло несколько шкур. Одна из них служит церемониальным экраном. Теперь я так стар, что уже потерял счет. Но я скажу тебе, Дануг, сколько мне лет. Моя первая женщина родила троих детей. – Мамут посмотрел на Фребека. – Первенец, сын, умер. Второй ребенок, девочка, родила четверых. Самая старшая из ее детей, девочка, родила Тули и Талута. Ты – первый ребенок женщины Талута. К этому времени женщина первенца Тули может ожидать ребенка. Если Мут даст мне прожить еще один год, я смогу увидеть пятое поколение. Вот какой я старый, Дануг.

Дануг покачал головой. Он даже вообразить не мог, насколько стар Мамут.

– Мамут, ты и Манув – родственники? – спросил Торнек.

– Он – третий ребенок женщины моего младшего двоюродного брата. А ты – третий ребенок женщины Манува.

В этот момент в очаге Журавля послышалось какое-то оживление. Все обернулись посмотреть.

* * *

– Теперь – глубокий вдох, – сказала Эйла, – и еще раз поднатужься. Мы почти уже у цели.

Фрали тяжело вздохнула и опустилась на руки Неззи.

– Хорошо! – подбодрила ее Эйла. – Сейчас! Сейчас! Хорошо... Еще немного...

– Девочка, Фрали! – воскликнула Крози. – Я говорила, что это будет девочка!

– Как она? – спросила Фрали. – Она...

– Неззи, помоги ей – еще должен выйти послед, – сказала Эйла, отирая слизь с ротика ребенка, который пытался издать первый крик. Минута ужасной тишины. А потом – волшебный крик, крик жизни, от которого замирает сердце.

– Живая! Она живая! – воскликнула Фрали. Слезы облегчения и надежды текли по ее щекам.

«Да, живая, – подумала Эйла, – но такая маленькая». Никогда еще она не видела такого слабенького ребенка. Эйла приложила младенца к животу Фрали и вдруг припомнила, что прежде она видела лишь новорожденных из клана. Дети Других с самого начала должны быть меньше. Она помогла Неззи принять послед, потом перевернула ребенка и в двух местах перетянула пуповину заранее припасенными кусочками сухожилий, а потом перерезала ее между двумя перевязями острым кремневым ножом. Теперь, к добру или худу, эта девочка предоставлена самой себе, дышащее, живое человеческое существо. Но следующие несколько дней будут решающими.

Отирая ребенка, Эйла внимательно осмотрела его. Девочка была на вид совершенно нормальной, но маленькой, да и крик ее был слабоват. Эйла завернула младенца в мягкую выделанную шкуру и протянула Крози. Когда Неззи и Тули приняли послед, Эйла убедилась, что Фрали удобно устроена, что она закутана в теплую мамонтовую шерсть, и

положила новорожденную дочь на стиб ее руки. Потом она дала знак позвать Фребека: пусть поглядит на первого ребенка его очага. Крози была рядом.

– Такая маленькая... Она будет жить? – спросил Фребек у Эйлы, но в голосе его слышалась, скорее, мольба.

– Она дышит. И сосет, значит есть надежда. Но чтобы выжить, ей нужна помощь. Надо держать ее в тепле... И еще – ей надо сосать грудь матери, и нельзя, чтобы она тратила силы на что-то еще. Их у нее и так мало. Все молоко, которое она съест, должно идти на рост, – сказала Эйла. Она гневно посмотрела на Фребека и Крози. – И больше не должно быть в этом очаге никаких споров. Это может испугать ее. Даже кричать ей нельзя позволять. У нее нет сил на это.

– Как же сделать, чтобы она не кричала, Эйла? Как же узнать, когда кормить ее, если она не будет кричать? – спросила Фрали.

– Тебе помогут Фребек и Крози – они должны быть с тобой каждое мгновение, так же как тогда, когда ты была беременна, Фрали. Думаю, лучше всего подвязать ее, чтобы она все время была у тебя на груди, – так она точно не застудится. Твой запах и стук твоего сердца будут ей приятны – она к ним привыкла. Но главное, как только она захочет есть – твоя грудь рядом.

– А как менять пеленки? – спросила Крози.

– Помажь ее кожу тем жиром, который я тебе дала, Крози; я еще приготовлю. Оберни ее в сухую и чистую шкуру и обложи сухим навозом, чтобы он впитывал ее выделения. Если она захнычет – перепеленай, но не трогай ее лишней раз. А ты, Фрали, должна отдыхать побольше и не расхаживать, особенно с девочкой на груди. Тебе только хуже будет. Если она проживет ближайшие несколько дней, с каждым днем она будет сильнее. Если ты, Фребек, и ты, Крози, поможете – надежда есть.

* * *

К вечеру, когда солнце погрузилось в облачную грядку, клубившуюся на горизонте, дом был озарен чувством сбывшейся надежды. Большинство обитателей стоянки, поужинав, обычно разжигали огонь, укладывали детей, чистили свою одежду и

собирались вместе потолковать на сон грядущий. Несколько человек устроились в очаге Мамонта у огня, но разговоры их сливались в тихий шепот, словно громкая речь не подобала случаю.

Эйла дала Фрали мягкое успокаивающее питье и уложила ее спать. В ближайшие дни ей будет не до сна. Большинство новорожденных детей в промежутках между кормежками мирно спят, но ребенок Фрали много съест сразу не в состоянии, а потому промежутки между кормлениями будут небольшие. Пока девочка не окрепнет, Фрали придется спать урывками.

Было почти странно смотреть, как Фребек и Крози работают вместе, проявляя в общении друг с другом необычную сдержанность и учтивость. Это у них не всегда выходило, но они очень старались, и их былая враждебность хотя бы отчасти исчезла.

Крози рано легла спать. День был трудный, а она уже немолода. Она устала, а нужно было потом встать и помочь Фрали. Кризавек все еще спал с сыном Тули, а Трони приглядывала за Ташером. Фребек сидел один у очага Журавля, глядя на огонь со смешанным чувством. Он беспокоился о крошечном младенце, ему хотелось защитить первого ребенка его очага. И еще он боялся. Эйла на несколько минут положила ему на руки дочь, пока она и Крози поправляли лежанку Фрали. Он пристально смотрел на девочку, недоумевая, как это кто-то такой маленький может быть таким идеальным. На ее крохотных пальчиках даже ногти росли. Он боялся пошевелиться, боялся, что сломает ей что-нибудь. И очень обрадовался, когда Эйла забрала у него малышку. Но в то же время ему не хотелось отдавать дочь.

Внезапно Фребек поднялся и пошел по проходу. В эту ночь он не хотел оставаться один. Он остановился у края очага Мамонта и посмотрел на людей, сидящих вокруг кострища. Это была молодежь стоянки. И раньше он подошел бы к ним на пути к кухонному очагу, чтобы повидаться с Талутом и Неззи, или с Тули и Барзеком, или Манувом, или Уимезом, или, позднее, с Джондаларом, а иногда и с Данугом. Пусть даже Крози часто находилась у кухонного очага, было легче не заметить ее, чем допустить возможность, что его проигнорирует Диги или посмотрит с пренебрежением Ранек. Но Торнек раньше относился к нему хорошо, а его женщина уже рожала, и он знал, чего это стоило. Фребек глубоко вздохнул и направился к кострищу.

Все громко засмеялись, когда он подошел к Торнеку, и на мгновение ему показалось, что смеются над ним. Он хотел уже уйти.

– Фребек! Это ты! – крикнул Торнек.

– Думаю, еще осталось немного чая, – сказала Диги. – Давай налью тебе.

– Все твердят мне, что это красивая малышка, – сказал Ранек. – Эйла говорит, что у нее есть шанс.

– Нам повезло, что у нас есть Эйла, – сказала Трони.

– Да, повезло, – согласился Фребек.

Все замолчали. Это были первые хорошие слова, которые Фребек произнес об Эйле.

– Наверное, ей можно будет дать имя на Празднике Весны, – сказала Лэти. Фребек не заметил ее, сидящую в тени рядом с Мамутом. – Это было бы хорошим знаком.

– Да, согласен, – сказал Фребек, беря чашку, которую ему протягивала Диги, и успокаиваясь.

– Я тоже собираюсь принять участие в Празднике Весны, – объявила она стеснительно и в то же время гордясь этим.

– Лэти – женщина, – сообщила ему Диги со снисходительным видом взрослой сестры, информирующей другого взрослого, который знает, что это значит.

– С ней проведут в этом году ритуал Первой Радости во время Летнего схода, – добавила Трони.

Фребек кивнул, улыбнулся Лэти, не зная, что сказать.

– Фрали все еще спит? – спросила Эйла.

– Она спала, когда я уходил.

– Я думаю, тоже пойду спать, – сказала она, вставая. – Я устала.

Она дотронулась до руки Фребека:

– Ты позовешь меня, когда Фрали проснется?

– Да, конечно, Эйла... и... спасибо тебе, – тихо сказал он.

* * *

– Эйла, кажется, она растет, – сказала Фрали. – Я уверена в этом: она стала тяжелее и начала оглядываться по сторонам. И сосет она подольше, чем прежде.

– Уже пять дней... Думаю, она становится крепче, – согласилась Эйла.

Фрали улыбнулась, на глазах ее выступили слезы.

– Эйла, не знаю, что бы я делала без тебя. Я проклинаю себя за то, что не позвала тебя раньше. Беременность с самого начала была какая-то неправильная, но, когда мать и Фребек стали ссориться между собой, я не могла принять чью-то сторону.

Эйла кивнула.

– Я знаю, что с моей матерью бывает трудно, но она столько перенесла... Она ведь была вождем, знаешь?

– Я так и думала.

– Я старшая из ее детей, у меня были две сестры и брат... Когда это случилось, мне было столько лет, сколько сейчас Лэти. Мать взяла меня с собой на Оленью стоянку – познакомить с сыном тамошней женщины-вождя. Я не хотела туда идти, и, когда я встретила этого парня, он мне не понравился. Он был старше меня, и его куда больше занимал его статус. Но прежде, чем мы ушли оттуда, она заставила меня согласиться на союз с ним. Мы были створены, и на следующее лето назначили Брачный ритуал. А когда мы вернулись на свою стоянку... ох, Эйла, это ужасно... – Фрали закрыла глаза, пытаясь совладать со своими чувствами. – Никто не знал, что там приключилось... был пожар. Дом был старый, его построили еще для матери. Говорят, солома, и дерево, и кости – все пересохло. Это началось ночью... никто не спасся...

– Я тебе очень сочувствую, Фрали, – откликнулась Эйла.

– Идти нам было некуда, и мы отправились обратно на Оленью стоянку. Они жалели нас, но не были нам рады. Они боялись дурных предзнаменований, и мы утратили свой статус. Они хотели расторгнуть договор, но Крози спорила с ними перед Советом Сестер – и переспорила. Если бы они настояли на своем, Оленья стоянка утратила бы все свое влияние. И летом я соединилась с тем человеком. Мать сказала: я должна. Это все, что у нас осталось. Но счастья я с ним знала немного, хорошо хоть родились Кризавек и Ташер. Мать со всеми вечно спорила, а особенно с моим мужчиной. Она ведь привыкла быть главной, привыкла, что она всем распоряжается, что ей оказывают почтение. Нелегко было ей все это потерять. Она не могла это

перенести. Ее считали ворчливой, злобной брюзгой и не хотели иметь с ней дела.

Фрали помолчала, потом продолжила свой рассказ:

– Когда моего мужчину насмерть забодал лось, они сказали, что мы приносим несчастье, и заставили нас уйти оттуда. Мать пыталась снова выдать меня за кого-нибудь. Они, может, и пошли бы на это. Ведь я все же была дочерью главы стоянки. Но жить с моей матерью никто не хотел. Говорили, что она приносит несчастье, но я думаю, что они не в силах были выдержать ее нрав. Хотя я ее не виню. Просто они не могли понять... И только Фребек поддержал меня. Предложить он мог не много, – Фрали улыбнулась, – но все, что имел, – предложил. Сначала я не была в нем уверена. Положения у него не было никакого, и вообще он был недотепой. Мать он смущал своими манерами. Он пытался придать себе важности, говоря гадости про других. Я решила уйти с ним со стоянки на время – для пробы. Когда я вернулась и сказала матери, что принимаю предложение, она была поражена. Она никогда не могла понять...

Фрали посмотрела на Эйлу и мягко улыбнулась.

– Ты можешь себе представить, что это такое – жить с человеком, который тебя не хочет, которому ты с самого начала безразлична? А потом встретить человека, который любит тебя так, что готов отдать все, что у него есть, и пообещать все, что у него когда-нибудь будет? В первую ночь, когда мы остались одни, он обращался со мной как... как с каким-то сокровищем. Он не мог поверить, что вправе коснуться меня. Я почувствовала с ним, что я... не могу это объяснить... желанна. И когда мы стали жить вместе, все осталось по-прежнему, только с матерью он без конца бранился. И когда для них камнем преткновения стало, видеться ли мне с тобой, Эйла, я не могла унижить его.

– Кажется, я понимаю тебя, Фрали.

– Я все пытаюсь уговорить себя, что дела не так плохи и твои лекарства мне помогли. Я всегда надеялась, что он переменит свое отношение к тебе. Но я хотела, чтобы это произошло по его собственной воле, я не хотела принуждать его.

– Я рада, что это случилось.

– Но как мне быть, если мой ребенок...

– Пока точно сказать нельзя, но думаю, все будет в порядке. Девочка выглядит покрепче.

Фрали улыбнулась:

– Я уже выбрала ей имя. Фребеку понравится. Я назову ее Бекти.

* * *

Эйла стояла рядом с пустой подставкой для хранения припасов, перебирая то, что осталось. Здесь были кучки коры, корешков, семена, связки черенков, узелки с сухими листьями, цветами, плодами. Были и растения, засушенные целиком. Ранек подошел к ней, старательно пряча что-то у себя за спиной.

– В этом году церемония праздника будет особенно великолепной... – Он запнулся, подыскивая верные слова.

– Надеюсь, ты прав, – отозвалась Эйла, думая о своем участии в празднестве.

– Не очень-то уверенно ты отвечаешь, – улыбнулся Ранек.

– Разве? Я в самом деле представляю себе, как Фрали будет давать имя своему ребенку, и за Лэти я рада. Я ведь помню, как счастлива была, когда наконец стала женщиной, и какое облегчение испытала Иза. Просто Мамут кое-что задумал... а я не уверена, что это правильно.

– Я все забываю, что ты ведь с недавних пор принадлежишь к племени мамутои. Ты и не знаешь, что это такое – Праздник Весны. Неудивительно, что ты не предвкушаешь его так, как другие. – Он опустил глаза, беспокойно переступая с ноги на ногу, потом вновь взглянул на нее: – Эйла, ты, я думаю, с большей радостью будешь думать о предстоящем, если... – Ранек вдруг прервался, не договорив, и достал предмет, который он так тщательно прятал. – Я сделал это для тебя.

Эйла посмотрела на подарок, потом на Ранека, и глаза ее расширились от удивления и радости.

– Ты сделал это для меня? Но зачем?

– Потому что я так захотел. Это для тебя – и все. Считай это моим священным даром, – говорил он, убеждая ее принять подарок.

Эйла взяла покрытый резьбой бивень мамонта и, осторожно держа его в руках, стала рассматривать.

– Опять женщины и птицы, – произнесла она с радостью и восхищением, – как те, что ты показывал мне прежде... Но другие.

Ее глаза засветились.

– Я вырезал их нарочно для тебя. Но предупреждаю, – сказал он с глубокой серьезностью, – я вложил в них магическую силу, чтобы они тебе... понравились, и тот, кто их сделал, – тоже.

– Для этого не нужно никакой магии, Ранек!

– Значит, тебе понравилось? Скажи мне, что ты об этом думаешь? – спросил Ранек, хотя не в его обычае было выспрашивать у людей, что они думают о его изделиях.

Он работал для себя и во имя Великой Матери, но сейчас он во что бы то ни стало хотел, чтобы его работа понравилась Эйле. Он вложил все свои устремления и мечты в каждую зарубку, в каждую линию, надеясь, что этот узор, вдохновленный Великой Матерью, окажет магическое воздействие на женщину, которую он любит.

Вглядевшись в резьбу, она заметила, что внизу изображен треугольник. Она знала, что это символ женственности, еще и потому, что число «три» воплощает силы плодородия и освящено Мут. Треугольники окаймляли рисунок; под изображением женщины они были повернуты наружу, под изображением птицы – внутрь. Весь рисунок, окаймленный параллельными линиями и рядом треугольников, представлял собой орнамент, изысканный и приятный на вид, но таивший в себе нечто большее.

– Прекрасная работа, Ранек. Мне особенно понравилось, как ты прочертил эти линии. Это напоминает мне перышки, но в то же время, когда я смотрю на них, я почему-то думаю о воде. Как будто это знаки какие-то...

Улыбка Ранека сменилась радостным смехом.

– Я знал! Я знал, что ты почувствуешь это! Это перья Великой Матери, когда Она обращается в птицу и возвращается к нам весной, и это воды, которыми Она наполняет моря.

– Прекрасно, Ранек, но я не могу оставить это у себя, – сказала она, возвращая подарок.

– Но почему? Я сделал это для тебя, – ответил он, отказываясь принять бивень обратно.

– Что я подарю тебе взамен? У меня нет ничего равноценного.

– Если тебя это беспокоит, я могу дать тебе совет. У тебя есть кое-что гораздо ценнее этого бивня, – улыбаясь, произнес Ранек, и глаза его блеснули насмешливо... и нежно. – Будь со мной, Эйла, – сказал он

более серьезным тоном. – Стань моей женой. Я хочу разделить с тобой очаг, я хочу, чтобы твои дети были детьми моего очага.

Эйла не сразу ответила. Ранек заметил ее колебания и продолжал говорить, пытаясь убедить ее:

– Подумай, сколько у нас общего. Оба мы – мамутой, но оба по рождению чужаки, принятые этим народом. Если мы будем вместе, никому из нас не придется уходить. Мы останемся на Львиной стоянке, будем заботиться о Мамуте и Ридаге, и Неззи будет счастлива. Но самое главное – я люблю тебя, Эйла. Я хочу разделить с тобой всю мою жизнь.

– Я... не знаю, что сказать.

– Скажи «да», Эйла. Давай решим это сегодня, давай объявим о нашем договоре на Празднике Весны. А этим летом заключим наш союз... Тогда же, когда и Диги.

– Не знаю... Я должна подумать...

– Можешь пока не отвечать. – Он надеялся, что она готова ответить немедленно. Сейчас он понял, что это потребует больше времени, но главное – он не хотел, чтобы она сказала «нет». – Просто скажи, что ты дашь мне возможность показать, как я люблю тебя, как счастливы мы могли бы быть вместе.

Эйла помнила, что сказала ей тогда Фрали. Это особое чувство – знать, что есть мужчина, который любит тебя, который никогда тебя не оставит... Да и не хотелось ей уходить отсюда, от людей, которых она полюбила и которые полюбили ее. Львиная стоянка уже стала чем-то вроде ее семьи. Джондалар здесь не останется. Она знала это давно. Он хотел вернуться к своим, когда-то он собирался взять ее с собой. А сейчас, похоже, она и вовсе ему не нужна...

Ранек был хорош собой, он ей нравился. И соединиться с ним – значило остаться здесь. И если она хочет еще родить – надо торопиться. Она не молодеет. Что бы ни говорил Мамут, ей казалось, что восемнадцать лет – это уже немалый возраст. Прекрасно было бы завести еще одного ребенка, думала она. Такого же, как у Фрали. Только покрепче. Она может родить ребенка от Ранека. Будут ли у него темные глаза Ранека, его мягкие губы, его короткий широкий нос, столь отличный от крупных, массивных носов мужчин клана? А у Джондалара нос – как раз что-то среднее между ними... Почему она думает о Джондаларе?

И тут ее обожгла мысль. «Если я останусь здесь, с Ранеком, ведь я смогу тогда вернуться за Дарком. Следующим летом, может быть... Тогда не будет Сходбища клана. А Ура? Почему не взять ее сюда? А если я останусь с Джондаларом, я никогда уже не увижу сына. Зеландонии живут слишком далеко отсюда, и Джондалар не захочет, чтобы я возвращалась за Дарком и брала его с собой. Если бы только Джондалар остался здесь и стал мамутой... но он не останется. – Она поглядела на Ранека и увидела, как светятся любовью его глаза. – Может, я и подумаю, не связать ли жизнь с ним...»

– Я сказала, что подумаю, Ранек.

– Я знаю, но, если тебе нужно время, чтобы решиться на помолвку, по крайней мере, приди ко мне ночью, Эйла. Пообещай, что сделаешь хотя бы это... Приди ко мне, Эйла. – И он взял ее за руку.

Она опустила глаза, пытаясь разобраться в своих мыслях. Она чувствовала сильное подспудное желание ответить на его просьбу. Она понимала, к чему он ведет дело, но что-то говорило ей: она должна уступить ему. И потом, надо дать ему возможность, надо попробовать, как Фрали с Фребекон.

Эйла, не поднимая глаз, кивнула:

– Я приду к тебе.

– Сегодня? – спросил он, дрожа от радости, едва подавляя восторженный крик.

– Да, Ранек. Если хочешь, я приду к тебе. Сегодня.

Глава 26

Джондалар расположил свою постель так, что ему был виден весь очаг Мамонта – достаточно было поглядеть в проход между очагами. Он так привык смотреть на Эйлу, что, пожалуй, уже не задумывался об этом. Это даже не затрудняло его; это было частью его существования. Что бы он ни делал, она всегда была в его мыслях, и он все о ней знал доподлинно. Он знал, когда она спала и когда бодрствовала, когда ела и когда работала над какой-нибудь новой затеей. Он знал, когда и куда она уходила и кто приходил к ней и как долго оставался. Он догадывался даже, о чем они разговаривали.

Он знал, что Ранек проводит здесь большую часть времени. Хотя он и не наблюдал их наедине, он знал, что Эйла не была близка с ним и, кажется, избегала этого. Он уже привык к этому и как-то смирился с происходящим, ревность его понемногу улеглась, поэтому для него совсем неожиданным стало то, что Эйла и Ранек в поздний час, когда все ложатся в постель, направились к очагу Лисицы. Он сначала не поверил своим глазам. Он убеждал себя, что она, должно быть, зашла к нему за какой-то понадобившейся ей вещицей и сейчас вернется к себе. Он понял, что она собирается провести там всю ночь, только когда она приказала Волку возвращаться в очаг Мамонта.

Но когда это случилось – словно огонь вспыхнул в мозгу Джондалара, боль и гнев обожгли все его тело. Первым его желанием было отправиться вслед за ней в очаг Лисицы и вернуть ее. Он представил себе, как усмехается над ним Ранек, и ему захотелось разбить в кровь это смазливое личико, стереть эту ехидную улыбочку. С трудом совладав с собой, он схватил свою парку и пошел прочь из дома.

Джондалар жадно вдыхал холодный воздух, пытаясь охладить свою ревность. Ранней весной часты были заморозки: грязь затвердевала, речки покрывались слоем льда, блестящим, как серебро, глинистая жижа застывала крупными буграми – ходить было трудно. Он потерял в темноте сапог и, с трудом балансируя в темноте, добрался наконец до загона.

Уинни приветственно задышала, а Удалец фыркнул и потерялся о него в темноте, нежно глядя на гостя. Джондалар провел с лошадьми немало времени в течение этой суровой зимы. Им нравилось его

общество, а он отдыхал душой рядом с этими добрыми, теплыми, не задающими никаких вопросов существами. Внезапно он заметил, как шевельнулась завеса, отделяющая конский загон от дома. Потом он почувствовал, как коготки царапают его ногу, и услышал жалобный вой. Он нагнулся и погладил волчонка.

– Волк! – сказал он, улыбнувшись, но отпрянул, когда волчонок лизнул его лицо. – Что ты здесь делаешь? – И улыбка исчезла с его лица. – Она спасла тебя, да? Ты так привык к ней и теперь по ней скучаешь... Я понимаю, что ты чувствуешь. Тяжело остаться ночью одному, ведь ты так долго спал рядом с ней.

Глядя волчонка, Джондалар ощущал, как ослабевает его напряжение, и все не мог решиться опустить его на землю.

– Что же мне с тобой делать, Волк? Не могу же я прогнать тебя назад. Придется уложить тебя с собой.

И тут он нахмурился, сообразив, что возникает проблема. Как вернуться к себе с этим зверенышем? Снаружи холодно, и он был не уверен, что волчонку захочется идти с ним, а если направиться через очаг Мамонта – дальше придется идти через очаг Лисицы. Ничто в мире не заставит его пройти в эту минуту через очаг Лисицы. Ах, почему у него нет здесь с собой постели! В конском загоне не разводили огонь, но если бы он лег между лошадьми, укрывшись шкурами, – было бы достаточно тепло. Оставалось одно – взять волчонка с собой и идти к главному входу.

Он погладил лошадей и, спрятав маленького зверя на груди, отправился в холодную ночь. Усилившийся ветер хлестал его лицо ледяными пальцами и проникал под мех парки. Волк прижимался к нему и скулил, но вырваться не пытался. Джондалар осторожно ступал по ледяному насту и с облегчением вздохнул, добравшись до главного входа.

Он зашел в кухонный очаг; в доме было тихо. Он добрал до своей постели и положил Волка с собой, радуясь, что тот, кажется, готов остаться с ним. Быстро стянув парку и обувь, он забрался под покрывало, прижимая к себе волчонка. Он обнаружил, что спать на полу не так тепло, как на специально предназначенной для этого лежанке; ему приходилось спать в верхней одежде, которая от этого мялась. Потребовалось несколько мгновений, чтобы лучше

устроиться, – но уже скоро волчонок мирно засопел, зарывшись в теплые меха.

Сам Джондалар не был так счастлив. Стоило ему закрыть глаза – он слышал какие-то шорохи и вздрагивал в напряжении. Дыхание, храп, покашливание, шепотки – обычные звуки на ночной стоянке, и никто не обращал на них внимания. Но уши Джондалара слышали то, чего он не хотел слышать.

* * *

Ранек опустил Эйлу на меха и посмотрел на нее.

– Ты такая красивая, Эйла, такая идеальная. Я так хочу тебя, хочу, чтобы ты всегда была со мной. О Эйла... – промолвил он и наклонился, чтобы вдохнуть запах женщины.

Она почувствовала на губах его полные мягкие губы и ответила ему. Он положил руку на ее живот и стал медленно делать круговые движения, слегка надавливая. Потом обхватил ладонью ее грудь, наклонил голову, взял в рот набухший и отвердевший сосок и стал сосать. Эйла застонала, по ее телу пробежала чувственная дрожь, она подняла бедра к нему. Ранек прижался к ней, и она ощутила, как его теплый и твердый член коснулся ее бедра, когда он потянулся, чтобы взять в рот другой сосок. Он сосал с силой, урча от удовольствия.

Его рука пробежала по ее боку и бедру, затем по внутренней стороне бедра, нашла влажные складки, и его пальцы погрузились в ее глубины. Эйла чувствовала, как его пальцы исследуют ее, и потянулась к нему. Ранек опустил на нее, продолжая сосать то один сосок, то другой, потом уткнулся между ними.

– О Эйла. Моя красивая женщина, моя идеальная женщина. Как тебе удалось так быстро завести меня? Это метод Матери. Ты знаешь ее секреты. Моя идеальная женщина...

Он снова стал сосать ее грудь. Эйла ощутила движение внутри себя, и по ее телу пробежала дрожь, потом рука Ранека нашла ее место удовольствия. Она вскрикнула, когда ритмичное трение стало сильнее и быстрее. Почувствовав, что готова, она выгнулась всем телом и издала громкий крик.

Ранек очутился между ее ногами, и она направила его, издав вздох удовольствия, когда почувствовала, что он вошел в нее. Его тело ритмично двигалось, чувствуя приближение высшей точки наслаждения.

– О Эйла, Эйла, я так тебя хочу. Будь моей женщиной, Эйла! Будь моей женщиной! – воскликнул Ранек, чувствуя нарастающий прилив.

Ее крики были похожи на ритмичные вздохи. Он двигался все быстрее и быстрее, пока теплая волна неопишуемого восторга не высвободилась и не накрыла их.

Эйла тяжело дышала, когда Ранек вышел из нее. Давно уже она не делила ни с кем Радость. Последний раз это была ночь ее принятия в мамутои, и она поняла, как ей не хватало этого. Ранек был так счастлив с ней и так хотел доставить ей радость, что действовал слишком жестко, но она была более готова к этому, чем думала, и, хотя все случилось быстро, она не чувствовала себя неудовлетворенной.

– Мне было очень хорошо, – прошептал Ранек. – Ты счастлива, Эйла?

– Да, делить с тобой дары Радости хорошо, Ранек, – ответила она и услышала, как он вздохнул.

Они неподвижно лежали, еще радуясь пережитому. Но мысли Эйлы вернулись к его вопросу. Счастлива ли она? Во всяком случае, не несчастна. Ранек хороший, внимательный человек, и она испытала Радость, но... чего-то не доставало. Это не походило на то, что было с Джондаларом, но она не знала, в чем заключалась разница.

Может быть, она просто еще не привыкла к Ранеку, подумала она, пытаясь подвинуться и лечь удобнее: он оказался тяжеловат. Ранек с улыбкой приподнялся, скатился с Эйлы и лег рядом, прижавшись к ней.

Он уткнулся ей в шею, потом прошептал на ухо:

– Я люблю тебя, Эйла. Я так хочу тебя. Скажи, что ты будешь моей женщиной.

Эйла не ответила. Она не могла ответить «да» и не могла ответить «нет».

* * *

Стиснув зубы, Джондалар завернулся в свое покрывало, до него против его воли доносились шепоты, сдавленное дыхание и тяжелые ритмичные движения из очага Лисицы. Он надвинул покрывало на голову, но не мог заглушить стонов Эйлы. Он закусил губу, сдерживая себя, но в глубине гортани застыл его собственный крик – крик боли и последнего отчаяния. Волк поскуливал, прижимаясь к нему, и слизывал соленые слезы, которые Джондалар не смог сдержать.

Джондалар ничего не мог поделать с собой. Он не мог перенести мысли, что Эйла сейчас с Ранеком. Но это был ее выбор... и его. Что, если она опять придет в постель к резчику? Он не сможет перенести это снова. Но что оставалось ему делать? Ждать. Он должен был знать. Завтра. Утром, на рассвете, он уйдет отсюда.

Джондалар не спал. Он лежал, напряженно вслушиваясь, понимая, что они просто отдыхают и все может возобновиться. И хотя до него не доносилось ничего, кроме храпа, он по-прежнему лежал без сна. В мыслях он вновь и вновь слышал эти звуки, Эйлу и Ранека, вновь и вновь видел их вместе.

Когда первый солнечный луч пробился в глубину жилища, прежде чем кто-то мог его увидеть, Джондалар сложил свою постель в дорожный мешок, надел парку и сапоги, взял копье-металку и вышел. Волк хотел отправиться за ним следом, но Джондалар хриплым голосом приказал ему стоять, и полог за его спиной опустился.

Выйдя из дома, он потуже затянул капюшон, чтобы защитить лицо от ветра, оставив только отверстие для глаз. Джондалар надел перчатки, свисавшие на шнурках из его рукавов, и пошел вверх по склону. Лед хрустел под его ногами; он шагал, спотыкаясь, в тусклом свете серого утра, и горячие слезы текли из его глаз. Теперь ему некого было стыдиться – он был один.

Когда он достиг вершины, в лицо ему яростно задул холодный ветер. Он помедлил, решая, куда ему направить путь, – и в конце концов пошел на юг, к реке. Идти было трудно. Мороз покрыл ледяной коркой подтаявшие сугробы, и он то и дело спотыкался и падал на колени. Чтобы сделать шаг, приходилось напрягаться. Там, где не было снега, земля была грубой, суровой, часто скользкой. Он скользил, оступался и один раз упал, ушибив бедро.

Когда рассвело, ни один солнечный луч не пробивался сквозь затянутое тяжелыми тучами небо. Только рассеянный, но

прибывающий свет свидетельствовал, что ночь кончилась и наступает серый, пасмурный денек. А он шел и шел, и мысли его были далеко, и он не обращал внимания на то, куда, собственно, держит путь.

Почему ему так трудно вынести, что Эйла и Ранек вместе? Почему это так трудно – предоставить им выбор? Разве он хочет, чтобы она осталась с ним? Чувствовал ли кто-нибудь еще что-то подобное? Таковую боль? Что это – ревность, боль от того, что другой касается ее? Страх, что он теряет ее?

Или что-то большее? Он опустошен тем, что утратил ее? Она часто говорила о своей жизни в клане, и он принимал это спокойно, пока не задумался, что скажут об этом его соплеменники. Легко ли будет говорить о ее детстве? Она так свободно вошла в общество людей Львиной стоянки. Они приняли ее без предубеждений, но что, если бы они с самого начала узнали о ее сыне? Он боялся думать об этом. Если он так стыдится ее, проще отпустить ее добровольно, но этой мысли он не мог вынести.

В конце концов жажда одолела его, пересилив мрачные раздумья. Он потянулся к меху с водой – и понял, что забыл его. Дойдя до ближайшего сугроба, он разломил ледяную корку и положил в рот горсть снега. Он поступил так неосознанно. С детства его учили: как бы он ни хотел пить, не брать снег, не растопив его сначала. Будешь глотать снег – простудишься, растапливать снег во рту и то лучше.

Мысль о забытом мехе с водой заставила его мгновенно осознать свое положение. Он понял, что не взял и еды, но вновь отмахнулся от этого. Он был погружен в свои воспоминания: звуки и запахи земляного жилища, образы пережитого преследовали его.

Он шел в белом мареве, чуть не спотыкаясь о сугробы. Если бы он как следует огляделся, то понял бы, что это не просто снежные сугробы, но он шел, не глядя под ноги. Сделав несколько шагов, он по колено провалился под лед – там оказался не снег, а лужица талой воды. Его кожаные сапоги, натертые жиром, почти не пропускали влагу, в них хорошо было ходить по снегу, даже по мокрому, подтаявшему снегу, но не по воде. Холод, обжегший его ступни, наконец вывел его из оцепенения. Он с трудом перебрался через лужу, еще несколько раз провалившись под лед, и почувствовал, как ледяной ветер обжигает его тело.

«Что за глупость! У меня даже нет одежды на смену. И пищи. И воды. Я совсем не готов к путешествию – о чем же я думал? Знаешь о чем, Джондалар», – сказал он себе, зажмурившись от обжигающей боли.

Он чувствовал холод в ступнях и голених; в сапоги набралась вода. Прикинув, нельзя ли обсушиться, прежде чем он пойдет обратно, он понял, что и огонь ему нечем развести. Его сапоги были утеплены мамонтовой шерстью, и, даже промокшие, они защищали от мороза. Он пошел назад, проклиная себя за тупость, каждый шаг давался ему с трудом.

На память вдруг пришел брат. Джондалар вспомнил, как Тонолан оказался в зыбучих песках в устье реки Великой Матери и хотел остаться там. Впервые Джондалар понял, почему Тонолан не хотел жить после смерти Джетамио. Его брат предпочел остаться с народом женщины, которую он любил. Но Джетамио родилась там, а Эйла для мамутой такая же чужестранка, как он. Нет, поправил он себя, Эйла теперь мамутой.

Подходя к дому, Джондалар увидел направляющуюся ему навстречу массивную фигуру.

– Неззи беспокоится о тебе, она послала меня на поиски. Где ты был? – спросил Талут, встретившись с Джондаларом.

– Гулял.

Вождь кивнул. То, что Эйла поделила дар Радости с Ранеком, не было ни для кого секретом, но и гнев Джондалара не остался ни для кого незамеченным, как бы он ни надеялся на обратное.

– Ты промочил ноги.

– Я провалился под лед. Думал, что там сугроб...

Пока они спускались по склону к Львиной стоянке, Талут сказал:

– Смени сейчас же обувь, Джондалар. У меня есть запасная пара...

– Спасибо, – ответил молодой человек, внезапно поняв, как жалка участь чужака. Ничего у него нет своего, он во всем зависит от доброй воли обитателей Львиной стоянки, даже запасной одежды и обуви и то не имеет. Не любил он просить, но, если собирается уходить отсюда, придется, другого выхода нет. А уж когда он уйдет, то не будет больше есть их пищу и расходовать другие их запасы...

– Вот и ты наконец, – сказала Неззи, когда они вошли в дом. – Джондалар! Ты же весь промок. Снимай сапоги... Сейчас я дам тебе

выпить чего-нибудь горячего.

Неzzi поднесла ему горячее питье, а Талут протянул пару старых сапог и сухие штаны.

– Можешь оставить это себе, – сказал он.

– Спасибо, Талут, за все, что ты для меня сделал, но я должен попросить еще об одном одолжении. Я должен покинуть вас. Пора возвращаться домой. Слишком долго я скитался. Пора. Но мне нужна в дорогу пища и кое-какое снаряжение. Когда потеплеет, будет легче раздобыть пропитание в пути, но мне нужно что-то на первое время.

– С радостью дам тебе все, что нужно. Хотя моя одежда тебе великовата – носи ее на здоровье, – сказал вождь, затем улыбнулся, погладил косматую рыжую бороду и добавил: – Но у меня есть мысль получше. Почему бы не попросить Тули снабдить тебя одеждой?

– Почему Тули? – удивился Джондалар.

– Ее первый мужчина был примерно твоего роста, и я уверен, что у нее сохранилось кое-что из его одежды. Она в отличном состоянии, уж Тули-то я знаю.

– Но с чего бы ей отдавать эти вещи мне?

– Потому что тебе их недостает, а она перед тобой в долгу. Если она узнает, что ты нуждаешься в вещах и продовольствии для долгого странствия, она охотно даст их тебе – в счет старого.

– Правильно, – улыбнулся Джондалар. Он и забыл о выигрышном споре. Что ж, это облегчает дело... – Я попрошу ее.

– Но ты же не в самом деле собрался уходить?

– В самом деле. Так скоро, как только смогу, – ответил Джондалар.

Вождь уселся, готовясь к серьезному разговору.

– Сейчас отправляться в путь – неразумно. Все дороги развезло. Посмотри – ты прогуляться вышел и вон в каком виде вернулся, – сказал Талут и добавил: – И я надеюсь, что ты поучаствуешь в нашем Летнем сходе и поохотишься с нами на мамонта.

– Не знаю... – отозвался Джондалар.

Он заметил, что у жаровни сидит и что-то ест Мамут. Это напомнило ему об Эйле. Да он и дня здесь не выдержит! Какой там Летний сход!

– Лучше всего отправиться в долгий путь в начале лета. Это безопаснее. Подождал бы ты, Джондалар.

– Я подумаю, – ответил тот, хотя вовсе не собирался оставаться здесь дольше, чем необходимо для сборов.

– Ну и ладно, – ответил Талут, вставая. – Неззи пообещала мне, что даст тебе супу на завтрак. Она положила туда остатки всяких вкусных корешков.

Джондалар надел обувь Талута, завязал тесемки, встал и пошел к очагу, где Мамут доедал свой суп. Он поприветствовал старика, затем потянулся к одной из мисок и налил себе. Сев напротив него, он достал свой столовый нож и отрезал кусок мяса.

Мамут отставил пустую миску и повернулся к Джондалару:

– Это, конечно, не мое дело... Но я тут случайно услышал, что ты собираешься уходить.

– Да, завтра или послезавтра. Как только соберусь, – ответил Джондалар.

– Рановато! – заметил Мамут.

– Знаю. Талут говорит, что это плохое время для путешествия, но мне уже приходилось странствовать в неподходящее время года.

– Я не о том. Ты мог бы остаться на Праздник Весны, – ответил шаман совершенно серьезным тоном.

– Знаю, это важное событие, все только об этом и говорят, но мне действительно надо уходить.

– Нельзя тебе уходить. Опасно.

– Почему? Что изменится за несколько дней? Все равно еще будет лежать талый снег, и паводки не кончатся. – Он искренне не понимал, почему старик так хочет, чтобы он остался на праздник, не имевший для него особого значения.

– Джондалар, не о тебе речь. Не сомневаюсь, что ты можешь путешествовать в любую погоду. Я думаю об Эйле.

– Эйла? – Джондалар нахмурился, и внутри его все сжалось в комок. – Не понимаю.

– Я научил Эйлу некоторым магическим обрядам очага Мамонта, и я хочу, чтобы она приняла участие в особом ритуале на Празднике Весны. Мы используем корешки, которые она принесла из клана. Она однажды уже пользовалась ими... под руководством своего Мог-ура. Я проводил опыты с разными растениями, которые открывают дорогу в магический мир, но этого корня я не применял, и Эйла прежде не пробовала его одна. Это совсем новый опыт. У нее есть кое-какие

опасения, и резкая перемена может помешать ей. Если ты уйдешь сейчас, это может непредсказуемо подействовать на Эйлу.

– Ты хочешь сказать, что в ходе этого ритуала ей угрожает какая-то опасность? – В глазах Джондалара блеснула тревога.

– Когда имеешь дело с миром духов – это всегда небезопасно, – ответил шаман, – но она путешествовала там одна, и, если это случится снова, она может потерять дорогу. Потому я и учил ее, но Эйла нуждается в помощи того, кто любит ее, кто испытывает к ней сильные чувства. Важно, чтобы ты был здесь.

– Почему я? – спросил Джондалар. – Мы же... мы больше не вместе. Есть другие, кто испытывает к ней... кто любит Эйлу. Другие, кого она...

Старый шаман поднялся на ноги:

– Не могу объяснить тебе это, Джондалар. Это чутье. Я могу сказать одно: когда я услышал, что ты уходишь, меня охватили темные, страшные предчувствия... Не знаю точно, что это, но... видишь ли... нет, яснее сказать не могу. Не уходи, Джондалар. Если ты любишь ее, останься здесь на Праздник Весны.

Джондалар встал и посмотрел в древнее, загадочное лицо старого шамана. Без нужды тот не стал бы говорить такие вещи. Но почему так важно, чтобы он был здесь на Празднике Весны? Мамут ведает что-то, чего не знает он? Что бы это ни было, сомнения шамана убедили его. Он не вправе оставлять Эйлу в опасности.

– Я останусь, – ответил он. – Обещаю тебе, что не уйду до Праздника Весны.

* * *

Прошло несколько дней, прежде чем Эйла вернулась в постель Ранека, но не потому, что он не подталкивал ее к этому. Когда он откровенно попросил ее об этом первый раз, ей было трудно отказать ему. Ее так строго воспитывали в детстве, что, отказав ему, она решила, что сделала что-то ужасно неправильное, и ждала, что Ранек рассердится. Но он воспринял отказ с пониманием и сказал, что ей, конечно, нужно время, чтобы подумать.

Эйла узнала о продолжительной утренней прогулке Джондалара после ее ночи с темнокожим резчиком и предположила, что это как-то связано с ней. Может, это его способ показать, что он все еще любит ее? Но Джондалар вел себя еще более отстраненно. Он старался избегать ее и говорил с ней только по необходимости. Наверное, она делает что-то не так. Он не любит ее. Она почувствовала себя покинутой, когда поняла это, но попыталась не подавать виду.

Зато Ранек всячески давал ей понять, что любит ее. Он продолжал настаивать, чтобы она спала с ним, соединилась с ним у его очага в официально признанном союзе, стала его женщиной. Наконец она согласилась снова разделить с ним его ложе, в основном из благодарности за его понимание, но воздерживалась от постоянных отношений. Она провела с ним несколько ночей, но потом опять решила сделать перерыв на некоторое время. На этот раз ей легче было отказать ему. Она чувствовала, что все происходит слишком быстро. Он хотел, чтобы они дали Обещание на Празднике Весны, который будет через несколько дней. Она хотела подумать. Ей нравилось делить Радость с Ранеком. Он был любящим мужчиной и знал, как доставить удовольствие, и он ей нравился. Но что-то отсутствовало. Была в этом какая-то незавершенность. Она хотела любить, но не любила его.

Джондалар не мог спать, когда Эйла была с Ранеком, и напряжение стало сказываться. Неззи казалось, что он похудел, но в старых одеждах Талута, которые висели на нем, и с нечесаной зимней бородой трудно было сказать определенно. Даже Дануг заметил, что Джондалар выглядит исхудавшим и измотанным, и подумал, что знает причину. Ему очень нравились Джондалар и Эйла, и он хотел бы им помочь, но этого никто не мог сделать. Даже Волк, хотя он и вносил немного покоя в сердце страдальца. Всякий раз, когда Эйлы не было у очага, молодой волк искал Джондалара. Это позволяло мужчине чувствовать, что он не один в своей горе и отверженности. Он понял, что проводит больше времени и с лошадьми, он даже иногда спал с ними, чтобы быть подальше от причиняющих боль сцен в жилище. Он решил, что будет держаться подальше от Эйлы.

В следующие несколько дней погода стала теплее, и Джондалару стало труднее избегать Эйлы. Несмотря на слякоть и половодье, она чаще выводила лошадей, и хотя он пытался ускользнуть, когда видел ее входящей в пристройку, несколько раз все же сталкивался с ней,

бормотал извинения и быстро уходил. Эйла часто брала с собой на конную прогулку Волка, а иногда и Ридага. Но когда она хотела избежать ответственности, то оставляла волчонка с мальчиком, к его удовольствию. Уинни и Удалец были хорошо знакомы с волчонком, они привыкли к нему. И Волк радовался, находясь в компании лошадей, когда он сидел на спине Уинни с Эйлой или бежал рядом, пытаясь не отстать. Это было хорошей практикой и хорошим оправданием для нее, чтобы быть подальше от землянки, которая казалась слишком маленькой, узкой после длинной зимы. Но молодая женщина не могла убежать от сильных чувств, которые бурлили вокруг нее и в ней самой.

Сидя на спине Уинни, она подбадривала и направляла Удальца голосом, свистом и знаками. Но каждый раз, когда ей приходило в голову, что жеребца надо уже приучать к седоку, она думала о Джондаларе и откладывала попытку. Это было не столько сознательное решение, сколько тактика затягивания и горячее желание, что все как-нибудь образуется и что Джондалар объездит его.

Джондалар думал о том же. Во время одной из их случайных встреч Эйла предложила ему вывести Уинни и покататься, настаивая, что она очень занята и что лошади необходимо размяться после долгой зимы. Он уже забыл, какое это наслаждение – скакать на коне навстречу ветру. И когда он увидел, что Удалец рвется из загона и пулей выскакивает из стойла, он подумал, как было бы хорошо скакать на жеребце рядом с Эйлой, оседлавшей Уинни. Джондалар умел править кобылой, но он чувствовал, что она просто терпит его, и ему было не по себе. Уинни была лошастью Эйлы, и, хотя он смотрел на гнедого жеребца и чувствовал симпатию к нему, в его мыслях Удалец тоже принадлежал Эйле.

* * *

Когда Талут вошел в кухонный очаг, Джондалар затягивал ремень на своей новой коричневой рубашке. Через день – Праздник Весны. Все готовились к важному дню: попарились в горячей бане, окунулись в холодную реку и сейчас отдыхали. Впервые с тех пор, как он ушел из дома, у Джондалара был избыток добротной, изящно отделанной одежды, не говоря уже о дорожном мешке, палатке и другом

необходимом в дороге снаряжении. Ему всегда нравились хорошие вещи, и он был искренне благодарен Тули. Она была подозрительна – но теперь все знали, что, кем бы ни были эти зеландонии, а так или иначе, Джондалар происходит из достойного и почтенного племени.

– Как на тебя сшито, Джондалар, – сказал Талут. – Вон та вышивка на плечах – очень к месту.

– Да, одежда что надо, Тули была более чем щедра. Спасибо за хороший совет.

– Рад, что ты решил не уходить сразу. Мы еще повеселимся на Летнем сходе! Тебе понравится...

– Ну... я... я не... Мамут... – Джондалар подбирал слова, силясь объяснить, почему он изменил свое первоначальное решение.

– ...И я уверен, ты поучаствуешь в нашей первой охоте, – продолжал Талут, убежденный, что Джондалар остался, поддавшись его уговорам.

– Джондалар? – Диги была слегка поражена. – Я тебя сперва за Дарнева приняла! – Она обошла вокруг него и улыбнулась, оглядев его со всех сторон. Ей понравился его вид. – Ты побрился, – сказала она.

– Весна. Я решил – время настало.

Он улыбнулся в ответ, и его взгляд дал ей понять, что и она ему приятна.

Заметив это, Диги решила, что Джондалар как раз вовремя побрился и переменял одежду, а то пока он расхаживал в обносках Талута, обросший дремучей бородой, она уже и позабыла, как он хорош.

– Эта одежда тебе к лицу, Джондалар, – сказала Диги. – Подождика Летнего схода. Новички всегда привлекают внимание, и я уверена – женщины мамутои примут тебя радушно.

– Но... – Джондалар все пытался объяснить им, что вовсе не собирается с ними на Летний сход. Ладно, он скажет им позже, перед тем как покинет их...

После их ухода он еще раз примерил одежду для дальнего пути и на каждый день и отправился на свежий воздух – повидать Тули, еще раз поблагодарить ее и показать, как идет ему подаренная одежда. У входа в дом он встретил Дануга, Ридага и с ними Волка. Юноша одной рукой прижимал к себе мальчика, другой – волчонка. Оба были

закутаны в мех, поскольку возвращались с реки после омовения. Дануг опустил обоих на землю.

– Хорошо выглядишь, Джондалар, – знаками показал ему Ридаг. – Все готово к Празднику Весны?

– Да. А ты? – знаками показал он в ответ.

– У меня тоже новая одежда, – улыбаясь, ответил Ридаг. – Неззи сделала для меня, для Праздника Весны.

Джондалар заметил, что Ридаг слегка помрачнел, когда Дануг заговорил о празднике. Он, казалось, не заглядывал вперед так далеко, как другие.

Когда Джондалар исчез за высоким пологом, Дануг тихо прошептал Ридагу:

– Сказать ему, что Эйла тоже там? Когда он видит ее, то бежит прочь как угорелый.

– Нет. Он хочет видеть ее. Она хочет видеть его. Знаки делают верные, слова не те, – показал Ридаг.

– Ты прав, но как им быть? Как понять друг друга?

– Забыть слова. Давать знаки, – ответил Ридаг, поднял с земли волчонка и занес его в дом.

Джондалар сразу понял то, чего мальчик не сказал ему. Эйла с двумя лошадьми стояла как раз перед входом. Именно она поручила Ридагу волчонка – она собиралась отправиться на дальнюю прогулку. Ей нужно было развеяться. Ранек требовал ее согласия, а она никак не могла собраться с мыслями. Она надеялась, что поездка верхом поможет ей принять решение. Когда она увидела Джондалара, ее первым порывом было предложить ему покататься на Уинни, как прежде: она знала, что Джондалар любит это, и надеялась, что его любовь к лошадям сделает его ближе к ней. Но ей самой тоже хотелось проехать. Она мечтала об этом и как раз собиралась в путь.

Еще раз поглядев на него, она затаила дыхание. Он сбрил бороду одним из своих острых кремневых ножей и выглядел в точности как прошлым летом, когда они повстречались впервые; сердце ее забило, а лицо вспыхнуло. Он помимо своей воли подал ответный знак, и магнетическая сила его взгляда затянула ее.

– Ты сбрил бороду, – сказала она.

Сама не осознавая, она обратилась к нему на языке зеландонии. В первое время он не мог понять, что изменилось, а когда понял, не смог

сдержат улыбку. Давно он уже не слышал родного языка! Улыбка ободрила ее, и у нее возникла удачная мысль.

– Я как раз собиралась на прогулку верхом на Уинни, я подумала, что кто-то должен начать объезжать Удальца. Может, ты поедешь со мной и попробуешь поскакать на нем? Сегодня как раз подходящий день. Снег сошел, появилась свежая травка, но грунт еще не затвердел, – говорила она, стремясь начать решающее объяснение, пока что-нибудь еще не приключилось и не отдалило его вновь.

– Я... я не знаю, – заколебался Джондалар. – Я думал, ты хочешь объездить его первая.

– Он привык к тебе, Джондалар, и не важно, кто сядет на него первым, – пусть у него будет два хозяина: один – чтобы успокаивать и умирять его, второй – чтобы подгонять.

– Пожалуй, ты права, – ответил он, нахмурившись. Он не знал, стоит ли ему отправляться с ней в степь, но отказаться было неудобно, кроме того, ему так хотелось поездить верхом. – Если ты в самом деле хочешь, пожалуй...

– Я схожу за недоуздом, который ты для него сделал. – И Эйла устремилась в конский загон, пока Джондалар не переменял своего решения. – Почему бы нам не направиться вверх по склону?

Он начал было раскаиваться, но она двинулась прежде, чем он успел опомниться. Он подозвал лошадь и повел к широкому плато наверху. У самой вершины он поравнялся с Эйлой. Она перекинула через плечо дорожный мешок и сосуд с водой, в руках у нее были поводья. Когда они достигли равнины, Эйла направила Уинни к холму, который облюбовала для уединенных прогулок, когда еще не позволяла другим обитателям Львиной стоянки, особенно малолетним, садиться на свою кобылицу. Привычным движением она прыгнула на спину лошади:

– Садись, Джондалар. Поскачем вместе.

– Вместе?! – спросил он, чуть ли не впадая в панику. При столь неожиданном повороте он готов был ретироваться.

– Пока не найдем хорошую открытую площадку, здесь начинать нельзя. Удалец может побежать в глубь ущелья или вниз по склону.

Он попался в ловушку. Как сказать ей, что он, дескать, не хочет проехать с ней небольшое расстояние верхом на одной лошади? Нехотя

он взобрался на спину кобылицы, стараясь не касаться Эйлы. Как только он уселся, Эйла пустила Уинни вскачь.

Это было неожиданно. На скачущей во весь опор лошади никак не удавалось сидеть, не прижимаясь к Эйле. Сквозь одежду он ощущал тепло ее тела, вдыхал приятный аромат сухих цветов, которые она использовала при омовении, смешанный с привычным женским запахом. С каждым шагом лошади он ощущал, как ее ноги, бедра, спина все теснее прижимаются к нему, и чувствовал, как напрягается его мужской орган. Голова его кружилась, он с трудом удерживался, чтобы не поцеловать ее в шею, не сжать в объятиях ее полную, крепкую грудь.

Зачем он согласился? Почему он не смог отказать ей? Какой смысл ему объезжать Удальца? Вместе им больше скакать не придется. Он слышал, люди говорят: Эйла и Ранек обмениваются Обещаниями во время Праздника Весны. А он отправится в долгое путешествие – домой...

Эйла приказала Уинни остановиться.

– Как ты думаешь, Джондалар, хорошая площадка там, впереди?

– Да, выглядит неплохо, – поспешно согласился он, спешиваясь.

Эйла перекинула ногу через спину лошади и прыгнула с другой стороны. Ее лицо горело, глаза светились. Во время этой скачки она глубоко вдыхала его мужской запах, млела в тепле его тела, ее охватывала дрожь, когда она ощущала нечто твердое, горячее у него между ног. «Я почувствовала его нетерпение, – подумала она. – Почему же он так поспешно отпрянул, как только мы остановились? Больше не хочет меня? Не любит меня?»

Теперь их разделяла лошадь, и оба они постарались совладать с собой. Эйла свистнула Удальца – но не тем свистом, которым она обычно подзывала Уинни, и, пока она чесала и гладила его, разговаривала с ним, она успокоилась настолько, что в силах была вновь повернуться к Джондалару.

– Хочешь надеть на него уздечку? – спросила она, ведя молодого жеребца к куче крупных костей, видневшейся поодаль.

– Не знаю. А ты что бы сделала? – спросил он. Он тоже успокоился, и теперь его мысли занимала предстоящая скачка на необъезженном жеребце.

– Уинни я никогда ничем не направляла, только ногами, но Удалец привык, что его водят под уздцы. Думаю, можно их использовать.

Они надели на молодого коня поводья. Чувствуя что-то непривычное, он был беспокойнее, чем обычно, и они погладили его, чтобы он пришел в себя. Они приготовили несколько мамонтовых костей, чтобы Джондалару легче было взобраться на коня, затем некоторое время вдвоем вели жеребца. По совету Эйлы Джондалар гладил шею, бока, ноги Удальца, прижимался к нему, чтобы тот привык к его прикосновениям.

– Когда усядешься на него – держись за шею. Он может попытаться сбросить тебя сзади, – говорила Эйла, пытаясь в последний момент дать еще один совет. – Но он привык возвращаться в долину с поклажей – так что он, может быть, и к тебе привыкнет без большого труда. Держи поводья, чтобы он не упал и не сбросил тебя, но я бы на твоём месте дала ему бежать куда хочет – пока не устанет. Я буду скакать следом – верхом на Уинни. Ты готов?

– Думаю, да. – В его улыбке сквозила тревога.

Стоя на груди крупных костей, Джондалар прижался к крупу Удальца, говоря с ним, а Эйла тем временем держала голову жеребца. Затем он закинул ногу ему за спину, уселся и обхватил руками шею Удальца. Почувствовав тяжесть, черный жеребец поднял уши. Эйла отпустила его. Он подпрыгнул, потом изогнул шею, пытаясь сбросить Джондалара, но тот крепко держался. Затем, словно оправдывая свое имя, конь перешел на галоп и во весь опор помчался по степи.

Джондалар ежился на холодном ветру, чувствуя, как охватывает его какое-то дикое веселье. Он смотрел, как убегает из-под ног земля, – и не мог поверить себе. Он в самом деле скакал на молодом жеребце, и это было точно так же прекрасно, как он предвкушал. Он зажмурился, чуя огромную силу, играющую в каждом мускуле, как будто его впервые в жизни омыла жизнетворная сила самой Великой Матери и он получил свою долю Ее созидательной мощи.

Он почувствовал, что молодой конь начал уставать, и, расслышав сзади стук копыт, оглянулся. Следом скакала на Уинни Эйла. Он восхищенно и радостно улыбнулся, глядя на нее, и ее ответная улыбка заставила его сердце биться сильнее. Все остальное стало для него не важно в это мгновение. Вся его жизнь была в это мгновение в безумной скачке на необъезженном жеребце и в обжигающе прекрасной улыбке женщины, которую он любил.

Наконец Удалец замедлил бег, и Джондалар спрыгнул на землю. Молодой конь стоял, свесив голову почти до земли и тяжело дыша. Уинни подскакала к нему, и Эйла тоже спрыгнула на землю. Вынув из мешка несколько кусочков кожи, она дала один из них Джондалару, чтобы он отер пот со своего коня, вторым растерла Уинни. Лошади в изнеможении жались друг к другу.

– Эйла, никогда в жизни не забуду этой скачки, – сказал Джондалар.

Давно уже он так не расслаблялся! Они смотрели друг на друга улыбаясь, заходясь в веселом смехе. Радость на миг соединила их. Не размышляя, она потянулась поцеловать его – и он уже почти сделал ответное движение, но вдруг вспомнил о Ранеке. Внезапно напрягшись, он разорвал кольцо ее рук.

– Не играй со мной, Эйла, – хрипло сказал он и отстранил ее.

– Не играть с тобой? – переспросила она, и глаза ее наполнились болью.

Джондалар закрыл глаза, скрипнул зубами и покачнулся, из последних сил стараясь совладать с собой. А потом лед тронулся, – это было уже чересчур. Он обнял ее, поцеловал тяжелым, засасывающим, отчаянным поцелуем. В следующее мгновение они оказались на земле, и он пытался освободиться от одежды.

Она хотела помочь ему, но он не в силах был ждать. Он нетерпеливо обхватил ее, и она услышала, как он со всей страстью – страстью, которую больше невозможно было сдерживать, – рвет швы на ее одежде. Расстегнув свои штаны, он бросился на нее, обезумев от страсти, его твердый, напрягшийся член рвался к ее лону.

Она старалась направить его, чувствуя, как в ней разгорается ответный жар. Но что его так возбудило? Почувствовал ли он, что она хочет его? Но за всю зиму не было ни одной минуты, когда она не была готова отдаться ему. Она так долго ждала, чтобы он захотел ее!

С такой же страстью, как он, она открылась ему, пригласила его в себя, дала ему то, что он, казалось ему, берет сам.

Он кричал от невероятной радости – радости быть с ней. Впервые он чувствовал подобное. О Дони, как он скучал по ней! Как он хотел ее!

Наслаждение охватило его, волнами омывая все его тело. Он вновь и вновь нырял в эти волны, и она тянулась к нему, охваченная голодной и мучительной страстью. Не ослабевая, не уставая, он вновь и вновь

погружался в нее, и она всякий раз радостно встречала его, пока последняя волна Радости – ее вершина – не омыла их обоих.

Он целовал ее шею, ключицы, рот. Потом он вдруг остановился, так же внезапно, как начал.

– Ты плачешь! Я сделал тебе больно! – Он вскочил на ноги и поглядел на нее сверху. Она лежала на земле, вся ее одежда была изорвана. – О Дони, что я наделал? Я ее изнасиловал! Как я мог так поступить? Ей только в первый раз было так больно. А я сделал это... О Дони! О Великая Мать! Почему ты позволила мне так поступить?

– Нет, Джондалар! – сказала Эйла. – Все в порядке. Мне совсем не больно.

Но он не слушал ее. Он повернулся спиной, не в силах смотреть на нее, и пошел прочь, охваченный ненавистью к себе, чувствуя позор и раскаяние. Если он не в силах не делать ей больно – ему надо избегать ее. «Она права, выбрав Ранека, – думал он. – Я ее недостоин».

Он услышал, что Эйла встала и приблизилась к лошадям. Потом она направилась к нему и положила ладонь ему на плечо:

– Джондалар, ты вовсе не...

Он стремительно повернулся и прорычал, полный гнева на самого себя:

– Отойди от меня!

Эйла отпрянула. Неужели она опять сделала что-то не так?

– Джондалар... – робко сказала она, делая шаг вперед.

– Отойди от меня! Ты что, не слышишь? Когда ты так близко, я могу снова потерять контроль над собой и еще раз изнасиловать тебя!

Это прозвучало как угроза.

– Джондалар, ты не можешь изнасиловать меня! Я всегда готова к тебе...

Он продолжал идти, возвращаясь к Львиной стоянке. Некоторое время Эйла смотрела ему вслед, пытаясь понять причину своего смутения. Потом вернулась к лошадям, взяла Удальца за повод и, ухватившись за гриву Уинни, вскочила на кобылу и быстро нагнала Джондалара.

– Ведь ты не собираешься идти пешком весь обратный путь?

Сначала он не ответил, даже головы не повернул посмотреть на нее. Если она думает, что он снова поедет верхом рядом с ней...

Уголком глаза он заметил, что она ведет за собой жеребца, и наконец обернулся.

В его взгляде были нежность и желание. Она казалась еще более притягательной, еще более желанной, и он любил ее еще сильнее, чем когда-либо, теперь, когда понял, что все испортил. Она до боли хотела быть рядом с ним, сказать ему, как замечательно все было, как ей было хорошо с ним, как она его любит. Но он был слишком сердит, а она слишком смущена.

Они смотрели друг на друга с любовью, их влекло друг к другу. Но их молчаливый крик любви потерялся в буре непонимания.

Глава 27

– Я думаю, ты должен возвращаться на Удальце, – сказала Эйла. – Это долгий путь.

Долгий путь, подумал Джондалар. Как далеко он зашел от своего дома? Но он кивнул и последовал за ней к камню у небольшого ручья. Удалец не привык к седокам. Лучше подходить к нему осторожно. Жеребец прижал уши, отскочил, но быстро успокоился и последовал за своей матерью, как делал это уже много раз.

На обратном пути они не разговаривали, а когда прибыли на место, оба были рады, что никого не встретили возле жилища и не пришлось вести пустые разговоры. Как только они остановились, Джондалар спешил к входу. Он обернулся к Эйле, чувствуя, что должен что-то сказать.

– Хм... Эйла?

Она остановилась возле пристройки и посмотрела на него.

– Знаешь, я никогда не забуду этот день. Я имею в виду прогулку верхом. Спасибо тебе.

– Не надо меня благодарить, Джондалар. Благодарю Удальца.

– Да, но Удалец был не один.

– Ты был с ним.

Он хотел сказать еще что-то, но передумал, нахмурился, опустил голову и ушел через передний вход.

Эйла посмотрела на то место, где он стоял, закрыла глаза и попыталась удержать слезы. Успокоившись, она вошла в загон. Хотя лошади уже напились из ручьев по пути, она налила воды в большие питьевые чаны, потом взяла куски мягкой кожи и стала снова вытирать Уинни. Она обняла кобылу, прижалась лбом к косматой шее своей старой подруги, единственной подруги, которая у нее была, когда она жила в долине. Потом и Удалец прижался к ней, и она оказалась зажатой между двух лошадей, но это успокаивало.

Мамут видел, как Джондалар вошел в дом, и слышал, что Эйла возится с лошадьми в загоне. Он чутьем понимал, что что-то не так. Когда она появилась в Мамонтовом очаге, ему показалось сначала, что она упала и больно ударилась. Но тут было нечто большее. Старик был обеспокоен не на шутку. Встав с лежанки, он подошел к Эйле.

– Надо бы повторить тот ритуал клана с могучим корнем, – сказал он. – Давай попробуем еще раз – надо убедиться, что ты сделаешь все правильно.

– Что? – рассеянно спросила она, поглядев на него. – Ах да. Как хочешь, Мамут.

Она опустила волчонка на землю, но тот немедленно вскочил и помчался в Львиный очаг – к Ридагу.

Она стояла погруженная в свои мысли. Вид у нее был такой, словно она готова расплакаться.

– Так ты сказала, – начал он, надеясь мало-помалу разговорить ее, чтобы как-то облегчить ее бремя, – что Иза учила тебя, как приготовить напиток...

– Да. И как подготовиться самой.

– Твой Мог-ур, Креб, следил за тем, как ты все делаешь?

Она помолчала.

– Да.

– Он, должно быть, был очень силен.

– Его тотемом был Пещерный Медведь. Он избрал его, дал ему силу.

– Участвовал ли кто-то еще в ритуале?

Эйла опустила голову, потом кивнула.

– Этот человек помогал ему не утратить контроля за происходящим?

– Нет. У Креба было силы больше, чем у них всех. Я знаю, я чувствовала это.

Он взял ее за подбородок:

– Расскажи-ка мне об этом поподробнее, Эйла.

Она кивнула:

– Иза никогда не показывала мне, как это делается, она говорила, что это слишком священная вещь, чтобы использовать ее все, но она пыталась в точности описать мне все это. Когда мы пришли на Сходбище клана, мог-уры не хотели, чтобы я готовила для них напиток. Они сказали, что я – не из клана. Может, они и правы. – Эйла кивнула и опять опустила голову. – Но больше некому было.

«Не начинает ли она понимать...» – подумал Мамут.

– Кажется, я сделала напиток слишком сильным – и слишком много. Они его так и не допили. Потом, после церемонии, во время

женских танцев, я нашла эти остатки. Я была возбуждена, у меня кружилась голова, и я подумала: интересно, почему это Иза сказала, что выливать священный напиток нельзя? Ну вот я и... выпила его. Я не помню, что после этого случилось, – и все равно я этого никогда не забуду. Каким-то образом я присоединилась к Кребу и мог-урам, и они старались вернуть меня к началу бытия. Я вспомнила теплые воды моря, омывающие глинистые берега... Клан и Другие – все мы пошли из одного корня, ты знаешь это?

– Меня это не удивляет, – ответил Мамут, думая о том, сколько он мог бы почерпнуть из этого опыта.

– Но мне было очень страшно, особенно пока Креб не нашел меня и не стал мной руководить. И еще: с тех пор я не такая, как прежде. Мои видения... как-то испугали меня. Думаю, они меня изменили.

Мамут кивнул:

– Это многое объясняет. Я все удивлялся, как это ты умеешь делать столько вещей, не обучаясь.

– Креб тоже изменился. Благодаря мне он увидел что-то, чего не видел раньше. Я сделала ему больно, не знаю как, но сделала, – закончила Эйла, заливаясь слезами.

Мамут обнял ее, и она, дрожа и тихо всхлипывая, прижалась к его плечу. Слезы полились из ее глаз рекой – теперь она плакала о другом, о недавнем горе. Она больше не могла сдерживать слезы – слезы обиды, отвергнутой любви.

* * *

Джондалар наблюдал за ними от кухонного очага. Он хотел объясниться с Эйлой, пытался придумать, что сказать. Но тут к ней подошел Мамут. Когда Джондалар увидел, что Эйла плачет, он решил, что она все рассказала старому шаману. Лицо его вспыхнуло от стыда. Он не мог не думать о том, что случилось в степи, и чем больше думал, тем хуже ему становилось.

«И потом, – сказал он сам себе, – все, что ты сделал, – это ушел. Ты даже не попытался помочь ей, даже не попытался извиниться перед ней или сказать, как тебе плохо и стыдно». Джондалар ненавидел себя и хотел собрать все свои вещи и уйти, не видеть ни Эйлы, ни Мамута,

никого другого. Но он обещал Мамуту, что останется до Праздника Весны. «Мамут сейчас думает, что я поступил низко, что меня следует презирать. Так будет ли хуже, если я нарушу обещание?» Но его удерживало нечто большее, чем обещание. Мамут говорил, что Эйле может грозить опасность, и, как бы Джондалар ни ненавидел себя, как бы он ни хотел убежать, он не мог оставить Эйлу одну перед лицом беды.

* * *

– Теперь тебе лучше? – спросил Мамут, когда она выпрямилась и вытерла слезы.

– Да, – ответила она.

– И ты не обижена?

Эйла удивилась этому вопросу. Как он узнал?

– Нет, совсем нет. Но он думает, что обижена. Я хочу его понять, – сказала она, сдерживая слезы, вновь готовые хлынуть. Она попыталась улыбнуться. – Я не плакала так много, пока жила в клане. Слезы их беспокоили. Иза считала, что у меня слабые глаза, потому что они наливались влагой, когда я была печальна. И она всегда лечила их специальным лекарством, когда я плакала. Помню, я удивлялась: это только я такая или у всех Других слезящиеся глаза?

– Теперь ты знаешь, – улыбнулся Мамут. – Слезы даны нам, чтобы облегчать боль. Жизнь не всегда легкая.

– Креб говорил, что с мощным тотемом не так-то просто жить. Он был прав. Пещерный Лев дает не только мощную защиту, но и трудные испытания. Они многому меня научили, и я всегда была благодарна, но это нелегко.

– Однако необходимо, я думаю. Ты была избрана для особой цели.

– Почему я, Мамут?! – воскликнула Эйла. – Я не хочу быть особой. Я хочу быть женщиной, найти своего мужчину и иметь детей, как любая другая женщина.

– Ты должна быть тем, кем должна быть, Эйла. Это твоя судьба, твое назначение. Если бы ты была не в состоянии выполнить это, тебя не избрали бы. Может быть, это что-то, что только женщина сможет сделать. Но не чувствуй себя несчастной, дитя. В твоей жизни будут не

только испытания и слезы. Будет и много счастья. Просто счастье может оказаться не таким, какого ты хочешь или каким ты его видишь.

– Мамут, теперь и у Джондалара тотем – Пещерный Лев. Он тоже был избран и отмечен, как и я. – Она инстинктивно коснулась шрамов на ноге, но они были скрыты одеждой. – Я думала, что он избран для меня, потому что у женщины с мощным тотемом должен быть и мужчина с таким же мощным тотемом. А теперь я не знаю. Ты думаешь, он станет моим мужчиной?

– Это будет решать Мать. И чтобы ты ни делала, ты не можешь это изменить. Но если он был избран, должна быть причина для этого.

* * *

Ранек знал, что Эйла уехала с Джондаларом. Он рыбачил вместе с другими, но весь день его беспокоила мысль о том, что зеландонии может забрать у него возлюбленную. В одежде Дарнева Джондалар был неотразим, и резчик с его развитым эстетическим чувством понимал, что окружающие, в особенности женщины, не могли остаться равнодушными к чужестранцу. Но Эйла и Джондалар все так же держались порознь и были, кажется, по-прежнему отчуждены друг от друга, и Ранека это успокоило, но, когда он позвал ее к себе, она ответила, что устала. Он улыбнулся и пожелал ей спокойной ночи, радуясь, что она, по крайней мере, спит одна, если уж не с ним.

Эйла не столько устала, сколько была эмоционально истощена. Она долго пролежала в постели, не смыкая глаз. Она рада была, что Ранека не было в доме, когда они с Джондаларом вернулись, и что он не рассердился, когда она в очередной раз ему отказала, – она все еще инстинктивно ожидала гнева и наказания за неповиновение мужчине. Но Ранек не был требователен, и его чуткость чуть было не заставила ее согласиться на его предложение.

Ей хотелось понять, что произошло, и даже более того, как она к этому относится. Почему Джондалар взял ее, если он ее не хотел? И почему он был так груб с ней? Он был почти как Бруд. Тогда почему она всегда готова принять Джондалара? Когда Бруд взял ее силой, то было тяжкое испытание. Выходит, это любовь? Она испытала Радость,

потому что любит Джондалара? Но с Ранеком она тоже испытывала Радость, хотя и не любит его. Или любит?

Может быть, любит в некотором роде, но это не любовь. Нетерпение Джондалара напомнило ей пережитое с Брудом, но это было не то же самое. Он был груб, возбужден, однако не применял силу. Она знала разницу. Бруд хотел только причинить ей боль и заставить ее отдаться ему. Джондалар хотел ее, и она отвечала ему всем телом, каждой клеткой своего существа и ощущала себя до конца удовлетворенной. Разве она чувствовала бы себя так, если бы он причинил ей боль? Разве он применил бы силу, если бы она не хотела его? Нет, подумала она, он не сделал бы этого. Если бы она запротестовала, оттолкнула его, он, несомненно, остановился бы. Но она не возразила, она приветствовала его, хотела его, и он должен был чувствовать это.

Он хотел ее, но любил ли он ее? То, что он хотел разделить с ней Радость, еще не означает, что он по-прежнему любит ее. Наверное, любовь могла усилить удовольствие, но можно ведь иметь одно без другого. Ранек показал ей это. Ранек любит ее, в этом она не сомневается. Он хочет соединиться с ней, хочет жить с ней, хочет ее детей. Джондалар никогда не просил ее соединиться с ним, никогда не говорил, что хочет ее детей.

Хотя раньше он любил ее. Может быть, она потому испытала Радость, что любит его, даже если он ее больше не любит. Но он все еще хотел ее, и он взял ее. Почему он был потом так холоден? Почему он снова ее отверг? Почему перестал любить ее? Когда-то она думала, что знает его. Теперь она совсем его не понимала. Она сжалась в комок и снова тихо заплакала, надеясь, что Джондалар снова полюбит ее.

* * *

– Я рад, что решил пригласить Джондалара на первую охоту на мамонта, – сказал Талут Неззи, когда они удалились к Львиному очагу. – Он все ночи проводит, готовя копье. Я думаю, он действительно хочет пойти.

Неzzi посмотрела на него, подняв бровь и качая головой.

– Охота на мамонта – это последнее, что занимает его ум.

Она подоткнула мех вокруг спящей светловолосой головки своей младшей дочери и улыбнулась, глядя на почти уже женские формы своей старшей, свернувшейся калачиком рядом с сестрой.

– Мы должны подумать об отдельном спальном месте для Лэти на следующую зиму. Она уже станет женщиной, но Руги будет скучать без нее.

Талут оглянулся и увидел гостя, который вытряхивал из постели кремневые крошки и одновременно пытался увидеть Эйлу сквозь лабиринт очагов. Не увидев ее, он посмотрел в сторону Лисьего очага. Талут повернул голову и увидел, что Ранек ложится на свою лежанку один, но и он тоже поглядывает на лежанку Эйлы. Неззи, вероятно, права, подумал он.

Джондалар бодрствовал, пока последний человек не покинул кухонный очаг. Он трудился над длинным кремневым лезвием, которое он насадит на крепкое древко так же, как это делает Уимез. Джондалар учился делать копье для охоты на мамонта, сначала копируя уже готовое. Часть его ума отмечала все нюансы мастерства. У него уже появились идеи, как можно усовершенствовать оружие или хотя бы провести интересные эксперименты. Работа была знакомым процессом, не требующим особой концентрации внимания, и это было ему на руку. Он не мог думать ни о чем другом, кроме Эйлы, и использовал работу как способ избежать компании и разговоров и побыть одному со своими мыслями.

Он испытал огромное облегчение, когда увидел, что она идет к своей лежанке одна. Он бы не вынес, если бы она пошла к лежанке Ранека. Джондалар аккуратно сложил свою новую одежду, лег и накрылся новой меховой полстью, лежащей поверх его старого походного матраца. Положив руки под голову, он устался на хорошо знакомый потолок кухонного очага. Многими ночами он лежал без сна, изучая его. Его все еще мучили угрызения совести, и он испытывал стыд, но в эту ночь не от жгучей боли желания. Как бы он ни ненавидел себя за это, он помнил Радость того дня. Он думал об этом, вспоминал каждую мелочь, медленно смакуя теперь то, на что у него не было времени раньше.

Сейчас он был более расслаблен, чем когда-либо со времени обряда принятия Эйлы, и в полудремотном состоянии его стали обуревать разные мысли. Может быть, он лишь вообразил себе, что она

отдается ему с таким желанием? Наверное, вообразил. Не могла она так желать его. Неужели она действительно отвечала ему с таким чувством? Тянулась к нему, словно хотела его так же, как он хотел ее. Джондалар чувствовал напряжение в бедрах при мысли о ней, о том, как он входит в нее, как тепло ее глубин обволакивает его. Но это ощущение было не таким острым, оно более походило на теплый отблеск огня, а не на неистовую, причиняющую боль смесь подавляемого желания, огромной любви и жгучей ревности. Он хотел заняться с ней любовью – он любил доставлять ей удовольствие – и уже начал было подниматься, чтобы снова идти к ней.

И только когда он откинул мех и сел, события этого дня вновь напомнили о себе. Он не смеет пойти к ее постели. Никогда. Он никогда не сможет больше дотронуться до нее. Он потерял ее. И это уже не вопрос выбора. Он разрушил все шансы на то, что она могла выбрать его. Он взял ее силой, против ее воли.

Джондалар схватился за голову и содрогнулся от омерзения. Из всех плохих поступков, которые он совершил в своей жизни, этот противоестественный акт был самым худшим.

Нет худшей мерзости – даже ребенок от кровосмешения или женщина, родившая такого ребенка, – чем мужчина, который взял женщину против ее воли. Сама Великая Мать Земля осудила, запретила это. Достаточно понаблюдать за животными, чтобы понять, до какой степени это противоестественно. Ни один самец не возьмет самку против ее воли.

В сезон гона самцы-олени могут бороться друг с другом за право взять самку. Но когда самец попытается взять самку, ей достаточно отойти в сторону, чтобы дать знать, что она не хочет его. Он может пытаться еще и еще раз, и в конце концов она вынуждена будет согласиться. Но силой взять ее он не сможет. То же самое происходит и со всеми животными. Волчица или львица приглашает самца по своему выбору. Она трется о него, дразнит его своим запахом, отодвигает хвост, когда он взбирается на нее. Но сердито отвернется от любого самца, если тот попытается взобраться на нее против ее воли. Джондалар дорого заплатил за свою наглость. Мужчина может настаивать, сколько хочет, но выбор всегда за женщиной. Так надо поступать по наказу Матери. Только человек-самец насилует самку, только противоестественный, презренный человек-самец.

Джондалару часто говорили Те, Кто Служил Матери, что ему покровительствует Великая Мать Земля, и все женщины знали об этом. Ни одна женщина не могла отказать ему, даже сама Мать. Это был его дар. Но даже Дони отвернется теперь от него. Он не просил ни Дони, ни Эйлу – никого. Он взял ее силой, против ее воли.

Среди народа Джондалара любого мужчину, совершившего такой извращенный поступок, избегали, его сторонились – или еще хуже. Когда он был совсем молодым, мальчики говорили между собой, что такого мужчину могут кастрировать и это больно. Хотя Джондалар не знал никого, кто был бы подвержен подобной процедуре, он считал, что это справедливое наказание. Теперь и он должен быть наказан. О чем он думал? Как он мог совершить такое?

«А ты беспокоился, что ее не примут, – говорил он себе. – Ты боялся, что ее отвергнут, и не был уверен, что сможешь жить с этим. Кто теперь будет отвергнут? Что они подумают о тебе, если узнают? Особенно после... того, что случилось. Даже Даланар не примет тебя теперь. Он изгонит тебя из своего очага, прервет все связи. Золеня придет в ужас, Мартона... Страшно подумать, что почувствует моя мать».

Эйла разговаривала с Мамутом. Она наверняка рассказала ему все. Ведь поэтому она и плакала. Джондалар прижался лбом к коленям, закрыл голову руками. Что бы они ему ни сказали, он это заслужил. Он сидел так какое-то время, рисуя в воображении ужасные наказания, которым его подвергнут. Он даже хотел, чтобы для него придумали что-нибудь ужасное, лишь бы облегчить груз вины, который давил на него.

Но в конце концов разум возобладал. Джондалар осознал, что за весь этот вечер никто не сказал ему ни слова об этом ужасном событии. Мамут даже говорил с ним о Празднике Весны и не упомянул о происшедшем. Тогда почему Эйла плакала? Может быть, она плакала из-за этого, но никому ничего не сказала. Джондалар поднял голову, посмотрел через потухшие очаги в ее направлении. Может ли такое быть? Из всех людей она имела наибольшее право требовать наказания. Она уже получила свою долю насилия от того грубого плоскоголового... Да как он смеет плохо говорить о том, другом мужчине? Разве он лучше его?

И все же Эйла никому не сказала. Она не выдала его, не потребовала его наказать. Она слишком хороша для него. Он не

заслуживает ее. Правильно, что она и Ранек должны дать Клятву, подумал Джондалар. И при этой мысли его пронзила острая боль – он понял, что это и будет ему наказанием. Дони дала ему то, чего он хотел больше всего. Она нашла для него единственную женщину, которую он смог полюбить, но он не сумел принять ее. И теперь потерял ее. Это была его вина, он примет свое наказание, но не без горечи.

Сколько Джондалар себя помнил, он всегда стремился к самоконтролю, в отличие от других мужчин, которые открыто демонстрировали свои чувства – смеялись, сердились, плакали. Но сейчас он не смог побороть желание заплакать. С тех пор как его отослали и он простился со своей нежной, доверчивой юностью, проплакав всю ночь после того, как лишился дома и семьи, он плакал лишь однажды – в объятиях Эйлы после потери своего брата. И еще одну ночь он проплакал – в темной землянке у людей, которые жили далеко от его дома, на расстоянии длиной в один год. Он плакал молча, и слез было не остановить. Он оплакивал самую горькую из всех потерь – потерю женщины, которую любил.

* * *

Долгожданный Праздник Весны был Новым годом и Днем благодарения. Он отмечался не в начале, а в разгаре сезона, когда первые почки на деревьях уже набухли и пустили ростки. Для мамутои это означало начало годового цикла. Только те, кто существовал на грани выживания, могли понять эту бурную радость, это несказанное облегчение. Они приветствовали зеленеющую землю, которая обеспечит существование и людям, и животным.

В холоднейшие ночи жестокой снежной зимы, когда, казалось, замерзал даже воздух в доме, в самых доверчивых сердцах зарождалось сомнение: вернутся ли когда-нибудь жизнь и тепло? А сейчас, когда приход весны казался очевидным, воспоминания и рассказы о прежних праздниках рассеивали былые страхи и оживляли в сердцах надежду, что времена года Великой Матери и дальше будут идти своим чередом. Потому они и старались сделать каждый Праздник Весны как можно более торжественным и запоминающимся.

К этому времени не оставалось никаких запасов провизии. Приходилось поодиночке и небольшими группами целыми днями ловить рыбу, охотиться, ставить капканы и собирать травы. Каждая травка, каждый корешок, который удавалось найти, шли в дело. Березовые и ивовые почки, молодые побеги папоротника и старые корешки – все собиралось, чистилось и горками складывалось на полу. Нижний слой березовой и ивовой коры, пропитавшийся свежими соками; черно-красные ягоды вороники, полные жестких семян, рядом с маленькими розовыми цветами на вечнозеленых низких кустарниках; а на затененных участках, еще покрытых снегом, сверкали маленькие красные брусничины, подмороженные и приобретшие нежный сладковатый привкус, окруженные темными кожистыми листиками на низких, растущих пучками ветках.

Земля в изобилии даровала вкусную свежую еду. Побеги и молодые стручки молочая шли в пищу, а цветы, богатые нектаром, использовались, чтобы подслащивать ее. Зеленые листья клевера, молочая, крапивы, бальзамина, одуванчика, дикого салата ели сырыми; искали стебли и особенно сладкие корешки татарника. Пахучие стебли лакричника ели сырыми или запекали в горячей золе. Некоторые травы собирали ради их питательности, многие – из-за аромата, некоторые заваривали как чай. Эйла собирала целебные растения.

На скалистых склонах появились трубчатые стебли дикого лука, а в лишенных тени местах – листья щавеля. Мать-и-мачеха росла в сухих речных низинах. Она была солоновата на вкус, и ее использовали, чтобы сохранять мясо на зиму, хотя Эйла собирала немного для настоев от кашля и от астмы. Горьковатые бараньи ушки использовались как приправа, для вкуса и запаха, так же как ягоды можжевельника, острые на вкус бутоны тигровых лилий, душистый базилик, шалфей, тимьян, мята, липа, которая в их краю представляла собой стелющийся кустарник, и множество других трав и растений. Некоторые из них сушили и заготавливали впрок, другие использовали сразу же.

Рыба водилась в изобилии, и именно она была излюбленным блюдом в это время года, когда большая часть зверей еще не отъелась после суровой зимы. Но и свежее мясо хотя бы одного животного, рожденного в этом году – на сей раз это был детеныш зубра, – подавалось к столу: это был символ. Пир должен был состоять только из новых плодов, дарованных землей, – это означало, что Великая Мать

вновь приходит во всей красе и что Она и впредь не оставит Своих детей.

С каждым новым днем предвкушение праздника нарастало. Даже лошади чувствовали это. Эйла заметила их беспокойство. Утром она вывела их из дома, чтобы вычистить и поскрести. Это успокаивало Уинни и Удальца, да и ее тоже, и давало ей возможность подумать. Она знала, что должна сегодня дать ответ Ранеку. Завтра – Праздник Весны.

Волк крутился рядом, не сводя с нее глаз. Он обнюхивал воздух, задирая голову и озираясь, бил хвостом о землю, давая знак, что кто-то приближается и этот кто-то – друг. Эйла обернулась, и ее сердце бешено заколотилось.

– Я рад, что застал тебя одну, Эйла, – сказал Джондалар странно приглушенным голосом. – Я хочу поговорить с тобой, если ты не возражаешь.

– Нет, не возражаю, – ответила она.

Он был чисто выбрит, его светлые волосы были затянуты в пучок на затылке. В одном из своих новых нарядов, подаренных Тули, он был так хорош, что в горле у нее стоял комок. Но не только его внешний облик трогал ее сердце. Даже в обносках Талута он был для нее прекрасен. Его присутствие наполняло собой весь окружающий мир. Это было особое тепло – не просто огонь страсти, нет, нечто большее, наполняющее все ее существо, и ей так хотелось прикоснуться к этому теплу, почувствовать, как оно несет ее, поплыть в его волнах. Но что-то в его взгляде удерживало ее. Она стояла молча, ожидая, пока он заговорит с ней.

Он на мгновение зажмурился и собрался с мыслями, не зная, как начать.

– Помнишь, когда мы были с тобой в долине, когда ты еще не очень хорошо говорила по-нашему, ты хотела сказать мне что-то очень важное, но у тебя не было для этого слов? Ты начала говорить мне это знаками – я помню, ты двигалась очень красиво, это было почти как танец.

Еще бы она этого не помнила! Она пыталась сказать ему то же, что хотела бы сказать сегодня, – хотела бы, да никак не могла: о том, что она к нему чувствует, как наполняет это чувство все ее существо, – чувство, для которого у нее еще не было слов. Даже сказать, что она любит его, было недостаточно.

– Я не уверен, есть ли на свете слова, чтобы высказать то, что я хочу сказать тебе... «Прости» – это пустой звук, но я не знаю, как сказать иначе. Прости, Эйла, я виноват перед тобой больше, чем могу выразить. Я не мог, я не имел права брать тебя силой, но сделанного не воротишь. Я могу сказать, что больше этого никогда не случится. Я скоро уйду, как только Галут скажет, что уже можно отправляться в путь, что это уже безопасно. Это твой дом... Здесь тобой дорожат, тебя любят. Ты – Эйла из народа мамутой. Я – Джондалар из зеландонии. Пора мне отправляться домой.

Эйла не в силах была произнести ни слова. Она опустила голову, пытаясь скрыть слезы, сдержать которые не могла, и вновь начала чистить Уинни. У нее не было сил глядеть на Джондалара. Он уходит. Возвращается к себе – а ее с собой не зовет. Он не хочет ее. Не любит ее. Глотая слезы, она водила ворсянкой по лошадиной спине.

Джондалар стоял, глядя ей в спину. «Ей нет до меня дела, – думал он. – Я мог бы уйти давно». Она повернулась к нему спиной; он хотел оставить ее наедине с лошадьми, но движения ее тела говорили ему что-то, что он не в силах был осознать. Это было всего лишь ощущение – как будто что-то не так; но все же он не осмелился сразу уйти.

– Эйла...

– Да, – отозвалась она, все еще стоя к нему спиной и стараясь владеть своим голосом – только бы не сорваться на крик.

– Могу я... что-то сделать для тебя, прежде чем уйду?

Она ответила не сразу. Ей хотелось сказать что-то, что изменило бы его намерения, и она в отчаянии решила прибегнуть к тому, что сближало его с ней. Лошади... Он любит лошадей, любит Удальца. Ему нравится ездить на нем.

– Да, можешь, – наконец произнесла она, стараясь говорить ровным тоном. – Помоги мне учить Удальца... пока ты здесь. Я не могу уделять ему столько времени, сколько следует. – И тут она решилась повернуться к нему.

Мог ли он подумать, что она совсем бледная и вся дрожит?

– Не знаю, сколько я здесь пробуду, – ответил Джондалар, – но сделаю все, что в моих силах.

Он хотел сказать ей больше: о том, как он ее любит, о том, что он уходит, потому что она заслуживает человека, который любил бы ее

безоговорочно, – такого, как Ранек. Он опустил глаза, подыскивая подходящие слова.

Эйла боялась, что больше не сможет сдерживать слезы. Она повернулась к кобыле и стала снова чистить ее, потом, прыгнув на лошадь, помчалась во весь опор. Удалец и волчонок устремились следом за ней. Джондалар стоял пораженный, пока они не скрылись из виду, потом повернулся и пошел назад к дому.

* * *

В ночь перед Праздником Весны радостное волнение достигло такой силы, что никто не мог уснуть. И дети и взрослые – все бодрствовали допоздна. Лэти была особенно возбуждена, нетерпеливо ожидая завтрашней краткой церемонии, означающей, что она уже достигла женской зрелости и может начать готовиться к ритуалу Посвящения.

Физически она уже созрела, но ее женское достоинство не будет полным до этой церемонии; главная ее часть – ритуал Первой Радости, когда один из мужчин отворит ее лоно, чтобы оплодотворяющий дух Великой Матери вошел в него. Только став способной к материнству, она будет признана женщиной в полном смысле слова, сможет завести свой очаг и заключить союз с мужчиной. А до тех пор она будет учиться всяким познаниям о женской жизни, материнстве и мужчинах от старших женщин, от Тех, Кто Служит Великой Матери.

Все мужчины, кроме Мамута, были удалены из Мамонтового очага. Женщины собрались здесь – они наблюдали, как учат Лэти перед завтрашней церемонией, и сами давали ей советы, поддерживали ее словом. Эйла, хоть и была куда старше, тоже почерпнула для себя много нового.

– От тебя не так уж много потребуется завтрашней ночью, Лэти, – объяснил Мамут. – Потом придется научиться большему, но пока что просто примечай. Талут объявит о твоём совершеннолетию, а потом я дам тебе мут. Храни ее как следует, пока не заведешь свой очаг.

Лэти, сидевшая напротив старика, казалась немного напуганной, но всеобщее внимание, скорее, доставляло ей удовольствие.

– Видишь ли, после завтрашней церемонии ты не должна оставаться наедине с мужчиной, даже разговаривать с мужчиной один на один.

– Даже с Данугом и Друвецом? – спросила Лэти.

– Да, даже с ними, – ответил старый шаман и объяснил, что в это переходное время, когда она лишена защиты и охранительных духов детства, и полной силы женственности, она особенно подвержена разного рода зловредным воздействиям.

– А как насчет Бринана? И Ридага? – спросила юная женщина.

– Они еще дети, – объяснил Мамут. – Дети всегда защищены. Духи не оставляют их своим попечением. Потому-то тебя сейчас и надо оберегать. Духи детства покидают тебя, чтобы уступить место жизненной силе, силе Великой Матери.

– Но Талут или Уимез не причинят мне вреда. Почему я не могу оставаться с ними наедине?

– Мужские духи тянутся к жизненной силе, точь-в-точь как мужчины будут, ты увидишь, тянуться к тебе. Некоторые из мужских духов ревнуют к силе Матери. Они могут попытаться отнять ее у тебя сейчас, когда ты беззащитна. Если не принять мер предосторожности, мужской дух может войти, и, даже если он не хочет похитить твою жизненную силу, он может повредить ее или злоупотребить ею. Тогда у тебя не будет детей или твои желания извратятся и ты захочешь делить Радость с женщинами.

Глаза Лэти округлились. Она не знала, что это так опасно.

– Я буду осторожна, но, Мамут...

– Что, Лэти?

– А как же ты, Мамут? Ты ведь мужчина.

Некоторые женщины прыснули, и Лэти покраснела. Наверное, это глупый вопрос.

– Хороший вопрос! – ответил Мамут. – Я – мужчина, но я также служу Ей. Думаю, что со мной ты время от времени можешь говорить, ничего не опасаясь, и, конечно, во время ритуалов ты можешь говорить со мной наедине, Лэти.

Лэти кивнула, серьезно наморщив лобик. Она начала понимать, что теперь ее отношения с теми, кого она любила всю жизнь, сложатся совсем иначе, чем прежде.

– А что случится, если мужской дух похитит жизненную силу? – спросила Эйла. Она была очень заинтересована: в поверьях мамутой было кое-что общее с верованиями клана, и все же они сильно различались.

– Тогда ты станешь могучим шаманом, – ответила Тули.

– Или злым колдуном, – добавила Крози.

– Это правда, Мамут? – спросила Эйла.

Старый шаман собрался с мыслями, стараясь ответить на этот вопрос как можно осторожнее.

– Мы всего лишь Ее дети, – начал он. – Не нам судить, почему Мут, Великая Мать, избирает нас для Своих целей. Мы только знаем, что у Нее есть на то причины. Может быть, Ей нужен кто-то, чтобы показать на нем пример Своей силы. Некоторые люди с рождения наделены определенными дарами. К другим избрание приходит позже, но никто не бывает избран без Ее ведома.

Взгляды нескольких женщин обратились на Эйлу; она сделала вид, что не заметила этого.

– Она – Мать всего сущего, – продолжал шаман. – Никто не знает Ее в совершенстве, не ведает всех Ее ликов, поэтому Ее подлинное лицо сокрыто. – Мамут обратился к старейшей женщине стоянки: – Что такое зло, Крози?

– Зло – это предумышленный вред, порча. Зло – это смерть, – ответила старуха, подумав.

– Лицо Великой Матери – в рождении весны, в щедрости лета, но также и в малой смерти, которую приносит зима. Ей принадлежит сила жизни, но другое лицо жизни – это смерть. Разве мертвые не возвращаются к Ней, чтобы родиться снова? Без смерти не было бы жизни. Предумышленно вредить кому-то – значит ли это совершать зло? Может быть, и так, но и тот, кто творит зло, действует по Ее воле. Зло – тоже в Ее власти, оно тоже служит Ее предначертаниям. Это всего лишь еще один лик Матери.

– Но что, если мужской дух похищает жизненную силу у женщины? – спросила Лэти. Ей не нравились все эти философские рассуждения: она просто хотела знать.

Мамут задумчиво поглядел на нее. Она вправе знать.

– Она умрет, Лэти.

Девочка вздрогнула.

– Но немного силы все равно останется – ровно столько, чтобы она могла дать новую жизнь. В женщине жизненной силы столько, что она может и не узнать о порче, пока не станет рожать. Если женщина умирает в родах, это всегда значит, что жизненная сила похищена у нее прежде, чем ее лоно отворили.

– А те мужские духи, что похитили жизненную силу, они кто? – спросила Фрали, слегка поглаживая ребенка.

– Это злые колдуны, – предположила Крози.

– Нет, – ответил Мамут, качая головой. – Не совсем так. Мужская сила просто вождедеет к женской жизненной силе. Тут ничего не поделаешь. Мужчина часто не знает, что его мужская сила похитила жизненную силу молодой женщины, пока вдруг не заметит, что его больше не тянет к женщинам, что он предпочитает общество других мужчин. Мужчин это уязвляет. Они не хотят отличаться от других, не хотят, чтобы кто-нибудь узнал, что их мужская сила может принести вред женщине. Часто они страшно стыдятся этого и скорее будут скрывать свои сложности, чем придут в Мамонтовый очаг. Мужская и женская сила в одном теле – это огромная мощь. Если эту мощь неправильно направить, она может извратиться, стать зловредной и принести многие несчастья и бедствия, даже смерть. Но если правильно направить ее, из такого мужчины может выйти могучий шаман, равно как из женщины, соединившей в себе мужскую и женскую силу. И часто мужчины используют свою силу осторожнее, внимательнее следят, чтобы она служила только благим целям.

– А если тот человек – мужчина или женщина – не хочет быть шаманом? – спросила Эйла. Ей казалось, что ее против воли втягивают во что-то.

– Никто их не принуждает, – ответил Мамут. – Но им легче найти себе подобных среди Тех, Кто Служит Матери.

– Помнишь сангайских путешественников, которых мы встретили много лет назад, Мамут? – спросила Неззи.

– Да, сейчас вспоминаю... Мы вместе возвращались с Летнего схода, когда встретили их. В конце концов мы устроили дружеский обед у костра... Некоторые из женщин мамутой были смущены: один из сангаев захотел последовать за ними на женскую половину. Мы не сразу поняли, что очаг, который, как нам казалось, состоял из женщины и ее двух мужчин, на самом деле состоял из мужчины и его двух

наложниц, причем одна из них была женщиной, а вторая – мужчиной. Сангаи говорили о нем «она». Он носил бороду, но одевался в женское платье, и, хотя у него не было груди, он был «матерью» одного из детей. И он впрямь вел себя как мать этого ребенка. Не знаю, кто на самом деле родил этого ребенка – женщина из его очага или другая женщина, но мне сказали, что он ощущал признаки беременности и родовые боли.

– Может быть, он просто очень хотел быть женщиной, – возразила Неззи. – Может, он и не похищал никакой женской силы. Просто родился не в том теле.

– А боли в животе каждый лунный оборот у него бывали? – спросила Диги. – Вот вернейший признак женщины.

Все засмеялись.

– У тебя болит живот во время месячных? – спросила Эйла. – Я могу дать тебе специальный настой, если хочешь.

– В следующий раз попрошу.

– Когда ты родишь, Диги, это станет полегче, – сказала Трони.

Мамут умел в любую минуту стать незаметным, так что женщины забыли о его присутствии и свободно беседовали на темы, которых никогда не затронули бы при другом мужчине. Эйла, однако, видела, как он тихонько сидит в углу и наблюдает за ними. Наконец разговор мало-помалу затих, и Мамут снова обратился к Лэти:

– Однажды тебе придется найти место для личного общения с Мут. Обращай внимание на свои сны. Они помогут тебе найти верное место. Ты должна поститься и очищать себя, всегда помнить четыре стороны света, и нижний мир, и небесный, и приносить Ей особые жертвы, если ты хочешь от Нее помощи и благословения. Это особенно важно, когда тебе придет время рожать дитя, Лэти, или когда ты решишь, что готова к этому. Тогда ты должна отправиться в свое личное святилище и сжечь перед Ней жертву. С дымом костра она поднимется к Ней.

– А как я узнаю, что пожертвовать Ей? – спросила Лэти.

– Что-то, что ты найдешь или сделаешь сама. Ты сама поймешь что.

– А когда захочешь какого-то определенного мужчину, тоже обратись к Ней, – сказала Диги с доверительной улыбкой. – Я уж не скажу, сколько раз я просила о Бранаге.

Эйла посмотрела на Диги и решила узнать побольше о личных алтарях.

– Столькому еще надо учиться! – вздохнула Лэти.

– Твоя мать поможет тебе, и Тули тоже, – ответил Мамут.

– Лэти, Неззи просила меня, и я согласилась быть Наблюдательницей этот год, – заметила Тули.

– О Тули! Я очень рада! – воскликнула Лэти. – Тогда мне не будет так одиноко.

– Да, – ответила старая женщина, улыбаясь девушке. – Не каждый год Львиная стоянка получает новую женщину.

Лэти нахмурилась, о чем-то сосредоточенно думая, потом тихо спросила:

– Тули, а как это будет происходить? Я имею в виду, в палатке, в ту ночь.

Тули посмотрела на Неззи и улыбнулась.

– Тебя это тревожит?

– Да, немного.

– Не бойся. Тебе все объяснят, и ты будешь знать, чего ожидать.

– Это вроде того, как я и Друвец играли, когда мы были детьми? Он так тяжело подпрыгивал на мне... Я думаю, он воображал себя Талутом.

– Не совсем так, Лэти. Это были детские игры. Вы только играли, пытаясь представить себя взрослыми. В то время вы были очень маленькими, слишком маленькими.

– Это правда, мы были очень маленькими, – согласилась Лэти, чувствуя себя теперь намного старше. – То были игры для маленьких детей. Мы давно перестали так играть. На самом деле мы уже ни во что не играем. Последнее время и Дануг, и Друвец даже разговаривают со мной мало.

– Они захотят поговорить с тобой, – сказала Тули. – Я уверена. Но помни, теперь ты не должна с ними много разговаривать и тем более находиться с ними наедине.

* * *

Эйла потянулась к большому сосуду с водой, свисавшему на кожаной тесемке с вбитого в один из опорных столбов кольца. Он был сделан из сложенного в несколько слоев желудка огромного оленя. Наполнялся он через низко расположенное отверстие, которое закрывалось складкой кожи. В коротком куске берцовой кости с естественным отверстием посередине был прорезан желобок. Кожа, окружавшая отверстие в оленьем желудке, привязывалась к кости прочными сухожилиями, закрепленными в желобке.

Эйла приподняла клапан и налила воды в особую чашку, из которой она по утрам пила свой травяной отвар, и затем снова закрыла отверстие. Она опустила в воду раскаленный докрасна камень – и тот зашипел. Дождалась, пока камень, сколько возможно, согреет воду, потом извлекла его оттуда с помощью двух палочек и снова положила в огонь. Затем подцепила другой камень и опустила его в воду. Когда вода закипела, она, точно отмерив, бросила в нее смесь из сухих листьев, коры и побегов целебного растения – подобия виноградной лозы – и оставила напиток настаиваться.

Она старалась не забывать секрет этого снадобья Изы. Она надеялась, что оно будет служить ей так же хорошо, как Изе. Ей не хотелось сейчас детей. Она была не слишком уверена в завтрашнем дне.

Одевшись, Эйла налила напиток в свою чашку, села на подстилку у огня и попробовала терпкий горьковатый напиток. Она уже привыкла к этому вкусу по утрам. Настало время вставать, а это питье уже стало частью утренней рутины. Потягивая его, она думала о том, что предстоит сегодня, в день Праздника Весны.

Внезапно перед ней возникла та ужасная ночь, когда не стало Изы.

«Ты не из клана, Эйла, – сказала ей Иза. – Ты родилась среди Других, ты принадлежишь к ним. Иди на север, Эйла. Найди свое племя, своего мужчину».

Найти своего мужчину... Она задумалась. Когда-то она думала, что это Джондалар, но теперь он уходит, уходит к себе домой без нее. Джондалар ее не хочет... А Ранек хочет. А ведь она не молодеет. Если она хочет родить – надо торопиться. Может, и впрямь соединиться с Ранеком? Поселиться с ним, родить детей его очага. Будут ли это красивые смуглые дети с темными глазами и курчавыми темными волосами? Или светловолосые вроде нее? Может быть и так и так.

Если она останется здесь и соединится с Ранеком, она будет жить не так уж далеко от клана. Она сможет пойти за Дарком и забрать его к себе. Ранек всегда был добр к Ридагу, и он не будет возражать против ребенка-полукровки в своем очаге. Может, она по всей форме усыновит Дарка, и он станет мамутой.

Мысль о том, что можно будет на самом деле взять к себе сына, наполнила ее радостным нетерпением. Может, и правильно, что Джондалар уйдет без нее. В противном случае ей уже никогда не увидать сына. Но если он уйдет без нее, ей уже не увидать Джондалара.

Она сделала свой выбор. Она остается. Она соединится с Ранеком. Она перебирала в уме все положительные стороны такого решения, убеждая себя, что так будет лучше. Ранек – хороший человек, он любит ее, хочет ее. И ей он не противен. Жизнь с ним будет не так уж ужасна. Она сможет завести детей. Сможет найти Дарка и привести его сюда. Да она и мечтать о таком не могла!

«Я скажу ему, – думала она. – Я скажу Ранеку, что он может сделать мне сегодня предложение». Но стоило ей двинуться к очагу Лисицы, ее сознание наполнила одна-единственная мысль: Джондалар уходит без нее. Она никогда больше не увидит Джондалара.

* * *

– Талут! Неззи! – Ранек выбежал из дома. Он был так возбужден, что едва мог говорить. – Она согласилась! Она согласилась!

Он даже не заметил Джондалара, а если бы и заметил, это не имело бы для него никакого значения. Ранек не мог думать ни о чем, кроме одного: женщина, которую он любил, женщина, которую он хотел больше всего на свете, согласилась принадлежать ему. Но Неззи видела, как Джондалар пошатнулся, как он ухватился за служивший дверным косяком мамонтовый бивень, чтобы удержаться на ногах, видела боль в его лице. Наконец он отпустил бивень и двинулся к реке. На сердце у Неззи было спокойно. Река бурная, полноводная. Легко нырнуть – и больше не вынырнуть.

– Мама, я не знаю, как я это выдержу. Я не могу собраться с мыслями, – хныкала Лэти, тревожась о предстоящей церемонии, которая должна подтвердить ее новое положение.

– Погоди, дай-ка посмотреть, – оборвала ее Неззи, бросая последний взгляд на реку. Джондалара не было видно.

Глава 28

Джондалар проходил все утро вдоль реки, охваченный смятением. Он не мог забыть радостные слова Ранека. Эйла согласилась. Они обменяются сегодня Обещаниями. Он продолжал убеждать себя, что этого давно следовало ожидать, но понял, что не готов к этому. Это оказалось еще тяжелее, чем он думал. Как Тонолан, потерявший Джетамио, он хотел сейчас умереть.

Страхи Неззи были небезосновательны. Джондалар пошел к реке без какой-то особой цели. Он случайно избрал именно такое направление, но, подойдя к бурлящему потоку, ощутил в нем что-то странно манящее, что может принести мир, утишить боль и смятение, но он лишь стоял и смотрел на воду. Что-то удерживало его. В отличие от Джетамио Эйла не умерла, а значит, маленький проблеск надежды все еще оставался. Но была и еще одна причина: он боялся за Эйлу.

Он нашел участок, отгороженный от воды кустами и поваленными стволами деревьев, и уселся там, стараясь подготовиться к предстоящим сегодня испытаниям. Он говорил себе, что это еще не значит, что она действительно соединится сегодня вечером с Ранеком. Она лишь пообещает ему разделить с ним очаг когда-нибудь в будущем, и он пообещает ей тоже. Джондалар заверил Мамута, что не уйдет до Праздника Весны, но не это удерживало его. Хотя он и не знал, что может произойти, не знал, чем он сможет помочь, но не мог уйти, зная, что Эйле грозит какая-то неизвестная опасность. Даже если это означало быть свидетелем ее обмена Обещаниями с Ранеком. Если Мамут, знающий пути духов, сказал, что опасность есть, – ожидать следовало худшего.

* * *

Около полудня Эйла сообщила Мамуту, что она начала подготовку к ритуалу с магическим корнем. Они в деталях повторили все несколько раз, пока она не убедилась, что не забыла ничего важного. Она надела чистую одежду, мягкую, впитывающую влагу оленью кожу, но отправилась не в конскую пристройку, а в кухонный очаг. Она и

хотела повидаться с Джондаларом, и боялась встречи с ним, и, когда в мастерской увидела лишь Уимеза, это и разочаровало, и успокоило ее. Он сообщил ей, что не видел Джондалара с самого утра, но будет рад подарить ей кремневую заготовку, которую она просила.

Дойдя до реки, она долго шла по течению в поисках подходящего места. Там, где небольшой ручей впадает в реку, она остановилась. Струйка воды огибала гряду камней на противоположном берегу, преграждавшую доступ ветру. Только что распустившиеся кусты и деревца со всех сторон плотной стеной окружали этот участок; здесь скопилось немало высохших древесных стволов и веток, занесенных еще предыдущим паводком.

* * *

Джондалар смотрел на реку из своего укрытия, но он был так погружен в себя, что ему было не до бурной, стремительной, мутной воды. Он даже не заметил, как уменьшились тени, когда солнце высоко поднялось на горизонте, внезапно он резко обернулся на звук чьих-то шагов. У него не было настроения разговаривать с кем бы то ни было, поддерживая любезную беседу; он спрятался за куст, чтобы переждать незамеченным, пока этот человек пройдет. Когда он увидел Эйлу и понял, что она собирается остаться здесь, он растерялся. Ему хотелось ускользнуть отсюда, но Эйла – хорошая охотница. Она наверняка его заметила бы. Тогда он подумал о том, чтобы выйти из кустов, притворившись, что он облегался, и пойти своей дорогой, – но так ничего и не предпринял.

Стараясь не обнаружить себя, он сидел затаившись и ждал. Она готовилась к какому-то ритуалу, считая, что она здесь одна. Он был заморожен. Как будто ему зачем-то надо было видеть это.

* * *

Эйла быстро достала кремни и огниво, развела огонь и положила в пламя несколько камней, которые использовались для приготовления пищи. Она хотела провести весь ритуал в точности так, как он проходил

в клане, но некоторые изменения были неизбежны. Например, надо бы добывать огонь так, как добывали его в клане, – крутить между ладонями прутик на плоском куске дерева, пока он не разгорится как следует. Но в клане женщины не допускались к добыче огня или к его ритуальному использованию. И она решила, что если в этом ей приходится отступить от правил, то уж и огонь она может приготовить по-своему.

Женщинам, однако, разрешалось изготавливать ножи и другие каменные орудия – если только они не использовались для охоты или для изготовления охотничьего оружия. Она решила, что ей нужен новый мешочек для амулетов. Расшитый кожаный мешочек мамутой, которым она обычно пользовалась, не годился для ритуала клана. Чтобы сделать новый так, как надо, ей и нужен был цельный кусок кремня, который она попросила у Уимеза. Поискав, она нашла на берегу небольшой, величиной с палец, обточенный водой камешек. Им она начала счищать внешний, меловой слой кремня, постепенно придавая заготовке форму. Она уже довольно давно не изготавливала орудий, но не забыла, как это делается, и вскоре работа пошла споро.

Когда она закончила, темно-серый блестящий камешек принял форму овала с затупленным концом. Она оглядела его, сделала последний штрих, потом срезала уголок с затупленной стороны, получив таким образом заготовку для острия. Поставив камень в надлежащее положение, она сняла еще одну чешуйку в намеченном месте и получила лезвие, повторявшее овальную форму камня и при этом острое как бритва.

Хотя она использовала только каменный резец, у нее получился вполне годный к употреблению острый нож. Эйла отрезала длинный тонкий кусок от принесенного с собой куска оленьей кожи, затем загнула один из его концов и по кругу обрезала края. Потом она снова взяла резец. Отколов несколько кусочков камня, она сделала наконечник ножа острым, как игла. Этим острием она проделала по краю кожаного кружка отверстия и продела в них длинный кожаный шнур.

Надев этот мешочек на шею, но не завязывая пока узел, она взяла свои амулеты, знаки своего тотема. Какое-то время она смотрела на них – и наконец с замирающим сердцем сложила их в свой новенький мешочек, затянув шнурок ту же. Она приняла решение остаться с

мамутой и соединить свою жизнь с Ранеком, но почему-то она не получила никакого знака, исходящего от ее тотема, Пещерного Льва, который подтвердил бы, что этот выбор – верный.

Закончив с амулетом, она спустилась к ручью и, набрав воды, опустила в сосуд горячие камни из костра. В это время года еще не найти настоящего мыльного корня, а для хвоща здесь места слишком открытые, он любит сырость и тень. Нужно было найти какую-то замену традиционным очищающим веществам, используемым в клане.

Опустив кожистые, со сладковатым запахом цветы в горячую воду, она добавила кучку древесных корней, цветы водосбора и березовые почки для запаха весенней свежести и отставила варево в сторону. Ей потребовалось немало времени, чтобы решить, чем можно заменить средство от блох и вшей, которое делалось из папоротника. Получилось так, что ей ненароком рассказала об этом Неззи.

Быстро раздевшись, Эйла взяла два туго завязанных узелка и направилась к реке. В одном узелке был мыльный состав, в другом – немного жеребьячей мочи.

* * *

Когда-то Джондалар просил ее показать ему, как люди клана разбивают кремень, и был впечатлен этим зрелищем. Но, глядя на то, с какой спокойной уверенностью и мастерством орудует Эйла, думающая, что ее никто не видит, он был очарован. Она работала без костяных молотков, но при необходимости могла быстро изготовить себе нужный инструмент. Интересно, смог бы он так же хорошо работать, пользуясь только каменным молотком? Он знал, что при этом необходим тщательный контроль, но Эйла говорила ему, что мастер клана, у которого она училась, был намного искуснее ее. Его оценка умения плоскоголовых делать инструменты внезапно возросла.

Она быстро сделала кожаный мешочек. Простой мешочек казался не очень прочным, но конструкция была довольно искусная. И только когда Джондалар наблюдал, как она кладет предметы в свой мешочек и как она обращается с ними, он вдруг почувствовал, что от нее исходит

какое-то уныние и вся она полна печали и горя. Она должна радоваться, а казалась несчастной. Да нет, наверное, он просто вообразил себе это.

Когда Эйла начала раздеваться, у Джондалара захватило дух; зрелище ее полнокровной, зрелой красоты наполнило его желанием, которое он едва в силах был сдержать. Но мысль о тех неслыханных действиях, которые совершил он, когда пожелал ее в последний раз, остановила его. Зимой она снова стала заплетать косы, и когда она сейчас распустила волосы – он припомнил, как впервые увидел ее обнаженной... В жаркий день в долине – прекрасное золотистое тело, влажное после купания. Он уговаривал себя не смотреть на нее – и мог незаметно ускользнуть, когда она отвернулась и вошла в воду, – но даже если бы от этого зависела его жизнь, он не в силах был шевельнуться.

* * *

Эйла начала очищение с того, что намазалась жеребьячьей мочой, которая резко пахла и щипала кожу, но хорошо очищала и убивала вшей и блох. Она даже немного высветлила волосы. Речная вода была все еще ледяной от талого снега, но это лишь бодрило; поток, полный песка и мелких камней, без остатка смывал грязь вместе с резким запахом мочи.

Когда она вышла на берег, ее чистое тело порозовело от холода, но сладковато пахнувшая, богатая сапонином жидкость была по-прежнему теплой и хорошо пенилась, когда Эйла стала втирать ее в свою кожу и волосы. Потом она направилась к заводи, где вода была не такая мутная, как в реке. Ополоснувшись, она завернулась в мягкую выделанную шкуру, чтобы обсохнуть, а тем временем расчесала волосы жестким гребнем и заколола их заколкой из мамонтовой кости. Как это приятно – чистота и свежесть!

* * *

Хотя он мучительно желал соединиться с Эйлой, сама возможность наблюдать за ней доставила ему странное удовольствие. Он не просто видел ее пышное, с богатыми женскими формами, и все

же стройное, статное тело с развитыми мышцами. Ему нравилось смотреть на нее, следить за ее движениями, полными природной грации, за ее работой, демонстрирующей опыт и мастерство. Разводила она огонь или мастерила что-то – она точно знала, как надо работать, и не делала лишних движений. Джондалар всегда восхищался ее умом и сноровкой. Это придавало ей еще большую привлекательность. И все же он тосковал по ней, и лицезрение ее красоты наполняло его желанием быть с ней рядом.

Эйла уже оделась, когда тявканье волчонка заставило ее обернуться – и улыбнуться.

– Волк? Что ты здесь делаешь? Убежал от Ридага? – спросила она, а волчонок приветственно прыгнул на нее, радуясь, что она рядом. Потом он стал обнюхивать окрестности, а Эйла тем временем собирала свои вещи. – Ну вот ты и нашел меня, и мы можем идти домой. Идем, Волк. Что это ты ищешь в тех кустах... Джондалар!

Эйла безмолвно застыла, увидев, что именно искал волчонок, а Джондалар был слишком смущен, чтобы говорить. И все же они не могли отвести глаз друг от друга, и глаза говорили больше, чем могли бы сказать слова. Но оба они не верили увиденному. Наконец Джондалар попытался объяснить:

– Я... я шел мимо...

Он оборвал себя, даже не пытаясь закончить свое жалкое объяснение, обернулся и быстро пошел прочь. Эйла последовала за ним к стоянке чуть помедленнее, тяжело ступая по склону. Поведение Джондалара смутило ее. Она не знала, сколько времени пробыл он здесь, но знала, что он за ней следил, и недоумевала – почему он прятался от нее? Она не знала, что думать.

А Джондалар не сразу вернулся на стоянку. Он не был уверен, что готов прямо сейчас встретиться с ней лицом к лицу – да и с кем бы то ни было. Он шел куда глаза глядят, пока не оказался в том же самом уединенном месте, откуда начал путь.

Он подошел к пепелищу, оставшемуся от маленького костра, встал на колени, почувствовал, как чуть-чуть согревает руки поднимающееся от него тепло, и прикрыл глаза, оживляя в памяти сцену, свидетелем которой оказался. Когда он открыл глаза, то заметил оставленный Эйлой осколок кремня и стал его разглядывать. Рядом с обрезками кожи он заметил шило. Он поднял его. Оно сделано было не так, как он

привык. Простое, почти грубое, но доброе, умелое орудие. И острое, подумал он, наколов палец.

Этот инструмент напомнил ему об Эйле, о скрытом в ней противоречии; о ее простоте, в которой таилось древнее знание; об искренней наивности, сочетающейся с глубоким и богатым опытом. Он решил навсегда сохранить эту вещь и, завернув шило в кожаный обрезок, взял его с собой.

* * *

Пир проходил в кухонном очаге днем, в теплые часы; но пологи повсюду были подняты, чтобы свежий воздух проникал в помещение и чтобы легче было входить и выходить из дома. Многие пирующие толпились снаружи: играли в различные игры, боролись (это было любимое развлечение в весеннюю пору), пели и танцевали.

Они обменивались подарками, желая друг другу счастья и удачи, в знак того, что Великая Мать вновь принесла на землю жизнь и тепло и они благодарны за дары, ниспосланные Ею. Подарки были мелкие: пояс, ножны, клыки животных с дырками в корне или прорезями для шнурка и бусы – их носили просто так и нашивали на одежду. В этом году в моде были держатели для ниток вместе с футлярами для иголок, которые делали из тростника или полых птичьих костей. Первой такую вещь сделала Неззи; она хранила его в расшитом кошельке вместе с кусочком мамонтовой кожи, который она использовала как наперсток. Другие подхватили ее идею.

Огнива считались магическими и хранились, как священные предметы, в нише с фигурками Матери, но Барзек преподнес в подарок несколько мешочков с горючими трутовыми палочками, которые он сам придумал пускать в дело, – и это было воспринято с большим энтузиазмом. Их было удобно хранить, они включали вещества, легко зажигающиеся от одной искры: почки, сухой перетертый навоз, древесные щепки, – и в дороге могли использоваться вместо кремня и огнива.

С наступлением вечерней прохлады изливания теплых чувств перенесены были в дом; тяжелые пологи опустились. Настало время присесть, отдохнуть, сменить одежду или добавить к ней еще одно

украшение, выпить чашечку любимых напитков – травяного отвара или бражки, которую готовил Талут. Затем все направили стопы в Мамонтовый очаг, где должна была состояться серьезная часть Праздника Весны.

Эйла и Диги пригласили Лэти сесть рядом, она теперь почти сравнялась с ними. Дануг и Друвец смотрели на нее с необычной робостью. Она расправила плечи и высоко закинула голову, но избегала говорить с ними. Они проводили ее взглядами. Лэти улыбнулась и села между двумя женщинами; ее переполняло особое, сильное чувство – чувство принадлежности к ним.

В детстве эти мальчики были товарищами Лэти, но сейчас она уже не ребенок, не девочка, на которую молодые мужчины не обращают внимания. Она уже входила в чарующий, слегка пугающий, полный тайны женский мир. Очертания ее тела изменились, и, когда юноши проходили мимо, она чувствовала исходящие от них безотчетные, тайные желания. Даже прямой взгляд мог привести ее в замешательство.

Но больше всего пугало то, о чем мужчины знали только понаслышке. Из ее тела текла кровь – хотя она ни обо что не поранилась и, кажется, не ощущала боли, – и это как-то связано было с тем, что в ней поселилась таинственная сила Великой Матери. Дануг и Друвец не знали, в чем тут дело, – им только известно было, что однажды в теле Лэти сможет зародиться новая жизнь; настанет день – и у нее будут дети.

Тули вышла в середину очага, сотрясая Говорящим Жезлом и призывая всех замолчать. Когда все взоры обратились к ней, она протянула жезл Талуту, который был при полном параде, в шлеме из мамонтового бивня. Следом за ним появился Мамут, одетый в богато украшенный плащ из белой кожи. Он держал в руках символический посох, с одной его стороны была сухая, голая, мертвая ветвь, а с другой – свежие почки и молодые зеленые листья. Тули – женщина-вождь – должна была открыть Праздник Весны. Весна – женское время года, время рождения новой жизни, время нового начала. Она взяла посох двумя руками и подняла его над головой, затем резким движением сломала его надвое о колено – это символизировало конец старого и начало нового года и было сигналом к церемониальной части праздника.

– В прошедшем году Великая Мать улыбнулась нам и даровала свое благоволение, – начала Тули. – Нам нужно отпраздновать столько, что и не знаю, какое из событий прошедшего года помянуть первым. Эйла была принята в племя мамутой, и у нас появилась новая женщина, а еще Великой Матери было угодно подготовить Лэти для Посвящения, так что скоро и еще одна появится. У нас есть новая девочка, которой надо дать имя, и во время этой церемонии будет объявлен новый Союз. – Джондалар закрыл глаза и тяжело вздохнул. Тули продолжала: – Мы живыми и здоровыми пережили зиму – время начинать новый цикл.

Когда Джондалар поднял глаза, он увидел, что теперь Талут вышел вперед и взял Жезл. Он заметил, что Неззи подала знак Лэти. Та встала, беспокойно улыбнулась двум женщинам, среди которых ей было так уютно, и подошла к высокому рыжеволосому мужчине из ее очага. Талут нежно и ободряюще улыбнулся ей. Она увидела, что Уимез стоит рядом с ее матерью. Его улыбка – пусть и не такая горячая, как у нее, – была полна такой гордостью за дочь его сестры, его наследницу, которая скоро станет женщиной! Это был важный момент для всех них.

– Я с гордостью отмечаю, что Лэти, первая дочь Львиного очага, готова стать женщиной, – сказал Талут, – и объявляю, что она станет участницей ритуала во время Схода этим летом.

Мамут подошел к ней и протянул ей некий предмет.

– Это твоя мут, Лэти, – сказал он. – Эта вещь, если будет угодно Великой Матери, поможет тебе дать начало новому очагу. Храни ее хорошенько.

Лэти взяла резной предмет из мамонтовой кости и вернулась на свое место. Ей приятно было показать всем свою мут вблизи. Эйла была заинтересована; она знала, что это работа Ранека, потому что у нее была такая же; ей пришли на ум слова, которые он произнес при этом. Теперь она поняла, почему он подарил ей Мут; она нужна была ей, чтобы основать очаг вместе с ним.

– Ранек пытается работать по-новому, – заметила Диги, увидев фигурку женщины-птицы. – Раньше я такого не видела. Это очень необычно. Не уверена, что я понимаю это. Мои больше походили на женщин.

– Он подарил мне такую же, как Лэти, – ответила Эйла. – Я думаю, это и женщина, и птица, все зависит от того, как посмотреть. – Эйла

взяла Мут Лэти и повернула ее под другим углом. – Он сказал мне, что хочет представить дух Великой Матери.

– Вот теперь, после того как ты показала, я вижу, – ответила Диги. Она протянула мут Лэти, которая бережно положила ее на ладони.

– Мне нравится, – сказала Лэти. – Это не как у других, что-то особенное. – Она была рада, что Ранек сделал для нее такую необычную вещь. Пусть он и не жил в Львином очаге – Ранек тоже был ее братом, хотя он был настолько старше Дануга, что чувствовал себя скорее их дядюшкой. Она никогда его до конца не понимала, но привыкла смотреть на него снизу вверх и знала, что он почитаем всеми мамутой как резчик. Она была бы благодарна за любую мут его работы, но ей было особенно приятно, что он сделал ей такую же вещь, как Эйле. Уж для Эйлы-то он точно вырезал самую лучшую!

Уже началась церемония наречения дочери Фрали, и все три молодые женщины обратили свои взоры туда. Эйла заметила диск из слоновой кости с резьбой, который держал Талут, и на мгновение у нее стало беспокойно на сердце: она вспомнила, как саму ее принимали в племя. Но в церемонии не было ничего из ряда вон выходящего. Мамут наверняка знал, что делать. Когда Эйла увидела, как Фрали протягивает свою дочь вождям Львиной стоянки, она внезапно припомнила другую церемонию. Тогда тоже была весна, подумала она, только сама она была матерью и протягивала своего ребенка со страхом, ожидая худшего.

Она слышала, как Мамут спрашивает: «Какое имя выбрала ты для ребенка?» И слышала, как Фрали отвечает: «Ее будут звать Бекти». А в душе ее звучали слова Креба: «Дарк. Имя мальчика – Дарк».

Слезы выступили у нее на глазах; она вновь почувствовала благодарность и облегчение, припомнив, как Бран признал ее сына, а Креб даровал ему имя. Она заметила Ридага, который сидел среди других детей, и он напомнил ей сына. Ей мучительно захотелось увидеть его снова, но внезапно она поняла одну простую вещь. Да, Дарк – полукровка, как и Ридаг, но он рожден в клане, признан кланом, выращен кланом. Ее сын – член клана, а она для клана умерла. Она содрогнулась и постаралась подавить в себе эти мысли.

Пронзительный крик младенца заставил Эйлу вернуться к происходящему. Ручку ребенка укололи острым ножом и сделали еще одну зарубку на диске из мамонтовой кости. Бекти получила имя и была сосчитана в числе мамутой. Мамуту не просто было решиться

сделать небольшой надрез на ручке девочки; до сих пор не ведавшая боли, та закричала пуще прежнего, но Эйла только радостно улыбнулась, слыша ее возмущенный вопль. Несмотря на обстоятельства своего рождения, Бекти росла крепенькой. Ей хватает силенок кричать. Фрали показала Бекти всем присутствующим, потом стала баюкать девочку, напевая что-то высоким сладким голосом. Когда Бекти затихла, ее мать вернулась на свое место между Фребеком и Крози. Через несколько мгновений Бекти вновь зашлась в крике, но внезапно замолчала, – видно, ее успокоили самым что ни на есть лучшим способом.

Диги толкнула ее локтем, и Эйла поняла, что время пришло. Теперь ее черед. Она вышла вперед. В первое мгновение она не в силах была двигаться. Потом ей захотелось убежать – да некуда было. Ей не хотелось произносить слова Обещания Ранеку, она хотела быть с Джондаларом, бежать с ним куда угодно, но, подняв глаза, она увидела страстное, счастливое, улыбающееся лицо Ранека – и, глубоко вздохнув, осталась на месте. Джондалар ее не хочет – и она уже сказала Ранеку «да». Нерешительным шагом Эйла подошла к главе стоянки.

Смуглый мужчина затаив дыхание смотрел, как она идет навстречу ему, как выходит из тени и направляется к главному костру. Она была в плаще из белой кожи, подаренном Диги, который был ей к лицу, но волосы ее не украшали ни ленты, ни бусы, они не были заплетены в косы, как обычно это было принято у женщин мамутой. Как подобало во время обряда с магическим корнем в клане, она шла с распущенными волосами, и густые пряди, спадавшие на плечи, блестели при свете огня и золотом обрамляли ее необычное, изысканно вылепленное лицо. В этот момент Ранек почувствовал, что она – воплощение Великой Матери, рожденная из тела совершенной Вечной Женщины. Он так желал эту женщину, что ему трудно было поверить, что все это происходит на самом деле.

Ранек был не единственным, кто восхищался ее красотой. Когда она вступила в освещенный круг, все были поражены. Одевание мамутой, богато украшенное, изысканное, и роскошная красота ее волос создавали ошеломительное сочетание. Талут подумал о том, какое замечательное приобретение для Львиной стоянки эта женщина; а Тули решила назначить самый высокий Брачный выкуп, даже если бы ей самой пришлось заплатить половину, поскольку союз с Эйлой

возвысит стоянку. Мамут, уже знавший, что Эйла назначена для самого важного Служения Великой Матери, отметил ее великолепное чувство ритма, ее природное чутье ко всему драматическому; он знал, что однажды ей придется расплатиться за это.

Но никто не ощущал исходящее от нее очарование сильнее, чем Джондалар. Мать Джондалара стояла во главе племени, а его брат наследовал ей; Даланар основал новое племя и был его вождем, а Золен достигла высочайшего положения среди зеландонии. Он принадлежал к верхушке своего племени, и он чувствовал те достоинства Эйлы, на которые обратили внимание старейшины и шаман Львиной стоянки. Как будто кто-то ударил его в живот так, что у него дух перехватило: он внезапно понял, что потерял.

Как только Эйла подошла к Ранеку, Тули начала:

– Ранек из племени мамутой, сын очага Лисицы Львиной стоянки, ты просишь Эйлу из племени мамутой, дочь Мамонтового очага Львиной стоянки, которой покровительствует дух Пещерного Льва, соединить свою жизнь с тобой и вместе основать очаг. Правда ли это?

– Да, это правда, – ответил он и обернулся к Эйле с улыбкой, полной безмятежного счастья.

Затем Талут обратился к Эйле:

– Эйла из племени мамутой, дочь Мамонтового очага Львиной стоянки, которой покровительствует дух Пещерного Льва, согласна ли ты на союз с Ранеком из племени мамутой, сыном очага Лисицы Львиной стоянки?

Эйла зажмурилась и тяжело вздохнула, прежде чем ответить.

– Да, – чуть слышно произнесла она. – Я согласна.

Джондалар сидел у стены, сжав челюсти до боли в висках. Он сам во всем виноват. Если бы он тогда не взял ее силой, может, она и не ушла бы к Ранеку. Но ведь она уже делила с ним ложе... С первого дня, когда ее приняли в племя мамутой... Ну, здесь он должен признаться себе, что несколько кривит душой. С той первой ночи она больше не спала с резчиком, пока не случился тот глупый спор между ними и он не ушел из Мамонтового очага. Из-за чего они спорили-то? Он ведь и не сердился на нее, просто беспокоился о ней. Тогда зачем он ушел?

Тули повернулась к Уимезу, стоявшему за спиной у Ранека, рядом с Неззи:

– Признаешь ли ты этот Союз между сыном очага Лисицы и дочерью Мамонтового очага?

– Я признаю этот Союз и приветствую его, – ответил Уимез.

– А ты, Неззи? – спросила Тули. – Признаешь ли ты Союз между твоим сыном, Ранekom, и Эйлой, если будет назначен соответствующий Брачный выкуп?

– Я признаю этот Союз, – ответила женщина.

Вслед за этим Талут обратился к старику-шаману, стоявшему рядом с Эйлой.

– Духовидец-мамутой, покинувший свой очаг и отринувший свое имя, ты, кто был призван и посвящен Мамонтовому очагу, говорящий с Великой Матерью Всего, Тот, Кто Служит Мут, – начал старейшина, обстоятельно перечисляя все титулы шамана, – согласен ли Мамут на Союз между Эйлой, дочерью Мамонтового очага, и Ранekom, сыном очага Лисицы?

Мамут ответил не сразу. Он смотрел на Эйлу, которая стояла, опустив голову. Он вглядывался в ее лицо, оценивая ее состояние, окружающую ее ауру.

– Дочь Мамонтового очага может соединиться с сыном очага Лисицы, если она этого желает, – наконец произнес он. – Нет ничего, что препятствовало бы этому Союзу. Она не нуждается в моем благословении или одобрении, да и ни в чем. Выбор за ней. Выбор всегда будет за ней, где бы она ни была. Если она нуждается в моем разрешении, я даю его. Но она всегда останется дочерью Мамонтового очага.

Тули посмотрела на старика. В его словах таился какой-то иной смысл. Но она решила подумать об этом позднее.

– Ранек, сын очага Лисицы, и Эйла, дочь Мамонтового очага, объявили о своем желании быть вместе. Они желают заключить союз, дабы обрести общий дух и разделить общий очаг. Все вопросы, связанные с этим, улажены. Ранек, если ты соединишься с Эйлой, обещаешь ли ты ей покровительство свое и своего мужского духа, будешь ли ты заботиться о ней, когда Великая Мать благословит ее дать начало новой жизни, признаешь ли ты ее детей детьми своего очага?

– Да, обещаю. Ничего я не желаю больше, чем этого, – ответил Ранек.

– Эйла, если ты соединишься с Ранеком, обещаешь ли ты заботиться о нем и даровать ему покровительство твоей материнской силы, призываешь ли ты без всяких условий дар Жизни, ниспосланный Великой Матерью, и разделишь ли ты своих детей с мужчиной твоего очага? – спросила Тули.

Эйла открыла рот, но сначала не могла произнести ни звука. Откашлявшись, она наконец произнесла – но чуть слышным голосом:

– Да, обещаю.

– Слышали ли вы эти обещания и можете ли их засвидетельствовать? – обратилась Тули к присутствующим.

– Мы слышали и свидетельствуем, – ответили те. Диги и Торнек начали медленно отбивать ритм на своих костяных инструментах, подстраиваясь к голосам, запевшим торжественную песню.

– Вы соединитесь на Летнем сходе, дабы все мамутой засвидетельствовали ваш союз, – сказала Тули. – Обойдите три раза очаг в подтверждение ваших Обещаний.

Ранек и Эйла рука об руку медленно пошли вокруг очага под музыку и пение. Итак, свершилось. Они обменялись Обещаниями. Ранек был в восторге. Он едва чувствовал землю под ногами. Его счастье было таким всепоглощающим, что он не мог поверить, что Эйла не разделяет его. Он заметил ее колебания, но убеждал себя, что это всего лишь робость, что она устала или нервничает. Он любил ее так сильно, что не мог даже представить себе, будто она не испытывает к нему подобных чувств. Но на сердце у Эйлы было тяжело, когда они обходили костер, хоть она и старалась не показывать этого. Джондалар опустился на землю: ноги не держали его, как будто все его кости сломались; он чувствовал себя пустым мешком с развязанными тесемками. Больше всего на свете ему хотелось бежать отсюда прочь – только бы не видеть, как женщина, которую он любил больше всего на свете, идет рука об руку со счастливо улыбающимся темнокожим мужчиной.

– Ах, Эйла, я так рада, что мы породнимся! – воскликнула Диги. – Но потом ты вернешься сюда, а я уйду, чтобы строить новое жилище. Я буду так скучать по тебе в будущем году. А интересно, кого из нас Мать благословит первой – тебя или меня? Ты, наверное, такая счастливая.

– Кажется, да, – ответила Эйла, натянуто улыбнувшись.

Диги поразила ее вялости. Похоже, Эйла была от своего Обещания не в таком восторге, как она. Эйла и сама удивилась. Она хотела быть счастливой, ей полагалось быть счастливой, но чувствовала она лишь одно – утрату.

В то время когда все толпились в Мамонтовом очаге, Эйла и Мамут ускользнули в Журавлиный очаг для последних приготовлений. Когда все было готово, они пошли обратно, но между Оленьим и Мамонтовым очагами Мамут остановился. Люди толпились небольшими группами, занятые разговором, и шаман решил дождаться минуты, когда все взгляды обратятся в другую сторону. Тогда он подал знак Эйле, и они медленно двинулись, до последнего момента не выходя из тени.

Мамут, в первое мгновение никем не замеченный, молча стоял перед очагом. Полы его плаща развевались, руки были сложены на груди. Эйла сидела, скрестив ноги и опустив голову; на плечи ее также был накинут плащ. Когда их наконец увидели, это было воспринято как чудо. Никто не видел, как они вошли, – а они вот уже в самом центре помещения. Все расселись, предвкушая новое таинство Мамонтового очага, гадая, что за церемония предстоит сегодня.

Прежде всего Мамут хотел призвать духов, чтобы показать подлинность иного мира, в котором ему предстоит действовать, тем, кто знает лишь слова, произносимые ртом, да еще, быть может, результаты действий. Все затихли. В тишине слышались непривычно громкое человеческое дыхание и потрескивание костра. Вдруг языки пламени задрожали, а в дымовом отверстии раздался смутный вой, как бы обозначая присутствие кого-то невидимого. Так постепенно, что никто поначалу этого не заметил, вой перешел сначала в монотонные постукивания, потом в ритмическое пение. Все подхватили его, а старый шаман тем временем начал медленно танцевать, извиваясь в такт музыке. Потом ритмический стук стал громче – словно несколько бубнов ударили одновременно.

Внезапно Мамут сбросил плащ, представ обнаженным. На нем не было ни пояса с мешочками, ни узелков для тайных припасов, которые мамутой носили на голом теле под одеждой. Он словно рос на глазах, наполняя пространство своим присутствием. Эйла моргала, зная, что старый шаман на самом деле ничуть не изменился. Приглядевшись,

можно было увидеть все того же старика с морщинистой кожей, длинными костлявыми руками и ногами, но узнать его было непросто.

Он вернулся к нормальным человеческим размерам, но, казалось, был всецело поглощен чьим-то пульсирующим присутствием, которое наполняло сиянием все его тело. Он вытянул вперед ладони. Они были пусты. Потом он хлопнул в ладоши и сложил руки вместе. Зажмурившись, он некоторое время стоял неподвижно, потом стал дрожать, словно сопротивляясь некоей охватившей его могучей силе. Медленно, с огромным усилием, он разжал ладони. Что-то бесформенное, черное промелькнуло между ними, и не один из свидетелей содрогнулся. Это было неприятное ощущение – запах зла, запах чего-то зловредного и опасного. Эйла почувствовала, как волосы у нее на голове поднимаются дыбом, – и невольно сдержала дыхание.

Когда Мамут развел руки, тень стала расти. Едкий запах страха распространился среди сидящих. Все сидевшие вскочили, стоящие потянулись вперед, заунывное пение перешло в вой, и напряжение стало почти невыносимым. Нечто чернело, набухало, наполнялось собственной жизнью или, скорее, противожизнью. Старый шаман вытянулся, его тело задрожало от усилия. Эйла сосредоточенно глядела на него, страшась за старика.

Вдруг, без всякой подготовки, она почувствовала, как сила наполнила и ее тоже, и внезапно обнаружила, что находится рядом с Мамутом, в его сознании или в его видении. Теперь она все видела ясно, понимала опасность и ужасалась ей. Он был во власти вещей, находящихся вне мира, вещей, ни с чем не сравнимых. Он старался овладеть ими, и она была рядом с ним. Когда он попытался снова сомкнуть руки, темное нечто уменьшилось, и она видела, как он опять пытается вогнать его туда, откуда оно вышло. Ладони сомкнулись – и в его сознании раздался резкий щелчок, что-то вроде грозового разряда.

Оно ушло. Мамут отогнал зло, и Эйла знала: он взывал к другим духам, которые помогли ему совладать с темной силой. Она различала смутные очертания животных, духов-охранителей, Мамонта и Пещерного Льва, может быть, даже самого Пещерного Медведя – Урсуса. А потом она снова, сидя на подстилке, смотрела на старика, вновь ставшего Мамутом. Физически он выглядел утомленным, но его душевные способности возросли, отточились в споре мощных волей. Духовное зрение самой Эйлы тоже обострилось, и она видела, что

духи-охранители по-прежнему здесь. Она была достаточно опытна, чтобы понимать: их цель – изгонять злых духов, которые могут повредить ей во время обряда. Они должны притянуть вызванное Мамутом зло и унести его с собой.

Мамут знаком призвал всех к тишине. Барабаны и пение разом смолкли. Пришло время начинать обряд клана с магическим корнем, но шаман хотел подчеркнуть, как важна будет помощь людей стоянки. Когда ритуал с магическим корнем захватит Мамута и Эйлу, только пение сможет вернуть их к реальности.

В напряженной ночной тишине Эйла начала отбивать ритм на инструменте, подобного которому они никогда прежде не видели. Это была всего-навсего большая чаша, выточенная из цельного куска дерева и повернутая вверх дном. Она принесла ее из долины, и неизвестно, что было удивительнее – ее размеры или то, что ее можно использовать как музыкальный инструмент. Деревья, из которых можно было бы выточить такую вещицу, не росли в открытой, сухой и ветреной степи. Даже в речной пойме, хорошо орошавшейся во время паводка, высокие деревья были редкостью, но та небольшая долина, где она жила прежде, была надежно защищена от ветра, и там хватало влаги для нескольких крупных деревьев. Одно из них сломала молния, и из куска этого дерева Эйла и сделала чашу.

Хотя, ударяя по разным частям сосуда, можно было варьировать тон, это не был ударный инструмент в обычном смысле слова, как барабан или костяная лопатка; в данном случае важен был только ритм. Люди Львиной стоянки были заинтригованы, но это была не их музыка, и они чувствовали себя от нее не слишком уютно. Да, эта музыка была чужой, но, как и надеялась Эйла, она создала особую атмосферу, под стать той, что была в клане. Мамута переполнили воспоминания о времени, проведенном им там. Когда она перестала играть, не возникло ощущения, что все кончено: скорее, что главное еще впереди, и в воздухе витало предчувствие чего-то необычного.

Стоянка не знала, чего ожидать, но, когда Эйла сбросила плащ и выпрямилась, все были поражены тем, что ее тело было раскрашено черными и красными кругами. Не считая татуировок, отличавших посвященных, мамутой украшали свою одежду и никогда – тело. Впервые люди стоянки соприкоснулись с миром, откуда пришла Эйла, с культурой настолько своеобразной и замкнутой, что они даже не

осознавали ее существования. Это был не другой стиль одежды, не другое сочетание красок, не другой тип оружия, даже не другой язык. Это был иной способ мышления, но они понимали, что этот способ мышления – человеческий.

Они видели, с каким благоговением Эйла наполняет свой сосуд водой и подает Мамуту. Потом она достала сухой корешок и начала его жевать. Сначала это было трудно. Корешок был старый и сухой, а все соки надлежало выплюнуть в деревянный сосуд. Ни в коем случае нельзя их глотать. Когда Мамут осведомился, сохраняет ли корешок свою силу столько времени, Эйла объяснила ему, что он только становится сильнее.

После очень долгой, как ей казалось, паузы – она помнила, что в первый раз пауза тоже длилась очень долго, – Эйла выплюнула маслянистую мякоть и остатки сока в сосуд. Затем перемешала это с белесой жидкостью. Почувствовав, что все сделано правильно, она протянула сосуд Мамуту. Мамут подал знак барабанщикам и певцам, потом кивнул Эйле и проверил, готов ли сам он к обряду. Она нервничала: прежний опыт вызывал неприятные ассоциации; вновь она освежила в памяти все детали приготовления к церемонии; вспоминала все, что рассказывала ей Иза. Эйла делала все возможное, чтобы воспроизвести все как можно ближе к ритуалу клана. Она снова кивнула, и Мамут поднес кубок к губам и сделал первый глоток. Отпив половину, он отдал кубок Эйле. Она допила остальное.

* * *

Сам вкус был древним, напоминающим о богатой почве в тенистых лесах давних, изначальных дней, о странных огромных деревьях, о солнечных лучах, пробивающихся сквозь навес зеленых ветвей. Действие этого корешка сказалось почти сразу. Ее стошнило, и она ощутила легкое головокружение. Ее видения клубились, мозг становился все больше, ему уже не хватало места в голове. Внезапно она очнулась в другом месте. Здесь было темно. Она почувствовала себя потерянной, на мгновение ее охватила паника. Потом она ощутила, как кто-то прикоснулся к ней, и она поняла, что и Мамут здесь. Эйла несколько успокоилась, увидев его, но Мамут сейчас не занимал в ее

сознании такого же места, как тогда Креб, он в отличие от Креба не мог вести ее за собой, да и сам не знал дороги. Он совсем не владел ситуацией – просто находился здесь и ждал, что случится.

Странно, что Эйла по-прежнему слышала пение и барабанный бой – словно все еще находилась в жилище Львиной стоянки. Она сосредоточилась на этих звуках. Они давали ей точку опоры, веру, что она не одна. Присутствие Мамута тоже придавало ей уверенности, хотя она тосковала по той сильной путеводной воле, которая направляла ее в прошлый раз.

Темнота стала рассеиваться, появилось свечение, сначала сероватое, потом радужное. Они с Мамутом вновь летели над какой-то равниной, но головокружения уже не было, только ощущение движения среди красноватых облаков. Движение все ускорялось, и облака превратились в тонкую радужную ленту. Она нырнула в длинный туннель со стенами, напоминающими внутреннюю поверхность пузыря. Все быстрее, быстрее – и под конец она очутилась в лучах света, яркого, как солнечный, но пронизанного ледяным холодом. Она вскрикнула – но беззвучно, и нырнула в свет, и прошла сквозь него.

Она была теперь в глубокой, темной, холодной пустоте. Это было очень знакомое ощущение, но в тот раз Креб нашел ее и вывел отсюда. Она смутно чувствовала, что Мамут здесь с ней, но знала, что он не в силах ей помочь. Пение смутно отдавалось в ее ушах. Она знала, что, если оно прекратится, ей уже не выйти отсюда, но она не была уверена, что ей так уж хочется назад. Здесь не было никаких чувств, только пустота, которая помогала ей осознать свою растерянность, свою мучительную любовь, свое безнадежное горе. Черная пустота пугала, но это было лучше, чем душевное опустошение, которое она чувствовала снаружи.

Она вновь ощутила какое-то движение; темнота рассеялась. Теперь она снова была в туманном облаке, но оно уже было другим – плотнее, тяжелее. Облака расступились. Перед ней открылась какая-то равнина; но этот мир был не похож на тот естественный мягкий пейзаж, к которому она привыкла. Он был наполнен необычными предметами и формами, устроен по каким-то строгим правилам: с грубыми прямыми поверхностями и прямыми линиями, с неестественно яркими цветами. Некоторые вещи стремительно двигались – или так только казалось.

Это место было ей незнакомо, но с первого же взгляда не понравилось, и она старалась отстранить его от себя.

* * *

Джондалар наблюдал, как Эйла пьет снадобье, и озабоченно нахмурился, видя, как она вздрогнула и как побледнело ее лицо. Какое-то время она из последних сил держалась на ногах, потом опустилась на землю. Мамут тоже упал, но в этом-то не было ничего необычного – шаман часто падает на землю, когда погружается в иной мир, не важно, принимал ли он для этого какое-то снадобье или нет. Пение и барабанный бой тем временем продолжались. Он видел, как Волк попытался дотронуться до Эйлы, но его удержали. Джондалар понимал Волка; ему хотелось поступить так же, он даже бросал взгляд на Ранека – каково ему? – но обитатели Львиной стоянки, кажется, не были встревожены, и он решил не нарушать правила священного ритуала. Вместе со всеми он присоединился к пению. Мамут дал ему понять, как это важно.

Прошло некоторое время, но ни Мамут, ни Эйла не шевелились, и Джондалару стало страшно. Ему показалось, что и на лицах других он заметил подобное выражение. Он встал, пытаясь разглядеть ее лицо, но факелы горели вполсилы, и было темно. Он услышал поскуливание и поглядел на Волка. Звереныш снова заскулил. Он пару раз рванулся к Эйле и опять вернулся к Джондалару.

Он слышал, как тревожно ржет в своей пристройке Уинни, как будто чувствует опасность. Вряд ли, конечно, но вдруг хищник проник к лошадям и испугал их, пока все заняты? Увидев его, лошадь заржала громче. Ничего, что могло бы испугать ее, Джондалар не обнаружил, но что-то же ей привиделось. Даже его поглаживание и ласковые слова не могли ее успокоить. Она рвалась внутрь дома – никогда прежде такого не случалось. Удалец тоже вел себя беспокойно – тревога матери передалась и ему.

Волк опять вскочил, поскуливая и повизгивая, бросаясь то ко входу в очаг Мамонта, то назад к Джондалару.

И тут до него дошло, что так встревожило животных. Эйла! Они чувствуют, что опасность грозит Эйле!

Джондалар бросился назад и увидел, что несколько человек столпились вокруг Эйлы и Мамута, пытаясь их разбудить. Не в силах больше сдерживать себя, он бросился к Эйле. Она лежала неподвижно, все мышцы ее тела были напряжены, и она едва дышала.

– Эйла! – закричал он. – О Великая Мать, она почти мертва! Эйла! О Дони, не дай ей умереть! Эйла, вернись! Не умирай, Эйла! Пожалуйста, не умирай!

Он сжимал ее в объятиях, повторяя ее имя, все настойчивее и настойчивее умоляя ее не умирать.

* * *

Эйла чувствовала, что ускользает все дальше и дальше. Она смутно слышала пение и барабанный бой, но это было где-то вдалеке, какое-то смутное воспоминание... А потом ей показалось, что она услышала свое имя. Она напряглась и прислушалась. Да, ее имя, опять и опять, и все настойчивее. Она почувствовала, как Мамут приближается к ней, и оба они сосредоточились на пении. Она слышала смутные голоса, и ее тянуло к ним. Потом, в отдалении, она услышала резкий, напряженный, глубокий барабанный бой: хо-о-о-ом! Теперь уже яснее она распознавала человеческий голос, полный боли и страсти. Она чувствовала, как кто-то нежно прикасается к ней и трогает объединенное существо – ее и Мамута.

Внезапно она двинулась – ее стремительно потянуло вперед вдоль одной светящейся линии. Ей казалось, что она движется с необыкновенной скоростью. Тяжелые облака обступили ее и сразу же исчезли. Через пустоту она пролетела в мгновение ока. Радуга превратилась в серый туман – и вот она уже снова на Львиной стоянке. Перед ней – ее собственное тело, необычно неподвижное, бледно-серое, распростертое на полу. Она увидела белокурого мужчину, который склонился над ней, держа ее в объятиях. А потом она почувствовала, как Мамут толкает ее вперед.

* * *

Веки Эйлы дрогнули, она открыла глаза и увидела склонившегося над ней Джондалара. Страх в его голубых глазах сменился огромным облегчением. Она пыталась заговорить, но язык ее опух, и тело было холодным, холодным как лед.

– Они вернулись! – воскликнула Неззи. – Не знаю, где они были, но они вернулись. Как они замерзли! Заверните их в мех и принесите им чего-нибудь попить.

Диги принесла меха со своей лежанки, и, пока она заворачивала в них Эйлу, Джондалар не отходил от нее. Волк тоже вертелся рядом, подпрыгивал, лизал ее лицо. Ранек принес стакан горячего отвара. Талут помог ей сесть. Ранек поднес стакан к ее губам, и она благодарно улыбнулась. Уинни заржала из своей пристройки, и Эйла распознала в ее голосе тревогу и беспокойство. Она ответила ей, подражая конскому ржанию, чтобы успокоить животное. Потом она пожелала видеть Мамута.

Ей помогли встать, накинули плащ на плечи и подвели к старику. Он лежал на меховой подстилке и тоже пил горячий отвар. Он улыбнулся ей, но в глазах его сквозило беспокойство. Не желая беспокоить обитателей стоянки, он преуменьшал значение их необычного опыта, но не хотел скрывать от Эйлы, какая опасность грозила ей. Ей тоже хотелось потолковать об этом, но оба избегали прямого разговора о только что перенесенном. Неззи поняла, что им надо остаться наедине, и быстренько выставила всех посторонних, а вслед за ними ушла сама.

– Где мы были, Мамут? – спросила Эйла.

– Не знаю, Эйла. Я там раньше не был. Другое место, может, и другое время. Может, этого места и вовсе нет, – задумчиво сказал он.

– Думаю, есть. Эти вещи похожи были на настоящие, некоторые из них я знаю. Например, в той пустоте я была с Кребом.

– Я верю, что твой Креб и вправду силен. Может, даже сильнее, чем ты думаешь, если он смог привести тебя в эти места и сохранить власть над собой и тобой.

– Да, конечно, но... – Мысль вертелась на языке у Эйлы, но она не могла подобрать нужных слов. – Креб знал эти места, он показывал мне свою память и наши истоки, но мне кажется, что туда, где были мы, он не добирался. Думаю, не мог добраться. Может, это и спасло меня. У него были разные силы, и он владел ими, но это другое... Место, где

мы были, – это новое место. Он не мог попасть в новые места, только туда, где уже был. Но может быть, он видел, что я смогу? Не поэтому ли он так грустил?

Мамут кивнул:

– Может быть, но важнее другое: эти места опаснее всего, что я мог предположить. Я пытался освятить их ради блага племени. Пробудь мы там подольше, возврата уже не было бы. И одним нам было бы не вернуться. Нам помог... кто-то, кто так хотел нашего возвращения, что это превозмогло все препятствия. Это была такая сильная воля, что ее не могло остановить ничего, кроме, может быть, смерти.

Эйла нахмурилась, очевидно смущенная, и Мамут спросил себя, знает ли она, кто помог им вернуться, понимает ли, почему воли одного человека хватило, чтобы спасти ее. Она поймет в свое время, но не ему говорить ей об этом. Она должна догадаться сама.

– Мне в этом месте больше уже не побывать, – продолжал он. – Слишком я стар. Однажды, когда ты вполне овладеешь своими силами, можешь попробовать снова. Я не могу тебе советовать, но если осмелишься – позаботься о том, чтобы у тебя была надежная защита. Пусть кто-то ждет тебя здесь и, когда придет время, позовет тебя обратно.

Возвращаясь к своей постели, Эйла искала глазами Джондалара, но он исчез, как только Ранек принес ей питье. Когда она была в опасности, он без колебаний бросился к ней, но сейчас его вновь охватила неуверенность. Она обменялась Обещаниями с этим резчиком мамутой. Подобаает ли ему вырывать ее из его рук? И кажется, теперь все знают, что делать, принесли ей мех и горячее питье... Он чувствовал, что смог каким-то странным образом помочь ей; но когда он начинал думать об этом, его охватывали сомнения. «Она и так вернулась бы, – рассуждал он. – Это было совпадение. Я просто оказался рядом. Она и не запомнила».

Ранек подошел к Эйле, когда она возвращалась от Мамута, и просил ее прийти к нему – не для любви, просто чтобы поддержать ее в объятиях, согреть ее. Но она отказалась, уверив, что сейчас ей будет уютнее в своей постели. Он в конце концов уступил, но долго лежал без сна, размышляя. Хотя для всех это было очевидно, он до сих пор отказывался замечать, что Джондалар по-прежнему тянется к Эйле – и после ухода из Мамонтового очага. Но теперь даже он не мог отрицать,

что высокий зеландонии испытывает к его нареченной сильные чувства; не зря же он так молил Мут о ее спасении.

Он не сомневался, что именно Джондалар спас Эйлу из небытия, но ему не хотелось верить, что она вернулась к прежней любви. С этой ночи она обещана ему. Эйла должна стать его женщиной и создать его очаг. Он тоже боялся за нее, и мысль о том, что кто-то может ее у него отнять – будь то какая-то опасность или другой мужчина, – только делала ее еще более желанной.

Джондалар видел, как Ранек подошел к Эйле, и вздохнул с облегчением, когда резчик пришел к себе в очаг один. Но, забравшись в постель, он свернулся калачиком и натянул на голову покрывало. Какая разница, будут ли они вместе этой ночью? Она принадлежит Ранеку навсегда. Они обменялись Обещаниями.

Глава 29

Эйла обычно подсчитывала свои годы в конце зимы, полагая, что каждый новый год ее жизни связан с началом сезона новой жизни окружающего мира, и эту свою восемнадцатую весну она встречала, наслаждаясь изобилием луговых цветов и свежей зеленью разнообразной растительности. Такая пора была особенно радостной и долгожданной в этих суровых краях с долгими холодными зимами, а после Праздника Весны теплый сезон решительно вступал в свои права. Первые яркие степные цветы увядали, стремительно сменяясь буйной порослью новых трав и злаков, что влекло за собой перемещение травоядных животных. Наступал период сезонных миграций.

Многочисленный и разнообразный животный мир начинал движение по открытым равнинам. Одни виды животных объединялись в огромные, неисчислимы стада, другие – в стада поменьше или семейные группы, но все они находили пропитание для поддержания жизни на этих огромных, продуваемых ветрами и невероятно богатых пастбищах, изрезанных многочисленными реками, питаемыми ледниковыми водами.

Холмы и впадины темнели от огромных скоплений большерогих бизонов, и эта живая мычащая и неустаннодвигающаяся орда оставляла за собой опустошенную, вытопанную землю. По рожицам, что зеленели в долинах больших рек, тянулись к северу бесконечные вереницы зубров, смешиваясь порой со стадами лосей и больших северных оленей, чьи головы были увенчаны массивными тяжелыми рогами. Пугливые и осторожные косули небольшими группами пробирались по заросшим кустарником речным берегам и бореальным лесам к насыщенным весенними водами землям, лоси также часто заходили в болота и растаявшие мелководные озера степных равнин. Дикие козы и муфлоны, обычно обитающие в горах, спускались в открытые долины холодных северных земель, сталкиваясь у водопоев с маленькими семейными группами сайгаков и небольшими табунами степных лошадей.

Сезонные перемещения шерстистых животных были более ограничены. Благодаря толстому слою жира и густому двухслойному

меховому одеянию они приспособились к жизни вблизи ледников и не могли переносить более теплый климат. Круглый год жили они в северных, граничащих с ледником низинах, где морозы были сильнее, но суше, и снегопады – редки и незначительны; жили, перебиваясь зимой сухим и замерзшим подножным кормом. Покрытые густой шерстью мускусные быки – постоянные обитатели сурового морозного севера – передвигались маленькими стадами внутри ограниченной территории. Шерстистые носороги, которые обычно собирались семьями, и более многочисленные группы шерстистых мамонтов могли зайти и подальше в южном направлении, но зимой они оставались на севере. В более теплых и влажных, раскинувшихся к югу континентальных степях кормовые травы скрывались под слоем глубокого снега, по которому этим тяжеловесным животным было трудно передвигаться. Весной они отправлялись к югу, чтобы подкормиться на богатых пастбищах нежной и сочной молодой травой, но, как только становилось чуть теплее, уходили обратно на север.

Обитатели Львиной стоянки с радостью смотрели на равнины, наполнявшиеся молодой жизнью, обсуждая появление каждого нового вида, и в особенности животных, которые росли и размножались в условиях сурового севера. Именно они помогали им выживать. Восторженные восклицания всегда вызывал вид огромного носорога с двумя рогами – передним длинным и наклоненным вперед – и двухслойным покровом рыжеватого меха с мягким нижним подшерстком и внешним слоем длинных и толстых защитных волос.

Однако самое большое волнение мамутой испытывали при виде мамонтов. В их края эти животные обычно заходили весной, и, когда наступало такое время, они неизменно посылали в степь своих дозорных. С тех пор как Эйла покинула клан, она видела мамонтов только издали и была взволнована не меньше других, когда однажды днем Дануг прибежал с криком: «Мамонты! Мамонты идут!»

В числе первых Эйла выбежала из дома, чтобы взглянуть на них. Обычно Талут брал Ридага к себе на плечи, но сейчас он был в степи вместе с Данугом, и Неззи заметно отстала от своих соплеменников, поскольку ей самой пришлось нести мальчика, пристроив его на своем объемистом боку. Эйла хотела прийти на помощь, но увидела, что Джондалар опередил ее. Неззи и Ридаг сердечно улыбнулись Джондалару, когда он подхватил мальчика и поднял его к себе на плечи.

Эйла тоже улыбнулась, хотя он и не заметил ее. Это выражение еще сохранялось на ее лице, когда она повернулась к Ранеку, который бежал трусцой, догоняя ее. Нежная и обаятельная улыбка молодой женщины пробудила в нем горячее чувство нежности и неистовое сожаление о том, что она до сих пор не поселилась в его очаге. Эйле ничего не оставалось, как только откликнуться на любовь, сиявшую в его темных блестящих глазах, – и предназначавшаяся Джондалару улыбка досталась Ранеку.

Поднявшись в открытую степь, обитатели стоянки в молчаливом благоговении наблюдали за этими громадными длинношерстными созданиями. Это были самые большие животные, обитавшие в здешних краях, а вообще, едва ли у них нашлись бы соперники где-либо на земле. В проходившем неподалеку стаде было несколько молодых особей и старая опытная мамонтиха, настороженно поглядывавшая на людей. Ее высота в холке примерно достигала десяти футов, она остановилась, покачивая большой, сильно выпуклой головой, за которой высился горб – своеобразная кладовая для дополнительных запасов жира, необходимого, чтобы пережить долгую суровую зиму. Широкая спина круто опускалась к тазовой части и более коротким задним ногам, завершая этот характерный и мгновенно узнаваемый профиль. Ее голова была непропорционально велика по сравнению с размерами тела, чуть меньше половины ее длины составлял относительно короткий хобот, на конце которого были заметны два чувствительных и подвижных пальцевидных отростка – верхний и нижний. Хвост у мамонта был также коротким, а уши – маленькими, чтобы не растрчивать лишнее тепло.

Мамонты были в высшей степени приспособлены к жизни в своих холодных северных владениях. Очень толстая шкура была утеплена тремя – а порой и больше – дюймами подкожного жира и сплошь укрыта мягким и плотным подшерстком длиной около дюйма. Грубые внешние волосы достигали двадцати дюймов в длину, и эта темная рыжевато-коричневая шерсть ровным слоем покрывала толстый и мягкий зимний подшерсток, словно теплая, защищающая от влаги и ветра шуба. У мамонтов имелись мощные коренные зубы, благодаря которым они перемалывали грубый зимний корм – сухие травы, ветки и кору березы, ивы и лиственницы – так же легко, как летнюю пищу, изобилующую свежей зеленью, осокой и луговыми травами.

Наиболее впечатляющими, внушающими изумление и благоговейный страх были, безусловно, мамонтовые бивни. Эти невероятно сильно развитые, близко посаженные резцы вырастали из верхней челюсти и сначала круто опускались вниз, затем резко расходились вверх и в стороны и в итоге вновь загибались внутрь. У старого самца бивни могли достигать шестнадцати футов в длину, но к этому времени их концы уже перекрещивались друг с другом. У молодых особей бивни были действенным оружием и естественным приспособлением для выкапывания деревьев и расчистки снега, покрывающего траву, но к старости концы бивней изгибались вверх, пользоваться ими становилось очень неудобно – и тогда они становились, скорее, обузой, поскольку толку от них было мало.

Вид этих огромных животных вызвал у Эйлы вереницу воспоминаний о ее первой встрече с мамонтами, о том, как сильно ей хотелось тогда участвовать в охоте вместе с мужчинами клана. Она припомнила, что Талут пригласил ее пойти на первую охоту на мамонтов вместе с мамутой. Эйла любила охотиться, и мысль о том, что на сей раз она сможет присоединиться к отряду охотников, наполнила ее трепетным ожиданием. Она уже с искренним нетерпением и удовольствием ждала Летнего схода.

Первая охота летнего сезона имела важное ритуальное значение. Несмотря на то что шерстистые мамонты действительно были громадными и величественными созданиями, чувства, которые испытывали к ним мамутой, были связаны не только с изумлением перед их размерами. Конечно, мясо этого животного было отличной пищей, но главным стремлением и желанием мамутой было подтвердить собственную нерушимую связь с этим гигантом. Они почитали мамонтов, поскольку в какой-то мере отождествляли себя с ними.

У мамонтов не было реальных врагов в животном мире; плотоядные животные не рассматривали их как основную пищу. Большие пещерные львы, вдвое превосходившие своими размерами любого хищника из семейства кошачьих, обычно охотились на крупных травоядных – зубров, бизонов, больших северных оленей, лосей и лошадей – и могли завалить взрослое животное, при случае им удавалось справиться и с каким-нибудь молодым, больным или очень старым мамонтом, однако никто из четвероногих хищников, ни в

одиначку, ни сообща, не мог убить мамонта в расцвете лет. Только племени мамутой, человеческим детям Великой Матери Земли, была дана способность охотиться на это самое большое из Ее творений. Они были избранным племенем. Этой исключительной способностью они отличались от всех созданных Ею. Они были охотниками на мамонтов.

Когда мамонты скрылись из виду, обитатели Львиной стоянки устремились по их следам. Но не для того, чтобы поохотиться, время для этого еще не настало. Они просто хотели собрать мягкий и пушистый зимний подшерсток, поскольку весной мамонты линяли, при этом сохранялся в основном лишь верхний защитный слой длинной и грубой шерсти. Объемистые клочки мягкой темно-рыжей шерсти, которые оставались на земле или ветвях колючего кустарника, считались особым даром духа Мамонта.

Мамутой так же охотно собирали и белую шерсть муфлона, который, естественно, линял весной, как любой дикий баран, и удивительно мягкую и пушистую землисто-коричневую шерсть мускусных быков, и светло-рыжий подшерсток носорогов, если подворачивалась такая возможность. Они неустанно выражали благодарность и признательность Великой Матери Земли, которая щедро одарила детей Своих всем необходимым: в их распоряжении были растения и животные, а также кремень и глина, без которых был немислим их быт.

Конечно, свежие овощи были чудесным добавлением к пище, поскольку при всем разнообразии выбора мамутой редко охотились весной и в начале лета, разве что чтобы слегка пополнить опустевшие кладовые. В это время животные были еще слишком худосочны. Долгая и суровая зима истощила их силы, лишив жировой прослойки – необходимого источника жизненной энергии. Охотничьи вылазки диктовались насущной необходимостью пополнения запасов. Иногда охотники убивали пару бизонов – если мех на их загривках был еще черным, что означало наличие некоторых запасов подкожного жира, – или пару беременных самок какого-либо вида травоядных, поскольку мясо плода было исключительно нежным, а из кожи делали детские пеленки и одежду. Единственным исключением являлся северный олень.

Многочисленные олени стаи мигрировали на север, оленихи вели молодняк, появившийся на свет в прошлом году, по памятным тропам к

традиционным летним пастбищам, шествие замыкали взрослые и сильные самцы. Как и в случаях с другими стадными животными, их ряды прореживались волками, которые, подходя к стаду сбоку, выискивали слабых, больных или старых оленей, к волкам примыкали некоторые хищники семейства кошачьих: большая рысь, длиннотелый леопард, а порой и тяжеловесный пещерный лев. Остатки трапез этих крупных хищников доставались огромному множеству более мелких плотоядных или представителям животного мира, питающимся падалью, – как четвероногим, так и двукрылым: лисам, гиенам, бурым медведям, куницам, степным котам, рососомам, горносталям, воронам, коршунам, ястребам и многим другим.

А двуногие охотники охотились на всех этих хищников. Шкуры, мех и перо их соперников по охотничьему промыслу считались достаточно ценными, однако олени были главным объектом преследования не из-за мяса, хотя ему, конечно, тоже не давали пропасть. Их язык считался деликатесом, а большую часть оленьего мяса сушили и использовали как дорожную пищу. Наибольшую ценность представляли шкуры. Обычно они имели бежевый с проседью оттенок, но цветовая гамма варьировалась от светло-желтого до почти черного, а окраска молодняка зачастую бывала рыжевато-коричневой, при этом шкуры большинства подвидов северных оленей отличались прежде всего тем, что все они были легкими и теплыми. Из этих естественным образом утепленных меховых шкур получалась самая хорошая и практичная одежда, а сделанные из них постельные покрывала и дорожные палатки не имели себе равных. Используя метод загонной, обложной охоты или ямы-ловушки, в Львиной стоянке охотились на оленей каждый год и заготавливали шкуры для пополнения собственных запасов, а также для подарков, которые они брали с собой во время своих собственных ежегодных летних переходов.

* * *

По мере подготовки к Летнему сходу нарастало общее волнение и нетерпение. По меньшей мере раз в день Эйле говорили о том, как чудесно будет встретиться с родственниками и друзьями, которые

также ждут не дождутся встречи. Единственный, кто относился к этим сборам без энтузиазма, был Ридаг. Эйла никогда еще не видела мальчика таким унылым и подавленным, она начала серьезно беспокоиться о его здоровье.

В течение нескольких дней она внимательно наблюдала за его состоянием; и наконец в один из на редкость теплых весенних дней, когда Ридаг грелся под лучами полдневного солнца, наблюдая, как несколько человек занимаются растяжкой оленьих шкур, она решила поговорить с ним, чтобы выяснить причины такого уныния.

– Ридаг, я сделала для тебя новое лекарство, и ты сможешь принимать его во время Летнего схода, – сказала Эйла. – Оно приготовлено из свежих трав и может оказать более сильное воздействие. Возможно, ты почувствуешь себя лучше или хуже, в любом случае ты должен будешь сообщить мне, что изменилось после приема этого настоя, – добавила она, используя знаковый и словесный языки, как поступала всегда, беседуя с мальчиком. – Как ты чувствуешь себя сейчас? Есть какие-то изменения в последнее время?

Ридаг любил, когда Эйла разговаривала с ним. Конечно, он был глубоко благодарен ей за то, что обрел новую способность общаться с обитателями стоянки, но их понимание и использование знакового языка было упрощенным и ограниченным. Он постигал их словесный язык долгие годы, но когда они разговаривали с ним, то стремились упростить речь до соответствия тем знакам, которые использовали. А знаковый язык Эйлы имел множество нюансов, был близок по смыслу к разговорной речи и усиливал значимость ее слов.

– Нет, все по-прежнему, – ответил мальчик.

– Ты не слишком устаешь?

– Нет... Хотя я всегда чувствую себя немного усталым. – Он улыбнулся. – Но не слишком.

Эйла понимающе кивнула, изучающе поглядывая на мальчика: она пыталась оценить по внешним признакам состояние его здоровья и убедилась, что ему, по крайней мере, не стало хуже. Ей не удалось обнаружить никаких признаков ухудшения, однако он выглядел немного подавленным.

– Ридаг, тебя что-то тревожит? Ты выглядишь таким несчастным. Что с тобой?

Он пожал плечами и отвел глаза в сторону. Затем вновь взглянул на Эйлу.

– Не хочу идти... – ответил он.

– Куда ты не хочешь идти? Я не понимаю тебя.

– Не хочу идти на Летний сход, – сказал он, вновь отводя глаза.

Эйла озадаченно нахмурилась, но не стала продолжать разговор. Похоже, Ридаг был не расположен беседовать на эту тему, он вскоре встал и направился в дом.

Стараясь не привлекать внимания, она чуть позже последовала за ним через входное помещение и из кухонного очага заметила, что он забрался на свою лежанку. Это встревожило ее. Мальчик редко по собственному желанию ложился спать днем. В помещение первого очага вошла Неззи и задержалась у входа, чтобы закрепить завязки тяжелого полога. Эйла поспешила ей на помощь.

– Неззи, ты не знаешь, что происходит с Ридагом? Он выглядит таким... таким печальным, – сказала Эйла.

– Знаю. В это время года он всегда пребывает в таком состоянии. И все из-за Летнего схода. Он не любит его.

– Да, так он мне и сказал. Но почему?

Неззи помедлила, посмотрев прямо в глаза Эйле:

– Ты действительно не понимаешь почему?

Молодая женщина отрицательно покачала головой. Неззи пожалала плечами:

– Не переживай из-за этого, Эйла. Все равно ты ничем не сможешь помочь ему.

Эйла направилась по проходу вглубь дома, по дороге взглянув на мальчика. Глаза его были закрыты, но она знала, что он не спит. Она тряхнула головой, размышляя, чем может помочь ему. Интуитивно она понимала, что это как-то связано с его отличием от людей мамутой, но ведь он уже не раз бывал на Летних сходах.

Торопливо пройдя через пустой очаг Лисицы, она вошла в Мамонтовый очаг. Внезапно Волк ворвался через дверной проем и, догнав Эйлу, начал подпрыгивать, приглашая ее поиграть с ним. Она жестом приказала ему лечь и успокоиться. Волк подчинился, но выглядел таким обиженным, что она смягчилась и бросила ему изрядно пожеванный кусок мягкой кожи, который когда-то был одним из ее любимых чулок. Поначалу он грыз и жевал любую подвернувшуюся

ему обувь, и в итоге, чтобы прекратить массовое уничтожение, Эйла пожертвовала своим чулком. Однако сейчас ему быстро прискучила старая игрушка, и он растянулся перед ней, помахивая хвостом и жалобно поскуливая. Поглядев на него, Эйла не могла не улыбнуться, ей пришло в голову, что в такой чудесный денек не стоит сидеть в доме. Вдохновившись этой идеей, она достала пращу и мешочек с собранными на берегу гольшами и направилась к выходу, знаком пригласив Волка следовать за ней. Обнаружив, что Уинни стоит в пристройке, она решила взять на прогулку и лошадь.

Сопровождаемая каурой кобылой и волчонком, чей серый мех и общая окраска были типичными для этого вида хищников в отличие от его черной матери-волчицы, Эйла вышла из пристройки через сводчатый дверной проем. На береговом склоне она заметила Удальца. С ним был Джондалар. Он вел жеребца в поводу, сбросив рубаху и подставив спину теплым лучам солнца. Выполняя обещание, Джондалар занимался воспитанием Удальца, проводя с ним почти все свободное время, и, похоже, эти занятия доставляли радость им обоим.

Он заметил Эйлу и, махнув ей рукой, чтобы она подождала его, начал подниматься вверх по тропе. Он редко изъявлял желание подойти и поговорить с ней, хотя после их поездки в степь его поведение несколько изменилось. Он перестал откровенно избегать общения с ней, но их разговоры были нечастыми, и держался он отчужденно, стараясь быть сдержанным и вежливым. Эйла надеялась, что благодаря юному жеребцу им удастся вновь сблизиться, – однако, как бы то ни было на самом деле, сейчас он выглядел еще более отстраненным, чем обычно.

Она остановилась, наблюдая за приближением этого высокого, мускулистого, красивого мужчины, и ей невольно вспомнилось, какой искренний отклик нашло в ней его горячее желание во время их уединения в степи. Эйла мгновенно почувствовала, как сильно ее влечет к нему. Это была естественная, бессознательная реакция ее тела, и, когда Джондалар подошел ближе, она заметила, что он явно взволнован и его яркие синие глаза исполнены особой притягательной силы. Случайно скользнув по его кожаным штанам, Эйла увидела рельефные очертания возбужденной мужской плоти и почувствовала, что краснеет.

– Извини, Эйла. Я не хотел беспокоить тебя, но подумал, что надо показать тебе эту новую уздечку. Я придумал ее для Удальца. Возможно, ты захочешь использовать ее и для Уинни, – сказал Джондалар, пытаясь совладать с охватившим его чувством.

– Все в порядке, никакого беспокойства, – ответила она, осознавая, что слегка кривит душой. Эйла взглянула на приспособление, сделанное из узких кожаных ремешков, переплетенных и связанных особым образом.

В начале этого сезона у кобылы был период течки. Вскоре после того, как Эйла заметила состояние Уинни, она услышала призывное ржание жеребца, доносившееся из открытой степи. Однажды лошадь уже уходила в табун, выбрав себе жеребца, и после этого вернулась в пещеру, но сейчас Эйле очень не хотелось отпускать Уинни. Кто знает, сможет ли она вернуть ее на этот раз? Поэтому Эйла придумала некое сдерживающее приспособление. Когда она отлучалась по своим делам и не могла присмотреть за ними, то накидывала недоуздок на шею Уинни, а также и на Удальца. Но вообще-то, Эйла предпочитала не ограничивать свободу Уинни, чтобы кобыла могла свободно гулять по степи.

– Ну и как он надевается? – спросила Эйла.

Джондалар продемонстрировал новый недоуздок, сделанный специально для Удальца. Эйла задала несколько вопросов внешне бесстрастным тоном, хотя она с трудом воспринимала ответы. Сейчас ее гораздо больше волновало тепло, исходившее от стоявшего рядом с ней Джондалара, слабый и приятный мужской запах. Не в силах справиться с собственными чувствами, она жадно смотрела на его сильные руки, мускулистую грудь и возбужденную мужскую плоть. Эйла надеялась, что ее вопросы помогут поддержать начавшийся разговор, однако, закончив объяснять, как закрепляется новое приспособление, он резко отошел от нее. Подняв с земли рубаху, он вскочил на спину Удальца и, управляя им с помощью новой уздечки, поскакал вверх по склону. Эйле захотелось последовать за ним на Уинни, но, поразмыслив, она решила не делать этого. Если он с таким нетерпением стремился уехать, то это, должно быть, означает, что ему не хочется быть рядом с ней.

Эйла смотрела вслед Джондалару, пока он не скрылся из виду. Волк требовательно повизгивал и в итоге добился все-таки ее

внимания. Она обвязала ремень пращи вокруг головы, проверила запас камней в кожаном мешке и, подняв волчонка, посадила его на холку Уинни. Затем она сама села на лошадь и направила ее вверх по склону, в направлении, противоположном тому, которое выбрал Джондалар. Она хотела поохотиться с Волком и не собиралась отказываться от своего намерения. Волк уже начал по собственному почину выслеживать и ловить мышей и других мелких грызунов, и Эйла обнаружила, что он может помогать ей, вспугивая птиц во время охоты с пращой. Поначалу это выходило чисто случайно, но волчонок был способным учеником и теперь уже вспугивал их по ее команде.

* * *

Эйла была не права в одном отношении. Джондалар уехал в такой спешке не потому, что не хотел оставаться с ней сейчас, а только по той причине, что хотел быть с ней всегда. Ему пришлось сбежать, чтобы скрыть, как сильно его самого возбуждает близость Эйлы. Теперь она была помолвлена с Ранekom, и он потерял все права, которые мог иметь на нее. В последнее время он уезжал в степь на Удальце, когда хотел избежать трудной ситуации, снять напряжение, вызванное противоречивыми чувствами, или просто подумать о чем-то. Он начал понимать, почему Эйла так часто отправлялась с Уинни в степь, когда что-то тревожило ее. Верховая езда на молодом жеребце по луговому раздолью и дыхание свежего ветра, овевающего лицо, оказывали бодрящее и успокаивающее воздействие.

Однажды он послал Удальца галопом и, нагнувшись вперед, прижался к крепкой шее животного. Оказалось удивительно легко приучить жеребца носить седока на своей спине, хотя, конечно, как Эйла, так и Джондалар потратили некоторое время, чтобы подготовить его к этому различными способами. Гораздо труднее было заставить Удальца понять и послушно ехать в ту сторону, которую выбрал наездник.

Джондалар понимал, что Эйла управляет Уинни каким-то простым и естественным способом, ее указания были большей частью произвольными, почти интуитивными, а он загорелся идеей более осознанного воспитания жеребца. Его команды были более

целенаправленными. Он учился, как надо сидеть на лошади, как распределить свой вес, учитывая мощную мускулатуру животного, чтобы седока не слишком трясло во время скачки. Он также обнаружил, что Удалец лучше слушается его, если он сжимает бедрами его бока или меняет положение своего тела.

Постепенно завоевывая доверие Удальца, он стал чувствовать себя значительно увереннее и начал чаще ездить на нем, что было своего рода необходимой практикой, но чем больше Джондалар общался с жеребцом, тем больше привязывался к нему. Он полюбил это животное с самого начала, но все же это была лошадь Эйлы. И он упорно твердил себе, что воспитывает Удальца для нее, хотя с трудом мог представить себе, что ему придется расстаться с ним.

Джондалар намеревался покинуть Львиную стоянку сразу же после Праздника Весны, однако он все еще был здесь, хотя сам толком не знал, почему задерживался. Конечно, он задумывался о причинах такой нерешительности: он обещал Эйле воспитать Удальца, да и опасно было пускаться в путь, пока погода еще не установилась, – однако он понимал, что все это лишь отговорки. Талут считал, что он остался, чтобы отправиться с ними на Летний сход, и Джондалар не пытался разуверить его, хотя сам старался убедить себя, что ему необходимо уехать до того, как мамутой покинут стоянку. Каждый вечер, перед тем как заснуть и особенно если Эйла уходила спать в очаг Лисицы, Джондалар говорил себе, что отправится завтра же, но каждое утро откладывал свой уход. Он запутался в собственных желаниях, однако когда он всерьез намеревался приступить к сборам, то всегда вспоминал Эйлу, недвижно лежащую на полу Мамонтового очага, и его решимость сразу же ослабевала.

Мамут в разговоре с ним на следующий день после этого праздника сказал, что воздействие магического корня оказалось слишком мощным и он не смог успешно завершить обряд. Шаман сказал, что этот корень очень опасен и он больше никогда не будет использовать его. Эйле он тоже не советовал пользоваться им и предупреждал ее, что если возникнет необходимость его принимать, то она должна иметь очень сильную защиту. Конечно, старик говорил немного туманно, но явно подразумевал, что именно Джондалару удалось спасти Эйлу и вызвать ее обратно из мира духов.

Слова шамана встревожили Джондалара, однако он также получил от них некоторое удовлетворение. «Если этот служитель очага Мамонта боялся за безопасность Эйлы, то почему он просил остаться именно меня? – размышлял Джондалар. – И почему Мамут говорит, что именно я вернул ее из мира духов? Она помолвлена с Ранеком, и, несомненно, темнокожий резчик испытывает к ней сильные чувства. Если Ранек живет с ними, то почему Мамут хочет, чтобы я тоже остался? Почему Ранек не мог вернуть ее? Этот старик, похоже, чего-то недоговаривает?» Как бы там ни было, Джондалар и подумать не мог о том, что его не окажется рядом, когда его помощь вновь понадобится ей, не мог позволить Эйле одной предстать перед лицом некоей ужасной опасности, однако ему также была невыносима мысль о том, что она живет с другим мужчиной. Он никак не мог окончательно решить, уйти ему или остаться.

* * *

– Волк! Отдай! – сердито и расстроено кричала Руги. Она вместе с Ридагом играла в очаге Мамонта, куда их выпроводила Неззи, чтобы они не мешали ей собираться в дорогу. – Эйла! Волк стащил мою куклу и не хочет отдавать ее.

Эйла сидела в центре своей лежанки, окруженная аккуратными стопками вещей.

– Волк! Брось куклу! Иди ко мне! – приказала она и подозвала его жестом.

Волк бросил куклу, сделанную из обрезков кожи, и, поджав хвост, подбежал к Эйле.

– Залезай сюда, – сказала она, похлопав рукой по меховому покрывалу в изголовье лежанки, где он обычно спал. Волчонок запрыгнул на свое место. – Вот так, лежи тихо и не мешай больше Руги и Ридагу.

Он послушно лег и, положив морду на лапы, глядел на Эйлу грустными виноватыми глазами.

Эйла вновь посмотрела на разложенные вещи, решая, что взять с собой на Летний сход. Казалось, что в прошлом году ей слишком часто приходилось разбирать свои пожитки. На сей раз она собралась

путешествовать, и ей необходимо было отобрать только то, что она сможет унести. Тули уже договорилась с Эйлой, что на волокушах лошади повезут подарки, – это поможет повысить статус как самой Эйлы, так и Львиной стоянки в целом. Молодая женщина взяла в руки кожу, которую этой зимой сама выкрасила в красный цвет, и развернула ее, раздумывая, понадобится ли она ей. Эйла никак не могла определить, что же ей сшить из этой красной кожи. Она до сих пор не знала, как лучше использовать ее, однако красный цвет считался в клане священным, и, кроме того, он просто нравился самой Эйле. Она вновь сложила кожу и добавила ее не к основной дорожной клади, а туда, где лежали немногие любимые вещицы, которые она тоже хотела взять с собой: фигурка лошади, вырезанная Ранеком, которую он подарил ей на праздник Удочерения, а также и новая фигурка Мут; красивый кремневый наконечник, сделанный Уимезом; несколько украшений, бус и ожерелий; праздничный наряд, что подарила ей Диги, белое платье, которое она сама сшила, и накидка Дарка.

Рассеянно перебирая ряд новых вещиц, она вдруг обнаружила, что размышляет о Ридаге. Сможет ли он когда-нибудь найти себе женщину, как Дарк? Вряд ли на Летнем сходе будут девушки, похожие на него. И вдруг она поняла, что вообще не уверена, сможет ли он дожить до зрелости. Как хорошо, что ее сын был сильным и здоровым и что он сможет основать свой очаг. Клан Бруда, должно быть, тоже сейчас уже готов отправиться на Сходбище, а возможно, они уже в пути. Ура, наверное, понимает, что вернется вместе с ними и станет в конце концов женщиной Дарка, и, скорее всего, ее ужасает мысль о том, что придется оставить свой клан. Бедняжка Ура, ей будет трудно расстаться с родными и близкими людьми и перейти жить в новую пещеру, в незнакомый клан. И вдруг Эйла подумала о том, о чем никогда не задумывалась прежде. Полюбит ли она Дарка? Полюбит ли он ее? Она надеялась, что так и будет, поскольку вряд ли им представится возможность выбора.

Размышляя о сыне, Эйла взяла мешочек, который привезла из своей пещеры, развязала его и вытряхнула содержимое. Сердце ее учащенно забилось, когда она увидела резную фигурку из мамонтового бивня. Эйла взяла ее в руки. Это была фигурка женщины, правда не похожая ни на одно из тех изваяний, что ей приходилось видеть, и сейчас Эйла поняла, насколько необычно выглядит эта статуэтка.

Большинство изображений Мут, за исключением символической женщины-птицы, вырезанной Ранеком, представляло собой некий собирательный образ с объемными женскими формами и маленькой головой, которая иногда раскрашивалась. Все они являлись символическим изображением Великой Матери, но эта статуэтка изображала стройную женщину, волосы которой были заплетены во множество косичек, какие прежде заплетала сама Эйла. И самое удивительное, что у этой фигурки было тщательно проработано лицо, вырезаны изящный носик, подбородок и даже намечены контуры глаз.

Эйла держала статуэтку перед собой, пока нахлынувшие воспоминания не затуманили ее четкий абрис. Она не замечала, что слезы струятся по ее щекам. Эту фигурку сделал Джондалар, когда они жили в долине. Вырезав ее, он сказал, что хотел заключить в эту фигурку дух Эйлы, чтобы они никогда не расставались. Вот почему она имела внешнее сходство с Эйлой, несмотря на то что не полагалось вырезать из кости изображение реального человека из страха пленить его дух. Джондалар сказал, чтобы она хранила у себя это изваяние, тогда никто не сможет использовать его в дурных целях против нее. Эйла поняла, что это была ее первая Мут. Этот подарок он вручил ей после ритуала Первой Радости, когда она наконец узнала, какое наслаждение может испытывать женщина.

Она никогда не забудет то лето, которое они прожили вместе в ее долине. Но Джондалар собирается уйти без нее. Прижав костяную фигурку к груди, она пожелала, чтобы он взял ее с собой. Волчонок сочувственно повизгивал, чуть подавшись вперед, поскольку знал, что ему положено лежать там, где ему велели. Нагнувшись, Эйла зарылась лицом в его мягкий мех, а он выворачивался, пытаясь слизнуть ее соленые слезы.

Услышав, что кто-то идет по проходу, Эйла быстро выпрямилась и вытерла слезы. Отвернувшись, она сделала вид, что ищет что-то у стены, когда Барзек и Друвец прошли мимо нее, увлеченные разговором. Затем она убрала фигурку обратно в мешочек и бережно положила его поверх выделанной ею ярко-красной кожи. Она никогда не расстанется со своей первой Мут.

Поздно вечером, когда Львиная стоянка собралась разделить трапезу, Волк вдруг угрожающе заворчал и бросился к входному проему. Эйла вскочила и быстро побежала за ним, недоумевая, что могло случиться. Несколько человек последовали за ней. Откинув тяжелый полог, она с удивлением обнаружила незнакомца – изрядно перепуганного незнакомца, – который пятился от этого почти взрослого хищника, похоже собиравшегося атаковать его.

– Волк! Ко мне! – приказала Эйла.

Молодой волк неохотно ретировался, но по-прежнему угрожающе поглядывал на чужака, скаля зубы и недовольно ворча.

– Лудег! – выступая вперед, воскликнул Талут и с улыбкой заключил мужчину в свои медвежьи объятия. – Проходи, проходи скорее. Ты, наверное, замерз.

– Я... ох... даже не знаю... – запинаясь, проговорил мужчина, поглядывая на Волка. – У вас там еще много таких зверюшек?

– Нет-нет. Больше нет, – сказала Эйла. – Волчонок не тронет тебя. Я не позволю ему.

Лудег перевел взгляд на Талута, не зная, можно ли верить этой незнакомой женщине:

– Почему на вашей стоянке живет волк?

– Это долгая история, и ее лучше рассказывать в тепле, возле огня. Заходи, Лудег. Этот волчонок не укусит тебя. Я обещаю, – заявил Талут и бросил многозначительный взгляд на Эйлу, пропуская гостя в дом через сводчатый проход.

Сердечно поприветствовав сына своей двоюродной сестры, Неззи приняла его заплечный мешок и парку и передала их Данугу, чтобы тот отнес их на свободную лежанку в очаге Мамонта. Затем она усадила гостя возле огня и предложила ему тарелку с едой. Испытывая беспокойство и страх, Лудег продолжал время от времени настороженно поглядывать на зверя; и всякий раз, когда Волк ловил этот взгляд, его угрожающее ворчание заметно усиливалось. Эйла жестом утихомиривала его, и он, прижимая уши, припадал к земле, однако через мгновение уже вновь глухо ворчал на незнакомца. Она подумала было, нельзя ли ограничить пока свободу Волка и держать его на поводке, как Удальца, но потом решила, что это бесполезно. Поводок заставит это готовое к обороне животное насторожиться, а гость, в свою очередь, начнет нервничать еще сильнее.

Ридаг держался в стороне, робея перед гостем, хотя и был знаком с ним, однако он быстро понял, в чем проблема. Мальчик почувствовал, что испуганная настороженность мужчины только усугубляет положение. Возможно, увидев, что Волк дружески настроен к людям, Лудег смирит свой страх. Большинство людей столпились в кухонном очаге, и когда Ридаг услышал, что Хартал проснулся, то ему в голову пришла одна идея. Отправившись в Олений очаг, он успокоил малыша и, взяв его за руку, привел в кухонное помещение. Однако он подвел его не к матери, а к Эйле и Волку.

За последнее время Хартал очень привязался к игривому щенку и, увидев это пушистое серое создание, сразу же весело рассмеялся. С восторгом он бросился к волчонку, но его детские шаги еще были не слишком устойчивыми. Малыш споткнулся и упал на него. Волк взвизгнул, но явно не рассердился, а просто лизнул щеку Хартала, отчего тот залился счастливым смехом. Он оттолкнул теплый и влажный язык и положил пухленькие ручки прямо в открытую пасть, полную острых зубов, затем ребенок схватился за густой серый мех волчонка и попытался повалить его на землю.

Забыв о своем беспокойстве, Лудег округлившись от изумления глазами наблюдал, как малыш валтузит зверя, но еще больше его поразили терпение и доброжелательная покладистость свирепого хищника. Эйла благодарно улыбнулась Ридагу, сразу осознав, что он привел Хартала с определенной целью, которая и была достигнута. Когда Трони подошла, чтобы забрать сына, Эйла взяла на руки Волка, решив, что настало время познакомить его с гостем.

– Мне кажется, Волк быстрее привыкнет к тебе, если ты позволишь ему обнюхать себя, – сказала она, подходя к молодому мужчине.

Эйла уже хорошо говорила на языке мамутой, однако Лудег подметил некоторую странность в произношении слов. Впервые повнимательнее приглядевшись к ней, он размышлял, с какой же она стоянки. Лудег знал, что ее не было с обитателями Львиной стоянки на прошлогоднем Летнем сходе. В действительности ему казалось, что он вообще не видел ее прежде, и, более того, он был уверен, что обязательно запомнил бы такую красивую женщину. Откуда она взялась? Он поднял глаза и заметил высокого белокурого незнакомца, наблюдавшего за ними.

– Что я должен сделать? – спросил Лудег.

– Думаю, он быстро успокоится, если ты просто дашь обнюхать ему свою руку.

Эйла спустила волчонка на землю и позволила ему обнюхать ладонь гостя, однако сама на всякий случай стояла рядом. Она не думала, что тот укусит гостя, но не была уверена в этом. Спустя какое-то время мужчина нагнулся пониже и коснулся густого, чуть поредевшего после линьки меха. Никогда прежде он не дотрагивался до живого волка – это было достаточно волнующее ощущение. Лудег улыбнулся Эйле и вновь подумал, как она красива, заметив ответную улыбку.

– Талут, я полагаю, мне лучше поскорее выложить новости, – сказал Лудег. – По-моему, у Львиной стоянки есть много историй, которые мне очень хотелось бы послушать.

Рыжебородый вождь улыбнулся ему с высоты своего могучего роста. Он всегда радовался такого рода заинтересованности. Гонцы, обычно приносившие новости, выбирались из тех людей, кто, с одной стороны, любил послушать хорошую историю, а с другой – мог быстро бегать.

– Тогда давай начинай. Какие новости ты нам принес? – спросил Талут.

– Начну с главного: изменилось место сбора, выбранное для Летнего схода. Волчья стоянка ждет гостей. Но место сбора, которое назначили в прошлом году, затоплено весенним паводком. Есть еще одна новость, печальная новость. Я остановился на ночь на стоянке племени сангаи. У них много больных. Тяжелая болезнь уже унесла несколько жизней. Когда я уезжал, то сын и дочь вождя этой стоянки были серьезно больны. Даже не знаю, выживут ли они.

– О, это ужасно! – сказала Неззи.

– А какого рода эта болезнь? – спросила Эйла.

– Насколько я понял, она поражает грудь. Лихорадка, сильный кашель, больным даже трудно дышать.

– И далеко они живут? – спросила Эйла.

– А вы не знаете?

– Эйла была нашей гостьей, но мы удочерили ее, – сказала Тули и добавила, обернувшись к Эйле: – Нет, это не очень далеко.

– А сможем мы зайти к ним, Тули? Или, может быть, кто-то просто покажет мне дорогу туда. Возможно, я смогу помочь больным детям.

– Даже не знаю. Как ты думаешь, Талут?

– Если мы направимся к месту Летнего схода на Волчью стоянку, то это большой крюк, а ведь они нам даже не родственники, Тули.

– Мне кажется, что у Дарнева есть дальний родственник на той стоянке, – сказала Тули. – Очень жаль детей, ведь Лудег сказал, что тяжело больны брат и сестра – дети вождя.

Лудег очень внимательно выслушал их разговор:

– Ну что ж, я сообщил вам все мои новости, и теперь, Талут, мне хотелось бы узнать о новом члене Львиной стоянки. Неужели она и правда целительница? И откуда у вас появился такой домашний волк? Вот уж никогда не думал, что волки могут жить вместе с людьми.

– И это еще не все, – добавил Фребек, – Эйла также привела с собой двух лошадей: кобылу и молодого жеребца.

Гость недоверчиво глянул на Фребека и, опустившись на циновку, приготовился слушать истории о том, что произошло за этот год на Львиной стоянке.

* * *

Разговоры затянулись далеко за полночь, а утром Лудег был изрядно потрясен, когда Эйла и Джондалар показали ему свое искусство верховой езды. Затем он поспешил на следующую стоянку, чтобы наряду с новостями об изменении места Летнего схода поведать всем о новой женщине мамутой. Львиная стоянка планировала отправиться в путь на следующее утро, и остаток дня был проведен в последних дорожных приготовлениях.

Помимо своей обычной лекарской сумки Эйла решила взять с собой дополнительный запас целебных трав и сейчас переговаривалась с Мамутом, который также паковал свои вещи. В ее памяти запечатлелось только большое путешествие на Летнее сходбище клана, и, наблюдая, как старый шаман заботится о своих больных суставах, она вспомнила, что клан Брана оставлял дома всех больных или немощных, которым не под силу были трудности дальнего перехода. Как же Мамут сможет выдержать это путешествие? Это так

обеспокоило Эйлу, что она вышла из дома и разыскала Талута, намереваясь выяснить этот вопрос.

– Бóльшую часть пути я тащу его на спине, – объяснил Талут.

Эйла заметила, что Неззи добавила очередной сверток к куче вещей, которые лошади повезут на волокушах. Поблизости на земле сидел Ридаг, вид у него был явно несчастный. Ничего не сказав, Эйла неожиданно развернулась и отправилась на поиски Джондалара. Она нашла его увязывающим дорожный тюк, который дала ему Тули.

– Джондалар! Вот ты где, – сказала она.

Вздрогнув, он поднял на нее глаза. Он как раз думал о ней и о том, что сказать ей на прощание. Джондалар решил, что и ему пора уходить, раз все мамутои покидают свое зимнее жилище. Но только он пойдет не на Летний сход вместе с Львиной стоянкой, а отправится в долгий путь, ведущий к его родному дому.

– Ты знаешь, как Мамут обычно добирается на место Летнего схода? – спросила она.

Он явно не ожидал такого вопроса.

– Талуту приходится тащить его на спине. Кроме того, есть еще Ридаг. Его тоже надо нести. Я подумала вот о чем, Джондалар. Ты так старательно воспитывал Удальца, что теперь он, наверное, привык возить седока на спине, правда?

– Ну да.

– А ты сможешь управлять им? По-моему, он уже слушается тебя и понимает, в какую сторону ты хочешь направить его, так ведь?

– Да, думаю, так.

– Отлично! Тогда почему бы Мамуту и Ридагу не отправиться на Летний сход на наших лошадях? Конечно, они не умеют управлять ими, но тут мы с тобой сможем им помочь. Представляешь, каким это будет облегчением для всех, да и у Ридага поднимется настроение, а то в последнее время он выглядит таким несчастным. Помнишь, как он радовался, когда впервые сел на спину Уинни? Что скажешь, Джондалар? Ты не возражаешь? Ведь нам не обязательно ехать на лошадях, раз все остальные пойдут пешком, – сказала Эйла.

Она была так довольна и взволнована этой идеей, что, очевидно, даже не предполагала, что он может покинуть их. «Как я могу отказать ей? – подумал Джондалар. – Она действительно хорошо придумала. И по-видимому, это самое малое из того, что я могу сделать, чтобы хоть

как-то отблагодарить Львиную стоянку за все, что она сделала для меня».

– Нет, конечно. Я с удовольствием пойду пешком, – сказал Джондалар.

Провожая взглядом Эйлу, которая поспешила со своим предложением к Талуту, он испытал чувство необъяснимого облегчения, как будто только что скинул с плеч ужасную тяжесть. Торопливо закончив увязывать тюк, он подхватил свои пожитки и присоединился к остальным обитателям стоянки. Эйла руководила загрузкой двух волокуш. Почти все было готово к выходу.

Неzzi улыбнулась подошедшему Джондалару:

– Я рада, что ты решил идти с нами и помочь Эйле управляться с лошадьми. Думаю, Мамуту такое путешествие покажется гораздо более удобным, а уж о Ридаге и говорить нечего. Ты только взгляни на него! Я никогда его не видела таким взволнованным перед выходом на Летний сход.

Джондалар немного удивился, у него возникло ощущение, что Неzzi знала о его намерении проститься с ними и отправиться в родные края.

– Представляю себе, какое впечатление произведет наше появление, – сказал Барзек. – Мало того что мы явимся с лошадьми, еще все увидят, что наши люди умеют ездить на этих животных.

– Джондалар, мы ждали тебя. Эйла сомневается, кого на какую лошадь посадить, – сказала Тули.

– По-моему, в общем-то, все равно, – ответил Джондалар. – Хотя Уинни идет немного ровнее. На ней не так сильно растрясет.

Он заметил, что Ранек помогает Эйле равномерно распределить тюки на волокушах, и сердце у него болезненно сжалось при виде этой весело переговаривающейся парочки, Джондалар понял, каким кратковременным было его облегчение. Он только отсрочил неизбежное, однако теперь он обязан выполнить свой долг. Наконец Мамут, совершив свой магический обряд и произнеся священные слова, установил перед входом фигурку Мут, чтобы она охраняла их дом, а затем Эйла и Талут помогли ему взобраться на Уинни. Похоже, он немного нервничал и побаивался, хотя это было почти незаметно. Джондалар подумал, что старик умеет хорошо скрывать свои чувства.

Бросив прощальный взгляд на стоянку, все начали подниматься вверх по склону. На полпути Эйла остановилась. Волк, последовав ее примеру, выжидающе посмотрел на нее. Эйла еще раз оглянулась на это земляное жилище, ставшее ей родным домом, – здесь жили люди ее вида. Она уже начала скучать по его уютным и теплым очагам, но хорошо, что с ним ничего не случится и, когда они вернутся, он по-прежнему будет защищать их от долгой холодной зимы. Ветер шевелил тяжелый занавес сводчатого входа, подпертого мамонтовыми бивнями, и Эйла еще смогла разглядеть белевший над ним череп пещерного льва. Без людей Львиная стоянка выглядела такой одинокой и заброшенной. Эйла из племени мамутой болезненно поежилась, вдруг испытал острое чувство щемящей тоски.

Глава 30

К началу ежегодного путешествия Львиной стоянки великая степь – щедрый и изобильный источник жизни этого холодного и сурового края, – вступая в сезон обновления, представала уже в совершенно ином обличье. Синевато-лиловые и желтые низкорослые ирисы начали увядать, но их разноцветные лепестки еще не опали, зато пионы с их густой зеленью только входили в пору обильного цветения. Широкая полоса этих темно-красных цветов, целиком заполнявших впадину между двумя холмами, вызвала у путешественников возгласы удивления и восхищения. Мятлик, подрастающая овсяница и перистые ковыли превращали степь в удивительный, слегка колышущийся серебристый ковер, расцвеченный редкими вкраплениями голубого и фиолетового шалфея. Значительно позже, когда созреют и подвыгорят молодые травы и ковыль растеряет свои перистые хохолки, весеннее серебро этих богатых равнин сменится осенним золотом.

Волчонок с восторгом обнаружил множество мелких зверюшек, которые жили и размножались в этих обширных степях. Он носился за хорьками и горностаями, облачившимися в свои летние коричневые шубки, и пятился назад, когда эти бесстрашные хищники давали ему отпор. Поскольку мыши-полевки и одетые в бархатистый наряд кроты, привыкшие ускользать от лисиц, быстро попрятались по своим норкам, Волк начал гонять других грызунов – хомяков и длинноухих колючих ежей. Когда же и длиннохвостый тушканчик с короткими передними и длинными задними лапками большими стремительными прыжками ускакал в норку, где провел всю эту долгую зиму, у Волка был такой потрясенный вид, что Эйла не могла удержаться от смеха. Освежеванные тушки зайцев, больших хомяков и крупных тушканчиков были не слишком тощими, и из них можно было приготовить вкусное жаркое на вечернем костре, поэтому Эйла не преминула воспользоваться пращой и уложила несколько больших грызунов, когда Волк вспугнул их.

Землеройные грызуны оказывали благотворное влияние на саму степь, взрыхляя и перекапывая верхний слой почвы, однако после их упорных трудов ее облик несколько менялся. По мере продвижения путники повсеместно встречали норки пятнистых сусликов, их

количество не поддавалось исчислению, порой надо было просто обходить обширные поляны, усеянные сотнями поросших травой холмиков в два, а то и в три фута высотой, каждый из которых занимало отдельное сообщество степных зверьков.

Суслики были излюбленной добычей коршунов, хотя эти длиннохвостые хищники питались и другими грызунами, а также не брезговали ни падалью, ни насекомыми. Паря в воздухе, эти грациозные птицы высматривали ничего не подозревающих сусликов, однако коршун мог также броситься вниз, как небольшой сокол-пустельга, или пролететь очень низко над землей, намереваясь застать зверька врасплох. Помимо коршунов и соколов к этим многочисленным маленьким грызунам питали склонность беркуты. Как-то раз Эйла заметила, что волчонок чем-то заинтересовался, и решила выяснить, что привлекло его внимание. Она увидела одну из таких хищных птиц с золотисто-коричневым оперением, которая опустилась на землю возле гнезда, принеся суслика для своих орлят. Эйла с любопытством наблюдала за этой сценой, однако ни она, ни Волк не потревожили орлиное семейство.

Множество других птиц пользовались щедротами этих обширных равнин. Повсюду летали жаворонки и коньки, степные тетерева и куропатки, белобрюхие рябчики и крупные дрофы, красивые нумидийские журавли, серо-голубые, с темными головками и белыми хохолками. Журавли прилетели в эти щедрые земли, изобилующие насекомыми, ящерицами и змеями, весной, чтобы свить гнезда и вывести птенцов, а осенью длинный журавлиный клин уносился в теплые края, оглашая небеса прощальными криками.

Учитывая, что в путь отправилась вся стоянка, Талут задал привычный неспешный темп движения, чтобы ни старики, ни дети не выбились из сил. Но вскоре он обнаружил, что отряд движется быстрее, чем обычно. Такое ускорение произошло благодаря лошадям. Люди, особо нуждающиеся в помощи, могли ехать на их спинах, а за собой лошади тащили волокуши с подарками, товарами для обмена и шкурами для палаток, тем самым облегчив ношу каждого участника похода. Вождь обрадовался, что они так быстро продвигаются вперед, поскольку им предстояло сделать крюк и зайти в племя сангаи, однако в связи с этим возникли и некоторые проблемы. Он заранее распланировал путь, который им предстояло пройти, и наметил

остановки в удобных местах, где протекали небольшие речки. А теперь необходимо было пересмотреть весь маршрут.

Они остановились на берегу маленькой речки, хотя солнце стояло еще высоко. В речных долинах степь иногда уступала место небольшим рошицам, и сейчас они поставили лагерь на большой поляне, частично окруженной деревьями. Освободив Уинни от волокуши, Эйла решила пригласить Лэти проехаться на лошади. Эта девушка с удовольствием помогала ухаживать за лошадьми, и животные, в свою очередь, проявляли к ней сильную привязанность. Миновав небольшую лесистую впадину, в которой хвойные деревья перемежались с березами, грабами и лиственницами, Уинни доставила двух всадниц на цветущую поляну – зеленеющий участок степи, окруженный деревьями. Эйла остановила лошадей и чуть подалась вперед.

– Сиди тихо, Лэти, взгляни в сторону реки, – тихим шепотом сказала она на ухо сидевшей впереди нее девушке.

Лэти недоуменно нахмурилась, поскольку сначала ничего не увидела, а затем улыбнулась, заметив сайгаков – самку антилопы с двумя детенышами. Чувствуя присутствие посторонних, она настороженно подняла голову. Чуть дальше Лэти разглядела еще несколько животных. Головы самцов этих маленьких антилоп украшали закрученные спиралью рога, концы которых чуть отклонялись назад, но особой отличительной чертой этого вида были большие, выступающие вперед и слегка горбатые носы.

Тихо сидя на спине лошади, можно было наблюдать за жизнью этого леса; в тишине сразу появились разнообразные звуки, издаваемые птицами: воркование голубей, веселое щебетание пеночки, стук дятла. Эйла услышала красивую мелодичную песенку золотистой иволги и посвистела ей в ответ, да так точно повторила ее трель, что птица пришла в полное замешательство. Лэти тоже мечтала научиться так свистеть.

Эйла подала Уинни малозаметный знак, и та медленно направилась в сторону реки, туда, где деревья расступались, образуя широкую естественную аллею. Когда они оказались почти рядом с антилопами, Лэти увидела еще одну самку с двумя детенышами. Вдруг с легким дуновением ветра все сайгаки настороженно подняли головы и через мгновение стремительно ускакали. Трава за ними слегка колыхалась, и в ней можно было заметить лишь серую, быстро

движущуюся полоску, но Эйла поняла, кто заставил антилоп убежать с водопоя.

К тому времени, когда запыхавшийся Волк вернулся и устало плюхнулся на землю, Уинни мирно пощипывала траву, а Эйла и Лэти сидели на солнечной лужайке, собирая лесную землянику. На земле рядом с Эйлой лежала охапка разноцветных луговых цветов, в этом букете выделялись цветы с длинными узкими лепестками, яркими, словно их окунули в насыщенный раствор алой краски, их оттеняли золотисто-желтые большие цветочные головки вперемежку с белыми шарообразными соцветиями.

– Жаль, что ягод здесь маловато, хотелось бы захватить немного с собой, – сказала Эйла, кладя в рот очередную маленькую, но удивительно сладкую и ароматную ягоду.

– Да, для этого их должно быть гораздо больше. Здесь маловато даже для меня одной, – со вздохом заметила Лэти и широко улыбнулась. – Кроме того, мне приятно думать, что эта лужайка дожидалась именно нас с тобой. Эйла, можно я задам тебе один вопрос?

– Конечно. Ты всегда можешь спрашивать меня о чем хочешь.

– Как ты думаешь, смогу ли я когда-нибудь завести свою лошадь? Мне бы так хотелось найти жеребенка, чтобы я могла вырастить его так же, как ты вырастила Уинни, чтобы мы с ним стали такими же друзьями.

– Даже не знаю. Я не искала Уинни специально. Так уж случилось. Наверное, трудно найти одинокого жеребенка. Обычно матери оберегают своих детенышей.

– Ну а если бы ты захотела взять еще одну лошадь, вернее, жеребенка, то как бы ты поступила?

– Я никогда не задумывалась об этом... Ну, наверное, если бы я захотела жеребенка... погоди, дай подумать... Для начала, по-моему, ты должна поймать его мать. Помнишь, как мы охотились на бизонов прошлой осенью? Допустим, вы будете охотиться на лошадей, и тогда, если вам удастся запереть табун в загон, можно, к примеру, не убивать всех лошадей. Вы можете оставить в живых одного или пару жеребят. Возможно, вам даже удастся загнать жеребенка в отдельный загон, тогда можно будет отпустить остальных лошадей, если окажется, что

они не нужны вам. – Эйла улыбнулась. – Знаешь, мне кажется, теперь я не смогу убивать лошадей.

Когда молодые женщины вернулись к месту стоянки, вечерняя трапеза уже началась.

– Мы видели нескольких сайгаков, – заявила Лэти, – и с ними даже были детеныши.

– Мне кажется, вы видели еще несколько земляничных кустов, – сухо заметила Неззи, поглядывая на красные ладони дочери. Лэти покраснела, вспомнив, что ей не хотелось делиться этими ягодами.

– Ягод было слишком мало, чтобы заняться серьезным сбором, – сказала Эйла.

– Дело не в этом. Я знаю, какие чувства испытывает Лэти к землянике. Она могла бы съесть целую земляничную поляну, даже не думая с кем-нибудь делиться, если бы ей подвернулся такой случай.

Эйла заметила смущение Лэти и сменила тему разговора.

– Кстати, я набрала немного мать-и-мачехи для лечения больных на стоянке сангайи и еще вот эти красные цветы – я не знаю их названия, но настойка из их корней помогает при очень сильном кашле, и мокрота хорошо отходит, – пояснила она.

– Я и не догадывалась, зачем ты их собирала, – сказала Лэти. – Откуда ты знаешь, что они помогают?

– Не знаю. Просто, когда я увидела эти растения, я подумала, что стоит собрать их на тот случай, если мы заболеем такой болезнью. Талут, скоро мы дойдем до стоянки сангайи?

– Трудно сказать, – ответил вождь. – Мы продвигаемся быстрее, чем обычно. Возможно, через день-другой мы придем к их стоянке. По крайней мере, мне так кажется. Лудег начертил очень хорошую карту, и я надеюсь, что мы придем не слишком поздно. Их болезнь оказалась тяжелее, чем я думал.

Эйла озадаченно нахмурилась:

– Откуда ты узнал это?

– Кто-то оставил в лесу специальные знаки, и я обнаружил их.

– Знаки? – переспросила Эйла.

– Да, пойдём со мной, я покажу тебе их, – поставив чашку, сказал Талут и поднялся на ноги.

Он повел Эйлу к лежавшим на берегу реки костям. В степи обычно встречалось много костей животных, особенно таких больших, как

черепа, но, когда они подошли ближе, Эйла поняла, что куча костей на берегу возникла не случайно. Кто-то сложил их с определенной целью. Перевернутый череп мамонта с отрезанными бивнями покоился на вершине кучи.

– Это знак плохих новостей, – пояснил Талут, показывая на череп. – Очень плохих. Видишь, к этой нижней челюсти приложены два позвоночника? Сама челюсть указывает направление, в котором надо идти, а позвонки говорят о том, что до этой стоянки два дня пути.

– Значит, они нуждаются в помощи, Талут? Может, поэтому они и оставили эти знаки?

Талут показал на кусок обугленной березовой коры, прижатой к земле сломанным концом левого бивня.

– Ты знаешь, что это? – спросил он.

– Да. Кора почернела, словно ее держали в огне.

– Это означает болезнь, смертоносную болезнь, от которой уже кто-то умер. Люди страшатся таких болезней, а сангаии знают, что в этом месте путники обычно разбивают лагерь. Эти знаки положены не для того, чтобы просить о помощи, а для того, чтобы предостеречь людей, которые намереваются идти в ту сторону.

– О нет, Талут! Я должна идти. Вы можете не ходить туда, но я должна. Я ведь могу быстро съездить к ним на Уинни.

– И что же ты скажешь, добравшись до них? – спросил Талут. – Нет, Эйла. Они не примут твою помощь. Тебя никто не знает. Тем более что они даже не мамутой, они принадлежат к племени сангаии. Мы уже обсуждали это, зная, что ты в любом случае захочешь добраться туда. Мы решили, что нам следует зайти к ним, и мы сделаем это вместе с тобой. Я думаю, что благодаря лошадям мы доберемся туда за день, а не за два.

* * *

Солнце уже плавно скользило за горизонт, когда отряд путешественников, два дня назад покинувших Львиную стоянку, подошел к широкой и быстрой реке, чей высокий берег круто поднимался вверх футов на тридцать, завершаясь просторной и ровной террасой, где раскинулось большое поселение. Мамутой остановились,

когда поняли, что их заметили. Несколько человек из племени сангайи изумленно посмотрели на подошедший к их стоянке отряд и бросились бежать к одному из жилищ. Вскоре оттуда вышли женщина и мужчина. Их лица были натерты мазью с красной охрой, а головы посыпаны пеплом.

«Слишком поздно», – подумал Талут, приближаясь к стоянке сангайи вместе с Тули, а за ними следовали Неззи, Эйла и Мамут, восседавший на спине Уинни. Было понятно, что хозяева прервали какую-то важную церемонию. Когда гости оказались примерно в десяти футах от них, мужчина с раскрашенным лицом поднял руку, предупреждая поворачив ее ладонью наружу. Это был явный сигнал остановиться. Он заговорил с Талутом на своем языке, в котором Эйла, однако, уловила нечто знакомое. Ей показалось, что она даже кое-что понимает, – возможно, в языке сангайи было определенное сходство с языком мамутой.

– Зачем Львиная стоянка племени мамутой пришла к нам в такое время? – сказал мужчина, переходя на язык мамутой. – Смертоносная болезнь и великое горе поселились на нашей стоянке. Разве вы не видели предупреждающие знаки?

– Да, мы видели эти знаки, – ответил Талут. – Мы пришли вместе с дочерью очага Мамонта, искусной целительницей. К нам заходил гонец Лудег, который останавливался у вас несколько дней назад, и рассказал о вашем несчастье. Мы собирались идти прямо к месту Летнего схода мамутой, но Эйла, наша целительница, хотела зайти к вам и предложить помощь. Среди вас есть наши родственники. Поэтому мы пришли.

Мужчина взглянул на стоявшую рядом с ним женщину. Ее скорбь была так велика, что она с трудом смогла овладеть собой.

– Слишком поздно, – сказала она, – они умерли. – Голос ее сорвался на стон, и она зарыдала от горя. – Они мертвы. Мои дети, моя плоть и кровь, моя жизнь, они мертвы.

Два человека из племени сангайи приблизились к женщине и, взяв ее под руки, увели в дом.

– Моя сестра в великой печали, – сказал вождь сангайи. – Она потеряла двух детей, дочь и сына. Девочка уже почти достигла зрелости, а сын был на несколько лет моложе. У нас большое горе.

Талут сочувственно покачал головой:

– Это действительно огромное горе. Мы скорбим вместе с вами и готовы предложить любую помощь. Если это не противоречит вашим традициям, мы хотели бы остаться до того часа, когда они будут возвращены в лоно Матери Земли.

– Мы ценим вашу доброту и всегда будем помнить о ней, но болезнь еще не покинула нашу стоянку. Оставаясь с нами, вы подвергаетесь опасности. Вы уже подвергли себя опасности, подойдя к нашей стоянке.

– Талут, спроси, не могу ли я осмотреть больных людей. Возможно, я сумею вылечить их, – тихо сказала Эйла.

– Да-да, Талут. Спроси, не разрешат ли они Эйле осмотреть больных, – добавил Мамут. – Тогда, я думаю, она сможет сказать, опасно ли нам оставаться здесь.

Мужчина с раскрашенным охрой лицом потрясенно уставился на старика, сидевшего на лошади. Он удивился, едва только увидел этих лошадей, однако старательно скрывал свое удивление, к тому же большое горе подавило все иные чувства, и он, уняв любопытство, разговаривал с ними от своего имени и от имени своей сестры, второго вождя этой стоянки.

– Как же этому человеку удалось сесть на лошадь? – вырвалось у него. – Почему так спокойно ведет себя эта лошадь? И та, другая лошадь, что стоит позади вас?

– Это долгая история, – сказал Талут. – Этот наездник – наш Мамут, а лошади слушаются нашей целительницы. В свое время мы будем рады рассказать вам обо всем, но сначала Эйла хотела бы взглянуть на ваших больных. Возможно, ей удастся исцелить их. Она скажет нам, силен ли еще зловредный дух и сможет ли она подавить и обезвредить его. Тогда мы пойдем, можно ли нам остаться с вами.

– Ты говоришь, она сведуща в целительстве. Вероятно, я должен верить тебе. Если уж она смогла овладеть духом лошадей, то должна иметь могущественный дар. Мне надо обсудить твое предложение с моими людьми.

– Постой, у нас есть еще одно животное, о котором тебе следует знать, – сказал Талут и добавил, поворачиваясь к Эйле: – Позови его.

Волчонка было поручено держать Ридагу, но, когда Эйла свистнула, зверь мигом вывернулся из его рук, так что мальчик и глазом не успел моргнуть. Вождь сангайи и стоявшие рядом с ним

соплеменники изумленно смотрели на бегущего к ним молодого волка, но они еще больше удивились, когда он остановился у ног Эйлы и, задрав морду, вопросительно посмотрел на нее. По ее команде зверь лег на землю, но хозяева поселения явно забеспокоились, видя, как Волк настороженно посматривает на них.

Тули, внимательно наблюдавшая за реакцией племени сангайи, быстро сообразила, какое огромное впечатление произвели эти послушные животные. Они значительно повышали как достоинства общающихся с ними людей, так и могущество Львиной стоянки в целом. Мамут завоевал уважение уже одним тем, что восседал на спине лошади. Сангайи бросали на него настороженные взгляды, а к его словам отнеслись с почтительным уважением. Но Эйла явно произвела самое большое впечатление, поскольку они смотрели на нее не только с почтением, но и с благоговейным страхом.

Тули понимала, что сама она просто успела привыкнуть ко всему этому, и отлично помнила то время, когда впервые увидела Эйлу с лошадьми, поэтому ей нетрудно было поставить себя на место сангайи. Также Тули помнила, как Эйла принесла в дом крошечного волчонка и наблюдала за его ростом и развитием. Правда, глянув на него со стороны, она поняла, что их симпатичный домашний волчонок вовсе не покажется таким постороннему человеку. Конечно, по всей видимости, его могли назвать молодым волком, еще не достигшим зрелости, а лошадь явно сочли бы взрослой кобылой, и раз уж Эйла подчинила себе легковозбудимых, нервных лошадей и дух независимых волков, заставив их слушать ее команды, значит, возможно, она обладает еще более могущественными силами? Тем более, как было сказано, она является дочерью очага Мамонта и целительницей. Размышляя, какой прием окажут им соплеменники на Летнем сходе, Тули, однако, вовсе не удивилась, когда Эйлу пригласили осмотреть больных. В ожидании ее возвращения мамутой расположились чуть в стороне от селения. Вскоре Эйла вышла и направилась к Мамуту, сидевшему рядом с Талутом и Тули.

– Я думаю, болезнь не опасна. Неззи, по-моему, ее называют весенней лихорадкой. У них жар, затрудненное дыхание и сильный кашель – в общем, все признаки совпадают, только они подхватили эту болезнь позже, чем она обычно бывает, и протекает она немного тяжелее, – объяснила Эйла. – Двое пожилых людей умерли первыми, но

самое ужасное, что умерли и эти двое детей. Не знаю, почему это произошло. Обычно молодой организм хорошо справляется с этой болезнью. У остальных больных самое опасное время, похоже, позади. Некоторые из них еще кашляют, и я смогу ускорить выздоровление, но тяжелых больных больше нет. Мне хотелось бы чем-то помочь несчастной матери. Она совсем пала духом. Конечно, никто не может упрекнуть ее в этом. Я почти уверена, что опасность нам не угрожает и мы можем остаться на похороны. Хотя лучше нам не заходить в их жилища.

– Да, я предпочла бы, чтобы мы поставили свои палатки, если решим остаться, – заметила Тули. – У них сейчас слишком тяжелое время для того, чтобы принимать гостей в своих домах. К тому же они даже не мамутой. Племя сангайи имеет другие корни.

* * *

Утром Эйлу разбудили голоса, раздававшиеся недалеко от палатки. Она быстро встала, оделась и выглянула наружу. Несколько человек рыли длинную узкую канаву. Трони и Фрали сидели в стороне у огня, занимаясь своими детьми. Эйла улыбнулась и присоединилась к ним. Из кухонной корзины доносился запах кипящего чая из шалфея. Эйла зачерпнула чашку и села рядом с женщинами, потягивая горячий напиток маленькими глотками.

– Они собираются хоронить их сегодня? – спросила Фрали.

– Наверное, – ответила Эйла. – Не думаю, что Талут хотел просить их сделать это немедленно, но у меня создалось такое впечатление. Я не могу понять их язык, хотя отдельные слова понимаю.

– Они, наверное, копают могилу. Интересно, почему делают ее такой длинной? – спросила Трони.

– Не знаю, но я рада, что скоро мы уходим. Надо было бы остаться, но я не люблю похорон, – сказала Фрали.

– Никто не любит, – заметила Эйла. – Если бы я оказалась здесь на несколько дней раньше!

– Ты не знаешь, можно ли было чем-нибудь помочь тем детям, – сказала Фрали.

– Мне так жаль мать, – сокрушалась Трони. – Очень тяжело терять одного ребенка, но потерять сразу двух... Не знаю, как бы я вынесла это.

Она прижала к груди Хартала, но малышу это не понравилось, и он стал вырываться.

– Да. Тяжело терять ребенка, – согласилась Эйла.

Ее голос прозвучал так мрачно, что Фрали удивленно посмотрела на нее. Эйла поставила чашку и поднялась:

– Я видела, что недалеко растет полынь. Из ее корня можно приготовить очень сильное лекарство. Я нечасто использую его, но я хочу приготовить что-нибудь, чтобы успокоить мать, а лекарство должно быть сильным.

* * *

Мамутой наблюдали, а по возможности и участвовали в разных делах и церемониях этого дня, но к вечеру общее настроение изменилось, все стали более нервными, и возросшее внутреннее напряжение почувствовали даже гости. Эти обострившиеся чувства вызвали у мамутой искренние слезы скорби и печали, когда детей торжественно вынесли из дома на напоминавших гамаки носилках и обошли с ними по кругу, чтобы каждый человек мог в последний раз проститься с умершими.

Когда похоронные носилки проносили мимо плачущих гостей, Эйла заметила, что дети одеты в пышно украшенные наряды, словно их подготовили к некоему большому празднику. Она была так потрясена и заинтересована этим нарядом, что невольно отвлеклась от печального ритуала. Из кусков разноцветной кожи как искусственных, так и природных оттенков, имевших сложную геометрическую форму, были набраны аккуратно сшитые туники и длинные штаны, украшенные широкими полосами, практически затканными тысячами маленьких бусин из мамонтового бивня. В голове у нее промелькнула пара случайных мыслей. Неужели вся эта работа выполнена обычным шильцем? Возможно, они оценят преимущества костяного острия с дырочкой на конце?

Эйла также отметила красивые пояса и головные повязки, кроме того, плечи девочки покрывала необычная накидка очень тонкого плетения, связанная из нитей, скрученных из мягкого подшерстка животных с пушистым мехом, который они теряли во время линек. Ей очень хотелось потрогать эту накидку, рассмотреть ее повнимательнее, чтобы понять, как же она сделана, но она сознавала, что сейчас не время проявлять любопытство. Стоявший рядом с ней Ранек тоже заметил эту удивительную накидку, оценив сложный узор из прямоугольных спиралей. Эйла надеялась, что до того, как они покинут эту печальную стоянку, ей удастся выяснить, как делают такие вещи, возможно совершив обмен на одну из ее проколов с дырочкой.

Наряды обоих детей дополняли ожерелья, набранные из раковин, клыков животных и костяных бусин; среди украшений мальчика был также необычный большой камень с просверленной, как у подвески, дырочкой. В отличие от взрослых, чьи волосы были взлохмачены и посыпаны пеплом, волосы детей были аккуратно причесаны и уложены особым образом: мальчику заплели косички, а волосы девочки, разделенные прямым пробором, стянули в большие пучки по обеим сторонам головы.

Эйла не могла отделаться от ощущения, что эти дети просто уснули и могли проснуться в любой момент. Округлые щеки и гладкие, без единой морщинки лица придавали им очень здоровый вид, они выглядели слишком юными для того, чтобы умереть, чтобы перейти в мир духов. Эйла почувствовала внутреннюю дрожь и невольно посмотрела на Ранека. Перехватив взгляд Неззи, она отвела глаза.

После торжественного обхода носилки с детьми положили возле длинной узкой могилы. Туда их и опустили, расположив голова к голове. Затем женщина в странном головном уборе и расшитом костяными бусинами длинном платье подошла к могиле и на пронзительно-тонкой ноте затянула погребальную песнь, от которой всех бросило в дрожь. Она исполнила ритуальный танец, позвякивая и брэнча множеством ожерелий и подвесок, а также ручными браслетами, составленными из отдельных костяных пластин шириной около полудюйма. Эйла отметила, что подобные браслеты изготавливают и мамутои.

Низкий вибрирующий барабанный бой напоминал знакомую музыку, исполняемую на черепа мамонта. Затянув протяжную

заунывную мелодию, женщина начала изгибаться и раскачиваться из стороны в сторону, поднимаясь на носочки и поочередно совершая сложные движения ступнями, но при этом не оставалась на одном месте. Во время этого танца она резко и ритмично взмахивала руками, добавляя к барабанному бою перестук своих браслетов. Эйла познакомилась с ней вчера и сочла ее довольно привлекательной, хотя они не смогли поговорить. Как объяснил Мамут, эта женщина в отличие от Эйлы не обладает даром целительства, но зато способна общаться с миром духов. Эйлу вдруг осенило, что эта женщина была шаманом племени сангайи, так же как Мамут или Креб... Ей по-прежнему было трудно осознать то, что женщина может быть мог-уром.

Мужчина и женщина с натертыми красной мазью лицами посыпали детей порошком красной охры, вызвав у Эйлы воспоминания о том, как Креб натирал тело Изы подобной мазью. В соответствии с обрядом в могилу положили много разных вещей: копья из выпрямленного мамонтового бивня, наконечники, кремневые ножи и кинжалы, фигурки мамонта, бизона и лошади; рассмотрев их, Эйла подумала, что здешнему резчику далеко до мастерства Ранека. Она очень удивилась, увидев, что возле каждого ребенка положили длинный жезл из бивня мамонта, украшенный плоской круглой костяной пластиной с прорезанными насквозь секторами так, что в итоге это напоминало звезду в обрамлении. К этой резной пластине были привязаны перья и разные маленькие предметы. Когда обитатели селения сангайи присоединили свои голоса к протяжной жалобной погребальной песне женщины-шамана, Эйла незаметно склонилась к Мамуту и шепотом спросила:

– Эти жезлы похожи на жезл Талута. Может, они тоже используют их как Говорящие Жезлы?

– Да, ты права. Сангайи связаны с мамутой тесными родственными отношениями, хотя далеко не все люди хотят признавать это, – заметил Мамут. – Конечно, существуют определенные различия, но их погребальная церемония очень похожа на нашу.

– Зачем они опустили Говорящие Жезлы в могилу детей?

– Обычно в могилу кладутся те вещи, которые могут понадобиться человеку, когда он пробудится в мире духов. Как дочь и сын женщины-вождя, они являются братом и сестрой, которые могут стать вождями в той, другой жизни, раз уж не смогли стать ими в реальном мире, –

объяснил Мамут. – Жезлы необходимы для того, чтобы они не забыли свой статус в том мире.

Эйла немного понаблюдала за совершением обряда, но, когда могилу стали засыпать землей, вновь обратилась к Мамуту:

– А почему их расположили именно так, голова к голове?

– Они ведь брат и сестра, – коротко сказал он, как будто остальное подразумевалось само собой. Затем он, увидев ее озадаченное лицо, добавил: – Им предстоит долгое, сложное и трудное путешествие в мир духов, особенно учитывая то, что они так молоды. Они будут нуждаться в общении, взаимной помощи и утешении, но брат и сестра не должны делить дары Радости, чтобы не оскорбить Великую Мать. Если, пробудившись, они обнаружат, что лежат рядом, то могут забыть, что они брат и сестра, и по ошибке совокупиться, подумав, что раз их положили вместе, то они помолвлены. Но положенные голова к голове, они смогут поддерживать друг друга в этом путешествии и, достигнув иного мира, сразу сообразят, что они родственники.

Эйла понимающе кивнула. Это было логично, и все же, бросив взгляд на засыпанную землей могилу, она вновь горячо пожалела, что не оказалась здесь на несколько дней раньше. Возможно, она ничем не смогла бы помочь, но хотя бы попыталась.

Талут остановился на берегу маленькой речки и, глянув вверх и вниз по течению, сверился с незатейливой картой, изображенной на куске бивня. Затем отметил положение солнца, оценивая поспотрел на север, где плыла стайка облаков, и определил направление ветра. После этого он отправился подыскивать место для стоянки.

– Здесь мы остановимся на ночевку, – заявил он, сбрасывая заплечный мешок, натянутый на жесткий каркас.

Тули выбирала ровное место, чтобы в центре его можно было установить большую палатку, а потом расположить вокруг нее и остальные, поскольку при этом частично использовали те же опорные колья. Талут подождал, пока она закончит с этим делом, а затем спросил:

– Тули, что ты скажешь, если мы немного отклонимся от курса, чтобы поторговать? Я сегодня внимательно изучил карты Лудега. Раньше мне не приходило в голову, что мы окажемся на этом месте. Посмотри-ка сюда, – сказал он, показывая ей два куса бивня, испещренные разнообразными пометками. – Вот эта карта отображает

наш путь к Волчьей стоянке, новому месту сбора Летнего схода, а вот здесь Лудег показал короткий путь к стоянке сангаи. Но ведь отсюда рукой подать до Мамонтовой стоянки. Может, мы навестим их?

– Ты имеешь в виду стоянку Овцебыка, – раздраженно ответила Тули, не скрывая презрения. – Они просто нахально переименовали свою стоянку. У всех есть очаг Мамонта, но никто не претендует на то, чтобы так называлась сама стоянка. Разве не все мы охотники на мамонтов, не все принадлежим к племени мамутой?

– Но ведь название стоянки обычно совпадает с названием очага вождя, а их вождем стал Мамут. Кроме того, это не означает, что мы не можем зайти к ним для торгового обмена, конечно, если они уже не отправились на Летний сход. Ты же знаешь, что у них много родственников на Янтарной стоянке и они часто торгуют янтарем, – сказал Талут, зная слабость сестры к этим солнечным полупрозрачным каплям окаменевшей смолы. – К тому же, по словам Уимеза, они знают отличные месторождения кремня. А у нас много оленьих шкур, не говоря уже об отличных мехах.

– Все-таки странно, как мог основать свой собственный очаг мужчина, который даже не имеет женщины. Впрочем, я просто заметила, что они поступили довольно нахально. Мы можем по-прежнему торговать с ними. Естественно, нам следует навестить их, Талут. – На лице Тули появилась загадочная улыбка. – Да-да, это было бы совсем неплохо. Я полагаю, этой Мамонтовой стоянке будет интересно познакомиться с нашим очагом Мамонта.

– Договорились. Значит, завтра надо выйти пораньше, – удовлетворенно сказал Талут, однако вид у него был несколько озадаченный. Покачав головой, он недоумевающе глянул на Тули, размышляя, какие идеи возникли в голове его умной и проницательной сестры.

* * *

Путники подошли к крутым берегам широкой извилистой реки, прорывшей глубокий канал в толще лессовых пород, – схожесть здешних мест с их родной долиной порадовала обитателей Львиной стоянки. Талут вышел на высокий узкий мыс между двумя ущельями и

внимательно оглядел окрестности. Внизу у реки он увидел оленей и зубров, пощипывающих сочную зеленую траву на заливном лугу, поросшем худосочными деревцами. Немного дальше, там, где река делала крутой поворот, к высокому берегу прилепилась огромная беспорядочная куча костей. Рядом маячили крошечные фигурки людей, и Талут заметил, как несколько человек уносят большие кости.

– Они еще здесь, – объявил он наконец, – похоже, они строятся.

Путники двинулись вниз по склону в направлении стоянки, расположенной на широкой террасе, находившейся примерно в пятнадцати футах над водой, и если Эйла удивилась, увидев жилище Львиной стоянки, то на Мамонтовой стоянке ей предстояло увидеть гораздо более потрясающее сооружение. Когда-то Эйла приняла большой, покрытый дерном и углубленный в землю длинный дом за пещеру или огромную нору, выкопанную человеком по своему росту, но на этой стоянке она увидела несколько отдельных холмообразных домов, теснившихся на небольшом пятачке земли. Мощные, хорошо укрепленные стены также были покрыты дерном и толстым слоем затвердевшей глины, и по низу также росла клочковатая трава, не добиравшаяся, однако, до сводчатых крыш. Издалека эти дома больше всего напоминали Эйле увеличенные до гигантских размеров голые холмики грызунов.

Когда они подошли ближе, Эйла поняла, почему крыши домов были голыми. Мамонтовая стоянка использовала крыши своих жилищ в качестве наблюдательных площадок, так же как и Львиная стоянка. Стены двух построек подпирала толпа местных жителей, увлеченно наблюдавших за каким-то процессом, и, хотя они обратили внимание на приближение гостей, сейчас им явно не хотелось залезать на покатые крыши. Когда путники обошли закрывавшее общий вид жилище, Эйла поняла, чем они были так заинтересованы, и потрясенно ахнула.

Талут был прав. Они строились. Эйла подслушала замечание Тули о том, какое имя выбрали эти люди для своей стоянки, но при виде строящегося сооружения оно показалось ей вполне соответствующим. Возможно, когда строительство будет завершено, новый дом окажется таким же, как все остальные, однако остов из мамонтовых костей был настолько причудливым и в то же время упорядоченным, словно они пытались придать своему строению особые качества самого животного. В сущности, Львиная стоянка тоже использовала кости мамонта для

создания каркаса своих жилищ, выбирая определенные части и обрабатывая их в соответствии с надобностью, но кости, использованные для этого строения, служили опорой не только для всей конструкции. Они были выбраны и уложены таким образом, что общая структура передавала сущность мамонта в традиционном понимании племени мамутои.

Для создания такой композиции они для начала притащили из прибрежной кучи изрядное количество одинаковых составных частей скелета большого числа мамонтов. Затем был очерчен круг около шестнадцати футов в диаметре, и по этому кругу располагались мамонтовые черепа, сплошная лобная часть которых смотрела внутрь будущего дома. Вход был сделан в виде привычного сводчатого проема, ограниченного двумя длинными изогнутыми бивнями; их толстые нижние концы закреплялись соответственно во впадинах двух черепов, а верхние сходились вместе. Вероятно, не меньше сотни нижних челюстей мамонта, имевших V-образную форму, были расставлены по кругу с внешней стороны стен. Челюсти, расходящиеся концы которых были направлены вверх, были сложены в четыре ряда и поднимались примерно до половины высоты жилища.

Именно задуманная таким образом последовательность V-образных челюстей была самой впечатляющей и самой важной идеей конструкции. Со стороны они смотрелись как зигзагообразный орнамент и напоминали символы воды, изображаемые на картах. А помимо того, как рассказывал Эйле Мамут, зигзагообразный знак воды имел также более глубокий смысл как символическое изображение Великой Матери, Создательницы Всего Живого. Устремленный вершиной вниз треугольник обозначал контуры Ее животворного холма, внешнее выражение Ее чрева. Многократное повторение этого символа означало все живое; не просто воду, а животворные воды Матери, когда Она дала рождение всему живому на земле. Можно было не сомневаться, что это будет жилище очага Мамонта.

Сводчатая стена была еще не завершена, и строители продолжали работу, используя для этого лопаточные, тазовые и спинные кости, которые также складывались в виде повторяющейся симметричной последовательности и очень плотно подтягивались друг к другу. Опорные деревянные конструкции внутри жилища обеспечивали

дополнительную поддержку всего строения, так что, судя по всему, крышу также собирались покрыть мамонтовыми бивнями.

– Здесь работает истинный мастер! – подходя ближе, сказал Ранек, искренне восхищенный результатами их кропотливой работы.

Эйла знала, что ему это должно было понравиться. Она взглянула на Джондалара, он стоял в стороне от основной толпы, держа Удальца на коротком поводке. Она понимала, что Джондалар потрясен ничуть не меньше, он тоже оценил вдохновенный ум, породивший такую затейливую конструкцию. В сущности, вся Львиная стоянка онемела от восхищения. Однако, как и предполагала Тули, Мамонтовая стоянка была тоже потрясена видом прибывшей компании, а вернее, послушными животными, путешествующими вместе с ней.

Некоторое время гости и хозяева в молчаливом удивлении задумчиво разглядывали друг друга, наконец от группы строителей отделились женщина и мужчина – на вид они казались явно моложе, чем вожди Львиной стоянки, – и подошли к гостям, чтобы приветствовать Тули и Талута. Этот мужчина таскал тяжелые мамонтовые кости вверх по склону – здесь, вне всякого сомнения, устраивали не временную стоянку, которую легко перетащить с места на место, а постоянное зимнее поселение, – его обнаженный до талии торс поблескивал от пота. Эйла, вспомнив о приличиях, с трудом заставила себя отвести любопытный взгляд от его лица, покрытого многочисленными татуировками. Как и у Мамута Львиной стоянки, у него был зигзагообразный знак на левой щеке, но его дополняли двухцветные – синие и красные, – симметрично расположенные зигзаги, треугольники, ромбы и прямоугольные спирали.

Стоявшая рядом с ним женщина была обнажена до талии, а поверх брюк носила юбку, доходившую примерно до колен. У нее не было татуировок, но зато была проколота одна ноздря, и в эту дырочку вставлена маленькая серьга, сделанная из кусочка резного полированного янтаря.

– Тули, Талут, какой приятный сюрприз! Мы не ждали вас, но во имя Великой Матери мы приветствуем Львиную стоянку, мы всегда рады таким гостям, – сказала женщина.

– Во имя Великой Мут мы благодарим вас за радушный прием, Авари, – ответила Тули. – Возможно, сейчас не слишком удобное время для приема гостей, но мы случайно оказались в вашей долине.

– Мы оказались неподалеку, Винкавек, – добавил Талут, – и не могли пройти мимо, не повидав вас.

– Львиную стоянку мы с радостью примем в любое время, – ответил Винкавек. – Однако что привело вас в наши края? Ведь дорога к Волчьей стоянке проходит по другой долине.

– Гонец, сообщивший нам об изменении места Летнего схода, по дороге к нам остановился на ночлег на стоянке сангайи, и он рассказал, что у них много тяжелобольных людей. А новым членом нашей стоянки стала целительница Эйла из очага Мамонта, – сказал Талут, жестом приглашая Эйлу выйти вперед. – Она хотела зайти туда, чтобы предложить свою помощь. Сейчас мы как раз возвращаемся от сангайи.

– Понятно, я знаю эту стоянку сангайи, – сказал Винкавек и внимательно посмотрел на Эйлу.

Ей вдруг показалось, что он готов просверлить ее своим взглядом. Она еще не привыкла открыто смотреть в глаза незнакомым людям, однако, немного поразмыслив, поняла, что сейчас не время для смущения или скромности, приличествующей женщине клана, и окинула его не менее пристальным, оценивающим взглядом. Внезапно он рассмеялся, и его светло-серые глаза одобрительно сверкнули, явно показывая, что он восхищен ее красотой и женственностью. Она сочла, что он интересный, привлекательный мужчина, но не потому, что его внешность отличалась какими-то красивыми или особенными чертами, а потому, что ее привлекло его умное и волевое лицо. Он взглянул на Мамута, сидевшего на спине Уинни.

– Итак, старик, ты по-прежнему с нами, – с очевидной радостью сказал Винкавек и добавил, понимающе улыбнувшись: – И по-прежнему не перестаешь удивлять нас своими способностями. Когда же ты обрел способность Зова? Или этот дар имеет другое определение? Две лошади и волк путешествуют вместе с вами! Для этого необходимо нечто большее, чем дар Зова.

– Да, Винкавек, возможно, надо подыскать более точное определение. Но это не мой дар. Животные слушаются Эйлы.

– Эйлы? Похоже, мудрый Мамут нашел себе достойную дочь.

Винкавек вновь внимательно поглядел на Эйлу с явно возросшим интересом. Он не заметил, как ревниво сверкнули глаза Ранека, зато это заметил Джондалар. Ему было понятно, что происходит в душе Ранека,

и у него впервые возникло своеобразное родственное чувство к темнокожему резчику.

– В ногах правды нет, – сказала Авари, – давайте лучше пока отложим этот разговор, успеем еще наговориться и обсудить все новости. Путешественники, должно быть, устали и проголодались. Подождите немного, я организую вам место для отдыха, и вы немного перекусите перед вечерней трапезой.

– Насколько мы поняли, Авари, вы строите новое жилище. Пожалуйста, не беспокойся о нас. Здесь достаточно места для наших дорожных палаток, – сказала Тули. – В свое время мы с радостью разделим с вами трапезу и, может быть, покажем вам те замечательные олени шкуры и меха, которыми нам удалось разжиться этой зимой!

– У меня есть идея получше! – басом пророкотал Талут, сбрасывая с плеч тяжелый мешок. – Почему бы нам не помочь вам? Конечно, я не знаком с вашим способом укладки, но вполне могу притащить пару мамонтовых костей.

– Я тоже с удовольствием помогу вам, – предложил подошедший вместе с Удальцом Джондалар. – Меня очень заинтересовала ваша постройка, никогда не видел ничего подобного.

– Безусловно, мы с радостью готовы принять ваше предложение. Многие из нас с нетерпением ждут дня, когда мы сможем отправиться на Летний сход, но вы знаете, что крепкое и долговечное жилище получается, только если его построили к лету, поэтому мы должны закончить все работы до этого путешествия. Львиная стоянка всегда славилась своими доброжелательными и работающими людьми, – сказал Винкавек, прикидывая, насколько больше янтаря им придется отдать за эту доброжелательность, когда начнется торговый обмен. В итоге вождь решил, что важнее всего как можно скорее закончить строительство.

Сначала Винкавек не заметил этого высокого светловолосого человека в толпе прибывших, но сейчас посмотрел на него с удвоенным вниманием, а затем опять перевел взгляд на Эйлу, которая распрягала Уинни, освобождая ее от тяжелой волокуши. Винкавек впервые видел как Эйлу, так и этого мужчину, которого также слушались лошади. Но, кроме того, маленький плоскоголовый, давно живущий на Львиной стоянке, тоже спокойно играет с волком. Должно быть, все это как-то связано с этой загадочной женщиной. Мысли Мамута, вождя Мамонтовой стоянки, опять вернулись к Эйле. Он также заметил, как

вертится вокруг нее темнокожий резчик. «Ранек всегда был ценителем красоты, – подумал он, – к тому же он падок на все необычное. В сущности, он ведет себя так, будто имеет на нее какие-то права. Но тогда кто же этот светловолосый незнакомец? Неужели он не связан с этой женщиной?» Винкавек глянул на Джондалара и заметил, что тот наблюдает за Эйлой и Ранеком.

«Нет, здесь явно не все так просто, – решил Винкавек и удовлетворенно улыбнулся. – Чувства чувствами, но раз они оба проявляют к ней такой интерес, то, похоже, она еще свободная женщина». В который раз он пристально взглянул на Эйлу. Она была впечатляющей женщиной, более того – дочерью очага Мамонта и, если верить словам Талута, целительницей, а также она определенно имела некий особый дар общения с животными. Несомненно, это женщина высокого статуса, но где же они ее нашли? И почему этой Львиной стоянке так везет на необычных людей?

* * *

Две женщины, вожди двух стоянок, оказались внутри почти законченного, но еще пустого нового жилища. Внешне этот дом уже напоминал обычный, покрытый дерном и глиной, но на внутренней стороне его стен зигзагообразный орнамент был едва намечен.

– Ты уверена, Авари, что вы не хотите отправиться вместе с нами? – спросила Тули. На ее шее поблескивало новое украшение – длинное ожерелье из крупных янтарных бусин. – Мы с радостью подождем еще пару дней, пока вы собираетесь в дорогу.

– Нет, не стоит вам задерживаться. Я знаю, как все стремятся скорее попасть на Летний сход, вы и так уже очень помогли нам. Жилище почти закончено, без вашей помощи мы бы еще долго копались.

– Работать с вами было одно удовольствие. Должна признать, ваше новое жилище выглядит на редкость впечатляющим. Все в нем сделано с любовью и почтением к Великой Матери. Твой брат и правда исключительно одарен. Здесь, внутри, как-то неуловимо чувствуется присутствие Мут. – Она говорила искренне, и Авари поняла это.

– Спасибо тебе, Тули, мы не забудем вашу помощь. Именно поэтому мы не хотим больше задерживать вас. Вы и так уже опаздываете из-за того, что остались помочь нам. Все хорошие места будут заняты.

– Мы быстро доберемся туда. Наши дорожные мешки значительно полегчали. Возможно, Мамонтова стоянка заключила невыгодную сделку.

Глаза Авари скользнули по новому ожерелью, красовавшемуся на груди этой высокой властной женщины.

– Далеко не такую невыгодную, как Львиная стоянка, – заметила она.

Тули не возражала. Она, естественно, полагала, что их торговые сделки оказались исключительно выгодными для Львиной стоянки, однако сейчас было неуместно признавать это. Решив, что пора сменить тему разговора, она сказала:

– Мы будем с нетерпением ждать вас на Летнем сходе, и, возможно, нам удастся застолбить место для вас.

– Мы были бы благодарны вам за такую услугу, но я подозреваю, что вы будете здесь одними из последних. А уж о нас и говорить нечего, придется ставить лагерь там, где еще будет свободное место. Но для начала мы, конечно, разыщем вас, – сказала Авари.

– Хорошо, тогда мы выйдем сегодня до полудня, – ответила Тули. Женщины обнялись, соприкоснувшись щеками, и Тули направилась в сторону их временного лагеря.

– Подожди, Тули, – окликнула ее Авари, – я боюсь, что не успею поговорить с Эйлой до вашего ухода, поэтому, будь так добра, поблагодари ее еще раз от моего имени за огненный камень, – сказала она и затем как бы случайно спросила: – Кстати, вы уже определили величину ее Брачного выкупа?

– Мы думали об этом, но это оказался очень сложный вопрос, ведь у нее так много достоинств, – ответила Тули. Сделав пару шагов, она обернулась и с улыбкой добавила: – Моя Диги очень подружилась с ней, и я отношусь к Эйле почти как к дочери.

С трудом подавив многозначительную улыбку, Тули в задумчивости шла по тропе. Она заметила, что Винкавек уделяет Эйле особое внимание, и поняла, что вопрос Авари был задан вовсе не случайно. Наверняка он сам попросил ее выяснить ситуацию. «Из них

получилась бы неплохая пара, – думала Тули. – Родство с Мамонтовой стоянкой может оказаться очень выгодным. Конечно, Ранек уже имеет определенные права на Эйлу. Но в конце концов, они пока только помолвлены, и если такой достойный человек, как Винкавек, сделает ей предложение, то его не мешает серьезно обдумать. По меньшей мере, само такое предложение уже повысит ее статус. Да, идея Талута оказалась на редкость удачной, дело того стоило, не зря мы навестили эту стоянку».

Авари не менее задумчиво смотрела ей вслед. «Итак, Тули собирается сама устанавливать ценность Брачного выкупа. Я так и думала. Может, нам следует зайти по пути на Янтарную стоянку, я знаю, в каком месте Великая Мать хранит эти редкие камни, а если Винкавек собирается бороться за Эйлу, то ему надо хорошенько запастись на этот случай. Тули – непревзойденный мастер по части выгодных сделок, с ней не сравнится ни одна женщина», – с завистью и восхищением думала Авари.

* * *

Покинув Мамонтовую стоянку, отряд путешественников шел преимущественно в северном направлении, следуя в основном по берегу большой реки с многочисленными развилками и рукавами. По мере продвижения к северу вдоль этого великого водного пути, ведущего в глубь материка, пейзаж речной долины стал изменяться, радуя взор новым многообразием растительной жизни. Вскоре дорога увела их от покрытых мхом низин и лессовых равнин к лесным, заросшим камышом озерам, от обширных болот к небольшим, продуваемым ветрами возвышенностям и тучным лугам, покрытым яркими летними цветами. Хотя северная растительность была более чахлой и низкорослой, однако цветы зачастую оказывались крупнее и ярче, чем в южных краях. Большинство их было знакомо Эйле, хотя она не знала, как они называются. Но она пополняла свои знания прямо в пути, часто спрашивая, как называется то или иное растение, у Мамута, Неззи и Диги или у других соплеменников, оказавшихся неподалеку. Порой она приносила или привозила большие букеты

цветов со своих уединенных прогулок и также старалась выяснить их названия.

Чем ближе они подходили к месту Летнего схода, тем больше Эйла находила причин для таких прогулок. Летом она всегда стремилась к уединению. Такой стиль жизни стал привычным для нее с самого детства, вернее, с тех лет, которые сохранились в ее памяти. Зимой она терпеливо переносила ограничения, накладываемые холодной погодой, вне зависимости от того, где это было – в пещере клана Брана, в маленькой пещере ее долины или в земляном жилище мамутой. А летом, хотя она не любила оставаться одна ночью, в течение дня использовала любую возможность, чтобы насладиться одиночеством. В такие часы она неспешно обдумывала все волнующие ее вопросы и всецело отдавалась на волю собственных желаний, сбежав от людских глаз, смотревших на нее с укором, подозрением или даже с любовью.

Путешествие подходило к концу, отряд остановился на последнюю ночную стоянку, и Эйла только что вернулась с долгой прогулки с большим букетом цветов. Она заметила, что Джондалар, очистив и разровняв возле костра участок земли, рисует на нем что-то костяным ножом. Рядом с ним сидел Торнек и, держа в руке кусок бивня и острый кремневый нож, изучал этот рисунок.

– А вот и она, – сказал Джондалар. – Эйла сможет лучше рассказать об этом. Я даже не уверен, что смог бы найти путь в ее долину от Львиной стоянки, и уж точно не знаю, как добраться туда отсюда. Мы так часто отклонялись от прямого пути, что я совершенно запутался.

– Джондалар пытается нарисовать нам путь в ту долину, где ты нашла огненные камни, – объяснил Талут.

– Я искал их всю дорогу по долинам рек, но мне не удалось найти ни одного огненного камня, – добавил Торнек. – Надо бы сходить за ними в твою долину. наших запасов надолго не хватит. В моем огненном камне уже появился глубокий желоб.

– Мне трудно оценить расстояние, – сказал Джондалар, – мы ведь ехали на лошади, и я не знаю, сколько понадобится времени, чтобы пройти этот путь пешком. К тому же вначале мы шли почти наугад и останавливались, когда нам этого хотелось. Долина Эйлы расположена на севере, и я почти уверен, что когда мы возвращались назад к Львиной стоянке, то переправлялись через реку, текущую по вашей

долине. Возможно, даже не один раз. Кроме того, когда мы возвращались, была уже почти зима, и многие из наших дорожных примет изменились.

Положив на землю цветы, Эйла взяла костяной нож и задумалась, как же можно изобразить путь в эту долину. Она нарисовала пару отметок, но затем остановилась в нерешительности.

– Не мучайся, пытаясь изобразить путь отсюда, – ободряюще произнес Талут. – Постарайся просто вспомнить, как вы шли туда от Львиной стоянки.

Эйла сосредоточенно сдвинула брови.

– Я уверена, что смогла бы показать дорогу туда от Львиной стоянки, – сказала она, – но я пока не слишком хорошо понимаю, как вы рисуете карты. К сожалению, я вряд ли сумею верно нарисовать маршрут.

– Ладно, не стоит расстраиваться из-за этого, – успокоил ее Талут. – Если ты сможешь показать дорогу, то нам не нужна никакая карта. Вероятно, вернувшись с Летнего схода, мы еще успеем отправиться туда. – Затем, тряхнув своей рыжей бородой, он склонился к ее букету. – Давай-ка лучше посмотрим, что ты принесла с собой на сей раз.

– Именно это я и хотела спросить у вас, – ответила Эйла. – Я знаю целебные свойства этих растений, но не знаю, как они называются.

– Вот этот красный цветок я знаю, это герань, – заявил Талут, – а вот это мак.

– Опять цветы? – спросила Диги, подходя к ним.

– Да, Талут назвал мне вот эти два, – ответила Эйла.

– Дай-ка я посмотрю. Вот это вереск, а это розовая смолевка, – узнав два растения, сказала Диги и присела рядом с Эйлой. – Вот и заканчивается наш поход. Талут говорит, завтра днем мы, наверное, будем на месте. Я жду не дождусь этого часа. Завтра я увижу Бранага, а там уж недалеко и до того дня, когда мы с ним пройдем Брачный ритуал. Даже не знаю, смогу ли я заснуть сегодня ночью.

Эйла улыбнулась подруге. Диги так жаждала этой встречи, что трудно было не разделить ее пылкие чувства, однако это только лишний раз напомнило Эйле, что ее саму ждет такой же ритуал. Рассказ Джондалара об их осеннем путешествии разбередил ее душу, и она вновь с тоской подумала о том, почему он разлюбил ее. Время от

времени она бросала на него внимательные взгляды, стараясь делать это незаметно, и у нее возникло четкое ощущение, что он тоже наблюдает за ней. Пару раз их глаза встречались, но они быстро отводили взгляд в сторону.

– Ах, Эйла, у меня так много друзей на разных стоянках, и мне не терпится познакомить тебя с ними. И знаешь, я счастлива, что мы с тобой одновременно будем проходить Брачный ритуал. Как хорошо, что у нас с тобой появятся общие приятные воспоминания!

Джондалар поднялся с земли.

– Пожалуй, мне пора пойти... и... ммм... устроить себе спальное место, – сказал он, поспешно покидая сидевшую у костра компанию.

Диги заметила, как Эйла посмотрела ему вслед, и была почти уверена, что видела слезы, блеснувшие вдруг в глазах подруги. Она расстроено покачала головой. Эйла не походила на женщину, которой вскоре предстоит основать новый очаг с любимым мужчиной. Это событие явно не вызывало у нее радостного волнения. Что-то мешало ей. И этой помехой был Джондалар.

Глава 31

Утром Львиная стоянка отправилась дальше вверх по течению, следуя по высокому плато и время от времени поглядывая влево на бежавший внизу туманный речной поток с его взбаламученными илистыми водами, уровень которых значительно повысился благодаря таянию ледника. Вскоре они достигли развилки – того места, где соединялись два главных речных русла, – и пошли дальше по левому рукаву. Перейдя вброд два больших боковых притока и переправив все пожитки на чашеобразных лодочках, они спустились наконец в речную долину и пошли вдоль самого берега по зеленеющим лугам и редким рошицам.

Теперь Талут начал внимательно посматривать на другую сторону реки, на ущелья и ложбины, изрезавшие высокий правый берег реки, сравнивая реальный пейзаж с отметками, нанесенными на кусок бивня, смысл которых Эйле был пока не слишком понятен. Впереди маячил резкий поворот, там, по-видимому, находилась самая высокая точка противоположного берега, круто уходящего вверх примерно на пару сотен футов. Путешественники двигались по левой стороне реки, где на несколько миль от берега простирались обширные луга, перемежавшиеся с зелеными рошицами. Когда они подошли к излучине, Эйла заметила костяную пирамиду, на вершине которой лежал череп волка. Талут подвел их к странному нагромождению скал и камней, перегораживавших речное русло.

Река в этом месте была широкой и мелкой, и переправа через нее явно не вызвала бы затруднений, однако кто-то решил сделать этот путь еще более легким. Переправа была укреплена кучами камней, мелкой галькой и костями животных, так что по ней можно было легко перейти на другую сторону, не замочив ног, поскольку вода узкими ручейками просачивалась сквозь эту прерывистую каменистую преграду.

Джондалар задержался, чтобы внимательно рассмотреть устройство переправы.

– Какая отличная идея! – заметил он. – Здесь можно перейти через реку, даже не снимая обуви.

– На той стороне самые лучшие места для стоянок. Там много глубоких ложбин, в которых можно укрыться от ветра. Но охотиться

лучше всего на этой стороне, – пояснил Барзек. – Эту переправу часто размывает, но Волчья стоянка каждый год строит новую. В этом году они особенно постарались – наверное, чтобы облегчить путь многочисленным гостям.

Талут начал переправляться через реку. Эйла заметила, что Уинни сильно возбуждена, и подумала, что лошадь нервничает, не доверяя этому каменистому пути, прорезанному узкими ручьями, однако кобыла без каких-либо трудностей шла следом за ней.

Пройдя чуть больше половины, Талут остановился.

– Вот здесь много рыбы, – сказал он. – Течение быстрое, а глубина большая. Сюда заходит даже лосось, и осетр тоже. В общем, много разной рыбы: щуки, форели, зубатки.

Эти замечания он сделал в основном для Эйлы и Джондалара, учитывая, однако, что эти сведения интересны и молодым членам стоянки, которым еще не доводилось бывать в этих местах. Последний раз они заходили в гости на Волчью стоянку несколько лет назад.

Когда все собрались на другой стороне реки, Талут повел их к большому каньону, стены которого отстояли друг от друга примерно на полмили, и Эйла вдруг услышала странный звук, напоминавший громкий гул или приглушенный рокот. Постепенно поднимаясь по склону холма, они оказались на дне довольно широкого ущелья, возвышавшегося над водой футов на шестнадцать. Эйла взглянула вперед и изумленно ахнула. Под защитой крутых стен по дну долины, вероятно на целую милю, растянулся ряд поселений, состоявший из полудюжины отдельных жилищ. Однако не эти холмообразные земляные жилища вызвали изумление Эйлы.

Потрясло ее огромное количество народа. Никогда в жизни Эйле не встречалось так много людей. Их число явно переваливало за тысячу, более тридцати стоянок собралось сюда на Летний сход мамутой. Множество палаток раскинулось на всем протяжении каньона. Количество собравшегося здесь народа по меньшей мере в четыре или даже пять раз превышало количество людей на Сходбище клана. И сейчас Эйла видела, что вся эта огромная толпа смотрит именно на нее. Или, вернее, на ее лошадей и Волка. Молодой волк, жавшийся к ее ногам, был ошеломлен не меньше, чем она сама. Эйла почувствовала, как испуганно дрожит Уинни, и была уверена, что Удалец испытывает подобное чувство. Страх за своих питомцев помог

Эйле подавить безумный ужас, охвативший ее при виде этой необъятной людской толпы. Оглянувшись, она заметила, что Джондалар с трудом удерживает повод Удальца, пытающегося встать на дыбы и сбросить испуганного мальчика, вцепившегося в конскую гриву.

– Неззи, возьми Ридага! – крикнула она. Слова Эйлы оказались даже лишними, поскольку Неззи уже спешила на помощь сыну. Эйла помогла спешиться Мамуту и, обняв кобылу за шею, повела ее к молодому жеребцу, надеясь, что вместе они скорее успокоятся. Волк последовал за ней.

– Мне очень жаль, Эйла. Я должен был подумать о том, как лошади прореагируют на такую толпу народа, – сказал Джондалар.

– А ты знал, что здесь будет так много людей?

– Не то чтобы знал... Но мог бы догадаться, что мамутой примерно так же многочисленны, как зеландонии, когда они все собираются на Летний сход.

– Я думаю, нашу Рогожную стоянку следует разбить где-нибудь в сторонке, – громко сказала Тули, привлекая всеобщее внимание. – Может быть, прямо здесь, при входе в долину. Конечно, это не слишком удобно, – продолжала она, окидывая взглядом все растянувшееся палаточное поселение мамутой, – но раз большая низина Волчьей стоянки в этом году залита водой, то нам придется обосноваться здесь.

Тули ожидала такой реакции соплеменников, и она не была разочарована. Их заметили еще на переправе через реку, и все мамутой собрались, чтобы получше разглядеть прибытие Львиной стоянки. Но она не ожидала, что животные могут быть слишком испуганы при первом знакомстве с таким огромным человеческим стадом.

– Что, если мы расположимся здесь, у самой стены? – предложил Барзек. – Это место немного покато, но мы сможем сровнять его.

– Мне оно кажется вполне удобным. Есть у кого-нибудь возражения? – сказал Галут, явно обращаясь к Эйле.

Она и Джондалар как раз и направились туда, чтобы животные немного успокоились. Львиная стоянка начала расчищать участок земли от камней и низкорослых кустарников и выравнивать место, чтобы установить большую двухслойную общую палатку.

Временное жилье становилось гораздо теплее благодаря использованию двух слоев кожаного покрытия. Прослойка воздуха

между ними обеспечивала сохранение тепла внутри палатки, а обильная роса, выпадающая холодными вечерами, сбегала на землю по нижней стороне внешнего палаточного шатра. Кроме того, дополнительные внутренние шкуры, имевшиеся во внутреннем шатре, хорошо защищали от сквозняков. Конечно, такое жилье было менее крепким, чем постоянный земляной дом Львиной стоянки, но все-таки его конструкция имела массу преимуществ перед одностенными походными палатками, которые являлись составной частью этого большого летнего жилища. Такой летний дом называли Рогожной стоянкой, чтобы в разговоре отличать зимний дом от летнего жилья, где бы оно ни было установлено, но при этом люди, жившие в этом временном доме, по-прежнему считали себя членами Львиной стоянки.

Большой шатер был разделен на четыре взаимосвязанные конические секции, в каждой из которых устанавливался отдельный очаг; опорная конструкция шатра делалась из стволов крепких, упругих молодых деревьев, а также из ребер мамонта и длинных костей других животных. В самой большой, центральной, секции должны были расположиться Львиный очаг, Лисий очаг и Мамонтовый очаг. Поскольку палаточный дом был не таким просторным, как зимнее жилье, то использовался он в основном для сна, но редко все обитатели стоянки спали в палатке одновременно. Вся жизнь, частная и общественная, – как отдельной стоянки, так и всего племени мамутой – обычно проходила за стенами палатки, поэтому вокруг нее дополнительно обустроивалась территория каждой стоянки. Размещение и устройство Рогожного очага – основного кухонного кострища – имело довольно важное значение.

Пока вновь прибывшие усердно трудились, устанавливая палатку и расчищая свою территорию, остальные мамутой, собравшиеся на Сход, постепенно пришли в себя от первого потрясения и вскоре, вновь обретя дар речи, уже начали возбужденно переговариваться между собой. Эйла наконец поняла, что было источником странного гула, и сразу припомнила свои первые дни на Львиной стоянке. Тогда она удивилась, какими шумными могут быть люди, говорящие одновременно. Сейчас ситуация повторилась, только шум был во много раз сильнее; в нестройном хоре голосов участвовала огромная людская толпа.

«Неудивительно, что Уинни и Удалец так перепугались», – подумала Эйла. Она и сама нервничала, слыша этот постоянный гул. Привыкнуть к нему оказалось довольно трудно. Сходбище клана было не таким большим, но даже если бы там собралась такая толпа, то шума от нее было бы гораздо меньше. Голосовое общение людей клана ограничивалось считаными словами, поэтому на их собраниях было тихо. Но поселение людей, чаще всего общавшихся с помощью речи, никогда не умолкало. Подобно степному ветру, этот голосовой поток никогда не прерывался, менялись только его сила и напряженность.

Многие мамутой спешили приветствовать Львиную стоянку, предлагая помощь в устройстве территории, и им, конечно, радушно отвечали, однако Талут и Тули незаметно обменялись многозначительными взглядами. Они и подумать не могли, что на сей раз у них окажется такое количество новых друзей и помощников. Лэти, Джондалар, Ранек и отчасти Талут помогали Эйле устроить место для лошадей. Молодые мужчины вполне нормально работали вместе, хотя были крайне немногословны. Эйла отклонила помощь, предложенную многочисленными наблюдателями, объяснив, что лошади очень чувствительны и незнакомые люди могут напугать их. Однако ее слова лишь убедили собравшихся в том, что именно она повелевает лошадьми, и еще больше разожгли их любопытство. Весть о ней быстро распространялась среди мамутой.

На самом краю обширного палаточного селения, там, где стена каньона слегка разворачивалась к реке, вскоре появилось укрытие для лошадей – прямо у этой стены построили навес, используя для него дорожную палатку, в которой раньше обычно укрывались Эйла и Джондалар, а для опоры стоек и изгороди срубили несколько молодых деревьев и больших веток. В результате это укрытие отделяло лошадей от раскинувшегося в каньоне селения, но зато из него открывался отличный вид на речную долину с раскинувшимися на другом берегу живописными рощами и лугами.

Львиная стоянка уже занималась устройством спальных мест внутри своего нового, не слишком просторного жилья, когда делегация от Волчьей стоянки и представители нескольких других стоянок пришли, чтобы официально приветствовать вновь прибывших соплеменников. Летний сход проходил на территории Волчьей стоянки, и хотя все ожидали, что гостям будет предоставлено право пользоваться

хозяйскими запрудами для ловли рыбы, охотиться и собирать ягоды, орехи, семена и корнеплоды в окрестных лугах и рощах, однако такое разрешение выходило за рамки обычного гостеприимства и считалось более чем щедрым. Сход мамутой продолжался, конечно, не весь летний сезон, однако содержание такого количества народа могло нанести серьезный урон хозяйству принимающей стоянки, поэтому важно было найти подходящее место для такого поселения, чтобы не истощить природные запасы всей округи.

Талут очень удивился, когда узнал об изменении места Летнего схода. Как правило, мамутой не собирались непосредственно на территории чьей-либо стоянки. Обычно такое большое поселение устраивали на просторной степной равнине или в долине большой реки, которая могла спокойно вместить всех прибывших.

– Во имя Великой Матери всего живого мы приветствуем Львиную стоянку, – сказала седовласая худощавая женщина.

Тули была поражена, увидев ее. Эта женщина, отличавшаяся редкой грацией и отменным здоровьем, всегда с легкостью несла бремя руководства Волчьей стоянкой, ни в чем не уступая своему брату, однако за прошедшую зиму она, казалось, постарела лет на десять.

– Марли, мы высоко ценим ваше гостеприимство. Во имя Мут мы благодарим вас.

– Я вижу, вы неизменны в своих привычках... – сказал мужчина, в знак приветствия пожимая руки Талута.

Валец был моложе своей сестры, но в первый раз Тули заметила, что возраст начинает сказываться и на нем. Это вдруг заставило ее задуматься о собственной недолговечности. Она всегда считала, что Марли и Валец были лишь немного старше ее.

– ...Но по-моему, на сей раз вы превзошли самое себя. Ваше появление было поистине потрясающим, – продолжал Валец. – Когда Торан прибежал, крича что-то о лошадях, переправляющихся через реку вместе с вами, все, естественно, собрались посмотреть. А потом кто-то разглядел этого волка...

– Мы не станем прямо сейчас просить вас рассказать историю столь удивительных прибавлений, – сказала Марли. – Правда, должна признаться, я сгораю от нетерпения. Однако, чтобы вам не повторять ее слишком много раз, мы все-таки подождем до вечера, и вы поведаете об этом на общем сборе.

– Разумеется, Марли права, – сказал Валец, хотя сам с удовольствием послушал бы их историю не сходя с места. Но он также заметил, что его сестра выглядит очень утомленной. Валец боялся, что этот Летний сход окажется для нее последним. Именно поэтому он дал согласие разместить здесь всех мамутой, когда выяснилось, что назначенное ранее место сбора затопили весенние воды. Вероятно, в конце этого сезона им придется передать свои полномочия другим вождям.

– Пожалуйста, пользуйтесь всеми благами этих плодородных земель. Вы удобно устроились? Мне жаль, что вы разместились на самом краю долины, однако вы прибыли последними. Я уже даже сомневалась, придете ли вы вообще, – сказала Марли.

– Да, нам пришлось сделать крюк, – признал Талут. – Но в итоге мы расположились в самом лучшем месте, учитывая присутствие наших животных. Они не привыкли к такому множеству людей.

– Хотелось бы знать, как они привыкли хотя бы к одному! – раздался чей-то голос.

Глаза Тули радостно вспыхнули, когда она заметила приближающегося высокого молодого мужчину, но Диги опередила ее.

– Тарнег! Тарнег! – закричала она, бросаясь в объятия брата. Остальные обитатели очага Зубра поспешили за ней. Он поочередно обнял свою мать и Барзека, и все трое прослезились от столь радостной встречи. Затем к нему пробилась Друвец, Бринан и Тузи. Тарнег обнял за плечи обоих братьев и, привлекая их к себе, с восхищением заметил, как они сильно выросли, затем он взял на руки малышку Тузи. После взаимных объятий и щекотания, вызвавшего восторженный смех девочки, Тарнег опустил ее на землю.

– Тарнег! – басом пророкотал Талут.

– Талут, ты по-прежнему здоров как медведь! – таким же мощным басом вторил Тарнег, обнимаясь с ним. Между ними было явное сходство – он был почти такой же медведь, как его дядя, – но от матери к Тарнегу перешел более темный цвет волос. Склонившись, он по-родственному потерся щекой о щеку Неззи, а затем вдруг с озорной улыбкой обхватил объемистый женский стан и взял ее на руки.

– Тарнег! Что ты делаешь? Опустим меня на землю, – ворчливо сказала она.

С легкостью поставив ее на ноги, он весело подмигнул Неззи.

– Теперь я убедился, что стал таким же сильным мужчиной, как твой Талут, – сказал Тарнег и громко расхохотался. – Ты не представляешь, как долго я мечтал поднять тебя! Просто чтобы доказать, что я смогу сделать это!

– Но вовсе не обязательно... – начала было Неззи, но Талут заглушил ее слова.

Откинув назад голову, он разразился громогласным хохотом и поспешил возразить своему племяннику:

– О нет, молодой человек, это еще ничего не доказывает. Вот когда ты сможешь сравняться со мной в любовных утехах, то станешь таким же сильным мужчиной, как я.

Неззи отказалась от попыток восстановить свое достоинство в словесной перепалке и просто выразительно покачала головой, взглянув на своего по-медвежьи здорового мужчину с притворной нежностью.

– И почему это на Летнем сходе старики всегда стараются доказать, что они еще молодые? – сказала она. – Впрочем, мне же лучше, по крайней мере я получу передышку, – добавила Неззи, перехватив заинтересованный взгляд Эйлы.

– Я не стал бы держать пари на это! – заявил Талут. – Не так уж я стар и смогу еще достойно усладить львицу моего очага, разгорячившись с другими красотками.

Многозначительно хмыкнув, Неззи пожала плечами и отошла в сторону, не удостоив его ответом.

Эйла стояла рядом с лошадьми, удерживая Волка возле себя, чтобы он своим ворчанием не пугал людей, но она с большим вниманием наблюдала за всей этой сценой, включая реакцию окружающих людей. Дануг и Друвец выглядели немного смущенными. У них не было пока опыта в любовных делах, однако они знали, о чем идет речь, и очень интересовались подобными вопросами. Тарнег и Барзек игриво перешептывались. Вспыхнувшая как маков цвет Лэти пыталась спрятаться за широкой спиной Тули, которая всем своим видом показывала, что все эти глупости не стоят ее внимания. Большинство людей просто посмеивались, даже Джондалар, с удивлением заметила Эйла. Она порой размышляла, не связаны ли причины его охлаждения к ней с какими-то особыми традициями его племени. Возможно, в отличие от мамутой зеландонии полагали, что люди не имеют права

свободно выбирать себе партнеров, однако сейчас его реакция была вполне одобрительной.

Направившись в сторону палатки, Неззи остановилась возле лошадиного навеса, и Эйла заметила, что на ее губах тоже играет легкая понимающая улыбка.

– Такое случается каждый год, – полушепотом сказала она, – для начала он устраивает большую сцену, объявляя всем, какой он шикарный мужчина, и первые пару дней действительно находит «красотку» или даже двух... Хотя они обычно бывают похожи на меня – светловолосые и толстые. Затем, решив, что за ним больше никто не наблюдает, с радостью проводит свои ночи на Рогожной стоянке и бывает сильно огорчен, если не находит там меня.

– А куда ты можешь уйти?

– Кто знает?! Посмотри, сколько народа собирается на Сход; даже если ты знаком со всеми людьми или, по крайней мере, со всеми стоянками, то все равно не знаешь всех одинаково хорошо. Каждый год есть возможность лучше узнать кого-то. Хотя, надо признать, чаще всего это бывают женщины с подростками, открывающими для себя первый сезон мамонтовой охоты. Иногда мне может приглянуться какой-то мужчина или я приглянусь ему, только я не стремлюсь поведать об этом всем и каждому. Вот Талут обожает похвастать, но не думаю, что ему хотелось бы знать всю правду. Ему вряд ли понравилось бы, если бы я начала хвастать.

– Поэтому ты предпочитаешь молчать? – сказала Эйла.

– Конечно, если можно так просто сохранить благополучие и доброжелательность в нашем очаге... и, кроме того, потешить его самолюбие.

– Ты ведь очень любишь его, правда?

«Кого? Этого старого медведя?!» – собралась было возразить Неззи, но раздумала. Глаза ее наполнились мягким светом, и она сказала с улыбкой:

– Поначалу у нас были свои сложности... Ты же знаешь, каким напористым он может быть. Но я никогда не позволяла ему одержать верх надо мной и всегда говорила то, что думаю. Наверное, как раз этим я и привлекла его. Талут мог бы сломать любого человека, если бы захотел. Да только это не в его характере. Он может разгневаться, конечно, но в нем нет жестокости. Он никогда не обидит того, кто

слабее его, – а кто же может потягаться с ним! Да, я люблю его, а когдалюбишь мужчину, то всегда стараешься делать то, что нравится ему.

– И значит, ты... не пойдешь теперь к другому мужчине, даже если он тебе приглянется, чтобы не огорчать Талута?

– В мои-то годы, Эйла, мне совсем нетрудно будет отказаться от этого. По правде говоря, мне и раньше нечем было особенно похвастать. Когда я была помоложе, то всегда стремилась на Летний сход, чтобы познакомиться с новыми людьми, поучаствовать в веселых играх, а также изредка разделить ложе с другим мужчиной... Но знаешь, мне кажется, в одном Талут совершенно прав. Действительно, мало мужчин могут соперничать с ним. Не потому, что он готов овладеть всеми красотками, а потому, что только он умеет доставить женщине радость.

Эйла понимающе кивнула. Затем она задумчиво нахмурилась: «А что делать, если есть двое мужчин и каждый из них может доставить тебе радость?»

– Джондалар!..

Эйла подняла глаза, услышав незнакомый голос, произнесший его имя. Она увидела, что он, улыбаясь, быстро идет навстречу какой-то женщине и сердечно приветствует ее.

– Итак, ты все еще с мамутой! А где же твой брат? – сказала она. Женщина была невысокой, но мускулистой и выглядела довольно внушительно.

Джондалар резко помрачнел. И женщина сразу все поняла, насколько Эйла могла судить по выражению ее лица.

– Как это случилось?

– Львица украла его добычу, и он гнался за ней до ее пещеры. А там нас встретил лев, меня он тоже покалечил... – как можно короче объяснил Джондалар.

Женщина сочувственно покачала головой:

– Ты сказал, что лев и тебя покалечил. Как же тебе удалось выжить?

Джондалар обернулся в сторону Эйлы и увидел, что она наблюдает за их разговором. Он подвел женщину к ней:

– Эйла, познакомься с Бреси из племени мамутой, она – вождь Ивовой стоянки... вернее, Лосиной стоянки. Талут объяснил нам, что

так называется ваша зимняя стоянка. А это Эйла из племени мамутои, дочь Мамонтового очага.

Бреси удивленно подняла брови. Дочь Мамонтового очага?! Странно, откуда она взялась? В прошлом году ее не было на Летнем сходе. Да и само имя Эйла звучало как-то странно.

– Бреси, – сказала Эйла, – Джондалар рассказывал мне о тебе. Ваша стоянка помогла ему и его брату спастись от зыбучих песков реки Великой Матери, а ты – подруга Тули. Я рада познакомиться с тобой.

«Да и говорит она как-то странно, – думала Бреси, – возможно, она из племени сангайи, но они говорят на языке мамутои с другим акцентом, и язык Джондалара ей явно не родной. Я вообще не слышала, чтобы кто-то так говорил. В сущности, она прекрасно говорит на языке мамутои, только очень странно произносит некоторые звуки».

– Я тоже рада встрече с тобой... Тебя зовут Эйла, правильно? – переспросила Бреси.

– Да, Эйла.

– Необычное имя. – Поскольку никаких объяснений не последовало, Бреси продолжила: – Как мне кажется, именно ты... даже не знаю, как сказать... присматриваешь за этими... животными.

Ей вдруг пришло в голову, что она никогда не видела так близко живых лошадей, по крайней мере таких, которые спокойно стояли бы рядом.

– Да, и именно поэтому они слушаются ее, – с улыбкой заметил Джондалар.

– Погоди, по-моему, я видела и тебя рядом с одной из лошадей? Должна признать, ты потряс мое воображение, Джондалар. Я узнала эту одежду, и на мгновение мне показалось, что я вижу Дарневу, когда ты вел лошадей. Я даже подумала, что либо меня обманывает зрение, либо Дарнев вернулся из мира духов.

– Я научился обращаться с этими лошадьми благодаря Эйле, – сказал Джондалар. – И к тому же именно она спасла меня от лап пещерного льва. Поверь мне, она знает подход к животным.

– С этим трудно поспорить, – заметила Бреси, на сей раз переведя взгляд на Волка, который был не так пуглив, как лошади, зато его настороженное внимание казалось более угрожающим. – Наверное, поэтому она стала дочерью Мамонтового очага?

– Это одна из причин, – ответил Джондалар.

В голове Бреси мелькала смутная догадка, что Эйла только недавно стала дочерью Мамута Львиной стоянки. И Джондалар подтвердил ее предположение. Однако по-прежнему оставалось неясным, откуда она взялась. Большинство людей предполагали, что ее привел этот светловолосый мужчина, возможно, они уже основали свой очаг или же она его сестра, но Бреси знала, что Джондалар путешествовал со своим братом. Где же он нашел эту женщину?

– Эйла! Как я рад видеть тебя вновь!

Она оглянулась и увидела Бранага, идущего к ней навстречу под руку с Диги. Они сердечно обнялись и потерлись щеками. Несмотря на то что их первая и единственная встреча была кратковременной, он казался уже старым другом. И Эйле было приятно встретить на Летнем сходе хоть кого-то знакомого.

– Мама хочет познакомить тебя с вождем Волчьей стоянки, – сказала Диги.

– Да, конечно, я сейчас подойду к ним, – сказала Эйла, очень довольная, что ей представился повод ускользнуть от пристального внимания Бреси.

Эйла отметила, как пронизательна эта женщина в своих предположениях, и испытала легкое беспокойство, постоянно ощущая на себе ее острый и умный взгляд.

– Джондалар, ты побудешь здесь с лошадьми? – Она видела, что несколько человек, подошедших вместе с Диги и Браногом, стоят слишком близко к животным. – Они еще немного нервничают, и им будет спокойнее, если рядом с ними будет находиться кто-то знакомый. А где Ридаг? Он может посидеть с Волком.

– Он был в палатке, – сказала Диги.

Обернувшись, Эйла заметила, что мальчик нерешительно стоит у входа.

– Тули хочет представить меня вождю. Ты сможешь последить за Волком? – спросила Эйла, сопровождая свой вопрос соответствующими жестами.

– Да, я послежу за ним, – ответил он и с легким опасением окинул взглядом собравшихся вокруг людей. Ридаг медленно подошел к ним и, сев рядом с Волком, обнял его за шею.

– Вы только гляньте! Она разговаривает даже с плоскоголовыми. Должно быть, ее слушают все животные! – раздался из толпы чей-то

громкий насмешливый голос.

Несколько человек рассмеялись.

Эйла резко развернулась и пристально посмотрела на собравшихся, выискивая того, кто произнес эти слова.

– Поговорить с ними может любой! Говорить-то можно и с камнем. Только вряд ли дождешься от них ответа!

Насмешка очередного шутника вызвала более сильный взрыв смеха.

На мгновение онемев от гнева, Эйла окинула говорившего испепеляющим взглядом.

– По-моему, кто-то здесь намекает на то, что этот мальчик – животное? – произнес за ее спиной чей-то знакомый голос.

Эйла сердито глянула на подошедшего члена Львиной стоянки.

– Именно так, Фребек. Разве я сказал что-то новое? Конечно, он не понимает, что я говорю. Плоскоголовые – просто животные, ты и сам не раз говорил об этом.

– А сейчас, Чалег, я говорю, что был не прав. Ридаг понимает все, что ты говоришь, и вполне может ответить тебе. Просто ты должен выучить его язык.

– Какой язык? Плоскоголовые не могут разговаривать. Кто наплел тебе такую чепуху?

– Знаковый язык. Он разговаривает с помощью жестов, – продолжал объяснять Фребек.

Окружающие встретили это замечание дружным ироничным смехом. Гнев Эйлы уже прошел, и она с интересом наблюдала за Фребекком. Он не любил, когда над ним смеялись.

– Можете не верить мне, если не хотите, – пожимая плечами, сказал Фребек и направился к палатке, словно ему было безразлично мнение окружающих, однако, сделав пару шагов, он повернулся и взглянул на человека, который высмеивал Ридага. – Но я должен сказать тебе еще кое-что. Ридаг умеет говорить также и с Волком, и если он прикажет ему схватить тебя, то я не стал бы утверждать, что ты выйдешь победителем этой схватки.

Ничего не понимая, Чалег заметил, как Фребек сделал какой-то знак мальчику, но этот жест ничего не значил для непосвященных. Ридаг, в свою очередь, спросил о чем-то Эйлу. Вся Львиная стоянка с удовольствием наблюдала за этими переговорами, проводившимися с

помощью их тайного языка, на котором они могли свободно разговаривать, сознавая, что никто из окружающих не поймет их.

– Почему бы тебе не продемонстрировать свои способности, Ридаг? – не оборачиваясь, продолжал Фребек.

Мирно сидевший рядом с мальчиком Волк вдруг сделал плавный прыжок и оказался около Чалега; оцетинившись, Волк оскалил зубы и так грозно зарычал, что даже волосы на затылках любопытных зрителей зашевелились от страха. Вытаращив глаза, Чалег в ужасе отскочил назад. Большинство людей резко отступили в сторону, но он предпочел отбежать подальше. По знаку Ридага Волк спокойно вернулся к нему и занял свое место рядом с мальчиком, всем своим видом показывая, что он очень доволен собой; повертевшись на месте, Волк улегся на землю и, положив голову на лапы, взглянул на Эйлу.

Похоже, это сработало, признала Эйла. Однако, в сущности, мальчик не давал сигнала к атаке. Такой знак дети обычно давали Волку, когда хотели поиграть с ним; в стае волчата обычно затевают такие игры, напоминающие настоящие схватки, и Волку в свое время разрешили играть с детьми, научив его сдерживать силу своих укусов. Примерно таким же сигналом пользовалась Эйла во время своих охотничьих вылазок, когда хотела, чтобы Волк вспугнул для нее какое-то животное. Конечно, бывали случаи, когда ему удавалось догнать и схватить зазевавшегося зверька, но, в сущности, ему никогда не приказывали действительно убить кого-то, и, кроме того, Волк даже не дотронулся до Чалега. Он только прыгнул в его сторону. Но определенная опасность все-таки существовала.

Эйла знала, как хорошо волки охраняют свою территорию и свою стаю. Они запросто могут убить чужака, забредшего в их владения. И тем не менее, видя, с каким видом Волк возвращался назад, она подумала, что если бы волки умели смеяться, то он бы сейчас расхохотался. У Эйлы невольно возникло ощущение, что он понимал, в чем смысл происходящего; понимал, что нужно просто напугать этого человека, и в точности исполнил задание. Играя с детьми, он обычно вел себя совершенно иначе, а в этой сцене он всем своим видом показал, что готов к атаке. Правда, он вовремя остановился. Молодому волку было трудно выступить перед толпой людей с таким импровизированным представлением, но он считал, что отлично сыграл

свою роль. Недоумение и страх в глазах Чалега подтвердили, что затея сработала. Скорее всего, он убедился, что Ридаг – не животное!

Бранаг выглядел слегка потрясенным, но Диги тихо посмеивалась, когда они подошли к Тули и Талуту, которые беседовали с другой парой вождей. Эйлу официально представили вождям принимающей стоянки, и она сразу же поняла то, что уже знали все мамутои. Марли была серьезно больна. «Ей не следовало даже вставать с постели», – подумала Эйла, перебирая в уме целебные настои, применяемые в данном случае. Общий вид женщины, состояние ее глаз, волос и кожи – все говорило о таком тяжелом заболевании, что Эйла сомневалась, смогут ли лекарства помочь ей, однако она почувствовала внутреннюю силу этой женщины; она явно не сдастся без борьбы. А это порой помогает лучше любых лекарств.

– Это было потрясающее представление, Эйла, – сказала Марли, отметив своеобразную странность ее произношения. – Кто из вас командует хищником, ты или мальчик?

– Даже не знаю, – улыбаясь, сказала она. – Мы оба знаем жесты, которые понимает Волк.

– Волк? Это прозвище?

– Да, так мы называем его.

– А у лошадей тоже есть имена? – спросила Марли.

– Кобыла – Уи-и-инни, – сказала Эйла, подражая лошадиному ржанию, и Удалец заржал ей в ответ, вызвав у собравшихся не только улыбки, но и нервный смех. – Обычно люди называют ее просто Уинни. Этот молодой жеребец – ее сын. Джондалар назвал его Удальцом. На его языке так говорят о человеке, который бежит быстрее всех.

Марли кивнула. Эйла пристально посмотрела на нее, а затем вдруг повернулась к Талуту:

– Я очень устала, устраивая стойло для лошадей. Видишь то большое бревно? Талут, может быть, ты принесешь его, чтобы я могла присесть?

На мгновение вождь совершенно оторопел. Она никогда не позволяла себе такого. Просто невероятно, чтобы Эйла обратилась к нему с такой просьбой, да к тому же прервав разговор с вождями принимающей стоянки! Уж если кому-то и надо было присесть, так это именно Марли. И тут его осенило. Конечно! Почему он сам не

додумался до этого? Галут быстро притащил бревно, и Эйла присела на него.

– Я надеюсь, вы не возражаете. Я действительно очень устала. Марли, ты не хочешь присоединиться ко мне?

Марли села, чувствуя легкую дрожь во всем теле. Немного отдохнув, она улыбнулась:

– Спасибо, Эйла. Я не рассчитывала, что мы простоим так долго. Как ты узнала, что у меня закружилась голова?

– Она целительница, – сказала Диги.

– Целительница, обладающая даром Зова? Необычное сочетание. Неудивительно, что Мамут удочерил ее.

– Если ты согласна, то я приготовлю для тебя снадобье, – сказала Эйла.

– Наши целители уже осматривали меня, но я буду благодарна, Эйла, если ты тоже попытаешься помочь мне. А сейчас, пока мы еще не забыли о теме разговора, я хотела бы задать один вопрос. Ты была совершенно уверена, что Волк не тронет того мужчину?

Эйла немного помедлила:

– Нет, я была не уверена. Он пока еще слишком молод, и на него нельзя полностью положиться. Но я решила, что стою достаточно близко, чтобы предотвратить нападение, если он сам не остановится.

Марли понимающе кивнула:

– Даже на людей не всегда можно положиться. Я и не ожидала, что зверь может быть надежнее, чем человек. Если бы ты ответила иначе, то я не поверила бы тебе. Ты понимаешь, что Чалег будет жаловаться, как только придет в себя, чтобы восстановить собственное достоинство? Он наверняка придет с жалобой в Совет Братьев, а они передадут ее нам.

– «Нам»?

– Совету Сестер, – вставила Тули. – Окончательное решение всегда выносит Совет Сестер. Они ближе к Великой Матери.

– Я рада, что сама была здесь и все видела. Поэтому я без труда разберусь во всех тех противоречиях и невероятных историях, что будут рассказывать об этой сцене, – сказала Марли. Повернув голову, она оценивающе посмотрела на лошадей и волчонка. – Они выглядят как вполне нормальные животные, совсем не похожи на бестелесных

духов, и магия здесь явно ни при чем. Скажи мне, Эйла, чем же питаются эти животные, живя с тобой? Они ведь что-то едят, правда?

– Да, они питаются как обычные животные. Волк ест в основном мясо – как сырое, так и поджаренное. Он привык к человеческой пище и зачастую ест все то, что ем я, даже овощи. Иногда я приношу ему что-то с охоты, но он уже сам вполне может обеспечивать себя мышами и другими мелкими грызунами. Лошади едят траву и зерно. Вскоре, я думаю, надо будет отвести их за реку и оставить попасться на том зеленом лугу.

Валец посмотрел в сторону этого обширного луга и затем перевел взгляд на Талута. Эйла видела, что он чем-то обеспокоен.

– Мне неприятно говорить это, Эйла. Однако, по-моему, опасно оставлять их там без присмотра.

– Почему? – с тревогой спросила она.

– Из-за охотников. Твои лошади с виду ничем не отличаются от остальных, особенно кобыла. Темная масть жеребца встречается довольно редко. Мы сможем предупредить всех, чтобы не убивали гнедых лошадей, особенно если они выглядят очень дружелюбно. Но кобыла... все степные лошади имеют такую масть. Не думаю, что мы вправе просить племя вообще не убивать лошадей. Многие предпочитают их мясо любому другому, – объяснил Валец.

– Тогда я буду ходить туда с ними, – сказала Эйла.

– Нет, только не это! – воскликнула Диги. – Ты пропустишь все самое интересное.

– Но я не могу позволить, чтобы им причинили вред, поэтому мне придется чем-то пожертвовать.

– Это слишком большая жертва, – заметила Тули.

– Неужели нет другого выхода? – спросила Диги.

– Нет... конечно, если бы она тоже была гнедой... – сказала Эйла.

– Отлично, почему бы нам не выкрасить ее?

– Выкрасить? Как?

– Ну мы ведь можем смешать краски, сделать темно-коричневую мазь и втереть эту смесь в ее шкуру.

Эйла ненадолго задумалась:

– Не думаю, что это сработает. Идея сама по себе неплоха, Диги, но, в сущности, коричневый цвет ничего не изменит. Даже Удальцу грозит опасность. Хоть он и гнедой, но выглядит как обычная лошадь, и

в пылу охотничьего азарта вполне можно забыть о том, что гнедых убивать нельзя.

– Это верно, – заметил Талут. – Охотники думают только об охоте. И две гнедые лошади, дружелюбно настроенные к людям, могут стать очень соблазнительными мишенями.

– А что, если взять другой цвет... например, красный. Может, выкрасим Уинни охрой? Представляете ярко-красную лошадь? Тогда уж она точно будет выделяться.

Эйла слегка скривилась:

– Нет, Диги, почему-то мне не хочется делать ее красной. Она будет выглядеть так странно. А впрочем, это неплохая мысль. Все поймут, что это особое животное. Может быть, стоит и попробовать... Но все-таки ярко-красная лошадь... Погодите-ка! У меня появилась другая идея.

Эйла бросилась к палатке. Выкладывая на меховое покрывало своей лежанки содержимое дорожного мешка, она достала почти с самого дна то, что искала.

– Посмотри, Диги! Помнишь эту вещь? – сказала Эйла, разворачивая ярко-красную кожу, которую Диги помогала ей красить. – Все равно мне никак не придумать, что из нее сделать. Я просто очень люблю этот цвет. Можно привязывать эту кожу на спину Уинни, когда она будет пастись на лугах.

– Да, такой яркий цвет бросается в глаза! – одобрительно покачав головой, сказал Валец и улыбнулся. – По-моему, это должно сработать. Увидев такое покрывало на лошади, люди поймут, что она особенная, и вряд ли решатся охотиться на нее, даже без специального предупреждения. И все же сегодня вечером мы объявим, что нельзя охотиться на кобылу с красным покрывалом и гнедого жеребца.

– Может, стоит покрыть чем-нибудь и Удальца? – предложил Талут. – Не обязательно чем-то таким же ярким, просто какой-то шкурой, сделанной человеком. Тогда любой охотник, собравшийся бросить копье, заметит, что жеребец тоже особенный.

– Кроме того, я полагаю, – добавила Марли, – что словесного предупреждения может оказаться недостаточно, поскольку не на всех людей можно положиться. По-моему, будет лучше, если ты и Мамут подумаете, как наложить особый запрет на убийство этих животных.

Страх перед проклятием Великой Матери остановит любого, кто захочет проверить, смертны ли эти лошади.

– И правда, Эйла, ты ведь можешь сказать, например, что Ридаг напустит Волка на человека, поднявшего руку на лошадей, – улыбаясь сказал Бранаг. – Эта история, вероятно, скоро станет известна всем мамутой и наверняка обрстет массой ужасных подробностей.

– Мысль неплохая, – сказала Марли и поднялась с бревна, полагая, что пора завершать это обсуждение. – По меньшей мере, думаю, стоит просто пустить такой слух.

Все проводили взглядом вождей Волчьей стоянки, и Тули, печально покачав головой, ушла в палатку, чтобы закончить устройство жилья. Талут решил найти организаторов состязаний, чтобы включить в них новый вид оружия – копьеметалку, но задержался возле Бреси и Джондалара. Перекинувшись парой слов, они ушли куда-то втроем, Диги и Бранаг вместе с Эйлой направились к лошадям.

– У меня есть на примете один болтун, который поможет нам распространить слух, – сказал Бранаг. – История с Волком уже явно известна многим, и хотя не все сочтут ее вполне правдоподобной, однако будут избегать лошадей. Мне кажется, вряд ли кто-то захочет испытать судьбу и проверить, действительно ли Ридаг может наслать на него Волка. Кстати, я с самого начала собирался спросить, как Ридаг узнал, какой знак надо ему подать?

Диги с удивлением взглянула на своего жениха:

– Я догадывалась, что ты не понимаешь. Значит, я была права. Даже не знаю, как это объяснить... Наверное, он узнает все точно так же, как мы с тобой. Фребек вступился за него вовсе не для того, чтобы защитить Львиную стоянку. Он говорил чистую правду. Ридаг понимает все, что говорят окружающие. И всегда понимал. Мы просто не знали этого, пока Эйла не научила нас языку знаков, на котором он умеет говорить. Теперь мы можем общаться с ним. Когда Фребек сделал вид, что уходит, то незаметно поговорил с Ридагом, а Ридаг спросил разрешения у Эйлы – они разговаривали на языке жестов. Мы все понимали, о чем они говорят, и знали, что должно произойти.

– Неужели это правда? – спросил Бранаг. – Значит, вы переговаривались друг с другом, а никто об этом даже не догадывался! – Он рассмеялся. – Раз уж я собираюсь породниться с

удивительной Львиной стоянкой, то, может, мне тоже стоит научиться вашему тайному языку?

– Эйла! – крикнула Крози, выходя из палатки. Трое молодых людей остановились и подождали ее. – Тули только что рассказала мне, как вы решили приодеть лошадей, – сказала она, подойдя к ним. – Отлично придумано! Красное будет хорошо заметно на светлой лошади, но ведь у тебя нет второго такого же яркого покрывала. Я сейчас распаковывала свои мешки и нашла одну вещь, которая могла бы тебе пригодиться. – Развернув недавно развязанный пакет, она достала из него компактно сложенную кожу и, встряхнув ее, разгладила рукой складки.

– Ой, Крози! – воскликнула Эйла. – Какая красота!

Она восхищенно вздохнула, увидев белоснежную кожаную накидку, отделанную рядом треугольников из костяных бусин и окрашенными красной охрой иглами дикобраза, которыми были вышиты зигзагообразные и спиралевидные узоры.

Лицо Крози озарилось довольной улыбкой, когда она заметила искреннее восхищение молодой женщины. Эйла сама сшила платье из белой кожи и понимала, как трудно достичь такого чистого оттенка.

– Это для Удальца. Мне кажется, что белый цвет будет хорошо виден на его темно-коричневой шкуре.

– Что ты, Крози! Твоя накидка слишком хороша для этого. Она быстро покроется пылью и грязью, а если Удальцу захочется покататься по земле, то с нее скоро слетят и все украшения. Нет, я не могу позволить Удальцу носиться в ней по степи.

Однако Крози явно не собиралась отказываться от своего намерения:

– Как ты считаешь, осмелится ли охотник метнуть копьё, если увидит гнедую лошадь с такой красивой белой накидкой?

– Наверное, нет. Но зачем же портить такую красивую вещь, ведь ты вложила в нее столько труда?!

– С тех пор прошло много лет, – резко сказала Крози, затем выражение ее лица смягчилось, глаза затуманились, и она грустно добавила: – Я делала ее для моего сына, брата Фрали, и не смогу отдать ее никому другому. Даже представить не могу, что эту накидку носит другой человек, но выбросить ее я тоже не могу. Вот и таскаю ее с собой каждый год как бесполезный кусок кожи. Все одно получается, что труд затрачен впустую. А если эта накидка поможет защитить

животное, то все же принесет пользу и можно будет считать, что мои старания не пропали даром. Я хочу подарить тебе эту кожу, ведь ты так много сделала для меня.

Эйла взяла предложенный подарок, но на лице ее отразилось недоумение.

– Не пойму, Крози, о чем ты говоришь...

– Это не важно, – отрывисто сказала она. – Просто бери накидку и используй по назначению.

Мимо них быстро шел Фребек, направляясь к палатке; однако, прежде чем войти внутрь, он посмотрел в их сторону и довольно улыбнулся. Они улыбнулись ему в ответ.

– Я очень удивился, когда Фребек первым вступился за Ридага, – заметил Бранаг. – А вернее, я не ожидал его увидеть даже в числе последних.

– Он сильно изменился, – сказала Диги. – Конечно, он по-прежнему любит поспорить, но уже не так рьяно. Иногда он даже прислушивается к мнению других.

– Да, надо отдать ему должное, он никогда не боялся высказывать то, что думает, – сказал Бранаг.

– Наверное, это одно из его достоинств, – сказала Крози. – Я долго не могла понять, что Фрали нашла в нем. Но, несмотря на все мои уговоры, она все-таки приняла его предложение. Хотя, в общем-то, ему нечего было предложить ей. Мать его имела самый низкий статус, да и сам он вроде бы не отличался особыми дарованиями. Мне казалось, что она испортит себе жизнь, соединившись с ним. Но видимо, уже одно то, что он осмелился сделать ей предложение, говорит в его пользу. Похоже, он действительно любит ее. Вероятно, Фрали правильно оценила его, мне следовало положиться на ее мнение, – в конце концов, она же моя дочь. Нельзя судить о человеке только по статусу его матери или скудости Брачного выкупа, ведь у каждого есть шанс проявить себя с лучшей стороны.

Крози не заметила, как удивленно Бранаг посмотрел на Диги и Эйлу. По его мнению, Крози изменилась куда больше, чем Фребек.

Глава 32

Эйла взволнованно суетилась в пустой палатке возле своей лежанки. Который раз уже окидывая придирчивым взглядом место, отведенное ей на время Летнего схода, она пыталась найти еще какую-то небрежно брошенную вещь или незавершенное дело, еще одну причину, чтобы подольше задержаться на Рогожной стоянке. Мамут сказал ей, что, как только она закончит с делами, он поведет ее знакомиться с теми людьми, с которыми ее объединяет некая особая связь. Очевидно, он имел в виду мамутов – тех, кто принадлежал к очагу Мамонта.

Она отнеслась к этому знакомству как к своеобразному испытанию; наверняка они будут задавать ей вопросы, чтобы выяснить, действительно ли она имеет право принадлежать к их избранному кругу. В глубине души Эйла не верила в свою избранность. Она считала, что не обладает никакими особыми дарованиями или редкими способностями. Целительницей она стала благодаря тому, что Иза поделилась с ней своим мастерством и знаниями. Также не было никакой особой магии в общении с этими животными. Просто, когда ей было грустно и одиноко в пещере, она подобрала и вырастила осиротевшего жеребенка, а потом там же родился и Удалец, поэтому они и слушаются ее. Она подобрала Волка, потому что убила его мать, уже зная, что животные, выросшие с людьми, могут быть вполне дружелюбными. Во всем этом не было таинственной магии.

Оттягивая время знакомства, она уже успела осмотреть Ридага. Эйла задала ему несколько вопросов и прикинула в уме, что следует изменить при изготовлении следующей порции настойки. Потом он вышел из палатки и сел на землю рядом с Волком, как обычно собираясь наблюдать за окружающими. Неззи согласилась с ней, признав, что Ридаг стал значительно веселее. Радуюсь за своего сына, эта женщина на все лады расхваливала Фребека, который в последнее время слышал – а бывало, и случайно подслушивал – столько похвальных слов, относившихся к его персоне, что испытывал легкое смущение. Эйла никогда не видела его таким улыбчивым и знала, что его хорошее настроение отчасти связано с одобрением и признанием его достоинств. Она понимала, как это важно.

Наконец, последний раз оглядевшись вокруг, Эйла привязала к поясу мешочек из сыромятной кожи и, вздохнув, вышла из палатки. Возле кухонного очага никого не было – видно, все разошлись по своим делам, кроме Мамута, сидевшего рядом с Ридагом. Почувствовав ее приближение, Волк поднял голову, что заставило оглянуться Мамута и Ридага.

– Все куда-то разошлись... Может, мне остаться здесь и побыть с Ридагом, пока кто-нибудь не вернется? – быстро предложила она.

– Со мной побудет Волк, – усмехнувшись, ответил Ридаг. – Никто из чужих не задержится здесь надолго, увидев его. Я сказал Неззи, что она может спокойно уйти. И ты тоже уходи, Эйла.

– Он прав. Волк, похоже, согласен остаться с Ридагом. По-моему, лучшего защитника и придумать нельзя, – сказал Мамут.

– А что, если у него что-то заболит? – не отступала Эйла.

– Если заболит, я скажу: «Волк, приведи Эйлу». – Ридаг сделал жест, к которому Волка приучили как для дела, так и для игры. Волчонок вскочил и, положив лапы на грудь Эйлы, дотянулся и лизнул ее в щеку, требуя внимания.

Улыбнувшись, она взъерошила шерсть на его загривке и велела ему ложиться обратно.

– Я хочу остаться здесь, Эйла. Мне нравится смотреть на реку, лошадей на лугу, проходящих мимо людей... – Ридаг усмехнулся. – Мало кто замечает меня. Все разглядывают палатку, лошадиный навес. Потом они вдруг замечают Волка... Смешные люди...

Мамут и Эйла улыбнулись, оценив его незатейливое развлечение. В моменты удивления или потрясения люди действительно выглядят довольно смешно.

– Ладно, надеюсь, все будет в порядке. Неззи не оставила бы его одного, если бы не сочла, что он в безопасности, – сказала Эйла, теряя последний серьезный повод, который мог бы помешать ей покинуть пределы стоянки. – Я готова идти, Мамут.

Они двигались вместе к постоянным зимним жилищам Волчьей стоянки, и Эйла отметила, как скученно располагаются жилые площадки стоянок и палатки и какое множество людей крутится вокруг них. Она была рада, что Мамут вел ее по краю долины, откуда открывался вид на поросший деревьями травянистый склон, реку и луга. По дороге им пришлось не раз останавливаться: люди

приветствовали Мамута, а Эйла внимательно следила за тем, как Мамут отвечает на их приветствия, и старалась вести себя так же.

Ряд холмообразных домов оказался не слишком ровным, и вокруг последнего, шестого дома кипела самая бурная жизнь. Эйла заметила обширное пустое пространство рядом с этим жильем и поняла, что это, должно быть, место общего сбора. Стоянки, окружавшие эту поляну, похоже, не относились к числу обычных жилых стоянок. Одна из них была огорожена редким забором из костей мамонта, переплетенных ветвями и прутьями. Проходя мимо нее, Эйла услышала, что кто-то произнес ее имя. Остановившись, она с удивлением посмотрела в сторону изгороди.

– Лэти! – воскликнула она, тут же вспомнив о том, что ей рассказывала Диги.

Находясь в окружении близких на Львиной стоянке, Лэти соблюдала определенные правила, предписанные девушкам, еще не ставшим женщинами, однако тогда ограничение на общение с мужчинами было не слишком строгим. Но по прибытии на место Схода она должна была перейти в особую палатку. Рядом с ней у забора стояли несколько молодых девушек, все они улыбались и смущенно хихикали. Лэти представила Эйлу своим ровесницам, которые взирали на нее с легким благоговением.

– Куда вы идете, Эйла?

– К очагу Мамонта, – ответил за нее Мамут.

Лэти понимающе кивнула, словно ждала именно такого ответа. На территории этого огороженного двора Эйла заметила Тули, которая стояла возле палатки, украшенной орнаментом, нанесенным красной охрой, и разговаривала с группой женщин. Она махнула им рукой и улыбнулась.

– Лэти, смотри-ка, красноножка! – взволнованно воскликнула вдруг одна из девушек.

Все они немедленно повернули головы в указанном направлении и смущенно захихикали. Эйла, сама того не сознавая, с удивлением разглядывала медленно проходившую мимо босую женщину, ступни которой были густо намазаны красной охрой. Ей уже рассказывали о таких женщинах, но она впервые видела это воочию. «Она выглядит как совершенно обычная женщина, – подумала Эйла, – но все же ей

присуще какое-то странное качество, которое заставляет людей оборачиваться».

Женщина направилась к компании юношей, прохаживающихся по краю поляны, окаймленной редкими деревцами. Эйла заметила, что по мере приближения к ним ее походка стала более оживленной, а лицо было томным, и вдруг невольно вновь бросила взгляд на ее красные ступни. Женщина остановилась, чтобы поговорить с юношами, и поляна сразу же наполнилась мелодичными звуками ее смеха. Когда Мамут повел Эйлу дальше, она вспомнила, о чем разговаривали с ним женщины за день до Праздника Весны.

Все девушки, достигшие зрелости, но еще не ставшие женщинами, находились под постоянным наблюдением, причем следили за ними не только взрослые женщины. Только что Эйла видела, что вокруг изгороди, за которой стояли Лэти и ее ровесницы, вьются стайки молодых мужчин в надежде перехватить взгляд этих пока недоступных и потому еще более желанных девушек. Именно в этом возрасте женщина представляла наибольший интерес для мужского пола. Девушки наслаждались этим повышенным вниманием, вызванным их особым положением, и, конечно, они испытывали неменьший интерес к противоположному полу, однако, помня о своем особом статусе, не показывали этого открыто. Большую часть времени они проводили в палатке или у изгороди, украдкой разглядывая и оценивая многочисленных мужчин, которые прохаживались за изгородью с нарочито небрежным видом, стараясь показать, что забрели сюда по чистой случайности.

Такой взаимный интерес был вполне естествен, и впоследствии молодые мужчины могли основать очаг с любой из этих девушек, однако они не могли быть избраны для проведения важного ритуала Посвящения в женщины. Девушки вместе со своими взрослыми наставницами, которые жили с ними на Девичьей стоянке, выбирали возможных участников ритуала среди более взрослых и опытных мужчин. И обычно, прежде чем принять окончательное решение, вопрос выбора в частном порядке согласовывался с предполагаемыми избранниками.

За день до ритуала группа девушек, живущих на изолированной стоянке, – бывали годы, когда девушек оказывалось слишком много, и тогда для них устанавливали две или три палатки, – могла выйти за

пределы своей территории. Если они встретили мужчину, с которым хотели провести эту ночь, то окружали его плотным кольцом, из которого мало кому удавалось выбраться. Девушки требовали, чтобы эти «плененные» мужчины следовали вместе с ними, и редко кто отказывался от такого приятного требования. Ближе к ночи, после некоторых подготовительных обрядов, все они должны были собраться в затемненной палатке и на ощупь объединиться в пары; в эту ритуальную ночь девушки становились женщинами, познавали особенности противоположного пола и учились делить дары Радости. Как девушкам, так и мужчинам не полагалось знать, с кем они совокуплялись во время ритуала, хотя в действительности это ни для кого не оставалось тайной. Наставницы наблюдали за прохождением ритуала, чтобы предотвратить поспешность и грубость или посоветовать что-то в тех редких случаях, когда возникала такая необходимость. Если по каким-либо причинам девушке не удавалось стать женщиной, для нее устраивали более спокойную вторую ритуальную ночь, не обсуждая открыто причин такого случая и не обвиняя никого из участников ритуала.

Ни Дануг, ни Друвец не могли быть приглашены в палатку, где жила сейчас Лэти, по двум причинам. Во-первых, они приходились ей очень близкими родственниками, а во-вторых, сами были еще слишком молоды. Женщины, прошедшие ритуал Первой Радости в прошлом году, в частности те, кто еще не имел детей, могли стать избранными служительницами Великой Матери, именно они помогали юношам научиться делить дары Радости. Эти женщины получали такое почетное право на целый сезон после особого ритуала – их можно было узнать по пяткам, натертым красной охрой, которую не полагалось смывать, но, как правило, она сама стиралась со временем. Многие из них также могли повязать красную кожаную ленту чуть выше локтя, на запястье или на лодыжку.

Хотя некоторое поддразнивание и заигрывание было неизбежно, женщины очень серьезно относились к этому. Понимая как естественную робость, присущую юности, так и побудительную силу, поражающую нетерпение, они учитывали особенности молодого мужчины и учили его мягко и нежно познавать женщину, чтобы в дальнейшем его могли избрать для участия в ритуале Первой Радости, после которого женщина могла зачать ребенка. Воспитание,

проводимое этими женщинами-наставницами, высоко оценивалось Великой Мут, и Она щедро одаривала многих из них. Даже те женщины, во чреве которых еще не зарождалась новая жизнь, хотя они уже давно вступили в пору женской зрелости, зачастую бывали беременными к концу сезона.

После юных девушек эти женщины с красными пятками были самыми притягательными для мужчин всех возрастов. Ничто не могло так быстро воспламенить чувства мужчины мамутой, как мелькание красных пяток проходящей мимо женщины; и, зная это, некоторые женщины специально слегка подкрашивали свои ступни таким же цветом, чтобы стать более привлекательными. Избранная женщина-наставница могла выбрать любого мужчину, хотя основным ее занятием было воспитание юношей, поэтому любой зрелый мужчина, которому удалось убедить ее разделить с ним дары Радости, испытывал чувство особой гордости.

Мамут и Эйла остановились неподалеку от ритуальной Девичьей стоянки. На первый взгляд это была обычная стоянка с палаткой посреди жилой площадки. Отличие, как заметила Эйла, состояло в том, что все люди здесь имели татуировки. У одних, как у старого Мамута, был только простой синий рисунок на правой скуле, напоминавший вертикальный ряд из трех или четырех галок, летящих вниз. Они напомнили ей также ряды нижних челюстей мамонта, которые использовались в конструкции жилища Винкавека. Но некоторые женщины и большинство мужчин имели куда более причудливые татуировки. Такая раскраска могла включать в себя тех же галок, треугольники, зигзаги, ромбы и прямоугольные спирали как красных, так и синих оттенков.

Эйла порадовалась, что до прибытия на Летний сход они зашли на Мамонтовую стоянку. Она представляла себе, как могла бы быть потрясена этими раскрашенными лицами, если бы до этого не встретила Винкавека. При всей завораживающей сложности татуировок этих людей ни одна из них не могла соперничать с его причудливой раскраской.

Вход в палатку был открыт, и Мамут, подойдя к нему, слегка подергал край кожаного занавеса. Эйла стояла за его спиной и пристально вглядывалась в сумрачную глубину палатки, пытаясь не привлекать внимания тех, кто находился снаружи, а они, в свою

очередь, также старались показать, что не особенно интересуются ею. Безусловно, они горели желанием побольше узнать об этой молодой женщине, которую Мамут не только приобщил к тайной магии, но и удочерил. По слухам, она происходила из какого-то другого племени, даже не родственного племени мамутой. Но в общем-то, никто не знал, откуда она пришла.

Многие из них сочли, что просто обязаны дойти до Рогожной стоянки и взглянуть на удивительных лошадей и волка, и, хотя они и скрывали это, их действительно удивило и потрясло поведение животных. Какая сила сделала жеребца таким послушным? И почему кобыла стоит почти спокойно, когда вокруг столько народа, а главное, рядом с волком? И почему этот волк так дружелюбно относится к обитателям Львиной стоянки? По отношению к другим людям он ведет себя как настоящий волк. Никого к себе не подпускает, охраняет стоянку от незваных гостей, и, судя по разговорам, он даже атаковал Чалега.

Старик жестом пригласил Эйлу следовать за ним. Войдя в палатку, они оба сели возле большого очажного круга, хотя сейчас в нем горел лишь маленький костерок с того края, где напротив них сидела женщина. Эта женщина была очень грузной. Эйла никогда не видела таких толстух и с удивлением подумала, как же ей удалось дойти сюда на место сбора.

– Ломи, я хочу познакомить тебя со своей дочерью, – сказал Мамут.

– Я как раз размышляла, когда ты зайдешь ко мне, – ответила Ломи.

Не сказав больше ни слова, она с помощью палочек вытащила из огня раскаленный докрасна камень. Затем развернула пакет с травами и, насыпав немного листьев на камень, склонилась к нему, чтобы подышать поднимающимся вверх дымком. Эйла почувствовала запах шалфея, к которому примешивались более слабые ароматы коровяка и лобелии. Повнимательнее приглядевшись к женщине, она отметила, что ее тяжелое, сиплое дыхание постепенно стало более легким, и поняла, что та страдает болезнью легких.

– А ты не пробовала принимать также сироп от кашля с медом и коровяком? – спросила ее Эйла. – Такая микстура часто хорошо помогает.

Она понимала, что ей не следует первой начинать разговор, тем более что ее еще даже не представили, но ей хотелось как-то помочь этой женщине, и этим она оправдывала свой поступок. Ломи, вскинув голову от удивления, взглянула на эту молодую светловолосую женщину с заметно усилившимся интересом. В прищуренных глазах Мамута промелькнул огонек легкой усмешки.

– Она что, к тому же еще и целительница? – спросила Мамута Ломи.

– И очень искусная... Вряд ли кто-то из наших окажется лучше, чем она, даже ты, Ломи.

Ломи знала, что это не пустые слова. Старый Мамут с большим уважением относился к ее искусству.

– А я-то думала, Мамут, что ты просто удочерил молодую красотку, чтобы она скрасила твои последние годы.

– Однако так оно и получилось, Ломи. Благодаря ей этой зимой меня гораздо меньше мучили боли в суставах, да и прочие старческие недомогания, – сказал он.

– Я рада слышать, что за ее миловидной внешностью скрывается нечто большее. Хотя странно, ведь она еще так молода.

Наконец Ломи перевела взгляд на Эйлу:

– Итак, тебя зовут Эйла.

– Да, я – Эйла, дочь очага Мамонта Львиной стоянки племени мамутой... охраняемая Пещерным Львом, – добавила она после небольшой паузы, вспомнив наставления Мамута.

– Эйла из племени мамутой... Гм... Звучит странно, но, видимо, в этом виноват твой голос. Хотя он довольно приятный. Однако произношение непривычное. Это очень заметно. Я – Ломи, Мамут Волчьей стоянки и целительница из племени мамутой.

– Главная целительница, – вставил Мамут.

– Как я могу быть Главной целительницей, старый Мамут, если она равна мне!

– Я не говорил, что она равна тебе, Ломи. Но имел в виду, что среди вас ей нет равных. Ее судьба очень необычная. Она училась... у человека, обладающего огромным запасом знаний в определенной области лекарского искусства. Смогла бы ты с ходу определить слабый запах коровяка в густом шалфейном аромате, если бы не знала, что за

травы дымятся на камне? Да и кто мог бы сразу распознать, от какой болезни ты лечишься?

Ломи неуверенно начала было что-то отвечать, но умолкла, так и не закончив фразу. Мамут продолжал:

– Думаю, ей достаточно было взглянуть на тебя, чтобы понять это. Она обладает редким даром определения болезней и знает множество удивительных снадобий и способов помочь, но, с другой стороны, ей не хватает знаний именно в той области, которую ты знаешь лучше всех целительниц. Ты лучше всех умеешь выявить и устранить проблемы, порожденные болезнью, и помочь человеку обрести силы для выздоровления. Она многому может научиться у тебя, и надеюсь, ты согласишься подучить ее, но я также считаю, что ты тоже многому можешь научиться у нее.

Ломи повернулась к Эйле:

– И ты действительно хочешь этого?

– Да, очень хочу.

– Если ты уже обладаешь такими обширными знаниями, то чему же я смогу научить тебя?

– Клан посвятил меня в целительницы... И я должна помогать людям. Это мое призвание. Меня воспитывала одна женщина... она принадлежала к роду лучших целительниц. И она с самого начала объяснила мне, что учиться надо всегда, постоянно пытаюсь узнать что-то новое. Я была бы очень рада поучиться у вас, – сказала Эйла.

Ее искренность была неподдельной. Ей не терпелось поговорить с кем-то, поделиться своими мыслями, обсудить свои способы лечения и узнать новые. Ломи задумчиво молчала. «Клан?.. Где-то я слышала об этом прежде. Никак не могу вспомнить...» Она отогнала эти мысли, решив, что, возможно, все прояснится само собой.

– Эйла приготовила для тебя подарок, – сказал Мамут. – Можешь позвать кого-то, если хочешь, но потом мы опустим входной занавес.

Люди начали заполнять палатку. Одни проходили к очагу, продолжая свои разговоры, другие останавливались у входа. Вскоре все собрались внутри. Никому не хотелось пропустить такое событие. Когда они расселись вокруг очага и полог был опущен и закреплен с помощью завязок, Мамут взял горсть земли с рисовальной горки и погасил маленький костерок, однако яркий дневной свет все же слегка освещал палатку. Его лучи проникали как сквозь дымовое отверстие,

так и сквозь тонкие кожаные стены. Конечно, в этой тускло освещенной палатке не получится такого же потрясающего представления, как в темном земляном жилище, однако все мамуты должны и так оценить его возможности.

Эйла отвязала от пояса кожаный мешочек, сделанный Барзеком по просьбе самой Эйлы и Мамута, и достала оттуда пучок сухой травы, огненный камень и кремень. Когда все было подготовлено, Эйла помедлила, впервые за множество лунных циклов мысленно обращаясь к своему тотему. Она не просила ни о чем особенном, просто ей хотелось высечь яркие, впечатляющие искры, чтобы добиться желаемого Мамутом воздействия. Затем она взяла кремень и резко ударила им по куску железного колчедана. Искристый огонек сразу погас, но его было хорошо видно даже в полутемной палатке. Эйла нанесла второй удар, и на этот раз искра упала на хворост, и вскоре костерок в очаге запылал с новой силой.

Совершая обряды, мамуты обычно всегда стремились достичь наибольшего зрительного эффекта и были сведущими в такого рода хитростях. Они гордились собственными знаниями и пониманием того, как создавались подобные представления. Их трудно было чем-то удивить, однако огненный трюк Эйлы на некоторое время лишил их дара речи.

– Магия заключена в самом огненном камне, – сказал старый Мамут, когда Эйла, сложив камни в мешочек, передала его Ломи. Затем тон и сила его голоса заметно изменились: – Но Эйле открылось знание того, как извлечь огонь из этого камня. Мне даже не было необходимости удочерять ее, Ломи. Она была рождена для Мамонтового очага, избрана Великой Матерью. Ей не оставалось ничего другого, как только следовать по пути, предназначенному судьбой, и теперь я знаю, что наши пути должны были пересечься. Я знаю, почему мне суждена была такая долгая жизнь.

Его слова вызвали у всех присутствующих в палатке Мамонтового очага такое сильное внутреннее потрясение, что даже волосы на их головах слегка зашевелились. Он коснулся того сокровенного таинства, того глубинного призвания, которое в определенной степени ощутил каждый шаман, и это не имело ничего общего с поверхностным трюком или случайными непристойными шутками. Старый Мамут был своего рода феноменом. Само его существование было чем-то

сверхъестественным. Никто не жил так долго. Даже его имя стерлось в чередѣ бесконечных лет. Каждый человек в этой палатке был мамутом, шаманом своей стоянки, но его называли просто Мамут, поскольку его имя и призвание стали единым целым. Никто не сомневался, что существует особая причина для такого долголетия. И если он сказал, что эта причина связана с Эйлой, то, значит, и она причастна к тем сокровенным и необъяснимым таинствам жизни и окружающего мира, которые стремились постичь все мамуты.

Покидая палатку вместе с Мамутом, Эйла испытала глубокое смятение. Она также почувствовала трепетную дрожь, когда Мамут заговорил о ее предназначении, однако ей не хотелось считать себя объектом такого пристального внимания неких потусторонних сил. Ее пугали все эти разговоры о судьбе. Она считала себя такой же, как все люди, и не хотела отличаться от них какими-то особенными качествами. Точно так же ей не нравилось, когда окружающие обращали внимание на особенности ее произношения. На Львиной стоянке уже давно не замечали этого. И Эйла уже забыла, что некоторые слова ей не удастся произнести правильно, как бы она ни старалась.

– Эйла! Вот ты где. Я везде искал тебя.

Посмотрев вперед, она встретила горящий взгляд черных глаз и широкую сияющую улыбку темнокожего мужчины, с которым была помолвлена. Она улыбнулась в ответ, обрадовавшись его появлению. Именно он мог сейчас отвлечь ее от тревожных мыслей. Эйла повернулась к Мамуту, чтобы выяснить, каковы их дальнейшие планы. Он с улыбкой сказал, что она может пойти погулять с Ранekom по стоянке.

– Я хочу познакомить тебя с нашими резчиками. Среди них есть настоящие мастера, – сказал Ранек и, обняв ее за талию, повел к одной из палаток. – Наши мастера обычно располагаются по соседству с Мамонтовым очагом. Там собираются не только резчики, но и другие мастера.

Он был сильно взволнован, и Эйла поняла, что такое же волнение она сама испытывала, узнав, что Ломи принадлежит к роду целительниц. Конечно, между ними могло быть определенное соперничество, когда дело касалось способностей или достигнутого статуса, однако только они могли понять и по достоинству оценить все

нюансы ремесла или мастерства. Только с другой целительницей можно было бы обсудить, например, что лучше помогает от кашля, сравнивая достоинства коровяка и грушанки, и Эйле очень не хватало такого рода общения. Она видела, что Джондалар, Уимез и Дануг могут целыми днями обсуждать методы изготовления орудий или качество кремня, и понимала, что Ранеку так же интересно общаться с людьми, занимающимися резьбой по кости.

Когда они пересекали расчищенную поляну, Эйла заметила Дануга и Друзеца, которые вместе с другими юношами нервно посмеивались и смущенно краснели, разговаривая с одной из красноногих женщин. Оглянувшись, Дануг увидел Эйлу и Ранека, улыбнулся и вдруг, быстро извинившись перед собеседниками, побежал к ним навстречу по утоптанной суховатой траве. Они остановились, поджидая его.

– Эйла, я видел, как ты разговаривала с Лэти, и хотел познакомиться с тобой моих друзей, но нам нельзя близко подходить к стоянке Хохотушек... ой, нет, я не так хотел сказать...

Дануг смущенно покраснел и умолк, осознав, что у него случайно вырвалось прозвище, которое юноши дали этой запретной для них стоянке.

– Все верно, Дануг, не смущайся. Они действительно большие хохотушки.

– Да нет, конечно, в этом нет ничего плохого, – успокоенно пробубнил этот высокий и плечистый молодой мужчина. – А вы не торопитесь? Может быть, я познакомлю тебя с ними прямо сейчас?

Эйла вопросительно взглянула на Ранека.

– Я как раз тоже собирался познакомиться ее с моими друзьями, – сказал Ранек. – Но мы не спешим. Раз уж ты перехватил нас, то давай поздороваемся сначала с твоими приятелями.

Они вернулись немного назад, к группе молодых людей, по-прежнему разговаривающих с красноногой женщиной.

– Мне тоже хотелось познакомиться с тобой, Эйла, – сказала эта женщина, после того как Дануг представил Эйлу всей компании. – Ты привлекла всеобщее внимание, никто не может понять, из каких краев ты пришла и почему животные слушаются тебя. Ты настолько загадочная женщина, что, я уверена, разговоры о тебе не утихнут еще много лет. – Улыбнувшись, она лукаво подмигнула Эйле. – Послушай

моего совета. Не рассказывай никому, где ты жила раньше. Пусть помучаются в догадках. Так будет гораздо забавнее.

Ранек рассмеялся.

– Возможно, она права, Эйла, – сказал он. – А не расскажешь ли ты, Майги, почему тебе выкрасили ступни в этом году?

– После того как мы с Заканеном поняли, что не подходим друг другу и наш очаг распался, мне не хотелось оставаться на его стоянке, однако я также пока не уверена, хочется ли мне возвращаться на стоянку моей матери. Поэтому мне показалось, что в этом сезоне я могу посвятить себя этому почетному занятию. Ведь теперь у меня есть время и место для раздумий, и если Великая Мать наградит меня за это ребенком, то все будет как нельзя лучше. Ой, кстати, о детях... Ранек, ты знаешь, что Мать подарила еще одной женщине ребенка твоего духа? Ты помнишь Треси, дочь Марли? Ту, что живет здесь, на Волчьей стоянке? В прошлом году ее выбрали в наставницы, и она тоже ходила с красными пятками. Весной у нее родился мальчик. Та девочка, что родилась у Торали, была такой же темной, как и ты, но этот мальчик совсем другой. Я видела его. Кожа у него светлая, и волосы рыжие, даже светлее, чем у Треси, но лицом малыш – Ралев, так она назвала его, – очень похож на тебя. Такой же нос и глаза – в общем, вылитый ты.

На губах Эйлы заиграла одна из ее замечательных улыбок, она взглянула на Ранека и заметила, что цвет его лица заметно изменился. «Как он смутился, – подумала она, – однако это заметно только тем, кто хорошо его знает. Я уверена, он отлично помнит Треси».

– Мне кажется, нам пора идти, Эйла, – приобняв ее за талию, произнес Ранек, словно ему не терпелось ускользнуть от этого разговора. Но она явно не спешила покинуть эту компанию.

– Майги, меня очень заинтересовал твой рассказ. И я надеюсь, что вскоре нам удастся продолжить разговор, – сказала Эйла и обернулась к сыну Неззи: – Дануг, я рада, что ты предложил мне познакомиться с твоими друзьями. – Она одарила его и Друвеца одной из самых своих красивых и пленительных улыбок. – И я счастлива, что познакомилась с вами, – добавила она, пробежав взглядом по всем молодым людям, стоявшим вокруг нее. Затем она позволила Ранеку увести себя.

Проводив ее долгим взглядом, Дануг глубоко вздохнул.

– Как бы мне хотелось, чтобы Эйла в этом сезоне тоже покрасила ступни красной охрой и стала нашей наставницей, – сказал он, и его друзья явно одобрительно отнеслись к такому желанию.

Когда Ранек и Эйла проходили мимо большого жилища, с трех сторон окруженного утоптанной площадкой, она услышала, что оттуда доносится барабанный бой и звуки других, неизвестных ей инструментов. Эйла с интересом посмотрела на входной проем, но он был закрыт. Они уже повернули на тропу, ведущую к следующей стоянке, расположенной на краю поляны, но здесь их подстерегала очередная неожиданность.

– Ранек, неужели ты все-таки прибыл вместе с Львиной стоянкой? – громко сказала шедшая навстречу женщина. Она была ниже среднего роста, ее белая кожа, чуть порозовевшая от загара, была густо усыпана веснушками; карие глаза с золотисто-зеленоватым отливом пылали гневом. – Значит, ты по-прежнему жив и здоров. Когда ты не зашел на нашу стоянку, чтобы поздороваться со мной, я подумала, что ты утонул в реке или тебя растоптало стадо бизонов, – добавила она ядовитым тоном.

– Треси! Ну что ты... Я просто... Ну конечно, я собирался... но... Нам надо было ставить палатку... – сказал Ранек.

Эйла даже не представляла себе, что этот словоохотливый и остроумный мужчина может быть таким косноязычным. Оттенок его лица сейчас наверняка был бы таким же красным, как ступни Майги, если бы не темный цвет кожи.

– По-моему, тебе не терпится познакомить меня с твоей спутницей, Ранек, – саркастически заметила женщина.

Было очевидно, что она очень расстроена.

– Да-да, – сказал Ранек. – Я хотел познакомить вас. Эйла, это Треси... э-э... моя давняя подруга.

– Мне хотелось кое-что показать тебе, Ранек, – грубо сказала Треси, намеренно игнорируя его слова. – Но я думаю, теперь в этом нет никакого смысла. Мне казалось, что в этом году должна состояться наша помолвка, да, видимо, не следовало особенно доверять твоим обещаниям. Полагаю, это та женщина, с которой ты хочешь соединиться этим летом на Празднике Брачного ритуала.

Судя по голосу, она была не только рассержена, но и очень обижена.

Эйла сочувствовала этой молодой женщине, догадываясь о причине ее огорчения, однако не знала, как лучше поступить в такой трудной ситуации. Наконец она решила прервать затянувшуюся паузу и, сделав шаг навстречу Треси, в знак приветствия протянула обе руки:

– Треси, я Эйла, дочь очага Мамонта Львиной стоянки племени мамутой, хранимая духом Пещерного Льва.

Это официальное представление напомнило Треси, что она дочь вождя Волчьей стоянки и что этим летом они принимают гостей. Это накладывало на нее определенные обязанности.

– Во имя Мут, Великой Матери, Волчья стоянка приветствует тебя, Эйла из племени мамутой, – сказала она.

– Насколько я понимаю, Марли – твоя мать.

– Да, я дочь Марли.

– Меня уже познакомили с ней. Она замечательная женщина. Я рада познакомиться с тобой.

Услышав облегченный вздох Ранека, она оглянулась на него через плечо и заметила Диги, направляющуюся к дому, из которого доносился барабанный бой. Эйле вдруг пришло в голову, что Ранеку надо выяснить свои отношения с Треси, и она решила оставить их наедине.

– Ранек, извини. Я вспомнила, что мне надо срочно поговорить с Диги, – как хорошо, что она как раз оказалась поблизости. Ты познакомишь меня с резчиками немного позже, – сказала Эйла и быстро пошла навстречу подруге.

Потрясенный этим внезапным бегством, Ранек озадаченно смотрел вслед Эйле и вдруг осознал, что остался наедине с Треси и ему предстоит объясниться с ней, хочет он того или нет. Он смущенно взглянул на эту разгневанную и одновременно такую беззащитную миловидную молодую женщину, которая выжидающе смотрела на него. В прошлом сезоне она была одной из наставниц, и наряду с красными ступнями особое очарование придавали ей огненно-рыжие волосы удивительно яркого оттенка. Кроме того, она была искусной мастерицей. Ему очень понравилось качество ее изделий. Сплетенные ею корзины отличались изящными узорами, и замечательная циновка, что покрывала пол его очага, была сделана ее руками. Но она так серьезно относилась к своим обязанностям наставницы, что поначалу всячески избегала общения со взрослыми мужчинами. Однако ее недоступность только разожгла желание Ранека.

Конечно, официально они не были помолвлены. Но, по правде говоря, он серьезно намеревался сделать ей предложение и сделал бы его, если бы Треси не исполняла роль наставницы. Именно она отказалась от официальной помолвки, боясь, что Мут разгневется и лишит ее благословения. Ранек подумал, что Великая Мать совсем не разгневалась, ведь Она одарила Треси ребенком его духа. Он подозревал, что именно об этом и упомянула Треси; очевидно, она хотела показать ему, что у нее уже есть ребенок, который может повысить статус их очага, и, кроме того, порадовать его тем, что это был ребенок его духа. И Треси была бы для него самой желанной женщиной, если бы он не полюбил Эйлу. Ему даже подумалось, что он с удовольствием сделал бы предложение им обоим, хотя пока у него не было возможности собрать два Брачных выкупа, и, кроме того, сейчас он уже ничего не мог изменить, поскольку сделал свой выбор. Мысль о том, что Эйла может покинуть его, вызвала у Ранека ощущение настоящего ужаса. В своей жизни он встречал много замечательных женщин, но ни одна из них не была такой желанной, как она.

Окликнув Диги, Эйла быстро догнала ее и пошла рядом с ней.

– Вижу, ты уже успела познакомиться с Треси, – заметила Диги.

– Да, но мне показалось, что ей надо поговорить с Ранеком, поэтому я очень обрадовалась, увидев тебя. У меня появился повод оставить их наедине друг с другом, – сказала Эйла.

– Конечно же, ей хотелось поговорить с ним. В прошлом году все были уверены, что они объявят о своей помолвке.

– А ты знаешь, что у нее родился ребенок? Мальчик.

– Правда? Нет, я не знала. Хотя, конечно, у меня столько знакомых, что я едва успела поздороваться со всеми, и никто не упоминал об этом. Что ж, если Мут уже благословила ее ребенком, то теперь ее Брачный выкуп будет значительно выше. А кто сообщил тебе эту новость?

– Майги, одна из наставниц с красными пятками. Она сказала, что этот мальчик был зачат от духа Ранека.

– О, его дух так и витает над нами! Среди мамутои уже есть парочка детей, очень похожих на него. Дух других мужчин проявляется не так явно, как его. Детей его духа всегда выдает темный цвет кожи, – сказала Диги.

– Майги говорила, что у этого малыша светлая кожа и рыжие волосы, но лицом он вылитый Ранек.

– Надо же, как интересно! Думаю, надо будет навестить сегодня Треси, – с улыбкой сказала Диги. – Ведь наши матери – вожди стоянок, и мне следует пойти к ней, тем более что Волчья стоянка в этом году принимает гостей. Если хочешь, мы можем сходить к ней вместе.

– Даже не знаю... А впрочем, хорошо, давай сходим, – согласилась Эйла.

Они подошли к сводчатому входному проему земляного дома, из которого по-прежнему доносились странные звуки.

– Я собиралась зайти сюда, в наш Дом музыки. Думаю, тебе там понравится, – сказала Диги, подергав за край кожаного занавеса.

Они остановились, ожидая, когда кто-нибудь из музыкантов подойдет ко входу, чтобы развязать этот занавес, и у Эйлы появилась возможность окинуть взглядом окружающую территорию.

К юго-востоку от входа высилась стена из семи мамонтовых черепов и других больших костей, заполненных плотно утрамбованной глиной. Эйла подумала, что это сооружение, по всей вероятности, служит для защиты от сильного ветра, который может налететь со стороны реки, поскольку с других сторон каньон, где расположились стоянки, был надежно защищен крутыми склонами. Оглянувшись на северо-восток, она насчитала четыре больших очажных круга и две сразу заметные рабочие площадки. На одной из них, очевидно, работали резчики, изготавливая орудия и другие изделия из кости и бивня мамонта, а на другой, похоже, занимались в основном обработкой кремня, добытого из близлежащего месторождения. Эйла увидела там Джондалара, Уимеза и еще несколько мужчин и женщин, которые, судя по всему, тоже занимались изготовлением каменных орудий. Она могла бы догадаться, что обнаружит его именно в этой мастерской.

Входной занавес приоткрылся, и Диги кивнула Эйле, приглашая войти внутрь, однако вышедшая из дома женщина остановила их.

– Диги, разве ты не знаешь, что мы не пускаем сюда посторонних? – сказала она. – Ведь у нас репетиция.

– Но, Кули, она же дочь Мамонтового очага, – удивленно сказала Диги.

– А где ее татуировки? Как она может быть Мамутом без татуировки?

– Это Эйла, дочь старого Мамута. Он признал ее дочерью Мамонтового очага.

– Да? Подождите немного, я все выясню.

Диги с нетерпением ждала возвращения Кули, досадуя на неожиданную задержку, но Эйла спокойно разглядывала земляное жилище, которое выглядело немного покосившимся и осевшим.

– Почему же ты сразу не сказала мне, что она имеет власть над животными? – вновь появляясь у входа, сказала Кули. – Заходите.

– Тебе следовало знать, что я никогда не приведу сюда посторонних, – заметила Диги.

Внутреннее помещение оказалось довольно светлым, дымовое отверстие было немного больше обычного и хорошо пропускало свет, однако это стало понятным, только когда глаза вошедших привыкли к этому освещению после яркого солнечного света. Сначала Эйла подумала, что Диги разговаривает с девочкой-подростком. Но, приглядевшись, поняла, что Кули несколько старше, – вероятно, она была ровесницей ее высокой и крепкой подруги. Такое ошибочное впечатление создавалось из-за значительной разницы между этими двумя женщинами. Маленькая и очень стройная, Кули казалась таким хрупким созданием рядом с Диги, что ее немудрено было принять за ребенка, однако ее плавные и гибкие движения свидетельствовали об уверенности и женской зрелости.

Снаружи это жилище выглядело большим, но внутреннее помещение оказалось меньше, чем Эйла себе представляла. Высота сводчатого потолка была ниже, чем обычно, и половину удобного для жилья пространства загромождали четыре мамонтовых черепа, установленные лобной частью вниз и частично вкопанные в землю. В отверстия от бивней были вставлены жерди, которые поддерживали этот слегка покосившийся и осевший свод. Оглянувшись вокруг, Эйла внезапно поняла, что этот дом далеко не новый. Деревянные опоры и соломенные перекрытия посерели от времени. Необычность этого жилья подчеркивалась отсутствием хозяйственной утвари и кухонных очагов. Эйла заметила лишь один маленький очажный круг. Пол был чисто выметен, и на земле виднелись темные зольные пятна, оставшиеся от прежних больших очагов.

Между опорными столбами были натянуты веревки, и на них были закреплены кожаные завесы, которые давали возможность

формирования отдельных помещений. На этих веревках и крючках опор Эйла также увидела множество на редкость необычных вещей и украшений. Красочные наряды, странные, причудливо украшенные головные уборы, бусы из бивня мамонта и морских ракушек, подвески из кости и янтаря и некоторые другие вещи, назначение которых казалось совершенно непонятным.

В помещении было не слишком многолюдно. Небольшая группа сидела возле костерка, потягивая чай, еще двое, расположившись в полосе света, проникавшего через дымоход, шили какую-то одежду. Слева от входа пол был покрыт циновками, на которых также сидели или стояли на коленях несколько человек возле больших мамонтовых костей, разрисованных красными линиями и зигзагами. Эйла узнала ножные и тазовые кости, лопатку, две нижние челюсти и череп. Все обитатели дома тепло приветствовали вошедших молодых женщин, но Эйла поняла, что они прервали какое-то занятие. Люди вопросительно поглядывали на них, словно хотели выяснить, зачем они пришли.

– Вы можете спокойно репетировать дальше, – сказала Диги. – Я собиралась просто познакомить вас с Эйлой, но нам не хочется мешать вам. Мы с удовольствием подождем, пока вы закончите репетицию.

Музыканты взяли за свои инструменты, а Диги и Эйла присели рядом с ними на циновки. Женщина, стоявшая на коленях перед массивной бедренной костью, начала выбивать четкий и размеренный ритм молоточком, вырезанным из оленьего рога, однако извлекаемые ею звуки заметно отличались друг от друга. Возможно, высота и качество звуков изменялись в зависимости от того, в каком месте этого костяного инструмента был нанесен удар, и в результате получалась звучная мелодия. Внимательно следя за женщиной, Эйла пыталась понять, почему же изменяется тембр звучания.

Эта бедренная кость, длина которой была около тридцати дюймов, лежала не на земле, а на двух невысоких подставках. Эпифиз верхнего конца кости был отрезан, и естественный внутренний канал расширен посредством частичного удаления пористого заполнения. На верхнюю горизонтальную поверхность инструмента был нанесен равномерный ряд бордовых зигзагообразных линий; подобным узором мамутой украшали почти все свои изделия, начиная с обуви и кончая стенами домов, однако в данном случае назначение этого узора не исчерпывалось декоративной или символической функцией.

Понаблюдав за игрой женщины, Эйла убедилась, что высота звука определяется тем, между какими линиями нанесен удар.

Эйла уже привыкла к звучанию черепных барабанов и лопатки мамонта, там тоже были определенные звуковысотные изменения. Однако ей не приходилось слышать, чтобы бедренная кость порождала целую гамму звуков. Эти люди, судя по всему, полагали, что у нее есть некий магический дар, но Эйла считала, что ее способности не идут ни в какое сравнение с магией этой музыки. Вскоре к игре подключился мужчина. Подобно Торнеку, он начал постукивать роговым молоточком по лопатке мамонта. Звучание этого инструмента было иным как по тембру, так и по высоте, однако эти более резкие глуховатые звуки дополняли и украшали мелодию, которую играла женщина на бедренной кости.

Большая лопаточная кость имела форму, близкую к треугольнику, высота которого приблизительно равнялась двадцати пяти, а основание – двадцати дюймам. Этот инструмент стоял на земле в вертикальном положении, и мужчина поддерживал его за верхнюю узкую часть, напоминавшую шейку. Поверхность лопатки также была украшена параллельными зигзагообразными линиями, нанесенными ярко-красной краской. Ширина этих линий и промежутков между ними была не больше ширины мизинца, и все они имели совершенно прямые и ровные контуры. Поскольку чаще всего удары наносились ближе к середине широкой нижней части, то линии там были полустерты и поверхность блестела, как отполированная.

Вскоре все музыканты этого своеобразного оркестра заиграли на своих мамонтовых костях, и Эйла невольно затаила дыхание. Поначалу она просто слушала музыку, потрясенная многоголосьем этого костяного хора, однако постепенно ей удалось подметить особенности каждого инструмента.

Пожилой мужчина играл на нижней челюсти очень крупного мамонта, но вместо оленьего рога он использовал молоточек, вырезанный из верхнего конца мамонтового бивня, общая длина которого вместе с головкой была примерно двенадцать дюймов. Как и другие инструменты, эта нижняя челюсть была раскрашена, однако узор был нанесен лишь на правую, или верхнюю, половину. И только нижняя половина покоилась на земле, чтобы звуки, извлекаемые из верхней части, были более ясными и звонкими. Играя на этом

инструменте, музыкант иногда постукивал по зигзагообразным полосам, которые проходили как по внешнему краю, так и по челюстным углублениям, а иногда с усилием проводил молоточком по рифленой зубной поверхности, извлекая скрежещущие звуки.

На нижней челюсти более молодого животного играла женщина. Длина этого инструмента составляла порядка двадцати дюймов, а диаметр полукружия – около пятнадцати дюймов, и его правая половина также была покрыта зигзагообразными полосами. Благодаря глубокому отверстию – около двух дюймов в ширину и пяти дюймов в длину, – оставшемуся после спиливания зуба, этот инструмент издавал более высокие и звонкие звуки, имевшие красивый тембр.

Женщина, игравшая на лопаточной кости, также держала ее вертикально, поставив широкий конец на землю. Удары рогового молоточка приходились в основном на центральную часть кости, где был заметен легкий естественный прогиб. Извлекаемые из этой центральной полосы звуки были насыщенными и четко различались по высоте, а красные зигзагообразные полосы в этом месте почти стерлись.

Черепной барабан, на котором играл молодой человек, издавал хорошо знакомые Эйле сильные и звонкие звуки в низком регистре. Такой же красивый барабанный бой обычно получался у Диги и Мамута. Рабочая поверхность этого инструмента – верхняя часть черепа – была также разрисована, однако в данном случае использовался не зигзагообразный орнамент, а совершенно другой узор, состоящий из разветвленных линий, отдельных штрихов и точек.

Взяв четкий заключительный аккорд, музыканты закончили игру и перешли к обсуждению только что сыгранной мелодии. Диги присоединилась к ним, а Эйла просто слушала и, не вмешиваясь в разговор, пыталась самостоятельно понять смысл незнакомых терминов.

– Нашей игре пока не хватает согласованности и благозвучности, – сказала женщина, игравшая на инструменте из бедренной кости. – Я думаю, что перед танцем Кули мы можем ввести еще и духовую дудочку.

– Тари, я уверена, что вы сможете уговорить Барзека пропеть этот отрывок, – сказала Диги.

– Лучше он споеет нам чуть позже. Кули и Барзек одновременно – это уже перебор, они будут отвлекать внимание друг от друга. Нет, мне кажется, нашу музыку лучше всего дополнят пять тонов журавлиной дудочки. Манен, давай-ка попробуй сыграть эту мелодию, – попросила она мужчину с аккуратно подрезанной бородкой, который, покинув другую группу людей, присоединился к музыкантам.

Тари вновь заиграла уже знакомый по первому исполнению мотив. Эйла была счастлива, что ей разрешили присутствовать на репетиции, она даже не мечтала, что будет вот так спокойно сидеть и наслаждаться этим удивительным концертом. Слушая певучий голос духовой дудочки – своеобразной флейты, сделанной из полый ножной кости журавля, – Эйла вдруг вспомнила внушающий суеверный страх протяжный голос Урсуса, Великого Пещерного Медведя, который слышала на Сходбище клана. «Только Мог-ур умел издавать такой звук. Этот секрет он передавал лишь посвященным, правда, Мог-ур тоже подносил что-то ко рту. Должно быть, у него был подобный инструмент», – подумала Эйла.

Однако самое большое впечатление произвел на нее танец Кули. Сначала Эйла заметила, что на руках у нее были такие же браслеты, как у женщины из племени сангайи, исполнявшей ритуальный танец. Каждый браслет состоял из пяти тонких пластин, вырезанных из бивня мамонта, ширина которых была около полудюйма; пластины имели ромбовидную форму, и на них был выгравирован узор, напоминавший звезду с расходящимися из центра лучами. Когда все пять пластин соединялись вместе, то очертания браслета приобретали излюбленную зигзагообразную форму. Соединительная нить была пропущена через просверленные в пластинах маленькие отверстия, и в итоге танец сопровождался перестуком костяных браслетов.

Кули танцевала, стоя в основном на одном месте, иногда она медленно изгибалась, принимая самые невероятные позы, а иногда исполняла какие-то акробатические фигуры, отчего браслеты на ее руках громко брнчали. Эта сильная и гибкая женщина двигалась настолько плавно и грациозно, что казалось, будто любой сможет с легкостью выполнить такие движения, однако Эйла знала, что ей самой не под силу подобная акробатика. Совершенно очарованная этим представлением, она вдруг обнаружила, что издает какие-то восхищенные восклицания, подобные одобрителным комментариям, которыми мамутой обычно сопровождали любое красивое зрелище.

– Как вам удалось достичь такого мастерства? Это просто потрясающе! Все в целом. И музыка, и движения, и браслеты. Я никогда не видела более замечательного зрелища, – сказала Эйла.

Благодарные улыбки окружающих показали, что ее восхищение порадовало артистов.

Диги почувствовала, что время напряженной работы миновало, поскольку музыканты были вполне довольны последней репетицией. Сейчас можно было наконец отдохнуть и удовлетворить любопытство, поговорив с этой таинственной женщиной, которая появилась неизвестно откуда и стала членом племени мамутои. Пошевелив угли костра, в него подбросили дрова и кухонные камни, а в глубокую деревянную чашу налили воду для чая.

– Наверняка, Эйла, тебе доводилось слышать нечто подобное, – сказала Кули.

– Нет, никогда, – возразила Эйла.

– А помнишь, как мы играли на барабанах твою музыку? – сказала Диги.

– О, разве это музыка? Я лишь показала простые ритмы клана.

– Ритмы клана? – удивилась Тари. – А что собой представляют эти ритмы?

– Я выросла среди людей клана, – начала объяснять Эйла.

– По-моему, их простота обманчива, – прервала ее Диги, – на самом деле они пробуждают очень сильные чувства.

– А вы не можете показать их нам? – спросил молодой мужчина, игравший на черепном барабане.

– Как ты считаешь, Эйла, сможем? – Диги взглянула на Эйлу и добавила, обращаясь к остальным собеседникам: – Мы играли их всего пару раз.

– Наверное, сможем, – сказала Эйла.

– Отлично, – подхватила Диги. – Только нам надо придумать, как добиться приглушенного боя, звуки должны быть не звонкими, а глухими, напоминающими тяжелые удары по плотно утрамбованной земле. Было бы неплохо, если бы Эйла села за твой барабан, Марут.

– Мне кажется, вы можете обернуть этот молоточек куском кожи, тогда звук будет приглушенным, – сказала Тари, предлагая им сыграть на инструменте из бедренной кости.

Музыканты были заинтригованы. Всегда интересно узнать нечто новое, а именно это им и было обещано. Опустившись на циновку, Диги встала на колени перед инструментом Тари, а Эйла села, скрестив ноги, рядом с барабаном и, прислушиваясь к звучанию инструмента, сделала несколько пробных ударов. Затем Диги пробежалась завернутым в кожу молоточком по бедренной кости, чтобы Эйла помогла ей определить, в каком месте получается наиболее подходящий звук.

Когда они подготовились, Диги начала отбивать медленный равномерный ритм, по знаку Эйлы она слегка меняла частоту ударов, но высота звука всегда оставалась неизменной. Сосредоточенно прикрыв глаза, Эйла настроилась на этот устойчивый ритм и вскоре присоединилась к Диги. Тембр черепного барабана был слишком звонким для воспроизведения глухих звуков, оставшихся в памяти Эйлы. Конечно, очень сложно точно воспроизвести, например, сильный и резкий раскат грома; и сейчас эти сильные отрывистые удары напоминали, скорее, устойчивый глухой рокот, но в распоряжении Эйлы был только такой барабан. Вскоре равномерные удары Диги смешались с необычным контрапунктирующим ритмом, который казался случайным набором отрывистых звуков переменной длительности. Эти два ритма были настолько различны, что поначалу создалось впечатление, будто они совершенно не связаны между собой, однако более сильный удар Эйлы совпадал с каждым пятым ударом четкого ритма Диги, хотя казалось, что это чистая случайность.

Смешение таких разных ритмов создавало постоянно усиливающееся ощущение ожидания и даже смутное чувство тревоги перед непосредственным совпадением двух основных ударов, хотя все считали, что такое совпадение почти невозможно. Краткий миг облегчения сменился новой волной еще большего напряжения. И в тот момент, когда эта напряженность возросла до предела, эта странная музыка внезапно оборвалась, оставив общее ощущение некой незавершенности и щемящего чувства ожидания. Диги была удивлена не меньше других, услышав вдруг протяжные сочные звуки – подобные тем, что издает журавлиная дудочка, – и этот жутковатый голос невидимого инструмента вызвал у слушателей дрожь благоговейного страха. Ощущение присутствия некоей сверхъестественной

потусторонней силы осталось и после того, как затих этот своеобразный заключительный аккорд.

Все потрясенно молчали. Наконец, немного успокоившись, Тари сказала:

– Какая странная, ритмичная и захватывающая музыка.

Нескольким музыкантам не терпелось самим попробовать воспроизвести эти ритмы, и они попросили Эйлу показать их.

– А кто же подыграл вам в конце на дудочке? – спросила Тари, зная, что Манен, стоявший рядом с ней, не мог этого сделать.

– Никто, – усмехнувшись, сказала Диги, – это была не дудочка, а свист Эйлы.

– Свист? Надо же, я никогда не слышала подобного свиста.

– Эйла умеет подражать голосам разных животных, – сказала Диги. – Вы бы только послушали, какие птички трели она издает. Птицы так и слетаются на ее зов. Они спокойно приземляются рядом с ней и клюют зерна с ее ладони. По-моему, она может договориться практически с любым животным.

– Эйла, а ты не могла бы просвистеть нам что-нибудь на птичьем языке? – явно недоверчивым тоном спросила Тари.

Считая, что это место не слишком подходит для подобных выступлений, Эйла все же издала несколько птичьих трелей, которые, как и предполагала Диги, вызвали изумление у слушателей.

Эйла с благодарностью приняла предложение Кули, вызвавшей ее показать ей ритуальные облачения. Рассмотрев несколько нарядов и украшений, она с удивлением разглядывала маски, которые по незнанию приняла за странные головные уборы. Цветовая гамма большинства вещей сейчас казалась слишком кричащей и даже аляповатой, однако во время ночных представлений при свете факелов раскраска этих костюмов будет выглядеть вполне нормально. Одна из женщин, сидевших возле очага, растирала в деревянной чашке порошок красной охры, смешивая его с жиром. Эйла вздрогнула, вспомнив, как Креб натирал такой мазью тело Изы перед похоронами, но ей объяснили, что этот яркий грим предназначен для лиц и тел участников ночных представлений. Она также заметила еще две чаши, с угольно-черной и белой меловой краской.

Понаблюдав немного за мужчиной, который нашивал бусы на платье с помощью шила, Эйла вдруг подумала, насколько проще можно

было бы сделать это, вдев нитку в костяную иглу, но решила, что позже попросит Диги познакомить его с этим новшеством. Она и так привлекла слишком много внимания и поэтому испытывала чувство неловкости. Показав ей ожерелья и другие украшения, Кули приложила к ушам две подвески, сделанные из конических спиралевидных морских раковин.

– Как жаль, что у тебя не проколоты уши, – сказала она. – Эти сережки хорошо смотрелись бы на тебе.

– Да, они очень симпатичные, – согласилась Эйла, заметив, что у Кули проколоты не только уши, но и нос. Ей понравилась эта маленькая женщина, она искренне восхищалась ею и чувствовала, что между ними возникло взаимопонимание, которое могло бы перерасти в дружбу.

– Во всяком случае, тебе стоит подумать об этом. Ты можешь попросить Диги или Тули, чтобы они прокололи тебе дырочки в ушах. И еще, Эйла, тебе надо сделать татуировку. Тогда ты сможешь спокойно входить в любой дом, и никому не придется объяснять, что ты принадлежишь к очагу Мамонта.

– Но на самом-то деле я не Мамут, – возразила Эйла.

– Думаю, ты не права, Эйла. Я только не знаю, нужны ли в данном случае обряды, но уверена, что Ломи не будет возражать, если ты скажешь ей, что готова посвятить себя служению Великой Мут.

– Если бы я была в этом уверена...

– Может быть, тебе еще надо немного подумать. Но я чувствую, что это твое призвание.

Выходя вместе с Диги из Дома музыки, Эйла подумала, что приобщилась сейчас к чему-то очень важному и сокровенному, ей представилась возможность заглянуть на ритуальную «кухню», куда допускались только избранные. «В этом доме рождается некое таинство, – размышляла она. – Возможно, лишенное своей загадочной маски, оно вполне объяснимо, однако неискушенный зритель воспримет это костюмированное представление не иначе как сверхъестественное и магическое действие». Вновь оказавшись на свежем воздухе, Эйла взглянула в сторону кремневой мастерской, но Джондалара там уже не было.

Направляясь к выходу из каньона, подруги прошли по летнему лагерю, Диги хотелось выяснить расположение разных стоянок и

повидать знакомых и родственников. Три жилые стоянки скрывались за невысоким кустарником, входы их палаток были обращены к расчищенной общей поляне. У Эйлы возникло четкое ощущение, что эти стоянки чем-то отличаются от остальных, однако поначалу она никак не могла уловить, чем именно. Затем она подметила несколько характерных деталей. Вид у палаток был изрядно потрепанный и кособокий, в большинстве грубо выделанных шкур зияли дыры, хотя часть из них скрывалась под плохонькими заплатами. Сильный неприятный запах и жужжание мух привлекли ее внимание к гниющему куску мяса, валявшемуся между двумя палатками, и тогда она заметила, что вся эта площадка напоминает настоящую помойку. Эйла знала, что дети любят повозиться в грязи, однако с удивлением встретила заинтересованные взгляды чумазых ребяташек, игравших посреди этого развала. Похоже, их не мыли очень давно. Нечесанные волосы, перепачканные лица и грязная, почти черная от жира и сажи одежда. На всем здесь лежал отпечаток нищеты и запущенности.

Эйла заметила, что возле одной из этих палаток крутится Чалег. Случайно заметив ее, он немного растерялся, но в глазах его сверкнула жгучая ненависть. Это поразило Эйлу. Только Бруд смотрел на нее подобным взглядом. Чалег быстро овладел собой, но его фальшивая и злобная улыбочка была еще хуже, чем открытая ненависть.

– Давай-ка поскорее пойдём дальше, – сказала Диги, презрительно фыркнув. – Всегда полезно узнать места стоянок, чтобы понять, куда не стоит заглядывать.

Внезапно они услышали громкие крики и вопли ссорившихся детей. Из палатки выбежали двое: худенький подросток и девочка лет десяти-одиннадцати.

– Отдай! Отдай! Слышишь? Это моя игрушка! Отдай сейчас же! – вопила она, пытаясь догнать подростка.

– А ты сначала догони меня, сестричка, – дразнил ее мальчишка, размахивая какой-то штуковиной.

– Ты... Вот еще, как бы не так... Отдавай немедленно! – хныча, повторяла девочка, вновь устремляясь за ним вдогонку.

Улыбка мальчишки явно показывала, что он наслаждается, видя гнев и огорчение сестры, но, обернувшись в очередной раз, чтобы поддразнить ее, он не заметил выступающего из земли корня. Споткнувшись, он во весь рост растянулся на земле, и тогда девочка

набросилась на него с кулаками, стараясь как можно больнее ударить своего обидчика. Он тоже разозлился и так сильно ударил девочку по лицу, что у нее потекла кровь из носа. Рыдая, она колошматила его кулачками, разбив ему до крови губу.

– Помоги-ка мне, Эйла! – сказала Диги, склоняясь над катавшимися по земле детьми.

Пусть она не могла похвастаться недюжинной силой своей матери, но все-таки была рослой и сильной молодой женщиной, поэтому, когда Диги схватила за шиворот мальчишку, который как раз в этот момент торжествующе прижал к земле сестру, он послушно встал, не оказав никакого сопротивления. Эйла удерживала девочку, все еще норовившую ударить своего брата.

– Что за драку вы здесь затеяли? – строго спросила Диги. – Как же вам не стыдно так вести себя? Посмотрите, как вы отделали друг друга. А ведь вы – брат и сестра. Что ж, теперь вам придется пойти с нами. Надо рассудить это дело по справедливости, – сказала она, таща за руку упирающегося подростка. Эйла следовала за ней вместе с девочкой, безуспешно пытавшейся вырваться на свободу.

Они решительно вели за собой эту парочку, а проходившие мимо люди, увидев перепачканные кровью лица детей, пристраивались за ними. К тому времени, когда Диги и Эйла привели драчунов к одной из центральных стоянок лагеря, группа женщин уже ждала их перед входом, поскольку им уже стало известно об этом неприятном инциденте. Эйла поняла, что здесь собирается Совет Сестер, поскольку среди женщин она увидела Тули, Марли и Бреси, которые были вождями своих стоянок.

– Это она начала! – закричал мальчик.

– А он отнял мою... – заскулила девочка.

– Замолчите! – Голос Тули был громким и повелительным, глаза пылали яростью.

– Не существует оправданий для драки, для избиения человека, – сказала Марли так же гневно и твердо, как Тули. – Вы оба достаточно взрослые, чтобы знать об этом, и если вы пока не осознали это правило, то осознаете его сейчас. Принесите кожаные ремни!

Молодой мужчина зашел в один из ближайших домов, и вскоре появился Валец с несколькими кожаными ремнями. Девочка оцепенела от страха, а глаза мальчика испуганно расширились. Он резко дернулся

в сторону и, вырвавшись на свободу, пустился наутек, но Талут, шедший со стороны Рогожной стоянки, сделав пару стремительных шагов, схватил мальчишку за руку и привел обратно.

Эйла выглядела озабоченной. У обоих детей были ссадины и ранки, которые надо было обработать. А более всего ее волновало, что с ними собираются делать. В конце концов, они всего лишь дети.

Пока Талут держал мальчика, другой мужчина обвязал мальчика кожаными ремнями так, что его правая рука оказалась привязанной к боку. Такое ограничение свободы не мешало циркуляции крови, но лишало правую руку возможности двигаться. С девочкой поступили точно так же, и она плакала и причитала, пока ее правую руку привязывали к боку.

– Да... ведь он взял мою...

– Не имеет никакого значения, что он взял, – оборвала ее Тули.

– Существуют более подходящие пути решения таких конфликтов, – заявила Бреси. – Вы могли прийти на Совет Сестер. Разве вы не знаете, каково назначение Совета?

– Как вы думаете, что будет с нами, если все мы начнем драться по любому поводу? Ведь каждый из нас может быть чем-нибудь недоволен и обижен, если его дразнят или отнимают любимую игрушку, – сказала другая женщина.

– Вы оба должны усвоить, – наставительно сказала Марли, заметив, что левая лодыжка мальчика уже связана с правой лодыжкой девочки, – что не существует более крепкой связи, чем связь между братом и сестрой. Это родственная связь. И вы должны постараться запомнить это за те два дня, которые будете привязаны друг к другу. Ваши правые руки также привязаны, чтобы вы помнили, что их нельзя поднимать в гневе. Теперь вам придется помогать друг другу. Ходить вы сможете только вместе. Один из вас не сможет лечь спать, если этого не захочет другой. Только помогая друг другу, вы сможете есть, пить и даже умываться. Два дня вся ваша жизнь будет всецело зависеть от взаимной помощи и поддержки. Вы должны усвоить этот урок на всю жизнь.

– И каждый, кто встретится на вашем пути за эти два дня, сразу поймет, какой позорный поступок вы совершили, – громко, чтобы все слышали, объявил Талут.

– Диги, – тихо сказала Эйла, – они нуждаются в помощи, у девочки все еще идет кровь из носа, а у мальчика распухла губа.

Диги подошла к Тули и пошептала с ней о чем-то. Тули кивнула и шагнула к драчунам:

– Прежде чем вы вернетесь на свою стоянку, вы должны отправиться с Эйлой в Мамонтовый очаг, и она подлечит раны, которые вы нанесли друг другу.

Уроки совместных действий начались немедленно, как только дети начали двигаться, – им пришлось соразмерять свои шаги, поскольку их лодыжки были связаны вместе. Диги и Эйла последовали в Мамонтовый очаг вместе с детьми, там их умыли, смазали целебной мазью ссадины и раны. Вскоре две молодые женщины уже смотрели, как погрузневшие драчуны, прихрамывая, направились в сторону своей стоянки.

– Да, это было настоящее кровавое сражение, – сказала Эйла по пути на Рогожную стоянку. – Но ведь мальчик что-то отнял у нее.

– Это не важно, – ответила Диги. – Дракой такие проблемы не решаются. Они должны усвоить, что драться нельзя. Очевидно, им не объяснили этого на родной стоянке, поэтому им придется усвоить это сейчас. Возможно, теперь ты поняла, почему Крози так неохотно согласилась на соединение Фрали и Фребека.

– Нет пока, так почему же?

– А разве ты не знаешь? Фребек родился на одной из тех трех стоянок. Все они тесно связаны родственными узами. Чалег – двоюродный брат Фребека.

– Ну если так, то Фребек значительно изменился к лучшему.

– Это верно, но скажу тебе честно, я по-прежнему не совсем уверена в нем. По-моему, рано делать окончательные выводы. Надо посмотреть, как он поведет себя в серьезном испытании.

Эйла обдумывала все случившееся, сознавая, что тоже может извлечь из этого нечто поучительное для себя. Суд был быстрым и безоговорочным, без права обсуждения. Детям даже не позволили ничего объяснить, и никто поначалу не обратил внимания на их раны. Она вдруг поняла, что до сих пор не знает даже их имен. Конечно, они не получили серьезных увечий, но факт драки был налицо. Поскольку за провинностью немедленно последовало наказание, они, вероятно, хорошо запомнят его. И хотя это наказание было безболезненным, они,

возможно, долгие годы не забудут унижения и насмешек этих двух дней.

– Диги, – сказала Эйла, – я хочу узнать кое-что об этих детях. Ведь их левые руки свободны, так почему они не могут развязаться?

– Всем известно, что они наказаны. Конечно, унизительно ходить по лагерю со связанными лодыжками и правыми руками, но будет еще хуже, если они развяжут эти ремни. Тогда все поймут, что ими овладели духи зла и гнева, что они не могут совладать с собой даже в течение двух дней, которые им даны для того, чтобы научиться ценить взаимную помощь и поддержку. И тогда их наказание будет очень тяжелым и мучительным.

– Мне кажется, они не забудут об этом никогда, – заметила Эйла.

– А заодно с ними и большинство других детей. В эти дни обычно бывает значительно меньше ссор, хотя эти двое наверняка еще немного пощиплют друг друга, – сказала Диги.

Эйле уже не терпелось вернуться в привычную домашнюю обстановку Рогожной стоянки. За сегодняшний день она познакомилась со множеством людей и узнала столько нового, что голова у нее пошла кругом. Ей необходимо было время, чтобы переварить такое количество информации. Однако, когда они проходили мимо кремневой мастерской, она вновь невольно бросила взгляд в эту сторону и на сей раз увидела там Джондалара и, кроме него, еще одного человека, которого менее всего хотела бы видеть рядом с ним. Это была Майги, которая с обожанием заглядывала в его потрясающие синие глаза. Эйле показалось, что ее поза излишне вызывающая. Джондалар улыбался Майги легкой и спокойной улыбкой и нежно смотрел на свою собеседницу.

– Я полагала, что женщины с красными ступнями должны заботиться только о воспитании юношей, – сказала Эйла, думая, что Джондалару не нужны никакие наставницы.

Заметив выражение лица Эйлы, Диги быстро сообразила, в чем причина ее огорчения. Она поняла чувства подруги, но, с другой стороны, понимала и Джондалара, которому пришлось пережить такую трудную и долгую зиму.

– А ты не думаешь, что у него, так же как и у тебя, могут быть определенные физические потребности?

Эйла вдруг смущенно покраснела. Ведь она иногда делила ложе с Ранеком, а Джондалар все время спал один. Что плохого в том, что он разделит с женщиной дары Радости на Летнем сходе? Ведь это вполне естественно, и все-таки Эйла очень расстроилась. Она хотела, чтобы он поделил дары Радости именно с ней. Очень жаль, что он не предлагает ей того, что, вполне возможно, предложит Майги.

– И если уж он ищет себе женщину, то будет лучше всего, если он найдет ее среди этих сговорчивых красноножек, – продолжала Диги. – До конца летнего сезона они не могут связывать себя обязательствами. А взаимные симпатии редко бывают настолько сильными, чтобы выдержать испытание нашей долгой зимы. Я не думаю, Эйла, что его отношение к Майги перерастет в серьезное чувство, скорее всего, она просто поможет ему снять напряжение и понять самого себя.

– Наверное, ты права, Диги. Хотя что уж тут понимать? Он сказал, что уйдет после охоты на мамонтов... Да и я уже помолвлена с Ранеком... – сказала Эйла.

Они медленно шли дальше по многолюдному шумному лагерю, но Эйла уже почти ничего не замечала, погружившись в собственные размышления. «Все будет хорошо, – убеждала она себя. – Я смогу вернуться в клан, найти Дарка и привести его на Львиную стоянку. Он станет мамутой, будет жить в моем очаге и подружится с Ридагом. Возможно, и Ура придет вместе с ним, тогда у нас будет свой очаг... И я останусь жить вместе со своими новыми друзьями... Ранек так любит меня... И со мной будет Дарк, мой сын... мой единственный сын... и Ридаг, и мои лошади, и Волк... И я никогда больше не увижу Джондалара...» Внезапно Эйла почувствовала какую-то мрачную и холодную опустошенность.

Глава 33

Руги и Тузи, приплясывая и хихикая, вбежали в центральный сектор палатки.

– Там к нам опять пришли, – лукаво улыбаясь, возвестила Руги.

Эйла быстро опустила глаза, Неззи и Тули обменялись понимающими взглядами, Фрали улыбнулась, а Фребек многозначительно хмыкнул.

– Кто пришел? – для верности спросила Неззи, прекрасно зная, что имелось в виду.

– Ну, очередная... делегация, – важничая, пояснила Тузи, всем своим видом показывая, как она устала от этой суеты.

– Судя по количеству делегаций, Тули, тебе придется исполнять хлопотную роль опекуны. Похоже, тебя ждет трудное лето, – отрезая кусок мяса для Ташера, сказала Фрали, хотя отлично знала, что Тули сейчас пребывает в самом благодушном состоянии и счастлива от того, что Львиная стоянка и ее обитатели стали центром всеобщего внимания.

Тули и Эйла вышли из палатки, и Неззи, видя, что в доме почти никого не осталось, тоже последовала за ними, решив, что, возможно, понадобится ее поддержка. Фрали и Фребек выглянули из палатки, чтобы выяснить, кто пришел на этот раз. Фребек отправился вслед за тремя женщинами, а Фрали осталась следить за детьми, чтобы они не путались под ногами. Представительная группа людей стояла за территорией, которая, как определил Волк, принадлежала Львиной стоянке. Он пометил эту незримую границу своим запахом и бдительно охранял ее. Любой мог подойти к этой границе, но никто не мог ступить за нее без явного приглашения знакомых волчонку людей.

В таких случаях Волк обычно занимал оборонительную позицию, он носился между незванным гостем и палаткой, скаля зубы и угрожающе ворча, поэтому люди терпеливо ждали хозяев за территорией, не желая проверять, остры ли зубы у этого защитника. Эйла позвала его к себе и подала ему сигнал, означающий, что пришли друзья. Недавно она потратила полдня, чтобы научить его понимать этот «дружелюбный» сигнал и принимать его как от нее, так и от любого члена Львиной стоянки. Подавив свои инстинкты, он

сообразил, что по этому сигналу должен пускать чужаков на территорию своей стаи. Конечно, частые гости были предпочтительнее тех, кто приходил впервые, однако и тем и другим он давал понять, что ему не нравится их компания, и всегда радовался, когда они уходили.

Как-то раз, просто чтобы он по привычке к многолюдному окружению, Эйла взяла Волка на прогулку по лагерю, велела ему идти рядом с ней. Все потрясенно ахали и таращили глаза, видя, что женщина спокойно гуляет рядом с волком, и, конечно, Эйла при этом немного нервничала, но чувствовала, что поступает правильно. У волков, как и у людей, были свои обычаи, и если людям теперь суждено было стать его стаей, то он должен изучить их привычки. Люди были очень общительны и приветствовали гостей, даже если они были чужаками, и любили собираться большими компаниями.

Иногда случалось, что Волк покидал территорию Рогожной стоянки. Он часто уходил на луг вместе с лошадьми или предпринимал самостоятельные охотничьи вылазки. А время от времени кто-то брал его с собой поохотиться. Чаще всего он ходил на охоту с Эйлой, но иногда с Джондаларом или Данугом, а иногда – что вызывало удивленные взгляды многих людей – даже с Фребекком.

Фребек позвал Волка к себе и направился вместе с ним к лошадиному навесу, чтобы тот пока не путался под ногами. Присутствие волка заставляло людей нервничать и могло произвести не слишком хорошее впечатление на делегации, пришедшие к Эйле с определенными предложениями. Все знали, что она помолвлена с Ранеком, и поэтому мужчины обычно не предлагали ей соединиться семейными узами. Они не искали жену, они искали сестру. Эти делегации приходили с предложением удочерить Эйлу.

Даже Тули, при всей ее проницательности и отличном знании обычаев людей племени мамутои, не учла, что дело может принять такой оборот. Однако она сразу сообразила, каким широким может быть спектр предложений, когда одна ее знакомая женщина, у которой был только сын, спросила, может ли ее стоянка рассчитывать, что Эйла согласится стать дочерью ее очага.

– Я могла бы предвидеть такую ситуацию, – объяснила она позднее на вечерней трапезе. – Безусловно, одинокая красивая женщина, обладающая высоким статусом и несомненными дарованиями, является более чем желанной кандидатурой на роль сестры, особенно если

учесть, что она стала дочерью Мамонтового очага. Ведь обычно такой очаг не рассматривается как семейный. Сам факт подобных предложений увеличивает ее ценность, однако мы или, вернее, Эйла не должна принимать их всерьез, конечно, если она сама этого не захочет.

Глаза Тули сияли от счастья, когда она думала о том, как резко повысился статус и положение стоянки благодаря Эйле. В глубине души она почти жалела, что Эйла уже была помолвлена с Ранеком. «Если бы она еще оставалась свободной, то ее Брачный выкуп мог бы оказаться на редкость высоким. Но с другой стороны, тогда Львиная стоянка может потерять ее. Нет, уж лучше сохранить это сокровище, чем потерять его, каким бы высоким ни был выкуп. До тех пор пока точная ценность Эйлы не установлена, людские домыслы будут только способствовать ее увеличению. Однако предложения по удочерению открывают целый ряд новых возможностей. Ведь ее могут удочерить чисто формально, и тогда ей не придется покинуть Львиную стоянку. Она может даже стать вождем, если ее возможный брат будет иметь соответствующие связи и честолюбие. А уж если Эйла и Диги станут вождями, сохранив при этом тесные связи с родственниками, то влияние стоянки станет просто огромным».

Статус одних стоянок был очень высоким, и Тули согласилась бы принять от них относительно небольшой материальный выкуп, поскольку связь с ними была почетной. Связь с другими могла бы быть желательной только в случае достаточно высокого выкупа. Основываясь на уже полученных предложениях, Тули отвергла вновь пришедших людей с первого взгляда. Вряд ли даже стоило обсуждать их предложение. Их стоянка была настолько бедна, а ее статус столь низок, что связь с ней не сулила никаких выгод. В итоге Тули разговаривала с ними предельно вежливо, однако не пригласила их войти в палатку, и они сразу поняли, что проигрывают в соперничестве с более ранними предложениями. И тем не менее уже одно то, что они пришли с таким предложением, давало им определенное удовлетворение. Таким образом они подчеркивали наличие родственных связей с Львиной стоянкой, влияние которой значительно повысилось, и выказывали ей свое уважение, что могло положительно сказаться на дальнейших взаимоотношениях.

Они продолжали обмениваться любезностями, когда Фребек вдруг заметил, что Волк замер в напряженной позе и, угрожающе рыча,

смотрит в сторону реки. Внезапно он сорвался с места и убежал.

– Эйла! – крикнул Фребек. – Волк удрал от меня!

Она свистнула пару раз громко и пронзительно, а затем побежала к выходу из долины, чтобы взглянуть на тропу, ведущую к реке. Она увидела, что Волк возвращается, ведя за собой новую группу путешественников. Но он явно признал их за своих.

– Это прибыла Мамонтовая стоянка, – сказала Эйла. – Я вижу Винкавека.

Тули обернулась к Фребеку:

– Может быть, ты попробуешь найти Талута? Нам следует приветствовать их как подобает.

Фребек кивнул и отправился выполнять поручение.

Делегация, уже осознавшая, какой ответ дан на их предложение, не спешила, однако, уходить и с нескрываемым интересом поглядывала на вновь прибывших. Шедший впереди Винкавек сразу заметил эту представительную делегацию, Тули и Эйлу и быстро понял суть сложившейся ситуации. Он небрежно сбросил свой заплечный мешок и с улыбкой подошел к ним.

– На редкость удачно, Тули, что ты первая, кого мы встретили здесь, поскольку именно тебя мне и хотелось увидеть в первую очередь, – сказал Винкавек, протягивая к ней руки. В знак старой дружбы они также соприкоснулись щеками.

– Почему же именно меня тебе хотелось увидеть в первую очередь? – невольно улыбаясь, спросила Тули. Винкавек был очень обаятельным мужчиной.

Он оставил ее вопрос без ответа.

– Скажи мне, почему ваши гости одеты в такие нарядные одежды? Может, это послы?

Одна из нарядно одетых женщин подошла к ним поближе.

– Мы пришли с предложением удочерить Эйлу, – заявила она с такой гордостью, словно их предложение не было только что отвергнуто. – У моего сына нет сестры.

Винкавеку понадобилось мало времени, чтобы оценить ситуацию, и затем он быстро принял решение и начал действовать в соответствии с ним.

– Отлично, у меня, кстати, тоже есть предложение к вам, позднее я сделаю его в более подходящей форме. Однако, Тули, чтобы дать вам

время на раздумья, сразу скажу, что мое предложение связано с Брачным ритуалом. – Он повернулся к Эйле и взял ее за руки. – Я хочу сделать предложение тебе, Эйла. Благодаря тебе мой Мамонтовый очаг может стать настоящим семейным очагом. Только ты можешь стать его хранительницей, Эйла. У тебя будет очаг, соответствующий твоему призванию, а поскольку я вождь Мамонтовой стоянки, то у тебя также будет очень высокий статус.

Эйла была поражена и смущена. Ведь Винкавек знал, что она уже помолвлена. Почему же он все-таки сделал ей такое предложение? Даже если бы она хотела этого, разве может она вдруг отказаться от своего Обещания и дать ему согласие? Неужели мамутой так легко отказываются от Обещания?

– Она уже помолвлена с Ранеком, – сказала Тули.

Пристально посмотрев в глаза этой высокой и властной женщине, Винкавек понимающе улыбнулся, затем сунул руку в кожаный мешочек и достал что-то из него. Когда он разжал кулак, все увидели на его ладони пару отличных, крупных и хорошо отполированных янтарей.

– Я надеюсь, Тули, у него есть приличный Брачный выкуп.

Глаза Тули заметно округлились. У нее просто дух захватило от вида этих великолепных солнечных камней. Винкавек, в сущности, предложил ей назначить цену Брачного выкупа, причем назначить ее именно в янтаре, если у нее есть такое желание, хотя, конечно, в данном случае ее желание не было определяющим. Прищурив глаза, Тули взглянула на Винкавека:

– Думаю, ты понимаешь, что решение принимаю не я. Сначала Эйла должна сделать выбор.

– Я понимаю, но тем не менее прими их в дар от меня, Тули, за всю ту помощь, что вы оказали нам в строительстве зимнего жилища, – сказал он, решительно протягивая ей янтарь.

Тули испытывала настоящие мучения. Ей следовало отказаться. Приняв такой подарок, она даст ему некоторое преимущество, однако решение все равно остается за Эйлой, несмотря на Обещание, она вправе выбрать более выгодное предложение. Учитывая это, возможно, не стоит отказываться от подарка? Тули взяла янтарь и, увидев торжествующее выражение в глазах Винкавека, вдруг почувствовала себя так, словно ее купили за пару янтарных камешков. Он понял, что теперь она не будет рассматривать никаких других предложений. Если

он сможет склонить Эйлу на свою сторону, она достанется ему. «Но Винкавек не знает натуру Эйлы, – подумала Тули. – И никто не знает. Она может называть себя мамутой, но, в сущности, по-прежнему остается пока чужой для нашего племени, и совершенно непонятно, исходя из каких чувств и побуждений она сделала свой выбор». Лицо Винкавека выглядело очень впечатляющим благодаря густому узору татуировки, и Тули, увидев, что он уже переключил все свое внимание на молодую женщину, заметила также реакцию Эйлы. Несомненно, его предложение заинтересовало ее.

– Тули! Как я рада снова видеть тебя! – Авари подошла к ней, чтобы обменяться приветствиями. – Мы, конечно, прибыли самыми последними, и все лучшие места уже заняты. Ты не знаешь, осталась ли еще хоть одна удобная площадка для стоянки? Сами-то вы где обосновались?

– Здесь и обосновались, – сказала Неззи, выходя вперед, чтобы, в свою очередь, приветствовать вождей Мамонтовой стоянки. Она с интересом следила за диалогом, происходившим между Тули и Винкавек, и также подметила выражение его лица. Вряд ли Ранек будет счастлив, узнав, какое предложение собирается сделать Винкавек Эйле, но Неззи была почти уверена, что вождь Мамут Мамонтовой стоянки даже не догадывается, как трудно будет ему склонить Эйлу к такому союзу, какими бы заманчивыми ни были его предложения.

– Прямо здесь? Так далеко от центра лагеря? – удивленно спросила Авари.

– Это лучшее место для нас и для животных. Они нервничают, когда вокруг слишком много незнакомых людей, – сказала Тули, словно они действительно специально выбирали такое место.

– Винкавек, раз уж Львиная стоянка расположилась здесь, то почему бы нам не устроиться по соседству? – сказала Авари.

– Да, это не такое уж плохое место. У него есть свои преимущества. Посмотрите, как здесь просторно, – заметила Неззи, подумав также, что если кроме Львиной стоянки здесь расположится еще и Мамонтовая стоянка, то часть интересных событий явно переместится из центра сюда.

Винкавек улыбнулся Эйле.

– Конечно, мы устроимся рядом с Львиной стоянкой, я и не мечтал, что нам достанется такое отличное место, – сказал он.

В этот момент размашистым шагом вошел Талут, приветствуя вождей Мамонтовой стоянки своим рокошущим басом:

– Винкавек! Авари! Наконец-то, с благополучным прибытием! Но почему вы так задержались?

– В пути нам пришлось сделать несколько остановок, – ответил Винкавек.

– Попроси Тули показать, что он преподнес ей, – сказала Неззи.

Тули была еще немного смущена и предпочла бы, чтобы Неззи ничего не говорила об этом, однако она раскрыла ладонь и показала янтари брату.

– Какие красивые, – сказал Талут. – Видимо, вы решили запастись янтарем для торговли. А вы знаете, что Ивовая стоянка принесла сюда много белых спиральных ракушек?

– Винкавека интересует нечто большее, чем морские ракушки, – сказала Неззи. – Он хочет предложить Эйле стать хранительницей его очага.

– Но она же помолвлена с Ранekom, – удивился Талут.

– Обещание ведь можно и расторгнуть, – заметил Винкавек.

Посмотрев на Эйлу, Талут перевел взгляд на Винкавека и Тули, а затем громко рассмеялся:

– Отлично, мне кажется, мамутой надолго запомнят этот Летний сход.

– Мы задержались не только из-за Янтарной стоянки, – сказала Авари. – Сейчас, глядя на твою рыжую гриву, Талут, я вспомнила, почему нам пришлось отклониться от прямого пути. Мы обходили стороной пещерного льва с рыжеватой гривой, – похоже, он упорно двигался в том же направлении, что и мы. Я не заметила его прайда, но думаю, нам лучше предупредить людей о том, что вокруг бродят пещерные львы.

– Но ведь львы не редкость в этих краях, – заметил Талут.

– Да, однако этот хищник вел себя очень странно. Обычно львы сторонятся людей, но в какой-то момент мне показалось, что этот лев намеренно преследует нас. В одну из ночей он кружил так близко, что я даже спать не могла. И, кроме того, мне еще не приходилось видеть таких громадных пещерных львов. Я до сих пор вздрагиваю, вспоминая его, – сказала Авари.

Внимательно выслушав рассказ Авари, Эйла невольно подумала о Вэбхья. Но затем она тряхнула головой, словно отвергая собственные мысли, и решила, что это просто совпадение. В конце концов, большие пещерные львы вовсе не редкость.

– Когда вы обустроитесь, Винкавек, приходи на общую поляну. Мы уже начали обсуждать предстоящую охоту на мамонтов, а Мамонтовый очаг готовится к проведению Охотничьего ритуала. И будет совсем неплохо, если в нем примет участие еще один опытный призыватель. Не сомневаюсь, что тебе вдвойне хочется раздобыть мамонтового мяса для Праздника Брачного ритуала, раз уж ты собираешься стать одним из брачующихся.

Талут пошел в сторону поляны, но через пару шагов остановился и обратился к Эйле:

– Ведь ты тоже хотела отправиться с нами на эту охоту, так почему бы тебе не захватить свою копьёметалку и не пойти со мной? Когда Фребек сообщил мне о прибытии Мамонтовой стоянки, я как раз собирался зайти сюда и пригласить тебя на поляну.

– И я пойду с вами, Талут, – сказала Тули, – мне надо провести Лэти.

* * *

– Это хорошее качество. Особенно для таких инструментов, как резцы, скребки, сверла, – сказал Джондалар, опустившись на колени, чтобы проверить гладкую серую внутреннюю поверхность тонкоструктурного кремня.

У него был для этого специальной формы кусок свежего оленьего рога, прочного и достаточно упругого, который трудно сломать и который Джондалар использовал в качестве копательного инструмента и рычага, чтобы извлечь выступающий кусок твердого кварца из его известковой материнской породы. Достав кварц, он разбил его каменным молотком.

– Уимез говорит, что здесь находят самые лучшие образцы кремня, – сказал Дануг.

Джондалар рукой показал на крутой обрыв у реки, со временем подмытый речным водоворотом. Еще больше кусков твердого кремня,

заклученных в белую непрозрачную корку, выступали там из менее твердого известняка.

– Кремень всегда самый лучший, если он взят с места своего рождения. Этот похож на кремень из кремневого прииска Даланара, а у него лучший камень в нашем районе.

– Стойбище Волка определенно считает, что это самый лучший кремень, – сказал Тарнег. – Впервые я был здесь с Валезом. Ты, наверное, слышал, как он восхищался. Поскольку это место очень близко расположено к их стоянке, они считают эти разработки своими. Ты правильно сделал, что попросил у них разрешения прийти, Джондалар.

– Это лишь долг вежливости. Я знаю, как Даланар относится к своему прииску.

– А что такого особенного в этом камне? Я часто видел кремень на берегах рек, – удивился Тарнег.

– Иногда можно найти хорошие друзы, недавно смытые на берег реки, и их очень легко достать. А вот выкопать их из камня – это труд. Но кремень склонен высыхать, если он долго лежит на открытом воздухе, – ответил Джондалар. – Тогда пластины из кремня будут получаться короче и могут даже сами отламываться.

– Если кремень слишком долго находится на поверхности, Уимез иногда закапывает его во влажную землю на некоторое время, чтобы с ним было легче работать, – сказал Дануг.

– Я тоже так делал. Это может помочь, но все зависит от размера друзы и от того, насколько кремень сухой. Если это большой кусок, он не может быть слишком старым. Лучше всего этот способ годится для небольших кусков, размером меньше яйца. Но они едва ли годятся для работы, если только они действительно не отличного качества.

– Мы поступаем почти так же с бивнями мамонта, – заметил Тарнег. – Сначала мы заворачиваем бивень во влажные шкуры и зарываем его в горячую золу. Кость меняется, становится плотнее, но с бивнем легче работать и легче его гнуть. Это лучший способ выпрямить весь бивень.

– Мне было интересно, как вы делали это, – сказал Джондалар и помолчал, явно думая о чем-то. – Мой брат захотел бы узнать об этом. Он делал копья. Он мог сделать хорошее прямое древко, он понимал свойства дерева, как согнуть его, придать нужную форму. Я думаю, он

тоже понял бы ваш процесс. Может быть, знание ваших методов – это одна из причин, почему Уимез так быстро ухватился за идею нагревания кремня, чтобы с ним было легче работать. Он один из лучших кремнеделов, каких я знал.

– Ты тоже хороший кремнедел, Джондалар, – сказал Тарнег. – Даже Уимез высоко ценит тебя, а его похвалу трудно заслужить. Ты знаешь, я тут вот что подумал: для Зубровой стоянки нужен будет хороший кремнедел. Я знаю, ты говорил, что возвращаешься к себе домой. Но это очень длинный путь. Ты остался бы, если бы у тебя было место, где жить? Я хочу сказать, не хотел бы ты присоединиться к моей стоянке?

Джондалар нахмурился, пытаясь придумать, как отказать, не обидев Тарнега.

– Не знаю. Я должен подумать.

– Ты нравишься Диги, я уверен, она согласится, и тебе не нужно будет искать, с кем организовать свой очаг, – подсказал Тарнег. – Я замечал женщин, окружающих тебя, даже красноногих. Первой была Миги, а теперь и все остальные находят повод, чтобы посетить участок кремнеделов. Наверное, это потому, что ты здесь новый человек. У женщин всегда возбуждают любопытство мужчины, которых они не знают. – Он улыбнулся. – Я слышал, не один мужчина желал бы быть высоким светловолосым незнакомцем. Все они хотели бы снова получить красноногого, но сейчас очередь Дануга. – Тарнег ухмыльнулся, глядя на своего младшего брата.

Джондалар и Дануг оба выглядели смущенными. Джондалар поднялся, отвел глаза, чтобы на что-нибудь переключить внимание, и заметил вдруг, что среди этих двух мужчин он не кажется таким уж высоким. Они трое были почти одного роста, а Дануг мог еще подрасти. Он собирался стать вторым Талутом. Но на Сходе мужчины были разного роста, как и на Летних сходах в зеландонии.

– Я хочу, чтобы ты подумал о Зубровой стоянке, Джондалар. Теперь, когда Диги и Бранаг наконец собираются соединиться, мы займемся строительством, хотя я еще не решил, делать ли одно общее жилище, как Львиная стоянка, или небольшие индивидуальные для каждой семьи. Я сторонник старых обычаев. Мне больше нравятся общие жилища, но молодежь хочет жить только со своими родственниками, и я признаю, что, когда люди начинают спорить, неплохо иметь собственное жилье, куда можно уйти.

– Я ценю твое предложение, Тарнег, – сказал Джондалар. – Действительно ценю, но я не хочу, чтобы ты неправильно меня понял. Я иду домой. Я должен возвратиться. Можно привести массу причин, – например, что я должен сообщить о смерти моего брата. Но правда в том, что я не знаю, почему я должен идти. Просто я иду.

– Это из-за Эйлы? – с тревогой спросил Дануг.

– Отчасти да. Я признаю, что не хочу видеть, как она делит очаг с Ранеком. Я пытался убедить ее вернуться со мной, когда мы встретили тебя. Теперь, похоже, придется возвращаться одному... Мне этого тоже не хочется, но это ничего не меняет. Я все равно должен идти.

– Я не уверен, что понимаю, но желаю тебе удачи, и пусть улыбка Матери сопровождает тебя в пути. Когда ты думаешь отправиться? – спросил Тарнег.

– Вскоре после охоты на мамонта.

– Кстати, об охоте. Мы должны вернуться. Они планируют это сегодня днем, – сказал Тарнег.

Они пошли по берегу небольшой речки, которая журчала, сбегая по скалам крутого сужающегося ущелья, и сливалась с главным речным руслом недалеко от их лагеря. Огибая очередной крутой выступ, они услышали возбужденные крики, среди которых проскальзывали как оскорбительные, так и одобрительные замечания, и обнаружили группу подростков, которые напряженно следили за схваткой двух своих приятелей. Дривец был в числе наблюдателей.

– Что это здесь происходит? – спросил Тарнег, проталкиваясь в центр и разнимая двух соперников.

У одного из них уже текла струйкой кровь изо рта, а у другого заплыл глаз.

– Они просто... это просто состязание, – сказал кто-то.

– Да, они... просто тренируются... перед большими состязаниями борцов.

– Нет, это не похоже на тренировку, – заметил Тарнег. – Скорее, это напоминает отчаянную драку.

– Да нет же, честно, мы не дрались, – сказал парень с заплывшим глазом, – просто поразмялись немного.

– Значит, вы считаете, что подбитые глаза и сломанные зубы – это сущие пустяки? Если бы вы решили просто потренироваться, то не ушли бы для этого в такую даль, чтобы никто вас не видел. Нет, вы

специально выбрали уединенное место. Думаю, вам лучше честно рассказать мне, что произошло.

Не осмеливаясь ответить, подростки смущенно переминались с ноги на ногу.

– А что нам могут поведать зрители? – спросил Тарнег, окидывая взглядом остальных ребят. – Зачем вы все собрались здесь? Я обращаюсь и к тебе, Друвец. Как ты думаешь, что скажут твоя мать и Барзек, узнав, что ты отправился сюда, чтобы подначивать этих драчунов? Мне кажется, что тебе лучше рассказать мне, что у вас здесь произошло.

Подростки по-прежнему упорно молчали.

– Ладно, похоже, нам придется отвести вас в лагерь и передать это дело на рассмотрение Советов. Сестры найдут способ, который поможет вам избавиться от желания подраться друг с другом, да и для других ваше наказание будет хорошим примером. Возможно, они даже отстранят вас от охоты на мамонтов.

– О Тарнег, не говори им, – взмолился Друвец. – Дален только пытался доказать им...

– Доказать? Может, ты все-таки расскажешь мне, из-за чего произошла драка? – сказал Тарнег.

– По-моему, я знаю, – вмешался Дануг. Все обернулись и посмотрели на этого высокого молодого мужчину. – Наверное, ссора произошла из-за набега.

– Какого набега? – спросил Тарнег. Такая причина показалась ему довольно убедительной.

– Говорят, в лагере обсуждалась возможность набега на стоянку сангайи, – объяснил Дануг.

– Но вы же знаете, что набеги запрещены. Советы постарались наладить дружеские и торговые связи с племенем сангайи. Мне даже думать не хочется о том, какие страшные последствия может вызвать набег, – ответил Тарнег. – И кто же породил такую безумную идею?

– Не знаю, – пожал плечами Дануг. – На днях почти все обсуждали такую возможность. Кто-то сообщил, что стоянка сангайи находится всего в паре дней пути от этой долины. Мужчины объяснили бы всем, что отправляются на охоту, а вместо этого собирались напасть на их стоянку, захватить запасы пищи и прогнать их из этих мест. Я сказал им, что меня такая идея не привлекает и что они поступят глупо, если

отправятся туда. Такое грабительское вторжение может кончиться плохо не только для них, но и для всех мамутой. Кроме того, мы совсем недавно гостили на одной стоянке сангайи по пути сюда. Они только что похоронили двух детей вождя – брата и сестру. Возможно, это и другая стоянка, но такое несчастье наверняка опечалило все племя. В общем, я сказал, что мне не нравится идея подобного вторжения.

– Конечно, Дануг мог сказать так, – подхватил Друвец. – Никто не назовет его трусом, и мало кто захочет помериться с ним силой. Но когда Дален заявил, что он также не собирается участвовать ни в каком набеге, то многие сразу закричали, что он просто испугался. Вот тогда он сказал, что готов сразиться с любым и доказать, что ничего не боится. А мы сказали, что пойдём с ним и будем следить за тем, чтобы борьба была честной.

– Кто из вас Дален? – спросил Тарнег. Паренек с выбитым зубом и разбитой губой сделал шаг вперед. – А тебя как зовут? – сказал он, обращаясь ко второму парню, чей подбитый глаз приобрел уже фиолетовый оттенок. Однако ответа не последовало.

– Они называют его Клув. Он племянник Чалега, – ответил Друвец.

– Я понял, к чему ты клонишь, – вдруг сказал Клув. – Ты собираешься взвалить всю вину на меня, потому что Друвец – твой брат.

– Ничего подобного. Я вообще не намерен никого обвинять. Пусть это дело решает Совет Братьев. Вероятно, все вы, включая и моего брата, будете вызваны на Совет для разбирательства. А пока, по-моему, вам лучше умыться и привести себя в порядок. Если вы вернетесь в лагерь в таком виде, то все поймут, что вы подрались, и тогда уж вам точно придется отвечать перед Сестрами. Даже не знаю, что они сделают с вами, если узнают, что вы подрались из-за набега.

Подростки поспешно удалились, пока Тарнег не изменил своего решения, но они ушли, разделившись на две группы, первая отправилась с Клувом, а вторая – с Даленом. Тарнег взял на заметку состав каждой группы. Затем трое мужчин продолжили путь к месту Схода.

– Если не возражаешь, я хотел бы спросить тебя кое о чем, – сказал Джондалар. – Почему ты думаешь, что Совет Братьев самостоятельно разберется с этим делом? Неужели они действительно скроют его от Совета Сестер?

– Сестры совершенно нетерпимы к дракам и даже не станут слушать никаких объяснений, а многие из Братьев в молодые годы сами устраивали набеги или участвовали в каких-то стычках, просто чтобы слегка поразвлечься. Да и ты сам, Джондалар, наверное, пускал в ход кулаки, хоть и понимал, что поступаешь неправильно.

– Ну да, бывало и такое. И меня тоже наказывали за это.

– Братья более снисходительны, особенно в тех случаях, когда драка происходит по серьезной причине. Конечно, Далену следовало просто рассказать кому-то об этом набеге, а не драться, пытаюсь доказать, что он не трус. В общем, мужчины не слишком сурово относятся к подобным поступкам. Сестры говорят, что одна драка порождает две новые, и, возможно, это правда, а Клув был прав только в одном, – заметил Тарнег, – Друвец мой брат, и он, в сущности, не поощрял эту драку, а пытался поддержать своего друга. Мне жаль, если он пострадает из-за этого.

– А ты, Тарнег, дрался когда-нибудь? – спросил Дануг.

Будущий вождь внимательно глянул на своего младшего двоюродного брата, а затем кивнул:

– Пару раз, но было мало охотников сразиться со мной. Как и ты, я сильнее большинства мужчин. Хотя, честно говоря, порой тренировочное состязание очень напоминает настоящую драку.

– Я понимаю, – с задумчивым видом сказал Дануг.

– Но по крайней мере, состязания проходят на глазах у зрителей, и там дело никогда не доходит до тяжелых травм. Такие сражения обычно не имеют плохих последствий и не вызывают желания отомстить сопернику. – Тарнег посмотрел на небо. – Уже почти полдень, я не думал, что мы так задержимся. Нам лучше поторопиться, если мы хотим услышать разговор об охоте на мамонтов.

* * *

Когда Эйла и Талут пришли на поляну, он повел ее к небольшому естественному пригорку, на котором обычно собирались для обсуждения случайно возникших дел или проведения особых собраний. Обсуждение предстоящей охоты шло полным ходом, и Эйла окинула беглым взглядом собравшихся, ища Джондалара. В последнее время

она редко и мельком видела его. С тех пор как они прибыли сюда, он постоянно где-то пропадал, покидал Рогожную стоянку рано утром и возвращался поздно вечером, а иногда не приходил даже на ночь.

Когда она случайно видела Джондалара, он чаще всего пребывал в обществе какой-нибудь женщины, и, похоже, каждый день у него появлялась новая приятельница. Эйла поймала себя на том, что в разговорах с Диги и другими обитателями стоянки неодобрительно отзывается о такой частой смене подружек. И она была не единственной, кто заметил это. Эйла слышала, как Талут с удивлением говорил о том, что Джондалар, вероятно, пытается отыграть за долгое зимнее воздержание в течение летнего сезона. Его подвиги обсуждали все стоянки, зачастую с юмором и двусмысленным восхищением, касавшимся как его жизнестойкости, так и несомненной притягательной силы.

Смеясь вместе с остальными над этими остроумными высказываниями, Эйла по ночам глотала слезы и размышляла, почему перестала нравиться ему. Почему он не предлагает ей разделить дары Радости? И все же она находила своеобразное утешение в том, что он постоянно меняет женщин. По крайней мере, Эйла знала, что ни к кому из них он не испытывал таких сильных чувств, как к ней.

Эйла не понимала, что Джондалар специально старается держаться подальше от Рогожной стоянки. В тесном помещении палатки невозможно было не заметить, что она и Ранек спят вместе, пусть не постоянно – поскольку иногда Эйла испытывала необходимость уединиться на своей лежанке. Целые дни он с удовольствием проводил в кремневой мастерской и всегда с радостью принимал приглашения новых знакомых разделить с ними трапезу. Впервые с тех пор, как он стал взрослым мужчиной, Джондалар самостоятельно – без помощи брата – заводил друзей и обнаружил, что это совсем нетрудно.

Благодаря женщинам у него был также повод не возвращаться на Рогожную стоянку даже ночью. Никто из них не затрагивал глубоко его чувства, и Джондалар ощущал себя виноватым, используя их стоянки в качестве места для ночевки, поэтому он старался доставить им как можно больше наслаждений, что делало его еще более неотразимым. Большинство женщин привыкли к тому, что такие красавцы, как Джондалар, больше заботятся об удовлетворении собственных потребностей, но он был достаточно искусен для того, чтобы любая

женщина почувствовала себя желанной и любимой. Это приносило ему некоторое облегчение; перестав сдерживать силу собственного влечения и также не пытаясь скрывать смятение своих чувств, он получал наслаждение от физического общения с женщинами, но одновременно доставлял наслаждение им, хотя все это происходило на некоем поверхностном уровне. Джондалар истосковался по более глубоким чувствам, о которых мечтал всегда и которые в нем не смогла пробудить ни одна женщина, кроме Эйлы.

Эйла увидела, что он вместе с Тарнегом и Данугом возвращается с кремневого месторождения Волчьей стоянки, и, как обычно, при виде его у нее сильно забило сердце и ей стало трудно дышать. Она заметила, что Тули отошла в сторонку с Джондаларом, а Тарнег и Дануг продолжили свой путь к месту собрания охотников. Талут махнул им рукой, приглашая скорее присоединиться к обсуждению.

* * *

– Джондалар, я хотела узнать кое-что о традициях твоего племени, – сказала Тули, когда они нашли уединенное местечко для разговора. – Я знаю, что ты считаешь Великую Мать, и отношу это к числу достоинств, как твоих личных, так и всех зела... зеландонии. Но скажи мне, существует ли у вас также некий ритуал Посвящения девушки в женский статус, который проводится с чуткостью и пониманием?

– Ритуал Первой Радости? Да, конечно. Разве можно, впервые открывая молодой женщине дар Радости, относиться к ней без должного внимания? Наши ритуалы немного отличаются от ваших, однако, я думаю, цель у них общая, – сказал Джондалар.

– Понятно. Я разговаривала с несколькими женщинами. Они очень тепло отзывались о тебе и считают, что ты мог бы очень хорошо справиться с ролью наставника. Это хорошие рекомендации, но важнее всего то, что сама Лэти просила за тебя. Не хочешь ли ты участвовать в ритуале ее Посвящения?

Джондалар подумал, что ему следовало догадаться, к чему приведет этот разговор. И не потому, что его уже просили об этом, просто ему показалось, что Тули интересуется традициями его племени

совсем по другим причинам. В прошлом он всегда с радостью соглашался участвовать в таких ритуалах, но на сей раз не спешил принять предложение. Джондалар помнил о страшном чувстве вины, возникавшем из-за того, что он использовал этот священный обряд для удовлетворения собственных потребностей, невольно испытывая и пробуждая запретное чувство любви. Он был не уверен, что на этот раз сможет совладать со своими сложными чувствами, особенно учитывая, что Лэти ему очень нравится.

– Тули, я принимал участие в подобных ритуалах и высоко ценю ту честь, которую ты и Лэти оказываете мне таким предложением. Но думаю, мне придется отказаться. Я понимаю, что в действительности мы не являемся родственниками, но я прожил на Львиной стоянке всю зиму и за это время успел полюбить Лэти как сестру, – сказал Джондалар. – Я испытываю к ней теплые чувства, как будто она моя младшая сестра.

Тули понимающе кивнула:

– Что ж, очень жаль, Джондалар. Ты был прекрасной кандидатурой во всех отношениях. Твое племя живет так далеко, что между тобой и ею явно не может быть никаких родственных связей. Но я могу понять, почему ты стал относиться к ней как к сестре. Хотя ты и не делил с ней один очаг, но Неззи относилась к тебе с чисто материнской любовью, и, кроме того, Лэти действительно стала очень интересной женщиной. Мужчина, сделавший женщиной свою родную сестру, совершает самое тяжкое преступление в глазах Великой Матери. И раз ты испытываешь к ней братские чувства, то, боюсь, это может испортить ритуал. Я рада, что ты сказал мне об этом.

Они вместе пошли обратно к людям, сидевшим и стоявшим на пригорке и окружавшей его поляне. Джондалар заметил, что Талут увлеченно рассказывает о чем-то, но его больше заинтересовало то, что рядом с ним стоит Эйла со своей копьеметалкой.

– Вы видели, как далеко Эйла смогла бросить копье с помощью этого метательного оружия, – говорил Талут, – но мне бы хотелось, чтобы они оба показали вам свое мастерство. Надеюсь, такой случай вскоре представится, и тогда вы убедитесь в достоинствах этого оружия. Конечно, многие из вас привыкли бросать большие копья с длинными кремневыми наконечниками, которые Уимез придумал специально для охоты на мамонтов, но эта копьеметалка имеет

несколько важных преимуществ. Охотники Львиной стоянки уже оценили ее достоинства. Благодаря этому приспособлению можно метать копья довольно больших размеров, хотя для этого необходимо потренироваться точно так же, как мы тренируемся, бросая обычные копья. Все мы с детства учимся бросать копья во время игр или охотничьих вылазок. И все мы привыкли к такому оружию, но, когда вы увидите, как хороша эта копьеметалка в деле, я уверен, что многие из вас захотят овладеть этим искусством. Эйла говорит, что собирается использовать ее в охоте на мамонтов, и Джондалар наверняка воспользуется своей копьеметалкой, поэтому некоторые из вас сами убедятся в ее достоинствах. Мы уже обсуждали будущие состязания, но еще не пришли к окончательному решению. Когда наш отряд вернется с охоты, я думаю, нам надо будет организовать Летние Игры по всем видам состязаний.

Его слова были встречены гулом одобрительных голосов, и Бреси сказала:

– Отличная идея, Талут. Я считаю, что такие Летние Игры могут стать большим праздником. Возможно, для этого потребуется два или три дня. Наша стоянка тоже придумала новое метательное оружие. С его помощью некоторые из нас умудряются одним броском сбить несколько птиц из стаи. Но между тем я думаю, что сейчас настало время обратиться к мамутам, чтобы они выяснили, в какой день наш охотничий отряд должен отправиться в путь, и провели обряд Поиска мамонтов. И если мы уже обсудили все вопросы, то я бы хотела вернуться на свою стоянку.

Народ уже начал потихоньку расходиться, но вдруг новое событие привлекло всеобщее внимание: к поляне широким шагом подходил Винкавек, сопровождаемый людьми своей стоянки, делегацией, предлагавшей удочерение Эйлы, а завершали эту процессию Неззи и Ридаг. Члены делегации спешили сообщить всем о том, что вождь Мамут Мамонтовой стоянки готов заплатить любой Брачный выкуп, который Тули назначит за Эйлу, и уже сделал предложение, несмотря на то что она помолвлена с Ранеком.

Джондалар услышал, как одна женщина насмешливо говорила другой:

– Представляешь, он претендует на то, чтобы его стоянка называлась Мамонтовой, просто потому, что он сам – Мамут. А на

самом деле у него нет даже очага, ведь он еще не прошел Брачный ритуал. Для основания семейного очага необходимо соединиться с женщиной. И Винкавек хочет соединиться с ней именно из-за того, что она дочь Мамонтового очага. Видно, ему надоело, что все смеются над его так называемой Мамонтовой стоянкой.

Когда Ранеку сообщили об этой новости, Джондалар случайно оказался поблизости от него и с удивлением почувствовал сострадание к темнокожему резчику, заметив выражение его лица. Джондалар вдруг подумал, что только он в полной мере может понять, какие чувства испытывает сейчас Ранек. Теперь он, по крайней мере, убедился, что этот мужчина, уговоривший Эйлу жить с ним, действительно любит ее. А вот Винкавек, судя по всему, хочет просто использовать Эйлу в собственных честолюбивых целях, и любовь тут совершенно ни при чем.

Эйла тоже краем уха слышала отрывки разговоров, в которых упоминалось ее имя. Она не любила подслушивать. В клане достаточно было просто отвести глаза, чтобы не подслушивать чужих молчаливых разговоров.

Однако все эти разговоры вдруг отступили на второй план, когда она услышала насмешливые детские голоса, обсуждавшие присутствие плоскоголового.

– Посмотрите-ка на это животное, его даже вырядили как человека, – посмеиваясь, сказал подросток своим приятелям, показывая пальцем на Ридага.

– Они придумали одежду даже для лошадей, так почему бы им не приодеть и плоскоголового? – добавил кто-то из них, громко рассмеявшись.

– А вы знаете, она утверждает, что он – человек. Они все убеждены, что он понимает, о чем мы говорим, и даже может говорить сам.

– Вот смех-то! Наверное, она и волка назовет человеком, если сможет научить его ходить на задних лапах.

– Может, тебе лучше попрिдержаться язык? Чалег сказал, что этот плоскоголовый может приказать волку схватить тебя. Он говорил, что плоскоголовый напустил на него волка.

– Вот здорово, разве это не доказывает, что он – самое настоящее животное? Раз он может заставить зверей нападать на человека, то,

наверное, сам принадлежит к их числу.

– Моя мама считает, что они поступили неправильно, приведя животных на Летний сход.

– А мой дядя ничего не имеет против лошадей или даже волка, поскольку они держат их отдельно от людей, но он думает, что им надо запретить приводить этого плоскоголового на наши встречи и ритуалы, ведь они не предназначены для животных.

– Эй, плоскоголовый! Давай-ка убирайся отсюда. Уходи обратно в свою стаю, твое место как раз среди этих животных.

Поначалу Эйла была настолько ошеломлена, что не могла вымолвить и слова в ответ на эти откровенно пренебрежительные замечания. Затем она увидела, что Ридаг опустил глаза и, глядя в землю, побрел в направлении Рогожной стоянки. Пылая гневом, она набросилась на его обидчиков.

– Что с вами происходит? Как можете вы называть Ридага животным? Вы что, ослепли? – сказала Эйла, едва сдерживая ярость. Несколько проходивших мимо людей остановились и с интересом поглядывали на нее. – Разве вы не видите, что он понимает каждое ваше слово? Как же вы можете быть такими жестокими? Неужели вам не стыдно?

– А с чего это мой сын должен стыдиться? – сказала женщина, вступаясь за своего отпрыска. – Конечно, этот плоскоголовый – животное, и ему не следует присутствовать на ритуалах, посвященных Великой Матери.

Вокруг них начал скапливаться народ, и вскоре рядом с Эйлой уже собрались почти все члены Львиной стоянки.

– Эйла, не стоит обращать на них внимания, – примирительно сказала Неззи, стараясь остудить ее пыл.

– Животное?! Как ты смеешь называть Ридага животным?! Ридаг такой же человек, как и ты! – закричала Эйла, повернувшись к этой защитнице.

– Вот уж не думала, что услышу такое оскорбление, – заявила женщина. – Разве я похожа на плоскоголовых женщин?

– Нет, к сожалению, нет! Они более человечны, чем ты. У них гораздо больше сострадания и чуткости.

– Откуда ты так много знаешь о них?

– Никто не знает их лучше, чем я. Они приняли меня в свою семью и вырастили, когда я осталась совсем одна, заблудившись во время землетрясения. Я бы могла умереть, если бы женщина из клана не проявила ко мне сострадания, – сказала Эйла. – И я горжусь, что была женщиной клана и матерью...

– Нет! Эйла, не надо!.. – услышала она предостерегающий голос Джондалара, но ей уже было все равно.

– Да, они такие же люди, как мы и как Ридаг. И я знаю это, потому что у меня есть такой же сын.

– О нет! – с ужасом воскликнул Джондалар, проталкиваясь через толпу, чтобы поддержать Эйлу.

– Неужели она имеет в виду, что родила такого же сына? – сказал мужской голос. – Ребенка смешанных духов?

– Боюсь, Эйла, теперь уже поздно отступать, – тихо произнес Джондалар.

– Она дала жизнь такому выродку? Тогда нам лучше держаться подальше от нее, – сказал мужчина, подходя к женщине, которая спорила с Эйлой. – Если в нее вошел дух плоскоголовых, то от нее он может перекинуться и на других женщин.

– Это верно! Тебе тоже лучше держаться подальше от нее, – согласился другой мужчина стоявшей рядом с ним беременной женщине и отвел ее в сторону.

Толпа отступила назад, лица большинства людей выражали отвращение и страх.

– Клан? – вдруг сказал один из музыкантов. – Помните, она играла музыку, которую называла ритмами клана? Значит, она имела в виду плоскоголовых?

Оглянувшись кругом, Эйла ощутила сильнейшее желание сбежать от всех этих людей, которые с таким отвращением смотрели на нее. Закрыв глаза, она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, а затем гордо вскинула голову, решив отстаивать свою позицию. У них нет никакого права называть ее сына уродцем или выродком! Уголком глаза она видела, что Джондалар стоит рядом с ней, и ее сердце переполнилось такой благодарностью, которую она едва ли смогла бы выразить словами.

Невольно обернувшись в другую сторону, она улыбнулась, заметив подошедших к ней Мамута и Ранека. Неззи тоже стояла поблизости.

Затем к ней подошел Талут и даже Фребек. Вскоре практически вся Львиная стоянка собралась вокруг Эйлы.

– Вы заблуждаетесь, – обращаясь к толпе, произнес Мамут зычным и твердым голосом, который никак не вязался с его старческой внешностью. – Плоскоголовые не животные. Они люди и такие же дети Великой Матери, как и мы с вами. Я тоже жил когда-то у них и ходил вместе с ними на охоту. Целительница клана вылечила мою руку, и благодаря этим людям я узнал о своем призвании и стал Мамутом. Великая Мать никогда не допускает смешения разных духов. Не существует в этом мире лошади, смешанной с волком, или льва, смешанного с оленем. Люди клана отличаются от нас, но эти незначительные отличия чисто внешние. Если бы они не были людьми, то дети, подобные Ридагу или сыну Эйлы, никогда не появились бы на свет. И вы ошибаетесь, считая их вырожденками. Они самые обычные дети.

– Мне все равно, что ты говоришь, старый Мамут, – сказала беременная женщина. – Я не хочу, чтобы у меня родился плоскоголовый младенец или ребенок смешанных духов. Если она уже родила такого сына, то, значит, вокруг нее витает дух плоскоголового.

– Женщина, Эйла ничем не может навредить тебе, – ответил старый шаман. – Ты зачала ребенка от духа мужчины, избранного Великой Матерью. И это уже нельзя изменить. И Эйла не выбирала дух плоскоголового мужчины для своего ребенка, не притягивала к себе этот дух. Это был выбор Великой Матери. Ты должна помнить, что мужской дух всегда находится в непосредственной связи с самим мужчиной. Эйла росла в клане. Она стала женщиной, живя среди них. Когда Мут решила благословить ее ребенком, то Она могла выбрать мужской дух только среди тех мужчин, которые были рядом с Эйлой, а все они были мужчинами клана. Естественно, дух одного из них был избран для зачатия ее ребенка. Но скажи, разве ты видишь сейчас среди нас хоть одного мужчину клана?

– Старый Мамут, а что было бы, если бы поблизости оказались плоскоголовые? – крикнула одна из женщин, стоявшая в толпе.

– Я полагаю, что их дух мог бы быть избран только в том случае, если бы они жили в тесной близости с женщиной или делили с ней один очаг. Люди клана принадлежат к человеческому роду, хотя их вид несколько отличается от нашего. Великая Мать наказывает бесплодием, но Эйле Она послала ребенка, хотя соединение духов разных видов

людей – совсем непростое дело. И сейчас, когда вокруг столько мужчин мамутой, Она наверняка предпочтет выбрать мужской дух нашего племени.

– Это только твое мнение, Мамут, – раздался чей-то голос. – Но я не уверен, что ты прав. Пусть уж лучше моя женщина держится подальше от нее.

– Теперь понятно, почему она так хорошо общается с животными, ведь она выросла среди них.

Эйла обернулась и увидела, что эту насмешливую фразу бросил Чалег.

– А может, это означает, что их колдовство сильнее нашего? – заметил Фребек. Из толпы послышались испуганные возгласы.

– Я слышал, как она говорила, что в этом нет никакого колдовства. Наверное, любой человек может управлять ими.

Фребек узнал голос Мамута со стоянки Чалега.

– Тогда почему же никто из нас не смог сделать этого раньше? – спросил Фребек. – Поскольку ты, Мамут, сказал, что такое под силу любому человеку, то, может быть, продемонстрируешь нам, как ты едешь на лошади? Или, возможно, ты сможешь привести сюда послушного волка? Я видел, что даже птицы слетаются с неба, услышав свист Эйлы.

– Не пойму, Фребек, почему ты защищаешь ее, выступая против своей семьи, против родной стоянки? – спросил Чалег.

– О какой это стоянке ты говоришь? О той, что выгнала меня, или о той, что приняла меня под свой кров? Мой очаг – очаг Журавля, и моя стоянка – Львиная стоянка. Эйла жила с нами рядом всю зиму. Эйла была рядом, когда родилась Бекти, и эта девочка совершенно нормальная. Эта дочь моего очага вообще появилась на свет только благодаря помощи Эйлы.

Слова Фребека так взволновали Джондалара, что ему даже стало трудно дышать. Что ни говори, а надо обладать настоящей смелостью, чтобы выступить против своего брата, своих кровных родственников, против стоянки, на которой ты родился. Джондалару даже не верилось, что перед ним тот же самый человек, который раньше вечно мучил воду, провоцируя скандалы. Поначалу он с презрением относился к Фребеку, однако какого отношения заслуживает тот, кто испытывает стыд от того, что привел Эйлу на Львиную стоянку? Кто боялся того,

что скажут люди, узнав о ее прошлом? Кто испугался, что его родственники и его племя отвернутся от него, если он встанет на ее защиту? Фребек показал Джондалару, каким трусом он был. Фребек и Эйла...

Когда Джондалар заметил, что она подавила свой страх и вызывающе вскинула голову, он почувствовал, что гордится ею, как не гордился еще ни одним человеком. Затем ее окружили члены Львиной стоянки. Джондалар с трудом поверил собственным глазам. Все как один они встали на ее защиту. С благодарностью и гордостью размышляя об Эйле и ее защитниках, Джондалар даже забыл, что первым бросился ей на помощь.

Глава 34

Львиная стоянка вернулась на свою территорию, чтобы обсудить эти неожиданно возникшие осложнения. Первоначальное предложение немедленно покинуть Летний сход было быстро отклонено. В конце концов, они принадлежали к племени мамутои и имели право присутствовать здесь. Тули, отклонившись от прямого пути, зашла за Лэти, чтобы пригласить ее участвовать в этом обсуждении и предупредить о возможных неодобрительных замечаниях по отношению к ней самой, Эйле или всей Львиной стоянке. Лэти спросили, не хочет ли она отложить прохождение женского ритуала. Но она горячо вступилась за Эйлу и сказала, что вернется на Девичью стоянку для соблюдения всех традиций и обрядов, – и пусть только кто-нибудь попробует дурно отозваться об Эйле или о Львиной стоянке.

Затем Тули спросила Эйлу, почему она раньше не упоминала о своем сыне. Эйла объяснила, что ей не хотелось говорить о нем, потому что эти воспоминания были еще слишком болезненными для нее, а Неззи поспешила заметить, что ей было рассказано об этом с самого начала. Мамут тоже признался, что знал о ее сыне. Хотя Тули считала, что ей, как вождю стоянки, также могли бы сообщить об этом раньше, и удивилась, почему ее оставили в неведении, но она не стала винить Эйлу. Сейчас она размышляла о том, изменилось ли бы ее мнение об этой молодой женщине, если бы она знала о ее сыне, и признала, что тогда, наверное, не стала бы так высоко оценивать ее статус и положение в племени. Однако, подумав еще немного, она пришла к выводу, что эта новость не имеет существенного значения. Ведь это ни в коей мере не затрагивает дарований и способностей самой Эйлы.

Ридаг был очень расстроен и подавлен, и, как Неззи ни старалась, ей не удалось улучшить его настроение. Он отказывался от еды, не хотел выходить из палатки и практически ни с кем не общался. Похоже, единственным его желанием было просто сидеть где-нибудь в уголке, обнимая Волка за шею. Неззи была благодарна этому животному, проявлявшему столько терпения. Эйла тоже решила попробовать развлечь мальчика. Она нашла его сидящим в обнимку с волчонком на сложенном спальном покрывале в темном углу палатки. При ее приближении Волк поднял голову и завилял хвостом.

– Ты не против, если я посижу с тобой немного, Ридаг? – спросила она.

Он с равнодушным видом пожал плечами. Присев рядом с ним, Эйла начала спрашивать, как он себя чувствует, машинально сопровождая произнесенный вслух вопрос соответствующими жестами, пока не поняла, что в такой темноте он вряд ли что-нибудь видит. И тут она вдруг осознала, в чем реальное преимущество речевого общения. Конечно, на языке жестов можно выразить любые, самые сложные понятия, но его возможности ограничены, поскольку надо видеть собеседника.

Точно так же существует разница между методами охоты клана и мамутой. В обоих случаях эффективно используется копье, только клан использует это оружие для непосредственного колющего удара, а мамутой копья бросают, что значительно расширяет диапазон и возможности охоты. Эйла сама убедилась, как удобно пользоваться ручным, или знаковым, языком, если надо передать какое-то тайное или частное сообщение, но все же большим преимуществом произношения слов является то, что их можно воспринимать на слух. Посредством языка, использующего все возможности речевого аппарата, можно общаться с человеком, даже если ты не видишь его, если он находится в другом помещении. Можно также разговаривать одновременно с целой группой людей на достаточно далеком расстоянии. Можно окликнуть человека, если он не видит тебя, и беседовать, например, не отрываясь от шитья, поскольку руки в таком общении не участвуют. И наконец, можно вести душевные разговоры в полной темноте.

Ни о чем больше не спрашивая, Эйла просто сидела рядом с мальчиком, обняв его за плечи. Спустя некоторое время она тихо начала рассказывать Ридагу о своей жизни в клане.

– Этот Сход чем-то напомнил мне Сходбище клана, – сказала она. – Хотя внешне я выгляжу так же, как любой мамутой, но все-таки я чувствую, что между нами много различий. В клане я резко выделялась своей внешностью. Я была выше любого мужчины... меня считали просто большой и тощей уродливой женщиной. Наше прибытие на Сходбище вызвало страшное возмущение. Они не хотели принимать клан Брана, поскольку я была с ними. Все говорили, что я не принадлежу к клану, но Креб постарался убедить их в обратном. Он был Мог-уром, и они не осмелились спорить с ним. Хорошо еще, что

Дарк тогда был совсем маленьким. Но все равно они решили, что он какой-то уродец, и с удивлением разглядывали его. В общем, ты представляешь себе, как это было. Но Дарк был нормальным мальчиком, просто он был ребенком смешанных духов, так же как и ты. Или, возможно, ты больше похож на Уру. Ее мать принадлежала к клану.

– По-моему, ты говорила, что Ура должна будет соединиться с Дарком? – спросил Ридаг, повернувшись к свету, идущему от костра, чтобы его движения были видны Эйле. Он невольно заинтересовался ее рассказом.

– Да. Ее мать нашла меня, и мы обо всем договорились. Она очень обрадовалась, узнав, что в клане есть еще один такой ребенок, мальчик, похожий на ее дочь. Она очень боялась, что ее дочь никогда не сможет найти пару. Но, честно говоря, я тогда не придавала этому особого значения. Я была просто благодарна, что клан принял Дарка.

– Клан принял Дарка? Несмотря на то что он был не таким, как они? – знаками спросил Ридаг.

– Да, Бран признал его, Креб дал ему имя. Даже Бруду пришлось смириться с этим. И все любили Дарка – за исключением Бруда, – даже Ога, женщина очага Бруда. Когда у меня пропало молоко, она кормила его вместе со своим сыном, Грувом. Они росли вместе, как братья, и стали хорошими друзьями. Старый Грод смастерил Дарку маленькое копье для детских игр. – Эйла улыбнулась, вспомнив об этом. – Но больше всех его любила Уба, моя сестра. Мы с ней были как родные, так же как ты с Руги. Теперь она стала матерью Дарка. Я отдала его Убе, когда Бруд заставил меня покинуть клан. Возможно, внешне Дарк немного отличается от них, но все же клан принял его.

– Я ненавижу Летний сход! – Гневные жесты Ридага были исполнены отчаяния. – Как бы мне хотелось жить в клане вместе с Дарком.

Отчаяние Ридага потрясло Эйлу. Постаравшись отвлечь его разговором, она в конце концов уговорила его немного поесть, а потом уложила спать, но мысли ее невольно возвращались к последним словам мальчика.

Ранек наблюдал за Эйлой весь вечер. Он заметил ее удрученное состояние, она постоянно отвлекалась от дел и за вечерней трапезой почти ничего не ела, рассеянно глядя куда-то вдаль или сосредоточенно

размышляя о чем-то. Он понял, что она сильно расстроена, и ему очень хотелось как-то утешить ее, разделить с ней эти печальные думы.

В эту ночь никто из обитателей не покинул Рогожную стоянку, поэтому в палатке было полно народу. Ранек ждал, когда Эйла наконец пойдет спать.

– Может быть, сегодня ты будешь со мной, Эйла? – Ранек заметил, что она опустила глаза и нахмурилась. – Мы не будем делить дары Радости, – быстро добавил он, – если ты этого не хочешь. Я понимаю, что у тебя сегодня был трудный день...

– Я думаю, для Львиной стоянки он был еще более трудным, – сказала Эйла.

– Да нет, мне так не кажется, но это не имеет значения. Мне просто хочется как-то помочь тебе, Эйла. Возможно, вместе нам будет теплее и моя любовь утешит тебя. Мне хочется быть рядом с тобой этой ночью.

Она согласно кивнула и, забравшись под меховое покрывало, устроилась рядом с Ранеком, но ей не спалось, она не могла даже лежать спокойно, и он осознал это.

– Эйла, что тебя беспокоит? Ты не хочешь поделиться со мной? – сказал Ранек.

– Я все думаю о Ридаге и о моем сыне, не знаю, смогу ли я рассказать об этом. Сначала мне нужно самой все обдумать.

– Наверное, ты предпочитаешь сейчас лежать в своей постели? – спросил он после недолгого молчания.

– Я понимаю, что ты хочешь помочь мне, Ранек, и уже от этого мне становится гораздо легче. Я даже не могу передать, как я обрадовалась там, на поляне, увидев, что ты стоишь рядом со мной. И я очень благодарна также Львиной стоянке. Все относились ко мне так доброжелательно, с удивительной чуткостью. Мне кажется, что я вовсе не заслуживала такого отношения. Я очень многому научилась у них, и я так гордилась, что стала мамутой, гордилась тем, что могу сказать, что я принадлежу к этому племени. Я думала, все Другие – те люди, которых я привыкла называть Другими, – похожи на обитателей Львиной стоянки, но теперь я знаю, что была не права. Так же как в клане, здесь много хороших людей, но есть и плохие, хотя даже хорошие люди могут иногда в чем-то заблуждаться. У меня была одна мечта... в общем, я планировала одно дело... но сейчас мне надо все серьезно обдумать.

– А думать тебе лучше в своей постели. Я понимаю, что моя близость смущает тебя. Можешь идти к себе, Эйла, все равно ты останешься рядом со мной, – сказал Ранек.

Не только Ранек весь вечер наблюдал за Эйлой; когда Джондалар заметил, что она, выбравшись из-под покрывала Ранека, перешла в свою постель, то испытал странное смешанное чувство. С одной стороны, он был рад, что ему не придется скрипеть зубами, слыша, как они делят дары Радости, но ему вдруг стало искренне жаль Ранека. Если бы он был на месте этого темнокожего резчика, ему бы захотелось удержать Эйлу, утешить ее, постараться взять на себя часть ее переживаний. И он наверняка был бы огорчен, если бы она ушла от него, решив спать одна.

Когда Ранек заснул и всю стоянку окутала глубокая тишина, Эйла тихонько встала, накинула легкую парку, чтобы не замерзнуть в ночной прохладе, и, взглянув на яркое звездное небо, выскользнула из палатки. Волк не замедлил последовать за ней. Они направились к лошадиному навесу, и их приветствовали ржание Удальца и тихое довольное пофыркивание Уинни. Эйла погладила и почесала своих питомцев, сопровождая эти действия успокаивающими словами, а затем она прижалась к Уинни, обняв ее за шею.

Из палатки за Эйлой следила пара встревоженных глаз. Джондалар тоже не мог заснуть. Он видел, что она встала, и тихо последовал за ней. Сколько раз он видел, как она ищет утешения рядом с Уинни. Он порадовался, что она всегда может найти сочувствие у этих животных, но ему очень хотелось оказаться сейчас на месте кобылы. Однако было уже слишком поздно. Эйла больше не любит его, и он не мог винить ее в этом. При всем своем нынешнем душевном состоянии он вдруг по-новому взглянул на все свои действия и совершенно ясно понял, что сам во всем виноват. С самого начала он притворялся, что хочет быть справедливым, предоставляя ей право выбора. Он сам отвернулся от нее из-за глупой ревности. Ему было обидно, и он тоже хотел обидеть ее.

«Но признайся, Джондалар, – сказал он, продолжая мысленно разговор с самим собой, – что дело не только в этом. Тебе было обидно, но ты знал, как она воспитывалась. Она даже не понимала, что такое ревность. Когда она первый раз согласилась разделить с Ранеком дары Радости, то просто поступила так, как подобает вести себя воспитанной

женщине клана. Именно ее клановое прошлое беспокоило тебя больше всего. Ты стыдился ее. Стыдился своей любви к ней, боялся, что тебе придется столкнуться с той враждебностью, которой она противостояла сегодня. Ты не знал, осмелишься ли встать на ее защиту. Что стоят все твои слова о любви, если ты даже не знал, чью сторону примешь? А стыдиться-то надо было не любви, а своей собственной трусости и малодушия. Но сейчас уже слишком поздно. Ты больше не нужен ей. Она готова была постоять за себя, и, кроме того, вся Львиная стоянка встала на ее защиту. Она совсем не нуждается в тебе, да ты и не заслуживаешь этого».

В конце концов ночной холод заставил Эйлу вернуться в палатку. Войдя внутрь, она взглянула на лежанку Джондалара. Тот лежал, отвернувшись от входа. Она скользнула под меховое покрывало и почувствовала, как чья-то тяжелая сонная рука опустилась на ее плечо. Она знала, что Ранек любит ее. И она тоже по-своему любила его. Тихо лежа в своей постели, она слышала ровное дыхание Ранека. Вскоре он повернулся на другой бок и убрал руку.

Эйла старалась заснуть, но не могла избавиться от навязчивых и тревожных мыслей. Она не раз думала о том, как хорошо было бы забрать Дарка из клана, чтобы он жил с ней на Львиной стоянке. Но сейчас она спрашивала себя, где ему будет лучше.

«Будет ли он счастлив, если я приведу его сюда? Сможет ли он быть счастливым в окружении людей, которые, скорее всего, будут ненавидеть его? Будут называть его плоскоголовым или, еще хуже, мерзким выродком? В клане все его знают и любят; он стал полноправным членом их племени. Возможно, Бруд и ненавидит его, но даже на Сходбище клана у него наверняка будет много друзей. Все признали его, и ему будет разрешено участвовать во всех состязаниях и ритуалах... Интересно, обладает ли Дарк памятью клана?..

Раз уж я не могу забрать его к себе, то, возможно, мне лучше вернуться и жить в клане? Но смогу ли я вновь смириться с обычаями клана, после того как нашла людей своего вида? Там никто не позволит мне держать животных. Смогу ли я отказаться от Уинни, Удальца и Волка ради того, чтобы иметь возможность жить рядом с Дарком? А нужна ли я Дарку? Он был совсем маленьким, когда я покинула клан, но сейчас он уже не ребенок. Наверное, Бран учит его охотиться...

Вероятно, Дарк уже принес в пещеру свою первую маленькую добычу, чтобы показать Убе. – Эйла улыбнулась, представив себе эту картину. – Уба наверняка похвалила его, сказав, что он стал настоящим охотником, смелым и сильным...

У Дарка есть мать! – поняла вдруг Эйла. – Его мать – Уба. Она растила и воспитывала его, лечила его ссадины и ушибы. Как же я могу забрать его у нее? Кто позаботится о ней, когда она станет старой? Я даже не смогла выкормить его своим молоком, у любой женщины в той пещере больше прав называться его матерью.

Но в любом случае я не смогла бы вернуться к ним. Ведь Бруд проклял меня. Для клана я мертва! Я только напугаю Дарка и всех остальных, если приду к ним. Даже если бы я не была проклята смертным проклятием, был бы он рад видеть меня? Возможно, он уже даже не вспоминает обо мне?

Он был совсем ребенком, когда я ушла из клана. А сейчас Дарк, наверное, отправился вместе со всеми на Сходбище клана и встретился с Урой. Конечно, пока он еще не достиг зрелости, но, должно быть, подумывает о том, что вскоре они с Урой будут жить вместе. Так же как я, он собирается основать свой очаг, – думала Эйла. – Даже если мне удастся убедить его, что я не дух, Дарк захочет взять с собой Уру, а она тоже не будет счастлива здесь. Ей и так будет трудно оставить свою семью и перейти жить в клан Дарка, но ей будет гораздо сложнее привыкнуть к совершенно незнакомому миру, где все люди так сильно отличаются от нее. Тем более если в этом мире ее ждет ненависть и непонимание.

А что, если я вернусь в свою долину? А потом приведу туда Дарка и Уру? Но Дарк привык жить среди людей... так же как и я. Мне не хочется больше жить одной, так почему же Дарк должен захотеть жить уединенно в моей долине?

Я все время думала о себе, а не о Дарке. Что хорошего может ждать его здесь? Жизнь со мной не сделает его счастливее. Счастлива буду только я сама. Но ведь меня можно назвать матерью только потому, что я родила его. Теперь его мать – Уба. Я для него – не более чем воспоминания об умершей матери, и, возможно, это даже к лучшему. Его место – в клане, а мое – нравится мне это или нет – здесь. Я не могу вернуться в клан, а Дарк не сможет жить здесь. В этом мире нет места, где мой сын и я могли бы счастливо жить вместе».

На следующее утро Эйла проснулась рано. Хотя ей в конце концов удалось заснуть, сон ее был беспокойным. Она часто просыпалась от страха, прерывая нить кошмарных сновидений; ей всю ночь снились землетрясения и обваливающиеся стены пещер, и наутро она чувствовала себя встревоженной и подавленной. Помогая Неззи греть воду для супа и молоть зерна для утренней трапезы, Эйла была рада возможности поделиться с ней своими мыслями.

– Неззи, я чувствую себя такой виноватой из-за того, что создала вам столько неприятностей. Из-за меня все теперь обходят Львиную стоянку стороной, – сказала Эйла.

– Даже не думай об этом. Ты ни в чем не виновата, Эйла. У нас был выбор, и мы сделали его. Ведь ты просто защищала Ридага, а он тоже член стоянки, по крайней мере мы так считаем.

– Но благодаря вчерашнему скандалу я поняла кое-что, – продолжала Эйла. – С тех пор как я покинула клан, я часто думала о том, что когда-нибудь вернусь туда, чтобы забрать моего сына. Теперь я поняла, что никогда не смогу этого сделать. Не смогу привести его сюда и не смогу жить с ним там. И сейчас от осознания того, что я больше никогда не увижу его, мне вдруг стало так плохо, словно я только что вновь потеряла его. Может, мне стало бы легче, если бы я могла выплакать свое горе, но я испытываю лишь жуткую холодную опустошенность.

Неззи перебирала собранные вчера ягоды, отрывая зеленые плодоножки. Оставив свое занятие, она посмотрела на Эйлу спокойным взглядом:

– Жизнь порой обманывает ожидания. Люди часто теряют своих родных и близких. Бывают и настоящие трагедии. Ты потеряла свое племя, когда была маленькой. Для тебя это было огромным несчастьем, но ты не в силах изменить этого. Бывает только хуже, когда люди начинают винить себя. Уимез, например, живет с постоянным чувством вины, считая, что из-за него погибла его любимая женщина. Я думаю, что Джондалар также чувствует себя виноватым из-за смерти своего брата. Ты потеряла сына. Расставание с ребенком трудно дается любой матери. Тебе все же легче. Ты знаешь, что он, скорее всего, жив и здоров. Ридаг потерял свою мать... и когда-нибудь я потеряю его.

После завтрака Эйла вышла из палатки. Вокруг Рогожной стоянки собралось много народу. Она внимательно посмотрела в сторону этого собрания, а затем перевела взгляд на Лиственную стоянку – так их соседи называли свое летнее жилище, – расположившуюся рядом с ними. Эйла удивилась, поймав на себе взгляд Авари, и задумалась о том, не жалеют ли они, что их стоянка оказалась в непосредственной близости с Львиной стоянкой.

* * *

Подойдя к палатке своего брата, называемой очагом Мамонта, Авари подергала полу входного занавеса и, не дожидаясь ответа, вошла внутрь. Лежанка Винкавека занимала почти половину этого небольшого помещения. На каркас из мамонтовых костей, скрепленных сыромятными ремнями, была натянута богато украшенная шкура, центральная часть лежанки имела своеобразную опору для спины. Винкавек, откинувшись, сидел на меховом покрывале.

– Я в полном смущении, – сказала она без каких-либо предисловий.

– Могу себе представить, – ответил он. – Обитатели Львиной стоянки так усердно помогали нам строить жилище, что все мы испытывали к ним самые дружеские чувства. А лошади и волчонок Эйлы всех просто очаровали и даже вызывали благоговейный страх. Но теперь, если полагаться на все наши обычаи и легенды, мы должны считать, что Львиная стоянка осквернила свой дом, приютив женщину, ставшую вместилищем ужасного злого духа; женщину, притягивавшую к себе дух плоскоголовых, как огонь притягивает мошкарку из ночной тьмы; женщину, которая может заразить этим злым духом других женщин. Что ты думаешь по этому поводу, Авари?

– Даже не знаю, что сказать, Винкавек. Мне нравится Эйла, и совсем не похоже, что она стала вместилищем злого духа. И этот мальчик ничем не напоминает животное. Он просто выглядит болезненным и не может говорить, но я верю, что он все понимает. Возможно, он тоже человек, как и остальные плоскоголовые. Может, старый Мамут прав и Великая Мать, решив подарить Эйле ребенка, просто выбрала дух одного из тех мужчин, что окружали ее. Хотя я и

подумать не могла, что она или этот старик когда-то жили с плоскоголовыми.

– Да, этот старик прожил так много лет, что успел забыть больше, чем десяток мужчин успеют узнать за всю жизнь, и, вероятно, он, как обычно, прав. Я просто чувствую это, Авари. Мне кажется, вчерашняя история не будет иметь дурных последствий. В Эйле есть нечто особенное, и мне думается, что Великая Мать действительно избрала ее. Она выйдет из этого испытания еще более сильной, чем была прежде. Давай выясним, что думает Мамонтовая стоянка по поводу соседства с Львиной стоянкой.

* * *

– Кто знает, где сейчас Тули? – спросила Фрали, окидывая взглядом палатку.

– Она пошла вместе с Лэти на Девичью стоянку, – сказала Неззи. – А что случилось?

– Ты помнишь тех людей, что приходили с предложением удочерить Эйлу?

– Да, – ответила Неззи. – Тули еще сочла, что не стоит серьезно рассматривать их предложение.

– Так вот, они опять пришли и спрашивают Тули.

– Пожалуй, я выйду и спрошу, что им надо, – сказала Неззи.

Эйла решила подождать ее возвращения, не желая видеть их, пока в этом не было необходимости. Неззи вернулась очень быстро:

– Они по-прежнему хотят удочерить тебя, Эйла. У вождя этой стоянки четверо сыновей. Они хотят, чтобы ты стала их сестрой. Их вожди считают, что раз у тебя уже есть сын, то это только повышает твою ценность, и они готовы дать более щедрое вознаграждение. Может быть, ты выйдешь и поблагодаришь их во имя Великой Матери?

* * *

Тули и Лэти решительно и смело проходили мимо стоянок, они шли бок о бок, с гордо поднятыми головами, игнорируя любопытные

взгляды людей, идущих навстречу им.

– Тули! Лэти! Подождите меня, – крикнула Бреси, торопливо догоняя их. – Тули, мы как раз собирались послать к вам гонца. Нам хочется пригласить вас сегодня вечером на вечернюю трапезу Ивовой стоянки.

– Благодарю тебя, Бреси. Я ценю твое приглашение. Конечно, мы с удовольствием придем. Я не сомневаюсь, что мы можем положиться на тебя.

– Да, Тули, мы с тобой давно дружим и хорошо знаем друг друга. Порой люди склонны верить выдумкам, которые передаются из поколения в поколение. И лучшим доказательством того, что они не стоят внимания, для меня является ребенок Фрали.

– При этом учти, что она родилась раньше срока. Бекти вряд ли осталась бы в живых без помощи Эйлы, – заметила Лэти, спеша защитить свою подругу.

– Конечно, я не могла догадаться, откуда она у вас появилась. Все считали, что ее привел Джондалар. Они оба такие высокие и светловолосые, но я была знакома с Джондаларом и его братом и помню, как мы вытащили их из трясины, когда жили недалеко от моря Беран. Тогда ее не было с ними, и, кроме того, меня удивило ее произношение. Мамутой и сангайи так не говорят. Правда, для меня остается загадкой, почему ее слушаются эти лошади и волк.

Настроение Тули значительно улучшилось, и она с легкой улыбкой повела Лэти к центру лагеря, где располагались земляные жилища Волчьей стоянки.

* * *

– И много делегаций у вас побывало? – спросил Тарнег Барзека, когда тот проводил очередную группу людей.

– На нашу сторону уже встала примерно половина племени, – ответил Барзек. – И мне кажется, я знаю еще пару стоянок, которые тоже пришлют дружественные делегации.

– Это хорошо, хотя остается еще вторая половина, – заметил Талут. – Некоторые настроены очень враждебно. Кто-то даже требовал, чтобы мы покинули Летний сход.

– Так-то оно так, но ты же знаешь, что статус у этих стоянок довольно низок. И я слышал, что только Чалег требовал, чтобы мы ушли отсюда.

– Тем не менее все они – мамутои... И как говорится, семена раздора, подхваченные злым ветром, могут укорениться, – мудро заметила Неззи.

– Ох, не нравится мне этот раскол, – сказал Талут. – На этих враждебно настроенных стоянках немало хороших людей. Надо бы придумать, как восстановить дружеские отношения.

– Эйла тоже очень расстроена. Она говорит, что из-за нее Львиная стоянка попала в такое неприятное положение. Ты видел, как она посмотрела на тех любителей кулачного боя, когда они стали издеваться над ней, обзывая «звериной женщиной»?

– Ты говоришь о тех подростках, которых мы встретили на берегу ре... – начал было Дануг, но Тарнег быстро прервал его:

– Неззи, наверное, имеет в виду брата и сестру, которые были наказаны за драку. Помнишь, как Эйла и Диги привели их на Совет Сестер?

«Данугу следовало бы быть поосторожнее, – подумал Тарнег. – Он едва не проговорился о том, из-за чего подрались подростки».

– Я никогда еще не видела Ридага таким подавленным, – продолжала Неззи. – Он всегда тяжело переносил время Летних сходов. Естественно, ему не нравится, как люди относятся к нему, но в этом году его настроение значительно хуже... возможно, потому, что он успел привыкнуть к тому, что все на нашей стоянке относятся к нему как к равному. Боюсь, это может повредить ему, но я не знаю, что делать. Даже Эйла беспокоится за его здоровье, и это еще больше тревожит меня.

– А где сейчас Эйла? – спросил Дануг.

– Отправилась с лошадьми на прогулку, – сказала Неззи.

– По-моему, она может считать своеобразной похвалой то, что ее называют «звериной женщиной». Надо признать, что она отлично умеет обращаться с разной живностью, – сказал Барзек. – Кое-кто даже думает, что она может говорить с духами животных, вызывать их из другого мира.

– Но некоторые считают это доказательством того, что она жила с животными, – напомнил ему Тарнег. – И они обвиняют ее в том, что она

притягивает к себе инородный дух, а это уже никак не назовешь одобрением.

– Эйла всегда говорила, что любой может приручить животное, – напомнил Талут.

– Правда, она считает, что для этого не надо обладать особым даром, – сказал Барзек. – Может, поэтому ее недруги относятся к ней не слишком уважительно. Люди скорее поверят таким, как Винкавек, который всячески старается показать, как велико его могущество.

– Возможно, ты прав, Барзек, – заметил Тарнег. – Просто удивительно, как быстро люди привыкли к этим дружелюбно настроенным животным. Хотя и лошади, и волк вроде бы ведут себя совершенно естественно. С виду они ничем не отличаются от других животных, если не считать того, что люди могут подойти к ним и даже почесать за ухом. Но если серьезно подумать, то такое поведение совершенно необъяснимо. Почему волк подчиняется командам ребенка, которого он мог бы разорвать на части? Почему лошадь позволяет человеку садиться себе на спину и везет его, куда он пожелает? И как человеку вообще пришло в голову попробовать приручить их?

– Я не удивлюсь, если Лэти тоже попытается сделать это, – сказал Талут.

– Да, уж если кто-то займется этим, то именно она, – согласился Дануг. – Ты видел, куда она отправилась первым делом, когда Тули вчера привела ее сюда? Естественно, к лошадиному навесу. Она скучает по этим лошадям больше, чем по людям. По-моему, она просто жить без них не может.

* * *

Джондалар слушал, не проронив ни слова. Ситуация, в которую Эйла попала, рассказав о своей жизни, была болезненной и унижающей ее достоинство. Но во многих отношениях положение было не настолько плохим, как он вообразил себе. Он был удивлен, что ее осудили не очень строго. Он ожидал, что ее будут обливать грязью, выгонят, подвергнут презрению. Может быть, табу его народа было строже, или это он так считал?

Когда Львиная стоянка встала на ее защиту, он подумал, что это редкое исключение, они больше других склонны прощать благодаря Ридагу. Потом, когда Винкавек и Авари из Мамонтовой стоянки пришли оказать поддержку, Джондалар изменил свое мнение, а когда все больше и больше людей из других стоянок стали добровольно приходить, чтобы поддержать Львиную стоянку, он был вынужден пересмотреть собственные убеждения.

Джондалар был человеком материального мира. Он понимал такие понятия, как любовь, сострадание, гнев, и, основываясь на своих собственных ощущениях, сопереживал им, хотя не мог ясно сформулировать их. Он был способен умно рассуждать на разные философские и духовные темы, но они его не увлекали, и он принимал на веру позиции своего общества. Но Эйла встретила толпу с таким достоинством и спокойной силой, что уважение к ней возросло. Это позволило ему многое понять.

Он начал осознавать, что определенное поведение не становится плохим только потому, что некоторые люди считают его неправильным. Человек может выступить против общепринятого убеждения и защищать свои личные принципы, и, хотя это может дорого стоить ему, не обязательно все будет потеряно для него. Он даже может приобрести что-то важное, во всяком случае для себя. Эйлу не изгнали из народа, который совсем недавно принял ее. Половина их хотели принять ее обратно и считали ее женщиной редкого таланта и храбрости.

Другая половина была противоположного мнения, но не все по одной и той же причине. Некоторые считали эту ситуацию удачной возможностью завоевать влияние и статус, противостоя сильной Львиной стоянке, чье положение в данный момент под угрозой. Другие искренне приходили в ярость из-за того, что такой испорченной женщине разрешено жить среди них. По их мнению, она олицетворяла зло и даже еще хуже, потому что она не казалась дьяволом. Она выглядела как любая другая женщина и даже была более привлекательной, чем большинство других женщин, но она одурачила их этим своим трюком по управлению животными, которому наверняка научилась, когда жила с отвратительными плоскоголовыми мерзостями, которые дурачили людей, заставляя их думать, что они тоже люди.

Многие боялись ее. По ее собственному признанию, она произвела на свет одного из тех незаконнорожденных полуживотных и теперь

угрожала каждой женщине на Летнем сходе. Несмотря на то что говорил старый Мамут, все знали, что определенные мужские духи постоянно притягиваются к одной и той же женщине. Львиная стоянка позволила Неззи привести такого ребенка-звереныша, и теперь посмотрите, что у них получилось! Еще больше животных и отвращение к этой женщине. Надо отлучить всю Львиную стоянку!

Мамутой были тесно связаны друг с другом. Почти любой мог насчитать по крайней мере одного родственника или друга в каждой стоянке. Но теперь плотно их жизни грозило разорваться, и многие люди, включая Талута, были очень огорчены. Собрались Советы, но все кончилось ожесточенным спором. Это была беспрецедентная ситуация, и у них не было способа или стратегии, чтобы разрешить ее.

* * *

Даже ослепительное послеполуденное солнце не смогло рассеять мрачного настроения, царившего в лагере. Возвращаясь на Рогожную стоянку, Эйла вместе с Уинни поднималась по склону и заметила чуть в стороне от тропинки небольшое углубление в земле, откуда, судя по цвету, брали красную охру. Это напомнило ей о посещении Дома музыки. Хотя мамутой по-прежнему хотели устроить большое празднество после охоты на мамонтов и музыканты неизменно собирались на репетиции, однако того чудесного волнения, с которым все ждали этого события, уже не было. Серьезные разногласия, грозившие испортить этот Летний сход, омрачили даже те радостные чувства, с которыми Диги ждала Брачного ритуала, а Лэти – приобщения к статусу женщины.

Эйла уже поговаривала о своем уходе, но Неззи убедила ее, что это ничего не решит. Причина конфликта не сводилась к ее признанию. Просто Эйла дала повод для того, чтобы стороны смогли наконец открыто высказать свои взгляды, между которыми существовали серьезные расхождения. Неззи сказала, что эти разногласия появились давно, когда она решила усыновить Ридага. Многие люди до сих пор не одобряют, что ему позволено жить среди них.

Здоровье Ридага серьезно беспокоило Эйлу. Он редко улыбался, утратил присущий ему мягкий юмор. Он потерял аппетит, и она

подозревала, что он плохо спит по ночам. Казалось, Ридаг с интересом слушает ее рассказы о жизни клана, хотя он почти не принимал участия в разговоре, лишь изредка вставляя какие-то замечания или задавая вопросы.

Решительным шагом Эйла шла по лагерю, отвечая на дружелюбные приветствия и не обращая внимания на злобные взгляды. Подойдя к Дому музыки, она увидела Диги.

– Эйла! Как удачно, что мы встретились, а то я собиралась искать тебя. Ты идешь куда-то по делу?

– Да нет, я просто решила прогуляться.

– Отлично! Я собиралась навестить Треси и взглянуть на ее малыша. Я уже несколько раз заходила к ней, но мне никак не удавалось застать ее дома. А сейчас Кули сказала мне, что видела, как Треси направилась к своей стоянке. Ты не хочешь составить мне компанию?

– С удовольствием.

Подруги направились к жилищу Марли, вождя Волчьей стоянки, где жила ее дочь Треси.

– Мы пришли к тебе с ответным визитом, Треси, – объяснила Диги, входя в дом, – и нам не терпится взглянуть на твоего малыша.

– Проходите, – сказала Треси. – Я только что уложила его.

Диги взяла ребенка на руки и с улыбкой разглядывала его, приговаривая какие-то ласковые и нежные слова. Наконец Треси почти с вызовом обратилась к стоящей чуть в стороне Эйле:

– А ты не хочешь посмотреть на него?

– Конечно хочу.

Она взяла младенца из рук Диги и внимательно посмотрела на него. Кожа его была очень светлой, почти просвечивающей, глаза тоже были совсем светлыми, едва тронутыми синевой. Ярко-рыжие волосы были закручены в такие же тугие спирали, как у Ранека, но главное сходство было в чертах лица, именно поэтому младенец казался точной копией Ранека. Эйла сразу поняла, что Ралев – сын Ранека. Ранек способствовал его зачатию точно так же, как Бруд способствовал появлению на свет Дарка. Эйла невольно подумала, будут ли ее дети похожи на Ралева, если она забеременеет от Ранека?

Эйла покачала младенца, тихонько разговаривая с ним. Он с интересом смотрел на нее как зачарованный, а потом вдруг улыбнулся и

рассмеялся каким-то мягким восхищенным смехом. Прижав младенца к себе, Эйла коснулась щекой его личика, ощутив шелковистую мягкость кожи, и ее сердце растаяло от нежности.

– Разве он не прекрасен, Эйла? – сказала Диги.

– Да, разве он не прекрасен? – повторила Треси более резким тоном.

Эйла взглянула на молодую мать:

– Нет, он не прекрасен. – (Диги удивленно ахнула.) – Никто никогда не назовет его красивым, но он самый... очаровательный ребенок из тех, что мне приходилось видеть. Ни одна женщина в мире не устоит перед ним. А ему и не обязательно быть красивым, Треси. В нем есть нечто особенное. Наверное, ты очень счастлива, ведь у тебя родился такой славный малыш.

Натянутая улыбка матери смягчилась.

– Конечно счастлива, Эйла. И я согласна с тобой, он не красавец, но очень славный и милый малыш.

Вдруг до них донеслись громкие взволнованные крики – в лагере явно случилось что-то страшное. Все три женщины поспешили к выходу.

– О Великая Мать! Моя дочь! Помогите! Помогите! – рыдая, кричала женщина.

– Что случилось? Где она? – спросила Диги.

– Там лев! Лев поймал ее! Внизу, на лугу. О, пожалуйста, спасите ее!

Несколько мужчин с копьями уже бежали в сторону реки.

– Лев! Нет, не может быть! – воскликнула Эйла, устремляясь вслед за ними.

– Эйла! Куда ты?! Вернись! – кричала Диги, пытаясь остановить ее.

– Надо спасти девочку, – не останавливаясь, ответила ей Эйла.

Она мчалась к реке, к выходу из долины, где уже собралась толпа людей. Они в ужасе смотрели то на вооруженных копьями мужчин, мчавшихся вниз по склону, то на большого пещерного льва с лохматой рыжеватой гривой, бегавшего на зеленом заречном лугу вокруг высокой худенькой девочки, которая, казалось, оцепенела от страха. Эйла пригляделась к этому большому хищнику и, когда ее догадки

подтвердились, стремглав бросилась назад. Волчонок следовал за ней по пятам.

– Ридаг! – крикнула Эйла. – Скорее иди сюда и забери Волка! Я должна спасти девочку.

Когда Ридаг вышел из палатки, она повелительным голосом приказала волчонку оставаться с ним и затем велела мальчику ни на шаг не отпускать волчонка от себя. Только после этого Эйла свистнула Уинни.

Легко вскочив на спину лошади, она поскакала вниз к реке. Мужчины с копьями уже прыгали по камням переправы. Уинни прошла рядом с ними; оказавшись на твердой земле, Эйла пустила ее в галоп и поскакала прямо ко льву и девочке. Люди, следившие за ней, были совершенно потрясены.

– И зачем только она поскакала туда? Все равно ничем не поможет! – сказал кто-то раздраженным голосом. – У нее даже копыта нет. Пока лев, похоже, не тронул девочку, но Эйла со своей лошадкой может рассердить его. Если ребенок погибнет, то это будет ее вина.

Джондалар слышал эти замечания, так же как и еще несколько человек Львиной стоянки, которые вопросительно посмотрели на него. Но он просто наблюдал за Эйлой, не спеша высказать свои догадки. У него пока не было уверенности, но Эйла, должно быть, узнала своего питомца, иначе бы она не стала подвергать опасности Уинни.

Когда Эйла и Уинни появились на лугу, огромный пещерный лев остановился и, склонив голову набок, посмотрел на женщину. Она заметила шрам на его носу, хорошо знакомый ей шрам. Эйла помнила, когда он получил эту рану.

– Уинни, посмотри, ведь это Вэбхья! Это действительно наш Вэбхья! – воскликнула она, останавливая лошадь и соскакивая на землю.

Она подбежала ко льву, даже не подумав о том, помнит ли он ее. Это был ее Вэбхья. А она была его матерью. Она нашла его, когда он был еще детенышем, и залечила его раны. Он рос и учился охотиться вместе с ней и Уинни.

И это было то самое бесстрашие, которое он помнил. Девочка в ужасе наблюдала, как лев направился к Эйле. Но Эйла знала, что сейчас произойдет: подбежав к ней, лев повалит ее на землю, и она запустит

свои руки в его лохматую гриву и обнимет его, а он обхватит ее передними лапами и сожмет в своих львиных объятиях.

– О Вэбхья, ты вернулся. Как же ты нашел меня? – плача от радости, говорила Эйла, вытирая слезы его жесткой гривой. Наконец ей удалось приподняться и сесть, а он начал слизывать соленые слезы с ее щек своим шершавым языком. – Перестань! – смеясь, сказала она. – Ты сдерешь с меня кожу.

Она почесывала его любимые места, а он, улегшись с ней рядом, тихо урчал от удовольствия. Затем он перевернулся на спину, чтобы она погладила его живот. Эйла заметила, что высокая белокурая девочка все еще неподвижно стоит рядом, потрясенно наблюдая за ними округлившимися от удивления глазами.

– Он искал меня, – сказала ей Эйла. – Думаю, он просто ошибся, приняв тебя за меня. Ты уже можешь уходить, только иди спокойно, не беги.

Она гладила Вэбхья по животу, почесывала за ушами, пока девочка не оказалась в объятиях одного из мужчин, который прижал ее к себе с видимым облегчением и затем повел вверх по тропе. Остальные мужчины по-прежнему стояли на берегу реки, держа копья наготове. Среди них Эйла увидела Джондалара с копьеметалкой, тоже приведенной в боевую готовность, рядом с ним был темнокожий мужчина. С другой стороны от Ранека стояли Талут и Тули.

– Тебе придется уйти, Вэбхья. Я не хочу, чтобы они причинили тебе вред. Даже если ты – самый большой пещерный лев на земле, копье может убить тебя, – говорила Эйла используя свой особый язык, включавший слова и жесты клана и звуки, напоминающие львиное ворчание.

Вэбхья понимал значение этих звуков и определенных жестов. Перевернувшись, он поднялся с земли. Эйла обняла его за шею, и вдруг ее охватило непреодолимое желание прокатиться на нем. Мягко опустившись на его спину, она схватилась за рыжеватую гриву. Когда-то она часто каталась на Вэбхья, и он сразу понял, что от него требуется.

Эйла ощутила под собой движение мощных мускулов, и затем, сорвавшись с места, Вэбхья мгновенно развил скорость льва, преследующего добычу. У такого катания была одна особенность – Эйле никогда не удавалось заставить его двигаться в нужном

направлении. Он бежал куда хотел, но позволял ей участвовать в его прогулке. Сильный встречный ветер обдувал ее лицо, и она, крепко схватившись за жесткую гриву, с наслаждением вдыхала резкий запах, исходивший от тела этого крупного поджарого хищника.

Вскоре он замедлил бег и повернул назад – этот лев был спринтером; в отличие от выносливого и терпеливого волчонка он не был бегуном на дальние дистанции. Посмотрев вперед, Эйла увидела Уинни, спокойно пасущуюся на лугу. Когда они приблизились, лошадь громко заржала, вскидывая голову. Львиный запах был сильным и раздражающим, но кобыла выросла вместе с Вэбхья, помогала Эйле ухаживать за ним – возможно, она тоже в какой-то мере считала его своим детенышем. Хотя он был значительно тяжелее и длиннее лошади, а по росту тоже почти догнал ее, Уинни совсем не боялась этого льва, особенно когда рядом с ним находилась Эйла.

Когда Вэбхья остановился, Эйла соскользнула с его спины и вновь ласково обняла его и почесала за ушами. Наконец она оставила его в покое и велела ему уходить, издав звук, напоминавший свист камня, вылетевшего из пращи. Не замечая, что по лицу ее текут слезы, Эйла смотрела ему вслед: его хвост медленно покачивался из стороны в сторону. Когда она услышала его отдаленное и грустное «хнк-хнк-хнк» – характерное ворчание, которое могла безошибочно отличить от любых других звуков, – то сама зарыдала, не в силах больше сдерживать своих чувств. Сердце подсказывало ей, что она больше никогда не прокатится на нем; никогда не увидит больше своего Вэбхья, своего дикого и одновременно такого родного льва.

Долго еще Эйла слышала его грустное «хнк-хнк», но в заключение этот могучий пещерный лев, просто огромный по сравнению с более поздними представителями такого вида хищников, огласил окрестности оглушительным ревом, который был слышен на много миль вокруг. Казалось, даже земля задрожала от его прощального рыка.

Свистнув Уинни, Эйла медленно побрела обратно к реке. Хотя она очень любила скакать на лошади, сейчас ей хотелось как можно дольше сохранить в себе ощущение, оставшееся от последнего стремительного полета на спине льва.

Джондалар, с трудом оторвав взгляд от этого зачаровывающего зрелища, заметил изумление стоявших рядом с ним людей. Их мысли, казалось, были написаны на лицах. Одно дело – лошади или даже волк,

но пещерный лев?! Он облегченно вздохнул и горделиво расправил плечи, лицо его осветилось широкой самодовольной улыбкой. Теперь никто не усомнится в правдивости его рассказов!

Мужчины поднимались к лагерю вслед за Эйлой, чувствуя себя несколько неловко со своими бесполезными копьями. Многочисленные мамутои, ставшие свидетелями невероятного зрелища, расступались, давая дорогу этой женщине и ее лошади, и провожали ее взглядами, исполненными изумления и благоговейного страха. Даже обитатели Львиной стоянки, которые слышали об этом льве от Джондалара и многое знали о ее уединенной жизни в долине, казалось, не могли поверить в то, что только что видели собственными глазами.

Глава 35

Собираясь на охоту, Эйла укладывала в кожаный мешок теплые вещи: ей сказали, что по ночам, возможно, будет очень холодно. Они пойдут на север, к подножию бесконечных ледяных гор, ограниченных с юга мощными отвесными стенами. Недавно Уимез подарил ей несколько отличных кремневых наконечников, сделанных им специально для охоты на мамонтов, и объяснил, почему в данном случае лучше пользоваться копьями именно с такими наконечниками. Неожиданный подарок удивил Эйлу, и она была не уверена, может ли принять его, поскольку в последнее время мамутой часто заискивали перед ней и вообще вели себя как-то странно. Но, улыбнувшись своей особенной сердечной улыбкой, Уимез успокоил ее и сказал, что задумал сделать этот подарок давно, в тот день, когда она дала Обещание Ранеку, сыну его очага. Эйла как раз выясняла, сможет ли она использовать эти наконечники для легких копий копьеметалки, когда в палатку вошел Мамут.

– Эйла, мамуты хотят побеседовать с тобой. Наверное, они попросят тебя участвовать в ритуале Зова мамонтов, – сказал он. – Они считают, что если именно ты поговоришь с духом Мамонта, то он согласится отдать нам больше своих детей.

– Но я же уже говорила тебе, у меня нет никакого особого дара, – умоляющим тоном сказала она. – Я не хочу разговаривать с ними.

– Я понимаю, Эйла. Я объяснил им, что, возможно, ты и обладаешь даром Зова, но тебе не хватает знаний и опыта. Все же они настаивают, чтобы я уговорил тебя. Увидев, как ты каталась на льве, а затем приказала ему уйти, они пришли к выводу, что твое влияние на дух Мамонта будет самым сильным вне зависимости от того, обладаешь ты необходимыми знаниями или нет.

– Но это же был мой Вэбхья, Мамут. Лев, которого я сама вырастила. Я бы не осмелилась подойти ни к какому другому льву.

– Почему ты говоришь об этом льве так, словно он твой ребенок? – У входа в палатку темнела грузная женская фигура. – Ты что, его мать? – спросила Ломи и подошла к ним, заметив приглашающий жест Мамута.

– Наверное, можно и так сказать. Я нашла его, когда он был совсем маленьким львенком. Вероятно, он попал под копыта какого-то спасающегося бегством стада, у него была пробита голова. В общем, я вырастила его и назвала Вэбхья – так я раньше называла всех малышей, а он действительно был похож на шаловливого ребенка. Я всегда обращалась к нему только так, и для меня он оставался Вэбхья, даже когда вырос и превратился в огромного льва, – объяснила Эйла. – Ломи, я действительно не знаю, как призывать животных.

– Тогда почему этот лев появился в столь благоприятный момент, если ты не призывала его? – спросила Ломи.

– По-моему, это просто счастливый случай. И здесь нет ничего таинственного. Скорее всего, он нашел нас по моему запаху или по запаху Уинни, поэтому и пришел сюда. Вэбхья несколько раз приходил навестить меня, даже когда уже нашел себе львицу и жил в своем прайде. Ты можешь спросить Джондалара, и он подтвердит это.

– Если он не пребывал под воздействием особой силы, то почему не причинил вреда девочке? У нее же не было с ним никаких «родственных» отношений. Она рассказывала, что, когда лев повалил ее на землю, она подумала, что он хочет съесть ее, но он просто облизал ей лицо.

– По-моему, он подошел к этой девочке только потому, что мы с ней немного похожи. Она довольно высокая, и у нее светлые волосы. Этот лев вырос с человеком, а не в львином прайде, поэтому, вероятно, и считает людей своей семьей. Когда он приходил навестить меня, то всегда выражал свою радость подобным образом. Он любил повалить меня на землю и облизать мое лицо, если я позволяла ему это. Для него это просто игра. Кроме того, он хотел, чтобы его приласкали и погладили, – объяснила Эйла, заметив, что, пока она рассказывала об этом, в палатке появились мамуты.

Уимез с лукавой улыбкой на лице отошел в сторону. «Она не хотела идти к ним, поэтому они сами пришли к ней, – подумал он и нахмурился, увидев среди них Винкавека. – Ранек будет очень огорчен, если Эйла предпочтет отказаться от прежней договоренности ради этого раскрашенного Мамута». Уимез никогда не видел сына своего очага таким расстроенным, как в тот момент, когда ему сообщили о предложении Винкавека. Да и сам Уимез, надо признать, был очень огорчен.

Винкавек наблюдал за Эйлой, пока она отвечала на вопросы. Немногое в этой жизни могло сильно удивить или потрясти его. Все-таки он был вождем и Мамутом, сведущим как в способах воздействия на умы соплеменников, так и в магии сверхъестественных сил. Однако, так же как и остальные мамуты, он был призван к Мамонтовому очагу, поскольку стремился к более глубоким знаниям, стремился постичь и объяснить незримые сущности вещей, и, естественно, его могла взволновать поистине необъяснимая тайна или демонстрация явного могущества.

С первой же встречи он почувствовал, что в Эйле есть нечто особенное, нечто необъяснимое, и это привлекало его так же, как и ее спокойная уверенность в себе, свидетельствующая о том, что она прошла через многие испытания. По мнению Винкавека, это означало, что Великая Мать охраняет ее, помогая устранить все трудности, встречающиеся на ее жизненном пути. Однако он не имел представления о том, как может проявиться ее избранность, и был искренне потрясен недавним зрелищем. Он знал, что теперь никто не осмелится выступить против нее или против тех, с кем она живет. Никто не осмелится неодобрительно высказаться ни о ее прошлом, ни о рожденном ею сыне. Ее могущество было слишком велико. И не важно, будет ли она использовать его во благо или во вред, надо просто признать, что это неизбежно, как лето и зима или как день и ночь, как две стороны единой сущности. И уж конечно, никому не хотелось стать ее личным врагом. Кто знает, на что еще способна эта женщина, если ей повинуются даже пещерные львы.

Все мамуты, не исключая Винкавека и старого Мамута, росли и воспитывались в одной среде, в одном племени, достигшем определенного уровня культуры, и их традиционные верования и убеждения, складывавшиеся на протяжении многих веков и предназначенные для объяснения их существования и приспособления к окружающему миру, стали неотъемлемой частью их душевного и нравственного склада.

Они полагали, что многое в этом мире является predetermined, поскольку зачастую не могли изменить ничего даже в собственной жизни. Необъяснимы были причины болезней, и, хотя некоторые из них поддавались лечению, непонятно было, почему одни люди умирали от них, а другие – выздоравливали. Так же

непредсказуемы были несчастные случаи, которые довольно часто приводили к смертельному исходу, особенно если пострадавший не получал своевременной помощи. Суровый климат и резкие смены погодных условий обуславливались близостью обширной ледниковой зоны, поэтому в этих краях нередкими были такие явления, как засуха или наводнение, – они могли опустошить природные кладовые, от которых зависело существование человека. Слишком холодное или дождливое лето могло повредить росту и вызреванию плодов, уменьшить популяции животных и изменить их миграционные пути, что в итоге могло значительно усложнить жизнь этих людей, называвших себя охотниками на мамонтов.

Структура их метафизической вселенной находилась в соответствии с миром их чувственного воспитания и позволяла им найти ответы на неразрешимые вопросы, связанные с таинственными явлениями, которые могли бы стать причинами неизбежного страха, если бы им не были даны разумные объяснения, основанные на доступных для понимания заповедях. Однако любая подобная структура, какой бы продуманной она ни казалась, всегда имеет определенные ограничения. В этом первозданном мире все животные и растения жили по своим собственным, неподвластным человеку законам, а люди просто старались как можно лучше изучить их особенности и привычки. Они знали, где могут расти определенные виды растений, понимали поведение тех или иных животных, но им даже в голову не приходило, что такой уклад жизни может быть изменен; что в животных и растениях, как, впрочем, и в самом человеке, заложена врожденная способность к изменениям и адаптации. И что, в сущности, все они могут выжить именно благодаря этой способности.

Власть Эйлы над выращенными ею животными не воспринималась как нечто естественное; никто до сих пор не пытался заняться приручением или одомашниванием зверей. Предвидя необходимость разумного объяснения этого потрясающего и внушающего страх нововведения, мамуты искали удовлетворительные теоретические обоснования для этого явления в структуре их метафизического мира. Приручение животных вовсе не казалось им таким простым и естественным делом, каким пыталась представить его Эйла. Напротив, они были убеждены, что она обладает некоей

сверхъестественной властью, значительно превосходящей все мыслимые дарования, которые Великая Мать до сих пор ниспосылала Своим детям. Очевидно, единственным объяснением ее власти над животными было то, что она имела доступ к исходной форме духа и, следовательно, к Самой Матери.

Винкавек, так же как старый Мамут и остальные мамуты, теперь был убежден в том, что Эйла была не просто призвана служить Матери, но имела свое собственное предназначение в этом мире. Возможно, ей было присуще какое-то тайное сверхъестественное могущество; она даже могла быть воплощением Самой Мут. И такое объяснение казалось еще более правдоподобным потому, что она не похвалялась своими дарованиями. И хотя ее могущество по-прежнему было окутано тайной, Винкавек был уверен в том, что ее ждет особая судьба. Полагая, что само ее существование исполнено некоего высшего смысла, он страстно желал стать частью этой жизни. Эйла, несомненно, была избранницей Великой Матери.

– Все твои доводы заслуживают внимания, – сказала Ломи, выслушав возражения Эйлы, – однако мы просим тебя участвовать в Охотничьем ритуале, хотя ты и считаешь, что не обладаешь даром Зова. Многие из нас убеждены в том, что именно твое участие в ритуале Зова принесет удачу охоте на мамонтов, в этом нет никакой опасности для тебя. А твое согласие может доставить большую радость племени мамутой.

Эйла не могла найти причин для отказа, но испытывала неловкость, принимая эти лестные предложения. В последнее время она старалась как можно реже покидать Рогожную стоянку, чтобы не видеть заискивающих взглядов мамутой, и с огромным нетерпением ждала завтрашнего дня, на который был назначен выход отряда охотников, надеясь, что походная жизнь принесет ей определенное облегчение.

* * *

Проснувшись, Эйла выглянула из дорожной палатки. Небо на востоке уже начало заметно светлеть. Она тихо встала, стараясь не разбудить Ранека и остальных охотников, и выскользнула из этого

тесного помещения. Холодный воздух был пропитан обильной сыростью раннего утра, но зато в нем не было бесчисленных летающих насекомых, что очень порадовало Эйлу, поскольку вчера вечером они окружили стоянку плотной живой стеной.

Она направилась к берегу темного стоячего пруда, покрытого мутью цветочной пыльцы, – отличное место для размножения мошки, гнуса, moskitов, а главное, для комаров, которые тучами взлетали навстречу охотникам, подобно напряженно звенящим клубам черного дыма. Без труда забираясь под одежду, эти насекомые оставляли на коже красные распухшие следы укусов, лезли в глаза и залетали в рот, доставляя массу неприятностей как людям, так и лошадям.

Пятьдесят мужчин и женщин, избранных для участия в нынешней охоте на мамонтов, вчера достигли этих неприятных, но неизбежных болот. Подтаявший за весенний и летний сезоны поверхностный слой почвы скрывал толщу промерзшей земли, которая не пропускала воду, препятствуя осушению. В тех местах, где процесс таяния шел более интенсивно, чем процесс испарения, образовалась стоячая вода. Любой путешественник, пустившийся в дальний поход в летнее время, предполагал, что встретит на своем пути подобные зоны препятствий, размеры которых могли варьировать от обширных мелководных озер до маленьких неподвижных прудов, отражавших небо с легкими облаками, плывущими к заболоченным землям.

Поскольку дело уже близилось к вечеру, то было поздно начинать пробираться через это болото или искать обходной путь. Поэтому охотники быстро разбили лагерь и разожгли костры, чтобы отпугнуть тучи роившихся насекомых. Часть людей до этого похода не видела огненных камней Эйлы, и когда на первой стоянке она быстро разожгла огонь, то вокруг, как обычно, раздались возгласы удивления, смешанного со страхом, однако сейчас они были только благодарны за то, что огонь разгорелся так быстро. Охотничьи палатки, как правило, были общими и представляли собой простые укрытия, собранные из нескольких сшитых шкур. Их форма зависела от опорных стоек, случайно найденных в окрестностях стоянки или специально захваченных с собой. В качестве стойки, поддерживающей шкуры, мог быть использован мамонтовый череп с сохранившимися бивнями, иногда остов палатки делался из гибких ивовых деревьев, хотя в случае необходимости роль палаточных шестов могли сыграть также длинные

копья. А иногда путешественники спали, попросту завернувшись в шкуры. На этот раз палатка, где разместились не только охотники с Львиной стоянки, поддерживалась наклоненным шестом, один конец которого упирался в землю, а другой был закреплен в развилке дерева.

Когда с устройством лагеря было покончено, Эйла исследовала густую растительность, окружавшую болото, и с радостью обнаружила там знакомый вид низкорослых растений с разлапистыми темно-зелеными листьями. Добравшись до их корней и вросших в землю стеблей, она срезала несколько отростков и, вскипятив воду, сделала из этих зеленовато-желтых, покрытых золотистой кожицей корней целебный и одновременно отпугивающий насекомых настой, чтобы подлечить воспаленные места на мордах лошадей. Когда она начала протирать этой жидкостью и свою испещренную комариными укусами кожу, несколько человек тоже захотели воспользоваться этим средством, и дело кончилось тем, что ей пришлось приготовить очередную порцию настойки для лечения всего отряда. Решив запастись некоторое количество целебной мази, Эйла смешала размельченные корни с жиром. Вновь отправившись к болоту, она нашла участок берега, поросший блошницей, и сорвала несколько растений, чтобы подбросить в костер, поскольку благодаря их резкому запаху количество назойливых насекомых вокруг костра резко сокращалось.

Однако в холодном влажном воздухе раннего утра летающие палачи поутихли. Эйла поежилась от холода, потирая холодные руки, но не стала возвращаться в теплое укрытие. Она смотрела на темную воду, едва замечая, как на востоке постепенно становится все светлее и этот свет, заполняя собой весь небосвод, позволяет отчетливо видеть переплетающиеся растения. Эйла почувствовала, как кто-то накинул ей на плечи теплый мех. Она с благодарностью закуталась в него и ощутила, как чьи-то руки сзади обхватили ее за талию.

– Ты замерзла, Эйла. Ты уже давно стоишь здесь, – сказал Ранек.

– Я не могла уснуть, – ответила она.

– Что случилось?

– Не знаю. Просто какое-то тревожное чувство. Я не могу этого объяснить.

– У тебя появилась тревога с тех пор, как прошел ритуал Зова, да? – спросил Ранек.

– Я не подумала об этом. Должно быть, ты прав.

- Но ты ведь не участвовала. Ты только наблюдала.
- Я не хотела участвовать, но я не уверена. Что-то, наверное, случилось, – сказала Эйла.

* * *

Сразу после завтрака охотники свернули лагерь и вновь отправились в путь. Сначала они попытались обойти трясины, но оказалось, что для обхода им придется сделать слишком большой крюк. Тогда Талут и еще несколько опытных охотников окинули оценивающим взглядом эти заболоченные и поросшие густым кустарником земли, скрывающиеся за холодной туманной завесой, и, посоветовавшись с остальными, в итоге решили, что, видимо, лучше всего идти напрямик.

Вскоре слегка заболоченная земля сменилась настоящей жидкой трясиной, и многие охотники, сняв обувь, предпочли идти босиком по этой холодной и мутной жиже. Эйла и Джондалар с особой осторожностью выбирали путь для нервно пофыркивающих лошадей. Вьющиеся стебли холодолюбивых ползучих растений и длинные бороды зеленовато-серого лишайника свисали с чахлах берез, а также с ивовых и ольховых кустов, которые росли настолько часто, что образовывали своеобразные низкорослые северные джунгли. В этой коварной трясине с трудом можно было найти точку опоры. Склоняющиеся под самыми невероятными углами и почти стелющиеся по болоту деревца и кустарники глубоко пускали свои корни в поисках твердой земли, и отряд охотников с трудом продвигался вперед, стараясь ступать на поваленные стволы деревьев, ветки кустарника и на обманчиво выступающие из воды корни и ветви, которые порой таили настоящие ловушки. Поросшие тростником и осокой кочки также казались на вид более надежными, чем были на самом деле, а маскировочная зелень мхов и папоротников скрывала зловонные застойные водоемы.

Продвижение было медленным и утомительным. Незадолго до полудня охотники остановились передохнуть, но даже густая тень не охладила их разгоряченные и мокрые от пота тела. Когда они вновь продолжили путь, Талут, запутавшись в корнях ольхи, едва не увяз в

трясине и, охваченный редким для него гневом, в сердцах схватился за свой массивный топор и срубил это ни в чем не повинное деревце. На срубе обиженного дерева выступила желтовато-красная жидкость, похожая на кровь, и это вновь напомнило Эйле о ее дурных предчувствиях.

С огромной радостью отряд ступил наконец на твердую землю. За болотом на плодородном лугу росли высокие папоротники и еще более высокие травы, превосходившие рост человека. Чтобы обойти заболоченные земли, тянувшиеся на восток, охотники свернули к западу и вскоре, пройдя эту низину, поднялись на небольшой холм и облегченно вздохнули, увидев впереди большую реку и ее узкий приток. Талут и Винкавек вместе с вождями других стоянок решили ненадолго остановиться, чтобы свериться с картой, вырезанной на куске бивня, и сделать несколько дополнительных отметок этой местности.

Путь к реке проходил через березовый лесок. Не тот высокий и стройный березняк, характерный для более теплого климата, а низкорослую рощицу карликовых берез, умудрившихся выжить в суровых условиях этого северного края и при этом не лишенных своеобразной красоты. Все они обладали особым трогательным и хрупким изяществом и зачаровывали бесконечной причудливостью форм, каждое деревце было словно создано по замыслу одаренного мастера. Однако хрупкость их тонких, изогнутых и колеблющихся ветвей была обманчивой. Когда Эйла попыталась сломать одну из них, то она оказалась крепкой и упругой, как жила; спокойно выдерживая порывы ураганного ветра, эти березки гордо высились над пригибающейся к земле растительностью.

– Мы называем их крепкими старушками.

Обернувшись, Эйла увидела Винкавека.

– И по-моему, это вполне подходящее название. Они словно напоминают нам о том, что не следует недооценивать силу старой женщины. Это священная рощица, а они – хранительницы и защитницы сомути, – сказал он, указывая на землю.

Редкие кроны с трепетными и тонкими зелеными листочками хорошо пропускали солнечный свет и отбрасывали причудливые и живые тенистые узоры на ковер прошлогодних листьев. Проходя мимо

группы деревьев, Эйла заметила, что из мха выглядывают большие грибы с ярко-красными шапочками, украшенными белыми точками.

– Эти грибы вы называете сомути? – спросила она. – Они ядовитые. От них можно умереть.

– Да, конечно, если не знать секрета их приготовления. Их можно использовать только для определенных целей. И лишь избранные могут быть допущены в мир сомути.

– Они обладают какими-то целебными свойствами? Мне об этом ничего не известно, – заметила Эйла.

– Мне тоже. Я ведь не целитель. Об этом тебе лучше спросить Ломи, – сказал Винкавек. Затем он взял ее руки в свои, приведя ее в замешательство своим пристальным взглядом, который, как показалось Эйле, стремился проникнуть в самую глубину ее существа. Не давая ей опомниться, Винкавек спросил: – Эйла, почему ты боролась со мной во время ритуала Зова? Я подготовил для тебя путь в мир духов, но ты противилась мне.

Раздираемая странными противоречивыми чувствами, Эйла совсем расстроилась. Голос Винкавека был таким мягким и проникновенным, что она испытывала огромное желание раствориться в черной глубине его глаз, окунувшись в их холодные темные пруды, полностью подчинившись его воле. Однако еще сильнее ей хотелось освободиться от его влияния, она чувствовала, что должна противостоять ему, сохранив свою внутреннюю независимость. Неимоверным усилием воли Эйле удалось отвести глаза в сторону, и она успела перехватить взгляд наблюдавшего за ними Ранека, хотя он тут же отвернулся в сторону.

– Ты мог подготовить для меня путь, но я была не готова, – сказала Эйла, избегая взгляда Винкавека.

Услышав его смех, она удивленно посмотрела на него и заметила, что его глаза были не черными, а серыми.

– Отлично, Эйла! Ты обладаешь редкостной силой. Я еще никогда не встречал подобных тебе женщин. Именно такая хранительница нужна очагу Мамонта и всей Мамонтовой стоянке. Скажи, что ты согласна разделить со мной очаг, – сказал Винкавек, постаравшись вложить в эти слова всю силу своих чувств и убежденности.

– Но я помолвлена с Ранеком, – ответила она.

– Это не важно, Эйла. Он тоже может жить с нами, если ты захочешь. Я совсем не против того, чтобы в очаге Мамонта жил такой одаренный резчик. Просто прими оба предложения! Или считай, что я принимаю вас обоих. – Он вновь рассмеялся. – Такие случаи далеко не редки. Ведь каждый человек привлекателен по-своему!

– Я... даже не знаю, что тебе ответить, – сказала она и обернулась, услышав приглушенный топот копыт.

– Эйла, я собираюсь искупать Удальца в реке и почистить ему ноги. Налипшая на них грязь уже успела засохнуть. Может, ты хочешь, чтобы я заодно искупал и Уинни? – спросил Джондалар.

– Я сама позабочусь о ней, – сказала Эйла, обрадовавшись тому, что у нее появился повод закончить разговор. Винкавек был очень привлекательным, но она немного побаивалась его.

– Тогда догоняй, вон она идет рядом с Ранekom, – сказал Джондалар, сворачивая к реке.

Винкавек проводил взглядом этого высокого белокурого мужчину. «Интересно, какую роль он играет в ее жизни? – подумал этот облеченный властью вождя Мамут. – Они вместе пришли на Львиную стоянку, и эти животные слушаются его почти так же, как и ее. Однако не похоже, чтобы они были любовниками, и дело не в том, что он не нравится женщинам. Авари рассказывала, что они любят его, но он очень сдержанно ведет себя с Эйлой, никогда не спит с ней. Говорят, он отказался участвовать в женском ритуале из-за того, что испытывает к Лэти почти братские чувства. Может быть, так же он относится и к Эйле? Чисто по-братски? Не потому ли он и прервал наш разговор и направил ее к этому резчику?» С недовольным и задумчивым видом Винкавек аккуратно сорвал несколько больших грибов и, нанизав их на тонкий шнурок, повесил сушить на ветви «крепкой старушки». Он решил забрать их на обратном пути.

* * *

Переправившись через приток большой реки, они вышли на более сухую равнину, далеко в стороне тянулись обширные безлесные болота. Пронзительные, резкие крики водоплавающих птиц предупредили их о том, что вскоре они выйдут к большому оттаявшему озеру. Поблизости

от него охотники разбили лагерь, и несколько человек отправились на берег этого озера, надеясь вернуться с добычей. В таких временных водоемах рыбы обычно не водились, если только они не подпитывались водами какой-нибудь большой реки, не промерзавшей во время зимнего сезона, но среди корней высоких камышей, тростника, осоки и рогоза плавали головастики съедобных лягушек и краснобрюхих жаб.

Словно подчиняясь какому-то таинственному приказу, многочисленные стаи птиц, большей частью водоплавающих, прилетали в эти северные края, постоянными обитателями которых были куропатки, беркуты и белые совы. С весенней оттепелью пробуждался к новой жизни весь растительный мир, и эти огромные, поросшие тростником и камышом болота привлекали великое множество перелетных водоплавающих птиц, которые селились здесь на лето и выводили птенцов. Многие птицы питались этими недоразвитыми земноводными, а некоторые поедали взрослых особей наряду с тритонами и змеями, семенами и луковицами, неизбежными насекомыми и даже охотились на мелких млекопитающих.

– Волку бы здесь очень понравилось, – обращаясь к Бреси, сказала Эйла, следя за парой кружившихся над озером птиц. Пращу она держала наготове, надеясь, что они подлетят поближе к берегу, и тогда ей не придется плыть за ними на середину водоема. – Он здорово помогает мне охотиться, заставляя птиц лететь в мою сторону.

Бреси обещала показать Эйле свою метательную палицу, а сама хотела посмотреть, действительно ли эта молодая женщина так мастерски владеет пращой, как о том беспрестанно говорят ее друзья. В итоге обе они были потрясены мастерством друг друга. В качестве оружия Бреси использовала изогнутую костяную палицу удлиненной и почти ромбовидной формы, наискосок вырезанную из длинной кости задней конечности, выпуклый сустав которой был удален, а противоположный конец заострен. В полете эта палица совершала вращательные движения, и с ее помощью можно было подбить сразу нескольких птиц, если они летели стаей. Эйла подумала, что у этого метательного оружия есть определенные преимущества перед пращой в охоте на птиц, но праща имеет более широкое применение. С ней можно охотиться и на животных.

– Раз уж ты взяла с собой лошадей, то почему оставила Волка? – спросила Бреси.

– Он еще слишком молод, кто знает, как бы он повел себя на большой охоте. В общем, мне не хотелось никаких дополнительных осложнений. От лошадей хоть будет польза, они помогут нам тащить мясо на обратном пути. И кроме того, я подумала, что Ридагу будет очень одиноко без Волка, – добавила Эйла. – Я уже соскучилась по ним обоим.

Бреси хотела спросить Эйлу, действительно ли у нее есть сын, похожий на Ридага, но она не решилась. Эта тема могла вызвать слишком болезненные воспоминания.

* * *

Еще несколько дней они продолжали двигаться на север, отмечая своеобразие постепенно изменяющегося ландшафта. Болота остались позади, смолк птичий гомон, и только ветер наполнял эти безлесные открытые равнины жутковатыми завываниями, придавая пейзажу унылый и заброшенный вид. Небо стало затягиваться тусклой однородной серой массой плотных облаков, которые пропускали мало солнечного света и скрывали звезды по ночам, но дожди шли редко. Напротив, воздух стал суше и холоднее, и даже влажный пар, выдыхаемый путниками, казалось, мгновенно высушивался на этом сильном ветру. Но случалось, что к вечеру солнцу удавалось пробить брешь в монолитной массе облаков, и тогда западный небосклон окрашивался столь пламенными сверкающими красками, словно их блеск удваивался, отражаясь от насыщенных влагой туч, закрывавших большую часть неба; волшебную красоту заката невозможно было описать словами, и потрясенные путешественники с молчаливым восхищением разглядывали живую картину, создаваемую заходящим солнцем.

Это был край дальних горизонтов. Низкие пологие возвышенности плавно перетекали одна в другую, здесь не встречалось ни крутых островерших гор, позволявших оценить пройденное расстояние и перспективу, ни зеленых тростниковых болот, которые могли бы слегка оживить эту пыльную и скудную серо-коричневую палитру. Унылые равнины, казалось, тянулись бесконечно во всех направлениях, за

исключением одного. Северную сторону скрывала густая, непроглядная завеса тумана, которая выглядела обманчиво близкой.

Эти равнинные земли нельзя было безоговорочно отнести к зоне полярной тундры, поскольку им были также присущи определенные черты степи с ее разнотравьем. Здесь произрастали устойчивые к морозу и засухе дерновые травы с сильной корневой системой, встречались островки злаковых растений, низкорослые пушистые кустарники горькой полыни, белели соцветия полярного вереска, миниатюрных рододендронов и вороники с изящными розовато-сиреневыми цветами, украшавшими эти вересковые пустоши. Кустики голубики едва ли достигали в высоту четырех дюймов, но тем не менее обещали дать обильный урожай отличных крупных ягод, а припадающие к земле карликовые березы напоминали древовидные ползучие растения.

Но даже карликовые деревья с трудом выживали в этих исключительно суровых климатических условиях. Как в настоящей полярной тундре, летние температуры здесь были слишком низкими для нормального роста и цветения деревьев. А характерные для степной зоны завывающие ветры, которые иссушали землю, лишая растения достаточного запаса влаги, не встречали преград на этих безлесных равнинах и являлись не менее отрицательным фактором, чем холод. Благодаря такому сочетанию эти земли оставались сухими и холодными.

Еще более унылый пейзаж встретил охотников, когда они приблизились к плотной завесе молочного тумана. Перед ними громоздились голые скалы и валуны, поверхность которых, правда, была покрыта лишайниками; желтые и серые, коричневые и даже ярко-рыжие колонии этих цепких чешуйчатых организмов напоминали скорее какие-то камни, чем растения. В числе самых стойких представителей растительного мира оказались также несколько видов цветов и малорослых кустарников, а кое-где виднелись даже небольшие островки выносливых злаков и шалфея. Казалось бы, во владениях этих холодных иссушающих ветров не сможет выжить ни одно живое существо, и все-таки жизнь продолжалась даже в таком суровом и безотрадном крае.

Постепенно начали появляться очертания местности, скрытые за пеленой загадочного тумана. Массивные каменные плиты с уходящими

в глубину узкими трещинами; длинные хребты серовато-желтого песка, камней и галечника; огромные одинокие валуны, словно сброшенные с небес незримой гигантской рукой. Вскоре стало явственно различимо журчание воды по камням – за облаками тумана скрывались небольшие ручьи и стремительные горные потоки; подойдя к ним вплотную, путешественники наконец ощутили тяжелую влажность этого холодного воздуха. Грязный снег залежался в тенистых уголках и у подножия больших валунов, прошлогодний снег окружал также провал маленького пруда. Сквозь толщу воды можно было разглядеть его ледяное дно, поблескивающее яркими синеватыми красками.

* * *

Ветер сменился после полудня, и, когда охотники разбили лагерь, пошел снег – сухой и колючий, несущийся по ветру снег. Талут и другие вожди встревоженно совещались. Винкавек безуспешно призывал дух Мамонтихи. Все надеялись, что им удастся найти этих огромных животных до того, как погода окончательно испортится.

Ночью, тихо лежа на меховом покрывале, Эйла начала различать какие-то таинственные звуки, рождавшиеся, казалось, где-то в глубине земных недр: скрежет, пощелкивание, пофыркивание и журчание. Она не могла понять, что порождает их, и с тревогой прислушивалась к странному звучанию. Ей хотелось спать, но сон все не шел. Лишь ближе к утру усталость сморила ее, и она задремала.

Пробудившись, Эйла поняла, что проспала все на свете. В опустевшую палатку проникали лучи яркого света. Она схватила свою парку и поспешила к выходу. Однако, выглянув из палатки, она потрясенно ахнула и замерла. Изменившийся ветер разогнал туман, поднимавшийся от подтаявшего льда. Откинув голову, Эйла попыталась разглядеть невероятно огромную стену ледника, вершина которого скрывалась в облаках.

Трудно было оценить высоту этих гор, казавшихся обманчиво близкими, хотя примерно на четверть мили от их подножия протянулись беспорядочные кучи огромных глыб, свалившихся с изломанных крутых стен. Рядом с этими нагромождениями льда стояли несколько человек. И Эйла поняла, что, взяв человеческий рост за

единицу измерения, она сможет примерно определить истинные размеры этого огромного ледяного хребта. Ледник потрясал не только своим невероятным объемом, но и невероятной красотой. Солнечный свет – Эйла вдруг заметила, что выглянуло солнце, – дробился и сверкал в мириадах ледяных кристаллов, призматические формы которых порождали нежные цветные отблески, однако исходный основополагающий тон был таким же ярко-голубым, как тот, что она вчера видела в глубине пруда. Никакие слова не могли бы достойно описать это потрясающее зрелище; все казалось мелким и незначительным рядом с великолепием ледника, его мощью и безмерностью.

Эйла торопливо одевалась, чувствуя, что может пропустить нечто очень важное. Она налила себе в чашку темноватую жидкость, покрывшуюся тонкой ледяной коркой, предположив, что это остатки утреннего чая, но оказалось, что это был мясной бульон. Немного помедлив, Эйла залпом выпила его, решив, что он вполне хорош для такой погоды. Затем она зачерпнула хорошую порцию застывшей зерновой каши и, завернув ее в тонкий ломтик холодного жареного мяса, быстрым шагом направилась к остальным охотникам.

– А я уж было решил, что ты собралась проспать весь день, – сказал Талут, заметив ее приближение.

– Почему ты не разбудил меня? – спросила Эйла, дожевывая мясо.

– Было бы неразумно нарушать такой здоровый сон без крайней необходимости, – ответил Талут.

– Духу необходимо время для ночных странствий, чтобы он мог вернуться из них отдохнувшим и посвежевшим, – добавил Винкавек, подходя, чтобы поздороваться с ней. Уклонившись от его протянутой руки, Эйла вскользь коснулась щекой его лица и отправилась исследовать ледяные кручи.

Массивные глыбы, вероятно, падали с большой высоты. Их основания глубоко ушли в землю, которая слегка вздыбилась вокруг них. Также было очевидно, что они пролежали здесь уже несколько лет. Наносы песка, приносимого ветром с окрестных скал, постепенно припорошили эти ледяные холмы, и на их поверхности образовался толстый слой темно-серой почвы, чередовавшейся с полосами белого слежавшегося снега. Их поверхность изобиловала ямами и впадинами, поскольку процессы таяния и замерзания менялись год от года, но все

же нескольким цепким растениям удалось пустить корни на этой скудной земле.

– Эйла, поднимайся к нам! – крикнул Ранек.

Она подняла голову и увидела, что он находится на вершине высокого, немного отклонившегося назад граненого утеса. Эйла удивилась, заметив, что рядом с ним стоит Джондалар.

– С этой стороны тебе будет легче подняться сюда.

Обойдя беспорядочное нагромождение массивных ледяных блоков, Эйла вскарабкалась наверх по неровным уступам, усыпанным мелкими обломками. Песчаная пыль, приносимая с окрестных скал, въелась в лед, сделав его обычно скользкую поверхность шероховатой и достаточно удобной для передвижения. При определенной осторожности можно было легко одолеть как подъемы, так и спуски. Достигнув вершины, Эйла выпрямилась и закрыла глаза. Порывистый встречный ветер ударил в грудь, словно хотел испытать ее решимость противостоять его силе, а высившиеся впереди громадные ледяные стены потрескивали, скрежетали и постанывали на разные голоса. Повернув голову к ярким лучам солнца, которое можно было разглядеть даже сквозь сомкнутые веки, она ощутила кожей своего лица эту космическую борьбу между жаром небесного огненного шара и холодом мощной ледяной стены. Даже сам воздух звенел и колебался, став невольным участником этого сражения.

Затем Эйла открыла глаза. Перед ней раскинулся необъятный мир чудесного голубоватого льда. Его величественные грандиозные владения, достигавшие небес, занимали все обозримое пространство. Никакие горные массивы не могли бы сравниться с ними. Это наполнило ее душу каким-то смиренным торжеством, благоговейным страхом, смешанным с ликованием. Заметив ее восхищенную улыбку, Джондалар и Ранек понимающе улыбнулись.

– Я уже бывал здесь, – сказал Ранек, – но если бы я мог, то возвращался бы сюда столько раз, сколько существует звезд на небе, только ради того, чтобы полюбоваться этой красотой.

Эйла и Джондалар согласно кивнули.

– Хотя находиться в этих краях далеко не безопасно, – добавил Джондалар.

– Как образовались такие ледяные кручи? – спросила Эйла.

– Ледник живет своей жизнью, – объяснил Ранек. – Иногда он растет, иногда отступает назад. Раньше стена проходила вот здесь, а потом она отступила и образовались трещины. Вон те нагромождения были гораздо больше. Они тоже постепенно отступают к северу, как и весь массив, – сказал Ранек, оценивающе поглядывая на ледник. – Но по-моему, в прошлом году основная стена располагалась чуть дальше. Наверное, уровень льда опять вырос.

Эйла окинула взглядом открытые равнины, заметив, насколько дальше она может видеть с вершины этого утеса, оказавшегося отличной смотровой площадкой.

– О, вы только посмотрите туда! – воскликнула она, указывая на юго-восток. – Мамонты! Я вижу стадо мамонтов!

– Где? Где? – быстро спросил Ранек срывающимся от волнения голосом.

Это волнение, подобно огню, мгновенно перекинулось на весь охотничий отряд. Талут, едва услышав восклицание «Мамонты!», одолел почти половину подъема, ведущего на вершину утеса. Сделав еще несколько больших шагов, он достиг этой смотровой площадки и, заслонившись ладонью от солнца, взглянул в направлении, указанном Эйлой.

– Она права! Это они! Мамонты! – пророкотал он, не в силах сдержать ни своих чувств, ни мощи своего голоса.

По ледяным глыбам карабкались еще несколько человек, чтобы воочию убедиться в появлении этих шерстистых громадин. Эйла отошла в сторону, уступив свое место Бреси.

Увидев мамонтов, люди испытали некоторое облегчение и вместе с тем сильное волнение, вызванное предстоящей охотой. Хорошо уже то, что эти животные наконец показались на горизонте. Возможно, дух Мамонтихи специально оттягивал эту встречу, но в итоге он все-таки позволил своим созданиям, живущим в этом мире, выйти к племени, которому по воле Мут было суждено охотиться на мамонтов.

Женщина со стоянки Бреси рассказывала одному из мужчин, что видела, как Эйла стояла на самом краю утеса, закрыв глаза и откинув голову, словно общаясь с иным миром, проводя ритуал Поиска или Зова, и когда она открыла глаза, то сразу обнаружила этих мамонтов. Мужчина понимающе кивнул.

Эйла посматривала вниз, выбирая, где лучше спуститься. Рядом с ней появился Талут, и Эйла подумала, что еще никогда не видела на его лице такой широкой сияющей улыбки.

– Эйла, ты сделала этого вождя самым счастливым человеком на свете, – сказал рыжебородый гигант.

– Но я ничего не сделала, – ответила Эйла. – Я заметила их случайно.

– Этого вполне достаточно. Меня мог осчастливить любой человек, первым заметивший такое стадо. Но я рад, что его увидела именно ты, – заявил Талут.

Эйла улыбнулась ему. Она действительно любила этого по-медвежьи мощного вождя и относилась к нему как к любимому дяде, брату или близкому другу, чувствуя, что он относится к ней примерно так же.

– Что ты высматривала там внизу? – спросил он, начиная спускаться вслед за ней.

– Ничего особенного. Я просто заметила то, что может увидеть любой. Видишь, какой странной формы это нагромождение? – сказала она, показывая на плиты, по которым они спускались. – Какая обрывистая стена с этой стороны...

Талут медленно взглянул вниз, но затем пригляделся более внимательно:

– Эйла, ты второй раз сделала это!

– Что сделала?

– Сделала этого вождя самым счастливым человеком!

Его улыбка была настолько заразительной, что Эйла невольно улыбнулась в ответ.

– И что же на этот раз сделало тебя счастливым, Талут? – поинтересовалась она.

– Ты помогла мне оценить отличную форму этого ледяного склона. Его можно легко превратить в ловушку, в глухой каньон, соорудив стену с другой стороны. Теперь я знаю, куда мы загоним этих мамонтов.

* * *

Отряд, не теряя времени, начал подготовку к охоте. Мамонты могли изменить направление своего движения, да и погода могла испортиться. Удача улыбнулась охотникам, и надо было приложить все силы, чтобы не выпустить ее из рук. Посоветовавшись, вожди послали нескольких разведчиков для исследования окрестностей и выяснения размеров стада. За время их отсутствия была сооружена стена из камней и ледяных глыб, и в результате получился отличный ледяной загон с единственным узким выходом. Когда разведчики вернулись, все охотники собрались, чтобы обсудить, как лучше заманить в ловушку огромных лохматых животных.

Талут рассказал, как Эйла и Уинни помогли им загнать стадо бизонов. Многие с большим интересом выслушали его рассказ, но в итоге все пришли к заключению, что одинокой всаднице на лошади вряд ли удастся заставить стадо этих гигантов бежать в нужном направлении, хотя такую возможность тоже стоило иметь в виду. Но чтобы направить их к загону, необходимо было найти более надежное устрашающее средство.

И таким средством оказался огонь. Грозы были нередким явлением в конце лета, от удара молний легко воспламенялись подсохшие травы, и даже могучие мамонты, которые мало чего боялись в этой жизни, относились к огню с разумным опасением. Однако в это время года трава еще плохо горела. Поэтому загонщики решили, что воспользуются факелами.

– А из чего мы их сделаем? – спросил кто-то.

– Из сухой травы, смешанной с мамонтовым навозом. Если окунуть такие факелы в растопленный жир, – заметила Бреси, – то они будут быстро воспламеняться и хорошо гореть.

– А чтобы побыстрее разжечь их, мы можем воспользоваться огненными камнями Эйлы, – добавил Талут, и все согласились с его предложением.

– Нам надо заготовить хворост для нескольких костров в разных местах, – сказала Бреси, – и зажигать их в строго определенной последовательности.

– Эйла подарила каждому очагу Львиной стоянки по огненному камню. И мы захватили с собой несколько штук. У меня есть такой камень и, наверное, еще у Ранека и Джондалара, – выразительно сказал Талут, сознавая, что это заявление возвышает их в глазах

соплеменников. «Как жаль, что Тули нет с нами, – подумал он. – Она бы поняла, насколько велика ценность огненных камней, особенно если учесть, что их не так-то легко найти».

– Огня мамонты, конечно, испугаются, но как заставить их бежать прямо к нашему загону? – спросила женщина со стоянки Бреси. – Ведь здесь открытая равнина.

Охотники выработали простой и четкий план. Для его осуществления все начали собирать обломки льда и камней в два ряда пирамид, которые как лучи расходились от входа в ледяной каньон. Усердно работая своим тяжелым топором, Талут раскалывал ледяные глыбы на более мелкие и легкие для подъема куски. За каждой пирамидой положили несколько факелов, готовых к использованию. Отряд состоял из пятидесяти охотников, но лишь небольшая его часть должна была спрятаться за глыбами льда в самом каньоне для первой лобовой атаки. Другая часть расположилась за каменными пирамидами. А остальные, главным образом самые быстрые и сильные бегуны – несмотря на кажущуюся неповоротливость, мамонты могли развить на короткой дистанции большую скорость, – разделились на две группы, чтобы обойти стадо с двух сторон.

Бреси собрала молодых охотников, которые впервые участвовали в охоте на этих шерстистых гигантов, и начала рассказывать им об особенностях поведения и уязвимых местах мамонтов. Внимательно слушая, Эйла направилась вместе с ними в ледяной загон. Одна из женщин должна была руководить лобовой атакой, и ей захотелось проверить этот загон и выбрать наиболее безопасные места для атакующих.

Как только они оказались среди ледяных стен, Эйла ощутила, что заметно похолодало. Пока они сутились у костра, растапливая жир для факелов, спешно нарезали траву и таскали ледяные глыбы, никто не замечал холода. Однако они все же находились у подножия ледяных гор, где даже летом оставленная на ночь вода покрывалась ледяной коркой и люди весь день ходили в теплых парках. А внутри каньона было особенно холодно, но Эйла забыла об этом: окинув взглядом просторное помещение в центре изломанных ледяных стен, она вдруг словно перенеслась в другой мир, в мир бело-голубого льда, сверкающий своей застывшей совершенной красотой.

Так же как в скалистых каньонах ее долины, дно здесь было покрыто недавно выломанными из стен глыбами. Остроконечные призматические поверхности белых кристаллов посверкивали на солнце, а в уголках и впадинах таился глубокий и яркий голубой цвет. Она вдруг вспомнила глаза Джондалара. Нагромождение глыб и блоков, давно обвалившихся с этих ледяных стен, имело более мягкие и скругленные грани, их поверхности уже покрывал слой нанесенного ветром песка, и, глядя на эти удобные уступы, так и хотелось отправиться на горную прогулку.

Охотники выбрали в каньоне надежно защищенные места, но Эйла зашла сюда просто из любопытства. Она не должна была здесь поджидать мамонтов. Перед ней и Уинни, так же как и перед Джондаларом с Удальцом, стояла другая задача. Они будут помогать загонять стадо этих вооруженных громадными бивнями животных. Скорость лошадей может оказаться очень полезной, и, кроме того, она и Джондалар будут обеспечивать огненными камнями две группы загонщиков. Заметив, что у входа собралось много людей, Эйла поспешила присоединиться к ним. Уинни следовала за Джондаларом и Удальцом от места стоянки. Услышав знакомый свист, кобыла обогнала их и легким галопом прискакала к Эйле.

Две группы загонщиков отправились к стаду мамонтов, обходя его по большому кругу, чтобы не встревожить животных раньше времени. Ранек и Талут разошлись в разные стороны и заняли свои места за рядами пирамид, сходящихся у входа в ледяной загон, чтобы быстро поджечь факелы, когда это потребуется. Эйла помахала рукой Талуту и улыбнулась Ранеку, проходя мимо последних куч из льда и камней, где они заняли выжидательную позицию. На стороне Ранека находился и Винкавек, она заметила его, и они также обменялись улыбками.

За Эйлой следовала Уинни с навьюченными дорожными корзинами, в отделениях которых наряду с факелами хранились копья и копьеметалка. Рядом шли и другие охотники этой группы, они лишь изредка обменивались какими-то замечаниями. Сосредоточенно поглядывая в сторону мамонтов, все очень надеялись, что охота пройдет успешно. Оглянувшись на Уинни, Эйла вновь посмотрела на пасущееся стадо. Животные по-прежнему жевали траву на том поле, где ей посчастливилось первой заметить их, и она вдруг поняла, что это было совсем недавно. Все произошло так быстро, что ей не удалось

даже толком осмыслить случившееся. Масса подготовительных работ была проведена за очень короткое время.

Охота на мамонтов была ее заветной мечтой, и сейчас, осознав, что действительно участвует в первой в своей жизни мамонтовой охоте, она почувствовала трепетный холодок ожидания. Но вдруг ей пришло в голову, что есть в этом нечто очень странное, даже смехотворное. Как мог человек, такое маленькое и слабое создание, бросить вызов этому огромному толстокожему зверю с мощными бивнями, как мог он рассчитывать на успех? И однако она была здесь и была готова атаковать этих странствующих в северных краях великанов, имея в качестве оружия только несколько копий со специальными наконечниками. Нет, конечно, это не совсем верно. На их стороне опыт и, кроме того, согласованные действия большого охотничьего отряда. И добавок ко всему копье-металка, сделанная Джондаларом.

Он придумал новую копье-металку, с помощью которой можно было метать более длинные и тяжелые копья, сделанные специально для охоты на мамонтов, но кто знает, насколько хороша она окажется в деле? Естественно, они проверяли это новое оружие, но Эйла пока не слишком уверенно владела им.

Мельком взглянув на Удальца, шедшего им навстречу по суховатой полевой траве вместе со второй группой, Эйла посмотрела на мамонтов, и ей показалось, что они стали двигаться более активно. Возможно, они уже занервничали, заметив людей, которые пытались окружить их. Обе группы прибавили шаг, явно обеспокоенные поведением животных. Был дан сигнал приготовить факелы. Эйла быстро вытащила их из корзин, висевших на спине Уинни, и раздала загонщикам. Они с тревожным ожиданием смотрели, как вторая группа вооружается факелами. Затем главный загонщик дал очередной сигнал.

Скинув рукавицы, Эйла присела на корточки над маленькой кучкой хвороста, смешанного с сухим размельченным навозом. Остальные сгрудились вокруг нее, держа факелы наготове. Она ударила по желтовато-серому железному колчедану кремнем для высекания огня. Искра погасла. Эйла повторила попытку, и на сей раз трава задымилась. Продолжая наносить удары по кремню, Эйла высекла еще несколько искр, чтобы сушняк скорее разгорелся, и затем попыталась раздуть пламя. Внезапный порыв ветра пришел ей на помощь, и огонь мгновенно охватил сухие ветки и размельченный навоз. Она

подбросила в костер немного жира для усиления жара и отклонилась, чтобы дать возможность охотникам поджечь первые факелы. С помощью этих факелов охотники быстро разожгли все остальные и начали рассредоточиваться, занимая исходные позиции.

Для дальнейших действий не потребовалось особого сигнала. Поначалу передвижения загонщиков казались просто беспорядочными. Постепенно приближаясь к стаду громадных животных, они стремительно проносились мимо, с криками размахивая дымящимися огненными факелами. Однако многие мамутой были опытными охотниками и знали все тонкости загонной охоты. Вскоре их действия стали более целенаправленными и упорядоченными, обе группы загонщиков объединились, и наконец покрытые длинной шерстью гиганты начали двигаться в сторону пирамид.

Старая мамонтиха, матриарх стада, словно заметив нечто подозрительное, попыталась свернуть в сторону. Эйла побежала за ней, громко крича и размахивая факелом. Ей вдруг вспомнилось, как несколько лет назад она в одиночку пыталась загнать табун лошадей с помощью одного-единственного факела. Все лошади, естественно, убежали, кроме одной, вернее, двух – мысленно уточнила она. В выкопанную ею ловушку упала кобыла, а не маленький рыжеватый жеребенок. Оглянувшись, Эйла отыскала Уинни.

Громогласный рев мамонтихи застал Эйлу врасплох. Она обернулась как раз вовремя и заметила, что эта большая самка, окинув взглядом стайку низкорослых двуногих созданий, от которых исходил запах опасности, вдруг побежала прямо в ее сторону. Но на этот раз молодая женщина была не одна. Повернув голову, Эйла увидела, что рядом с ней находятся Джондалар и другие охотники, которых было более чем достаточно, чтобы отпугнуть эту рыжую громадину. Подняв хобот, чтобы протрубить сигнал опасности, предупреждающий об огне, она развернулась и с ревом побежала в обратном направлении.

Несмотря на летнее таяние и близость ледника, в этих равнинных полях было много сухостоя, особенно на слегка возвышенных местах, и, хотя эту землю часто окутывал туман, дожди были достаточно редким явлением. Костры, разведенные для разжигания факелов, так и остались непотушенными, и вскоре раздуваемый ветром огонь перекинулся на сухую полевую траву. Мамонты первыми обратили внимание на распространение огня, они почуяли не только то, что горит

трава, но и запах опаленной земли и тлеющего дерна, – а это был уже запах степного пожара, признак большой опасности. Старая мамонтиха проревела свой тревожный сигнал, и на сей раз к ней присоединился нестройный хор трубных звуков всего рыжевато-коричневого стада; и молодняк, и взрослые животные, набирая скорость, побежали вперед, к неизвестной, но гораздо более страшной опасности.

Новый порыв ветра донес наконец волну дыма и до охотников, бегущих за стадом, и Эйла, собиравшаяся уже вскочить на спину Уинни, оглянулась и поняла, какое именно пламя повергло в паническое бегство этих тяжеловесных мамонтов. Она немного понаблюдала за тем, как потрескивающий огонь, рассыпая искры и извергая дым, следует за ними, пожирая на своем пути сухую траву. Но ее это не испугало, она знала, что этот пожар не таил в себе серьезной угрозы. Даже если огню удастся перекинуться через полосу голой каменистой земли, то в итоге его остановит сам ледник. Заметив, что Джондалар уже скачет на Удальце, преследуя отступающих мамонтов, Эйла поспешила за ним.

Догнав группу загонщиков, Эйла услышала, как тяжело дышит молодая женщина со стоянки Бреси, которая всю дорогу бежала, стараясь не отстать от могучих животных. Теперь они вряд ли отклонятся в сторону, поскольку уже выбрали путь, который неизбежно должен будет привести их в ледяной каньон. Наконец стадо выбежало в сектор, ограниченный рядами пирамид, и женщины обменялись улыбками. Эйла поскакала вперед – теперь настал ее черед подгонять животных.

Она заметила, что факелы зажжены только над теми пирамидами, которые находятся в непосредственной близости от тяжеловесных гигантов. Охотники не спешили поджигать дальние факелы, ожидая приближения стада, но это было довольно рискованно, ведь животные в последний момент могли свернуть в сторону. Внезапно она осознала, что вход в ледяной загон уже совсем близко. Направляя Уинни к стоянке, она быстро достала копьё и, спрыгнув с лошади, почувствовала, как дрожит земля под ногами последнего мамонта, подбегающего к ловушке. Подключаясь к следующему этапу охоты, она бросилась вперед, преследуя старого мамонта со скрещенными бивнями. Основная часть горючего материала, сложенного в большие кучи перед входом в загон, уже горела, это должно было удерживать

испуганных животных внутри ловушки. Проскочив мимо костров, Эйла вновь оказалась в холодном каньоне.

Теперь это место едва ли напоминало мир застывшей и безмятежной красоты. Громогласный рев мамонтов отражался от твердых ледяных стен, терзая слух и действуя на нервы. Эйла была в состоянии почти невыносимого напряжения, вызванного как страхом, так и охотничьим азартом. Подавив страх, она вставила первое копьё в продольный желобок, вырезанный посередине метательного орудия.

Старая самка направилась к дальнему концу каньона, надеясь найти выход для своего стада, но там на высокой ледяной глыбе ее поджидала Бреси. Подняв хобот, самка-матриарх трубным звуком возвестила о крушении своих надежд, и в тот же момент Бреси метнула копьё прямо в открытую пасть. Рев тут же сменился булькающими звуками, и теплая кровь фонтаном хлынула на застывшие ледяные обломки.

Молодой охотник со стоянки Бреси бросил второе копьё. Длинный и острый кремневый наконечник пронзил толстую кожу животного и глубоко вонзился в брюшную полость. Очередное копьё также нашло уязвимое место, и его тяжелое древко пропоролло низ живота. Эта кровавая рана была настолько большой, что из нее начали вываливаться скользкие бледно-серые кишки, и, содрогнувшись всем телом, мамонтиха хрипло взревела от боли. Задние ноги раненого животного запутались в собственных внутренностях. Кто-то метнул еще одно копьё, чтобы добить эту обреченную мамонтиху, однако оно попало в ребро и отскочило. Но следующий бросок был более удачным, и длинный плоский наконечник копья вонзился в промежуток между двумя ребрами.

Опустившись на колени, старая мамонтиха сделала слабую попытку подняться на ноги, но затем повалилась на бок. Ее хобот вновь поднялся – словно она хотела еще раз предупредить свое стадо об опасности, – а затем медленно, почти грациозно опустился на землю. Оценив героическое сопротивление этой храброй старой мамонтихи, Бреси коснулась копьём ее головы и возблагодарила Великую Мать за жертву, которая позволит выжить Детям Земли.

Подобно Бреси, многие мамутои, с уважением глядя на поверженных мамонтов, уже возносили хвалы Великой Матери. Группы охотников, каждая из которых атаквала одно животное,

сформировались чисто случайно. Благодаря диапазону действия копий нападавшие оставались за пределами досягаемости длинных бивней, хоботов и тумбообразных ног загнанных в ловушку мамонтов. Но в то же время каждая группа охотников следила за тем, как обстоит дело у соседей. Льющаяся из ран умирающих животных кровь слегка растапливала ледяной покров и вскоре застывала красными пятнами, на которых можно было легко поскользнуться. Тускло мерцающие ледяные стены отражали и усиливали каждый звук, и казалось, что весь этот узкий ледяной каньон сотрясается от громогласного ора воинственных криков людей и трубного рева животных.

Быстро оценив обстановку, Эйла направилась в сторону молодого мамонта с длинными изогнутыми бивнями, еще вполне пригодными для нападения. Вставив более массивное копьё в новое метательное приспособление, она прикинула силу и направление броска. Ей запомнились слова Бреси о том, что живот мамонта является наиболее уязвимым местом, у нее уже был случай убедиться в этом – Эйлу глубоко потряс вид старой самки с вывалившимися внутренностями. Хорошенько прицелившись, она сделала бросок, и смертоносное оружие полетело по каньону.

Полет был стремительным и точным, и копьё глубоко вошло в брюшную полость. Однако при всей мощи этого оружия и силе броска одного такого попадания было недостаточно, чтобы напавал сразить животное, для этого ей следовало найти другую жизненно важную точку. Попавшее в живот копьё не могло служить причиной мгновенной смерти. Из этой смертельной раны обильно текла кровь, но боль разъярила мамонта и придала силы для ответной атаки. Угрожающе взревев, он низко наклонил голову и, развернувшись, понесся в сторону молодой женщины.

Единственным преимуществом Эйлы было то, что она метнула копьё издалека. Уронив от страха свои копыта, она бросилась к ближайшей ледяной глыбе, которая оказалась такой скользкой, что ей не сразу удалось на нее забраться. Едва она успела вскарабкаться наверх, как мамонт со всей своей силой обрушился на этот ледяной монолит. Его мощные бивни раскололи глыбу пополам, верхняя часть начала опрокидываться назад, у Эйлы перехватило дыхание, и она едва успела отскочить в сторону. Огорченный этой неудачей умирающий мамонт снова взревел и начал крушить ледяную стену, пытаясь

добраться до спрятавшегося за ней существа. Внезапно в обездумевшее от боли животное почти одновременно вонзились два копья. Первое застряло в его шее, а второе, брошенное с какой-то невероятной силой, проломило его ребро и достигло самого сердца.

Мамонт рухнул как подкошенный рядом с кусками расколотого им льда. Кровь из его ран растекалась тремя глубокими красными лужицами. Некоторое время от них еще шел пар, а затем они быстро остыли и затвердели на ледяном дне загона. Еще не оправившись от шока, Эйла выползла из своего укрытия.

– Он не зашиб тебя? – спросил Талут, подоспев как раз вовремя, чтобы помочь ей встать.

– Нет, по-моему, все в порядке, – почти беззвучно произнесла она.

Взявшись за копье, пронзившее грудь мамонта, Талут выдернул его мощным рывком. Подбежавший к ним Джондалар успел заметить, как кровь с новой силой хлынула из открытой раны.

– Эйла, я был уверен, что он достал тебя! – воскликнул Джондалар. Вид у него был ужасно встревоженный. – Тебе не следовало атаковать его в одиночку, надо было подождать меня... или заручиться чьей-то помощью. Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Да, я очень благодарна, что вы помогли мне, – сказала она и наконец улыбнулась. – Нападающий мамонт выглядит очень впечатляюще.

Талут оценивающе посмотрел на нее. Она была на волосок от гибели. Этот мамонт едва не добрался до нее, однако, похоже, она не слишком напугана. Немного напряжена и взволнована, но это вполне естественно. Усмехнувшись, он удовлетворенно кивнул и занялся осмотром наконечника своего копья.

– Ба! Да он даже не сломался! – радостно воскликнул Талут. – Это славное оружие еще может послужить мне! – добавил он, отправляясь на поиски очередной мишени.

В то время как Эйла провожала взглядом рыжебородого великана, Джондалар с тревогой смотрел на нее; его сердце еще колотилось от страха за ее жизнь. Он чуть не потерял ее! Еще мгновение, и она могла быть убита этим разъяренным мамонтом! Капюшон Эйлы упал на спину, и ее волосы беспорядочно рассыпались по плечам. Она тяжело дышала, лицо ее пылало, а глаза сверкали от сильного волнения. Она

была так прекрасна в этом смятенном состоянии, что все его чувства тут же вспыхнули с новой силой.

«Моя прекрасная женщина, – думал он, – моя удивительная, волнующая Эйла. Единственная женщина, которую я полюбил по-настоящему. Что же будет со мной, если я потеряю ее?» Он почувствовал, как горячая волна желания докатилась до его чресл. Мысль о том, что он мог навсегда потерять свою возлюбленную, обострила все его душевные и физические чувства, и ему вдруг, как никогда, захотелось обладать ею. Он хотел делить с ней дары. Радости. Впервые в жизни он испытывал столь сильное желание. Он мог бы овладеть ею прямо здесь, на ледяных плитах залитого кровью каньона.

Посмотрев на Джондалара, она заметила его взгляд, почувствовала неотразимую, колдовскую силу его глаз, таких же ярко-синих, как глубокий ледниковый пруд, только их сияние было очень теплым. Он хотел ее. Она поняла, что он хотел ее, и она тоже хотела его, и ничто никогда не сможет погасить огонь этого неукротимого желания. Она любила его и даже не представляла, что может любить кого-то с такой силой. Она истосковалась по его поцелуям, его ласкам, его любви; охваченные взаимным желанием, они потянулись друг к другу.

– Талут только что рассказал мне о тебе! – перепуганно кричал Ранек, подбегая к ним. – Значит, тебя атаковал вот этот мамонт? – Он выглядел потрясенным. – Ты уверена, что не ранена, Эйла?

С трудом оторвав взгляд от своего возлюбленного, Эйла непонимающе глянула на Ранека, успев заметить, как потускнели и омрачились глаза отступившего в сторону Джондалара. Наконец до нее дошло, о чем спрашивает Ранек.

– Нет, Ранек, успокойся, никто не ранил меня. Я в полном порядке, – сказала Эйла, не вполне уверенная в правдивости своих слов. Она совсем расстроилась, увидев, как Джондалар выдернул свое копье из шеи мамонта и пошел прочь. Не смея окликнуть его, она печально смотрела ему вслед.

«Я уже давно потерял мою Эйлу и сам виноват в этом!» – с горечью подумал он. Вдруг ему вспомнился тот случай в степи, когда он впервые проехался на Удальце, и Джондалар вновь испытал мучительный стыд. Он знал, что совершил тогда ужасное преступление, и, однако, сейчас, поддавшись страсти, мог бы опять слишком поспешно овладеть Эйлой. «Уж пусть она живет с Ранеком, он

более терпеливый, – расстроено размышлял Джондалар. – Мало того что я отвернулся от нее, я оскорбил ее чувства, осквернил дар Радости. Конечно, я не заслуживаю такой женщины». Он все надеялся, что ему наконец удастся смириться с неизбежным. Надеялся, что, вернувшись домой, сможет забыть Эйлу. Он уже даже стал относиться к Ранеку с искренней дружеской симпатией, и это как-то обнадеживало его. Но сейчас он понял, что никогда не сможет забыть ее и ничто не залечит боль этой потери.

Вдруг он заметил молодого мамонта – последнее животное, чудом уцелевшее в этой бойне. Джондалар с такой ожесточенной силой метнул в него копье, что тот мгновенно рухнул на землю. Утолив отчасти боль отчаяния, он широким и быстрым шагом покинул ледяной каньон. Ему необходимо было остаться одному, сейчас он никого не мог видеть. Он шел по полям куда глаза глядят, пока не понял, что все охотники и сам лагерь давно скрылись из виду. Тогда он схватился за голову и заскрежетал зубами, все еще пытаясь сдерживать свои чувства. Но затем он опустился на колени и стал молотить кулаками по земле.

– О Дони! – вскричал он, стремясь поделиться с кем-то своей болью и несчастьем. – Я знаю, что сам во всем виноват. Я сам отступился от нее, оттолкнул ее от себя. Конечно, меня терзала ревность, но одновременно я стыдился своей любви. Я боялся, что мое племя сочтет ее недостойной, боялся, что ее не признают и меня тоже проклянут вместе с ней. Но теперь я ничего не боюсь. И я понял, что сам не достоин ее. Но я по-прежнему люблю Эйлу. О Великая Мать, я люблю, я хочу ее, всей душой и телом. О Дони, как безумно я хочу ее! Ни одна женщина не может сравниться с ней. Все они оставляют меня совершенно равнодушным, и после встреч с ними я чувствую себя опустошенным. Дони, помоги мне вернуть ее. Я знаю, что уже слишком поздно, но я хочу вернуть мою Эйлу.

Глава 36

Во время разделки мамонтовых туш Талут был в своей стихии. Его обнаженный по пояс торс уже блестел от пота, но он неустанно разрезал сухожилия и толстые шкуры, разрубал кости и бивни, помахивая своим тяжеловесным топором, словно это была детская игрушка. Такая работа доставляла ему наслаждение, и, сознавая это, люди с удовольствием просили его о помощи, поскольку благодаря мощному телосложению он делал все это без особых усилий. С довольной усмешкой поигрывая могучими мускулами, Талут легко справлялся с самой трудной задачей, над которой всем остальным пришлось бы изрядно помучиться, и каждый, кто видел его в деле, также не мог удержаться от улыбки.

Однако весь отряд трудился не менее усердно; требовалось много людей, чтобы снять шкуры с этих огромных животных, не меньше, чем для их выделки и дубления по возвращении из похода. И только совместными усилиями люди могли дотащить эти шкуры до Волчьей стоянки, при этом отбирались лишь самые лучшие. Такой же выбор предстояло сделать при разборке прочих охотничьих трофеев, от бивней до хвостов. Самым строгим был отбор мяса, с собой уносили только мясистые, нежные и жирные части.

Но убытки были не такими большими, как казалось на первый взгляд. Мамутой должны были тащить все это на своих спинах, а худосочные и костлявые части туш вряд ли смогли бы восполнить энергию, затраченную на их переноску. После тщательного выбора они принесут домой только хорошее мясо, которым долгое время может питаться целое племя, и им не скоро придется устраивать новый охотничий поход. Добывая пропитание посредством охоты, они не собирались зря опустошать свои охотничьи угодья, а разумно пользовались ими. В этих суровых условиях жизнь человека была тесно связана с Великой Матерью Землей, и он знал и понимал свою зависимость от Нее. Поэтому никто попусту не растрчивал Ее природные богатства.

Пока охотники разделявали туши, стояла исключительно ясная погода, что обусловило резкий перепад между дневной и ночной температурой. Даже здесь, вблизи ледника, дни могли быть очень

теплыми, если выглядывало яркое летнее солнце, – достаточно теплыми для того, чтобы проявить на сухом ветру часть постного мяса, которое разумнее было тащить домой в таком виде. Однако по ночам всегда царил холод. Когда охотники уже свернули лагерь, погода испортилась, сменившийся ветер принес с запада стайки облаков, а к середине дня стало уже заметно холоднее.

Когда Эйла нагрузила лошадей, собираясь в обратный путь, их наконец оценили по достоинству. Охотники, готовые тащить полноценный груз, сразу поняли, как выгодно использовать этих животных. Особый интерес вызвали волокуши. Прежде мало кто понимал, зачем Эйла упорно таскала за собой эти длинные жерди; они явно не могли служить оружием. Однако сейчас все с одобрением следили за ее действиями. Кто-то из мужчин в шутку впрягся в недогруженную волокушу и попытался сдвинуть ее с места.

Несмотря на то что охотники встали очень рано, чтобы как можно скорее двинуться в путь, сборы были закончены лишь к середине утра. После полудня отряд поднялся на длинный узкий холм – эти обширные валы песка, галечника и гравия были отложены здесь в давние времена отступающим на север ледником. Взойдя на закругленную вершину, они остановились передохнуть, и, оглянувшись назад, Эйла впервые увидела, как выглядит издали ледник, прежде скрывавшийся за туманной завесой. От такого зрелища трудно было оторвать глаза.

Плывущие с запада облачка слегка затемняли вершины мерцающего на солнце ледяного массива, высота которого могла соперничать с самыми высокими горами, а протяженность казалась бесконечной. Никто не мог пересечь эти владения вечной мерзлоты, здесь был действительно край земли.

Неровная передняя граница ледника отличалась некоторым разнообразием форм, и если бы кто-то задумал подняться к вершинам, то обнаружил бы впадины и хребты, пики и расщелины, довольно значительные по человеческим меркам, но настолько незначительные относительно размеров самого ледника, что его поверхность следовало бы назвать практически ровной. Никакое воображение не помогло бы представить размеры этого необъятного ледника, сковавшего своим холодным мерцающим панцирем почти четверть земной поверхности. Отряд вновь тронулся в путь, но Эйла продолжала время от времени оглядываться назад, следя за продвижением западных облаков и

сгущением тумана, таинственные покровы которого постепенно окутывали ледяные владения.

Несмотря на тяжелую ношу, возвращение из похода занимало обычно меньше времени. Каждый год зимний сезон вносил свои изменения в рельеф местности, и приходилось заново исследовать даже хорошо знакомые места. Но теперь путь от этого полярного ледника был отлично известен охотникам. Все радовались и ликовали по поводу успешной охоты и стремились как можно скорее вернуться на Летний сход. Казалось, никто, кроме Эйлы, не страдает от тяжести своей ноши. На обратном пути дурное предчувствие, которое она испытывала по дороге на север, стало еще сильнее, но она предпочла скрыть свои опасения.

Темнокожий резчик также был охвачен тревогой, которую ему с трудом удавалось сдерживать. Но источником ее являлся в основном усилившийся интерес Винкавека к Эйле, хотя он смутно чувствовал, что назревают некие еще более серьезные проблемы. Однако их обещание по-прежнему оставалось в силе, и мясо, которое они несли, предназначалось для Праздника Брачного ритуала. Даже Джондалар, похоже, смирился с их союзом, и, хотя они не обсуждали эту тему, Ранек видел, что этот светловолосый чужеземец также не одобряет поползновений Винкавека. Мужчина из племени зеландонии обладал множеством чудесных качеств, и сейчас между бывшими соперниками завязались почти дружеские отношения. Тем не менее Ранеку казалось, что само присутствие Джондалара может как-то помешать его соединению с Эйлой, может стать преградой на пути к полному счастью. Ранек мог стать счастливым только после того, как этот чужеземец окончательно распрощается с ними.

Близость Брачного ритуала совсем не радовала Эйлу, хотя она понимала, что это радостное событие. Она знала, как сильно Ранек любит ее, и полагала, что сможет быть с ним счастливой. Она с удовольствием думала о том, что, возможно, у нее родится такой же очаровательный ребенок, как у Треси. В глубине души Эйла несколько не сомневалась в том, что Ралев был сыном Ранека. И случайное смешивание духов здесь совершенно ни при чем. Она была убеждена, что Ранек способствовал зачатию этого ребенка и передал ему свою сущность, когда делил дары Радости с Треси. Эйла с симпатией относилась к этой рыжеволосой женщине и сочувствовала ей. Она

решила, что не будет возражать, если Треси захочет жить вместе с ней и Ранеком одним семейным очагом.

И только в сокровенном ночном мраке Эйла призналась себе, что ее счастье вовсе не зависит от того, будет она делить очаг с Ранеком или нет. В течение всего охотничьего похода она всячески стремилась избегать совместных ночлегов, за исключением пары случаев, когда Ранек выглядел особенно печальным и она чувствовала, что он нуждается не в физической близости, а в духовной поддержке. И сейчас, на обратном пути, она не могла делить с Ранеком дары Радости. Вместо этого, лежа по ночам под своим покрывалом, она думала только о Джондаларе. Вновь и вновь она задавала себе одни и те же вопросы, но так и не могла найти на них окончательных ответов.

Вспоминая день охоты, ярость едва не убившего ее мамонта и взгляд Джондалара, исполненный страстного желания, Эйла спрашивала себя: неужели он по-прежнему любит ее? Но тогда почему он избегал ее всю зиму? Почему перестал делить с ней дары Радости? Почему ушел из очага Мамонта? Ей запомнился тот день в степи, когда Джондалар впервые проехал на Удальце. Когда она думала о его пылких объятиях, мгновенно пробуждавших в ней ответные чувства, то не могла заснуть, мечтая о его ласках, однако эти воспоминания были омрачены его отчужденностью, из-за которой она испытывала боль и смущение.

Один из дней показался ей особенно длинным, и после вечерней трапезы Эйла в числе первых ушла от костра и направилась в палатку. Она отклонила молчаливую просьбу Ранека, надеявшегося разделить с ней ложе, с улыбкой сославшись на то, что сегодняшний переход очень утомил ее, хотя и огорчилась, видя его разочарование. Но она действительно очень устала и к тому же совершенно запуталась в своих чувствах. По дороге к палатке она взглянула на Джондалара, занимавшегося лошадьми. Он стоял к ней спиной, и Эйла не могла отвести взгляд, невольно зачарованная его осанкой и движениями, его мужской статью. Она знала его настолько хорошо, что ей казалась знакомой даже отбрасываемая им тень. Затем Эйла вдруг заметила, что ее невольно охватило чувство желания. Дыхание ее стало учащенным, лицо вспыхнуло, ее вдруг так сильно потянуло к Джондалару, что она направилась в его сторону.

«Но все это бесполезно, – спохватилась она. – Если я подойду сейчас и заговорю с ним, он, скорее всего, сразу найдет повод, чтобы уйти или подключить к разговору третьего собеседника». Пытаясь совладать с сильными чувствами, которые он пробудил в ней, Эйла вошла в палатку и забралась под свое меховое покрывало.

Несмотря на усталость, она не могла заснуть и беспокойно ворочалась и крутилась в постели, стараясь убедить себя в том, что вовсе не тоскует по нему. «Что со мной происходит? Ведь он не проявляет ко мне никакого интереса, почему же я не могу забыть о нем? И все-таки иногда он смотрит на меня с такой любовью. И тогда в степи он был охвачен таким страстным желанием, что не мог сдерживать себя». Внезапно ей пришла в голову одна мысль, и Эйла озадаченно нахмурилась. Возможно, их влечение является взаимным, но он старается побороть его. Неужели именно в этом кроется причина его отчужденности?

Она вновь покраснела, но на сей раз от огорчения. Последние предположения вдруг показались ей логичными, и если она права, то становится понятным, почему он так упорно избегает ее. Неужели он действительно старается подавить свою любовь к ней? Сколько раз она пыталась сблизиться с ним, поговорить, понять его чувства, но он неизменно отклонял ее попытки, и она чувствовала себя униженной. «Да, он не хочет жить со мной, – думала она. – Не хочет жить со мной так, как Ранек. Когда мы жили вдвоем в долине, Джондалар говорил, что любит меня, и предлагал пойти вместе с ним в его родные края, однако никогда не упоминал о Брачном ритуале. Никогда не говорил, что хочет разделить со мной очаг. Возможно, он даже не хочет, чтобы я родила от него ребенка».

Глаза Эйлы наполнились жгучими слезами. «Почему я должна переживать из-за него, ведь его совершенно не волнуют мои чувства! – Она судорожно вздохнула и вытерла слезы тыльной стороной ладони. – Зачем я постоянно думаю и тоскую о нем, если он просто хочет забыть меня? А вот Ранек не скрывает своей любви, и с ним так же приятно делить дары Радости. Он очень хорошо относится ко мне и хочет, чтобы я стала хранительницей его очага, и мне следовало бы, конечно, уделять ему гораздо больше внимания. Кроме того, у нас с ним могут родиться замечательные дети, по крайней мере у Треси – замечательный малыш. Наверное, мне надо быть более приветливой с Ранеком и постараться

забыть о Джондаларе, – подумала Эйла. Но от одной этой мысли на глаза ее вновь навернулись слезы, и ей пришлось признать, что она пытается обмануть саму себя. – Конечно, Ранек хорошо относится ко мне, но Ранек – не Джондалар, а я люблю Джондалара».

* * *

Когда охотники подошли к болоту, то решили, что стоит поискать обходной путь. С таким тяжелым грузом им вряд ли удастся перебраться через трясины. Сверившись с вырезанной на кости картой прошлогоднего маршрута, они решили, что утром изменят направление похода. Талут был уверен, что окружной путь займет ненамного больше времени, хотя ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы убедить в этом Ранека, который был против любых задержек.

Вечером, до того как отряд решил изменить маршрут, у Эйлы возникло необычное тревожное чувство. Лошади тоже весь день проявляли сильную нервозность и не успокоились даже после чистки и расчесывания ворсовальными шишками. Что-то должно было случиться. Эйла не знала, что именно, просто испытывала странное беспокойство. Чтобы снять напряжение, она отправилась прогуляться в степь, подальше от лагеря.

Заметив выводок куропаток, она хотела достать пращу, но обнаружила, что забыла ее. Внезапно, без всякой видимой причины, птицы испуганно сорвались с места и улетели. Затем на горизонте показался беркут. Обманчиво медленно пошевеливая крыльями, он плыл по воздуху и, казалось, никуда не торопился. Однако его полет был более стремительным, чем ей представлялось, – он охотился на скользившего низко над землей тетерева. Неожиданно, резко увеличив скорость, ястреб камнем рухнул вниз, схватил свою жертву сильными когтями и в одно мгновение прикончил тетерева.

Эйла вздрогнула и поспешила обратно в лагерь. В этот вечер она долго сидела у костра, разговаривая с людьми и стараясь чем-то отвлечь себя. И когда все-таки улеглась спать, то заснула далеко не сразу, и сны ее были неглубокими и тревожными. Она часто просыпалась, и когда ближе к рассвету ее сон вновь прервался, то она поняла, что больше не

сможет заснуть. Выскользнув из-под мехового покрывала, она вышла из палатки и начала разводить костер, чтобы вскипятить воду.

В предрассветных сумерках потягивая утренний чай, Эйла отсутствующим взглядом смотрела на тонкий стебелек с подсохшим зонтичным соцветием, покачивающийся рядом с очажным кругом. Наполовину съеденная мамонтовая нога была укреплена на высокой треноге из копий прямо над очагом, чтобы ночью ею не полакомились окрестные хищники. Когда взгляд Эйлы прояснился, она узнала ботву дикой моркови, и ей пришла в голову одна идея. Найдя в куче хвороста удобную ветку с острым концом, она выкопала длинный корнеплод, скрывавшийся под тонким слоем земли. Затем она заметила еще несколько таких же растений и, пока выкапывала их, обнаружила растущий поблизости чертополох, чья хрустящая и сочная сердцевина годилась в пищу. А неподалеку от кустиков чертополоха белело несколько крупных грибов-дождевиков, вполне свежих и пригодных для еды, здесь же зеленели красодневы с еще не распустившимися плотными бутонами. К тому времени, когда люди начали просыпаться, Эйла уже успела сварить овощную похлебку с грибами и дробленным зерном.

– На редкость вкусно! – воскликнул Талут, зачерпывая вторую порцию похлебки костяным ковшом. – С чего это ты вдруг решила приготовить сегодня такой роскошный завтрак?

– Мне не спалось, и потом я обнаружила, что здесь растет много овощей. В общем, мне надо было... чем-то заняться, – сказала Эйла.

– А я спал, как медведь во время зимней спячки, – заметил Талут и, внимательно посмотрев на Эйлу, пожалел, что с ним нет Неззи. – Тебя что-то тревожит, Эйла?

Она отрицательно мотнула головой:

– Нет... а впрочем, да. Но только я сама не понимаю, что со мной происходит.

– Ты не заболела?

– Нет, дело не в этом. У меня просто... какое-то странное предчувствие. Лошади тоже что-то чувствуют. Удальца почти невозможно успокоить, да и Уинни нервничает...

Вдруг она выронила чашку и обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от какой-то опасности. В ужасе глядя на юго-восток, Эйла воскликнула:

– Талут! Смотри! – Где-то на горизонте над землей поднимался темно-серый столб, расходившийся по небу густыми мрачными облаками. – Что там такое?

– Понятия не имею, – сказал вождь, выглядевший не менее испуганным, чем Эйла. – Схожу-ка я за Винкавеком.

– Я тоже не могу точно сказать, что это такое. – Они обернулись, услышав голос шамана, уже успевшего покрыть свое лицо разноцветными татуировками. – Похоже, что-то происходит в юго-восточных горах. – Винкавек пытался сохранять спокойствие. Ему не полагалось показывать свой страх, но это было нелегко. – Должно быть, Великая Мать посылает нам знак.

Эйла была уверена, что случилось какое-то ужасное несчастье, раз уж земля с такой силой взметнулась в небо. Даже издали этот темно-серый столб казался невероятно огромным, и все больше становилась шапка беспорядочно вздымающихся зловещих облаков. Поднявшийся ветер быстро гнал их в западном направлении.

– Это молоко из Груды Дони, – равнодушным тоном, не отражавшим его истинных чувств, сказал Джондалар, используя понятие из своего родного языка.

Теперь уже все охотники высыпали из палатки и смотрели на ужасное извержение и огромное разрастающееся облако раскаленного вулканического пепла.

– Что?.. О чем это ты говоришь? – спросил Талут.

– Я говорю о горé, об особом виде гор, извергающих лаву. Я видел такое извержение в детстве, – сказал Джондалар. – Груды Великой Матери, так мы называем эти горы. Старая Зеландони рассказывала нам связанное с ними предание. То извержение, что я видел издали, произошло в горных районах. Потом к нам зашел один человек, который путешествовал неподалеку от того места, и рассказал о том, что видел. Это была потрясающая, но очень страшная история. Сначала земля задрожала и произошло несколько небольших землетрясений, а затем вдруг взорвалась вершина горы. Из нее появился такой же темный столб, и черное облако расползлось по небу. Хотя, конечно, это было необычное облако. Оно было наполнено легкой пылью, подобной пеплу. И та тьма, – он указал рукой на черные облака, плывущие на запад, – похоже, пройдет мимо нас. Если только ветер не переменится.

Когда пепел осядет, то покроет всю землю. Его слой может быть очень глубоким.

– Но это извержение происходит где-то очень далеко, – сказала Бреси. – Отсюда нам даже не видно гор и не слышно никаких звуков – ни гула, ни грохота сотрясающейся земли. Просто огромный столб и клубы черных облаков.

– Да, если часть пепла и донесется сюда, то он уже будет не так опасен. Хорошо, что мы находимся достаточно далеко.

– Ты говорил, что при этом сотрясается земля? Землетрясения всегда являются знаком Великой Матери. И это, должно быть, тоже некий знак. Мамутам придется поразмыслить об этом и выяснить его значение, – заметил Винкавек, не желая показаться менее сведущим, чем этот чужеземец.

После упоминания о землетрясении Эйла мало что слышала. Ничего на свете не страшило ее так, как землетрясения. В пятилетнем возрасте, когда твердая земля вдруг покрылась глубокими трещинами, она потеряла свою семью, второе землетрясение убило Креба, и тогда Бруд выгнал ее из клана. Землетрясения всегда предвещали ужасные потери, мучительные перемены. Нервы Эйлы были напряжены до предела, и ей с огромным трудом удавалось сдерживать свои чувства.

Затем краешком глаза она случайно заметила знакомое движение. И в следующее мгновение увидела мелькнувшую в высокой траве полоску серого меха – Волк стремительно подбежал к ней и, подпрыгнув, положил мокрые и грязные лапы ей на грудь. Не успев опомниться, она почувствовала, что он лизнул ее щеку своим шершавым языком.

– Волк! Волк! Как же ты здесь оказался? – сказала она, взъерошивая шерсть на его загривке. И вдруг она замерла на мгновение, объятая ужасом, и отчаянно закричала: – О нет! Ридаг! Волк прибежал за мной из-за Ридага! Я должна идти. Я должна немедленно идти к нему!

– Надо разгрузить лошадей, чтобы ты могла быстрее доехать до Волчьей стоянки, – сказал Талут. Его глаза потемнели от боли. Ридаг был таким же сыном его очага, как и другие дети Неззи, и вождь очень любил его. Если бы он смог, вернее, если бы он не был таким большим и тяжелым, Эйла предложила бы ему поехать вместе с ней на Удальце.

Она бросилась в палатку, чтобы собраться в путь, и увидела там Ранека.

– Ридагу плохо, – сказала она.

– Я понял. Я слышал твой крик. Давай я помогу тебе. Я уже положил в твой мешок немного еды и питья. Наверное, тебе еще понадобится меховое покрывало? Его я тоже положу сверху, – говорил он, пока она завязывала свои высокие ботинки.

– Ох, Ранек, – сказала Эйла, признательная ему за заботу. – Как я смогу отблагодарить тебя?

– Он ведь мой брат, Эйла.

«Естественно! – подумала она. – Ранек тоже любит его».

– Извини! Я сказала не подумав. А ты не хочешь поехать со мной? Я хотела предложить Талуту, но он слишком велик для Удальца. А ты вполне мог бы поехать на нем.

– Я?.. Ты хочешь, чтобы я сел на лошадь? Никогда! – потрясенно воскликнул Ранек, слегка отступая назад.

Эйла удивленно нахмурилась. Она не догадывалась, что он так боится лошадей, но сейчас, заметив его страх, вспомнила, что он был одним из немногих обитателей Львиной стоянки, которые никогда не пробовали проехать на лошади. И все-таки это было странно.

– Я даже не представляю, как надо управлять им, и... Эйла, я просто боюсь свалиться с него. Ты – прекрасная и смелая наездница, и, возможно, отчасти за это я и люблю тебя, но сам я никогда не сяду на лошадь, – сказал Ранек. – Я предпочитаю передвигаться на своих двоих. И вообще люблю ходить босиком, непосредственно чувствуя под ногами землю.

– Но кто-то же должен отправиться вместе с ней. Ей не стоит ехать одной, – сказал Талут, появляясь у входа.

– Она и не поедет, – заметил Джондалар.

Он уже собрался в дорогу и стоял рядом с Уинни, держа Удальца в поводу. Эйла вздохнула с большим облегчением, но озадаченно нахмурила брови. Зачем он вызвался сопровождать ее? Ведь он предпочитает никогда не оставаться с ней наедине. В сущности, ему, наверное, все равно, что произойдет с ней. Конечно, Эйла была рада, что они поедут вместе, но не собиралась сообщать ему об этом. Слишком часто он обижал ее своими действиями.

Закрепляя дорожные сумки на спине Уинни, Эйла заметила, что Волк лакает воду из миски Ранека. Кроме того, он уже успел проглотить здоровый кусок мяса.

– Спасибо, что ты покормил его, Ранек, – сказала она.

– Если я не люблю ездить на лошадях, то это вовсе не означает, что я не люблю животных, Эйла, – сказал резчик, испытывая неловкость. Ему пришлось признаться, что он боится ездить на лошади, и он сожалел об этом.

Она кивнула и улыбнулась ему.

– Ладно, увидимся позже, когда вы дойдете до Волчьей стоянки, – сказала она.

Они обнялись и поцеловались, и Эйла почувствовала, что он обнимает ее с какой-то почти отчаянной пылкостью. Она также обнялась с Талутом и Бреси и, коснувшись щеки Винкавека, взлетела на лошадь. Волк немедленно поспешил к ней.

– Будем надеяться, что путь сюда не слишком утомил Волка и он сможет бежать за нами обратно, – сказала Эйла.

– Если он устанет, то ты сможешь взять его к себе. Думаю, Уинни не будет возражать, – заметил Джондалар, садясь на спину Удальца и пытаясь успокоить этого норовистого жеребца.

– Это правда. Значит, не стоит волноваться, – сказала Эйла.

– Позаботься о ней, Джондалар, – сказал Ранек. – Когда она переживает за кого-то, то совсем забывает о себе. Мне не хочется, чтобы она слишком переутомилась перед Брачным ритуалом.

– Я позабочусь о ней, Ранек. Не волнуйся, ты приведешь к своему очагу благополучную и здоровую женщину, – ответил Джондалар.

Эйла перевела взгляд с Ранека на Джондалара. За этими словами явно крылось нечто большее.

* * *

Первую остановку они сделали после полудня, чтобы немного отдохнуть и подкрепиться дорожными припасами. Эйла так сильно беспокоилась за Ридага, что предпочла бы вовсе не останавливаться, но лошади действительно нуждались в отдыхе. Она размышляла, сам ли мальчик послал за ней Волка. Вполне вероятно. Если бы это был кто-то

другой, то он скорее бы послал обычного гонца. Только Ридаг мог догадаться, что Волк достаточно смысленный, чтобы понять приказ и отыскать Эйлу. Но он не послал бы его без крайней необходимости.

То извержение на юго-востоке очень испугало ее. Сейчас темного столба уже не было видно, но облака по-прежнему расплзались по небу. Ужас перед содроганием земной тверди жил в самой глубине ее существа, и он был настолько велик, что ей делалось плохо при одной мысли об этом. Только страх за Ридага помог ей превозмочь эту слабость и овладеть собой.

Однако, несмотря на все свои страхи и волнения, Эйла отлично осознавала присутствие Джондалара. Она уже почти забыла, как хорошо ей бывало наедине с ним. Только в мечтах она могла представить, что они вот так вдвоем скачут на лошадях в сопровождении рево бегущего Волка. На привале она наблюдала за ним, но тайно, как любая воспитанная женщина клана, способная все подмечать и одновременно оставаться незамеченной. От одного его вида ей становилось тепло на душе и возникало желание более тесного общения, однако недавний вывод, к которому она пришла, обдумывая его необъяснимое поведение, а также смущение и нежелание навязываться тому, кто не считает ее желанной, не позволяли Эйле показать свои истинные чувства. Раз он не хочет ее близости, то она тоже не хочет его или, по крайней мере, не собирается показывать, что все еще любит его.

Джондалар тоже наблюдал за ней, стараясь подыскать слова, которые могли бы передать ей, как сильно он любит ее, как хочет вновь завоевать ее любовь. Но она, похоже, намеренно не смотрела в его сторону, и он никак не мог поймать ее взгляд. Зная, как она расстроилась из-за Ридага, он боялся ухудшить свое положение и не хотел усугублять ее переживания. Ему казалось, что сейчас неуместно говорить о его личных чувствах, и, кроме того, они так давно нормально не разговаривали, что он даже не знал, с чего начать. В мечтах ему представилась совершенно невероятная возможность, что они даже не будут останавливаться на Волчьей стоянке, а проедут мимо, направившись в сторону его родного дома. Но он понимал, что это невозможно. Ридаг нуждается в ней, и к тому же она помолвлена с Ранеком. Впереди их ждет Брачный ритуал. Конечно, она не согласится уйти с ним.

Привал был недолгим. Как только Эйла пришла к выводу, что лошади достаточно отдохнули, они вновь тронулись в путь. Прошло совсем немного времени, когда они заметили впереди человека. Он явно спешил к ним навстречу. И, подъехав ближе, они узнали Лудега, гонца, который заходил на Львиную стоянку с сообщением об изменении места Летнего схода.

– Эйла, тебя-то я и ищу. Неззи послала меня за тобой. Боюсь, что у меня плохие новости. Ридаг очень серьезно болен, – сообщил Лудег. Затем он с удивлением оглянулся по сторонам: – А где же все остальные?

– Они идут своим путем. Мы поехали вперед, как только узнали об этом, – сказала Эйла.

– Но откуда вы могли узнать? Ведь я – единственный гонец, которого послали к вам, – недоуменно сказал Лудег.

– Нет, – заметил Джондалар. – Ты единственный человек, посланный за нами, но волки бегают быстрее.

Только тогда Лудег наконец увидел молодого волка.

– Вы же уходили на охоту без него. Как же Волк нашел вас?

– Я думаю, его послал Ридаг, – сказала Эйла. – Он нашел нас за болотом.

– И это была отличная идея, – добавил Джондалар, – тебе вряд ли удалось бы быстро найти отряд. Они решили изменить маршрут и обойти болото стороной. С тяжелым грузом лучше путешествовать по твердой земле.

– Значит, охота на мамонтов прошла удачно. Отлично, все будут очень рады, – сказал Лудег, а затем огорченно взглянул на Эйлу. – Я думаю, тебе надо торопиться. Хорошо, что вы уже так близко.

Эйла почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

– Может, ты хочешь поехать с нами, Лудег? – предложил Джондалар, прежде чем они отправились дальше. – Мы с Эйлой можем ехать на одной лошади.

– Нет-нет. Вам надо спешить. Вы и так уже избавили меня от дальнего путешествия. Я совсем не устал и спокойно дойду обратно.

* * *

Весь остаток пути до летнего лагеря мамутои Эйла, не останавливаясь, проскакала на Уинни. Соскочив с лошади, она вбежала в палатку, прежде чем обитатели Рогожной стоянки успели осознать, что она вернулась.

– Эйла! Наконец-то! Ты успела вовремя. Я уже боялась, что он покинет нас, не дождавшись тебя, – сказала Неззи. – Как быстро Лудег добежал до вас!

– Первым нас нашел Волк, а не Лудег, – сказала Эйла, сбрасывая верхнюю одежду и подбегая к Ридагу.

Потрясенная его видом, она на мгновение закрыла глаза, чтобы прийти в себя. Его сжатые челюсти и напряженные черты сказали ей яснее всяких слов, как ему больно, как ему мучительно больно. Мальчик был очень бледным, под глазами залегли темные круги, и все черты лица сильно заострились. Он с трудом дышал, и каждый вздох причинял ему острую боль. Эйла взглянула на стоявшую рядом с лежанкой Неззи:

– Что же случилось, Неззи?

– Хотела бы я знать. С ним было все в порядке. А потом вдруг совершенно неожиданно стало плохо. Я делала все так, как ты научила меня. Давала настойку, но ничего не помогало, – сказала Неззи.

Эйла почувствовала слабое прикосновение руки Ридага.

– Я рад, что ты пришла, – жестом показал он.

Когда же она могла видеть это прежде? Такую же неловкую попытку выразить свои мысли жестами, когда тело уже почти бессильно. Иза... Именно такой она была перед смертью. Тогда Эйла только что вернулась в пещеру после долгого отсутствия – из дальнего путешествия на Летнее сходбище клана. Но охота на мамонтов заняла всего несколько дней. Они отсутствовали совсем недолго. Что же могло случиться с Ридагом? Почему его состояние так резко ухудшилось? Или болезнь незаметно подтачивала его изнутри?

– Это ты послал Волка? – спросила Эйла.

– Я знал, что он найдет тебя, – заметил мальчик. – Волк смысленый.

Ридаг устало опустил веки, и Эйла, отвернув голову в сторону, закрыла глаза. Ей было больно видеть, с каким трудом он дышит, видеть его мучения.

– Когда последний раз ты принимал настойку? – спросила Эйла, вновь взглянув на него и заметив, что он открыл глаза.

Ридаг вяло покачал головой:

– Не помогает. Мне уже ничего не поможет.

– Что значит – ничего не поможет? Ты ведь не целительница. И не знаешь, как могут помочь травы. Только я могу судить об этом, – сказала Эйла, стараясь говорить твердым и убежденным голосом.

Он вновь слабо запротестовал:

– Нет, я знаю.

– Ладно, я должна осмотреть тебя, но сначала я пойду и приготовлю тебе еще одно снадобье, – сказала Эйла, но за этими словами скрывалось нечто большее: ей надо было отойти и успокоиться, она боялась, что не выдержит и разрыдается прямо сейчас.

Он коснулся ее руки:

– Не уходи.

Ридаг вновь закрыл глаза, и она, сознавая свое бессилие перед этой болезнью, смотрела, как он судорожно пытается сделать еще пару мучительных вдохов.

– Волк здесь? – наконец спросил он.

Эйла свистнула, и тот, кто удерживал Волка от входа в палатку, вдруг обнаружил, что это стало невозможно. Волк стрелой подлетел к лежанке и, вскочив на нее, лизнул щеку мальчика. Ридаг улыбнулся. Эйла едва остановила новый приступ слез, вспомнив не улыбочивые лица клана, – эта понимающая полуулыбка-полуоскал была свойственна только Ридагу. Неугомонный волчонок слишком бурно выражал свои чувства, и Эйла велела ему слезть с лежанки.

– Я послал Волка... за тобой, Эйла, – вновь повторил Ридаг. – Я хотел... – Похоже, он не знал, как показать какое-то слово.

– Что ты хотел, Ридаг? – подбодрила его Эйла.

– Он пытался сказать об этом и мне, – сказала Неззи. – Но я не смогла понять его. Надеюсь, ты сможешь. Мне кажется, это очень важно для него.

Ридаг опустил веки и нахмурил брови, у Эйлы возникло ощущение, что он усиленно старается вспомнить что-то.

– Дарк счастлив. Его... признали... Эйла, я хочу... мог-ура.

Он очень старался объяснить ей что-то, эти попытки отнимали у него последние силы, и единственное, что Эйла могла сделать, – это попытаться понять мальчика.

– Мог-ура? – Она сделала соответствующий молчаливый жест на языке клана. – Ты имеешь в виду человека, общающегося с миром духов? – добавила она вслух.

Ридаг кивнул Эйле, показывая, что она на верном пути. Но Неззи, судя по выражению лица, пока по-прежнему ничего не понимала.

– Именно это он и пытался сказать? – спросила женщина.

– Наверное, да, – сказала Эйла. – Только я не пойму, с чем связано его желание.

Неззи резко кивнула, сдерживая гнев:

– Я все поняла. Он не хочет быть животным, хочет перейти в мир духов. Он хочет, чтобы его похоронили... как человека.

На сей раз Ридаг удовлетворенно кивнул головой.

– Но это же естественно, – сказала Эйла. – Он и есть человек.

– Нет. Только мы так считаем, и далеко не все мамутой согласны с нами. Они и сейчас не позволят признать его. Они по-прежнему считают, что он животное, – сказала Неззи.

– Ты хочешь сказать, что они не позволят похоронить его, считая, что он не может приобщиться к миру духов? Кто говорит, что он не может? – Глаза Эйлы яростно сверкнули.

– Очаг Мамонта, – сказала Неззи. – Они не позволят нам похоронить его.

– Но ведь я тоже дочь очага Мамонта. И я считаю, что это возможно! – решительно заявила Эйла.

– Это бесполезно. Наш Мамут пытался убедить их. Но согласие должно быть всеобщим, а согласны далеко не все, – сказала Неззи.

Ридаг с надеждой слушал их разговор, но сейчас его надежда начала угасать. Эйла заметила его помрачневшее лицо, его разочарование, и ее охватил такой страшный гнев, какого она еще никогда не испытывала.

– Нам не стоит добиваться согласия очага Мамонта. Им не дано права решать, кто принадлежит к человеческому роду, а кто – нет. Ридаг – человек. Уж если считать его и моего сына животными, то мы все относимся к их числу. Пусть Мамонтовый очаг останется при своих ритуалах. Ридаг не нуждается в них. Когда придет время, я сама сделаю

все необходимое, проведу ритуал клана, так же как я сделала это для Креба, Мог-ура клана. Ридаг найдет путь в мир духов, и никакой Мамонтовый очаг не сможет помешать этому!

Неzzi взглянула на мальчика. Теперь он выглядел более спокойным. Или, вернее, решила она, умиротворенным. Исчезли глубокие переживания, омрачавшие его лицо. Он коснулся руки Эйлы.

– Я – не животное, – просигналил он.

Казалось, он хотел добавить еще что-то. Эйла выжидающе смотрела на него. Затем внезапно поняла, что не слышит больше никаких звуков, никаких попыток сделать еще один мучительный вдох. Боль больше не терзала его.

Боль осталась с живыми. Эйла взглянула на Джондалара. Он стоял рядом с ней все это время, и его лицо потемнело от горя, как и лица Эйлы и Неzzi. Вдруг они, все трое, прижались друг к другу, пытаясь найти хоть какое-то утешение в этом мире.

Затем еще одно существо, подняв мохнатую морду, заявило о своем горе. Тихое поскуливание, доносившееся от подножия лежанки Ридага, сменилось жалобным повизгиванием, которое постепенно усилилось и окрепло, превратившись в настоящий протяжный вой, впервые вырвавшийся из груди молодого волка. Когда его дыхание иссякло, он опять набрал в грудь воздуха и снова возвестил о своей утрате звучной, жутковатой, душераздирающей мелодией, испокон веков называемой волчьей песней. Собравшиеся перед входом в палатку люди не осмеливались войти внутрь. Даже те трое, что, охваченные общим горем, обнявшись, стояли у лежанки мальчика, потрясенно слушали этот звериный плач. Джондалар подумал, что ни человек, ни животное – никто не мог бы исполнить более трогательную и внушающую благоговейный трепет песню.

* * *

Горькие рыдания не помогли Эйле избавиться от безутешного горя, но немного облегчили ей душу, и сейчас она неподвижно сидела возле этого худенького безжизненного тела, и тихие слезы медленно стекали по ее щекам. Ее отрешенный взгляд был устремлен в пространство, и она молча вспоминала свою жизнь в клане, своего сына и свою первую

встречу с Ридагом. Он значил для нее не меньше, чем Дарк, и в определенном смысле даже заменил ей сына. Несмотря на то что Бруд отнял у нее ребенка, благодаря Ридагу у нее появилась возможность кое-что узнать о своем сыне. Глядя на Ридага, Эйла могла представить себе, как растет и взрослеет Дарк, как он выглядит и о чем думает. Улыбаясь его добродушным шуткам или радуясь его сообразительности и восприимчивости, она представляла себе, что Дарк растет таким же умным и понятливым. Но теперь Ридаг ушел, и прервалась та тонкая ниточка, которая связывала ее с Дарком. Она горевала о них обоих.

Горе Неззи было ничуть не меньше, но она была обязана думать также и о живых. Расстроенная и смущенная Руги ерзала на ее коленях, не понимая, почему напарник ее игр, ее приятель и брат, не может больше играть с ней и даже не разговаривает с ней на языке знаков. Дануг, вытянувшись во весь рост, лежал на постели и тихо плакал, зарывшись лицом в меховое покрывало. А кому-то надо было пойти и сообщить обо всем Лэти.

– Эйла?.. Эйла, – сказала Неззи, нарушая наконец тягостное молчание, – что мы должны сделать, чтобы похоронить его по обряду клана? Нам ведь надо как-то подготовить его.

Эйла не сразу поняла, что кто-то обращается к ней. Попытавшись сосредоточиться, она взглянула на Неззи.

– Что ты сказала?

– Мы должны подготовить его к Погребальному ритуалу. Что надо делать? Я ничего не знаю об обрядах клана.

«Да, никто из племени мамутой не подозревал о существовании такого обряда, – подумала Эйла. – Особенно Мамонтовый очаг. Только я могу провести его». Вспоминая те похороны, которые ей довелось увидеть, она размышляла о том, как следует подготовить Ридага. Поскольку он будет похоронен по обряду клана, то его сначала надо принять в клан. Для этого надо провести соответствующий ритуал, присвоив ему имя и вручив амулет с кусочком красной охры. Внезапно Эйла вскочила и выбежала из палатки.

Джондалар последовал за ней:

– Куда ты собралась?

– Если Ридаг должен пройти обряд клана, то я должна сделать для него амулет, – сказала она.

С явно сердитым видом Эйла решительно шла по летнему лагерю и, даже не взглянув в сторону очага Мамонта, направилась прямо в кремневую мастерскую. Джондалар едва поспевал за ней. Он догадывался о том, что она задумала. Она попросила кремневый желвак, в чем, естественно, никто не смог отказать ей. Затем Эйла окинула взглядом валявшиеся на земле отщепы и, найдя некое подобие отбойника, расчистила себе место для работы.

Когда она начала предварительную обработку желвака по методу клана, все мастера мамутой сразу поняли, что она собирается делать. Они столпились вокруг и с интересом наблюдали за ее действиями, не осмеливаясь, однако, подойти слишком близко. Никому не хотелось разгневать ее еще больше, но трудно было отказаться от такой редкой возможности. Джондалар уже пытался однажды объяснить им методы обработки мастеров клана, после того как все узнали о прошлом Эйлы, но его приемы все же были другими. Он не привык работать таким способом. Даже когда ему удалось сделать оружие клана, мамутой подумали, что он просто показал свое мастерство, а не какой-то необычный процесс обработки.

Эйла решила, что нужны два разных орудия – острый нож и длинное шильце, которыми она сможет сделать амулет, вернувшись на Рогожную стоянку. Ей удалось изготовить вполне пригодный к использованию нож, хотя она была так сердита и расстроена, что ее руки немного дрожали. Затем, взявшись за более трудную задачу, она попыталась выточить длинное острие, но сломала заготовку. Эйла вдруг заметила, что за ней наблюдает множество людей, и это заставило ее еще больше нервничать. Осознав, что мастера мамутой хотят оценить методы клана, она расстроилась, понимая, что не сможет хорошо показать, как изготавливают орудия мастера клана, и еще больше расстроилась из-за того, что ей вообще приходится думать об этом. Вторая попытка также оказалась неудачной. От огорчения слезы брызнули у нее из глаз, и она сердито смахнула их. Неожиданно Джондалар опустился перед ней на колени.

– Ты пытаешься сделать такое шильце? – спросил он, протягивая ей острое орудие, которое она изготовила специально для проведения ритуала на Празднике Весны.

– Это же оружие клана! Откуда оно у тебя?.. По-моему, я сама его сделала! – сказала она.

– Я знаю. В тот день я вернулся и нашел его. Я надеялся, что ты не будешь возражать, если я возьму его.

Она была удивлена, озадачена и даже обрадована.

– Нет, конечно, я не против... Я даже рада, но зачем оно тебе?

– Чтобы получше изучить его, – уклончиво ответил он.

Ему не хотелось признаваться в том, что он хотел сохранить это орудие в память о ней, не хотел говорить, что он собирался уйти без нее. Он уже понял, что не может уйти без нее.

Взяв орудия, она вернулась на Рогожную стоянку и попросила у Неззи кусочек мягкой кожи. Вручив ей требуемый материал, Неззи понаблюдала за тем, как быстро Эйла соорудила простой кожаный мешочек, приспособленный с помощью шнурка.

– Эти орудия выглядят немного грубее наших, но, похоже, они очень удобные, и ты ловко работаешь ими, – заметила Неззи. – Для чего ты сделала этот мешочек?

– Для амулета Ридага, я уже делала такой же для Праздника Весны. В него надо положить кусочек красной охры и провести ритуал Присвоения имени, как это обычно делают в клане. Кроме того, у Ридага должен быть тотем, который будет охранять его на пути в мир духов. – Она умолкла ненадолго, задумчиво наморщив лоб. – Я не знаю, как Креб определял тотем человека, но его выбор всегда был правильным... Возможно, я могу поделиться с Ридагом моим тотемом. Пещерный Лев – очень могущественный тотем, порой с ним трудно жить, но Ридаг прошел много испытаний, и его, очевидно, должен был охранять очень сильный тотем.

– Я могу как-то помочь тебе? Может быть, его надо подготовить? Обмыть или переодеть? – спросила Неззи.

– Да, я тоже хотела бы помочь, – сказала Лэти. Она вошла в палатку вместе с Тули.

– И я тоже, – добавил Мамут.

Оглянувшись вокруг, Эйла обнаружила, что почти вся Львиная стоянка с готовностью смотрит на нее, ожидая распоряжений. Не хватало только охотников. Ее переполняли самые теплые и сердечные чувства к этим людям, принявшим этого странного осиротевшего ребенка и полюбившим его, как своих детей, но она также испытывала и справедливый гнев по отношению к членам Мамонтового очага, которые не позволяли даже похоронить его по человеческому обряду.

– Хорошо, во-первых, надо растереть красную охру в порошок, как делает Диги для окраски кожи, и потом смешать его с разогретым жиром, чтобы получилась мазь. Этой мазью надо будет натереть его. При этом следует использовать жир пещерного медведя, поскольку мы хотим совершить погребальный обряд по традициям клана. Великий Пещерный Медведь считается священным в клане.

– Но у нас нет жира пещерного медведя, – сказал Торнек.

– В наших местах не так уж много пещерных медведей, – добавил Манув.

– Эйла, может быть, мы можем использовать мамонтовый жир? – предложил Мамут. – Ведь Ридаг принадлежал не только к клану. Он был ребенком смешанных духов. Отчасти мы можем считать его мамутой, мамонт у нас считается священным.

– Да, я думаю, мы можем использовать этот жир. Ридаг также принадлежал и к племени мамутой. Нам не следует забывать об этом.

– А как мы должны одеть его, Эйла? – спросила Неззи. – Он даже не успел поносить те новые наряды, что я сшила для него в этом году.

Эйла задумчиво нахмурилась, а потом согласно кивнула:

– Почему бы и нет? После того как мы натрем его священной мазью, как это принято в клане, можем нарядить его в лучшие одежды по традициям мамутой. Да, мне кажется, это хорошая идея, Неззи.

– Никогда бы не подумал, что они также считают красную охру священной и используют ее во время похорон, – заметил Фребек.

– А я вообще не думала, что они хоронят своих мертвецов, – добавила Крози.

– Очевидно, Мамонтовый очаг тоже не догадывается об этом, – заметила Тули. – Похоже, их ждет большой сюрприз.

Эйла попросила у Диги одну из деревянных чашек, сделанных в стиле клана, чтобы смешать в ней порошок охры с мамонтовым жиром для получения мази. Но натирать тело мальчика и наряжать его было поручено трем старейшим женщинам Львиной стоянки – Неззи, Крози и Тули. Эйла запасла для будущей церемонии небольшое количество этой маслянистой красной пасты и положила кусочек красной железной руды в приготовленный ею мешочек.

– А на что мы положим его? – спросила Неззи. – Эйла, его надо завернуть в покрывало?

– Зачем, что-то я не пойму, какой в этом смысл? – сказала Эйла.

– Мы обычно используем для выноса тела какие-то шкуры или мех, в общем, что-то типа покрывала, в которое его закутывают, перед тем как положить в могилу.

Эйла поняла, что это – часть Погребального ритуала мамутой, но традиции клана уже и так были во многом нарушены, учитывая нарядную одежду и многочисленные украшения Ридага. Три женщины ожидали ее решения. Она оглянулась на Тули и вновь посмотрела на Неззи. Что ж, возможно, Неззи права. Его ведь надо будет на чем-то вынести, нужно приготовить какую-то подстилку или покрывало. Затем она взглянула на Крози.

Вдруг она вспомнила об одной давно не используемой ею вещи – накидке Дарка. В эту накидку она укладывала своего сына, когда носила его с собой в младенческом возрасте, и за нее он держался, когда подрос и начал учиться ходить. Это была единственная вещь, которую она взяла из клана просто на память, а не в связи с насущной необходимостью. Однако как часто накидка спасала Эйлу от тоски и одиночества, напоминая холодными и жуткими ночами о том единственном домашнем очаге, который помнила, и о тех людях, которых любила. Как часто по ночам она прижимала к себе эту накидку. Плакала, уткнувшись в нее, или укачивала ее, вспоминая Дарка. Это была единственная вещь, связывавшая ее с сыном, и Эйла с трудом могла представить, что сможет отказаться от нее. Но неужели она собирается носить ее с собой всю оставшуюся жизнь?

Вновь перехватив взгляд Крози, Эйла вспомнила белый плащ, тот плащ, что Крози когда-то сделала для своего сына. Она тоже носила его с собой долгие годы как самую дорогую вещь. Но в итоге она отказалась от него ради доброго дела, чтобы этот плащ помог защитить Удальца. Конечно, Эйле было жаль расставаться с накидкой Дарка, но, возможно, она гораздо нужнее Ридагу, возможно, эта сделанная в клане вещь защитит его на пути в мир духов? Крози в конце концов рассталась с этим напоминанием об умершем сыне. Может, и ей пришло время перестать печалиться о Дарке и вспоминать о нем с радостью, сознавая, что он живет среди родных и близких ему людей.

– Я знаю, во что мы завернем его, – сказала наконец Эйла.

Подойдя к своему спальному месту, она вытащила из стопки вещей сложенный кусок кожи и встряхнула его. Она закрыла глаза и ненадолго погрузилась в воспоминания, последний раз прижимая к щеке эту

мягкую и эластичную старую кожу, служившую накидкой ее сыну. Затем Эйла вернулась к женщинам и протянула ее Неззи.

– Вы можете использовать это в качестве покрывала, – сказала она. – Это накидка клана. Когда-то она принадлежала моему сыну. А теперь будет защищать Ридага в мире духов. А еще я хочу сказать, что благодарна тебе, Крози, – добавила Эйла.

– За что это ты благодаришь меня?

– За все, что ты сделала для меня, и за то, что благодаря тебе я поняла, что все матери должны в свое время чем-то жертвовать.

Старуха пробормотала что-то невнятное, пытаясь выглядеть суровой, но ее заблестевшие от слез глаза говорили, что она очень тронута. Неззи взяла у Эйлы накидку и накрыла ею Ридага.

Приготовления были закончены уже в сумерках. Эйла хотела провести несложную предварительную церемонию внутри палатки, но Неззи попросила ее подождать до утра и провести ритуалы по всем правилам, чтобы весь Летний сход видел, что Ридага хоронят как человека. Кроме того, возможно, к утру вернутся остальные охотники. Будет жаль, если Талут и Ранек не успеют на похороны Ридага, но они не могли ждать слишком долго.

На следующее утро, ближе к полудню, тело мальчика вынесли из палатки и положили на расстеленную на земле накидку. Вокруг уже собралось много людей с разных стоянок, а остальные постепенно подходили к месту церемонии. Весть о том, что Эйла собирается хоронить Ридага по обряду плоскоголовых, уже облетела летний лагерь, и все мамутои с интересом ждали этого события. Захватив с собой чашку с красной мазью из охры и амулет, Эйла уже собиралась начать ритуал Призывания духов, с которого Креб обычно начинал все священные обряды, но все вдруг взволнованно зашумели. К большому облегчению Неззи, охотники подоспели вовремя, и, кроме того, они умудрились дотащить до лагеря все мамонтовое мясо. Установив очередность, они, сменяя друг друга, тащили волокуши и даже слегка усовершенствовали их, в результате чего получились своеобразные сани, которые было гораздо легче везти по земле.

Талуту и Ранеку сообщили о случившемся, и церемония была отложена, для того чтобы убраться на хранение охотничьи трофеи, однако никто не возражал против ее скорого возобновления. Смерть ребенка смешанных духов поставила весь Летний сход в затруднительное

положение, заставив всех мамутой задуматься о своем отношении к плоскоголовым. Многие называли его выродком или животным, но животных никогда не хоронили, их мясо укладывали на хранение и употребляли в пищу. Обычно хоронили только людей, и все были согласны с тем, что умерших надо как можно скорее предать земле. Хотя мамутой отказывались признавать принадлежность Ридага к человеческому роду, они отлично знали, что, в сущности, он не был животным. Считалось естественным почитать дух оленя, или бизона, или мамонта, но никто не почитал дух плоскоголовых, и никто не собирался укладывать тело Ридага рядом с мамонтовыми тушами. Те, кто называл его уродцем или выродком, безусловно, осознавали его сходство с человеком, однако многие упорно продолжали умалять значение этого сходства и даже отрицать его. Тем не менее они были рады, что Эйла и Львиная стоянка разрешили эту сложную ситуацию, решив похоронить Ридага по обычаям клана.

Поднимаясь на небольшой холм, чтобы продолжить церемонию, Эйла пыталась вспомнить все движения, которыми Креб сопровождал эту часть обряда. Она не знала точного истолкования всех этих знаков и жестов – этому учили только мог-уров, – но знала их общий смысл и содержание и по ходу дела давала необходимые пояснения, сознавая, что в этом могут быть заинтересованы как обитатели Львиной стоянки, так и остальные мамутой, собравшиеся на похороны.

– Сейчас я исполнила ритуал Призывания духов священных животных, – сказала она, – Великого Пещерного Медведя, Пещерного Льва, Мамонта и всех остальных, а кроме того, я призвала сюда древнейшие духи Ветра, Тумана и Дождя.

– Затем она взяла маленькую чашу.

– Сейчас я проведу обряд наречения и приема в члены клана.

Зачерпнув пальцем красную мазь, Эйла провела вертикальную черту посередине лба, от линии волос к носу. Затем она выпрямилась и, сопровождая свои слова соответствующими жестами, сказала:

– Этот мальчик наречен Ридагом.

Ее действия производили удивительное впечатление: торжественный тон, странные и выразительные движения, которые она делала, стараясь в точности воспроизвести обрядные позы и жесты клана, и даже ее необычный выговор – все это держало людей в напряжении и завораживало их. Рассказ о том, как она провела ритуал

Зова мамонтов, стоя на ледяном утесе, быстро распространился среди мамутой. Никто не сомневался, что эта дочь очага Мамонта имеет полное право проводить эту или любую другую церемонию, несмотря на то что ее лицо не было раскрашено татуировками, как у других мамутов.

– Теперь он получил имя по обряду клана, – объяснила Эйла, – но ему также необходим тотем, который поможет ему найти дорогу в мир духов. Я не знаю его тотема, поэтому поделюсь с ним моим тотемом, духом Великого Пещерного Льва. Это очень сильный и могущественный тотем, но он достоин его.

Эйла обнажила худенькую правую ногу Ридага и, зачерпнув красной мази, провела на его бедре четыре параллельные линии. Поднявшись с колен, она торжественно сказала:

– Дух Пещерного Льва, этот мальчик, Ридаг, передается под твою защиту.

– Эти слова она также сопровождала жестами клана. Затем она плавным движением надела на шею мальчика висевший на круговом шнурке амулет.

– Теперь Ридаг принят в клан, – сказала Эйла, горячо надеясь, что это действительно так.

Эйла заранее выбрала место для могилы Ридага в стороне от лагеря, и Волчья стоянка удовлетворила просьбу Львиной стоянки, разрешив похоронить его там. Неззи завернула маленькое закоченевшее тело в накидку Дарка, и Талут поднял мальчика и отнес к месту захоронения. Опуская сына своего очага в неглубокую могилу, он плакал от горя и не стыдился своих слез.

Члены Львиной стоянки стояли вокруг этой узкой впадинки, лишь слегка заглубленной в землю, и смотрели, как в могилу укладывают ряд традиционных вещей. Неззи принесла чашу с едой и поставила ее в изголовье. Лэти добавила его любимый костяной свисток. Трони принесла нить погремушек, которую он сделал из оленьих позвонков прошедшей зимой на Львиной стоянке для развлечения малышкой. Он очень любил играть с детьми и относился к этому занятию с большой серьезностью, поскольку это было одно из немногих полезных дел, которые были ему по силам. Неожиданно к могиле подбежала Руги и бросила в нее свою любимую куклу.

По сигналу Эйлы все обитатели Львиной стоянки взяли по камню и положили их на завернутую в накидку фигуру – это было началом его погребальной пирамиды. И только после этого Эйла начала проводить погребальный обряд. На сей раз она не стала ничего объяснять, считая, что его назначение и так достаточно понятно. Воспроизводя движения, которые делал Креб перед могилой Изы и которые она уже однажды повторила перед могилой Кребя, обнаружив его после землетрясения в обвалившейся пещере, Эйла исполняла некий ритуальный танец, и каждая его поза имела особый смысл. Никто из присутствующих никогда не видел более красивого погребального ритуала и даже не догадывался, в какую седую древность уходят его истоки.

Эйла не стала упрощать образный знаковый язык теми разговорными словами, что выучила на Львиной стоянке. Сейчас она говорила только на том сложном и богатом языке клана, в котором каждое движение, жест и поза передавали малейшие нюансы смысла. Естественно, даже сама Эйла не знала значения многих ритуальных поз – к этим знаниям приобщались только посвященные мог-уры, – однако среди них было и много знакомых понятий, часть из которых была также известна и обитателям Львиной стоянки. Они могли понять сущность ее молчаливого разговора с духами, сознавая, что этот ритуал помогает человеку найти путь в иной мир. Всем остальным мамутои казалось, что Эйла просто исполняет некий утонченный, но очень выразительный танец, включающий множество удивительных поз, жестов и движений. Ее молчаливый, грациозный ритуал пробудил в них чувства любви и утраты, печали и надежды, связанные с таинственным потусторонним миром.

Джондалар был совершенно потрясен. Как и все обитатели Львиной стоянки, он даже не пытался сдержать слезы. Глядя на ее красивый танец, он вспомнил те времена, когда жил в ее долине, – казалось, что с тех пор прошла целая вечность, – и когда она однажды пыталась рассказать ему о чем-то с помощью таких же изящных движений. Тогда он не знал, что это был язык клана, но чувствовал, что ее выразительные жесты имеют некий скрытый смысл. И теперь, зная гораздо больше, он удивлялся тому, сколь многое ему еще неизвестно, и восхищался красотой движений Эйлы.

Он помнил их первую встречу, когда Эйла, следуя традициям клана, сидела перед ним на земле, скрестив ноги и покорно опустив

голову, ожидая, когда он коснется ее плеча. Даже когда она научилась говорить, то все равно иногда садилась в такую позу. Это всегда смущало его, особенно после того, как он узнал о языке клана, правда, она объяснила ему, что пользуется им потому, что ей не хватает слов. Джондалар невольно улыбнулся. С трудом верилось, что когда-то она не умела говорить. Сейчас она свободно владеет двумя языками: зеландонии и мамутои – а вернее, тремя, если учесть язык клана. Кроме того, ей удалось выучить много слов языка сангайи за то короткое время, что Львиная стоянка гостила у них.

Наблюдая за тем, как она исполняет ритуал клана, Джондалар, охваченный воспоминаниями об их уединенной жизни в долине, о временах их безмятежной любви, осознавал, что только Эйла могла бы сделать его жизнь счастливой. Однако поблизости от нее стоял Ранек, не менее очарованный, чем сам Джондалар. Этот темнокожий мужчина невольно попадался ему на глаза каждый раз, когда он смотрел на Эйлу.

Внезапно все собравшиеся у могилы удивленно повернули головы, услышав звуки ритуального барабанного боя. Марут, барабанщик, сходил в Дом музыки и вернулся обратно со своим мамонтовым барабаном. Похороны мамутои обычно проходили под музыкальное сопровождение, но эти звуки резко отличались от традиционных мелодий мамутои. Марут исполнял ту особую ритмичную и на редкость захватывающую музыку клана, которой его научила Эйла. Затем бородатый музыкант Манен начал наигрывать на флейте ту мелодию, что насвистывала Эйла. Эта музыка каким-то невероятным образом сочеталась с движениями ритуала, исполняемого этой женщиной, и сам танец казался таким же утонченным и ускользящим, как этот музыкальный ритм.

Эйла уже почти закончила ритуал, но решила повторить его, поскольку они продолжали играть мелодию клана. На сей раз музыканты уже начали импровизировать. Благодаря их опыту и мастерству простая мелодия клана приобрела новое звучание, и эта вариация уже соединяла в себе музыкальные традиции клана и мамутои. «Именно такая музыка и должна звучать на похоронах мальчика смешанных духов», – подумала Эйла. Повторяя вместе с музыкантами этот Погребальный ритуал, Эйла неожиданно обнаружила, что по щекам ее текут слезы. Она не знала, давно ли плачет, но заметила, что расчувствовалась не только она. У многих

мамутой глаза были на мокром месте, не говоря уже об обитателях Львиной стоянки.

Когда она завершала последнюю, третью вариацию, густое черное облако, двигавшееся с юго-востока, начало закрывать солнце. Это был сезон гроз, и некоторые люди уже тревожно оглядывались в поисках укрытия. Однако вместо ожидаемого дождя с неба вдруг посыпалась легкая серая пыль, поначалу почти незаметная. Но вскоре ветер принес множество крупных хлопьев вулканического пепла, зародившегося в далеких горах.

Эйла стояла возле погребальной пирамиды Ридага, чувствуя, как оседают эти легкие пепельные перья, покрывая ее волосы, плечи и руки, прилипая ко лбу и даже ресницам и придавая ей облик однотонного бежевато-серого изваяния. Этот легкий пепел окутывал все вокруг: камни пирамиды, траву, даже пыльную тропинку. Деревья и кусты приняли одинаковый оттенок. Однотонными стали и люди, стоявшие возле могилы, и Эйле вдруг показалось, что они совершенно неотличимы друг от друга. Все различия стирались перед лицом таких могущественных и священных сил, как землетрясение и смерть.

Глава 37

– Нет, это просто какой-то ужас! – жаловалась Трони, вытряхивая на краю оврага меховое покрывало, отчего в воздухе закружилось новое облако пепельной пыли. – Целыми днями мы только и делаем, что моем и чистим наши вещи, но этого пепла по-прежнему полно в пище и воде, в одежде и даже в постелях. Он проникает повсюду, от него просто невозможно избавиться!

– Все, что нам нужно, – это пара сильных ливней, – сказала Диги, выплескивая воду, с помощью которой она пыталась смыть грязь с кожаного палаточного покрытия, – или хороший снегопад. Вот тогда все будет чисто. Похоже, в этом году я впервые с нетерпением буду ждать зимы.

– Будешь, будешь, я нисколько не сомневаюсь, – сказала Трони и усмехнулась, искоса посмотрев на Диги, – но, по-моему, это ожидание связано лишь с тем, что к этому времени вы с Бранагом уже будете жить на своей стоянке.

Блаженная улыбка озарила лицо Диги, когда она подумала о скорой свадебной церемонии.

– Ах, пожалуй, я не буду отрицать этого, Трони, – вздохнула она.

– А правда, что Мамонтовый очаг собирался отложить Брачный ритуал из-за этого пепла? – спросила Трони.

– Да, и Женский ритуал тоже. Но многие были против. Я знаю, что Лэти хочется как можно скорее пройти его, да и мне тоже. В итоге им пришлось согласиться. Они не хотят больше вызывать недовольство. Многие считают, что они были не правы, запретив хоронить Ридага по нашему обряду, – сказала Диги.

– Но некоторые люди поддерживали их, – заметила Фрали, подошедшая к ним с корзиной пепла. Она высыпала его в овраг и добавила: – Каким бы ни было их решение, всегда найдутся такие, кто будет не согласен с ним.

– Если бы они пожили вместе с Ридагом, то наверняка бы изменили свое мнение о нем, – сказала Трони.

– А я не уверена, – возразила Диги. – Он долго жил с нами, но я вовсе не считала его нормальным человеком до появления Эйлы.

– Кстати, по-моему, ее не особенно радует приближение Брачного ритуала в отличие от тебя, Диги, – заметила Трони. – Что-то здесь явно не так. Может, она заболела?

– Нет, я не думаю, – сказала Диги. – С чего ты взяла?

– Она ведет себя как-то странно. Вроде бы она готовится к этому празднику, но незаметно, чтобы она с нетерпением ждала его. Все радуются за нее, дарят подарки, но она совсем не выглядит счастливой. Ей бы надо брать пример с тебя. Ты так и расцветаешь всякий раз, когда слышишь слово «свадьба».

– Каждый человек по-своему относится к этому событию, – заметила Фрали.

– Возможно, это связано с тем, что она очень любила Ридага, – предположила Диги. – Она горюет так же, как Неззи. Если бы он был мамутой, то Брачный ритуал был бы, вероятно, отложен.

– Мне тоже очень жаль Ридага, я скучаю по нему... Все вспоминаю, как он хорошо нянчился с Харталом, – сказала Трони. – Конечно, нам его всем жаль, и меня утешает только то, что теперь эта ужасная болезнь не мучает его. Но я думаю, Эйлу тревожит еще что-то.

Она не стала добавлять, что вообще не понимает, почему Эйла дала Обещание Ранеку. Не стоило сейчас обсуждать этот щекотливый вопрос. Однако при всех стараниях Ранека завоевать любовь Эйлы она по-прежнему любит Джондалара. Диги была почти уверена в этом, хотя в последнее время Эйла, похоже, старается не обращать на него внимания. Оглянувшись, Диги заметила, что этот высокий зеландонии вышел из палатки и направился к центру летнего лагеря.

* * *

Погруженный в печальные размышления Джондалар рассеянно отвечал на приветствия проходивших мимо него друзей и знакомых. Действительно ли Эйла избегает его? Или это ему только кажется? Конечно, он сам долгое время старался как можно реже общаться с ней, но ему все-таки не верилось, что она специально избегает его теперь, когда ему так хочется поговорить с ней наедине. Джондалар всегда надеялся, что, как только он сам перестанет избегать ее, их отношения сразу же наладятся. Возможно, ее чувства к нему немного изменились,

но она всегда охотно шла ему навстречу. А теперь она выглядит такой отчужденной. И выяснить, какие чувства испытывает она к нему на самом деле, можно, лишь прямо спросив ее об этом. Однако Джондалар никак не мог выбрать подходящее время и место для такого разговора.

Навстречу ему шла Лэти. Он остановился, с улыбкой глядя на нее. Она медленно прогуливалась по лагерю с независимым видом, уверенно улыбаясь людям, которые приветливо кивали ей. Джондалар с удовлетворением отметил, как она преобразилась. Его всегда восхищали перемены, происходящие с девушками после ритуала Первой Радости. Лэти уже нельзя было назвать ребенком или робкой девушкой, скрывающей свое смущение за показной смешливостью. Конечно, она была еще совсем юной, но уже приобрела уверенность настоящей женщины.

– Привет, Джондалар, – улыбнувшись, сказала она.

– Привет, Лэти. Ты прекрасно выглядишь.

Глядя на ее улыбающееся лицо, он подумал, что она стала очаровательной молодой женщиной.

подавив вздох и блеснув глазами, она невольно откликнулась на его неосознанное поощрение:

– Спасибо. Знаешь, как скучно было торчать все время на Девичьей стоянке? У меня впервые появилась возможность выйти без сопровождающих... или прогуляться с тем, кого я сама выберу. – Подняв на него глаза, она чуть подалась ему навстречу. – А куда ты направляешься?

– Я разыскиваю Эйлу. Ты не видела ее?

Лэти вздохнула и по-дружески улыбнулась ему:

– Видела недавно, она играла с малышом Треси. Мамут тоже разыскивал ее.

* * *

– Не надо обвинять всех, Эйла, – сказал Мамут. Стоял теплый солнечный день, и они сидели в тени возле густого ольхового кустарника. – Несколько человек были несогласны. Мне не удалось убедить их.

– Я не обвиняю тебя, Мамут. Я вообще не уверена, стоит ли в данном случае обвинять кого-то. Но неужели они настолько слепы? Мне непонятно, что заставляет людей так сильно ненавидеть клан?

– Может быть, причина в том, что они слишком хорошо видят сходство между ними и нами и поэтому неосознанно стремятся подчеркнуть различия. – Он помолчал немного и продолжил: – Ты не забыла, Эйла, что тебе сегодня надо обязательно зайти в Мамонтовый очаг? Иначе ты не сможешь принять участие в Брачном ритуале. Только ты еще не сообщила о своем решении.

– Да, наверное, мне следует зайти к ним, – сказала Эйла.

– Своей нерешительностью ты подаешь надежду Винкавеку. Сегодня он снова спрашивал меня, не думаю ли я, что ты примешь его предложение. Он сказал, что если дело только в том, что ты не хочешь нарушать Обещание, то он готов переговорить с Ранеком и предложить ему устроить тройной союз. Его предложение может значительно повысить твой Брачный выкуп, и в итоге все вы приобретете очень высокий статус. Что ты думаешь по этому поводу, Эйла? Если ты согласишься, то сможешь основать общий очаг с Винкавеком и Ранеком.

– Винкавек что-то говорил об этом, когда мы были на охоте. Но для начала мне надо поговорить с Ранеком и выяснить, как он относится к такой идее, – сказала Эйла.

Мамут понимал, что ее совсем не вдохновляет ни один из этих вариантов. Конечно, сейчас она еще слишком переживает из-за Ридага, и ей трудно думать о веселых свадебных торжествах, однако, учитывая все завидные предложения, вряд ли стоит советовать ей отложить выбор до будущего года. Он заметил, что Эйла вдруг совершенно потеряла интерес к их разговору, и оглянулся посмотреть, что отвлекло ее внимание. К ним подходил Джондалар. Она явно забеспокоилась, намереваясь сбежать, но ей было неловко так резко обрывать разговор с Мамутом.

– Вот вы где спрятались. Я искал тебя, Эйла. Мне бы хотелось поговорить с тобой.

– Сейчас я занята, у нас с Мамутом серьезный разговор, – сказала она.

– Полагаю, мы уже закончили, так что, если хочешь, можешь поговорить с Джондаларом, – предложил Мамут.

Эйла опустила голову, потом посмотрела на шамана, избегая встревоженного взгляда Джондалара, и тихо сказала:

– Мамут, мне кажется, нам нечего сказать друг другу.

Лицо Джондалара сначала побледнело, а затем вспыхнуло, словно его ударили. Значит, она действительно избегает его! Она даже не захотела поговорить с ним.

– Ну что ж... ну... Я... Извините, что побеспокоил вас, – сказал он, отступив в сторону. Затем он развернулся и стремительно пошел прочь, желая провалиться сквозь землю.

Мамут, прищурившись, наблюдал за Эйлой. Она смотрела вслед Джондалару, и взгляд ее был полон не меньшего смятения, чем у него. Старик покачал головой, но не стал обсуждать ее поведение, и они молча направились к Рогожной стоянке.

Когда они ступили на свою территорию, Эйла заметила, что им навстречу идут Неззи и Тули. Неззи тяжело переживала смерть Ридага. Только вчера она принесла Эйле пакет с его целебными травами, и они вместе поплакали, вспоминая мальчика. Неззи не хотелось хранить этот пакет, вызывающий печальные воспоминания, но и выбросить его казалось неразумным. Это заставило Эйлу осознать, что теперь, когда Ридаг умер, ей уже не надо помогать Неззи ухаживать за ним.

– Мы ждали тебя, Эйла, – сказала Тули.

Она явно пребывала в приподнятом и даже восторженном состоянии – так обычно выглядит человек, задумавший потрясти чье-то воображение, – совсем необычном для этой властной и сдержанной женщины. Неззи помогла ей развернуть какую-то аккуратно сложенную вещь. Эйла изумленно распахнула глаза, а стоявшие перед ней женщины усмехнулись, обменявшись удовлетворенными взглядами.

– У каждой невесты должно быть свадебное платье. Обычно его шьет мать жениха, но мне захотелось помочь Неззи.

Это был великолепный наряд из золотисто-желтой кожи, затейливо и богато украшенный; плотные узоры вышивки местами практически скрывали исходный материал, и эта отделка была выполнена из мелких бусин, выточенных из бивня мамонта и отполированного янтаря.

– Какая красота! Чтобы сшить такой наряд, нужно затратить уйму времени. Над одной только вышивкой можно просидеть всю зиму. Как же вы успели справиться с такой работой? – спросила Эйла.

– Мы начали этот наряд сразу после того, как вы объявили о помолвке, а закончили уже здесь, пару дней назад, – сказала Неззи. – Пойдем в палатку, ты должна примерить его.

Эйла взглянула на Мамута. Он улыбнулся и кивнул. Его давно посвятили в этот план, и он даже помогал сохранить все в тайне. Три женщины вошли в палатку и направились в спальный отсек Тули. Эйла разделась, но стояла в нерешительности, не зная, как следует носить это платье. Женщины помогли ей одеться. Особенностью этого наряда было то, что он имел откидной лиф, прикрепленный к талии с помощью узкого кушака, сплетенного из рыжеватой мамонтовой шерсти.

– Пока ты можешь носить его так, как обычное платье, если захочешь показаться в нем на людях, – объяснила Неззи, – но во время церемонии тебе надо убрать эту деталь. – Развязав кушак, она откинула переднюю часть лифа. – Грудь – это гордость женщины, и она должна показать их во время Брачного ритуала, принимая на себя обязанности хранительницы домашнего очага.

Обе женщины отступили назад, чтобы полюбоваться на будущую новобрачную. «Ей есть чем гордиться, – подумала Неззи, – настоящие материнские груди. Она сможет выкормить много детей. Как жаль, что ее родная мать не видит этого. Любая женщина могла бы гордиться такой дочерью».

– Ну что, теперь нам можно войти? – спросила Диги, заглядывая в палатку. Все женщины Львиной стоянки пришли полюбоваться на Эйлу в ее новом наряде. Похоже, они все были в курсе тайного плана Неззи и Тули.

– Теперь опустим верх, чтобы можно было выйти и показаться мужчинам, – сказала Неззи, опуская перед лифа и закрепляя его на талии. – Тебе не следует носить свадебный наряд открытым до Брачного ритуала.

Когда Эйла вышла из палатки, мужчины Львиной стоянки встретили ее одобрительными и восхищенными улыбками. Однако среди них были и сторонние наблюдатели. Винкавек знал о предстоящем вручении этого подарка и не преминул заглянуть к соседям по такому случаю. Увидев Эйлу, он решил, что не отказался бы от своего предложения, даже если бы она привела к их домашнему очагу еще десяток мужчин.

Среди наблюдателей был еще один посторонний мужчина, хотя большинство людей привыкли считать его членом Львиной стоянки. Быстро оправившись от смущения, он тоже направился к Рогожной стоянке, все еще надеясь вызвать Эйлу на разговор и не желая верить в категоричность ее отказа. Дануг сообщил ему о причине сбора, и он остался ждать вместе с другими. Когда Эйла появилась, то он какое-то время просто не мог оторвать от нее восхищенных глаз, но потом вдруг резко помрачнел и опустил голову. Ему стало понятно, что он окончательно потерял ее. Примерив свадебный наряд, она ясно показала, что готова соединиться с Ранеком. Джондалар глубоко вздохнул и сжал зубы. Представив себе на мгновение, как она проходит Брачный ритуал с темнокожим резчиком, он решил, что не сможет присутствовать на этом празднике. Настало время отправляться в путь.

После того как Эйла переделалась в свою повседневную одежду и ушла куда-то вместе с Мамутом, Джондалар поспешил в палатку. Он был рад, что там никого нет. Разбирая свои дорожные принадлежности, он еще раз мысленно поблагодарил Тули за подарки, затем собрал все вещи, которые хотел взять с собой, и накрыл их меховым покрывалом. Он решил, что завтра утром попрощается со всеми и уйдет сразу после завтрака. До тех пор он не собирался никого посвящать в свои планы.

Остаток дня Джондалар провел в общении с новыми друзьями и собратьями по ремеслу, с которыми познакомился на этом Летнем сходе; он ни с кем не прощался, но намекал, что ему пора отправляться в дорогу. Вечером он побеседовал с каждым членом Львиной стоянки. Долгое время все они жили как одна семья. Ему трудно было думать о предстоящей разлуке, осознавая, что он больше никогда не увидит их. Но гораздо труднее оказалось найти в себе силы, чтобы сделать еще одну попытку поговорить с Эйлой. Он долго наблюдал за ней и, заметив, что она вместе с Лэти направилась к лошадиному навесу, быстро последовал за ними.

Разговор получился поверхностным и натянутым, Джондалар казался таким напряженным, что Эйла почувствовала смутную тревогу. Вскоре она вернулась к костру, а он задержался возле жеребца и расчесывал его, пока совсем не стемнело. Он вспомнил, что, когда впервые увидел Эйлу, она помогала Уинни разрешиться от бремени. Разлука с Удальцом очень печалила его. Джондалар даже не представлял, что может так сильно привязаться к какому-то животному.

В конце концов он вернулся в палатку и тихо улегся на свою постель. Он закрыл глаза, но беспокойные мысли не давали ему уснуть. Он думал об Эйле и о себе, об их уединенной жизни в долине, о том, как медленно зарождалась их любовь. Хотя не так уж и медленно. Он полюбил ее с первого взгляда, просто медлил признаться себе в этом, он слишком поздно понял, как сильна его любовь, настолько поздно, что потерял ее. Он отказался от ее любви и будет расплачиваться за это всю оставшуюся жизнь. Как мог он быть настолько глупым? Ему никогда не удастся забыть Эйлу, пережить боль этой утраты. Он сознавал свою вину и понимал, что никогда не сможет простить себя.

Это была долгая и трудная бессонная ночь, и, когда в палатку проникли первые рассветные лучи, он не выдержал и решил немедленно отправиться в путь. Он боялся, что не перенесет мучительного прощания с ней и с остальными обитателями стоянки. Надо уйти, пока все спят. Тихонько упаковав в заплечный мешок дорожную одежду и спальные принадлежности, он выскользнул из палатки.

– Значит, ты решил уйти не прощаясь. Я так и думал, – сказал Мамут.

Джондалар вздрогнул и обернулся.

– Я... ну... мне надо спешить... Я и так слишком задержался. Пора мне... в общем... – сбивчиво бормотал он.

– Я понимаю тебя, Джондалар. Желаю тебе хорошего путешествия. Тебе предстоит долгий путь. Надеюсь, ты принял правильное решение, только запомни мои слова: выбор не может быть сделан, если его не существует, – многозначительно произнес Мамут и нырнул обратно в палатку.

Джондалар нахмурился и направился к лошадиному навесу. «Интересно, что Мамут имел в виду? И почему Те, Кто Служит Великой Матери, всегда говорят какими-то туманными фразами?»

При виде Удальца Джондалару вдруг пришло в голову, как было бы хорошо уехать на нем, по крайней мере тогда с ним останется хоть одно любимое существо, но он отбросил эту мысль, ведь Удалец был питомцем Эйлы. Он погладил обеих лошадей и на прощание обнял жеребца за шею, затем заметил Волка и ласково потрепал его по загривку. После этого он вышел из-под навеса и решительно двинулся к речной переправе.

Эйла проснулась, когда потоки солнечных лучей уже ярко освещали палатку. «Кажется, будет прекрасный денек», – подумала она, но потом вспомнила, что сегодня должна состояться брачная церемония, и этот день сразу потерял для нее часть привлекательности. Она приподнялась на постели и оглянулась вокруг. Что-то было не так. Обычно, проснувшись, она первым делом смотрела в сторону лежанки Джондалара. Сейчас его там уже не было. «Видимо, сегодня он решил встать пораньше», – подумала она, но все-таки не могла отделаться от какого-то смутного беспокойства.

Она встала, оделась и покинула палатку, собираясь умыться и найти свежую палочку, чтобы почистить зубы. Стоявшая у кухонного очага Неззи как-то странно посмотрела на нее. Ощущение беспокойства стало более определенным: неужели действительно что-то случилось? Эйла взглянула в сторону лошадиного навеса. Там спокойно стояли Уинни и Удалец, и Волк тоже был с ними. Она вернулась в палатку и внимательно огляделась. Многие уже встали и отправились по своим обычным делам. Наконец она заметила, что место Джондалара странно опустело. Не похоже, чтобы он отправился по обычным делам. На лежанке не было мехового покрывала, за ней не стоял его заплечный мешок, все его вещи исчезли. Джондалар ушел!

Эйла в тревоге выбежала обратно:

– Неззи! Джондалар ушел! Он не просто ушел прогуляться по Волчьей стоянке, он совсем ушел! И он не взял меня с собой!

– Я знаю, Эйла. А разве ты ожидала чего-нибудь другого?

– Но он ведь даже не простился! Я думала, он останется на сегодняшний праздник.

– Меньше всего ему хотелось бы присутствовать на этой церемонии, Эйла. Неужели ты думаешь, что ему приятно видеть тебя с другим мужчиной?

– Но... но... Неззи, он отказался от меня. Что я могла сделать?

– А что бы ты хотела сделать?

– Я бы хотела уйти вместе с ним! Но он ушел один. Как он мог оставить меня? Он ведь собирался взять меня с собой. Так мы когда-то планировали. Почему же все сорвалось, Неззи? – взволнованно проговорила Эйла и разрыдалась.

Неззи раскрыла ей свои объятия и постаралась утешить плачущую молодую женщину:

– Ничего страшного не произошло, Эйла. Иногда планы меняются. Жизнь вносит свои изменения. Кроме того, у тебя же есть Ранек.

– Я не подхожу ему. Он должен сделать предложение Треси, она любит его, – всхлипывая, сказала Эйла.

– Но он любит тебя. А ты разве не любишь его?

– Я хотела полюбить его, Неззи. Я старалась полюбить его. Но я не смогла разлюбить Джондалара. А теперь он ушел... – Эйла снова заплакала. – Он не любит меня.

– Ты уверена? – спросила Неззи.

– Он оставил меня, даже не попрощался. Неззи, почему он ушел без меня? Может, я чем-то обидела его? – умоляющим голосом спросила Эйла.

– С чего ты взяла, что он мог обидеться, Эйла?

Эйла помолчала, хмуро сдвинув брови.

– Он хотел поговорить со мной вчера, а я отказалась.

– Почему же ты отказалась разговаривать с ним?

– Потому что... Я думала, что он хочет забыть меня. Всю зиму я пыталась наладить с ним отношения, говорила о том, как я люблю его, но он не желал слушать меня. Я была не нужна ему. Он даже не разговаривал со мной.

– И поэтому теперь, когда он захотел поговорить с тобой, ты решила уклониться от разговора. Что ж, твое поведение вполне понятно, – заметила Неззи.

– Но на самом деле мне хотелось поговорить с ним. Неззи, я хочу быть с ним. Пусть даже он разлюбил меня. Я все равно хочу быть с ним. А он ушел. Просто собрался и ушел. Но он не мог уйти далеко?! Не мог уйти... далеко...

Взглянув на нее, Неззи едва не рассмеялась.

– Неззи, как ты думаешь, он успел далеко уйти? Пешком? Я умею ходить быстро. Может, я смогу догнать его? Может, мне стоит пойти за ним и выяснить, о чем он хотел поговорить со мной? Ох, Неззи, я должна быть с ним. Я люблю его.

– Тогда иди скорей, девочка. Если он нужен тебе, если ты любишь его, догони его. Скажи ему о своих чувствах. По крайней мере, дай ему возможность высказаться.

– Ты права! – Эйла смахнула слезы тыльной стороной ладони и попыталась привести мысли в полный порядок. – Именно это я и должна сделать! – воскликнула она и бросилась к реке, прежде чем Неззи успела вымолвить хоть слово. Пробежав по каменной переправе, она поднялась на луговой, склон и остановилась. Она не знала, в какую сторону он пошел. Если ей придется искать его по следам, то пройдет целая вечность, прежде чем она догонит его.

Неззи вдруг услышала два коротких пронзительных свиста. Она с улыбкой посмотрела, как Волк стрелой пронесся к реке, Уинни наострила уши и тоже поскакала на свист, Удалец последовал за ними. Неззи взглянула за реку и увидела, что Волк уже приближается к своей хозяйке.

– Волк, найди Джондалара! Ищи Джондалара! – сказала Эйла, когда тот подбежал к ней, и подкрепила свои слова соответствующим жестом.

Покружившись по лугу, волчонок обнюхал землю и потоки воздуха и вскоре взял след. Тогда и Эйла заметила легкие следы на примятой траве и сломанные ветки. Она взлетела на спину Уинни и помчалась за ним.

Уинни легким аллюром бежала за Волком, и только теперь Эйла наконец смогла сосредоточиться и подумать о предстоящем разговоре. «Что я скажу ему? Не могу же я просто заявить, что он обещал взять меня с собой. Может быть, он и слушать меня не захочет. Что, если он вообще больше не любит меня?»

* * *

Дождь смыл слой вулканической пыли с травы и деревьев, но Джондалар шагал по лугам и рощам, совершенно не обращая внимания на красоту чудесного летнего утра. Он пока не озадачивал себя выбором правильного направления, а просто шел вдоль берега реки, но с каждым следующим шагом на душе у него становилось все тяжелее.

«Почему я ушел без нее? Почему путешествую один? Может быть, мне надо вернуться и предложить ей отправиться со мной? Но она не захочет пойти с тобой. Она – мамутой. Она осталась со своим племенем. Она выбрала Ранека... Но разве ты дал ей возможность

выбрать? – Неожиданно он остановился, вспомнив последние слова Мамута. – Как это Мамут сказал? Он что-то упоминал про выбор... „Выбор не может быть сделан, если его не существует“. Что же он имел в виду?»

Джондалар раздраженно встряхнул головой, и неожиданно его осенило, он все понял: «Я не предоставил ей возможность выбора. Эйла не оказывала предпочтения Ранеку, по крайней мере сначала. Возможно, в тот вечер, на празднике ее Удочерения, у нее еще был выбор... или все-таки не было? Она же была воспитана в клане. Никто не говорил ей, что она вправе выбрать мужчину. А потом я отстранился от нее. Почему я ушел, не дав ей возможность сделать выбор? Потому что она не захотела разговаривать со мной...

Нет, потому что ты боялся, что она откажет тебе, – продолжал Джондалар мысленный спор с самим собой. – Перестань обманывать себя. Ты слишком долго раздумывал, и она в конце концов обиделась и решила больше не разговаривать с тобой. А ты просто боялся, что она предпочтет другого. Потому-то ты и не настоял на разговоре. Ты не дал ей возможности выбора. Что хорошего в такой неопределенности?

Может, лучше все же вернуться и выяснить, чего она хочет? По крайней мере, сделать ей предложение? Но что ты скажешь ей? Она готовится к Брачному ритуалу. Да и что ты предложишь ей? Что ты можешь предложить?

Ты можешь сказать ей, что готов остаться с ней. Можешь даже сказать, что готов жить вместе с ней и Ранеком. Но сможешь ли ты жить в таком союзе? Сможешь ли делить ее с Ранеком? Если она примет твое предложение только на таких условиях, сможешь ли ты остаться здесь и делить ее с другим женщиной?»

Джондалар стоял неподвижно, закрыв глаза и нахмутив брови.

«Только если у меня не будет другого выбора. Но больше всего мне хочется, чтобы она ушла со мной, чтобы мой родной дом стал ее домом. Ведь мамутой приняли ее, значит и зеландонии могут поступить так же. Конечно, кто-то может быть не согласен, но наверняка не все. Однако я не могу обещать ей этого.

У Ранека есть Львиная стоянка и много других родственников. А что можешь предложить ты, если даже не знаешь, как отнесется к ней твое племя, твои родственники? Может, они откажутся принять не только ее, но и тебя? Ты не можешь предложить ей ничего, кроме себя.

Если я могу предложить ей только это, то что мы будем делать, если мое племя не примет нас? Мы можем уйти жить в другие места. Можем даже вернуться сюда. – Он озабоченно нахмурился, представив себе эти бесконечные странствия. – Может быть, стоит предложить ей остаться и обосноваться здесь навсегда. Тарнег говорил, что ему нужен хороший кремневый мастер на его новую стоянку. Но ведь еще есть Ранек? И самое главное, чего хочет сама Эйла? Что, если я больше не нужен ей?»

Джондалар был настолько поглощен своими мыслями, что даже не услышал глухого перестука копыт, вздрогнув от неожиданности, когда Волк обогнал его.

– Волк? Откуда ты взялся?.. – Он оглянулся и поначалу не поверил своим глазам, увидев Эйлу, соскользнувшую со спины Уинни.

Она медленно шла к нему, растеряв всю свою смелость и решительность, и ужасно боялась, что он опять отвернется от нее. Что она должна сказать ему? Возможно, он даже слушать ее не захочет? Что она может сделать, чтобы заставить его выслушать ее? Неожиданно ей вспомнились далекие бессловесные дни, та другая жизнь, когда ее учили, какую позу она должна принять, если хочет, чтобы мужчина выслушал ее. С легкостью и изяществом, достигнутыми многолетней практикой, она опустилась перед ним на землю и склонила голову в ожидании.

Изумленно глядя на нее, Джондалар не сразу сообразил, чего она хочет, но затем вспомнил. Это была особая поза. Раньше, когда ей хотелось сообщить ему нечто важное, но не хватало слов, она всегда использовала этот клановый знак. Но почему она решила перейти к языку клана сейчас? Неужели то, что она хочет сообщить ему, настолько важно?

– Вставай, – смущенно сказал он. – Теперь эта поза тебе не нужна, ты все можешь сказать словами.

Вспомнив, как он должен ответить ей, Джондалар положил руку на ее плечо. Тогда Эйла подняла голову и взглянула на него полными слез глазами. Опустившись на колено, он стер слезы с ее щек.

– Эйла, что с тобой? Зачем ты догнала меня?

– Джондалар, вчера ты хотел поговорить со мной о чем-то, но я отказалась выслушать тебя. А теперь я хочу сказать тебе что-то. Мне трудно говорить об этом, но я хочу, чтобы ты выслушал меня. Вот

почему я именно так попросила тебя об этом. Ты позволишь мне высказаться?

Сердце его озарилось надеждой, он так разволновался, что не мог вымолвить ни слова, а просто кивнул и взял ее за руку.

– Когда-то ты хотел, чтобы я ушла с тобой, – начала она, – а мне не хотелось покидать мою долину. – Она глубоко вздохнула. – Теперь я согласна отправиться с тобой хоть на край света. Когда-то ты говорил, что любишь меня, что я нужна тебе. Теперь я думаю, что ты разлюбил меня, но я все равно хочу уйти с тобой.

– Встань, Эйла, пожалуйста, – сказал он, помогая ей подняться. – А как же Ранек? Я думал, ты любишь его? – спросил он, продолжая удерживать ее в своих руках.

– Я не люблю Ранека. Я люблю тебя, Джондалар. Я никогда не перестану любить тебя. Я не знаю, в чем моя вина... Не знаю, почему ты перестал любить меня.

– Ты любишь меня? Ты все еще любишь меня? О Эйла, моя Эйла! – воскликнул Джондалар, прижимая ее к себе.

Слегка отстранившись, он сияющими от любви глазами жадно вглядывался в ее лицо, словно впервые видел его. Эйла потянулась к нему, и их губы слились в поцелуе. Наконец он и она соединились в пламенном и нежном объятии, стора от любви и исполненные страстного желания. Эйла не могла поверить, что он так пылко обнимает ее, что закончились все ее несчастья и она по-прежнему любима и желанна. Глаза ее наполнились слезами, но она старалась сдерживать их, боясь, что он вновь неправильно истолкует это. Но потом, забыв о сдержанности, она дала волю своим чувствам.

Он взглянул на ее удивительно красивое лицо:

– Ты плачешь, Эйла?

– Но только потому, что люблю тебя. Я плачу от счастья. Ты так давно не обнимал меня. О Джондалар, я даже не представляла, как сильно люблю тебя.

Он целовал ее глаза, ее слезы, ее губы, чувствуя, как они податливо и мягко открываются ему навстречу.

– А я не могу поверить, что ты со мной, – сказал он. – Я думал, что навсегда потерял тебя, и знал, что сам виноват в этом. Я люблю тебя, Эйла. Я никогда не перестану любить тебя, хотя я понимаю, почему ты усомнилась в моей любви.

– Ты хотел забыть меня, правда?

Он закрыл глаза, и лицо его исказилось от этой горькой правды. Решив быть честным до конца, он кивнул:

– Да, я стыдился своей любви потому, что ты жила в клане, и я простить себе не могу того, что стыдился любимой женщины. Ни с кем я не был так счастлив, как с тобой. Пока мы жили с тобой вдвоем, моя любовь не подвергалась испытаниям и все было прекрасно. Но когда мы стали жить на Львиной стоянке... мне было стыдно всякий раз, как ты начинала рассказывать что-то о клане. И я постоянно боялся, что ты можешь рассказать лишнее... и тогда все узнают, что я люблю женщину, которая дала жизнь... выродку. – Он с трудом мог выговорить это слово. – Мне часто говорили, что любая женщина с радостью примет мое предложение. Все твердили, что ни одна женщина не сможет отказать мне, даже Сама Великая Мать. И это было похоже на правду. Только они не понимали, что ни к одной женщине я не испытываю серьезных чувств. Я и сам не понимал этого, пока не встретил тебя. Но я все думал: что скажут мои соплеменники, если я приведу тебя домой? Ведь они привыкли считать меня любимцем женщин. И что я смогу ответить, если они спросят: «Джондалар, почему же ты привел домой мать плоскоголового... выродка?» Я боялся, что мне придется делать выбор между тобой и моими соплеменниками.

Эйла, сосредоточенно нахмурившись, слушала его. Ее глаза были устремлены в землю.

– Я не понимала этого. Конечно, тебе предстоит принять трудное решение.

– Эйла, – сказал Джондалар, ласково приподнимая ее голову, чтобы она взглянула на него, – я люблю тебя. Может быть, только сейчас до меня по-настоящему дошло, как ты необходима мне. Не только потому, что ты любишь меня, но потому, что я люблю тебя. Теперь я знаю, каким будет мой выбор. Ты для меня важнее всех людей на свете. Самое главное, чтобы ты была со мной. – (Ее глаза вновь наполнились слезами, и она изо всех сил старалась сдерживать их.) – Если ты захочешь остаться здесь и жить с племенем мамутой, я тоже останусь и стану мамутой. Если ты захочешь жить не только со мной... я готов делить тебя с Ранеком.

– А сам ты хочешь этого?

– Если ты хочешь... – начал было Джондалар, но вдруг вспомнил слова Мамута. Может, ему стоит предоставить ей право выбора, прямо сказав, что он хочет? – Я хочу быть с тобой, это самое главное, поверь мне. Я согласен остаться здесь, если тебе этого хочется. Но если бы у меня был выбор, то я предложил бы тебе отправиться со мной в мои родные края.

– Отправиться к твоим родственникам? А ты больше не стыдишься меня? Не стыдишься того, что я жила в клане и родила Дарка?

– Нет. Я совсем не стыжусь тебя. Я горжусь тобой. И я стал по-другому относиться к клану. Ты и Ридаг заставили меня понять нечто очень важное, и, возможно, настало время попытаться объяснить это другим людям. Я узнал так много нового, и мне хочется поделиться с моим племенем. Я хочу показать им копье-металку, рассказать о том, как Уимез обрабатывает камень, о твоих огненных камнях и о швейной игле, показать этих лошадей и Волка. Возможно, узнав все это, они более охотно прислушаются к моим словам и я смогу убедить их, что люди клана – такие же дети Матери Земли, как и мы.

– Да, Пещерный Лев действительно твой тотем, Джондалар, – сказала Эйла.

– Ты уже говорила об этом раньше. Но почему ты так уверена в этом?

– Помнишь, я сказала тебе, что с таким могущественным тотемом трудно жить? Его испытания очень тяжелые, однако его дары, то есть то, что выносишь из этих испытаний, оказываются также очень ценными. Тебе удалось выдержать тяжелые испытания, но разве ты сожалеешь об этом? Этот год был очень трудным для нас обоих. Я тоже узнала много нового о себе и о Других. Теперь я больше не боюсь их. А ты узнал много о себе и о людях клана. По-моему, ты тоже боялся их, хотя я не понимаю причин твоего страха. Теперь ты преодолел его. Пещерный Лев – это тотем клана, и я надеюсь, что ты больше не испытываешь ненависти к его людям.

– Наверное, ты права. Если то, что я был избран таким тотемом клана, как Пещерный Лев, делает меня в твоих глазах более достойным, то я очень рад этому. Мне нечего предложить тебе, Эйла, кроме самого себя. Я не могу обещать, что мы будем жить среди моих родственников. Не могу дать такого обещания потому, что не знаю, примут ли тебя зеландонии. Если нет, то нам придется снова отправиться в странствия.

Если захочешь, я стану мамутой, но все-таки я предпочел бы познакомить тебя с моим племенем и предоставить зеландонии возможность выяснить, почему Дони свела нас с тобой.

– Это похоже на предложение, – сказала Эйла. – До сих пор ты ни разу не предлагал мне совершить Брачный ритуал. Ты просил меня уйти с тобой, но никогда не просил стать хранительницей нашего очага.

– О Эйла, Эйла, по-моему, я совсем потерял голову! Сам не знаю, почему я считал само собой разумеющимся, что ты уже и так все поняла? Возможно, потому, что ты понимаешь все гораздо лучше меня, что ты так многому и так быстро научилась, я забыл о том, что все это для тебя в новинку. По-моему, мне тоже надо использовать твою молчаливую позу и попытаться высказать то, на что мне не хватает слов.

С довольной и счастливой улыбкой он опустился перед ней на одно колено. Его поза, конечно, не совсем повторяла клановую, он не стал скрещивать ноги и склонять голову, а весело взглянул на Эйлу. Она была явно смущена и испытывала неловкость, что порадовало его, поскольку он сам всегда испытывал те же чувства, когда она обращалась к нему подобным образом.

– Что ты делаешь, Джондалар? Мужчинам не положено так делать. Им не нужно спрашивать разрешения, когда они хотят что-то сказать.

– Но я хочу спросить тебя, Эйла. Согласна ли ты пойти со мной, чтобы Зеландони решила нашу судьбу? Согласна ли ты стать хранительницей нашего очага и нарожать мне много детей?

Эйла опять начала плакать, хотя понимала, что глупо постоянно лить слезы от счастья.

– Джондалар, я никогда не мечтала ни о чем другом. И я отвечаю «да» на все твои предложения. А теперь, пожалуйста, встань.

Поднявшись с земли, он обнял ее, чувствуя себя счастливее всех на свете. Он поцеловал ее и крепко прижал к себе, словно боялся, что она вдруг может исчезнуть, боялся, что может потерять ее, ведь совсем недавно он был почти уверен в этом. Он вновь поцеловал ее, и чем глубже осознавал ее присутствие, тем более пылкими становились его объятия. Она почувствовала это, и ее тело с готовностью откликнулось на его призыв. Но сегодня ему не хотелось спешить. Он хотел, чтобы они оба испытали полное и совершенное наслаждение. Отступив в сторону, он скинул заплечный мешок, все еще давивший на его спину,

достал из него кожаную подстилку и расстелил ее на траве. Волчонок тут же запрыгнул на нее, видимо решив, что сейчас наконец с ним поиграют.

– Может быть, ты пока сбегаешь поохотиться? – сказал Джондалар Волку и улыбнулся Эйле.

Она приказала Волку уйти и тоже улыбнулась Джондалару. Он опустил на подстилку и протянул к ней руки. Истосковавшая по его ласкам, она присоединилась к нему, уже охваченная горячим и трепетным желанием.

Покрывая легкими поцелуями ее лицо, он нежно сжимал ее груди, ощущая их знакомую и сладостную полноту даже через тонкий материал туники и пробуждая в Эйле еще более сладостные воспоминания. Она быстро сняла свою тунику. Он обнял ее за плечи, и через мгновение она уже лежала на кожаной подстилке, и их губы слились в жарком поцелуе. Он ласкал рукой ее грудь, поигрывая соском, а его влажный и теплый рот накрыл другой сосок. Застонав от этого тянущего ощущения, она почувствовала, как горячие волны желания докатились до сокровенных глубин ее женского естества, истосковавшегося по его любви. Она сжала его плечи, пробежала ладонями по рукам и широкой спине и, обнимая его за шею, погрузила пальцы в волнистые волосы, на мгновение удивившись отсутствию туго закрученных спиралей. Однако эта мысль исчезла так же быстро, как появилась.

Он вновь поцеловал Эйлу, мягко раздвигая языком ее губы. Она ответила ему тем же, вспомнив, что его прикосновения никогда не были чрезмерно грубыми или страстными, но всегда – чувственными и возбуждающими. Она наслаждалась как этими воспоминаниями, так и их реальным воплощением. Все было почти как в первый раз, она вновь открывала его для себя и вспоминала, как хорошо он знал ее тело. Сколько бессонных ночей провела она, тоскуя по Джондалару!

Вкусив всю сладость этого глубокого и нежного поцелуя, он пощекотал языком ее щеку, пробежал по шее. Целуя и слегка покусывая ее плечи, он продолжал эту любовную игру, касаясь самых чувствительных мест ее тела. Неожиданно он вновь припал губами к ее соску. Она тихо ахнула, потрясенная силой вдруг вспыхнувшего желания. Он поочередно посасывал ее соски, и Эйла, задыхаясь, постанывала от удовольствия.

Приподнявшись, Джондалар окинул ее долгим взглядом и закрыл глаза, словно хотел запечатлеть в памяти ее образ. Вновь открыв их, он увидел, что она, улыбаясь, смотрит на него.

– Я люблю тебя, Джондалар, и мне так не хватало твоей близости.

– О Эйла, я весь истомился, тоскуя по тебе, и тем не менее едва не отказался от тебя. Это просто какое-то безумие, ведь я так сильно люблю тебя.

Он вновь начал целовать Эйлу, так крепко прижимая к себе, словно все еще боялся потерять ее. Она прижалась к нему с той же пылкостью. И они оба почувствовали, что больше не в силах сдерживать свои желания. Продолжая ласкать ее груди, он развязал ее пояс. Приподняв бедра, она сняла свои летние короткие штаны, а Джондалар спешно разоблачался, срывая с себя одежду.

Обняв Эйлу за талию, он прижался лицом к ее животу и спустился ниже, целуя мягкий покров ее лобка. Оторвавшись на мгновение, он раздвинул ее ноги и, удерживая их обеими руками, восхищенно взглянул на уходящие в глубину розовые складочки, напоминавшие влажные цветочные лепестки. И подобно пчеле, его губы припали к их сладостному нектару. Она вскрикнула и прогнулась ему навстречу, а он исследовал языком каждый лепесток, покусывая, щекоча и посасывая все складочки и бугорки и упиваясь тем, что может наконец доставить ей наслаждение, разделить с ней дары Радости, о которых он мечтал в бесконечном одиночестве ночей.

Он вновь обрел Эйлу. Это была его Эйла. Это был ее вкус, ее сладостная влага, и его отвердевшая мужская плоть также была полна животворных соков. Ему не хотелось спешить, хотелось продлить ее наслаждение, но на сей раз не выдержала она. Ее дыхание стало прерывистым и частым, она стонала и задыхалась, выкрикивая его имя. Потянувшись к нему, она нашла его восставшего кудесника и направила его в теплые недра своего лона.

С глубоким вздохом он проник в нее, все глубже и глубже погружая свое большое копье, пока все оно не скрылось полностью. Это была его Эйла. Это была женщина, созданная для него, только она могла полностью вместить его. Он помедлил немного, наслаждаясь ее жарким объятием. И это невероятное наслаждение повторялось каждый раз, с самого начала, с их первой ночи. Каким же он был безумцем, если собирался отказаться от нее! Великая Мать создала Эйлу специально

для него, чтобы они в полной мере могли оценить Ее дары, чтобы они могли радовать Ее, деля дары Радости, которыми Она благословила их.

Его тело ритмично двигалось, и он чувствовал, что она также движется ему навстречу. Скорость их движений постепенно нарастала, и, когда он понял, что больше не может сдерживать себя, ее страстный крик тоже прорвался наружу, и они слились в последнем тесном объятии, одновременно вознесенные волной чувственного возбуждения к острому и трепетному пику блаженства и освобождения.

Эта кульминация традиционно завершилась отдыхом, который также был частью любовного ритуала. Эйла любила ощущать на себе усталую тяжесть его тела. Эта тяжесть никогда не казалась ей чрезмерной, а только приятной. Обычно он поднимался даже немного раньше, чем ей хотелось. Она вдыхала их смешанные запахи, с улыбкой вспоминая только что пережитое наслаждение. Все совершенство этих даров Радости она ощущала именно в минуты отдыха, когда он еще не покинул ее.

Джондалар лежал на ней, наслаждаясь ощущением округлых изгибов ее талии, осознавая, как давно, как безумно давно он не испытывал такого счастья. Но она любила его. Как ее любовь могла выдержать такие тяжелые испытания? Наверное, ему просто ужасно повезло! Никогда, никогда он больше не отпустит ее от себя!

Наконец оторвавшись от нее, он сел на подстилку и с улыбкой посмотрел на Эйлу.

– Джондалар, – немного погодя обратилась к нему Эйла.

– Что?

– Давай пойдем искупаемся. Река совсем близко. Давай поплаваем, как когда-то в нашей долине, а уж потом поедem на Волчью стоянку.

Присев рядом с ней, он улыбнулся.

– С удовольствием! – согласился он и, мгновенно встав на ноги, помог ей подняться. Волчонок тоже вскочил и завилял хвостом.

– Да-да, ты можешь пойти с нами, – сказала она ему, когда они, захватив свои вещи, направились к реке. Волк с готовностью последовал за ними.

Поплавав, они помылись и поиграли с Волком на мелководье, а лошади тем временем успели как следует подкрепиться сочной травой и отдохнуть от людской толпы. Одевшись, Эйла и Джондалар почувствовали себя взбодрившимися, но голодными.

– Джондалар, – сказала Эйла, подходя к лошадям.

– Да!

– Давай поедем вместе на Уинни. Я еще не успела толком насладиться твоей близостью.

* * *

Всю обратную дорогу Эйла обдумывала свой разговор с Ранekom. Она с радостью оттянула бы его, но понимала, что это невозможно. Когда они прибыли, он уже поджидал ее, и вид у него был явно недовольный. Он долго искал Эйлу. Все мамутои, и в особенности сами участники, тщательно готовились к вечернему Празднику Брачного ритуала. Естественно, ему не понравилось, что они вдвоем едут на Уинни, а Удалец налегке плетется следом.

– Где ты была? Тебе давно пора одеваться.

– Я должна поговорить с тобой, Ранек.

– У нас нет времени на разговоры, – сказал он, в его глазах промелькнуло отчаяние.

– Прости, Ранек. Нам необходимо поговорить. Я сейчас вернусь, и мы найдем место, где нам никто не помешает.

Ему ничего не оставалось, как только неохотно согласиться. Забежав в палатку, Эйла вынула что-то из своего мешка. Они пошли вниз по тропинке к реке, а потом вдоль берега. Наконец Эйла остановилась и, сунув руку за отворот платья, достала фигурку женщины, превращающейся в птицу, – статуэтку Мут, которую Ранек вырезал для нее.

– Я должна вернуть это тебе, Ранек, – сказала Эйла, протягивая ему фигурку.

Ранек отпрянул, словно боялся обжечься.

– Что это значит? Ты не должна возвращать мне ее! Она необходима тебе как будущей хранительнице очага. Она понадобится тебе во время нашего Брачного ритуала, – прерывающимся от волнения голосом сказал он.

– Именно поэтому я и должна вернуть ее. Я не могу стать хранительницей твоего очага. Я ухожу.

– Уходишь? Ты не можешь уйти, Эйла. Мы с тобой обменялись Обещаниями. Все уже готово к церемонии. Вечером будет большой праздник. Ты ведь приняла мое предложение. Я люблю тебя, Эйла! Неужели ты не понимаешь? Я люблю тебя! – С каждой фразой голос Ранека становился все более напряженным и отчаянным.

– Я знаю, – мягко сказала Эйла. Ей было тяжело видеть мучительную боль в его глазах. – Я помолвлена, и все уже организовано... Но я должна уйти.

– Но почему? Почему именно сейчас, так внезапно? – сдавленно спросил Ранек, едва не срываясь на крик.

– Потому что мы должны уйти как можно скорее, чтобы не упустить хорошее время. Ведь нам предстоит долгий путь. Я уйду с Джондаларом. Я люблю его. Я никогда не переставала любить его. Мне казалось, он разлюбил меня...

– Все ясно, я был достаточно хорош, пока ты думала, что он разлюбил тебя? Вот, значит, как получается! – сказал Ранек. – И все время, что мы провели вместе, ты не переставала мечтать о нем. Ты совсем не любила меня.

– Я хотела полюбить тебя, Ранек. Я старалась... Ты мне очень нравишься. И я не всегда думала о Джондаларе, когда была с тобой. Я не раз была с тобой счастлива.

– Но не всегда. Я был недостаточно хорош. Ты – само совершенство, но я не всегда был идеальным партнером.

– Я никогда не искала идеального партнера. Я люблю его, Ранек. Как долго ты смог бы любить меня, зная, что я люблю другого?

– Я любил бы тебя до самой смерти, Эйла, и унес бы эту любовь в иной мир. Неужели ты не понимаешь? Я больше никогда и никого не смогу полюбить так, как люблю тебя. Пожалуйста, не покидай меня.

Этот темнокожий, необыкновенно привлекательный человек молил ее остаться со слезами на глазах; никогда в жизни никто не слышал мольбы в его голосе. Эйла чувствовала, как ему больно, и хотела бы облегчить эту боль, если бы знала, как это сделать. Но она не могла дать ему то единственное, что ему было нужнее всего. Она не могла любить его так, как любила Джондалара.

– Прости, Ранек. Пожалуйста. Возьми Мут. – Она вновь протянула ему статуэтку.

– Оставь ее себе! – сказал он, вложив в эти слова всю злость и досаду, на которые был способен. – Может быть, я недостаточно хорош для тебя, но и ты тоже не нужна мне. Любая женщина мамутой с радостью примет мое предложение. Уходи, уезжай вместе со своим кремневым мастером. Мне совершенно все равно.

– Я не могу оставить ее себе, – сказала Эйла, опустив фигурку на землю возле его ног.

Она опустила голову и направилась в сторону лагеря. С болью в сердце она брела обратно вдоль берега реки, понимая, какие страдания причинила Ранеку. Сама того не желая, она очень сильно ранила его и предпочла бы объяснить свой уход любыми другими причинами, если бы знала, что это уменьшит его мучения. Эйла надеялась, что никогда больше ее не полюбит мужчина, которому она не сможет ответить тем же.

– Эйла! – крикнул Ранек. Она обернулась и подождала, пока он догонит ее. – Когда вы отправляетесь?

– Как только я уложу свои вещи.

– Я сказал неправду, ты понимаешь. Конечно, мне не все равно...

Его лицо было искажено страданием и горем. Эйле очень хотелось обнять и утешить его, но она боялась, что это вселит в него надежду.

– Я всегда знал, что ты любишь его, с самого начала, – произнес Ранек. – Но я так сильно любил тебя, так хотел жить с тобой, что старался не замечать этого. Я старался убедить себя, что ты любишь меня, и надеялся, что со временем желаемое станет реальностью.

– Ранек, мне очень жаль, – сказала она. – Я могла бы полюбить тебя, если бы уже не любила Джондалара. Я надеялась, что смогу быть счастливой с тобой. Ты был так добр ко мне, и мне так нравились твои шуточки. И ты знаешь, я на самом деле люблю тебя. Не так, как тебе хочется, но я всегда буду любить тебя.

Взгляд его черных глаз был полон мучительной боли.

– Я никогда не смогу разлюбить тебя, Эйла. Никогда не смогу забыть тебя. Эту любовь я унесу с собой в могилу, – печально сказал Ранек.

– Не говори так! Ты заслуживаешь настоящего счастья.

Он рассмеялся горьким отрывистым смехом:

– Не волнуйся, Эйла. У меня пока нет желания умирать. По крайней мере, оно не настолько сильно, чтобы осуществить его. И со

временем я смогу найти другую женщину, которая станет хранительницей нашего очага и родит мне много детей. Возможно, я даже полюблю ее. Но ни одна женщина не сможет заменить тебя. То большое чувство, которое ты пробудила во мне, не сможет пробудить никакая другая женщина. Такая любовь бывает лишь раз в жизни.

Они медленно пошли обратно в лагерь.

– Возможно, это будет Треси? – предположила Эйла. – Она любит тебя.

Ранек кивнул:

– Возможно. Если она выберет меня. Теперь у нее есть сын, и ее статус значительно повысился. Хотя она и раньше была завидной невестой.

Эйла остановилась и серьезно взглянула на Ранека:

– Я думаю, что Треси выберет тебя. Сейчас она обижена, но только потому, что очень сильно любит тебя. И знаешь, я хочу, чтобы ты понял кое-что. Ее сын Ралев – также и твой сын, Ранек.

– Ты имеешь в виду, что он сын моего духа? – озадаченно нахмурившись, уточнил Ранек. – Тогда, скорее всего, ты права.

– Нет. Я не имею в виду, что он – сын твоего духа. Я действительно считаю, что Ралев – твой сын. Ранек, он унаследовал твою плоть и кровь, твою сущность. Ты и Треси, вы оба по праву можете считаться его родителями. Треси зачала его именно благодаря твоим животворным сокам, когда вы с ней делили дары Радости.

– Кто тебе сказал, что я делил с ней дары Радости? – спросил Ранек, испытывая легкое смущение. – Да, в прошлом году она была красноножкой и очень старательно выполняла свои обязанности.

– Я сама поняла это, потому что родился Ралев, и он – твой сын. Именно так зарождается новая жизнь. И именно для этого Великая Мать предназначила дары Радости. В них заключены жизненные начала. Я знаю это, Ранек. Уверяю тебя, что это правда, и никто не сможет поколебать моей убежденности, – сказала Эйла.

Ранек сосредоточенно нахмурился. Ее слова разрушали традиционные представления. Женщины были матерями. Они рожали детей: сыновей и дочерей. Но может ли и мужчина считать какого-то ребенка своим? Как может быть Ралев его сыном? И однако, Эйла утверждает это. Значит, так оно и есть. Ей открыта сущность Мут. Она

может общаться с миром духов. Возможно, она даже является воплощением Великой Матери.

* * *

Джондалар еще раз проверил, хорошо ли закреплены корзины, и повел Удальца к прибрежному спуску, где Эйла прощалась с Мамутом. Уинни, уже нагруженная в дорогу, терпеливо ждала в сторонке, но Волк встревоженно сновал между людьми, словно знал, что происходит нечто совсем необычное.

Когда Эйле пришлось покинуть клан, она очень горевала, расставшись с любимыми людьми, но тогда у нее не было другого выбора. Гораздо труднее оказалось добровольно проститься с обитателями Львиной стоянки, сознавая, что она больше никогда не увидит их. За этот день Эйла уже пролила много слез, и ей казалось, что их источник должен давно иссякнуть, но глаза ее увлажнялись всякий раз, когда она прощалась с очередным другом.

– Талут, – всхлипывая, проговорила она, обнимая большого рыжебородого вождя, – я когда-нибудь говорила тебе, что именно смех заставил меня решиться погостить у вас? Я так боялась Других, что готова была одна уехать в свою долину, пока не увидела, как ты смеешься.

– А теперь ты решила заставить меня плакать, Эйла. Мне очень не хочется, чтобы ты уезжала.

– Я давно плачу, – сказала Лэти. – Мне тоже не хочется, чтобы ты уезжала. Помнишь, как ты впервые позволила мне погладить Удальца?

– А я помню, как она впервые посадила Ридага на спину Уинни, – сказала Неззи. – Мне кажется, это был самый счастливый день в его жизни.

– Я буду скучать и по твоим лошадям тоже, – причитала Лэти, прижимаясь к Эйле.

– Не расстраивайся так, Лэти. Возможно, когда-нибудь ты сможешь сама вырастить и воспитать жеребенка, – попыталась утешить ее Эйла.

– Я тоже буду скучать по этим лошадам, – грустно добавила малышка Руги.

– Тогда, может, и ты воспитаешь жеребенка. – Эйла взяла девочку на руки и крепко прижала ее к себе. – Ох, Неззи, – со слезами в голосе сказала Эйла, – не представляю, как мне отблагодарить тебя за все... Ты знаешь, что я потеряла мать, когда была совсем маленькой, но мне удивительно повезло. Вместо нее у меня появились две матери. Иза заботилась обо мне в детстве, а ты заменила мне мать, когда я уже стала молодой женщиной, но еще очень нуждалась в материнской заботе.

– Вот, держи, – сказала Неззи, протягивая ей объемистый сверток и стараясь сдержать невольно бегущие по щекам слезы. – Это твой наряд. Мне хочется, чтобы ты надела его на твою свадьбу с Джондаларом. Я тоже любила его как сына. А ты стала мне дочерью.

Эйла еще раз обняла Неззи и взглянула на ее родного сына, уже ставшего крепким и рослым юношей. Когда она обняла Дануга, он ответил ей пылким объятием, отбросив всякое смущение. Она почувствовала зрелость его мужской силы, жар его тела и заметила, как игриво блеснули его глаза, когда он прошептал:

– Я так надеялся, что ты станешь моей наставницей, ты была бы неотразимо привлекательной с красными пятками.

Она слегка отстранилась и с улыбкой посмотрела на него:

– Дануг! По-моему, у тебя великолепные задатки! Мне бы хотелось остаться, чтобы посмотреть, не превзойдешь ли ты самого Талута.

– Возможно, когда я стану постарше, то отправлюсь в дальнейшее путешествие и зайду навестить вас!

Затем она обняла Уимеза, ища взглядом Ранека, но его не было поблизости.

– Мне очень жаль, что все так вышло, Уимез.

– Мне тоже жаль. Я хотел, чтобы ты осталась с нами. И надеялся, что увижу детей, которых ты принесешь его очагу. Но я рад за тебя, Джондалар – хороший человек. Пусть Великая Мать пошлет вам удачу в этом Путешествии.

Эйла взяла Хартала из рук Трони, и он порадовал ее душу заливистым смехом. Затем Манув поднял Нуви, чтобы она поцеловала Эйлу.

– Она осталась с нами только благодаря тебе, – сказал он.

Эйла поочередно обняла Манува, Трони и Торнека, прощаясь со всем семейством этого очага.

Фребек держал на руках Бекти, пока Эйла давала последние наставления и прощалась с Фрали и ее сыновьями. Затем она обняла Крози. В первый момент та держалась натянуто, хотя была очень взволнована, и Эйла чувствовала это. Но затем эта старая женщина крепко обняла ее, пряча блеснувшие в глазах слезы.

– Не забудь, как изготавливают белую кожу, – с напускной суровостью проговорила она.

– Не забуду, я взяла это платье с собой, – ответила Эйла, а затем добавила с хитрой улыбкой: – А ты, Крози, тоже должна кое-что запомнить. Никогда не играй в кости с членами Мамонтового очага.

Крози недоуменно посмотрела на нее, но, когда Эйла повернулась к Фребеку, понимающе усмехнулась. Волчонок крутился вокруг них, и Фребек почесал его за ушами.

– Я буду скучать по этому животному, – сказал он.

– А это животное, – с многозначительной улыбкой заметила Эйла, сердечно обнимая его, – похоже, будет скучать по тебе.

– Я тоже буду скучать по тебе, Эйла, – добавил он.

Затем Эйла обнаружила, что ее окружили обитатели очага Зубра. Ближе всех к ней оказался Барзек со всеми детьми. Тарнег тоже был там со своей женщиной. Бранаг стоял рядом с Диги. Наконец Эйла подошла к ней, и подруги, вновь расплакавшись, бросились в объятия друг друга.

– Ты не представляешь, Диги, как трудно мне расстаться с тобой. Наверное, тебя мне будет не хватать больше всех. – Эйла глубоко вздохнула. – У меня никогда не было такой замечательной подруги, как ты, не было ровесницы, которая могла бы понять меня.

– Я знаю, Эйла. Мне до сих пор не верится, что вы уходите. Как жаль, теперь мы не узнаем, кто из нас первой родит ребенка.

Эйла слегка отстранилась и, оценивающе взглянув на Диги, улыбнулась:

– Ты будешь первой, дорогая. Ты уже беременна.

– Правда? Я подозревала об этом! А ты действительно так думаешь?

– Да. Я более чем уверена.

Заметив Винкавека, стоявшего рядом с Тули, Эйла подошла к нему и слегка коснулась его татуированной щеки.

– Признаться, ты удивила меня, – заявил он. – Я и подумать не мог, что он будет твоим избранником. Однако у каждого свои слабости, – добавил он, выразительно глянув на Тули.

Винкавека огорчило, что его истолкование данной ситуации было так далеко от истины. Он совершенно не брал в расчет этого высокого белокурого мужчину и был немного обижен на Тули, которая приняла подаренный им янтарь, сознавая, что его надеждам скорее всего не суждено сбыться. Хотя он и понимал, что практически заставил ее принять этот подарок. Его последняя фраза содержала намек на то, что у Тули была слабость к янтарю и, приняв его, она поступила не совсем честно. Поскольку он был преподнесен якобы в качестве подарка, она не могла теперь вернуть его, и своим язвительным замечанием он постарался отомстить ей.

Взглянув на Винкавека и убедившись, что он наблюдает за ней, Тули подошла к Эйле и с искренней сердечностью обняла молодую женщину.

– У меня тоже есть кое-что для тебя. Я уверена, все согласятся, что эти вещицы прекрасно подойдут тебе, – сказала она, кладя на ладонь Эйлы пару замечательно красивых янтарей. – Они отлично дополнят твой свадебный наряд. Если захочешь, ты можешь сделать из них пару ушных подвесок.

– О Тули! – воскликнула Эйла. – Это слишком шикарный подарок. Они такие красивые!

– Ты достойна такого подарка. Это предназначалось именно тебе, – сказала Тули, торжествующе взглянув на Винкавека.

Эйла заметила, что Барзек одобрительно улыбается и Неззи согласно кивает.

Джондалару тоже трудно было покидать Львиную стоянку. Они так доброжелательно относились к нему все это время, и он по-настоящему полюбил их. Прощаясь с ними, он не раз смахивал слезы с глаз. Напоследок он пошел поговорить с Мамутом. Они обнялись, соприкоснувшись щеками, затем к ним присоединилась и Эйла.

– Я хочу поблагодарить тебя, Мамут, – сказал Джондалар. – Помоему, ты с самого начала знал, какое трудное испытание мне предстоит пройти. – (Старый шаман понимающе кивнул.) – Но кроме того, я очень многому научился у тебя и у всех мамутои. Я понял, что является главным и существенным, а что – второстепенным и

поверхностным, и узнал глубину моей любви к Эйле. У меня не осталось никаких сомнений или страхов. Я готов защищать ее как от моих злейших врагов, так и от лучших друзей.

– Я скажу тебе, Джондалар, еще кое-что, о чем ты должен знать, – заметил Мамут. – Мне было известно с самого начала, что ваши судьбы связаны, а когда взорвалась огненная гора, я понял, что Эйла скоро уйдет вместе с тобой. Однако запомни мои слова. Никто не знает, как велико предназначение Эйлы. Великая Мать избрала ее, и жизнь ее будет полна трудностей, впрочем, как и твоя. Ей необходима будет твоя защита, но сила твоей любви поможет вам победить. Поэтому тебе и суждено было пройти через это испытание. Жизнь избранных никогда не бывает легкой, но в ней также много преимуществ. Береги Эйлу, Джондалар. Ты же знаешь, что, заботясь о других, она совсем забывает о себе.

Джондалар кивнул. Затем Эйла обняла этого мудрого старца, улыбнулась и сказала:

– Как бы мне хотелось, чтобы Ридаг был с нами. Я так грущу по нему. И я тоже многое поняла за это время. Мне хотелось вернуться в клан, чтобы забрать сына, но Ридаг помог мне понять, что я должна позволить Дарку жить собственной жизнью. И даже не знаю, Мамут, как я смогу отблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня?

– Тебе не за что особенно благодарить меня, Эйла. Нашим путям суждено было пересечься. Сам того не предполагая, я ждал тебя, и ты, дочь моя, доставила мне много радости. Тебе не суждено вернуться за Дарком. Это был твой подарок клану. Дети приносят нам не только радость, но и страдания. Все они должны прожить собственную жизнь. Даже Мут когда-нибудь позволит Своим детям идти собственным путем, но может произойти нечто очень страшное, если наши потомки перестанут почитать Ее. Если мы забудем о величии нашей Матери Земли, Она лишит нас Своих щедрот и не станет больше заботиться о нас.

Сидя на лошадях, Эйла и Джондалар произнесли последние слова прощания и махнули руками. Почти весь летний лагерь собрался, чтобы проводить их и пожелать доброго путешествия. Когда они тронулись в путь, Эйла напоследок оглянулась, ища взглядом одного человека. Но Ранек уже простился с ней наедине и не хотел участвовать в этом многолюдном прощании.

Наконец Эйла увидела его, когда они спускались к переправе; он стоял в задумчивости вдалеке от всех. С огромной тяжестью на душе она остановила Уинни и помахала ему рукой.

Ранек взмахнул рукой ей в ответ, но другая его рука была прижата к груди, в ней скрывалось костяное изваяние, резная фигурка женщины-птицы. Он вложил в эту статуэтку весь свой дар, все надежды своей творческой и чувствительной души, с любовью вырезая каждый изгиб, каждую черточку этого летящего воплощения Мут. Он надеялся, что чудодейственная сила поможет привести Эйлу к его очагу, а кроме того, мечтал, что его веселые глаза и искрометный ум помогут ему завоевать ее любовь. Но сейчас, когда этот замечательный резчик, наделенный удивительным художественным даром, обаянием и юмором, смотрел, как уезжает любимая им женщина, лицо его не озарялось улыбкой, а насмешливые черные глаза были затуманены слезами.